

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Грузины

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

НАЦИОНАЛЬНАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
ГРУЗИИ

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КОМИССИЯ
ПО ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОЛОГИИ

Серия
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Основана в 1992 году

Ответственный редактор серии

В. А. ТИШКОВ

МОСКВА
НАУКА
2015

Грузины

Ответственные редакторы:

Л.К. БЕРИАШВИЛИ, Л.Ш. МЕЛИКИШВИЛИ,

Л.Т. СОЛОВЬЕВА

МОСКВА
НАУКА
2015

УДК 39
ББК 63.5
Г90

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 14-01-16030*

Ответственный секретарь серии «Народы и культуры»
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

вице-президент Национальной академии наук Грузии,
академик НАН Грузии, доктор исторических наук
РОИН МЕТРЕВЕЛИ,

академик НАН Грузии, доктор исторических наук
НАНА ХАЗАРАДЗЕ,

член-корреспондент РАН Е.И. ПИВОВАР

Грузины / отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева ;
Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Национальная ака-
демия наук Грузии ; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. –
М. : Наука, 2015. – 813 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038059-2 (в пер.).

Очередной том фундаментальной серии «Народы и культуры» посвящен историко-этнографическому исследованию грузин – одного из древнейших автохтонных народов Кавказа. В монографии рассматриваются основные этапы этнической и социально-политической истории, демографические процессы, материальная культура (жилище, одежда, оружие, система питания, средства передвижения, дороги и мосты, мореходство и др.), формы хозяйства (земледелие и система орошения, земледельческие орудия труда, агротехнические приемы, огородничество, садоводство, виноградарство и виноделие, скотоводство), традиции ремесленного производства, вопросы семьи и семейного быта, система родства, свадебная обрядность, обряды жизненного цикла, общественный быт и религиозные верования, фольклор, народная музыка и музыкальные инструменты, хореография, народная медицина, профессиональная культура, а также грузинские диаспоры на сопредельных территориях (Азербайджан, Иран, Россия, Турция) и в странах Европы и Америки.

Для историков, этнологов, культурологов и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-038059-2

- © Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Национальная академия наук Грузии, Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии, 2015
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2015
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Представленное монографическое исследование серии «Народы и культуры» посвящено историко-этнографическому исследованию грузин – одного из древнейших автохтонных народов Кавказа. Территория Грузии была освоена человеком еще в глубокой древности, что подтверждается археологическими памятниками. Площадь Грузии составляет 69 300 кв. км. Она расположена в западной и центральной частях Закавказья; на севере граничит с высокими хребтами Большого Кавказа, на востоке – с Прикаспийской низменностью, на юге – с предгорьем Малого Кавказа, а с западной стороны примыкает к Черноморскому бассейну. Могучий гребень Большого Кавказа почти на 1000 м возвышается над линией вечных снегов. Перевалы лежат на высоте 2400–3000 м над уровнем моря.

В высокогорной области имеется ряд боковых ответвлений Главного Кавказского хребта – Гагринское, Кодорское, Сванетское, Сурамское, которые вместе со своими продолжениями – Гурийско-Аджарским и Месхетинским хребтами – соединяют Главный хребет с Малым Кавказским хребтом и делят Грузию на западную и восточную. Область равнин занимает пространство между Большим Кавказом и Южным нагорьем. В область равнин включается *Колхидская равнина* высотой от 0 до 300 м над уровнем моря. По Колхидской низменности разливаются множество рек, несущих свои воды к Черному морю: Кодори, Ингури, Риони, Чорохи и др. *Картлийская равнина* простирается по среднему течению Куры с ее притоками на высоте 500–700 м над уровнем моря. *Кахетинская долина* расположена к востоку от Картлийской равнины в долинах рек Иори и Алазани на высоте от 200 до 400 м над уровнем моря. Область Южного нагорья находится к югу от области равнин. Многочисленные реки Грузии (свыше 25 тыс.) относятся к Черноморскому и Каспийскому бассейнам, они имеют большое народнохозяйственное значение, так как являются источниками питьевой воды, гидроэлектроэнергии и служат целям орошения.

Климатические условия различных областей Грузии отличны друг от друга. В равнинной части Западной Грузии господствует приморский влажный, субтропический климат, в возвышенной – средиземноморский. Речные долины бассейна Куры характеризуются умеренным климатом. В области Южного нагорья преобладает умеренно-холодный климат. Главный Кавказский хребет преграждает путь холодным северным ветрам, способствуя сохранению высокого уровня температуры в Грузии, а Черное море на протяжении почти всей зимы обеспечивает постоянный приток тепла к западному побережью Грузии. Воздушные течения с Черного моря в сочетании с солнечными, минеральными, термальными и радиоактивными источниками обуславливают

высокие целебные свойства курортов Грузии. В Грузии водятся: благородный олень, тур, джейран, кабан и др. Некоторые виды фауны эндемичны для Грузии. Здесь известно до 1000 лечебных источников различной мощности и химического состава: Цхалтубо, Боржоми, Саирме, Нуниси, Набеглави и др. В географическом отношении Грузия делится на две основные части – на Западную и Восточную, отличающиеся рельефом, климатическими условиями, почвой, растительным миром, а также родом хозяйственной деятельности. В культурно-хозяйственном плане для Грузии характерна вертикальная зональность, соответственно которой принято выделять следующие зоны: равнинную (*бари*), предгорную (*мтисдзири*) и горную (*мта*), которым соответствует и определенная хозяйственная направленность. Для зоны *бари* было характерно равнинное земледелие, в предгорьях равнинное земледелие сочеталось с горным, а также с отгонно-стойловым скотоводством; в горной зоне было развито горное земледелие, но преобладающей отраслью хозяйства являлось отгонно-стойловое скотоводство. Каждая зона имела свои особенности в орудиях труда, в формах поселений и жилища.

Грузины называют себя *картвели*. Это название восходит к наименованию центральной области восточной Грузии – Картли: отсюда и общее самоназвание грузин – *картвели*. Самоназвание *картвели*, видимо, происходит от слова *карт*, скорее всего еще ностратического достояния, и означающее *стена, ограда*, т.е. того же смысла, как и *Гардарика* – древнее название Руси, данное стране огороженных поселений. Общим названием грузин в большинстве античных источников было *иберы/иверы*, прилагавшееся также к населению Пиренейского полуострова. Что касается других народов, они по-разному называли Грузию и ее жителей: древние персы именовали Восточную Грузию *Вркана*, армянское название грузин – *врац*. В источниках христианского времени Грузия названа этнонимами, произведенными от имени св. Георгия, ее патрона. В новоперсидском страна называется *Гурджан*, а ее жители *гурд*, в арабско-сирийском – *джурджи*, *Джурзан*, в турецком – *гурджи* (грузин) и *Гурджистан*. К этой форме восходят русские наименования *Грузия* и *грузин*, видимо, не ранее XVI в. Принятые же в европейских языках, начиная с XIII в., названия *Георги* (лат.), *Georgie* (франц.), *Georgi* (англ.) и *Georgien* (нем.) тоже происходят от турецкого *гурджи*.

В настоящее время грузины живут в основном в Грузии (3 661 173 чел., по переписи 2002 г.), а также в Азербайджане (17 тыс. чел., *ингилойцы*), на севере Ирана (16 тыс. чел., *ферейданцы*), на Севере Турции (42 тыс. чел., *лазы* и *имерхевцы*), на Украине (24 тыс. чел.), в Белоруссии (2,9 тыс. чел.), в Казахстане (5,4 тыс. чел.), во Франции (2,3 тыс. чел.), США и др. В России (более 200 тыс.) грузины проживают в основном в крупных городах: Москва и Московская обл., Санкт-Петербург, Ярославль, Ростов-на-Дону, Сочи и в южных регионах страны (Осетия, Кабардино-Балкария, Дагестан, Краснодарский край).

На территории исторической Грузии со II тыс. до н.э. сложилось две культуры: западногрузинская, или колхская и восточно-грузинская, или иберийская. Формирование двух таких обширных кругов однородной культуры стало отражением группировки грузинских племен в два крупных племенных объединения – западно-грузинское (мегрело-чанские и сванские племена) и восточно-грузинское (картлийские племена), что послужило основой для

возникновения в дальнейшем двух грузинских государственных образований – Колхидского царства в Западной Грузии и Картлийского, или Иберийского царства в Восточной. Как картвельские языки, так и западногрузинская и восточно-грузинская культуры имели единую основу, общие корни, несмотря на политическое и экономическое обособление Западной и Восточной Грузии.

С середины II тыс. до н.э. грузинские племена стали объединяться в более обширные и прочные союзы, стоявшие на пороге государственности. Некоторые специалисты считают, что такие объединения на южной периферии расселения грузинских племен уже в начале I тыс. до н.э. формируются в древнейшие государственные образования. Это упоминаемые в урартских надписях страны Диау(о)хи и Ку(о)лха. Полагают, что последняя фигурировала в ранних версиях мифа об аргонавтах. Южно-грузинские ранние государственные образования продержались недолго и в VIII в. до н.э. прекратили свое существование в результате войн, которые они вели друг с другом и с Урартским царством, а также нашествий кочевых племен. Политические центры грузинских племен постепенно перемещаются на север, и примерно в VI в. до н.э. формируется государство западногрузинских племен – Колхидское царство. Именно сюда и переместилась арена действия аргонавтов из известного сказания, в литературных версиях которого страной Золотого руна является уже страна, расположенная в долине р. Риони, древнего Фазиса. С VI в. Колхидское царство чеканит собственную серебряную монету – *колхидку*, возникают городские центры, в первую очередь столица царства Кутаиси, а также г. Сурий (ныне г. Вани) и др.

В Восточной Грузии процесс формирования единого государства протекал медленнее. Небольшие государственные образования возникают уже в V в. до н.э., однако их объединение завершается лишь к концу IV – началу III в. до н.э. Создателем восточно-грузинского государства историческая традиция считает царя Фарнаваза. Это было царство Картли, или, по греко-римским источникам, Иберия. Консолидация грузинского народа была длительной. Собирательное значение, которое приобрели названия *колхи* и *иберы* в I тыс. до н.э., говорит об определенном пути, пройденном к тому времени грузинскими племенами в процессе консолидации. Формула – «Грузиено считается обширная страна, в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке» – свидетельствует о том, что процесс консолидации грузинского народа был завершён до литературной фиксации этой формулы (X в.). Периодами наибольшего политического могущества, расцвета экономики и культуры феодальной Грузии были XI–XII вв. При царе Давиде Строителе (1089–1125) были проведены военная, административная, судебная, церковная реформы для укрепления центральной власти и единства государства. В царствование Тамар (1184–1213) влияние Грузии распространяется на Северный Кавказ, Восточное Закавказье, Иранский Азербайджан, Армению и Юго-Западное Причерноморье. Грузия стала одним из сильнейших государств на Ближнем Востоке. Внешние связи расширялись не только на восток, но и на север, в XII в. были установлены культурно-экономические связи с Киевской Русью.

К концу XV в. Грузинское государство в результате нашествий чужеземных захватчиков и экономического упадка распалось на Картлийское, Кахе-

тинское, Имеретинское царства и княжество Самцхе-Саатабаго. С распадом Грузии процесс стирания этнографических особенностей был замедлен. Вместе с тем такие понятия, как «Западная и Восточная Грузия», «горная и равнинная Грузия» отражали уже не племенные различия, а разницу географического и экономического порядка. Тем не менее до настоящего времени грузинская этническая общность включает в себя субэтнические группы (*мегрелы, лазы, сваны*) и локально-этнографические группы, отличающиеся особенностями диалекта и некоторыми чертами традиционно-бытовой культуры (*карталинцы, кахетинцы, имеретины, гурийцы, аджарцы, тушины, хевсуры, пшавы, мтиулы, мохевцы, гудамакарцы, рачинцы, лечхумцы, месхи, джавахи* и др.). Политическая раздробленность предопределила возникновение мелких феодальных княжеств в отдельных историко-географических регионах Грузии, которые до наших дней сохранили некоторые локальные особенности образа жизни и культуры. Такими историко-географическими территориальными единицами являются: в равнинной части Восточной Грузии – *Картли, Кахети, Саингило* (ныне – в Азербайджанской республике), *Кизики*; в горной и высокогорной зоне Восточной Грузии – *Тушети, Хевсурети, Пшави, Мтиулету, Гудамакари, Хеву*; в низменной и предгорной зоне Западной Грузии – *Имерети, Гурия, Самегрело*; в горной зоне Западной Грузии – *Рача, Лечхуми, Сванети*; в Южной и Юго-Западной Грузии – *Самцхе, Джавахети, Аджария*. В культурном отношении этнографическим группам соответствуют диалекты: хевсурский, пшавский, тушинский, мохевский, мтиульско-гудамакарский, картлийский, кахетинский (с кизикским), ингилойский, ферейданский, месхетинский (самцхе-джавахетский), имерхевский, горнорачинский, рачинский, имеретинский (верхний и нижний), лечхумский, гурийский, аджарский и др.

Грузия – древняя христианская страна мира. Грузинская православная церковь является Апостольской. Объявление христианства государственной религией грузинская церковь относит к 326 г., но в научной литературе есть и более ранние даты. При царе Вахтанге I в 467 г. Грузинская церковь стала независимой от Антиохийской патриархии и обрела статус автокефальной с центром в г. Мцхета (резиденция католикоса всея Грузии). Византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский замечал, что иберы – «христиане и правила веры соблюдают лучше, чем все, кого мы знаем».

Дата выделения грузинского языка из общекартвельского праязыка – рубеж VI–V тыс. до н.э. В 284 г. до н.э., согласно летописи «Картлис цховреба», первый царь Картли Фарнаваз «распространил язык грузинский, и больше уж не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского». Эта дата как историческая точка отсчета легла в основу грузинского национального летоисчисления. Грузинская письменность является одной из 14 алфавитных систем народов мира. В развитии грузинского письма выделяют три последовательные ступени: древняя *асомтаврули* (IV–IX вв.), средняя *нусхури* (IX–XI вв.), новая *мхедрули* (с XI в. по сегодняшний день). Все три разновидности грузинской письменности генетически связаны. В последние годы в городище Некреси (Кахети) выявлены лапидарные и эпиграфические надписи древнегрузинским алфавитом асомтаврули языческого содержания, которые датируются II в. до н.э и IV в. н.э. За пределами Грузии древнейшими признаны три мозаичные надписи, обнаруженные в 1955 г. в Иудейской пустыне (Палести-

на) Итальянской археологической экспедицией под руководством В. Корбо, две из них датированы 30-ми годами V в., одна – 532–552 гг.

В древнегрузинской духовной литературе сформировалось и развилось несколько жанров, из которых выделяются агиография и гимнография. Среди дошедших до нас памятников агиографической литературы V в. древнейшим считается сочинение Якова Хуцеси-Цуртавели «Мученичество Шушаник». В IV–V вв. на грузинский язык уже были переведены библейские книги.

В научном изучении этнокультурных особенностей грузинского народа весомую роль сыграли Кавказское общество сельского хозяйства, Кавказский отдел Императорского Русского географического общества, Кавказская археографическая комиссия, Кавказский музей и др. Тбилиси в XIX в. становится важным кавказоведческим центром. В 1850–1860-е годы здесь были созданы разные научные центры. Их деятельность, направленная в немалой степени и на этнографическое изучение Грузии и Кавказа, нашла отражение в многочисленных изданиях и сыграла значительную роль в становлении грузинской этнографической науки. Просветители-«шестидесятники» во главе с И. Чавчавадзе способствовали возрастанию в грузинском обществе интереса к своим историческим «корням», к изучению культуры и быта родного народа. Руководство этими работами взяло на себя Грузинское историческое и этнографическое общество, возглавляемое известным историком Э.С. Такайшвили. Особо следует отметить деятельность выдающегося грузинского историка И.А. Джавахишвили, фундаментальные труды которого, посвященные истории, хозяйству, социальным отношениям, материальной и духовной культуре грузинского народа, стали основой для дальнейшего изучения этих проблем новыми поколениями ученых.

Этнографические изыскания в XIX в. были связаны с именами грузинских деятелей Д. Бакрадзе, Р. Эристави, В. и И. Цискаришвили, А. Цагарели, Б. Нижарадзе, Д. Маргиани, Важа Пшавела, А. Казбеги, Н. Хизанашвили (Урбнели), Т. Сахокиа, А. Хаханашвили и др. Немалый вклад в изучение этнографии грузин внесли российские ученые, чиновники, врачи, учителя и др. Среди них следует особо отметить А.Л. Зиссермана, И.И. Пантюхова, А.И. Стоянова, Д.В. Добровольского, Э.В. Эриксона, которые донесли до нас интересные описания этнографических сторон быта грузин и других народов Кавказа.

После образования Демократической республики Грузия в феврале 1918 г. был основан Тбилисский университет, где начала формироваться грузинская этнографическая школа, которая по праву занимает одно из ведущих мест в кавказоведении. У истоков грузинской этнографической школы стояли Г.С. Читая – основоположник школы, В.В. Бардавелидзе, Р.Л. Харадзе, А.И. Робакидзе, С.И. Макалатия и другие выдающиеся ученые-этнографы. В Тбилисском университете была создана кафедра этнографии (одна из немногих в Советском Союзе), развивалась планомерная работа по сбору полевого этнографического материала, музейных коллекций по этнографической тематике. В советское время одну из ведущих ролей в развитии этнографических исследований сыграл Институт истории, археологии и этнографии АН Грузинской ССР им. И.А. Джавахишвили. Кроме того, этнографические исследования велись в Тбилиси в отделе этнографии Музея Грузии имени С.Н. Джанишия, в Музее под открытым небом имени Г.С. Читая, в Тбилис-

ском государственном университете, в Музее города Тбилиси, а также в Батумском НИИ Грузинской АН, в многочисленных краеведческих музеях областей и районных городов Грузии. Труды грузинских этнографов содержат в себе как данные полевых изысканий, так и анализ грузинской традиционной бытовой культуры. Значительная часть работ грузинских этнографов издавалась в основном на грузинском языке, что затрудняло знакомство с этими исследованиями широкого круга кавказоведов.

Коллективная монография «Грузины» серии «Народы и культуры» – первое обширное, охватывающее значительное число тем историко-этнографическое исследование грузинского народа. Это итог многолетних, планомерных этнографических исследований в регионах Грузии, которые проводились грузинскими этнографами на протяжении всего XX в.

В монографии рассматриваются следующие темы: основные проблемы этнической и политической истории Грузии, демографические процессы, материальная культура, формы хозяйства. Подробно освещаются вопросы семьи и семейного быта, система родства, свадебная обрядность, обряды детского цикла, этнопедagogика, похоронно-поминальная обрядность; вопросы общественного быта и экономических отношений: обычное право, формы взаимопомощи, нормы гостеприимства, традиционное застолье и мужские сходы, торговля и торговые взаимоотношения.

Большое внимание уделено проблемам религиозных представлений: ранних народных верований, принятию христианства и роли Грузинской православной Апостольской церкви в судьбах грузинского народа, различным конфессиям, распространенным среди грузин, проблемам духовной культуры грузин: народный календарь, фольклор, народная музыка и музыкальные инструменты, хореография, народный спорт, народная медицина и традиции гигиены. В монографии представлен обширный материал о ремеслах, которые были особенно развиты у грузин: традиции ремесленных цехов в городах Грузии, кузнечное дело, металлообработка, каменное зодчество, деревообработка, производство мебели и деревянной посуды, керамическое производство, шелководство, изготовление войлоков, ткачество, обработка хлопка. Особые разделы посвящены краткому обзору развития профессиональной культуры Грузии (литература, книгоиздание, искусство, театр и кино и др.), а также описанию грузинских диаспор (Россия, Иран, Турция, Европа, Америка) и различным группам грузин на сопредельных территориях (*ингилойцы* Азербайджана, *имерхевцы* Турции, *ферейданцы* Ирана).

Следует отметить, что этнографические темы рассматриваются с учетом того многообразия – хозяйственного, экологического, локально-этнографического, которое имеется в различных регионах Грузии. При анализе хозяйственных вопросов большое внимание уделяется выявлению влияния географического фактора и вертикальной зональности на развитие той или иной области материального производства, средств передвижения и т.д.

Авторами разделов монографии являются известные грузинские этнографы, многие десятилетия изучавшие ту или иную проблему в разных регионах Грузии. В большинстве это сотрудники Института истории, археологии и этнографии АН Грузии, Музея Грузии, Батумского НИИ и других научных учреждений республики (к настоящему времени большинство научных институтов упразднено или слито с университетами). Вместе с тем в автор-

ском коллективе есть ученые, которые начали трудовую деятельность уже на исходе советского времени, приняв эстафету у старших коллег и продолжив традиции грузинской этнографической науки.

В исследовании представлен картографический материал, как исторического характера, так и современные карты. Монография богато иллюстрирована оригинальными фотографиями, сделанными исследователями в ходе полевых этнографических экспедиций в различных регионах Грузии. Имеются зарисовки жилищ, одежды, утвари и бытовых сцен, авторами которых являются профессиональные художники и архитекторы, участвовавшие в этнографических экспедициях. Представлены также фотографии памятников истории и культуры из собраний Национального музея Грузии (Музея Грузии им. С.Н. Джанашия, Музея искусств им. Ш.Я. Амиранашвили, Музея под открытым небом им. Г.С. Читая); Национального Центра рукописей; Центра защиты памятников и истории грузинского искусства; Фонда защиты этнографического наследия Грузии (Тбилиси), Музея Государственного драматического театра им. К. Марджанишвили, Агентства защиты культурного наследия Аджарии (Батуми); материалы из личных фотоархивов Г. Барисашвили, Т. Казахишвили, С. Сарджвеладзе, Г. Цоцанидзе, К. Пицхелаури, Б. Кудава, М. Дидебулидзе и архивов Государственного академического драматического театра им. К. Марджанишвили, Национального балета Грузии, Международного центра христианских исследований при Православной церкви Грузии; фондов Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН и Российского этнографического музея.

Благодарим президента Российской академии художеств Народного художника России З.К. Церетели за предоставленные работы, созданные им в этнографических экспедициях Г.С. Читая. Мы признательны за научно-методическую помощь рецензентам – доктору исторических наук, профессору, академику НАН Грузии Н.В. Хазарадзе, доктору исторических наук, академику, вице-президенту НАН Грузии Р. Метревели, ректору РГГУ, члену-корреспонденту РАН Е.И. Пивовару, заведующему отделом Кавказа ИЭА РАН, доктору исторических наук, члену-корреспонденту РАН С.А. Арутюнову. Благодарим Т. Гиоргадзе и Дж. Амиранашвили за их поддержку при подготовке авторских текстов и иллюстративного материала. Значительный вклад в работу над книгой внесли сотрудники ИЭА РАН кандидат исторических наук В.В. Степанов, ответственный секретарь серии «Народы и культуры» кандидат исторических наук Л.И. Миссонова, Н.В. Павлова и Е.А. Юрина.

Выражаем благодарность Союзу Грузин России и его президенту М.М. Хубутия за финансовую помощь и содействие при подготовке рукописи к публикации.

ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

РАННИЕ ЭТАПЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ¹

В научной литературе ранние этапы этногенеза грузин рассматривают во взаимосвязи с древнейшим населением Закавказья и Передней Азии. На протяжении тысячелетий предки грузин имели многообразные контакты с окружающими народами, которые находили отражение в различных формах, в том числе в виде восприятия иностранных слов лексическим фондом грузинского языка. Так, взаимоотношения шумеров с пракартвелами следует датировать рубежом V–IV тыс. до н.э. Языковеды выявили более 200 шумерских слов, которые находят параллели с пракартвельской лексикой.

Соседство и контакты хаттов (протохеттов) (живших во второй половине III тыс. до н.э. в Центральной Анатолии до индоевропейских хеттов) и грузинских племен подтверждаются лексическими параллелями: вино – *вин* хат. и *гвино* груз.; кузнец – *уреш* хат. и *уро* (молот) груз.; большой – *тете* хат. и *диди* груз. и т.д. С середины III тыс. и до конца II тыс. до н.э. в Северной Месопотамии обитали хурриты, из лексического фонда которых в грузинский язык проникли отдельные слова: небо – *еци* хур. и *ца* грузино-мегрело-сванское; вечер – *шеру* хур. и *сероба* груз., *сери* (ночь) мегр.; угроза – *кад* хур. и *кадили* груз. и др. О контактах с хеттами-индоевропейцами говорят лексические параллели, например: чистый – *суппи* хет. и *супта* груз.; долина – *веллу* хет. и *вели* груз.; вино – *виана* хет. и *гвино* груз. и др. Эти контакты, по всей видимости, осуществлялись на северо-востоке Малой Азии в период существования Хеттской империи, т.е. во II тыс. до н.э., до 1200 г. н.э. Грузинские племена имели контакты и с семитскими племенами на северной периферии их распространения (регион между Северной Месопотамией и Южным Кавказом), пока хурриты не заняли Северную Месопотамию. Указывают на эти контакты заимствованные у семитов имена числительные: восемь – *арва* семит. и *рва* груз., а также другие лексические совпадения: слон – *тили* семит. и *стило* груз.; сладкое – *мтк* семит. и *ткб-или* груз.; перегородка – *тих* семит. и *тих-ари* груз.; улица – *шук* семит. и *шука* груз. и др. Предполагают, что пракартвельский этнос – носитель общекартвельского языка контактировал с прасемитским этносом в первой половине III тыс. или в IV тыс. до н.э. (Гиоргадзе Г.Г., 2002). Немало лексических совпадений между пракартвельским

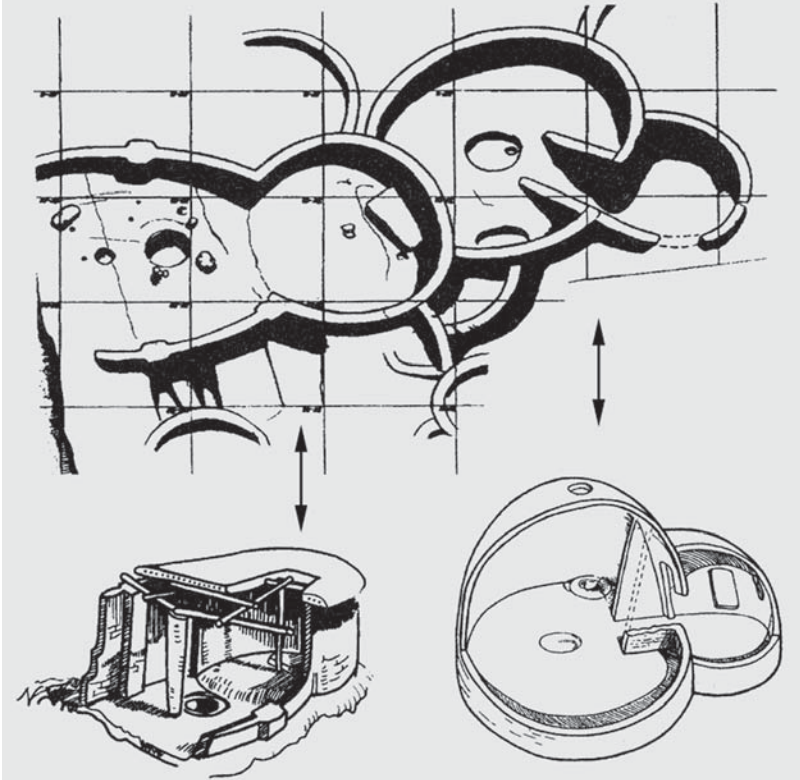
¹ © Д. Мусхелишвили

и праиндоевропейским. Так, заимствованиями из праиндоевропейского считаются груз. *угели* (яро), *тха* (коза), *сисхли* (кровь), *мкерди* (грудь) и др., а контактной зоной признают обширную территорию между Южным Кавказом и Северной Месопотамией. Эти контакты осуществлялись до распада индоевропейской общности (V тыс. до н.э.), хотя некоторые ученые объясняют параллелизм общекартвельского и общеиндоевропейского языков не заимствованиями, а грузино-индоевропейской генетической общностью, которая, как полагают, распалась в VI тыс. до н.э. (*Гамкрелидзе, Иванов, 1984*).

Упомянутые лексические совпадения раннеобщекартвельского и картвельских языков с языками народов Древнего Востока – хаттским, хеттским, хурритским, семитским, урартским, а также праиндоевропейским – дает возможность в общем очертить тот географический ареал, где в IV–II тыс. до н.э. обитали картвельские племена: территория их расселения с юга и юго-запада охватывала Северо-Восточную Анатолию и территорию на крайнем севере Месопотамии. На западе они достигали берегов Черного моря, подтверждением чему, видимо, может служить термин *згвал/згуа* (море), присутствовавший уже в общекартвельском языке. На севере территория проживания пракартвелов охватывала и Закавказье. По мнению некоторых лингвистов, отображающая географический ландшафт терминология, реконструированная на уровне общекартвельского языка, указывает на высокогорье, что, возможно, подразумевает и Большой Кавказ (*Климов, 1964*). Анализ историко-географических названий грузинских племен свидетельствует, что дивергенция пракартвельского этноса происходила в ареале Закавказья (*Бердзенишвили Н., 1975*). Пракартвелы имели интенсивные взаимоотношения и с северокавказскими племенами, в частности с предшественниками нахско-дагестанских и абхазско-адыгских племен, что прослеживается в лексике языков-основ этих этносов и пракартвельского языка-основы.

В период неолита на территории современной Грузии, как и в других регионах Кавказа, происходит переход от собирательства к производящему хозяйству, «неолитическая революция». Наряду со скотоводством человек начинает заниматься земледелием, формируется оседлый образ жизни. Территория Западной Грузии в этот период была довольно плотно заселена и, по мнению археологов, именно неолитическая культура Западной Грузии является культурой пракартвельского этноса (*Джапаридзе О., 2006*).

Раннеземледельческая культура Западной Грузии привела к быстрому росту населения, избыток которого мигрировал на территорию Восточной Грузии и начал осваивать до этого времени слабо заселенный регион. Формируется сионская культура, которая в V–IV тыс. до н.э. распространяется в Шида (Внутренней) и Квемо (Нижней) Картли и Кахети. В этот же период на части территории Квемо Картли, в частности в нижнем течении рек Алгети и Храми и на примыкающей к современному Азербайджану правобережной равнине р. Куры распространяется еще одна раннеземледельческая культура, местные корни которой проследить не удастся и которая характеризуется круглыми глинобитными строениями (строительная традиция, известная в различных регионах Передней Азии). Предполагают, что эту культуру привнесли племена, проникшие сюда, возможно, с юга. На протяжении V–IV тыс. до н.э. народ – носитель этой археологической культуры сосуществовал с племенами –

Поселение Имирис-гора: глинобитные стены; общий вид раскопок, план, реконструкция святилища и жилища

Шулавери-Шомутепинская раннеземледельческая культура, VI–IV тыс. до н.э.

Квемо Картли, Марнеульский район. Раскопки А.И. Джавахишвили, О.М. Джапаридзе

Реконструкция А.И. Джавахишвили

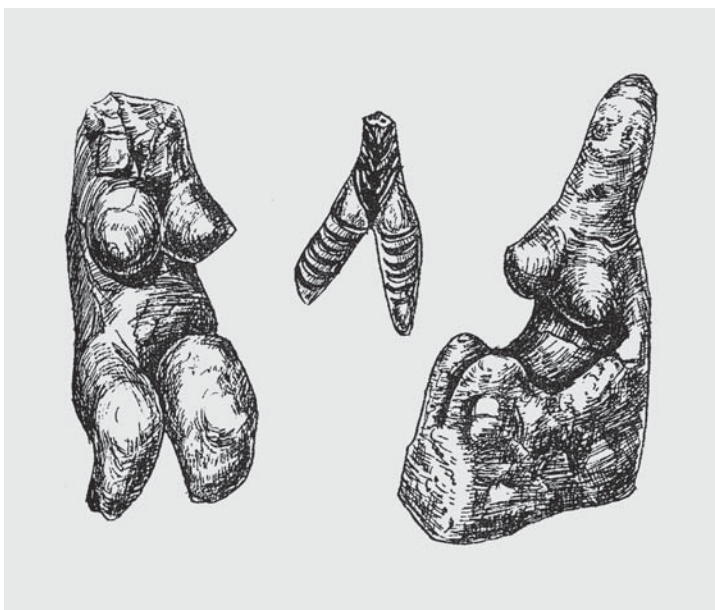
Джавахишвили, 1973

носителями местной сионской культуры и с течением времени произошло их слияние (Джанаридзе О., 2006).

К середине IV тыс. до н.э. на смену раннеземледельческим культурам приходит куро-араксская археологическая культура эпохи ранней бронзы, которая охватывает северо-восточный регион Северного Кавказа, все восточное Закавказье, распространяется на северные регионы Передней Азии и датируется второй половиной IV – первой половиной III тыс. до н.э. На территории Восточной Грузии культура ранней бронзы является органическим продолжением раннеземледельческой культуры предшествующей эпохи. Это проявляется не только в существовании круглых в плане зданий на раннем этапе куро-араксской культуры, но и в сходстве керамики. На городище Имирис-гора, в центральном помещении культового здания выявили стационарный культовый очаг, который представлял собой врезанную в утрамбованный глиняный пол круглую яму с плоским глиняным бордюром, под которым на полу был зафиксирован тонкий слой пшеничных зерен. Идентичные культовые очаги были обнаружены в комнатах круглой планировки при раскопке городища Хизанаантгора (Урбниси), которое относится к куро-араксской культуре. Совпадение бытовых элементов, само по себе важное при решении вопроса о преемственности культур, и близость культовых ритуалов позволяют предположить, что на поселениях Имирис-гора и Хизанаантгора, разница во времени между которыми составляет не менее 500 лет, жили представители одного, вероятно, пракартвельского этноса (Мухелишвили Д., 2010).

В остеологическом материале куро-араксской культуры увеличивается количество костей мелкого рогатого скота, в частности овец, что свидетельствует о росте в хозяйстве доли животноводства. Во второй половине III тыс. – первой половине II тыс. до н.э. эта тенденция отчетливо просматривается в триалетской культуре средней бронзы. Генетическую связь этой культуры с конечным этапом эпохи ранней бронзы помогают проследить исследования лингвистов. Современное грузинское слово *цховреба* (жизнь), употребляемое и в древнегрузинском языке в том же значении, происходит от основы *цховар/цхвар* (овца), что позволяет сделать вывод о том, что изначально древнегрузинское *цховреба* (жизнь) обозначало и современное *мецхвареоба* (овцеводство) (Климов, 1964). Временем, когда в социальном и экономическом развитии предков грузинских племен разведение овец (или скота вообще) стало столь значимым, что превратилось в понятие «жизнь», могла быть только эпоха средней бронзы, т.е. вторая половина III тыс. и первая половина II тыс. до н.э. Поскольку слово *цховреба* принадлежит лексическому фонду собственно грузинского языка, вероятнее всего, среди носителей триалетской культуры эпохи средней бронзы преобладали восточногрузинские племена, подвергшиеся влиянию степных скотоводческих племен. Курганные погребения вождей содержали как керамическую орнаментированную посуду изящных форм, так и бронзовые, золотые и серебряные артефакты, что соответствовало высокому уровню развития культуры и политической мощи их создателей.

Ареал распространения триалетской культуры охватывает южную часть Грузии (Зуртакети, Джавахети, Триалети) с примыкающими к ней территориями современной Армении и Турции (Ванадзор, Карс), а также Картлийскую низменность с Иоро-Алазанской долиной, т.е. горные и равнинные регионы

Фигурки богинь

Глина. Шулавери-Шомутепинская культура, VI-IV тыс. до н.э.
Квемо Картли, Марнеульский район. Поселение Храмис Диди-гора
Глonti, Джавахишвили, Кисурадзе, 1975

центральной части Закавказья. Такая локализация указывает на интенсивное использование летних и зимних пастбищ, связанное с отгонным скотоводством. Это подтверждают и находки колесного транспорта в Триалетских и Беденских курганах.

Результаты археологических изысканий свидетельствуют о генетической преемственности между культурами позднего этапа ранней бронзы и эпохи средней бронзы, что проявляется в массовой керамике, подтверждается стратиграфически и зафиксировано в удаленных друг от друга регионах Грузии (Триалети и Кахети) и указывает на этническую преемственность народов – носителей этих культур. Основным элементом триалетской курганной культуры – чернолощенная керамика является непосредственной наследницей керамики эпохи ранней бронзы, и можно предположить, что народ – носитель этой культуры сформировался на местной почве, не исключая наличия внешних культурных импульсов и проникновение иноэтнических групп (*Мухелишвили Д.*, 1977).

Среди восточногрузинских племен выдвинулось племя *картов* или племя *карту*, центром расселения которого принято считать «Гору Картли» (*Мта Картли*, позднее – Армази) на правом берегу р. Куры, напротив древней столицы Картлийского царства Мцхета. Такова грузинская летописная традиция, которую сохранила «Картлис цховреба». *Мта Картли* занимала важное стратегическое положение. Здесь проходила магистральная дорога, которая пересекала по диагонали всю территорию будущей Грузии и связывала Кахети и Эрети (на северо-востоке) через Триалети-Джавахеги с Тао-Кларджети (на юго-западе). Эта дорога одновременно представляла собой

Двухфривый кубок с ритуальными сценами-мистериями

Серебро; металлопластика, чеканка, гравировка

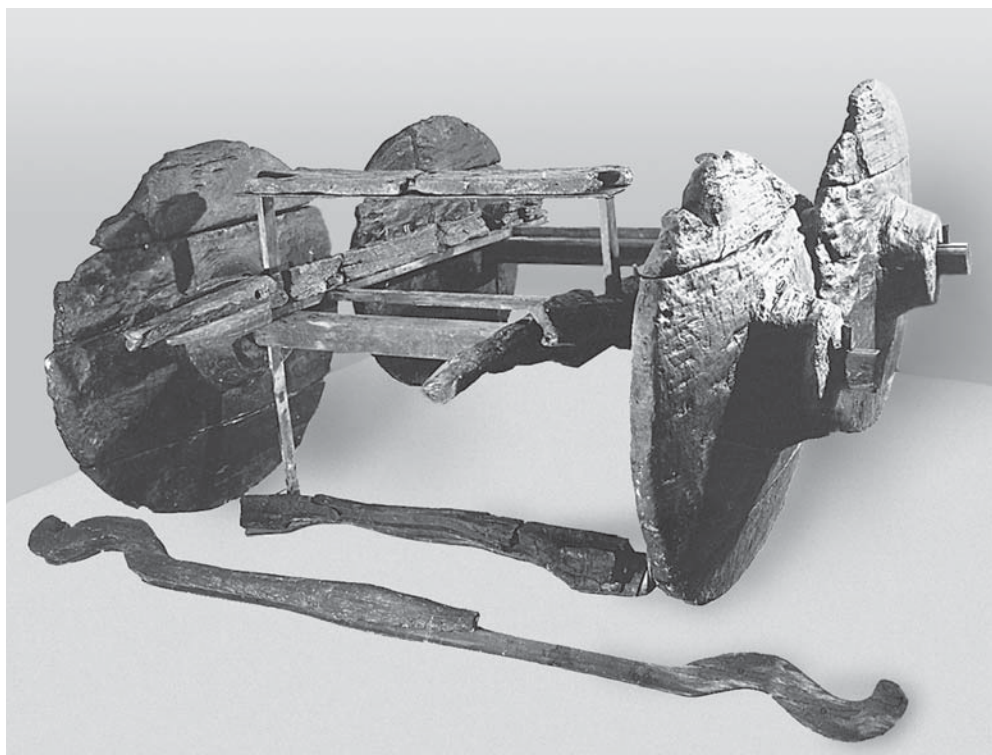
Триалетская культура, Цалка, II тыс. до н.э.
Раскопки Б. Куфтина
Amiranashvili, 1971

Четырехколесная ритуальная повозка

Дерево

Триалетская культура, II тыс. до н.э.
Джанапидзе, 1969

(и сегодня представляет) *цхврис зза* (овечью дорогу), по которой в Средние века отары овец с зимних пастбищ Кахети-Эрети перегоняли на летние пастбища Триалети-Джавахеги-Артаани. В эпоху средней бронзы, когда в хозяйстве местных племен скотоводство заняло ведущее место, она приобрела особое значение. Мта Картли находилась также на второй важной торговой магистрали, которая связывала Зена Сопели – Верхнюю Страну (позднее Шида Картли) через Армазское ущелье с Квена Сопели – Нижней Страной (позднее Квемо Картли) и по которой шли караваны, с которых взимали пошлину за каждый выюк. Эти доходы наряду с развитой металлургией, очевидно, были одним из источников мощи племени *карту*, т.е. древнейших *картуелов* (Мухелишвили Д., 2010).

На территорию расселения картуелов указывают топонимы, содержащие древнегрузинский термин *кари* (врата), древнейшим значением которого было «сахли», т.е. родовое поселение. Топонимы, содержащие термин *кари*, кроме Восточной Грузии, во множестве известны в Чорохском ущелье, в частности в Тао, а также на северо-востоке современной Турции (Клдекари, Таоскари, Кари/Карс, Каринити/Эрзерум), т.е. широко использовались именно на той территории, где была распространена триалетская культура, что свидетельствует о том, на каком языке говорили племена – носители этой культуры (Бердзенишвили Н., 1975). С этой точки зрения интересен древнегрузинский топоним *Картлис Кари*, который можно предположительно отнести именно к *Мта Картли* (Мухелишвили Д., 2010). Вместе с тем топонимия этого региона сохранила названия и других племен, которые некогда жили здесь и среди которых, можно предполагать, были и негрузинские племена. На территории исторической провинции Картли и сегодня бытуют такие географические названия, как Базалети, Чартали, Каспи, Пхвениси, Цобени, Алгети, Триалети, Гогарани и др., которые предоставляют нам информацию о племенах базалов, чарталов, каспов и многих других, которые приняли участие в формировании грузинского народа. Этот процесс усилился именно с эпохи средней бронзы, когда в нем в роли гегемона выступило племя *карту* (*картуелы*). Видимо, это было обусловлено его центральным местоположением и возможностью контроля над стратегическими торгово-хозяйственными путями.

В первую очередь картуелы сумели объединить племена на территории современный Шида и Квемо Картли. Эта территория получила название Картли по имени этого племени, а по отношению к его центру (Мта Картли, Картлис Кари) вся территория Картли была разделена на Зена Сопели и Квена Сопели («Верхняя и Нижняя страна»). С точки зрения археологии единая «Картли» должна была существовать уже в эпоху поздней бронзы – раннего железа (Пицхелаури, 1979). Это была этнографическая «Картли», которая осталась таковой и в последующие века. Аналогичный процесс протекает в Западной Грузии, в результате чего во второй половине II тыс. до н.э. и в первые века I тыс. до н.э. на этой территории идет процесс формирования колхской археологической культуры (Лордкипанидзе О., 1989). На юго-западе (современная Месхет-Джавахеги) существовала локальная археологическая культура, и одновременно этот ареал был местом встречи восточногрузинских и западногрузинских культур. Здесь также протекал процесс консолидации грузинских племен, в частности в XII в. до н.э. здесь сформировалось большое объединение во главе с племенем *тао* (*даиаени/диаохи*), а к VIII в. до н.э. уже

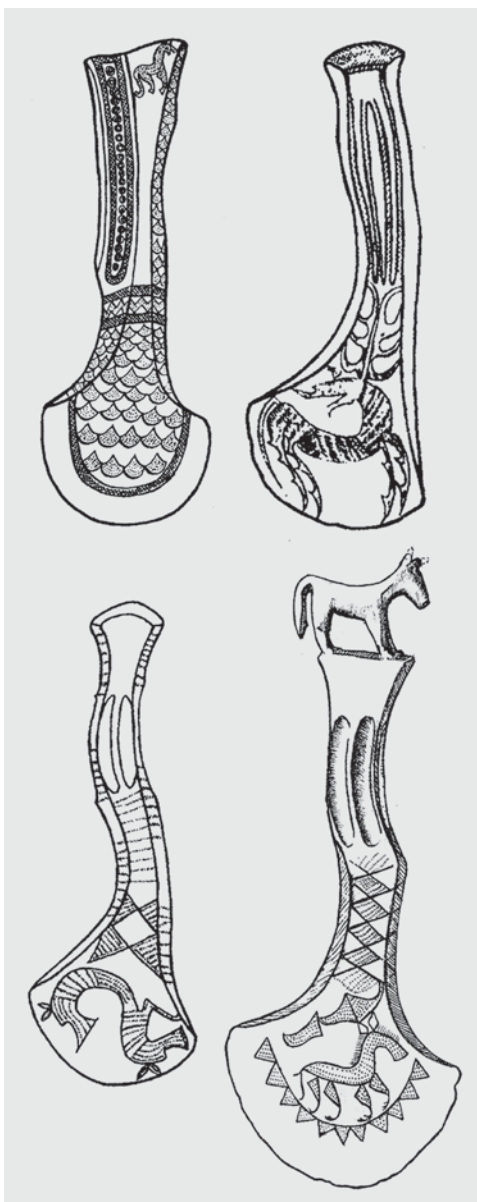
Топоры

Бронза, гравировка. Колхидская культура,
IX–VI вв. до н.э.
Патцхава, 1972

сложились историко-этнографические провинции Джавахети и Шавшети (Muskhelischvili, 2004).

На территории Восточной Грузии картина была не столь однозначна, как в Западной Грузии; некоторые археологи не усматривают генетической связи между триалетской курганной культурой и культурой поздней бронзы. С другой стороны, в этот период в социально-экономическом положении населения происходят такие важные изменения (переход к преобладанию земледелия, развитие ирригации и бронзовой металлургии, появление гончарного круга, интенсивное распространение боевого оружия и др.), что культурные различия не должны вызывать удивления. Кроме того, выявлено сходство отдельных элементов триалетской керамики эпохи средней бронзы и керамики поздней бронзовой эпохи, например, из Шида Картли, или между шидакартлийской керамикой обоих вышеупомянутых исторических периодов. Преемственность замечается и в металле, а археологические находки из Кахети создают убедительную картину постепенного перехода от средней бронзы к эпохе поздней бронзы. По мнению археологов, в этом же ареале на смену триалетской культуре приходит центрально-закавказская культура эпохи поздней бронзы (Пицхелаури, 1979). Можно заключить, что местная культура периода поздней бронзы, как и триалетская, была в основном создана восточногрузинскими племенами.

Археологические данные городищ и могильников Шида Картли, в частности раскопок в Ховлегора, свидетельствуют, что с середины II тыс. и до середины I тыс. до н.э. этнический состав населения оставался здесь неизменным, причем это были восточногрузинские племена, ареал расселения которых охватывал и территорию исторической Квемо Картли и, видимо, северную часть современной Армении. В эпоху средней бронзы именно на

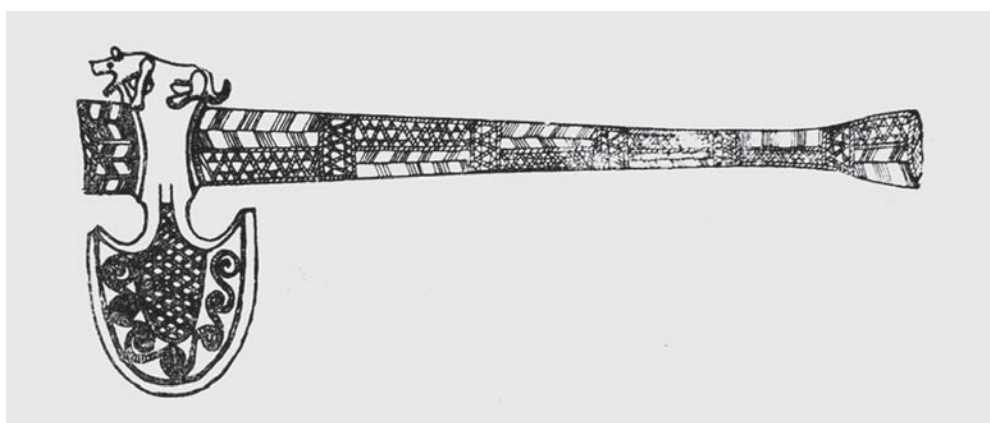

Пояса со сценами ритуальной охоты

Бронза, гравировка. Самтаврская культура, VIII–VII вв. до н.э.

1, 2 – Триалети, Цалка, 3 – Мцхета

Амиранашвили, 1950

Топор с ручкой восточногрузинского типа

Бронза, гравировка

Шида Картли, с. Рене, VIII–VII вв. до н.э.

Иремашвили, 1975

Ожерелье. Деталь.

Золото, зернь. V в. до н.э.

Имерети, г. Вани

© НМГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

этой территории была распространена триалетская культура, а на раннем этапе поздней бронзы – центрально-закавказская, которая охватывала и Восточную Грузию. По всей вероятности, во II тыс. до н.э. южная периферия распространения этой культуры и была тем регионом, где осуществлялись контакты грузинских племен с господствовавшими в Северной Месопотамии хурритами.

Природно-экологические особенности Картли способствовали мощному развитию ирригационного сельского хозяйства, отгонного скотоводства и металлургии, поэтому племена *карту* экономически опережают соседние племена. Мощному экономическому базису должны были соответствовать социальная и политическая организации, что убедительно подтверждается археологическим материалом, в частности интенсивным процессом строительства сооружений городища Ховлегора. В итоге ведущая роль *картуелов/картвелов* во взаимоотношениях с другими племенами не вызывает сомнений (*Мухелишвили Д.*, 1978а).

С этой точки зрения заслуживают внимания произошедшие в VII–VI вв. до н.э. на Ближнем Востоке катаклизмы (нашествие скифов, усиление Мидии, возрождение Вавилона, распад Ассирийской империи, а затем и государства Урарту), в результате которых произошло перемещение народов, в частности – переселение на территорию Картли картлийских же, видимо, племен, находившихся в ареале Урарту. На мощную миграционную волну указывает распространение в Квемо и Шида Картли до того времени неизвестной здесь керамики красного обжига. В целом происходящие процессы должны были

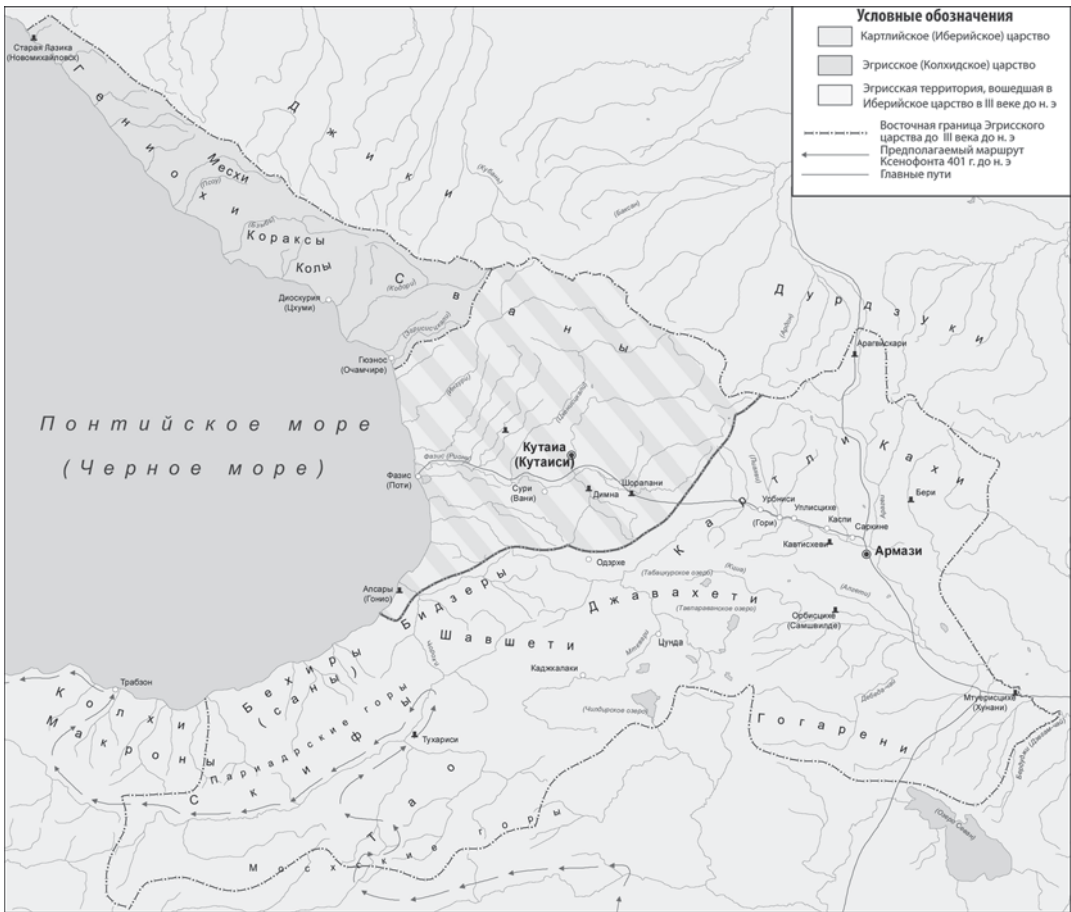
Тетрадрахма – колхидский *тетри*. VI в. до н.э. Аверс и реверс
Серебро
© НМГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

стимулировать социально-экономическое развитие местных племен. В этот же период предполагают иммиграцию *мушков* (месхов) из северо-восточной Анатолии (и древней Диаухи?) на юго-запад Грузии (*Мухелишвили Д.*, 2012).

Археологические данные позволяют заключить, что именно на территории Картли встречались восточно- и западногрузинские культурные потоки. Начинается процесс консолидации картвельских племен и ассимиляции ими некартвельских племен. Эта культурно-политическая экспансия была направлена на восток, запад, север, юго-запад. Выражением этого широкомасштабного и длительного процесса следует считать распространение элементов, характерных для центральнокавказской археологической культуры (в частности, обнаруженные на территории Картли в большом количестве бронзовые топоры с симметричным лезвием, «картлийские топоры»), на запад, по направлению к Колхиде, на восток – в Кахети-Эрети, на юго-запад – в Месхети. Об этом же свидетельствует обнаруженная в регионе г. Карса картлийская (самтаврская) керамика эпохи раннего железа.

Картли постепенно подчиняет своему влиянию соседние территории, на которые распространяется и ее название: в VI в. до н.э. Картли уже охватывала территорию «от Хунана до моря Спери» (*Картлис цховреба*, 2013), т.е. всю Восточную Грузию. Подобный же процесс протекал на территории Западной Грузии. К концу IV в. до н.э. западногрузинскими и восточногрузинскими племенами уже было создано первое единое грузинское государство. Начавшийся в период поздней бронзы и раннего железа, т.е. в конце II тыс. и в первые века I тыс. до н.э., процесс формирования грузинского народа в этот период получил еще более сильный стимул.

Во второй половине II тыс. и первых веках I тыс. до н.э. сведения о картвельских племенах появляются в древневосточных письменных источниках. В конце XII в. до н.э. в «Анналах» ассирийского царя упомянуты *мушки*,

Западный Кавказ в VI–III вв. до н.э.

© Авторы: Д. Мухслишвили (груз. вар.); М. Сулханишвили (рус. вар.)

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

т.е. предки месхов, раннегосударственное объединение племен скотоводов и металлургов Дайаэни (Таохи, урарт. Диауехи/Диаохи) в верховьях Западного Евфрата, которое подчинил Тиглатпаласар I (1114–1076 гг. до н.э.). Этот союз упоминается в надписях 856 г. и 845 г. до н.э. ассирийского царя Салманасара III, под именем *таохи* о них пишет древнегреческий писатель и полководец Ксенофонт (V в. до н.э.), – так он называл жившее в ущелье р. Чорохи племя *тао*. По сведениям ассирийско-урартских письменных источников, первое государственное объединение племен Диаохи было сильной и богатой страной, здесь имелись города и крепости, развитые земледелие, скотоводство, ремесла, металлургия. Во второй половине VIII в. Диаохи потерпело поражение в борьбе с Урарту, и в VII в. до н.э. на его территории возникает объединение *халиту*, т.е. *халдов*, *халибов*, а в VI в. – *сасперов*, которое, помимо территории диаохов, видимо, охватывало и территорию Восточной Грузии, а на юг простиралось до р. Аракс. Его центр, как и центр Диаохи, возможно, находился в Чорохском ущелье. На север от них распо-

лагалось объединение племен Колха (Кулха), которое впервые упоминается в урартских и древнегреческих письменных источниках VIII в. до н.э. Его упадок был связан с походами урартийцев и вторжениями киммерийцев (*Меликишвили Г.А.*, 1959).

В VI–IV вв. до н.э. достигает расцвета Колхидское царство в Западной Грузии. О его могуществе свидетельствуют эмиссия собственных серебряных монет – *колхидок*, а также богатейшие находки, обнаруженные при раскопках Ванского городища. Археологические материалы этого периода указывают на тесные культурные связи между племенами, жившими на территории Западной и Восточной Грузии.

На рубеже VI–V вв. до н.э. в результате экспансии Ахеменидского Ирана юго-западная территория объединения сасперов – Эрзерумское плоскогорье и прибрежный регион Аракса были включены в состав Персидской империи, в результате чего политический центр перемещается на территорию Восточной Грузии, где к концу IV в. до н.э. создается государство Картли (Иберия) с центром в Мцхета. Первым грузинским царем, по сведениям летописных источников, был Фарнаваз, объединивший земли Западной и Восточной Грузии (Картлис цховреба, 2013). С севера эта территория была ограничена Кавказским хребтом; с юга – горной водораздельной системой Куры – Аракса и Чорохи – Евфрата; с запада – Черным морем. Восточная сторона не имела четких природных границ, хотя р. Агрчай, нижнее течение Алазани (северный отрезок) и р. Дзегамчай (на южном отрезке) были историческими рубежами грузинского государства (*Мусхелишвили и др.*, 2012).

С начала античной эпохи Западная Грузия испытывает сильное культурное влияние греко-эллинистического мира, а территория Восточной Грузии – ирано-ахеменидской культуры. С другой стороны, международная торговая магистраль, которая с эллинистической эпохи проходила вдоль рек Кура и Риони и связывала Восток и Запад, имела важное значение для Колхиды и Иберии, т.е. для государств Эгриси и Картли, с точки зрения их взаимосвязей с европейской и азиатской цивилизациями (*Очерки истории Грузии*, 1989).

После экспансии Рима на Восток, в частности похода знаменитого полководца Помпея в 65 г. до н.э., территория Западной Грузии попала под протекторат Рима (а потом Византии), изменился и культурно-политический вектор Иберии. В 14 г. н.э. Картли получила статус «друга Рима», и с этого времени правители страны выбрали прозападный курс, что во многом определило будущую историю Картли и всей Грузии. Картлийское царство никогда не было оторвано от восточного мира, но примечательно, что именно в I–III вв. н.э. усиливается проникновение сюда западной культуры, о чем свидетельствуют обращение римских монет на иберийском рынке, импорт образцов высокохудожественной торевтики и т.д. Интенсивное проникновение материальной культуры подразумевало и наличие сильного воздействия западной духовной культуры. С начала IV в. прослеживается очевидное западное греко-христианское влияние. В 326 г., во время царствования Мириана, в результате проповеди равноапостольной св. Нино христианство становится в Картли государственной религией. В это же время подобное событие происходит и в Эгриси (*Мусхелишвили и др.*, 2012).

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГРУЗИЯ V–XVIII ВЕКОВ²

Положение на месте слияния западной и восточной цивилизаций, с одной стороны, было выгодно с точки зрения восприятия различных культурных традиций, однако это представляло важный фактор, направленный против консолидации страны, поскольку на этой территории сталкивались политико-стратегические интересы великих империй. Для объединения страны грузинским царям нередко приходилось лавировать между противостоящими интересами иностранных держав. Одним из таких выдающихся государственных деятелей был Вахтанг Горгасал (вторая половина V в.), который смог объединить царства Картли и Эгриси и провести административную и церковную реформы. С этого времени глава грузинской церковной иерархии стал именоваться католикосом. В Мцхете на месте деревянной церкви времен царя Мириана была возведена большая каменная базилика Светицховели. Вахтанг перенес столицу Грузии из Мцхета в Тбилиси и добился фактической независимости страны (Там же).

В начале VI в. иранский шах вторгся в Картли и упразднил Картлийское царство. В 523 г. Эгриси отделилось от Картли и попало в подчинение Византийской империи. В начале 550-х годов в Картли была восстановлена национальная власть в лице *эрисмтаваров*. Эрисмтавар (воевода) подчинялся иранскому шаху, и такое положение продолжалось в течение столетия, несмотря на активное сопротивление иранцам.

В конце VI – начале VII в. Византия для оптимального удовлетворения своих торговых интересов пыталась создать магистраль, альтернативную «Шелковому пути», проходившему из Китая через Среднюю Азию по территории Ирана. С этой целью Византия заключает союз с каганатом тюркских кочевых племен. Создалась византийско-тюркская антииранская коалиция, в которую вошло и эрисмтаварство. Новый торгово-транспортный путь шел через прикаспийские земли на Северный Кавказ и затем через Дербентский и Дарьяльский перевалы по территории Закавказья, достигая Византии. Главным торгово-стратегическим центром этой международной магистрали должен был стать Тбилиси, который к тому времени превратился в крупный экономический и культурный центр. В 589 г. картлийский воевода Гуарам Куропалат восстал против Ирана и вторгся со своим войском на его территорию, согласно плану, разработанному членами коалиции (византийцами, тюрками и северными арабами). Это противостояние продолжалось и в первой трети VII в., однако, несмотря на поражение персов, коалиция не смогла осуществить поставленную цель из-за внутренних неурядиц в тюркском ханстве и появления воинов ислама на международном поприще. Арабы в 50-е годы VII в. завоевали Картли, и их господство продолжалось около двух веков (*Мусхелишвили и др.*, 2012).

Несмотря на подобную политическую обстановку, страна, которая в IV в. встала на путь интенсивного развития феодальных отношений,

² © Д. Мусхелишвили

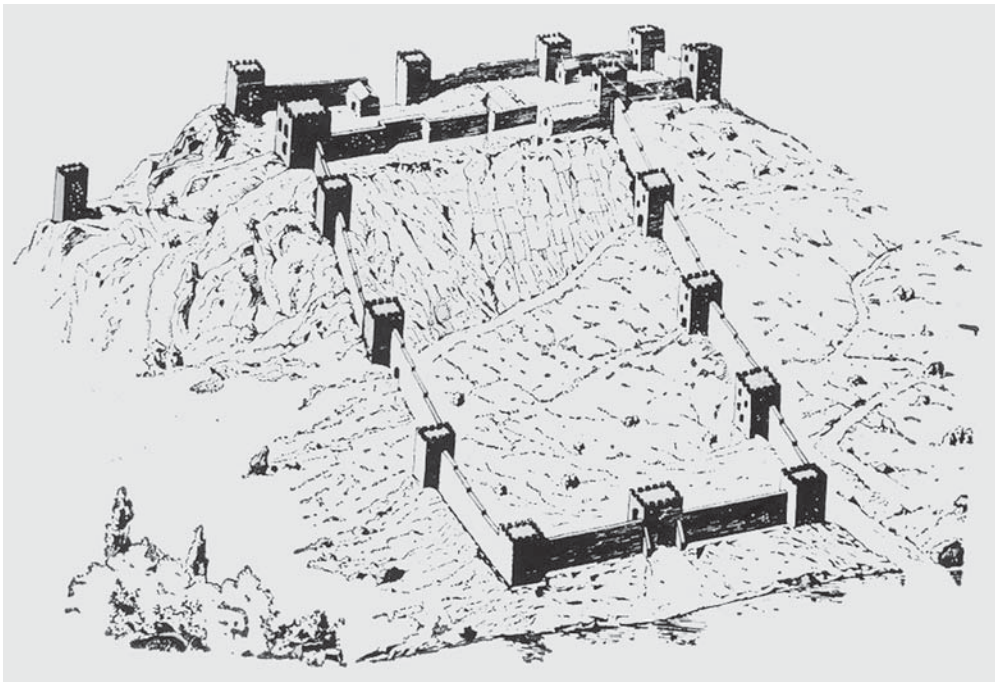

Монастырь Алаверди

Кахети, VI в.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Крепость Уджарма (реконструкция)

Кахети, III–IV вв.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

постоянно расширяла торгово-хозяйственную деятельность и успешно боролась за сохранение национально-культурной самобытности. Об этом свидетельствует созданное в VI в. неизвестным автором «Мученичество Евстафия Мцхетели», деятельность «ассирийских отцов» в Картли, чья миссия заключалась в утверждении православной веры; религиозный раскол в начале VII в. между грузинами и армянами, что означало не только нейтрализацию армянской церкви, но и ослабление политического влияния Ирана; проповедь Иоанна Сабанисдзе в VIII в. против мусульманской религии, а фактически – против политического влияния арабов; благословение Иерусалимского патриарха на варение св. мира в Мцхета в IX в., что способствовало укреплению автономных прав Грузинской церкви, и др.

Грузинская христианская культура интенсивно распространялась в западной части страны, в Эгриси, где было сильно греческое влияние. Такие же процессы происходили на востоке и на юге страны, где грузинской церкви приходилось соперничать с албанской и армянской церквями. Грузия распространяла христианство и среди горцев Северного Кавказа (*Мухелишвили и др.*, 2012).

VI–IX вв. стали периодом борьбы за определение «грузинства» (*картвелоба*), грузинской культурной идентичности. В 951 г. грузинский писатель Георгий Мерчуле определил это следующим образом: «Грузией считается обширная страна (именно вся та), в которой церковную службу совершают и все молитвы творят на грузинском языке» (*Мерчуле*, 1987. С. 123). Это было сказано в X в., когда единой Грузии еще не существовало. Таким образом, политико-государственному объединению предшествовало осознание национально-культурного единства грузинского народа.

Социально-экономическое развитие сделало необходимым создание единого государства. Начинается борьба оформившихся на территории современной Грузии и сопредельных земель княжеств за первенство в регионе; это главным образом Кахетинское, Тао-Кларджетское и Абхазское княжества, а иногда и Тбилисский эмират. В VIII в. правитель Абхазского княжества Леон II присоединил к своим владениям Эгриси и Аргвети, принял титул царя и сделал своей резиденцией Кутаиси. Его наследники успешно расширяли границы царства – царь Константин в начале X в. занял Картли, его сын Георгий подчинил часть Кахети и Джикети, под его влиянием аланы приняли христианство. В конце X в. произошло политическое ослабление Абхазского царства и оно уступило первенство Тао-Кларджетскому княжеству (*Очерки истории Грузии*, 1988).

На рубеже X–XI вв. была создана единая феодальная монархия во главе с Багратам III Багратиони (978–1114). Символическим выражением этого события стали три величайших памятника грузинской церковной архитектуры: храм Баграта (Имерети, г. Кутаиси), Светицховели (Картли, г. Мцхета) и Алаверди (Кахети, около Телави).

Поскольку грузинское национально-культурное поприще уже не ограничивалось только территорией древнего картлийского эрисмтаварства, термин *Картли* уже не мог охватить всего разнообразия территорий и народов. Необходимостью стало создание нового термина – *Сакартвело* (Страна грузин) – для обозначения новой политико-культурной ситуации (*Джавахишвили Ив. А.*, 1949).

Бедийский потир с древнегрузинской надписью *асомтаврული*. X в.

Золото; чеканка, гравировка
Amiranashvili, 1971

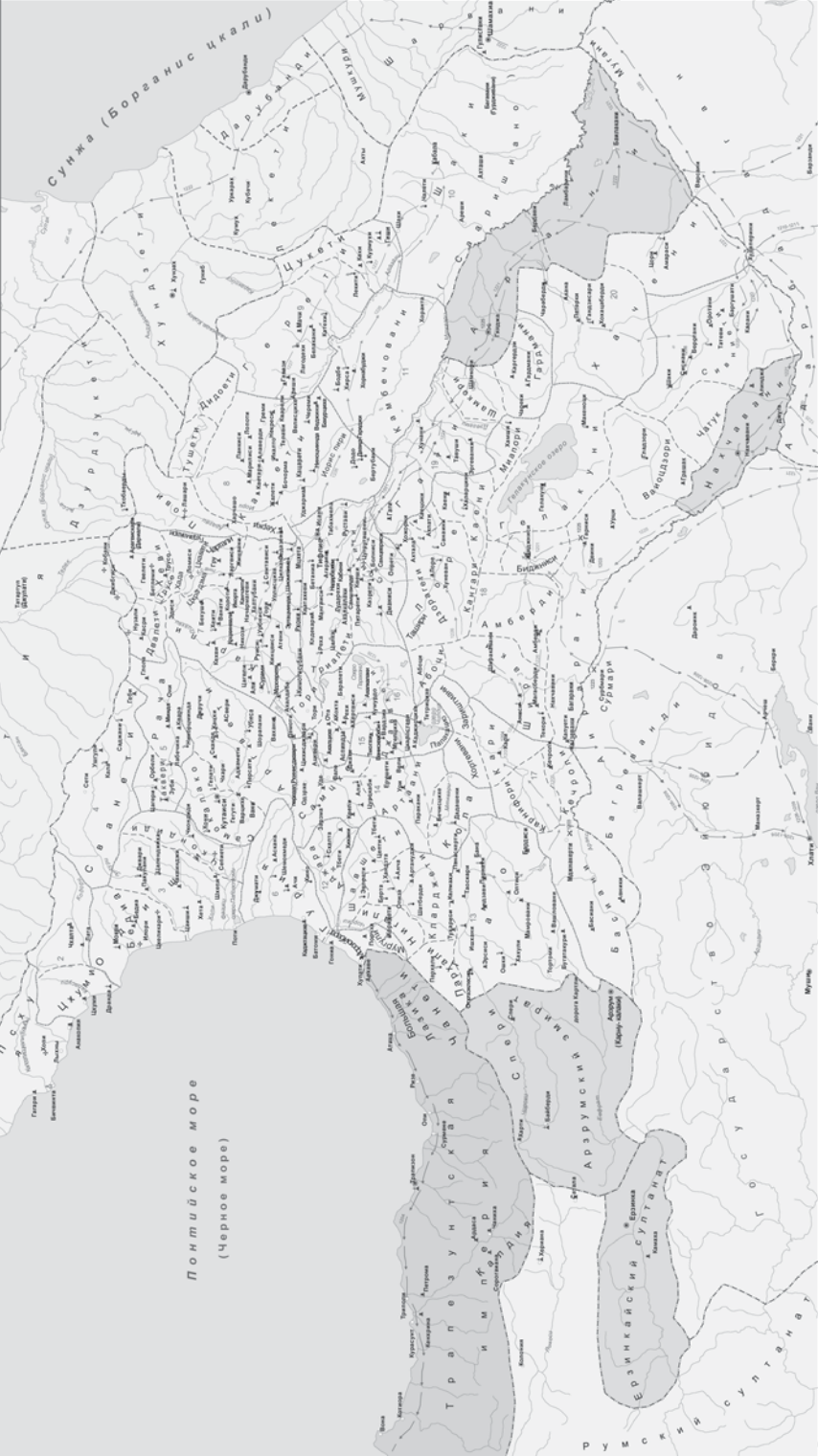
Нагрудный крест царицы Тамар 80-е годы XII в.

Золото, изумруды, гранаты, жемчуг; чеканка, гравировка, чернение
НМГ, Музей искусств им. Ш.Я. Амиранашвили
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Столицей царства Баграта был Кутаиси. Из прежних грузинских земель в царство Баграта не вошли территория верхнего течения р. Чорох, аннексированная Византией, территория Квемо (Нижней) Картли, занятая армянами, и прилегающая к Тбилиси территория, на которую распространялась власть находившегося в Тбилиси арабского эмира. Присоединение этих территорий было вопросом времени.

С конца XI в., когда начался процесс распада султаната тюрок-сельджуков и крестоносцы создали в Палестине и Сирии христианские государства, в результате проводимой Давидом Агмашенебели (Строителем) политики и 25-летней непрерывной войны стали возможными не только восстановление независимости грузинского государства, но и изгнание из Северной Армении и Ширвана (Северный Азербайджан) тюрок-кочевников и полная инкорпорация этих территорий. Государство Давида Агмашенебели (1089–1125) в начале 20-х годов XII в. охватывало почти все Закавказье и простиралось «от Никопсиса до Дербента и от Осетии до Арагаца» (гора в северной Армении, известная как Алагёз). В это обширное государство входили в статусе вассалов все государственные образования Северного Кавказа, в том числе эмират Дербента (*Мухелишвили и др.*, 2012).

- Условные обозначения**
	Грузинское государство
	Сфера влияния Грузии
	Вассальные страны
	Данности Грузии
	Государственная граница
	Границы эризмств
	Границы населенных стран
	Хоррабдзори (Потри эризмств)
	Полок митопали (Джабъ и Субури)
	Полок Дестали ле-Джиа в 1238-1229 гг.
1. Хоррабдзори
2. Абхазское
3. Папхетское (Табаско)
4. Сванское
5. Рачинское
6. Гурийское
7. Кабардинское
8. Чабурское
9. Эрзурумское
10. Шабское
11. Хачинское
12. Абухадзское
13. Папхетское (Табаско)
14. Сванское
15. Рачинское
16. Гур-Джапхетское
17. Кабардинское
18. Чабурское
19. Эрзурумское
20. Хачинское

Давид Агмашенебели провел важные мероприятия по централизации государственного управления, установлению судебного правопорядка, укреплению военного могущества, усилению авторитета церкви, развития хозяйства и торговли. Он уделял большое внимание возрождению городов и благоустройству торгово-транспортных путей. В результате этого разоренная страна быстро возродилась и в 1121 г., после нанесения жестокого поражения в битве при Дидгори коалиционной армии полководца Иль-Гази, сражавшегося против крестоносцев, Грузия превратилась в одно из сильнейших государств Ближнего Востока. В 1122 г. Давид Агмашенебели отвоевал Тбилиси и перенес туда из Кутаиси царский трон. Тбилиси фактически превратился в центр Закавказья. На протяжении столетия Грузия сохраняла то государственное и политическое значение на Ближнем Востоке, которое ей обеспечил Давид Агмашенебели. Это был «золотой век» в истории Грузии.

Наследники Давида Агмашенебели продолжали борьбу за окончательное изгнание тюрок-сельджуков из Закавказья. Они усилили свое влияние на южном направлении, доведя государственные границы до р. Аракс. Во времена царицы Тамар турецкий эмират Эрзерума превратился в вассальное государство. Такой же статус получило и расположенное на юго-востоке тюркское атабагство Ганджи, а на юго-восточном побережье Черного моря, после того, как европейские крестоносцы на 60 лет поделили между собой Византию, по инициативе Тамар в 1204 г. было основано Трапезунтское царство, главой которого стал воспитанный в Грузии принц из известного в Византии рода Комнинов. Тюрки-сельджуки дважды пытались восстановить свое господство. В первый раз, создав большую коалицию, они напали на Грузию с юго-востока, во второй раз – с юго-запада, но грузинские войска нанесли им сокрушительное поражение: в 1195 г. около Шамхора, а в 1202 г. – в Басиани.

В XII в. царский двор Грузии выработал определенную политическую доктрину для управления феодальным государством. Грузинское царство инкорпорировало территории Западного Ширвана и Северной Армении, на которых проживало христианское население, и ввело там принятое в Грузии государственное управление. Остальные территории составляли вассальные единицы, связанные с Грузией, и имели собственных правителей, которые не считались грузинскими государственными чиновниками. Грузинский царский двор не вмешивался в их внутреннюю политику и при условии сохранения ими верности выступал гарантом их безопасности. Могущество и относительно мирная ситуация в грузинском государстве, в основном сохранявшиеся на протяжении всего XII в. и первой четверти XIII в., вызвали экономический подъем и культурный расцвет, которые продолжались в царствование Тамар (1184–1213). Именно в этот период были созданы шедевр грузинской литературы – «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели и уникальный памятник гражданской истории «Картлис цховреба» (Жизнь Картли), который в последующие века пополнялся новыми летописями (*Мухелишвили и др.*, 2012).

В аспекте общественного развития XII в. период правления царицы Тамар также знаменателен: определенная часть общества, во главе с министром

Грузия в первой трети XIII века

© Авторы: Д. Мухелишвили (груз. вар.); М. Сулханишвили (рус. вар.)

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Икона «Иоанн Креститель». XII в.
Имерети, Мгвимевский монастырь, XIII в.
Amiranashvili, 1971

Икона «Непорочная дева». X–XIII вв.
*Дерево, золото, серебро, эмаль; темпера,
чеканка, гравировка*
Самегрело, Хобский монастырь, XIII в.
Amiranashvili, 1971

финансов (*мечурчлетухуцеси*) потребовала ограничения единоличного правления монарха конституционным путем и создания сходного с европейскими парламентами учреждения – *карави* (палата), в компетенцию которого должны были перейти законотворческая и судебная деятельность, царю же оставалась исполнительская функция. *Карави* должен был стать представительским органом, в котором подразумевалось также участие «третьего сословия». Но осуществить это не удалось (Там же).

В 30-е годы XIII в. Грузию завоевали монголы. Грузинские цари стали подданными господствующего на Ближнем Востоке улуса, Ильханского государства. Господство монголов повлекло за собой не только утрату политической независимости, но и экономический упадок и социальную стагнацию. Тяжелые налоги разоряли крестьян, а участие насильно мобилизованного грузинского феодального войска в непрерывных военных походах монголов влекло за собой тяжелейшие жертвы среди населения. Появились признаки распада единой грузинской монархии. Взбунтовавшийся против монголов царь Давид, внук царицы Тамар, в 1259 г. перебрался в Западную Грузию, где монголы не закрепились, и фактически отделился от Восточной Грузии.

Монголы поддерживали партикуляризм грузинской знати, в результате чего владетель Юго-Западной Грузии и Месхети, атабаг Саргис Джакели в 1266 г. отделился от центрального правительства и подчинился монгольскому хану. Во второй половине XIII в., подстрекаемые монголами, с Северного Кавказа на Картли стали совершать набеги осетины. В Восточной Грузии царил полная анархия. Подобное положение продолжалось до начала XIV в., когда на трон взошел Георгий V Блистательный (1314–1346). Благодаря своим дипломатическим способностям он добился доверия Ильханов и права установления единого правления в Грузии. Георгий Блистательный объединил всю Грузию, «изгнал и истребил» осетин, а затем, пользуясь ослаблением монголов в результате их междоусобной борьбы, изгнал поработителей и принес стране независимость. За этим последовало быстрое экономическое и политическое возрождение. Грузия вновь восстановила свою государственность и международный авторитет на Ближнем Востоке, подтверждением чего является тот факт, что египетский султан, который в то время владел Палестиной, вернул грузинам в 1305 г. грузинский Крестовый монастырь в Иерусалиме, а в 20-е годы XIV в. – ключ от монастыря Гроба Господня, который ранее принадлежал грузинам. Из всех христиан только грузинам было даровано право входить в Иерусалим с развернутыми национальными знаменами.

Георгий Блистательный заботился об упорядочении внутренней жизни страны. В этот период были созданы такие законодательные памятники, как «Распорядок царского двора», устанавливавший государственное правление согласно нормам, действовавшим в XII в.; «Судебник Беки и Агбуги», который регулировал взаимоотношения между социальными классами, и «Дзеглис дадеба» – «Уложение» Георгия V, судебник грузинских горцев. Эти законодательные инициативы были призваны возродить находившуюся в упадке в период монгольского господства общественную жизнь. Но процесс возрождения единого грузинского государства оказался кратковременным.

В конце XIV в. нашествия Тамерлана привели к катастрофическим последствиям. Враг стремился не покорить Грузию, а истощить и разорить ее,

Драма царицы Русудан (1223–1245)

Аверс и реверс

Серебро. XIII в.

© НМГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Выносной крест литургической процессии
из Чхари

Серебро; чеканка, гравировка, золочение

Мастер Мамне, XV в.

Amiranashvili, 1971

поэтому не удовлетворялся истреблением мирного населения, разрушением городов, крепостей, церквей, монастырей, грабежом накопленных богатств, а уничтожал виноградники, сады, тутовые деревья, посеvy. Во время последнего нашествия (всего их было восемь) в 1403 г. только в Западной Грузии Тамерлан уничтожил 700 деревень. Такие невиданно жестокие и частые нашествия привели к тому, что в горных районах Северного Кавказа ослабело государственное и культурное влияние Грузии, хотя в предыдущие века население этого региона начало приобщаться к христианству благодаря грузинским миссионерам. В самой Грузии из-за экономического упадка вновь усилился феодальный партикуляризм.

После смерти Тамерлана в течение краткого сравнительно мирного периода Александр Великий (1412–1442) сумел еще раз объединить разоренное войной и находившееся на грани распада грузинское государство и восстановить прежнее влияние на закавказские страны: после закрепления своей власти в Западной Грузии (1414) и Месхети (1415), как сообщает «Картлис цховреба», он «собрал своих лучших военачальников и вошел в Карабах... ганджинцы не смогли ему сопротивляться; он истребил непокорных и заставил платить дань. Увидя это, ширванцы и дарубандцы убоялись его силы и присоединились к нему с подношением многих даров. А царь обложил их данью и всех покорил». В 1431 г. Александр Великий вернул часть Северной Армении (Амберд), а в 1434–1435 гг. присоединил Сюник, почти полностью восстановив прежнее грузинское государство (Картлис цховреба, 1973). После падения Византии (1453) и покорения Трапезунта (1461) Османская Турция стала непосредственным соседом Грузии на юго-западе; с 1475 г., когда Крымское ханство стало вассалом Турции, оно стало граничить с Грузией на северо-западе, а на юго-востоке соседом оказалось агрессивное государство кочевников Ак-Коюнлу. Грузия утратила непосредственную связь с христианским Западом. Итогом этих внешнеполитических процессов и вызванной ими внутренней социально-политической деградации стал распад единого грузинского государства во второй половине XV в. на отдельные царства и княжества.

Когда после взятия Константинополя Западной Европе стала непосредственно угрожать агрессия со стороны Османской Турции, в 1459 г. римский папа Пий II отправил в Грузию своего посла Людовика Болонского с целью включения Грузии в коалицию европейских стран для борьбы с турками. Эта перспектива помирила враждовавших друг с другом грузинского царя и князей, и они отправили послов в Европу с предложением стратегического плана совместной борьбы с турками. Однако римский папа не смог создать союз европейских стран, и коалиция не состоялась. Это обстоятельство вновь нарушило мир среди сплотившихся во имя единой цели царя и князей, и их противостояние возобновилось.

В 1490 г. царский двор Картли официально признал факт политического распада Грузии. Цари Картли, Кахети, Имерети и правитель Самцхе-Саатабаго (Юго-Западной Грузии) установили границы своих владений. Тем не менее идея прежнего единства продолжала жить, выражаясь в том, что все отделившиеся царства и княжества в совокупности именовались «Сакартвелоеби» (Грузии) (Картлис цховреба, 1959). Продолжалась борьба за восстановление единства страны, осложнявшаяся соперничеством Ирана и Турции, которые

не были заинтересованы в объединении страны. В 1555 г. первая ирано-турецкая война завершилась Амасийским миром, по которому эти две империи еще не покоренную Грузию разделили на две части: Турции досталось Имеретинское царство с Мегрельским и Гурийским княжествами и западная часть Самцхе-Саатабаго (бассейн Чорохи), а Ирану – Картлийское и Кахетинское царства и восточная часть Самцхе-Саатабаго (бассейн Куры). За этим последовало фактическое отделение от Имеретинского царства Гурийского княжества и княжества Одиши (Самегрело).

Несмотря на все это, идея борьбы за объединение страны продолжала существовать, и иногда, пусть на короткое время, претворялась в жизнь. Так, царь Картли, знаменитый Симон I во второй половине XVI в. пытался трижды присоединить Имеретинское царство, но из-за интриг правителя Одиши эти попытки не удались. Агрессивная политика мусульманских империй в отношении Грузии повернула грузинских политиков к единой России, которая также стремилась на Кавказ и пыталась использовать христианскую Грузию для осуществления своих стратегических интересов на Ближнем Востоке.

В начале XVII в. грузинский вопрос стал главным для правителя усилившегося Ирана Шаха Аббаса, который готовился к войне с Турцией. Его целью было не только поражение Турции, но и стремление заставить Грузию отказаться от союза с Россией, ибо Кахетинское царство в то время находилось под ее покровительством. Шаху с помощью дипломатических интриг удалось убедить царя Картли передать ему крепость Лоре с прилегающей к ней территорией. Там он основал ханство, что в результате уничтожило стратегический форпост, обеспечивавший защиту Картли с юга. Он сумел также аннексировать восточную часть Кахетинского царства, территорию современного Саингило, и создал там Илисуйский султанат. В Квемо Картли, в долине р. Дебеда, шах поселил племя тюрков-кочевников борчалинцев; он же заселил тюркскими племенами и Кахети. Тем самым Шах Аббас готовил плацдарм для последующей экспансии; вслед за этим началось осуществление окончательной исламизации и иранизации Восточной Грузии. В 1614–1617 гг. Шах Аббас пять раз вторгнулся в Кахети. После нашествий Тамерлана Грузия два столетия не подвергалась подобному разграблению. Несмотря на стойкое сопротивление кахетинцев (в частности, в 1615 г. кахетинский царь Теймураз I нанес жестокое поражение войску Аликулихана), Кахети была разграблена, села разорены, истреблено две трети населения, более 200 тыс. грузин депортировано в Иран, где их потомки живут до сих пор. В Картли и Кахети шах поставил у власти свою креатуру. Он намеревался разгромить также и Картли, и в 1625 г. отправил туда Карчихана с большим войском, которое расположилось на равнине Марткопи. Восставшие картлийцы под предводительством Великого Моурави Георгия Саакадзе разгромили захватчиков. За несколько дней Картли и Кахети полностью были очищены от врагов. По словам османского историка Печеви, Шах Аббас в «течение сорока лет не терпел таких больших убытков».

Большая армия шаха в июле того же года вновь вторглась в Грузию и расположилась в Алгетском ущелье у с. Марабда. Грузины ожидали этого нападения и встретили врага в окрестностях Коджори-Табахмела, но из-за разногласий среди военачальников потерпели поражение. Однако сопротивление грузин было таким сильным, что Шах Аббас не смог осуществить свой план изгнания и истребления населения. В 1626 г. Георгий Саакадзе и царь Теймураз сумели

Плащаница царицы Мариам. Середина XVII в.

Бархат, золотые, серебряные, разноцветные шелковые нити, тесьма

© НМГ, Музей искусств им. Ш.Я. Амиранашвили

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

выгнать иранские гарнизоны из крепостей Картли и Кахети и вновь объединить два этих края. Встал вопрос и о присоединении Имерети, однако раскол между Георгием Саакадзе и царем Теймуразом сорвал эти планы. В 1632 г. шах Ирана возвел на престол Картли потомка грузинских царей Ростом, перешедшего в мусульманскую веру, а в 1648 г. отдал ему и Кахети. Так началось в Картли-Кахети правление мусульманских царей, продолжавшееся более века.

Иранские шахи не отказались от плана насильственного переселения грузинского населения из горной Грузии. В 1656 г. Кахети подчинили Гянджинскому хану и переселили туда 15 000 семей тюрков, что вызвало общенародное восстание не только в Кахети, но и в Картли. В результате Бахтрионской битвы (1659 г.) тюркское население было изгнано из Кахети, и этот край избежал полного омульманивания.

Несмотря на этот кровавый эпизод, правление Ростом (1632–1658) и взшедшего вслед за ним на трон Вахтанга V Шахнаваза (1658–1675) можно считать мирным периодом. Страна обустроилась, хозяйство возродилось, расши-

Тиара Католикоса-Патриарха Грузии
Золото; чеканка, гравировка
Мастер Папуна Бебуришвили, 1683 г.
Amiranashvili, 1971

рились торгово-экономические сношения. Период правления Вахтанга V характеризовался укреплением царской власти, тенденцией к объединению Грузии: в начале 1560-х годов он присоединил Кахети, а затем объединил Западную и Восточную Грузию; отправившись с войском в Зугдиди, он назначил там правителя; здесь же, с выражением покорности и «воздаянием почестей», к нему явился князь Абхазии, а в Кутаиси – Гурии, «и царствовал царь Шахнаваз во всех трех царствах: в Картли, Кахети и Имерети», – передает летописец.

Вахтанг V стремился установить отношения с Европой, пригласить европейских купцов и восстановить старую торгово-транспортную маги-

страль между Востоком и Западом. Он говорил находившемуся в то время в Тбилиси французскому коммерсанту Ж. Шардену: «Европейцы, которые захотят отправиться в Индию через мою страну, нигде не найдут лучшего пути». Особо следует отметить, что в 1670-е годы, несмотря на разорение страны в результате нашествий Шах Аббаса, началась активизация торгово-экономической жизни. По словам грузинского летописца, в царствование Вахтанга V «все разбогатели, и возросло богатство и могущество Грузии».

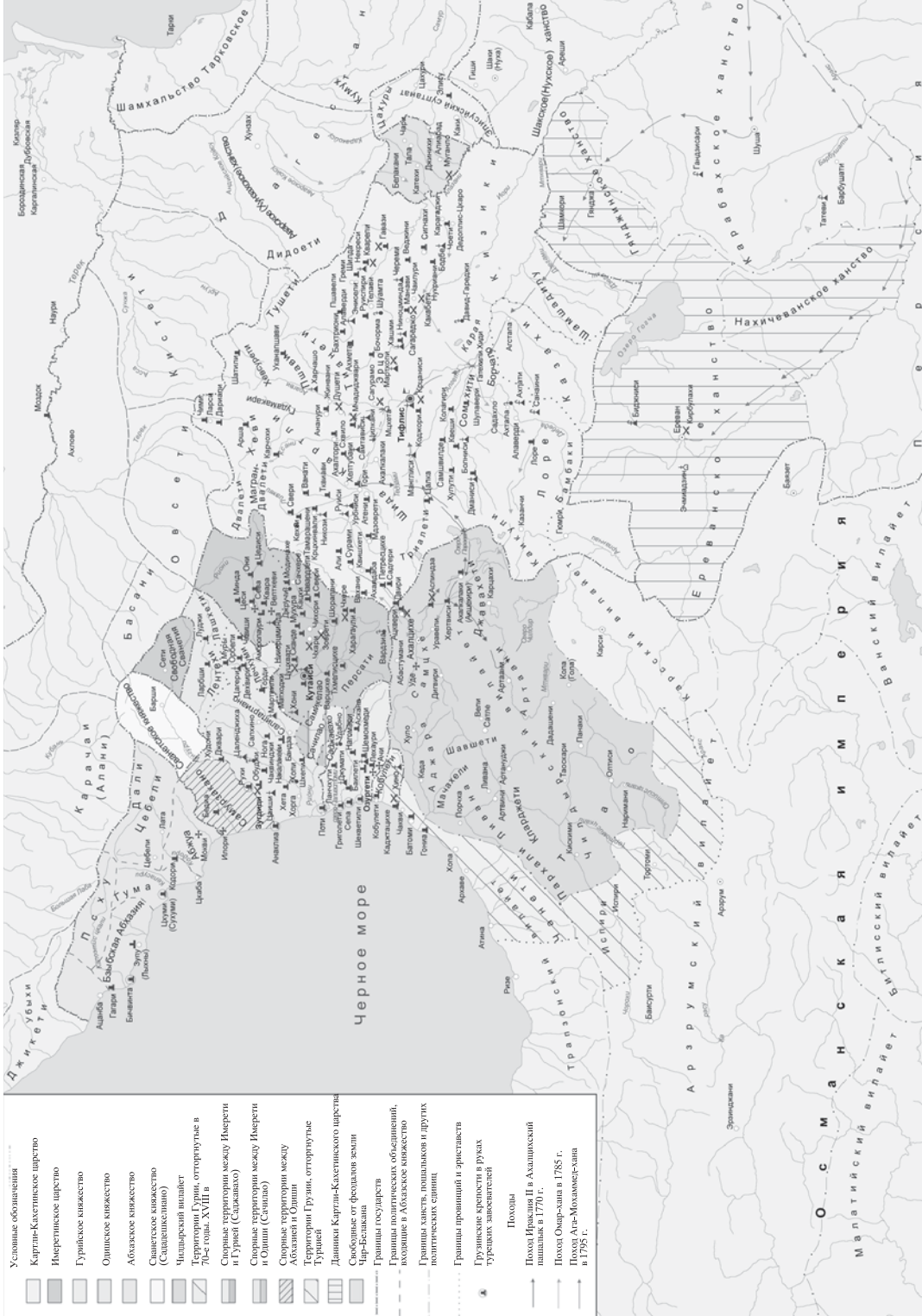
Несмотря на то, что в результате вмешательства турок, встревоженных присоединением Западной Грузии, объединение Грузии Вахтангом V оказалось кратковременным, вслед за возрождением экономики и торговых отношений последовал процесс культурного развития. В первой четверти XVIII в. большое внимание уделялось просвещению, науке, в частности истории, литературе. Инициатором этого большого культурного движения был Вахтанг VI, внук Шахнаваза, который собрал вокруг себя целую группу образованных и одаренных людей, «комиссию ученых людей», которой было поручено собирание, пополнение рукописей «Картлис цховреба» и восстановление древней истории грузинского народа. Поскольку летописи эпохи Георгия Блистательного

Грузия во второй половине XVIII века

© Авторы: Д. Мухелишвили (груз. вар.); М. Сулханишвили (рус. вар.)

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Неизвестный художник
Царь Ираклий II (1720–1798)
Вторая половина XVIII в.
© МЦХИПЦГ
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

и последующих времен были утеряны, было необходимо заполнить эти пробелы на основании собирания исторических источников. Блестящим представителем просветительской школы Вахтанга VI был его сын Вахушти, которому принадлежит первая попытка критического рассмотрения истории Грузии, детальное географическое описание и картографирование страны, которое является сокровищем грузинской культуры. Таким же сокровищем является составленный С.-С. Орбелиани толковый словарь грузинского

языка «Букет слов». В это время создаются замечательные памятники грузинского права: юридический кодекс, устанавливающий правила общественной жизни, «Законы Вахтанга», а также правила управления государством – «Дастурламали». Из литературных произведений этой эпохи следует отметить историческую поэму «Теймуразиани», написанную дядей Вахтанга VI, царем Арчиллом, и дидактическое сочинение С.-С. Орбелиани «Мудрость вымысла». С персидского языка были переведены астрономические и космографические труды и т.д. В 1629 г. в Риме была напечатана первая книга на грузинском языке. В 1708 г. по инициативе Вахтанга VI в Тбилиси была основана первая грузинская типография, где в 1709 г. впервые в Грузии было издано «Евангелие» на грузинском языке, а в 1712 г. – «Витязь в тигровой шкуре».

К сожалению, эта «энциклопедическая эпоха» грузинской книжности оказалась короткой. В 1723 г. Грузию покорили турки, а в 1735 г. турок сменили персы. Положение усугублялось частыми набегами дагестанских народов. Пришло в упадок хозяйство, понизилась активность общественной жизни. Некоторые регионы страны, например, Квемо Картли, из-за нашествий дагестанцев (*леков*) почти совсем обезлюдели.

Тем не менее в результате успехов грузинской дипломатии правитель Ирана Надир-Шах в 1744 г. был вынужден согласиться с тем, чтобы отец и сын – Теймураз II и Ираклий II начали царствовать по христианским правилам. После более чем столетнего перерыва вновь восстановилась власть христианских царей, что имело важнейшее значение для объединения страны и ее независимости. С 1749 г. Картл-Кахети фактически превратилось в суверенное государство, которое прекратило платить дань Ирану. Ереван-

ское и Нахичеванское ханства признали Теймураза и Ираклия своими сюзеренами. В тот же период и Гянджинское ханство становится вассалом грузинских царей, а с начала 1760-х годов, когда Ираклий II стал единоличным царем Картл-Кахети, его верховенство признали владельцы Шеки, Шемахи и Карабаха. Хотя формально Ираклий считался *вали* (наместником) шаха, фактически Иран признал его царем Картл-Кахети и смирился с его влиянием на закавказские ханства. Вновь встал вопрос об объединении Западной и Восточной Грузии: в 1790 г. делегация Имеретинского царства обратилась с просьбой к Ираклию II о присоединении Имерети к Картли-Кахети, однако он воздержался от выполнения их просьбы и посадил на трон Восточной Грузии своего внука. Таким образом, во время правления Ираклия II Грузия укрепилась экономически и стала влиятельной политической силой в Закавказье. Однако Ираклий видел, что Иран, Турция и уже подступившая с севера к Кавказскому хребту Россия оспаривали господство над Кавказом. Учитывая традиционную европейскую ориентацию феодальной христианской Грузии, Ираклий II сделал выбор в пользу России: 24 июля 1783 г. был заключен Георгиевский трактат, в соответствии с которым Грузия должна была вступить под покровительство России, но без упразднения царства и с правом наследования трона потомками Ираклия II. Это решение вызвало острую реакцию мусульманского мира, за которой последовало в 1795 г. вторжение войска иранского шаха Ага Магомед-Хана в Грузию, взятие Тбилиси и разорение Картли. В 1801 г., после смерти Ираклия II и его наследника Георгия XII, в Грузию вступила российская армия. Генерал К.Ф. Кнорринг, игнорируя положения Георгиевского трактата, упразднил грузинское царство и создал Временное правительство (Очерки истории Грузии, 1973. Т. IV).

ГРУЗИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА³

12 мая 1802 г. собравшемуся в Сионском соборе грузинскому обществу зачитали манифест императора Александра I от 12 сентября 1801 г., согласно которому упразднялось грузинское (Картли-Кахетинское) царство, объявлявшееся губернией России. Правителем новой губернии был назначен главнокомандующий кавказскими войсками генерал К.Ф. Кнорринг.

Положительным результатом этого стало фактическое прекращение агрессии соседей-мусульман, в частности набегов дагестанских народов, и создание более благоприятных условий для социально-экономического развития Грузии. Но царская администрация зачастую пренебрегала сформировавшимися на протяжении веков местными традициями управления на местах. В первую очередь стало осуществляться переселение в Россию представителей царской династии, целью которого была нейтрализация принцев, виновных в нарушении положений Георгиевского трактата. Российские власти стали проводить демографическую политику в своих интересах. Главноуправляющий П.Д. Цицианов в 1803–1806 гг. начал расселять в долине р. Ингури донских казаков. В 1806 г. более 4 тыс. русских крестьян переселились

³ © Д. Мусхелишвили

на Кавказ. В Грузию выселяли русских сектантов (духоборов, молокан и др.), оставляли на месте прохождения службы вышедших в отставку военных, создавая им льготные условия. Так были созданы русские поселения в Манглиси, Тетрицкаро, Гомбори и т.д. Осуществлялось переселение представителей различных нероссийских народов в Грузию. Так, П.Д. Цицианов поселил в Имерети чешских сектантов, в 1817 г. главноуправляющий А.П. Ермолов в Картли – немцев, в 1830 г. главноуправляющий И.Ф. Паскевич в Джавахети – армян (30 тыс. чел.). Этот процесс продолжался в Грузии и других регионах Кавказа на протяжении XIX – начала XX в.

Ко всему этому добавлялись тяжелые повинности, требуемые с крестьян их владельцами, их обязывали снабжать российскую армию продовольствием и обеспечивать транспортом. Уже в 1802 г. Кахети и большую часть Картли, начиная с Арагвского ущелья, охватили волнения. Члены династии Багратиони, представители знати, духовенства и крестьян составили петицию на имя императора Александра I и потребовали выполнения положений Георгиевского трактата. Царь Имерети Соломон II расположил свое войско на границе с Картли. Российский император возложил вину за обострение ситуации в Грузии на генерала К.Ф. Кнорринга и отправил его в отставку; главноуправляющим был назначен П.Д. Цицианов. Население удалось успокоить, но на протяжении первой половины XIX в. в различных регионах Грузии происходили выступления. В 1810 г. восстание охватило Имерети, но после его поражения Соломон II был вынужден покинуть Грузию (Очерки истории колониальной политики, 2007).

Покорение Имерети, отмена в 1811 г. автокефалии Грузинской православной церкви и основание подчиненного российскому Синоду экзархата еще более обострили положение. К кахетинскому восстанию 1812 г. присоединились пшавы, хевсуры и мохевцы. Восставшие пригласили на царство Григола Багратиони, стремясь восстановить грузинскую государственность. После ареста Григола Багратиони и его высылки в Россию восстание возглавил царевич Александр Ираклиевич, к которому присоединились картлийские князья. Борьба продолжалась целый год. В 1819 г. в Западной Грузии начались выступления за восстановление независимости. Помимо Имерети, волнения охватили Рачу, Гурию и Самегрело.

В 1844 г. на Кавказе был учрежден институт наместничества и административная автономия (1844–1881): наместник подчинялся только императору. Несмотря на то, что проведение колониальной политики не прекращалось, она была несколько ограничена, и это дало возможность развития грузинской общественной мысли и творческой деятельности (был основан грузинский театр, стали издаваться грузинский журнал и газета). Началась идеологическая борьба за присвоение Грузии статуса автономии в Российской империи. Эту борьбу с начала 1860-х годов вели *тергдалеулеби* (букв.: испившие воды Терека, т.е. получившие образование в России) во главе с И. Чавчавадзе.

В 1882 г. институт наместничества и административная автономия Кавказа были упразднены. Место наместника занял главноуправляющий, и царизм приступил к проведению политики русификации: было ограничено издание грузинских журналов и газет, в школах начались гонения на грузинских педагогов и грузинский язык (Очерки истории Грузии, 1980).

Одной из целей национально-освободительного движения стало восстановление автокефалии грузинской православной церкви: в 1905 г. представители различных кругов грузинского общества (духовенство, князья, помещики, горожане) предъявили властям петицию по данному вопросу, но российский синод под разными предлогами откладывал его решение. Только в 1917 г., после Февральской революции автокефалию грузинской церкви удалось восстановить.

На рубеже XIX–XX вв. в Грузии возникли политические партии; в конце 1905 г. по всей Грузии начались революционные выступления, которые в 1906 г. были подавлены. Несмотря на это, на международной конференции в Гааге в 1907 г. представители Грузии вновь поставили вопрос о выполнении Российской империей положений Георгиевского трактата. Они просили помощи у международной общественности, которая ограничилась лишь выражением солидарности (*Бендианишвили*, 1999).

ГРУЗИЯ В XX ВЕКЕ⁴

После октябрьского переворота 1917 г. Закавказье стало фактически независимым от России. В апреле 1918 г. на его территории было провозглашено создание Демократической Федеративной Республики, но в результате агрессии Турции эта федерация распалась. 26 мая 1918 г. Грузия стала Демократической Республикой, руководство которой взяла на себя социал-демократическая партия.

Первая грузинская республика взяла ориентацию на Запад, в частности на Германию. После поражения Германии, когда в ноябре 1918 г. согласно условиям перемирия ее союзник Турция вывела свои войска с оккупированной территории, в Квемо Каргли вошли армянские войска, которые грузинская армия вскоре вытеснила. Союзная Армении Англия создала «нейтральную зону» между двумя сторонами, которая включала Лорийский район.

Первая Грузинская Республика существовала два года и девять месяцев, и на протяжении этого периода ее отношения с Россией – как белогвардейской, так и советской, были непростыми. Еще в начале 1918 г. абхазские большевики объявили в Сухуми советскую власть и ввели из России двухтысячный военный отряд. Грузинское правительство силовыми методами восстановило порядок в этом регионе. В Абхазии был избран многонациональный Совет, который разработал «Акт автономии Абхазии», согласно которому Абхазия вошла в Грузию с автономным статусом.

В 1918–1920 гг. трижды восставали против грузинского правительства осетины, проживавшие в горных районах Шида (Внутренней) Каргли, они овладели г. Цхинвали и объявили об установлении советской власти. Грузинские вооруженные силы подавили эти восстания.

По договору от 7 мая 1920 г. Советская Россия признала независимость Грузинской Республики в границах бывших Тифлисской и Кутаисской губерний, а также территорий Батумского, Сухумского и Закатальского округов. В январе 1921 г. европейские государства признали независимость Грузинской Республики; в феврале 1921 г. 11-я Красная Армия вошла в Тбилиси

⁴ © Д. Мусхелишвили

(Бендианишвили, 2006). Эмигрировавшее во Францию правительство Первой Грузинской Республики безуспешно пыталось добиться рассмотрения грузинского вопроса на международной конференции в Лозанне (1922–1923) и на Ассамблее Лиги Наций.

Советизация Грузии вызвала сопротивление. Уже осенью 1921 г. восстание вспыхнуло в Сванети, и его удалось подавить только весной следующего года. В сентябре 1922 г. произошли восстания в Кахети и Хевсурети. В том же году с целью подготовки массового вооруженного восстания был создан «Комитет Независимости Грузии» («Дамком»), который запланировал общенародное выступление на 26 мая 1923 г. Однако оно не смогло осуществиться из-за арестов и расстрела членов «военного центра».

На основе заключенного с Германией Брестского мира Турции были переданы Тао-Кларджети и Кола-Артаани, 7 июля 1921 г. Кавказское бюро ВКП(б) с участием И.В. Сталина приняло постановление о передаче Армении бывшей «нейтральной зоны» Лоре, т.е. южной части Квемо Картли. Постановлением от 15 ноября 1921 г. Азербайджану были переданы Закатальский округ (Саингило), часть степи Эльдар-Самухи, равнина Гареджи и сектор Нижнего Караяза. В 1921 г. была создана Аджарская АССР, в 1922 г. – Юго-Осетинский автономный округ с центром в Цхинвали (термин «Южная Осетия» вошел в употребление со второй половины XIX в.), в который, помимо горных районов Шида Картли, включили часть равнинных земель, населенных грузинами; в 1921–1931 гг. Абхазия имела статус «Абхазской ССР на договорной основе», с 1931 г. – Абхазской АССР. Так сформировалась Грузинская Советская Социалистическая Республика.

Репрессии, начавшиеся в 1920-е годы, продолжались и в дальнейшем; в 1937 г. более 12 тыс. чел. были репрессированы. Жертвами стали многие представители грузинской интеллигенции. Тем не менее процесс развития грузинской культуры и науки, несмотря на государственную цензуру и чрезвычайные партийные постановления, и во второй половине XX в. шел по восходящей.

На фронтах Великой Отечественной войны сражались 700 тыс. выходцев из Грузии, из них погибло более 360 тыс. чел. Это были огромные потери для республики с трехмиллионным населением. С начала войны всех немцев, проживавших в Грузии, выслали в Среднюю Азию и Сибирь, а в конце 1944 г. из Месхети и Джавахети выслали в Среднюю Азию более 70 тыс. мусульман (многие из них по происхождению были грузинами). Сталинские репрессии продолжались и в послевоенные годы: в 1949 г. была проведена депортация турок, греков и части армян из Тбилиси, Батуми, Сухуми, Поти и Гагры, а в 1950–1951 гг. – грузин, имевших родственников за границей. После смерти И.В. Сталина в марте 1953 г. и XX съезда КПСС 1956 г. большинство репрессированных были реабилитированы, а депортированные народы возвращены из ссылки, кроме месхетинских турок, которые на протяжении десятилетий не смогли добиться права вернуться на историческую родину. В итоге значительная их часть переселилась в США с территории России уже после распада СССР.

14 апреля 1978 г. было принято решение о внесении изменения в Конституцию Грузии об отмене государственного статуса грузинского языка, что вызвало мощную манифестацию грузинских студентов. В итоге новая

Грузинская ССР. 1921–1989 годы

© Авторы: Д. Мухелишвили (груз. вар.); М. Сулханишвили (рус. вар.)
 © საქართველოს მეცნიერებათა ენციკლოპედია

Конституция сохранила за грузинским статус государственного языка республики. В 1980-е годы национальное движение в Грузии продолжало развиваться (*Натмеладзе, Даушвили, 2004*). 18 марта 1989 г. собравшиеся на сход в с. Лыхны абхазы приняли «Лыхненскую декларацию», в которой обвинили Грузию в «попытке культурной ассимиляции» абхазов и потребовали вернуть Абхазии статус независимой республики. Это еще больше обострило положение. В Тбилиси манифестанты выступали с лозунгами, призывавшими к разрушению «Российской империи» и «введению в Грузию войск ООН». За этим последовала трагедия 9 апреля 1989 г., когда отряды спецназа разогнали мирный митинг на проспекте Руставели и погибли 19 человек. Трагедия 9 апреля получила международный резонанс.

ГРУЗИЯ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ⁵

В октябре 1990 г. прошли свободные выборы в Верховный Совет Грузии, где коалиция «Круглый стол – свободная Грузия» во главе с З. Гамсахурдиа получила большинство мандатов. Председателем Совета стал З. Гамсахурдиа. Были восстановлены регалии первой республики Грузии (1918–1921 г.) – государственный флаг, герб и гимн, было сформировано новое правительство, создана Национальная гвардия. На референдуме 31 марта 1991 г. 97% населения проголосовало за независимость Грузии. 9 апреля 1991 г. на основе «Акта о независимости» от 26 мая 1918 г. было объявлено о восстановлении суверенитета Грузии. Провозглашение носило декларативный характер, поскольку Грузия все еще полностью зависела от Советского Союза, и прекращение субсидирования экономики республики из союзного бюджета было чревато для нее серьезными проблемами. В таких условиях политическая группировка «Круглый стол – свободная Грузия» провела президентские выборы, на которых с большим преимуществом победил Звиад Гамсахурдиа. Другое крыло национального движения считало, что в новой Грузии и форма государственного устройства должна быть новой. Оппозиционные силы провели параллельные выборы и, в противовес Верховному Совету, создали Национальный Конгресс, имевший поддержку части населения (*Джонс, 2013*).

Серьезные проблемы встали перед центральным руководством и в Москве. В августе 1991 г. группа заговорщиков устроила путч (ГКЧП). В СССР было объявлено чрезвычайное положение. Эмиссары ГКЧП потребовали от руководства Грузии повиновения и роспуска национального вооруженного формирования – гвардии. З. Гамсахурдиа ответил согласием, подчинив гвардию министерству внутренних дел республики. Оппозиция расценила этот шаг президента как сговор с Кремлем. 2 сентября 1991 г. митинг оппозиции в центре Тбилиси, перед Домом кино, был разогнан частями спецслужб. Несколько участников митинга получили ранения.

Политическим кризисом в стране воспользовались в Абхазии, где прошли выборы по новой схеме и по квотам представительства в Верховный совет для абхазов и для жителей других национальностей. В Аджарии также

⁵ © А. Даушвили

пришло к власти новое руководство во главе с Асланом Абашидзе. Противостояние возникло и в Южной Осетии. Это было неожиданное явление, так как большая часть осетин Грузии жила за пределами автономной области, в условиях тесных экономических и родственных связей с грузинами.

Ситуация обострилась в декабре 1991 г. Выстрел в сторону митингующих 22 декабря со стороны Дома правительства стал поводом к началу вооруженного гражданского столкновения. Альянс Т. Сигуа, Д. Иоселиани, Т. Китовани открыто противостоял президенту З. Гамсахурдиа, вынужденному 6 января 1992 г. с группой соратников тайно покинуть Тбилиси. Военный совет (Т. Китовани, Д. Иоселиани) распустил парламент и приостановил действие Конституции. Сформировалось временное правительство во главе с Т. Сигуа. В первые же дни переворота были разогнаны несколько митингов сторонников экс-президента. Имелись жертвы. В Зугдиди было создано движение сопротивления, располагавшее серьезной военной силой.

К концу января 1992 г. 24 государства де-юре признали Грузию. Стране необходим был сильный лидер, с которым мировое содружество готово было бы установить полноценные отношения. Военный совет принял решение пригласить в Грузию Э. Шеварднадзе. Был создан Государственный совет Республики Грузия, председателем которого был избран Э. Шеварднадзе. Грузию с визитами посетили: канцлер Германии Д. Геншер, госсекретарь США Д. Бейкер, министр иностранных дел Российской Федерации А. Козырев и другие официальные лица. 31 июля 1992 г. ООН приняла Грузию, признав ее независимость и территориальную целостность в границах бывшей Грузинской ССР. Все надеялись на то, что международное признание поможет примирить противостоящие стороны, а также урегулировать осетино-грузинский конфликт. При содействии ОБСЕ и российской стороны здесь удалось достичь стабилизации обстановки. Было решено, что ситуацию в регионе будут контролировать трехсторонние миротворческие силы. В серьезный очаг напряженности превратилась Западная Грузия, где ситуацию взяли под контроль сторонники экс-президента З. Гамсахурдиа. Жители этого региона объявили неповиновение новому руководству, устраивали саботаж, перекрывали дороги, железнодорожные пути и т.д.

Проходящая через Абхазию транзитная железнодорожная магистраль нередко становилась объектом диверсии и нападения со стороны различных незаконных вооруженных формирований, что приносило ущерб не только Грузии, но и ее соседям – Армении и Азербайджану. Необходимость контроля над железной дорогой вынудила грузинское руководство в августе 1992 г. ввести в Абхазию военные подразделения. Абхазские военные соединения оказали стойкое сопротивление грузинским вооруженным силам, хотя последним все-таки удалось войти в Сухуми. С помощью добровольцев с Северного Кавказа абхазы не только отстояли Гудауту, но и штурмом взяли Гагру, Леселидзе и другие населенные пункты. Грузино-абхазские переговоры, несколько раз начинавшиеся при посредничестве российской стороны, не увенчались успехом. Братоубийственная война в Абхазии продолжалась почти целый год. 27 сентября 1993 г. абхазские соединения взяли Сухуми. В сложившейся обстановке руководство Грузии приняло решение войти в состав Содружества Независимых Государств, созданного

под эгидой России и объединявшего большинство постсоветских стран. 6 января 1994 г. СМИ распространили вест о смерти при невыясненных обстоятельствах З. Гамсахурдиа. Гражданская война завершилась. Новому руководству страны досталось тяжелое наследие – после распада Советского Союза на всем постсоветском пространстве начался экономический кризис: распались экономические связи, остановились крупнейшие предприятия.

В 1995 г. при непосредственном курировании со стороны международных финансовых организаций в Грузии началась финансовая реформа. Купон сменила национальная денежная единица – лари. Восстановление распавшейся экономики было делом нелегким. Тяжелые социальные условия вызвали миграцию населения. По официальным данным, в 1991–2000 г. из Грузии на работу за границу выехало 240 тыс. чел., по неофициальным – около миллиона. Основными направлениями миграции были Россия, страны Европы, Турция, США. С 1997 г. продолжилось реформирование экономики. Большое значение для успешного течения экономических реформ имело повышение интереса к Грузии со стороны западных государств, в том числе реализация идеи Транскавказского транспортного коридора (ТРАСЕКА). Наряду с экономическими преобразованиями начались реформы в сфере образования, здравоохранения и обороны страны. В 1997 г. в Грузии была отменена смертная казнь. Очень сложно обстояли дела в системе образования и здравоохранения. Из-за хозяйственного и экономического развала государство уже не могло оказывать достойную помощь работникам сферы образования, здравоохранения и культуры.

Наладить политическую жизнь страны можно было только на основе новой Конституции, которая была принята 25 августа 1995 г. Согласно новой Конституции, выборы, на которых убедительную победу одержала партия сторонников Э. Шеварднадзе «Союз граждан», состоялись в ноябре 1995 г. Примирить грузин разных политических взглядов старался Его Святейшество католикос-патриарх Всея Грузии Илия II. Конституция Грузии декларирует свободу совести и вероисповедания, но вместе с тем подчеркивает особую роль Грузинской Православной Церкви в деле национальной идентификации грузинского народа. Об этом свидетельствует и Конкордат, оформленный церковью с государством (2002 г.). Кроме православной церкви, в Грузии существуют католическая, протестантская, баптистская, григорианская паства, еврейская, мусульманская общины и др. Грузию посещают патриархи Константинопольский, Александрийский, Иерусалимский и другие высшие церковные иерархи. В 1996 г. в Грузии побывал патриарх Всея Руси Алексей II. Незабываемым событием для Грузии стал визит Папы Римского Иоанна-Павла II, состоявшийся в 1999 г. по приглашению Илии II и Э. Шеварднадзе.

Несмотря на безусловный международный авторитет и опыт Э. Шеварднадзе, его политической группе не удалось обеспечить экономический и социально-политический подъем страны. Не было выполнено фактически ни одно серьезное социальное обещание. На фоне тотального обнищания населения выросли масштабы коррупции. «Молодые реформаторы» (З. Жвания, М. Саакашвили и др.) обвиняли власти в неспособности управлять страной, требуя неукоснительного проведения радикальных реформ. «Молодые

реформаторы» надеялись, что в результате выборов 2 ноября 2003 г. им удастся демократическим путем сменить существующую власть. Вопреки ожиданиям победа на выборах 2 ноября вновь досталась Э. Шеварднадзе.

В стране начались акции массового неповиновения. Во время первой сессии представители оппозиции прорвались в Дом правительства, держа в руках розы, вследствие чего эти события получили название «Революция Роз». Лидеры оппозиции заняли зал заседаний парламента и вынудили президента Э. Шеварднадзе подать в отставку. Были назначены досрочные президентские (4 января 2004 г.) и парламентские (28 марта 2004 г.) выборы. Вскоре сменилась и государственная символика: черно-бело-багровый флаг сменился красно-белым пятикрестовым флагом – символом единой монархической власти Грузии, несколько позже были изменены государственный герб и гимн страны.

На президентских выборах М. Саакашвили победил с большим преимуществом (96,27%) и стал третьим президентом независимой Грузии. На парламентских выборах победила политическая партия М. Саакашвили «Единое национальное движение». Но вскоре произошло резкое ухудшение внутривнутриполитической и социальной обстановки в стране. В декабре 2004 г. произошла реорганизация силовых структур; скоро стало очевидным, что из-за низкого профессионализма и плохого руководства представители этих силовых ведомств нередко сами нарушали правопорядок. Грузинскую общественность, особенно интеллигенцию, волновали реформы системы образования и науки, в результате которых фактически была полностью развалена структура Академии наук Грузии. С течением времени все более заметными становились неадекватные действия нового грузинского руководства: желание задушить оппозиционную мысль, ужесточение полицейского режима, бесконтрольность, порочная практика передачи природных богатств Грузии в чужие руки, грубое нарушение прав человека, ограничение свободы средств массовой информации и т.д.

Все это вызвало в стране серьезный кризис, достигший кульминации в сентябре-ноябре 2007 г. Проходили массовые митинги протеста. Ситуация в стране все более накалялась. Президент М. Саакашвили объявил о своей отставке. Президентские выборы были назначены на 5 января 2008 г. Политическое окружение М. Саакашвили максимально использовало административные ресурсы и он набрал 53% голосов. На парламентских выборах, состоявшихся в мае 2008 г., также с большим преимуществом победила политическая группировка «Единое национальное движение».

Вскоре после выборных баталий, в августе 2008 г., вновь обострилась обстановка в Южной Осетии (Шида Картли). 8 августа 2008 г. началась «пятнадцатидневная война», стоившая грузинскому народу немалых людских и политических потерь. По инициативе президента Франции между воюющими сторонами было достигнуто мирное соглашение. Россия и Грузия подписали документ об обоюдном прекращении огня. Однако до полной нормализации российско-грузинских отношений еще предстоит пройти долгий и трудный путь.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГРУЗИИ⁶

Территория Грузии делилась на физико-географические и, соответственно, – экономические зоны горной и равнинной местностей. При этом равнинная зона (Колхидская низменность и Иверийская равнина) с характерным для нее интенсивным сельским хозяйством и с определенных времен – также и городской жизнью располагалась посередине, между обрамляющими с севера и юга (Большой и Малый Кавказ) пространственными зонами горной экономики. Эти горные зоны (*мта*) со своими специфическими геоморфологическими и климатическими особенностями, а также гидрографической и коммуникационной сетью, являются обращенным к низменности (*бару*) миром. В частности, ущелья, расположенные между разветвлениями исходящих по меридиану из массивов Большого и Малого Кавказа хребтов, по которым протекают притоки рек Куры и Риони, являются связующими горы и равнины артериями.

Специфика физико-географического характера во многом определяла конкретные особенности расселения и хозяйственной деятельности населения, которое делилось на две части – горское и равнинное. Следовательно, и деятельность населения дифференцировалась на равнинное и горское хозяйства. Исходя из этого, возникала необходимость экологического равновесия, что, в конечном итоге, отображалось в тенденции слияния горских и равнинных жителей и территорий их обитания.

В грузинских исторических летописях давно отмечен постепенный процесс перемещения горского населения в сторону равнины. На это важное явление указывают и данные грузинского историка, географа и картографа XVIII в. Вахушти Багратиони. Основной причиной этого была экономическая ситуация в стране: неинтенсивное хозяйство в горных условиях может удовлетворить лишь определенное количество населения, а прирост вынужден спуститься на равнину. С одной стороны – нехватка и скудость земель, а с другой – отсутствие зимних пастбищ, необходимых для развития скотоводства, в частности овцеводства, стали тем основным фактором, который обуславливал зависимость горной зоны от равнинной и в конечном итоге способствовал тенденции органичного слияния, как населения, так и двух означенных ареалов страны. Это долгий процесс, который берет начало в глубине тысячелетий и завершается только в эпоху победы феодальной формации.

С точки зрения внутренней эволюции страны крайне важно учитывать характерные для нее особенности, отражающиеся, в свою очередь, в специфических закономерностях. В регионе однородной самодовлеющей экономики (в *мта* или *бару*) конкретные геоморфологические единицы формируются в виде отдельных экономических и этнокультурных общностей. Подобными общностями, известными в древнегрузинском как *хеви* (ущелье) или *квекана* (страна/земля/область), являлись провинции – Тушети, Пшави, Хевсурети

⁶ © Д. Мусхелишвили

или Хеви в Кавказском нагорье, а также Триалетское или Джавхетское плато в южной Грузии, «Мухранская земля» в равнинной части Грузии и др. В регионе неоднородной экономики различные геоморфологические системы (*мта*, *бари*) формируются в единые экономические и этно-культурные общности. Подобными *хеви* или *квекана* являются Кснис-хеви – в Шида (Внутренней) Картли, Алгети – в Квемо (Нижней) Картли и т.д. Эти закономерности имели решающее значение как для образования государственной территории вообще, так и для ее внутренней структуры в частности.

Со второй половины II тыс. до н.э. на территории Восточной Грузии образовалась система *хеви* (ущелий). *Хеви* – это древнейшая грузинская историко-географическая единица, которая существовала в горной и в равнинной местности. Они являли собой совокупность «селений» и образовывали как социальные общности (племя, община), так и единые экономические комплексы, которые в равнинной зоне (*бари*) составляли общественные единицы, основанные на единой ирригационной системе; в горной же зоне (*мта*) это было обитающее в пределах отдельного геоморфологического ареала население, объединенное общими экономическими интересами (скотоводство, общие пастбища и т.д.). Именно поэтому в определенный период, в частности в до- и раннеклассовую эпоху территория Грузии делилась на *хеви*, а ее население – на *мехеве* – жителей хеви. Об этом свидетельствует как сохранившаяся в древних источниках, так и современная топонимия (Кавтисхеви, Тедзмисхеви, Хеви), а также упомянутые в XII в. *суанни мехевени* (сванские *мехеве*) и современные *мохеве* (грузины-мохевцы). Последующая социально-экономическая эволюция способствовала постепенному объединению и слиянию хеви в более крупные образования – *хеоба*, создающие совокупность тех же «хеви» и, следовательно, также являющиеся территориально-экономическими комплексами. Наконец, та же эволюция благоприятствовала объединению последних (*хеоба*) в одну страну (*квекана*) или же одно государство, основу которого составляли в первую очередь общие экономические и социально-культурные интересы горского и равнинного населения в пределах определенной территории. Образовавшееся в IV в. до н.э. грузинское государство (Иверия, Картли) представляло собой совокупность именно таких горных и равнинных «картлийских хеви».

С объединением всей страны первый грузинский царь Фарнаваз приступил к административно-территориальному делению государства: «став царем над всей Картли и Эгури умножил воинов картлосидов и назначил восемь эриставов и одного спаспета» (Картлис цховреба, 2013). Фарнаваз разделил царство на девять административно-территориальных единиц, подчинив их *спаспету* (предводитель войска, второе лицо после царя) и *эриставам* (воеводам). Эти эриставства делились в свою очередь на более мелкие единицы, в частности – *хеви*, во главе которых стояли тысяченачальники (*хевистави*) или *хевисупали* – главы *хеви*. Институт эриставства реально выступает во второй половине V в., когда историк царя Картли Вахтанга Горгасала поименно перечисляет его сановников. Первым был спаспет Джуаншер, владетель Шида (Внутренней) Картли и владыка всех эриставов; затем – Деметре, эристав Кахети и Кухети; Григол – эристав Хунана; Нерсаран – эристав Самшвилде; Адарнасе – эристав внутренней Эгриси и Сванети; Бакур – эристав Маргвети

и Таквери; Артаваз – эристав Кларджети; Насар – эристав Цунды; Бивритиан – эристав Одзрхе (Картлис цховреба, 2013).

По мере укрепления феодальных отношений эриставства со временем распадаются на мелкие административные единицы. Данный процесс завершился тем, что к середине VIII в. «размножились мтавары в стране Картли, начали они бороться и враждовать друг с другом» (Картлис цховреба, 2013). Эти преемники крупных эриставов могли происходить из бывших *хевистави*, которые к тому времени уже являются не просто крупными чиновниками, но и независимыми или полунезависимыми феодалами, *мтаварами* (владельцами князьями), владевшими крепостями и обладавшими суверенитетом и правомочиями в подвластных им владениях.

К концу VIII в. на территории современной Грузии и в прилегающих областях образовалось несколько феодальных государств: Кахетинское княжество, Эретское царство, Картвельское куропалатство, или Тао-Кларджетское княжество и Абхазское царство. Эти царства и княжества, которые были образованы за счет слияния социально-экономических зон *мта* и *бари*, с точки зрения административно-территориальной системы делились на эриставства, состоявшие из отдельных *сахвисупло* (владения глав *хеви*). Так, в начале XI в., когда Кахетинское княжество объединилось с Эретским царством, образованное единое Кахетинское царство было разделено на семь эриставств. Что касается Западной Грузии, со слов Вахушти Багратиони, «здесь сей Леон (эристав абхазов) стал царем, и захватив весь Эгриси, не стал называть больше Эгриси, а называл Абхазети и разделил Эгриси и отныне – Абхазети на восемь эриставств».

Таким же образом было разделено на эриставства и эриставт-эриставства упомянутое выше Картвельское куропалатство, которое к концу IX в. стало Картвельским царством. В источниках также упомянуты «эристав Аджарии», «эристав Квелис-цихе», эристав Самцхе и др.

В Шида Картли, которая к тому времени считалась спорной территорией между абхазскими царями и кахетскими мтаварами, с IX в. упоминается «эриставство Клдекари» и т.д. Эти эриставства по-прежнему делятся на *хеви*, которыми управляют подчиненные эриставов – *хевисупали*. Так, в источниках упомянуты «хевисупали Цхрадзмисхеви» из Шида Картли, «Кобул хевисупали» из Квемо Картли, «хевисупали Гулсаб» из Дигомского ущелья, «хевисупали Манила» из Самцхе. Центрами эриставств и хеви были крепости, служившие также резиденциями эриставов и хевисупали. Большинство из них выстроены на магистралях, связывающих горную и равнинную местности, у выходов из ущелий к долинам, осуществляя эксплуатацию «горных» и «равнинных» зон, что с точностью указывает на органическое объединение *мта* и *бари* в одну область (*квекана*).

Процесс социально-экономического развития требовал объединения отдельных феодальных государств на более прочной этнокультурной основе. После двухсотлетней междоусобной борьбы на рубеже X–XI вв. благодаря усилиям Иоанэ Марушисдзе, Давида Куропалата и Баграта III страна объединилась в централизованную феодальную монархию, именуемую Сакартвело (Грузией). В административно-территориальном отношении новое государство, судя по данным XI–XII вв., делилось на отдельные *хеви*; под «верхними

и нижними хеви» в летописях того времени подразумевается вся территория Восточной и Западной Грузии.

Государственная территория единой Грузии делилась на следующие структурные элементы: эриставт-эриставство (крупное воеводство), эриставство, (*саэриставо*), сацхиставо (земли, подвластные начальникам гарнизонов) и хеви (*сахевисупло*) (Памятники грузинского права, 1965). Сацхиставо, центрами которых служили те или иные значительные крепости и в состав которых входило несколько хеви, сами в свою очередь объединялись в эриставства и охватывали всю территорию Грузии.

В Грузии засвидетельствован институт «порубежников», наподобие нынешних пограничных служб. Это были административные единицы, расположенные вдоль южной пограничной линии. В обязанности управляющих этими областями эриставов входила защита государственной территории от посягательств врага. Эриставства пограничной зоны назывались «порубежными» (*санапиро*).

К тому времени окончательно сформировалась специфическая социальная структура, которая и в последующем оставалась характерной для грузинского общества. В равнинной зоне (*бару*) установились классические феодальные отношения, такие же, как на севере Франции или Германии. В горной части страны (*мта*) сложилась иная картина: поскольку ввиду скудных экономических возможностей развитие феодальных отношений в данном регионе было крайне ограниченным или даже невозможным, здесь господствовал в несколько модифицированном виде общинно-родовой строй: верховное право на земельные угодья принадлежало государству (в лице царя), а сами общинники считались личными крепостными царя и несли повинность в его пользу; в частности, обязывались участвовать в военных походах. Сложившиеся между горским населением и царской властью отношения можно охарактеризовать как «государственный феодализм». В этом и заключались особенности социальных отношений феодальной Грузии, обусловленные физико-географической спецификой.

Если в VIII–X вв. центром административной единицы (эриставства, хеви) фактически являлась крепость – резиденция феодала, и вся страна была разделена на отдельные единицы *сацхиставо*, то с XI–XII вв. наряду с ними возникает новый структурный элемент социального развития – феодальный город. XI–XII вв. – эпоха образования Новгородов – *Ахалкалаки*; в это же время появляются новые административно-территориальные единицы: город и подвластная ему область, т.е. экономически и административно подвластная ему территория с пригородными селениями.

В этой связи примечательно, что если в прошлом города древнего Картлийского царства располагались вдоль берега Куры, по международной транзитной магистрали, то «Новые города» возникали в предгорной местности, на магистралях, связывающих *мта* с *бару* (Дманиси, Самшвилде, Атени, Жинвали), и даже в нагорье (Триалетский и Джавахетский Ахалкалаки), что в свою очередь свидетельствует о мощном экономическом развитии страны.

В исторических источниках XII–XIII вв. появляется новая терминология: «Шамкори и подвластная ему область (*квекана*)», «Кари (совр. Карс) и подвластная ему область», «Дманиси и подвластная ему область» или же –

«область (*квекана*) Кари», «область Атени», «область Кутатиси» и т.д. Правителем этих городских территорий был «калакис моурави» (попечитель, управляющий города), получивший название «городского эмира», соответствующее современному мэру города. Глава Тбилиси, которому как начальнику столицы подчинялись остальные «городские эмиры», был назван «Тифлисским эмиром эмиров».

Подобные процессы – расцвет городов, тенденция превращения их в административные центры страны, привлечение к политической жизни «третьего сословия», т.е. представителей торгово-ремесленной сферы, указывали на начало новых формационных импульсов. К сожалению, им не довелось развиваться в дальнейшем: вторжение турок-сельджуков, нашествия монголов и сложившаяся в последующие века политическая ситуация приостановили процесс восходящего экономического и социального развития Грузии; страна вступила на путь стагнации и социально-экономического регресса. Был приостановлен процесс дальнейшего развития городов и городской жизни в стране вплоть до XV в., когда Грузия распалась на отдельные царства и княжества, сохранилась устаревшая система *хеви* и *эриставств*.

С ослаблением царской власти бывшие чиновники – эриставы и главы мелких административных единиц (*хевисупали*, *хевистави*), которые раньше назначались царем, стали полунезависимыми *тавади* (князьями), превратив управляемые ими территории в свою собственность. Некоторые эриставы (Одишский, Гурийский, Абхазский, Самцхийский) стали владетельными князьями, которые не подчинялись царю. Царский домен делился на отдельные волости (*самоураво*), которые в основном совпадали с древними *хеви*; ими управляли *моурави*. Так, в начале XVII в. известный Георгий Саакадзе (Великий Моурави) был моуравом Тбилиси, Цхинвали (Лиахвское ущелье) и Дваleti (верховье р. Ардон).

Княжества (*сатавадо*) и волости (*самоураво*) объединялись в *садрошо* (воеводства, от груз. *дроши* – знамя) – военно-административные единицы с воеводами во главе. В начале XVI в. в Картлийском царстве были образованы четыре *садрошо*: передовое, или первое фактически охватывало всю территорию Квемо (Нижней) Картли; правое, или второе – северо-западная часть Шида (Внутренней) Картли, или Земо Картли (Верхняя Картли); заднее (арьергардное) или третье – центральная и северо-восточная части Шида (Внутренней) Картли; левое или четвертое – «Заречная сторона» Куры в Шида Картли (правый берег) до Триалетского хребта, окрестности Тбилиси и Мцхета (*Цинцадзе*, 1973а).

Аналогичная ситуация сложилась и в Кахетинском царстве в XVII в. После нашествия Шаха-Аббаса и опустошения края к 20-м годам XVIII в. *садрошо* Некресели и Алавердели были присоединены к Руставскому, в Кахети осталось всего два *садрошо*: Бодбели и Руствели. В грузинских источниках появились новые названия – Квемо (Нижняя) и Земо (Верхняя) Кахети. Те же процессы, и в особенности *лекианоба* (набеги дагестанских народов) вызвали опустошение Картлийских провинций, в результате чего пришлось упразднить некоторые *самоураво*. Таким образом, к концу XVIII в. в Картли-Кахетинском царстве оставалось всего 13 *самоураво*. В Имеретинском царстве, по сообщению позднесредневековых источников, помимо *сатавадо* (княжеств) упоминаются 26 *самоураво*, которые также объединялись в отдельные вое-

водства. На самоураво было разделено и Мегрельское княжество (*Цинцадзе, 1988*).

Такова была ситуация, с точки зрения административного деления, к тому времени, когда в 1801 г. Картли-Кахетинское царство по указу Павла I превратилось в «Грузинскую губернию», которую впоследствии намеревались разделить на две провинции – Картлийскую и Кахетинскую, но внезапная кончина императора помешала выполнить задуманное. Согласно манифесту Александра I (от 12 сентября 1801 г.). Грузинскую губернию разделили на 5 уездов: Лорийский, Горийский, Душетский, Телавский и Сигнахский. Поскольку к тому времени, как отмечалось в манифесте, в городе Лоре отсутствовало население, то было решено разместить уездную администрацию в губернской столице, т.е. в Тбилиси. В манифесте также указывалось, что новое административное деление, уездная система соответствовала обстановке времен грузинских царей, когда Картли делилась на Земо и Квемо Картли, а Кахети – на Земо и Квемо Кахети. К каждому из уездов было приписано определенное число селений (АКАК, 1866. Т. I). Таким образом, в основе русского административного деления лежала уже имевшаяся в восточно-грузинских царствах система воеводств (*Цинцадзе, 1973б*).

По упразднении Имеретинского царства была учреждена Имеретинская область, во главе которой, по приказу главноуправляющего Грузии и Кавказской линии генерала А.П. Торماسова, был поставлен полковник Ф.Ф. Симанович, который в 1810 г. представил постановление об управлении Имеретинской областью, по которому ее следовало разделить на шесть «округов». В 1811 г. был разработан новый вариант этого проекта, в соответствии с которым в Имеретии упразднялась система *самоураво*. Однако из-за вспыхнувшей эпидемии чумы и этот проект не был воплощен в жизнь. В Западной Грузии чума свирепствовала в течение двух лет, истребив почти половину населения Имерети (*Цинцадзе, 1988*).

По окончании русско-турецкой войны 1828–1829 гг., согласно Адрианопольскому мирному договору, Турция уступила России часть Ахалцихского пашалыка, в которой по принципу системы турецкого административно-территориального деления насчитывалось 10 санджаков под управлением санджак-бегов. Подобное деление, в свою очередь, повторяло древнегрузинское деление страны на отдельные «хеви». Генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич решил не упразднить управление санджак-бегов в ряде санджаков (в Кваблиани, Поцхови, Чрдили, Абастумани, Ахалцихе и Аджарии), а в остальных (в Ахалкалаки, Хертвиси, Аццури и Аспиндзе) ему пришлось назначить комендантами русских офицеров, поскольку бывшие беги сбежали в Турцию (АКАК, 1866. Т. I).

Подобная система управления сохранилась до 1840 г., когда Николай I одобрил новый законопроект, разработанный комиссией под началом сенатора Е.Ф. Гана. Законопроект предусматривал новое административно-территориальное деление всего Закавказья и его преобразование согласно российским законам. Все Закавказье (за исключением Абхазии, Мегрелии и Сванети, где к тому времени еще сохранялась власть местных владетелей) разделялось на две крупные административные единицы: Грузино-Имеретинскую губернию и Каспийскую область. В 1844 г. главнокомандующий Закавказским краем А.И. Нейдгарт установил для тушин, пшавов и хевсур особое военно-област-

ное управление, а из «Южной Осетии» и Мтиулет-Хеви создал два округа – Осетинский и Горский. Однако реформа Гана не оправдала себя, вызвав всеобщее недовольство, ввиду чего первый наместник края граф Воронцов был вынужден ввести новое административно-территориальное деление (*Цинцадзе, 1973б*).

В 1846 г. в Закавказье были учреждены четыре губернии: Тифлисская, Кутаисская, Шемахинская и Дербентская. В 1846 г. к ним добавилась еще одна – Ереванская, отделившаяся от Тифлиской губернии. В состав Тифлиской губернии входили уезды: Тифлиский, Горийский, Телавский, Сигнахский и Елизаветпольский (в 1868 г. преобразован в отдельную губернию), а также – Туш-Пшав-Хевсурский, Осетинский и Горский округа. В Кутаисской губернии было пять уездов: Кутаисский, Шорапанский, Рачинский, Озургетский и Ахалцихский. Бамбакская и Шурагельская дистанции (бывшие древнегрузинские *самоураво*) были присоединены к Ереванской губернии. Из Джаро-Белокан и бывшего Илисуйского султаната был образован Джаро-Белоканский округ. Самурзакано – спорную территорию между владельцами Абхазии и Мегрелии в 1840 г. подчинили непосредственно российскому правительству, а в 1848 г. по предложению кавказского наместника М.С. Воронцова присоединили к Кутаисской губернии. В начале 1850-х годов российскому управлению подчинилась и Цебельда.

В период наместничества А.И. Барятинского Осетинский округ был разделен на три участка: Нарский, Мало-Лиахвский и Джавский; но Нарский участок и Мамисонское ущелье (бывшее Двалетское самоураво в Картлийском царстве) отделили от Горийского уезда и присоединили к «Осетинскому военному округу», созданному на Северном Кавказе. Остальная часть (участки Мало-Лиахвский и Джавский) оказалась в составе Горийского уезда. Туш-Пшав-Хевсурский округ получил название: «Тианетский округ» и, соответственно, был разделен на три участка. Все эти изменения произошли в 1859 г. (АКАК, 1870. Т. V).

В 1867 г. упразднили Мегрельское княжество. Было образовано три округа – Сенакский, Зугдидский и Лечхумский, правители которых пользовались полномочиями уездных начальников Кутаисской губернии. В 1864 г. было упразднено Абхазское княжество; из Абхазии, Цебельды и Самурзакано образовали Сухумский отдел, в свою очередь включавший четыре округа: Цебельдинский, Пицундский, Драндский и Окумский. В 1868 г. этот отдел разделили на два округа – Пицундский и Очамчирский, в состав последнего вошли Самурзакано и Абжуа. При этом каждый округ разделили на два участка: Пицундский делился на Гудаутский и Гумистинский, а Очамчирский – на Кодорский и Самурзаканский участки.

По окончании русско-турецкой войны 1877–1878 гг., согласно Берлинскому трактату, Батумская область была передана России и разделена на три округа: 1. Батумский округ с участками: Кинтриши, Батуми и Гонио; 2. Артвинский округ с участками: Артвин, Артануджи и Шавшет-Имерхеви; 3. Аджарский округ с участками: Земо Аджария, Квемо Аджария и Мачахела (*Иваненко, 1901*).

В результате урегулирования системы управления присоединенных территорий к концу XIX в. сложилась следующая схема административно-территориального устройства. Территория Грузии состояла из 2 губерний

(Тифлисской и Кутаисской), 16 уездов, 3 округов (Батумский, Сухумский и Артвинский) и 65 полицейских участков. В состав Тифлисской губернии входили 9 уездов: 1. Тифлисский (участки: Сартичала, Тифлис, Карайаз); 2. Ахалкалакский (участки: Баралети и Богдановка); 3. Ахалцихский (участки: Коблиани, Ацкури, Уравели); 4. Борчалинский (участки: Екатеринофельд, Лоре, Триалети); 5. Горийский (участки: Боржоми, Меджврисхеви, Сурами, Хидистави, Цхинвали); 6. Душетский (участки: Базалети, Мцхета, Ксани – до 1890 г. – Ахалгори, Квешети); 7. Сигнахский (участки: Бакурцихе, Кодало, Мачхаани и Шираки); 8. Телавский (участки: Кварели, Цинандали); 9. Тианетский (участки: Пшав-Хевсурети, Эрцо, Тушети).

В Кутаисской губернии было семь уездов: 1. Кутаисский (участки: Кутаиси, Ткибули, Багдади, Самтредиа, Хони); 2. Шорапанский (участки: Квирила, Сачхере, Чиатура, Чхари, Ципи); 3. Рачинский (участки: Они, Амбролаури); 4. Лечхумский (участки: Алпана, Цагери, Сванети); 5. Сенакский (участки: Абаша, Мартвили, Накалакари); 6. Зугдидский (участки: Зугдиди, Цаленджиха, Редут-Кале); 7. Озургетский (участки: Гурианта, Ланчхути, Чохатаури). В Батумском округе было четыре участка: Земо Аджара; Квемо Аджара; Гонио; Кинтриши. Участки Сухумского округа: 1. Гумиста; 2. Гудаута; 3. Кодори; 4. Самурзакано. Участки Артвинского округа: Артвини; Артануджи; Шавшет-Имерхеви (*Эсадзе*, 1907. Т. 1).

Подобная ситуация, с определенными изменениями (к примеру, по условиям Брестского договора в 1918 г. Артвинский округ был передан Турции, в том же году упразднили раздел страны на губернии) сохранилась до 1929 г., когда ЦИК Грузии и Совет народных комиссаров Грузинской ССР приняли постановление об устройстве административно-территориальных единиц Грузинской Социалистической Республики по «обновленной» системе, что завершилось тем, что упразднили уезды, а вместо полицейских участков были введены районы. Этот порядок деления, с небольшими изменениями, сохранился по сей день.

Несмотря на многократные изменения административно-территориального устройства Грузии в XIX в., исходной точкой все же оставалось традиционное территориальное деление. Помимо того, в основе деления территорий на уезды лежали воеводства (*садрошо*) – военно-административные единицы грузинских царств эпохи позднего Средневековья; примечательно, что деление уездов на полицейские участки, как правило, производилось по имеющейся системе *самоураво*. Также следует отметить, что *самоураво*, возникшие в грузинских царствах вследствие предпринятых царями реформ в XV–XVI вв., большей частью являлись трансформацией древнегрузинских *хеви*. Все это свидетельствует, что с древнейших времен административно-территориальное деление грузинского государства было обусловлено физико-географическими и экономико-географическими особенностями, и следовательно, соответствовало грузинской социальной и государственной структуре.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ⁷

В разные периоды истории грузины часто подвергались массовому физическому истреблению, в частности во время нашествия арабов, монголов и других завоевателей. Во время нашествия хорезмшаха Джелал ад-Дина (1225 г.) в одном только Тбилиси было уничтожено 100 тыс. чел. Особой жестокостью отличался Тамерлан: в результате его восьми нашествий (XIV–XV вв.) было почти полностью истреблено грузинское население Квемо Картли и Месхет-Джавахети. Первейшей целью Шаха Аббаса (XVII в.) было уничтожение грузин и заселение территории Грузии мусульманскими племенами. Десятки тысяч грузин были насильно угнаны в Иран, в провинцию Ферейдан, где и поныне проживают их потомки.

Интенсивный рост количественного и относительного показателей численности грузин в общей структуре населения Грузии отмечается на протяжении XIX в.. Согласно переписи 1897 г., в Грузии проживало 1 919 423 чел., из них 1 310 307 – грузин, т.е. 68,3% населения (*Джаошвили*, 1968. С. 48). На протяжении XIX в. высокий показатель среднегодового прироста населения (1,92%) обеспечивал сравнительно быстрое увеличение его численности.

По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. численность населения Грузии составляла 2666,5 тыс. (*Натмеладзе, Даушвили*, 2004. С. 76). Темп роста городского населения особенно ускорился в период индустриализации, что было обусловлено возрождением городской жизни и развертыванием промышленного строительства. Тенденция преимущественного роста городского населения продолжалась и во второй половине 1920-х годов; в 1926–1930 гг. ежегодный показатель роста населения Грузии составил 18%, городского – 19%. Сельское население в среднем увеличивалось в год на 16% (*Современные этнические процессы*, 1977. С. 98). Сравнительно высоким был удельный вес грузин в Западной Грузии (88,9% населения).

Периодом кардинальных изменений социальной структуры населения Грузии стали 1920-е годы. Изменилась не только в целом социальная структура общества, но и состав самих социальных слоев: внутри социальных слоев формировались профессиональные группы, которые отличались друг от друга по функциям, качеству и характеру общественного труда. Всесоюзная перепись населения 1926 г. дает данные о распределении населения Грузии по главным группам занятости (отрасли труда). Кроме рабочих и служащих были учтены «собственники» в сельском хозяйстве, а также занятые в кустарной промышленности, торговле и т.д. В последующие годы, по мере расширения индустриального строительства, менялись масштаб, специализация и структура использования трудовых резервов. По занятости населения в промышленности высоким показателем характеризовались города Чиатура, Тбилиси, Батуми и др.

В годы индустриализации росло количество рабочих, и изменялся их социальный состав. Источниками пополнения рядов рабочих в основном стало переселение части беднейшего крестьянства, которое в условиях малоземелья и мелких хозяйств не находило использования на местах и стихийно направлялось в поисках работы в город. Дифференциация крестьянства рез-

⁷ © М. Натмеладзе, А. Даушвили

ко проявилась на этапе коллективизации, когда развернулась острая борьба между бедными и зажиточными слоями. Приток свободной рабочей силы из деревень в 1929–1930 гг. обрел массовый характер.

В середине 1960-х годов Грузия достигла определенного прогресса на пути развития как экономической, так и социальной инфраструктуры. Осуществленные экономические реформы, несмотря на их противоречивость, оказывали влияние на материальный и социальный быт, на степень удовлетворения возрастающих культурных потребностей населения.

По данным переписи 1970 г. в Грузии проживало 4686 тыс. чел. Прирост населения по сравнению с предшествующей переписью (1959 г.) составил 13% (*Натмеладзе, Даушвили, 2004. С. 301*). Все занятое население в 1970 г. составляло 2 101 734 чел, из них рабочих – 956 780, колхозников – 521 575, служащих – 608 736 чел. (*Даушвили, 1999. С. 279*).

Рабочими в СССР считались и труженики села, занятые в совхозах. В 1960-е годы началось преобразование экономически слабых колхозов в совхозы. Занятое в этих хозяйствах население автоматически было переведено в категорию «рабочих». Значительную часть рабочих составляли женщины, на промышленных предприятиях республики их было занято 387 651 (из общего числа 956 780 чел.). Они работали в основном на предприятиях легкой промышленности. Однако много женщин трудилось и в тяжелой промышленности, машиностроении и на других производствах.

Главная и основная часть населения, проживающего в сельской местности, была занята в сфере колхозного труда. Число колхозников достигало в Грузии 521 575 чел., из них большинство было женщины – 286 568 чел.

Третью часть социальной инфраструктуры Грузии составляли служащие: ученые, педагоги, врачи, занятые в сфере бытового обслуживания населения и т.д. В Грузии к этому времени насчитывалось 608 736 служащих; главным ведущим социальным слоем являлась интеллигенция.

Большая часть молодежи стремилась получить высшее образование. По переписи 1970 г. на каждые 1000 чел. приходилось 73 с высшим образованием, 481 – с неполным высшим и средним образованием. Показатель высшего образования в Грузии был самым высоким в СССР (общесоюзный показатель равнялся 42). Высшее образование не было привилегией только для городского населения. Контингент высших учебных заведений в значительной степени пополняли абитуриенты из периферийных регионов. Внедрение всеобщего обязательного среднего образования на селе создало условия для всеобщего распространения знаний.

В Грузии сформировался многочисленный слой интеллигенции – людей, занятых в сферах науки, искусства, здравоохранения и других отраслях, которые в 1960-е годы были престижными и приоритетными. Они составляли интеллектуальную элиту Грузии. В этих областях в республике в 1970 г. было занято 343 507 чел. Значительно росла численность научных работников: в 1960 г. их было 9137 чел., в 1970 г. – 20 160 чел. Число докторов наук за тот же период возросло с 430 до 989.

Социально-экономическое развитие Грузии вызвало ускорение миграционных процессов. Ввод в эксплуатацию новых фабрик и заводов, производственных объектов требовал новых кадров, что осуществлялось за счет миграции населения из деревень в крупные промышленные города: Тби-

лиси, Кутаиси, Батуми, Сухуми. В 1959 г. число жителей Тбилиси составляло 689 889 чел., а в 1970 г. превысило 889 020 чел. (прирост составил 199 131 чел.). В 1980 г. Тбилиси превратился в город-«миллионер».

Распад СССР вызвал катастрофическое падение уровня жизни населения. Значительная часть населения Грузии стала выезжать за границу на заработки. Наряду с грузинами были и русские, армяне, осетины. Усилилась эмиграция грузинских евреев и греков. По официальным данным в 1991–2000 гг. Грузию покинуло до 240 тыс. чел., а по неофициальным данным – до миллиона. Основными направлениями миграции были США, Россия, Турция, Греция, Израиль.

Безработица, остановка предприятий и учреждений, уменьшение потребности в рабочей силе порождали сложные социальные проблемы. Начался процесс социального размежевания, росла скрытая и явная безработица. Приоритетные отрасли (черная и цветная металлургия, энергетика, легкая и топливодобывающая промышленность) потеряли большую часть квалифицированных кадров. В топливодобывающей промышленности и разработке карьеров были заняты в 1998 г. только 5,9 тыс. чел., в 2000 г. – 6,3 тыс. чел. В перерабатывающей промышленности в 1998 г. работали 121,2 тыс. чел., в 2000 г. – 103,2 тыс. чел. Особенно значительным было сокращение численности занятых в сфере просвещения: в 1998 г. – 144,4 тыс. чел., в 2000 г. – 114,2 тыс. чел (Статистический ежегодник Грузии, 2003. С. 52). В Грузии, где традиционно была сильная тяга к образованию, науке, значительно сократилось финансирование этих отраслей, что отвратило перспективную молодежь от науки. Ввиду недостаточного внимания властей образование потеряло престиж. С другой стороны, способные молодые люди выезжали за границу для продолжения учебы, что было одним из значительных достижений новой жизни.

В начале XXI в. демографическая и социально-экономическая ситуация в Грузии в целом даже усугубилась. В 2002 г. была проведена Первая национальная всеобщая перепись населения, в результате которой выявилось, что в новой Грузии (за исключением Абхазской автономной республики и Цхинвальского региона) проживало 4 371 500 чел., из них – 2 061 753 мужчин и 2 309 782 женщины (Основные результаты переписи..., 2003. С. 7). В стране 11 административно-территориальных единиц, 5 городов, имеющих особый статус, 65 районов, 98 поселений городского типа, 3668 населенных пунктов сельского типа.

По-прежнему продолжалось сокращение численности населения, хотя, в отличие от 1990-х годов, с меньшей интенсивностью. Сократилась рождаемость, что обусловило уменьшение удельного веса молодежи и старение населения. К январю 2002 г. доля населения в возрасте 65 лет и старше составила 14,1%. По сравнению с предыдущим десятилетием показатель рождаемости возрос, особенно после того, как Католикос-Патриарх всея Грузии Илия II выступил с инициативой, что он сам лично будет крестить третьего и последующего ребенка каждой многодетной семьи. В начале нового столетия одним из объективных факторов сокращения численности населения страны оставалась также внешняя миграция; увеличилось число малодетных семей – тяжелое экономическое положение серьезно затрудняло процесс планирования семьи.

Дети в традиционных грузинских костюмах
Москва, парк «Эрмитаж», праздник Тбилисоба
Фото Л. Соловьевой, 2014 г.

Грузия по-прежнему остается многонациональной страной: по переписи 2002 г. грузин – 3 661 173 чел., азербайджанцев – 284 761, армян – 248 929, русских – 67 671, осетин – 38 028 и др. (Основные результаты переписи..., 2003. С. 110). По сравнению с переписью 1989 г., в 2002 г. в Грузии проживало уже на 126 220 чел. меньше грузин, на 188 282 меньше армян, на 126 027 меньше осетин, на 273 501 – русских и т.д. Причиной этого были как уменьшение темпов рождаемости, так и внешняя миграция, трагические последствия гражданской войны и прочие факторы.

Представители всех национальностей в Грузии имеют возможность говорить на родном языке. Функционируют армянские, азербайджанские, русские школы. Для абсолютного большинства грузин родным языком является грузинский. Почти треть грузин – 1 234 293 чел. – в совершенстве владеют русским языком, а 153 066 чел. – свободно владеют английским языком (Основные результаты переписи..., 2003. С. 119).

В Грузии декларирована свобода вероисповедания. Подавляющее большинство населения – 3 666 233 чел. – исповедуют православие (грузины, русские, осетины, греки и др.). Приверженцами католицизма являются 34 727 чел. (небольшая часть грузин, поляки, представители других европейских народов). Значительная часть населения – 433 784 чел. – мусульмане, армяно-григорианскую веру исповедуют 171 139 чел. и т.д.

ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ⁸

Начало антропологических исследований грузин относится к 1870-м годам. В публикациях этого периода представлены антропометрические данные древнего и современного населения Грузии (*Байерн*, 1872; *Эриксон*, 1905; *Пантюхов*, 1893). Первые фундаментальные исследования по антропологии грузин принадлежат А.Н. Джавахишвили, который опубликовал обширные описательные и измерительные материалы по карталинцам, кахетинцам, имеретинам, гурийцам, рачинцам, мегрелам (*Джавахов*, 1905, 1907, 1908, 1913, 1914; *Джавахишвили*, 1923). Итог накопленным в первой половине XX в. материалам по антропологии Кавказа был подведен В.В. Бунаком (*Бунак*, 1946).

В 1950-е годы начинается новый этап антропологического изучения грузин, который связан с именами А.Н. Натишвили и М.Г. Абдушелишвили. Широкомасштабные морфологические исследования современных этнических и территориальных групп Грузии и Кавказа были проведены сотрудниками отдела антропологии Института экспериментальной морфологии им. А.Н. Натишвили АН Грузии (с 1964 г. отдел антропологии Института истории и этнологии). Собранные во время экспедиций антропологические данные являются унифицированным и солидным материалом о народах Кавказа. Все эти материалы и данные Г.Ф. Дебеца о 72 этнотерриториальных группах, проживающих в Азербайджане и Дагестане, были разработаны М.Г. Абдушелишвили в соответствии с правилами географического метода для подбора таксономически наиболее ценных признаков и выделения локальных антропологических типов (*Абдушелишвили*, 1964а. С. 35) и позволили выделить среди современного грузинского населения несколько локальных (колхский, иберийский и кавкасионский) типов.

Антропологическое своеобразие грузин не исчерпывается этими тремя типами. Ранее, изучив 30 этнотерриториальных групп населения Грузии, А.Н. Натишвили и М.Г. Абдушелишвили (1953) выделили причерноморский, кавкасионский и внутригрузинский варианты. Пополнение новыми группами «внутригрузинского» варианта позволило установить три новых варианта: западно-, восточно- и южногрузинский (*Натишвили*, *Абдушелишвили*, 1954). Названия выделенных вариантов отражают ареал их географического распространения.

Причерноморский вариант характеризуется: узким (142,5), средней высоты (126,6) и более среднего профилированным лицом (2,80), узким носом (35,7), выше среднего процентом выступающих форм спинки носа (48,9), выше среднего количеством светлых глаз (11,9), низким процентом складки века (47,6), средней ширины (156,4) и длинной (187,0) головой, средней длиной тела (167,7)⁹. Западногрузинский вариант характеризуется: уже среднего (143,5), средней высоты (127, 1) и более среднего профилированным (2,83) лицом, средней ширины (36,4) и средним процентом выпуклых форм спинки носа (44,6), высоким процентом светлых глаз (17,1), средним количеством

⁸ © Л.О. Битадзе

⁹ Категории – средний, высокий, низкий и т.д. даны в кавказском масштабе. Измерительные признаки даются в мм, описательные в процентах, профилировка лица – в баллах.

Грузинка
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Грузин
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Молодые грузины
Схалтский монастырь, Хулойский
район
Фото Л. Соловьевой, 2011 г.

Студентки
Аджария, г. Батуми
Фото Л. Соловьевой, 2012 г.

наличия складки века (58,4), средней ширины (156,7) и короткой головой (182,9), средней длиной тела (167,4). Причерноморский и западногрузинский варианты очень близки и являются региональными разновидностями одного антропологического типа. Позднее эти варианты были объединены в колхский, а восточногрузинский и южногрузинский варианты – в иберийский типы (*Абдушелишвили*, 1964а). Различия между этими вариантами минимальны. Колхский тип в современном населении Грузии доминирует среди западногрузинских групп: мегрелов Гальского, Чхороцкуйского, Цаленджихского, Зугдидского, гурийцев Ланчхутского, Чохатаурского, Озургетского, аджарцев Кобулетского, Батумского, Кедского, имеретин Багдадского, Ванского, Терджольского, Сачхерского, Чиатурского, Зестафонского, рачинцев Амбролаурского, лечхумцев Цагерского районов.

Иберийский тип представлен южногрузинским и восточногрузинским вариантами. Характерные признаки восточногрузинского варианта: шире среднего (144,6), выше среднего (127,4) и средне профилированное (2,69) лицо, нос средней ширины (36,3), минимальное количество выпуклых форм спинки носа (38,4) и светлых глаз (6,8), голова средней ширины (156,9) и длиннее средней (188,8), средняя длина тела (167,5) и т.д. Характерные черты южногрузинского варианта: уже среднего (143,1), низкое (125,5) и максимально профилированное (2,86) лицо, средней ширины (36,1) и средне выступающий нос (43,0), минимальное количество светлых глаз (6,7) и максимальное количество складки века (78,3), относительно короткая (185,1) и узкая (156,3) голова, сравнительно малая длина тела (165,3) и т.д. Иберийский тип преобладает среди восточно- и южногрузинских групп: карталинцев Тбилисского, Болнисского, Тетрицкаройского, Цалкского, Каспского, Боржомского, кахетинцев Сагареджойского, Сигнахского, Цителцкаройского, Кварельского, месхов и джавахов Ахалцихского и Ахалкалакского районов, аджарцев с. Горджоми Хулойского района.

Население горной полосы Грузии было отнесено к кавкасионскому типу, который отличается широким (146,5) и средневысоким лицом (128, 1), прямым и средневысоким носом, средним процентом светлой окраски глаз (10,5), средней частотой складки верхнего века (61,5) и средним процентом выпуклых форм спинки носа (45,6), широкой (160,2) и длинной головой (191,2) и, соответственно, большим головным указателем, большим нижнечелюстным диаметром, большой длиной тела (168,8). Территориальное расположение групп не позволило выявить локальные варианты кавкасионского типа, несмотря на то, что внутригрупповая корреляция показала соотношение трех возможных комбинаций признаков. Эти комбинации: а) большой скуловой диаметр и обильная борода, малая толщина обеих губ и опущенный кончик носа, низкий процент выпуклых форм спинки и малая высота носа (от бровей), большая длина тела и высокий процент светлых глаз, низкий головной указатель и низкий процент выпуклых форм спинки носа; б) большой скуловой диаметр и обильная борода, малая толщина губ и опущенный кончик носа, высокий процент выпуклых форм и большая высота носа (от бровей), большая длина тела и высокий процент светлых глаз, высокий головной указатель и высокий процент выпуклых форм спинки носа; в) большой скуловой диаметр и обильный рост бороды, большая толщина губ и горизонтальное положение кончика носа, высокий процент выпуклых форм спинки и боль-

Грузинки в праздничной одежде
Боржомский парк
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.
© 2014, сайт «Наследие С.М. Прокудина-Горского»

Грузинки в праздничной одежде
© НМГ. Ермаковская коллекция,
8797
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

шая высота носа (от бровей), большая длина тела и высокий процент светлых глаз, высокий головной указатель и высокий процент выпуклых форм спинки носа (*Абдушелишвили*, 1964а. С. 64). По мнению М.Г. Абдушелишвили, трудно наметить локальные варианты в составе кавкасионского типа не потому, что он более един, чем колхский и иберийский (скорее наоборот), а потому, что дифференциация входящих в его состав групп не показывает той закономерности различий, какую показывает колхский и иберийский типы (*Абдушелишвили*, 1964б, С. 67). Кавкасионский тип охватывает почти все горногрузинские группы: сванов, рачинцев Онского района, хевсур, мхевцев, пшавов, тушин, мтиулов, гудамарцев.

Между всеми выделенными в грузинском населении вариантами существует сходство. Комплекс признаков южногрузинского варианта (большой головной указатель, небольшая длина тела, меньшая ширина лица по сравнению с кавкасионским типом, более высокий и узкий нос, более темная окраска глаз) является общим и приближает их к переднеазиатским формам. Комплекс признаков восточногрузинского варианта – низкий головной указатель, большая длина тела, более светлая пигментация, менее профилированное и широкое лицо (по сравнению с южногрузинским вариантом) приближает восточногрузинский вариант иберийского типа к кавкасионскому типу (*Абдушелишвили*, 1964б. С. 67).

Выявление преобладающего типа в каждой территориальной группе затруднено ввиду переходности форм. В настоящее время территориальные группы грузин характеризуются значительно меньшим морфологическим разнообразием по сравнению с этнографическим. Последнее доказывает теснейшее сходство и общность антропологического облика грузин, который сложился в результате длительного исторического развития, биологической адаптации к условиям среды обитания.

Ни у кого не вызывает сомнения, что грузины – типичные представители европеоидной расы. Однако абсолютные размеры скулового диаметра у современного населения (было отмечено и в хевсурской краниологической серии XVII в.) превышают ширину лица некоторых аборигенов Сибири (*Дебец*, 1956). Такое широкое лицо отмечается не только среди грузин, но и у большей части современного населения Кавказа. Наряду с ростом головного указателя наблюдается значительный рост скулового диаметра, имеющего существенное таксономическое значение для антропологической классификации современного населения Кавказа. Без учета дифференциации этого признака невозможно иметь правильное представление о морфологическом своеобразии антропологических типов Кавказа (*Абдушелишвили*, 1960).

Палеоантропологические находки с территории Грузии, как и на обширной территории Кавказа, Передней Азии, подтверждают, что в основном древнее население характеризовалось длинной и узкой головой, узким лицом, узким и высоким носом, высоким переносьем, низким горизонтальным углом лица и входило в круг средиземноморских антропологических типов. Таким был основной субстрат, являющийся общим для аборигенного населения Кавказа (*Абдушелишвили*, 1980). Со второй половины IV тыс. до н.э. (носители куро-араксской культуры) вплоть до раннего Средневековья население сохраняло общность антропологического типа. Этот субстрат был таким мощным, что сумел противостоять различным инфильтрациям и возможным смешениям

еще и потому, что контакты этого населения были в основном с европеоидами, которые были широко расселены южнее, с верховьев Тигра и Евфрата и далее, до западного конца Анатолийского полуострова и до внутренних областей Ирана (*Бунак*, 1927). М.Г. Абдушлишвили пришел к следующим выводам: в эпоху бронзы доминирующим был средиземноморский антропологический тип; наиболее близкие к кавказским антропологические формы засвидетельствованы в основном в переднеазиатских и средиземноморских краниологических сериях; население Кавказа в эпоху бронзы входило в ареал формирования южно-европеоидной расы и занимало центральную часть этого ареала; в период широкого освоения железа эпохальная трансформация кавказских палеоантропологических типов определяет формирование кавказских особенностей средиземноморского антропологического типа; установлен ареал его распространения – Восточная и Южная Грузия, Северная Армения, Западный Азербайджан; в продолжении всего античного периода в Грузии не наблюдается региональной дифференциации населения; в позднеантичный период население Южного Кавказа и восточных регионов Кавказского хребта относилось к одному антропологическому типу – кавказской разновидности средиземноморской расы; в населении Грузии раннефеодального периода наряду с древними архаичными формами ясно прослеживаются характерные для современного населения формы; в среднефеодальный период продолжается процесс эпохальной трансформации антропологических признаков и постепенно скалдываются характерные для переднеазиатского типа признаки, этот переднеазиатский антропологический тип достигает доминантного положения, а средиземноморский сохранен лишь в виде архаичной формы; в предгорных и горных регионах переднеазиатские формы принимают полностью или частично вид кавказского типа, что не только не исключает, но даже подразумевает общее генетическое происхождение горного и равнинного населения Грузии (*Абдушлишвили*, 1994).

В целом для средневекового населения Грузии характерно: резко профилированное лицо в горизонтальной и прямое в вертикальной плоскости, средней высоты и ширины нос, переносье высокое, нос резко выступающий, глазницы средней высоты. Различия отмечены в основном в форме головы, наименьшей ширине лба и ширине лица. Однако в позднем Средневековье в горной полосе все еще встречаются мезокранные и долихокранные формы. Абсолютная брахикефализация и связанные с ней изменения других признаков лицевого скелета в эпоху позднего Средневековья и в настоящее время не достигнуты. Современные краниологические серии представляют значительный интерес как связующее звено между средневековым и современным населением, они дают возможность сопоставить краниологические и соматологические данные. Наиболее важными чертами современных краниологических серий из Грузии являются короткая и широкая голова, широкое лицо, узкий и высокий нос, высокое переносье и резко выступающие носовые кости, малые углы горизонтальной профилировки лица.

Таким образом, палеоантропологические материалы дают возможность проследить своеобразие физического типа и основные направления его генезиса: древние долихокранные и узколикие южноевропейские формы переднеазиатской расы, издревле существовавшие на территории Грузии, подвергались эпохальным изменениям отдельных признаков и типов от до-

лихо- к брахикрании, имевшим характер постепенного перехода. Изучение эпохальной трансформации признаков показало увеличение головного и лицевого указателей во времени (*Абдушелишвили*, 1960; 1964в), что доказывает непрерывность в генетической общности населения и автохтонность грузин (*Абдушелишвили*, 1964б). Процессы эпохальной трансформации протекали не только на территории Кавказа, но и Передней Азии, где в современном населении также превалируют брахикранные антропологические формы. Трансформация антропологических типов была определена естественно-географическими различиями и в основном носила локальный характер, поэтому выделенные в современном населении Грузии варианты, несмотря на региональное многообразие, связаны морфологическим сходством, обусловленным общностью происхождения (*Абдушелишвили*, 1971).

Современные грузины отличаются значительным полиморфизмом по всем основным изученным системам. Размах варибельности и средние значения большинства одонтологических признаков в грузинских выборках близки к общекавказским. Но у грузин немного чаще, чем в суммарной кавказской выборке, встречаются краудинг, тип узора Y на первом и втором нижних молярах и реже – лопатообразные резцы, редуцированные формы гипоконуса, четырехбугорковые первые нижние моляры и коленчатая складка метоконида (*Кашибадзе*, 2006. С. 160). По этой системе грузинские группы представлены тремя разноуровневыми фенетическими комплексами (нулевой, южный грацильный тип и редуцированный одонтологический комплекс), формирующими популяционное разнообразие населения Грузии и кавказского региона (Там же. С. 162).

Исследование комплекса дерматоглифических признаков 50 популяций грузин показало высокую степень полиморфизма (*Бутадзе*, 2001). В целом для грузин характерна высокая частота завитков, узорности ладонных подушечек (Ну, III), индекса Камминса, преобладание дистального (А, D, С) и радиального (В) типов окончания главных ладонных линий, средняя частота суммы дополнительных межпальцевых трирадиусов, некоторое снижение узоров на IV подушечке и частоты проксимального осевого трирадиуса (t). В то же время выделяются признаки, дифференцирующие грузин: концентрация рисунков на II и IV подушечках, осевые трирадиусы t и t', дополнительные трирадиусы, главные ладонные линии А, В, D. На основании анализа данных можно выделить несколько вариантов, связанных между собой генетическим сходством. Первый, четко выраженный, локализован в популяциях, проживающих вдоль Кавказского хребта и максимально распространен в Хевсурети. Второй распространен в западногрузинских популяциях, в основном среди аджарцев. Население Имерети сохранило значительные общие элементы как с популяциями Западной, так и Восточной Грузии. Восточногрузинские популяции Картли и Кахети объединяются в собственный вариант, проявляя при этом сходство с грузинским населением горной полосы Восточной Грузии. Таким образом, данные кожного рельефа подтвердили полиморфность грузин, не исключая их тесные генетические взаимоотношения, выявленные ранее на соматологическом материале (*Абдушелишвили*, 1964а).

Большим вкладом в изучение кожного рельефа народов Кавказа являются работы Г.Л. Хить, которая впервые представила характеристики кавказских

народов, выявила их своеобразие, направление генетических связей региона и среднеэтнические данные (Хить, 1978; 1980; 1983; Хить, Асланишвили, 1986). Наиболее полной является дерматоглифический материал по Кавказу (107 выборок, около 9 тыс. чел.), который представлен в работе Г.Л. Хить и Н.А. Долиновой (1990). На Кавказе географическое распределение частот признаков в популяциях свидетельствует о широкой, преимущественно ненаправленной вариабильности элементов кожного рельефа. На этническом уровне отмечаются значительная сложность и пестрота картины как в типологическом отношении, так и при кластеризации по величине дерматоглифического расстояния (Там же. С. 193). Что касается грузинских групп, отмечается своеобразие хевсур, пшавов, а также цахуров (Дагестан), отделившихся от остальных кавказских групп. Анализ дерматоглифических данных в рамках соматической классификации выявил морфологическое и генетическое единство переднеазиатской и кавкасионской локальных рас как наиболее типичных «кавказских» вариантов. Основной дерматоглифический комплекс локальных рас Кавказа свидетельствует о южноевропеоидном происхождении большей части населения региона. На окраинах региона происходит размывание границ этого комплекса. Отдельные популяции, принадлежащие к кавкасионской и переднеазиатской расам (чеченцы, аварцы, осетины, таты-мусульмане, рутулы, удины), помимо большого взаимного сходства обнаруживают близость по признакам дерматоглифики к некоторым изолятам Средней Азии и Индии, что позволяет видеть в этом сохранение древнейшего дерматоглифического комплекса, некогда присущего населению Кавказа, Северной Индии, Ирана, Афганистана и Средней Азии (Хить, 1983. С. 115; Хить, Долинова, 1990. С. 194).

Данные изоантигенных систем крови также показывают значительный полиморфизм по группам крови: ABO, Rhesus, MN, P, Kell, Duffy. Наиболее четкая дифференциация отмечается по частоте гена *r* системы ABO, концентрация которого уменьшается с запада на восток; самая высокая его концентрация отмечается у мегрелов Зугдиди (0,8209), минимальная – у карталинцев Тетрицкаро (0,4556). Частоты генов *p* и *q* не достигают минимальной концентрации гена *r*, хотя частота гена *p* очень высока (максимальна) у карталинцев Тбилиси (0,4527), а гена *q* – у кахетинцев Цителцкаро (0,2608). Минимальные величины генов *p* и *q* имеют мегрелы Зугдиди (0,1236) и Сенаки (0,0157).

Исследованные по системе Rhesus грузины отдельных популяций значительно различаются. В популяциях мегрелов Чхороцку и пшавов Тианетского района отмечается снижение частоты лиц с резус-отрицательной группой крови до 5% , в этих популяциях частота рецессивного гена равна $d = 0,2247$, а самое высокое содержание этого гена ($d = 0,5834$) отмечается у аджарцев Кедского района. Диапазон изменчивости этого гена среди различных территориальных групп грузин довольно высок, хотя усредненные данные показывают более сопоставимые результаты. Например, карталинцы – 0,3728, кахетинцы – 0,3669, имеретины – 0,3926, мегрелы – 0,3596, гурийцы – 0,3835, аджарцы – 0,3758, рачинцы – 0,3958, сваны – 0,3982. Низкие частоты отмечаются у некоторых горцев Восточной Грузии – тушин (чагма), мохевцев, мтиулов ($d < 0,3000$). За редким исключением в Западной Грузии частота гена *d* выше, чем в Восточной, как и в случае с системой ABO.

Антропологические типы

1а – причерноморский вариант; 1б – западногрузинский вариант
Фото М.Г. Абдушлишвили, 1950-е годы

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Антропологические типы

2а – восточногрузинский вариант; 2б – южногрузинский вариант
Фото М.Г. Абдушлишвили, 1950-е годы

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Антропологические типы

3а – кавкасионский вариант; 3б – кавкасионский вариант

Фото М.Г. Абдушелишвили, 1950-е годы

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Возвращаясь к антропологическому облику грузин, необходимо отметить, что грузины характеризуются светлой кожей, темными волосами, темным или смешанным цветом глаз, профилированным лицом в вертикальной и горизонтальной плоскости, выступающим носом с выпуклой спинкой и слегка опущенным основанием, сильно развитым третичным волосным покровом. Однако до сих пор неоднозначно рассматривается занимаемое ими место в общей расовой классификации. В связи с тем, что южные европеиды по времени своего образования являются более древними, распространены на очень большом пространстве от Гибралтара до северной Индии, в Средиземноморье, в Южной и Центральной Европе, в северной Африке (до Сахары) на Кавказе, Передней и Средней Азии, правы Н.Н. Чебоксаров и М.Г. Абдушелишвили, считавшие, что индосредиземноморская раса соответствует южной ветви большой европеидной расы. Среди южных европеидов В.В. Бунак выделяет две расы первого порядка – средиземно-балканскую и памиро-ферганскую; Н.Н. Чебоксаров – пять (индо-памирская, средиземно-балканская, переднеазиатская и две контактные расы – атланти-черноморская, южноиндийская, или дравидская). Согласно М.Г. Абдушелишвили, население Кавказа представлено кавказскими разновидностями индо-памирской, средиземно-балканской и переднеазиатской рас (*Абдушелишвили*, 1972; 1994).

По мнению Г.Ф. Дебеца, в населении Грузии распространены три типа: кавкасионский, который в наиболее выраженной форме распространен у народов и этнографических групп, живущих по склонам Большого Кавказского хребта; переднеазиатский – среди армян и некоторых соседящих с ними этнографических групп Грузии и понтийский – на Черноморском побережье (1956. С. 213).

Формирование выделенных типов в современном населении Грузии произошло на основном переднеазиатском субстрате, наиболее северная разновидность которого представлена в древнем населении Грузии. Отклонение же от «классических» переднеазиатских форм, как древних, так и современных переднеазиатских типов, обусловлено генетико-автоматическими изменениями признаков (Абдушелишвили, 1964а, С. 82). Отнесение колхского, иберийского и кавкасионского типов к переднеазиатской группе антропологических типов основывается на факте большего сходства грузинских групп с армянами, ассирийцами и малоазиатскими греками (Абдушелишвили, 1958). Наиболее спорным в антропологической классификации является отнесение колхского типа (в широком смысле) к переднеазиатской расе, в причерноморском варианте которого наряду с характерными переднеазиатскими признаками явно выступают черты адыгского типа средиземно-балканской расы. Генезис колхского типа М.Г. Абдушелишвили представляется в следующем виде: основной переднеазиатский пласт, к которому относятся западногрузинский и причерноморский варианты колхского типа и который сам развился на основании местных антропологических типов, ассимилировал элементы понтийского типа, результатом чего стали причерноморские группы этого типа (Абдушелишвили, 1964а, С.78).

Все имеющиеся в нашем распоряжении материалы (краниология, соматология, дерматоглифика, серология) подтверждают, что формирование антропологического типа грузин происходило на территории их современного расселения. Возможно эта территория включала прилегающие к Кавказу районы Передней Азии (Бутадзе, 2002). Правомерность существующих в настоящее время взглядов относительно общности выделенных антропологических типов Грузии могут дать геногеографические исследования всех локальных вариантов этнографических групп грузин. Исследования в этом направлении уже проводятся, и первые публикации свидетельствуют, что по гаплотипам мт-ДНК и Y-хромосомы популяции Кавказа и Грузии более близки к популяциям Передней Азии, чем Европы (Nasidze et. al., 2003; 2004).

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПИСЬМЕННОСТИ¹

Письменную систему следует рассматривать как набор или множество знаков особой природы, находящихся в определенных взаимоотношениях друг с другом и составляющих единую цельную систему. Рассмотрение письма как знаковой системы позволяет лучше уяснить его онтологическую природу, создать общую типологию письма и определить его место в развитии человеческой культуры.

Письменность как семиотическая система состоит из визуальных символов знаковой структуры. Это значит, что каждый письменный символ-знак представляет собой двустороннюю реальность, системную единицу, характеризующуюся двумя сторонами – «выражением» и «содержанием». Двусторонняя природа письменной системы дает основание для типологической классификации письма по характеру его «плана содержания» и «плана выражения», что, в свою очередь, позволяет осуществить сопоставительный анализ различных видов письма и представить их оценочные критерии, необходимые для уяснения вопроса о происхождении письма и определения основных этапов его филогенетического развития. К «плану выражения» письменной системы относятся и специфические наименования графических символов конкретной системы, а также вопросы направления письма и др. Наряду с понятиями «плана выражения» и «плана содержания» письменной системы из лингвистики в грамматологию как семиотическую дисциплину следует ввести и понятия «парадигматики» и «синтагматики» письма.

Парадигматика письма предполагает соотношение элементов письменности (графических символов) в системе, их последовательное (линейное) распределение в отношении друг друга. Парадигматика письма – это структура, определяемая правилами упорядочения множества графических символов системы, и их представления в определенной линейной последовательности. Каждая письменность имеет особую парадигматическую структуру, т.е. специфический порядок элементов в системе, особую линейную последовательность письменных символов. Синтагматика письма предполагает соотношения элементов письменности (графических символов), представленных в определенной последовательности в тексте, в пределах отдельных слов,

¹ © Т. Гамкрелидзе

объединений слов или более крупных единиц синтагматического плана. Эксплицитное разграничение парадигматического и синтагматического планов системы, введенное в лингвистику Ф. де Соссюром, должно стать обязательным принципом и в грамматологии.

Сравнительное изучение различных древних алфавитных систем письма восстанавливает типологию возникновения письменности и дает общую картину процесса создания алфавитного письма на основе взятой за образец письменной системы, служащей некой «моделью» для вновь создаваемой письменности. За каждой письменной системой, будь то старосемитская, архаическая греческая, коптская, древнеармянская, готская, старославянская и др., стоит конкретная личность ее создателя, который по заранее намеченному плану оформляет на основе определенного письменного прототипа новую письменность для своего языка. Не следует представлять процесс создания письменности в виде некоторого коллективного творчества, т.е. таким образом, будто одним лицом в определенный момент создается какое-то количество письменных знаков, далее кто-то добавляет еще какое-то число знаков, позднее появляются еще определенные знаки и т.д., пока не возникнет графическая система, достаточная для выражения основных звуковых единиц языка.

Письменность (если она является таковой) с самого момента ее создания представляет собой уже довольно полную систему с определенным количеством графических символов, необходимым и достаточным для выражения основных характерных для данного языка звуковых противопоставлений. Возможные графические преобразования письменности выражаются в изменениях со временем в начертаниях знаков и в общем графическом облике письма, обусловленных меняющейся манерой письма. В этом смысле в отношении любой письменной системы можно поставить вопрос: известна ли нам данная письменность в той форме, в какой она вышла из рук ее создателя, или дошедшая до нас письменность представляет собой позднюю ее разновидность, сформировавшуюся в результате системного и графического преобразования первоначальной системы. Примером подобного метода создания «плана выражения» новой письменности может служить архаическое греческое письмо, которое в сущности повторяет парадигматику и начертание знаков старосемитской письменности. Добавочные знаки греческой системы создаются позднее путем графической модификации основных знаков системы или путем их заимствования из других письменных источников.

Практически редки (возможно, даже исключены) случаи, когда звуковое (фонемное) множество одного языка целиком и полностью совпадает фонетически со звуковым множеством другого. Обычно в каждом из сравниваемых языков, помимо некоторого множества фонетически сходных звуков, выделяется определенная группа звуков, специфичных для каждого языка. В таком случае во вновь создаваемой письменности происходит замена фонетических значений системы, взятой за образец, на специфичные для данного языка звуковые значения при сохранении мест в алфавитном ряду, унаследованных от парадигматики системы-прототипа. Добавочные знаки в таких системах также создаются путем графической модификации основных знаков или заимствования отдельных символов из других письменных источников. Совершенно иной путь оформления «плана выражения» письменности представ-

ляет случай, когда графические символы системы-прототипа переносятся во вновь создаваемую систему не в той же графической форме, а с некоторыми (возможно, значительными) графическими модификациями, которые изменяют первоначальную форму исходных знаков системы-прототипа, зачастую до неузнаваемости.

Подобная графическая модификация взятой за образец письменной системы могла осуществляться сознательно, с целью скрыть зависимость и связь вновь создаваемой письменности с системой письменности-прототипа.

Создание древнегрузинской алфавитной письменности по образцу греческого письменного прототипа, происхождение ее от греческой системы письма можно установить на основании целого ряда внутренних структурных показателей древнегрузинской письменной системы.

Заметной спецификой звуковой системы грузинского языка на всем протяжении его развития является поразительный фонетический консерватизм, сохраняющий звуковую структуру грузинского языка древнейшего периода до наших дней без заметных фонетических преобразований. Этим и объясняется в значительной степени то, что грузинская письменность сохраняет в полной мере однозначность соответствий между звуковыми единицами языка и графическими символами письма как в парадигматике, так и синтагматике, что является одной из основных характеристик вообще алфавитной системы письма при ее создании и на начальных этапах ее развития. Изучение с этой точки зрения древнегрузинской письменности *асомтаврული* показывает, что создатель грузинского алфавита с поразительной точностью и полнотой передает звуковые противопоставления современного ему грузинского языка; с исчерпывающей полнотой учитывается звуковой (фонемный) инвентарь, передача которого на письме необходима для адекватного выражения грузинского языка. Звуковой инвентарь грузинского языка настолько полно отображен в древнегрузинской письменности *асомтаврული*, что в дальнейшем грузинская письменность не претерпевает особых структурных изменений (добавления знаков для обозначения звуковых противопоставлений, оставшихся невыраженными в старой системе, как это имело место, например, в позднегреческих системах письма по сравнению с архаической греческой системой).

Какая письменная система служит для создателя древнегрузинского алфавита моделью, письменным образцом, по которому были выделены в грузинском звуковые единицы и расположены в определенной последовательности, отражающей парадигматику системы-прототипа; по какой системе был построен вновь созданный грузинский алфавит? Это и есть в сущности проблема происхождения древнегрузинской письменности *асомтаврული*, сведенная к решению конкретной задачи – установлению того, на какую письменную систему опирается древнегрузинская письменность как на свою письменную модель или прототип, определивший ее строение и парадигматику.

В качестве системы-прототипа в указанном выше смысле для древнегрузинской письменности можно было бы предположить два основных письменных источника – *старосемитскую письменность* (или восходящие к ней другие семитские письменные системы) или *греческую алфавитную письменность* (или восходящие к ней другие алфавитные системы письма). Таким образом, в процессе создания древнегрузинской письменности при соотносе-

нии звуков грузинского языка со взятой за образец системой письменности все множество звуковых единиц грузинского языка должно былоделиться на две части. Первая и основная группа звуков определялась бы звуковыми единицами сопоставляемой системы: эти звуки должны были бы распределиться сообразно с парадигматикой системы-прототипа. Вторая группа звуков включала бы в себя звуковые единицы, специфические с точки зрения сопоставляемой системы-прототипа, и поэтому «добавочные» по отношению к основной группе, определяемой характером исходной письменной системы. Учитывая, что проблема происхождения древнегрузинской письменности характеризуется двумя основными аспектами: это, во-первых, установление того письменного прототипа, по образцу которого должна была сформироваться основная часть грузинского алфавита, и, во-вторых, выявление тех письменных источников и принципов, по которым должна была быть образована «дополнительная часть» алфавитного ряда и добавлена к «основной части» для создания единой письменной системы.

Таким образом, проблема происхождения древнегрузинской письменности получает на этом этапе исследования еще более конкретное содержание и сводится к выяснению того, по какому письменному образцу была сформирована «основная часть» древнегрузинского алфавита, или точнее, какой письменный прототип – семитский или греческий – определил внутреннее строение и структуру «основной» и, соответственно, «добавочной» частей древнегрузинского алфавита. Понятно, что принятие греческой или семитской письменной системы в качестве основного письменного образца или прототипа по-разному формировало бы «основную» и «добавочную» части вновь создаваемой письменности, придавало бы этим составным частям единой системы различный характер с точки зрения их звукового состава и парадигматической структуры.

Сравнение с этой точки зрения семитской и греческой систем письма с грузинской письменностью проявляет генетическую связь последней с *греческой* системой и исключает происхождение ее от *семитской* системы письма.

При допущении семитской системы в качестве основы древнегрузинской письменности ее «основная» и «добавочная» части характеризовались бы совершенно иной структурой и построением. Сопоставление древнегрузинской письменности *асомтаврული* с семитской и греческой системами выявляет отличный от семитского строй древнегрузинского алфавитного ряда и совпадение его в основном с греческой парадигматикой, которая и должна была послужить письменной моделью для создателя древнегрузинского алфавита.

Графический анализ знаков *асомтаврული* показывает некоторое сходство с начертанием символов именно архаического греческого письма (совпадающего в принципе с графикой финикийских писмен). Однако большинство знаков древнегрузинского письма не обнаруживает никаких черт графического сходства с начертанием соответствующих знаков греческой письменной системы. Все это делает возможным предположить создание древнегрузинского алфавита путем сознательной архаизации и графической стилизации взятой за образец древнегреческой графической системы. Создатель древнегрузинской письменности берет в качестве письменного прототипа современную ему монументальную греческую письменность и производит ее стилизованную архаизацию, выразившуюся в повороте некоторых

графических символов влево и их графическом преобразовании. Наряду с этим создается целый ряд оригинальных графических знаков, не повторяющих начертания соответствующих букв греческой системы-прототипа. Таким путем создается оригинальная по начертанию знаков и внешне независимая монументальная письменность, связь которой с греческим письменным прототипом, определившим ее парадигматику и внутреннюю структуру, удастся установить лишь в результате специального графического анализа грузинского письма. Составитель древнегрузинского алфавита создает «самобытную национальную письменность», которая должна быть, согласно древним представлениям, полностью оригинальной и независимой от какой бы то ни было иной, ранее известной письменной системы.

Самым простым и естественным путем достижения подобной внешней самостоятельности системы было сознательное графическое преобразование знаков системы-прототипа и создание в ряде случаев совершенно новых и оригинальных графических символов для выражения и распределения в определенной алфавитной последовательности звуков языка, выделенных на основании системы письменности-прототипа и распределенных в соответствии с парадигматикой греческого прототипа, которая «дополняется» оригинальными письменными знаками, выражающими особые грузинские, отличные от греческих фонемы. В результате создается оригинальная письменная система, схожая с системой-прототипом лишь начертанием некоторых графем, а также общей монументальностью письма и геометрическим характером графических символов.

Создание самобытной национальной письменности диктуется общей тенденцией после христианизации страны к возрождению местной культуры на базе национального языка. Объявление христианства официальной религией страны подразумевало в то же время развитие широкой деятельности по переводу и распространению христианской литературы на национальном языке с помощью специально созданной для этих целей новой письменности. Так было это в случае создания коптской, готской, древнеармянской и старославянской систем письма. Аналогичные факторы должны были привести к созданию древнегрузинской национальной письменности *асомтаврული*.

Ⴀ	ḍ	a	an	Ⴁ	ḥ	r	rae
Ⴂ	ḍ	b	ban	Ⴃ	b	s	san
Ⴃ	ḍ	g	gan	Ⴄ	ḥ	t'	tar
Ⴄ	ḍ	d	don	Ⴅ	z	wi	wie
Ⴅ	ḍ	e	en	Ⴆ	z	p ^h	p ^h ar
Ⴆ	ḍ	v	vin	Ⴇ	ḍ	k ^h	k ^h an
Ⴇ	ḍ	z	zen	Ⴈ	ḍ	ḥ'	ḥ'an
Ⴈ	ḍ	ej	he	Ⴉ	ḍ	q'	q'ar
Ⴉ	ḍ	t ^h	t ^h an	Ⴊ	ḍ	š	šin
Ⴊ	ḍ	i	in	Ⴋ	ḥ	č	čin
Ⴋ	ḍ	k'	k'an	Ⴌ	ḍ	c	can
Ⴌ	ḍ	l	las	Ⴍ	ḍ	ž	žil
Ⴍ	ḍ	m	man	Ⴎ	ḍ	č'	č'ar
Ⴎ	ḍ	n	nar	Ⴏ	ḍ	č'	č'ar
Ⴏ	ḍ	j	je	Ⴐ	b	x	xan
Ⴐ	ḍ	o	on	Ⴑ	z	q ^h	q ^h ar
Ⴑ	ḍ	p'	p'ar	Ⴒ	ḥ	ž	žan
Ⴒ	ḍ	ž	žan	Ⴓ	z	h	hae

Фигурное Фонетич. знач.	Числ. знач.	ГРЕЧЕСКОЕ АЛФАВИТНОЕ ПИСЬМО											
		Арханч. греч.		Восточно-греческое			Западно-греческое			Классич. алфавит			
		Числ.	Знач.	Числ.	Знач.	Числ.	Знач.	Числ.	Знач.	Числ.	Знач.		
Α	1	Α	α	Α	α	Α	α	Α	α	Α	α	1	Α
Β	2	Β	β	Β	β	Β	β	Β	β	Β	β	2	Β
Γ	3	Γ	γ	Γ	γ	Γ	γ	Γ	γ	Γ	γ	3	Γ
Δ	4	Δ	δ	Δ	δ	Δ	δ	Δ	δ	Δ	δ	4	Δ
Ε	5	Ε	ε	Ε	ε	Ε	ε	Ε	ε	Ε	ε	5	Ε
Ζ	6	Ζ	ζ	Ζ	ζ	Ζ	ζ	Ζ	ζ	Ζ	ζ	6	Ζ
Η	7	Η	η	Η	η	Η	η	Η	η	Η	η	7	Η
Θ	8	Θ	θ	Θ	θ	Θ	θ	Θ	θ	Θ	θ	8	Θ
Ι	9	Ι	ι	Ι	ι	Ι	ι	Ι	ι	Ι	ι	9	Ι
Κ	10	Κ	κ	Κ	κ	Κ	κ	Κ	κ	Κ	κ	10	Κ
Λ	20	Λ	λ	Λ	λ	Λ	λ	Λ	λ	Λ	λ	20	Λ
Μ	30	Μ	μ	Μ	μ	Μ	μ	Μ	μ	Μ	μ	30	Μ
Ν	40	Ν	ν	Ν	ν	Ν	ν	Ν	ν	Ν	ν	40	Ν
Ξ	50	Ξ	ξ	Ξ	ξ	Ξ	ξ	Ξ	ξ	Ξ	ξ	50	Ξ
Ο	60	Ο	ο	Ο	ο	Ο	ο	Ο	ο	Ο	ο	60	Ο
Π	70	Π	π	Π	π	Π	π	Π	π	Π	π	70	Π
Ρ	80	Ρ	ρ	Ρ	ρ	Ρ	ρ	Ρ	ρ	Ρ	ρ	80	Ρ
Σ	90	Σ	σ	Σ	σ	Σ	σ	Σ	σ	Σ	σ	90	Σ
Φ	100	Φ	φ	Φ	φ	Φ	φ	Φ	φ	Φ	φ	100	Φ
Χ	200	Χ	χ	Χ	χ	Χ	χ	Χ	χ	Χ	χ	200	Χ
Ψ	300	Ψ	ψ	Ψ	ψ	Ψ	ψ	Ψ	ψ	Ψ	ψ	300	Ψ
Ω	400	Ω	ω	Ω	ω	Ω	ω	Ω	ω	Ω	ω	400	Ω

Греческое алфавитное письмо

Определение древнегрузинского письма *асомтаврули* в качестве письменности христианской эпохи, составленной на основе греческого алфавита, естественно ставит вопрос о личности ее создателя: кем был человек, создавший на почве современного ему греческого алфавитного письма совершенно новую и оригинальную письменность монументального стиля в результате сознательной архаизации и модификации графики письма греческой системы-прототипа?

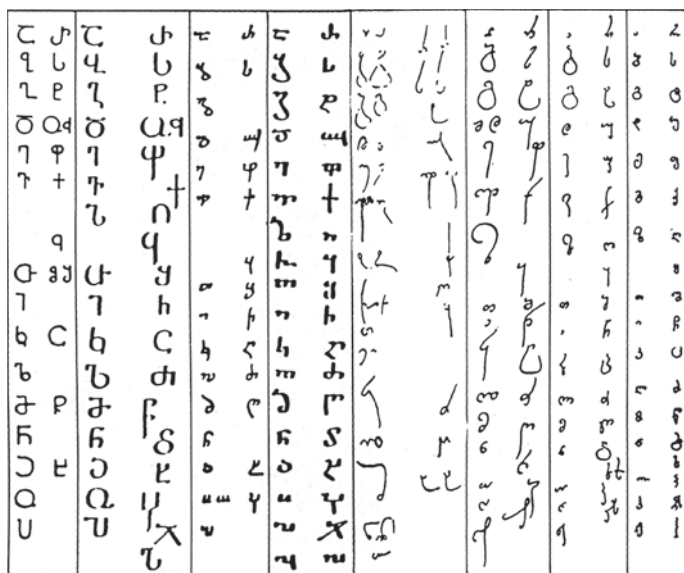
История сохранила нам имена создателей христианских письменностей – готского, древнеармянского и старославянского алфавитов. Это выдающиеся деятели своего времени – Вульфила, Месроп Маштоц, Кирилл и Мефодий. Но нам не известна достоверно личность создателя древнегрузинской монументальной письменности *асомтаврули*, как неизвестно и имя создателя коптской алфавитной письменности.

Грузинская историческая традиция связывает появление грузинского письма с деятельностью царя Фарнаваза (III в. до н.э.), который «ввел книжничество грузинское». Хотя правдоподобность этого свидетельства грузинского летописца XI в. Леонтия Мровели и оспаривается некоторыми учеными,

однако вся культурно-историческая обстановка этого периода не исключает в принципе возможности существования в древней Иверии особого вида доалфавитного письма. Такое «архаическое письмо» могло применяться в грузинском государстве дохристианской эпохи для записи текстов различного характера. «Архаическое письмо» и «книжничество грузинское» может отражать тот вид «письма», который И. Гершевич характеризует как «аллоглоттографию» (т.е. «иностранное письмо»), широко распространившийся в ряде стран Древнего Востока, и в особенности в Иранском мире. При системе «аллоглоттографии» текст или сообщение, диктуемые на одном языке, например, древнеперсидском, записывается на языке с особой письменностью, в данном случае эламском, и читается адресатом (или адресату человеком, знакомым с эламским языком и эламской системой письма) не на эламском языке, на котором записан текст, а на первоначальном языке сообщения, в данном случае – древнеперсидском. Эламский язык и письменность выступают в таком случае в качестве некоторого языка-посредника, кодирующего первоначальное сообщение, составленное устно на древнеперсидском языке. Только позднее создается собственно древнеперсидская клинопись для непосредственной записи древнеперсидских текстов.

Метод аллоглоттографии, очевидно, широко применялся на Ближнем Востоке, что и объясняет особое распространение для «внутреннего пользования» в различные эпохи отдельных языков (эламского, арамейского) во всем этом регионе. Не исключено, что и на Южном Кавказе дохристианской эпохи особое распространение арамейских надписей, в частности надписей, выполненных особым «армазским» письмом, отражает именно аллоглоттографию, широко практиковавшуюся и в этом регионе для записи текстов на местных языках. Так, вероятнее всего, следует понимать сообщение летописца о том, что в эпоху царя Фарнаваза (III в. до н.э.) в Картли «говорили уже только на грузинском языке» и что «он же создал книжничество грузинское», т.е. «грузинскую аллоглоттографию», естественно, на базе самого распространенного в те времена арамейского языка.

С объявлением христианства официальной религией древней Иверии создается новая, «алфавитная письменность», которая полностью вытесняет «архаическое письмо» дохристианской эпохи и становится господствующей письменностью с официальным статусом государственной письменности христианской Иверии. С помощью этой новой, специально созданной национальной письменности осуществляются первые письменные переводы на грузинский язык книг Священного Писания и создаются в дальнейшем оригинальные литературные произведения агиографического жанра. Следует полагать, что такие письменные переводы на грузинский язык книг Священного Писания, сделанные после создания древнегрузинского письма *асомтаврული*, отразили в значительной своей части те устные переводы канонических религиозных текстов, которые в раннехристианскую эпоху могли осуществляться христианскими проповедниками «аллоглоттоэпическим» путем, т.е. при «иноречевом» чтении или произнесении оригинала. Такой метод устной передачи на национальном языке иностранных религиозных текстов при проповедях должен был содействовать в значительной степени терминологическому и лексическому совершенствованию и развитию национального языка уже в устной его форме.

Графическая эволюция грузинской письменности

Хронологически последующим этапом графической эволюции древнегрузинской письменности выступает уже позднейшая ее разновидность *нუსха-хუцури*, которая характеризуется некоторым наклоном вправо букв угловатого начертания различной длины, определяемой четырехлинейной сеткой. Эти графические характеристики противопоставляют внешне письмо *нუსха-хуцури* его графическому прототипу – монументальному письму *асомтаврული* с округлыми графическими символами одинаковой высоты. В IX в. н. э. письмо *нუსха-хуцури* предстает в рукописях уже как вполне сложившаяся графическая разновидность древнегрузинского письма.

Тенденция к округлению угловатых форм графических символов *нუსха-хуцури* и их связному написанию при скорописи, наблюдаемая уже в рукописных образцах X–XI вв., приводит к оформлению новой разновидности грузинского письма – скорописному *мхедрули*. Эта последняя разновидность грузинской письменности с незначительными изменениями лежит в основе печатной и рукописной форм современного грузинского письма (*Гамкредидзе Т.В.*, 1989; *Gamkrelidze*, 1994).

ЯЗЫК И ПИСЬМЕННОСТЬ²

Функции государственного грузинский язык исполнял еще в эллинистическую эпоху, в 284 г. до н.э., когда, согласно летописи «Картлис цховреба», первый царь Картли Фарнаваз «распространил язык грузинский, и больше уж не говорили в Картли на ином языке, кроме грузинского». Эта дата как значительнейшая историческая точка отсчета легла в основу грузинского национального летоисчисления.

² © М. Курдиани

Статус государственного грузинский язык имел и имеет согласно всем конституциям Грузии: Конституции Грузинской Демократической Республики (21 февраля 1921 г., ст. 3), Конституции Грузинской Советской Социалистической Республики (25 февраля 1922 г., ст. 6; 5 июля 1926 г., ст. 10; 13 марта 1937 г., ст. 156; 15 апреля 1978 г., ст. 75), действующей Конституции Грузии (24 августа 1995 г., ст. 8).

В периоды раздробленности государства на отдельные царства и княжества грузинский язык сохранял статус государственного, и границы ареала распространения грузинского языка воспринимались как границы единого государства Грузии. Так, в преамбуле «Трактата единства иберийцев», подписанного грузинскими царями и мтаварями в 1790 г., дано обоснование этого «единства»: «Поскольку все иверийцы, живущие в царстве Картлийском, Кахетинском, Имеретинском, Одишском и Гурийском, единоверны, порождены от одной соборной церкви и имеют единый язык, то они заимодавцы любви, связанные между собой кровным родством и породнением».

Географический ареал распространения грузинского языка в основном охватывает историческую территорию единого грузинского государства, населенную автохтонными картвельскими племенами. Это нынешнее государство Грузия, Тао-Кларджети (ныне входит в состав Турции), Саингило (ныне в составе Азербайджана) и др. За пределами исторической Грузии грузиноязычное население компактно проживает в Иране (провинция Ферейдан).

Среди живых языков грузинский язык является одним из древнейших в мире. Общекартвельский язык-основа сосуществовал во времени и пространстве с общеиндоевропейским и общесемитским языками-основами. Об этом свидетельствует обнаружение на хронологическом уровне языков-основ взаимозаимствований, имевших место в результате языковых контактов. Датой дифференциации общекартвельского языка-основы на исторически засвидетельствованные языки, точнее, датой выделения грузинского языка из общекартвельского языка-основы, согласно языковым данным, в том числе согласно следу языковых контактов, следует признать рубеж V–IV тыс. до н.э. С этого периода начинается независимая история собственно грузинского языка. На древность грузинского языка указывают многочисленные факты языковых контактов, например, лексика, заимствованная из собственно грузинского языка общеарийским (геср. общеиндоиранским) языком-основой: например: *кац*-и (человек) и др.

Неоспоримым свидетельством установления норм грузинского литературного языка в дохристианскую эпоху и необходимости их последующего соблюдения являются древнейшие (IV–VII вв.) грузинские христианские надписи и рукописи, корпус ханметных текстов.

Грузинский язык – единственный среди иберийско-кавказских языков, непрерывно фиксируемая история которого известна с IV в., а согласно некоторым воззрениям, – фрагментарно даже с I в. н.э. (для сравнения: фиксированная история языка кавказских албанцев известна только из памятников V–X вв., а баскского языка – только с XVI в., из горских кавказских языков у 14 литература известна и вовсе с XX в.). Поэтому свидетельствам грузинско-

го языка придается особое значение для выяснения многих вопросов истории как картвельских, так и иберийско-кавказских языков в целом.

Древнегрузинский и новогрузинский язык не два разных языка, как, например, древнегреческий и новогреческий, латинский и итальянский, или древнеармянский (*грабар*) и новоармянский (*аишхарабар*) и другие языки. Грузинский литературный язык един: «На протяжении веков древний грузинский сменился новым грузинским; изменение отразилось на лексике и грамматике, но это изменение, особенно грамматической системы, меньше ожидаемого: не только «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»), но и «Житие Григола Хандзтели» и «Мученичество Шушаники» (XI в.) почти полностью понятны нынешнему культурному читателю».

Для периодизации истории грузинского литературного языка следует учитывать факты сосуществования духовной и светской литературы. Духовная литература была, а частично и сегодня ориентирована на «древний грузинский», а светская литература – на «новый грузинский», и у этого обстоятельства, очевидно, более длительная история, чем было принято считать до настоящего времени. Так, на западной стене южной апсиды Атенского Сиони были обнаружены надписи на новогрузинском языке, датированные IX в., который, согласно всем научным периодизациям истории грузинского литературного языка, признан классической эпохой функционирования древнегрузинского языка. Это древнейшие образцы грузинской светской ритмической поэзии, датированные 840–841 гг.

Существуют три грузинских алфавита (или фонологическая письменность): *асомтаврули*, или *мргловани* (графически капитальное письмо), *нусхури*, или *хуцури* (графически угловатый курсив) и *мхедрули*. Несмотря на очевидное графическое различие, они генетически взаимосвязаны, что подтверждено документально и научно обосновано. Окончательно установлено также то, что *асомтаврули* представляет собой продукт однократного творческого акта, а *нусхури* (древнейший датированный образец относится к 835 г., Атенский Сиони) и *мхедрули* (875 г., Атенский Сиони) – результаты ее поэтапной эволюции. Фиксирование признанных древнейшими образцов письма *нусхури* и *мхедрули* на памятниках одного и того же века (надпись на Атенском Сиони начала VIII в., выполненная смешанным *нусхур-мхедрули*) не означает, что *мхедрули* возникло сразу же после формирования *нусхури* на основе последнего. Надо полагать, эти письменности отделял промежуток продолжительностью более одного столетия, так же как и период со времени формирования *нусхури* до первой содержащей дату рукописи, выполненной этим письмом.

Грузинские летописи называют создателем грузинской письменности основателя первого единого грузинского государства, царя Фарнаваза. В грузинской палеографии не подвергаются сомнению его заслуги в деле создания грузинской письменности, но существует различие мнений по поводу того, конкретно какую форму или разновидность письменности он положил в основу для «грузинской литературы». Ввел ли он в обиход или создал оригинальную грузинскую азбуку – капитальное письмо *мргловани* – или использовал какую-либо уже существовавшую традицию.

В пользу создания грузинской письменности именно в эллинистическую эпоху, вероятно, говорит и ее постоянное упоминание в берущем начало в

эллинистическую пору и постоянно повторяющемся в христианской и иудейской историографии III–XVIII вв. авторитетном и популярном топосе о 15 народах, имеющих письменность или знакомых с нею. Этот топос сохранился в списках библейского раздела народов и языков и почти без изменений повторяется в греческих, латинских, еврейских, армянских, арабских и прочих источниках как «общепризнанная аксиома».

Эти 15 образованных народов, потомки сыновей библейского Ноя – Яфета, Хама и Сима, – распределены между братьями следующим образом: яфетиды: иберы (грузины), латиняне (римляне), испанцы, греки, мидийцы, армяне; хамиты: финикийцы, египтяне, памфилийцы, фригийцы; семиты: евреи (иудеи), персы, халдеи, индийцы, сирийцы.

В настоящее время в мире функционируют несколько десятков графически различающихся алфавитных письменностей, из которых три – грузинские. В современной Грузии используются все три вида грузинского алфавита, из которых сфера применения *мхедрули* не ограничена, а *асомтаврули* и *нусхури* в основном и традиционно используются в богослужебной практике грузинской православной церкви. Грузинская письменность *мхедрули* уникальна в системе алфавитных письменностей мира и представляет собой единственный существующий образец реализации идеальной формулы фонологического письма – «одна фонема: одна графема».

Грузинская письменность *мхедрули* далеко не всегда соответствовала идеальной формуле фонологического письма. Таковой она стала вследствие фундаментальных реформ грузинского языка и письменности, осуществленных в 1860-х годах выдающимся грузинским писателем и общественным деятелем, именуемым «отцом нации» и причисленным к лику святых Ильей Чавчавадзе (1837–1907), когда он вытеснил из употребления и изъял из грузинского алфавита буквенные знаки, не имевшие более в синхронии реального фонетического содержания.

На протяжении XIX–XX вв. та или иная разновидность грузинской письменности использовалась для буквенного выражения (написания) литературы разных кавказских языков, например, в 1820-х годах графику *нусхури* и *мхедрули* Иоанэ Ялгузидзе (Габарати) использовал для осетинского языка. В 1938–1954 гг. алфавиты, созданные для абхазского и осетинского языков на графической основе грузинского письма *мхедрули*, официально функционировали в автономиях Грузинской ССР – в Абхазской АССР и Юго-Осетинской АО.

Древнейшими грузинскими христианскими надписями признаны надписи, обнаруженные в Палестине итальянским археологом Вирджилио Корбо, из которых одна датируется 429 г., а другая – 444 г., а также строительная надпись Болнисского Сиони (*ханмети*) 493 г. Древнейшей же датируемой христианской надписью признана обнаруженная Г. Бочоридзе хаэметная надпись, высеченная на постаменте каменного креста в Цкисской крепости (Ахалцихский район) в 616–619 гг.

С иной точки зрения, древнейшей надписью, выполненной алфавитом *асомтаврули*, следует считать четырехстрочную надпись № 1 на каменной плите, обнаруженную 16 августа 1986 г. акад. Л. Чилашвили при раскопках городища эллинистической эпохи Некреси (Кахети), которая, как установлено, является языческим календарем и датируется 24 июня 81 г. Обнаруженные в Некреси многочисленные надписи *асомтаврули*, датированные

I–III вв., составили целый корпус дохристианской эпиграфики и придали новое значение лигатурам, выполненным алфавитом *асомтаврули* на «стеле победы» эристава Чаргаси (I в.) и на блюде Берцума-питиахша (III в.), выявленным П. Ингороква.

Древнейшими христианскими грузинскими рукописями признаны ханметные палимпсесты (V–VI вв.); древнейшей рукописью, содержащей дату, является Адишский четвероглав, переписанный в 897 г.

Первые печатные грузинские книги были изданы в 1629 г. в Риме – «Грузинский алфавит с молитвами» и «Словарь грузино-итальянский, составленный Стефано Паолини с помощью грузина, монаха обряда Святого Василия Никифорэ Ирбаха для пользования миссионерами духовной конгрегации по распространению веры» (содержит 3084 слова). Обе книги отпечатаны в типографии конгрегации «Пропаганда Фиде».

Кроме лапидарных надписей и эсцерптов, включенных в сочинения христианских летописцев, иные памятники грузинской дохристианской литературы до нас не дошли. Зато грузинский литературный язык с эпохи принятия христианства по сей день имеет непрерывно фиксированную традицию функционирования.

Среди памятников не только грузинской, но и христианской литературы вообще своей беспрецедентностью выделяется песнопение, посвященное особой религиозной миссии грузинского языка, дошедшее до нас в виде описи X в., переписанное Иоанэ-Зосимэ. В нем олицетворяется в высшей степени почтительное отношение грузин к своему языку. Эта песнь-ода больше известна под названием «Кебаи да дидебаи картулиса эниса» («Хвала и величание грузинского языка»), хотя в древнейшем списке, переписанном алфавитом *асомтаврули*, она называется «Картулиса энисатвис» («Грузинского языка ради»).

Существует несколько научных классификаций современных грузинских диалектов, согласно которым выделяется от 11 до 17 диалектов. В их основу положены фонетические, лексические, территориальные и другие факторы. Диалекты Восточной Грузии: диалекты гор (хевсурский, пшавский, тушинский, мохевский, мтиульско-гудамарский); диалекты равнин (картлийский, кахетинский (с кизикским), ингилойский, ферейданский); диалекты Юго-Западной Грузии (месхетинский (самцхе-джавахский), имерхевский, таоский). Диалекты Западной Грузии включают диалекты гор (горно-рачинский) и диалекты равнин (рачинский, имеретинский (верхний и нижний), лечхумский, гурийский, аджарский).

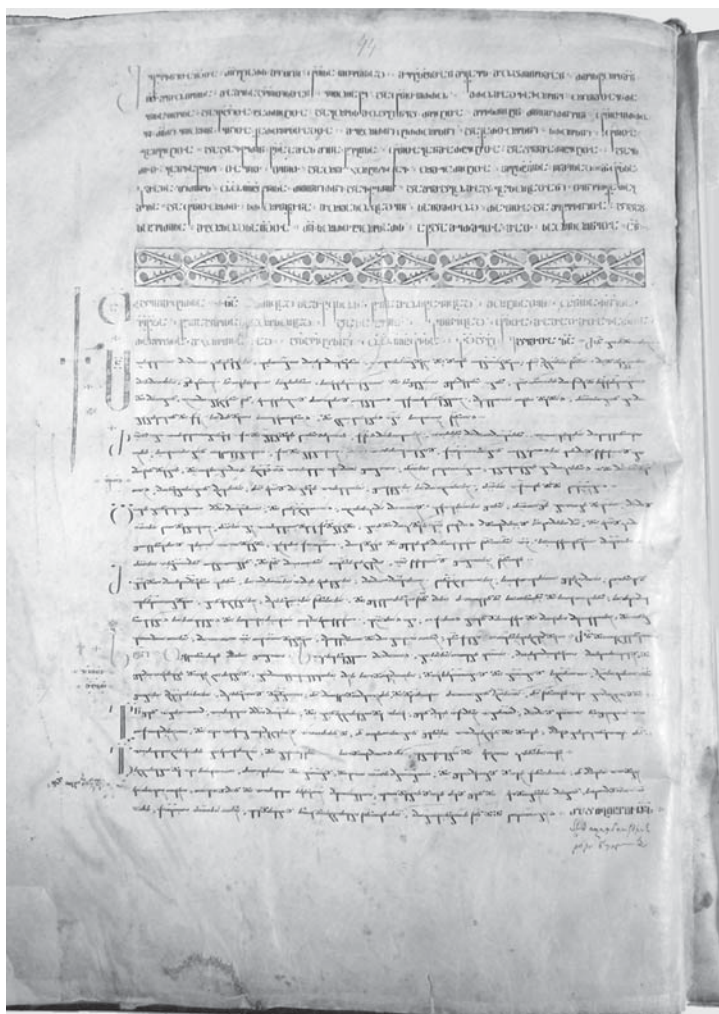
РУКОПИСНАЯ КУЛЬТУРА³

Грузинская рукописная культура документированно существует с V в., и представленная в ней как оригинальная, так и переводная литература связана с христианством.

Первый этап грузинской христианской литературы охватывает V–VII вв., что подтверждается обнаруженными в Палестине грузинскими надписями

³ © Н. Миротадзе

Подрисуночные подписи в авторской редакции.

Михаил Модрекили. Иадгари – сборник песнопений (978–988)

© НЦР. S-425

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

(в том числе мозаичными) и пилигримными приписками, датированными IV–V вв. Первый, *ханметный* этап грузинской литературы сохранили около 5 тыс. палимпсестов (в грузинском языке V–VII вв. этот префикс использовался в глагольных формах).

Фрагменты ханметных версий Евангелия и книг Ветхого Завета, сохранившиеся в нижних слоях палимпсестов, свидетельствуют о том, что к этому времени Библия уже полностью была переведена на грузинский язык. Кроме библейских текстов, ханметные палимпсесты содержат фрагменты Лекционария, Многоглава, Протоевангелия Иакова, мученичества Киприана и мученичества Христины. Наряду с переводной, начинает формироваться оригинальная литература, блестящим образцом которой является агиографическое

Пророчество Иисуса Христа о Иерусалиме

Джрუჩოსი მკვლევარის მიერ აღწერილი, XII–XIII სს.

© НЦР. Н-1667

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

сочинение V в. «Мученичество Шушаник». В нем отражена не только политическая история эпохи, но и живо переданы этнографические сведения о грузинской культуре и быте того времени.

Следующий этап грузинской рукописной культуры VIII–X вв. связан с монастырскими центрами Сабацминда, горы Синай и Тао-Кларджети. Из деятелей Синайской горы самым известным является Иоанэ-Зосимэ, который переписал немало рукописей. В этот период деятели Тао-Кларджети и особенно Синая пишут и распространяют материал, необходимый для иерусалимского богослужения (напр., Тао-Кларджети: «Иадгари» (Тропологий) Микаэла Модрекили; Синайская гора). Именно благодаря переписанным грузинскими книжниками рукописям сохранился иерусалимский тип греческого богослужения, который в самом греческом языке на сегодняшний день не существует.

В монастыре св. Екатерины на Синайской горе хранится древнейшая датированная грузинская рукопись «Синайский Многоглав», переписанная в лавре св. Саввы (Сабацминда) в 864 г., в которой, наряду с алфавитом *асомтаврული*, используется и *нუსхური* (строчные буквы – минускулы). В конце рукописи прилагается гимн Иоанэ-Зосимэ «Хвала и величание грузинского языка», написанный им в 981 г.

С лаврой Сабацминда и монастырем св. Екатерины на Синайской горе связано использование редчайшего для грузинской действительности писчего материала – папируса. Именно в этих монастырских центрах были созданы папирусно-пергаменный Тропологий и папирусный Псалтирь.

В монастырских очагах Тао-Кларджети переписано большое число Четвероглавов IX–XII вв., представляющих собой иллюминированные рукописи, отличающиеся безупречностью оформления: Адишское Евангелие, Джручское I Евангелие, Пархальское I Евангелие, Тбетское I Евангелие (995 г.); Бертское I Евангелие (X в.); Цкароставское I Евангелие, Пархальское II Евангелие, Местийское Евангелие, Урбнисское Евангелие, Тбетское II Евангелие, Цкароставское II Евангелие, Бертское II Евангелие, Анчийское Евангелие и др.

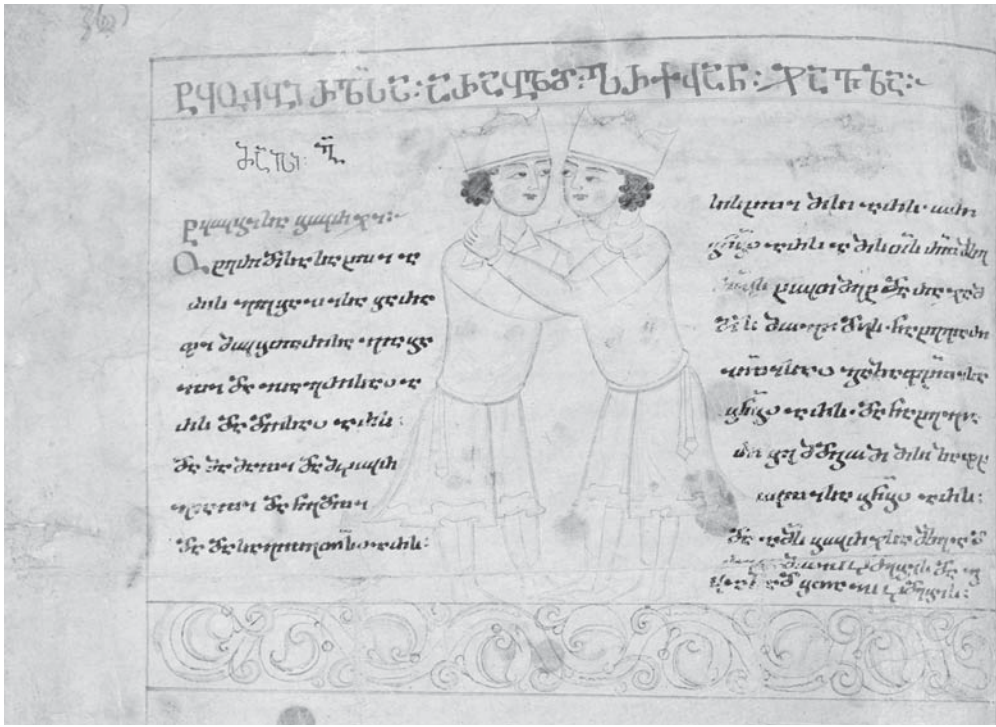
По заказу ктитора Ивилона Иоанэ-Торникэ в Тао-Кларджети (в Ошки) в 978 г. для новооснованного на Афоне грузинского монастыря была переписана грузинская Библия, представляющая собой сохранившийся до наших дней древнейший полный кодекс. Ошкская Библия имеет огромное значение как для истории грузинского перевода Библии, так и для истории греческой Библии. Тексты Ошкской Библии происходят из трех разных рецензий, распространенных в III–IV вв. в трех регионах Византии (Лукианская рецензия – Антиохия; рецензия «Гекзаплы» – Палестина; египетский текст).

Из созданных в Тао-Кларджети рукописей следует выделить рукопись Шатбердского сборника, датированную 70-ми годами X в. Составителем, редактором и переписчиком основной части Шатбердского сборника был монах Иоанэ-Бера. В сборник вошли как переводные сочинения экзегетического, исторического и грамматического содержания, так и оригинальное сочинение «Мокцеваи Картлисаи» («Обращение Картли»), являющееся основным источником изучения истории Грузии.

С культурным центром Тао-Кларджети связано создание такого оригинального сочинения, как «Житие Григола Хандзтели» Георгия Мерчуле, представляющего собой уникальный во всех отношениях источник. Текст отражает монастырскую жизнь, политическую историю, культуру и быт Грузии IX–X вв.; он содержит также этнографические данные. Текст сохранился в единственном рукописном экземпляре.

В конце X в. на Афоне был основан Иверский монастырь (Ивирон), при котором функционировала переводческая школа во главе с Иоанэ Атонели. Он поручил своему сыну, Эквтимэ (Евфимию) Атонели, заняться переводами новых книг. Переводы Эквтимэ Атонели охватили все сферы духовной литературы. Из его многочисленных переводов назовем некоторые: Толкования Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна и Евангелие от Матфея; «Толкование Псалтири» Василия Великого; 16 литургических Слов Григория Богослова; «Поучения» Максима Исповедника; «Диалоги» Григория Двоеслова, папы Римского; «Клемакс» Иоанна Синаита; краткий годичный Синаксарий; Малый Номоканон VI Вселенского собора и др. Эквтимэ переводил также с грузинского на греческий. Именно в его переводе западный мир познакомился с сочинением «Балавариани».

Вокруг Иоанэ и Эквтимэ Атонели (Мтацминдели, или Святогорцев) была сосредоточена целая группа образованнейших монахов, специально приглашенных на Афон ктиторм Ивилона Иоанэ-Торникэ из Тао-Кларджети, а также из зарубежных грузинских просветительских центров: Иоанэ Грдзелидзе, Арсен Ниноцминдели, Иоанэ Окропири (Златоуст), Саба и др. Все они неустанно трудились по переписыванию переводов Эквтимэ, создавали гимнографические сборники, восхваляющие строителей Иверского монастыря.

Созвездие «Близнецы»
 Астрологический трактат (1188–1210)
 © НЦР. А-65
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Продолжателем переводческой деятельности Эквтимэ на Афоне являлся Георгий Атонели (Мтацминдели/Святогорец), который в 1044–1056 гг. занимал также должность игумена Ивилона. Обязанности по настоятельству монастыря мешали Георгию в переводческой деятельности, и он возвращается с Афона на Черную Гору; поэтому Георгий Мтацминдели считается представителем двух переводческих школ – Афонской и Черной Горы.

Переводы Георгия Мтацминдели охватывают почти все жанры духовной литературы: «Беседы на Шестоднев» Василия Великого, «О сотворении человека» и «Толкование на Песнь Песней» Григория Нисского, Минеи (песнопения в честь Господа Иисуса Христа и разных святых на каждый день двенадцати месяцев), Великий Синаксарь, Великий Параклит, Постная Триодь, Цветная Триодь, Профитологий, Евангелие-Лекционарий, Великий Требник, труды по гомилетике и др. Как пишет биограф Георгия Мтацминдели, Георгий Мцире (Хуцесмоназони), «трудно даже представить, как мог один человек за свою жизнь переписать столько книг, не говоря уж о переводах их с греческого языка» («Житие Георгия Мтацминдели»). Перу Георгия Мтацминдели принадлежат и оригинальные сочинения, в частности «Житие блаженных отцов наших Иоанэ и Эквтимэ и повесть об их достойном сподвижничестве», по сути летопись горы Афон, а также несколько песнопений в честь гру-

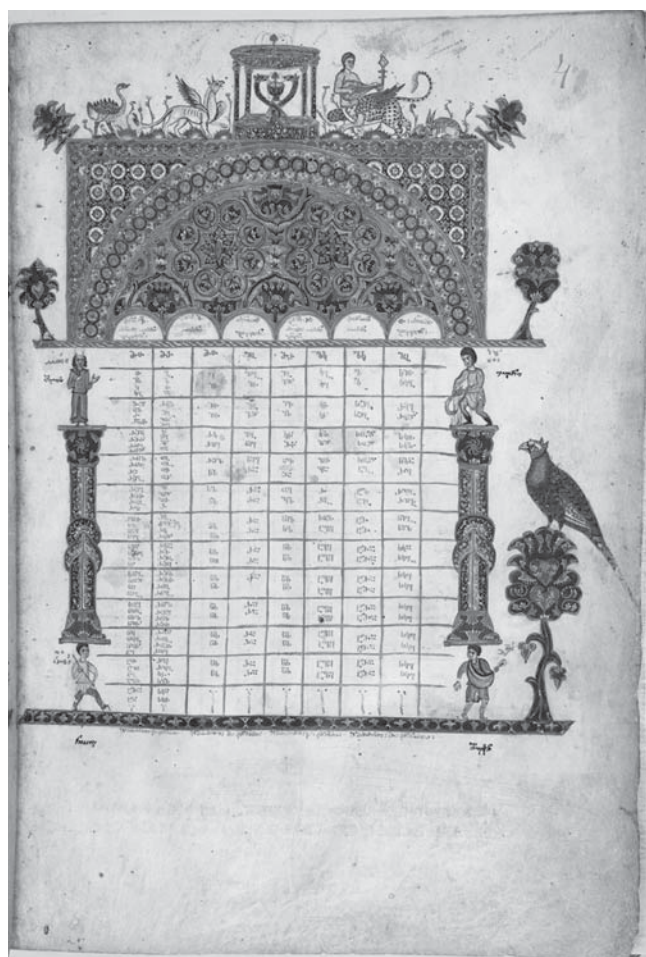

Иллюстрация из Ванского Четвероевангелия, XII–XIII вв.

© НЦР. А-1335

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

зинских святых. Переведенные им рецензии Библии и Псалтири по сей день используются в грузинском церковном богослужении. Среди рукописей Афона хранится немало автографов Георгия Мтацминдели.

Одним из видных представителей литературной школы Черной Горы является Ефрем Мцире, подвизавшийся здесь во второй половине XI в. Здесь были разработаны переводческие принципы, сформулированные в начальных и концевочных «завещаниях» (колофонах) рукописей Ефрема Мцире: 1. Перевод непременно должен быть выполнен с оригинала; 2. Перевод должен быть буквальным, дословным, и переводчик не вправе вставить от себя в текст даже малейшую деталь; 3. Для лучшего понимания текста читателем переводчик должен сопроводить его приписками-замечаниями на полях; крайне осторожны должны быть переписчики и с тем, чтобы случайно не внести эти замечания в основной текст; 4. С тем чтобы читателю легко было отыскать

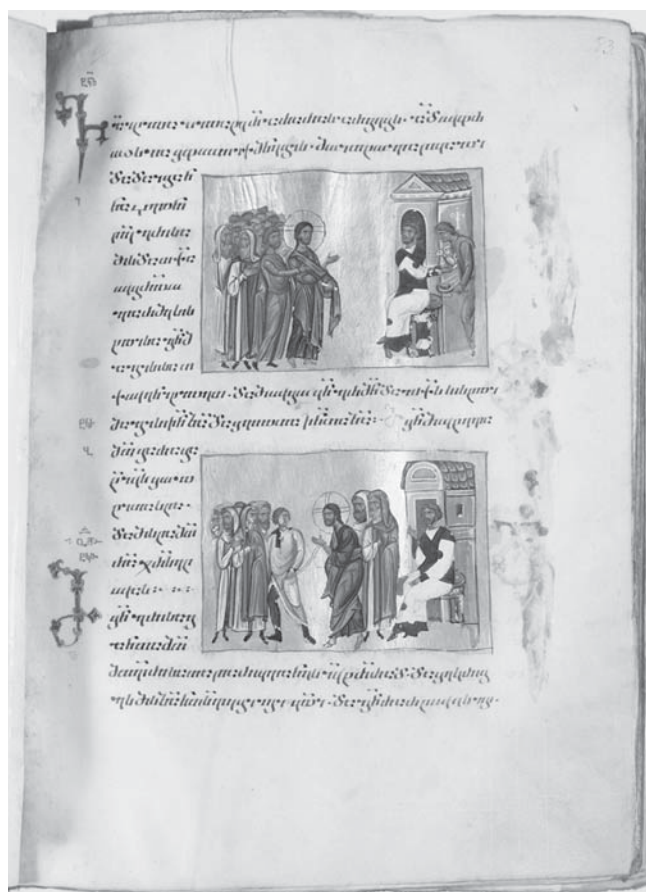
нужное место в переводах, выполненных в школе Черной Горы, на полях делались специальные условные знаки (шуэниери, гансазгвребай или ганчинебай, усакутреси, шеисцаве, мзис туалы, астериско, йоти и проч.), разъяснение которых было дано во введении; 5. Переводы Псалтири Ефрем Мцире сопровождал словарем, в котором толковались упорядоченные по алфавиту сложные и трудные для понимания научные слова; 6. В школе Черной Горы была разработана система знаков препинания и расчленения (раздельного написания слов). Эта система была введена Ефремом Мцире по настоятельному требованию Иоанэ Паракнели с тем, чтобы таким образом облегчить читателю чтение и восприятие текста; 7. К рукописям Ефрем Мцире прилагал колофоны, представлявшие собой своего рода подсказку, ключ к тому, как правильно читать текст. В колофонах рукописей Ефрем Мцире упоминает также имена сподвижников – священников, монахов и старцев (монах Квирикэ Александрийский; Антон Тбели; Иованэ Квирикеси; монах Саба (Сулаисдзе) Тухарели; Габриэл Священник (Мгдели); Василий – настоятель Калипосский; Стефанэ Чулевели; монах Иоанэ Паракнели; Иоанэ Мтавараисдзе; Иоанэ Сагмрто Пилосопоси и др.), помогавших ему в выборе текстов для перевода, разработке знаков препинания, формировании методологии перевода и издания книг.

Из многочисленных переводов Ефрема Мцире назовем некоторые: «Толкование Апостола»; «Толкование Псалтири»; «Толкование Екклесиаста»; «Толкование Иезекииля»; мифологические комментарии Псевдо-Нонна; 16 литургических Слов Григория Богослова с комментариями Василия Малого (Basilius Minimus); «Точное изложение православной веры» и «Диалектика» Иоанна Дамаскина; Ареопагитский корпус. В одной из рукописей даже сохранился автограф Ефрема Мцире.

Для грузинской литературы качественно новым этапом явился интерес к философии. Ефрем Мцире перевел «Диалектику» и «Точное изложение православной веры» Иоанна Дамаскина, вскоре заново переведенные его учеником, Арсением Икалтоэли. Ему же принадлежит сборник «Догматикон».

В XII–XIII вв. культурно-просветительский центр опять переместился в Грузию, что было обусловлено усилением грузинского государства. Давид Агмашенебели основал монастырь и академию в Гелати, куда пригласил известных грузинских ученых мужей, подвизавшихся за границей. От школы Черной Горы Гелатская академия унаследовала интерес к философии. Иоанэ Петрици не только перевел «Первоосновы теологии» Прокла Диадоха, но и сопроводил трактат собственными комментариями, которые признаны оригинальным грузинским философским сочинением. Гелатская академия была аналогом Манганской академии, учебный процесс здесь протекал также по системе «тривиум-квадривиум», подразумевающей изучение грамматики, риторики и философии, а также арифметики, геометрии, астрономии и музыки. В Гелатской академии были подготовлены катены Библии (текст Библии с комментариями на полях).

Просветительским целям Гелатской академии служили и выполненные здесь переводы: «О природе человека» Немесия Эмесского (переводчик Иоанэ Петрици); «Элементы теологии» Прокла Диадоха (переводчик и комментатор Иоанэ Петрици); сочинения Аммония, сына Гермия (переводчик Иоанэ Таричисдзе); «Иудейские древности» Иосифа Флавия, «Диалектика» Иоанна Дамаскина и «Хронограф» Георгия Амартола – переводчик Арсен Икалтоэли.

Спаситель у Пилата

Гелатское Четвероевангелие. XII в.

© НЦР. Q-908

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Эти и другие сочинения, вероятно, использовались в Академии в ходе учебного процесса.

С XI в. появляются великолепные образцы светской литературы: историографические, рыцарско-приключенческие сочинения (как переводные, так и оригинальные), научные (медицинские, астрологические), юридические труды и т.д. Особое значение для грузинской рукописной культуры имеют «Вепхисткаосани» и «Картлис цховреба». «Картлис цховреба» – компилятивный сборник, включающий сочинения авторов разных эпох; его первым редактором был Леонтий Мровели (XI в.). Окончательный же вид этой книге придала Комиссия ученых мужей, созданная Вахтангом VI. «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре») Шота Руставели – главнейший текст грузинской оригинальной светской литературы мирового значения. Авторская философия и терминология свидетельствуют о том, что автор имеет тесную связь с Гелатской академией.

С 20-х годов XIII в. политическая ситуация в Грузии осложнилась. Непрерывно наступающие нашествия монголов, среднеазиатских завоевателей (Тимур-Ленга, Джелал ад-Дина), иранцев и турок-османов, феодальные междоусобицы повлекли за собой распад единого грузинского государства на мелкие царства и княжества, что в свою очередь обусловило упадок культурной и литературной жизни Грузии.

После падения Византийской империи (1453 г.) Грузия оказалась в окружении мусульманских государств, потеряв связи с западным миром. Со второй половины XVI в., с культурной точки зрения, ситуация в стране начинает улучшаться; именно поэтому период с указанного времени до XIX в. называют эпохой возрождения Грузии. Оторванная от Запада Грузия устанавливает интенсивные литературные контакты с Ираном. С персидского языка на грузинский переводится множество текстов (Иосеб-Зилиханиани, Висрамиани, Шах-намэ, Утрутиан-Саамиани, Амиран-Дареджаниани, Хосров-Шириниани, Лейл-Меджнуниани, Калила и Димна и др.). Иногда перевод бывает свободный, не следующий точно подлиннику и носящий признаки оригинального творчества. Оригинальная грузинская литература также испытывает влияние восточной, персидской литературы; например, сочинения Теймураза I, Арчила и Вахтанга VI написаны в форме *анбанткеба* (разновидность алфавитного акростиха-оды), *маджами* (стихотворение, в котором используются разные поэтические средства и приемы), *габаасеба* (беседа, разговор, спор).

С XVII в., посредством католических миссионеров, грузинской культуре вновь удается наладить отношения с Западом. Исходя из своих целей, миссионеры-католики пишут грамматику грузинского языка («Грузинская грамматика» Франческо Мария Маджо 1643 г.), составляют грузинские словари (в 1629 г. в Риме был напечатан «Грузино-итальянский словарь»). Грамматику грузинского языка пишут католикос Антон I и Зураб Шаншовани; Сулхан-Саба Орбелиани составляет первый толковый словарь грузинского языка, в предисловии к которому он характеризует некоторые его особенности языка. Своим сборником басен «Сибрдзне сицруиса» («Мудрость вымысла») Сулхан-Саба создал гибкий, живой и лаконичный образец грузинской прозы. С его именем связана и подготовка одного из последних изданий Ветхого Завета. С.-С. Орбелиани предпринял путешествие по Европе, которое отразил в виде дневников, представлявших собой новый (мемуарный) жанр в грузинской литературе.

Заслуживают интереса литературная деятельность Вахтанга VI, царевича Вахушти (Багратиони), царевича Давида и других царских особ. По инициативе Вахтанга VI была создана Комиссия ученых мужей, отредактировавшая старую версию и разработавшая «Новую Картлис цховреба» («Историю Грузии», охватившую и XIV–XVII вв.). Сам Вахтанг VI составил Сборник законов, включающий: законы Моисея, законы греческие, законы армянские, законы католикосовы, законы царя Георгия V Блистательного, законы Бека и Агбуга, Уложение царя Вахтанга. Его же перу принадлежит «Книга по химии». Вахушти Багратиони написал историко-географический труд «Описание царства Грузинского» и «Географию», сопроводив ее Атласом.

Сын Вахтанга VI, Бакар, стал издателем «Московской Библии» (1743 г.), в которую вошли старые версии некоторых книг, а те книги, старых переводов которых у него не оказалось, были заново переведены со славянского языка.

Лучшим образцом оригинальной грузинской литературы этого периода признан сборник автобиографических произведений Давида Гурамишвили «Давитиани».

Особо следует отметить деятельность католикоса Антона I (XVIII в.), основавшего целую литературную школу. Вокруг него сплотилось немало талантливых людей: Иона Гедеванишвили, Филипэ Каитмазашвили, Амбросий Некресели, Гайоз и Давид Ректоры, Тимотэ Габашвили, Антон Чкондидели и др. В школе Антона были разработаны теория трех стилей, своеобразная система правописания и пунктуации. Богато литературное наследие Антона-католикоса, затрагивающее философско-теологические вопросы: трактаты «Цкобилситкваоба» («Мерная речь»), «Мзаметквелеба» («Готовая речь»), «Спекали» («Благородный камень») и т.д.

Грузинское рукописное наследие хранится во многих научных центрах, музеях, монастырях и библиотеках как в Грузии, так и за рубежом. В Грузии это: в Тбилиси – Национальный центр рукописей (более 10 тыс. ед.); Национальный архив Грузии; Национальная библиотека Парламента Грузии; библиотека Тбилисского государственного университета им. И. Джавахишвили; Литературный музей; в Кутаиси – Государственный исторический музей им. Нико Бердзенишвили (ок. 800 ед.); в Местиа – Музей Сванети; музеи Ахалцихе, Гори, Зугдиди, Мартвили, Батуми, Телави и других городов Грузии; за границей: Москва – Российская государственная библиотека; Петербург, Париж, Вена, Грац, Оксфорд, Кембридж, Геттинген, Халле, Лейпциг, Марбург, Тюбинген, Ватикан, Принстон, Гарвард, Ереван; библиотека Иерусалимского патриархата (155 ед.); на горе Синай – монастырь св. Екатерины (229 ед.); Афонский Иверский монастырь (86 ед.).

ЭПИГРАФИКА⁴

Эпиграфика изучает надписи, выполненные на твердых материалах, которые подразделяются на две основные группы: 1) монументальные надписи (на камне, скале, стене здания, мемориальной доске, стеле и др.), обычно представляющие собой государственные декреты и законы, декларации военно-политических успехов правителей государств, хронологии крупных строителей; 2) надписи на предметах практического назначения, отражающие жизнь государства и разных слоев общества.

Образцы грузинской эпиграфики встречаются на памятниках светского и церковного зодчества, стелах, камнях-крестах, могильных плитах. По внешнему виду они делятся на несколько групп: 1) *лапидарные*, или надписи, высеченные на камне; 2) *фресковые*, или надписи, выполненные красками; 3) *чеканные*, или надписи, выгравированные на металле; 4) *мозаичные*. С точки зрения содержания различают строительные, юридические, мемориальные, пилигримные, эпитафные надписи и т.д.

За последние годы во время археологических раскопок на городище Некреси (Кахети) выявлены лапидарные и эпиграфические надписи языческого содержания, выполненные древнегрузинским алфавитом *асомтаврули*,

⁴ © Т. Гоголадзе

Подписанные подписи в авторской редакции.

Рельефная надпись *асомтаврული* Давида Епископа
 Квемо Каргли, Болнисский Сион, V в.
 © МЦХИПЦГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Надпись в Палестинском Грузинском монастыре (532–552). Прорисовка
 © МЦХИПЦГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

которые предварительно датированы II в. до н.э и IV в. н.э., т.е. относятся к дохристианскому периоду истории Грузии.

За пределами Грузии древнейшими грузинскими надписями признаны три мозаичные надписи, обнаруженные в 1955 г. в Иудейской пустыне (Палестина) Итальянской археологической экспедицией под руководством Вирджилио Корбо, из которых Георгий Церетели две датировал 30-ми годами V в., а одну – 532–552 гг.

Известная рельефная строительная надпись епископа Давида на стене Болнисского Сиони, расположенного в исторической провинции Квемо Каргли, датирована 494 г. и состоит из четырех строк. В центре надписи изображен обрамленный в медальон «болнисский крест» «*болнури джвари*» – равноконечный крест в медальоне, с обрамлением из маленьких треугольников.

Надпись в храме Самтависи

Картли, 1012 г.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

На восточном и северном фасадах Болнисского Сиони фиксируются еще две надписи V в. В 8-строчной надписи, высеченной на восточном фасаде храма, увековечены имена построивших его мастеров и епископа Давида, а в надписи северного фасада храма, состоящей из одной строки, упоминаются имена мастеров Фарнаваза и Азарухта. К древнейшим грузинским эпиграфическим памятникам относятся также надпись на восточном фасаде церкви Гвтаэба в Земо Никози (Шида Картли), датированная V в., в которой упоминается имя построившего ее епископа Закария I, и фрагмент рельефной строительной надписи, высеченной на северном фасаде церкви с. Акаурта (Болнисский район). Хронологически за этими надписями следует трехстрочная рельефная строительная надпись, выполненная на северном фасаде Урбнисского Сиони, известная как строительная надпись Костанта и отца Микаэла и датированная первой половиной V в. (Корпус грузинских надписей, 1980).

Согласно сохранившимся эпиграфическим памятникам, первая ступень развития грузинской письменности охватывает V–VIII вв. В них использован древнейший вид грузинской письменности *асомтаврული*. В этот период происходят определенные изменения в начертании букв письма *асомтаврული*: раскрытие (выпрямление) кружочков графем, удлинение их в высоту и выход за пределы двухлинейной системы написания (т.е. когда буквы одинакового размера умещаются между двумя параллельными линиями).

В VIII в. назрела необходимость реформы письменности, что было обусловлено переходом к письму на мягком материале (кожа/*этрап*, пергамент и т.д.), которое требовало связной наклонной скорописи, соблюдения определенного расстояния между словами, использования знаков препинания,

записывания букв разной высоты в соответствии с четырехлинейной системой (т.е. между четырьмя линиями). В VIII–IX вв. на базе *асомтаврули* возникло письмо *нусхури* (букв.: «для списков»; «строчное письмо»), в котором нашли отражение палеографические признаки шрифта *асомтаврули* VIII в. (графемы с раскрытыми кружочками, на длинных ножках и т.д.).

Письмо *нусхури* оказало значительное влияние на *асомтаврули* в IX в. и особенно X в. С XI в. это влияние несколько ослабевает. Шрифт *асомтаврули* вновь становится округлым: лишённые дугообразных очертаний угловатые буквы *нусхури* вновь обретают округлость, присущую *асомтаврули*. В *асомтаврули* остаются заимствованные из *нусхури* дополнительные поперечные линии букв, междусловный интервал, знаки препинания и др. В IX–X вв. в написании лапидарных текстов наблюдаются изменения: начинается стилизация графем, появляются такие особенности каллиграфии, как *кидурцертиловнеба* – точки на концах букв (т.е. графемы начинаются и заканчиваются точками) и *кидурцаисрулоба* – заостренные, подобно наконечникам стрел, концы букв; встречаются также лигатуры (соединенные, вписанные друг в друга буквы).

После VIII–IX вв. постепенно укореняется и становится господствующим письмо *нусхури*, роль *асомтаврули* уменьшается, хотя это письмо все же сохраняет определенное значение. В частности, в X–XVIII вв. грузинские эпиграфические памятники по-прежнему выполняются шрифтом *асомтаврули*.

С X в., вслед за письмом *нусхури* в обиход входит *мхедрули* («светское», «гражданское» письмо), полученное в результате упрощения *нусхури*. Первый образец грузинской эпиграфики, выполненный письмом *мхедрули* – одна из надписей Атенского Сиони, которую З. Алексидзе и Г. Абрамишвили датируют 982–986 гг.

Фонд грузинских лапидарных надписей пополняется по сей день. Все новые и новые эпиграфические памятники обнаруживаются как в Грузии, так и за ее пределами. Например, в сентябре 2002 г. в окрестностях Иерусалима, в с. Умлеизон, был найден могильный камень с грузинской надписью предположительно конца V или первой половины VI в. Также в Квемо Картли, в с. Гористави, выявлен камень-крест с упоминанием «Рувиставели». Наиболее часты случаи обнаружения неизвестных надписей на территории исторической Тао-Кларджети (ныне территория Турции). Много грузинских эпиграфических памятников сохранилось на Северном Кавказе, в исторической Квемо Картли (часть этой территории ныне входит в состав Армении), а также в Палестине и Сирии.

БОГОСЛОВСКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ЦЕНТРЫ⁵

Первые сведения о существовании в Грузии просветительского очага относятся к IV в., когда в Поты (Фазиси) функционировала риторическая школа. По сведениям древнегреческих историков в Грузии уже в III в. существовали культурно-просветительские центры, гимназии (греч. «гумнасион»),

⁵ © Н. Сулава

из которых следует отметить действовавшую еще в дохристианском Поти Фазисскую академию, или Колхидскую высшую риторическую школу, существовавшую в III–VI вв.

После провозглашения христианства государственной религией в Грузии и за ее пределами формируются литературно-богословские центры и школы. Просветительская деятельность протекала и в стенах монастырей, ставших значительными очагами просвещения, где преподавались все богословские предметы, сочинялись оригинальные произведения и выполнялись переводы, создавались рукописи, иконы и прочая церковная утварь, развивались зодчество и фресковая живопись, функционировали духовные и певческие школы.

Начало интенсивной монастырской жизни и превращение монастырей в просветительские центры в Грузии связано с приходом в Картли ассирийских отцов во главе с Иоанэ Зедазнели в VI в. В Восточной Грузии выделяются Тбилисский и Мцхетский монастырские комплексы, особенно кафедра католикосата в Светицховели; в Западной Грузии ведущими были Гелатский и Чкондидский монастыри. В Юго-Западной Грузии почти во всех монастырях (Хандзта, Шатберди, Ошки, Тбети, Ишхани, Пархали, Хахули) велась литературно-богословская деятельность.

Христианская религия проникла в Грузию из Палестины, поэтому именно там возникли первые зарубежные грузинские культурно-просветительские центры, и отсюда же распространилась в Грузию литургическая практика иерусалимского типа. Хранящиеся в скрипториях Сабацмида и Синацмида грузинские рукописи содержат богатейший материал для изучения раннего периода истории грузинской литературы. Эти уникальные материалы сосредоточены в основном в коллекции грузинских рукописей монастыря св. Екатерины на горе Синай.

Стремление грузин к Востоку, в Сирию и Палестину было обусловлено восточным, иерусалимским происхождением грузинской церкви. Наряду с монахами других стран здесь обосновалось грузинское монашество. Иерусалим, Сабацмида, Палавра, Синайская гора, пустыни Антиохии, Черная Гора – вот те грузинские монастырские центры, где кипела литературно-богословская деятельность.

В V в. в Палестине подвизался грузинский царевич Петрэ Ибери (Петр Ивер), епископ Маюма, построивший монастыри в Иерусалиме и близ Вифлеема, которому приписывается авторство ареопагических сочинений. Вифлеемский грузинский монастырь известен надписью, исполненной грузинским письмом *асомтаврули*, датированной 433–435 гг.

В окрестностях Иерусалима, в Сабацмида, в IV–V вв. была построена лавра, основание которой связано с именем св. Саввы Освященного (Саба Ганцмендили) – его «Житие» было переведено и издано на грузинском языке. Пришедшие в Сабацмида в 30-е годы VI в. грузины создали здесь мощную богословско-литературную школу. В VI–VIII вв. большая часть грузинских переводов богословских произведений была осуществлена именно в лавре св. Саввы. В частности, с греческого и арабского были переведены: «Учение св. Стефана Сабацминдели», «Повесть о мученичестве святых отцов, умерщвленных варварами», «Пленение Иерусалима» и др. Из подвизавшихся на Синае, в Сабацмида и Иерусалиме деятелей особое место занимают грузин-

Монастырь Хандзта

Тао-Кларджети (Турция), VIII в.

© Личный архив Б. Кудавა, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Монастырь Пархали

Тао-Кларджети (Турция), X в.

© Личный архив Б. Кудавა, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ский гимнограф VIII в. Басил Сабацмидели, ученик св. Григола Хандзтели Макар Лететели, Георгий Тбилели, Иоанэ-Зосимэ.

В лавре св. Саввы редактировали раннегрузинские переводы библейских книг. В IX–X вв. в Сабацминдском монастыре были созданы важнейшие грузинские гимнографические сборники. Василию Сабацминдели принадлежат песнопения в честь св. Саввы и стихотворный перевод «Мученичества св. Микаэла Сабацминдели».

В 949–956 гг. в лавре подвизался известный грузинский гимнограф Иоанэ-Зосимэ, составивший календарно-гимнографический «Сборник месяцев года», куда вошли данные церковной организации и монашеской жизни Палестины, сборник песнопений новой и старой редакций, содержащий литургический календарь, тексты служб суточного круга (Часослов), гимнографические произведения («Хвала и величие грузинского языка») и др.

В монастыре св. Екатерины на Синае грузины появились в VI в. Им покровительствовали и оказывали финансовую помощь грузинские цари и родовитые феодалы. В 864 г. ученик и сподвижник св. Григола Хандзтели Макар Лететели переписал Многоглав, первый сборник, выполненный письмом нуха-хуцури, который ныне хранится в грузинском монастыре на горе Синай. Наиболее сильным и влиятельным этот монастырь был в X в., при Иоанэ-Зосимэ (956 – ок. 990).

В грузинских литературно-богословских очагах Палестины сформировался гимнографический сборник – древний Иадгари (визант. Тропологий), отразивший историю нескольких веков развития греческой и грузинской гимнографии иерусалимского периода богослужения. В X в. в палестинских и синайских монастырях и теологических центрах была создана богатейшая коллекция грузинских рукописей литургического характера, содержащих Постные Триоди, Параклитики, Синаксарии, Минеи доафонской, палестинской редакций, позднее переработанные грузинскими литургистами. Синайская школа продолжала традиции палестинской. Кроме монастыря св. Екатерины на Синае существовали грузинские церкви св. Иоанна Богослова, вмч. Георгия Победоносца и др., в которых богослужение совершалось на грузинском языке. В IX–X вв. на Синай мигрировали теснимые мусульманами монахи, подвизавшиеся в палестинских монастырях, прежде всего – из лавры св. Саввы Освященного. Синайские рукописи составляют значимую часть древнегрузинского рукописного наследия: одни были привезены сюда из Палестины, другие были переписаны в Палестине специально для горы Синай, например Синайский Многоглав. С Синаем связана также деятельность учеников и последователей Иоанэ-Зосимэ: Квирикэ Сохастрели, протоиерея Микаэла, позднее – Элисэ.

Впервые о рукописях из Синая стало известно в XIX в. от епископа Порфирия (Успенского), который привез из монастыря два листа папирусной Псалтири. После посещения Синая в 1883 г. А. Цагарели издал «Каталог грузинских рукописей Синайского монастыря». В 1902 г. на Синае побывали Н. Марр и И. Джавахишвили, установившие, что некоторые описанные А. Цагарели рукописи исчезли. Описания коллекции Марра и Джавахишвили были опубликованы в 1940 и 1946 гг. Одна рукопись была приобретена австрийским лингвистом Г. Шухардтом и завещана им библиотеке университета

Монастырский комплекс Давид Гареджи. VI в.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

в Граце (Австрия), другие попали в США, в библиотеку Геттингена (Германия), в частные собрания.

Тао-кларджетская богословско-литературная школа имела множество очагов: в Ишхани, Ошки, Хахули, Пархали, Бана, Калмахи, Опиза, Хандзта, Шатберди, Парехи, Берта, Мидзнадзори, Цкаростави, Анчи (ныне на территории Турции). Между этими центрами существовали тесные связи, например: одна часть известного Шатбердского сборника была переписана в Хандзта каллиграфом Иоанэ Бераи с Пархальской рукописи. Габриэл Патараи при создании Пархальского Многоглава пользовался Пархальскими и Ишханскими рукописями. Каллиграфы, воспитанные на культурно-литературной традиции тао-кларджетской школы, в дальнейшем подвизались в других монастырских центрах: Макар Лететели – в лавре св. Саввы Освященного в окрестностях Иерусалима, позже на Синае, Иоанэ Хахулели – на Афоне, Зекепэ Бертели – на Олимпе, Квирикэ Мидзнадзорели – на Синае, Закариа Банели – в Константинополе, Георгий-Прохор Цкароставели – в Иерусалиме.

Зачинателем тао-кларджетской богословско-литературной и просветительской школы, определившей характер грузинской духовной литературы, является Григол Хандзтели – основатель монастыря в Хандзта, сыгравший значительную роль в развитии законодательной литературы и гимнографии. Скрупулезно изучив константинопольский монастырский устав и сабацминдский распорядок, он разработал «озаренный научной мыслью и определенный мудростью» весьма «жесткий» устав, предназначенный специально для грузинских монастырей. В начале IX в. он составил Типикон и годичный Иадгари. Часть Типикона внесена в агиографическое сочинение «Житие св. Григола Хандзтели», написанное в 951 г. в Хандзта Георгием Мерчуле и отражающее заслуги прп. Григола и его соратников. В Хандзта были составлены также Пархальский и Кларджетский Многоглавы.

Среди деятелей X–XI вв., обитавших в монастыре Ишхани, известен Иларион Ишхнели, по заказу которого были переписаны сборник аскетических сочинений и Местийское Четвероевангелие. Созданные в Ишхани рукописи были использованы для составления Шатбердского сборника и Пархальского Многоглава. В 897 г. в Шатберди по заказу Софрония Шатбердели было переписано Четвероевангелие, ныне называемое Адишским. В 936 г. Габриэл Шатбердели переписал Четвероевангелие, ныне называемое Джручским. В 973–975 гг. Иоанэ Бераи составил Шатбердский сборник, в который он внес важное для Грузии сочинение – «Мокцеваи Картлисаи» («Обращение Грузии»). Составленный в Шатберди в 978–988 гг. Микаэлом Модрекили гимнографический сборник знакомит нас с древнейшими грузинскими переводами византийских гимнографов и оригинальным творчеством грузинских гимнографов Иоанэ Минчи, Иоанэ Конкозисдзе, Степанэ Сасаноисдзе-Чкондидели, Эзры, Курданая, Иоанэ Мтбевари, самого Микаэла Модрекили.

В монастыре Ошки протекала активная духовная деятельность первого настоятеля монастыря Григола Ошкели, насельников монастыря – Иоанэ Чираи, Степанэ Деканози, Георгия и др. Особенно примечательна Ошкская Библия, переписанная в 978 г. Микаэлом, Георгием и Степанэ, – самый древний датированный список грузинского текста Библии. В 1849 г. П. Иоселиани привез рукопись в Тбилиси, где были выполнены две ее копии, после чего она была возвращена на Афон. В монастыре Хахули в XI в. по инициативе Иоанэ Хахулели были переписаны Поучения Кирилла Александрийского. Давид Тбели переписал Толкования Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна. Рукопись была перевезена в иерусалимский Крестовый монастырь. В Хахули начал свою деятельность Георгий Мтацмидели (Святогорец).

В Пархали Габриэл Патараи (X–XI вв.) переписал Пархальский Многоглав – обширный сборник, содержащий оригинальные, древнегрузинские и переводные агиографические и гомилетические сочинения. Бана была духовным и культурным центром Тао. Самым известным представителем этой школы является переводчик и переписчик Закариа Банели. В монастыре Опиза в 913 г. было переписано Четвероевангелие. Особенно примечательна работа мастеров-переплетчиков Бека и Бешкена Опизари, украшавших древнегрузинские рукописи драгоценными окладами.

Во время нашествия тюрок-сельджуков множество рукописей из тао-кларджетских центров было утеряно. Основной фонд сохранившихся рукописей хранится в Национальном центре рукописей в Тбилиси, часть –

Монастырь Иверон. X в.
Греция, Святая Гора Афон
© МЦХИПЦГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

в Местии (Сванети), в Иерусалиме, в Санкт-Петербурге, в г. Ньютоне (США), на Афоне и т.д.

В 80-х годах X в. святыми Иоанэ Мтацмидели (Святогорцем) и Иоанэ-Торникэ на Афоне был основан грузинский Иверский монастырь (Ивирон). Благодаря деятельности святых старцев Иоанэ, Евфимия (Эквтимэ) и Георгия Святогорцев обитель стала крупнейшим центром грузинской культуры: здесь на грузинский были переведены греческие церковные сочинения; созданы оригинальные произведения, в том числе и на греческом языке. История основания этого монастыря и деяния его первослужителей описаны в сочинении св. Георгия Мтацмидели (1009–1065) «Житие св. Иованэ и св. Евфимия». В 1005 г., после кончины Иоанэ Мтацмидели, игуменом Иверского монастыря стал Евфимий, обогативший грузинскую церковную литературу переводами с греческого сочинений по библиографии, апокрифам, экзегетике, догматике, полемике, аскетике, мистике, гомилетике, агиографии, литургике, церковному праву. Ему же принадлежит перевод на греческий язык душеполезной повести о Балавари и Иоасафе – «Мудрость Балавари» и «Абукуры». Св. Георгий Мтацмидели внес значительнейший вклад в организацию грузинской церкви и разработку грузинского богослужебного чина. В переводах он учитывал грузинскую церковную традицию и следовал ей. Как переводчик и редактор, он осуществил огромную работу по окончательному редактированию текста Нового Завета и Псалтири. В 70-х годах XI в. на Черной (Дивной) Горе

трудился наставник св. Георгия Мтацмидели св. Георгий Шекенебули (Затворник). Во второй половине XI в. богословскую школу возглавил Ефрем Мцире. Переведенные им сочинения называют формальным эквивалентом подлинника. Он является основоположником эллинофильской богословской школы, которая развилась в богословских сочинениях Арсена Икалтоели и Иоанна Петрици.

Грузины отправлялись на учебу в Константинополь, в Романа и Манганскую академию, где они имели возможность получить универсальное образование. По заказу царицы Мариам, дочери грузинского царя Баграта IV, Теофилэ Хуцесмоназони (вторая половина XII – начало XIII в.) перевел с греческого на грузинский метафрастические сочинения. В Манганской академии учился известный богослов и духовник Давида Агмашенебели Арсен Икалтоэли; позднее, согласно народному преданию, здесь же получил образование Шота Руставели.

Богословско-литературная деятельность протекала также в грузинском Жалийском (Галийском) монастыре на Кипре. Крестовый монастырь (*Джварис монастыри*) в Иерусалиме, основанный в 30–50-х годах XI в. Георгием-Прохором Грузином, объединил рассеявшуюся грузинскую братию Святой Земли. По сведениям «Житий» Прохора и Георгия Святогорца, а также согласно колофонам рукописей Крестового монастыря и Синодика Синайского монастыря, Прохору в строительстве помогал Георгий Святогорец. В Крестовом монастыре было создано обширное книгохранилище, пополнявшееся созданными на месте рукописями и книгами, переписанными в других грузинских монастырях. Крестовый монастырь в XI–XIII вв. объединял все грузинские церкви и монастыри, расположенные на прилегающей к Иерусалиму территории: в Каппате, Гефсимании, на Голгофе. Международный авторитет Грузии в период царствования св. Давида IV Агмашенебели упрочил положение грузинских монастырей за пределами Грузии. В период завоевания Иерусалима египетским султаном Салах ад-Дином (1187 г.) Крестовому монастырю оказала помощь царица Тамар. В 1244 г. Грузия потеряла Крестовый монастырь, который оказался в руках мусульман и в 1273 г. был переделан в мечеть. В XIV в. культурная жизнь монастыря возобновилась. В Крестовом монастыре хранятся грузинские рукописи, среди которых была найдена единственная рукопись «Жития Григола Хандзтели». В 1960 г. в Крестовом монастыре обнаружена фреска с изображением Шота Руставели.

В монастыре Палавра имени св. Харитона вели богословскую деятельность Иоанэ Сапарели, Павлэ, Стефанэ и Тевдорэ Палаврели. С монастырем Голгофы связана деятельность Иоанэ Голготели, Микаэла Нистереона и Квирикэ Агдгомели, Иоанэ Вардзиели, Махаребел Агдгомели и др. Литературная работа велась в грузинских монастырях Палестины: в Гефсимании, в женских монастырях в Каппате, Дертаве, Дертпе и др. В 1083–1086 гг. Григол Бакурианисдзе (Григорий Пакуриан) основал грузинский монастырь в Петрициони (ныне Бачковский монастырь в Болгарии).

Особое место занимает Гелатская богословская школа. Инициатором открытия в Грузии академий был Давид Агмашенебели, заложивший основу строительства Гелатского монастырского комплекса (1105–1106), который призван был стать мощным очагом образования и книжничества. Руководителем Гелатской академии в 1114 г. Давид Агмашенебели назначил выдаю-

щегося церковного деятеля, богослова, писателя и переводчика, наставника наставников Арсена Икалтоэли. В академии преподавались богословие, музыка, песнопение, математика, астрономия, геометрия, философия, светское и церковное право.

Иоанэ Петрици в период деятельности в Гелатской академии привнес в нее идеи, которыми были пронизаны передовые культурные круги Византии, создал новый этап в развитии грузинского теологического и философского мышления. Петрици был хорошо знаком как с сочинениями авторов античного периода, в частности Платона, Аристотеля и Прокла Диадоха (V–VI вв.), из них последнего он перевел на грузинский язык и сопровождал обширными комментариями, так и с авторами христианской эпохи. Гелатская школа представляет собой важнейшую ветвь грузинского эллинофильского направления; здесь сформировался грузинский философско-теологический язык, были заложены основы формально-семантической системы грузинской философской терминологии.

В XIV в. в Ксанском ущелье действовал Ларгвисский монастырский центр, в котором был создан «Памятник Эриставов». Очаги просвещения постепенно переместились в царские резиденции и дома знатных феодалов, что в основном объясняется развитием светской литературы. Известно множество рукописей, созданных по заказу царей и вельмож. В Тбилиси, Мцхета, Гори, Телави, Греми, Кутаиси, при дворах правителей Мегрелии и Гурии существовали учебные заведения. В XV в. в Мдзоврети Заза Панаскертели Цицишвили создал труд по медицине «Карабадини».

Мощный богословский и литературный центр существовал в Шиомгвимском монастыре – домене грузинских царей. Шио Мгвимели (VI в.) написал здесь свои песнопения и проповеди. Известен Типик Шиомгвимского монастыря. В середине XIII в. с монастырем была связана деятельность Арсена Чкондидели.

Монастырский комплекс Давид-Гареджи возник в VI в., но как богословско-литературный центр сформировался в позднефеодальную эпоху. В истории грузинской духовной литературы XVIII в. он сыграл значительную роль. С конца XVII – до второй половины XVIII в. во всей Восточной Грузии Давид-Гареджи был единственным литературным центром, который развивал культурные традиции грузинских просветительских очагов. Здесь сформировался новый тип сборника, отражающий праздничный цикл (Праздничная Минея).

В 1629 г. в Риме католические миссионеры напечатали первые грузинские книги. Здесь же следует отметить заслуги итальянского миссионера Бернардо Неаполитанского, собравшего 12 грузинских сказок, это первый фольклорный сборник на грузинском языке. В начале XVIII в. в Москве царь Арчил II открыл грузинскую типографию, в которой печатал грузинские книги. В 1709 г. Вахтанг VI основал в Тбилиси первую типографию, где были отпечатаны Благословения, Евангелие, Псалтирь, а в 1712 г. вышло в свет первое печатное издание «Витязя в тигровой шкуре» Шота Руставели с комментариями Вахтанга VI, тем самым заложившего основу нескольким литературоведческим направлениям: руствелологии, теории литературы, текстологии.

Первый грузинский литературно-просветительский очаг в России появляется на рубеже XVII–XVIII вв., когда царь Арчил поселился в с. Всехсвят-

ском близ Москвы. Вслед за покинувшим Картли с многочисленной свитой Вахтангом VI, в которую входили С.-С. Орбелиани, Вахушти Багратиони, Мамука Бараташвили и др., в Россию отправился большой поток грузинских эмигрантов. Вахтанг получил во владение несколько дворцов, расположенных в Китай-городе, на Пресне и Арбате, а также в с. Всехсвятском. Сначала Арчил, а затем царевичи Бакар и Вахушти подготовили к изданию старинный грузинский перевод Библии, изданный в Москве в 1743 г. Кроме него, были напечатаны 12 книг разных наименований.

Для развития грузинской богословской литературы особое значение имело строительство кафедры католикосата во Мцхета, возглавляемого Антоном I, который в период своего пребывания в должности католикоса Грузии основал несколько духовных училищ, семинарию. В 1758 г. в Телави открылось духовное училище, позднее реорганизованное в философскую семинарию, которой руководил Гайоз Ректор. Антон-католикос лично создал для грузинских семинарий учебники по грузинской грамматике, богословию, физике, химии, астрономии. Во всех этих учебных заведениях существовали библиотеки-скриптории. Самой богатой была библиотека Мцхетского католикосата – более 7 тыс. книг. К сожалению, в 1795 г. она была полностью уничтожена.

Теймураз Багратиони, избранный почетным членом Российской академии наук, Парижского и Копенгагенского научных обществ, вместе с М.-Ф. Броссе и Д. Чубинашвили заложил основу петербургской картвелологической школы, наметил направление ее дальнейшей научной деятельности, интенсивно протекавшей на протяжении всего XIX в. (А. Цагарели) вплоть до 1930-х годов (Н. Марр). Начиная с 1830 г. М.-Ф. Броссе вместе с Теймуразом Багратиони и под его руководством развернул широкую научную деятельность по изучению грузинского языка и истории Грузии. С 1837 г. М.-Ф. Броссе работал в Петербургском университете. В 1847–1851 гг. он предпринял путешествие по Грузии, описанное им в «Дневниках» и «Рапортах», стал первым зарубежным картвелологом, востоковедом, членом Российской академии наук, исследователем, изучавшим памятники древнегрузинской литературы и внесшим значительный вклад в развитие картвелологии. В 1841 г. М.-Ф. Броссе вместе с Д. Чубинашвили и З. Палавандишвили издал поэму Руставели, написал несколько трудов по руствелологии.

Д. Чубинашвили приступил к активному собиранию грузинских рукописей, их обработке и описанию, с тем чтобы подготовить почву для дальнейших картвелологических исследований. Особое значение имела его издательская деятельность. В 1879 г. Чубинашвили состоял в Комиссии по установлению текста «Витязя в тигровой шкуре», членами которой являлись И. Чавчавадзе, А. Церетели, В. Мачабели, И. Меунаргия, Г. Орбелиани, Р. Эристави и др. В 1854 г. Чубинашвили опубликовал второй том «Картлис цховреба», составил грузинскую грамматику на грузинском и русском языках, грузинско-русский словарь, не утративший своего значения по сей день. Он собирал и бережно хранил грузинские рукописи и исторические документы, описание которых позднее опубликовал А. Цагарели.

Профессором Московского университета был Александр Хаханашвили (1864–1912). Он описал хранящиеся в зарубежных центрах грузинские древности, рукописи, изучил древности монастыря Ивирон, выявил множество грузинских сочинений, опубликовав их преимущественно вместе с русским

переводом. Систематический характер картвелологические исследования в петербургской школе приняли в пору деятельности акад. Н. Марра (1865–1934) – автора фундаментальных трудов по картвелологии. Он опубликовал древнегрузинские тексты, среди которых следует выделить изданный в 1902 г. сборник «Древнегрузинские описцы». Находясь в научной командировке в Иерусалиме и обнаружив агиографическое сочинение Георгия Мерчуле «Житие св. Григола Хандзтели» (издано в 1911 г.), Н. Марр специально посетил все те места, с которыми была связана деятельность персонажей этого сочинения, и написал интересные дневники о своем путешествии, имеющие большую научную ценность.

Представители прогрессивной грузинской молодежи 1860–1870-х годов во главе с И. Чавчавадзе, члены группировки «Тергдалеулеби» («Испившие воды Терека») мечтали об основании в Грузии университета. Это произошло 8 февраля (26 января по ст. стилю) 1918 г. – в день поминания царя Давида Агмашенебели – благодаря усилиям И. Джавахишвили и его сподвижников. В числе первых преподавателей университета были известные ученые: И. Джавахишвили, П. Меликишвили, Э. Такайшвили, Ш. Нуцубидзе, Г. Чубинашвили, А. Размадзе, Д. Узнадзе, Г. Ахвледиани, А. Шанидзе, К. Кекелидзе. Открытому благодаря частной воле меценатов университету в том же году правительство Грузии присвоило статус государственного с сохранением права автономии. Основатели университета способствовали развитию многих направлений науки: математики, физиологии, геологии, психологии, истории, философии, лингвистики и др., создали научные школы, получившие мировое признание. В 1941 г. была основана Академия наук Грузии, объединившая под своим началом разные научно-исследовательские институты. Кроме того, были основаны Академия художеств и Государственная консерватория.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОСЕЛЕНИЯ¹

С географической и экологической точек зрения нагорье Грузии характеризуется четко выраженной вертикальной зональностью и сложным рельефом, в плане социального развития (даже в первой половине XX в.) – отличным от равнины уровнем общественно-экономического развития, сохранностью традиционных институтов. Естественно-природной основой горного поселения являются *хеви* и *хеоба* (ущелья). Нагорье всего Кавказа представляет собой систему таких ущелий, начиная от самых маленьких, порой ненаселенных *хеви*, и кончая большими, обширными *хеоба*. Термин *сопели* (село) обозначает наименьшую единицу поселения. Согласно толкованию С. Джанашия, *сопели* в древнегрузинских источниках означало страну (*квекана*) и только с IX–X вв. приобрело значение поселения (*даба*) в нынешнем понимании этого слова (село, поселок). Первоначально этот термин использовался в узком значении – *сакутреба*, *мплобелоба* (собственность, владение) (Джанашия С., 1949б. С. 285–286). Зафиксировано несколько терминов, обозначавших единицу поселения в прошлом, что было связано с морфологическими изменениями поселения: например, в верховьях Ксанского ущелья поселение, основанное одной семьей, называлось *кари* (двор), и этот термин сопутствовал имени первопоселенца (основателя) – *Дореткари*, *Карелткари* и т.д. Фактически это был жилой комплекс (усадыба) большой семьи; со временем, вследствие разрастания семьи, здесь же формировались родственные группы (патронимии), и для обозначения населенной ими территориальной единицы стал использоваться термин *убани* (квартал, околоток, участок), поскольку он подразумевал объединение этой большой родственной группы. Термин *сопели* укореняется вследствие трансформации поселения в многофамильное объединение – соседскую общину. По традиции термины *кари*, *убани* и сегодня употребляются в отношении старых поселений – если даже там живут представители многих фамилий.

Распространенным в Хевсурети термином для обозначения единицы поселения являлся *теми* (община). Под *теми* здесь подразумевается *сопели* (село). Поскольку большинство поселений типа *сопели* в Хевсурети характеризуются моногенностью, для их обозначения здесь более принят термин

¹ © Г. Чиковани, Г. Багратион-Давиташвили

Общий вид с. Дартло

Тушети

© Фото Т. Цагарейшвили, 2004 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Общий вид с. Мулахи

Сванети

© Фото Л. Меликишвили, 2001 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

теми. Населенный пункт, где живут представители многих фамилий, именуется *сопели*.

В целях обеспечения безопасности высокогорные села располагались в основном вдоль ответвлений ущелий (*хеви* и *хеоба*), в труднодоступных или в совершенно неприступных местах – на утесах, скалах, горных отрогах; в то же время непременно учитывались наличие водоемов (рек, ручьев) и минимальных площадей пахотно-посевных угодий. Иная обстановка наблюдается в Сванети, в частности в Балс Земо Сванети, расположенном в ущельях верховьев р. Ингури и ее притоков, где поселения находятся вдоль рек. Это характерная черта сванского *хеви*. Так расположены Местиа, Ушгули, Мулахи – на высоте 1300–1500 м над уровнем моря (*Харадзе, Робакидзе, 1964. С. 20*).

Исходя из соображений самообороны в высокогорье формировался своеобразный тип поселения: наряду с выбором безопасного для жительства места, с учетом особенностей рельефа строились каменные жилища-крепости, боевые и сторожевые башни, ограды и т.д. Кроме того, соседские дома возводились в ряд, впритык друг к другу, что в большей степени гарантировало взаимопомощь населения и защиту от неприятеля, и поселение превращалось в неприступную крепость. Такие формы поселения были особенно характерны для Хевсурети, Сванети, Хеви. Таким образом, планировка поселений отвечала требованиям горного рельефа и имела замкнутую, скученно-террасную форму, которую хевсуры и мохевцы называли *шекучули*, тушины – *шекучебули* или *чахирчули*.

При выборе местожительства большое значение придавалось солнечной ориентации. Дома, как правило, возводились на склонах, более длительное время освещаемых солнечными лучами, что было обусловлено коротким вегетационным периодом. Пшавы, хевсуры, мтиулы и другие горцы называли солнечные склоны *мзоре*, а неинсолированные склоны – *чирдили*.

Выбор для поселения неприступных мест, кроме оборонительной функции, имел и другое практическое объяснение: ввиду недостатка в горах пахотных земель, в целях экономии, для строительства жилищ использовали места, непригодные для хозяйства, а территории, годные для ведения хозяйства, использовали под пашни. Характерной особенностью сельской топографии являлась последовательность расположения угодий: вблизи поселений – пашни, выше – сенокосы, а еще выше – пастбища. Требованиями ведущей отрасли хозяйства – альпийского скотоводства (наряду с интенсивным земледелием) – была продиктована необходимость наличия сезонных – летних и весенне-осенних – стойбищ. Такой образ ведения хозяйства требовал того, чтобы у каждого населенного пункта имелись свои «гора» и «равнина», а у каждой семьи – в горах хозяйственная база, расположенная в нескольких километрах от села. Здесь семья строила дом, выпасала на выгоне скот и готовила молочные продукты. На пастбища члены семьи поднимались поочередно.

Пахотные земли, находившиеся вблизи сел, в горах назывались *карис мамули* (приусадебные земли). Из-за недостатка земли этой категории возникала необходимость расчистки общесельских или общинных лесов под пашни. Чтобы превратить лесные чащобы в пахотные участки, требовались неимоверные усилия и долгий труд. Эти участки называли *мтис мамули* (горные земли). На подобных хозяйственных базах нередко селилась молодая семья,

Общий вид с. Ушгули

Сванети

© Фото Л. Меликишвили, 2001 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

выделившаяся из большой семьи, тем самым закладывая основу для создания нового поселения. С течением времени это село проходило тот же путь, что и первое поселение (*Робакидзе, Гегечкори, 1975. С. 78*).

С разрастанием села к нему добавлялись новые части, почти везде (за небольшим исключением) именовавшиеся *убани*, которым давались дополнительные определения по признаку географического расположения (в соответствии с принципом вертикальной зональности или направления течения реки): *зен убани*, *квен убани* (верхний и нижний квартал), *шегма убани* (квартал на возвышенном месте, на подъеме) – относительно ущелья; *гагма убани*, *гамогма убани* (на том или этом берегу) – относительно реки; *дзвели убани*, *ахали убани* (старый и новый квартал) – относительно времени его существования (либо вместо квартала упоминалось название села); по фамилии жителей – *Минделебис убани*, *Лобжанидзебис убани* (квартал Миндели, Лобжанидзе) и т.д.

Среди морфологических признаков поселения следует отметить фамильный состав населения. Большинство сел с XIX в. представляли собой полигенные (многофамильные) поселения. Существовали и моногенные (однофамильные) села, хотя в разных регионах и внутри их соотношение этих сел было различным. Например, в одной из частей Сванети – Балс Земо Сванети – моногенный принцип поселения уже давно утратил значение организующего фактора поселения. Согласно письменным источникам, распад однофамильных поселений здесь завершился гораздо раньше XIII в., а существующие моногенные поселения представляли собой патронимические

кварталы, нередко принимавшие вид села. Постольку однофамильные села – вторичного патронимического происхождения (подобная моногенность села наиболее ярко проявлялась в Балс Земо и особенно в Квемо Сванети) (*Харадзе, Робакидзе, 1964. С. 18*).

Иная ситуация наблюдалась в Хевсурети, где древнейшими фамилиями являются Арабули, Чинчараули, Гогочури. Ареал расселения каждой из них фамилий довольно обширен, и название этой территориальной единицы совпадает с названием родственного (фамильного) объединения: *Саарабуло, Сачинчарауло, Сагогочуро*. На территории этих единиц, соответственно, расположено множество сел, представленных теми же фамилиями. Вместе с ними жили представители только нескольких других фамилий.

На территории первопоселения патронимии расселение нескольких патронимий было невозможно из-за тесноты, и поэтому новая семья обосновывалась на хозяйственной базе. В дальнейшем аналогичные процессы протекали и в этих поселениях. Бывали случаи, когда патронимия преобразовывалась в фамилию. Таким образом, имел место определенный процесс, подразумевавший в результате сегментацию большой семьи, т.е. исходным субъектом являлась большая семья – носитель принципов семейной общины, а не индивидуальная семья, поскольку, основанная на частной собственности, последняя никак не могла лечь в основу родственной организации, для которой было характерно использование коллективной собственности. Патронимические поселения прекратили существование задолго до XIX в., уступив многофамильной, соседской общине. В различных регионах (за исключением Хевсурети) сохранились только единичные села, в которых жили представители одной фамилии; например, в Хеви – с. Косели (впоследствии опустевшее), в Тушети – села Алисгори, Коклата, Ведзисхеви (позднее переселившееся в Алвани).

Превращение поселения в полигенное село происходило разными путями: слиянием сел, путем примачества (приема зятя на проживание в семью жены), заселением постороннего лица (семьи). В масштабе нагорья Грузии и всего Кавказа был распространен институт *комендации*, состоявший в том, что в той или иной семье находил пристанище бездомный, немощный или *хизани* – бежавший от какой-либо опасности (наказания, возмездия и т.д.) человек (или семья), который, в случае разрешения со стороны сельчан, поселялся там же (на первых порах ему помогали встать на ноги, выделяли земельный участок для того, чтобы он мог построить жилище и завести хозяйство, и т.д.). Указанный процесс сопровождался определенным ритуалом: в знак уважения к селу *хизани/шехохизнули* (беглец, обретший кров) закалывал быка. Этот обряд в Хевсурети назывался *хар-квабит шекра*. Новый член села мог оставить свою прежнюю фамилию либо сменить ее на фамилию приютившей его семьи.

Следует отметить и те случаи, когда поселение формально было представлено одной фамилией, а фактически состав его населения был полигенным. Так бывало, когда, к примеру, *шехохизнули* принимал новую фамилию; часты были случаи примачества: если у семьи не было наследника мужского пола, то зятя, по предварительному обоюдному согласию, записывали на фамилию жены. А. Робакидзе называл это явление *фиктивной моногенностью*

Общий вид с. Базгирети
Тао-Кларджети (Турция)
© Фото Т. Путкардзе, 2009 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Деревенская улица
Имерети, 1960-е годы
© ФЗЭНГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

(Робакидзе, 1960а. С. 17–18). Аналогичная практика имела место в Сванети, Хевсурети, Аджарии и других краях Грузии.

Селения создавали определенные группы, объединенные знанием о едином происхождении основного ядра населения и возникшим на этой почве территориально-экономическим единством, обусловленным существованием в общем пользовании святилища, определенного земельного фонда (пастбище, лес) и др. Важнейшей составной частью структуры поселения являются общественно-культурные сооружения – *джвар-хати* (так в нагорье Восточной Грузии называются общинные божества – *звтисивилеби* – и местные общественно-религиозные центры в честь этих божеств), их движимое и недвижимое имущество (молитвенные сооружения, башни, пивоварни и др.) и церкви, построенные после распространения в нагорье христианства. Одним из важных и непреходящих элементов структуры поселения нагорья Грузии в прошлом являлся центр средоточия общественной жизни поселения (села, общины, ущелья) – место схода мужчин (площадь или строение), где рассматривались насущные проблемы поселения, связанные с народным управлением.

На равнинах Западной Грузии поселения в основном представлены беспорядочно разбросанными на горных склонах и плоскогорьях приусадебными участками *сакармидамо* и в виде сел, расположенных вдоль дорог, где усадьбы непосредственно соседствуют друг с другом. Горное поселение такой структуры хронологически опережает поселения уличной планировки, поскольку ранние типы рассеянных поселений преимущественно сохраняли моногенность. В поселениях с уличной планировкой явственно можно наблюдать три этапа их развития: 1) рассеянное поселение, скрытое от глаз; 2) расположенное вдоль одной стороны дороги; 3) расположенное по обеим сторонам дороги.

Перемена места поселения обусловлена социально-экономической спецификой хозяйства. В частности, сезонного перемещения требовала такая отрасль хозяйства, как скотоводство. Семьи, занимавшиеся скотоводством, с ранней весны до поздней осени жили в горах, а на зиму спускались на Колхидскую низменность. Подобные зимние и летние пастбища мегрелы имели не только на территории собственно Мегрелии; с этой целью они использовали горы и равнины всей Западной Грузии (нагорье Гурии и часть Месхети).

С социальной точки зрения заслуживают внимания факты освоения труднодоступных (поросших лесом, заболоченных) земель Колхидской низменности бежавшими от своих хозяев крестьянами. Такие поселения возникали в 1860–1870-е годы. В первой половине XVII в. равнина была настолько заболочена и лесиста, что здесь фиксируется крайне редкое население. Равнинные поселения были весьма малочисленны, и они предстают в виде разрозненных усадеб. Подобные поселения на Колхидской низменности состояли преимущественно из отдельных участков *убани*, населенных 3–5 семьями, и характеризовались рассеянной формой. Формы горских поселений более архаичны по сравнению с равнинными. В нагорье традиция расселения большими семьями (*ти*), патронимиями (*дино*) и фамилиями (*тураба*) сохранилась до наших дней. О древности этого образа жизни свидетельствует и тот факт, что для горных селений характерны отыменные топонимы. В горах на селище предков расположены и *джинджи хати* – фамильные святилища,

Колодец

Квемо Картли, г. Марнеули

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

куда представители этой фамилии, как правило, отправлялись молиться хотя бы раз в год. Каждая мигрировавшая с гор на равнину фамилия знает, откуда переселились их предки и где находится их *джинджи хати*.

В условиях распада моногенных селений (расселения отдельными семьями, участками или фамилиями, их заселения новыми фамилиями, примачества, объединения маленьких моногенных поселений) каждый квартал в основном сохранял топоним, образованный от фамилии проживающих или некогда проживавших здесь людей. У каждой фамилии имелись несколько пашенных участков, размежеванных от земель других фамилий, а также мельница, пастбище, лес, поделенные между семьями и патронимиями. Кроме того, каждое старое село имело свою или общинную на несколько сел крепость – *джиха-цихе*, в которой население укрывалось в случае опасности.

У термина усадьба (*кар-мидамо*) множество синонимов: *эзо-кари*, *эзо-сахли*, *эзо-гаремо*, *эзо-мидамо*, *сахл-кари*, *эзо-кутхе*, *эзо-куре*, *эзо-гверди*, *эзо-перди*, *эзо-убани*, *сахл-мидамо* (Картли), *эзо-ридамо* (Рача-Окриба), *ридамо* (Квемо Рача). *Кар-мидамо* означает дом и двор с хозяйственными постройками и подсобными объектами (колодец или родник, канал и проч.). В термине *сахл-кари* – *кари* означает площадь, выделенную под жилище крестьянина, а в термине *эзо-кари* – дом (*Кахиани*, 1964. С. 59). Тип распространенного в Имерети *кар-мидамо* характерен для большей части территории Западной Грузии, что подтверждается сходством соответствующих терминов и совпадением функционально-структурного назначения отдельных элемен-

тов усадьбы. Типы усадеб Гурии, Мегрелии, Квемо (Нижней) Рача, Лечхуми имеют много общего с точки зрения структуры входящих в этот комплекс сооружений и самого приусадебного участка, что можно объяснить сходством природной среды и характера хозяйства. Значительно отличается приусадебный комплекс Верхней Аджарии. Отличие состоит в том, что здесь в одном строении (т.е. под одной крышей) объединены жилище и ряд хозяйственных помещений.

Большинство сел Кахети расположены главным образом в двух географических полосах – равнинной и предгорной (или на горных отрогах). Обе полосы характеризуются малым количеством осадков и обилием солнечных дней. Следует отметить и то, что предгорных сел в Кахети гораздо больше, нежели равнинных.

Для Кахети присущи скученные поселения, а виноградники расположены на довольно удаленном от жилых сооружений расстоянии. С начала XX в., в силу целого ряда социальных, культурных и иных явлений, это обстоятельство отчасти изменилось, наметилось стремление к обширным поселениям, хотя географическая среда и специфика хозяйства все же оказывают определенное влияние и ограничивают эти тенденции (*Джавахишвили, Давиташвили*, 1975. С. 185).

В Квемо Картли наиболее благоприятные условия для расселения были на берегах рек, и крупные населенные пункты возникли именно в ущельях рек. Почти все села указанного региона расположены в бассейнах рек – Алгети, Кциа, Дебеда, Машавера, Вера, а также в местах слияния этих рек с Курой. Кроме того, в Квемо Картли были поселения, расположенные на плато, например Дисвели, Бедени, Уцкло и др. Сегодня одни из этих мест представляют собой селища, другие – действующие села, которые оснащаются водой разными путями: роют колодцы, на довольно далекие расстояния прокладывают глиняные трубы. Самым надежным средством водоснабжения являлись и являются природные родники, например родники Нардевани, Олианги, Кизил-Килиса, Аязма, Дашбаси и др. Там, где не было родников, для питья использовали речную воду. Наличие удобных дорог и торговых путей также обуславливало расположение поселений и крепостей и иных строений (*Мухелишвили Л.*, 1938б. С. 16).

ЖИЛИЩЕ²

Один из основных элементов материальной культуры – жилище – в Грузии характеризуется значительным многообразием, обусловленным особенностями географической среды и климата разных ее регионов, что соответствующим образом отразилось на хозяйственной деятельности населения.

При установлении типологии жилищных сооружений учитывается несколько основных признаков. Прежде всего это структура планировки, в которой четко отражается основная функция строения, бытовые и хозяйственные процессы, порядок размещения членов семьи, форма семьи и, соответственно, ее социальная функция, расположение очага *кера* и культовых

² © Г. Багратион-Давиташвили

мест, связанные с ними обычаи и др. Важное значение имеет строительный материал, являющийся на начальном этапе формирования любого типа жилищных сооружений преимущественно продуктом экологической среды. Конструктивная система, со своей стороны, обусловлена особенностями строительного материала, способами и технологическими возможностями его обработки. Одним из значительных признаков является форма перекрытия строений.

С учетом типологических свойств можно выделить следующие основные типы жилищ, характерных для грузинского быта середины XIX – середины XX в.: 1) плетеный из прутьев дом – *пацха* – с конусообразной крышей и нерасчлененной площадью круговой планировки; 2) бревенчатый дом – *джаргвали* – с двускатным перекрытием, в своей исходной форме с нерасчлененной площадью; 3) дом-ода, выстроенный из досок, с двух- или четырехскатной крышей, с расчлененной площадью; 4) дом, построенный из смешанного материала, с плоским (*банури*) перекрытием, от простейшего до сложного венцеобразного перекрытия *гвиргвини*; 5) каменный многоэтажный дом башенного типа – *кошкура* – со сложным перекрытием и вертикально развитой формой (*Робакидзе, 1986*).

Указанные типы по различным признакам можно разделить на подгруппы. Так, существует нескольких разновидностей *башни*, или *дома-крепости*, в зависимости от специфики оборонительных или хозяйственных функций. Дом-ода различают по числу этажей, дом-*дарбази* (зального типа) – по конструктивным особенностям сложности венцеобразного перекрытия (*гвиргвини*) и т.д. Типологическое различие домов зависит также от ареала их распространения. Например, плетеные и бревенчатые (срубные/брусчатые) сооружения в старину были распространены по всей Грузии, но с разной интенсивностью. То же самое можно сказать отчасти о домах с плоским перекрытием, распространенных исключительно в Восточной Грузии. Такие типы домов, как *кошкура* (башенный), *дарбази* (зальный) и *ода* (дощатый), в вышеуказанных хронологических пределах имели сравнительно узкий, но четко ограниченный ареал распространения: первый характерен для горных районов Грузии, второй – для равнины Восточной Грузии, а третий – для равнин Западной Грузии. Эти три основных типа соответствуют основным хозяйственно-культурным зонам, для каждой из которых характерны свои специфические признаки быта и культуры.

В горных районах основную часть жилищных сооружений составляют преимущественно двух-четырёхэтажные дома-башни, или дома-крепости. В Тушети встречаются даже пяти-семиэтажные дома-крепости. Своеобразие домов обусловлено главным образом несколькими факторами: 1) числом и назначением этажей (порядком их использования); 2) формой перекрытия; 3) оборонительной функцией.

Дома-крепости известны под разными названиями: *цихе* – в Тушети, *сахли* – в Пшави, *квиткири* – в Хеви, Хевсурети и Мтиулети, *дуроиани сахли* – в Рача, *лазг-мурквამ* – в Сванети и др. (*Гегечкори, 1986. С. 17*). Главная особенность этих сооружений состоит в том, что помещения хозяйственного, оборонительного и жилищного назначения расположены вертикально.

По типу перекрытия встречаем дома как с *плоской*, так и двускатной крышей (крытые сланцем или тесом/дранкой). В зависимости от деталей

Тушети, с. Дартло

© Рис. Г. Багратион-Давиташвили, 1975 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

оборонительного значения различают дома *чардахуани* (с чердаком), *дуроиани* (с отверстиями для бойниц), *самцхвириани* – *саисре*, *хврели*, *самдуроиани* и др.

Селения с домами-крепостями, как правило, расположены в труднодоступных, скалистых, не пригодных для пахоты местах. В стратегических целях жители вынуждены были строить дома так, чтобы иметь возможность держать под наблюдением дороги и тропы, ведущие к селу. Поэтому все проемы и бойницы – *сатопури* были высечены с той стороны, откуда хорошо просматривались подступы к селу. Такое расположение домов, несомненно, входило в оборонительные интересы всех сельчан и обеспечивало их безопасность. Иногда, в случаях взаимной вражды, оборонительные дома строились отдельно. Среди древнейших сооружений этого типа следует выделить дома-крепости, характеризующиеся только наличием чердаков и отверстий для стрельбы из лука. В дальнейшем эти дома претерпели незначительные изменения, обусловленные появлением огнестрельного оружия.

Сванети, с. Ушгули

© Рис. Г. Багратион-Давиташвили, 1974 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Дома-крепости по форме перекрытия различаются двух видов: дома с *плоской / плоской земляной* крышей, распространенные в основном в Пшав-Хевсурети, Мтиулет-Гудамакари, Хеви и Ксанском ущелье, и дома с двускатным перекрытием, характерным для Тушети, Горной Рачи и Сванети.

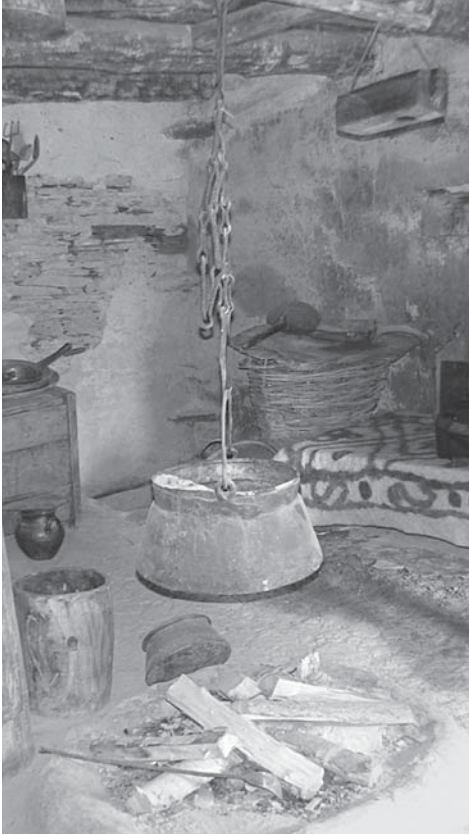
Разную конструкцию имеют также межэтажные перекрытия. К числу башенных сооружений относится тушинский дом-крепость. Первый этаж – *баштэи* – представляет собой зимнее стойло для скота. Это помещение освещалось только через дверной проем. При помощи *эрдои* (отверстия в потолке) первый этаж соединяется со вторым этажом, именуемым *шуаи*. Он служил зимним жилищем, где был устроен очаг *кера*. Помещение имело два маленьких окошка – *шукми*. Верхний этаж называется *черхои*. Это был *сашинао сахли, саджалабо* (букв.: внутренний дом), семейный дом – женская жилая часть дома, летнее жилище и в то же время хранилище продуктов. Второй и третий этажи сообщаются друг с другом также посредством *эрдои*. Если число этажей больше трех, тогда третий этаж называют *зеда шуаи*. В организации тушинского дома-крепости в жилом комплексе строго соблюдается

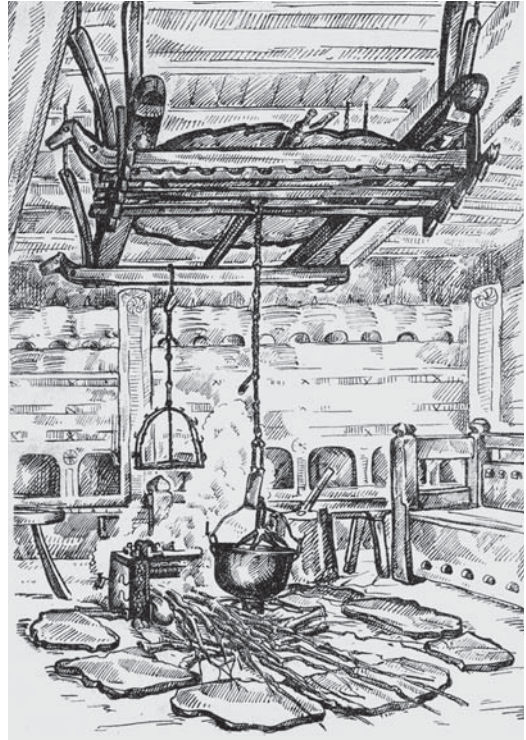
Селение Цагвери близ Боржоми
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.
© 2014, сайт «Наследие С.М. Прокудина-Горского»

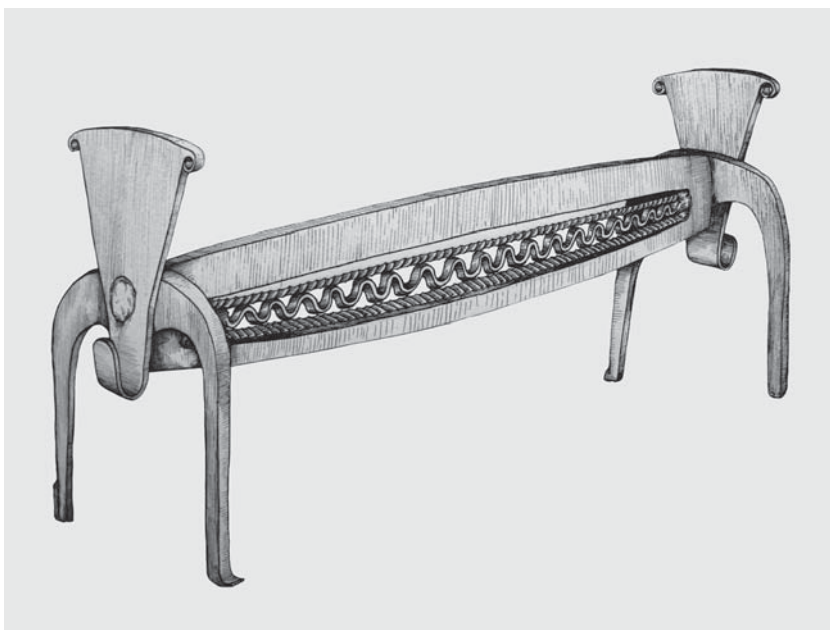
Жилой дом
Рача, XIX в.
Рис. В. Ошакмашвили, 1970-е годы
© НМГ. ЭФ 4-66-9
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Очаг
Тушети, начало XX в.
© Фото Л. Меликишвили, 2013 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Очаг
Сванети, начало XX в.
Бардавелидзе, 1939

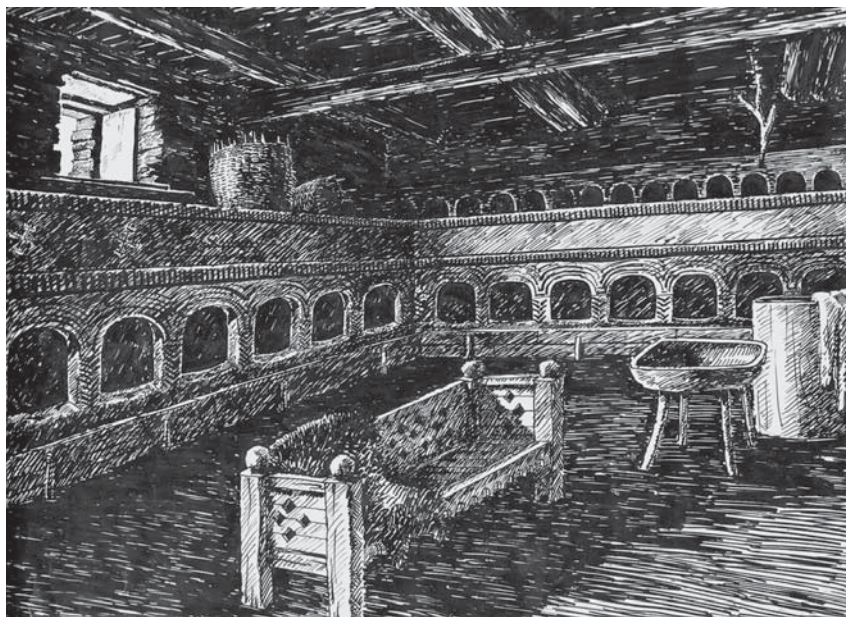

Очажная подставка

Сванети, XVII в.

© НМГ. ЭФ 1-4-66-2

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Мачуб – зимнее помещение жилого дома

Сванети, XIX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

принцип половозрастной дифференциации, о чем свидетельствуют названия *самацао кера* (мужская часть) и *садиацао кера* (женская часть). Женская площадь по размеру больше мужской. В мужской части у стены стоит *мехи* (длинная скамья).

В разных горных регионах встречаются трансформированные виды домов-крепостей (Калдани, 1986. С. 26). Аналоги имеются и в других краях. Можно провести параллель между тушинским *карсе* и рачинским *карсел*.

Среди жилищ грузинских горцев выделяется комплекс, состоящий из соединенных друг с другом *башни* и *дома-крепости* или *башни* и *жилого дома*. В Сванети такой комплекс включает каменный двухэтажный жилой дом (*кор*) и каменное оборонительное многоэтажное сооружение – башню (*мурквამ*). В Хевсурети башенный жилой комплекс объединяет органически связанные друг с другом каменный трехэтажный дом-крепость (*квиткири*) и многоэтажную башню (*цихе*). В Мтиулету комплекс представлен жилым домом с плоским земляным перекрытием, домом-крепостью и башней. В Хеви объединены башня и дом-крепость или башня и жилой дом с плоской земляной крышей. В Тушети башенный комплекс включает башню и дом-квиткири.

Среди сохранившихся по сей день в горах Грузии жилищ особое место занимает *жилищный комплекс с оградой*. В Сванети он известен под названием жилого комплекса *мурквामीан-галавниани*, а в Мтиулету – *цихиан-галавниани*.

Сванский дом. XIX в.

Рис. Г. Мегревели, 1974 г.

© НМГ. ЭФ 2-4-66-5

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Жилой дом с башней

Сванети, XIX в.

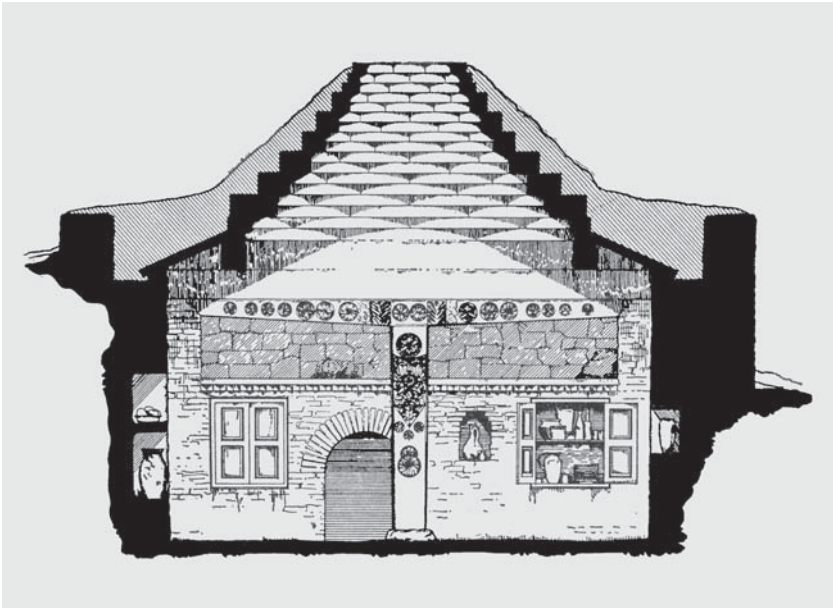
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1944 г.

© ФЗЭНГ

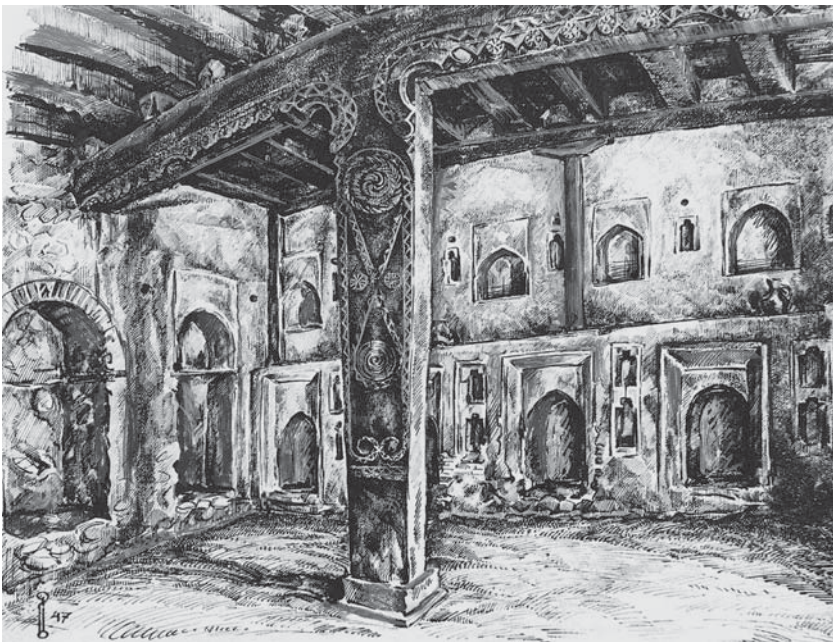
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Большая группа жилищных строений горных районов Восточной Грузии представляет собой двух- или трехэтажный террасный дом с плоским (*банури*) перекрытием (Пириkit Хевсурети, Мтиулет-Гудамакари, Хеви) (*Итонишвили*, 1967). Кроме указанных форм, в переходной полосе от гор к равнине, а также в Мтиулет и Пшави встречаются дома с венцеобразным перекрытием и отдельно стоящие дома с *плоской земляной* крышей. Несмотря на конструктивное сходство перекрытий, использование одного и того же материала и идентичных способов строительства, нельзя не заметить различные принципы функционально-пространственной организации жилищных сооружений.

Наглядным образцом дома со ступенчатым перекрытием является хевсурский *калоиани сахли* (*кало* – гумно; дом с гумном), на первом этаже которого располагается основная жилая часть *шина*, или *самкопо*. Очаг делит жилое пространство на мужскую и женскую части. Женщины и дети спали здесь же, на первом этаже, а мужчины – на втором этаже – *черхо*. Хевсурский *калоиани сахли* состоит из следующих частей. Первый этаж – *твали* (букв.: глаз): 1) *даблашина* (жилое помещение для женщин); 2) *садзрохе* (хлев для коров);

Тип жилого дома *дарбазу* (разрез)
 Картли, с. Эртацминда, XIX в.
Amiranashvili, 1973

Интерьер *дарбазу*
 Картли, XIX в.
 Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1947 г.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

3) *сене* (помещение для заготовки и хранения молочных продуктов); 4) *эзо* (помещение для хранения разной утвари); 5) *сацхене* (стойло для лошадей); 6) *карапани* (коридор). Второй этаж: 1) *цингарда*; 2) *черхос карапани*; 3) *салогине*; 4) *черхо*. Третий этаж: 1) *магалбани*; 2) *дапаребули кало* (гумно, крытый ток).

Мтиульский *калоиани сахли*, напоминающий по форме и конструкции перекрытия жилище Пиракет Хевсурети, имеет отличную структуру. Здесь функциональное деление представлено в одной горизонтальной проекции. Основная, жилая часть первого этажа называется *дзира сахли*, или *саджала-бо сахли*. В отличие от хевсурского, мтиульский *калоиани сахли* в основном двухэтажный, где гумно *кало* располагается на втором этаже, т.е. на верхней террасе (Читая, 1953а). У указанных жилищных сооружений нет оборонительной функции. Они совмещают преимущественно хозяйственную и жилую функции.

На равнине Восточной Грузии традиционной формой жилища является *эрдоиан-гвиргвиниани дарбази* – дом с венцеобразным перекрытием, ярусами сужающимся кверху, и со светодымовым отверстием. В конце XIX в. указанный тип жилища, известный в научной литературе под термином *дарбази*, был еще довольно популярен в Восточной Грузии, в частности в Картли, Самцхе-Джавахети и Триалети (Чиковани Т., 1960. С. 14).

В XIX в. наблюдается появление трех модифицированных разновидностей домов-*дарбази* из одного общего прототипа – *картлури*, *цалкури* (Триалети) и *месхур-джавахури*.

В грузинском комплексе зального типа, кроме непосредственно жилища с венцеобразным перекрытием под общей кровлей в горизонтальной планировке бок о бок располагались *бегели* (амбар), *марани* (погреб), *сатонэ* (хлебопекарня), *чардах-дерепани* (коридор), *сабдзели* (мякинник) и *босели* (хлев) (Сумбадзе, 1984. С. 340). *Венец*, выложенный из коротких брусьев, опирался на два центральных дубовых столба высотой в 8 пядей – *дедабодзи* (букв.: мать-столб), стоявших на каменных подушках. Столбы постепенно расширялись кверху, достигая в обхвате четырех пядей. Они были украшены многочисленными астральными символами – *бугаури* – дисками солнца и луны, круговыми геометрическими орнаментами. *Дедабодзи* стояли друг против друга, на определенном расстоянии от стены. Между ними сверху параллельно друг другу прокладывались дубовые несущие балки, служившие для укрепления конструкции перекрытия, державшегося на пристенных столбах. Сами стены, как правило, в устройстве перекрытия не участвовали. В жилище указанного типа самым ответственным моментом было устройство венца *гвиргвини*. На квадрате, созданном перекрестной укладкой несущих балок и бревен, из хорошо оструганных коротких брусьев был выложен многоступенчатый, многогранный венец высотой около двух метров, пропорционально, конусообразно сужающийся кверху и завершающийся квадратным отверстием *эрдо*.

Следует заметить, что главным в жилище *дарбази* является его интерьер. В центре комнаты, прямо под *эрдо*, был устроен очаг – *кера*, фундамент которого создавали два параллельно установленных камня (размером в три пяди каждый), а верхняя часть была выкована из железа. Над очагом закреплялась жердь, к которой подвешивалась цепь для котла. Вблизи очага стояло

кресло главы семьи и мужская длинная скамья со спинкой. Женская скамья была ниже и стояла по другую сторону очага. На устроенных в нишах полках хранили одежду и различную домашнюю утварь. Следует сказать о встроенных шкафах – *цало-ганджина*, представлявших собой одну из характерных особенностей картлийских дарбази.

Другим большим ареалом распространения домов типа *эрдоиан-гвиргвиниани* является Самцхе-Джавахети. Этот край известен не только многоотраслевым сельским хозяйством, но и традиционным высокоразвитым зодчеством. Для Самцхе-Джавахети были характерны два типа комплексов с плоским земляным перекрытием – простым и сложным, общность облика которых определяло жилое помещение – *эрдоиан-гвиргвиниани дарбази*. Простой комплекс включает *карапани*, *дарбази* и *сабдзел-босели*. В сложном комплексе под одним общим перекрытием представлены две жилые комнаты – *дарбази* и *такаребиани ода*, *босели*, *сабдзели*, *пурнэ*, *сахеламбре*, *сацио*, *карапани* и *дерепани*, связывающий все эти помещения.

Дарбази – квадратное помещение с земляным венцеобразным перекрытием, в центре которой находится очаг. Со временем очаг сменился пристенным камином. Вдоль стен располагались большие тахты. Вблизи камина, по его правую сторону, стояла тахта, предназначавшаяся для главы семьи – *саупросо*. Тахта напротив принадлежала следующему по возрасту брату или старшему сыну (или его домочадцам). Особенностью месхетинского жилищного комплекса являлось другое жилое помещение меньших размеров – *такаребиани ода*, именуемое также *саджалабо*. Здесь тахты располагались у продольных стен. Между тахтами, непосредственно у их нижней части, в стене был устроен камин, поверхность сводчатой арки которого нередко была украшена рельефным орнаментом. Конструктивной особенностью месхетинского *дарбази* является *гвиргвини*, опирающийся только на пристенные столбы и представляющий собой результат уже развитой строительной техники. У *дарбази* такого типа венец преимущественно был многогранным и в высоту подчас достигал 18–20 ступеней.

Третьим, сравнительно небольшим ареалом распространения жилища типа *дарбази* было Триалетское плато (Цалкинская долина), расположенное на высоте 1400–1500 м над уровнем моря и характеризующееся довольно суровым климатом. Распространенный здесь тип дома-*дарбази* относится к числу сложных комплексов сооружений *эрдоиан-гвиргвиниани*. Здесь, кроме комнаты, завершающейся непосредственно венцеобразным перекрытием, под общим потолком находились *карапани*, *марани*, *сабдзели*, *босели* и зимнее жилище – *ода* так называемого лазского типа, с плоским земляным перекрытием. В Триалети были также широко представлены разновидности венцеобразного перекрытия. Поскольку для этого региона было характерно разведение крупного рогатого скота, то требовались хлева больших размеров. Поэтому в триалетском комплексе дома *эрдоиан-гвиргвиниани* босели занимал доминантное место.

С середины XIX в. до начала XX в. для селений Кахети были характерны дома следующих видов. В зависимости от строительного материала: *мицури* (земляные), *цнули* (плетеные), *тицури* (дощатые), каменные, из сырцового кирпича и смешанных материалов. По форме перекрытия: плоские с небольшим уклоном, двускатные, четырехскатные. По конструктивной системе: стоечно-

Интерьер *дарбазы*

Месхети, XIX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

балочные, каркасные с деревянными стенами, с несущей каменной стеной, смешанные, с венцеобразным перекрытием. По этажности: полуподземные, одноэтажные, двухэтажные. С учетом указанных факторов можно представить несколько конкретных типов домов: 1) *гомури*; 2) *баниани/дарбазули*; 3) *цнули*; 4) *сырцовый*; 5) *пицури*; 6) *квиткири*; 7) современный двухэтажный дом.

Одна из примитивных форм жилища – *гоми/гомури*, первоначально представлявшая собой помещение для совместного проживания людей и скота. Позже (особенно с начала XX в.), с развитием скотоводства, наряду с *гомури* – хлевом сформировалось *гомури* как обособленное жилище человека.

Цнули сахли также является одной из самых распространенных разновидностей жилищ Кахети. Этот тип дома прошел несколько этапов развития. Плетеный дом имел четырехугольную или круглую планировку. В типологии жилищных сооружений кахетинский *цнули сахли* следует объединить с *пацха*, поскольку у них много общих признаков как в плане строительного материала, так и по конструкции и по форме. *Пицури сахли*, по сравнению с *цнули*, был менее распространен и в основном встречался в лесистых местах. *Пицури сахли*, согласно грузинской народной типологии жилищных строений, можно объединить в одну группу с мегрельским *питаницара сахли* и имеретинским *саджалабо сахли*.

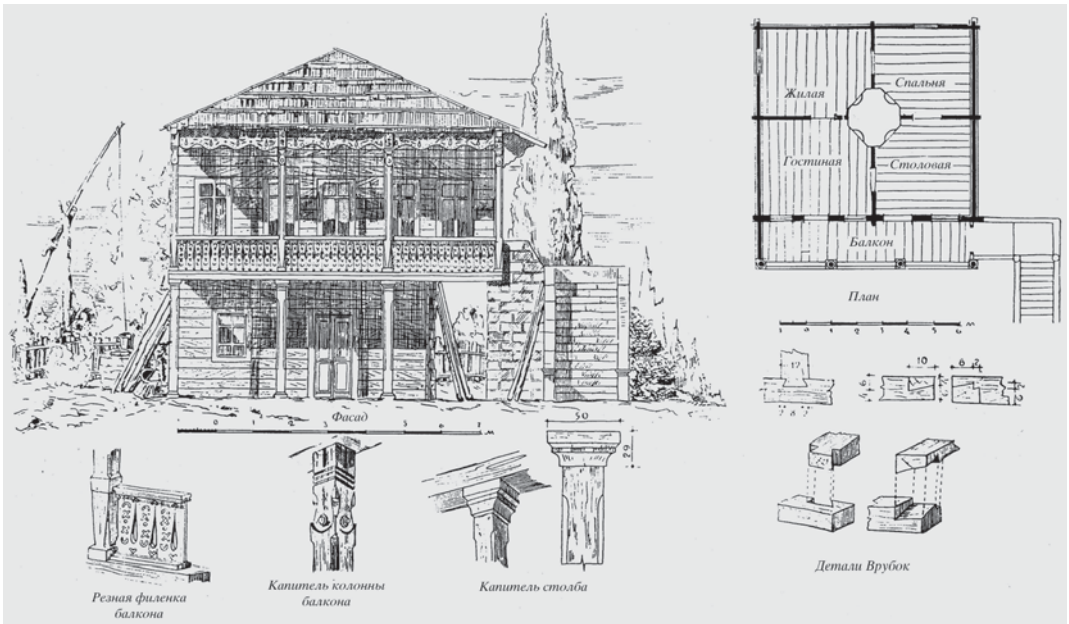
К середине XIX в. встречаются также *квиткирис сахли* (каменные дома на извести) – поначалу одноэтажные, *сачихиани*, а затем двухэтажные, с верандой, балюстрадой.

Каменный *сачихиани сахли* по своей форме и конструкции, а также по решению внутреннего пространства представляет собой оригинальное сооружение, точный аналог которого в Грузии, кроме Кахети, нигде не встречается. *Сачихи* или, как его называют, *дерепани* – открытая с одной стороны часть жилища с перекрытием (навесом), опирающимся на столбы (веранда). Самый ранний вариант *сачихиани сахли* – дом из досок, поскольку Кахети был краем, богатым древесным материалом. Интерьер этого дома прост: в центре, между двумя столбами, – *шуацецхли* (открытый очаг), пол земляной. Со временем *сачихиани сахли* трансформируется в каменный дом на извести (отсюда и название – *квиткири*). В боковом крыле *сачихи* строили печь (камин), поэтому он использовался как летняя кухня. В интерьере дома стены не облицованы, видна тектоника их елочной кладки – *тевзипхури*, благодаря чему ощущается своего рода контакт интерьера с внешним миром. Над земляным полом возвышался деревянный помост, именуемый *тахти*, который фактически служил как для лежания, так и для сидения. Жилищные сооружения Кахети с точки зрения планировочной структуры представляют собой однокамерное пространство, поделенное на функциональные зоны.

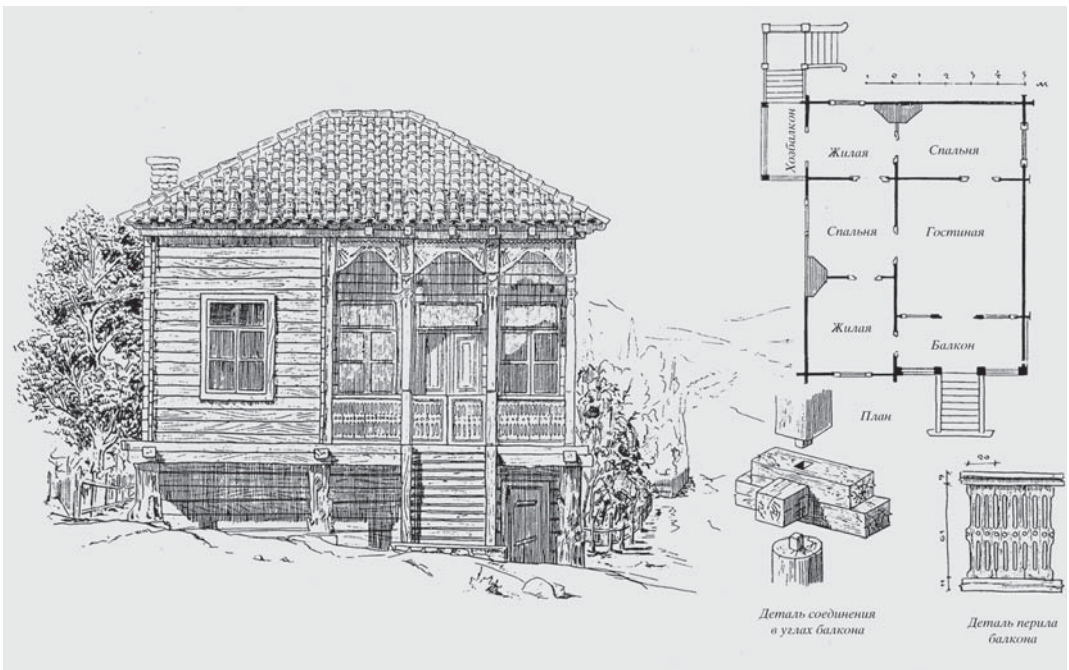
Для изучения строительной культуры Западной Грузии феодальной эпохи уникальные сведения содержатся в сочинении итальянского миссионера Дона Кристофоро де Кастелли (1625–1654), в котором наглядно отражена материальная культура того времени, характерные особенности хозяйства Имерети, Гурии, Мегрелии и Абхазии. Весьма интересны сведения о процессе строительства, о строительных материалах, видах строений, их расположении и пр. Самыми ранними и распространенными формами жилища в Западной Грузии считаются *пацха* (плетеный дом) и простейший *джаргвали* (бревенчатый дом). Первоначально *пацха* представляла собой строение круговой планировки, а затем – прямоугольной, соответственно, с конусообразным и двускатным перекрытием. В качестве кровельного материала использовалась солома, папоротник или осока. Пол *пацхи* был земляной, посередине располагался очаг *шуацецхли*. Для теплоизоляции стены изнутри обмазывали глиной. Строительство *пацхи* не было сопряжено с особыми трудностями и не требовало высокого профессионализма. *Джаргвали* представлял собой сравнительно более прочное, бревенчатое сооружение с двускатной крышей, земляным полом и центральным очагом-*кера*. Материал для строительства *пацхи*, а именно прутья, колья, приносили из леса. Из орудий применялись разного рода топоры (*квага, цули, хелечо*), деревянные молоты и т.д. Высота *пацхи* составляла 2–2,5 м (Материалы по истории кустарного промысла..., 1976. С. 39).

Одной из распространенных форм жилища в XIX в. было строение четырехугольной планировки, с двух- или четырехскатным перекрытием, с земляным полом, недифференцированной жилой площадью и очагом в центре. В Имерети такое сооружение известно под названием *саджалабо сахли*. Указанный тип жилища представляет собой уже обособленный комплекс.

Имеретинский *саджалабо сахли*, аналогичный ему мегрельский *боквиани сахли* и подобные им формы жилищ характеризуются обособленностью жилых и хозяйственных помещений в усадьбе. Бревенчатое жилище

Жилой дом
Имерети, конец XIX в.
Гараканидзе, 1959

Жилой дом
Гурия, вторая половина XIX в.
Гараканидзе, 1959

Жилой дом *ода*
Имерети, начало XX в.
© НМГ. ЭФ 4-66-7
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

(*джаргвали*) постепенно сменилось дощатым (*тицрули*). Появился *питатицари*, в дальнейшем претерпевший трансформацию, известную в двух вариантах: *ода-сахли* и *ачарули* (аджарский дом).

Ода-сахли возник относительно недавно и широко распространился во второй половине XIX в. Его основные типологические признаки: расчлененная площадь, состоящая из трех или более комнат преимущественно квадратной формы, расположенных в два ряда, широкая открытая веранда со стороны фасада. Ода освещается через широкие застекленные окна, отапливается камином, нередко украшенным растительным орнаментом. В доме имеются складные деревянные перегородки, которые убираются, если необходимо объединить пространство двух-трех комнат. В домах подобного типа подсобные хозяйственные помещения вынесены за пределы жилого комплекса и представлены как самостоятельные постройки – *самзади сахли* (кухня), функции которых часто выполнял старый тип жилища – *саджалабо*.

На протяжении длительного периода времени создавались и формировались канонические типы традиционного жилища. Направление и характер их развития были обусловлены взаимодействием экономических, политических, технологических, социальных и эстетических факторов. Формы и типы жилищ претерпели определенные изменения, однако эти преобразования не были единовременными. Каждый следующий период вносил свои коррективы, продиктованные уровнем общественно-экономического развития.

ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВЕННО-КУЛЬТОВЫЕ ЦЕНТРЫ В ГОРНЫХ РЕГИОНАХ³

В горной части Восточной Грузии возведение общественно-культурных центров (*джвари* и *хати*) началось задолго до распространения и утверждения христианства. В качестве комплекса строений культового, жилого и хозяйственного назначения в наиболее полном виде они сохранились в Пшави, в верхней части Арагвского ущелья. В горной части Восточной Грузии термины *джвари* и *хати* употребляются в качестве синонимов для обозначения как *гвтисивилеби* (букв.: дети Бога – ангелы-хранители, «хозяева» общины), так и их земных владений. В Хевсурети оба термина являются равноценными и иногда употребляются вместе – *джвар-хати*.

Согласно этнографическому материалу, на раннеклассовой ступени общественной жизни грузинского народа служение этим святилищам достигло наивысшего развития. В этот период *джвар-хати* как земные владения *гвтисивилеби* представляли собой центры местного теократического правления. Каждый из них включал не только постройки, но и обширную территорию (пахотные земли, покосные луга, пастбища, лес, источники). Крупные *джвар-хати* имели недвижимость и за пределами общины – в ближних и дальних селах, в горах и на равнинах – в Кахети, Картли и др.; они располагали развитым храмовым хозяйством.

В Пшави типичные *джвар-хати* занимают довольно обширную территорию, где среди «священных деревьев», вблизи принадлежащих *хати* источников, ложбин или ущелий возведены разные по назначению строения трех видов: общественно-культурные, хозяйственные и жилые для временного проживания помещения. К общественно-культурным относится центральное здание комплекса *дарбази*, т.е. *саберо*, где совершались праздничные богослужебные обряды и одновременно в дни больших праздников (*хатоба*) в честь божества, покровителя *хати*, собирался совет (*дарбази*) – высший теократический орган управления общиной; здесь вершили правосудие, обсуждали вопросы веры, законности и правомерности поведения общинников, выносили решения по жизненно важным проблемам общины. Собирался совет также в случае чрезвычайных обстоятельств (война, угон скота и т.п.), когда требовалось принятие неотложных мер. К общественно-культурным относятся также следующие строения: *квриви* (главная «башня») – «самое важное место» в *хати*, «где возлежала Богородица»; *сасупевели* – алтари различной формы – низкие, подобно каменному стулу, или в виде плоского удлиненного камня, медного удлиненного стола на четырех ножках или круглой формы стол-лоток *табла* на трех ножках; жертвенник *сасахлао* – каменный или в виде выложенной сланцем ямы для заклания жертвенных животных и собирания крови; культовые башни *кошкеби*, различные по форме и назначению – *садроше* (для знамени), *сасантле* (для свечей), *сазаре* (звонница).

Хозяйственными помещениями являются: *саундже* – сокровищница, где хранилось имущество *хати* – серебряная и медная посуда; *бегели* – амбар; *салуде* или *саквабе* – пивоварня; *сакоде* – помещение, где находились деревянные

³ © Г. Багратион-Давиташвили

Святилище Кистани
Хевсурети, XVII в.
Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Сазаре – звонница святилища
Хевсурети, XVII в.
© НМГ. ЭФ 2-37-2006
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

чаны для брожения и хранения священного пива (более характерно для Хевсурети, чем для Пшави); *марани* – винохранилище; *сакулухе* – хранилище подати; *сапуре* – временное хранилище нового урожая зерна; *парехи* – зимняя овчарня; *баки* – загон для принадлежащих *хати* овец; на берегу реки строили *хатис самчедло* (кузня) и *хатис цисквили* (мельница); *кало* (гумно) – площадка, искусственно выровненная и утрамбованная, со стороны горного склона огороженная невысокой стеной сухой кладки.

К временным жилым строениям относятся: *хевисберис сахли/саберо* – помещение на территории *хати* для избираемых общиной *хевисбери* (старейшин) и *тавхевисбери* (главного старейшины, фактического правителя *хеви*); *садастуро* – жилье для служителей культа, избираемых на определенный срок, которые могли здесь жить годами; *саджарееби* – открытое (летнее) и закрытое (зимнее) помещения, где собирались общинники в дни священных праздников или в особых случаях. В качестве строительного материала в основном использовался сланец, стены были возведены сухой кладкой, сравнительно редко скреплены илом или известью.

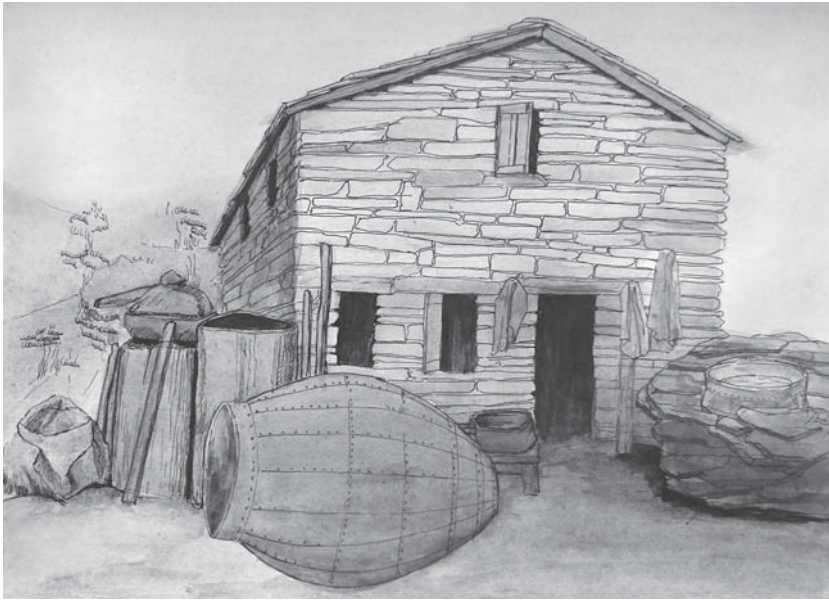
В большей части пшавских святилищ сохранились следы главной и внутренних оград. Главная ограда делила территорию *хати* невысокой грядой камней (сухой кладки) на две части: внешнюю и внутреннюю. Во внутренней части каждое строение было также огорожено. Внешняя часть главной ограды представляла собой *хатискари* (двор *хати*) – более или менее ровную площадку, где были размещены культовые и хозяйственные помещения.

Среди густо разросшихся деревьев (ясень, дуб, клен) находились: *самсхверпло* (жертвенник) – для совершения кровавых жертвоприношений; *сакуртхевели/сасуневели* – алтарь для бескровного жертвоприношения (напр., сдобные лепешки со сладкой начинкой или без); *сасантле кошки* – башнеобразное строение с нишами для свечей; там же расположены *саджарееби, сакеено*; несколько в отдалении – *диацтсасвени* (помещение для отдыха женщин); хозяйственные строения – *салуде, сапуре, бегели, кало, садастуро*.

Внутри главной ограды находятся *саберо* (которое в Пшави и Хевсурети именуют *дарбази*), *сазаре, сасантле, садроше, квриви, саундже, сакулух, марани, самнеби*, «башни» дружественных *джвар-хати*, нередко – башни сельских *хати*; в Пшави – *Совет бче-хевисбери* (вершителей обычного права). Традиционные общественно-культовые строения выполняли несколько функций.

Здания, входящие в комплекс *джвар-хати*, можно разделить на две группы: хозяйственные и жилые постройки с внутренними помещениями; заполненные изнутри камнем столпообразные «башни».

Среди общественно-культовых зданий можно выделить два основных типа. К первому следует отнести *дарбази*, который представляет собой храм, в центре которого устроен открытый очаг, в некоторых случаях с колоннами в интерьере и своеобразными деталями, что указывает на определенную близость с древнейшим типом мегарона. Второй тип – каменные строения с каменной крышей (напр., *бегели*), отличающиеся планировкой, конструкцией и функциями. Пшавский и хевсурский разновидности *бегели* отличаются своеобразной формой перекрытия. Для хевсурских характерно каменное двухскатное ярусное перекрытие (*санацвтiani сахурави*) и сводчатый (*камаровани*), стрельчатый

Святылище и помещение
для варки пива *салуде*
Хевсурети, XVII в.
Рис. Г. Размадзе, 1970-е годы
© НМГ. ЭФ 2-34-2006
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Святылище
Тушети, XVI–XVII вв.
Рис. Г. Размадзе, 1970-е годы
© НМГ. ЭФ 2-36-2006
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

(*шеисрули*) потолок, который образован путем последовательного напуска вышележащих рядов каменной кладки. Пшавский *бегели* в плане квадратный. Пол выстлан сланцевыми плитами, дверь – в центре стены. Крыша имеет форму многоступенчатой пирамиды. Внутри помещение перекрыто ложным сводом, украшенным каменным витым венком. Ложный свод в наивысшей точке замыкается камнем.

Среди центральных святилищ Пшави самым значительным является *Лашарис джвари*, которому поклоняются одиннадцать основных общин Пшави и принесшая этому святилищу клятву двенадцатая община хевсур Хахабой. В этом комплексе отчетливо прослеживается наличие определенной системы зданий, в которой четко очерчена роль каждого из них, как с точки зрения служения культу, так и их хозяйственного и общественного значения. Территория этого святилища также делится главной оградой на внешнюю и внутреннюю части. Внешняя часть представлена зданиями, которые подтверждают основную функцию святилища. Таковыми являются *самсхверпло* (*сасаклао*), *сакуртхевели/сасупевели* и *сасантле кошки*. Вокруг этих строений густо растут священные ясени, на ветвях которых развешаны предметы (или их части) жертвоприношений (напр., рога, колокольчики и др.). Здесь же вместе с *салуде* находятся *сакоде* и *сакеено*. Внутренняя часть территории считается святым местом, куда имели доступ лишь *хатиони* (служители *хати*). Здесь расположены *сазаре кошки*, *самнеби*, *сапени* некогда особо почитаемого древнего дуба, развалины строения (предположительно – *саундже*), *саберо*, *сазаре-марани* со своей оградой и здание Совета *бче-хевисберри*, включая главный алтарь (*сакуртхевели*) и каменные скамьи Совета *бче-хевисберри*.

К пшавским центральным святилищам относится Саквирао (в честь Квириа – божества плодovitости и размножения людей и животных). Вход в это святилище расположен с западной стороны, противоположной возведенным на плато строениям. Значительным культовым центром также является святилище *Тамар-геле*, которое возведено на довольно открытом и ровном месте, на вершине так называемого *геле*. Центральная территория окружена высокой оградой. К этой же группе *джвар-хати* относится *Дамадастури – хати* св. Георгия, расположенное на правом склоне пшавской Арагви, в Матурхеви.

Среди общинных святилищ одним из хорошо сохранившихся комплексов является *Котиае хати* св. Георгия. Фасад святилища обращен на запад. Перед ним слева устроены сиденья в виде каменных тумб; справа начинается стена «балкона». Перед *дарбази/самнатео* и *сазаре* находится четырехугольной формы башня – *сасантле кошки*. Весь комплекс окружен оградой.

Среди центральных святилищ Хевсурети самым главным являются *Сагмрто Гуданис джвари*, расположенное на границе деревень Гудани и Зенубани. В комплекс входят следующие помещения: *бегели*, *садиасахлисо*.

Бегели – двухэтажное прямоугольное каменное здание сухой кладки, с двухскатной крышей, с надочажной цепью для подвешивания котла. Вдоль восточной и западной стен расположены украшенные геометрическим орнаментом деревянные кресла. Здесь же хранятся четырехугольные и круглой формы алтари, котлы и другой инвентарь. С северо-востока *бегели* окружен оградой, с внутренней стороны которой расположены длинные скамьи из сланца.

Бегели имеет подвальный этаж с низким потолком, где устроен *сакоде* (в отличие от пшавского варианта, где *сакоде* представляет собой отдельное самостоятельное строение).

Рядом со стеной *бегели* возведено *садиасахлисо* (*саквабе*) – двухэтажное здание сухой кладки, в северо-восточной стене которого встроен *бухари*

(своеобразный камин) с надочажной цепью, для подвешивания котла; рядом – печь, около нее устроен открытого типа очаг, на котором установлен большой медный котел для варки священного пива.

Верхний этаж здания состоит из одной комнаты и представляет собой так называемое *чиро*. В центре комнаты устроен очаг, а рядом с ним размещены длинные деревянные скамьи.

В Мта-Тушети комплексы *джвар-хати* дошли до нас в основном в очень поврежденном виде. Более или менее сохранились лишь культовые башни – *квриви*, *сасантле*, *садроше* (туш. *милионаи*), которые называют по имени *хати*; встречаются также развалины строений в виде одного-двух или более камней, которые и сегодня остаются объектом почитания и упоминаются в качестве *хати*.

В Тушети главным культовым центром является Лашарис Джвари, расположенное к северо-востоку от с. Чиго. Большая часть строений этого комплекса – *джварискари*, *сасантле-милионаи*, *садроше*, *алтарь*, *жертвенник*, *сазаре*, *дарбази*, *дарбазис кари* и ограда с башнями возведены на недоступной с востока высокой горе.

У самого входа в святилище на отвесной скале возведено *сасантле-милионаи*, строение в плане прямоугольное, высокое как столп, кверху несколько сужающееся, снабженное двумя оконцами (*шукуми*). Строение украшает пирамидальное пятиярусное навершие *санацвтиани*. Рядом с алтарем жертвенник, так называемое *сасаклао* – небольшое выложенное сланцем разровненное место, где на имя Лашари приносят в жертву бычков и овец, а затем их туши скатывают со склона вниз. С южной стороны к *сасантле-милионаи* пристроен *дарбази*. На верхней балке фасадной стены *дарбази* устроен деревянный *милионаи* – в виде двойной кладки вытесанных топором толстых досок. Пол *дарбази* выложен плоским сланцем. *Сазаре* (звонница), расположенная в южной части территории комплекса, возведена сухой кладкой.

Следует отметить, что в отличие от пшав-хевсурских памятников в традиционных общественно-культовых комплексах Мта-Тушети часто встречаются крепости. Ни в одном комплексе Тушети не встречается *саквабе*. Обычно оно находится на территории села, откуда обслуживает святилище. Тушинское *саквабе*, в отличие от пшав-хевсурских, имеет односкатное перекрытие, причем одна стена полностью открыта.

Традиционные общественно-культовые строения по своей основной функции, конструкции либо своеобразию форм и большому количеству отдельных элементов уникальны и характерны для собственно горной части Восточной Грузии.

ОДЕЖДА⁴

Грузия издревле была вовлечена в ареал восточной и западной культур, что, бесспорно, оставило своеобразный след на многих сторонах быта, в том числе и на одежде. Грузинский костюм претерпел ряд изменений и варьировался в соответствии с историческими эпохами, пройденными грузинским

⁴ © Ц. Безарашвили

Хевсурка в национальной одежде
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1960-е годы
© ФЗЭНГ. Рис. 19
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Девушка с мальчиком в традиционных костюмах
Душетский район, с. Бло
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-82

народом; выбор основных тканей костюма производился по признакам хозяйственно-бытовым, сословным и этническим (Грузины, 1962). Женское национальное платье (*картули каба*) носили в Картли, Кахети и Имерети как привилегированные классы, так и трудовое население (по праздничным дням).

Разновидности этнографического костюма, преимущественно женского, наиболее рельефно сохранились в горной полосе и отражают путь развития грузинской национальной одежды. Техника ее изготовления, декорирования и обычай ношения проливают свет на ряд интересных вопросов, связанных с локальными особенностями национальной одежды.

На рубеже XIX–XX вв. в Грузии сохранились следующие образцы традиционной одежды: *тушинская*, *пшавская*, *хевсурская*, *мохевская*, *сванская* и *рачинская*.

Одежда тушинки (и вообще горских женщин) отличается строгостью и изысканностью исполнения. Составные части тушинской женской одежды: *джуба* – платье свободного, хитонообразного покроя; *перанги* (рубашка), богато украшенная ожерельями в виде серебряных цепочек и монет; *сагуле* (нагрудник) – *парага*; употребляемая в качестве верхней одежды *чоха* или *сахелчакнеула ткави* (кожаный тулуп-дубленка с длинными рукавами); головной убор типа *чихта* (налобный ободок, обшитый тканью) – *кучура* с накинутым на него *диди мандили* (большим платком); вязанные до колен гамаша (получул-

Молодежь в традиционных костюмах
Казбегский район, с. Гвелети
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-69

ки) – *циндеби* и, наконец, шерстяные вязаные «полусапожки» – *читти*. Атрибуты тушинской одежды обнаруживают типологическое сходство с хевсурской и пшавской. Тушинский женский головной платок *диди мандили* известен по фрескам Восточной Грузии IX в. (*Джавахишвили*, 1962. Т. 3. С. 4).

Пшавская женская одежда – *джуба-папанаги*. В отличие от тушинского и хевсурского платья, покрой пшавского *джуба* простой. Приталенная наподобие *чохи* верхняя одежда *папанаги* имеет множество складок. Головной убор, который носили вместе с *джуба-папанаги*, идентичен старинному хевсурскому и верхнерачинскому убору. Поверх сложенного треугольником головного убора, завязанного на лбу (*тавчита*), накидывали шелковый *тавшали* (платок) треугольной формы – *чикила*, украшенный ниспадающей до пят бахромой из легкой цветной шелковой ткани – *дараиа*. Пшавские женщины носили *тат-бачичеби* – вязаные ноговицы, *каламнеби* (лапти) или *чусты* (тапочки-чувяки) вместе с *циндеби* (вязаными носками, закрывающими голени).

Оригинальностью покроя, форм и богатством вышивки (серебряные подвески, бисер, перламутровые пуговицы) выделяется хевсурская женская одежда *талавари*: *садиацо* – длинное шерстяное рубахообразное платье, обшито на подоле широкой каймой; *папанаги* – выходная *чоха* и *коккло* – повседневная *чоха* с высокой талией и короткими рукавами. Головной убор состоит из *сатаура* (ободок типа *чихта*) и *мандили*; обувь представляет собой *татеби* (вязаные сапожки на кожаной подошве) или *каламан-цинда* (лапти-

гамаш), а также надеваемые поверх носков, закрывающие икры вязаные ноговицы *бачичеби*.

В комплект рачинской женской одежды входили: длинная рубашка с прорезной застежкой, сверху – распашное платье *сагуле-ахалохи*, которые носили с поясом или передником, и верхняя одежда на вате – *каптара*; головной убор – *тавсакон-чикилиани*; на ноги надевали вязаную обувь или лапти.

Старые формы сванской женской одежды практически исчезли из быта. Они известны лишь по двум-трем музейным экспонатам и рисунку немецкого художника Макса Тильке. Элементами одежды сванской женщины были длинная рубашка, *ахалохи* – распашное платье, сходное по покрою с *чохой*; нагрудная вставка *гулиспири*, украшенная застежками – *чапрастеби*; *тавшали* – головной платок.

Мохевская женская одежда *таравали* включала три основных элемента: длинная рубашка, *ахалохи* и верхнее платье – *сагуле*. Свообразие *таравали* мохевской женщины обуславливалось и дополнительными аксессуарами: пояса, различные тесьмы и ленты, головные уборы на ободковой основе с вуалью из тюля или атласа – *лечак-мердини*, платки. На ногах была обувь – *цуга* (сафьяновые полусапожки) и *каламнеби* (лапти из сыромятной кожи). *Гулиспири* короткого *ахалохи* часто украшалась орнаментами, выполненными золотным шитьем, среди которых встречались и зооморфные мотивы (олень, овца, тур).

Из локальных комплексов одежды нагорья Грузии тушино-пшав-хевсурские образцы примечательны и тем, что единственным материалом для их изготовления являлась местная домотканая шерстяная ткань разного качества – *толи*, вырабатываемая на вертикальных станках.

Все указанные комплексы одежды уникальны по технике исполнения. Так, у хевсурского *талавари* нет аналога не только в Грузии, но и на всем Кавказе. Наряду с женской одеждой богатством вышивки и декора отличаются и образцы мужского костюма хевсур – начиная с головных уборов и кончая обувью.

При вышивании использовались разноцветные шерстяные и шелковые нитки. Вышивали на специально подобранных тканях. Этот выбор зависел от способа вышивки: шерстяными нитками на *толи* вышивали крученые косичкообразные узоры – *шиби*; другой, сравнительно новый способ вышивания *крестиком* исполнялся шелковыми нитками. Была распространена и техника орнаментирования (аппликации) одежды цветными лоскутами.

Распространенная в горной полосе Грузии одежда, по сути, одного типа и относится к ранним типам костюма. Только незначительная часть хевсур сохранила и донесла до XX в. облик своего исконного костюма, который ввиду архаических особенностей нередко называют *кертули* (языческим). Сходство комплектов проявляется в цельнокроеных платьях и приталенной чохообразной верхней одежде. Аналоги основных элементов мужской и женской верхней одежды встречаются во многих уголках Грузии. Одинаковым покроем характеризуются тушинская и пшавская *джу́ба*, хевсурское *садиацо*, сванское и верхнерачинское платье-рубашка. В историческом прошлом одежда подобного покроя, вероятно, существовала в масштабе всей Грузии. Верхняя же одежда чохообразного покроя – тушинская *чоха-кати́би*, пшав-хевсурская *папанаг-коккло* или рачинско-сванская *каба-каптара* – обнаруживает сходство

Гурийцы
Начало XX в.
© РЭМ. № 213-3

Крестьяне в поле
Казбегский район, с. Гвелети
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-140

с изображенными на грузинских фресках VII в. приталенными накидками с «лжерукавами», выполнявшими функцию декорирования костюма.

Головной убор отражал социальный статус женщины. Непокрытие головы платком – символом чести и совести – считалось большим стыдом. Перед женским *мандили* отступали не только ссорящиеся или дерущиеся стороны, но и всесильная община. Покрытие головы касалось и вопроса порядочности женщины: термины *чикиламохдили* (лишенная платка) и *сахелгатехили* (опозоренная) были синонимами. В Сванети возвращение замужней женщины в отчий дом с непокрытой головой служило очевидным для всех свидетельством ее измены мужу.

Головной убор тушинской женщины, состоявший из многих деталей, требовал определенной прически. Согласно грузинской традиции, красота женщины состояла в ее длинных, доходящих до груди косах – *коцоли*. Замужнюю женщину дополнительно украшали височные локоны – *кикино*. Когда появилась мода красить волосы в желтый цвет, хевсурки стали носить короткие стрижки. На лобную часть *сатаура*, украшенную геометрическим орнаментом, должна была приходиться средняя часть треугольного *мандили* с вышивкой, называемой *самхати* (три иконы). На *сатаура* закреплялись остальные концы *мандили*. Когда хевсурки еще носили длинные волосы, косы (*начапни*) и лоб обвязывали платком *чикила*, свободные концы которого ниспадали на плечи. В 70-х годах XIX в. этот способ покрытия головы сменился вышеупомянутым *сатаура-мандили* (Макалатия С., 1935. С. 142–143).

Головной убор рачинки подразумевал использование двух основных элементов: квадратного шелкового *тавсахури* и треугольного *лечаки-чикила* из хлопковой ткани.

Из локальных комплексов одежды, распространенной в горных районах Грузии, отдельный тип составляет одежда мохевской женщины, сшитая из фабричной ткани и подобная грузинскому платью (*картули каба*) с поясом и нагрудником, распространенному в равнинной Грузии. Вместе с дошедшими до наших дней формами традиционной одежды сохранились и связанные с ними обычаи, среди которых следует выделить обычай облачения покойника в рубашки трех разных цветов, надевание одежды наизнанку в знак траура (Хевсурети) и др.

Основной вид женской национальной одежды – *картули каба* (грузинское платье). В комплекс этого костюма входят головной убор *тавхурва*, платье *картули каба*, пояс *сарткели*, нагрудная вставка *гулиспири*, внутренний рукав *куртмаджи*, штаны *шейдиши*, рубаха *перанги*, носки *цинда*, выходная обувь без задника, на высоком каблуке с загнутым носком – *коши* и мягкая домашняя обувь *плости*, верхняя одежда – *катиби* и *долбанди*.

Обычно платье шили из одноцветной (иногда со своим тканым рисунком) шелковой или шерстяной ткани. Излюбленными цветами для молодых были белый, розовый, голубой; пожилые носили одежду темных оттенков. Верхняя часть платья – *маглатани* заканчивалась острым мысом и плотно застегивалась впереди на скрытые крючки и петли. Только ее спинка пришивалась к юбке (*даблатани*), впереди она оставалась свободной и ложилась поверх юбки, пояс укладывался вдоль мыса. Рукав платья сшивался только на несколько сантиметров в верхней части, дальше во всю дину оставался открытым, внизу заканчивался мысом или суживался и переходил в ромб,

Женское верхнее платье *гуджани* и его выкройки: передок и спина
 Худ. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1938 г.
 © ФЗЭНГ. Рис. 127
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Женское верхнее платье *зубуни* с выкройкой и деталью стежки
 Худ. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1938 г.
 © ФЗЭНГ. Рис. 128
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

прикрывающий тыльную часть кисти, у запястья рукав застегивался на специальные мелкие петли и крючки. Пояс, нагрудную вставку и внутренний рукав шили из шелковой ткани или бархата и вышивали золотом, цветными шелками, иногда бисером. Излюбленным рисунком был орнамент из виноградной лозы, колосьев, дубовых листьев или цветов. Пояс с течением времени видоизменялся, приобретая чисто декоративное значение. Под платьем грузинки носили штаны из шелка, обычно малинового цвета. Край их был обшит золотой или серебряной тесьмой. Длинная рубаха *перанги* шилась из красного шелка, она имела длинные прямые рукава с ластовицей, вырез по вороту и разрез на груди. Верхняя одежда – *катиби*, сшитая большей частью из бархата различных цветов, имела меховую или шелковую подкладку; воротничка у *катиби* не было. По краю подола одежды и по низу рукавов шла меховая опушка. Эта одежда доходила до колен; примерно такой же длины были и незашитые почти во всю длину рукава.

В комплекс довольно сложного головного убора входила *лечаки* – вуаль (легкая тюль), треугольной формы косынка, обшитая кружевом. Ткань в зависимости от достатка бывала шелковой и бумажной; тонкий, толщиной в палец, валик *кони*, из светлой или яркой шелковой ткани и ваты, суживающийся к концам; картонный ободок *чихта*, по размеру головы; более узкая вертикальная сторона его приходится над лбом, более широкая, покатая ложится над затылком. Головная повязка *тавсакрави* – узкая полоса ткани, из бархата различных окрасок, вышитая шелками и синелью, золотом, бисером и даже жемчугом. Повязка прикреплялась к ободку. В старину же ободок не носили, а повязка была настолько большой, что повязывалась вокруг головы. Волосы при ношении данного головного убора делились пробором, большая их часть заплеталась в две или четыре косы. Оставленные свободными туго завитые височные пряди – *кави* обрамляли лицо. Поверх головного убора носили шелковый платок *багдади*, который складывали в виде косынки, прикалывали к ободку и завязывали под подбородком.

Грузинки постоянно носили украшения. Местные златокузнецы снабжали женское население недорогими кольцами, браслетами, серьгами, поясами, ожерельями, застежками и т.д. В равнинной Грузии состоятельные женщины носили большей частью изделия из золота с драгоценными камнями, крестьянки горной Грузии – преимущественно серебряные украшения местных мастеров.

Основным элементом национального мужского костюма является *чоха-ахалухи*. Мужской костюм был представлен несколькими различными комплексами: картлийско-кахетинским, имеретинским, хевсурским, аджаро-гурийским. Рубаха, кальсоны, брюки, *архалук*, *чоха*, накидки, тулуп, пояс, войлочная шапка, носки, ноговицы, подвязки, поршни и разного вида мягкая обувь являлись основными элементами мужского крестьянского костюма.

В Западной Грузии у аджарцев, гурийцев, лазов и мегрелов был в пользовании своеобразный вид грузинского костюма – *чакура*.

В Восточной, Западной, Южной Грузии носили *чоху* различной длины, обычно ниже середины голени, сшитую из местной темно-синей или привозной кустарной шерстяной ткани. Спереди *чоха* не сходилась во всю длину, или, по крайней мере, на одну четверть, оставляя открытым *архалук*. Иногда полу *чохи* перекидывали через плечо. Во время работы обе полы затыкали

Грузинка, играющая на *чонгури*
(щипковый струнный инструмент)
Гурия, начало XX в.
© РЭМ. № 11749-6

Детали женского головного убора *тавсакрави*. Начало XX в.
© РЭМ. № 214-48

Выделка покрывала *лечаки*
Кахети, начало XX в.
© РЭМ. № 922-3

Аджарец в традиционном
костюме. Начало XX в.
© МАЭ РАН. № 1695-73

Чакура – верхняя одежда аджарца. XIX в.
© НМГ. ЭФ 1949-254
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

на спине за пояс. Сравнительно неширокий рукав с треугольной ластовицей оставался незащитым внизу на пять пальцев.

Архалук, надевавшийся под *чохи*, шили обычно из черного ластика или сатина. Большой частью он спускался на четверть ниже пояса, реже – почти до колен. *Архалук*, наглухо закрытый, с низким стоячим воротником, застегивался на крючки или мелкие пуговицы. Под него надевали рубашу с прямым рукавом и квадратной ластовицей. На груди пришивали прямоугольный кусок кумача. Поверх чохи на ладонь ниже поясного шва надевался большей частью узкий серебряный сегментированный пояс (в праздничные дни пояс

крестьянина мог украшать кинжал в серебряной оправе). Пояс ремесленника был обычно шире, с полусферическими украшениями у застежки. Штаны шили также из ластика. Под штанами носили сходные с ними по выкройке кальсоны. Широкие штаны, забранные сзади у икры в складку, заправляли в черные вязаные ноговицы, плотно охватывавшие икру до щиколотки; под них надевали белые шерстяные, иногда вязанные ажурным рисунком, носки. На ноги надевали самодельную обувь из сыромятной кожи.

Голову почти круглый год покрывали небольшой черной войлочной шапочкой. Зимой крестьяне поверх *чохи* надевали меховую одежду, а вместо войлочной шапки – круглую шапку из овчины.

Высшее сословие в Восточной Грузии носило верхнюю одежду особого покроя – *каба*. Верх *каба* обшивался черным шелковым шнуром. Под *каба* носили закрытый черного или светло-синего цвета шелковый *архалук*, с небольшим стоячим воротничком, накладным кармашком для часов и внутренними карманами. Нарядной верхней одеждой мужчин привилегированного класса была *куладжа*. Ее шили из бархата, преимущественно темных оттенков, на шелковой подкладке.

Длинная в середине XIX в. *чоха* вновь укорачивается к началу XX в. В горной Восточной Грузии – у тушин, пшавов, мтиулов, мохевцев – она была довольно длинной, до середины голени, вместе с ней носили войлочную шапочку. В Западной Грузии имеретины и мегрелы носили головной убор *папанаки*, башлык или шапку с широкими, слегка опущенными полями из войлока или сшитую из различных тканей (сукно, хлопчатобумажная ткань и т.д.). *Папанаки* представляет собой небольшой кусок ткани, овальный или круглый, с симметрично вырезанными уголками, обшитый тесьмой, изредка

с вышитым золотом растительным и зооморфным орнаментом. Этот головной убор требовал пышной и особо подстриженной шевелюры, на которой он укреплялся шнуrom.

Ареал распространения общекавказской бурки, из черного с начесом войлока, папахи (как меховой, так и с вставным дном из ткани) и башлыка соответствовал территории распространения *чохи* (Грузины, 1962. С. 300–305).

В конце XIX – начале XX в. наряду со старыми формами традиционной одежды появляются смешанные комплекты, представлявшие собой переходную ступень от старой одежды к новой, отражавшие следы прежних видов одежды и веяния новой моды.

В отличие от горского населения, равнинное общество Грузии XIX в. находилось на более высокой ступени развития. Если ранее из-за замкнутого образа жизни женская одежда дольше сохраняла свой традиционный облик, то с первой четверти XIX в. именно женский костюм – сначала в элитарных городских кругах (преимущественно в Тифлисе), а потом и в провинции – претерпевает трансформацию; происходит отказ от старомодной одежды. Под влиянием тенденций западной моды постепенно вытесняются элементы традиционной одежды (*коши*, *ахалухи*, *шейдиши* и др.). За короткий срок эти изменения коснулись и крестьянской среды; в 70–80-х годах XIX в. в Грузии начинается урбанизация сельской культуры (*Волкова, Джавахишвили*, 1982. С. 182).

В середине XIX в. грузинская традиционная одежда по-прежнему была популярна. Часть комплектов одежды, совмещающей со старыми элементами новые тенденции, носила «компромиссный» характер. С 1860-х годов распространяются так называемые платья *хабарда* с *гуджастияни*, с кринолиновой нижней юбкой, которые в 1880-х годах сменяются приталенными и удлиненными фасонами – платьями *принцесса*.

Комплект, состоящий из грузинского платья и сложного головного убора, предусматривал и своеобразную прическу: две косички *нацнави* сзади и спереди, две букли *кавеби*. Головной убор замужней женщины состоял из двух основных частей: *чихти* и *тавшали* (*лечаки*) из тонкой прозрачной ткани и четырехугольной узорчатой шелковой косынки – *багдади*. Существовало два способа повязывания *лечаки*: *келченит* и *келахвевит*, последний отражал социальное положение женщины, в частности то, что она была замужем.

О художественном оформлении грузинского платья наряду с мастерами-специалистами заботились и женщины-самоучки. Оригинальные композиции, гармоничная цветовая гамма, эффектная передача целостности рисунка (орнамента) – все это является показателем высокого уровня развития этой отрасли и традиционной грузинской техники вышивания. В отличие от горных регионов, на равнине в вышивках преобладают растительные орнаменты: гроздь и листья винограда, колосья пшеницы, цветы граната; встречаются также изображения птиц и рыб.

Мужчины не так легко, как женщины, расставались с традиционной одеждой – *чоха-ахалухи*. В первой четверти XX в. эта форма одежды, общепринятая на Кавказе, еще не утратила своей актуальности.

В Грузии XX в. в мужской крестьянской одежде встречаем несколько разновидностей комплекса *чоха-ахалухи*: грузинский, черкесский, городской, карачогули. Среди грузинского населения были распространены следующие

Мальчик в *куладже*. Начало XX в.

© РЭМ. № 9943-34

типы *чохи*: общекавказская, картл-кахетинская, хевсурская.

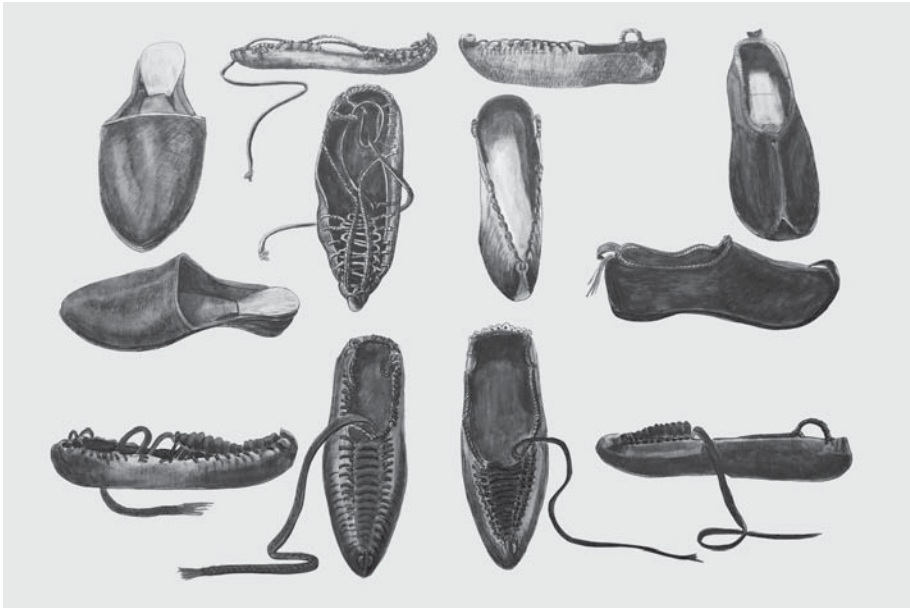
Грузинский комплекс одежды, распространенный в Картли и Кахети, частично в Имерети, составленный на основе *чохи* с «завернутыми» (закатанными) рукавами, включал следующие элементы: отрезная и присборенная в талии *чоха*, короткий присборенный *ахалухи* с закрытым воротом или короткий нагрудник без рукавов; брюки с широкими длинными штанинами, подпоясанные шелковым поясом; носки и ноговицы *цинда-паичеби*, связанные из разноцветных шелковых ниток и закрепленные у колен ремешками; кожаные узконосые (*чвинтиани*) сапоги на каблуках, кожаные *цуги*

(полусапожки) или *сацветеби* (чувяки), украшенные сбоку пуговками; высокая папаха из шкуры бухарской овцы (*чатехили куди*); грузинская сабля и кинжал с посеребренными ножами.

С ранними образцами *чохи* с завернутыми рукавами имеет сходство и *куладжа* – короткое распашное верхнее платье из темного бархата на атласной подкладке, его короткие рукава и полы оторочены золотой тесьмой (*каитани*) и мехом. От этого комплекта платья с завернутыми рукавами берут начало ставшие популярными у крестьян в XIX в. короткие *чоха-ахалухи*. Это была удобная в носке одежда без излишеств (декоративные рукава и отделка и т.д.). Крестьяне носили также недорогие головные уборы – *бохохи* (папаху из овчины) или тушинскую войлочную шапку; обувь – связанные из шерсти *цинда-паичи* (ноговицы), *цуга* (кожаные полусапожки), *мести* (легкие кожаные поршни), *каламани* (самодельную обувь из сыромятной кожи) или *сираджули чекмеби* (сапоги простолюдина). Подобный комплект одежды сохранялся в некоторых горных районах Восточной Грузии, но в основном – в Западной Грузии (Имерети, Рача, Сванети, Абхазия, Гурия, Аджария).

Во второй половине XIX в. в Грузии появляется новый черкесский комплект одежды. Для черкесской *чоха* выбирали имеретинскую шерсть или шерсть, произведенную в Мухахском обществе Дагестана. Отдельные элементы этого комплекта изготовлялись из фабричных тканей. В Грузию завозили и готовые черкесские *чоха-ахалухи*, а в городах и поселках портные шили их на заказ.

Городской (*калакури*) *чоха-ахалухи* возник в Картли и Кахети как результат влияния города на одежду сельских жителей. *Калакури чоха* длинная, ниспадающая почти до пят, отрезная в талии и присборенная застегивается на пу-

Традиционная обувь. XVIII–XIX вв.

© НМГ. ЭФ 1949-29ф

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

говицы и петли; передние полы цельные, рукава широкие, по обеим сторонам груди симметрично нашиты декоративные карманчики-газыри: зимний *ахалухи* обычно бывает стеганным на вате. Шаровары широкие с ширинкой. Особый тип *чоха-ахалухи* (*карачогули*) был характерен для ремесленников и мастеровых-карачохели.

Из головных уборов были популярны войлочная тушинская шапка на подкладке, с нашитой в центре пуговицей, и высокие *папахы* из калмыцкой овчины (*калмухис цоцона*), особенно среди карачохели и грузинских евреев. Бухарские шапки (*бухрис куди*) носили состоятельные горожане и мастера-вые. Обувью служили *копури каламани* (поршни с присборенными краями), завязывающиеся на икрах шнурками, вязаные *паичеби цуги* с ремешками у колен. Под обувь надевались однотонные или пестрые шерстяные носки-*циндеби*. Этот комплект предусматривал также передник (*цинсапары*) (*Чачашвили, 1957. С. 377–403*). Исподнее белье, которое повторяло форму штанов, шили из конопляной или льняной ткани.

Как известно из сообщений Страбона, в древности ткань из колхского льна успешно конкурировала с египетскими тканями (*Страбон, 1957. С. 123–124*). Использование льняных и конопляных волокон в качестве сырья для текстильного производства было обусловлено многими положительными свойствами выработанных из них тканей (легкость, гигроскопичность, носкость), что имело немаловажное значение для здоровья человека.

В горной зоне из-за суровой продолжительной зимы большое внимание уделялось утепленной одежде. К этой категории относится мужской *ткави* – длинный тулуп мехом внутрь и более короткий *ткапучи* (дубленка). Были и

Чоха-ахалухи в магазине г. Тбилиси
Фото Л. Соловьевой, 2010 г.

Папанаки – современные модели традиционного головного убора
Фото Л. Соловьевой, 2010 г.

дубленые куртки свободного покроя – *дура-мхарсахурави*, предназначенные на выход. Была еще верхняя распашная одежда типа накидки, без рукавов и воротника, известная в Самегрело и Абхазии как *кванчха*, а в Сванети – *кеш*.

Профессиональная одежда в Грузии встречалась как в виде специально сшитого полного комплекта, так и в виде отдельных элементов. К этой категории относится, например, одежда жнеца – *самквдили*, в которую входили кожаный фартук, прикрывавший и спину жнеца, сшитый из двойной ткани налобный ободок от пота – *саопле*, нарукавник для правой руки – *самклав* и наперсток для мизинца левой руки – *сатите*. Этот уникальный комплект, у которого нет аналога в странах Ближнего Востока, засвидетельствован в Кизики в начале XX в. (*Ментешашвили*, 1936. С. 66–67; *Джеслабадзе*, 1960. С. 118–122). Комплект охотничьего костюма включал накидку и шапку из выделанной шкуры дикого зверя, горную обувь – ременные лапти, лапти на металлической подошве с зубьями – *црианеби*, предохранявшие от скольжения. Неотъемлемым атрибутом костюма представителей определенных специальностей, например мастеровых карачохели, был массивный серебряный пояс с крупной пряжкой. Необходимыми для путешественников и путников являлись водонепроницаемая длинная войлочная бурка с ворсом – *набади* и шерстяной головной убор *кабалахи* (башлык). В Самегрело и Абхазии пастухи носили короткое войлочное пальто *гвабанаки* с рукавами и капюшоном. Одежда аналогичного типа у тушин была известна под названием *кеча*.

Грузинский национальный костюм ярко отражает художественный вкус и идеал красоты народа. Сегодня формы традиционной национальной одежды в основном используются народными творческими коллективами в качестве сценических костюмов, а также модельерами. Среди сувениров, характеризующих грузинский быт, встречаются образцы вязаных *циндеби*, *читеби* и войлочные шапки. Тушинские и сванские шапки по-прежнему пользуются популярностью среди мужчин.

ОРУЖИЕ⁵

Грузины издревле были известны как отличные воины, о чем свидетельствуют сведения греческих, римских, византийских, арабских, персидских и армянских авторов (*Кеинашвили*, 2002. С. 20).

К наступательным видам оружия относятся: колющее оружие (*гороли/ороли*, *лахвари*, *гмури* – виды копья); метательно-колющее оружие (*мазраки*, *зупани*, *геони* – виды дротика); метательное оружие (*сагорвели* – праща, катапульта); луки, арбалеты; ударное оружие (*лахти* – кнут без рукоятки из металлических прутьев и ремней; *гурзи*, *аргани*, *гогути* – виды булавы; *чуг-луги* – боевой топор; палица, кастеты); рубящее оружие (сабля, меч, шашка, *варзи* – боевая коса, нож, кинжал, палаш).

В XV–XVI вв., до распространения огнестрельного оружия, в качестве защитного снаряжения воины использовали наголовье, нагрудные доспехи и защитные поручи и поножи. Наголовье – шлем и его разновидности: *музаради*, *чапхути*, *чачкани* (каска), *кабалахи* (башлык, шишак), *папанаки* (стеганный головной убор из цветной ткани, нижние части которой обшивались

⁵ © К. Чолокашвили, М. Капианидзе

разноцветными нитями или матерчатými, а порой и кожанými полосками). Нагрудные доспехи – латы, кольчуга, панцирь, *бегтари* (из металлических пластинок), *тори* (броня из цельного железа или из двух частей этого же металла), *капи* (цепь или цепочка, надеваемая на латы через плечо, или ремни для плотного держания лат), *иалмаги* (одеяние над кольчугой). Руки защищали поручи, нарукавники; кольчужные перчатки, металлические наколенники, ноги – набедренники, *сачерне* (голенная кольчуга), кольчужные штаны. Особо следует выделить щит (*пари*), применяемый в бою с незапамятных времен.

Традиция защиты лошадей в бою родилась в древневосточных армиях (Трубников, 2004. С. 59). В грузинских источниках часто упоминается защищенный броней и кольчугой боевой конь. Например: по описанию Джуаншера, Вахтанг Горгасал сражался, сидя на закованном в латы коне (Джавахишвили И., 1962. Т. 4. С. 277–279). С появлением огнестрельного оружия доспехи и всадника и его коня потеряли смысл – на первый план выходила мобильность. В позднефеодальной Грузии на лошади уже нет лат.

Составной частью экипировки воина также была путевая провизия, предусмотренная для экстремальных ситуаций; это были *чурчхелы*, сушеные фрукты, вяленое (копченое) мясо, сухари и пр.

Копье использовалось с незапамятных времен. Оно представляло собой металлическое острие, нанизанное на деревянный черенок и, несмотря на простоту конструкции, имело много функций. Археологи отличают несколько типов наконечников копий: удлинённо-ромбовидные, ланцетовидные (листовидные), с продольным отверстием во втулке, с удлинёнными втулкой и лезвием и пр. (Гамкрелидзе Г. и др., 2005. С. 117–127). Копье не раз упоминается в грузинских письменных источниках, в частности оно широко известно в памятниках XII в. К этому времени за ним окончательно утвердился термин *шуби* (Джавахишвили И., 1962. Т. 4. С. 228). Различные виды этого оружия рассмотрены С.-С. Орбелиани, который в качестве их общего имени употребляет термин *лахвари* (Орбелиани, 1991. С. 409).

К метательному оружию относятся *сагорвели*, праща (*шурдули*) и катапульта (*палакавани*). *Сагорвели* – это большой камень, который в бою скатывали с высоты или кидали с крепостных стен. Праща представляла собой конструкцию для метания камня в цель, состоявшую из трех частей: кожаного ременного ложа (*сакве*) и двух тяг (*мана*) – ременных, веревочных петель.

Из орудий для метания камня в Грузии также были известны *гвричила*, *гогричи*, *кудбацара*, *риктапа*, *хрикола* и др. К метательному оружию относится *палакавани* – некоторое подобие катапульты, которое активно использовалось до распространения огнестрельного оружия.

Лук и стрелы (*мшивлд-исари*) известны на территории Грузии с палеолита; в раннебронзовую эпоху в употреблении были как большие (в человеческий рост), так и меньшего размера луки, а также составные (сложные, клееные) луки. После появления огнестрельного оружия лук долго сохранял за собой роль боевого и охотничьего оружия, которое давало воину возможность вести бой в радиусе до 150–200 м, хотя эффективная дистанция составляла 30–100 м (Элашвили, 1959. С. 24). В Грузии широко были распространены турецкие и монгольские луки, хотя были и луки местного изготовления. Грузинские луки были двух основных видов: простые (деревянные) и составные (с накладками из роговых пластин, кости, металла). Луки делали длиной в

Праща

Кожа

Кахети, XIX в.

© НМГ. ЭФ 66-26-130

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

сажень (*куладжи*). Простой лук состоит из ветки дерева и прикрепленной к обоим его концам тетивы, которая в Хевсурети называется *сабами*. Обычно *сабами* делали из кожи или вываренных бычьих сухожилий; использовали также тростниковое или иное растительное волокно, например коноплю.

Лук чаще всего делали из древесины мелкого ореха, ясеня. Этот материал просушивали в течение недели, затем для вываривания помещали в навоз или конский помет на одну-две недели, иногда – в котел для варки пива вместе с пивом; был известен способ выварки лука в отходах того, из чего гнали водку (*буки*). После выварки снимали кору, оставляя в середине рукоять (*сахелура*). Чем толще была *сахелура*, тем было лучше, поскольку увеличивалась упругость верхних точек между рукоятью и плечами (*гозан*). После этого на концах лука делали насечки треугольной формы (*килони*) для натяжения тетивы. Тетива одним концом крепко закреплена с луком, в другом же конце имеет петлю, благодаря которой регулируют ее натяжение (*Элашвили, 1959. С. 27–30*). Изготовленный из рога лук назывался *аджи* (*Орбелиани, 1991*). В бою использовали также арбалет – в Сванети *цхеми*, в Восточной Грузии лук с прикладом (*кондахияни мивилди*) и в Хевсурети – со спуском (*сасхлетияни*) (*Элашвили, 1959. С. 31*). Лук носили на плече. Имелись и специальные футляры: для лука (*мивилдис штасадебели* или *хилипа*) и колчан для стрел (*капарчи*) (*Орбелиани, 1991*).

Изготовление стрел в Грузии было отдельной профессией: *джолборди* – изготовитель стрел. Было до десяти видов стрел: *гези* (стрела без перьев),

грджа (остроконечная), *бодзали* (обоюдоострая), *кейбури* (с широким острием), *киборджи* и *сарча* (с узкими наконечниками) и другие – *кодали*, *самали*, *сакално*, *сепка*. С.-С. Орбелиани указывает: «Есть и другие стрелы, называемые *борб(а)ла*, и разные прочие, а (подобие) стрелы для юношей – *цинцукитела*» (Орбелиани, 1991. С. 335). Наконечники стрел были разной формы, использовались для охоты на зверя с дорогостоящим мехом, рыбной ловли, метания огня, иными же пробивали металлические доспехи (Элашвили, 1959. С. 27). Столь же многообразны были способы натяжения тетивы (Там же. С. 38–40).

До появления огнестрельного оружия в ближнем бою против облаченного в доспехи противника использовали ударное оружие. О его активном использовании свидетельствует многообразие терминов: *лахти* – булава (с крыльями и без крыльев), *гурзи*, *чуглуги аргани*, *гогути*, *амуда*, *екалбурта* (шарик с ввинченными в него стальными шипами), с навершием в форме коровьей головы и др. (Джавахишвили И., 1962. Т. 4. С. 246–248). *Лакhti* были известны с навершиями в форме головы коровы и козы, звездообразной формы (Маргишвили, 2008. С. 245).

Боевые топоры разных форм с античной поры также известны в грузинском вооружении. Боевые топоры позднефеодального периода были однокрылькими или двукрылькими, зачастую с металлической рукоятью, заканчивающейся лезвием с четырехгранным наконечником. Это топоры иранского типа, что свидетельствует об активном использовании в Грузии персидского вооружения.

К ударному оружию относятся также кастеты. Это *сацериули* (от *цери* – большой палец), надеваемое на большой палец правой руки плоское железное кольцо с шипами по краям. *Сатите(ни)* – витое без зубьев кольцо-наперсток из нескольких кольцеобразных кастетов малой формы применялось, чтобы бить противника в лицо, наносить ему режущие (*сасери*) и колющие (*сачхути*) раны. Кастеты были распространены в горах Восточной Грузии. Надеваемый на палец наперсток (*сацериули*) был довольно грозным оружием в ближнем бою. Только в Хевсурети существовало до десяти видов *сацериули*: *гаджиа*, *магали/аптара*, *лесула*, *херхула*, *хвеула*, *цисквила* и др., и до последнего времени сохранялись техника и приемы их использования (Читая, 2000в. С. 299). В отличие от Хевсурети в Мтиулети встречаются кастеты (наперстки), надеваемые на два пальца (указательный и средний) – *сadjиджзве-леби*, а в Тушети – на четыре (*гаджиеби*) (Нравы., 2004. С. 99–100).

С античной поры рубящее (холодное) оружие – кинжалы и мечи представляли собой главный элемент военного вооружения. На территории Грузии найдено множество как бронзовых, так и железных кинжалов. Указанное вооружение также широко применялось в Средневековье, а с определенными видоизменениями – почти до XX в.

В Средневековье в Грузии широко были распространены палаши с прямым клинком, а с XIII в. в употребление входит сабля с изогнутым клинком. Так, И. Джавахишвили приводит два изображения Лаша-Георгия: на одной фреске (Бетания), до восшествия на престол, у него палаш с прямым клинком, а на второй (Бертубани) – сабля с изогнутым клинком (Джавахишвили И., 1962. Т. 4. С. 253). До нас дошли только две сабли, найденные в Зуртакети и Вани (Чарелишвили, 1998. С. 87).

Кастет *сацџерули*

Железо

Хевсурети, начало XX в.

© НМГ. ЭФ 1348

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Пороховница

© НМГ. ЭФ 64-34-3

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В Грузию в большом количестве ввозилось оружие из Европы – немецкие, французские и итальянские сабли. В Хевсурети все европейские сабли назывались *прангули* (французский). Различали *прангули-самку* (из Центральной Европы) и *прангули-самца* (из Италии) (Джалабадзе Г., 1979. С. 17).

Следует также отметить клейма сабель *горда* – серповидные зубчатые линии со словом «Генуа» между ними и тремя и более точками по бокам. Эти клейма в XIV в. принадлежали мастерам Генуи, а позднее, с XVI–XVII вв., ими пользовались мастера австрийских городов, которые делали оружие для вывоза на Восток (Аствацатурян, 1995. С. 31). Сабли *горда* с клеймом были известны грузинам еще с XIV в.; у генуэзских мастеров на территории Грузии были торговые фактории, в которых торговали и оружием (клинками) (Куталейшвили, 1987. С. 189). Существуют предания о том, что генуэзцы вывезли из Грузии сабли *горда*, и после этого они получили общеевропейское признание, а также, что в Грузии в с. Горди жил мастер, который выковал превосходную саблю, которая затем стала известна под названием *горда* (в Грузии и сейчас существует с. Горди, имя Горда и фамилия Гордадзе). Грузинские и европейские сабли *горда* различаются качеством стали и декором. Клейма *горда* были в ходу на всем Кавказе, но грузинские сабли *горда* выделяются своей самобытностью.

В Грузии издревле делали сабли из булата. Этот термин, видимо, происходит от персидского *полад* и тюркского *болат*. По толкованию С.-С. Орбе-

лиани, «полад – это не по-нашему, по-грузински он называется *басри*». Сам термин *басри* происходит от г. Басра. По Д. Чубинашвили, «Полады (перс.) – это острая сталь» (*Чубинашвили Д.*, 1984. С. 311). В Грузии холодное оружие изготавливали из индийской (*вунца*), персидской (*табан, каратабан, хорасан*), сирийской (*дамаск*) и собственно грузинской стали. В XVIII–XIX вв. Грузия была одним из центров производства оружия. Значителен факт, свидетельствующий о том, что наряду с Индией Грузия славилась изготовлением высококачественной стали. В XIX в. в Тбилиси жила семья изготовителей булатной стали Элизарашвили (братья Ефрем и Караман), отец которых Георгий был также прославленным мастером. Это ремесло он получил по наследству и передал сыновьям (*Чолокашвили*, 1956. С. 16).

Секрет производства стали строго хранили, поскольку с его разглашением были связаны основанные на суеверии опасности. Несмотря на это, один из сыновей Георгия – Караман в 1828 г. передал этот секрет России. В Тбилиси для обучения к братьям Элизарашвили прислали лучших мастеров Златоустовского завода. В.А. Потто писал: «В русской кавалерии лучшими саблями всегда считались сабли производства златоустовского завода, на которых отмечены 1832–1833 и 1834 гг., совпадающие именно с первыми годами деятельности подмастерьев Карамана» (*Гугушвили П.*, 1962. С. 139). За эту заслугу Караман Элизарашвили был награжден (*Чолокашвили*, 1956. С. 17).

Множество оружейных дел мастеров, изготавливавших превосходные кинжалы и сабли, было и в других крупных городах и поселениях Грузии: Кутаиси, Батуми, Зугдиди, Гори, Озургети, Сигнахи, Телави, Ахалцихе и др. Большая популярность кинжала в Грузии и на Кавказе в целом была обусловлена и тем обстоятельством, что он был неотъемлемым атрибутом мужского кавказского костюма. В большинстве случаев рукоять кинжала изготовлена из кости или рога с двумя или тремя заклепками со шляпками. Стальной клинок – с одной (протравленной в середине), двумя или тремя гранями; есть клинки с выпуклыми сторонами клинка (*кедани*). Ножны в большинстве случаев оклеены черной кожей, с одним устьем и шариком на конце. Бывали серебряные рукояти и ножны, а также украшенные пластинками из кости. При орнаментации кинжалов использовали техники гравировки (в том числе по кости), черни или позолоты, филиграни, зернь и т.д.

По древнегреческим источникам (Геродот, Ксенофонт, Страбон), картельские племена использовали в бою деревянные или кожаные шлемы. Металлические шлемы античной эпохи, найденные археологами, импортные и относятся к так называемому халкидскому, гоплитскому типу шлема (*Гамкрелидзе* и др., 2005. С. 148–149). Боевые головные уборы из оружейного фонда Грузинского национального музея, зафиксированные этнографами и подтвержденные грузинскими историческими документами, в основном относятся к четырем видам: а) *чачкани* – мисюрка, невысокий шлем с плоским верхом; напоминает перевернутое блюдо, с круглым выпуклым шишаком; б) яйцевидный, остроконечный шлем (с бармицей, но без козырьков и наносников); в) в форме *папанаки*; г) *чабалахи* – кольчужная сетка (*Чолокашвили К.*, 1957. С. 333). Самой большой популярностью пользовался *чачкани*, технология изготовления которого известна из хевсурского этнографиче-

Грузин-аджарец в полном вооружении
Фото Д.И. Ермакова, вторая половина XIX в.
© МАЭ РАН. № 121-79

ского материала: кузнец выпрямлял железо для изготовления мисюрки (*полотики* – нагрудник) на наковальне (*куртемули*), затем очерчивал его деревянным циркулем и вырезал по шаблону; ударами молотка он постепенно придавал ему форму миски. После этого по краям мисюрки проделывал дырки для закрепления *заради* (забрало из кольчужной сетки-бармицы). Некоторые мисюрки сверху украшали серебряной каймой; в центре прикрепляли *усмари* – наверхие из железного прута (*Чолокашвили К.*, 1957. С. 338).

Под боевой шлем обязательно подкладывали подшлемник *токалто* – мягкую, плотно простеганную матерчатую подкладку из войлока или шерсти, а в Восточной Грузии – тушинскую шапку как подмисюрник. Форма сванской шапки повторяет форму яйцевидного остроконечного шлема, что указывает на использование ее в качестве *токалто*. В сванском быту также засвидетельствован металлический шлем в форме *папанаки*, который является чисто грузинским явлением.

Согласно древнегреческим источникам (Страбон, Ксенофонт) предки грузин использовали льняные или кожаные доспехи, на которые крепились железные пластины. В памятниках античной эпохи найдены металлические (из бронзы и железа) пластины малого размера, как отдельные, так и в связках. Эти пластины вырезали из металлического листа особым приспособлением, наподобие ножниц. После этого в пластинах проделывали дыры, и на матерчатом основании крепили кожаными ремнями. Такие доспехи в специальной литературе называются чешуйчатыми (*Гамкрелидзе и др.*, 2005. С. 143).

В военном искусстве Средневековья большой популярностью пользовались *бегтари* (кольчато-пластинчатый доспех из металлических пластин, соединенных друг с другом при помощи отдельных колец или вставок кольчужного полотна, зачастую дополненный кольчужными рукавами, полами), а также *джачвис перанги* – кольчуга, панцирь, *тори* (доспехи из цельного железа или из двух частей этого же металла). Бехтерец и кольчуга использовались до позднего Средневековья. В горах, например в Хевсурети, их изготавливали и применяли и в XIX в.

Кольчуги известны в Грузии со II–III вв. н.э., о чем свидетельствуют находки в Клдеети. Большой частью их делали из стали. Из стальных прутьев

Вооружение хевсурского воина
XIII–XIX вв.

Железо, ковка, вязка

© НМГ

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Группа хевсур в полном боевом
вооружении. Начало XX в.

© РЭМ. № 1381-33

Хевсуры

Фото В.И. Марковина, 1947 г.

© Личный архив К. Пицхелаури

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

делали кольца кольчуги (*чику*), в основном круглой формы. Мастер-бронник с помощью *адида* (станок для вытягивания проволоки) придавал стальной проволоке нужную толщину, затем наматывал ее на круглую палку и резал кольца кусачками. Диаметр кольца мог быть разным. Для одной кольчуги нужно было приблизительно 15–20 тыс. колец. В той же технике делались и кольчужные наголенники (*сачерне*), защищавшие ногу от колена до ступни, известные по находкам археологов, относящимся к античной эпохе, а также бронзовые набедренники – большая редкость в памятниках этой эпохи (*сабаркуле*) (Гамкрелидзе и др., 2005. С. 148–149). Важной частью снаряжения воина был кольчужный доспех (*сачерне*), покрывавший ногу от колена до ступни. Археологами найдены три пары кольчужных наголенников античной эпохи, а также бронзовые набедренники (*сабаркуле*) (Гамкрелидзе и др., 2005. С. 148–149). Известны были и кольчужные штаны, подбитые кожей, с прикрепленными металлическими наколенниками. Руки от запястья до локтя защищали нарукавники (*хелнави*) и кольчужные перчатки (*санухре*).

Сванский щит. XVI в.

Кожа, дерево, медь

© НМГ. ЭФ 64-24-4

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Щиты в древности были из обтянутого кожей дерева, сплетены из деревянных прутьев, поэтому археологи находят их редко. Грузинские щиты поздней поры по форме круглые; в Средневековье в основном были распространены щиты треугольной, круглой и овальной формы (*Маргишвили, 2008. С. 97*). По технике изготовления

можно выделить три основных типа: 1. из обтянутого кожей дерева; 2. кожаный щит с двумя или четырьмя крестообразно наложенными пластинами и квадратом в центре, с двумя кругами-обручами из кованого металла по краям; 3. цельнокованый металлический (*Чолокашвили, 1954. С. 227–228*). В Хевсурети в XIX в. использовали *убис пари* – щит очень малых размеров; его носили скрытно под костюмом, за пазухой (*убе*) на случай неожиданного нападения.

В XV в., как и во всем мире, в Грузии стали применять фитильные, а начиная с XVII–XVIII вв. кремневые ружья. Их изготавливали и в Грузии, но лучшими считались завезенные из-за рубежа. Западноевропейское оружие поступало в Грузию через Крым, что и обусловило название одного вида кремневого ружья – *хирими*, или *крым* (*Джавахишвили И., 1962. Т. 4. С. 281*). Для грузинских ружей были характерны гравировка, позолота и чернь на металлическом кольце приклада, а также инкрустация на кости у замка.

В XVII–XVIII вв. был создан кавказский тип огнестрельного оружия, на который большое влияние оказало турецкое оружие. Огнестрельное оружие в Грузии изготавливали в Аджарии, Самцхе, в горной части Грузии (Сванети, Тushети), Тбилиси и в других больших городах. В Аджарии изготавливали известные на весь мир ружья *топхане* и *налпара*, известные также как *мачахела*. На ружье *мачахела* прослеживается турецкое влияние – в форме приклада и в декоре. В Сванети делали ружья с самым узким прикладом – сванские кремневые ружья. В Грузии также производили и порох (*Робакидзе, 1947*). В горах добывали уголь, серу и селитру; в больших же городах, например в Тбилиси, до 1770-х годов существовало предприятие по производству пороха, принадлежащее Исайе Такуашвили.

В большом количестве изготавливали и пистолеты, которые назывались *мачахела* по месту их производства. По данным З. Чичинадзе, продукция мастеров из Мачахельского ущелья пользовалась успехом при дворе Атабаги, Гуриели, Дадияни, Шервашидзе, Дадешкелиани и других грузинских владетельных князей и царей (*Чичинадзе З., 1906. С. 12*). После завоевания турками Аджарии мастера из Мачахела стали известны и в Османской империи (*Кахидзе Н., 1974а. С. 96*). Ценились также пистолеты, изготовленные в Тбилиси и Ахалцихе. Мастера-оружейники приобретали отдельные детали – стволы, курки, затем собирали. Собранное оружие украшали серебряными пластинами или инкрустацией на кости, ставя свои клейма.

СИСТЕМА ПИТАНИЯ⁶

В жизни каждого этноса традиционная система питания – одни из важных показателей его культурного наследия (*Джавахишвили*, 1939. С. 3; *Читая*, 1966. С. 11). Эта часть культуры быта тесно связана с социально-экономическими условиями, экологической обстановкой, особенностями хозяйственной жизни страны, нравственными, этическими и эстетическими ценностями, религиозным мировоззрением. В системе питания видны рациональные начала народной гигиены и медицины, признаки народной диетологии, ежедневный и годовой режим питания, который, в одной стороны, подкреплен догмами религиозного поста, а с другой – обусловлен прагматическим характером хо-зяйствования (*Гоциридзе Г.*, 2007).

РАСТИТЕЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ

По разнообразию растительных культур Грузия представляет собой уникаль- ный регион. Ее географическое положение, экологический баланс, умеренный климат, полноводные реки, богатая флора и фауна с древнейших вре- мен обеспечивали человека средствами существования. В народной системе питания грузин особое место занимает собирательство как вспомогательная форма хозяйства сезонного характера. Это касается как дикорастущих фрук- тов, ягод и корнеплодов, так и еще более травянистых растений.

Большое место занимает изготовленное из разных видов травянистых ра- стений *мхали/пхали*. *Мхали* – набор растений, который входит в повседневный рацион питания частично благодаря использованию дикорастущих растений, а частично – овощей. Этот продукт питания сезонного потребления, распро- страненный почти во всех уголках Грузии. В древнегрузинских письменных источниках он упоминается как «пища нищих», *мхали* считался продуктом питания бедного населения (*Джавахишвили И.*, 1934. С. 37). Термин *мхали* (*пхали*) означает как саму растительную культуру, так и приготовленное из нее блюдо.

Мхали/пхали едят в сыром, переработанном или же чаще в перерабо- танном виде – вареным; из него готовят жидкое горячее блюдо – *шечмади*, добавляют как начинку в хлеб, пекут *мхловани* (своеобразные лепешки), су- шат на зиму, переплетая в виде косичек. Более всего этот продукт потреб- ляют в период религиозного поста. Опираясь на исторические источники, И.А. Джавахишвили приводит около 90 видов растений *мхалеули*, хотя в на- стоящее время список этот очень уменьшился – крапива, щавель, амарант, просвирник, шпинат, купена, спаржа, лебеда, горошек, капуста, марь белая, сассапарель (*пхали* белое) и др., приблизительно около 50 наименований, с их дикими и переходными формами (*Джикия Н.*, 1988). Технология приготав- ления также характеризуется целым рядом местных вариантов. Например, в Рача-Лечхуми и Имерети *мхали* готовят с орехами и уксусом. В Гурии вместе с полевым *мхали* его готовят и из огородных овощей, отдавая предпочтение листовой капусте, которую тоже приправляют орехами и уксусом. Кроме этого, там принято засаливать клубни корнеплодной капусты и затем из них

⁶ © Г. Гоциридзе

ჭურჩელა

კარგლი, ს. მუხრანი

© ფოტო ლ. მელიქიშვილი, 2010 გ.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Продажа *ჭურჩელა*

კახეთი, გ. თელავი

ფოტო ლ. სოლოვьева, 2010 გ.

готовить *мхали*. Что касается традиции добавлять *мхали* в качестве начинки в хлеб, то это более характерно для жителей горной местности. Это бытует у рачинцев, которые используют для его приготовления крапиву, марь белую, *пхали* белое, а также свекольные листья; они пекут *мчади* с *мхали* на свином жире.

ЗЕЛЕНЬ И ПРИПРАВЫ

Невозможно представить грузинское застолье без зелени и приправ, особенно в Западной Грузии, где эта традиция настолько сильна, что часто тамошние крестьяне весь день обходились только хлебом и зеленью. Зелень была необходима при любом застолье, что подтверждается фреской храма Набахтеви – памятника XI в. На ней вместе с хлебом и вином изображены редис и разная зелень. Согласно историческим источникам, с раннего Средневековья государством была установлена подать на зелень (*Джавахишвили И.*, 1935. С. 110).

Из столовой зелени более всего был распространен *кинძи* – кориандр (и его дикорастущая разновидность – *кинძара*), салат-латук или зеленый салат, чеснок, лук, чабер, петрушка, которую в Гурии называют *макидо*, мята садовая, мята луговая, эстрагон и др. В каждой семье имелась небольшая деревянная ступка (*квиджа*, *родини*, *тили*), в которой толкли зелень и чеснок. Что касается пряных приправ, эти виды ароматных веществ из

Хлеб, приготовленный для выпечки

Тушети, с. Дартло

Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.

© Личный архив Г. Цопанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Выпечка хлеба в *торне/тоне*
 © Фото Г. Джавахишвили, 1970-е годы
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
 აკადემია

Выпечка хлеба в подовой печи
 Мтиულети
 © Фото Т. Цагарейшвили, 1999 г.
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
 აკადემია

стран. Передней Азии распространились по всему миру. Но это не касается приправ из зелени. Приправы делятся на классические и приправы местного происхождения. К классическим относятся гвоздика, корица, китайский перец, мускатный орех и др., а к местным – приправы из зелени, которые являются скоропортящимися и не выдерживают длительного транспортирования.

КОРНЕПЛОДЫ, БАХЧЕВЫЕ КУЛЬТУРЫ, ФРУКТЫ

Богатый опыт грузинской агрокультуры хорошо виден в традиции использования в пищу корнеплодов и бахчевых. Интересные сведения о корнеплодах встречаются в грузинских летописях. Местными корнеплодами признаны морковь, редис, свекла и корнеплодная капуста (*Джавахишвили И.*, 1935. С. 28). К числу корнеплодов также относится земляная груша (топинамбур). Сравнительно молодая культура – картофель, появившийся в основном в XIX в. Картофелю более благоприятны горные условия. В соответствии с локальным распространением различают картофель из Геби (Рача), Хуло (Аджария), Тианети, Цалки, района Ахалцихе – Ахалкалаки, Сванети; сорта красного картофеля отличаются наилучшими вкусовыми качествами.

Выращивали также огурцы, дыни, арбузы, тыквы, баклажаны, помидоры. Подъем овощеводства наблюдается со второй половины XIX в., что в условиях развития капитализма было связано с ростом требований рынка. Ассортимент бахчевых культур в Грузии разнообразен. Выделяются сорта местных видов, например, кахетинские арбузы, мухранские дыни и огурцы, чопортские помидоры; из сортов тыквы – мегрельско-гурийские сорта *хати* и *хапера* (*татрула*), грузинская обыкновенная – имеретинская тыква и др.

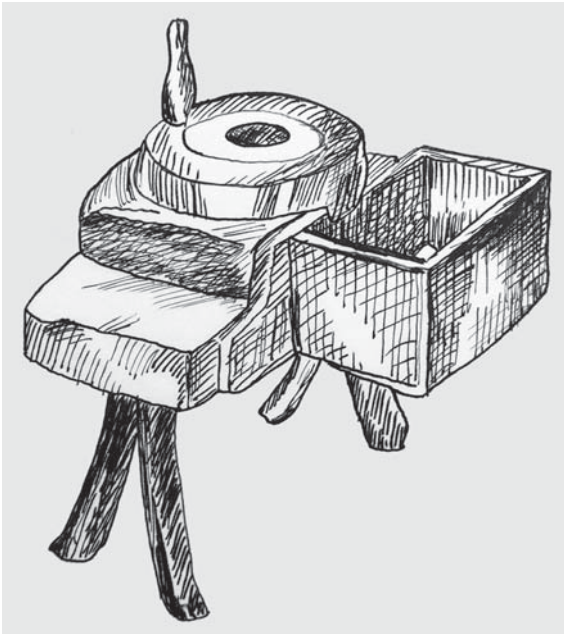
Потребление в пищу фруктовых и ягодных культур берет свое начало из глубокой древности. Из дикорастущих фруктово-ягодных растений в большом количестве имеются дикая яблоня, дикая груша, шиповник, кизил, ежевика, малина, черника, смородина, боярышник. Большая их часть окультурена, получены уникальные селекционные сорта, но существует и практика потребления лесных фруктов.

Большую роль в питании грузин также играют всякие подливы, соусы и муссы, полученные из фруктов. Среди них самая распространенная *ткемали*, подлива из вареных как культурных, так и дикорастущих мелких слив, способствующая перевариванию тяжелой и жирной пищи. Ткемали подают в основном к мясным блюдам, а также заправляют ею вареную фасоль, мамалыгу (*гоми*) и т.д. *Ткемали* считается феноменом грузинской кухни. В Самцхе-Джавахети из сока мелкого чернослива и других видов слив путем уваривания сула изготавливают *квацарахи/бекмез*, густую подливу для мясных и рыбных блюд, а также и мучных изделий. Традиционно лесные фрукты потребляли как в свежем, так и в сушеном виде, гнали из них водку (*араки*), делали настойку (в основном для лечебных целей), пастилу – *тклати*, варили варенья и др. В древности во время религиозного поста из фруктов и ягод готовили различные горячие блюда, например, *чирхали* (блюдо из сушеных груш), суп из сушеного кизила и др.

ХЛЕБ И ВИНО

Широко распространена была традиция изготовления фруктовой водки – *араки*. Наилучшими качествами отличалась водка из кизила, сливы-венгерки, туты, черной бузины, которая крепостью не уступала пшеничной, и *чача* – водка из виноградных выжимок. Отмечалась своеобразная местная специализация. Например, в Джавахети традиционной была водка из туты, в Гурии – *сантлис арака* (медовуха), а в горной области Восточной Грузии, там, где виноградарство не было развито, гнали *жипитаури* (водку из пшеницы). В лечебных целях использовали водку из черной бузины и сливы-венгерки (в Картли).

В соответствии с традиционным культурно-хозяйственным типом основной пищей грузин были хлеб и вино. Хлеб – главный источник обеспечения крахмалом и вино – продукт брожения сахаристых углеводов полностью удовлетворяли жизненно необходимую потребность и, наряду с продуктами животноводства, создавали прочную основу комплексного питания. Хлеб и вино были не только основной повседневной пищей (вино пили обычно во время еды), но и ритуальной и лечебной. Вымоченный в вине хлеб – *боглицо* – давали детям и ослабленным после перенесенной болезни для восстановления энергии. Во время религиозных праздников хлеб и вино в

Ручная мельница

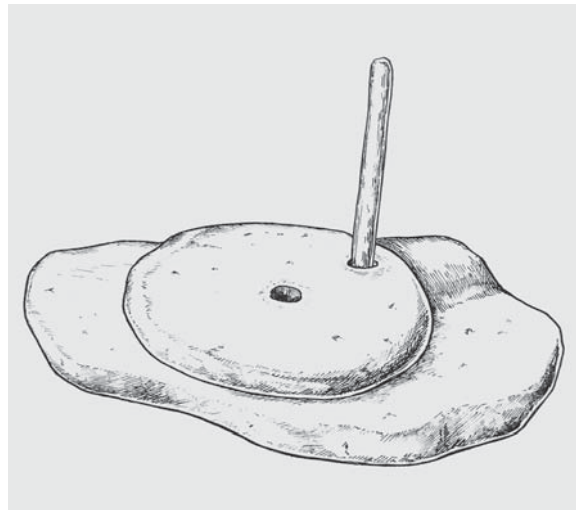
Месхети, с. Уде, конец XIX в.
Рис. О. Кониашвили, 1970-е годы
© НМГ. ЭФ 4-23 -91
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

качестве овященной пищи жертвовали святыням, ангелам-хранителям, душам умерших, предкам, так как грузины верили, что благодаря этому обретут их покровительство и благосостояние.

Термин *пури* – хлеб – лексикологически означает как пшеницу (зерновую культуру), так и испеченный хлеб, а словосочетание *пурис чама* – поедание хлеба – означает процесс принятия пищи вообще.

Самой ранней формой потребления пшеницы в качестве пищевого продукта считается кашеобразная еда, полученная путем механической и термальной обработки. Это очищенное или неочищенное (дробленое или не дробленое) варево – *мгбари* (вареная пшеница), кутья, каша, толокно. Кутья и пшеничная каша до сих пор потребляются как святая ритуальная пища, которая готовится для поминовения усопших.

Традиционные формы и виды грузинского хлеба очень разнообразны. С типологической точки зрения национальные формы хлеба можно разделить на три группы – повседневные, праздничные и ритуальные, а технологически – на приготовленные на дрожжах и без дрожжей. Дрожжевой хлеб, который в технологии выпечки является более поздней и развитой формой, пекут в торне (род круглой глиняной печи) или *пурне* (подовая печь), а бездрожжевой хлеб, так называемые *хмиади* – пресный хлеб (который хронологически был распространен раньше дрожжевого) – в каменных или глиняных *кеци* (посуда

Ручная мельница

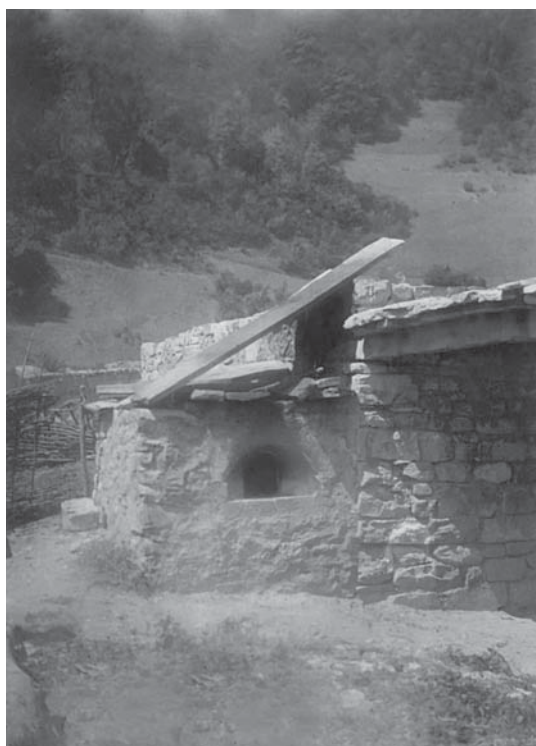
Город Ахалцихе, конец XIX в.
Рис. О. Кониашвили, 1970-е годы
© НМГ. ЭФ 4-23 -91
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Торне/тоне – печь для выпечки хлеба

Кахети, с. Ахашени, XX в.

© Фото Т. Цагарейшвили, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Пурне – печь для выпечки хлеба

Мтиулети, первая треть XX в.

Экспедиция Л.Б. Панек

© МАЭ РАН. № 3625-51

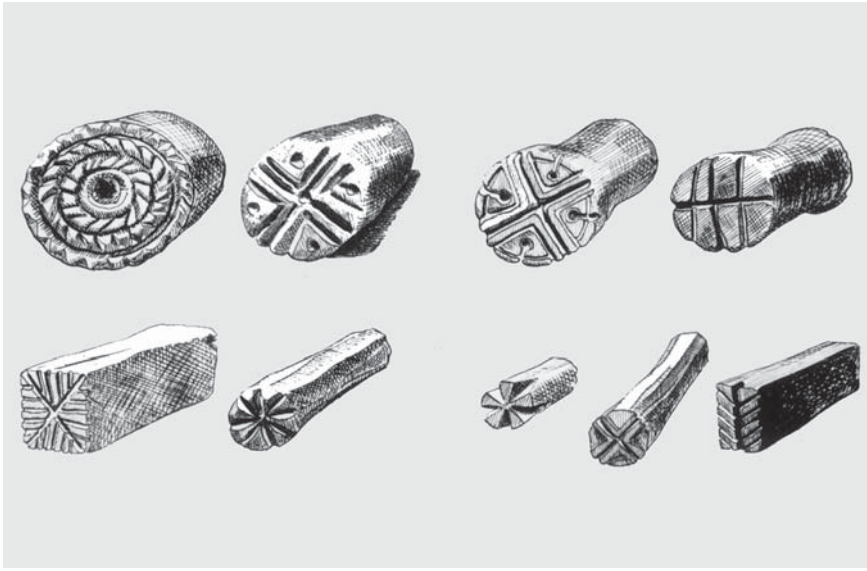

З. Церетели. Выпечка хлеба в *торне*

© РАХ. Архив З. Церетели

типа сковороды), на плоском камне или в очаге, прямо на углях. Традиционные печи соответствуют зонально-экологическим условиям страны и культурно-хозяйственному опыту. В соответствии с этим в горах, где зерновые культуры менее клейкие, преимущественно пекут пресный хлеб, т.е. без дрожжей, а для выпечки дрожжевого хлеба используют печь горизонтального типа – *пурне*. Из традиционных, разнообразных форм хлеба, испеченного в *торне*, на сегодняшний день сохранились лишь несколько видов. Среди них главными являются круглый, *шоти* и *лаваш*, со своими подвидами.

Лаваш – хлеб толщиной 2–3 см. Лаваш с помощью специальной подушки прикрепляют к стенкам *торне*. Встречаются местные варианты лаваша, в основном это два вида – круглый и овальный (подушка тоже соответственной формы). Такой вид лаваша в древности был предназначен для траурно-ритуальной трапезы. Обычно его преломляли над усопшим. Куски хлеба бросали в вино, перед началом поминок произносили тост за упокой и съедали этот кусок (*боглоцо*). *Шоти* – хлеб продолговатой формы, похожий на полуме-

Штампы для ритуального хлеба. Начало XX в.

Дерево, резьба

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

сяц, который пекут для праздничного стола (свадьба, дни святых, именины, крестины, *ртвели* – праздник сбора винограда), и он наделен обрядово-ритуальной функцией. Этот хлеб относят к святыням как жертвоприношение. Такой хлеб бывает разной формы, различают *кахетинский* (длинный как сабля, приблизительно 45 см) и *карталинский* (длиной 20–25 см). В Боржомском ущелье встречается также местная разновидность хлеба *шоти* – *ликани*, который размером меньше обычного. *Круглый лаваш* распространен почти во всех уголках Грузии. Его пекут как в торне, так и в пурне – в специальных формах. В Картли такой хлеб вручную прикрепляют на стенки торне и поэтому у него есть специальная часть – так называемый обух. Он называется материнский хлеб – *дедас нури*, потому что его традиционно пекли матери. В Месхети круглый лаваш с дырой посередине называют *сомин*.

Хлеб не всегда пекли из муки, просеянной через мелкое сито. Часто брали муку крупного помола, просеивали, пекли также хлеб из смешанной ячменной и пшеничной муки. Для просеивания, как уже отмечалось, употребляли сита двух видов: крупно- и мелкоячеистое, которое называлось *мердини*. Хлеб обычно пекли раз в неделю и хранили либо в деревянных коробах, либо складывали в корзины, сплетенные из ивовых прутьев.

Выпечка хлеба была своеобразным ритуалом: до ее начала раскаленное торне сначала обрызгивали соленой водой, затем освящали небольшим количеством вина. Прикрепляли *лаваш* в первом ряду, затем в остальных. Хлеб, который доставали из печи первым, обязательно вносили в дом и клали в угол, для ангела-хранителя домашнего очага, для изобилия и сохранения целостности семьи.

Потребление *када* с начинкой и ритуального хлеба в основном приходилось на праздничные и обрядовые дни. *Када* – это печенье, широко распространенное во всех уголках Грузии, имеет несколько технологических вариантов приготовления. Это листовая (слоеная) када, в виде рулета (*Рача*), с начинкой из *хавици* (обжаренная мука с маслом) или без нее (*Картли*), сладкий пряник из теста, замешанного на меде и молоке (*Кахети*), и др. В *Картли* када пекли на именины, в день ангела и относили к святыням. Традиция выпечки таких изделий почти во всех уголках Грузии воспринималась как символ плодородия, достатка и благосостояния. В Западной Грузии кроме кады традиционно пекли *хачапури* с начинкой из сыра, *лобиани* с начинкой из фасоли, лепешки с мхали – *мхловани*, пироги с яйцом и мясом и др. Из разновидностей *хачапури* следует отметить *имеретинское*, *рачинское* квадратное, – похожее на конверт, *аджарское* – овальной формы с яйцом. Для рачинцев характерны лепешки с начинкой – *лобиани*, *пхловани*, *цулестириани*, с начинкой из орехов – *ганатехи*; для сванов традиционными являются лепешки: *чвиштари* – из кукурузной муки с сыром, *кубдари* – с мясной начинкой, *петвдиар* – с начинкой из пшена с добавлением семян дикорастущего растения *гицурули* и др.

Использование в обрядовых действиях хлеба (в виде пшеницы или испеченного хлеба) было направлено на то, чтобы гарантировать изобилие урожая и покровительство высших сил (*Бардавелидзе*, 1953). Именно так вошли в религиозную практику пресный хлеб и ритуальные лепешки, которые отмечены сакральными знаками разной формы. В Сванети такой пресный хлеб называется *лемзира*. Новогодний хлеб, который приносит в семью *меквле* – первый гость, переступивший порог после наступления Нового года, называется *басила*. Он выпекается в форме человеческого тела с фаллосом и является символом возрождения сил природы и плодородия. Хозяйки хранят его в амбаре. В число ритуальных новогодних хлебов входят также лепешки, испеченные на имя членов семьи, с изображением птиц, бычьего рога, орудий труда, символов астральных божеств (светил) (*Бардавелидзе*, 1953). Для жениха и невесты выпекался свадебный хлеб с изображением креста (*неписквери*), который служил символом плодородия и защитой от сглаза. Его клали на стол новобрачных (*Мачабели Н.*, 1978). В Западной Грузии основными пищевыми продуктами вместо пшеничного хлеба являются *гоми* и *мчади*, а хлеб, как сам по себе, так и с начинкой, имеет ритуальную нагрузку.

ПРОДУКТЫ ЖИВОТНОВОДСТВА

МОЛОКО И МОЛОЧНЫЕ ПРОДУКТЫ

Характерным отличием животноводства во всех уголках Грузии является преимущественное развитие его молочного направления по сравнению с мясным. Вследствие этого в повседневном рационе больше потребляется молочной продукции, чем мясной. Приготовление и хранение молочных продуктов являлось обязанностью хозяйки, старшей по возрасту женщины; исключения составляют случаи, когда на горных пастбищах этим занимаются (производство сыра) по традиции пастухи-мужчины. В доме отводилось специальное место для хранения и производства молочных продуктов, здесь же хранились специальная посуда, цедилка, бочки и т.д.

Маслобойка

Тушети, XX в.

© Фото Л. Меликишвили, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Маслобойка

Худ. Э. Бурджанадзе, 1960-е годы

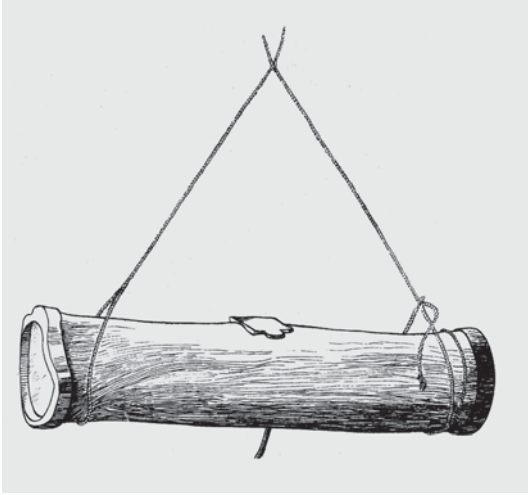
© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Отдельные молочные продукты в Грузии следующие: молоко, *мацони*, сыр, масло, пахта, творог, сыворотка, обрат (*до*) (в Восточной Грузии – *свели*), *надуги* – род творога (в Западной Грузии – *цураки*).

Молоко и сливки в основном использовали в детском питании (наилучшим считалось козье молоко). В Раче гостей угощали лепешками *мчади*, накрошенными в сливки. В Имерети на завтрак и на ужин готовили молочную кашу, а в летний период – суп из мацони и пахты. Это считалось прохладительной пищей. В Западной Грузии особенно ценилось мацони из буйволиного молока, густое и жирное.

Главными молочными продуктами являются сыр и масло (коровье). В разных частях Грузии есть определенные технологические особенности их производства. Например, в Тушети, где преобладает разведение мелкого рогатого скота – овцеводство, производят знаменитый тушинский овечий сыр *тушури квели* – *гуда*, который отличается большой жирностью (около 40%), может долго храниться и не теряет свои великолепные вкусовые свойства, хорошо переносит транспортировку. Сыр *гуда* делают пастухи летом на горных пастбищах, в период повышенной сочности травы, когда она особенно питательна. Этот сыр хранили в бурдюках из овечьих шкур (*гуда*), где он и созревал. Тушинский сыр отличается своим высоким качеством и особым вкусом,

Маслобойка

Кахети, 1974 г.

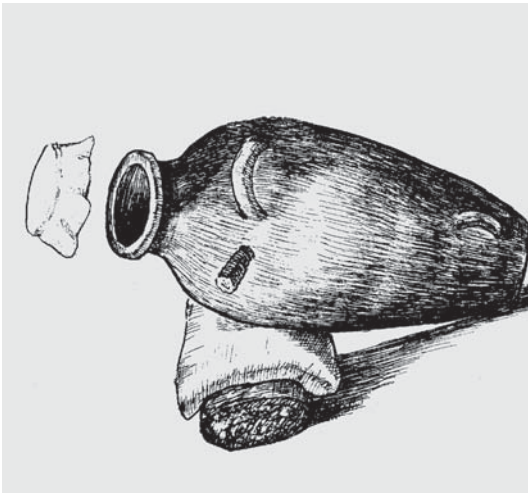
© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

которые обусловлены климатом данного региона и породой местных овец. Со второй половины XIX в. этот сыр стал признанным на рынке продуктом, его цена на внутреннем рынке всегда была выше, чем других сыров. Традиционно жители горной Тушети привозили сыр и топленое масло в равнинные районы и там меняли на пшеницу и вино.

Невозможно представить питание горцев без топленого масла – *эрбо*. Из-за холодного климата, а также из-за того, что приходилось много трудиться и тратить много энергии, для восполнения ежедневного баланса калорийности горцы потребляют много топленого масла и жировых компонентов. Характерно то, что они совмещают продукты животного происхождения с продукцией полеводства. Хлеб, молотое обжаренное зерно в сочетании с топленным маслом и водой – это повседневная пища пастухов. В горных районах ими создан целый ряд составных продуктов, которые по сей день традиционны.

Если сыр гуда, творог, топленое масло, пахта (*до*), *мацони* (кислое молоко) являются традиционными для Восточной Грузии, то в Западной Грузии таковым является мегрельско-сванский *сулгуни*, имеретинский сыр из неснятого молока – *хелеури*, пенки *надуги*, приправленный мятой сыр и др. Масло здесь в больших количествах не производят, только лишь для нужд семьи. *Сулгуни*, подобно сыру *гуда*, отличается большей жирностью (40–45%), это высококалорийный, обладающий особыми вкусовыми качествами продукт. Его готовят только из коровьего или буйволиного молока. Для этого свежеприготовленный молодой сыр опускают в молоко или горячую воду и мнут руками до тех пор пока он не начнет тянуться (*Топурия*, 1972). Переплетенную массу скручивают в круглые головки и, чтобы немного затвердели, кладут в холодную

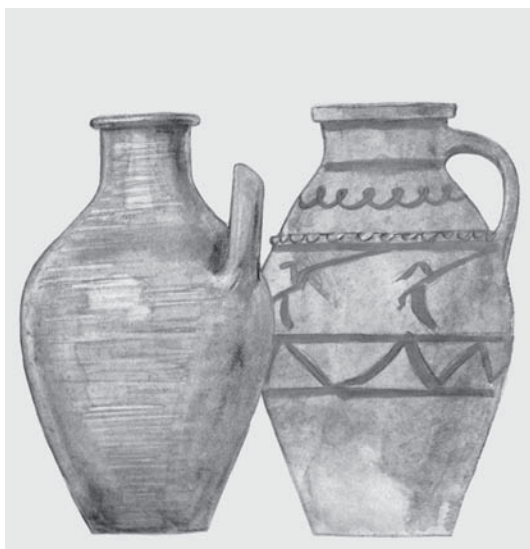
Маслобойка

Картли, 1974 г.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Маслобойка и кувшин для *мацони*
Картли, XX в.
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1963 г.
Бедукадзе, 1964а

воду. Сулугуни хранят в рассоле. Готовят и копченый *сулугуни*.

Мегрельский *гоми* (*мамалыга*) с копченым *шеволили сулугуни* представляет собой как повседневную, так и праздничную еду. Также очень престижным считается мегрельский *эларджи* (в кашу из кукурузной муки вмешивают молодой сыр). Похожее блюдо – сванский *ташмуджаби* (Кустарная промышленность, 1986). В Хани (Цхалтубский район)

готовили сулугуни не только обычной, круглой формы, но и в форме переплетенных лепешек. Технология, схожая с производством переплетенного сулугуни, была распространена и в Самцхе-Джавахеети. Здесь такой сыр называется *чечили*. У населения Квемо Картли традиционным является сыр из снятого молока – это *мотали* и *шора*, армяне называют его *тенили* (*Цагарейшвили*, 1987).

МЯСНЫЕ БЛЮДА

Как уже отмечалось, в Грузии преимущественно было развито молочное животноводство. Поэтому потребление мяса в повседневном рационе было ограничено. Убой скота был регламентирован: его забивали в особых случаях (при травмировании), на престольные праздники, на Рождество, Новый год с соблюдением соответствующих ритуалов.

Грузины употребляли в пищу мясо коров, свиней, овец, коз (в качестве жертвоприношения коров не использовали), также птицу – кур, уток, гусей, индеек, мясо диких животных – туров, оленей, кабанов, зайцев, фазанов, перепелок и др. Не было большой разницы в приготовлении блюд из мяса домашних и диких животных, кроме тех запретов, которые имелись в отношении тех или иных частей мяса принесенного в жертву животного и подчинялись как прагматическому подходу, так и определенным религиозным взглядам. Например, летом старались не есть свинину, хевсуры не ели курятину, свинину и т.д. Все это было обусловлено в первую очередь местными экологическими особенностями, а затем перешло в религиозные представления.

В Картли и Кахети традиционными мясными блюдами считаются *хашлама* (вареное мясо), которое является ритуальным и праздничным блюдом, шашлык – *мцвади* (на *шампурах*), *бозбаши* (суп с мясом либо с фрикадельками), *чихиртма* (куриный бульон, приправленный яйцом, мукой и уксусом). Древним и характерным для всех кавказских народов блюдом является *каурма*. Ее готовят пастухи (мясо свежезарезанного ягненка запекают в его же

шкуре в яме на раскаленных камнях). Также *каурму* заготавливали на зиму (в керамических банках – *котани* закапывали в землю). *Каурму* готовили не только из мяса, но и из субпродуктов – сердца и печени (*джигрис каурма*). Кроме заготовки на зиму *каурмы*, были еще и другие способы делать запасы, традиционными считалось засаливание, копчение, в том числе копчение в тоне. Особый способ копчения известен в Раче. Засоленная рачинским способом свинина, которую коптят над открытым огнем, отличается наилучшими вкусовыми качествами. Рачинская ветчина – *лори*, так же как и армянский *суджух*, представляет собой национальный феномен. В Пшав-Хевсурети сухое мясо, которое хранилось в засоленном виде, называли *каджахи*, в Тушети – *каги*, в Самцхе-Джавахети – *апохт*. Среди составных блюд из мяса в горных районах Восточной Грузии традиционным является *хинкали*, широко распространенный на Кавказе.

Из животных жиров чаще всего употребляли свиной, а также птичий (гусиный, утиный). Нутряной свиной жир хранили в банках, применяя его также в качестве лечебного средства. Кроме того, широко использовали жир от ветчины *лори/шашхи*. Также по традиции в Раче заготавливали на зиму ветчину *мичина* из птицы (курица, утка, гусь, индейка).

Феноменом западнogeorgianской кухни является *сациви*. Традиция сохранила мегрельский, гурийский, имеретинский и рачинский варианты сациви.

Это мясо курицы, индейки, сваренное, а затем обжаренное до румяной корки, залитое ореховым соусом и приправленное специями. Это блюдо едят холодным, отсюда и его название (от груз. *циви* – холодный). Сациви – обязательный компонент новогоднего и вообще праздничного застолья. Его едят с гоми и мчади, это высококалорийное блюдо, обладающее уникальными вкусовыми качествами.

Примером использования в одном блюде продуктов скотоводства и полеводства является и сванский *кубдари*. Это вид праздничного угощения, имеющий особое назначение. Он похож на хевсурскую лепешку с мясом или на пшавскую мясную *каду*. Для *кубдари* используют как говядину, так и лучшие куски жирной свинины. Мясо мелко рубят и приправляют специями (сванской солью). Кроме

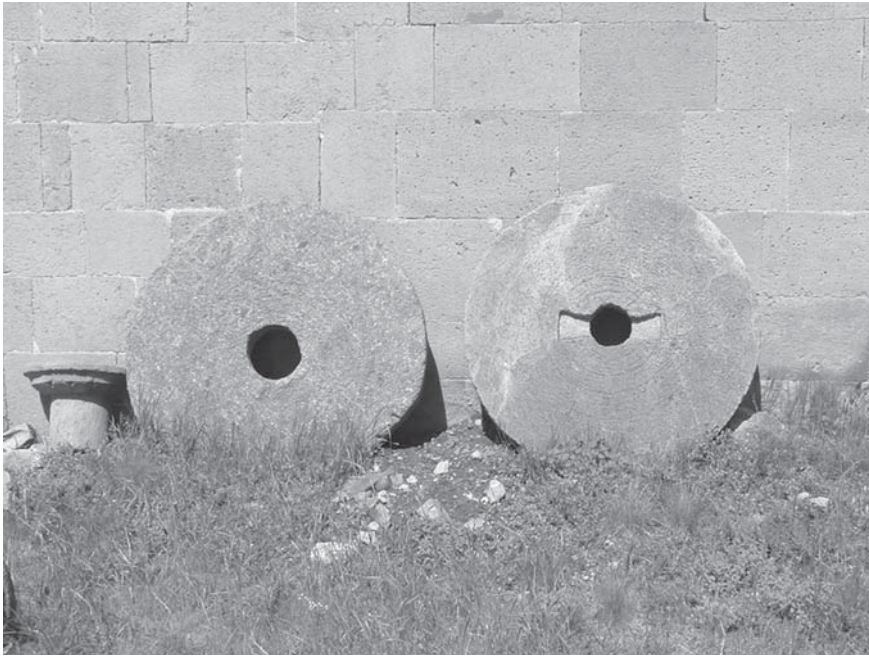

Приготовление *эларджи*

Тбилиси

© Фото Н. Джанелидзе, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Гелаз – маслобойный жернов
Самцхе-Джаваheti, XV в.
© Фото Л. Меликишвили, 2010 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

кубдари, для сванов традиционной является кровяная колбаса из свежезакоченной свинины – *зисхора*. Из других местных вариантов колбасы необходимо отметить *купаты* (из внутренностей свиньи) и завернутые в сетчатку прямой кишки *апхазура*.

РАСТИТЕЛЬНЫЕ МАСЛА

Традиционным растительным маслом у грузин считалось льняное, о чем свидетельствуют древние письменные источники и археологические данные. Найдены древние маслобойни – *гелаз*, вертикальные каменные жернова для выжимки масла из разных семян. В быту также и самодельные деревянные маслобойки и ступки. В настоящее время в основном в пищу употребляют подсолнечное масло, которое вырабатывается в Восточной Грузии, в Кахети. Кахетинское домашнее подсолнечное масло считается отменным и высококачественным продуктом.

РЕЖИМ ПИТАНИЯ

Порядок последовательного приема пищи был разработан в соответствии с циклом хозяйственной трудовой деятельности и климатическими условиями. В основном он включал в себя два цикла – повседневный и годовой. Повседневный режим питания устанавливал порядок приема одной порции еды

в один прием в определенные отрезки дня (выбор продуктов, их количество и распределение), а годовой режим основывался на прагматических и религиозных догмах взаимозамещения пищи животного и растительного происхождения, согласно временам года, и представлял собой довольно сложную конструктивную систему. Народ называл это режимом соблюдения поста. Исходя из того, что в вертикальном разрезе Грузия опирается на трехмерную географическую зональность (горы, предгорья и равнины), режим традиционного питания, в соответствии с культурно-хозяйственным типом, своеобразен: в горах свой режим питания, на равнине – свой, в переходной зоне – смешанный. В горах, где основной отраслью хозяйствования является скотоводство, действует трехразовый режим питания, в то время как в равнинных местах, где интенсивно развивается полеводство, четырехразовое. Последовательность, согласно Д. Чубинашвили, такова: «Первый прием пищи – это завтрак (*саузме*), второй – обед (*садили*), третий – полдник (*самхари*), четвертый – ужин (*вахшами*), пятый – прием пищи после ужина (*серис куди*)».

Система традиционного питания своим ингредиентным составом, функцией и назначением опирается на глубоко рациональные устои и представляет собой основу культуры жизнеобеспечения. Так же как и другие системы бытовой культуры, она динамична и основывается на общих закономерностях развития.

ДОРОГИ И МОСТЫ⁷

Территория Грузии с древнейших времен была испещрена дорогами и перевальными проходами мирового значения: перевалы Крестовый или Хевисцкали, Рокский, Мамисонский и др. Также было множество узких тропинок, аробных дорог, которые не потеряли своего значения по сей день. Исходя из географических условий страны, для населения гор, предгорья и равнины весьма важно было создание обширной и удобной сети коммуникационной инфраструктуры.

Опираясь на сведения Прокопия Кесарийского, И. Джавахишвили заключает: «Торговля между Западной и Восточной Грузией (VI в.) происходила по двум главным торговым путям: один, южный путь пролегал к армянскому городу Двин, где сосредотачивалось множество купцов, везших свой товар на продажу из Индии, Персии, Картл-Кахети и Западной Грузии. Второй и главнейший для всей Грузии торговый путь шел на запад, к портам Причерноморья, куда из-за границы, в частности из Византии, ввозили необходимый товар, и здесь же византийские купцы покупали местные изделия и прочую продукцию» (*Джавахишвили И.*, 1928. С. 228). Кроме вышеуказанных, были и транзитные пути, среди которых выделялись: Баку – Тбилиси – Поты; Тбилиси – Ереван – Джульфа – Тавриз; Ереван – Александрополь – Ахалкалаки – Ахалцихе – Кутаиси. Здесь же проходила Закавказская ветвь Великого шелкового пути, по которой грузинские торговцы связывались с Моздоком, Астраханью, Нижним Новгородом, Москвой. При этом множество складских транзитных пунктов было сосредоточено в Тбилиси (*Гугушвили П.*, 1979.

⁷ © М. Кантария

С. 410). Существовало также множество внутренних дорог, связывавших города и села и способствовавших развитию сельского хозяйства, торговли и социальных отношений.

Состояние дорог зависит от рельефа, климатических условий и возможностей их использования. Местное население, будучи хорошо знакомо с особенностями своих дорог, знало, как их следовало использовать. В народе считалось, что аробная дорога лучше, если она щебнистая, каменистая, арбе удобнее пройти по ней, а если дорога мягкая, то грязь пристает к колесам и арба движется с трудом. Дороги в горах были труднопроходимыми и опасными, поэтому при движении по ним следовало проявлять крайнюю осторожность. Благоустройство дорог входило в обязанности населения, что было закреплено и законодательно. Так, закон о содержании дорог в Квемо Картли зафиксирован в «Дастурламали» Вахтанга VI. Среди внутренних дороги были следующие: на равнине *саурме* (аробные), в горах – *самархиле* (санные); дороги *шара* (щебнистые, широкие) и *камири* (неосвоенные, целинные). Участки в деревнях соединялись между собой внутренними (проселочными) дорогами. Существовали также дороги, пролежавшие мимо пахотных полей, покосов, пастбищ, лесов, хлевов, святилищ, соседних сел.

Ширина аробной (*саурме*) дороги составляла приблизительно 2,5 м. Прямую дорогу с минимальным числом поворотов называют *шара гза*, т.е. широкой дорогой. Дорога с плавными поворотами называлась *дакетили* (замкнутая) или *дахвеули гза* (извилистая). Имелись также сельские дороги (*соплис гза*), соединявшие сельские поселения, и государственные дороги (*саквекно гза*) – центральные магистрали. В горах существовало несколько типов дорог: для пешеходов *сацалпехо билики* (узкая тропа), санные – *салачкиме*, *самархиле*, колеи (дороги) для спуска льда с ледников *сакинуле гза* и др. (Читая, 1953. С. 210). Хождение по тропам называли «хождением по короткому пути». В Картли тропинки внутри села называли «соседскими тропинками» (*самезобло билики*).

Санная дорога характерна для вертикального рельефа. Она, как правило, была в 2–3 раза шире тропы. Местами, во избежание заноса саней, вдоль дороги делали специальные рвы, чтобы один из полозьев ехал по этому углублению. В разных регионах фиксируются местные названия дорог. Например: *гза бацара* (Аджария), *шегмарти*, *мердими* (Имерети), *шагмарти*, *тавкве*, *гверда* (Картли), *пиртавкве* (Кизики), *какари* (Лечхуми) и т.д. В Восточной Грузии через местечко Ананури проходит одна из старейших дорог, по которой в 1829 г. путешествовал А. Пушкин, в 1837 г. – М.Ю. Лермонтов, в 1861 г. – И. Чавчавадзе.

В местах, где существовала опасность размывания дорог, подсыпали щебень и гравий; вдоль дорог сажали деревья, строили заграждения от оползней и селевых потоков. В таких местах запрещалась рубка деревьев.

Первая железная дорога в Грузии Поти – Тифлис была проложена в 1872 г., после этого началось строительство других железнодорожных линий. Железнодорожный транспорт увеличил потребность в освоении новых магистралей, поскольку с расширением торговли существовавших путей было уже недостаточно. В стране увеличилась протяженность дорог, покрытых гравием (щебнем), и целинных дорог. С начала XIX в., после присоединения Грузии к России, царское правительство стремилось к установлению постоянной связи

с Закавказьем. Для этого через Главный Кавказский хребет необходимо было обустроить надежный перевал. Один из таких путей с древнейших пор пролегал из Казбеги в направлении Коби, через Крестовый перевал, минуя пункт Кайшаури, и доходил до Пасанаури. Но эта дорога была довольно узкой, поэтому началось строительство новой дороги через Гудушаур-Гудамакарское ущелье. Так возникла очень важная по своей значимости Военно-Грузинская дорога, проходившая через Тифлис – Пасанаури – Млета – Крестовый перевал – Казбеги – Владикавказ. Строительство этой магистрали началось фактически еще до заключения Георгиевского трактата (1783 г.), и она стала одной из самых интенсивных артерий политических и культурных взаимоотношений России и Грузии. Полагали, что в дальнейшем эта дорога принесет российской торговле большую пользу и прибыль, поскольку она облегчала связь России с Ираном (*Робиташвили*, 1984. С. 4). Строительство дорог и мостов осуществлялось за счет государственной казны. В то же время местное население несло трудовую повинность по возведению этих коммуникаций. В ходе строительства дорог часто приходилось сооружать временные мосты, чтобы можно было перейти на противоположный берег реки для проведения соответствующих работ.

Автомобильное движение по Военно-Грузинской дороге открыто в начале XX в. После того, как появились дороги, покрытые асфальтом и бетоном, автомобильное движение расширилось: Тбилиси – Телави; Тбилиси – Манглиси; Тбилиси – Душети; Тбилиси – Боржоми – Абастумани и др.

С 1940-х годов начинается строительство дорог с прочным покрытием. Для борьбы с обвалами и лавинами в горных ущельях стали прокладывать тоннели; первый был проложен на Военно-Грузинской дороге в Дарьяльском ущелье близ бывшего пограничного поста.

Большое место в коммуникационной культуре Грузии занимали мосты, что прежде всего обуславливалось ландшафтом страны, обилием рек. Наряду с крупными полноводными реками (Кура, Риони, Алазани, Арагви) здесь множество мелких рек, притоков, ручьев, родников. Согласно имеющимся сведениям, для удобства сообщения в I в. до н.э. только на р. Риони, выше Шорапани, было возведено более 120 мостов (*Каухчишвили С.*, 1957).

Из-за горного рельефа большинство рек Грузии имеет узкое русло, что облегчало возведение мостов. На протяжении веков мосты постоянно испытывали влияние атмосферных осадков. Тем не менее многие из них, сооруженные еще в XII в., сохранились до настоящего времени, что свидетельствует о большом опыте и знании строителей. Для строительства мостов использовались различные материалы: камень, дерево, песок, известь, кирпич, черепица и др. Многие мосты отличались особой красотой и прочностью и представляли собой редчайшие образцы мостостроения. Наряду с капитальными каменными мостами возводились и деревянные мосты на каменных опорах, стоявших по обоим берегам рек.

Мосты имели огромное стратегическое значение. Вокруг них создавались населенные пункты, города и села. Согласно характеристике Н. Бердзенишвили, «разного вида эти мосты: узкие, широкие, одноарочные и многоарочные, ранней и поздней эпохи» (*Бердзенишвили Н.*, 1966а. С. 293). Интересны сведения о Мцхетском мосте, упоминаемом в связи с войной римского полководца Помпея и иберийского царя Артага, который был сожжен, а позднее

Почтовая карета на Кайшаурских зигзагах
Начало XX в.
© РЭМ. № 9943-17

Мост Махунцела. XII в.
Кедский район
© АЗКНА
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

восстановлен Вахтангом Горгасалом (*Латышев*, 1896. С. 612). Мцхетский мост упоминается также в связи с походом на Кахети царя Баграта III в XI в.: «двинулся из Тао царь абхазов и картлийцев, прошел Триалети, подошел к Мцхета, прошел Мцхетский мост, и примкнули к нему абхазы и картлийцы, и расположился в Тианети» (Матианэ Картлисаи, 1906. С. 242).

Изучение древнейших исторических памятников проливает свет на многие стороны культуры и быта грузинского народа. Для обозначения моста издавна использовали разные термины: *хиди* – большой переход через реку, *богири* – маленький переход, бревно, перекинутое с одного берега реки на другой. Мост, предназначенный только для пешеходов, назывался *цанцала*. В Кахети для обозначения аналогичного моста использовался термин *цалури богири/эртмаги богири* (одиночный переход). Известны также подвесные мосты из лиан или виноградных лоз – *бонди*. Заслуживает интереса описание моста бонди в Имерети, у с. Марани на р. Цхенисцкали, приведенное в труде Р. Эристави: «для сообщения с другим берегом перекинут висячий мост *бонди*. Он сделан из лоз дикого винограда, называемого здесь *дзгвлами*, а в других местах Грузии *крикина*. Четыре толстых скрученных лозы, вроде каната, составляют главную часть моста в аршин шириной. Концы этих канатов привязаны к столбам на обоих берегах. На нижних жгутах уложены плетенки. Нижние и верхние жгуты связаны лозами и составляют перила... мост висит дугой над быстрой и шумной рекой, и раскачивает тебя снизу вверх после каждого шага» (*Эристави*, 1986. С. 106). Г. Читая при описании Мтиулети отмечает: «Здесь мосты имеют следующие названия: *риде* (из одного бревна; *ридени* – из двух бревен), *ластиани хиди* (плетенный из прутьев), *дамицули хиди* (насыпной, земляной), *гапицурули хиди* (дощатый)» (*Читая*, 1997. С. 178). В данном случае названия даны в зависимости от материала (породы дерева), из которого сооружен тот или иной мост.

Если в ранний период истории для перехода через небольшие реки использовали бревна или сооружали мосты из балок, то впоследствии произошла замена деревянных мостов каменными. В то же время основной конструкцией для перехода через широкие реки оставались деревянные мосты на каменных опорах. Такие мосты могли использоваться для защиты от врага: в случае опасности их легко разбирали, преграждая неприятелю путь. После того, как опасность миновала, мост быстро восстанавливался. Многочисленность мостов в Грузии подтверждают сохранившиеся по сей день названия населенных пунктов и обширный топонимический материал, содержащий корень *хиди* (мост): *Хидисджвари* (Джавахети), *Хидискари* (около Гори), *Хидистави* (у Ацкури), *Нахидури* (около Дманиси), *Хидистави* (в Гурии) и т.д.

Сооружение моста было далеко не простым делом. Строители старались возводить безопорные однопролетные мосты, поскольку на горных реках поставить среднюю опору было очень трудно. В таких случаях в качестве опоры на дне реки искали скалистый выступ.

Возведение мостов издревле считалось святым делом. С незапамятных времен сваны считали допустимым срубить дерево в священном лесу только для строительства церкви, моста или мельницы. В мостостроении активное участие принимали и представители грузинского духовенства,

Деревянный мост

Хевсурети, XX в.

© Фото Т. Цагарейшвили, 2002 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Деревянный мост

Пшави, XX в.

© Фото Т. Цагарейшвили, 2002 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

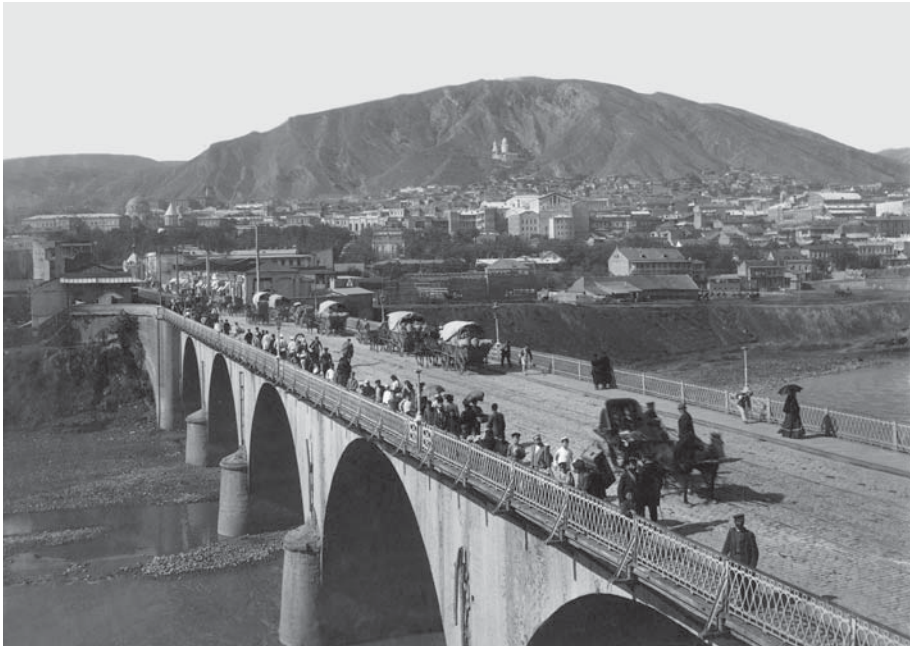
особенно если эти мосты входили в церковно-монастырские комплексы. Рядом с храмами Опиза, Хандзта, Шатберди, Цкаростави существовало множество мостов этого же времени, часть которых долгое время сохранялась в первоначальном виде. Среди объектов пожертвования церквям часто оказывались мосты и дороги (*Квезерели-Копадзе*, 1969. С. 47–59). Газета «Ивериа» в 1889 г. писала: «Возведение мостов и церквей и прочая благотворительность и сегодня в грузинском обществе считаются весьма почетным делом».

Особого внимания заслуживает мостостроение в Тбилиси. Как известно, столица Грузии расположена в узкой котловине. Город посередине пересекает р. Кура. Кроме этой полноводной реки, на территории города имеется много ручьев и речушек. Среди них надо выделить три притока Куры: Вере, Аванаантхеви и Дабаханисхеви (или Легвисхеви). Примечательно, что существовали и так называемые сухие мосты – *Мишали хиди*, т.е. переходы через овраги, сохранившие свое название по сей день.

Сведения о тбилисских мостах встречаем и в грузинских письменных источниках. Например, в «Мученичестве Або Тбилели» Иоанэ Сабанидзе (VIII в.) говорится, что в Тбилиси, у метехских скал на р. Куре, где ныне находится новый Метехский мост, прежде существовал старый мост, соединявший основную часть территории правобережья города с Исанской крепостью. Также арабский писатель Наджиб Хамадани (XIII в.) при описании Тбилиси отмечает: «Тбилиси – это большой укрепленный город. На реке, протекающей посреди города, построен однопролетный мост. Возле моста устроены рыночные места». Итальянский миссионер Д. Кари (1681 г.) описывает Метехский мост в Тбилиси. На карте Тбилиси, созданной Вахушти Багратиони в 1735 г., отмечен мост через Куру, именуемый Авлабарским. Для строительства мостов были учреждены денежные налоги. Это дело было настолько необходимым и важным, что население с пониманием относилось к уплате указанного налога. Известно, что в царствование Давида Агмашенебели был введен специальный налог *сахиде*. Согласно характеристике Н. Бердзенишвили, «дороги Давида и Тамар были явлением, обусловленным живой, естественной народной необходимостью (усилением торговли), и они этому и служили» (*Бердзенишвили Н.*, 1966а. С. 112).

Кроме мостов, существовали разные средства для преодоления рек – плоскодонные лодки, способные перевозить людей и малогабаритный груз, специально устроенные толстые деревянные перекладыны, служившие примитивными переходами, и т.д. Имелись также так называемые бродные переходы через реки. Например, на р. Тапаравани по всей ее ширине (20–25 м) из воды выступают плоские каменные плиты, по которым легко можно перейти реку вброд, даже не замочив ноги.

Уход за мостами и их текущий ремонт в старину вменялись в обязанность сельскому обществу. Выполнявшие это сельчане освобождались от уплаты государственных налогов. В городах строительство дорог и мостов осуществляло городское правление.

Тифлис, Николаевский мост через р. Куру. Начало XX в.
© РЭМ. Ф-1081-27

Мост Коклетети. XVIII в.
Хелвачаурский район
© АЗКНА
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ТРАНСПОРТ⁸

ГУЖЕВОЙ ТРАНСПОРТ

Народные гужевые транспортные средства, в которые запрягался тягловый рабочий скот, делятся на три основные группы: бесколесные, колесные и смешанные. К группе бесколесного гужевого транспорта относится тот, который тягловый скот передвигает волоком, а их полозья скользят по снегу или по земле. В эту группу входят: салазки (*нало, сатару/сатрили, лашкини/пчхиле*) и разновидности санных конструкций: сани (*мархили/мархиле, лекмархила, турши, тавкави, цалугелаи хизеки, лачкими*) и санки (*цига*). К колесному гужевому транспорту относятся такие конструкции, которые тягловый скот тянет за собой, а транспортное средство движется на колесах. В эту группу входят: грузинская двухколесная арба (*уреми*) двух подвидов: малая арба (с короткими спицами), равнинная арба (*сабаро уреми*) и арба для снопов (*садзне уреми*), в Джавахети – арба для скирд (*бджис уреми*), арба с одним ярмом (*цалугела уреми, гердзкала*). В смешанную группу входят те средства гужевого транспорта, конструкции которых одновременно совмещают принципы тяги и волока. Это *ачача уреми /чоччала уреми* и *болотриа (уреми, сели, туши, ксели)*.

Основным видом бесколесного гужевого транспорта являются *сани (мархили)*. Они распространены на южных склонах Главного Кавказского хребта, на северо-востоке Аджарии и в горах Самцхе-Триалети (на северных склонах Малого Кавказского хребта). В горах сани использовались круглогодично, а в предгорьях летом преобладали смешанные средства гужевого транспорта – ограниченно, на равнине сани использовались при высоком снежном покрове. В Западной Грузии (Имерети, Рача) сани назывались *тавкави*, а под наименованием *мархили* известен вид прицепа, на котором имелись «когти» (*прчхилеби*) для торможения на склонах.

Самый распространенный вид гужевого транспорта – двухколесная арба (*уреми*). У нее есть аналоги и в других регионах Кавказа, и в научной литературе ее часто именуют *кавказской арбой*. В Восточной Грузии существуют два ее подвида – малая арба (с короткими спицами), равнинная арба (*сабаро уреми*) и арба для снопов (*садзне уреми*). В Южной Грузии последнюю называют арбой для скирд (*бджис уреми*), а в Западной Грузии она известна под названиями грузинской арбы (*картули уреми*) и арбы с оглоблями (*хелна уреми*).

Конструкция арбы основана на принципе сборки деревянных деталей. Составные части арбы полностью вытачивали из древесины, без применения железных гвоздей или других деталей. С этой целью в детали из сырой древесины вставлялись детали, изготовленные из сухой древесины. Сырая древесина высыхала, сжималась, и вставленная сухая деталь прочно закреплялась. Деревянные колеса в среднем эксплуатировались 10 лет, с началом использования железных колесных ободов – срок их эксплуатации вырос.

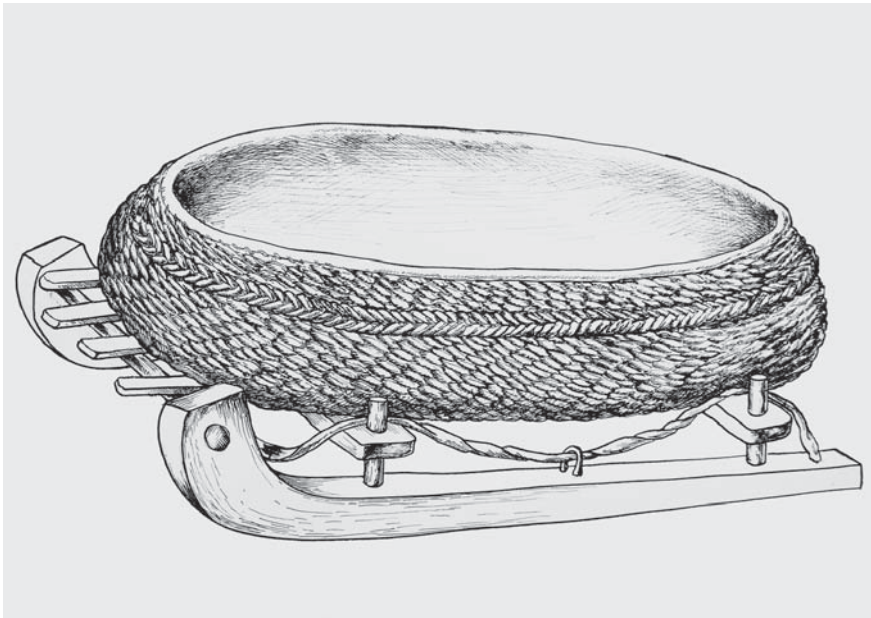
Один из видов гужевого транспорта для равнинной зоны – малая, равнинная арба – *гердзкала*. В основном она была распространена в Восточной

⁸ © М. Кантария

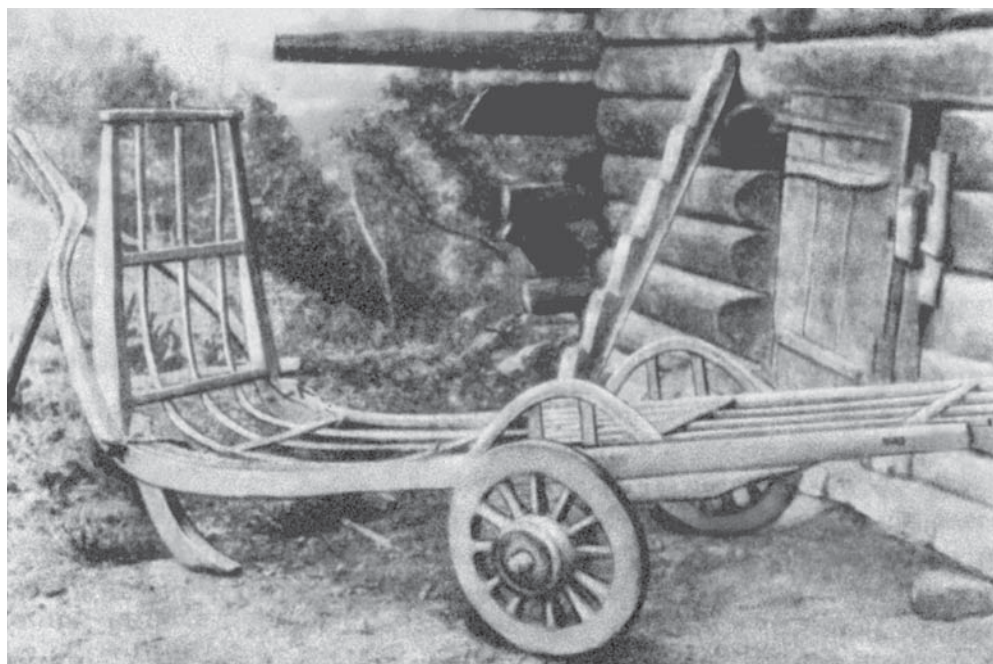
Сани-волокуши

Душетский район, с. Бучукурты, начало XX в.
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-89

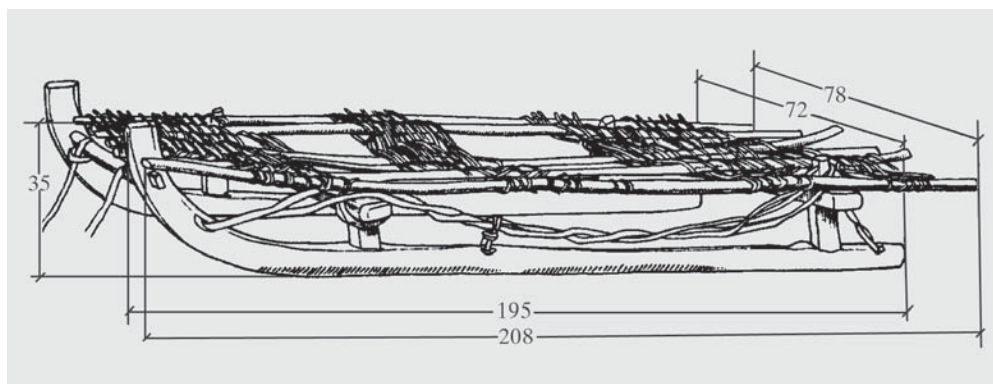

Сани для перевозки зерна

Картли, XIX в.
© НМГ. ЭФ 22-80-40
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Сели – вид саней. Начало XX в.
Народы Кавказа, 1962. Т. 2

Сани
Сванети, XX в.
© ФЗЭНГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Грузии и использовалась для транспортировки бревен. Конструкция ее состояла из собранных в треугольник оглобель («пазухи»), свободно прикрепленных к паре колес на оси. Для удобной укладки бревен прислонь (*кono*), установленная на конструкции арбы, была в середине слегка вогнута.

На селе не у всех имелась собственная арба, поэтому при необходимости односельчанам ее одалживали – «на близкое расстояние, в лес, на мельницу».

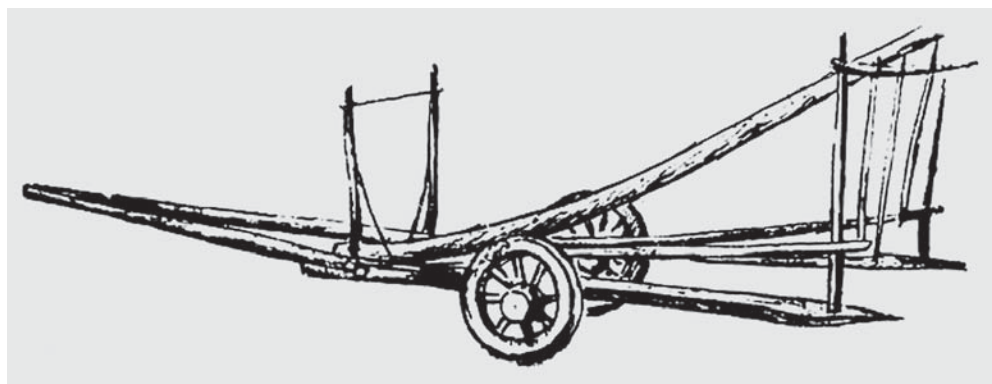

Арба

Кахети, Телавский район, начало XX в.

Фото А.Г. Данилина, 1926 г.

© МАЭ РАН. № И 2064-15

Болотриа – тип смешанного транспорта. Начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Использование чужой арбы на большие расстояния происходило за плату. Со временем извозный промысел стал особой сферой деятельности. 10–12 арб вместе выезжали в дальнюю дорогу. Опытного извозчика и хорошего мастера-ремонтника избирали главой (*аглибаш*), и он руководил обозом, договаривался о плате, об отдыхе в пути; разрабатывал режим питания, обеспечивал ремонт транспортных средств и т.д.

Характерным видом смешанного гужевого транспорта предгорья Восточной Грузии было транспортное средство, объединяющее элементы арбы и саней – *болотриа*. Колесное движение маленьких передних колес сочетается в ней со скольжением задней части транспортного средства. При изготовлении этого прицепа тщательно подбирали древесину, опаливали огнем, смазывали навозом. *Болотриа* использовали для транспортировки сжатой пшеницы и сена, а в летнее время – как сезонный гужевой транспорт.

Ачача уреми, чочиэла (чочиала) уреми наиболее известна под наименованием имеретинской арбы (*имерули уреми*). Это транспорт смешанного типа. Ареалом ее распространения являются горные регионы Западной Грузии (Верхняя и Средняя Имерети, Рача-Лечхуми, горная Мегрелия). К смешанным средствам гужевого транспорта относится *сели*, где также использован принцип колесного движения и скольжения. По конструкции *сели* близок к *ачача уреми*, к имеретинской арбе, так как и в этом случае используется принцип переднего скольжения и заднего колесного движения. Ареал распространения *сели* – западная часть Южной Грузии. В Абхазии термин *сели* используется как для обозначения колесного, так и бесколесного транспорта, саней.

Туши или *чурис уреми* – приспособление для перевозки больших, закапываемых в землю глиняных сосудов для вина. Это транспортное средство смешанного типа и по конструкции приближается к *ачача уреми*; встречается в Имерети. Это невысокая арба, на четырехугольном деревянном каркасе которой высечена косая выемка, в форме трапеции. Благодаря такой форме в нее удобно устанавливается большой глиняный сосуд. Повозка имеет ось, на которую вместо колес надеты два деревянных катальных цилиндра. У *туши*, как и у *ачача уреми*, есть «когти» (*прчихилеби*) для притормаживания на крутых дорогах, головки которых с помощью переходного крепежа соединяются с ярмом.

Ксели – распространенная в Раче повозка для транспортировки больших глиняных винных кувшинов (*квеври*). Она представляет собой четырехугольную раму и передвигается с помощью деревянных катальных цилиндров. В Раче термином *ксели* называют также сани (*мархили*).

Примерно с конца XVIII в. в Грузию через Россию проникают транспортные средства зарубежного (русского и иного) происхождения (повозка, фургон, тачка, дроги). В эти транспортные средства изначально запрягались лошади, а позднее и волы. В условиях городской торговли в тачки начали запрягать и ослов, что вызвало уменьшение размера транспортного средства.

Во второй половине XIX в. с развитием промышленности некоторые виды местного транспорта стали широко использоваться для перевозки марганцевой руды (Чиатура) и угля (Ткибули), при железнодорожном строительстве, доставке грузов в морские порты Причерноморья и т.д.

Арба для перевозки винограда и самана
Кахети, начало XX в.
© НМГ. Ермаковская коллекция, 7641
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Картина сельского быта. Начало XX в.
© ФЗЭНГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

С этого времени страна более активно включилась в торговые отношения. Потребность в транспортных средствах возросла. Появилась необходимость обеспечения активной транспортной связи с торговыми центрами (рынками) и портами. Прокладка железной дороги еще более увеличила значение традиционных дорог. Возросли объем транспортировки грузов по железной дороге и пассажирские перевозки. В 1872 г. проложили железную дорогу Поти – Тбилиси, в 1883 г. – Самтредия – Батуми. Для Южной Грузии огромное значение приобрела дорога, проложенная в 1890 г. из Батуми в Ахалцихе, через Хуло и перевал Годердзи. Она сыграла важную роль в деле экономического и культурного подъема верхней Аджарии.

ТЯГЛОВЫЙ СКОТ

В качестве тягловой силы использовались волы, реже буйволы. Эту же функцию выполняли лошади и ослы. Вола запрягали во все виды повозок, так как он отличался выносливостью и легко адаптировался и к горным, и к равнинным условиям. На Кавказе лошади предназначались как для верховой езды, так и для транспортировки грузов. Поскольку лошадей использовали в военном деле, они считались престижными животными. С XIX в. лошадей начали запрягать и во ввезенные из России повозки.

Буйволов как тягловую силу использовали в равнинных регионах. Их запрягали в двухколесную арбу *болотриа*. Буйволов чаще всего запрягали в паре с волами и использовали для перевозки особо тяжелых грузов.

Грузины издревле занимались гибридизацией домашних животных, разводили лошаков, мулов и использовали их не только как вьючный скот, но и занимались их экспортом. Много мулов сохранилось и в XX в. Известно, что водовозы (*метулухче*) в Тбилиси возили воду в бочках, навьюченных на мулов (*Давиатадзе М.*, 1983. С. 23).

Ослы в качестве вьючного животного широко использовались в Восточной Грузии, а также в горных местностях, в основном для передвижения по тропам; на тбилисских рынках ослов нагружали разным товаром. А. Лайст писал: «Зелень, фрукты привозят на двухколесных арбах или в больших плетенных корзинах (*годори*), навьюченных на ослов...», «на ослах привозят в Тбилиси сено, уголь, воду и дрова, так что улицы и площади до полудня перегружены ослиами» (*Лайст*, 1963. С. 213). Ослы, как и любой другой скот, подлежали налогообложению. Любой скот в городе, как правило, был зарегистрирован.

Археологический материал подтверждает, что в древности транспортные средства, кроме основной хозяйственной функции, имели и культовое назначение. В качестве примера можно привести триалетскую двухколесную колесницу (II тыс. до н.э.), которая находит аналог с деревянной колесницей из некрополя Ура (*Куфтин*, 1941. С. 95). Важны также археологические находки изображений и моделей транспортных средств из Ахталы (*Мухелишвили Л.*, 1932) и найденная бронзовая подвеска с двухколесной осью и выступающими из нее бычьими рогами из Сачхере. Изображения гужевых средств на керамической посуде найдены и на раскопках в Тбилиси и Самтавро.

РЕЧНОЙ ТРАНСПОРТ

Причерноморское расположение Грузии и наличие удобных стоянок для судов, судоходных рек способствовали развитию водного транспорта, торговли и т.д. Главная река Западной Грузии Риони и ее притоки использовались в целях судоходства, особенно до строительства железнодорожного пути Поти – Тбилиси. Удобными для судоходства были и реки Хоби и Супса, о чем упоминается еще в античных источниках. Местные жители для ведения торговли, рыбной ловли, перевозки грузов и людей использовали плоскодонную лодку *ниши*. Река Ингури была одной из основных магистралей, по которой сплавляли с гор древесину, что способствовало развитию в регионах, расположенных вдоль реки и близ нее (Сванети, Лечхуми, Рача, Мегрелия), такой отрасли хозяйства, как сбор и транспортировка плотов, которая сохранялась в быту до недавнего времени. В Восточной Грузии судоходными были реки Кура и Алазани. Страны, находящиеся восточнее Каспийского моря, связывались с бассейном Черного моря по Куре. Алазани в основном использовалась для внутреннего судоходства; Риони соединяла города Западной Грузии с побережьем Черного моря. Судоходство по Риони описывает и царевич Вахушти (*Багратиони Вахушти*, 1973. С. 747).

Среди плавательных средств особое место занимают лодки. В Западной Грузии было много лесоматериалов, сотового воска, смолы, конопли, льна для парусов, что способствовало развитию судостроения. Показателем высокого уровня судостроения и судоходства является наличие в Грузии XI–XII вв. специальных училищ (*Чичинадзе З.*, 1926. С. 144–149).

«Однодеревка», долбленка, челнок – лодка из ствола дерева (*цалта нави*). В Грузии были известны два вида лодок. Это – сколоченные (*дачедили нави*) и несколоченные лодки (*даучедави нави*). Более древними были несколоченные, выдолбленные из цельного дерева. Особо не отличаясь по форме, они различались размерами и имели разные наименования: *цалта*, *варцли*, *ниши*, *гора*.

Древесину для изготовления лодок срубали в полнолуние. Для этих целей предпочитали каштан, дуб, ясень, вязь, тис (негной, красное дерево), лучшим считался каштан, «царь деревьев». Высушенные стволы распиливали и начинали «выемку сердцевин», выдалбливание. Существовало два способа «выемки сердцевин»: с помощью топора или огня. Последнее требовало особой бдительности. Такие лодки называли *варцла-нави*, их использовали с древнейших времен до XIX в. Лодка *ниши* была такого же размера, как и *варцла-нави*. Они были предназначены в основном для плавания по рекам (*Берадзе*, 1981. С. 61).

Экипаж ниши состоял из 8–10 человек, один из них был рулевым и сидел на корме, другой – на носу лодки с шестом (*чолокини*) в руках, а остальные – на веслах. Лодка имела треугольный парус, но он использовался довольно редко. Основным движущим средством были весла, размеры и число которых определялись размером лодки (*Куталейшвили*, 1998. С. 55).

При транспортировке большого объема груза к одной лодке привязывали другую и тащили их волоком. У лодок обычно были деревянные якоря с железными обкладками. Имелись и каменные якоря, которые служили дольше, так как не «выедались» водой. Для навигации по рекам и каналам пользовались сравнительно короткими, но более широкобортными лодками. Речные лодки (*ниши*) плавали без парусов, но при каботажном плавании к лодкам

крепили мачты с парусами. Лодок-«однодеревок» в селениях было довольно много. Ими управляли как мужчины, так и женщины и дети.

В 1858 г. по реке Риони начали курсировать пароходы. После прокладки железной дороги Поти–Тбилиси регулярное судоходство по Риони значительно сократилось, хотя транспортировка грузов и пассажиров речными плавательными средствами продолжалась.

В речном судоходстве широко распространены были различные виды сколоченных лодок. На носу лодки размещалась скамейка, а на корме площадка *бакани* – *чатали* для гребцов, на которой имелись уключины весел. На носу лодки крепились два весла. Руля на корме не было. Экипаж состоял из четырех человек. Старший на лодке был рулевым, остальные – гребцами. Водоизмещение лодок, плававших по р. Чорохи, не превышало 150–200 пудов, на них можно было перевозить до 10 человек. Такие лодки использовались и для каботажного плавания. Чорохские лодки сравнивают с венецианскими гондолами. Судостроение и мореплавание в быту лазов были наиболее развитыми сферами хозяйства. В прибрежном Сарпи имелись судостроительные мастерские. Лодки лазских судостроителей из городов Сурмене и Ризе (совр. Турция) пользовались большим успехом на мировом рынке (*Давитадзе М.*, 1983. С. 16).

Плот (паром) на бурдюках, кожаных мешках (на винных мехах) – *навтики* состоит из четырехугольной рамы с деревянным настилом (*пицарнаги, кда//чишқари, зецари, дандали*), под которым крепились четыре надутых кожаных бурдюка (два крепили под носом плота и два под кормой), преимущественно из бычьих шкур. Бурдюки из шкур буйволов изготавливали только профессиональные кожевники. Хорошо изготовленные бурдюки служили примерно два года. Деревянный настил делали широким, чтобы вода свободно протекала между бурдюками. Для управления плотом использовали два весла и руль. Плот двигался по течению реки.

Плоты (*навтики*) использовали на реках Восточной Грузии. Этот вид транспорта эффективно использовался в рыболовном хозяйстве. На владельцев таких плотов (кормчих) был большой спрос, нередко их арендовали, что зафиксировано в грузинских документах права феодальной эпохи. Плоты использовали для переправы с одного берега реки на другой, при спасении утопающих и в других экстремальных случаях. Плот был маневренным и хорошо перемещался по воде. Эффективному использованию такого плота способствовало и то, что по прибытии на место назначения он легко разбирался и обратно его перевозили по суше. Были также плоты (*тивви*) из связанных бревен, которые считаются одним из древнейших транспортных средств.

Грузия издревле выделялась наличием большого количества лесов, пригодных для судостроения, а также множеством полноводных рек. Срубленный лесоматериал удовлетворял местные потребности в древесине и использовался для экспорта. С течением времени экспорт древесины становился масштабнее, в связи с этим сплав плотов из бревен становился более доходным делом.

Срубали бревна для плота с учетом времен года и фаз луны. Срубленное дерево обрабатывали должным образом и на месте сушили – придавали «легкость». Бревна из леса перетаскивали волоком к пристани (*сативе*) и связывали бревна в плот. Один плот состоял в среднем из 15 бревен. Из Боржомы плоты сплавляли не только до Тбилиси, но и до Гянджи и Баку, причем сплавляли в таких количествах, что составляли конкуренцию лесоматериалу, при-

везенному из Астрахани. Плот был одноразовым транспортным средством. Доставленный по течению реки до места назначения плот разбирали на бревна. С прибывших в город плотов взимался налог в виде пошлины. В памятнике государственного права царя Вахтанга VI («Дастурлама») отдельным параграфом внесена пошлина на плоты (*салбаши*) (Мегрелидзе, 2001. С. 39).

Одним из распространенных видов водного транспорта является *паром*, с помощью которого легко налаживалась связь между берегами реки. В Грузии был распространен речной паром. Он состоял из двух или больше соединенных между собой плоскодонных лодок с надстроенной над ними платформой.

Паромы начали строить в Грузии примерно с первой половины XIX в., когда их обустройство стало предметом государственной заботы. Кроме торговых целей, паромы использовались для передислокации воинских подразделений внутри страны, транспортировки фуража, амуниции и т.д. Реки Грузии быстро покрылись сетью паромов. Строили их грузинские мастера-судостроители. Лодки для паромов строились таким же способом, как и обычные сколоченные лодки, а затем их соединяли между собой деревянными балками. Для управления на корме парома было установлено большое весло. Передвигался он с одного берега реки на другой по металлическому тросу, с помощью блоков. С боковой стороны паром был привязан веревкой или цепью к пристани на берегу. Существовали также паромы из металлических лодок. Единицей, определяющей вместимость парома, была лошадь. Существовали паромы вместимостью 3, 4, 6 лошадей; иногда их вместимость соотносили с размерами арбы или снаряженного плуга.

МОРЕХОДСТВО⁹

Мореходство в Грузии берет истоки со II тыс. до н.э., свидетельством чему является древнегреческий миф об аргонавтах, повествующий о походе греков под предводительством царевича Ясона за золотым руном в царство Аяя-Колхида на корабле «Арго» XIII в. до н.э. Согласно мифу, для возвращения золотого руна и дочери Медеи царь Айет послал вдогонку за похитителями морской флот под предводительством своего сына Апсирта. Аполлоний Родосский так описывает выход в море флота Колхидского царства: «И колхи тотчас поспешили в реку спустить свои корабли, приладили снасти, быстро вышли в открытое море. И каждый сказал бы: Что не морской то поход, а птиц несметная стая с шумом мчится вперед над просторами пенного моря» (Аполлоний Родосский, 1975. С. 162; Урушадзе А., 1964; 1975. С. 14–25; Геловани, 1983. С. 558–560; Берадзе, Санадзе, 2003. С. 45). У колхов имелись «предков своих письмена» – *квирби* – начертанные на бараньих шкурах или иных материалах «пути и пределы моря и суши для всех людей, бродящих по свету» (Урушадзе, 1964. С. 150–151). На основании этих сведения можно констатировать, что предки грузин еще в древности имели прототипы *морских карт* (Геловани, 1975. С. 31).

Интенсивное развитие мореплавания в Грузии совпадает с колониационным движением и ростом торговой активности греков. С одной стороны, необходимость защиты от греческой агрессии, а с другой – торговые контак-

⁹ © Т. Путкарадзе, Р. Узунадзе

ты с эллинистическим миром вынуждали Колхидское (Эгрисское) царство развивать военный и торговый флот (*Куталейшвили*, 1987. С. 226).

Интересные сведения о развитии мореплавания в Грузии античной и последующей эпох содержатся в греко-римских источниках. В этом плане весьма примечательны сведения Гиппократы, Ксенофонта, Страбона, Тацита. Согласно Страбону, морские силы Митридата в основном состояли из колхидских (эгрисских) судов (*Каухчишвили Т.*, 1976. С. 135–139). Эгрисское царство сохраняло статус авторитетной морской страны и в последующую эпоху. По сведениям Прокопия Кесарийского (VI в.), эгрисский флот представлял собой значительную силу (Георгика, Т. II, 1965. С. 79–81).

На разных этапах истории в Грузии были распространены следующие типы морских судоходных средств различного назначения и габаритов: *колхури хомалди*, *камара*, *ниши (нуша)*, *олечкандери*, *орчхомели*, *сандали*, *фелука*, *лазури менексила нави*, *паталиа нави*, *хечена нави* (*Берадзе*, 1981; 1989; *Давитадзе*, 1983. С. 45–60; *Куталейшвили*, 1987).

Колхури хомалди – четырехугольный парусный корабль, упоминаемый в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, – «колхидская ладья из царства Айета» (*Аполлоний Родосский*, 1975. С. 110, 126, 169).

Камара – широко распространенное еще в древности узкое военное судно (галера), развивающее большую скорость и обладающее способностью маневрирования. По сведениям римского историка Корнелия Тацита (55–115 гг.), колхи, в отличие от других народов, имели корабль своеобразной конструкции, именуемый ими *камара*, борта которого «расположены близко друг к другу»; *камара* могла легко причалить к берегу, была очень подвижна, поворотлива и непотопляема даже при сильном ветре (*Кавтара*, 1977. С. 128). По оценке исследователей, подробные описания античных авторов свидетельствуют об универсальности судов местного типа. По расчетам З. Куталейшвили, длина *камара* – 15 м, ширина – 3 м, высота – 1,7 м (*Куталейшвили*, 1987. С. 339). По данным Страбона, *камара* – лодки вместимостью 25–30 человек (*Каухчишвили С.*, 1957. С. 167).

Олечкандери/олачкандери (от мегр. *олечканду* – «битком набитый, переполненный») – широко распространенное в средневековой Грузии парусное судно (*Берадзе*, 1981. С. 65). По мнению С.-С. Орбелиани, «олачкандери – это *катарга* (галера, военный корабль)» (*Орбелиани*, 1966. Т. 2). Судно могло перевозить до 300 пассажиров, отличалось скоростью и маневренностью (*Гамба*, 1987. С. 89).

Орчхомели – рыболовное парусное судно, название которого происходит от мегр. *чхоми* (рыба) (*Каджия Н.Ю.*, 2002. С. 334).

Сандали – морское торговое судно, использовавшееся в XVII–XIX вв. Его длина составляла 20–35 м, ширина – 5–10 м, грузоподъемность – 78–80 т, вместимость – от 100 до 200 пассажиров (*Узундзе*, 2001. С. 170, 171). Существовали двух- и трехмачтовые *сандали* (*Берадзе*, 1981. С. 98).

В Причерноморье были широко распространены лазские суда средних и больших размеров – *фелука*, использовавшиеся для рыболовства, перевозки грузов и пассажиров. В лазском с. Сарпи и прилегающих местностях их делали без использования железных и медных креплений. У *фелуки* были высокие нос и корма и сравнительно низкие борта. При необходимости высоту бортов увеличивали за счет деревянных опор фальшборта, между которыми натягивали полотно (*Берадзе*, 1981, 98). Длина *фелуки* средних размеров составляла

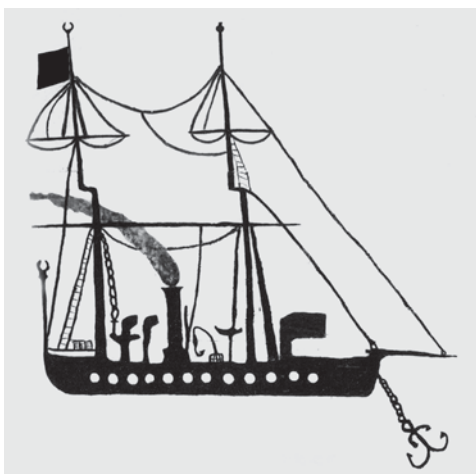
Морское судно *сандали*

Мечеть с. Горджоми, Хулойский район, XIX в.
Узундзе, 2001

Колхидская лодка. XIX в.

© ФЗЭНГ

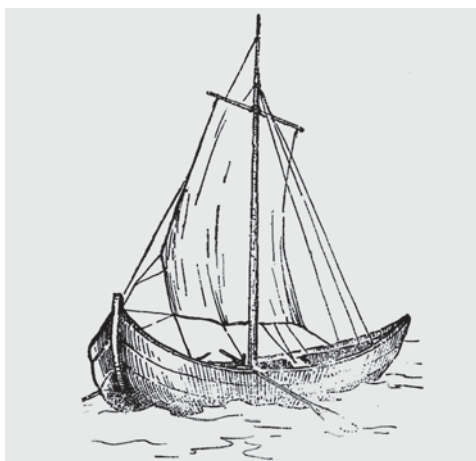
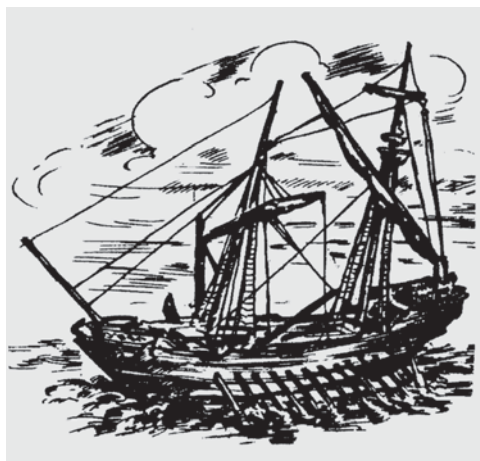
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Фелука – колхидская лодка-ладья. XVIII в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

9–14 м, ширина – 2 м, грузоподъемность – 3 т. Большие *фелуки* представляли собой суда длиной 16–20 м, шириной 5–7 м, грузоподъемностью 8–10 т. Они преимущественно использовались в малом каботажном судоходстве в коммерческих целях, для транспортировки пассажиров и грузов. Фелуки приводились в движение веслами и парусами. Существовали одно- и двухмачтовые фелуки (*Берадзе, 1981. С. 98, 99; Узундзе, 2001. С. 67, 68*).

Менексила – одномачтовое пассажирское, торговое и военное судно позднефеодальной эпохи – приводилась в движение парусами и 10–15 парами весел (*Берадзе, 1989. С. 96*). Длина корабля достигала 18–20 м, ширина – 4–5 м, высота – 1,9–2,7 м (*Узундзе, 2001. С. 170*). Борта судна снаружи были плотно оплетены стеблями тростника или камыша, которые защищали палубу корабля от морских волн (*Челеби, 1974. С. 95*). Лазская *менексила* могла перевозить до 100 пассажиров.

Широко применялись также лодки – *нави* – *паталиа*, *ниши/нуша*, *хечена* и *чирниги*, используемые для рыболовства. Первые три управлялись веслами, а *чирниги* представляло собой малогабаритное парусное судно. Отметим, что в старину все плавучие средства, сооруженные из дерева, назывались *нави* –

лодка, челн, ладья; корабль, судно. Согласно толкованию Н. Чубинашвили, «нави – общее название всех деревянных транспортных средств, предназначенных для движения по воде» (*Чубинашвили Н.*, 1961. С. 311).

В средневековой Грузии известен был морской военный корабль *катарга*, упоминавшийся в «Витязе в тигровой шкуре» (*Руставели*, 1992. С. 613).

Кораблестроение было развито в Грузии с древнейших времен. Упомянутые Аполлоном Родосским «колхидские ладьи» свидетельствуют о том, что в древней Колхиде это дело было уже хорошо освоено, тем более что в Западной Грузии в обилии имелся необходимый древесный материал. На рубеже н.э. Страбон писал: «Страна замечательна ... всем необходимым для кораблестроения. Она производит много леса и сплавляет его по рекам. Жители выделывают много льняного полотна, пеньки, добывают воск и смолу» (*Каухчишвили Т.*, 1954. С. 167). Колхидский древесный материал славился своими безупречными качествами для кораблестроения и занимал ведущее место в экспорте. Этим же целям (судостроению) служил и экспорт смолы и воска (*Меликишвили Г.А.*, 1970. С. 409). В кораблестроении использовали следующие породы деревьев: каштан, сосна, липа, ель, пихта, ольха. Особенно ценился каштан, который лазские судостроители называли *золотым деревом* (*Давиатадзе М.*, 1983. С. 53). В разные периоды истории центрами кораблестроения в Причерноморье были: Трапезунд, Хопа, Ризе, Батуми, Поты, Анаклиа, Сухуми (*Куталейшвили*, 1987. С. 83), где в большом количестве строили судоходные средства разных размеров и конструкций (*Багратиони Вахушти*, 1973. С. 689). Славящихся высоким профессиональным мастерством грузинских кораблестроителей в XVIII–XIX вв. часто приглашали для сооружения судов малого водоизмещения в разные места Турции, Южной России и Причерноморья (*Узунадзе*, 2001. С. 178).

Развитие мореплавания было связано с наличием множества гаваней и другими благоприятными условиями. Письменные источники и археологические данные подтверждают существование довольно обширной сети пристаней на морском побережье Грузии, что, в свою очередь, свидетельствует о высокой роли судоходства в хозяйственной жизни страны (*Куталейшвили*, 1987. С. 148). В качестве гаваней использовали заливы, устья и заводи рек. На разных этапах истории из входивших в состав Грузии морских портов следует отметить: Трапезунд (*Микеладзе*, 1974. С. 85, 94–101; *Мухелишвили*, 1977. С. 93), Хисос (позднее Сусармия, Сюрмене), Атина, Апсарос (Гония, Гонио), Батуми (Батус, Батоми), Петра-Цихисдзири, Фазис/Фасис (Поты), Гюэнос (Очамчира), Диоскурия-Себастополис (Цхуми, Сухуми), Питиунт (Пицунда), Трахеа (Гагари, Гагра), Лазос (позднее Никопсия) (*Кахидзе*, 1971. С. 76–78, 112–113; *Инашвили*, 1971. С. 79–80; *Куталейшвили*, 1987. С. 148–150). Посредством этих пунктов устанавливались торгово-экономические и культурные контакты с внешним миром, поскольку морское судоходство и торговля всегда были тесно связаны.

В разные периоды в Грузии были развиты два основных вида морского судоходства: каботажное (малое) и международное (выходящее за пределы страны). Грузинские племена с древности добились больших успехов в мореходстве, подтверждением чего служит тот факт, что значительная часть Юго-Восточного Причерноморья раннеантичной и античной эпох была заселена племенами картвельского происхождения. Освоить эти территории они могли только благодаря активному использованию морских судов (*Берадзе*, 1981.

С. 60). Как отмечал Гиппократ, жители приморских областей Западной Грузии (Колхиды) «мало ходят пешком в город и порт, а на *тирогах*, вырубленных из одного ствола дерева, они бороздят страну» (*Каухчишвили*, 1964. С. 65).

В XVII–XIX вв. в каботажном судоходстве Восточного Причерноморья монополией владели лазские мореходы, которые на своих торговых кораблях занимались коммерческой перевозкой грузов в портовые пункты Черного моря (*Узундзе*, 2001. С. 178). В сфере морской торговли лазы, благодаря своим судам, успешно конкурировали с торговыми флотами Турции и Ирана (*Вешапели*, 1914. С. 33).

Значительных успехов Грузия добивалась и в сфере международного судоходства, было налажено морское сообщение со многими странами бассейнов Черного, Эгейского и Средиземного морей (Византией, Трапезундским царством, Египтом, Сирией, Италией).

Высокий уровень развития мореходства в Грузии свидетельствует о профессионализме грузинских мореплавателей. Искусными специалистами в этой сфере являлись жители приморской зоны страны, среди которых наиболее выделялись лазы. «Они настолько усовершенствовались в этом трудном и опасном деле, что с ними вряд ли приключилось бы какое-либо несчастье в открытом море. Их мастерству, сноровке и отчаянности на море дивились даже англичане, не имевшие себе равных в мореплавании и судоходстве», – писал Я. Гогебашвили (*Гогебашвили*, 1993. С. 292). Известный русский исследователь морского дела Н. Шавров так характеризовал лазов: «Они прирожденные моряки. Связь с морем превратила население в отважных, опытных мореходов, значительную часть жизни проводящих в воде» (*Шавров*, 1907. С. 25).

Со второй половины XIII в. участились морские торговые отношения Грузии с итальянцами. Примечательно, что в итальянских контрактных, нотариальных документах 80–90-х годов XIII в. о перевозке грузов на судах нередко упоминается Батуми. Здесь бросали якоря корабли генуэзских, венецианских, пизанских купцов. Они ввозили и вывозили различные товары, устраивали ярмарки. В Батуми жило много итальянских купцов (*Берадзе*, 1983. С. 31). Интересные сведения о главных торговых портовых городах Грузии XIII–XV вв. – Батуми, Потти, Цхуми – содержатся в итальянских торгово-нотариальных документах, записях послов, путешественников и ученых мужей, в составленных ими картах (*Мамиствалишвили*, 1981; *Берадзе*, 1983. С. 23–38; 1989. С. 92–96).

С XIX в. в Грузии наблюдается особое оживление мореходства, обусловленное развитием капиталистической экономики. Страны Запада стремились установить торгово-экономические отношения с богатыми районами Востока посредством гаваней Грузии. Удобное географическое расположение и благоприятные условия для причала кораблей способствовали развитию Батуми, его росту как портового города. Английская газета «Дейли ньюс» писала: «Батумский порт – единственная безопасная пристань на всем южном и восточном побережье Черного моря до Крыма. Здесь вода настолько глубока, что даже самые большие корабли могут спустить якорь вблизи берега. Загрузка и разгрузка судов возможна в любую погоду. Северные и северо-западные ветры, достигающие до берегов Кавказа, никогда не дуют на побережье Батумского порта» (*Узундзе*, 1988. С. 88). Уже с 60-х годов XIX в. в Батумский порт систематически заходят торговые корабли Русского общества пароходства и торговли и суда других государств (Англии, Норвегии, Австрии, Греции, Франции, Италии) (*Узундзе*, 2001. С. 52–54).

В 1858 г. Поти был объявлен портовым городом. До присоединения Батуми к Российской империи весь экспорт и импорт грузов Закавказья, Ирана и Средней Азии осуществлялся через этот порт (*Гугушвили П.*, 1979. С. 79–80, 186). В 1864–1905 гг. здесь велось строительство гидротехнических сооружений (ГСЭ, 1986. Т. 10. С. 351). В 1880–1890-х годах через Потийский порт в основном экспортировались марганец и кукуруза. В 1913 г. отсюда было вывезено 65 млн пудов марганца (*Пачкориа*, 1967. С. 91).

Батумский порт способствовал развитию малого и большого (международного) каботажного флота. Малый каботаж подразумевал отношения Батуми с прибрежными пунктами Кавказа, Крыма и Азовского моря. На службе малого каботажного флота состоял довольно многочисленный флот. В 1900–1902 гг. грузооборот Батумского порта составил 17 747 единиц, из которых 4304 пароходы (на них приходилось 98% общего грузооборота каботажных кораблей), а остальные – парусные суда малого водоизмещения, в том числе лазские фелуки (Батуми и его окрестности, 1906. С. 373–374).

Значительно развилось международное судоходство, чему способствовал невиданный рост грузооборота морским путем через Батуми; международный грузооборот составил 4751 единицу. Согласно статистическим данным 1901–1902 гг., из Батуми суда ходили в более чем 100 портовых городов 42 стран мира. Увеличивается число грузовых, грузопассажирских и почтово-пассажирских рейсов. Среди международных перевозок первое место занимал экспорт нефтепродуктов в страны Европы, Азии, Африки, Южной Америки и Австралии. В 1889–1903 гг. на Батуми приходилось 26% мирового экспорта нефти и нефтепродуктов (*Узунадзе и др.*, 2013. С. 90). В международном судоходстве Батуми значительное место начинает занимать новый вид водного транспорта – *танкер*. Нефтепродукты через Батуми экспортировались на 45 танкерах. Первым танкером, вошедшим в Батумский порт, был английский корабль «Фергюссон», который 20 января 1886 г. вывез отсюда экспортный груз. В 1892 г. в Батуми причалил гигантский танкер «Мюрекс» грузоподъемностью 300 тысяч пудов, взявший курс через Суэцкий канал на Сингапур и Таиланд (*Узунадзе*, 2001. С. 219).

Новый этап развития мореходства в Грузии начинается с 1920-х годов. За годы советской власти в республике было много сделано для развития мореплавания: вводились в эксплуатацию судоремонтные и судостроительные заводы, развивался рыбный промысел, были проведены масштабные работы по реконструкции портов и их оснащению современными техническими средствами.

В 1967 г. в Батуми было основано Грузинское морское пароходство, на базе которого создается Грузинский морской флот. Грузинское морское пароходство включало транспортный флот, морские порты Батуми, Поти и Сухуми, причалы Гагры, Пицунды, Нового Афона, Очамчиры, предприятия и организации, обслуживавшие флот. К 1983 г. Грузинский морской флот насчитывал 37 танкеров и 12 сухогрузных кораблей общей грузоподъемностью 723 350 т (ГСЭ, 1981. С. 144; *Чантуриа*, 1997. С. 115, 116; *Очерки истории Юго-Западной...*, 2012. С. 305). Международные туристические рейсы выполняли лайнеры суперкласса: «Грузия», «Россия», «Максим Горький». В эксплуатацию были введены новые морские вокзалы Батуми (1963) и Поти (1974). В 1970 г. вступил в строй благоустроенный пассажирский морской вокзал Сухуми (*Чантуриа*, 1997. С. 104–113).

ГЛАВА 4

ХОЗЯЙСТВО

ПРАКТИКА ТРАДИЦИОННОГО ЛЕСОПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Эмпирические народные знания в области лесопользования берут свое начало в многовековой практике использования природных ресурсов. Лесные ресурсы были востребованы во всех регионах Грузии – в равнинной, предгорной и горной зонах. В народной практике успешно сочетались эксплуатация и охрана природы. Основой тому служили народный хозяйственный календарь, традиционная экологическая культура, рациональные и иррациональные способы охраны природных объектов.

Расположение лесов в разных зонах определяет локальные черты их использования, формы ведения хозяйства, плотность населения, типы хозяйства и взаимосвязь между ними. В соответствии с разнообразными природными ландшафтными условиями в каждом ущелье формируется тип как равнинного, так и горного хозяйства: в равнинной полосе – полеводство и виноградарство; в переходной полосе – в лесах: охота, бортничество, заготовка лесоматериалов, древесного угля, дров, собирательство; в горной полосе: охота, бортничество, лесное садоводство. В отдельных регионах специфика лесов (дубовых и буковых) способствовала развитию разных отраслей животноводства (свиноводства), развитию кустарных промыслов (например, в равнинных регионах Арагвского ущелья: заготовка древесного угля и дров). Природно-экономические и хозяйственные условия определяли и различные формы поселений.

В процессе лесопользования население узнавало о свойствах разных растений. Этнографический материал подтверждает, что эмпирические знания о строении деревьев, наблюдения над ростом и развитием растений стали основой народного лесопользования. Особенности природной среды обуславливали хозяйственные достоинства леса. При заготовке лесоматериалов учитывались вид, возраст, прочность древесины; при оценке же хозяйственной значимости – месторасположение и почва. Население имело конкретные знания о почвах, определялись их хозяйственные качества. В горных районах Восточной Грузии распространено мелколесье, откуда вывозили дрова, колья, хворост. Особое отношение было к галерейным лесным массивам вдоль речных берегов. Состав таких лесов был неоднородным: вдоль берега росли

¹ © Т. Цагарейшвили

осина и ива, дальше – дуб и береза. Галерейные леса имели большое значение не только для сельского хозяйства, но и с точки зрения охраны леса.

Народ выработал рациональные методы использования леса, играющие большую роль в его защите. Несмотря на то, что в горных районах лес был одним из основных сырьевых источников, народ не допускал его беспорядочной вырубki. Лежащие недалеко от селений леса использовали в основном для хозяйственных нужд.

Трудоемкие процессы заготовки лесоматериалов распределялись сезонно в течение года: назначение деревьев на рубку – *шемокверва*; известное под названием *мardжу/дагари* – отметина; заготовка лесоматериалов для разных нужд: на дрова, на стройматериалы, для выжигания извести и угля; уборка и сушка срубленных деревьев; перевозка волоком, на санях, на арбе; сплав по рекам, сортировка лесоматериала в жилом помещении по назначению. Особых знаний и наблюдательности требовал подбор лесоматериала, при этом учитывали толщину дерева, его высоту, ветвистость и т.п.; большое значение придавали и расположению деревьев. Правила рубки, исходя из практики, учитывали время года, фазы луны, дни, числа, почву, породу дерева. Согласно общепринятым нормам, запрещалась рубка деревьев по обочинам дорог, вблизи сел, в редком лесу, на песчаной почве, так как на такой почве деревья растут медленно. Рубка леса считалась наиболее трудоемким процессом. Существовало два способа рубки: «подбором» и подряд. «Подбором», т.е. выбирая отдельные деревья, рубило местное население, подряд – угольщики. Тонкие деревья срубали топором, толстые – пилой. Зафиксированы два способа рубки: прямой и боковой. В зависимости от того, в какую сторону хотели повалить дерево, выбирали один из этих способов. Рубить дерево разрешалось на высоте трех пядей от корня, чтобы от пня могли пойти побеги. Поваленное дерево обрабатывали на месте следующими способами: *гасхетва* (очистка от ветвей), *галопрва* (снятие коры), *даморва* (превращение в бревно). Расчет лесоматериала для семейных нужд делался с учетом его практического использования леса. Зная, сколько саней дров потребуется на зиму, деревья на порубку намечали заранее. Зафиксированы несколько видов трудовой взаимопомощи (*дадзахили, нацвалгарда, улами, мушани*), которые осуществлялись обычно в пределах одного селения.

Одной из древнейших форм земледелия является подсечная система. Она распространена как в горных, так и равнинных регионах Грузии и связана с вырубкой леса для пахотных и сенокосных участков. В горной и предгорной полосе засвидетельствованы: подсека с применением огня и чистка кустарников и выкорчевывание. Народное эмпирическое знание хранит практические навыки «подсеки леса» и ее применение в хозяйственных целях. Подсека леса среди местного населения опиралась на определенные знания экологической среды и учитывала экономические интересы. При этом в традиционном подсечном хозяйстве наряду с расширением пахотных участков заботились и о сохранении лесов. Во время подсеки оставляли лесную полосу примерно в 1 га с обеих сторон участка и только после этого вырубали очередной участок. Однако массовые миграционные процессы уничтожили природоохранное рациональное зерно подсечного хозяйства. В начале XX в. миграции населения из горных районов вызвали расширение подсечного хозяйства. С ростом численности населения не удавалось сохранять лесозащитные полосы. Пересе-

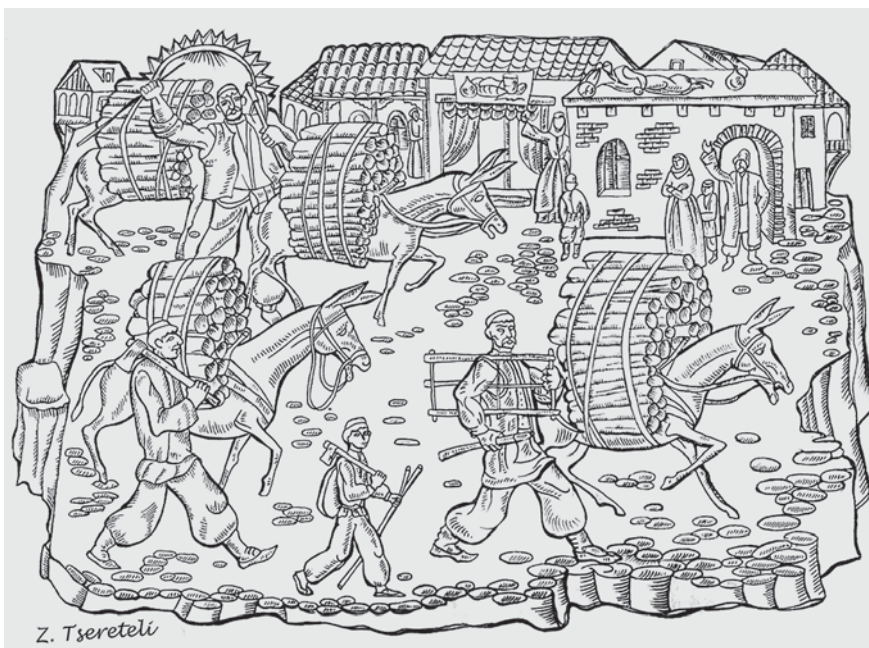
ленцы, не принимая во внимание местные экологические условия, в массовом порядке вырубали лес, что привело к уничтожению лесных массивов.

Лесное хозяйство, помимо традиционных отраслей сезонного характера (собирательство, бортничество, охота), было связано и с круглогодичными работами: заготовка древесного угля, рубка и перевозка лесоматериала. Сезонный характер носили также добыча съедобных трав, подсека и выпас скота. Знание особенностей почвы, микроклимата и флоры дало возможность грузинскому крестьянину создать особую культуру лесопользования, заложить основы народной селекции, что и сделало лес необходимым для других отраслей хозяйства природным ресурсом. Эмпирические способы использования диких фруктов и трав и развитие собирательства, в основном, определяли природно-экологические условия, приспособлявшие общества к природе, которое не только наблюдало за дикорастущими растениями, а выявляло их полезные свойства и вырабатывало формы их использования.

В домашнем хозяйстве находили широкое употребление лесные фрукты и разного вида растительность (в сыром и вареном виде). Были известны сроки сезонного сбора плодов, ягод и трав, созданы необходимые орудия и утварь. Корни растений выкапывали архаичным орудием – простой остроконечной палкой. В собирательстве Западной Грузии (Имерети) зафиксировано приспособление под названием *барулаб*, имеющее аналоги *гам* в Сванети, *какучи* в Картли, *ланери* в Абхазии; существование этих орудий указывает на древность этого занятия. Зафиксированы и виды трудовой деятельности, связанные с собирательством: сбор лечебных, красильных и кормовых растений происходил единолично, лесных фруктов – коллективно и имел сезонный характер: весной и летом собирали съедобные травы; осенью – лечебные и красильные растения (листья, ветви, кора), лесные фрукты.

Лесное садоводство было известно в разных уголках Грузии. Оно основывалось на умении привить молодому дикому растению ветку «одомашненного» дерева того же вида, а затем «приватизировать» это место (это могли

З. Церетели. Продажа дров
© РАХ. Архив З. Церетели

делать человек, семья или село). Зафиксированы также пересадки из горного в равнинные регионы крыжовника, малины, смородины и т.д.

В основу «окультуривания» растений было положено практическое соображение – человек отбирал полезные для него дикие фруктовые деревья. Следующий этап предусматривал пересадку лесных растений и садоводства. Позже обращают внимание на наружный вид растения и его подбор по этому по такому признаку. С этого момента зарождается традиция разведения декоративных садов. Дикая растительность представляла собой тот огромный фонд, который заложил основу окультуривания растительности: вначале выявление полезных свойств растений, затем уход за растением в лесу, «присвоение», пересадка и культивация. В процессе многовекового общения с природой земледелец выработал основанное на базе эмпирических знаний особенностей географической среды разумное отношение к природе, что создавало основу для развития различных видов производственно-хозяйственной деятельности.

Так, наблюдения жителей Самцхе над растительностью их локального ареала выявили хозяйственное значение шелковицы (тута, тутовое дерева). Туководство считалось в Самцхе одним из основных направлений плодородства и занимало значительное место в хозяйстве. Этнографический материал выявил разнообразные навыки в области селекционных работ, ухода и использования плодов туты. Для прививания брали саженец лесной шелковицы – *бакло*, который осенью сажали на приусадебном участке, а весной прививали. Население считает, что саженец шелковицы трудно вырастить,

поэтому для него выбирали подходящее, менее влажное место. Существовало два вида прививки: глазком – весной и черенкованием – осенью. В обоих случаях обращали внимание на твердость коры.

С точки зрения урожайности различали несколько сортов шелковицы: «черную», «рябую», *хартуту*. Цикл ухода включал окапывание, удобрение, орошение, обрезку ветвей. Сюда же относят цикл съема плодов (*тубоба*) и связанные с ним обычаи. Населению были известны все пищевые и лечебные свойства туты: плоды шли на сок (*шира*), пастилу и *чурчхелы* (*кumu*), водку, *бекмес* и др.; кора, листья, *бекмес* употреблялись в народной медицине. Плоды шелковицы были предметом купли-продажи. Несмотря на то, что древесина шелковицы высоко ценится, в Самцхе его в качестве стройматериала и топлива почти не используют. Это объясняется тем, что народ считает туту своей кормилицей.

Использование горных лесов требовало особо бережного подхода, соответствующих экологическим нормам способов рубки и перевозки деревьев, охраны молодых насаждений. При лесопользовании сохраняли леса в местах возможного схода селей и лавин, не вырубали подсечные полосы, террасировали склоны и сажали там деревья, не строили селения на месте галерейных лесов, во время подсеки не рубили деревья на редколесье, у обочин дорог и т.д. Население горных регионов выработало практические навыки борьбы со стихийными бедствиями: в частности, против лавин и паводков устраивали заграждения из плетня или бревен, сооружали дамбы.

Культ священных лесов и деревьев также помогал охранять лесные массивы от вырубки. В разных регионах священными считались разные породы деревьев. У некоторых из них общегрузинский характер и они распространены по всей стране, некоторые же локального характера и встречаются в отдельных регионах. Следует отметить, что у сванов на праздниках «Лимурквали» и «Албараграл» фигурирует березовое или еловое сакральное дерево *анг*, название которого идентично египетскому *анкк* и рассматривается в генетической связи с «древом жизни». Священными и неприкосновенными были леса вокруг святилищ: здесь запрещалось рубить деревья, пасти скот, собирать плоды и ягоды. По народным представлениям нарушившего эти запреты ожидала Божья кара. Сохранившиеся в священных лесах огромные дубовые или же буковые деревья напоминают, какими были в давние времена лесные массивы на этой территории.

Природа воспринималась народом как что-то родное, с чем устанавливалась определенная эмоциональная связь. Экологическое воспитание начиналось с малых лет, дети постоянно слышали: «Грех весной рубить лес», «Нельзя разрушать птичье гнездо», «Обходи устье реки» и др., в которых содержится эмпирический опыт народа, его стремление сберечь окружающую среду.

Народная культура лесопользования позволяла рационально относиться к природным ресурсам, не нанося вреда окружающей среде, а также способствовала возникновению первичных очагов окультуривания растений.

ПЧЕЛОВОДСТВО²

Естественная природная среда Грузии – скалистые горы, густые леса и изобилие медоносных растений (600 видов) – с древнейших времен обусловила обитание здесь диких пчел (*Хинтибидзе*, 1979. С. 591). Добычей меда на территории Грузии занимались еще в эпоху палеолита – до зарождения производящего хозяйства, на охотничье-собираательской стадии общественного развития. В грузинском быту существовал обычай как коллективной, так и индивидуальной «охоты» за медом диких пчел, обитающих в расселинах скал и в лесах, в дуплах деревьев (*Робакидзе*, 1960б. С. 69–70; *Аджинджал*, 1969. С. 284–286).

Известны несколько способов обнаружения диких пчел. Надежным ориентиром весной может служить куча пчелиного подмора в скальной расселине или под деревом, высыпанная самими же пчелами после очистки гнезда (*Робакидзе*, 1955б. С. 111; *Аджинджал*, 1969. С. 284); зимой на пчел можно «выйти» по следу куницы, устраивающей обычно нору вблизи пчелиного жилища (*Рухадзе*, 1989. С. 65–66). Обнаружив обиталище диких пчел, бортники задымлением (выкуриванием) или каким-либо другим способом выманивали их из гнезда. После этого выламывали резаком медовые соты, укладывали в плетеные кузова или короба и несли домой. Во время коллективной добычи члены группы поровну делили мед и воск; часть меда отдавали родственникам и даже незнакомым встречным путникам (*Робакидзе*, 1960б. С. 69, 70, 72; *Аджинджал*, 1969. С. 281).

Первоначально поиски диких пчел имели целью только добычу меда и воска. Поэтому пчелы, о которых собиратели не заботились, погибали. Со временем, чтобы сохранить пчел и их расплод, их начали переводить в искусственные дуплянки (бортни), устраиваемые там же: в скальных расселинах закрепляли сплетенные из прутьев или соломы корзины, обмазанные изнутри глиной и навозом, – *кокоза* (сапетки) – вместе с поселенными в них пчелами, а для лесных пчел на деревьях ставили *букеби*, *ропеби* (выдолбленные из дерева колоды и лохани) (*Робакидзе*, 1960б. С. 71–74, 96; *Сахокиа*, 1950б. С. 177). Этот способ исключал высыхание и осыпание пчелиного расплода и способствовал систематической эксплуатации дикой пчелы, планомерному использованию ее продукта. Таким образом, «переселение» диких пчел в искусственные гнезда стало переходной ступенью к новой отрасли хозяйства – одомашненному пчеловодству.

О широкой распространенности бортничества в Грузии свидетельствуют письменные источники начиная с IV в. до н.э. (*Ган*, 1884а. С. 35, 65, 92, 93; *Робакидзе*, 1960б. С. 79–81), хотя эта отрасль хозяйства имеет гораздо более долгую историю, насчитывающую тысячелетия, подтверждением чему служит археологический материал: древнейшие цветные бусы, изготовленные с применением меда, а также датированные III тыс. до н.э. металлические предметы и восковые модели (формы), используемые для их отливки. Тот факт, что Грузия является древнейшим центром пчеловодства, указывает на постоянный источник добывания воска в большом количестве, что, в свою очередь, было возможно только в условиях развитого бортничества (*Робакидзе*, 1960б. С. 74,

² © Н. Брегадзе

135–148). В августе 2004 г., в Боржомском районе, на водоразделе между селами Сакире и Цихисджвари был раскопан курган Кодяни, датируемый XXVII–XXV вв. до н.э. В найденных там глиняных сосудах оказались остатки разносортного меда (*Квавадзе и др.*, 2004. С. 438–449).

В соответствии с этапами развития пчеловодства (добыча меда диких пчел, их перевод в искусственные гнезда, домашнее пчеловодство) совершенствовалась и форма улья. Его первоначальный вариант – с одной съемной стороной – сменился ульем с двумя съемными сторонами, горизонтальным *ортитириани*. Пчеловод поочередно брал мед или соты то с одной, то с другой стороны такого улья. Еще более усовершенствованной формой был *орнациледи геджа* – верхняя часть которого снималась полностью, что позволяло пчеловоду активно вмешиваться в трудовой режим пчелы.

В горах Восточной Грузии главным образом были распространены обмазанные навозом сапетки – *кокозеби*, а на равнине и в Западной Грузии – колоды – *букеби* и *орнациледи геджеби*. Предпочтение отдавалось ульям, изготовленным из дуба, липы или вяза. Самой податливой в обработке является ольха, которую не точат черви. Высоко ценились также колоды, выдолбленные из каштана, осины и дикой черешни. Считалось, что пчелы, живущие в ульях из указанных материалов, были злыми и успешно справлялись с функцией отпугивания лесных пчел. Ульи же, изготовленные из коры деревьев, были защищены от всякого рода червей (*Робакидзе*, 1955б, 155; *Робакидзе*, 1960б. С. 86–94; *Материалы по истории кустарного промысла...*, 1987. С. 11–37).

Дальнейшему развитию интенсивного пчеловодства в Грузии способствовало внедрение рамочного улья и сопутствующей инновации – искусственных сот (*Иойриш*, 1966. С. 42). Возникло множество мощных очагов пчеловодства, объединяющих сотни ульев (*Робакидзе*, 1960б. С. 86–91, 115).

Большое внимание уделялось устройству пасеки, правильному выбору ее местоположения. *Букеби* (колодные ульи), «снятые» со скал и деревьев и поначалу устанавливаемые в лесах или речных ущельях, постепенно стали переносить поближе к человеческому жилью. Начинается огораживание участков с ульями и уход за ними. Одни пасеки были включены в жилищный комплекс (располагались под навесом или на чердаке дома или хозяйственной постройки); другие были устроены непосредственно за усадебной оградой, одновременно выполнявшей для ульев ветрозащитную функцию. Устройство пасеки в *агварта* (Западная Грузия) – вспомогательной базе оседлого хозяйства

(наряду с земледелием и скотоводством, она служила и для охоты) – является свидетельством существования комплексного хозяйства, в пределах которого производилась значимая для грузинского быта продукция пчеловодства (Робакидзе, 1960б. С. 95–99; Материалы по истории кустарного промысла..., 1987. С. 5, 24, 25, 29).

Уход за пасекой подразумевает защиту улья и его *летка* от непогоды. С этой целью ульи покрывали корой каштана. Усиленное жужжание в улье является признаком выхода расплода. В этот момент пчеловод подставляет молодому потомству новый улей и переводит его туда. Дважды в год улей очищают от паразитов, в том числе от сотовой моли, при размножении которой пчелы гибнут или покидают жилье. На пчел охотятся хищная птица жулан и многие животные – любители меда. С ящерицами и мышами пчелы справляются сами, жалят, а потом для обезвреживания замуровывают их прополисом (Материалы по истории кустарного промысла..., 1987. С. 11–37). От медведя и куницы ульи защищает пчеловод.

В ряде письменных источников содержатся сведения об обилии в Грузии высококачественного меда и воска. Мед и воск, вышедшие за рамки домашнего производства, стали одним из видов государственного налога и предметом приданого; эти продукты, как и сами пчелы, в большом количестве продавались на местных рынках и вывозились за границу, о чем свидетельствуют исторические документы и записи иностранных авторов XV–XVI вв. (Робакидзе, 1960б. С. 77, 80, 114–117, 152, 155).

Интенсивному развитию пчеловодства, наряду с природными условиями, способствовало наличие грузинской местной, эндемичной породы пчелы (в научной литературе она известна под названием кавказской серой пчелы – *Apis mellifera var. Caucasica*) – горная серая пчела (включает мегрельскую, абхазскую и грузинскую популяции). Это самая миролюбивая и продуктивная пчела, приспособленная к суровым климатическим условиям высокогорья, морозоустойчивая; для добычи взятка она выходит при сравнительно низкой температуре и летает в радиусе 7 км, трудится в ненастье, в пасмурную погоду, редко болеет, очень активна и продуктивна в опылении растений и медосборе. Ее мегрельская популяция благодаря самому длинному по сравнению с другими видами хоботку (7,15–7,4 мм) успешно высасывает из глубины цветов нектар, недоступный для других пчел (Пут и др., 1964. С. 248; Мумладзе И., 1967. С. 26; Аджинджал, 1969. С. 308, 309; Андгуладзе, 1971. С. 5–10; Хидашели, 1986. С. 185), тем самым максимально используя местные медоносные растения и обеспечивая обильность взятка. Положительные свойства грузинской породы кавказской серой пчелы, награжденной на международных выставках золотыми медалями, заинтересовали многих зарубежных специалистов, и ее приобрели более 40 стран мира (Андгуладзе, 1971. С. 10).

Для снятия меда ульи периодически осматривали. В основном с 15 августа по старому стилю открывали самый тяжелый улей, а 8 сентября (ст. ст.) мед брали из всех ульев. Наконец, 10 ноября (ст. ст.) проверяли всю пасеку. В некоторых местах мед снимали раз в год – в любой из сезонов, даже зимой, когда это нетрудно, поскольку пчелы в этот период не жалят. В горах Восточной Грузии осмотр улья был допустим в любое время года, но это влекло за собой осыпание пчел, поскольку для извлечения меда *санетки* ставили

в холодную воду. Пасечник отбирал из улья только третью часть меда, оставляя остальное пчелам для зимнего корма. Если меда было мало, тогда его целиком оставляли в улье, а в случае недостатка корма на зиму медовые соты заносили из других ульев.

Для отжима (откачки) меда использовали пресс, либо помещенные в большой котел медовые соты нагревали на огне, отделяя таким способом мед от сот. Иногда из предварительно подогретых и уложенных в мешки сот мед отжимали посредством двух перекрещенных палок (*Робакидзе*, 1960б. С. 100; *Кахидзе*, 1974б. С. 54; *Макалатия С.*, 1984. С. 65; Материалы по истории кустарного промысла..., 1987. С. 11–31). Для лечебных целей применяли только мед *уцецхло*, т.е. мед, полученный без «участия» огня, отжатый древнейшим способом, при помощи колосника (*Робакидзе*, 1960б. С. 102).

О высоком качестве и лучших свойствах грузинского, в частности колхидского меда, известного еще с античной эпохи, свидетельствуют и документы последующих веков. Дюбуа де Монпере писал, что мед там такой же ароматный и здоровый, как во времена Гомера (*Робакидзе*, 1960б: 128). Внимание иностранцев привлек особый вид меда – засахаренный, затвердевший – *кипручи* (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 146), который некоторые авторы называют «каменным медом» и сравнивают с рафинированным сахаром. Например, А. Ламберти писал о нем: «Есть у них и другой сорт меда, подобный которому не встречается нигде, кроме Колхиды и соседних с нею стран. Он очень белый и твердый, как сахар. Когда его берешь руками и отламываешь кусок, мед не пристает к рукам, а на месте перелома проступает белый и весьма мягкий воск» (*Ламберти*, 1913. С. 229). Этот мед считали продуктом обитавшей в скалах Западной Грузии дикой пчелы. Но *кипручи* встречается и в колодах. В Аджарии пчеловод на протяжении всего года оставлял нетронутой наполненную медом посуду, в результате чего получал вкуснейший мед зернистой структуры, которому приписывались особые лечебные свойства (*Кахидзе*, 1974б. С. 55). Закристаллизовавшийся (севший) и засахарившийся мед, особенно белый мед, по мнению ученых, делается из нектара цветов колхидского плюща. Известно, что пьянящий мед – продукт некоторых ядовитых растений, с которых пчела добывает взяток в чрезмерно влажный или засушливый сезон; этот мед темного цвета, вязущий, с горьковатым привкусом. Известно также, что воины греческого полководца Ксенофонта (I в. до н.э.), наевшись такого меда, потеряли сознание, у них началась рвота (*Ган*, 1884а. С. 35). Но после кипячения этот мед можно есть, не опасаясь за неприятные последствия (*Робакидзе*, 1960б. С. 118; *Аджинджал*, 1969. С. 307).

В быту мед занимает весьма почетное место и как самостоятельный продукт, и как жертвенный продукт, как обязательная составная часть ритуальной пищи. Сама пчела в древности была объектом жертвоприношения (*Брегадзе Н.*, 1967). Из меда и воска готовят разные напитки, в том числе пьянящие. Из воска делается ритуальная, святая свеча. Воск применяют и во время прививания фруктовых деревьев; из смеси воска с золой или землей для мытья головы готовят клейкое вещество для заделки трещин на глиняной посуде и т.д. До настоящего времени в народной фармакологии сохранились традиционные способы изготовления и применения снадобий из меда *уцецхло* (полученного «без огня»), воска и прополиса как в чистом виде, так и в виде смесей с органическими и неорганическими веществами (*Робакидзе*,

1960б. С. 102–134, 161–165). Лечебные свойства приписывают не только майскому меду из липы или альпийских цветов, который признан лучшим, но и меду, произведенному из других растений, например, горькому каштановому меду.

Высокий уровень пчеловодства, возникшего и развившегося на местной базе, обусловлен древнейшими, многовековыми традициями, большинство из которых связаны с основными отраслями хозяйства (земледелием и скотоводством) и воспринимаются как составная часть единой грузинской этнической культуры.

ОХОТА³

Благоприятные природные условия Грузии, обилие диких животных и птиц обусловили многовековые традиции охоты. Уже в мезолите на территории современной Грузии охотились на пещерного медведя, кавказского тура, кавказского (горного) козла, газелей, волка, лису, куницу и др. (*Бердзенишвили, Церетели*, 1991. С. 144).

Наиболее благоприятные условия для охоты имелись в горных районах. Так в богатой дикими животными Верхней Сванети, наряду с земледелием и животноводством многие занимались охотой (*Чимакадзе*, 1913. С. 15–17); даже к концу XIX – началу XX в. мясо тура и серны играло значительную роль в пищевом рационе сванов (*Кальвейт*, 1911. С. 41). Определенное хозяйственное значение имела охота на медведя и тура в селах горной Рачи (*Шостак*, 1903. С. 33). В пище хевсура определенное место занимало турье мясо; в Хевсурети водилось много туров, особенно в окрестностях Архоти и Шатили (*Макалатия С.*, 1984. С. 111).

На экономическое значение охоты в горной Грузии указывает и то, что места охоты на тура и серну, подобно пахотным землям, покосам, пастбищам и лесам, были частью территории традиционного расселения горцев, и на них распространялось такое же право собственности, как и на другие сельскохозяйственные угодья (*Левидзе*, 2003. С. 102). На травоядных животных – оленя, тура, серну и др. в основном охотились из-за мяса, хотя применение находили и другие части добычи. Так, турьи рога использовали как сосуд для питья (вина и пива), рога серны – как пороховницу кремневого ружья или в качестве вешалок для одежды, олени же – для украшения жилищ. Костным мозгом горного козла или серны смазывали металлические части механизмов. Турьи шкуры продавали на ярмарках. Ценились шкуры куниц, лис, медведей и других хищников. В Грузии были распространены куница, выдра и другие животные с дорогостоящим мехом (*Гамба*, 1987. С. 195–196), пушной товар был одним из более или менее значительных в 1820-х годах на ярмарке в Сухум-Кале, где шкура куницы продавалась за 2–3 рубля, медвежья стоила 4–5 рублей, волчья – 2 рубля и т.д. (*Гамба*, 1987. С. 88–89). Оленьи рога, шкура и пушнина были предметом торговли на ярмарках в Имерети (*Гамба*, 1987. С. 88–89, 100, 195–196) и городе Редут-Кале (*Гамба*, 1987. С. 26; *Габлиани Э.*, 1930. С. 37–38). Шкуры куницы, лисы, медведя и волка можно было купить на ярмарках в Лаилаши, Цагери и Кулбаки. По данным первой четверти

³ © Л. Левидзе

Снаряжение охотника

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1950-е годы

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

XX в. на ярмарках в Хони, Зугдиди, Джвари, Они и Цагери ежегодно продавалось до 1000 шкур куниц (*Габлиани Э.*, 1930. С. 37–38). В Лечхуми скупщики пушнины – евреи из Лаилаши – меняли фабричные изделия – ткани, белье, разную мелочь на меха диких животных. Отдельные части охотничьей добычи использовались в народной медицине. Промыслом пушнины занимались зимой, когда мех зверя был наилучшего качества. Интенсивная охота на травоядных животных начиналась после завершения периода размножения.

Традиционно высокий авторитет охотника, как отменного знатока горных троп, надежды односельчан, влиял на заинтересованность охотой юношей-горцев. К навыкам стрельбы из огнестрельного оружия юноши приобщались с 14–15-летнего возраста, после чего они уже могли самостоятельно охотиться на пернатую дичь и мелких животных, например, лису, барсука и зайца. Охоту на опасных хищников и крупных травоядных животных обычно осваивали с помощью опытного охотника с 17–18 лет. Обучение состояло в ознакомлении с повадками дичи и местами ее обитания, в воспитании смелости и физической выносливости, в знакомстве с неписанным охотничьим моральным кодексом, в воспитании уважения к старшему по возрасту, постоянной готовности к оказанию помощи находившемуся в беде товарищу. Значительное место уделяли ознакомлению с охотничьими верованиями, представлениями и обрядами, выработке сознания необходимости их соблюдения. Время учебы зависело от способности и усердия юноши, и заканчивалась она тогда, когда новичок впервые самостоятельно убивал зверя и удостоивался признания опытных охотников. Первую добычу юноши часто отмечали тем, что в его семье резали скотину и приносили жертву божествам охоты по установленному ритуалу.

Одежда охотника должна была быть легкой, теплой и сочетаться цветом с природной средой (*Робакидзе*, 1941б. С. 31). Этим требованиям хорошо отвечала домотканая одежда из грубой шерсти. «Одежда охотника» состоит из комплекса повседневной грузинской национальной одежды с измененными формами некоторых деталей и дополнительными элементами, обусловленными спецификой охотничьей среды. Подобная одежда сохранялась у населения горных регионов до начала 1930-х годов (*Гаприндашвили*, 1972. С. 705–706). Для облегчения передвижения в лесу и гористых местах охотники надевали одежду с более короткими полами, расширяющиеся на бедрах шаровары из домотканой шерсти с заууженными штанинами и бурку, обувь с плетеной подошвой для ходьбы по крутым скалистым склонам, ноговицы и наколенники, предохраняющие от мороза и травм. В комплект охотничьей одежды также входила накидка из шкуры горного козла, тура, овцы и т.д. – зачастую единственное средство защиты от простуды, полученной в результате намокания при дожде и снегопаде.

До распространения огнестрельного оружия основным оружием был лук. Для охоты на разную дичь использовали различные наконечники стрел: *бодзали* (обоюдоострая стрела) – на крупного зверя, *кейбури* (стрела с широким острием) на некрупных диких животных, *сарча* и *киборджи* (стрелы с узкими наконечниками) – для мелкой дичи (*Багратиони Вахушти*, 1964. С. 14).

Экипировка охотника включала кинжал, охотничий нож, веревку длиной 2–5 м для переноски груза и прочих нужд, бинокль – в случае охоты на тура и серну (*Робакидзе*, 1941б. С. 41–42), мешок из козьей шкуры для хранения

Лыжи-снегоступы *тхиламури*. Начало XX в.

© ФЗЭНГ

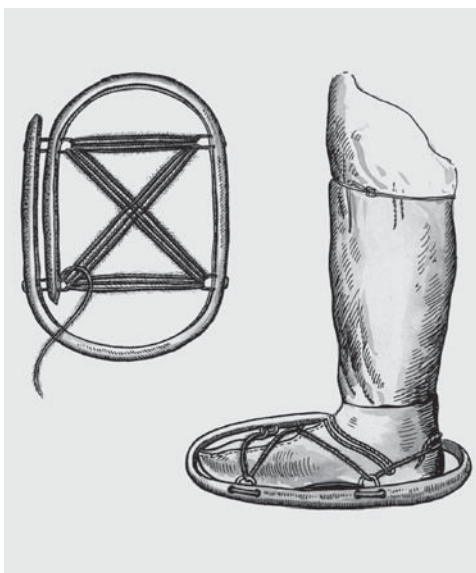
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

путевой провизии. Для ходьбы в альпийской и ледниковой зонах, в гористых местах необходимым элементом экипировки была рогатина длиной 140–150 см с железным наконечником, чтобы можно было нащупать покрытые снегом расщелины (*Астахишвили*, 1966. С. 230). Это орудие, известное как *аргани* в Хевсурети, *мужира* в Раче, *лабаша* в Мегрелии и т.д., применялось также в качестве подставки при стрельбе из ружья.

В гористых местах и на ледниках охотнику необходимо было иметь приспособления для обмотки и обвязки обуви: простые – петля из веревки с несколькими узлами (вместо шипов); кольчатые – петля из закрученных веток мелкого ореха и железные – подковообразные с двумя, тремя или четырьмя зубцами шипов. Для передвижения по глубокому снегу использовались традиционные лыжи-снегоступы четырех видов: дугообразные, круглые, эллиптические и с носком (*Астахишвили*, 1966. С. 239). Для всех видов общим является деревянная дуга, подбитая сетью из вощеной конопляной веревки или ремня, в которую вставляли ступню.

В Грузии обитает до 100 видов млекопитающих и около 330 разновидностей птиц. Из них следует упомянуть распространенных в альпийской зоне тура, горного козла и серну; кабана, оленя, медведя, волка, куницу из лесных мест; газель из Ширакской степи и множество других диких животных (*Джанашвили А.*, 1981. С. 27). Неоднородная зоогеографическая среда обусловила возникновение многообразных форм организации охоты и их сохранение в народном быту.

В Грузии известны три типа активной охоты: индивидуальная, небольшой группой и массовая. Индивидуально охотились на все виды диких животных, но на медведя, волка и тура – сравнительно редко, поскольку в таких случаях, кроме знаний особенностей поведения животного, требовались большая смелость и физическая выносливость. В малой группе число охотников колебалось от двух-трех (в основном) до десяти-пятнадцати. В массовой охоте вместе с охотниками участвовало также множество людей, которые не принадлежали к числу охотников (*Робакидзе*, 1941б. С. 77). Число участников массовой охоты зависело от обширности поселения, из которого на охоту шли все пригодные для этого дела мужчины – *кудзе кац*. Многочисленной группой охотились осенью-зимой, когда размножившиеся животные привыкали к хозяйственным угождам и при обильном снегопаде подходили близко к селениям.

С учетом объекта охоты и охотничьей среды, количества охотников, климатических условий, а иногда и конкретной ситуации перед охотой предпочтение отдавалось тому способу охоты, который наиболее соответствовал вышеперечисленным условиям. К основным способам активной охоты принадлежат: охота из засады, подкрадывание, охота-преследование, облавная и загонная. Охота из засады и подкрадывание представляют собой сравнительно простые способы, для их организации не требуется коллективных усилий; к ним прибегали в основном при охоте в одиночку на большинство видов травоядных и хищных животных. Преследование возможно как при индивидуальной, так и коллективной охоте. В большинстве случаев оно подразумевает псовую охоту в условиях редкого леса и труднопроходимого кустарника, когда собаки находят след дичи и преследуют ее (*Робакидзе, 1941б. С. 41*). При благоприятных условиях, например, когда на свежем снегу можно различить друг от друга новые и старые следы, этим способом можно охотиться и без собак. В таких случаях для определения места лежбища медведя или другого крупного зверя часто прибегали к огораживанию места прекращения следа, при коллективной охоте устраивали засаду у выхода из лежбища и выживали оттуда животное.

Облавная охота как способ коллективной охоты подразумевает устройство засады у проторенных животными троп и ожидание того, как после выстрела опытного охотника в условленное время напуганная дичь бросится к этим тропам. Этот способ эффективен при охоте малочисленной группой на тура и серну, поскольку, если место облавы выбрано удачно, особенность мест их обитания предоставляет возможность перекрыть все те тропы, по которым животные могут убежать (*Робакидзе, 1941б. С. 81*). Облавная охота (*джелга*) занимала значительное место в организации царской охоты на дичь в долинах и лесах.

К способам коллективной охоты принадлежит и загонная охота, подразумевающая загон дичи шумом и собаками в сторону охотников, находящихся в предварительно подготовленных засадах. Дичь загоняли как при охоте малочисленной группой, так и при массовой охоте, но если в первом случае участвовали только надлежащим образом снаряженные охотники, во втором загонщиками выступали численно превосходящие охотников сельчане, зачастую вооруженные только дубиной или плоским топором для рубки хвороста (*цалди*). Способ загона был основным при организации царской охоты в феодалской Грузии, с той разницей, что во время царской и аристократической охоты использовали лошадей.

Представленная классификация основана на том способе, который является основным и «придает существенное направление процессу охоты в целом» (*Робакидзе, 1941б. С. 101, 108*). Так, в процессе охоты-преследования главное найти след и преследовать по нему дичь; при облавной охоте – перекрыть проторенные диким животным тропы и лишить его возможности скрыться; во время загонной охоты – гнать животное в сторону находящихся в засаде охотников.

Особое место занимают охота с ловчими птицами и ловля ловушками и капканами (силками, западнями, самострелами). Свидетельство популярности аристократического развлечения – охоты с ловчими птицами (*базеби*) – та государственная забота о ловчих птицах и местах их гнездования, которую

проявляли грузинские монархи с помощью прислуги специального предназначения – ловчих и их главы при дворе царей – *базиертхуцеси* (Сургуладзе И., 1987. С. 690–695). В Грузии охотились с ловчими птицами 13 видов, в том числе с ястребом – на перепела, коростеля, а также на фазана и куропатку (в том числе лесную и серую), с соколом – на журавля, дикого гуся и другую крупную птицу, с орлом – на волка, джейрана и оленя (*Багратиони И.*, 1984. С. 244–246).

При помощи ловушек и капканов в основном охотились на хищников, особенно на животных с дорогостоящим мехом, а также птиц (пассивная охота). Были известны различные западни для ловли животного (куницы, медведя и др.), построенные по принципу действия спуска и силе падения спускового механизма; силки с петлей (*тцкара*, *гуруко* и др.) – попав в петлю, дичь душит себя тяжестью собственной массы; деревянные и плетеные ловушки, железные капканы и самострелы с одной и двумя стрелами для ловли хищного зверя. Выбор их разновидности и способа применения зависел от свойств дичи и особенностей охотничьей среды.

Важным элементом процесса коллективной охоты является распределение функций между членами группы. До начала охоты ее участники выбирали старшего, при этом значение придавалось возрасту, опыту и личным качествам. В его обязанности входили: выбор места и способа охоты, распределение функций между членами группы и их расстановка по местам, руководство процессом охоты в целом, забота о безопасности охотников, выбор места для ночевки и др. Распределение функций зависело от способа охоты. Так, при загонной охоте делились на сидящих в засаде – *месанпре* и загонщиков, во время облавной охоты – на подкрадывающихся – *мимпарвели* и сидящих в засаде и т.д. В некоторых краях Грузии, например, в Раче, при охоте в отдаленных местах иногда брали с собой и подручного – *танамтани*, которому поручались подсобные работы (нести груз, устраивать стоянки, приносить воду, собирать дрова, разводить огонь и др.) (*Робакидзе*, 1941б. С. 82). Часто функции подручного возлагались на младшего в группе, а если такового не находилось, подсобные работы распределялись между членами группы.

Известно три принципа распределения добычи: 1. вооружению, личности охотника, его вкладу в общее дело не придается значения, и добыча делится поровну; 2. подстреливший травоядное животное дополнительно получает голову с рогами, шкуру, а в некоторых местностях и лишнюю долю мяса (если удавалось подстрелить животное другого вида – только шкуру); 3. при распределении добычи преимуществом пользуется самый старший по возрасту – ему выделяют долю старшего – *саунпросо цили*. Определенная доля доставалась и тем, кто не принимал участия в процессе охоты. Для примера можно назвать: долю товарища – *саамханаго*, полагающуюся тем охотникам, которые по уважительной причине были лишены возможности участвовать в охоте; долю присутствующих на охоте, но не участвовавших в преследовании дичи – *надирис удевари* и долю соседей – *самезобло* и др. (*Робакидзе*, 1941б. С. 117–128; 202).

По народным представлениям животные имели сверхъестественную способность слышать и понимать речь человека. Поэтому, чтобы животное не услышало, что его собираются подстрелить, в некоторых краях Северного Кавказа и Грузии в процессе охоты применяют сохранившийся до сих пор

охотничий язык (*Вирсаладзе*, 1976. С. 9–11). С культом дикого животного также связана традиция регламентирования отстрела дичи (за один раз охотник мог добыть столько, сколько способен был унести), ритуал освящения ружья после отстрела определенного количества дичи, состоявший в том, что его зарывали в землю временно или навсегда (*Робакидзе*, 1941б. С. 173).

Добыча должна была быть изолирована от «нечистых существ» – женщин беременных или с менструацией, домашних животных и птиц; поэтому кости от добытого зверя зарывали в землю, сжигали в огне или бросали в проточную воду, хранили в специально выделенном для этого защищенном месте. Если несколько раз подряд случалась неудачная охота (*хелис шеква*), причиной этого нередко считали ружье, для снятия с него «заговора» совершали ритуал заклинивания ружья, а в некоторых уголках его посрамления (*шерцхвена*) – ружье на некоторое время клали в нечистое место, или «отравляли» (*дашхамва*) – проталкивали по каналу ствола пресмыкающееся (*Робакидзе*, 1941б. С. 167).

Имелся ряд примет, по которым судили о возможных результатах охоты и решали – идти на охоту или нет. Например, охотились при полной луне, не шли на охоту, если приснился плохой сон и т.д. Было желательно, идя на охоту, встретить искренне благословившего и провожающего в путь с добрыми пожеланиями человека (*менехури*), в случае же встречи с плохим встречным (*циндамхвдури*) следовало прибегнуть к разным магическим действиям.

В Грузии сохранились поверья о животном – владыке, хозяине, ангеле тура, серны и других «святых» зверей, который от других зверей своей породы отличается золотыми рогами, белым пятном на лбу, необычным размером и т.д. Исследователи полагают, что зооморфный облик божества зверей является пережитком древнейших представлений. *Дали* (богиня охоты, покровительница диких животных), *Ткаши-мана* (лесная царица, владычица диких животных) и другие покровительницы, хозяйки (*Дедакаци месене*), а затем божества в мужском облики – *Ансати* (у сванов – покровитель и пастух диких рогатых животных и птиц), *Очопинтре* (лесное божество охоты), *Мамакаци месене* (покровитель, владыка, хозяин, ангел диких животных), *Надиртмцкемси* (пастух зверей) и др. (*Бардавелидзе*, 1953. С. 88; *Чиковани М.*, 1959. С. 113; *Вирсаладзе*, 1976. С. 33).

По народным представлениям женское божество – хозяйка зверей – большею частью красива, добра к чтущему святость и выполняющему охотничьи обряды, особенно к своему избраннику, с которым она вступает в любовную связь. В случае нарушения охотником данного слова и разглашения им тайны любовной связи или другого условия богиня превращается в гневную мстительницу. Мужские божества представлены покровителями зверей и часто отцами, братьями или супругами богинь (*Вирсаладзе*, 1976. С. 35–37). В Имерети (*Робакидзе*, 1941б. С. 196), Мегрелии (*Тепцов*, 1894. С. 11–12), Тушети (*Дирр*, 1915. С. 1) и других краях Грузии существуют поверья об антропоморфных божествах обоих полов, пасущих зверей поочередно. Год «дежурства» мужчин считался счастливым, поскольку, в отличие от женщин, они пасли дичь менее бдительно и предоставляли охотнику возможность ее добыть (*Очиаури Т.*, 1984. С. 286). Главнейшим покровителем охотников считался св. Георгий, охранявший их от злых сил. Поэтому в охотничьих обычаях ритуалы, посвященные синкретичному культу св. Георгия, занимали значительное место.

РЫБОЛОВСТВО⁴

Рыболовство наряду с охотой и собирательством является одним из древнейших видов деятельности человека. На протяжении веков в хозяйственном быту грузинского народа оно занимало значительное место, обусловленное богатством природных ресурсов Грузии, множеством рек и озер и близостью моря. Реки Грузии связаны с бассейнами Черного и Каспийского морей. В Западной Грузии районом рыболовства издревле являлось восточное побережье Черного моря, в которое впадают реки Риони, Ингури, Цхенисцкали, Хоби, Чорохи и др., в Восточной – река Кура со своими притоками. При археологических раскопках здесь найдены свидетельства деятельности людей – крючки из камня, кости и металла. В энеолитических слоях Сагварджиле найдено множество грузил рыболовных сетей и рыболовный багор из кости животного (Археология Грузии, 1959. С. 64). Кроме Сагварджиле, в жилищах эпох неолита и энеолита, находящихся в непосредственной близости от моря, найдено множество грузил рыболовных сетей из плоских камней. Подобные грузила найдены также на городище Пичвнари (совр. Кобулети). По всей видимости, рыболовство получило широкое распространение и во внутренних районах Колхиды, где оно носило сезонный характер и являлось подсобной деятельностью (Кахидзе А., 1971. С. 54–55).

Эта отрасль оставалась развитой и в античную эпоху, в приморских же городах она имела промышленный характер, что было обусловлено наличием греческих колоний на побережье Черного моря. В ту пору из Колхиды вывозили соленую рыбу. Постепенно рыболовство превратилось в одну из важных отраслей.

О развитии рыболовства в приморской полосе свидетельствуют найденные на территории городища Пичвнари корытообразные глиняные сосуды больших размеров, назначение которых вызывает разнообразные толкования среди исследователей. По нашему мнению, эти изготовленные из грубой глины ванны, по-видимому, предназначались для засола рыбы, что подтверждается найденными рядом множеством грузил и костей дельфина («морской свиньи»). По сведениям античных авторов, местные жители солили и хранили дельфиний жир в глиняных кувшинах. Следует предположить, что связанные с рыбным промыслом приморские жилища были временными.

Греческие писатели также свидетельствуют об изобилии рыбы в водах Грузии. У античных авторов находим сведения о хозяйственной деятельности обитателей Черноморского побережья. Ксенофонт указывает, что «народ здесь ловил рыбу, резал на куски и солил, а рыбий жир во всем употребляли вдоволь». Ему приходилось видеть помещенное в больших сосудах нарезанное и посоленное мясо «морской свиньи» (дельфина), по его словам, в кувшинах хранили рыбий жир, употребляемый местными жителями вместо топленого масла. Также имеются сведения Страбона о том, что жители города Фарнакеа легко ловили дельфинов на приманку и употребляли их жир (Джавахишвили И., 1960. С. 26).

На позднеэллинистическом городище Вани была найдена бронзовая спица длиной 24 см для плетения рыболовных сетей. Там же был найден и крю-

⁴ © Л. Мирианашвили

чок, свидетельствующий о том, что жители города занимались рыболовством (*Хоштария*, 1959. С. 48).

В феодальной Грузии употребление рыбы и рыбопродуктов в пищу еще более расширяется. Спрос был одинаково велик как во времена экономического расцвета страны, так и при неурожае или в лихолетье. Рыбопродукты занимали большое место в регламентированном христианской религией режиме питания, например, во время религиозных праздников, приходящихся на период поста – Вербного воскресенья, Вербной недели, Благовещения и Преображения разрешается есть рыбу, не говоря о свадьбах либо поминках. Свежая и соленая рыба зачастую украшала застолье царей, владетельных князей, духовных лиц и представителей господствующего сословия. Из-за природного изобилия свежая рыба была также доступна для низших социальных слоев. Несмотря на то, что в Грузии рыбу ловили в огромном количестве, ее ввозили и из соседних стран в переработанном виде, в частности из Сальян (место впадения Куры в Каспийское море), о чем свидетельствуют сведения арабских географов X–XIII вв. (*Тер-Ованесов*, 1959. С. 5).

В позднефеодальной Грузии рыболовные места принадлежали царям, церкви и отдельным князьям. Места рыбной ловли на реках и озерах владельцами сдавались пользователям за плату, а крестьяне вносили определенный налог натурой – частью пойманной рыбы, называвшийся *сатичхуле* (*Брегвадзе*, 1971. С. 8). Например, глава г. Кутаиси, которому подчинялись градоначальник и *мехидикаре* (управляющий таможей), получал половину царского дохода от соли и рыбы и делил его со своими подчиненными (*Гоникашвили*, 1979. С. 52–60). Право рыбной ловли имели и посторонние лица. Как рыболовные снасти (ручная сеть, удочка), так и место, время года и вид рыбы были строго определены. Все вышеуказанное подтверждается грамотами, которые выданы царями, церковью и князьями. Например, в Самегрело некоторые проживающие по берегам реки Риони крестьяне были обязаны с марта по сентябрь ловить рыбу для двора владетельного князя. Исполнитель подобного обязательства назывался *мезутхе* (ловец осетров) (*Гугушвили*, 1950. С. 499). В Восточной Грузии тбилисские рыбаки за право рыбной ловли в Куре ежегодно платили царю 1300–1400 рублей, а натурой – одну треть пойманной рыбы (*Гелашвили*, 1962. С. 115).

На р. Кура, от Мцхеты до Красного моста (близ устья р. Храми) право ловли сома и другой рыбы исстари принадлежало Церкви. Тбилисские рыбаки могли ловить рыбу (кроме сома) удочкой и ручной сетью только в местах, сданных церковью в аренду. Несмотря на такое ограничение, они имели довольно крупный доход, поскольку могли вносить в царскую казну нужную сумму (*Какабадзе*, 1913. С. 39). В монастырь поставляли рыбу и руставские рыбаки. Указанное обязательство было закреплено им Жалованной грамотой царей Теимураза I, Ростома и Шах-Наваза (*Бердзенишвили Н.*, 1964. С. 220).

Время от времени, когда отношения с соседними ханствами предоставляли такую возможность, грузинские рыбаки, особенно из Тбилиси, ходили на рыбную ловлю вниз по течению Куры до впадения в Каспийское море, а также в Эриванское ханство. В феодальной Грузии, кроме княжеских и церковных крестьян, рыбной ловлей занимались и нанятые рыбаки. Для развлечения рыбачили и представители господствующего класса.

Тифлиские рыболовы на бурдючном плоту. Начало XX в.

© РЭМ. № 213-91

В Гурии, Имерети и Самегрело, если река протекала вдоль или посередине земельного участка частного владельца, никто кроме владельца земли, не мог ловить там рыбу. Он имел полное право выгнать рыбака и отобрать у него рыбу. Это правило соблюдалось строго. Даже в том случае, когда хозяева больших имений объединялись для ловли рыбы, травя рыбу или устроив запруду, либо ночью при свете факелов, принцип собственности в основном все же соблюдался (*Антелава*, 1956. С. 95).

Сведения о реках Грузии, водившихся в них породах рыб и связанных с рыбой обычаях описаны иностранными авторами. По рассказам католических миссионеров (XVII в.), в гостях у грузинских князей их часто угощали свежей, соленой рыбой и икрой. Так, Джудиче Миланский, деятельность которого в Грузии приходится на 30-е годы XVII в., вспоминает, что владельцы князя Гурии и Самегрело, а также другие князья не раз потчевали его рыбой и преподносили ее в дар. Грузинские князья, как правило, преподносили в дар гостям и близким рыбу и вязигу как особый подарок, считавшийся великой милостью (*Джудиче Миланский*, 1964. С. 87). Любопытные сведения об этом приводит и А. Ламберти (*Ламберти*, 1938. С. 195).

Об уровне развития в Грузии рыболовства свидетельствует канал, прорытый от р. Кциа до озера, служившего для разведения рыбы. Насколько важное значение придавалось этой отрасли, становится ясным из эпитафии царя Давида, где говорится: «слилось воедино рыбное богатство вод западных с восточными» (*Бердзенишвили Н.*, 1964. С. 220).

В 70-е годы XVIII в. экспедиция Российской академии наук под руководством акад. И. Гильденштедта, вместе с другими вопросами, проявила боль-

шой интерес к изучению водившейся в водах Грузии рыбы. По приказу Ираклия II ему преподнесли рыб разных видов: лосось, сом, карп (линь), усач, вандыш (пичхули), лепок (лакс-форель) и др. (*Гелашвили*, 1962. С. 162–163).

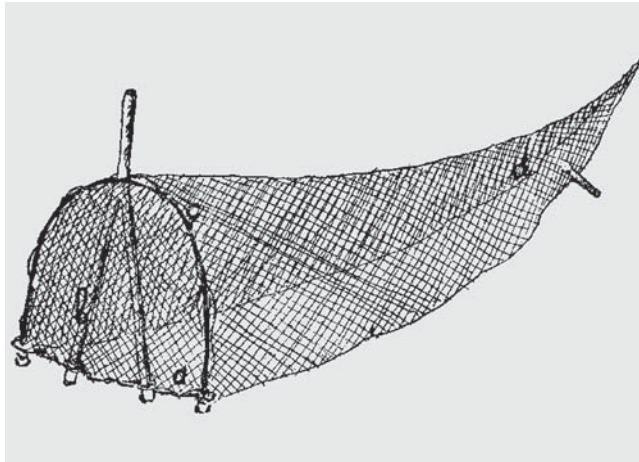
Вахушти Багратиони при описании рек и озер Грузии перечисляет следующие виды рыб: осетр, лосось, севрюга, белорыбица, карп (линь), сом, хариус, карась, форель, вандыш (пичхули), камбала, белуга, судак, усач, окунь, шемая, плотва, угорь, килька и др., число которых довольно велико (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 31–220). В 1804 г. посланные в Имеретинское царство русские чиновники докладывали наместнику в Грузии и на Кавказе П. Цицианову о том, что реки и озера Имерети и Самегрело (особенно реки Риони, Хоби, Ингури, оз. Палиастоми) богаты множеством рыб лучших пород (*Гугушвили П.*, 1956. С. 419).

В Куре и ее притоках водились карп, сом, форель, лосось, белорыбица, плотва, пескарь, карась, угорь, сом и др.; в Риони – форель, сельдь, голавль, усач, карась, осетр, камбала, белуга, сом, щука, сазан, плотва, минога, горчак, подуст. Из этих рыб осетр и некоторые другие входят на нерест в реки Риони и Квирила, после чего опять возвращаются в море, остальные постоянно водятся в Риони и ее притоках. О времени нереста поговорка говорит: «Нерест идет следом за оленьим гоном». По народным представлениям, во время нереста, а также в месяцы, в названии которых отсутствует буква «р», рыба бывает менее вкусной. В народе считается, что икра всех рыб, кроме форели, ядовита. Места, где рыба сосредотачивается для зимовья, называются тайниками (*болати*). Рыба проточных вод ценится больше, чем та, что обитает в стоячей воде. Плывущую против течения рыбу называют *агмарти тевзи*, а плывущую вниз – *дагмарти тевзи*.

Простейшим способом была ловля рыбы вручную (*хелаоба*). Возводили также запруды на притоках, загоняли рыбу в заливы, ставили корзины, использовали гарпуны, для ловли крупной рыбы – боевое и охотничье оружие (дротик, лук и стрелы и др.). Более развитыми способами были ловля с использованием удочек, сетей, ловушек (*очхе*); зимой устраивали проруби, летом – плоты из бурдюков.

Рыбная ловля могла быть индивидуальной, групповой и массовой (*Робакидзе*, 1941а. С. 77). Индивидуально в основном рыбачат на мелководных реках, участках с быстрым течением и в лощинах. При ловле группой рыбаки временно объединяются со своим инвентарем.

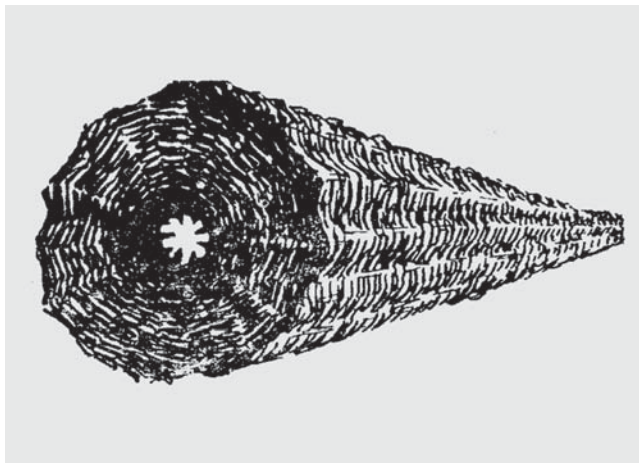
В речках и лощинах рыбу мелкую и среднего размера ловили вручную (без удочки и сети) и днем и ночью, во все времена года. В декабре – январе, если река замерзала, лед проламывали дубиной и рыбу вытаскивали вручную. Осенью в реку бросали хворост (*ничхи*), чтобы в нем застревала рыба, в основном мелкая и среднего размера, которую называли *пичхули*. К простым способам рыбалки относится ловля крученой полевой травой (*туло*). Этот способ применяют летом во время сенокоса. Сено закручивали наподобие толстой веревки длиной 2–3 м, ее концы брали два человека, опускали в реку и загоняли рыбу к берегу, а затем извлекали ее вручную. В народе до сих пор сохранилась память о древнейшем способе отравления реки растительными ядами, при котором толченое ядовитое растение сыпали в воду. В отравлении реки участвовала вся деревня. Такую «одурманенную» рыбу быстро извлекали из воды, а затем делили поровну.

Сеть-ловушка *სადგამი ბადე*. Начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Корзина для ловли рыбы. Начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

При рыбалке ночью применяли *მარცა* и лучину. В разных уголках Грузии *მარცა* называют по-разному: *ჩანგალი*, *ყკიტი* (вилка, вилы), *ჩვილტი* (рыболовный багор), *ჩვირტი* (острога); это насаженный на деревянную рукоятку трехрогий или вильчатый наконечник, острие которого похоже на стрелу. Ночью реку освещали лучиной, на свет которой рыба шла к берегу и становилась легко доступной. Рыболовную снасть *ნაჯერი* – самолов в виде плоской плетенки из прутьев – ставили в реку таким образом, чтобы верхняя часть оставалась снаружи, а нижняя преграждала рыбе путь и перекрывала течение; вода спадала и запутавшаяся рыба оставалась в самолове.

Из рыболовных снастей чаще других использовали удочку и сети. Удочка бывает двух видов: одинарной и в виде нанизанных по несколько штук на веревку крючков. Удочку на всю ночь спускали в воду и проверяли ее на следующий день. Наживкой служили червь и мушка.

Особого внимания заслуживает оригинальный способ рыбалки с помощью *очхе* – выстроенной на берегу реки ловушки, некогда распространенный в ущелье Куры. Подготовка к ловле начиналась с августа и продолжалась до 15 сентября. На берегу реки вырывали яму глубиной по грудь человека, шириной до 2 м. Очхе в основном бывали круглые, в некоторых местах квадратные (селения Цкордза и Вале в Самцхе). Строили двойную каменную стенку и заполняли щебнем и землей. Без засыпки оставляли ту часть, где вверху делали дверцу, которая называлась *сатвине* или *сасуле* (отверстие); к этому же месту приделывали дверь большего размера, называемую *гасавали*, *сатвале* (проходная щель). Верхняя дверь делалась для того, чтобы текущая сверху вода выносила из нижней двери землю и ил, что оберегало ловушку от засорения. Когда в реках рыбы было много, в этой двери также ставили корзину. Вторая, большая дверь делалась для выемки рыбы. С похолоданием подготовленную таким образом ловушку доверху засыпали камнем. Выбирали камни такой формы, чтобы рыба могла свободно двигаться между ними. Эти камни хорошо обрастают мхом, что привлекает рыбу. Они такого веса, чтобы можно было легко поднимать их одной рукой. После засыпки камнем верхнюю дверь заделывали сеном и камнем, чтобы предохранить ее от засорения илом и грязью. Нижняя дверь оставалась открытой до той поры, когда начинали обшаривать ловушку в поисках рыбы. Зимой, несмотря на наступление сильных морозов, внутри сохранялось тепло, и рыба начинала входить в ловушку. Вошедшие внутрь крупные рыбы не впускали туда мелких, а потому в ловушку в основном собирались рыбы одинакового размера и одного вида.

Обшаривали ловушки при самых сильных морозах, вчетвером или впятером, между участниками работа была разделена. Одному из них (*кедлис каци* или *мекедле* – букв.: человек стены) поручалась засыпка стен. Перед обшариванием поперек стен помещали двойную перекладину, а на нее ивовую плетенку, на которую ложился голый по пояс человек. Он доставал с краев ловушки камни, передавал помощнику и заполнял сеном. Рыба собиралась в середине ловушки, в нижней части ставили корзину, чтобы в нее вошла рыба. Из-за холода вытаскиватели камней часто менялись. После изъятия камней в *очхе* дубинкой перемешивали воду, и напуганная рыба сама плыла в корзину. Первую рыбу, будь она хоть в пуд весом, собиравший из ловушки рыбу человек получал целиком. Эта часть улова называлась *нацерили* (наперсток) и не входила в долю, которую давал ему владелец *очхе* после завершения рыбалки. Рыбакам помогал еще один человек, который разводил огонь, чтобы согреть замерзших участников ловли. Он получал столько же рыбы, как и *кедлис каци*. Попавшая в ловушку рыба принадлежала владельцу *очхе*, который давал часть рыбы помощникам в вознаграждение. После завершения общей рыбалки, если кто-то еще смог вручную поймать рыбу, то она доставалась только ему. Пойманная в *очхе* рыба называлась *очхури* (из *очхе*). *Очхури* ценилась больше, чем пойманная сетью, поскольку считалась более жирной и вкусной (Сонгулашвили Дж., 1964. С. 37).

В Грузии повсюду была распространена рыбная ловля сетями разной формы и размера в зависимости от ширины и быстроты течения реки и физической силы рыбака. Имеются три основных вида сетей: закидной невод, бредень, сачок. Существовало множество разновидностей неводов и способов их использования. Некоторых из них закидывали с лодок и с плотов из бурдюков, а также с берега реки. Они отличались друг от друга и по форме. Закидной невод был круглым, сплетен кольцеобразно и бывал разной величины. Размер этой сети измерялся аршинами, она была соткана ячейками разного размера, сужена в конце и утяжелена прикрепленными по краям свинцовыми грузилами, чтобы после закидывания быть погруженной в воду. Этот невод в основном закидывали в стоячие воды, или же использовали на реках с слабым течением. В отличие от кольцеобразных (закидных) сетей бредень вязали в длину. Его в основном использовали на больших реках, озерах и на море. Справиться с ним в одиночку было невозможно, поэтому при лове этой сетью обычно объединялись несколько рыбаков. Рыболовные снасти (сети и лодки) временно становились общими. Сачок имеет малые размеры и сплетен кольцеобразно или четырехугольно. Иногда он насажен на деревянную рукоятку. Этими сетями рыбачили с берега. В старину невод изготавливали почти во всех приречных селах. Мастера получали заказы от рыбаков и за определенную сумму изготавливали сети. Это ремесло передавалось по наследству, из поколения в поколение.

Материалом для изготовления сетей служила пряжа из конопли, льна и шелка. Еще Ксенофонт сообщал о том, что жители Колхиды вязали отличные сети из льна (*Ксенофонт*, 1967. С. 104). Для тяжести к концу сети приделывали грузила из свинца, камня и глины, которые нередко находят археологи. В современном быту используются только свинцовые грузила.

Рыбу, выловленную в мелководных реках или устьях рек, в основном употребляли для семейных нужд, часть солили на зиму. Соленую рыбу клали на укрепленное над очагом решето, некоторую часть коптили. В низовьях Куры и среднем течении Риони, где ловили крупную рыбу в большом количестве, ее частью продавали в свежем виде, остальную же солили; также, заготавливали икру двух видов: для быстрого употребления и для сохранения. Солили «красную рыбу» и заготавливали икру из этой же рыбы, которая заходила в реку из моря. Соленое и копченое мясо осетра и сома называется соответственно *доши* и *чипа* (тешка).

По верованиям рыбаков, чтобы улов рыбы был большим, надо было соблюдать определенные правила, чтобы угодить *Надиртпатрони* (Повелителю зверей). О значении рыболовства в быту народа свидетельствуют многочисленность связанных с рыбой верований и представлений, их древнее происхождение и сохранность до сегодняшних дней. В Грузии охота и лов рыбы считались «святым делом». Святыми считались также места охоты и некоторые звери. Из рыб особо почитали форель, о чем говорит ее использование во многих ритуалах. Рыбак, как и охотник, перед рыбалкой был обязан соблюдать установленные запреты, чтобы не осквернить святость охоты и не навлечь на себя гнев *Надиртпатрони/Тевзтпатрони* (Повелитель зверей/Повелитель Рыб). Перед рыбалкой следовало воздержаться от половой свя-

зи с женщинами, не произносить бранных, непристойных и грубых слов. Выходя на ловлю рыбы, старались ни с кем не встретиться, чтобы избежать сглаза, учитывали также состояние погоды, дни недели и фазы луны. Ловли избегали во время нереста, чтобы не помешать размножению рыбы. Рыбалку старались приурочить к полнолунию; рыболовные корзины и сети делали в этот же период. Перед тем, как направиться к месту рыбалки, еще находясь дома, рыбак поворачивался лицом к иконе и произносил молитву: «Боже, пошли мне удачу и доброе хождение, помоги мне изловить побольше». Перед выходом он ставил на ладонь стакан с водой, поворачивался вправо и молил бога даровать ему обильную добычу. Так же, подойдя к берегу реки, молили у божества рыб милости. Выходя из дома, рыбак переступал порог правой ногой, оборачивался и говорил: «Боже, помоги мне выйти со счастливой ноги». Правые рука и нога благословлены богом – говорили рыбаки. Находясь у берега реки, он смачивал руки и тело, невод и удочку, выпивал воду, входил в реку по колено и произносил: «Боже, ниспошли мне удачу, дай мне поймать много рыбы», и только после этого начинал рыбалку. Прежде, чем начать лов рыбы, из воды доставали чистый камешек, клали в сеть и приступали к рыбалке. Во время ловли рыбаки не разговаривали, соблюдая тишину. Первую пойманную рыбу надо было обвести вокруг головы (по некоторым вариантам, поцеловать ее либо укусить за голову или хвост, или погладить ею правую ступню) и отпустить ее в воду. По другим представлениям, ее не надо было отдавать никому, чтобы «не сглазили»; рыбу относили домой и ее обязательно должен был съесть сам рыболов. У берега реки рыбак обращался с молитвой к покровителю рыбаков – *Ларса/Ласа*: «Боже и благодать Ласы, помоги поймать рыбу и да будет первая принесена в жертву для Вас». Божество рыбы известно в народе под двумя именами: Ласа и Ларса. Некоторые именуют их *Тевзис шемце* (Покровитель рыб), *Тевзис патрони* (Повелитель рыб) или *Надирт ангелози* (Ангел зверей). В народных верованиях и представлениях действенным средством против дурного глаза считались не только рыба, но и невод с его свинцовыми грузилами (бусами). Рыболовной сетью покрывали люльку с младенцем, роженицу, а иногда и плоскую кровлю, чтобы «изгнать черта». Если случался выкидыш, при следующей беременности талию женщины обвязывали рыболовной сетью до первых толчков ребенка в утробе, а в тех случаях, когда ребенок долго не начинал ходить или стоять самостоятельно, его считали «завороженным» и ставили на форель, которую потом должны были выбросить. На рыбу и сеть ребенка ставили и в том случае, если он долго не начинал говорить.

В Грузии рыболовство никогда не было ведущей отраслью хозяйственной деятельности (кроме приморья и мест слияния больших рек), однако на протяжении веков оно находилось на высоком уровне, тем более, что полезные и целебные свойства рыбы были широко известны.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

ОСОБЕННОСТИ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ СРЕДЫ И ТРАДИЦИЯ ЗОНАЛЬНОГО РАСПОЛОЖЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУР⁵

Многообразие природных условий – особо важный фактор, от которого в значительной степени зависит направленность культурно-исторического развития страны. Хозяйственные участки традиционного земледелия в основном сконцентрированы в горной полосе и представляют собой наиболее рано освоенные объекты, где следует искать зачатки земледельческих культур и их высокоразвитые элементы. Если проследить исторический процесс развития земледелия, своеобразно протекавший на разных континентах, то увидим, что своего максимального развития оно достигло именно в таких местах, где покорение природы было сопряжено с особыми трудностями и требовало применения огромного коллективного труда: «Наивысшие достижения человечества в земледельческом производстве зафиксированы не в богатых природными ресурсами равнинных районах, а, напротив, в горах, где приходилось преодолевать серьезные препятствия в покорении каждой пяди земли. Издревле, осваивая высокогорные районы, в условиях различного климата, почв, растительного и животного мира, разные народы самостоятельно формировали собственные обычаи, привносили в культуру новые растения, создавали свою агротехнику и накапливали огромный опыт на пути своего исторического развития» (Вавилов, 1922. С. 13, 41).

Земледелие на территории Грузии имеет глубокие корни, на что указывают как письменные источники, так и результаты археологических изысканий (Читая, 1960б). Грузия считается родиной многих культурных растений, а для сортов пшеницы является своеобразным музеем. Многообразная экологическая среда обусловила широкое распространение и культивацию возникших на местной почве эндемиков и вместе с тем глубокую адаптацию занесенных культур, которые со временем укоренились рядом с аборигенными видами.

На территории Грузии располагаются два природно-географических ареала: с одной стороны, влажно-субтропическая среда Причерноморья Западной Грузии, а с другой – умеренно-континентальный климат предгорий и равнин Восточной Грузии, мощных очагов формирования культурных комплексов. Культурно-хозяйственное развитие каждого региона находится в непосредственной связи с особенностями географической среды, а для горных регионов – также со спецификой вертикальной зональности. В каждой географической среде действует присущая только ей закономерная связь между явлениями природы, с одной стороны, и природой и человеком – с другой. На этой основе каждая географическая зона признана независимой генетической сферой, классифицированной по признаку вертикальной зональности и широко осмысленной в историческом плане (Докучаев, 1899; Захаров, 1936; Читая, 1960а).

В Грузии вертикальные зоны определенным образом восполняют друг друга как на всей территории, так и внутри отдельных микрорайонов. Каж-

⁵ © Л. Бериашвили

дая полоса имеет свою «гору» (*мта*) и «равнину» (*бари*), поэтому принцип зональности проявляется в пределах микрорайона. Вместе с тем четко выражена межзональная инверсия, установленная в разных зональных поясах.

Характер горной природы Грузии, своеобразие взаимовлияния горы и равнины наглядно показаны в трудах Вахушти Багратиони (XVIII в.). Автор выдвигает концепцию распределения однородных хозяйственно-географических ареалов по признаку вертикальной зональности, выделяя каждый ареал посредством установления характерной для него культурной растительности и других соответствующих данных. Как отмечает И. Джавахишвили, «учение о ареалах и зональности культурных растений за сто лет до Декандоля было выдвинуто прославленным грузинским ученым Вахушти Багратиони, хотя проблема им была ограничена лишь территорией Грузии» (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 297). Как явствует из сочинений Вахушти, грузинский крестьянин с древних времен использовал зональные особенности природы в своей практической деятельности. Каждой полосе соответствовали подходящие отрасли и формы деятельности, и нередко благодаря усилиям человека скудная и малодоступная среда превращалась в цветущий сад. Ученый выделяет 4 геоботанических ареала, или зоны, по совокупности показателей экологической среды.

На основе этнографических исследований установлено, что в соответствии с характером вертикальной зональности территории Грузии, ее географических поясов, естественно-хозяйственной среды нагорья, переходной полосы и равнины дифференцировано и распределение отраслей земледелия. Их зональное соответствие прослеживается во всей системе годового земледельческого цикла, динамичности хозяйственных приемов, многообразии орудий труда и т.д., отражающих специфику форм хозяйства, находящихся в стадийном соответствии с микрizonaльностью. Обусловленные разнообразием природных условий пахотные орудия особенно наглядно выявляют действия факторов зональной зависимости. В этнографической действительности сохранились различные виды пахотных орудий: *диди картули гутани* (большой грузинский плуг), *джилга-гогора* (передковое пахотное орудие), *орхела* (грядильное), *кавцера* (яремное), *кави* (соха) и др. Каждое из этих орудий имеет свои конструктивно-функциональные особенности, отражающие длительный процесс их развития в конкретных природно-хозяйственных условиях. Эти пахотные орудия, отличающиеся друг от друга элементами конструкции, предстают в виде сложных, промежуточных и простых форм – в зависимости от специфики и потребностей каждой природно-географической полосы, в условиях которой они используются (*Читая*, 1960а).

Зональное расположение поселений было подчинено жестким закономерностям. Это и сегодня можно проследить в микрizonaльном масштабе многих регионов страны. Здесь главными показателями выступают характер строения каждого ущелья, климат, местные зональные и инверсионные процессы, характеристики солнечной освещенности и т.д. В зональном режиме следует учитывать также региональную принадлежность ущелий. Например, в Месхети с. Рустави расположено на высоте 1000 м над уровнем моря, Аспиндза – 1340 м, их «гора» Хизабавра – 1590–1600 м. Иную картину мы наблюдаем в Кизики: с. Вакири – на высоте 320 м, его «гора» Земо Бодбе – 840 м. Таким образом, «горное» поселение одного региона соответствует

предгорному или подчас равнинному поселению другого региона. Поэтому «гора» и «равнина» на примере территории Грузии должны оцениваться не как строго подчиненные этим понятиям конкретные зональные полосы, а, исходя из многообразия ландшафта страны, в относительном понятии – для каждого населенного пункта в отдельности, когда предгорье – ареал переходной зональности предстает носителем важных экономических и социальных функций.

На своеобразие переходной зональности Грузии (на территории разных ее регионов), на особую близость гор и равнины указывает и Вахушти Багратиони, по словам которого «в этой стране горы и равнины соседствуют так, что на расстоянии дня или полудня пешего пути лежат в горах снега, а на равнине плодоносят померанцы, грейпфруты, оливковые деревья и всякие плоды» (*Багратиони Вахушти*, 1941). Поэтому эти *гора* и *равнина* должны рассматриваться как взаимоопределяющие географические зоны, существующие для каждого отдельного ущелья, где каждой *равнине* соответствует своя *гора*, которая относительно другой *горы* является *равниной* и т.д. Таким образом, на территории каждого региона в ареале переходной зональности существование фактора – носителя экологических, хозяйственно-экономических и этнических показателей – подтверждается множеством соответствующих свидетельств (*Читая*, 1960а).

Понятие предгорья в нынешней формулировке является общей оценкой, полученной в результате научного изучения исторического прошлого, и отражением его в реальности. Гора и равнина всегда были одним целым: равнине нужна была гора, а гора, в свою очередь, не могла существовать без равнины. В зональном расположении ущелий эта «близость горы и равнины» имеет всеобщий характер, и часто в одном маленьком ущелье могут быть обозначены две «равнины» и две «горы». Как отмечает Н. Бердзенишвили, термин «*хеви* (ущелье) обозначается не только маленький отрезок земли – *квекана* (край, область); вся Кахети тоже представляет собой *хеви*, поэтому, несмотря на тенденцию к расширению, понятие *хеви* не может избавиться от преимущественного географического признака; на новом этапе развития *хеви* сменился понятием *саэриставо квекана*, так что обстановка для государственного строя была подготовлена в ущельях; постольку образование Картлийского царства – это была классовая организация, возникшая на почве развившихся в ущельях отношений» (*Бердзенишвили Н.*, 1975. С. 56, 75). Становится очевидным, что в сочинении Вахушти Багратиони в близости горы и равнины передана ситуация проживания общества по ущельям, и, как мы уже отметили выше, в этом единении отражена картина целостности жизни внутри ущелья. Сравнивая Ксанское и Арагвское ущелья, Дж. Гвасалия пишет: «Если сравним Ксанское и Арагвское ущелья, станет ясно, что, несмотря на их расположение на одной и той же географической широте, Ксани по социальному и экономическому развитию стоит на гораздо более высокой ступени... что следует объяснить его природными условиями: в Ксани даны типичные гора и равнина, с протяженным и развитым предгорьем, способствовавшим беспрепятственному отношению между горой и равниной. Посредством предгорья в нагорье Ксани из равнины легко проникали экономические, культурные и социальные импульсы» (*Гвасалия*, 1986. С. 39). «Очевидно, что гора стала “непроходимой” и “ужасной” в позднюю эпоху, когда центры культуры переместились на

равнину, когда земледелие стало главной, ведущей отраслью хозяйства. В старину же, когда культура была преимущественно горной, когда культурные центры находились в предгорной полосе, тогда гора, бесспорно, была более освоена, а отношения между нею и равниной – более нормальными» (*Бердзенишвили Н.*, 1975. С. 641). Действительно, согласно закономерности и характеру расселения в этих ущельях, во многих их частях равниной считалось их предгорье.

Доминантным критерием размежевания горы и равнины, исходным фактором их противопоставления и различия в концепции зональности Вахушти Багратиони является главнейшая культура Грузии – виноградная лоза, зональные границы распространения которой ученый подчиняет дефиниции понятий горы и равнины. Однако, если при размежевании этих ареалов мы будем опираться только на культуру винограда, тогда необходимо будет указать, что в Грузии распространение лозы колеблется в пределах высоты 200–1500 м над уровнем моря и более.

В масштабе всей территории Грузии этнографами проведены обширные исследовательские работы по культуре винограда, на основе которых установлено, что для традиционного хозяйства виноградная лоза является предгорной, а не равнинной культурой в том понимании, как это принято сегодня. В Шида Картли, Кахети, так же как и во многих районах Западной Грузии (Рача-Лечхуми, Земо Имерети), лучшие сорта винограда произрастают на умеренных горных склонах, под которыми в основном подразумеваются территории ущелий. Об этом свидетельствует огромный хозяйственный потенциал, выявленный в предгорной полосе Месхети – древнейшего земледельческого региона Грузии – издревле примечательной террасной культурой винограда; древнейшие, лучшие сорта Шида Картли также сконцентрированы на умеренных горных склонах ущелий; виноградники в Кахети расположены также на холмах: «Виноградники раскинулись на припекаемых солнцем южных склонах. Лоза, дитя солнца, здесь с утра до вечера не обделена его лучами... и в непогоду ей не угрожают ливневые потоки, которым не смыть умеренно покатые склоны» (*Лекиашвили*, 1972. С. 65). Рачинский виноградарь выбирает землю под виноградник по этому же принципу: «большое внимание уделяется экспозиции места, его расположению на “солнцепёке”. Лучшим участком считается “бок”, или “откос”, т.е. место, имеющее умеренную покатость... на косогоре поспевают лучший виноград, здесь он получает больше солнечных лучей, вода не застаивается, воздух циркулирует. С особым усердием крестьянин ухаживал за виноградником и на отвесных склонах» (*Пруидзе*, 1974. С. 50–51). Аналогичная картина наблюдается и в других регионах Грузии. Установлено, что на склонах по сравнению с низменностью имеются лучшие условия для выращивания и развития винограда; на низменности морозы наносят большой вред растению (*Карцивадзе*, 1959. С. 27). С этой же точки зрения оценивалось развитие виноградарства в Картли в конце XIX в.: «то или иное качество развития виноделия в определенных селах главным образом обусловлено высотой места, его защищенностью от ветра и покатостью» (*Мачабели М.В.*, 1887. С. 203).

Из приведенных примеров явствует, что для Грузии равнина, так же как и гора, не являются раз и навсегда установленными понятиями. В многообразном зональном пространстве трудно и подчас невозможно четко установить

для них точные границы. Также обширный диапазон распространения культурных растений по разным регионам и внутри каждого региона, по территориям отдельных участков выявляет обусловленную локальными показателями совокупность комплексов гор и равнины, которые в каждом отдельном случае должны оцениваться по разным критериям.

В такой обстановке переходная полоса, предгорье, предстает как самостоятельная категория хозяйственной и культурной жизни, характеризующаяся глубоким историзмом, играющая важную роль в процессе развития общества. «Территориальная полоса между горой и равниной, предгорье, является ареной сближения двух видов хозяйства. Посредством предгорья равнина влияет на горы, и посредством того же предгорья гора общается с равниной», – пишет Н. Бердзенишвили и там же перечисляет пункты этой полосы: север Эрети, Гама Мхари (Кахети), Ксани-Арагви, Цхинвали-Гвердисдири (Картли) и др. (*Бердзенишвили Н.*, 1975. С. 63). Внутри каждого региона или края, когда диапазон зонального природно-хозяйственного ареала Грузии охватывает 200–2500 м над уровнем моря, территория, расположенная на стыке горы и равнины, обретает значение предгорья, выделяющегося не только хозяйственной, но и политико-экономической значимостью. Таким образом, переходная полоса – предгорье – устанавливается в каждой отдельной локальной среде на территориях разных регионов. Переходная полоса определяется не только культурой винограда; у предгорья, так же как и у горы и равнины, имеются свои специфические особенности, которым соответствует целый комплекс земледельческих систем, которые по содержанию элементов культуры значительно превосходят уровень как горной части, так и низменности. Это деление, наряду с хозяйственными показателями, хорошо согласуется с основным процессом этнической истории грузинского народа.

В настоящее время земли переходной полосы вновь испытывают сильное влияние миграционных процессов, имеющих для горных регионов плачевные последствия; в пределах этой зоны покинутым культурным угольям грозит уничтожение от эрозии.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ БЫТ⁶

При исследовании истории мировой культуры значительное место занимает изучение производящего хозяйства в центрах его происхождения. Одним из таких центров признана Грузия (*Лисицына, Прищепенко*, 1977; *Горгидзе*, 1977. С. 202; *Шнирельман*, 1989. С. 95; *Брегадзе Н.*, 2004). Здесь налицо картина, отражающая единую линию развития полеводства, возникшего в результате окультуривания местных диких сортов хлебных злаков, бобовых растений и других представителей флоры.

КОЛОСОВЫЕ КУЛЬТУРЫ

Пшеница (Triticum L.). В Грузии, в природном музее пшеницы (*Менабде В.*, 1948. С. 47), представленной полным полиплоидным рядом (*Горгидзе*, 1977. С. 202) и эндемиами, приспособленными к геоэкологическим условиям

⁶ © Н. Брегадзе, Дж. Рухадзе

страны, засвидетельствовано наибольшее количество известных сортов культурной пшеницы. На протяжении тысячелетий наряду с естественным отбором действовала народная селекция, которая эмпирически, на основе фенологического наблюдения общих законов развития растительных организмов, создала местные культурные виды, сорта, формы и экотипы пшеницы. Лучшие из них стали объектом внимания мировых генетиков. Следует подчеркнуть, что только в грузинском быту можно проследить все этапы эволюции пшеницы до середины XX в., начиная с первичных, диких ее разновидностей, включая ступень, переходную к окультуриванию этого злака, на которой появилась пленчатая (имеющая шелуху) пшеница, и заканчивая ее вторичными, высококультурными формами с голым зерном.

Разнообразие форм и видов пшеницы зафиксировано на множестве археологических памятников Грузии с VI тыс. до н.э.; на стоянке Арухло I (VI тыс. до н.э.) обнаружены остатки двух диких и восьми культурных видов пшеницы (Лисицына, Прищепенко, 1977; Русишвили, 1990), что намного превосходит общее число видов этого злака, раскопанных на всех синхронных памятниках Ближнего Востока. Обнаружение наряду с первичными, пленчатыми формами пшеницы высокоразвитых, голозерных видов и сопутствующих им сорных злаков свидетельствует о том, что Арухло I – самый ранний из раскопанных памятников земледелия, но он соответствует начальной ступени земледелия, и что первичные очаги производящего хозяйства на территории Грузии относятся к более древней эпохе, подтверждением чего служат ранне-неолитические ножи для жатвы культурного растения, найденные на селище Анасеули I (VII–VI тыс. до н. э.) (Коробкова, 1987. С. 123).

На непрерывный процесс видо- и формообразования рода пшеницы указывает палеоботанический материал и сохранившаяся в природе дикая (однозерновая) пшеница, а также зафиксированные в грузинском быту палеореликтовые эндемы, пленчатые виды – *древнеколхидская асли*, *маха*, *зандури*, голозерная *дика*, что является неоспоримым свидетельством древности, своеобразия и обособленности грузинского центра (Брегадзе Н., 2004. С. 10–13, 325–327).

В грузинском быту долгое время сохранялись различные сорта и вариации пшеницы, адаптированные к внешним условиям среды – регионов и микрорегионов: озимые и яровые, ранние и поздние, остистые и безостые, влаголюбивые и засухоустойчивые, теплолюбивые и морозостойкие, приспособленные к выращиванию в тени или на солнцепеке, на скудных, каменистых почвах или требующие богатого агрофона, иммунные в отношении вредителей и заболеваний, устойчивые к опаданию, низко- и высокоурожайные, набухающие при замесе теста, содержащие большое количество белков, дающие вкусный и ароматный хлеб и т.д. Некоторые из этих сортов сыграли значительную роль в развитии местного хозяйства и истории культуры пшеницы вообще.

Ставший спутником человека еще на этапе собирательства аборигенный вид *протомаха* дал начало инициальным видам культурной пшеницы – *маха* и сопутствующей ей *древнеколхидской асли*, от которых впоследствии произошли высокоразвитые формы мягкой и твердой пшеницы. *Маха* была родоначальницей и первичной *спельты* (полбы) (Дорофеев, 1972; Горгидзе, 1977. С. 172, 186, 187), которая, по-видимому, из Грузии проникла в Иран и другие

страны Азии, а этим путем – в Европу (Дорофеев, 1966. С. 137). Возникшая также на базе местных ресурсов *зандури* дала новую, независимую линию развития пшеницы (Горгидзе, 1977. С. 173, 185–188, 199).

Маха (*Tr. tacha* Dek. et Men.), древнеколхидская *асли* (*Tr. palaeo-colchicum* Men.) и *зандури* (*Tr. monos. L.* и *Tr. timopheevi* Zhuk.) характеризуются свойствами, унаследованными от диких предков; эти свойства создают трудности при их разведении: из-за ломкости колосьев и остистости они не поддаются ни жатве серпом, ни молотье традиционным способом. Урожай этих видов пшеницы собирают при помощи реликтового орудия – *шанкви/шанкви*, а для обмолота зерен используют молотило – *сацхвели*. Эти реликтовые культуры, как и пленчатая пшеница-двuzернянка *асли* (*Tr. dicocum*), выращивались в Грузии и в XX в. Они пластичны и легко приспосабливаются к неблагоприятным природным условиям, хорошо приживаются на каменистых и скудных почвах.

Среди многочисленных форм культурной пшеницы для грузинских эндемиков с пленчатым зерном – *маха*, древнеколхидская *асли* и *зандури*, а также *дика* – характерны многоколосность и упругость колосьев (Горгидзе, 1977. С. 190). Пленчатые пшеницы, особенно *челта зандури*, выделяются иммунитетом в отношении целого ряда заболеваний, в том числе грибковых (Якубцинер, 1966. С. 36; Наскидашвили, 1978).

Маха – крупнозерный, скороспелый злак, опережающий другие виды на 1–2 недели. Из замешанного высококачественного теста, богатого белками, выпекается сытный, вкусный и ароматный хлеб, который долго не черствеет. Ритуальную кутью – *коркоти*, *цандили* – варили именно из пленчатой пшеницы: в Восточной Грузии – из *асли*, а в Западной Грузии – из *зандури*. С пленчатыми видами пшеницы связан также ряд обычаев и обрядов, подтверждающий древность их происхождения (Брегадзе Н., 2004. С. 42). Длительной популярности *маха* и *зандури*, наряду с прочим, способствовали и их соломенные стебли – *короли*, широко применяемые в качестве дешевого и легкодоступного кровельного материала для крестьянских жилищ и хозяйственных построек.

Среди *голозерных* видов пшеницы с самого начала главнейшей была *мягкая пшеница* (*Tr. vulgare* Vill.), одним из очагов происхождения которой признано Закавказье (Вавилов, 1987. С. 47, 398; Кецховели, 1958. С. 291). Упоминаемая в грузинском переводе Исхода мягкая пшеница *ипкли* изначально была озимой культурой, верхний предел вертикального распространения которой достигал примерно 1500 м над уровнем моря. Затем, когда народная селекция вывела яровые формы *ипкли* и *восточногрузинской асли*, расширился ареал их распространения, охвативший и высокогорье (Брегадзе Н., 2004. С. 51, 52).

К мягкой пшенице относится *долис нури*, которая, будучи типично озимой, не приживается на высокогорье, зато в пределах ареала ее распространения (преимущественно в Восточной и Юго-Восточной Грузии) является ведущей культурой, чему способствуют ее свойства: хорошо растет на тяжелых (глинистых и суглинистых) и бедных почвах, устойчива к колебаниям температуры и различным неблагоприятным факторам среды. Плотнo сидящее в колосовом гнезде зерно не опадает ни под воздействием града или сильного ветра, ни в случае переспелости и полегаемости. Посевы *долис нури* имеют

Женщины за сбором ячменя
Душетский район, с. Бучукурты
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-86

Сорт пшеницы *долис пури*. XX в.
© ФЗЭНГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

многочисленные побеги – *набартки*, благодаря чему расходуется меньше семян. Под густой порослью земля менее подвержена засухе, и *долис пури* дает хорошие всходы без поливки. Высока хлебопекарная способность *долис пури*. Ее тягучее, упругое тесто при замесе хорошо подходит и хорошо прилипает к раскаленной стенке тонэ, что обусловило ее применение для ритуальной

выпечки. Качественный корм для скота – мякина (солома) *долис пури* – облагался государственным налогом. В ареале своего распространения долис пури не только не уступала первенства другим вариациям пшеницы, а напротив, «притесняла» признанный значительным для некоторых районов Картли вид *твердой* пшеницы *тавтуха* (*Tr. durum Desf.*), озимые посевы которой спустя 2–3 года трансформировались в доли (*гададолдебода*) (Брегадзе Н., 2004. С. 47–51, 63, 144–152). Поэтому для восстановления чистых посевов тавтухи эту пшеницу высевали весной (Менабде В., 1948. С. 132; Кецховели, 1957. С. 287).

Одним из представителей группы твердой пшеницы является *дика* (*Tr. iberikum*) – лучший образец народной селекции. *Дика* – еще одно свидетельство непрерывного процесса возникновения видов пшеницы в Грузии. Это яровая пшеница, приспособленная к условиям высокогорья, выведение и широкое распространение которой имело место не позднее III тыс. до н.э. (Брегадзе Н., 2005. С. 28). Среди посевов пшеницы в Грузии *дика* занимала второе место. Основной ареал распространения ее многочисленных вариаций начинается с высоты 1000 м над уровнем моря. До высоты 1500 м *дика* сосуществовала с озимыми посевами; в зоне между 1500–2000 м была доминирующей культурой полеводства. Вперемешку с ней высевалась мягкая пшеница – *ипкли*, придававшая тесту из дика мягкость и упругость. Многоколосная *дика*, иммунная в отношении мучнистой росы, ржавчины, грибковых болезней (головни) и насекомых-вредителей, как и *зандури*, успешно используется зарубежными генетиками и селекционерами для выведения новых сортов пшеницы (Брегадзе Н., 2004. С. 53–59).

Распространенные в Грузии аборигенные виды пшеницы свидетельствуют не только о высоком уровне народной селекции, но и о том, что здесь имел место непрерывный процесс формообразования, наглядным подтверждением чему служат как главнейший сорт пшеницы межгорья, предгорья и равнины – *долис пури* – так возникшие на сравнительно поздней ступени земледелия эндемы – *челта зандури* и выведенная специально для высокогорья *дика*.

Богатством отличается и лексика, связанная с культурой пшеницы; в народных наименованиях подчеркиваются особенности, на которые обращает внимание современная ботаническая и агрономическая наука. В них отражены многообразие вариаций и видов рода культурной пшеницы, их морфологические признаки, место происхождения, очаги формообразования и эволюции, ареалы распространения. Анализ грузинских терминов, обозначающих яровые и озимые хлебные злаки, выявляет первичность озимых злаков (Джавахишвили И., 1930б. С. 386, 406, 408–411), что аргументировано данными других отраслей науки. Велика ценность грузинских видов и в деле выведения новых, улучшенных сортов пшеницы, над чем работают генетики и селекционеры Грузии и других стран мира.

Ячмень (*Hordeum*). В полеводстве Грузии среди колосовых культур *ячмень* занимает второе место, а в общем объеме производства зерна – третье (Ломоури, 1946. С. 284, 285). Грузия – один из очагов формообразования пленчатых ячменей (Менабде В., 1938. С. 135). Палеоботанические данные (с VI тыс. до н.э.) свидетельствуют о существовании в Грузии как *пленчатых*, так и *голозерных* видов ячменя (Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 79–81). В Грузии известно несколько десятков биологических форм ячменя, его

эндемичные сорта, среди которых имеется высококачественный селекционный материал (*Менабде В.*, 1938. С. 174, 175, 177, 179; *Эммерих*, 1961. С. 4, 13). С учетом природных условий сеяли озимые, полуозимые и яровые сорта двух-, четырех- и шестирядного ячменя. Эта культура имела особое значение для горных районов, где в меньшей степени или вообще не сеяли пшеницу. О преимущественной роли ячменя в хозяйстве горцев Восточной Грузии говорит тот факт, что на угодьях местных святилищ сеяли только ячмень. Из него готовили ритуальные лепешки, а также пиво (*Менабде В.*, 1938. С. 122). В Месхети и Аджарии сезон посева ячменя называется *кероба* (от *кери* – ячмень) (*Шамиладзе*, 1969. С. 44, 61, 63; *Макалатия*, 1985. С. 43).

В горах пекли ячменный хлеб, из крупы варили кашу, а из обжаренных зерен для пастухов-овцеводов готовили блюдо *хали/кумели*. Ячмень использовался для приготовления кваса и водки; высококачественное пиво также настаивалось на выращенных в горах сортах, богатых крахмалом. На равнине ячмень – преимущественно эндемичный сорт *кершвели* (многорядный голый) – употребляли в пищу в основном представители низших социальных слоев; для улучшения вкусовых свойств в тесто примешивалась пшеничная или ржаная мука. Ячмень и его отруби использовались в народной медицине.

Распространенные на равнине богатые белками виды ячменя – лучший корм для скота, особенно для лошадей, дойных коров и тягловых животных, а также для больной скотины. В старину ячменное зерно служило и единицей меры длины и веса. Со временем удельный вес ячменя в хозяйстве Грузии сократился до минимума.

Рожь (Secale). Родиной ржи и центром происхождения ее видов считается Закавказье; в Грузии зафиксирована ботаническая разновидность ржи (*Вавилов*, 1987. С. 19). Рожь долгое время была сорняком посевов пшеницы и ячменя. Но, согласно добытому в Сванети археологическому материалу, она предстает окультуренным злаком уже со II тыс. до н.э. (*Чартолани Ш.*, 1969. С. 110, 153). Известны отдельные посевы ржи, особенно в нагорье, где она ценилась как ранний и неприхотливый хлебный злак. Рожь использовалась для производства водки и на корм скоту, а ее длинные стебли-солома – для перекрытия хозяйственных сооружений. Рожь занимает особое место в полеводстве Месхети, где с XVI в. она известна как самостоятельная зерновая культура (*Пространный реестр...*, 1941; *Бериашвили*, 1973. С. 52). Названия распространенных в Грузии видов ржи: в Восточной Грузии – *чвави/свили/свила*, в Рача-Лечхуми – *куби/куба*, в Тианети – *бичапури* и *мамали пури*, в Кизики сорная рожь называется *чохи*, в Хевсурети смешанные посевы ячменя и ржи (*керсвили*) – *бацароги*.

Просо (Panicum miliaceum L.) упоминается под разными наименованиями, подразумевающими его разные сорта: *чади* и *петви* – в Имерети и Гурии, *чкиди* – в Мегрелии, *шави чади* (черное просо), *кврима чади* (итальянское просо – *Setaria italica moharium*), *цители чади* (красное просо). С.-С. Орбелиани и И. Гильденштедт *кврима* отождествляют с *петви* (просо). Его сеют весной или в конце лета на расчищенном под пашню участке. Просо – высокоурожайное, теплолюбивое и засухоустойчивое растение с коротким вегетационным периодом. Колоски зрелого проса собирали отдельно от стеблей, которые срезались серпом. Подсушенное просо молотили в молотилке или с

помощью *кеври* (молотильной доски с камнями). Просо – древнее достояние грузинских племен; оно упоминается в письменных источниках и документах, описывающих быт древней Грузии (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 364). Древность культуры проса в Сванети подтверждается его особым культовым значением (*Бардавелидзе*, 1951. С. 51–66).

Гоми, или *могар*, щетинник итальянский (*Setaria italica*) – растение семейства злаков, распространенное в Западной Грузии, в основном в Мегрелии в зоне 600–700 м над уровнем моря. Посев ранних и поздних сортов белого и желтого гоми производился в разные периоды весны. Сбор урожая гоми здесь называется *гэмуа*, а месяц октябрь, на который он приходился – *гэматута*. Сбор урожая *гоми* был очень трудоемок: срезание колосьев и стеблей, связывание в снопы, доставка в *налиа* (амбар), подсушивание урожая у огня, в процессе которого упоминание огня было табуировано. Все это входило в обязанности мужчин. Женщины несколько раз молотили и веяли гоми. До молотыбы зерна прогревали в специальном помещении, называемом в Гурии *оле*, а в Мегрелии – *оквале*. Для наиболее трудоемких работ (молотыба, веяние зерна, варка гоми) мегрельские феодалы использовали самую бесправную категорию крепостных – *долмахоре*, среди которых на низшей ступени стояли молотильщики, веяльщики и просеиватели (через решето) зерна. На разных стадиях обработки гоми крестьяне обращались к институту взаимопомощи – *нади*. Работая на гумне, распевали *калос хелхвави* – ритуальную песню во славу урожая, сочиняли шуточные стихи. В песнях крестьяне просили св. Георгия и архангелов Михаила и Гавриила о наполнении амбаров урожаем гоми и его приумножении. *Гоми* впервые упоминается в документах «настоятеля великого монастыря» Якова (1246–1250 гг.) во времена правления царя Давида Нарина (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 368); здесь встречается термин *моди*, который означал оброк за гоми. Термин встречается в перечнях всех церковно-монастырских налогов XIII–XVIII вв. По сведениям Давида Дадиани 1852 г., гоми из Мегрелии продавался в Имерети, Гурию и Абхазию (*Меунаргия*, 1939. С. 96). В начале XIX в. культура гоми была заменена кукурузой. В 80-е годы XIX в. гоми сеяли только зажиточные крестьяне. С этого времени оно стало редким продуктом питания. Сведения о культуре гоми в Грузии имеются у И. Барбаро (1436 г.), А. Кантарини (середина XV в.), П. Авитабиле (1623–1634 гг.), Кристофоро де Кастелли (1632–1645 гг.), стольника Толочанова и дьяка Иевлева (1650–1652 гг.), Гильденштедта, Эйхенвальда, Гакстгаузена и Дюбуа де Монпере. Вахушти Багратиони указывает, что «в Западной Грузии *гоми* сеяли больше других зерновых культур» (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 29).

Рис (*Oryza sativa*) – до конца XIX в. одна из самых распространенных в Грузии культур. В разных географических зонах сеяли как влаголюбивый, «болотный» вид риса (*Oryza sativa L.*), так и «сухой», богарный вид (*Oryza martania*), выращиваемый в основном на солончаковой почве, в сухих климатических условиях. В Одиши (Мегрелии) рисовые поля не поливались (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 103). Во второй половине XIX в. в Кутаисской губернии был распространен богарный рис, обширные поля такого риса имелись в Западной Грузии (Аджария, Гурия, Окриба, Мегрелия) (*Ломоури*, 1950. С. 277–278). В «Послании» Д. Дадиани, направленном им Русскому географическому обществу в 1852 г., отмечено, что в селениях Хета и Хорга

Зугдидского уезда Мегрельского княжества рис сеяли издревле (*Меунаргия*, 1939. С. 281). В Восточной Грузии рис разводили в районах Лагодехи и Кварели. Рис был основным пищевым продуктом на исторических территориях Грузии: в Саингило (*Джанашвили М.*, 1911–1913. С. 80), Лазистане, Макриали и Либани (*Март*, 1910). С 1920-х годов площадь рисовых плантаций сократилась в Озургети и Аджарии, а еще раньше – в Мегрелии, что было связано с началом осушения болот, борьбой с малярией и распространением культуры хлопка. Наряду с грузинским, восходящим к санскриту названием риса – *бринджи*, который встречается в грузинском переводе Библии (IX в.), в мегрельском языке существует термин, обозначающий рис, – *орéза/орза/ориза*, близкий к латинскому прототипу. Культура риса привнесена в Грузию из Греции (*Джавахишвили М.*, 1930. С. 360). В XVII в. рис из Грузии экспортировался в Османскую империю (*Ламберти*, 1938. С. 55). В списке товаров, вывозимых из портов Кулеви и Шекветили в 1850 г., числится и рис. Рисовая солома низкого качества шла на корм скоту, а солома хорошего качества использовалась для изготовления корзин, соломенных шапок, обуви и других предметов домашнего обихода.

Кукуруза (Zea máys L.). Кукурузу сеют самостоятельно или в виде смешанного посева (особенно хорошо она уживается с бобовыми культурами – фасолью, соей). Уход за кукурузой включает следующие этапы полевых работ: боронование, прополку, первое мотыжение и обрезку растения, второе мотыжение, окучивание и третье мотыжение. Кукуруза известна под разными наименованиями. В некоторых районах Мегрелии и в Самурзакано кукурузу именуют *лазуги/лауги* (*Март*, 1910. С. 162). Существуют ранние и поздние, горные и равнинные сорта кукурузы, многие разновидности которых встречаются в Грузии. Кукуруза здесь бывает обычно двух цветов – желтая и белая; в старину сеяли только желтую кукурузу. С конца XIX в. начали сеять белую кукурузу. Встречается также желтая, мелкозернистая, имеющая короткий вегетационный период «лопающаяся» кукуруза – *ткацунна (Zea mais L. everta)*, которую использовали для корма домашней птицы и для изготовления *батибуги* – лакомства, известного в мире как попкорн. В Восточной Грузии, в некоторых регионах Кахети, распространены красный и темно-красный виды кукурузы. По мнению И. Джавахишвили, кукуруза была завезена в Грузию в первой половине XVII в. (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 364). К 1740 г. кукурузу сеяли на сопредельной территории Картли и Имерети, в ущелье Хепинисхеви (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 145). В «Послании» Давида Дадияни (1852 г.) кукуруза уже упоминается как основная земледельческая культура. Укоренение кукурузы в Восточной Грузии, а именно в Кахети, предполагается с 1780-х годов (*Бурнашев*, 1896. С. 2). Уже в 1862 г. посланная из с. Кварели на всемирную выставку в Лондоне кукуруза получила высокую оценку (*Гугушвили П.*, 1954. С. 61). Из портов Западной Грузии большое количество кукурузы в основном вывозилось в Турцию, меньшая часть – во Францию. В связи с возросшей потребностью с 1850-х годов участилась доставка семян из-за рубежа, что, в свою очередь, способствовало росту экспорта кукурузы. В 1862 г. из Гурии и Мегрелии в Англию вывезли кукурузу на сумму 1 млн рублей (*Гутниседа*. 1863. № 4. С. 68–69). Благоприятные условия реализации кукурузы – с одной стороны, а с другой – распространение заболеваний виноградной лозы вынудили население расширить ее посевы, что привело к

увеличению ее экспорта в Англию, Францию, Германию и Турцию. Мотыжные и уборка кукурузы, как и других высокоурожайных культур, выполнялись созывом *нади* и *маинди*, когда сельчане помогали друг другу в соответствии с традициями взаимопомощи. Коллективный труд сопровождался ободряющими и поощрительными песнями с речитативами *надури* («рабочая»), *хелхави* («урожайная»).

КОНОПЛЯ, ЛЕН, ХЛОПЧАТНИК

Как в регионах Западной (Сванети, Самегрело, Гурия, Аджария), так и Восточной Грузии (Триалети, Самцхе-Джавахети, Тушети, Хевсурети) конопляное и льняное хозяйства были традиционными (*Молодини*, 1963. С. 112). Еще в древние времена грузины умели изготавливать из конопли и льна ткани, а из их семян – масло. Конопля посевная (*Cannabis sativa*), груз. *канати* – слово иностранного происхождения, вытеснившее из индоиранского термина *лино* (лен) и распространившееся и в других европейских языках. Миграционный характер термина проявляется во многих языках Евразии (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984. С. 660–662). Конопля имеет женские и мужские особи. Впрочем, в речи крестьян *мамла* (мужскими) зовутся как раз женские растения как более сильные, а *дедла* (женскими) – наоборот, мужские. В XIX в. на рынках Грузии и сопредельных с ней районов были представлены различные товары из конопли. На рынке в с. Хони продавались привезенные из Сванети конопляные пряжа, ткани и мешки (*Материалы по истории кустарного промысла...*, 1982. С. 209). Этими же товарами торговали на рынках Сенаки и Цагери. Конопляное производство, оставаясь в основном в рамках натурального хозяйства, постепенно начинает приобретать товарный характер. Квемо Сванети производила коноплю для покрытия барщины. В быту жителей Лечхуми засвидетельствован налог на конопляную пряжу – *кеди*. В Мегрелии семена конопли также являлись частью крестьянского оброка.

Лен (Linum). Предположительным очагом зарождения льна на Южном Кавказе ученые считают Грузию, в частности Колхиду (*Вавилов*, 1926. С. 55; *Синская*, 1959. С. 355). Колхидский лен посевной (*Linum usitatissimum L.*) был двух сортов – волоконный и масличный. Зона распространения волоконного льна – равнинная часть Западной Грузии (Гурия, Самегрело, Аджария). Масличный лен сеяли в горных и предгорных регионах (Тушети, Хевсурети, Самцхе-Джавахети, Триалети). Белье, изготовленное из льняного холста, кроме семейного употребления, продавалось на местных рынках (*Чачашивили*, 1956. С. 177). Льняное масло использовалось в пищу, для освещения помещений и в разных хозяйственных целях. Масло имело и ритуальное назначение. Со второй половины XIX в. культура волоконного и масличного льна в Грузии выродилась; ее заменила привнесенная из России культура подсолнуха. Колхидский лен был единственным видом этого растения, который характеризовался высокой продуктивностью как стебля, так и семян. При изучении истории этих древнейших волоконных растений важным является сведение Страбона о том, что в стране (подразумевается Колхида) «кроме меда... обрабатывают много льна, конопли и смолы» (*Каухчишвили С.*, 1957. С. 123–124). Колхидские льняные изделия славились в античном мире. Геродот и Калимакс указывают на одинаковое качество и происхождение колхидского и еги-

петского льна (*Микеладзе*, 1967. С. 81). На Древнем Востоке колхи считались искусными ткачами. Колхидская льняная ткань своими свойствами заслуживала высокую оценку, о чем пишут древнегреческие писатели, подчеркивая, что из этого материала готовят лучшие рыболовные сети и мореходные приспособления. Колхидский лен в больших количествах вывозили на рынки древнего мира. Он достойно конкурировал с египетскими льняными тканями. Льняная ткань имела большой удельный вес в экспорте средневековой Грузии. Сведения об экспортном значении колхидского льна и конопли встречаются у А. Кантарини, А. Ламберти, Ж. Шардена. Во времена Ж. Мурье из Мегрелии вывозилось 50 тысяч пудов семян льна (*Мурье*, 1883. С. 33). По сведениям российских послов, правитель Мегрелии Даддани в качестве подати ежегодно посылал турецкому султану 80 тыс. всевозможных изделий из тканей (*Полиевктов*, 1937. С. 147). Из материалов археологических раскопок явствует, что в Западной Грузии (Вани, Даблагоми, Кобулету) в V–III вв. до н.э. использовались ткани из льна и конопли.

Хлопчатник (*Gossipium*) разводили в районах Гардабани и Марнеули, на берегах реки Иори, в Алазанской долине и Гагма Мхаре (левобережье р. Алазани, южный склон Кавказского хребта). Хлопчатник рос в Квемо Самегрело (Абаша), в Гурии и Имерети. Из волокон хлопчатника ткали ткань, из семян получали растительное масло. Отходы переработки хлопчатника использовались в качестве корма для животных.

ОРУДИЯ ОБРАБОТКИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР, ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ И УТВАРЬ

Многообразие зерновых культур отобразилось на многообразии орудий их обработки. В Грузии издревле зерно обмолачивали с помощью *кеври* (молотильной доски с вбитыми в рабочую часть камнями) и копытами домашнего скота. *Кеври* – одно из основных древнейших орудий. На Южном Кавказе, в частности в Грузии, оно использовалось с эпохи поздней бронзы и раннего железа (*Читая*, 1997а. С. 151–154). Молотильные доски были обнаружены при раскопках Мцхета, Ховле (XI–IX вв. до н.э.) и Цхинвали (VIII–VI вв. до н.э.) (*Джанаридзе*, 1960а. С. 21).

Процесс выбивания зерна из колосьев и его толчения осуществлялся также посредством разных видов больших каменных и деревянных ступок – *сацехвели*, бытовавших в грузинском хозяйстве до начала XX столетия. В Грузии выявлены два вида *сацехвели* – ручные и механические; механические были двух подвидов – приводимые в движение ногами и энергией воды. *Сацехвели* были особенно распространены в Западной Грузии, где использовались для молотьбы и толчения гоми, эндемических хлебных злаков – *маха* и *зандури* (сорта пшеницы), риса, для дробления пшеницы, толчения льна, конопли, а также соли. В Абхазии в *сацехвели* измельчали кукурузу, мяли фрукты для морса (*Кахидзе Н.*, 1974б. С. 38). В нагорье Восточной и Западной Грузии *сацехвели* использовали для толчения пороха (*Радде*, 1881. С. 281; *Робакидзе*, 1947. С. 68). В Саингило и Самцхе-Джавахе ступки называли общим для Ближнего Востока термином *динги*. В Западной Грузии *сацехвели* обычно находилось в приусадебном комплексе.

Ремонт молотильной доски. Начало XX в.

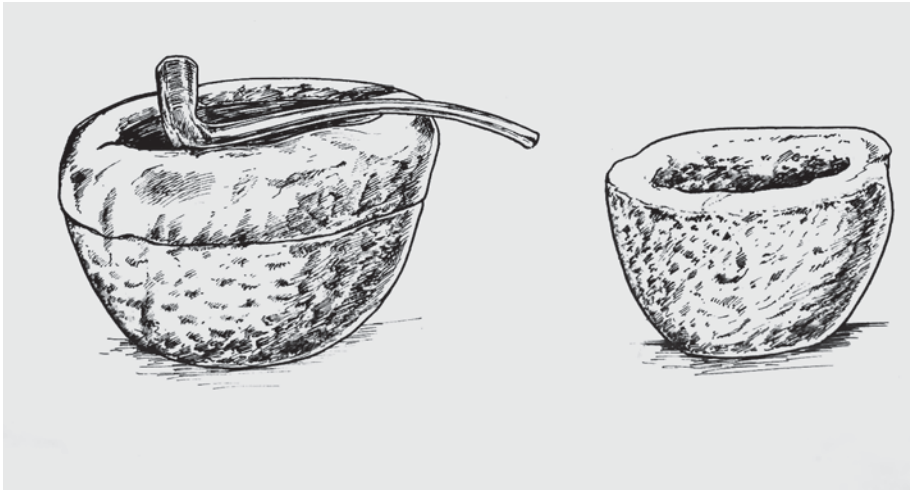
© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

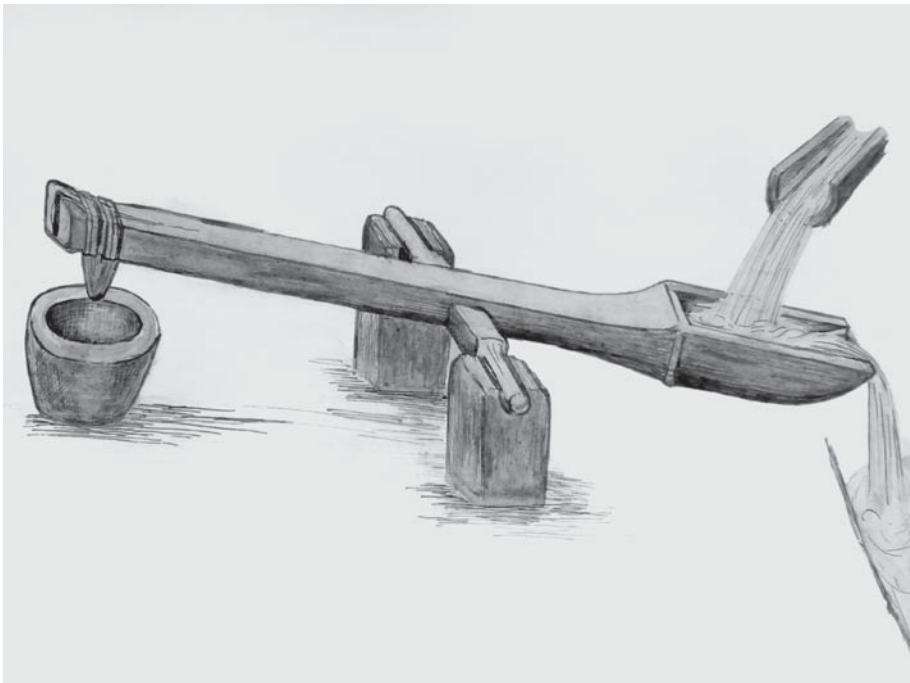
Ручные *сацехвели* состоят из деревянной или каменной чаши и песта, с помощью которого выбивали зерна из колосьев и толкли зерна. Ножные сацехвели состоят из четырех частей: молотильной чаши, колотушки и двух деревянных брусьев (*Сахокия*, 1950б. С. 44). Разновидностью рычажных одноосных сацехвели были водяные ступы, приводимые в движение энергией воды; разновидностью водяного сацехвели в Кахети являлась *тремлис цисквили* (мельница для размельчения древесины, используемой в красильном ремесле), а в Саингило – *динги* для обмолота риса, отличавшиеся от ручных вертикальным каменным колесом. Водяная мельница-*динги* для дробления кожевенного дерева встречается только в Восточной Грузии.

В XIX в. в Шида Картли (Хашури, Карели, Гори, Каспи) и Кахети распространилась маленькая ручная деревянная ступка особой конструкции *родини*, или *пила (пили)*, которая использовалась для очистки от шелухи пшеничных зерен, предназначенных для приготовления кутьи. Своеобразная разновидность ножного и водяного сацехвели существовала и в Саингило (*Джанашвили М.*, 1910. С. 59). В Самцхе-Джавахети встречалась зернотерка с перетирающим зерно круглым или плоским камнем.

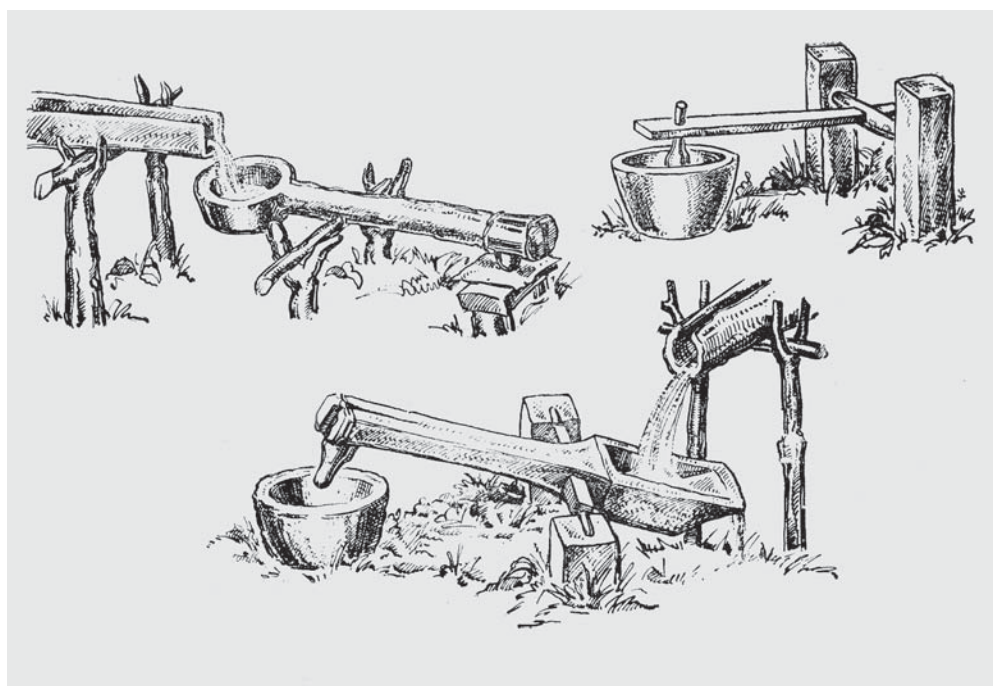
Маслобойню устраивали в полуподвальном помещении из базальтовых камней с земляным полом, где в одном комплексе находились: печь для

Сацхвели – ручная ступка для выбивания зерен из колосьев
Имерети, XVII в.
Рис. О. Кониашвили, 1970-е годы
© НМГ. ЭФ 11-2-4
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

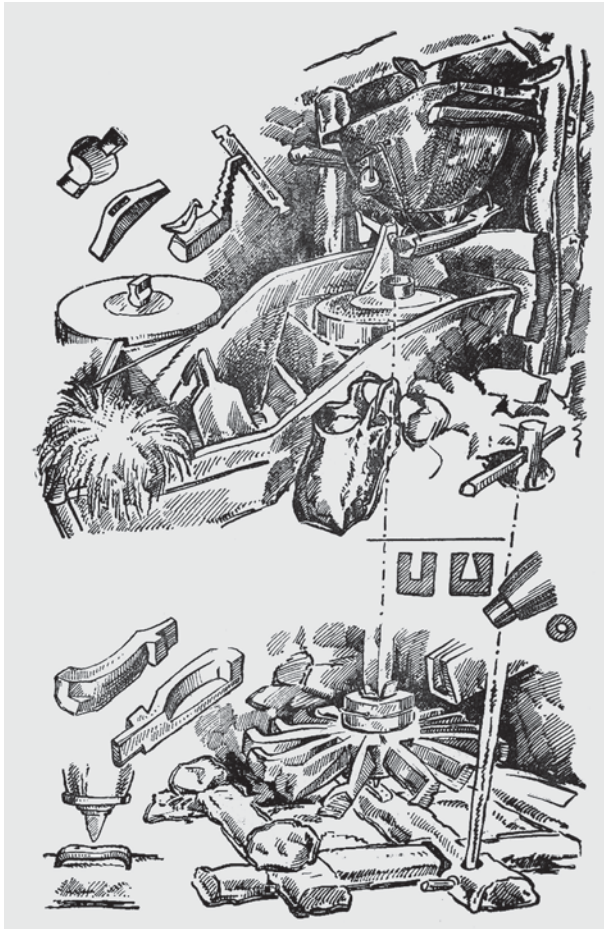
Чамури – водяная ступка, начало XX в.
Самегрело
© НМГ. ЭФ 11-2-5
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Ручная и водяная каменные ступки
 Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1950-е годы
 Бедукадзе, 1960

обжарки зерен для масла, мельница и давяльный пресс. Печь была пристроена к стене; у нее имелся отсек с облицованной каменными плитами поверхностью, предназначенный для обжарки зерен, и отсек для топлива (дров). В центре маслобойни была устроена мельница, состоявшая из *кало* – неподвижного жернова, куда засыпались обжаренные зерна, и рабочего каменного маслобойного жернова – *гелази*. Гелази был посажен на ось, соединенную с ярмом, в которое впрягали тягловый скот, приводивший гелази в движение. Маслобойный жернов, перекатываясь по кало, размалывал зерна. Затем в давяльне начинался процесс отжима; туда помещалось 16 *коди* зерен льна (*коди* – мера веса, равная двум пудам с четвертью). В XI–XIII вв. собственниками маслобоен были царский двор, феодалы, церкви и монастыри. При археологических раскопках обнаружены маслобойни X–XII вв., хотя есть основание предполагать их существование даже ранее V в.

Кукуруза шелушилась и крошилась рукой, *нагули* (стержнем початка без зерен), деревянным орудием и механическим крошителем. С ростом урожайности кукурузу начали крошить в специальных емкостях (корзинах) и амбарах-кукурузниках – *сасиминде*. В начале XIX в. заметно выросли урожаи кукурузы. Зажиточные крестьяне строили на кукурузных полях большие *сасиминде*, использовавшиеся в основном для шелушения и крошения кукурузы. Предположительно, именно в это время в обиходе появились плетеные и дощатые емкости указанного назначения разной формы и размеров.

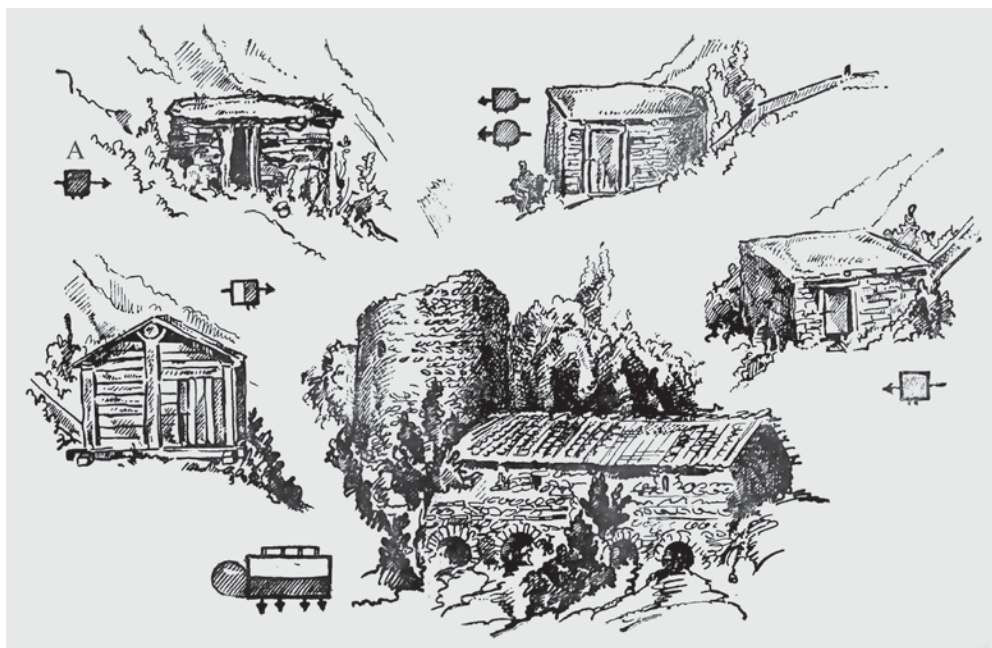

Устройство водяной мельницы
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991),
1950-е годы
Бедукадзе, 1960

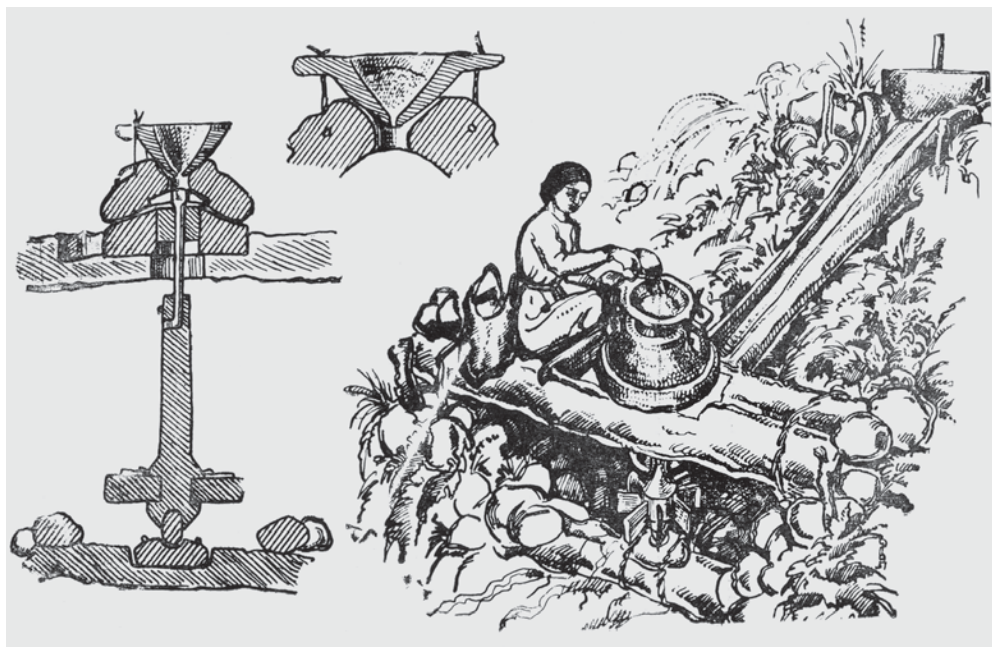
Мельницы в Грузии бывают двух типов: с горизонтальным и вертикальным крутящимся колесом. Повсеместно распространена мельница с горизонтальным колесом, известная под названием азиатской, или турбинной водяной мельницы (*Бедукадзе*, 1960. С. 43). Мельницы с маленькими рабочими жерновами назывались *бучула/гврита*, с большими – *долаби*. Размеры мельничных строев зависели от масштабов полеводства, от водных ресурсов и от географического фактора. В горных регионах, где население было малочисленным, зерновые культуры выращивали в меньшем количестве. Ввиду бездорожья доставка больших мельничных жер-

новов в горы была затруднительна, и там строили мельницы-*бучула*. В высокоурожайных равнинных регионах возводили мельницы-*долаби*. Мельницы были двухэтажными. Первый этаж – *сагваре* – помещение, куда на лопатки колеса поступает поток воды по желобу. На втором этаже располагались мельничные жернова большого размера, устройство для подачи зерна на жернова и отсеки для муки. Из цельного бревна выдалбливали вместилище для воды – *коди*, которое устанавливалось вертикально или с наклоном; в нижней части коди было проделано отверстие, из которого струилась вода. По такому же принципу устроена емкость *гвими*, которую высекали из цельного камня или лепили из глины (*Чутая*, 1944. С. 264–265). Скрытый желоб – это переходный вид от желоба к коди, который часто встречается в местах с небольшими мельницами. В *сагваре* устанавливали ось, на которой крепилось колесо с лопатками; диаметр колеса соразмерялся с диаметром мельничных жерновов. Мощность колеса зависела от количества лопаток.

От мельниц с горизонтальным колесом отличались *чархис цисквили* – мельницы, в которых приводной механизм устроен на основе вертикального колеса, вращающегося под действием энергии воды.

Мельницы горной части Картли
 Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1950-е годы
 Бедукадзе, 1960

Мельница бучула цисквили
 Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1950-е годы
 Бедукадзе, 1960

Мельница бучула цисквили

Аджария, XX в.

© Фото Т. Цагарейшвили, 2003 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В горах Восточной Грузии распространены два вида мельничных строений – с *банури* (плоским) и *сабдзури* (двускатным) перекрытием. В мельницах с плоскокровельным земляным перекрытием в качестве строительного материала использован камень. В Западной Грузии распространены деревянные мельничные строения. В XIX в. особенно много мельниц было в Джавахети, Раче, Сванети и Гурии (*Алхазивили*, 1893). В маленьких мельницах высокогорных регионов владельцы зерна сами мололи его, а в больших мельницах нанимали мельников. В обязанности мельника входили: уход за мельницей, наблюдение за процессом помола и взимание подати за помол (*минди*).

Ручная мельница – *хелсапквави* – бывает двух видов: с деревянным колом-стержнем – *маргилиани* (соединяющим нижний и верхний жернова), или *утохо*, т.е. без вставленной в верхний жернов железной детали, посредством которой колесо вращает этот жернов, и *тохиани*, т.е. имеющая такую деталь. Эти ручные мельницы по внешнему виду не отличаются друг от друга (*Бедукадзе*, 1956. С. 157). С помощью *тохи* регулировался уровень верхнего жернова относительно нижнего, от величины зазора между ними и зависела степень помола (крупный или мелкий). Назначение ручной мельницы заключается в размалывании зерновых (кукурузы, гоми, риса, пшеницы для кутьи). Распространенные в Грузии виды ручных мельниц считаются самыми

Водяная мельница. Начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

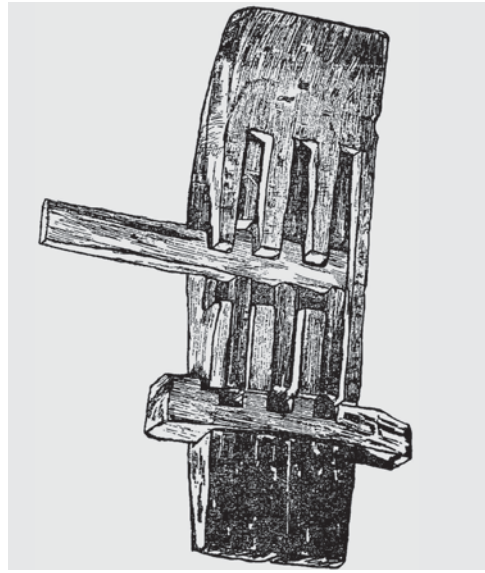
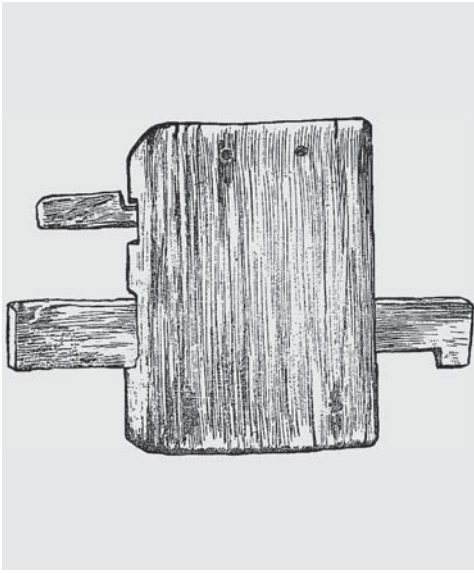

Водяная мельница. XX в.

Квемо Картли, Дманисский район, с. Джавахи

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Замок *датва-боква* (лицевая и внутренняя стороны). Начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

совершенными; изобретение и развитие водяной мельницы – древнейшей механической машины, по всей видимости, произошло именно на базе этих ручных мельниц.

Строения и подсобные помещения, предназначенные для полеводства, отличались длительной исторической традицией, многообразием и художественно-конструктивным совершенством. Согласно Никорцминдской грамоте, в XI в. в Раче известны двухэтажные деревянные *бегели* (зерновые амбары) разного типа – *садаги* (обычные) и *херхули* (деревянные, выпиленные из древесного материала). В горах большинство *сасиминде* сооружены на высоких продуваемых местах. Часто эти строения бывают двухэтажными: на первом этаже находится *бегели* (зерновой амбар), а на втором – собственно *сасиминде* (кукурузный амбар). В равнинной Грузии эти строения находятся вблизи жилого дома; встречаются как наземные, так и подземные комплексы строений и подсобных помещений. В равнинных регионах Западной Грузии около жилых домов стояли: *бегели* (зерновой амбар), *налиа* (плетеный амбар для проса), *хула* (чулан), *сасиминде/дзари/зари/джингодори* (плетеная большая корзина). В сухих регионах Восточной Грузии в основном были распространены подземные зернохранилища-ямы: *ормо* и *харо*. Кроме того, использовались *хис харо* (яма, обшитая досками), *амбари* (амбар), *кидобани* (ларь), *годори* (большая плетеная корзина), *хорго* (деревянная емкость), *садаккуле* (деревянная посуда для хранения муки); в Картли, Кахети и Месхети использовали *бегели* (зерновой амбар).

Бегели является важнейшим и древнейшим строением в приусадебном комплексе. Его использовали для хранения зерен и муки гоми и других злаков. Бегели бывает двух видов: квадратный одноэтажный, на низких сваях,

и двухэтажный. В бегели есть отсеки (*твлеби, харо*), где хранят урожай зерновых. Под этими отсеками иногда бывают вырыты ямы для хранения урожая разных культур. Бегели имеют двускатное, трехскатное или четырехскатное перекрытие из папоротника, осоки), соломы, дранки или черепицы. У них маленькие двери с деревянным замком-задвижкой – *датва-боква*. Этот тип замка был распространен в Аджарии и является одним из древнейших. Он состоит из четырех частей: доски, засова, зубцов (трех штук) и ключей. На доске сделаны борозды, и в них помещены зубцы, а в другой борозде помещен засов. В случае нужды в борозды для зубцов можно вложить ключи. Доску прибивали к раме дверей гвоздями. Изнутри на доске сделаны борозды в два яруса, верхний предназначался для зубцов, нижний – для засова; в этой борозде сделана четырехугольная выемка для удержания засова при движении направо. Кроме указанных борозд, на доске вырезаны также шесть вертикальных: три в верхней части и три в нижней. Они представляют собой пазы для движения зубцов. *Датва-ботва* имеет три зубца. На них сделаны насечки, в которые вдеваются ключи. С помощью ключа можно передвигать зубцы вверх и вниз, засов свободен от зубцов и свободно двигается. При повороте ключа зубцы входят в насечки засова, и его невозможно передвинуть; конец засова захватывает дверь, и открыть ее невозможно. Замки такого же типа встречаются в Западной Грузии – Гурии и Самегрело. Они засвидетельствованы также в Восточной Грузии – в Карагаджи. Такие замки местные жители называют *венахис урдули* (замок для виноградника). На древность этого типа замка, возможно, указывает его грузинское название. Из множества грузинских названий дверных замков *датва-боква* является самым древним. Вторая часть этого слова *боква* означает *столб*, часть рамы, на которую прикреплялся замок, а первая часть – *датва* – это видоизмененное *датви* (медведь). По мнению Г. Читая, центром происхождения замка такого типа являются Шумер и Вавилон (Читая, 2000а. С. 356).

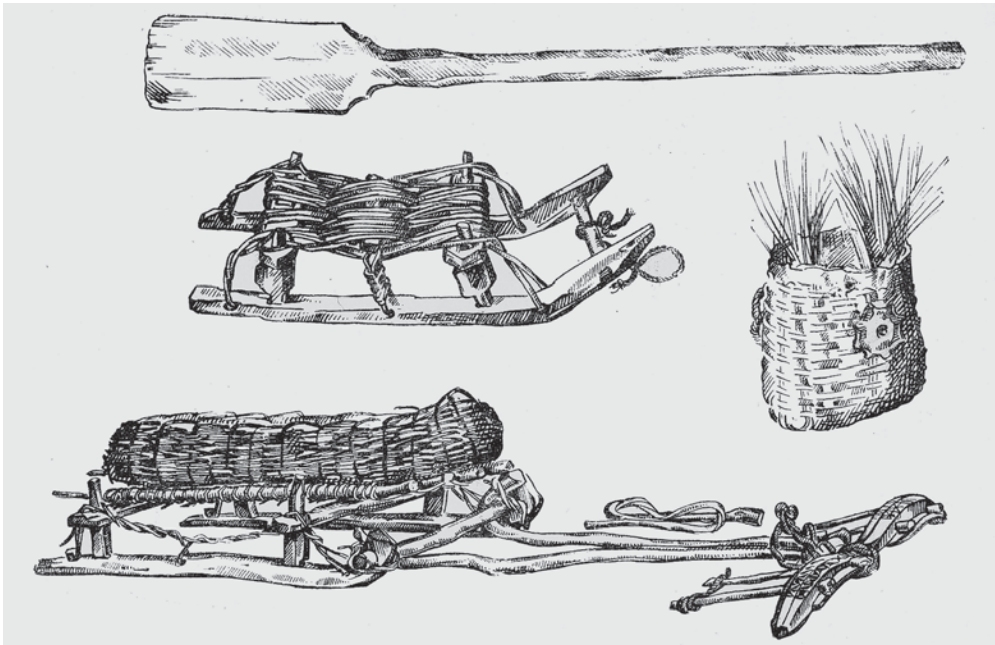
Бегели запирали также на железные задвижки – *ркинис раза* и накидные замки – *бокломи*. Входные двери в амбар иногда были прорезаны на чердаке, поэтому для спуска в помещение к дверному проему приставлялась одинарная винтовая деревянная лестница. Бегели бывают с балконами и перилами, а также без балконов. На дверях часто можно встретить элементы декора: резные кресты, розетки или геометрические орнаменты. В отличие от других регионов Грузии, на нижеимеретинской возвышенности традиционно устраивался бегели, в котором под одной кровлей располагались хранилище для зерновых и *бегел-отахи*, или *хула* – комната для хранения семейной утвари и инвентаря. Комната выполняла также функцию гостиной и временного жилья.

Налиа/налиа (мегр.) – стоящее на четырех сваях плетеное или дощатое строение с двускатным перекрытием, предназначенное для просушки колосьев гоми. С уменьшением урожая гоми налиа использовали для хранения и просушки кукурузы. Усовершенствованным видом налиа является *сасиминде*.

Хула – строение, похожее на бегели, использовавшееся для хранения сухих плодов – фундука, каштана, грецких орехов и разных семян. *Хула* встречается и как отдельное строение, и как составная часть интерьера дома. Встречались дощатые или бревенчатые, одноарочные и одноэтажные хула. Ввиду такого сходства термин *хула* часто используется в качестве синонима *бегели*.

Использование ям *ормо* для хранения зерновых было связано с географическо-хозяйственными особенностями быта. Ямы устраивались в домах, на приусадебных участках и вблизи гумна. В домах типа *дарбази* всегда имелась яма для хлебных злаков – *пурис ормо*, куда пшеницу ссыпали с потолка по специальной трубе (Очиаури Т., 1957. С. 132; Чиковани Т., 1967. С. 17). Наполненные пшеницей ямы перекрывались дубовыми досками *бадими*, которые сверху засыпались землей. Ямы вмещали в себя объем одной, двух или трех загруженных ароб. Раскопанная в Шорапани зерновая яма датируется феодальным периодом, ямы в Рустави – ранним и средним Средневековьем (VII–XII вв.). Эти ямы в основном использовались для хранения проса, хотя там обнаружено и небольшое количество зерен ячменя.

Харо – одно из древнейших видов зернохранилищ. Оно бывает наземным, деревянным, для хранения зерна и муки, и подземным (яма) – выложенное каменными глыбами или каменной кладкой на известковом растворе. Такое помещение известно также под названием *гуи* (Рехвиашвили, 1954. С. 261). Каменное *харо* редко встречается как наземное сооружение. В Западной Грузии понятию *харо* соответствуют термины *бегели* и *беглис твали* (Март, 1910. С. 110). В Верхней Гурии и Чанети *харо* – это амбар для хранения и просушки кукурузы. Подземное *харо* входит в приусадебный участок. Его сооружали также вблизи пшеничных полей, на гумнах, во дворах церквей и монастырей. Раскопанное в Урбниси *харо* датируется IV–VI вв. (Чилашвили, 1964. С. 110). *Харо* известно во всей Грузии под разными наименованиями: *амбари*, *манча*,

Лопата, санки, коша, сани
Сванети, 1930-е годы
Бардавелидзе, 1939

Амбар для кукурузы
Аджария, начало XX в.
© НМГ. ЭФ А-49-1
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

лазамбари, хеламбари. В Сванети ему соответствуют термины *хар/харал/харвар/харвал.* *Харо* бывает разных форм и вместимости.

Годори – большая корзина, плетенная из деревянных прутьев или расщепленных веток. В горных регионах Восточной Грузии *годори* является одной из основных емкостей для хранения зерна и муки и плетется только из деревянных прутьев. *Годори* для хранения зерна имеет форму *квеври* (большого глиняного кувшина) с дощатым или плетеным дном или цилиндрическую форму с плетеным дном. *Годори* для хранения зерна и муки снаружи обмазывают навозом, смешанным с соломой, или смесью навоза с золой.

В Грузии XVII в. *годори* является твердо узаконенной единицей меры (*Джавахишвили И.*, 1925а. С. 85). В XIX в. емкость *годори* как меры колеблется от 10 до 40 *коди*. *Годори* под названием *спириди* встречается в письменных памятниках X–XI вв. (*Имнашвили*, 1948; *Хазарадзе М.*, 1980. С. 119). *Коди* является емкостью цилиндрической формы для хранения зерна и муки. Она выдолблена из цельного дерева (липы, осины, реже – ореха) со вставленным днищем. *Кидобани* (ларь) – это деревянная емкость, состоящая из одного, двух или трех отделений. В зависимости от назначения лари были трех видов: для каждодневного использования, для хранения запасов урожая и для ритуальных целей. Ларь, называемый иначе *баг*, глубокий, без крышки.

Урожай в него засыпали через специальное окошко – *гаидари* (сван.), проделанное на втором этаже дома в зале *дарбази*. Ритуальные лари встречаются в горных регионах как Восточной, так и Западной Грузии.

Квеври и другие глиняные сосуды также использовались для хранения зерна. *Квеври* для зерна мог находиться как дома, так и во дворе, наполовину врытым в землю. *Квеври* для хранения муки держали дома. Подобное использование *квеври* подтверждается и археологическим материалом.

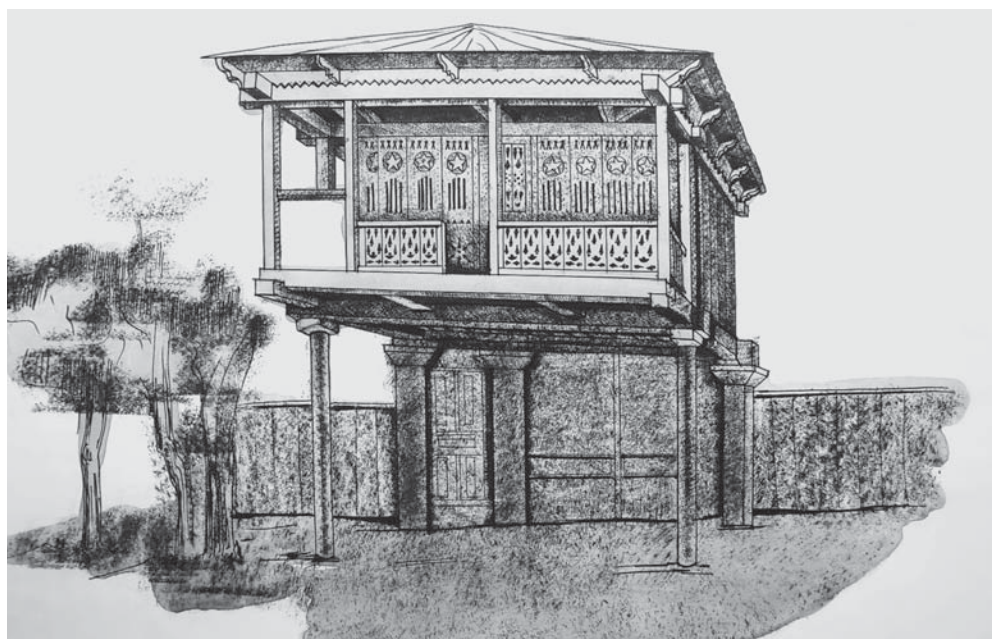
Сасиминде (кукурузный амбар) – одноэтажное помещение, стоящее на высоких сваях. Строили его на сухом, солнечном и хорошо проветриваемом месте. Кукурузные амбары состоят из одного, двух или трех отсеков. Одноотсечный *сасиминде* применялся для просушки кукурузы; в амбаре с двумя отсеками одно отделение предназначалось для просушки, а второе – для крошения кукурузы; в амбаре с тремя отсеками – в среднем крошили, а в двух боковых сушили кукурузу. Существуют *сацхрлавиани сасиминде* (амбар с решетом), *бегел-сасиминде*, *марниани сасиминде* (амбар с винодавилей) и *ахориани сасиминде* (амбар с конюшной). В Земо Имерети распространены *сацехв-сабегвиани сасиминде* (кукурузный амбар с отсеком для молотыбы и толчения зерна в большой ступе). *Сасиминде* могли быть плетеными, дощатыми и построенными из дубовых бревен. Плетеные *сасиминде* с одним отделением – (*дзари/зари/джингодори*) распространены в Гаре Кахети, Эрцо-Тианети и редко – в Картли. Они отличаются от кукурузных амбаров центральных регионов Кахети, а также традиционных кукурузных амбаров Западной Грузии.

В Аджарии встречаются одноэтажные дощатые кукурузные амбары *сасиминде*, столбы которых стоят на деревянном поясе, установленном на камнях. Открытое пространство с деревянным настилом под ними использовалось для крошения кукурузы или бобовых культур. Дощатые амбары бывают двух видов – простые и сложные. Встречаются амбары без проемов для проветривания; для облегчения циркуляции воздуха у них вырезан потолок и там установлен *дзари* (большой плетеный кузов), засыпанный кукурузой. В некоторых амбарах для проветривания делают проемы с деревянными запорными брусками – *дзалакини*, плетут стены «елочкой» (чтобы были зазоры для естественной вентиляции). В качестве кровельного материала используется папоротник или осока, иногда черепица.

В Грузии издревле была выработана определенная система мер и весов. Мера веса твердых материалов и зерна называлась *сацони*, мера объема жидкостей – *сазом-сацкао*, а мера площади – *гасазоми* (*Джавахишвили И.*, 1925а. С. 61). Меры земельной площади и зерна в основном служили потребностям внутреннего хозяйства и торговли. В грузинском переводе книги «Исход» в качестве единиц веса упомянуты термины: *кабици* (старинная мера сыпучих веществ, хлеба), ныне сохранившийся лишь в горных регионах Восточной Грузии, и *пина* (большое деревянное блюдо; чаша весов), употребляемый в Восточной и Западной Грузии. В этом же тексте встречаем термины *сикила//скилай* (сикль, шекель), *гуерди* (кувшин; древнейшая грузинская мера зерновых и жидкостей) и *сацкаули* (мера жидкостей, сыпучих тел и зерна). Названия некоторых единиц меры и веса в Грузии идентичны древневосточным, например, единица меры веса *сила* (*Читая*, 2000б. С. 159). Стоимость меры продукта зависела от степени наполнения – *тавишидебули* (с «горкой») или

Амбар для кукурузы. Начало XX в.
Имерети. Музей под открытым небом, г. Тбилиси
© НМГ. ЭФ А-49-5
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Амбар для кукурузы
Аджария, вторая половина XIX в.
© НМГ. ЭФ А-49-7
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

силагадасмули (до краев, без «горки») (Восточная Грузия). Имеется и множество локальных мер: *литра*, *пина*, *руб* (четверть какой-либо меры), *коди* (деревянная колода), *уреми* (арба) и др. Из них основной мерой веса была *литра*, которая в разные времена в разных уголках варьировала от 1 до 4 кг зерна. От нее отталкивались при расчете других мер. При измерении внимание обращалось на вид зерновой культуры; определяющим был удельный вес зерна, вмещаемого в *литра*. *Литра*, упомянутая в Одишском Четвероевангелии XI в. и в книге «Исход», наряду с мерой для гоми и соли – *махатели*, которое в Самегрело равнялось по емкости 2 *кила* (небольшой горшок; вес 1 пуд). Емкость меры со временем изменялась. Кладовая для зерновых *харвали/харвари* в грузинских исторических документах XVIII в. известна также как единица веса (*Джавахишвили*, 1925а. С. 116). В торгово-обменных отношениях использовались меры: *литра*, *коди*, *кила*, *гора/горо* (мера жидкостей и зерна в 2 пуда), *квидоли*, *батмани* – последний был наиболее распространенной единицей меры. *Батман* равнялся 2,5 пудам, что соответствовало *коди* богатыря-ломкаци (человека-льва) в Раче (*Брегадзе Н.*, 1969. С. 278). Другие меры использовались при заемных и хозяйственных отношениях между соседями: *акиро* (тыква), *касри* (чан, бочка), *хони* (лоток, поднос), *джам* (чашка, миска), *томара* (мешок), *квахи* (горькая тыква), *саминдо* (емкость для взимания платы *минди* за помол в мельнице). Перечисленные меры использовались не только для зерновых, но и для других культур. Распространены были разные меры для грузов: *сапалне* (вьюк), *уреми/урмеули* (арба), *томара* (мешок), *харта* (вьюк для быков). Функцию меры выполняли любые подручные емкости: *нешви* (горсть), *цали хели* и *ори хели* (пригоршня одной рукой и двумя руками), *гоби* (корыто), *тепиши* (тарелка). Мера *урмеули* была распространена по всей Грузии; вес груза арбы был установлен с точностью в каждом регионе (*Гегешидзе*, 1956а. С. 121). Служить мерой могли помещения и строения (*бегели*, *кидобани*, *харо/харвали*, *амбари*, *сасиминде*), в которых временно размещался тот или иной продукт. Объемы помещений и строений были известны, так как они наполнялись вымеренными сосудами-мерками (*Рухадзе*, 1976. С. 112). В горной Грузии сосуды-мерки были эквивалентом стоимости.

В 1840–1860-е годы появилась необходимость унификации грузинских единиц мер и весов и сопоставления их с российскими единицами, что отражено в таблицах, публикуемых в «Кавказском календаре». До 1930-х годов принцип градации и взаимного соотношения единиц мер и весов был неизменным, а величина мер – стабильна; различия в отдельных значениях единиц измерения отмечаются между провинциями Грузии. В быту они сохранились до 1930-х годов. Особой устойчивостью в Восточной Грузии характеризовалась *литра* и основанная на ней весовая система вычисления *коди*; в Западной Грузии такой единицей был *батмани* и основанная на нем весовая система вычисления *ока/оки* (мера в 3 фунта) и *котхо* (мера в 10 фунтов), а также *кила*, *квидоли* (Сванети, Рача-Лечхуми) и весовая система *коди* и *карави* (шалаш). Общее название единиц измерения *пространства* (расстояния, площади) и *тяжести* – *сазომ*. Единицы измерения жидких веществ назывались *сацкаули/сацкао/сацкео*. В грузинских переводах книг Ветхого и Нового Заветов из мер пространства *гасазом* встречаются: *тити* (палец), *годжи* (вершок), *мткавели* (пядь), *биджи* (шаг), *цкрта* (локоть), *мхари* (плечо, сажень), *адли*

(аршин), *эджи* (час движения верблюда, примерно 6–7,5 км), *тарсархи*, *агаджи* (час верховой езды, около семи верст), *кети* (лист, две страницы), *шолти* (плеть), *мицаи* (пахотная земля в 60 дней), *канаи* (пашня), *дгиури/дгиса* (поденная пашня). Некоторые из этих терминов употребляются и сегодня. Для обмера земель в XIX–XX вв. еще встречаются старые единицы мер, например, *сабели-токи* (веревка). В Кахети *сабели* равняется 10 саженим. *Дгиури*, *дгиса* – мера площади в Восточной Грузии; это пашня (земля), которую один *гутнеули* (главный плугарь с погонщиками и тягловой силой) может вспахать за один день; в разных районах эта единица варьировала. *Дгиури* рассчитывали как по грузинской системе поденной пашни (16 *сабели*), так и по русской системе (20 *сабели*), что составляет примерно полгектара. *Гутнеули* или *модгами* (супруга, т.е. объединение, сотоварищество нескольких *гутнеули*) могли вспахать пашню *дгиури* за один день, за полдня или полтора дня. Как мера земли этот термин впервые упоминается в Мцхетской грамоте 1546 г. (*Джавахишвили И.*, 1925а. С. 138). Термин *кабдо* (доска-волокуша, прикрепляемая впереди бороны) используется для обозначения единицы обмера земли и орудия для разрыхления комьев земли, синонимичного термину *парцхи* (борона). «Одна *кабдо* – это проход плугом 5–6 раз». *Кабдо* как единица обмера земли зафиксирована только в Сигнахском районе и равна 12 пядям, 1 сажени, 1 аршину, 3 вершкам. *Гутани* (плуг) как мера земли упоминается в грамоте монастыря Шио-Мгвиме 1250–1260 гг. и в «Дастурламали» (Вахтанг VI, 1886. С. 138). По документам XIII в., *гутани* – единица обмера земельной площади, вспахать которую один *гутнеули* мог в течение рабочего дня. В памятнике грузинского права XVIII в. «Дастурламали» понятия *гутани* и *гутнеули* уже идентичны (*Джавахишвили И.*, 1925а. С. 139). Единица площади *кцева* (дневная запашка) в письменных памятниках Западной Грузии появляется довольно поздно. В купчей 1805 г. «*кцева* – это 30 на 30 *мхари* (саженей)» (900 кв. саженей) (*Джавахишвили И.*, 1925а. С. 139).

В горах Восточной Грузии единицы меры земли в разных общинах имели разные названия. Например, в Хевсурети *дгиури* – это площадь, которую можно вспахать за один рабочий день хевсурской сохой. Меньшей единицей было *нахевари дгиури далалва* (четверть *дгиури*), иначе говоря, 4 *далалва* составляли 1 *дгиури* (*Джалабадзе Г.*, 1986. С. 126). Приусадебный земельный участок измерялся и в *саженях*. *Сажень* равнялась трем *аршинам*.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ОРУДИЯ⁷

РУЧНЫЕ ОРУДИЯ

На территории Грузии обнаружены земледельческие орудия эпохи неолита: каменные мотыгообразные, киркообразные и сохообразные орудия (*Джапаридзе О.*, 1991. С. 62–63), вкладыши жатвенных ножей (*Небиеридзе*, 1986. С. 43). Наряду с орудиями из оленьих рогов и костей крупного рогатого скота они являются прототипами орудий эпох бронзы и железа, на местное производство которых указывают находки форм для их отливки (Археология Грузии, 1992. С. 36, 42, 45, 47, 253, 254, 280).

⁷ © Н. Брегадзе

С развитием земледелия совершенствовались и средства производства, в том числе ручные орудия разной формы, размера и назначения. Встречаются использовавшиеся в полеводстве простейшие деревянные заостренные, клинообразные или плосколезвийные орудия (*чеки*), а также орудия с металлическими лезвиями (*Читая*, 1959. С. 152). Основными и практически оставшимися без изменений были мотыга, лопата и кирка с деревянными рукоятками и железным лезвием.

Мотыга (тохи) – универсальное орудие, приобретшее с развитием земледелия и общественного быта новые функции, вследствие чего появились его модифицированные варианты. Основное назначение – обработка земли – мотыга сохранила и после возникновения пахотных орудий. Она поныне незаменима. В Грузии выделяются два основных типа мотыг со своими подтипами. Первый тип – картлийская мотыга (*картлури тохи*) с четырехугольной широкой рабочей частью, предназначенная главным образом для работы на равнине. Эта мотыга и ее подтипы применялись для выполнения тяжелых работ: при подсечке (расчистке зарослей), при вторичном мотыжении кукурузы и т.д. Второй тип – *имерули тохи* (имеретинская мотыга) – имел треугольный клинок с заостренными краями. Она сравнительно легкая, пригодна для обработки каменистой почвы. Ее использовали для высева проса и пшеницы после уборки кукурузы, а для прополки проса и гоми (итальянское просо) использовали ее подтип – короткое и узколезвийное орудие *кеко*, удобное для выкорчевывания корневищ кустов и деревьев, т.е. оно совмещало и функцию кирки (*Рехвиашвили*, 1953а. С. 155). Мотыга с раздвоенным лезвием, края которого в месте деления наварены сталью по старому народному методу, по качеству превосходит мотыгу, отделанную сталью по новому методу, когда стальную пластину припаивают к тыльной стороне мотыги (*Рехвиашвили*, 1953а. С. 166, 167).

Изделие местных кузнецов – *картули бари* (грузинская лопата, заступ) – орудие с широким заостренным клинком, насаженным на деревянную рукоятку. Справа от рукоятки, внизу, для удобства работы над клинком сделан выступ для упора ступни. Лопата используется в подсечном земледелии, при оросительных работах на террасах и т.д. (*Джалабадзе Г.*, 1990. С. 57).

Широко распространены были комбинированные (с двумя рабочими частями) орудия, в том числе кирка и киркообразные орудия, различающиеся формой лезвий и своим функциональным назначением (*Сонгулашвили*, 1959. С. 11, 12, 98–101).

Большое количество сельскохозяйственных орудий, а также обозначающих их терминов в грузинском языке свидетельствуют об интенсивном характере земледелия на территории Грузии с древнейших времен. Эти термины составляют основной словарный запас грузинского языка (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 215; *Читая*, 1959. С. 158).

ПАХОТНЫЕ ОРУДИЯ

Грузия поистине является музеем исторического развития пахотных орудий (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 168, 169, 174). В грузинском быту зафиксированы все ступени последовательного развития этих орудий. Среди них простейшим является «чиркающая почву» соха – *кавцера*, прототипы которой,

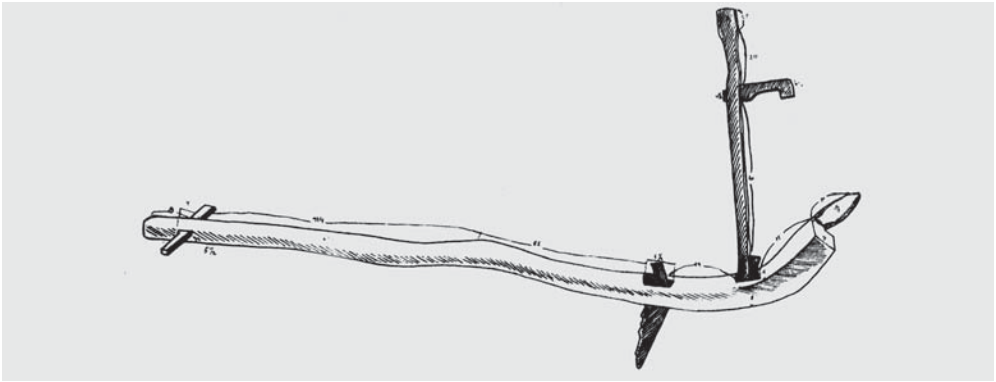
сделанные из *оленьих рогов*, обнаружены на территории Восточной Грузии в слоях эпохи энеолита и ранней бронзы (*Чубинишвили Т.*, 1973б. С. 17, 18; *Джавахишвили, Глonti*, 1962. С. 45; Археология Грузии, 1992. С. 109–111, 253, 267). Обнаруженные в Западной Грузии целиком вытесанные из дерева пахотные орудия эпохи ранней бронзы (Археология Грузии, 1992. С. 245–246) и фрагмент кожи с изображенной на нем сценой пахоты, также относящийся к эпохе ранней бронзы (*Дзидзигури Л.*, 2000. С. 165, 166, табл. XXII), наглядно свидетельствуют о том, что в земледелии уже тогда применялась тягловая сила. Тот факт, что один и тот же корень термина *угели* (упряжь, ярмо) употребляется в грузинском, мегрельском и сванском языках (*Читая*, 1997а. С. 148–150), говорит о древнем происхождении этого слова и обозначаемого им объекта.

Сохранение в быту развитых вариантов яремного орудия *кавцера* (оно состояло из длинного, доходящего до ярма дышла, штыря, лемеха и рукоятки) и разных видов пахотных орудий (включая высокоразвитый большой грузинский плуг – *диди картули гутани*) обусловлено как разнообразием природных условий (рельеф, климат, почвы) регионов Грузии, так и обилием культурных растений и форм земледелия.

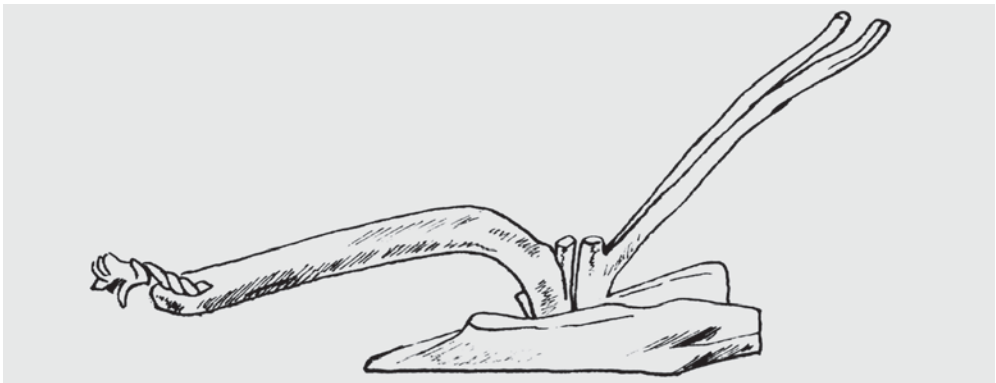
Изучение комбинаций главных частей пахотного орудия (деревянные: *кусли* – отвал, *мхари* – грядиль, *хелна* – дышло) позволяет проследить его поэтапное развитие. Первоначальным видом пахотного орудия была безотвальная соха *кавцера*, высеченная из цельного дерева, в которую впрягалась пара быков; со временем эта соха усовершенствовалась благодаря добавившемуся железному лемеху – *сакветели*. Функция *кавцера* – первичная обработка, *гачра-гачера* («черчение», поверхностная вспашка) целинных и переложных («отдохнувших») земель, которые затем будет разрыхлять также работающая за счет одной пары тягловой силы *куслиани сахвнели ачача* – легкий плуг с отвалом, применяемый преимущественно в горных районах для обработки мягких почв, для поверхностной вспашки или разрыхления вспаханных под яровые посевы земель.

Отвал и грядиль одной разновидности пахотного орудия вытесаны из цельного куска дерева. Древнейший вариант этого орудия датирован эпохой ранней бронзы. У другого вида орудия грядиль изогнутым концом вставлен в отвал. Постепенное усовершенствование отвала такого орудия привело к высшей ступени его развития – *рачули сахвнелис парплиани кусли* (отвал с крылом рачинского плуга), у которого нет аналога среди пахотных орудий других народов. Уникальный овальный отвал рачинского плуга одновременно разрывает, переворачивает пласт почвы и измельчает (крошит) комья земли. Это орудие примитивной конструкции в условиях горного земледелия выполняет функцию *гутани* (плуга). Вместе с тем овальный отвал с крыльями плуга-*ачача* является предшественником крыла плуга-*гутани* и на несколько веков опережает сравнительно новое приобретение европейского пахотного орудия – овальное крыло (*Читая*, 1997а. С. 89–126; 1941. С. 375).

Более совершенный тип – *отхмхриани сахвнели* (четырёхкорпусный плуг) – известен с первой половины I тыс. до н.э. Его прямой грядиль вставлен в дышло, в которое впряжено 2–4 пары быков. В дальнейшем это орудие стало частью *пампалакиани* (*пампалаки* – деталь ярма) *сахвнели* – сложного пахотного орудия, снабженного оралом, лемехом и крыльями (плуг-*эрквани*)

Тушинский плуг *тушури кавцера*. Начало XX в.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

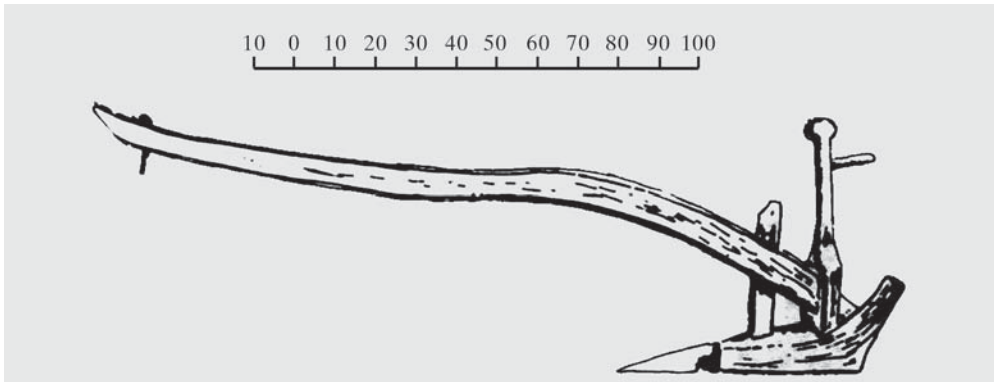

Двуручный плуг *ორპარლიანი გუთანი*. Начало XX в.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

(*Читая*, 1960а. С. 61). Придатком короткого грядиля является *какучи (цецена)*, который ползет по земле, регулируя движение грядиля на участке с неровным рельефом (*Читая*, 1960б. С. 4).

Орхела – грядильное пахотное орудие с коротким, не достигающим до дышла ярмом, деревянным крюком, лемехом и двойной рукояткой. Ее поднятием и опусканием пахарь регулирует глубину вспашки. Такой же результат достигается путем перемещения вверх-вниз *соли* – клина, вставленного между отвалом и грядилем (*Брегадзе Н.*, 1964а. С. 169–170).

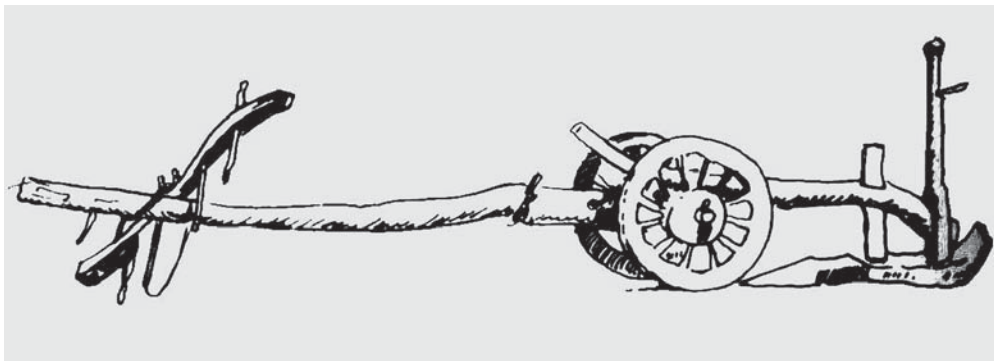
Значительное место среди грузинских пахотных орудий занимает *месхури джилга* (месхетинский резцовый плуг), в который обычно впрягали 4–5 пар быков. Это усовершенствованное четырехкорпусное орудие, кроме приподнятого кверху отвала, имеет также *шолт-гердз-гогореби* – передковые колеса, подвижность оси которых облегчает работу тягловой скотине. Джилга предназначен для глубокой вспашки и адаптирован к местным условиям. За счет глубины вспашки улучшалось плодородие земли, что обеспечивало высокую

Плуг *арона*. Середина XIX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Плуг *джилга*

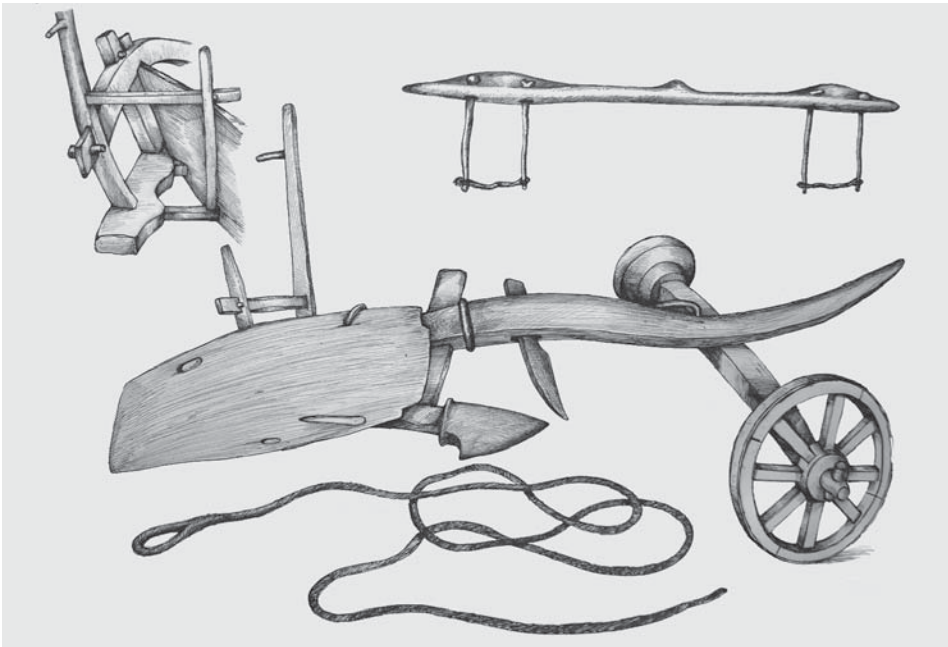
Месхети, начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

урожайность посевов (*Бериашвили*, 1973. С. 142–150; *Джалабадзе*, 1986. С. 204). С периода Средневековья джилга был основным орудием в Квемо Картли и Самцхе-Джавахети. О значимости джилга свидетельствует его изображение на могильных плитах (*Джалабадзе*, 1986. С. 30).

Высшей ступенью развития грузинских пахотных орудий является *диди картули гутани* (большой грузинский плуг), имеющий *пампалак-гогореби* – крылья и колеса. Его составные части – это элементы материальной культуры, появившиеся и развившиеся на местной почве. *Картули гутани* предназначен для зяблевой и весенней обработки тяжелых почв под посевы яровых культур; он оставляет глубокую пропашку – до 50–60 см, переворачивая пласт почвы и разрыхляя крупные комья земли. На равнинных угодьях Картли и Кахети он незаменим. Его применяли и в Самцхе-Джавахети, и в Имерети. Его специфическая особенность – овальный отвал, асимметричный лемех (резец), крыло с колесами разных размеров, что облегчало труд подъяремных волов. У этого плуга есть также *мруде мхари* (изогнутый грядиль), распо-

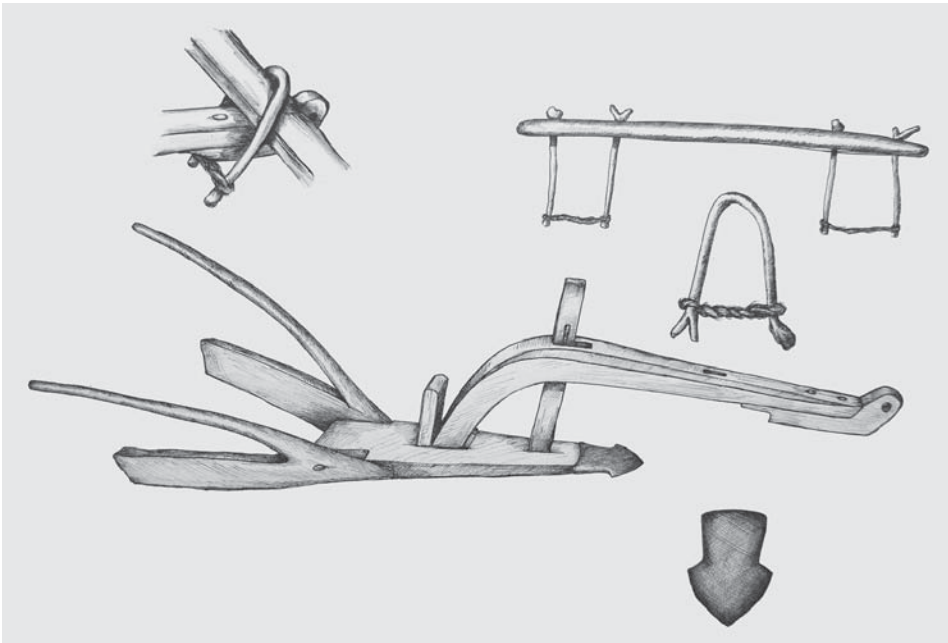

Диди гутანი – большой плуг

Картли, начало XX в.

© НМГ. ЭФ 39, 10-64-13

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

თუშირი ორხელა – двуручный плуг. Начало XX в.

© НМГ. ЭФ 39, 10-64-15

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

женный в двух плоскостях и способствующий равномерному распределению тягловой силы; изогнутый грядиль на фабричных плугах появился только в XIX в., тогда как большой грузинский плуг известен с XI в. Асимметричный резец этого плуга засвидетельствован в Грузии Гильденшtedтом в XVIII в. (*Читая*, 1960б. С. 6–7). *Диди гутани* требовал трудового объединения: одна только рабочая часть этого плуга – сошник и резец – весила 20 кг, поэтому для управления им требовались 6–12 пар быков, *гутнисдеда* (главный пахарь), четыре *мехре* (погонщики волов) и несколько сопровождающих (подсобных рабочих), для плужных ремней требовалась кожа семи буйволов (*Читая*, 1949. С. 368–379).

В 1860-е годы по аналогии с большим грузинским плугом был создан его улучшенный вариант, *мухранули гутани* (мухранский плуг), у которого отвал, дышло, крыло и крюки были железными. Такой плуг просуществовал до периода коллективизации (*Читая*, 1949. С. 371; *Читая*, 1960б. С. 7), а потом в Грузии распространились уже заводские плуги.

Деревянные части пахотных орудий делали сами земледельцы, для чего они выбирали соответствующий материал: для отвала годилась прочная, но вместе с тем легкая древесина, чтобы она плавно скользила по земле, и т.д. Железные части плуга (сошник, резец, цепи) ковали местные кузнецы. Обнаруженный в Грузии археологический экземпляр железного резца датирован II тыс. до н.э. (*Читая*, 1960б. С. 7). Предшественником этого орудия, по всей вероятности, был засвидетельствованный в сванском быту бычий рог для обработки мягкой земли (*Шуквани*, 1977. С. 116; *Джалабадзе*, 1990. С. 17–18).

О многом говорят связанные с типами пахотных орудий и их частями архаичные местные термины, в которых отразились назначение и конструктивные особенности этих орудий (*Джавахишвили*, 1930). Заслуживают внимания и предания о грузинских пахотных орудиях, начиная с мифов об аргонавтах и кончая представлениями соседних народов о заимствовании ими этих хозяйственных орудий у грузин (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 155–160; 262–265; *Читая*, 1928. С. 221; 1997а. С. 117–118).

В Грузии – одном из древнейших очагов зарождения и развития производящего хозяйства – ко времени создания пахотных орудий земледелие и его система, выращивание культурных хлебных злаков (во всех вертикальных зонах их распространения) и скотоводство были достаточно развиты (*Джанапидзе О.*, 1991. С. 132, 133 и др.). Подтверждением превращения тельца в быка-пахаря является распространенный в Грузии обычай «схватки» человека с быком – *курули*, служивший приручению и усмирению уже одомашненного животного с целью его впряжения в плуг (*Брегадзе Н.*, 2004. С. 280–281). Однако до быка, по всей видимости, в Грузии была попытка использования в качестве тягловой силы оленя, о чем свидетельствуют: 1) обнаруженный в Западной Грузии кусок кожи раннебронзовой эпохи с процарапанным изображением оленя вместе с простейшим пахотным орудием, что оставляет впечатление процесса пахоты (*Дзидзигури Л.*, 2000. С. 165–166); 2) предание о состязании между оленем и быком из-за выполнения почетной обязанности скотины-пахаря, закончившемся победой быка (*Брегадзе Н.*, 2004. С. 172–178). Дошедшие до нас материалы для изготовления пахотного орудия – олений рог и дерево – издревле имелись в Грузии в большом количестве; с древнейших же пор грузинам было известно производство железных орудий.

Борона. Начало XX в.
© РЭМ. № 923-1

Таким образом, в Грузии изначально существовали предпосылки для местного производства пахотных орудий и их дальнейшего совершенствования. Все связанные с ними представления и местный лексический материал свидетельствуют о том, что возникновение и развитие определенных видов земледельческих орудий имели место именно в грузинском культурном ареале.

ОРУДИЯ БОРОНОВАНИЯ

На склонах, в местах, недоступных для быков, поля бороновили вручную граблями (*поцхи*). В остальных случаях использовали борону – *парцхи/кабдо-парцхи*. Это орудие состояло из двух продолговатых досок, в которых для прикрепления друг к другу и к ярму были продеты два крюка – *кави*, а между досками были помещены *парчхи* (хворостина) или колючие ветки. Другой тип бороны делали путем провязывания хвороста в *челти* – плетеную раму.

ЖАТВЕННЫЕ ОРУДИЯ

Относящиеся к эпохе раннего неолита жатвенные орудия древнейшей формы (найденные на Анасеули I) с вкладышами из обсидиана свидетельствуют о том, что мы имеем дело не только с окультуренной пшеницей, но и с ее развитым видом – пшеницей с неломким колосом, который можно жать (*Небиеридзе*, 1986. С. 43). Эти жатвенные орудия эпохи камня в последующие эпохи сменились бронзовыми и железными серпами. В быту зафиксированы и маленькие грузинские серпы – *картули намгали*. Серпом жали колосовые хлебные злаки и просо. Для защиты пальцев рук от повреждения

во время жатвы и для того, чтобы удержать как можно больше сжатых колосьев, на левую руку надевали когтеобразные деревянные наперстки. Сжатую ниву выдергивали руками или косили косой – *цели*.

Наряду с *серпами*, *косами* и *жатвенными ножами* в быту еще долгое время сохранялись оригинальные орудия для жатвы некоторых видов пшеницы. Из-за ломкости колосьев диких видов зерновых инициальные виды окультуренной пленчатой (имеющей шелуху) пшеницы – *маха* и *зандури* – невозможно было жать серпом и косить. Своеобразием характеризуются способ жатвы этих сортов, сохранившийся местами в Рача-Лечхуми и Имерет-Самегрело до первой половины XX в., и связанное с этим

процессом древнейшее жатвенное орудие – *шнавки*. Осыпавшиеся сами по себе зрелые колосья пленчатых хлебных злаков в пору первобытного собирательства человек вручную собирал с земли. Позднее, уже в эпоху собирательства урожая, т.е. на доземледельческой ступени, человек пытался сорвать колосья опять-таки рукой, что являлось довольно трудоемким делом, поскольку ость колоса повреждала руки. Для облегчения этого труда было изобретено орудие для сбора злаков с ломкими колосьями, представляющее собой хотя и простейшее, но по сей день незаменимое для «безущербного» сбора урожая орудие – *шанкви/шнавки/шамкви*. Зафиксированы и другие названия этого орудия: *махалники/маханики* (Рача) и *машаки* (Лечхуми) (Гигинешвили и др., 1961. С. 490); подобное орудие, найденное в Аджарии, называется *арташани* (Кахидзе Н., 1974б. С. 38). Орудию шнавки аналогично орудие для отжима сот, известное под названием *шанко/шанки* (Робакидзе, 1960б. С. 100). Несмотря на то, что связанное с древнейшими злаковыми культурами орудие шнавки уходит корнями в глубь веков и его использование имеет давнишнюю историю, ученым оно стало известно только к концу 1920-х годов.

Для изготовления шнавки требуются две палки толщиной с мизинец и длиной 40–50 см орехового, кизилового или грабового дерева. Палки связывают веревкой длиной 12–15 см, продетой в насечки, сделанные в основании каждой из них; концы палок свободны. Жнец в одну руку берет палки со стороны связанных оснований так, чтобы мизинец пришелся между палками, и открытыми концами палок захватывает стебли злака ниже колосьев; затем

другой рукой он прижимает концы палок так, чтобы переломить стебли у основания колосьев. Сорванные таким методом колосья собирали в *годори/саласто* (плетеные корзины) (*Брегадзе Н.*, 1969б. С. 132). Стебли *маха* и *зандури – короли* – использовались для перекрытия хозяйственных построек. Их вырывали из земли руками, изредка жали серпом.

Шнакви – реликтовое земледельческое орудие, заслуживающее оценки с исторической точки зрения: тот факт, что шнакви выдержало испытание временем и сохранилось в быту и в XX в., является не только показателем его незаменимости при сборе урожая определенных культур, но и примером того, что значимость орудий определяется не их новизной или архаичностью, но практичностью и удобством в применении. Бытование на территории Грузии шнакви, созданного еще на ступени собирательства урожая дикорастущих злаков, наряду с другими данными является еще одним свидетельством местного зарождения и развития производящего хозяйства.

НАРОДНАЯ АГРОТЕХНИКА⁸

В полеводстве, в зависимости от исторически сложившейся системы земледелия, особое значение имеет точное соблюдение сроков сева. Для своевременного начала пахоты отведенная под пашню земля должна быть очищена от камней, корней деревьев и кустарников. Земельные угодья соотносились с посевными культурами. Например, ячмень и просо выращивали в горах, им отводили рыхлую, «жирную» почву. Поэтому пашня сначала засеивалась этими культурами или кукурузой, для которой также выбирались участки с жирным черноземом, орошаемые, расположенные неподалеку от леса. С качеством почвы и местоположением угодий также связаны правила обработки земли (в том числе глубокой вспашки) и сева. Чтобы глубоко засеять зерно в сухую или скудную почву, а также защитить посевы от засухи, на склонах, в местах, обрабатываемых мотыгой, сначала семена рассыпали, а затем мотыжили землю. Там, куда можно было подступиться с пахотным орудием, где почва была влажной, сеяли в заранее вспаханную землю, а затем боронили посевы.

Количество посевного зерна зависело от качества пахотной земли и засеваемых культур, и, хотя на равных участках при посевах разных культур требовалось неодинаковое количество семян, площадь пашни все же определялась мерой, соответствующей количеству семян основных зерновых культур – пшеницы и ячменя (напр., «земля под один пуд зерна» и др.) (*Брегадзе Н.*, 1969б. С. 190, 191). На равной площади меньше расходовалось семян колосистой озимой пшеницы – *долис нури*; больше – семян ячменя и особенно ржи; больше семян расходовалось на бедных почвах. Семена проса и гоми для их экономии и равномерного распределения по полю смешивали с песком.

Время начала весенних полевых работ – *ало* (пахота) – колебалось в промежутке между февралем и маем (по ст. ст.). При определении времени сева, помимо календарных сроков, учитывались фенологические данные –

⁸ © Н. Брегадзе

Аджарцы на пашне
Батумский округ
Фото А. Шааяна, 1926 г.
© МАЭ РАН. № И 2064-30

Пахота
Мтиулети, с. Млега, первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-54

появление муравьев и перелетных птиц; учитывалась также погода и фазы луны, как и при начале других сельскохозяйственных работ. Рекомендовалось сеять на 7–8-й день входа Луны в фазу роста. Крестьянин по опыту знал, что на рост и развитие растения влияет ночное светило, сияние которого возрастает в полнолуние. Сеять предпочитали рано весной, однако иногда своевременному началу работ препятствовала непогода и холода. Для ускорения таяния снега по пашне рассыпали золу, землю или овечий навоз. С этой же целью ранней весной при обильном снеге земле «давали дышать»: местами палкой расковыривали снег, проводили по нему скот, разрыхляли его граблями (Брегадзе Н., 2004. С. 69–70).

Осенний сев хлебных злаков – озимых культур проводили с конца августа до поздней осени включительно (в зависимости от региона и от культуры), хотя считалось, что лучше всего сеять в начале осени. Это оправданно и с точки зрения агрономической науки. Зерно, посеянное ранней осенью, успевает прорасти, лучше переносит неблагоприятную погоду. Например, если *дзвелколхури асли* (староколхскую полбу) посеять рано – ей не повредит *жанга* – ржавый клещ. Если в силу причин пшеницу сеяли поздней осенью, то обязательно точно соблюдали сроки посева. Сев поздней осенью проводился с тем расчетом, чтобы семена не успели «прозябнуть». Такой способ сева назывался «загоном» – *шемсквдева*. Запрет на сев приблизительно в двухнедельном интервале, между ранним и поздним посевами (конец октября – начало ноября по ст. ст.) основан на знаниях земледельца об особенностях развития растения – пшеница, посеянная в этом временном интервале, успевала «прозябнуть» и в лучшем случае давала только один росток. Поэтому опытные люди предупреждали: «Если поздно посеянное поле дало урожай, не рассказывай сыну, а то сглумит, сам тоже поздно посеет и в убытке останется» (Брегадзе Н., 1974. С. 41). Посев озимых сортов хлебных злаков предпочитали проводить ранней осенью, а яровых сортов – поздней осенью. Это подтверждается и научными исследованиями.

Придерживались определенной последовательности сева культур. Например, в горах Восточной Грузии весной сначала сеяли пшеницу, потом смешанные семена – *кердику* (*кери* – ячмень, *дика* – пшеница), а в конце ячмень, как раннюю культуру. В Западной Грузии сначала сеяли пшеницу, потом смешанные семена, потом ячмень, кукурузу, гоми, и в конце – просо. Пшеницу сеяли рано с тем расчетом, чтобы ей успеть пройти главные фазы развития до начала сухого сезона. Чтобы получить два урожая, иногда рано сеяли и просо. Это растение, имевшее короткий вегетативный период, второй раз, методом пересева, сеяли после уборки кукурузы или пшеницы.

Для защиты посевов от сорняков использовали «предпосевную культивационную» и «глубокую зяблевую» вспашку, а также осенью в поля пускали пастись отару овец. Там, где земля не вспахивалась глубоко, а дожди способствовали росту сорных трав, поля с хлебными злаковыми и просом пропалывали один или два раза вручную, с гоми – сперва вручную, затем мотыгой, с кукурузой – два, а иногда и три раза мотыгой. В это время вместе с уничтожением сорняков происходило и разрыхление почвы.

Во время сбора урожая также необходимо было соблюдать установленные (в соответствии с районом) сроки, что зависело также и от степени развития посевов. Для получения высококачественного, клейкого теста пшени-

цу надо было убрать, пока она не переспела. В горах, где пшеница поспевает поздно, ее жнут недоспелой, затем зерно сушат и оно «доходит» в снопах при хорошей циркуляции воздуха. В итоге урожайность повышается, и зерно получается более качественным.

Сперва жали озимые, потом – яровые, в первую очередь – ячмень (на равнинах – в июне). Для уменьшения потерь следовало спешить и с уборкой легко рассыпающейся безостой пшеницы.

Соблюдение сроков уборки было важно и для посевного материала, подбору и хранению которого уделялось большое внимание. Колосовым, предназначенным для посева, давали хорошо дозреть. Сразу после жатвы начинали отбирать посевной материал. Если современные веялки урожай сортируют по объему, и крупные зерна могут оказаться пустышками, то при сортировке народным способом – «веялочной лопатой» и «определителем» – легко отбиралось крупное и здоровое, пригодное для сева зерно (*Читая, Хазарадзе*, 1985. С. 84). При втором способе отбора посевного материала – «холощенин» – отборным крупным зернам отламывают концы. Оставшаяся, предназначенная для посева, средняя часть обеспечивала увеличение урожая в среднем на четыре-пять центнеров с га (*Декапрелевич*, 1958. С. 472; *Брегадзе Н.*, 1982. С. 74). Для посева кукурузы посевной материал отбирали с середины початка. Очищенное и отобранное для посева зерно хранили отдельно, в сухом месте. Весной, перед севом зерно грели на солнце.

Для повышения урожайности почвы ниву удобряли навозом крупного рогатого скота, в некоторых местах – овечьим, а в некоторых – козьим. В регионах с развитым животноводством удобряли как близкие поля, так и заимки, в других же местах удобряли близлежащие поля, и то поочередно, раз в два-три года. Навоз собирали целый год. Зимой или в начале весны его вывозили на арбах в заимки, а корзинами – в близлежащие поля; складывали его кучами, а весной, перед вспашкой, разбрасывали по земле. Преимущественно на заимки, а иногда и на ближние поля пускали пастись скот в поле, чтобы навоз удобрял почву. Это нередко устраивали там, где землю оставляли под паром. В горах посевные земли удобряли навозом, разведенным в воде, что обычно было связано с системой орошения (*Брегадзе Н.*, 1969б. С. 122–127; *Очиаури*, 1980).

Неплодородные земли (преимущественно кукурузные поля) удобряли черноземом или *ткилом* – аллювиальными или мергелевыми почвами (*Читая*, 1962. С. 240; *Брегадзе Н.*, 1978. С. 26; *Джалабадзе Г.*, 1990. С. 71). Пашни, расположенные в поймах рек, удобряли речным илом, который считался наилучшим удобрением. На более дальние поля искусственно пускали речную воду и оставляли до оседания ила, или вручную вносили его в почву. Особо ценился ил рек Риони и Цхалцитела (*Гегешидзе*, 1961. С. 105). После уборки колосовых и бобовых культур оставшееся жнивье служило хорошим удобрением, причем особо ценились отходы бобовых. Под кукурузу, ячмень и просо отводили удобренные и плодородные земли.

Орошение в малой степени было связано с полеводством. Полив склонов вызывает эрозию, истощение земли, потому главным образом орошали равнинные посевы и земли, перед севом подвергшиеся засухе. Колосовые в основном сеяли без полива; хотя после орошения урожай зерна увеличивался, но по качеству его нельзя было сравнить с урожаем с неполивного посева.

В Грузии не было необходимости в орошении озимой пшеницы; местные эндемичные виды сохранили засухоустойчивость, характерную для их диких прародителей, а в относительно сухих районах были распространены именно озимые культуры. В период их сева сохранению влаги способствовала двух- или трехкратная глубокая вспашка, а последующему развитию посевов – зимние осадки. До наступления засухи растения успевали завершить вегетативный цикл. Так что, в основном, поливали яровые посевы. Основным ареалом распространения яровых колосовых является высокогорье, где выращивают культуры, полученные в результате народной селекции и хорошо адаптированные к местным условиям. К тому же в горах, с повышением высоты над уровнем моря, увеличивается как влажность, так и годовая норма атмосферных осадков. Обилие осадков приходится именно на время колошения, когда посеву требуется больше влаги. Таким образом, в Грузии, в одном из центров окультуривания пшеницы, эти зерновые изначально выращивали без полива. Зато посеянная в низменности кукуруза требует обязательного орошения, потому ей уступали поля в поймах рек. Как исключение, в Сванети при сильной засухе поливали поля проса (*Гегешидзе*, 1961. С. 118–119).

Большое значение придавали также росе. При соблюдении сроков сева период колошения пшеницы и формирования початков кукурузы, когда растения более всего нуждаются во влаге, совпадает с сезоном обильной росы. Урожай фактически зависел от погоды, что отражено в высказываниях крестьянина: «Не хвались, угодье, поле – сын погоды», или «Работой погоды работники хвастаются» и др.

Чтобы земля не истощилась, угодьям поочередно давали отдых на разные сроки, главным образом, тем землям, которые удобрялись, а там, где на неспаханной земле пасся скот, отдых почвы сопровождался и ее удобрением. «Разворот земли» (Аджария) подразумевал обогащение оставленной на несколько лет, а затем использованной как пастбище, пахотной земли поливом, что вновь делало ее пригодной для пахоты (*Чиджавадзе*, 1971). С одним из способов отдыха земли – «зяблевой вспашкой» (пашню оставляли до весны) связано удобрение почвы глубоко запаханной травой и жнивьем, а также защита посева от сорняков, чьи перевернутые корни замерзали зимой. На склонах зяблевую вспашку не применяли, так как рыхлый плодородный слой почвы весной могли смыть талые и дождевые воды, и в результате вызвать эрозию.

В условиях малоземелья трудно было выделить земли под пар, прибегали к «севообороту», который известен с давних времен как агротехническое мероприятие, повышающее урожайность. В севообороте хорошей предтечей для других культур считаются просо и гоми (*Брегадзе Н.*, 2004. С. 72). Для сева раннего проса землю, вспаханную поздней весной, очищали от сорняков, которые окончательно уничтожались при прополке, поэтому поле после проса очень ценилось (*Бардавелидзе*, 1951. С. 56–57). То же можно сказать и про гоми, которое препятствует развитию сорняков (*Ломоури*, 1950. С. 250). Некоторые сорняки не могут расти там, где посеяны ячмень и полба (*асли*).

После распространения в Грузии кукурузы и картофеля стали практиковать поочередный сев хлебных злаков и пропашных культур, при прополке которых сорняки уничтожаются. Поле с хлебными злаками отдыхает от мотыги, а оставшееся после жатвы жнивье удобряет почву для кукурузы и

других пропашных культур, которые будут посеяны в следующем году. Там, где высевали только хлебные злаки, в зависимости от расположения поля, в севообороте участвовали пшеница, ячмень и рожь (напр., в Западной Грузии). На отдохнувших и удобренных полях перед пшеницей сеяли ячмень; на вырубках (*ахо*), где практиковали многолетний севооборот, сперва выращивали просо, на второй год – ячмень, на третий – кукурузу, затем пшеницу, а в конце – *гоми*, который не сеяли на отдохнувшей и плодородной земле. В Западной Грузии, где реже сеяли хлебные злаки, в севообороте кукурузу заменяли просо и *гоми*.

Улучшению качества хлеба и повышению урожайности служит прием, известный с III тыс. до н.э. – «смешанный сев» различных культур (*Чубинишвили Т.*, 1965. С. 92), который был также эффективным средством защиты посевов от засухи. В смешанных посевах ячменя и пшеницы (*кердика*), или ячменя и ржи (*керсвилли*), пшеница и рожь затеняют ячмень, защищая его от жары (*Читая*, 1952. С. 106). *Кердика* сеется в таких местах, где чистый ячмень не растет. Ячмень быстрее всасывает влагу из почвы и ускоряет вегетацию второго участника ценоза (*Кецховели*, 1957. С. 202). В смешанных посевах создаются два подпочвенных яруса, что делает возможным максимальную эксплуатацию почвы, к тому же из всех яровых больше всего разрастается ячмень и, таким образом, на полях *кердики* нива более густая, меньше подвержена воздействию засухи и сорняков. Поэтому урожайность смешанного посева выше, чем чистой пшеницы на том же участке, и зерно раньше поспекает, что важно для ждущего новый урожай крестьянина (*Кецховели*, 1957. С. 288).

На одном и том же участке сеют кукурузу и бобовые (сою, фасоль). У бобовых корни уходят глубже, чем у кукурузы, и потому берут пищу из нижних слоев земли; в то же время они обогащают почву, уничтожают сорняки и способствуют лучшему развитию кукурузы. Кукуруза затеняет бобовые и служит опорой их вьющихся видов (*сарис лобио* – фасоль на подпорках) (*Бериашвили*, 1978. С. 36).

Из-за малоземелья с кукурузой высевали пшеницу, ячмень или просо. Посев проса после второго мотыжения давал возможность получения двух урожаев этой культуры, и получения урожая от двух различных видов на одном и том же участке. В затененных местах, где кукуруза поспевала позже, хлебные злаки – пшеницу или ячмень – высевали после третьего мотыжения (*Брегадзе Н.*, 1969б. С. 113–116).

Посеянные на кукурузном поле хлебные злаки и бобовые, или посеянная в огороде фасоль хотя и использовались по отдельности, в отличие от урожая смешанного посева колосовых, которые вместе жнут и молотят, но в обоих случаях мы видим применение народного опыта, который вместе с обеспечением изобилия и улучшением качества урожая служит и рациональному полеобороту.

В малоземельной стране немаловажная роль отводится таким приемам увеличения площади угодий, как устройство заимок, искусственных террас и мелиорационным мероприятиям по осушению чрезмерно влажных почв (*Гегешидзе*, 1961. С. 38–48).

Для заимок выбирали богатый перегноем лиственный лес (предпочтение отдавали ольховым, грабовым, буковым лесам). С деревьев заранее снимали

кору, чтобы они засохли, а затем летом вырубали. Крупные деревья использовали для разных хозяйственных нужд, оставшиеся же на месте мелкие ветки, пни, корни и коряги вместе с мелкими деревьями сжигали, а золой удобряли почву. После очистки от камней и остатков щебня землю 2–3 года обрабатывали киркой, лопатой и мотыгой, а затем – плугом. Через несколько лет заимке давали отдых (Читая, 1959. С. 150, 151; Брегадзе Н., 1969б. С. 100–104; Рухадзе, 1985). В некоторых местах (Аджария) не все пни выкорчевывали, и через некоторое время они давали густые побеги; здесь нередко выращивали ольху, поэтому вырубки опять зарастали лесом. Такие участки через определенное время опять вырубали, затем вновь давали покрыться порослью и т.д. (Чиджавадзе, 1971). Была запрещена вырубка заимок на склонах, чтобы избежать оползней, эрозии и засухи (Брегадзе Н., 1969б. С. 100–104). Несмотря на это, при малоземелье вырубки устраивали и на склонах.

Важным агротехническим приемом было террасирование горных склонов. В полеводстве использовались террасы без стен – *лари* (Бериашвили, 1985. С. 33). Для защиты *лари* от водных потоков проводили искусственные каналы, в них ставили плетенку в два ряда, а пространство между ними заполняли камнями и щебнем. Узкие *лари* обрабатывали ручными орудиями, широкие – разного типа плугами (*джилга*, *гогора*, *арона*). Восстановлению плодородия *лари* служил их своевременный отдых и практика севооборота (Бериашвили, 1985. С. 31–34; 1989. С. 90, 91, 196).

Агротехнические знания, основанные на многовековом народном опыте, во многом обусловили высокий уровень земледелия Грузии.

ТЕРРАСНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ⁹

Устройство террас на склонах как средство искусственного изменения склоновой поверхности является одним из древнейших и ставит целью освоение горного рельефа. Оно служит средством защиты почвы от эрозии, оползней, повреждений почвенного слоя, а также для регулирования гидрографического режима. В Передней Азии террасное земледелие относится к раннебронзовому периоду (Кинк, 1970; Gluck, 1958). Террасное земледелие в Грузии опирается на древнейшие традиции и рассматривается как форма хозяйствования, обусловленная условиями окружающей среды, которая основной целью ставит освоение новых участков и может расцениваться как эффективное средство, направленное на преодоление отрицательных последствий природных явлений. Специально созданные террасы (*ороко*, *тахти*, *бакани*, *сакви*, *дариджи*, *калони* и т.д.) предназначались для различных отраслей хозяйствования. Если в Восточной Грузии для преодоления эрозии террасное земледелие в числе различных методов применяет обеспечение почвы водой, то в Западной Грузии, в условиях повышенной влажности, выполняет противоположную функцию, предохраняя почвенный слой от перенасыщения влагой. В Грузии можно выделить следующие типы террас: с подпорными стенками (каменными и деревянными) и без стенок (для садоводства, виноградарства и полеводства).

⁹ © Л. Бериашвили

Террасы для виноградников
Самцхе-Джаваheti, с. Хизабавра
© Фото Г. Барисашвили, 2003 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Террасы для виноградников
Самцхе-Джаваheti, с. Хертвиси
© Фото Г. Барисашвили, 2003 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Месхети

В Месхети террасы в основном распространены в Аспиндзком районе, в ущельях Куры и ее притоков. Террасы отличаются друг от друга размерами, но принцип их возведения един: склон разделяется на несколько ступеней, горизонтально врезанных в горную породу, и создается участок с ровной поверхностью для разведения сельскохозяйственных культур.

Археологический материал о террасном земледелии крайне скуден. Интересные сведения для понимания проблемы возникновения террас и их хозяйственного назначения содержатся в археологических материалах Цундского городища (Чилашвили, 1965. С. 44). Представляют интерес данные, сохранившиеся в комплексе Амиранисгора в Ахалцихе, которые позволяют причислить корни террасного земледелия к куро-аракской культуре, которая в IV–III тыс. до н.э. достигает высшей ступени своего развития (Чубинишвили Т., 1963. С. 77–92).

В Месхети террасы отличаются друг от друга размером и конфигурацией, что обусловлено расположением склоновых поверхностей и степенью их крутизны. Чем большей была крутизна склона, тем более высокую стенку требовалось возвести на данном участке, а его площадь была меньшей; и наоборот – на менее наклонных участках требовались не такие высокие стены, а площадь участка была более обширной. Террасы с каменными стенками включают в себя три разновидности: *дариджи/дукани*, *сакве/сакви*, *бакани/ороко*. *Дариджи* и *сакве* конструктивно построены на одном и том же принципе. Разница между ними заключается в следующем: площадь *дариджи*

Террасы

Самцхе-Джавахеги

© Фото Г. Барисашвили, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

значительно превышает площадь *сакве*; они располагаются вдоль течения рек и на них разведены фруктовые и тутовые сады, а *сакве* предназначено для разведения виноградной лозы. Ширина типичного *дариджи* 4–12 м, длина 30–40 м. Самыми узкими участками признаны *сакве* шириной 2–2,5 м. Средняя высота каменных стен составляет 1–1,5 м.

Для обозначения террас в Месхети также использовали термин *ороко*, которому в древней Грузии соответствовал *бакани* (Орбелиани, 1966). В Месхети в прошлом термином *ороко* называли юго-западные склоны от большого собора с. Ацкури до холмов Тисели, где до наших дней сохранились остатки террас. Террасы с каменными стенами были связаны с виноградарством и садоводством. О Месхети француз Дюбуа де Монпере рассказывает: «В старые времена этот край испытывал расцвет, успешно развивались искусство и хозяйство. Повсюду, в скалах и расщелинах, куда только достигала рука человека, были прорезаны каналы, которые до сих пор вызывают изумление. Эти места привлекали внимание сложенными из крупных камней ступенчатыми стенками, как в Женеве и Невшателе, и были опоясаны многочисленными виноградниками и садами» (Dubois de Montpereux, 1839). Месхети признана родиной аборигенных сортов винограда, приспособленных к высокогорным климатическим условиям (Рамишвили, 1949). На террасах разводили *даблари* – низкоствольную виноградную лозу.

Аджария

В Аджарии традиция террасирования сельскохозяйственных земель сохраняется и в настоящее время. Террасы с каменными стенами (*секви, тумби, тахти, таро*), как правило, встречаются в окрестностях населенных пунктов и на близлежащих к ним участках. Эти наименования в основном распространены в Хулойском районе. Села Аджарского высокогорья в основном расположены на естественных природных террасах, с которыми граничит полоса искусственно высаженного леса. Ярким примером этого является с. Горджоми, расположенное на горном склоне. Ранние образцы террас с каменными стенами сохранились во многих населенных пунктах: Шуубани, Диокниси, Кортохи и др. Террасы небольшого размера занимают фруктовые деревья, террасы с большей площадью предназначены для пахоты и посевов, иногда встречается смешанная форма хозяйства – фруктовые сады, огороды, посевы (Чиджавадзе, 1966. С. 125). Заслуживает внимания мастерство искусственного орошения террасных участков. Вода подается с самой верхней террасы, пересекает террасу по проложенному по ней каналу, с помощью желоба выводится на стену следующей террасы, протекает по периметру, затем вновь направляется в желоб, и так повторяется до самого нижнего уровня. Строительство террас было связано с тяжелым физическим трудом и требовало большого количества рабочих рук. На сооружение одной террасы уходило несколько лет. Обычно семье помогали близкие соседи и родственники, что осуществлялось благодаря традициям взаимопомощи.

Картли

В Картли террасы со стенами в основном встречаются в Атенском ущелье Горийского района, где главными отраслями хозяйства являются виноградарство, садоводство и скотоводство. Виноградники расположены по обеим

сторонам ущелья на укрепленных стенами террасах, которые местные жители называют *бакани*. Бакани возводились из камня сухим способом, высота стен составляет от 1 до 2–2,5 м, а длина от 6 до 15–20 м. В старину на террасах были расположены виноградные лозы в виде *хеивани* (беседок). Здесь разводили древнейшие сорта винограда *атенури мцване*, *тавквери*, *чинури*, *будешури*. К Танскому ущелью примыкает еще несколько более мелких. Одним из них является Церос хеви, где был обнаружен интересный террасный комплекс. Уцелевшие фрагменты сохранили остатки фруктовых деревьев и одичавшую виноградную лозу. В 1940-х годах С. Макалатия обнаружил там следы древнего селения (*Макалатия*, 1947. С. 32).

Террасы с виноградниками существовали также в селах Бошури, Бииси Танского ущелья. В разных пунктах Атенского ущелья выявлены террасные поселения, а также сохранившееся до наших дней террасное кладбище. Заслуживает внимания исторически известные царские виноградные уголья и «вино, местное, самое лучшее в Картли, и особенно атенури, самое лучшее из вин Грузии» (*Орбелиани*, 1940. С. 123).

В Ксанском ущелье – древнейшем культурном очаге Грузии – также имелись террасированные участки. Здесь занимались земледелием и скотоводством, а в селениях, расположенных в глубине ущелья – и виноделием. На это указывают сохранившиеся в народе многочисленные предания о высоком качестве и обилии вина *цхаватури*.

Мтиулети и Гудамакари

В Мтиулети и Гудамакари население с давних пор население «обращалось к террасированию пахотных земель, к их орошению и унавоживанию» (*Читая*, 1960а. С. 57). Здесь существовала традиция террасирования как пахотно-посевных площадей, так и приусадебных участков. «Практика строительства каменных бутов-оград в высокогорных районах Кавказа является одной из основных разновидностей террас. В Грузии примером такого строительства является с. Вешагурта в ущелье Хандо в Мтиулети, где места для огородничества и сейчас террасированы, а также село того же ущелья Цинамхари, где наглядным образцом террасирования является сад, занимающий весьма значительную площадь» (*Робакидзе*, 1964. С. 64). Укрепленные каменными стенами террасы имелись и в Гудамакари. Примечательным объектом является верхний квартал с. Чохи: расположенные на террасах сад и огород окружены построенной в давние времена стеной. Эти отвесные участки в наиболее доступных местах разравнивались, а пахотная поверхность укреплялась камнями. В Мтиулет-Гудамакари практика создания новых земельных участков посредством расчистки их под пашню и террасирования имела важное хозяйственное значение.

Имерети

Террасное хозяйство характерно для многих районов Западной Грузии. Террасы с каменными стенами наиболее рельефно сохранились в Хонском и Чиатурском районах, где на террасах, стены которых возведены без извести и глины, расположены приусадебные участки, виноградники, сады и огороды. Такие террасы встречаются в горной полосе. Замечательный образец

террасы, построенной на склоне горы, сохранился в с. Гведи Хонского района. Все участки здесь обнесены оградами с каменными стенами, это один из лучших примеров культуры строительства террас в Западной Грузии. Террасы с каменными стенами в Чиатурском районе использовались для виноградников и фруктовых деревьев.

Самегрело

Представляют интерес террасные участки в Чхороцкуйском районе, в с. Мухури, расположенном в верховьях р. Хобисцкали. Мухури с давних времен являлось экономическим, стратегическим и культурным центром данного района. Большая часть его участков была расположена на горных склонах (Лакада, гора Осинджале и др.). В северо-восточной части Самегрело издавна практиковалось террасное земледелие. Укрепленные каменными стенками террасы ступенчато располагались на склонах, здесь были посеы гоми и кукурузы, сады и виноградники (*Элиава*, 1983. С. 19). Раньше там разводились виноградники, но во время Великой Отечественной войны стали сажать и зерновые. В начале каждой террасы для укрепления почвы сажали деревья – грецкие орехи, каштаны, дубы. Хорошо сохранившиеся фрагменты каменной ограды находятся в Салхино, во дворе бывшего дворца Дадиани, и они и сейчас защищают от обрушения большой участок территории.

Сванети

В конце XIX в. террасы были описаны в Дадиановской Сванети в Чолурской волости и в расположенных там деревнях: «кое-где узкое ущелье расширяется, и там расположены деревни, к которым примыкают пахотные и сенокосные земли. Наше удивление было безгранично, когда мы увидели, что в таких местах обе стороны ущелья спускаются ровными террасами, тщательно выстроенными из камня. Наше изумление возросло, когда мы узнали, что все эти террасы искусственные. Их покрывают почвенным слоем, и склоны, недавно совершенно непригодные, превращены в прекрасные поля, где сажают кукурузу, просо, пшеницу, а на высоких склонах – ячмень и рожь» (*Долгушин*, 1900). Таким образом, террасная форма освоения земли в Западной Грузии – важная часть почвозащитных мероприятий, элемент общегрузинской культуры. Возникновение и распространение террас было продиктовано практической необходимостью горного земледелия и обусловлено малоземельем, эрозией почв, чрезмерной влажностью.

ТЕРРАСЫ С ДЕРЕВЯННЫМИ СТЕНАМИ

Аджария

Террасы с деревянными укреплениями (*кадони*, *санкали*) хорошо сохранились в Аджарии, по сей день они предохраняют от смыва и оползней огороды и фруктовые сады. Это простой вид террасы, устроенной с помощью бревен, расположенных по краю склона. *Кадони* сооружались на склонах с большой крутизной и обрабатывались вручную. Наилучший пример сохранности *кадони* – с. Инасаридзееби Кедского района.

Гурия

Народные средства укрепления почвы широко используются в Гурии. Они выявляют много общего как в отношении конфигурации, так и практического назначения с теми формами террасного хозяйства, которые известны под названием *дабекви*. *Беки* – бревно – устанавливается горизонтально по краю обработанной площади для укрепления земли. Установка *беки* происходила аналогично *кадони*. Большим числом подобных сооружений отличается ущелье Суреби Чохатаурского района. Они применялись и на приусадебных участках, где разводились фруктовые сады и виноградники (Рухадзе, 1977. С. 50).

ТЕРРАСЫ БЕЗ СТЕН

Террасы без стенок сооружаются на менее наклонных косогорах. Они не укрепляются каменными или деревянными конструкциями. Такие террасы повсеместно распространены в Картли. Их наличие подтверждено в Горийском, Каспском, Мцхетском, Тетрицкаройском районах, в Дигомском ущелье, в окрестностях Тбилиси. Имелось несколько разновидностей террас без стен: *базо/безо*, *эти/иэти*, *бакани/бекуми/тахти/чечма*. На *базо* в основном разводились сады и огороды; их сооружали с помощью заступов, кирок, мотыг, лопат. Эта тяжелая работа часто производилась объединенными силами и называлась в Картли *дадзахили* и *улами* (Сонгулашвили Дж., 1958. С. 36). *Эти* – террасная площадка большой площади, использовалась как для фруктовых садов, так и для огородов. *Бакани* и *тахти* в основном отводились под виноградники и превосходили размерами *базо* и *эти*. Террасы-тахти могли составлять 5–6 ярусов, тогда как число *базо* и *эти* не превышало 2–3 ярусов. В настоящее время на *тахти* продолжается разведение виноградной лозы по старым традициям.

Аджария

В Аджарии террасы без стен назывались *ороко*. Их устраивали на склонах, они занимали сравнительно небольшие площади. Главным ареалом распространения *ороко* было ущелье Мачахели в Нижней Аджарии (Чиджавадзе, 1976).

Террасы использовались и в полеводстве. Особое место занимали террасы *лари* (*лареби*), непосредственно связанные с подсечным земледелием. Характер рельефа исключает возможность расширения лари в ширину, что компенсируется его длиной, которая достигает 500 м и более. Расположенные по склонам гор ярусами, *лари* ничем не укреплены – смежные участки разделяются друг от друга межами, которые часто используются как пастбища рабочего скота во время пахотных работ.

С.-С. Орбелиани так определяет значение термина *лари* – натянутая нить, стрела, тетива, струна. Эти определения отражают главную их особенность: *лари* – узкие, прямые и длинные пахотные участки земли на высоких склонах, предназначенные для посевов. Они занимали важное место в районах, занимавшихся производством зерновых культур. Создание и развитие *лари* происходило на протяжении десятилетий, при использовании определенных правил пахоты. Из-за их высокого расположения они в основном отводились

под яровые культуры (полба). Широко применялись смешанные посе­вы. С целью улучшения почвы зерновые чередовались с многолетними травами или масличными культурами. Было известно также отведение лари под пар, и в это время почва отдыхала в течение 10–15 лет. По народным наблюдениям, урожай, полученный на лари, был обильным и высококачественным, его вы­возили со склонов на специальных санях.

Практика использования *лари* фиксируется во многих горных уголках Грузии, например, в Мтиулети, где участки под лари сохранились в ущелье Хада. Пахотные участки типа *беки* широко использовались в Тушети и пред­назначались для яровых зерновых. *Лари* характерны также для Сванети. По­мимо этнографических сведений, интересные материалы содержатся в пись­менных источниках (Кальвейт, Долгушин). На *лар-ларе* в Сванети в основном располагались сенокосные участки, большое количество их подтверждается в общинах Местии, Мулахи и Эцери: «здесь особое внимание уделяется уходу и заботе о сенокосных землях. Они расположены вблизи пшеничных полей. К каждому из них подходят санные дороги» (*Гегешидзе*, 1960. С. 33).

Террасное хозяйство Грузии демонстрирует богатый народный опыт в об­ласти виноградарства, садоводства и свидетельствует о высоком уровне раз­вития земледельческой культуры грузинского народа.

ОРОШЕНИЕ¹⁰

Орошение – одна из значительных и древнейших отраслей хозяйственной деятельности человека, восходящая к истокам земледелия и почти совпадаю­щая с ареалами его распространения. Оно связано с такими природными фак­торами, как климат, рельеф, гидрографический режим и состав почв. С неза­памятных времен вода использовалась для хозяйственных нужд, поскольку в ряде регионов земледелие без орошения было невозможно (особенно на равнине Восточной Грузии и в окраинных районах Юго-Восточной Грузии).

В Грузии земледелие издревле являлось передовой отраслью хозяйства. Особого развития оно достигло в межгорной и предгорной полосе Восточ­ной Грузии. Большие каналы (*ру*), проложенные от рек и балочных вод (*хевис цкали*), способствовали интенсивному развитию полеводства, овощеводства, садоводства, виноградарства. Благодаря поливу расширились хозяйственные ареалы, увеличивалась численность и плотность населения. Формирование городской жизни также обусловлено указанным обстоятельством. Полагают, что хозяйственной базой зарождения и развития городов стало интенсивное орошаемое земледелие, создававшее одну из основных предпосылок скучен­ности поселений.

Искусственное орошение фиксируется в Грузии с эпохи средней бронзы, когда происходит интенсивное заселение предгорной равнины; здесь были наиболее благоприятные условия для зарождения ирригации из-за обилия родников (*цкаро*) и ручьев (*накадули*). Горное орошаемое земледелие на тер­ритории Грузии по давности своего существования даже опережает равнин­ное орошаемое земледелие. Наряду с поливным земледелием в Грузии в меж­горной полосе развивалось неорошаемое земледелие, характеризующееся

¹⁰ © М. Гегешидзе

Ирригационное колесо. Начало XX в.

© РЭМ. № 923-2

своеобразием земледельческой системы, позволяющей селекционировать засухоустойчивые сорта хлебных злаков.

Для горного ирригационного земледелия особое значение имели родниковые воды, поливка которыми была относительно несложной. Однако и удельный вес, и хозяйственное значение такого орошения были довольно высоки. Для поливки садов и огородов к ним подводили маленькие каналы из близлежащих родников. Нередко этой же водой орошались и отдаленные участки. Поливка земель водой родников и ручьев, состоящих из родниковых вод, была распространена по всей Грузии. Если родниковую воду использовали для питья, на дальние расстояния ее пускали по глиняным трубам, проложенным в подземных тоннелях.

Для лучшего ознакомления с характерными особенностями орошения рассмотрим разные хозяйственно-экологические и историко-географические регионы Грузии: Картл-Кахети, Самцхе-Джавахети, Колхиду и Сванети.

Для Картли и Кахети был характерен народный прием орошения, состоявший в использовании естественного уклона поверхности для самотека отведенной из реки воды. Строили также широкое головное оросительное сооружение (*самаве*), способствовавшее, посредством водоотводных дамб, самотеку воды в направлении орошаемых участков. Головная часть канала (*рус самаве*) должна была быть шире среднего течения его русла. По пути следования от головного канала посредством водораспределителя – *саконела* – отводились меньшие каналы к отдельным селам, от них – более мелкие

протоки к сельским кварталам (*убани*) – *накадули*, последние делились на еще более мелкие рукава – *эти*, или *сакцеви*, из которых вода уже поступала на участки. Русло канала было трапецевидной формы, так как, согласно народным представлениям, это предохраняло его наклонные стены от разрушения водой. У истока канала строилось специальное приспособление – *мосабруни*, назначением которого было вывести воду из реки в канал. По этнографическим материалам Картли, из сооружений такого рода наибольшее применение имели *годоркури* или *джебири* (плотины). У скалистых истоков иногда даже не было необходимости в подобных сооружениях. *Годоркури* имело вид большой корзины овальной формы, сплетенной из ивовых ветвей. Перед спуском в воду для придания тяжести в корзину клали булыжники. Обычно его ставили ранней весной, до поднятия уровня воды в реках. *Джебири* отличалось более сложной и прочной конструкцией, способной устоять под сильным напором воды, поэтому его возводили в местах с быстрым течением.

Для Кахети характерна некоторая «временность» устройства головных сооружений оросительных каналов. Поскольку особенностью рек Кахети является редкий подъем уровня воды и сильные паводки, здесь не строили капитальные дамбы. Предпочтение отдавалось примитивным, связанным между собой пучкам держидерева и хвороста – *джерджи*, которые укрепляли кольями. Для *сатаве*, называемого в народе также *цклис кели* (букв. горловина воды), использовали камни и песок.

Своеобразие рельефа создавало определенные трудности для строительства оросительных каналов. Проведению русла канала нередко мешал холмистый рельеф местности. Поэтому каналы рыли либо в обход холмов, либо для русла делали глубокий раскоп в основании холма. При этом каналу придавали наклонное направление, что облегчало снабжение участков водой. Если канал приходилось проводить по котловине, создавали искусственную возвышенность, земляную насыпь – *русхмули*. Чтобы защитить насыпь от разрушения или размыва водой, вдоль нее сажали ивы, корни которых укрепляли землю. Русла каналов, *накадули*, *этеби* и *сакцеви* рыли большим грузинским плугом – *картули гутани*. Для поливки огородов, например, в верхних деревнях Панкисского ущелья, в Квемо Картли использовались балочные воды, подводимые к каждому участку посредством маленьких и коротких каналов. Для орошения использовалась также вода пресных озер. В нагорье Восточной Грузии было распространено орошение раствором в воде навозом. Аналогичный способ поливки существовал и в Аджарии, где его называли *монехвцкла* (унаваживание с применением воды). В Аджарии был распространен прием удобрения земли систематическим орошением в течение нескольких лет – *мицис гасукеба*. В Восточной Грузии нередко прибегали к заболачиванию – *дачаобеба*, вследствие которого болотная трава гнила и удобряла землю. В Картл-Кахети существовал способ запасаения воды: как дождевые и ливневые, так и родниковые и ручьевые воды собирали в специальных ямах или рвах.

Из этнографических материалов явствует, что *ру* в Грузии были распространены повсеместно. Этот термин имеет два значения: искусственный проток оросительной и мельничной воды и естественный водоем (канава, канал, маленький ручеек). *Ру* имелись и в горах, и на равнине. В понимании народа, все имеют право пользоваться водой, данной природой, а канал, прорытый

селом, является собственностью этого села. Исторически рытью канав и каналов почти во всех уголках Грузии придавалось важное значение, поскольку орошаемое земледелие являлось залогом экономической мощи страны. По инициативе Вахтанга VI и под его непосредственным руководством в стране развернулось интенсивное строительство новых и восстановление старых каналов. В его «Сборник законов» были внесены статьи, касающиеся собственности на воду и правил ее потребления (Сборник законов Вахтанга VI, 1975).

В Картли и Кахети за единицу меры оросительной воды была принята *сацисквиле*, т.е. количество воды, необходимое для привода в действие одной мельницы. Меньшей единицей была *накадули*; четыре *накадули* составляли одну *сацисквиле*. Среднему по величине селу на одну поливку требовалась вода в количестве четырех сацисквиле. Поливочная вода должна была быть холодной, теплая вода считалась менее полезной, поэтому поливку обычно осуществляли ночью. По наблюдениям опытных земледельцев, «частая поливка приносит вред, обедняет землю, лишает ее мозга». В каждом регионе Грузии был свой строгий режим поливки. В Картл-Кахети фруктовые сады поливали раз в год, кукурузные поля – три раза в год: после посадки, при вторичном мотыжении и перед созреванием початков. Пшеничные и ячменные поля поливали дважды в год: после посева и перед тем, как заколосятся.

В Картли одной из форм орошаемого земледелия издавна являлось *террасированное хозяйство*, обеспечивавшее противоэрозионные мероприятия и дававшее максимальный эффект поливки. Террасами располагались в основном садово-огородные участки – *тахти* и *катари*. *Тахти* – это террасированный участок большого размера, *катари* – сравнительно маленький участок. Тахти устраивали на пологих склонах, поэтому террасированные участки получались большими.

В Самцхе-Джавахети орошение характеризуется двумя особенностями, связанными с двумя формами ведения хозяйства. В западной части Самцхе, почти на всей территории Ахалцихской котловины распространено равнинное орошение; в восточной, юго-восточной частях Самцхе и в западной части Джавахети, в ущельях крупных рек (Кура, Ахалкалакисцкали, Уравели) – горное, террасное орошение. В обоих случаях орошение связано с основными отраслями земледелия – полеводством, садоводством и овощеводством. Основной и почти единственной формой орошения в Месхети является использование вод горных рек, и с этой целью оросительную воду «спускают» с гор на равнину посредством искусственных каналов. Главный канал здесь назывался *деда ру*, от него ответвлялись маленькие каналы к отдельным участкам – *мамулис ружби*, от последних – еще более мелкие протоки непосредственно к нескольким местам орошаемого участка – *накветеби*.

В Земо Сванети орошение стоит на довольно высоком уровне. Оно широко распространено в центральной и западной частях Сванети, а в восточной (общины Кали и Ушгули) не встречается.

В Земо Сванети орошаются только сенокосные угодья. Для орошения обычно применяется вода из близлежащей балки, откуда отведен оросительный канал. Поля не поливают, за исключением посевов проса, которые орошаются только в случае чрезмерно жаркого и засушливого лета. Это местная особенность хозяйства. На здешних лугах в течение одного лета траву косят

дважды, иногда – даже трижды, что обусловлено исключительно орошением. Сваны считаются хорошими знатоками поливочного дела. Свой опыт и знания они часто использовали в соседних краях. А. Ламберти писал: «(сваны) в начале лета спускаются группами на равнину Грузии. По обыкновению, они поливают поля посредством проведенных из рек оросительных каналов. Этим делом они занимаются до сбора урожая, после чего берут свой заработок и возвращаются домой» (Ламберти, 1938. С. 167).

В условиях Колхидской низменности орошение имеет совершенно иное содержание. Если для засушливых почв поливка означает привнесение животельной силы воды, то на Колхидской низменности, не испытывающей недостатка влаги, орошение, напротив, подразумевает борьбу с избытком влаги опять-таки с помощью воды. В этом краю много заболоченных мест, на поверхность которых пускают воду, которая своими осадками и шламом (илом) покрывает эту влажную поверхность и в то же время создает очень плодородную землю для посевов. Этот народный агротехнический способ, являющийся древнейшим для Колхидской низменности, и сегодня находит практическое выражение в ряде мероприятий, направленных на осушение болот.

Реки Западной Грузии содержат большое количество илистых осадков, особенно ценится ил Риони. Местные жители на арбах везли шлам из рек Риони и Цкалцитела и посыпали им пашню, что благотворно влияло на ее плодородие. Крестьяне специально запруживали реки, чтобы по каналам вода доходила до села, подводилась к крестьянским усадьбам, где с двух сторон перекрывали сток отведенной воды. «Пойманная» таким образом вода стояла до тех пор, пока не осаживался ил. Это продолжалось примерно 10–15 дней. После этого воду возвращали в канал, а оставшийся ил использовали в качестве удобрения. Устройство каналов, канав, запруд требовало большого коллективного труда, в котором участвовало все мужское население села. Этим делом руководили выбранные народом *меруэби*, в обязанности которых входило поддержание в порядке каналов, их ремонт, справедливое распределение воды.

Народные знания и опыт в области ирригации воплотились в многочисленных оросительных сооружениях, издревле существовавших на территории Грузии, среди которых следует выделить крупные ирригационные сооружения Кахети – *Гремский* и *Алазанский каналы*. Гремский канал – довольно сложная конструкция, построенная в XI–XII вв. Он проложен от водного бассейна одной реки к водному бассейну другой реки, пересекает перевал, а на его трассе возведено несколько инженерных сооружений. Исток канала защищен от неприятеля башней-крепостью. Подсчитано, что гремская вода орошала площадь в 2900 га, тогда как оросительная способность этого канала составляла 4000 га. Полагают, что именно этот избыток воды использовался на участках самого Греми, так как в летнее время здесь не хватало оросительной воды.

В масштабе всей Грузии одним из крупных каналов считается древний оросительный Алазанский канал, именуемый также каналом царицы Тамар, поскольку его строительство связывают с ее именем. Исток канала был устроен на правом берегу Алазани, на расстоянии 1200 м от Алавердского монастыря. Канал построен безупречно. С вводом канала в эксплуатацию в Алазанской долине возникло множество новых поселений, в том числе Велисцихе.

Для водопроводных сооружений предпочтение отдавалось наземным коммуникациям. Во многих регионах Грузии строили довольно сложные сооружения – *гареби* (желоба), *бергареби*, *русхмулеби*. Поскольку Грузия преимущественно горная страна, для ирригационных и иных хозяйственных целей (например, для мельниц) необходимо было рыть подземные тоннели. Их часто прокладывали в скалистых местах, что было связано также с обустройством высеченных в скалах пещер и городов. Подземные тоннели-каналы назывались *канкана*. Верхняя часть их была сводчатой, а высота позволяла человеку войти внутрь слегка согнувшись.

Сложным гидротехническим сооружением является *водопровод Схалтба–Шиомгвие*. Здесь заслуживает внимания сооружение для захвата подземных вод, представляющее собой сложную систему тоннелей (каптаж). Особый интерес вызывают засвидетельствованные в Кизики тоннели, прорытые как для добывания воды, так и для пропуска оросительной или мельничной воды. Остатки подобных тоннелей сохранились в селениях Джугаани, Вакири, Анага.

Хозяйственное значение воды хорошо отражено в народных представлениях и верованиях. Установлено, что в селах, где по разным причинам невозможно было наладить искусственное орошение, были особенно популярны религиозные обряды, служившие для «вызова» атмосферных осадков. Ритуалы, направленные против непрекращающихся дождей или засухи, были распространены как на равнине и в предгорной полосе, так и частично в нагорье Грузии (*Бардавелидзе*, 1957. С. 153–154). Например, в Тушети во время засухи делали ритуальную «дождевую» куклу (*сацвимара гугаи*), которую наряжали в свадебное платье, обливали водой и т.д. (*Макалатия С.*, 1933. С. 187). В разных уголках Грузии существовало множество подобных обрядов.

В народных верованиях и представлениях весьма рельефно выделяется образ владыки небес и туч *Ильи (Элиа)*, которого почитали во всей Грузии. Существовали молельни святого Ильи, праздновались именины в его честь – *Илиаоба*. По народному поверью, Илья был святым, но из-за слепоты он ничего не видел, и им правил дьявол. Поэтому во время грома и молнии ударяли по железу, звонили в колокол или стреляли из ружья, чтобы Илья услышал, что под ним, внизу, находится село, и чтобы он отвел от него град.

Заслуживает интерес обряд *гонджаоба (гонджа)* – невзрачный цветок, который прикрепляли к ритуальной кукле), исполнявшийся главным образом в летнее время. Суть его состояла, с одной стороны, в вымаливании долгожданного дождя (напр., в Кизики и селениях по правобережью Алазани), а с другой – в избавлении от ненастья и дождей (в тех местах, где они были частым явлением).

В Кахети было распространено поклонение камням *калквеби* – каменным бабам, к которым обращались с мольбой о дожде в засуху или о прекращении ливней в случае затянувшейся непогоды. В Картли и Кахети фиксируется также мероприятие, направленное против засухи, – *гутнис цклит мохвна*: в плуг впрягались женщины, которые тащили плуг по реке вдоль и поперек, их сопровождали женщины-погонщики (*мехреби*), все они обрызгивали друг друга водой, а за плугом шел *гутнис деда* (главный пахарь) и, по обычаю, громко сквернословил, чтобы разгневать небеса, которые за это должны были «наказать» село, ниспослав ему дождь.

В Месхет-Джавахеги широко был распространен аналогичный *гонджаоба* ритуал *лазароба*: женщины босиком обходили села с глиняной куклой в руках, а встречающиеся им по дороге сельчане должны были обливать куклу водой. Шествие сопровождалось сбором пожертвований и ритуальным песнопением во славу Лазарэ – божества дождя. Вечером из собранных продуктов устраивалась трапеза, присутствовать на которой мужчины не имели права.

В Шида Кахети и селениях, расположенных по обоим берегам Алазани, было очень популярно хождение на *дидеба* (величание) – обход группой женщин своего села во славу бога. Одним из членов группы была женщина-носильщик – *мебаргули*, собиравшая в *хурджин* (переметную суму) пожертвования. За счет собранных припасов затем устраивали общее застолье, во время которого опять восславляли Господа. Участие мужчин в этом ритуале запрещалось, что, по поверью, объяснялось тем, что «плод дает женщина, а с мужчины в этом деле спроса меньше».

Относительно связанных с водой народных верований и представлений на Колхидской низменности писал А. Ламберти: «Во время большой засухи, когда все мечтают о дожде, можно вымолить у бога дождь, используя следующий обычай: из какой-нибудь церкви народ выносит чудотворную икону в золотом или серебряном окладе, доносит ее до ближайшей реки, окунает в воду, а затем снова относит в церковь. Если дождь не пошел, через несколько дней икону снова несут к реке и полностью погружают в воду. Люди уверены в том, что бог внял их мольбе. Когда же, наоборот, хотят прекратить дождь, обращаются к св. Илье, которому жертвуют козла. Это козье мясо съедает священник, а шкуру набивают сеном и там же где-нибудь вешают на ветке» (Ламберти, 1938. С. 154). Мегрелы называют этот обряд *хатис дабанва* (омовение иконы) или *хатис гарецхва* (мытье иконы). Кроме этого ритуала, здесь существовал обычай «делать лицо человека и прикреплять к нему руки», после чего куклу-чучело под громкие крики бросали в воду. По народному верованию, эта вода, вливаясь в море, вызовет с помощью куклы дождь. Этот обряд обнаруживает сходство с упомянутыми выше лазароба и гонджаоба.

В многовековой истории Грузии орошение имело особое значение и сыграло важнейшую роль в экономическом развитии страны. Орошение как неотъемлемая часть хозяйства и один из его основных агротехнических элементов связано с истоками земледелия на территории Грузии, и на этой же территории оно прошло длительный путь развития. Орошение следует рассматривать как основной фактор, обусловивший в целом развитие, интенсивность и многообразие форм грузинского земледелия.

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ¹¹

Грузинский народ создал богатую и самобытную культуру виноградарства и виноделия. Благодаря достижениям в данной области (аборигенные сорта винограда, отличные вина, накопленные богатые знания и опыт и т.д.) Грузия снискала славу классической страны виноградарства и виноделия.

¹¹ © Л. Габуниа

Квеври – кувшины для вина
Имерети, с. Макадубани
© Фото Г. Барисашвили, 2012 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Виноградник
Кахети, с. Кондоли
© Фото Г. Барисашвили, 2011 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Глубокая преданность грузин виноградной культуре, столь четко проявляемая в течение всей долгой истории страны, опирается на давние традиции. Наряду с некоторыми другими отраслями, виноградарство в феодальной Грузии составляло основу интенсивного хозяйства, к разрушению которого так упорно стремились многочисленные завоеватели. Поэтому борьба за независимость Грузинского государства непременно подразумевала также и борьбу за спасение этой отрасли. Грузинскому труженику постоянно приходилось заниматься восстановлением садов и виноградников, уничтоженных вследствие нашествий врагов и вместо вырубленных, пришедших в запустение виноградников закладывать и взращивать новые. Со временем виноградная лоза для грузин стала не только символом христианства, но и символом национальности и самосознания.

О глубокой древности грузинской виноградарской культуры свидетельствуют данные палеоботаники и ампелографии, сведения письменных источников, археологические и этнографические материалы, а также связанная с виноградарством богатая и разнообразная лексика, большая часть которой грузинского происхождения. Исследователи указывают на совершенно особую роль виноградарства и виноделия в экономике древней, средневековой и современной Грузии, в хозяйственном быту и духовной жизни населения страны. Развитие виноградарства наложило также определенный отпечаток на социальные отношения, поскольку способствовало зарождению права частной собственности на землю и углублению имущественной дифференциации. Полагают, что ни одна из хозяйственных отраслей в Грузии не способствовала росту частнособственнической тенденции столь значительно, как виноградарство (*Бердзенишвили Н.*, 1960. С. 182). Древнейшие письменные сведения о грузинском виноградарстве относятся к античной эпохе (Ксенофонт, Аполлоний Родосский, Страбон). Важную информацию содержат грузинские и иностранные письменные источники феодального периода, а также данные путешественников и работы ученых нового времени.

Наличие истоков культурного виноградарства на территории Грузии ученые предполагают уже в эпоху энеолита. Косточки культурной виноградной лозы были обнаружены на поселениях Шулаверис-Гора и Дангреули-Гора (Квемо Картли), относящихся к культуре Шулавер-Шомутепе. Начальным этапом формирования упомянутой культуры принято считать конец VII тыс. до н.э. Селища, на которых были обнаружены виноградные косточки, датируются VI тыс. до н.э. Подобные находки более часты в материалах поздне-бронзового и раннежелезного периода. В это время среди грузинских племен подтверждается наличие культурного виноградарства со всеми характерными для него атрибутами. Свидетельством тому служат выявленные археологами материалы: виноградные косточки и разнообразный инвентарь (специальные ножи, глиняные сосуды, используемые как для хранения вина, так и для его транспортировки и питья) (*Лордкипанидзе О.*, 1989. С. 169).

В античную эпоху виноградарство и виноделие в Иберии и Колхиде отличаются высоким уровнем развития. В этой связи особо впечатляют археологические находки, среди которых встречается множество элементов, указывающих на наличие оживленных контактов грузинских государств с древним культурным миром: пифосы, амфоры, кувшины, предметы дионисийского культа из городищ Вани и Самадло (*Лордкипанидзе О.*, 1989. С. 280–306,

Квеври для хранения церковного ритуального вина *зедаше* во дворе Академии в Икалто

Кахети, XII–XIII вв.

© Фото Г. Барисашвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Рог – керамический винный сосуд

Самцхе-Джавахеტი, г. Боржоми, XV в. до н.э.

© НМГ. ЭФ 9-33-14

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

308–338). В земледельческом районе, расположенном вокруг грузинских городов античной эпохи (Мцхета, Уплисхихе, Урбниси), образовалось основанное на ирригации многоотраслевое хозяйство (полеводство, виноградарство, садоводство) (Меликишвили Г.А., 1970. С. 631).

Согласно исторической традиции, с виноградарством связывается создание одной из важнейших ирригационных систем – строительство Ксанского

(Настакисского) канала. По свидетельству одного из грузинских источников, этот оросительный канал античного времени предназначался именно для виноградников (*Киквидзе*, 1976. С. 121). К концу античного периода и в раннефеодальную эпоху в Восточной Грузии были созданы многочисленные ирригационные сооружения, которые способствовали дальнейшему развитию и интенсификации виноградарства. Н. Бердзенишвили подчеркивает, что «одна из важнейших основ хозяйственного прогресса феодальной Грузии опиралась исключительно на мощное развитие оросительной системы» (*Бердзенишвили Н.*, 1964. С. 352). Значительный подъем виноградарства приходится на IX–XI вв. В это же время меняются некоторые термины, используемые в виноградарстве. Для обозначения одного корня виноградной лозы вместо *венахи* (совр. виноградник) был внедрен новый термин – *вази* (лоза), а виноградник стал называться *венахи*; при этом появляется новое определение большого (по размерам) виноградника – *зуари* (помещичий виноградник), что, по мнению И. Джавахишвили, можно считать показателем постепенной интенсификации виноградарства. В то же время в росписях и орнаменте грузинской живописи и скульптуры особенно часто появляются виноградные гроздья и листья. Примечательно, что в IX–XI вв. художники-оформители житий грузинских святых внесли некоторые изменения в изображение креста в руках св. Нино: сооруженный из обрезков виноградной лозы крест был заменен виноградной ветвью. Все это свидетельствует о том, что в связи с усовершенствованием сельскохозяйственной техники и расширением оросительной сети виноградарство в феодальной Грузии поднялось на новую ступень развития (*Лордкипанидзе М.*, 1963. С. 30–31). Важные данные о масштабах виноградарства и виноделия эпохи развитого феодализма выявлены в Вардзиа – высеченном в скале многоярусном комплексе, в котором сохранились древние винохранилища (погребя) и многочисленный винодельческий инвентарь, в том числе разного рода давилни (*сацнахели*, *сакаджави*), кувшины и т.д. По расчетам специалистов, в этих погребах можно было хранить несколько тысяч декалитров вина (*Бохочадзе*, 1963. С. 169–171). В эпоху позднего феодализма винодельческая отрасль сохраняет былое значение и достигнутый ранее высокий уровень развития. По свидетельству французского путешественника Ж. Шардена, в XVII в. грузинские вина экспортировались в Армению, Иран и другие страны Востока (*Шарден*, 1811).

Для выращивания виноградной лозы в Грузии имеются отменные природные условия – переходящий от субтропического (на западе) к умеренному (на востоке) климат. Кроме того, Грузия отличается разнообразием агроклиматических микрорайонов. В поясе грузинского виноградарства, охватывающем с древних времен предгорную полосу и равнину, выделяют зоны, в которых изготавливались высококачественные вина (напр., типичное кахетинское, имеретинское и т.д.). Свою лучшую продукцию грузинские виноградари получали из виноградников, разведенных на предгорных склонах, долго освещаемых солнцем (*мзваре*). В этой связи примечательно, что в некоторых краях (в частности в Месхети) в предгорной полосе виноградник закладывали на террасах, сооруженных искусственным путем.

Специалистами установлено, что типичное кахетинское вино получают с виноградников, разведенных на предгорных склонах на высоте 450–750 м

над уровнем моря. В Шида (Внутренней) Картли благоприятствующей для развития виноградарства считается зона, высота которой колеблется между 550–800 м над уровнем моря (Ампелография Грузии, 1960. С. 108–109).

Этнографические исследования в виноградельческой полосе Рачи выявили характерный для традиционного виноградарства принцип зонального отбора сортов виноградной лозы. Он подразумевает разведение в верхней зоне (у подножия гор) ранних сортов винограда *самачре* для выделки молодого вина (*маджари* – молодое вино), в средней зоне (солнечные склоны, *мзигули*) – высококачественных сортов и в нижней зоне (равнины по берегам р. Риони) – высокоурожайные, но дающие вино сравнительно низкого качества (*Пруидзе*, 1974. С. 9–13).

В горных регионах Грузии издревле сформировался особый тип виноградарства, известный в этнографической литературе как виноградарство горцев. В местах, где природные условия не позволяли выращивать виноградную лозу (Мтиулет, Тriaлети, Месхети, Рача, Сванети), местные жители все же занимались виноделием. Горцы владели на равнине земельными участками с виноградниками, зачастую в довольно отдаленных от своего дома местах. По окончании сбора урожая виноград обрабатывали, давили его на месте, а затем сусло перевозили на лошадях или повозках в свои селения, и только здесь занимались выделкой вина.

С древних времен в Грузии были выработаны способы выращивания лозы на подпорках разной высоты. В старинных виноградниках различают следующие формы лозы: *маглари* (высокоштамбовая), *даблари* (низкоштамбовая), *олихнари* (выращивается на специальных деревянных подпорках) и *талавери* (вид беседки с лозами на горизонтальных искусственных опорах).

Маглари, или *добило* (древнегруз. *бабило*) называют культуру виноградной лозы, вьющейся по деревьям, которая характерна главным образом для Западной Грузии, поскольку она хорошо приспособлена к местному влажному климату. Специалисты различают два вида маглари. Один из них – лечхумский *хемамули* – отменным образом сформированный высокоштамбовый виноградник (*Пруидзе*, 1974. С. 37).

В низкоштамбовых виноградниках (*даблари*) лозу пускали по невысоким (от 0,7 до 1,4 м высоты) деревянным подпоркам. Иногда лозу сажали грядками (напр., виноградник Шаки в Имерети). Также были распространены густые, беспорядочным образом закладываемые виноградники, которые обрабатывались мотыгой (*сатохари венахи*).

В Имерети и Лечхуми по сей день сохранилась культура лозы *олихнари* – выращенная на специальных (в среднем 2–3¹/₂ м высоты) деревянных подпорках-*олихи*. В данном случае для подпорок использовали невысокое дерево, у которого заранее обрезали все лишние ветки. Виноградная культура в виде беседки на горизонтальных брусках в Западной Грузии известна под названием *талавери*, а в Восточной – *хеивани*, или *талари*.

Большинство грузинских сортов винограда имеет давнюю историю. В целом в виноградниках по всей Грузии насчитывают более 500 местных (аборигенных) сортов, в том числе 80 – в Кахети, 72 – в Картли, 75 – в Имерети, 50 – в Рача-Лечхуми, 60 – в Мегрелии, 53 – в Гурии, 52 – в Аджарии. Из них некоторые признаны выдающимся достижением народной селекции. Среди грузинских сортов лозы преобладают винные. Обычно грузинские крестья-

яне выращивали в своих виноградниках разнообразные сорта лозы, однако большую часть земли они отводили под один или два основных сорта. При этом каждый отдельный сорт тщательно отбирали по особым, характерным только для него свойствам. Грузинские виноградари отличали следующие сорта: белый, черный и цветной (красный, розовый), ранний (скороспелый) и поздний, винный *самачриа* (для производства *маджари* – молодого вина), столовый *сатвало*, сусяной (для сусла) и специальные сорта для маринования, для варенья, чурчхел и т.д. (*Джавахишвили И.*, 1935. С. 470–504).

Сорта лозы в Восточной и Западной Грузии значительно разнятся по своим ботаническим показателям: восточногрузинские более выносливы и хорошо приспособлены к засухам и морозам; западногрузинские поспевают сравнительно позднее, хорошо переносят влажный климат и меньше страдают от осенних дождей.

Большая часть грузинских эндемичных сортов сосредоточена в определенных виноградарских районах; основным из них в Грузии является Кахети, прославленная своими уникальными сортами. Также значительны по линии виноградарства районы Картли и Имерети, одним из ведущих винодельческих районов признана Рача; богатые традиции виноградарства, наряду с Мегрелией и Месхети, имеют также Аджария и Шавшети.

Кахети отличается умеренным климатом, следовательно, длительность теплого периода вполне достаточна для обеспечения вегетации лозы. Подавляющее большинство местных сортов лозы – среднего периода созревания, при этом белые по числу значительно преобладают над краснаягодными сортами. Из распространенных в Кахети белых сортов лозы наиболее известны: *ркацители*, *мцване*, *хихви*, *мцвивани*, *будешури*; из красных – *саперави*, *шавкапито*, *тавквери* и др. Лучшим среди белых сортов в Кахети признан *ркацители*, а среди красных – *саперави* (*Бочоришвили*, 1956а. С. 5–9). Примечательно, что *ркацители* – наиболее распространенный сорт в Грузии. Само название ассоциируется с красно-каштановой окраской побега лозы. *Ркацители* справедливо считается лучшим винным сортом, при этом его характерные черты – отменный вкус, красивый внешний вид, высокая урожайность и выносливость. Благодаря этим качествам он уже давно известен за пределами Грузии, широко распространившись по всей территории бывшего Советского Союза.

Кахетинский мцване (зеленый) – замечательный винный сорт, однако крайне нежен и нуждается в заботливом обращении, трудно переносит засуху и морозы, склонен к грибковым болезням. Как правило, для выращивания *мцване* требуется лучшая почва и особый уход. Из *мцване* получается отменное, крепкое и душистое вино. Различают пять видов *мцване*, но особой популярностью пользуется *манавис мцване* – из кахетинского с. Манави. В прошлом вино *манавис мцване* украшало застолье грузинских царей (*Чкония Л.*, 1988. С. 53; *Лекиашвили*, 1972. С. 50). К зиме лозу закапывают в землю (*Кантариа*, *Рамшвили*, 1965. С. 20–23). Наилучшими сортами лозы в Картли считались белоягодные *чинури* и *горули мцване*, а из краснаягодных сортов – *тавквери*. Следует отметить, что *чинури* – отменный винный сорт, но при этом дает также и превосходный столовый виноград. Его название происходит от древнегруз. *чини*, что означает цвет масличных листьев. Ягоды сорта *чинури* имеют зеленовато-янтарную окраску. Превосходное вино из

этих сортов получали в виноградниках, разведенных на пологих склонах к югу и юго-западу от Атенского ущелья, в особенности – из урожая с местных террас (Джавахишвили И., 1935. С. 415–426; Пруидзе, 1976. С. 31).

В Имерети преимущественно производились белые вина, соответственно, этот край прославлен белыми сортами лозы: *крахуна*, *цоликаури*, *цицка*. Цоликаури обладает качествами универсального сорта и дает высококачественный винный продукт. В XX в. *цоликаури* получил широкое распространение не только в Имерети, но и во всей Западной Грузии и за ее пределами.

По данным XX в. в Раче сохранилось великое множество древних сортов виноградной лозы. Местные виноделы разделяли их на две группы: *александроули* и *муджуретули*, называя их «чистыми сортами». Остальные считались низкосортными и назывались не иначе как «*сорта алеши*». Специалисты-виноградари высоко оценивают краснаягодный александроули, который признается в Раче «королем всех остальных сортов» (Пруидзе, 1974. С. 18–23).

В Мегрелии издревле занимались высокоштабмовым (*маглари*) виноградарством. Большую часть местных сортов собирали поздней осенью (во второй половине ноября). К поздним сортам относится краснаягодный *оджалеши* – лучший сорт во всей Мегрелии, дающий изумительное вино с природным сладким привкусом. Во второй половине XIX в. вместо уничтоженных старых маглари распространяется привезенный сорт *изабелла* (*адеса*). С конца XIX в. в Мегрелии набирают силу инновационные процессы, и в XX в. все завершается распространением *даблари* (низкоштабмового виноградарства), внедрением привитой лозы и господствующей позицией имеретинского сорта *цоликаури* (Габуня, 2005. С. 196–197).

В Гурии распространенные сорта лозы – *чхавери*, *джани* и др. Лучший из них – краснаягодный *чхавери* – в незначительных размерах сохранен лишь в предгорных районах.

Месхети справедливо признана одним из важных районов разведения грузинских аборигенных сортов – *хариствала*, *самариобо*, *сафарули* и др. Несмотря на длительное господство турецких завоевателей, в Месхети удалось частично сохранить данную отрасль. Местные виноградари разводили лозу на искусственно сооруженных террасах. Лозу *даблари* (низкоштабмовую, *пехис вази*) пускали на стены террас в лежачем виде (способ отводки лозы), без каких-либо деревянных подпорок. Однако наиболее распространенным считался виноградник *маглари* (высокоштабмовый), или *барна-венахи* (Бериашвили, 1989. С. 101–103). В Абхазии и Шавшети также были засвидетельствованы древние грузинские сорта лозы, в том числе – винные; при этом в Абхазии преобладали белые сорта *хонатури*, *брола*, *бутко* и др.

Виноградники в Грузии обычно закладывали путем посадки черенков или саженцев (побегов лозы с корнем). Прежде чем приступить к работе, следовало обеспечить выбор участка земли и почвы. Как правило, под виноградники выбирали защищенное от ветра, сухое и несколько возвышенное место. Наилучшим в этом отношении считали освещенный солнцем, умеренно покатым косогор *мзигули*. Подобный участок не задерживает излишней влаги, обеспечен обилием необходимого количества солнечных лучей и высокой аэрацией. В обеих частях Грузии – на востоке и на западе, добротной для виноградников почвой считали *хирхати* – подзол и рухляк. Выбранный заранее участок весной обрабатывали следующим образом: вскапывали землю засту-

пом, прорезав длинные, параллельные каналы; при этом почву вскапывали глубиной по колено, затем весь участок вспахивали плугом или заступом. В канавах шириной до одного аршина подряд сажали побеги лозы, засыпав их землей. С ранней весны до поздней осени в виноградниках проводился цикл трудоемких работ – подрезка, установление подпорок, пасынкование, подвязка, мотыжение, вскапывание, унаваживание, опрыскивание и др.

По краям виноградника, вдоль ограды (иногда – вместо нее) специально высаживали деревья *сабелави* (живая изгородь из различных деревьев, ветки которых использовались в качестве материала для подпорок лозы). Кроме того, в самом винограднике разводили «сопровождающие» лозу косточковые растения, преимущественно мелколиственные персиковые деревья (*Рухадзе и др.*, 1964. С. 148–149; *Джавахишвили И.*, 1935. С. 316–318).

В разных краях Грузии засвидетельствовано несколько терминов, связанных с размножением лозы: отводка лозы – *гадамагинеба*, вскапывание – *докаршуа бинехиши* и др. В грузинской редакции «Книги бытия» сохранился термин *цидне*, свидетельствующий о том, что в древней Грузии лозу размножали вегетативным способом отводки – *гадацидна-гадацвена*.

Самой важной среди проводимых в виноградниках работ считается подрезка. В традиционном виноградарстве зафиксированы три основных способа подрезки лозы. Для подрезки лозы даблари использовали *сасхлави/савазе* – изогнутые железные ножи с деревянным черенком, изготовленные местными кузнецами. Привлекает внимание высокая техника подрезки лозы, многообразие правил подрезки, наличие локальных систем подрезки и формирования лозы, а также богатая терминология. Некоторые ритуалы, выполняемые перед подрезкой лозы, наглядно указывают на наличие древних традиций агротехники. Особого интереса заслуживает грузинский способ подрезки лозы, широко распространенный в виноградарских районах. Этот способ признан успешным достоянием традиционного виноградарства.

Виноградник вскапывали один раз в два-три года. Подходящим для этих работ временем считались осенние месяцы. Большинство виноделов ежегодно удобряли почву, при этом предпочитали удобрять участок навозом в зимнее время и, желательно – в полнолуние. Широкое распространение получили посевы бобовых культур в виноградниках (конские бобы, коровий горох, фасоль, нут/бараний горох) и практика их чередования (севооборота), что в свою очередь обеспечивало рациональное использование почвы, повышение ее плодородия и, следовательно – урожайности лозы.

Интенсивное хозяйство в Восточной Грузии издревле опиралось на орошение. Особое значение это имело в Шида Картли. По этнографическим данным, виноградники в Картли нуждались в орошении четыре-пять раз в году. Значительную роль играло орошение также и в некоторых местностях Кахети, в частности в районе по левому берегу р. Алазани.

Трудоемкую работу виноградаря увенчивал сбор урожая лозы. Сбор винограда приходился на осень, обычно на октябрь. Однако сроки сбора в разных краях страны определялись по-разному, в зависимости от местных природных условий и особенностей отдельных сортов лозы. Хозяева больших виноградников иногда нанимали рабочих, а зачастую обращались к традиции коллективной безвозмездной взаимопомощи *нади*.

Корзины *гидели* для сбора
винограда *маглари*
Западная Грузия, конец XX в.
© Фото. Т. Цагарейшвили, 2002 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Плетеные корзины
Пшави, с. Магарос-Кари,
конец XX в.
© Фото Т. Цагарейшвили,
2002 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Основная работа при сборе винограда распределялась между сборщиками и носильщиками. Обязанности сборщиков обычно выполняли женщины и подростки, носильщиками были мужчины. Плоды винограда со слабой плодоножкой снимали вручную, а с твердой – отсекали ножом. Отдельно перебирали некачественные (недозрелые или засохшие) ягоды. Соответствующее внимание уделялось своевременной транспортировке без потерь. Для сбора и транспортировки винограда использовались различные по форме и величине вместилища – *калати* (плетеная корзина), *годори* (корзина цилиндрической формы для переноски на спине), *коди* – деревянная кадка (*чан*), *дзари* – посуда продолговатой формы больших размеров, устанавливаемая на сани. Собранный виноград на спинах переносили в винохранилище *марани*. Если оно находилось на большом расстоянии, то виноград перевозили на арбах. Сбор винограда *маглари* требовал особой сноровки и считался исключительно мужским занятием. Виноград собирали в *гидели* – плетеную конусообразную корзину; сборщик спускал сверху наполненную виноградом корзину, а находившийся внизу, у дерева *мегиделе* – носильщик опорожнял ее в *годори*. Примечательно, что сбор урожая в виноградниках *маглари* традиционно сопровождался весельем, праздничными песнопениями и громкой переключкой.

Термин *марани* (винохранилище, винный погреб) засвидетельствован в грузинских письменных источниках уже с VIII–IX вв. С.-С. Орбелиани определяет его как «винный дом», а в грузинской редакции «Книги бытия» он именуется «домом для вина». *Марани* также увязывают с упомянутым в древних списках грузинского Четвероглава термином *мари*, означающим мерную единицу постного масла (*Лекиашвили*, 1960. С. 138–139). Из известных в традиционном грузинском виноделии *марани* выделяют два основных типа: под открытым небом и крытый. В Восточной Грузии, а также в горных областях Западной Грузии для хранения вина преимущественно используется крытый *марани* – деревянное или каменное строение, в котором вино было надежно защищено летом от зноя, а зимой от морозов. В Восточной Грузии сохранились каменные *марани* больших размеров, которые относятся к замечательным образцам народного зодчества. Возведенный из кирпича арочный вход подобных строений имеет двустворчатую, массивную дубовую дверь.

На западе Грузии преобладают *марани* открытого типа (*чур-марани*), где глиняные винные кувшины (*квеври*, *чури*, *корчаги*) зарыты в землю под открытым небом. Это место, засаженное и затененное деревьями или сооруженным тут же *талавери*, именуют *чуристави*, *олагване*. Для Западной Грузии характерен известный под названием *чур-марани* комплекс открытого типа *марани*, который часто упоминается в исторических источниках феодальной эпохи. В термине *чур-марани* подразумевают функционально связанные друг с другом глиняные винные сосуды *чури*, – *чурис-тави*, *олагване*, а также именуемое термином *марани* строение, в котором размещена винодавальня (*сацнахели*) и хранятся разные сосуды и орудия виноградарства (*Лекиашвили*, 1960. С. 139–142).

Из упомянутых выше двух типов грузинского винохранилища-*марани* В. Бардавелидзе более древним считает открытый тип; на основе анализа текста грузинских культовых гимнов ученый приходит к заключению, что под упомянутым в гимнах мифологическим *марани* подразумевается хорошо известный в этнографическом быту открытый тип *марани*. Подобный тип

Интерьер *марани*

Рис. Е. Ахвледiani
(1901–1975), 1951 г.
Ахвледiani, 1960

Винный погреб в доме-
музее Нато Вачнадзе
Начало XIX в.

Кахети, г. Гурджаани
© Фото Г. Барисашвили,
2009 г.

© საქართველოს
მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Марани – хранилище вина. Начало XX в.

Кахети

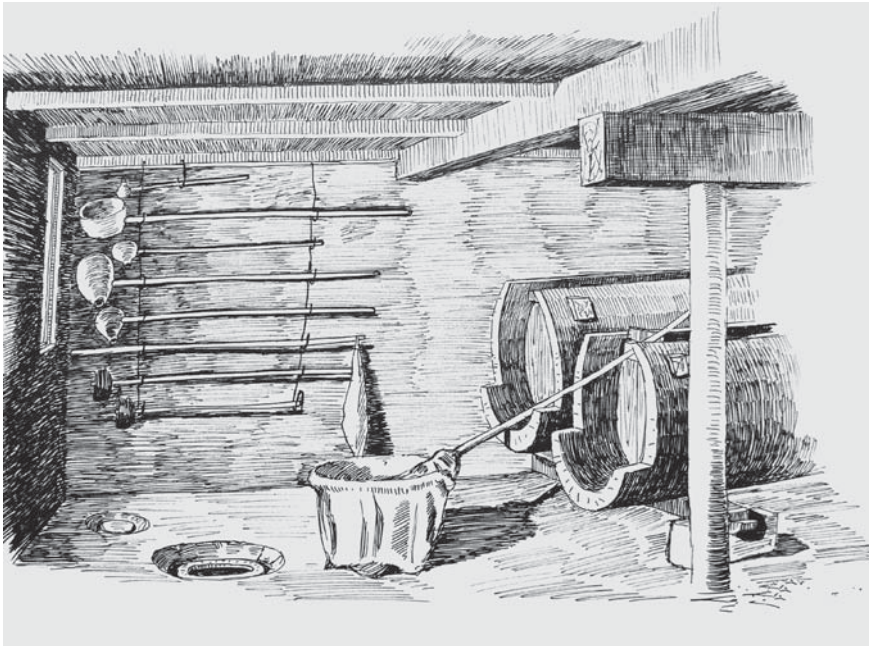
© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

марани олицетворен в сохранившемся в быту нынешних грузин сложном керамическом, культовом винном сосуде для питья, известном под тем же названием – «марани». В масштабе всей Грузии подтвержден универсальный характер открытого типа *марани* и его широкое распространение уже с древних времен, что подтверждается археологическими и этнографическими данными (*Бардавелидзе, 1957. С. 65–75; Лекиашвили, 1960. С. 149*).

Для выдавливания винограда использовали деревянные и каменные давилки – *сацнахели*. Деревянные давилки делали из цельного ствола липы (иногда – каштана или вяза), искусно шлифовали изнутри и отделявали с внешней стороны. Давилки могли вмещать до 100 пудов виноградного сусла. В виноградарских районах Грузии засвидетельствовано несколько названий деревянных давилек: *сацнахели, нави, хорго, хапи* и др. Прямоугольные и овальные виды деревянных давилек с одной стороны, на дне, имеют специальное отверстие для выхода сусла, сливавшегося на выступающую вперед платформу с желобком – *индури*. Деревянные давилки в Западной Грузии могли использовать также в качестве сосудов для брожения вина.

Каменные давилки распространены преимущественно в Восточной Грузии. Иногда их ставили под открытым небом, в винограднике, а чаще они

Марани – хранилище вина. Начало XX в.

Рача

Рис. В. Ошакмашвили, 1970-е годы

© НМГ. ЭФ 12-36-14

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

размещались в крытых марани. В подавляющем большинстве каменные давилни имеют два отделения.

В хозяйстве вплоть до XX в. все еще использовались давилни, сооруженные из огромных каменных глыб. На территории Грузии выявлен также и другой их вид – высеченные в скалах давилни, которые датируются IV–III вв. до н.э. (*Хухутайшвили*, 1965. С. 119; *Бохочадзе*, 1963. С. 84–91). Высеченные в скале давилни феодальной эпохи были также выявлены в Вардзия и прилегающих к ней селениях.

Для брожения и долговременного хранения вина использовались зарытые в землю глиняные кувшины – *квеври*, *чури*, *лагвани*. Емкость этих винных сосудов была разной – от 5 до 800 дкл. В Восточной Грузии утвердился термин *квеври*, в западной части страны – *чури*, в Самегрело – *лагвани*. Квеври небольших размеров в Восточной Грузии именуется *коцо*, а в Западной Грузии *чури* называются *квеври* (Имерети, Рача), *квибари* (Гурия) и *лахути* (Мегрелия) (*Джавахишвили И.*, 1964. С. 46–50).

Все эти сосуды изготавливались местными гончарами. В прошлом в Грузии подтверждается множество мощных очагов данного ремесла, наилучшими считались имеретинские изделия (*Бочоришвили*, 1949. С. 112–130; *Какабадзе Ц.*, 1982. С. 63–65, 92–94).

В древности квеври использовали для хранения зерна; с VI в. до н.э. по III в. н.э. квеври использовали для захоронений (кувшинные погребения) (*Археология Грузии*, 1959. С. 235–237). Винные кувшины на территории

Чистка винных кувшинов
квеври в *марани*
Имерети, Зестафонский
район
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Перед тем, как начать
давить виноград, ноги
осыпают мукой
Имерети, Зестафонский
район
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Грузии засвидетельствованы уже с VI в. до н.э. Специалисты полагают, что их прототипами были глиняные сосуды эпохи энеолита. Предположительно в традиционном грузинском марани *квеври* некоторым образом выполнял функцию подвала: таким образом, квеври, который применялся для хранения вина как внутри, так и вне помещения, определяет особенности и своеобразие двух новых типов (крытого и размещенного под открытым небом) грузинского марани.

Для выжимки сока из оставшейся после давки винограда мезги использовали традиционные давяльные приспособления – прессы, известные под разными названиями в разных уголках страны; древнейшие термины для обозначения пресса – *сакаджави*, *сакачави*, *цбери*. В Никорцминдской грамоте (XVI в.) упоминается еще одно древнегрузинское название пресса – *сацнехи*.

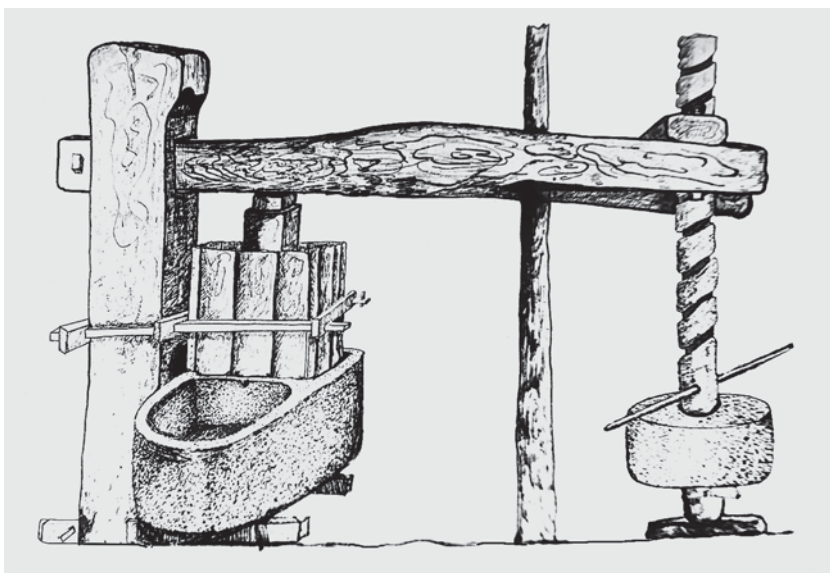
Помимо давяльни и винных кувшинов (*квеври*) в *марани* хранились также посуда и мелкий инвентарь для виноделия *хелаведжи*, часть которого использовалась во время давки винограда и брожения вина, а другая предназначалась для мойки квеври и ухода за *чуристави*, в том числе: деревянный молот для трамбовки глины при герметическом закрывании крышки квеври, *дзелбари* – деревянный заступ для глины, *сарцхи* – щетки из коры дерева для мойки квеври, *орхела* – изготовленные из разных материалов (глина, горькая тыква, медь, жезь) щетки с двумя короткими рукоятками для вычерпывания воды из квеври, орудия для вытирания квеври, *самтхле* – деревянное приспособление с длинной рукояткой для прессовки винограда в давяльнях, *оршимо* – черпалка для вина и др.

В виноградарских районах Грузии с применением различных технологических способов производились вина разных сортов (столовое, сухое, сладкое природное, игристое). Из столовых сортов наилучшим было признано кахетинское, из сладких – *киндзмараули*, *хванчкара*, *оджалеши*, а из игристых – *атенури* и *чхавери*.

В Грузии с древних времен давили виноград голыми ногами. В большой давяльне иногда становились в ряд 4–5 мужчин. В некоторых районах подобная традиция сохранилась вплоть до XX в. По мнению информантов, вино, настоенное из чистого сока, выдавленного ногами, отличается высоким качеством, поэтому давка винограда этим способом считалась необходимым составным элементом технологического процесса и пользовалась преимуществом по сравнению с давкой при помощи машин.

Своеобразием отличалась технология производства вина, распространенная в Кахети; предназначенное для брожения сушло без примеси сливали из давяльни и собирали в *квеври* или в *тагари* (глиняный широкогорлый сосуд), чтобы затем перелить его в *квеври*. Для фильтрования сушла на дно давяльни клали плоскую ивовую плетенку *тупкири*. В процессе брожения, длившемся обычно 1–2 недели, *мачари* периодически помешивали специальной деревянной мешалкой (палка с крюками).

В некоторых районах Картли красное вино настаивали по кахетинскому способу, а белое обычно – на закваске: в предназначенное для брожения сушло добавляли определенное количество мезги (примерно 1/3). Во время брожения вино помешивали деревянной мешалкой – *фарсаходи/фарсакоди*. Также на мезге настаивалось и имеретинское вино: и в этом

Пресс для мезги

Рача, XVII в.

© НМГ. ЭФ 033-14

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Процесс чистки *квеври* перед заливкой суслу. 1960-е годы

Кахети, с. Акура

Рухадзе, Лекиашвили, Чкония, 1964

Процесс приготовления виноградного вина
Имерети, Зестафонский район
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Процесс приготовления виноградного вина
Начало XX в.
Народы Кавказа, 1962. Т. 2

случае в сусло добавлялась мезга в определенных пропорциях (в меньшем количестве по сравнению с Картли). Для западногрузинских регионов (Самегрело, Гурия, Рача, Лечхуми, Нижняя Имерети) характерно настаивание вина путем переброживания в давилне. Там же применялся способ настаивания вина без мезги, основная особенность которого заключалась в том, что чистое сусло для брожения сливали в кеври прямо из давилни.

Из исторических источников и этнографических материалов явствует, что в Грузии существовала традиция выдерживания вина. Выдержанное вино ценили особенно высоко и считали его не только отменным по качеству продуктом, но и лечебным средством. Срок выдерживания вина определялся 10 годами, а в некоторых случаях достигал до 15–20 лет.

Известными винодельческими районами считались ущелья Шида Картли: Ксани, Арагви, Лехура, Меджуда, Диди-Лиахви, Патара-Лиахви, Проне, Атени, Тедзма и др. Производством высококачественных вин в Квемо Картли отличалась Шулаверская провинция, где еще в древности были разведены царские виноградники. В этих местах из сортов лозы ркацители производили белое вино кахетинского типа, которое по своим качествам не уступало заречным кахетинским винам. В Раче наилучшим винодельческим районом издавна считался небольшой участок, в состав которого входило с. Хванчкара. Из собранного в разведенных на крутых склонах виноградниках урожая получают высококачественное, природное сладкое вино. Начиная с 1870-х годов приготовленный по народной технологии подобный сорт вина, известный как *китиани*, пользовался большим спросом на западногрузинском рынке и за его пределами. В советское время вину *китиани* было присвоено имя села Хванчкара (*Пруидзе*, 1974. С. 227–232). Важнейший район виноградарства в Мегрелии располагался в ущельях рек Техура и Абаша. Самое лучшее природное сладкое вино *оджалешви* производилось в княжеских виноградниках с. Салхино.

Наличие давних традиций производства сладких природных вин в Грузии подтверждается историко-этнографическими данными. Поздний сбор винограда, характерный для некоторых районов Западной Грузии, обеспечивал местных виноделов необходимым сырьем (высохшим на деревьях виноградом) для производства сладких от природы вин. Отрасль виноградарства и виноделия в Западной Грузии, которая в далекую эпоху формировалась в своеобразной природной среде (в условиях субтропического влажного климата), безусловно на долгое время сохранила некоторые характерные для нее качества (*Читая*, 2001в. С. 341–345).

Грузинское вино издавна стало продуктом торговли и обмена; уже в античную эпоху и в средние века его вывозили на экспорт (*Джавахишвили И.*, 1935. С. 289; *Апакидзе*, 1956. С. 25). По мере развития капиталистических отношений виноторговля приняла интенсивный характер и значительно увеличилась во второй половине XIX в. К тому времени лучшие грузинские вина (преимущественно кахетинские) продавались не только в пределах кавказского рынка, но и в отдаленных городах Российской империи (Москва, Петербург, Варшава) (*Гугушвили*, 1962. С. 520–547). Первые грузинские марочные вина появились на рынке в XIX в., однако еще в феодальную эпоху на основе имевшегося в этой области многовекового и богатого народного опыта эмпирическим путем была разработана технология некоторых высококачественных грузинских вин,

Деревянная винодавильня *саунахели*
Начало XX в.

Кахети, г. Кварели

© Фото Т. Цагарейшвили, 2002 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Хозяйственные инструменты для чистки
квеври

Фото Л. Габуния, 1970-е годы

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Оршимо – сосуд из тыквы для выемки
вина из *квеври*

Рача, с. Хванчкара

© Фото Г. Барисашвили, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

занявших впоследствии заслуженное место в официальном ассортименте марочных вин (*Беридзе Г.М.*, 1956. С. 228). Подтверждением утонченности вкусов старых грузинских гурманов – ценителей лучших сортов вин, – служит приведенная ниже выдержка из книги П. Иоселиани: «Виноградники для про-

Кахетинец. Начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 8534

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

изводства вина, подаваемого к царскому столу (подразумевается Георгий XII и его окружение при дворе. – Л.Г.), назывались *абечхари*, т.е. невскопаннные и неудобренные, чтобы из них получить урожай скромных размеров, но – высшего качества» (*Иоселиани П.*, 1936. С. 61).

В XIX в. большая часть грузинских вин реализовывалась на местном рынке. Активное участие в этом принимали виноторговцы *сираджи*, которые уже осенью обеспечивались вином нового урожая путем заключения договоров (в виде задатка). Для перевозки вина, *мачари* и сусла на дальние расстояния использовали разнообразную посуду из кожи (бурдюки), известную под древнегрузинским названием *тхиери*. Существовало два типа подобных сосудов: для перевозки вина использовали пропитанные дегтем бурдюки, а сусло и *мачари* перевозили в бурдюках без обработки дегтем. Пропитанные дегтем *тхиери* больших размеров (*румби*) изготавливали из бычьей или буйволиной шкуры, а те же сосуды, небольших размеров, – из козьей кожи. Сосуды, не подлежащие обработке дегтем (*кешели*, *колоти*), изготавливали из козьей шкуры или шкуры молодого бычка. *Румби* емкостью от 25 до 30 пудов перевозили на арбах, а сосуды малых размеров (*микчора*) – на лошадях или на спине (*Джавахишвили И.*, 1935. С. 65–67; *Hubschmid*, 1955. С. 130–132).

Для грузин вино было не только ритуальным или увеселительным напитком, но и повседневным пищевым продуктом. Примечательно, что наряду с другими продуктами первичной потребности в рацион, предназначенный для семьи, входило определенное количество вина.

В XIX в. внимание иностранных путешественников и ученых привлекла группа голосовых сосудов для питья вина, известная в Грузии под названием *салагобо* (праздничные узкогорлые кувшины *кула*, *чинчила*), которые благодаря своеобразию конструкции (высокая и узкая шейка) во время питья издавали журчащие звуки.

Обычно в старину за крестьянским столом вино пили из глиняных чаш, однако употребляли также и различные сосуды из дерева. Во время пиршеств поначалу вино пили из мелкой посуды, а затем – из средних и крупных

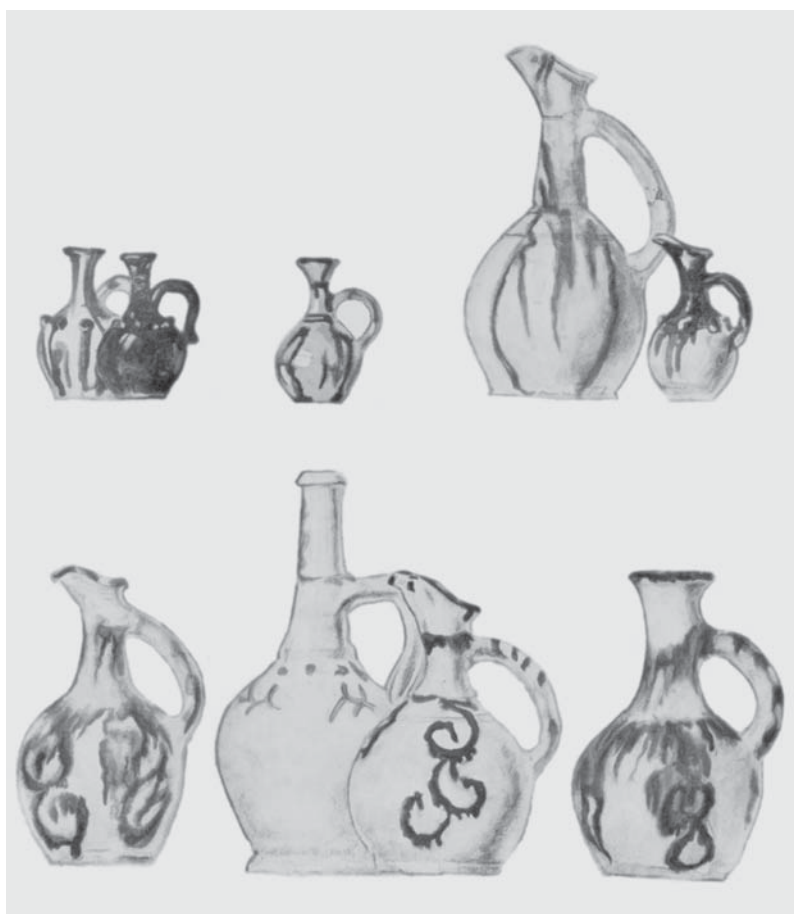

Керамические сосуды «Баран», чинчила, чарека, марани
Кахети, XX в.
Бедукадзе, 1964а

сосудов (деревянные бокалы с ножкой). Самым крупным из них был глиняный (или деревянный) кубок *сарюши*, который выносили уже к концу застолья. Для временного хранения и переноски вина на малые расстояния (от кевври к столу) использовали глиняные кувшины – *доки*.

Сложной формой и специфической функцией отличался ритуальный сосуд *марани* (несколько кувшинчиков с единым выходом для вина, сооруженных по принципу сообщающихся сосудов), который, по мнению специалистов, является символическим изображением винохранилища/винного дома – *марани*. Этот сосуд относится к разновидности сосудов с ножкой. Крайне примечательны разработанный в Грузии в течение веков, как в одной из древнейших стран виноградарства и виноделия, утонченный этикет застолья (в частности институт тамады с характерными для него традиционными тостами) и высокая культура принятия вина во время пиршеств, подразумевающая строгое соблюдение умеренности.

В винодельческих районах Грузии вплоть до XX в. сохранились религиозно-магические обычаи, в которых отображены особенности культа лозы,

Сосуды для вина *чинчила*, *хелада* (Имерети), *литра* (Картли)
Бедукадзе, 1964а

вина и марани. Часть из них тесно связана с аграрными культами и проводится с целью получения обильного урожая, обеспечения благоприятных погодных условий, защиты винограда от порчи (т.е. от злых духов).

В день Нового года в Западной Грузии устраивали обряд освящения винохранилища: в марани приходили с деревянным лотком *гоби*, наполненным яствами и сладостями; к *квеври* подносили чичилаки – изготовленное из побегов мелкого орешника ветвистое деревце – олицетворение древа жизни (Сургуладзе И., 1974. С. 52–57). Наличие культа лозы и вина в свою очередь обусловило превращение марани в объект поклонения, в святилище; здесь совершались ритуалы бракосочетания и крещения, хранили *зедаше* – специальное ритуальное вино, изготовленное в честь святых (Бардавелидзе, 1957. С. 66–70). В ритуалах, совершаемых в марани, участвовали исключительно мужчины, при этом приоритетом обычно пользовался глава семьи (Тонурия Н., 1984. С. 102).

По мнению грузинских специалистов, связанные с виноградарством и виноделием религиозные верования по своей природе синкретичны, в них

Сосуды для вина *сагвине*, *гозаури*
Кахети, XX в.
Бедукадзе, 1964а

тесно переплетены элементы языческих верований и христианских представлений.

Поскольку Грузия признана специалистами одним из древнейших центров виноградарства, эта отрасль с самого начала оказалась в центре внимания специалистов, интересующихся проблемой генезиса культурного виноградарства. В прошлом столетии многие ученые считали, что термины, обозначающие вино, имеющие одинаковые корни в языках различного происхож-

дения (картвельские, индоевропейские, семитские), были усвоены из картвельского языка (*Цертели Г.*, 1947; *Читая*, 2001. С. 341–343). Примечательно, что в древнееврейских и древнеперсидских преданиях предполагаемой родиной виноградарства считается Закавказье (*Читая*, 1949а).

По мнению специалистов, древнейший очаг культурного виноградарства следует локализовать в ареале юго-западной Азии; Закавказье выделяется в качестве района формообразования культурной лозы, в котором сохранились различные виды как дикорастущего, так и культурного винограда, а также – их промежуточные формы (*Вавилов*, 1935. С. 42, 46). Особое внимание специалистов привлекает горный регион Закавказья, поскольку установлено, что здесь можно в большом количестве найти изначальные материалы, необходимые для образования культурных растений (*Жуковский П.М.*, 1950. С. 376).

Специалисты полагают, что широкое распространение дикорастущего винограда в Грузии, локализация культурных сортов лозы по эндемичным группам в отдельных районах, а также выявление переходных между дикорастущей и культурной лозой форм указывают на интенсивно протекающий процесс формообразования. Установлено, что этот процесс засвидетельствован в земледельческих очагах древней Колхиды и Восточной Грузии. Образовавшиеся в этих местах сорта культурного винограда, отличающиеся друг от друга как по морфологическим, так и по хозяйственным признакам, относятся к двум отдельным экономическим группам (*Ампелография Грузии*, 1960. С. 25, 55).

В ходе изучения сложной проблемы происхождения культурного виноградарства ученые учитывают данные как естественных, так и исторических дисциплин. Глубокая древность грузинской виноградарской культуры, ее богатое историческое прошлое служат доказательством, что именно здесь, по всей вероятности, происходило одомашнивание лозы в древнюю эпоху.

Садоводство – древнейшая, высокоразвитая отрасль хозяйства. Многообразие выращиваемых видов и сортов определяется спецификой экологической среды, обусловленной умеренно-континентальным климатом Восточной Грузии и влажно-субтропическим – Западной Грузии. По словам Вахушти Багратиони (XVIII в.), «в этой стране соседствуют горы и равнины, так что на расстоянии часа или получаса пешей ходьбы встретишь снега, а на равнине померанцы, грейпфруты, оливковые деревья и всякие плоды». По его же описанию, Грузия – страна, покрытая виноградниками, садами и огородами (*Багратиони Вахушти*, 1941). Садоводство в Грузии связано с развитой оросительной системой; на определенном этапе в соответствующем зональном поясе фиксируется также неорошаемое фруктоводство.

В древнегрузинском языке существовало несколько терминов, обозначавших сад: *мтили*, *самотхе*, *цалкоти*. В Библии упоминается термин *мемтиле*, означающий садовника/садовода (Иоанн, 20₁₅). Согласно толкованию С.-С. Орбелиани, *цалкоти* – сад, место, где растут фрукты; *самотхе* – цветочный сад (*Орбелиани*, 1966) – рай. Пришедшая в Мцхета св. Нино направилась именно в царский *самотхе*. В письменных источниках описан мцхетский сад иберийского царя. Выясняется, что царский «самотхе» не предназначался только для одной отрасли хозяйства; там росло множество пород деревьев, были устроены уголки «для прохладения и отдыха», где проводили время и пировали царь и его гости (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 113, 121).

Сады *самотхе-цалкоти* с их тенистыми аллеями, цветниками и бассейнами были излюбленным местом встреч и гуляний. Что касается более поздних терминов *баги*, *багча*, *бостани*, они довольно часто встречаются в письменных памятниках XII в., поэтому можно полагать, что они проникли в грузинский язык в X–XI в. (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 116). В «Витязе в тигровой шкуре» также упоминается термин *баги* как место для времяпрепровождения, а термин *баги вардиса* употребляется в значении цветника роз.

О занятиях грузинского крестьянина садоводством сообщает византийский историк VI в. Прокопий Кесарийский при описании хозяйственной деятельности месхетской общины. Это же отражено в более поздних литературных памятниках: «Житие Григола Хандзтели», «Висрамиани» и др. Высокая культура виноградарства и садоводства восхваляется при описании царского дворца в сочинении рубежа XII–XIII вв. «История и восхваление венценосцев». О развитом садоводстве и многообразии фруктов свидетельствуют образцы грузинской литературы XVII в., в частности «Хвала фруктов» Гарсевана Чолокашвили и «Разговор фруктов» Теймураза II. На обилие садов в разных уголках Грузии указывают многие европейские путешественники: Турнефор, Гильденштедт и др. Ж. Шарден писал, что «нигде в Европе не плодоносят такие яблони и груши, и даже в Азии нет таких гранатов, как в Грузии» (*Шарден*, 1975. С. 182).

Древнейшим очагом садоводческой культуры считается Восток, и грузинская культура садоводства также рассматривается в непосредственной связи с ним. Как пишет И. Джавахишвили, «поскольку в древности и в средние

¹² © Л. Бериашвили

века главой культуры фруктового сада и садоводства был Восток, постольку, безусловно, и грузинская культура сада и садоводства была связана с садоводством и овощеводством Востока, Ирана, Междуречья – Ассирии» (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 111).

«Баги» – персидское слово, заимствованное грузинским языком после X в. С арабами связана традиция устройства садов прямолинейной, геометрической планировки, которая предусматривала четкую систему озеленения, т.е. каждому виду отводилось строго определенное место (ряд). Эта планировка предусматривала также устройство пешеходных тропинок, аллей, фонтанов, тенистых укрытий и т.д. В древнейших грузинских рукописях сохранились изображения таких садов.

В письменных источниках обращают на себя внимание сложная организация садов *самотхе-цалкоти* и соответствующие технические мероприятия, подразумевающие строительство обязательных атрибутов садового участка: *ограды* – стены, выложенной сухой каменной кладкой и предназначенной для защиты почвы; *забора* – средства защиты насаждений от внешнего посягательства; специального *садового здания* – *сахлаки мцуре*; существование *мецалкоте* – садового с возложенными на него функциями сажать растения и ухаживать за ними; в саду устанавливали средство для отпугивания птиц – *сапртхоли* (пугало) (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 129).

Следует сказать также о европейском садоводстве, испытавшем значительный подъем в XVIII–XIX вв., влияние которого проникло в Грузию в первой половине XIX в. Этот период совпал с подъемом в стране производства фруктов. Вслед за Картли европейские сорта и виды постепенно распространяются в других уголках Грузии. В их внедрении и культивировании принимали участие приглашенные зарубежные специалисты.

Высокая культура садоводства в Грузии прежде всего проявляется в большом многообразии пород, видов и сортов. Вахушти Багратиони в своем сочинении перечисляет распространенные в Грузии XVIII в. косточковые и семенные фрукты и ягоды, а именно: «померанцы, грейпфруты, лимон, оливки, гранат, виноград, персик, персиковые яблоки, абрикос, каиси, алыча, ткемали, миндаль, тута, черная тута, слива многих сортов, айва, грецкие орехи, фундук, мушмула, пшати, хурма, каштан, дикий виноград, лесная черешня, ежевика, лесная груша, боярышник, калина, барбарис и мн. др.» (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 29).

Согласно этнографическим материалам, для традиционного грузинского хозяйства характерны следующие виды фруктов: яблоки, груши, айва, инжир, персик, абрикос, миндаль, ткемали, слива, терн, гранат, черешня, вишня, тута, мушмула, кизил, орех, фундук, каштан, лох (пшати), боярышник, барбарис, калина, смородина, ежевика, малина, шиповник, оливки, хурма, унаби, кожевненное дерево и др.

Русские послы передают сведения о садоводстве в Западной Грузии первой половины XVII в.: «...вокруг дома каждого жителя росли фруктовые деревья и виноград... из-за развесистых фруктовых деревьев домов не было видно». В Кахети были распространены яблоки, груши сорта гулаби и армуди, виноград, инжир, кизил и др. (*Полиевктов*, 1928. С. 160–161, 187). Садоводство Западной Грузии по сравнению с Восточной Грузией было менее масштабным. Несмотря на это, там фиксируются многие лучшие сорта фрук-

тов. Исходя из специфики западногрузинских поселений, фруктовые деревья располагались по периметру огромных дворов или в крайней полосе площади, занятой виноградниками. По словам Вахушти Багратиони, «в Имерети нет садов, но на окраинах виноградников посажены многие фрукты» (*Багратиони Вахушти*, 1941). Х. де Кастелли свидетельствует о высоком плодородии колхидской земли, где растет лучший виноград, из которого делают вино; кроме того, он называет яблоки, груши, грецкие орехи, каштан, ягоды: «У князя Дадиани построено здание из камня, представляющее собой потрясающий царский дворец. Его окружают яблоневые сады, многие прекрасные плодоносящие деревья, красивейший цветник и устремленные в небо осины... много виноградных кустов, выходящих вверх по деревьям» (*Кастелли*, 1976. С. 167, 184).

Характеризуя хозяйство Колхиды, все авторы сетуют на избыточную влажность этой земли, негативно влияющую как на здоровье местного населения, так и на качество здешнего урожая. Цитрусы – *наринджи* (*citrus aurantium*) и *туринджи* (померанцы и грейпфруты) – упоминаются многими авторами, которые называют их «дикивинными» и «престижными» плодами. Культура цитрусов распространилась в Грузии через Индию и Иран и с древнейших времен прижилась в Западной Грузии, где фиксируются их местные формы (*Кецховели*, 1957. С. 218–219). Грейпфрут в древней Грузии по внешнему виду и по вкусу был признан лучшим фруктом. В «Хвале фруктов» Гарсевана Чолокашвили грейпфрут заявляет, что «по красоте никто не сравнится» с ним и что он «любимейший хваленый фрукт мудрецов». Этнографические данные не подтверждают возделывания цитрусовых культур в крестьянском хозяйстве. Их внедрение происходит со второй половины XIX в. и протекает довольно интенсивно, а с начала XX в. в Западной Грузии устраивают плантации цитрусовых. С 1970-х годов хозяйственная специализация Колхидской низменности была полностью представлена цитрусовыми и чаем.

Процесс выбора участка под сад и устройства сада предусматривал неременное соблюдение целого ряда условий. Главное значение отводилось правильной оценке характеристик среды; учитывались местонахождение участка, экспозиция, качество почвы, средства орошения, режим ветров и т.д. Предпочтение отдавалось сухим почвам и рельефу с умеренным уклоном. Избегали песчаных, болотистых и ветреных мест. Широко использовался прием *террасного* устройства садовых площадей, особенно в Картли, где террасы назывались *тахти*. Тахти – террасообразный участок больших размеров, не огражденный каменной стеной. Ярусы, число которых во многих местах превосходило 10 ступеней, располагались на склоне. В предгорье Картли для садовых участков, характеризующихся скалистостью, приходилось привозить специально издалека на арбах и вьючных животных плодородную землю (*Бериашвили*, 1989. С. 55, 67).

В Грузии развитие садоводства опирается на традицию окультуривания диких фруктов, что свидетельствует о высоком уровне народной селекции, являющейся органической характерной чертой для хозяйства всех уголков страны. Фрукты делятся на три основные группы: *семенные*, *косточковые* и *орехово-скорлупные*. Кроме того, по свойствам и характеру роста различают: плоды кустарников (малина, гранат, орешник), полукустарников (миндаль, инжир, оливки, персики, вишня) и деревьев (яблоки, груши, грецкий орех,

тута, абрикос, черешня). Каждый из плодов требует определенных методов размножения и прививки (подвоя и привоя). В грузинском быту по сей день сохранились многие названия, обозначающие дикие фрукты. Так, молодые лесные саженцы во всех уголках Грузии именуется *бакило*, дикая лесная груша – *панта*. Народ старался подобрать для каждого принесенного из леса *бакило* подходящую почву, близкую к его естественной среде обитания, с тем, чтобы саженец легко адаптировался в новых условиях. Известны различные способы прививки растений: черенками, почками и др. Деревья размножают ветками, отводками, корнями, семенами, косточками и т.д. Крестьянин заранее добывал семенной материал и заготавливал его к сезону посадки путем *дачирва* (сушки), *дачечква* (раздавливания, измельчения), *дакачва* (вытягивания), *далтоба* (гниения) (*Павлиашвили*, 1962. С. 47–65).

На основе этнографических сведений установлены разные формы устройства садов: *саинхело* (общая), *санахевро* (наполовину с кем-то), *самцилади* (трехчастная), *отхцилади* (четырёхчастная), *амханагит дамушавеба* (обработка товариществом), *иджарит агеба* (арендная), *мицис дагиравеба* (земля под залогом) и т.д. Одной из распространенных форм было *монашенеоба*, при которой землевладелец отдавал другому лицу/застройщику (впоследствии – дольщику) запущенный, низкокачественный земельный участок со сложным рельефом для обработки и устройства сада. При этом между сторонами заключался договор, строго предусматривавший выполнение застройщиком определенных обязательств и в конечном счете подразумевавший доленое участие (обычно половинное) обеих сторон в эксплуатации уже плодоносящего сада (*Павлиашвили*, 1962. С. 196). *Монашенеоба* характерна как для Восточной, так и для Западной Грузии; ее можно рассматривать как эффективное мероприятие по реабилитации земли и интенсификации хозяйства. Согласно древнейшим документам, подобное освоение участка известно под названием «мицис гакацриелеба ргвита» (обустроить землю путем посадки деревьев) (*Чхатарашвили*, 1986. С. 132). По своей сути *монашенеоба* – мощный социальный институт возрождения и защиты природы, свидетельствующий в то же время о высокой экологической культуре грузинского народа.

В процессе окультуривания диких растений особое значение придавалось подбору саженцев, их выкапыванию, соблюдению условий хранения до посадки, что требовало соответствующей специализации. Документально подтверждено существование в Грузии квалифицированных знатоков этого дела. Для размножения и усовершенствования сортов фруктов устраивались специальные саженцевые хозяйства. Широко была распространена практика улучшения и выведения новых сортов путем скрещивания. Благодаря народной селекции в различных уголках Грузии возникло много новых сортов плодовых деревьев, в том числе аборигенных с уникальными свойствами, например, свыше 30 сортов яблонь, 15 сортов груш и т.д. (*Хомизурашвили*, *Эристави*, 1939. С. 16).

Обеспечение садовых участков поливной водой происходило за счет максимального использования гидроресурсов, имевшихся в конкретной местности. В годы с повышенным количеством осадков избегали частой поливки, поскольку от чрезмерной влаги сады не давали богатого урожая. В местностях с избыточной влагой рыли сточные каналы. Удобрение (навоз) на все садовые участки ввозилось в строго установленное время. Поддержание вы-

сокой плодородности требовало серьезного ухода за почвами, для чего их периодически оставляли необработанными. В случае необходимости некоторые участки не поливали по 5–6 лет, а также избегали их частой вспашки. В таких случаях сады засеивали бобовыми (люцерна, клевер). В определенные сроки – раз в два года – фруктовые деревья окапывали, очищали от лишних (высохших) веток; орудием труда служила плоская лопата с коротким черенком, для удаления веток – топор, пила с длинным лезвием, садовые ножницы.

Создание новых садовых участков происходило и за счет вырубки и выкорчевки прибрежных зарослей кустарников и лесных чащ с многочисленными породами плодоносных деревьев. Со временем эти расчищенные от растительности места, располагавшиеся обычно вблизи деревни, превращались в естественные садовые участки. Для проведения этих работ сельчане часто прибегали к различным формам взаимопомощи: *дадзахили* (помощь по зову), *улами* (помощь по цепочке), *нацвалгарда* (попеременная помощь).

В садоводстве большое значение имеет порядок сбора и хранения плодов: крестьянин с максимальной точностью рассчитывал сроки и приемы сбора ранних и поздних сортов. Так же тщательно он подбирал необходимый рабочий инвентарь: лестницы нескольких типов, разного рода (плетенные из соломы, прутьев, древесной коры) и размера (большие и маленькие) корзины, лукошки, короба, кузова, крюки и веревки для притягивания веток и сбора плодов.

В быту засвидетельствованы различные методы хранения на зиму разных видов фруктов – как в свежем, так и в сушеном виде. В свежем виде фрукты хранились несорванными на ветках, нанизанными на веревки, в погребе, воске, воде, соломе, опилках, корзинах, ямах, врытых в землю кувшинах – кевври, развешанными на плетнях и т.д. В сушеном виде это были сухофрукты (в том числе ягоды) с косточками (*керки*) и без косточек (*чири*), *тклапи* (фруктовые лепешки), *чурчелы*, *джанджухи*. На зиму хранили отжатые в специальных давилнях (*сакаджави*) фруктовые соки (*Павлиашвили*, 1962. С. 116). Готовили также *бадаги* – вываренный виноградный сок. Из фруктов выжимали растительное масло (оливки), готовили соленья (яблоки, арбуз), гнали водку.

Заслуживает внимания тот факт, что в каждом регионе издавна существовали традиционные уголки, известные изысканными сортами фруктов, пользовавшихся особым спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Например, заслуженной славой пользовались горийские яблоки и персики, кахетинский и мегрельский инжир, месхетинские яблоки и груши, имеретинские груша и инжир и т.д. В селах Ахалцихского уезда насчитывалось до 35 сортов яблок и груш (*Геевский*, 1879. С. 174); из сортов яблок выделялись: соба, карапила, шакарвашла, паша, шаалма, биа, самепо; из сортов груш: квиристави, тавризула, нанамсхали, карабахули и др. Здесьние фрукты были экспортной продукцией. Для транспортировки фруктов на далекие расстояния использовали специальные плетеные вместилища (корзины), дно которых застилалось сеном, а широкое горло закрывалось крышкой из прутьев; они вверх дном погружались на арбу, сани или вьючных животных, и таким образом фрукты без повреждений и изъязнов доставлялись в нужное место (*Народы Кавказа*, 1963. С. 247).

Разные виды фруктов глубоко укоренились в народных верованиях и представлениях; многие из них признаны символами плодородия и достатка и являются неотъемлемыми атрибутами многих обрядов. Например, на свадьбе молодоженам преподносят украшенный яблоками *джврис пури* (крестовый хлеб); шаферы жениха, верхом на лошадях, сбивают стрелой водруженное на шест яблоко (ритуал аналогичен известному в старину состязанию *кабахи*); в Западной Грузии принято украшать верхушку *чичилаки* (новогоднее деревце) и *гвергви* (плетеный венок) красными яблоками; у хевсур при захоронении с покойником клали дикое яблоко и орех; груша в народе считалась «святым деревом» и т.д. В традиционном хозяйстве находили применение ветки и древесина некоторых пород деревьев (грецкого ореха, орешника, айвы). Фрукты занимали также значительное место в народной медицине, косметике.

В Грузии с 1940-х годов начинается подъем садоводства, и со временем оно превращается в ведущую отрасль народного хозяйства. Большое место занимает также экспорт фруктов – их вывозили на рынки соседних стран. В 1970–1980-е годы Грузия была разделена на 12 районов, производящих фрукты, что регулировало как направление внешней торговли, так и развитие консервного производства и рыночный товарооборот. Особое внимание уделялось сохранению регионального ассортимента фруктов и местной специализации. Кроме того, в регионах стимулировались возделывание уникальных местных сортов и широкий экспорт саженцев для выведения новых сортов.

На настоящем этапе отрасль садоводства испытывает определенные трудности. Нарушены межрайонная координация и конъюнктура местной специализации, что обусловлено резким спадом производства и потерей внешних рынков. Выросли масштабы возделывания бахчевых культур. На сегодняшний день производство фруктов предназначено только для внутреннего рынка.

ОГОРОДНИЧЕСТВО¹³

Огородничество (овощеводство) – одна из древнейших сфер деятельности человека. В Грузии мы имеем богатый палеоботанический, археологический, этнографический и письменный материал об этой отрасли. В древнейшие времена в грузинском языке для обозначения огорода использовался термин *мтили* (*Орбелиани*, 1966), вошедший в грузинский перевод библейского «Исхода» – *мтили муванилисаи* (сад зелени); слово *бостани* в грузинских письменных источниках появляется с X в. и замещает слово *мтили*.

Характер флоры и экологического режима Грузии не создает строго установленных ареалов для возделывания овощных культур. Поэтому диапазон вертикального распространения отдельных сортов и видов овощей весьма обширен и охватывает равнинные, предгорные и характеризующиеся умеренным климатом горные районы, в чем определяющим является фактор зональной инверсии. Данное обстоятельство отражено в сочинении Вахушти Багратиони, где овощеводство считается отраслью хозяйственной занятости

¹³ © Л. Бериашвили

населения предгорья (*Багратиони Вахушти*, 1941). О распространении овощеводства в высокогорной зоне свидетельствуют этнографические данные, а также «Пространный реестр Гюрджистанского вилайета», где в налоговых списках, составленных для регионов Месхети, содержатся факты о посеве овощей в ареале, предназначенном, например, для ячменной культуры, который зонально соответствует высоте 1400–1600 м над уровнем моря (Пространный реестр..., 1943. С. 111, 161, 168).

В системе грузинского питания, как подтверждается и новейшими исследованиями, овощи издревле занимали значительное место. Общеизвестно, что «грузинский крестьянин в основном питается зеленью, *мхали*, *мдело* и *хмили*, без зелени он почти не может обойтись за столом» (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 152). Для примера приведем отрывок из сочинения Георгия Мерчуле (X в.), в котором охарактеризован регион Шавшет-Кларжети: из-за чрезмерной холмистости пахотных мест было мало, но «трудами и усердием монахов и местных жителей здесь разбиты малые виноградники, а также *мтилеби* (огороды)» (*Мерчуле*, 1987. С. 556).

Исследование овощеводства дано в труде И. Джавахишвили «Экономическая история Грузии». Он представляет отдельные культуры в соответствии с теми принципами, которые отражают масштабы их использования в быту и их приоритетность в рационе народного питания. Растения, относящиеся к овощам, разделены на 4 группы: *мхали*; *дзирхвенеули* (*мдело*); зелень и пряности; *хмили* (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 302). В группу *мхали* объединены культуры, возделываемые в огородах, а также дикорастущие – *щавель*, *шпинат*, *щирица*, *мальва*, *портулак*, *спаржа*, *купена*, *бессмертник*, *чина розовая*, *кочанная капуста*, *цветная капуста* и др. Эти растения были основным сырьем для приготовления каждодневных блюд *сачамади*, они использовались в течение всего года – как по сезону, так и в осенне-зимний период в сушеном или консервированном виде. Растения, входящие в группу *дзирхвенеули* (*мдело*), представлены в окультуренных формах и по сей день выращиваются в крестьянских хозяйствах – *морковь* (*ниука*, *киндзиджора*, *калакода*), *свекла* (*чакунтели*), *редиска*, *репа* и др. Самая многочисленная группа – зелень и пряности – объединяет следующие культуры: *салат* (*крдели*), *чеснок*, *репчатый лук*, *праса* (*лук-порей*), *черемша*, *дика* (*дикий копер*), *киндзи* (*кориандр*), *петрушка*, *сельдерей*, *тархун* (*эстрагон*), *перец*, *кондари* (*чабер садовый*), *дуци* (*гладыш*, *дикий копер*), *дзира* (*тмин*), *тимьян*, *церецо* (*фенхель*), *анис*, *укроп*, *сониджи* (*чернушка*), *мята* и др. В группу *хмили* входят: *огурцы*, *дыня*, *арбуз*, *квахи* и *гогра* (*виды тыквы*), *земляника* и др.

Известно, что Грузия – один из значительных очагов возникновения разновидностей и форм растений. Культурная флора страны специалистами рассматривается как ареал сосуществования местных эндемичных и завезенных видов растений. Сопоставление этнографических данных с данными смежных научных дисциплин позволяет выяснить вопрос аборигенности или привнесенности тех или иных культур. Установлено несколько культурных видов овощей, которые можно считать эндемичными для Грузии (*Лелашивили*, 2002. С. 226). Прежде всего, это растения, зафиксированные как в диком состоянии, так и в виде окультуренных форм. *Киндзи* (*coriandrum sativum L*) – кориандр, кишнец. По всей вероятности, одомашнивание этой зелени произошло в Закавказье, в частности в Грузии. Наряду с культурным видом, по сей день

сохранилась и дикая разновидность киндзы. Ее эндемичные типы – грузинская и малоазийская. *Кондапу (satureja hortensis L)* – чабер садовый. В Грузии засвидетельствованы дикие и культурные формы растения. *Уцхо сунели, сониджи, солинджи (Nigella sativa L)* – чернушка. Упоминается в грузинском переводе Библии (Исаия, 28₂₅). Применяется во многих ритуалах. *Лук, лук-порей, чеснок (allium sativum)* – упоминаются в грузинском переводе Библии в книге «Чисел» (Числа, 11₅). Зафиксированы как культурные, так и дикорастущие формы. Использовались в жертвоприношениях дохристианского периода. *Капустка (Brassica)*. В Квемо Картли при раскопках Арухло (V–IV тыс. до н.э.) обнаружены семена полевой капусты (*Brassica campestris L*). В причерноморской полосе зафиксирована дикая форма листовой капусты, считающаяся древнейшей. *Свекла (Beta vulgaris L)*. Ее дикая листовая форма широко распространена вдоль побережья р. Куры и в причерноморской полосе; признана промежуточной, переходной к кочанной капусте формой. *Морковь (Daucus carota L)*. В раскопанных в Арухло материалах I тыс. до н.э. зафиксирована форма дикорастущей моркови. Дикая морковь в большом количестве растет как на территории Восточной, так и Западной Грузии.

Грузинское традиционное огородное хозяйство и его интенсивность опирались на строго организованный трудовой режим, включавший множество компонентов. Особое значение придавалось правильному выбору места для посадки и посева овощей, его должному освоению и обработке, соблюдению сроков посева и уходу за рассадой (прополка, мотыжение, поливка), обеспечению своевременного сбора урожая, хранению его в соответствующих условиях и т.д. Кроме того, большое внимание уделялось устройству огородных участков: наряду с равнинными районами широко были освоены умеренно покатые склоны, на которых устраивались террасы *тахти*. В наклонных местностях Картли был принят способ деления земли на террасированные участки – *шаребад дакенеба*, или *дашарва*: на огородном участке мотыгой или лопатой вдоль края каждого *шари* прокладывали прямые *базо*, получая приподнятые полосы земли. А от шари к шари оставляли промежутки (*зули*) шириной в 1–2 м. Таким образом, шари – участок, подобный *тахти*, но сравнительно малых размеров (*Сонгулашвили Дж.*, 1958). Традиция освоения земли под огороды путем ее террасирования – *тахти*, или *шари* (параллельные термины: *катари, эти, чечма*) – широко использовалась в переходной от гор к равнине зоне и фиксируется на территории всей Грузии (*Бериашвили*, 1989).

Площади под огороды создавались и за счет освоения болотистых мест: их расчищали от водорослей, прокладывали сточные каналы, сильно размытые водой места засыпали камнями и землей; почва освобождалась от излишней влаги, и после должной обработки на ней сажали соответствующие культуры. Устройство огородов и уход за ними подразумевал следующий комплекс работ: *вскапывание, мотыжение, бороздование, террасирование (дабазовеба, дашарва), посев, посадка, поцхва, прополка, шалтва* (мотыжение), *поливка, удобрение, пересадка* и проч. Для осуществления этих работ применялись соответствующие орудия: *лопата, мотыга, обушок (мотыка), кирка, топор-кирка, цапка, бартоха* (лопата-мотыга), *ортоха* (мотыга с двумя лезвиями), «болотная лопата», «абхазская мотыга», *огородные грабли* и др. Следует отметить простейшие орудия для ручной работы – *огородную палку, какучи, кол, скребок, шалта*, выполнявшие функцию вскапывания.

Из них *какучи* аналогичен найденному на территории Грузии копательному орудию эпохи энеолита, а *шалта* обнаруживает сходство с древними кремневыми серпами.

Для удобрения огородов использовали перегной, «перегоревший» коровий и овечий навоз, птичий помет, золу. Зафиксированы также заболачивание тощей земли и насыпка на подобные участки «отдохнувшей» под паром земли. Многообразны виды заборов, защищающих огород от нежелательных внешних факторов: колючая ограда, плетеный из *прутьев* или *хвороста* забор, ограды из *досок, дерна, камня, проволоки*. Кроме того, в огороде для защиты посевов от птиц устанавливали пугало (Сонгулашвили Дж., 1958. С. 175).

Для сбора и хранения овощей строили специальное сооружение – домик садовника. Во время сезонных сельскохозяйственных работ (мотыжение, вспашка, сбор урожая) было принято объединяться для взаимопомощи (*нацвалгарда*). В окрестностях Тбилиси зафиксированы аналогичные формы взаимопомощи – *улами, нарди* (подряд), *дгиури муша* (поденщик) (Сонгулашвили Дж., 1958. С. 183).

Освоение земельного участка для посадки овощей, обработка почвы и устройство огорода были мужским делом. Что касается других видов работ – мотыжение, прополка, рыхление почвы и т.д., – их выполняли женщины. В обязанности мужчины входило также обеспечение участка водой и полив. В Восточной Грузии (в окрестностях Тбилиси) засвидетельствованы факты использования наемного женского труда (Сонгулашвили Дж., 1958. С. 184).

С развитием общественной жизни овощеводство постепенно приобретает производственный характер, выходя за пределы крестьянского хозяйства. Многие землевладельцы с целью повышения урожайности начинают сдавать огородные участки в аренду. Существовали разные виды аренды: *мицис дагиравеба* (ипотека), *санахевро* (долевое участие), *багнарад гашвеба* (обустройство сада с огородом) и т.д. (Народы Кавказа, 1962. С. 248).

С овощеводством связано много обрядов и обычаев, направленных на изобилие урожая, на его сбор без потерь. Строго соблюдали нежелательные для выполнения определенных работ «опасные» дни (*квимати*) – понедельник, среду, пятницу. Особенно «трудным» днем считалась пятница, когда работы не проводились (*укме дге*). Выходными считались также недели до и после Пасхи. Согласно народному поверью, посевы этих дней не давали всходов. Большое внимание в народе обращали на фазы луны: избегали сеять в новолуние, поскольку овощи обязательно станут червивыми. Сеятелю во время посевных работ запрещалось есть молочные продукты (в Картли их называли *тетреули* – «белая пища»). Кроме того, он должен был приступать к работе не перемолвившись ни с кем словом – *умдзрахи*. В страстную неделю было принято разжигать костер из ветвей колючих деревьев – *чаакокона*, а наутро, втайне, надо было развеять золу от костра по всему огороду, чтобы защитить его от вредителей и злых духов. При посеве овощей чеснок использовался в апотропеических целях: сеятель держал во рту зубчик чеснока на протяжении всего процесса сеяния. Чеснок часто заменяла булавка, реже – иголка.

Для обеспечения богатого урожая исполняли различные обряды. Например, по окончании посева мешочку, в котором хранились семена для посева, придавали форму человеческого тела и зарывали в одну из борозд. Этот

оберег назывался *бостнис бебера* или *бостнис калбебера* и находился в определенной связи с распространенным во всей Грузии символом плодородия и приумножения – *берика* (Лелашвили, 2002. С. 224).

На протяжении длительного периода в крестьянском хозяйстве овощи выращивали только для семейных нужд. Огородничество не отличалось масштабностью. Промысловый характер оно приобрело с конца XIX в., с развитием капитализма и подъемом городской жизни. С этого же периода как в Восточной, так и в Западной Грузии появляются деревни и села, специализирующиеся на овощеводстве. Они преимущественно находились в предместьях больших городов – Тбилиси, Кутаиси, Гори, Телава. В урегулировании торговых отношений между городом и селом большую роль играли специальные лица – *чалвадари*, являвшиеся также посредниками между крестьянином и лавочником (*бакали*), торговцем фруктами и овощами в крупных населенных пунктах. Позднее появляются *мемцваниле* (зеленщики). С середины XIX в. в реализации овощей и зелени принимают участие *кинто* (мелкие торговцы в Тбилиси, продававшие товар с деревянных лотков). *Кинто* сами закупали товар у крестьян и продавали вразнос на улицах города. Со временем овощи из Грузии стали вывозить и продавать в городах Кавказа и России.

Подъем огородничества и увеличение удельного веса овощных культур в Грузии происходит с начала XX в. Особых масштабов эта отрасль достигает в 1970-х годах, когда в Картли и частично в Кахети за счет вырубки виноградников начинают разводить овощи. Однако этот процесс не оказался продолжительным. Аналогичная ситуация повторилась в кризисные 1990-е годы, когда около 30% виноградников Кахети были заменены посевами зерновых и овощных культур. На сегодняшний день сбыт продукции овощеводства в основном осуществляется на внутреннем рынке.

Зернобобовые культуры по своей древности намного превосходят хлебные злаки и являются самой ранней в истории человечества пищей, занявшей важное место в процессе жизнеобеспечения этносов. Территория Грузии является центром формирования нескольких эндемных видов бобовых. Здесь можно встретить находящиеся в диком состоянии формы, со свойствами культурных растений и культурные формы с показателями близкими к диким формам. Тому пример кавказская разновидность *гороха*, зафиксированная в Восточной Грузии и вошедшая в специальную литературу под названием джавахетский горох (Жуковский П.М., 1950. С. 25; Декапрелевич, 1926. С. 136). Интересные сведения о культивированных в древности бобовых растениях дают материалы археологических раскопок и письменные источники (Джавахишвили И., 1948. С. 3–78). Так, в словаре грузинского языка «представлен самый большой лексический материал о когда-либо существовавших в Грузии наименованиях зернобобовых растений»: чечевица (*осни*), бобы (*церцви*, *бакла*), нут (*мухудо*), люпин (*ханчкола*, *лопинари*, *термузи*), горох (*барда*), маш (*маша*), фасоль (*лобио*), чина (*цулистри*), коровий горох-вигна (*дзадза*), чечевица французская (*угрехели*) и др. (Джавахишвили И., 1948. С. 10; Орбелиани, 1966).

В древнейших медицинских книгах и лечебниках XI–XVII вв. сохранены сведения о бобовых растениях, по которым можно определить удельный вес различных видов бобовых в пищевом рационе населения того времени и сферы их использования (ежедневная и диетическая пища, зеленое удобрение,

лечение внутренних и наружных заболеваний, гигиенические и косметические цели и др.).

Интересные данные о бобовых сохранились в материалах российских посольств XVI–XVII вв. Например, в описании путешествия российских послов стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Западную Грузию (Имерети) в 1650–1652 гг. сказано, что там сеют горох и бобы (*барда* и *церцви*), и в качестве овощей используют «боб цареградский» (*стамболис церцви*) и «горох грузинский» (*картули барда*) (Полиевктов, 1928. С. 187). Из описания посольства князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахети (1640 г.) выясняется, что в Восточной Грузии выращивали чечевицу и бобы, и царь Теймураз в постные дни прислал им бобы (Полиевктов, 1928. С. 160–161). В «Грамотах» А. Цагарели опубликованы записки митрополита Максима и дневники капитана Языкова, где упомянуты разные виды зернобобовых растений («горох разных видов») и сказано, что «простой народ питается скудно, и главной пищей им служат «бобы разваренные» (Цагарели, 1925. С. 90). По «Большой книге Гюрджистанского вилайета», составленной в 1596 г. для описания экономического положения вилайетов (провинций) Месхети, зернобобовые культуры – горох, чечевица и бобы, за редким исключением, внесены в список податей во всех населенных пунктах региона (Большая книга..., 1941; Бериашвили, 1976). «Альбом зарисовок и реляций» итальянского миссионера дона Христофоро де Кастелли раскрывает масштабную картину социальной и политической жизни Западной Грузии XVII в. В нем упомянуты бобы и фасоль (лобио), которые вместе с гоми и пшеницей составляли основную пищу населения (Кастелли, 1976. С. 18). Горох упомянут в «Уложении царского двора» (Уложение..., 1970. С. 36). О хозяйственном значении зернобобовых свидетельствует «Дастурламали» – уложение царя Вахтанга VI (XVIII в.), где упомянуты бобы, горох, чечевица и фасоль (Дастурламали, 1970). Вахушти Багратиони особо выделяет большое разнообразие в Грузии зернобобовых растений (Багратиони Вахушти, 1941).

Историческая Колхида сыграла большую роль в распространении и освоении многих культурных растений. Ее территория считается вторичным центром, вторичной родиной некоторых видов бобовых. В их числе абориген северной Африки – вигна (*Vigna Sinensis L.*), известная в Грузии как *дзадза*, а также люпин (*Lupinus Alba*), культура Средиземноморья – *ханчкала*.

Бобовые растения в Грузии получили наименование – *самархво* (букв.: для поста) (Бериашвили, 2003. С. 47–53). Как показывают новейшие исследования, в древнейших очагах культуры, на протяжении тысячелетий были выработаны методы экономичного питания, в которых основное место занимало растительное сырье, и среди них особое значение имели зернобобовые. Ретроспективный анализ хозяйственного быта и традиционных систем жизнеобеспечения Грузии являются тому наглядным примером.

Бобы (церцви) – *Vicia Faba*, синонимы – *хаджи*, *мицис церцви*, *мтредис церцви*, *бакла* и др. Грузия считается древнейшим очагом культуры бобов (Жуковский П.М., 1950. С. 275), а ареал распространения охватывает как равнинную, так и горную полосу. Бобы – однолетняя культура, в традиционном хозяйстве их выращивали как на орошаемых, так и на неорошаемых землях. Одно из основных свойств этих растений – обогащение почвы азотом, что рационально использовалось земледельцами в севообороте, при подготовке

земли под пашню, для освоения целинных земель. Все подвиды бобовых широко использовались в рационе питания. В пищу шли как зеленые стручки, так и зрелые семена, из которых в течение года готовили жидкую похлебку *шечаманди*. Большой интерес представляет вопрос соотношения бобовых культур с фасолью (*лобио*) – *Phaséolus*. Абориген американского континента, со временем она полностью вытеснила из потребления местные бобовые растения. Однако, несмотря на всеобщее признание, фасоль в быту народа не приобрела статус «престижного блюда» (достойного для угощения гостя) и осталась пищей для «внутреннего» – повседневного употребления. Что же касается бобов, то они до последнего времени остались блюдом для угощения гостей; их используют в семейных ритуалах и праздничной обрядности.

Этнографический материал содержит сведения о «бобовом хлебе» (*церцвис нури*) и «бобовой муке» (*церцвис пквили*) (*Бериашвили*, 2005). «Бобовая мука» упоминается и в письменных памятниках. Среди них самым древним является «Лечебник» XI в. («Усцоро карабадини») Кананели. Здесь фигурируют «бобовая мука крупного помола» (*церцвис гергили*), «бобовый сок» (*церцвис цвени*), «бобовый лист» (*церцвис нуцели*) и «бобовая мука» (*церцвис пквили*) (*Кананели*, 1940. С. 12, 44). В «Медицинской книге» XIII в. даны разъяснения арабских наименований бобов. Например: *бакило* – зелень, бобы; *мукашари* (араб. мугашшар) – очищенный бобовый плод. Практика употребления «бобовой муки» отражена на примере «муки бакило» (*бакилос пквили*) (*Медицинская книга*, 1936. С. 57, 110). Аналогичные сведения встречаются в лечебнике «Ядигар-Дауди» (XV в.) и в «Лечебной книге» Зазы Панаскертели-Цицишвили (*Панаскертели*, 1971). Использование муки зернобобовых культур для выпечки характерна для многих народов мира – это древние римляне, греки, народы Азии, славяне. Высокую оценку дают специалисты данным из Грузии относительно этой древнейшей традиции (*Барулина*, 1940. С. 12).

Нут (*Cicer Arietinum*) – один из древнейших представителей семьи бобовых. Среди главных очагов его происхождения – Средняя Азия и восточное Закавказье (*Жуковский П.М.*, 1950. С. 271–273). Нут называют «горохом засушливых стран», в чем и состоит характерное свойство растения – устойчивость к засухе (*Попова*, 1952. С. 92). В Грузии установлено 33 вида и подвида нута. В традиционном хозяйстве он известен под наименованиями *мухудо*, *эревинди*, *хандури*. Сеют нут, рассыпая зерно по вспаханному полю или гнездовым методом в огородах; в Рача выявлены его посевы с кукурузой. Нут не требует орошения, однако требователен к почвам. Урожай на полях собирали с помощью серпа, на маленьких же участках – срывали руками. Собранный урожай раскладывали на гумне и молотили с помощью молотильной доски *кеври*, или же вручную. Просеянный через решето нут помещали в специальные хранилища. Из Восточной Грузии нут вывозили в соседние страны. В народе нут использовали в качестве повседневной пищи. В традиционном быту особенно выделяется применение нута в мясных блюдах, о чем свидетельствует богатая рецептура, приведенная в медицинских книгах. Например: «козлятина с нутом», «мясо молодого ягненка с нутом», «мясо дичи с нутом и пряностями» и др. По этим данным нут предстает перед нами, как: 1. Основной продукт для приготовления разных блюд; 2. Обязательное составляющее мясных блюд. Очевидно, что до появления картофеля зернобобовые

занимали главное место в пищевом рационе грузин, и в особенности нут – «крупные бобы, бакла»

Нут возделывали в больших масштабах в равнинных и горных районах Восточной Грузии. Ввиду высокой влажности климата в Западной Грузии его распространение ограничивалось горными местностями (Рача, Сванети). Сопоставление этнографического материала и литературных данных показывает, здесь *нутом* (*мухудо*) на самом деле именовали сою, поскольку в Западную Грузию эта культура мигрировала из Восточной Грузии; она является отражением процесса *картизации* региона. В новых условиях, из-за экологической несовместимости с местной средой, растение не смогло обрести широкий хозяйственный статус. После появления в Грузии культуры сои (XVIII в.), ввиду определенного сходства, местное население нарекло это зернобобовое *нутом*. Это отражено в труде Вахушти Багратиони: «нут (*мухудо*) однолетнее бобовое растение, с мелкими листьями, с надутым мешочком, с 1–9 зернами, сеют его для получения зерна, то же самое, что и *соя*» (*Багратиони Вахушти*, 1941).

Чечевица (*осни*, *Ervum*) с незапамятных времен была одомашнена. Древние семиты – арабы, евреи возделывали чечевицу в качестве повседневного пищевого продукта. Малая Азия и восточное Причерноморье считаются вторичным центром этой культуры. В Грузии ареал распространения чечевицы – полоса предгорий и гор, высотой в 600–2000 м над уровнем моря. Среди существующих видов известны как мелкозернистые, так и крупнозернистые сорта. Первые считаются древнейшей формой этой культуры. И. Джавахишвили обратил внимание на значение чечевицы в быту грузин: «У земледельца Грузии в древние времена, вплоть до конца XVI столетия в наличии имелись зерна трех основных групп: бобовых, чечевичных и гороховых...» (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 83).

После апрельского посева урожай снимали в начале августа; молотили вручную (Месхети, Картли). Чечевица характеризуется хорошей адаптацией к почвам и климатическим условиям. В Западной Грузии имеются смешанные посевы с кукурузой. Ареал распространения охватывает всю Грузию (Месхет-Джаваheti, Картли, Тушети, Имерети, долины рек Ингури и Риони, Рача, Лечхуми, Гурия, Самегрело, Абхазия). Чечевица (*осни*) упоминается в грузинском переводе Библии. И. Джавахишвили считал термин *осни* происходящим от греч. *оспирион* (*сперион* – стручок, мешочек), а древним грузинским названием культуры – сохранившийся в Сванети до наших дней термин *кири/кирс* (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 79). Население издревле использовало чечевицу в качестве повседневной пищи на протяжении всего года. Надо отметить, что в старинных «Лечебных книгах» чечевица упоминается как постоянный ингредиент многих блюд; отмечается ее положительное воздействие на ослабленный организм человека.

Горох (*барда*, *Pisum sativum*) в хозяйстве известен с древнейших времен. Южный Кавказ, в частности Грузия, является одним из очагов происхождения культуры гороха; в Грузии обнаружены его эндемичные формы и дикие прототипы (*Тевдорадзе В.*, 1964). В Боржомско-Бакурианском регионе горох встречается в диком состоянии (*Жуковский П.М.*, 1950. С. 259).

Горох возделывали во всех регионах Грузии; его характерная черта – неприхотливость к окружающей среде, что определяет распространение в

большом зональном диапазоне. Значительное место занимает культура гороха в земледелии Сванети; имеется местное название культуры – *нецин-гедер*. Только в районе Местии (Латали, Пари, Мулахи) специалистами были выделены 15 форм обыкновенного и полевого гороха, которые являются результатом народной селекции. Большая площадь выделялась под горох в Душетском уезде. В современном сельском хозяйстве Грузии культура гороха сохраняет значение пищевого сырья.

Вигна (*дзадза*, коровий горох – *Vigna Sinensis*) – одна из древнейших в Грузии бобовых культур; этнографическими материалами выявлена в Западной Грузии, в основном в Имерети, а также в причерноморской полосе – в Самегрело. Появление вигны в Грузии объясняется тесными контактами с греческим миром. Примечателен тот факт, что северо-западное Причерноморье (Самегрело, Абхазия) признано специалистами одним из вторичным центром вигны (*Синская*, 1969. С. 346). Здесь выявлены неполивные формы растения, что является важным признаком для установления аборигенности. Исследователи вигны считают данное растение «древней, местной культурой Грузии» (*Павлова*, 1957. С. 627). Термин *дзадза* в грузинской лексике обозначает: 1) бобовое растение, применяемое в пищу, 2) сырье (волокно) для изготовления в прошлом грубой ткани для платья и различных вместилищ, также совмещающая атрибуцию траура, самобичевания (груз. пер. Библии, Мученичество св. Шушаники, Житие Григола Хандзтели и др.) (*Бериашвили*, 2001).

Фасоль (*лобио*, *Phaseolus*) – доминирующая зернобобовая культура во всех уголках Грузии. В «Географии» Вахушти Багратиони лобию уже упоминается. В «Описании Мегрелии» А. Ламберти (начало XVIII в.) также приведены сведения об этой культуре (*Ламберти*, 1938. С. 45). Фасоль появилась в Грузии в XVII в. (*Джавахишвили И.*, 1986. С. 54). Это предположение разделяют и ботаники; по заключению П. Жуковского, «фасоль в Грузии известна с XVII в., а в Гурии и Мегрелии стала национальной культурой» (*Жуковский П.М.*, 1950. С. 263).

Специалисты, объединяя схожие формы, выделяют в Грузии 61 подвид культуры лобии. Из 20 всемирно известных видов фасоли в Грузии отмечено 6 видов, которые формировались и совершенствовались в условиях народной селекции. Ввиду высокой питательной ценности и положительного влияния на человеческий организм, фасоль широко применялась в качестве пищевого продукта. Свое значение эта культура не утратила и сегодня; кроме домашнего употребления используется в кондитерском производстве, в диетическом детском питании, в консервном производстве и т.д.

Люпин (белый), *волчьи бобы* (*ханчкола*, *лопинари*, *термузи*, *Lupinus Alba*) зафиксирован, по полевым материалам, на территории Западной Грузии, в основном в Гурии и Самегрело. Люпин одно из древних одомашненных человеком растений, наделенный разнообразными полезными свойствами. В качестве пищевого продукта его применяют в вареном виде с медом; в виде гарнира для рыбных и мясных блюд; поджаренным на углях и сбобренным разными ароматными травами и др. В древнем мире было принято жевать поджаренные зерна люпина и выплевывать шелуху, наподобие семечек (*Кульжинский*, 1934. С. 86).

Территория Грузии признана одним из очагов распространения люпина; П. Жуковский специально выделяет причерноморскую полосу, где и

определены основные его виды: «Люпин известен издревле под названием “ханчколи” в Западной Грузии, где высевается с осени; семена после долгой промывки идут в пищу в вареном виде» (Жуковский П.М., 1950. С. 280). По этнографическим сведениям, поскольку зерна люпина не теряют специфическую горечь при варке, для удаления горечи вареные семена кладут в корзины (гидели) и ставят на определенное время в проточную воду. После этого семена теряют горечь и становятся пригодными для еды. Этот вид водяной обработки семян в Гурии называется *даццилеба*.

В начале XX в. люпин в Западной Грузии широко использовался в качестве пищевого продукта: «Ханчколи здесь, как и в древнем Риме, высевают осенью... До 30-х годов ханчколи сеяли в огородах, а семена использовали в пищу, а также как лакомство... На базаре в Озургети можно было в те годы увидеть вынесенные для продажи вареные и промытые семена люпина... В настоящее время ханчколи используют таким же образом, но в меньшем количестве» (Кульжинский, 1934. С. 81). Касаясь наименования этой культуры, И. Джавахишвили пишет: «само название “хванчкала” – грузинское, остальные два иноземного происхождения. “Лопинари” – грузинизированное латинское слово, а “термузи” и “термиа” – слова греческого происхождения». Периодом ввоза этой зернобобовой культуры в Грузию ученый считает I–IV вв. (Джавахишвили И., 1986. С. 26–82). Существующая версия этимологии термина *ханчкола* подтверждается этнографическими материалами Самегрело: мегр. *хаджи* – это бобы, *коло* – горький, горько-кислый, отсюда и произошло название растения «горькие бобы». Как выяснилось, в Грузии культура люпина (*Lupinus Albus*) является очень древней. Проникшее на землю Колхиды растение получило здесь местное, подобающее ее характеристикам наименование и обосновалось на многие века.

Маш (*маша*, *цецкаи*; *Phaseolus aureus* (Roxb.) *pip*) – бобовая культура, имеющая в Грузии древние корни. Один из видов *маша* ботаники считают характерным для Западной Грузии; тут найдена его древнейшая форма, тут же его используют в качестве зеленого удобрения (Вавилов, 1960). В Грузии выделяют 5 разновидностей *маша*. Исследователи относят эту культуру к индийской цивилизации и датируют VIII–VII тыс. до н.э. Название *маш* происходит от санскритского *муджа-маш* (Sanskrit-Wörterbuch..., 1884). Термин не известен в регионах распространения растения, он сохранился лишь в Грузии. Этому факту уделяет особое внимание Н.И. Вавилов: «Особенный интерес представляет в Грузии культура “маша” тем, что только здесь сохранено название, которое имеет растение на своей прародине – “маш”. В других регионах же данный термин приурочен к этой культуре уже в наше время, для определения его ботанической принадлежности» (Вавилов, 1960. С. 101).

Заслуживает внимание характеристика *маша* в словаре С.-С. Орбелиани – «*маша* – бобы, именуются *цецкой*». Там же дается разъяснение термина *цецка*: «бобы – еда индусов» (Орбелиани, 1966). Очевидно, что *маш* в Грузии XVIII в. был хорошо известен; ему соответствует термин *цецка*, который И. Джавахишвили считает грузинским наименованием этой культуры (Джавахишвили И., 1986. С. 67).

Соя (*soia*, *Glycine*). История распространения этого зернобобового растения связана с Китаем. Самым достоверным сведением о ввозе и укоренении соевой культуры в Грузии считается справка Кавказского Общества сельского

хозяйства, где датой ее ввоза указан 1882 г. На основании народной селекции в Грузии были выведены новые породы сои. В 1909 г. специалистами был установлен 21 местный подвид сои. Любопытно, что, несмотря на масштабы распространения, соя не упоминается ни в документах, ни в литературных источниках. Этот факт можно объяснить тем, что население долгое время отождествляло культуру сои с местными зернобобовыми растениями, и по аналогии называла теми же именами нововведенную культуру (*мухудо, дзадза, русули лобио, ухаршава, япониа* и т.д.) (Макашвили, 1938).

СКОТОВОДСТВО

РАВНИННОЕ И ГОРНОЕ СКОТОВОДСТВО¹⁴

Скотоводство занимает особое место в хозяйственной жизни Грузии. Селекционно-племенная деятельность грузинских животноводов, направленная на улучшение уже существующих и выведение новых пород, давшая такие замечательные породы, как хевсурская корова, тушинская овца, мегрельская коза, кахетинская лошадь, а также достижения в производстве молочных продуктов – будь то тушинский сыр, мегрельский *сулгуни* или хевсурское топленое масло *эрбо* – снискали славу далеко за пределами Грузии.

Многогранность и общие закономерности развития скотоводства обуславливались географическими и климато-экологическими факторами: овцеводство было развито повсеместно, козоводство – в Самегрело, буйволководство – в равнинных регионах, разведение крупного рогатого скота – и на равнине, и в горах, где-то оно являлось ведущей отраслью хозяйства, где-то существовало в симбиозе с земледелием. Свиноводство в некоторых регионах не было развито, что было связано с особенностями народных религиозных воззрений. В Грузии не употребляли в пищу *усурмаги* (конину и ослятину).

Грузия признана одним из предполагаемых очагов возникновения скотоводства, что подтверждается и новейшими археологическими данными. В памятниках раннеземледельческой культуры (Шулаверис-гора, Имирис-гора, Храмис Диди-гора) обнаружены древнейшие комплексы земледельцев-скотоводов с останками домашнего скота, что является свидетельством производящего характера хозяйства. К этому времени мы уже имеем все те виды одомашненных животных, которые встречаются на последующих этапах, – козу, овцу, корову и свинью. Кости дикой лошади в виде останков дичи зафиксированы на Ирмис гора и в Арухло (*Цицишвили*, 1955; 1961).

Все виды распространенного в горах Грузии крупного рогатого скота составляют единую породу, принадлежащую к краниологическому типу брахицеросов. Грузинский горный скот распространен на ответвлениях Главного Кавказского хребта и известен под названиями хевсурской, пшавской, осетинской, мегрельской и рачинской пород. Лучшим представителем брахицеросов считается хевсурская корова. Несмотря на низкорослость, это довольно высокоудойная корова с высокой жирностью молока (*Иоселиани Н.*, 1927. С. 40). Кроме того, она дает мясо и используется как рабочий скот (*Буйновский*, 1949).

¹⁴ © М. Макалатия, В. Шамиладзе

Горный скот адаптирован к условиям окружающей среды, вынослив, ловок в движениях, энергичен, плотно сложен (*Напроев*, 1891; *Геевский Н.В.*, 1887; *Иоселиани Н.*, 1927; *Гоциридзе Н.*, 1963. С. 203). Грузинские брахицеросы – одна из самых низкорослых пород в мире; по размеру им уступают только албанская и сирийская породы. Согласно античным источникам, в Фазисе коровы были малы по величине, но при этом давали много молока (*Джорджикия и др.*, 1962). В Самегрело селекционеры путем подбора пород вывели красную мегрельскую корову породы *кварацхелия*, приспособленную к кочевому образу жизни (*Тамашев*, 1947).

На значительную роль скотоводства в хозяйстве Грузии указывают исторические источники. В процессе политического объединения страны скотоводству как ведущей отрасли экономики придавалось особое значение (*Бердзенишвили Н.*, 1964). Сведения о скотоводстве Юго-Западной Грузии содержатся в сочинении церковного деятеля IX–X вв. Басила Зарзмели (*Лордкипанидзе М.*, 1963); первое упоминание о скотоводстве в Аджарии находим у автора XIII в. Тбели Абусерисдзе (*Шамиладзе*, 1969). О крупном и мелком рогатом скоте в Ксанском ущелье повествует в своем сочинении Вахушти Багратиони; он дает исчерпывающую характеристику скотоводства по отдельным краям и ущельям Грузии, описывает зимние и летние пастбища, отгонное овцеводство и т.д. (*Багратиони Вахушти*, 1973). Исследователи экономической обстановки Грузии XIX в. (*Андроников*, 1887; *Вермишев*, 1887; *Калантар*, 1890) особо подчеркивают важнейшую роль скотоводства в жизни страны, поскольку оно является не только подспорьем для земледелия, но и основным источником дохода крестьянства; продукты скотоводства имели широкое применение в крестьянском хозяйстве. По официальным данным, в 1880–1890-е годы 40% населения горных районов Грузии существовало за счет продукции скотоводства. В указанный период Закавказье считалось одним из значительных центров скотоводства в мировом масштабе. Государственные крестьяне Грузии по количеству поголовья скота на 100 душ населения опережали такие страны, как Греция, Шотландия, Швейцария, Голландия, Норвегия и др. По общей численности скота Закавказье занимало в Европе второе место после Дании.

В Грузии засвидетельствованы четыре основные формы скотоводства: *барули* (равнинное), *мтури* (горное), *мтабарули* (перегонное) – *трансюманс* и *момтабарули* (кочевое).

Ареал распространения форм равнинного скотоводства исторически включал равнины Картли и Кахети, Колхидскую низменность и смежные с ними гористо-холмистые территории. Специфические особенности равнинного скотоводства, предусматривавшие также интересы земледелия и других отраслей хозяйства, проявлялись в организации различных стационарных баз, представленных подсобными хозяйствами, и более или менее подвижных экстенсивных баз в условиях оседлого скотоводства в виде шатерного хозяйства. С точки зрения хозяйственно-организационной равнинное скотоводство органически было связано с основными поселениями и существовало за счет местных сельских пастбищ и кормовых запасов. Из-за этой его специфики в годичном цикле ухода за скотом особое значение придавалось сельским пастбищам и пахотным угодьям, рациональное использование которых с ранней весны до поздней осени, а в случае благоприятных

климатических условий и в зимний период предусматривало функционирование четко определенной системы. В этой системе привлекает внимание сезонное объединение владельцев удойного скота – *бера*, организованное на сельских пахотных угодьях и служившее семьям подсобным хозяйством. В уходе за скотом и его эксплуатации непосредственно на пахотных и посевных участках значительное место занимал земледельческо-скотоводческий комплекс *кало*, где содержали необходимое количество рабочего скота для упряжки в плуг и одну-две головы дойного скота. Такой же стационарный характер носила *агвара* Колхидской низменности. В условиях равнинного скотоводства подвижным экстенсивным характером выделялись разные формы шатерного хозяйства – *карави*, *сакаре* и *сапарехо*, использовавшиеся в основном для отгона крупного и мелкого рогатого скота. В Восточной Грузии *карави*, в которых объединяли молодняк и недойный скот, до и после уборки урожая устраивались на сельских и присельских пастбищах, а в летний период – в прилегающих к селу лесо-кустарниках, оврагах и на берегах рек. *Сапарехо* и *сакаре* устраивались на относительно удаленных от поселений пастбищах и лесных угодьях.

Особенности равнинного скотоводства определенным образом обуславливали структуру стада и масштабы скотоводства. Во второй половине XIX – начале XX в. ведущее место в нем занимало разведение крупного рогатого скота. Хотя на равнине Восточной Грузии овцы по численности превосходили крупный рогатый скот, однако здесь овцеводство преимущественно было сосредоточено в руках крупных владельцев, которые круглогодично выгоняли свои многочисленные отары на летние и зимние пастбища, т.е. занимались отгонным овцеводством. Большинство равнинного населения содержало коров, быков и буйволов, а овец, из-за ограниченности местной кормовой базы, разводило в лимитированном количестве. Основные хозяйственные базы равнинного овцеводства располагались на низменностях Шида и Квемо Картли и Кахети. В условиях равнинного скотоводства разведение овец наблюдается и на Колхидской низменности, где из-за благоприятного лесного ландшафта отары овец часто заменяли стадами того же, а иногда и большего количества коз.

Немногочисленность и неравномерность распределения в равнинной части Грузии крупного рогатого скота породили множество особенностей использования тягловой силы и продуктивного скота. Примечательно, что традиционная форма многоярмовой пахотной супряги – *модгами*, представлявшая собой временное объединение с целью совместной эксплуатации рабочего скота, а также своеобразный обычай объединения молочного хозяйства *ханулоба* возникли и сформировались в Картли и Кахети, где разведение рабочего и удойного скота не удовлетворяло потребности местного хозяйства.

Формы горного скотоводства исторически сложились в Сванети, Рача-Лечхуми, Аджарии, Месхет-Джавахеи, Тушети, Мтиулети, Хеви и Пшав-Хевсурети. Основные поселения, параллельные хозяйственные базы и сезонные пастбища данной формы хозяйства географически были расположены в горной зоне, а их территориальные и хозяйственно-организационные взаимоотношения определяли культурно-исторические и социально-экономические стороны горного скотоводства.

Специфические черты основных подвидов горного скотоводства – отгонного и внутриальпийского – наряду с зональными особенностями были

Навьюченная лошадь

Хевсурети

© Фото Г. Джавахишвили, 1962 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В путь на пастбище

Тушети

© Фото Г. Джавахишвили, 1977 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Переправа отары через реку
© Фото С. Сарджвеладзе, 2014 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Переправа отары через реку
© Фото С. Сарджвеладзе, 2014 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

обусловлены традиционным хозяйственным профилем предгорной и горной зон Грузии. Отгонное скотоводство, развившееся в условиях предгорного земледельческо-скотоводческого симбиозного хозяйства, по масштабам распространения и хозяйственно-экономическому значению являлось доминантным подвидом горного скотоводства. Его структурно и типологически усовершенствованные формы зафиксированы в хозяйственном быте Хевсурети и Сванети. У большинства сел Хевсурети имелись располагавшиеся в непосредственной близости от них зимние *сабосло*, оснащенные земледельческо-скотоводческими комплексами; аналогичные комплексы в Сванети назывались *лабави*.

В отличие от отгонного, внутриальпийское скотоводство подразумевало хозяйственно-экономическое и территориально-организационное единство поселений и сезонных пастбищ, а также покосов субальпийской и альпийской зон. В отгонном и внутриальпийском скотоводстве ведущее место занимало разведение крупного рогатого скота, удельный вес которого в соответствии с общим преобладанием этой отрасли хозяйства в высокогорье несколько увеличивался. Особое место занимало также разведение мелкого рогатого и вьючного скота, масштабы которых, наряду с потребностями альпийского хозяйства, определялись характером покосов, пастбищ и других угодий того или иного района.

Перегонное скотоводство – *трансюманс*. Характерные для перегонного скотоводства формы встречаем в Самегрело, Кахети, Шида и Квемо Картли, Тушети, Пшави, Эрцо-Тианети, Мтиулету и Хеви. Данная форма была здесь представлена постоянным перемещением территориально оторванных от основных поселений стад крупного рогатого скота, отар овец, а также обслуживавшего их персонала с летних пастбищ Центрального и Южного Кавказа к весенне-осенним и зимним пастбищам Восточной и Западной Грузии и обратно. Несмотря на мобильный характер, перегонное скотоводство велось в тесной хозяйственно-экономической и организационной связи с основными поселениями, где население занималось земледелием и другими отраслями производства. В Грузии были известны все главные подвиды этой формы скотоводства, представленные в зависимости от расположения поселений равнинным (восходящим), предгорным (промежуточным) и высокогорным (нисходящим) скотоводством и овцеводством.

В Самегрело годовым циклом трансюманса на зимние и летние пастбища были заняты товарищества – *окатури*, в которые входили однофамильцы или близкие родственники. Аналогичными объединениями овцеводов Восточной Грузии, основанными на родственных и территориально-соседских принципах, были *монареоба*. Рациональная система *окатури* и *монареоба* полностью отвечала сложной организации ведения перегонного скотоводства и овцеводства Грузии.

Особое значение имело возникновение на базе основных поселений трансюманса двух независимых форм скотоводства, что обуславливало особенности распределения труда среди членов семьи. На равнине, в предгорье и высокогорье часть мужского населения была занята перегонным овцеводством, часть женщин – равнинным (на равнине), горным отгонным (в предгорье) и внутриальпийским (в высокогорье) скотоводством. Вместе с тем оба контингента работников активно участвовали в полеводстве, виноградарстве,

Дойная стойка

Тушети, Аклагорская овечья ферма

Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Стрижка овец

Тушети

© Фото Л. Меликишвили, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

садоводстве (на равнине и в предгорье) и в процессе заготовки сена, в покосе (в высокогорье и предгорье). В Аджарии ведущими формами скотоводства признаны горное скотоводство и трансюманс (*Шамиладзе*, 1979. С. 56–60, 313–316). Масштабы перегонного скотоводства, овцеводства и коневодства Грузии, наряду с потребностями натурального хозяйства, изначально предусматривали товарно-денежные отношения как внутри страны, так и за ее пределами, что выразилось в преимущественном разведении крупного рогатого скота и в развитии отарного овцеводства на рубеже XIX–XX вв. (*Шамиладзе*, 1986. С. 90–118).

Кочевое скотоводство в Грузии зародилось в определенную историческую эпоху; оно было характерной чертой вторгавшихся в Грузию в разные периоды кочевых племен и встречается главным образом в Квемо Картли, Самцхе-Джавахети и некоторых районах Западной Грузии. Исходя из анализа основных признаков культуры и быта кочевников в указанных краях, очевидно, что исторически кочевым скотоводством в Грузии занималось негрузинское, пришедшее население (племя эли, хемшилы, курды и др.), которому был присущ кочевнический образ жизни и хозяйствования, исключавший ведение других отраслей хозяйства в условиях оседлости. Кочевое скотоводство в Грузии было представлено как крупным, так и мелким рогатым скотом. Ведущее место занимало разведение продуктивных коров и овец. Кроме того, кочевники разводили верблюдов, ослов, лошадей. Социальная и общественная организация кочевников существенно отличалась от образа жизни коренного населения. По поводу кочевого хозяйства И. Чавчавадзе пишет: «Наш татарин более подвижен, нежели оседлый житель. Переход с места на место, с одной стоянки на другую его не только не затрудняет, но почти вошло в привычку. Это привычное кочевание часто приводит к тому, что целые их села сегодня здесь, а завтра – уже совсем в другом месте, а на прежнем не остается и следа поселения... Татарин больше пастух-кочевник, чем оседлый хозяин. Татарин уходит в пастухи со всеми своими чадами и домочадцами, со всем своим скарбом. Его дом там, где пастбища многочисленного скота» (*Чавчавадзе*, 1956. С. 217). Со временем адаптация к местным природным и хозяйственным условиям Грузии дала свои плоды: кочевое население от степного кочевничества переходит к попеременному использованию низинных и горных зимних и летних пастбищ и к вертикальному кочеванию.

Таким образом, с учетом особенностей рельефа страны и ее насущных интересов, в нагорье Грузии ведущей отраслью хозяйства является скотоводство, а на равнине – земледелие. Грузинский тип горного/альпийского скотоводства сформировался в соответствии с хозяйственно-географической и культурно-экономической обстановкой страны как земледельческо-скотоводческий симбиоз, при котором основная часть населения занимается земледелием, а альпийским хозяйством и вертикально-зональным движением скота (к альпийским лугам и обратно) занимаются отдельные члены семьи и сельские *менахире* (погонщики скота). Основной базой горного скотоводства считается равнинное хозяйство (*Шамиладзе*, 1969. С. 23–24).

ПАСТБИЩА И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ БАЗЫ

В нагорье Восточной Грузии пастбища являлись собственностью сельской общины, но сохранились и пастбища, находившиеся в патронимической собственности (Хеви, Гудамакари) (*Мачабели*, 1888. С. 415–416; *Харадзе*, 1961. С. 27, 27, 141). Например, несмотря на то, что большую часть территории бывшего Тианетского уезда занимают пастбища, из них для скотоводства яйлажного типа были предназначены только некоторые: Андаки, Таниэ, Тбатана, Алазнистави, Накерала-Дидгверди (*Мачабели*, 1888). Значительная часть пастбищ Закавказья расположена в горах Малого Кавказа (*Варавин*, 1888. С. 73).

Налог, установленный в пользу царской казны за пользование пастбищами, размер которого зависел от количества пасущегося на них скота, назывался *сабалахо*, а сборщик налога – *мебалахе* (от груз. *балахи* – трава). В сборе налога участвовали *сахлтухуцеси*, *мдивани* и *супраджи*. Согласно документам XIX в., *сабалахо* был денежным платежом, но в Восточной Грузии и после финансовой реформы 1844–1845 гг. он сохранил форму натуральной оплаты (*Гвахариа*, 1960. С. 53, 85, 86). Из грамоты Ираклия II явствует, что тушины наряду с *сабалахо* облагались и *сапотле* – налогом, взимаемым за пользование лесом (*Джалабадзе*, 1971. С. 79).

В интересах скотоводства и земледелия в нагорье Грузии использовались параллельные зимние и осенне-весенние хозяйственные базы, находившиеся в пределах территории, являвшейся сельской собственностью, но довольно отдаленные от основных поселений, куда на недели или месяцы выгоняли коров, овец, лошадей. Комплексы типа *босели/агвара/окарие* располагались вблизи пахотных и покосных участков, откуда из-за дальности расстояния и бездорожья везти сено и солому-мякину в село было невозможно (*Мачабели*, 1888. С. 377; *Читая*, 1953). *Сабосло* устраивались в солнечных местах, близ лесов и водоемов. Некоторые семьи имели несколько хозяйственных баз в разных местах (*Читая*, 1953. С. 32, 33; *Харадзе*, *Робакидзе*, 1964. С. 36, 1967. С. 14–15). Экономической предпосылкой сегментации семьи являлись *босели/лабави*. Хозяйственные базы такого типа в Имерети обозначались термином *органоба*, а в Мтиулету – *орхелаоба*.

Альпийская зона (покосы, пастбища) – *мта/та/зеда мта/титвели/шиш-вели* – использовалась только в интересах скотоводства. Все остальные хозяйственные базы находились в лесной зоне и в одинаковой мере служили и для скотоводства, и для земледелия: *квеша мта/перда/кишла/джалона/лакада/добера/ткиани/саствало-сагазанхуло бослеби* и пр. (*Макалатия М.*, 1985. С. 115–116).

В горах зимой в качестве корма для скота использовали сено, ячменную солому и ржаные *карти* (очищенные от зерен колосья). В Месхети, кроме сена и мякины, использовались бобовые культуры (горох, люцерна) и дикая гречиха. Осенью скотину кормили тузовыми листьями (*Макалатия М.*, 1972. С. 48–49, 43–44). Весной во время пахоты при недостатке корма быкам давали *глердзи* (козий терновник), беговых лошадей кормили ячменем, овсом. Ягнят зимой кормили сеном и каждый день выгуливали. Овцы сами раскапывали снег и ели засохшую траву. В Восточной Грузии заготовка сена начиналась в июле, после праздника *Атенгена/Атинаги/Этинги* (*Макалатия М.*, 1985.

С. 116–117). Из молочных продуктов готовили: коровий, овечий, козий, буйволиный сыр, сулгуни, сливочное масло, эрбо (топленое масло), творог, наду-ги (сливочно-творожная масса, получаемая из сыворотки), сметану, мацони. В нагорье Грузии для изготовления и хранения молочных продуктов отводилось специальное помещение – *сене/сена* (Хевсурети), *сардзие* (Аджария).

СКОВОДЧЕСКАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Традиционный годичный цикл, связанный со скотоводством, основывался на лунно-солнечном календаре и начинался 10 ноября (т.е. месяца *Гиоргоба*), совпадающего с праздником св. Георгия. После праздника скот переводили на стойловое содержание. Этапы годичного хозяйственного цикла отображают вертикально-зональное движение скота в течение года, сроки земледельческих работ совпадают с этапами скотоводческого цикла. Начало каждого этапа хозяйственного календаря отмечается религиозным праздником *Гиоргоба* – Юрьев день; *Атенгена* – день Афиногена Севастийского. Все исполняемые на празднествах ритуалы служат увеличению плодovitости скота и плодородия почвы, защите посевов и скота от стихийных бедствий и т.д.

Корова в нагорье Восточной Грузии служила эквивалентом стоимости: корова стоила четыре овцы, стоимость быка приравнивалась к двум коровам, лошади – к двум быкам.

В новогоднем ритуале, направленном на приумножение скота, одним из главных компонентов считалось разведение в очаге первым переступившим порог дома гостем – *меквле* – сильного огня из головешки (для хорошего воспламенения часто в огонь подливали масло): по народному поверью, чем больше будет искр, тем выше будет плодovitость скотины (Хеви, Месхети). При этом *меквле* приговаривал: дай семье столько-то быков, столько-то коров, овец. В Западной Грузии в этом перечне назывались и свинья, и птица. В Восточной Грузии и в горных районах Западной Грузии на Новый год пекли ритуальные лепешки (*квереби*) в зависимости от того, в размножении какого вида скота или птицы была заинтересована данная семья (*Макалатия М.*, 1985. С. 155). В нагорье Восточной Грузии до недавнего времени было принято гадать по лопатке барашка или козленка, на которой якобы «проступало предсказание» о судьбе семьи или фамилии, о появлении на свет сына-наследника, нападении врага и т.д.

В отдельных уголках Грузии сохранились народные зрелища-инсценировки борьбы человека и быка – *курули* (Самегрело), *бугебис чидаоба* (Аджария), *висхвебис чидаоба* (Сванети), *харебиса да хар-камечис чидаоба* (*Макалатия М.*, 1972. С. 60). В специальной литературе состязания типа *курули* и *бугебис чидаоба* признаны древнейшей формой корриды. Во время *курули* быка не убивали; укротитель должен был связать его. По мнению некоторых исследователей, обычай *курули* отражает историческую действительность, когда происходит «дрессировка» уже одомашненного животного, его подготовка к функции быка-пахаря, т.е. человек не убивает животное, а подчиняет себе (*Брегадзе Н.*, 1982. С. 218). На приумножение удойного скота и изобилия молочных продуктов были направлены магические ритуальные действия, например, подвешивание качелей в сырную неделю; к катающимся на них юноше и девушке обращались со словами: «Качайтесь, дети, чтобы

коровы наши не остались бесплодны, чтобы они у нас расплодились» (*Макалатия М.*, 1972. С. 39). Иногда в Картли в подол молодым клали большой камень, приговаривая: «Канаули, канцу, деда! Шенц чаме да мец мачаме» (букв.: чтобы и тебе насытиться, и мне).

Таким образом, природно-историческая среда Грузии, которая в пределах одного ущелья может быть представлена всеми зонами – от субтропической или полупустынной до высокогорной альпийской, предопределяет многообразный характер равнинных, предгорных и горных хозяйственных комплексов, в которых животноводство занимает особое место. Поэтому неудивительно, что в Грузии зародились и сформировались все формы и подвиды равнинного и горного скотоводства, трансюманса и кочевничества, характерные не только для Кавказа, но и для большинства других горных регионов мира.

ОВЦЕВОДСТВО¹⁵

Согласно народному аграрному календарю, *доли* – ягнение (окот) овцы в регионах Восточной Грузии приходится на период от февраля и до апреля. Природные условия Западной Грузии не требовали экологической адаптации местных пород овцы. Имеретинская овца ягнилась 2–3 раза в год. Ранние или поздние сроки окота соответствуют возможностям использования горных и равнинных, зимних и летних пастбищ. В зависимости от того, где и какими пастбищами пользуется отара, овцеводы определяют сроки наступления окота. Место соотносят со временем пуска в отару *кочи* – барана-производителя. В теплых местах, в случае использования некошенных, богатых травой зимних пастбищ – *коругеби*, ранний окот более желателен и выгоден, поскольку ранний ягненок до начала выпаса на горном пастбище успеет подрасти и окрепнуть и, следовательно, лучше перенесет дорогу. В тех местах, где весна наступает поздно, ранний окот неудобен, поскольку холод и слякоть часто приводят к гибели овцематки и приплода. С учетом данных обстоятельств овцеводы производят расчет оптимального времени *нербва*, т.е. времени, когда лучше пускать барана в отару для случки. В горных районах ягнение ожидают с 1 марта и даже позже, а на равнине – приблизительно со средних чисел февраля, поэтому, соответственно, период пуска самца-*кочи* в отару колеблется в пределах сентября–октября (*Брегадзе Н.*, 1979. С. 8).

Сроки ягнения искусственно установлены человеком и отличаются от естественных, действовавших на первоначальном этапе овцеводства и подчиненных биоритмам овцы, в соответствии с которыми *кочи* начинает *нербва*, т.е. случку с самкой, примерно с 7–9 июня (по ст. ст.), когда на небе появляются Плеяды – скопление звезд в созвездии Тельца. Осеменная в этот период овца ягнилась осенью, что подтверждается как археологическими, так и языковыми данными. Известная в Западной Грузии с древнейших времен порода имеретинской овцы давала приплод с ноября, тогда как в Восточной Грузии начало случки овец в июне и, следовательно, получение приплода с ноября было невыгодно, поскольку в зимний сезон выкормить молодняк и овцематку очень трудно. К тому же период ягнения овцы продолжается несколько меся-

¹⁵ © Н. Брегадзе

Отара овец

Тушети

© Фото Г. Цоцанидзе, 2005 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

цев, и уход за «разновозрастными ягнятами» также сопряжен с немалыми трудностями.

С появлением на небосклоне Плеяд овцеводы начинали отделять баранов *кочи* от отары, изолировать их от самок. Случный период, в соответствии с условиями природной среды, стал приходиться на более благоприятный сезон; рождение ягнят совпало с периодом пробуждения природы; ко времени их выпаса проблема подножного корма уже не стояла, так как в изобилии имелась сочная зеленая трава, что способствовало сохранению и жизнестойкости приплода. Этот же метод искусственно ограничил продолжительность периода ягнения, что позволило получать «равновозрастный» приплод. К указанным обстоятельствам добавилось развитие овцеводства, его прогрессивной, отгонной-яйлажной формы. Свидетельством тому служит археологический материал, согласно которому в Закавказье эпохи энеолита в развитии животноводства наблюдается количественный рост мелкого рогатого скота и превосходство его поголовья над крупным рогатым скотом, что, по всей вероятности, связано с изменением формы скотоводства, т.е. с переходом к полукочевому хозяйству (Пиотровский, 1949. С. 40, 75); уже в III тыс. до н.э. в Закавказье факт существования этой новой формы животноводства (Кушнарёва, Чубинишвили, 1970. С. 110) позволяет датировать способ искусственного регулирования сроков окота довольно ранней эпохой (Брегадзе Н., 1977. С. 606).

Таким образом, искусственное регулирование продолжительности периода *нербва* – случки овец и, соответственно, увязывание сроков ягнения – *доли* – с наиболее благоприятным сезоном обусловили три инновации исторического значения: 1) переход к самой рациональной и доходной форме использования овцеводства – отгонному яйлажному хозяйству; 2) возможности селекционной работы: пуск в отару отборных, сильных, здоровых *кочи* и, соответственно, сохранение и приумножение генофонда овец – носителей лучших племенных свойств; 3) широкомасштабное производство молочных и иных продуктов овцеводства. Вследствие этого овца стала источником богатства: она снабдила человека мясо-молочными продуктами, шерстью и кожей. Этот факт нашел отражение в народном предании. К лачуге бедня-

ка подошла овца и крикнула обитающей там бедности: «Выходи вон, тут я должна поселиться!» Испугавшаяся бедность взмолилась: «Хотя бы угол мне оставь». «Нет, – отвечала овца, – для тебя места не остается. В один угол встану я, в другой – мои ягнята, третий угол нужен мне для хранения сыра, а четвертый – для хранения шерсти». Что же оставалось бедности? Поджавши хвост, она ушла восвояси, и с того дня в доме бедняка поселился достаток.

Указанное народное зоотехническое мероприятие по искусственному регулированию сроков ягнения является в то же время лучшим примером деятельности человека в направлении экологической адаптации животного к естественным условиям. Эффективность, практическую ценность и значение этого мероприятия подтвердил реальный быт, что, наряду с вышеприведенной притчей, выразилось в грузинской пословице: «Овца – в дом, бедность – из дома».

КАВКАЗСКАЯ ОВЧАРКА И ЕЕ РОЛЬ В ОВЦЕВОДСТВЕ¹⁶

Грузия является одним из очагов, где происходило одомашнивание собаки. Явные признаки одомашнивания собаки на территории Грузии отмечены в Сагварджиле, где в неолитических слоях найдены кости животного, которые принадлежат переходному виду между собакой и шакалом (Археология Грузии, 1959. С. 63). Человек издревле использовал собаку в охоте и охране скота. В III тыс. до н.э., когда скотоводство в Закавказье было уже широко развито, отары овец охраняли собаки, о чем говорят найденные здесь костные остатки и глиняные статуэтки (*Кушнарева, Чубинишвили*, 1970. С. 130), а также изображенные на бронзовой лодке собака, пастух и отара (Очерки истории Грузии, 1970. С. 288). Нередко вместе с покойниками хоронили и принесенных в жертву собак.

На длительность отношений человека и собаки указывает высокоразвитый культ собаки у грузинских племен (*Бардавелидзе*, 1957. С. 47–53), а также богатая терминология, связанная с собакой (*Орбелиани*, 1966). В сванском фольклоре встречается «черная собака потустороннего мира» (*саикиос шави дзагли*), которая лает, извергая пену и огонь и ночью светится, чтобы увидеть и загрызть спустившегося в подземное царство *Мзечабуки* (Солнечного юношу). Своими признаками *саикиос шави дзагли* напоминает собаку Гадеса (Аида) Цербера (*Геловани*, 1983. С. 573). По мнению В. Бардавелидзе, изображенные на колхско-кобанских памятниках собаки относятся к кругу культово-мифических собак *мцеварни* (гончих собак) (*Бардавелидзе*, 1963. С. 156). Крылатая собака представлена в декоре храмов Атени и Никорцминда (*Вадбольский*, 1980. С. 20).

По экстерьеру фиксируются: *гошиа*, *гошпара*, *гошкала*, *пиниа* (малорослая собака, собачка, моська, мелкие разновидности домашних собак); *курша* (со стоячими ушами); *бакура*, *батура*, *ботвера* (крупного телосложения); *пацура* (проворная); *бомбора*, *банджгвлиани* (косматая, длинношерстная); *коса* (короткошерстная); *брола*, *бролиа*, *толиа* (белого окраса); *мура* (черной масти, бурая собака). Часто собакам давали клички именно по этим внешним признакам.

¹⁶ © Н. Азикури

Кинологи различают собак: служебных (пастушьи, сторожевые и ездовые), охотничьих и декоративных (*Мазовер*, 1952. С. 64). Кавказская овчарка – это пастушья собака, которая широко используется для охраны стад, в основном овечьих отар. Предком овчарки кинологи считают волка (*Заянчиковский*, 1977. С. 8–9), на что указывают грузинские материалы. Выделяют три типа кавказской овчарки: грузинский, армянский и азербайджанский. Грузинский вид наиболее крупный, массивного телосложения, одноцветных окрасов (белые, бурые, палевые); в армянском типе большей частью встречаются пятнистая и черно-белая масть; в азербайджанском преобладает короткошерстный тип. Кавказская овчарка отличается особой преданностью хозяину, прекрасно охраняет отары, способна вступить в единоборство с волком и неприхотлива. Это крупная собака, у нее массивный широкий череп и сильные челюсти; хвост высоко посажен, слегка загнут вверх. По данной народом характеристике, пастушья собака бывает двух основных типов: короткошерстная (*коса*) и длинношерстная (*банджгвлиани*). Считается, что зубы крепче у короткошерстной, но длинношерстная сильнее, поскольку она более крупная. Собак используют для охраны стад, а также в качестве караульных (*джерджи*). Кобель (*хвади*), сука (*дзу*, *дзури*) и щенок (*лекви*) – наиболее широко распространенные термины, связанные с собакой. Щенячий возраст продолжается до двух лет. Эпитет собаки – *мкепари* (лающая) – широко представлен в пастушьем фольклоре. Иногда пастушью собаку называют *копаки* (дворовая).

Для кавказской овчарки свойственна привязанность к отаре, настороженность к посторонним; она не покидает стадо, ищет и охраняет рассеянных по лесам и оврагам овец. Ее бесстрашие и злобность, а также приспособленность к сложным условиям среды, к кочевой жизни ставят кавказскую овчарку на одно из первых мест среди собак этого типа (*Келлер*, 1914; *Жоржюлиани*, 1957. С. 9, 29). Собака – надежный помощник пастуха, она проделывает почти половину общей работы: охраняет отару от хищников, ищет и собирает отбившихся животных и в отсутствии на пастбище хозяина может самостоятельно выпасать овец. Владельцы отар нанимали пастухов в соответствии с численностью овец, количество собак определялось по этому же признаку. На 200 овец в среднем брали одного пастуха, а на отару из 500–600 голов – одну собаку; к тому же на пастбище у владельца имелись одна или две собаки, при *месацвеле* (работник, который доил овец) – две, у *мебецве* (стригаль) – одна и столько же в *миралис пара* (отаре не доящихся овец). На стоянке обычно оставались одна или две собаки. Хорошая собака утром спала, ночью же бдительно стерегла овец, чтобы отара не рассеялась. Особенно трудно приходилось собаке при перегоне отары, в дождливую погоду, когда хищники были более активны. По свидетельству очевидцев, собака, была способна «стащить с лошади всадника», который угрожал стаду (*Гакстгаузен*, 1857. С. 140).

Пастухи разводили собак сами или обменивались щенками. Бывало, что понравившуюся собаку покупали. В 1920–1930-е годы хорошая собака стоила одного холощеного барана. Часто собаку оценивали в 10 баранов, или даже меняли на лошадь. Про хорошую собаку говорили, что она «стоит оседланной лошади», «собака ценою в целую отару». Все же собак продавали и покупали неохотно, поскольку пастухи считали это предосудительным делом. Это

объясняется необыкновенной преданностью собаки хозяину – оказавшись у нового владельца, в большинстве случаев собака умирает, не перенося разлуки с прежним хозяином.

В регионах Восточной Грузии, где занимались овцеводством (Гушети, Пшави, Хеви, Мтиулет-Гудамакари, Кизики, Кахети, Эрцо-Тианети), собаке по сей день придается большое значение как подсобной силе пастуха и преданному стражу овец; до сегодняшнего дня в каждой стоянке имеют *цхврис* или *мецхварис дзагли* (овчарку или пастушью собаку). Пастухи придают большое значение отбору щенков и чистоте породы собаки, хотя и говорят, что хорошая собака зависит «от удачи» (*гамосвлазеа*). Щенков отбирают по происхождению (отцу и матери), преимущество отдается щенкам, выделяющимся по экстерьеру и характеру.

Сука щенится два раза в году – весной и осенью. Вырастить родившегося весной щенка легче, поскольку в это время на стоянке много молока и сыворотки. Зимой для щенков специально готовят мучную кашу. Сука рождает от двух до шести щенков. Если рождается один щенок, что случается редко, его берегут, поскольку считают, что из него непременно получится хорошая, храбрая собака. Когда одновременно рождается несколько, отбирают родившегося первым – более жизнеспособного. Когда сука, оценившись, поочередно отгаскивает щенков в укрытие, она первым берет лучшего из них, а затем – менее пригодных. Как говорят пастухи, необходимо иметь на стоянке и кобелей и сук; суки ночью бодрствуют, так как боятся, а кобели не бдят, поскольку они «недотепы».

На девятый день, когда у щенка откроются глаза, у него купируют уши (их закручивают и отрывают вручную). «Чем короче уши у щенка, тем острее у него будет слух». К тому же пастухи считают, что собака с некупированными ушами хуже слышит, а в драке с волком или другой собакой противник может схватить ее за уши. Щенков отбирают по окрасу и по следующим данным: голова и морда должны быть массивными, лоб широким, плоским, уши висячими, небольшими, треугольной формы. Два месяца щенка кормит мать, после этого ему дают овечье молоко и сыворотку: трижды в день непосредственно после отъема, а затем дважды.

Пастухи придают большое значение обучению (натаске) щенков (*гагешва*). Дрессировка довольно сложный и продолжительный процесс и начинается с щенячьего возраста. Среди пастухов распространено изречение «воспитанные дома – не годны ни ребенок, ни щенок», поэтому воспитывают на пастушьей стоянке. Целью натаски является выработка нужных навыков с использованием врожденных рефлексов. Главное условие обучения – чтобы щенка дрессировал один человек. Специалисты считают, что щенки кавказской овчарки без всякой дрессировки приобретают необходимые навыки путем перенимания их от старых собак.

Пастухи приучают щенка не впускать в жилище посторонних. Обычно щенки часто грызутся меж собой; чтобы это не вошло у них в привычку, их разнимают пастушьим посохом; вследствие этого собаки одной стоянки не дерутся между собой.

Отару, находящуюся на *тео* (место вокруг овчарни, охраняемое собаками), волки обычно окружают с двух сторон. Поэтому опытные пастухи натаскивают собак таким образом, чтобы те обходили отару с обеих сторон, по

периметру. Пастухи рассказывают о собаке, задушившей 10 волков. Пастухи надевали на шею собаки ошейник с металлическими зубцами (щипами), чтобы их не смогли одолеть собаки из других стоянок или волки. Собака лаем сообщает хозяину об опасности (овца отбилась от отары, хищник подбирается к стаду, появились воры), а постороннего человека и дикое животное к стоянке не подпустит. Отбившуюся от отары овцу овчарка гонит обратно; чужа неладное, хватает хозяина за одежду и лаем дает знать об опасности. Когда при необходимости на пастбище или упавшую в пропасть овцу приходится заколоть, пастух оставляет собаку стеречь тушу; собака не тронется с места и не прикоснется к мясу. Известен случай, когда собака охраняла целую отару несколько дней и отбила налет стервятников; когда пастухи наконец появились, увидели, что она погибла от усталости и голода. Пастухи знают: если собака залаяла и вышла за пределы *тео*, то она погналась за хищником; если лает на площадке *тео*, это означает, что появились воры. Воры обычно пытаются выманить собак и подкрасться к отаре с другой стороны. Этот прием хорошо известен пастухам, и они натаскивают собак таким образом, чтобы те не трогались с места и продолжали лаять при появлении человека (*Букураули*, 1897. С. 20).

Собак кормят один или два раза, утром и вечером, чаще баландой из кукурузной или ячменной муки, или дают им *хрили* – отходы муки, обданные кипятком или заправленные сывороткой; посудой служит деревянное корыто. На каждую собаку расходуется пуд муки в месяц; собакам доставались также голова, ноги и внутренности забитой овцы.

Летом собака «спит» вместе с отарой, а зимой ей устраивают лежбище на кровле овчарни: пастухи выкапывают ямку, стелют на нее траву, а затем покрывают обрывком бурки. Из овчарни идет тепло, к тому же защищено отверстие, оставленное на кровле для вентиляции и освещения, откуда волк может пролезть внутрь. Собака передвигается вместе с отарой, но оценившись, может отстать от отары. Зимой она находит приют у кого-нибудь или кормится охотой, а весной опять возвращается на свою стоянку.

Пастушья собака очень чувствительное животное и обычно сильно привязана к хозяину, к постороннему привыкает с большим трудом. Пастухи также очень любят своих собак. Из-за собак нередко возникали ссоры, иногда смертельные (*Букураули*, 1897. С. 20).

Пастушьи собаки любят детей и дружат с ними. Они чутки и к женщинам, никогда не проявляют к ним агрессии. Пастушья собака отличается и тем, что она не будет сражаться со слабым соперником. Иногда на попечение овчарки даже оставляли младенца, или поручали ей охрану ребенка, взятого на сенокос или жатву. Известны случаи, когда рядом с люлькой находили задушенное собакой пресмыкающееся, или обнаруживали, что дитя вместе со щенками сосет суку. Собаки отличаются чувствительностью и к чужим щенкам. Был случай, что во время перегона собака нашла выброшенного щенка и таскала в зубах. По народным представлениям, собака способна предугадать надвигающуюся опасность – смерть хозяина, пожар, непогоду, землетрясение, оползень и т.п. В старину по поведению собаки определяли погоду, предугадывали другие явления: например, при ожидаемом наводнении или оползне собака ведет себя беспокойно и пытается увести хозяина из опасного места (*Глушаков*, 1903. С. 1; *Степанов*, 1903. С. 129, 144, 146). Особо отлич-

чившихся умных собак раньше обязательно хоронили, иных же выбрасывали. Взбесившихся собак убивали.

Раньше в Грузии везде держали овчарок для охраны хозяйства, дома, имущества. Сегодня этих собак можно встретить только в горных селах и отдаленных усадьбах. Ныне в городах широко распространены малорослые декоративные собаки, прежде для Грузии не характерные. В условиях сельского быта предпочтением все-таки пользуется пастушья собака для охраны и ухода за животными, а в полевых условиях – кавказская овчарка. В настоящее время грузинский тип кавказской овчарки стал меньше, встречаются помеси с армянским и азербайджанским типами. Чисто грузинские типы, близкие к тем, которые описаны кинологами, редко, но все-таки встречаются. Грузинский тип кавказской овчарки распространен и на сопредельных с Грузией территориях: в северных районах Турции собаки очень похожи на грузинский тип кавказской овчарки. Это объясняется тем, что эта часть Турции представляет собой древние провинции Грузии; к тому же до 1920–1930-х годов грузинские пастухи со своими отарами часто перемещались по пастбищам Шавшети-Эрушети и Ардагана-Артвина, что способствовало распространению собак. Вообще в овцеводстве Турции (уход за овцой, инвентарь, одежда и снаряжение пастухов, дрессировка собак) проявляется большое сходство с грузинскими традициями (*Журылев*, 1967. С. 62).

Анализ литературных и этнографических источников показывает, что в результате продолжительных усилий человека и дрессировки сформировался грузинский тип кавказской овчарки, обладающей множеством полезных качеств. И сегодня овчарки с успехом используются в пастушьем хозяйстве; своими уникальными свойствами она полностью отвечает условиям пастушьяй жизни. Сохранение грузинского типа кавказской овчарки важно и с точки зрения ее как элемента культуры, и для разумного ее использования в современном быту.

КОНЕВОДСТВО¹⁷

Как ареал распространения дикой лошади Грузия считается одним из независимых очагов ее одомашнивания (*Цалкин*, 1970. С. 40). Здесь палеонтологами найдены кости дикой лошади антропогенного (четвертичного) периода (Ргани, Сакажиа, Сагварджиле, Бедени, Ахалкалаки, Дманиси и т.д.) (*Габуня*, *Векуа*, 1989); в Квемо Картли зафиксированы петроглифы (*Габуня М.*, 1980) и др. На Цалкском плоскогорье дикая лошадь была предметом охоты (*Куфтин*, 1941).

В позднебронзовую эпоху (вторая половина II тыс. до н.э.) домашняя лошадь играет большую роль в быту и военном деле. В захоронениях этого времени появляются металлические удила, статуэтки лошадей (*Пицхелаури*, 1979. С. 47), изображенный на бронзовой пряжке всадник – Трельский могильник (*Абрамишвили*, 1978. С. 75), модель культовой бронзовой колесницы (I тыс. до н.э.) (*Лордкипанидзе Г.*, 1984. С. 180). В I тыс. до н.э. лошадь играла большую роль в быту племен, обитающих в бассейнах рек Иори и Алазани (*Пицхелаури*, 1973. С. 20). Бронзовые статуэтки всадников найдены

¹⁷ © М. Хазарадзе

в Рача-Лечхуми (II–I тыс. до н.э.) (*Амиранашвили*, 1961. С. 59); в «Ахалгорском кладе» (с. Садзегури) и могильниках в с. Вани – изображения впряженных попарно коней, уникальные образцы златокузнечества; в могильнике Клдети античной эпохи – захороненная вместе с воином лошадь и украшенная драгоценными камнями и золотыми пряжками уздечка (*Гобеджшвили*, 1952. С. 141); в Сванети на рубеже поздней бронзы – раннего железа бронзовые фигурки лошади (*Чартолани*, 1996. С. 144); в Триалети – бронзовые удила (конец II тыс. до н.э.) и др. Археологические материалы свидетельствуют о бытовании обычая захоронения лошади вместе с покойником. Останки лошади найдены также в жилищах времен куро-араксской культуры III тыс. до н.э. (*Кушнарева, Чубинишвили*, 1970. С. 110). Согласно лингвистическим данным, термин *цхени* (лошадь) относится ко времени грузино-занского единства (первая половина II тыс. до н.э.), а *дзуа* (конский волос) и *папари* (грива) – ко времени существования общекартвельского языка (*Климов*, 1964; *Фенрих, Сарджвеладзе*, 1990) IV–III тыс. до н.э. (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984. С. 880).

Сходство с общеиндоевропейским названием лошади *екус* обнаруживают ближневосточные названия лошади, в том числе грузинское *ачу* (слово-междометие для понукания) и *ачуа* – название лошади из детской лексики. Термины *ачу* и *ачуа* – это след передвижения по Кавказу народов – носителей древнего индоевропейского диалекта (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984. С. 560).

Одомашнивание лошади в Закавказье связано с отгонным скотоводством, поскольку наличие верховых лошадей было одним из его условий развития (*Пиотровский*, 1955. С. 8). Древнейшие письменные источники свидетельствуют о разведении картвельскими племенами породистых лошадей: тубалы платили дань ассирийцам лошадьми лучших пород; диаухи разводили лошадей для персидских царей; халды из Кулхи перегнали 4420 лошадей (*Джавахишвили И.*, 1979. С. 68, 69).

В трактате о хеттском коневодстве (XIV в. до н.э.) указывается на высокий уровень развития этой отрасли у племен, которые считаются ближайшими предками грузин (*Робакидзе*, 1952. С. 242; *Гегешидзе*, 1968. С. 13). По сведениям Прокопия Кесарийского гордостью крепости Апсарос (окрестности современного Гонио около Батуми) были театр и ипподром. Во время пребывания в Риме царя иберов Фарсмана II (II в.) император Адриан, восхищенный искусством верховой езды царя и его придворных, велел поставить конную статую Фарсмана на Марсовом поле.

Грузия XI–XII вв. славилась лошадьми превосходных пород, которые были предметом экспорта (Очерки истории Грузии, 1970. С. 328). По свидетельству персидских источников (XIV–XV вв.), кочевники пригоняли из Грузии большие табуны лошадей (*рема*). На Востоке под именем *гурджи* был известен кахетинский скакун *бедаури/аргамак*, который ценился наравне с арабскими лошадьми (XVI–XVII вв.) (*Габашвили В.*, 1958. С. 75). В XVI в. царь Грузии послал в дар царю Индии 100 объезженных породистых жеребцов. Кахетинские цари посылали в дар русскому царю грузинских скакунов (XV–XVII вв.) (*Гвретишвили*, 1965. С. 25), а послам России во время их путешествия по Кахети и Имерети поручено было купить для своего государя лошадей местных пород, особенно знаменитого *аргамака* (*Полиевктов М.*, 1928. С. 6, 54, 111). По сведениям путешественников XVII–XIX вв., коневодство было развито в

Самегрело и Имерети, а мегрелы считались отличными воинами и наездниками; иногда за лечение они платили миссионерам лошаадьми. Путешественники и миссионеры в своих записях часто упоминают термины *рема* (табун) и *джоги* (стадо) (Шарден, 1980. С. 20). «Здесь низкорослые кони считаются самыми лучшими лошаадьми», так как «только они способны взбираться по отвесным и узким тропинкам» (Гамба, 1987. С. 199, 225); в Самегрело «Владетельный князь выводит на войну 30 000 всадников. На свадьбе дарят коней; в выделяемое невесте приданое включают лошадь» (Ламберти, 1970. С. 30). По сведениям Х. Кастелли, в Самегрело представители знати имели по 500 лошадей каждый, а удельный князь – 5000; на ярмарке за одного коня давали трех быков (Кастелли, 1977. С. 53). Джудиче Миланский обратил внимание на богатые пастбища Самегрело, в течение всего года обеспечивающие подножным кормом табуны лошадей; владетельный князь Даддани имел более 4000 лошадей (Миланский, 1964. С. 85–89).

Цари и знать уделяли большое внимание разведению лошадей. В военное время лошади приобретали особое значение. При царском дворе существовало немало должностей, связанных с коневодческим хозяйством: *мереметухуцеси* (главный табунщик), *меджинибетухуцеси* (старший конюх), *меджинибе* (конюх), *мереме* (табунщик), *меулаке* (объездчик). *Мереметухуцеси* считался одним из ближайших помощников *амирспасалари* (главнокомандующий войсками, руководил особым учреждением по уходу за табунами – *саремо*) (Джавахишвили И., 1982. С. 393). Позднее должность *меджинибетухуцеси* стали называть *амилахори*; ему подчинялись *джинибни* (коневоды), *шикрикни* (гонцы), *хунени* (кони), *джогни* (стада), *ремани* (табуны), все царское коневодческое хозяйство. Должность *амилахори* стала наследственной (Картлис цховреба, 1973. С. 21). «Состязания, тренировки и специальные упражнения представляли собой своего рода военную школу, где воин учился ношению оружия, верховой езде; охота, уход за конем и умение ездить развивали те же качества, необходимые в военном походе» (Джанашия С., 1959. С. 495–497). Быть хорошим наездником считалось почетным.

До наших дней дошли сведения о местонахождении царских табунов и конюшен: «В Бетания и Дидгори были устроены стойла для царских лошадей, на горе Гареджи – в *саджогис чала* – находился царский табун, Дидубийское поле называлось *цхенис терпи* (конское копыто)» (Картлис цховреба, 1973. С. 20). Немало топонимов и гидронимов, связанных с лошадьью и коневодством: *Цхенисцкали* (лошадиная вода, река), *Сацхенис мта* (лошадиная гора) и т.д. В с. *Сацхениси* (лошадиное) Гардабанского района, в старину паслись царские табуны, там были устроены конюшни (Арджеванидзе, 1958. С. 68). «В старой Грузии добротные устроенные конюшни, кроме содержания и ухода за лошадьями, совмещали и функции по их разведению. Подобные конюшни находились как в пределах города, так и за его пределами (Джавахишвили И., 1946а. С. 90).

В Кахети была известна мера длины *цхенис гакцева* (пробежка коня) (Аргутинский, 1886. С. 310), а в Гурии – *цхенис гаченеба* (галоп коня) (Шилакадзе, 1941. С. 11), т.е. примерно 35–40 км. В старину в Грузии в качестве единиц мер длины использовался также «конская грива». Один из сортов грузинского винограда из-за продолговатой формы ягод назван *цхенис-дзудзу* («сосок лошади»).

Конь у башни Кесало

Тушети, с. Омало

Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Кони на пастбище

Тушети

Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

По мнению И. Джавахишвили *цхенис-дзудзу* – древнейший грузинский сорт винограда (Джавахишвили И., 1986. С. 554).

Известно множество терминов, характеризующих лошадь по различным признакам: по бегу – *тохарики/иорга* (иноходец), по породистости, экстерьеру – *мерани, таичи, бедаури, раши* (скакуны); *джаглаги, джандаги* (клячи); по масти – *амлаки* (пегая), *курани* (гнедая); по норову – *бургго, гуларго* (капризная, упрямая).

В словаре С.-С. Орбелиани имеются такие названия в зависимости от пола и возраста: конь – *ахтали*, кобыла – *хрдали, чаки*, жеребенок – *квици, квици*, производитель – *аджилга* и т.д. (Орбелиани, 1965). Термин *хуне/оне/уне* – лошадь – сохранился только в Пшави, он обозначает породистую, хорошо обездженную лошадь. Жеребец имеет несколько названий: *аджилга, улаки, вака/ура*. Термин *аджилга* употребляют для обозначения производителя. Известны также несколько названий кобыл – *чаки, пашати, хрдали*, жеребенка называют *квици, квиринаи, квиро, курана*. Причем *курана, кур* связывают с шумерским названием лошади *кур* (Джавахишвили И., 1950. С. 123). В Месхети, Мтиулети и Джвахети верховую лошадь называют *сахедари*. Для обозначения табуна лошадей используются термины *джоги* (в Восточной Грузии) и *рема*. Термином *джоги* в Западной Грузии называют стада крупного и мелкого *рогатого скота*. В Джвахети *рема* – это табун необездженных лошадей.

В Грузии наиболее широкое распространение получили лошади местных пород – тушинской и мегрельской (*Чхеидзе, Кобалава*, 1950. С. 17). В Восточной Грузии были известны лошади кахетинской, тушинской, пшавской, кизикской пород, а в Западной Грузии – мегрельской, имеретинской. Их называют также горными лошадьми (*Свечин и др.* 1984. С. 157).

Коневодство в Грузии было одной из развитых отраслей хозяйства. Так, табуны лошадей имелись в Квемо и Шида Картли, Триалети, Джвахети, Гаре Кахети, Имерети, Самегрело и Гурии (Картлис цховреба, 1973. С. 307–381). Лошадь имелась почти в каждой семье. Табунами лошадей владели богатые овцеводы в Пшави, Тушети, Кахети, Кизики, где наличие обширных пастбищ способствовало развитию этой отрасли. В Западной Грузии табуны лошадей встречались в Квемо Рача, Самегрело и Гурии (*Ламберти*, 1938. С. 30; *Кастелли*, 1977. С. 53; *Бакрадзе*, 1978. С. 273). В Самегрело только состоятельные помещики имели табуны; в Гурии владетельные князья братья Гуриели владели табуном сообща (*Бакрадзе Д.*, 1978. С. 273). В Тушети и Самегрело коневодство стало самостоятельной отраслью. Коневодство являлось передовой отраслью и в XVIII в.

В Пшави существовал обычай *цхенис дабма* (содержать лошадь на «привязи»): если кто-то имел лишнюю кобылу и не был в состоянии ее содержать, но и продавать не желал, он отдавал лошадь другому человеку на четыре года для получения *нашени* (приплода), который они делили поровну (*санашензиароба*). Согласно своду законов «Дастурламали», крестьяне были обязаны ухаживать за лошадью управляющего *моурави* с Атени. Эта повинность называлась *цхенис бма* (Памятники грузинского права, 1970. С. 603). Крестьяне также обязаны были одалживать коня феодалу по его требованию, что называлось *цхенис тховеба*.

Самым ответственным этапом ухода за лошадью является *гахедна* – объездка, во время которой всадник должен проявить силу, выносливость, храбрость и быструю реакцию. Обычно объезжают 3–4-летнего жеребца. В разных уголках Грузии применяли различные способы объездки, хотя повсюду пользуются следующим приемом: на спину жеребца кладут набитую камнями перекидную сумку и заводят его на мокрую свежевспаханную пашню. Обычно жеребцов объезжали 15–20-летние юноши.

В Грузии лошадь в основном использовали для верховой езды (*саждомад*) и для перевозки грузов. Снаряжением верховой лошади являются: *унагири* (седло), *узангеби* (стремена), *лагами* (удила), *агвири* (уздечка и конский убор), *мосартавеби* (подпруги), *текалто* (потник), *авшара* (недоуздок), *самкердули* (нагрудник) и др. Главная часть снаряжения – седло – *унагири*, *анангери* (мегр.), *хунгир* (сван.) – состоит из деревянного остова (двух параллельных седельных полок) и кожаной подушки *балиши*. Для подушки использовали как выделанную на месте, так и привозную шагреневую кожу (*Абесадзе Н.*, 1986. С. 20). Показателем качества подушки было число складок (6, 9, 12 и 15). Чтобы подушка не треснула, один из ее углов оставляли открытым для свободного выхода воздуха (*Нанобашивили*, 1973. С. 166). Лошадей подковывали грузинскими (плоские) и русскими (с зубцами) подковами. Занимались этим *налбанди* – кузнецы. Производством седел в городах и селах занимались шорники – *сараджи* (в Восточной Грузии) и седельщик – *меунагире* (в Западной Грузии). Среди улиц Тбилиси упоминается и *Сараджхана* – улица шорников (*Месхиа*, 1958. С. 363). Центрами шорного производства были Телави, Сигнахи, Цаленджиха, Зугдиди, Ахалцихе, Ахалкалаки, Лаилаши (Лечхуми), Цагери, Кутаиси и Хони. В Зугдиди на воскресной ярмарке продавали до 100 седел. Серебряные части конского убора изготавливали дагестанские мастера (*Нанобашивили*, 1973. С. 170).

Культ лошади и связанные с ней верования были известны в Грузии с древнейших времен, о чем свидетельствуют археологические материалы (*Амиранашвили*, 1944. С. 75; *Сонгулашвили Дж.*, 1964. С. 229). Известно, что лошадь связана с культом солнца. По народным представлениям в колеснице солнца были впряжены белые кони. Сыну солнца, царю Колхиды Айету солнце подарило быстрых как ветер скакунов (*Брегадзе Н.*, 1969а. С. 248). Грузины считали, что среди животных самым «огненным» является лошадь (*цхени*); корень (-*цх*) этого слова был общим для слов *сицоцхле* (жизнь) и *цецхли* (огонь) (*Нозадзе В.*, 1957. С. 101, 106).

Посвящение и принесение в жертву коня святилищу засвидетельствовано в горной части Восточной Грузии (Хевсурети, Тушети). В старину в Хевсурети на празднике Сачальского св. Георгия приносили в жертву (*саклав кура-тад*) «круглокопытных» (*чликмргвални*), т.е. только что родившихся жеребят (Грузинская народная поэзия, 1972. С. 273). В Хевсурети владелец новорожденного жеребенка, чтобы предохранить его от бед, давал обет святилищу отдать его в табун (*саремаот*). Покровителем скотины, в том числе и лошадей, являлся Хахматис джвари. В Хевсурети, если лошадь заболела или терялась, хозяин «поручал» ее покровительству джвари, молился Хахматис джвари, просил божество о выздоровлении коня, обещал «прийти с дарами и свечой», приносил святилищу кровавую жертву (*мисамбарео-саклави*).

С культом лошади связан народный праздник *Тедороба/Тевдороба*. Часть связанных с празднеством обычаев посвящена лошади: возносят молитву, пекутся ритуальные хлебцы с изображением лошади, которые глава семьи и все ее члены, изображая повадки лошади (ржание, брыкание), достают зубами из лотка и едят (*Бардавелидзе*, 1953. С. 121). Известно, что лошадь в мифологии и фольклоре многих народов мира, в том числе и грузин, связана с культами солнца и мертвых; она солнечное и хтоническое существо (*Брегадзе Н.*, 2001. С. 135), поэтому в ритуалах погребения и траура лошадь является центральной фигурой: посвящаемый умершему конь (*сулис цхени*), скачки (*доги*), изображение лошади на надгробных камнях (*Надирадзе Э.*, 1996. С. 54–58). Известно, что в древней Грузии существовал обычай хоронить лошадь вместе с хозяином, о чем свидетельствует археологический материал. По этнографическим материалам во время траура оседланного коня покойного «облачали в траур». Лошадь символически воспринималась как «проводник души усопшего»; ее оплакивали, как покойного. Коня покрывали также красной попоной, поскольку красный цвет – символ воскресения, огня, солнца (*Амиранашвили*, 1944. С. 115–116).

До последнего времени в быту сохранялся обряд посвящения покойнику коня – *сулис цхени* (конь души), на роль которого выбирали лучшего жеребца. В Хевсурети его стоимость достигала 5–6 коров. Часто в Хевсурети все хорошие лошади оказывались посвящены умершим (*Очиаури А.*, 1940. С. 71–78). Обряд посвящения коня в Хевсурети исполняли в день похорон или в годовщину смерти. *Сулис цхени* к этому церемониалу готовили заранее (мыли, кормили, женщины заплетали гриву, украшали бусами и пуговицами, седлали, на имя покойного через седло перекидывали его одежду, оружие, кнут, перекидную сумку с хлебом и водкой, на переднюю луку седла прикрепляли зажженную свечу. В день похорон *сулис цхени*, привязанный к руке усопшего, стоял у его изголовья, а повод держали его жена, мать или сестра. *Сулис хуцеси* (священник души) освящал коня; держа наполненный рог, он произносил: «Конь сей для твоего потребления; ездь на нем, скачи, да не будь ты без лошади». Затем выливал на коня напиток из рога и трижды несильно бил его кнутом, символически принося его в жертву. Священник трижды справа налево обводил коня вокруг покойного. Жертвенного коня на кладбище не водили. Его хорошо содержали, использовали только для верховой езды, не продавали, после годовщины смерти дарили кому-нибудь (*Гиоргадзе*, 1987. С. 11–14; 1972. С. 288–290). Обычай принесения коня в жертву умершему известен и в других уголках Грузии. В Сванети в день похорон празднично оседланный конь стоял рядом с покойником. Во время выноса тела на коня садился юноша и перед траурной процессией пускал его вскачь, чтобы «догнать хозяина», и скакал пока лошадь не падет (*Бардавелидзе*, 1953. С. 67). В Самегрело в могилу покойника клали конский волос. В день похорон лошадь покойника трижды обводили вокруг хозяина (*Гиоргадзе*, 1972. С. 290). Большое значение придавалось также поминальным скачкам – *доги*. В горной части Восточной Грузии скачки именуются терминами *цхенни* (Хевсурети), *садгини* (Тушети), а в Самегрело – *марула*, что означает «испытание двух лучших». Цена участвующих в скачках лошадей составляла от 2 до 12 коров. Всадники заранее тренировались, поскольку горная местность и бездорожье требовали особой выносливости. Всадник сидел на неоседланной лошади

(убело), с одним только ремнем вокруг туловища, который использовался всадником на бездорожье (Гиоргадзе, 1987. С. 56). «Конь души» был оседлан и возглавлял процессию участников скачки. Победителя скачки награждали скотиной, ковром, медной посудой и пр. Эти соревнования символически демонстрировали путешествие души усопшего из этого в потусторонний мир (Абакелия, 2004. С. 163). На лошадь возлагались две функции: она сопровождала туда душу своего хозяина, и там, в ином мире, должна была служить ему (Абакелия, 2004. С. 11).

ПТИЦЕВОДСТВО¹⁸

В Грузии имеются подходящие условия для развития птицеводства: умеренный климат, обилие солнечных дней, многообразие растений и их продолжительная вегетация (Антадзе, 1968. С. 3, 4, 40). Здесь издавна разводили кур, гусей, уток, индеек, цесарок, голубей. За исключением цесарок, все они упоминаются в «Описании царства Грузинского» как домашняя птица (Багратиони Вахушти, 1941. С. 30).

Самыми распространенными из домашних птиц являются куры. Сведения о куроводстве и связанных с ним налогах отразились и в исторических документах. Например, согласно реестру о сборе оброка в пользу Кутаисской церкви (1578 г.), каждый крестьянский дым прихода обязан был платить церкви оброк в виде определенного количества кур и яиц. С крестьян-прихожан церковью Светицховели, Алаверди и Манглиси в качестве оброка взимались только яйца (Нозадзе, 1993. С. 3, 4). Уже в первой половине XVIII в. в сочинении Теймураза II разведение кур упоминается как самостоятельная отрасль птицеводства (Гугушвили П., 1948. С. 234). В Западной Грузии эта отрасль приобрела большую популярность, чем в Восточной. Курица была одним из значительных источников обеспечения населения мясопродуктами, что способствовало приоритетности выведения мясных и комбинированных пород кур. Основной целью разведения кур в Восточной Грузии являлась яйценоскость, что обусловило формирование восточногрузинского экотипа курицы, отличающегося от западногрузинского (Антадзе, 1973. С. 36, 37).

До крестьянской реформы крестьяне занимались птицеводством для удовлетворения собственных потребностей, хотя из своего хозяйства крепостной крестьянин платил помещику *сабазизро* (сокольничий оброк) и *сахацицо* (новогоднюю и пасхальную дань).

Разводили в основном кур местных пород: *шави*, *чалиспери*, *цители*, с белыми полосами на сером фоне – *жруна* (эту породу иначе называли мегрельской), *чрога/чрели*, *тетри*, *нацара*, *цаблиспери* (названия даны по окраске оперения). Вахушти Багратиони упоминает и дикую лесную курицу, от которой произошла домашняя порода *жруна*, что говорит о развитии куроводства на базе местных ресурсов. Как отмечают палеонтологи, обнаружение в Грузии следов дикой курицы (*Gallus sp.*) эпохи плейстоцена дает основание считать ее предком кавказской домашней курицы (Бурчак-Абрамович, Бендукидзе, 1971).

¹⁸ © Н. Брегадзе

Птенец курицы называется *цицила* или *чучули*; подросший, отделившийся от наседки цыпленок от двух до пяти–шести месяцев – *чрихви*, *дуиа*, *мочоти*; чуть постарше, курочка-молодка – *вариа* (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. С. 232–240). В качестве племенного самца оставляли петушка, выделяющегося из всего молодняка своей породистостью, красотой и боевитостью, из расчета – один петух на восемь особей женского пола. Куры восточногрузинской породы растут быстрее, поэтому к 5–6 месяцам они уже начинают класть яйца (*Антадзе*, 1973. С. 38; Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 233). После этого курицу (*вариа*) называют *катами*, а с года – *дедали*. Дедали живет до пяти лет, но уже после трех лет уменьшается и количество, и качество откладываемых ею яиц – они уже не годятся для высиживания. Для откладки яиц несушке готовят удобное, уютное соломою гнездо, куда ей иногда подкладывают пробные, тухлые яйца с тем, чтобы приучить ее к насиживанию. Гнездо ставят в теплое место, и в зависимости от величины наседки ей кладут 15–20 яиц. Цыплята вылупляются через 3 недели (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 232–243). Если не хотели ранних цыплят из-за нехватки корма, то зимой старались не давать наседке возможность высиживать цыплят.

Некоторые наседки любят клевать чужих цыплят. Во избежание этого им поперек клюва вставляют куриное крылышко. Спустя несколько дней, отучив таким способом наседку от дурной привычки, ей освобождают клюв. Если яйца нужны для выведения цыплят, а курицу-наседку отучили от насиживания (чтобы она опять стала несушкой), тогда на ее яйца сажают другую *дедали*. Иногда *дедали* «отучают» от насиживания после того, как вылупятся цыплята, а к ним приставляют «пастуха»-воспитателя *кверули* – холошеного петуха. Он, подобно наседке, усердно заботится о молодняке, не оставляет его без присмотра, выгуливает во дворе, словом, ни в чем не уступает самой настоящей «няне».

Новорожденных цыплят в течение первых трех дней кормят круто сваренными и мелко нарубленными яйцами, комочками теста, замешанного из грубо обмолоченной кукурузной муки, толченым рисом, *калти* (высушенный комками творог), кашницей из смеси измельченного риса и хлеба, пшеном; подросшим цыплятам дают кукурузное толокно, а затем уже мягкую пищу заменяют твердой – зернами пшеницы, ячменя или кукурузы (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 237–242; ПМА, 1956). В летнюю жару, чтобы измученная жаждой птица не заболела, ей часто меняют воду в *оре* (врытое в землю деревянное корытце удлиненной формы).

Кур разводят преимущественно из-за мяса и яиц. Пух и перья используются для изготовления подушек и одеял (*Гугушвили П.*, 1948. С. 234). Хотя куры грузинской породы, по сравнению с иностранными породами, имеют меньшие размеры, зато ценятся как более выносливые, неприхотливые в еде, легко адаптирующиеся к условиям окружающей среды (*Антадзе*, 1968. С. 54; 1973. С. 38, 39). В Грузии редко строили курятники; куры в течение всего года гнездились на деревьях (*Антадзе*, 1968. С. 4; Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 237, 243), поэтому ночью для лисы они были недосыгаемы. Но если все же строили курятники, учитывались условия содержания птицы: из-за присущей птице интенсивной теплоотдачи ей трудно находиться в тесном душном помещении, чтобы курятник проветривался,

его плели из прутьев и сооружали на высоте 2–3 м от земли; настил не был плотным, чтобы через щели помет сыпался на землю. Курятник периодически вычищали, зимой его изнутри утепляли папоротником.

Особыми показателями отличались куры, распространенные в Харагаульском, Зестафонском, Самтредском и Зугдидском районах, в том числе породы *келтитвела*, *жруна*, *чалиспери*. Мясо этих кур очень вкусное, сочное, с равномерно распределенными слоями жира, а цыплята лучше всего подходят для жарки («цыпленок-табака») (*Антадзе*, 1968. С. 38–40; *Нозадзе Р.Е.*, 1972. С. 4). Отменный вкус имеет мясо холощеного петуха *кверули*.

Раньше птицеводством занимались женщины (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 242, 244). Излишки продуктов крестьяне обменивали у ходивших по селам мелких торговцев на нужные им в хозяйстве товары: иголки, вязальные крючки, булавки, бляшки, гребешки, кружева. Торговля продуктами птицеводства считалась постыдным делом (*Гугушвили П.*, 1948. С. 234).

Появление в 1870-х годах железнодорожного сообщения Тбилиси – Поти, Тбилиси – Баку, Батуми – Самтредиа способствовало развитию внешней торговли, стимулировало крестьянские хозяйства производить больше продукции птицеводства. С 1880–1890-х годов из Грузии вывозили продукты птицеводства не только на рынки Закавказья, но и в Европу. Основными поставщиками в Западной Грузии были Сенаки, Абаша, Кулаши, Кутаиси, Самтредиа и др., которые снабжали мясом и яйцами торгово-промышленные и административные центры и курорты Закавказья. В Восточной Грузии в этот процесс наиболее активно включились хозяйства Горийского, Телавского и Тифлисского уездов.

Потребность в мясе и яйцах возросла и внутри страны: например, в 1901–1906 гг. в Кутаисской губернии потреблялось 93 млн штук яиц; в 1900-х годах только в Тбилиси для удовлетворения ежегодных потребностей требовалось 525 тыс. кур и 63 тыс. молодок. Потребление мяса птицы увеличилось и на селе (*Гугушвили П.*, 1948. С. 237, 246, 250).

С 1891 г. продукция птицеводства вывозилась в российские портовые города на Черном море. Только Самтредиа ежегодно продавал 45 тыс. голов птицы, а в 1912 г. из Самтредиа было вывезено 7 тыс. забитых кур, из Абашы – 500 пудов птицы. В Европу, а именно в города Австрии, Германии, Франции, Англии и других государств экспортировались только яйца, преимущественно из Кутаисской губернии через порты Поти и Батуми. Лондонский рынок был самым крупным центром мировой торговли продуктами птицеводства, где сбывалась большая часть грузинских яиц (*Гугушвили П.*, 1948. С. 243–245). В начале XX в. из Кутаисской губернии в страны Западной Европы ежегодно экспортировались десятки миллионов яиц (*Гугушвили П.*, 1948. 244–245). На морских судах, перевозивших яйца, не было холодильников, поэтому транспортировку продукта осуществляли в прохладный сезон – с октября по март, что свидетельствует о высокой продуктивности кур местных пород: куры несли яйца в течение всего года, даже зимой, чему способствовали выработанные народом рациональные приемы птицеводства. Предметом экспорта был также пух птицы, в первые четыре года XX в. его было вывезено (главным образом в Турцию, Россию и Азербайджан) более

25 тыс. пудов, а в 1909–1912 гг. – более 26 тыс. пудов. В годы Первой мировой войны экспорт продукции птицеводства значительно сократился.

В обрядах грузин курица, а главным образом петух и *квинчила* (петушок) занимали особое место; птица связывалась с культом солнца и плодородия и являлась непременным атрибутом жертвоприношения во время разных календарных праздников (*Штернберг*, 1936. С. 410; *Бардавелидзе*, 1941. С. 72; *Рухадзе*, 1968. С. 66–69).

Интенсивным разведением индеек (*индоури*) как в Восточной, так и Западной Грузии стали заниматься только в XIX в., хотя Вахушти Багратиони среди прочей домашней птицы называет и индейку. В словаре С.-С. Орбелиани тоже встречается *индоури катами*.

В Грузии была выведена местная порода индейки; окраска ее оперения – черная, желтая, серая, коричневая, пестрая. Самая крупная – черная индейка, вес которой достигает 7–9 кг. На современных фермах в основном разводят именно местную породу индейки. В народе эту птицу часто называют – *индо*. Только что вылупившийся птенец – *чуки* или *цита/пиа*; иногда *чуки* называют уже оперившуюся птицу (после 6 недель).

Индейка начинает откладывать яйца с февраля почти до конца лета и возобновляет осенью. До вылупления индюшат она добросовестно сидит на яйцах в просторном гнезде, выходит из гнезда один раз за два дня, чтобы поесть и напиться. Чаше наседку кормят прямо в гнезде. Индюшата появляются на свет через месяц. Первые 2–3 дня их кормят яичным желтком, смешанным с дикой гречихой, растертым в мацони хлебом; затем, до четырех месяцев, – размякшим хлебом с гречневой крупой, смесью вареной рубленой крапивы и листьев акации с мукой или толокном; подросших индеек переводят на зерновой корм – им дают кукурузу, пшеницу, ячмень, отруби, молотые желуди, буковые орешки, комочки теста и фрукты (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. С. 235–241). Индейки пасутся на лугу, где охотятся за насекомыми (например, кузнечиками). К новому году и рождеству индейки уже бывают готовы к забою. Для приготовления традиционного новогоднего блюда – *сациви* – предпочтение отдают именно индюшатине. Яйца индейки, как правило, в пищу не употребляют (Материалы по истории кустарного промысла, 1986. Т. 3, ч. 2. С. 237, 238, 243).

В приусадебном хозяйстве Грузии гусь менее распространен, чем куры и индейки. Эту водоплавающую птицу, которая большую часть времени проводит на суше, разводят в богатых водоемах и пастбищными лугами местях (*Антадзе*, 1973. С. 47; Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. С. 233). Вахушти Багратиони упоминает как дикого, так и домашнего гуся (1941. С. 30, 54, 146). В Грузии распространена местная порода гуся – белый, серый и пестрый. Восточногрузинский гусь по весу тяжелее западногрузинского; самых крупных по размеру гусей разводят в Дманисском районе (*Антадзе*, 1968. С. 63). Гусиные яйца употребляют только для выведения потомства.

Гусят (*батис чуки*) поначалу кормят кусочками теста из кукурузной муки; оперившихся гусят кормят травой – рубленой мокрицей, молочаем или крапивой, перемешанной с кукурузной мукой, им дают кукурузное толокно или смешанную с ним вареную крапиву; повзрослевшим гусятам насыпают кукурузные зерна, а с 5 месяцев они уже способны сами заботиться о своем пропитании – едят траву на лугу (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. С. 233, 235, 238, 240, 241, 243). Если гуси пасутся на изобилующем

растительностью лугу, то им достаточно минимального прикорма, а пасущиеся на жнивье не нуждаются в прикорме. В водоемах гуси питаются икрой рыб, лягушек и др.

Гусей откармливают для убоя к празднику Георгоба; остальных забивают осенью, в середине ноября, потрошат, коптят или засаливают и подвешивают на воздухе для высыхания, заготавливая таким образом на зиму. Гусиный жир хранят в топленном виде (Самцхе-Джавахети); его используют для выпечки и приготовления *коркоти* (кутья из толченой пшеницы), в лечебных целях: им намазывают обмороженные участки тела. Высоко ценится гусиный пух – *гингли/герма*. Гусей ощипывают три раза в год, отсюда двукратный ощип приходится на возраст *бжити* (гусенка). Продолжительность жизни гуся – 7 лет. Летом птицу держат во дворе, в непогоду переводят в крытую хозяйственную постройку, а зимой отводят огороженный плетенкой закуток в хлеву.

Местные утки (в основном самки) имеют перепелиную окраску *джачвета*, а селезни – пестрые (Антадзе, 1968. С. 61). Их разводят только ради мяса. Это быстрорастущая и неприхотливая птица, не нуждающаяся в особом уходе. Главное, чтобы по близости всегда была вода. Утка начинает кладку яиц в феврале–марте. Если утка сама не села в гнездо, то наседкой на ее яйца сажают курицу. Утята (*ихвис бартки/ихвис чуки/чучули/квати*) вылупляются через месяц. Их кормят разбухшей в воде кукурузной мукой, *мхали* из разных трав (как и индюшат), кукурузной кашей с крапивой; 3–4-месячные утята питаются обитателями водоемов. Зимой им насыпают сухой корм – зерно. Оставляют только племенных селезней и уток, остальных откармливают, осенью забивают и коптят.

Цесарка – сравнительно новая и редкая птица в грузинском приусадебном хозяйстве. Раньше ее в основном разводили в Месхети, как и страусов (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986а. Т. 3, ч. 2. С. 232, 239). У цесарки вкусные яйцо, а мясо похоже на мясо дичи. Убой цесарки производят до 6–8-месячного возраста. Яйца ее небольшие по величине, но имеют довольно крепкую скорлупу, поэтому их используют на Пасху, когда принято соревноваться в разбивании яиц. Цесарку кормят смесью хлеба и молотой кукурузы (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986а. С. 243). У цесарки довольно разнообразная окраска: на сером, темно-сером, белом фоне рассыпаны разноцветные крапинки. Цесарка сохранила свойства дикой птицы, в частности, умение летать, бдительность, благодаря которым она успешно выполняет функцию защиты цыплят и кур: ее сильный, визгливый крик надолго отпугивает хищных птиц от появления в той окрестности (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 243).

Голубей до недавнего времени разводили любители, преимущественно в городах, в спортивных и почтовых целях. У голубя хорошие свойства: из-за вкусного и нежного мяса, не уступающего по калорийности куриному, и быстрого роста он очень популярен во многих странах. По сведениям Вахушти Багратиони в Грузии голуби были не только домашние, но и дикие, причем они водились в таком количестве, что их ловили по 300–400 особей и больше одной накидной сетью. Существовал и оброк голубями (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 30, 146). Новорожденного птенца голубя называют *бартки*, подросшего – *хунди*, а взрослую особь – *мтреди/треди* (Материалы по истории кустарного промысла..., 1986. Т. 3, ч. 2. С. 239).

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕМЕСЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА¹

Развитие ремесленного производства и мелкого предпринимательства в Грузии берет начало в далеком прошлом. Оно сыграло важную роль в подъеме и расцвете городов и городской жизни и экономическом развитии страны в целом, ремесленники составляли значительный слой общества. Создавая корпоративные объединения (*амкари*), ремесленники открывали мастерские, лавки (*духаньы*) и торговые лотки. Ремесло развивалось как на селе, так и в пригородах, «рабатских поселениях»), вблизи рынков, что давало кустарям возможность на месте реализовать свою продукцию. Мастерские обходили разные уголки страны, приобщая к своему ремеслу новых учеников.

О высоком уровне ремесленного производства свидетельствуют многочисленные письменные источники, памятники мемориальной культуры, церкви, монастыри, жилые строения, хозяйственные и боевые орудия, мосты, утварь, мебель, образцы медной чеканки и златокузнечества, украшения, ткани и т.д.

Новый этап в развитии ремесла наступил со второй половины XIX в., когда с ростом капитализма выросли масштабы урбанизации и городского производства, расширились внутренние и внешние рынки, и на смену натуральному обмену пришли товарно-денежные отношения. С этого же времени более интенсивными становятся торгово-экономические отношения между странами Причерноморья и Средиземноморья. Ремесло поднимается на более высокий профессиональный уровень. Развиваются города и городская жизнь, устанавливающая свои правила как в сфере производства, так и в сфере торговли. Ремесло следует за этими изменениями, стремясь в то же время сохранить традиционный облик.

Из традиционных отраслей ремесла в Грузии были распространены: ткачество, обработка кож, производство одежды и обуви, гончарство, кузнечное ремесло, златокузнечество, обработка дерева и камня. Ремесленники делали свои изделия как для удовлетворения личных и семейных потребностей, так и для продажи на внутреннем и внешнем рынке. Ремесленную продукцию везли главным образом на ярмарки, на престольные праздники (*хатоба*) и т.д.

¹ © Г. Гоциридзе

Обработка кожи

Казбегский район, с. Казбеги, первая треть XX в.

Экспедиция Л.Б. Панек

© МАЭ РАН. № 3625-79

Каждый регион, город или деревня славились производством того или иного изделия. Комплексно же все отрасли ремесла были сосредоточены в городах (Тбилиси, Телави, Гори, Ахалцихе, Кутаиси и др.), где функционировали мастерские, кузницы, постоянные дворы для купцов и ремесленников, караван-сарай, духаны, гостиницы. Каждый город имел свой особый облик. Например, Кутаиси славился в Грузии мастерами по обработке камня, Телави – шорниками, сапожниками, гончарами, Гори – керамической продукцией. Из региональных ярмарок, где была представлена и ремесленная продукция, славились Хонская, Самтредская, Зугдидская (Западная Грузия), Телавская, Гурджаанская, Бодбисhevская, Велисцихская, Сартичальская (Восточная Грузия) ярмарки.

Самым крупным торгово-ремесленным центром Грузии и в целом Кавказа был Тбилиси, отличавшийся особым колоритом. Основной отличительной чертой был его масштаб. Сельские ремесленники выполняли местные заказы, т.е. производили только ту продукцию, на которую был спрос в селе. Здесь отсутствовали корпоративные объединения, имевшиеся в городах. В городах производился гораздо более широкий ассортимент ремесленных изделий. Особого подъема ремесло достигает именно в городах, где совершенствуется его организация, производственная и социальная структура, создаются мастерские, цеха и т.д.

В ремесленном производстве важное место занимали традиционные формы организации, корпоративные объединения, среди которых самыми

крупными были цеха (*амкари*). Это наиболее распространенная и типичная форма объединения ремесленников с четко выраженным социальным статусом и структурой. Цех – это отраслевое объединение без учета этнической и конфессиональной дифференциации, хотя бывало, что цеха создавались по этническому признаку, например: иранские башмачники, азербайджанские каменщики, дагестанские лудильщики и др. У каждого цеха была своя символика: знамя, герб, эмблема. Знаменосец должен был носить соответствующую одежду, по которой можно было определить – был ли он *карачохели* (мастерской), *кинто* (мелкий торговец), ученик (*шегирди*), подмастерье и др.

Горожане уважали *карачохели* за то, что они были добросовестными труженниками, мужественными людьми, защитниками униженных и обездоленных. Во главе организации цеха стоял руководитель, или *устабаши* (перс. «глава мастеров»), у которого был один заместитель-помощник *агсакали* (мастер), один ученик *шегирди* и подмастерье *каргали*.

Устабаши должен был быть опытным ремесленником, авторитетной личностью; его избирали сроком на 10 лет с совершением ритуала рукоположения в должность. В функции *устабаши* входило решение спорных вопросов между членами цеха, соблюдение справедливости, урегулирование отношений между заказчиком и рабочими. *Агсакали*, как и *устабаши*, должен был быть мастером своего дела. Он также избирался тайным голосованием; в помощники ему назначали молодого парня – *игитбаши*, которому в месяц платили три рубля. Каждый цех имел казначея, устав и печать. Соблюдение устава было обязанностью *устабаши*. Он руководил ритуалом посвящения ученика в мастера, организовывал товарищество – *самгвто/амкроба* и внутрицеховую деятельность. *Устабаши* носил отличительные символы – цепь с медальоном и серебряный ремень. Во время торжественных мероприятий он раздавал членам цеха металлические пластинки-эмблемы (отличающие их от членов других цехов) и возглавлял процессию. По пути шествия *амкари* все лавки закрывались.

Источником доходов цеха были средства, полученные от реализации собственной продукции. Кроме того, *амкари* имели покровителей из числа богатых горожан, которые по своему желанию жертвовали цеху деньги, драгоценности и пр.

Самыми почетными и полноправными членами *амкари* были *карачохели*. Они носили черные *чохи* и высокий конусообразный головной убор из каракуля. В случае смерти рабочего затраты на его похороны покрывал цех из общей кассы – *псони*. Семье покойного посылали коня, продукты для поминальной трапезы (*келехи*), деньги и т.д. В цехе строго соблюдался принцип коллегиальности: никто из рабочих не брался за дело, уже начатое сотоварищем по цеху.

Амкари являлся очагом профессионального воспитания и совершенствования в мастерстве. У каждого мастера был свой ученик – *шегирди*. Срок пребывания в учениках зависел от сложности профессии. Например, для изучения сапожного дела требовалось 9–10 лет, дляковки подков – 8 лет и т.д. В ученики обычно шли мальчики 7–8 лет. Для обучения кожевенному и камнетесному делу брали юношей 15–16 лет: они должны были иметь хотя бы минимальное начальное образование (владеть грамотой). Между мастером

Гончарная лавка

Тифлис, конец XIX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 15513

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

и учеником заключался договор. Ученик, приехавший в город из деревни, жил у мастера, а городской – у себя дома. Обучение было платным; деньги за обучение, равно как и расходы на питание и одежду, вычитались из его заработка. Нередко ученик доводился мастеру родственником. Ремесло обычно передавалось по наследству от отца к сыну.

По окончании периода ученичества совершался ритуал посвящения *шегирди* в мастера (*амкроба*). Закальвали барашка, накрывали стол, благословляли новоявленного мастера. Этот ритуал был большим событием, отмечавшимся с особым размахом; одновременно могли рукоположить 18–20 учеников. Подготовка к церемонии начиналась с раннего утра. Над мастерской поднимали знамя, расстилали ковры, приглашали музыкантов-зурначей (*медудуке*), приводили жертвенного нехолощенного барашка.

К моменту посвящения в мастера ученик должен был представить сделанное собственными руками ремесленное изделие, качество которого оценивали мастера. Мастер дарил ученику какую-либо вещь (серебряный пояс, бадью или кинжал). Когда ученик уже работал самостоятельно, тогда он, со своей стороны, в знак благодарности одаривал своего воспитателя. Перед посвящением в мастера ученики совершали обряд омовения ног, после чего выстраивались в ряд, поставив левую ногу на правую и заложив руки за го-

Ковровая лавка на Майдане

Тифлис, конец XIX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 16031

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

лову (левая рука должна была лежать поверх правой). Там же был накрыт стол. Приходил священник, который совершал чин освящения, благословлял и окроплял учеников святой водой. Потом *устабаши* по очереди подходил к стоящим в ряд ученикам и расспрашивал мастера о каждом из них. В случае положительного отзыва он благословлял ученика, троекратно «отवेशивал» ему затрещину и затыкал ему за пояс его рабочее орудие (нож, молоток и т.д.). Ритуал посвящения завершался угощением и заздравными тостами. Отныне ученик становился *каргали* – подмастерьем.

Статус подмастерья был переходной ступенью от ученика к полноправному мастеру. В качестве зарплаты подмастерье получал половину жалованья, другая половина оставалась мастеру. Подмастерье дома называли товарищем мастера. Он должен был проявить себя примерным поведением и трудолюбием. Подмастерье не имел права порочить имя воспитателя и готовился стать его достойным преемником. Мастер гордился успехами своего воспитанника, равно как и ученик – достижениями своего учителя.

Ремесленники, изготавливающие музыкальные инструменты
тари и газыри *масреби*
Тифлис, начало XX в.
© РЭМ. № 213-160

В городе было много *амкаров*. Они представляли собой специализированные мастерские, имевшие свои символы (атрибуты): знамя (флаг), герб, ковер и проч. В качестве визуального символа цех мог выбрать икону Богородицы, ножницы, изображение голубя, наковальню и т.д. Эти атрибуты закрепляли на дверях мастерской. Цеха отличались и одеждой своих членов. Для работы у ремесленников была специальная одежда темных цветов – долгополые халаты (*чекмени*) и кожаные передники. В праздники они надевали широкие шаровары, подпоясанные посеребренным ремнем, на котором висел кинжал, черные *чоха* и *ахалухи* – поэтому горожане называли мастеров *карачохели* («носящие черную чоху»), остроконечную каракулеву папаху. Неотъемлемым атрибутом одежды являлся и большой красный платок (*багдадка*). Рядом с *карачохели* часто можно было видеть *кинто* – мелких торговцев, представителей низших социальных слоев города. Колоритным зрелищем был вечерний Тбилиси, когда *кинто* и *карачохели* – любители кутежей – веселой компанией собирались в садах Ортачала или плыли на плотках по реке Куре с

украшенным красным бантом ягненком, вином, яствами и в сопровождении музыкантов – *медудуке, мествире, медоле* и др.

В Грузии велико было влияние божества-покровителя на верования и представления ремесленников, которые все свои удачи или неудачи приписывали воле божества. Поэтому каждый из них обращался к своему покровителю, каким считался «родитель 363 ремесел» святой мудрец *Соломо/Соломон* (Самегрело), *Шашва/Шашу* (Абхазия), *Сира-кузнец* – отец мифического героя Амирана (Рача), *Калмахела* (Гурия), *Солани/Солами* (Сванети). По верованию сванов, наряду с Соламом, «покровителем кузнечества, железа и меди» был *Джгираги* (св. Георгий), а помощницей женщин-кузнецов была *Ламариа* (*Рехвиашвили Н.*, 1964. С. 217).

ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА, ЮВЕЛИРНОЕ ИСКУССТВО

КУЗНЕЧНОЕ РЕМЕСЛО²

Обработка металлов – одно из древнейших ремесел у грузин. Согласно данным письменных источников, картвельские племена (халибы/халды, моссиники, тубалы) были признаны лучшими металлургами древнего культурного мира. Славилась медь моссиников, железо халибов (*Джавахишвили И.*, 1960. С. 60–65; *Читая*, 1997б. С. 237–243). Из археологических материалов явствует, что мощные очаги обработки металла, в частности следыковки железа, обнаружены в бассейнах рек Чорохи и Куры, в Квемо Картли, в Сванети и почти всюду, где имелось соответствующее сырье.

И. Джавахишвили подчеркивает достижения предков грузинского народа в деле получения прочного железа, т.е. стали, опираясь на сведения Книги Бытия и древнегреческих авторов (*Джавахишвили И.*, 1960. С. 24). Те же источники признают высокое качество местного железа, называя его «халибским». По сведениям греческих писателей, особенность железа халибов состояла в том, что в качестве сырья использовался магнитный песок (*Рехвиашвили Н.*, 1964. С. 46). Известны распространённые в античном мире сказания о колхских племенах металлургов. Древнегреческая письменная традиция считает их творцами металлургии. Именно в бассейне Чороха и во всей прилегающей к нему прибрежной полосе Западной Грузии археологами обнаружены сотни остатков железообрабатывающих предприятий и мастерских – железоплавильные печи, кузнечная окалина, шлаки и пр., датированные концом II тыс. до н.э. – I тыс. (*Лордкипанидзе О.*, 1979. С. 35–36). В научной литературе существует мнение, что пещерный город Уплисхихе высечен при помощи орудий, изготовленных из прославленного халибского железа (*Читая*, 2001. Т. 5. С. 349–350).

На основе данных археологии и письменных источников часть ученых рассматривает грузин как первых производителей железа и ряда цветных металлов в ближневосточном центре металлургии и считает, что мастерство населения Кавказа и Малой Азии в области металлургии оказало определенное влияние на развитие этой отрасли на Кипре, в Греции, Риме и Западной

² © А. Гогиашвили

Европе. Названия металлов в грузинском языке не являются заимствованными; напротив, в некоторые языки они проникли из грузинского. Например, в европейских языках название меди и латуни связано с названием картвельского племени моссиников. А греческий термин *халкос* (медь) связан с названием халдов. Существует предание о том, что греки переняли производство стали у халибов и поэтому называли ее *халибикос* (*Джавахишвили И.*, 1960. С. 62–65; *Квирквелиа*, 1976. С. 22). В хозяйственном быту железо находит применение с начала I тыс. до н.э. В эту пору с железными орудиями еще сосуществуют орудия из бронзы. Освоение железа на Кавказе приходится на период, хронологически близкий к IX в. до н.э. (*Джанапаридзе О.*, 1955. С. 55–108).

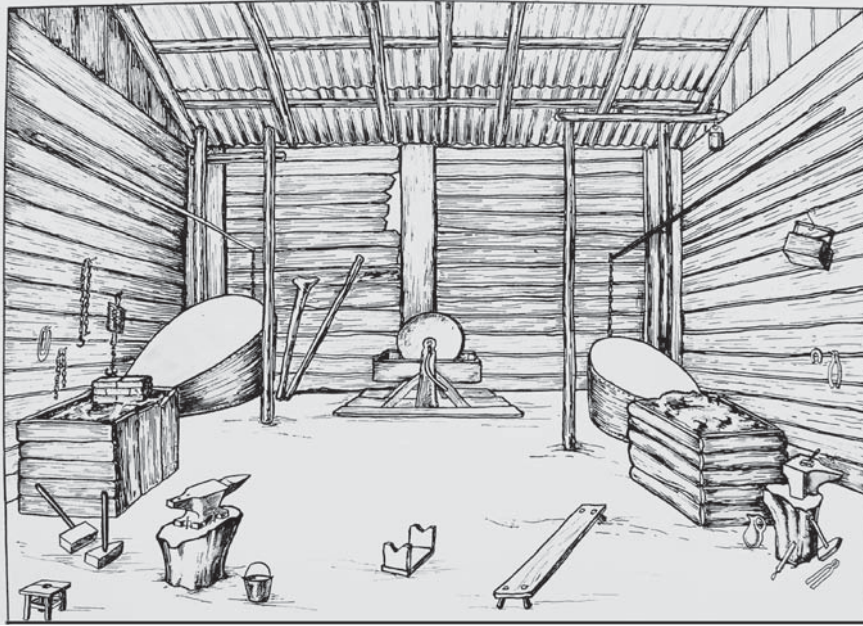
Для формирования и развития кузнечества как отрасли необходимо наличие соответствующей сырьевой базы. С этой точки зрения Грузия занимала особое место: ее территория богата залежами железной руды (*саркинет*). Известны месторождения в Чатахи (Квемо Картли), Цедиси (Рача), Курсеби (Окриба). Славилась очаги обработки железа, существовавшие в Сванети (Шхибари), Рача (Цедиси), Картли (Саркинет, Гор-Цедиси) и др. (*Рехвиашвили Н.*, 1964. С. 38–60).

В средние века металлургия в Грузии достигла высокого уровня, что, в свою очередь, определяло уровень экономического развития страны. Фиксируется множество терминов, по сей день сохранившихся в этой отрасли ремесла. Изделия кузнецов отличались разнообразием и массовым применением. Это были орудия хозяйственного назначения, оружие, подковы и пр. Главным инвентарем обязательной процедуры – выплавки и накаливания – была железоплавильня *сахмили*. В средневековой Грузии известен горн (плавильная печь), в котором для разведения огня использовался раздувальный мех. Топливо (уголь) для горна готовилось в специальной угольной печи. Раскаленное железо кузнец брал клещами, помещал на наковальню и обрабатывал (ковал) при помощи кувалды и молота. Обязательными орудиями труда кузнеца в источниках называются инструменты – *уро* и *куэри* (*квери*). Именно отсюда происходит термин *куэрит хуро* (мастер молота, кузнец) (*Месхиа*, 1982. С. 15–129). Масштабы развития металлургии в разные периоды истории были разными.

Рачинский район производства железа (*Саркинет*) был одним из главных очагов обработки железа. Термином *Саркинет* обозначалась вся Земо (Верхняя) Рача. Изготовленное здесь железо называлось *цедури* (по названию местности Цедиси), а местные жители – *ркинис кацеби* (железные люди). При плавке рачинцы примешивали в руду кроме «черной земли» и кремнезем, как для флюса, так и для понижения температуры плавки. Цедисское железо ценилось очень высоко. Производство железа в Цедиси просуществовало до 1880-х годов (*Рехвиашвили Н.*, 1964. С. 66–96).

В этой отрасли ремесла были заняты следующие мастера: разведчик залежей руды, проверяющий качество сырья, производитель очистки от примесей добытой руды, приносящий топливо для горна, раздуватель (работающий у кузнечных мехов), дробильщик руды, угольщик (заготавливающий древесный уголь), кузнец – главная фигура, производитель изделия (*Рехвиашвили Н.*, 1964. С. 97–134).

Производство железа включает три основных этапа: добыча руды; получение железа из руды; создание изделия –ковка. Добыча руды подразумевает

Кузница

Рача, 1930-е годы

© НМГ. ЭФ Д. 5, 1940-15-9

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

два типа работ: поиск месторождения руды (обнаружение залежей металла и рудной жилы); извлечение руды из месторождения и ее транспортировка в нужное место. Получение из руды железа, в свою очередь, подразумевает следующие ступени: сортировка руды и обжимка болванки железа (первичная выплавка); вторичная переплавка болванки железа; кипячение железа (его окончательная очистка от примесей). Весь цикл работы кузнеца состоит из нескольких процессов: прокаливание руды, отжиге раскаленной руды, кипячение полученного из руды железа, проковка чистого железа, распределение железа дляковки (отсечение от железного слитка куса нужного размера и формы), закалка кованого предмета. Работа кузнеца требовала высокого профессионализма; он пользовался всеобщим авторитетом и почетом. Именно с этой отраслью ремесла связано происхождение фамилий, отражающих профессию кузнеца: Мчедлидзе, Мчедлишвили, Поладашвили и др.

Кузницы существовали во всех городах и селах Грузии; в каждом регионе фиксируется ее определенный локальный тип, хотя основной и необходимый набор инвентаря везде идентичен. На селе кузницу устраивали, как правило, в центре, вблизи водоема (у реки или ложбины). Она представляла собой также место, где собирались обычно мужчины. Кузница – это бревенчатое или каменное строение с деревянным фасадом. Рядом со входом было большое отверстие для освещения, которое закрывалось деревянными ставнями. Крыша кузницы двускатная, с черепичным перекрытием. В центральной части помещения – горн (печь) с мехами, слева – наковальня и большой чугунный котел с водой (для закалки железа). На одной из полок лежит рабочий

инвентарь (молоты, кувалды, клещи, зажимы, круглогубцы, ножницы и т.д.). За горном стоят один или несколько мешков с углем и меха.

Меха (*гуда-сабервели/картули сабервели*) имеют две рукоятки. Они приводятся в действие горизонтальным движением, что способствует постоянной и интенсивной подаче потока воздуха к горну. Другой тип мехов, внесенный в Грузию из России, – *хелкетиани*, рукоятка которого двигается в вертикальном направлении, подавая горну воздух прерывистыми струйками. Меха изготавливались из бычьей кожи. *Наковальня* – массивная железная плита, прочно закрепленная на деревянном пне, на которую кладется кусок железа дляковки, где ударами молота ему придается желаемая форма. Кувалда – тяжелый молот больших размеров – служит для проковки железа. Согласно традиционному методу, для получения высококачественного железа в железную руду добавляли различные вспомогательные легирующие элементы – так называемые *паша (шави ква)/садуги мица* (Рехвиашвили Н., 1964. С. 172–215). Для отжатаия руды и получения железа требовалось топливо – уголь, заготовка

Кинжальная мастерская

Тифлис, конец XIX в.

© РЭМ. № 494-44

и обработка которого должна была производиться своевременно. Профессионализм кузнеца определялся качеством сделанного им изделия. В процессе обработки железа важнейшим и сложнейшим моментом была закалка изготовленных предметов, т.е. изменение качества железных изделий, их «подчинение» воле кузнеца.

Определение оптимальной температуры нагрева при закалке стали происходило интуитивно, на глаз: опытный кузнец по цвету раскаленного металла (красный, буро-красный, каштановый, желтый, желтоватый, синий и пр.) легко определял температуру, от которой зависело качество стали. Изготовление разных орудий требовало разной термической обработки. От подбора конкретного цвета зависело качество полученного в результате закалки изделия, а подбор цвета кузнец держал в секрете. Передавались эти навыки от отца к сыну. Владение приемами закалки являлось залогом квалификации и мастерства кузнеца. Клеймо, поставленное на изделии кузнеца, для покупателя выполняло функцию знака качества. Существовали и фамильные клейма, например, заячья лапа на серпе.

Ковка включает несколько основных ступеней: подбор материала, обмер, отсечение, отделку (точную обработку специфической детали изделия, например, носовой части лемеха плуга), пилку, обточку, окраску. Особыми свойствами обладает *касури салесави* (брусок) (*Гогиашвили, 1987. С. 179*).

Овладение кузнечным ремеслом требовало определенного времени (3–4 года) и руководства специалиста. Это ремесло часто передавалось по наследству. Кузнечное дело, так же как и другие отрасли ремесла, в Тбилиси и других городах Грузии имело свою организацию. Существовал цех кузнецов со своей структурой (мастер, подмастерье, ученик-подсобник), атрибутикой (флаг), праздниками и торжествами (раз в год, на светлую седмицу традиционно справлялся праздник кузнечного цеха), традициями (благословение в мастера, рукоположение в подмастерья) (*Читая, 1997б. С. 240*).

С кузнечным ремеслом тесно связана *подковка* лошадей. В функции кузнеца входило изготовление инвентаря (подковы, гвозди, брусок, резак для подковы, ножницы, малая наковальня, молотки, напильник для копыт и др.), необходимого для коваля (подковщика лошадей). Часто сам кузнец выполнял функции подковщика. Труд кузнеца оплачивался деньгами, натурой (продуктами), выполнением для кузнеца сельскохозяйственных работ во время пахоты, жатвы, сбора урожая.

На древность кузнечного ремесла указывают культ железа, верования и представления, связанные с кузнецом и кузницей. Железная вещь имела значение оберега, кузня являлась святым местом, а наковальня, молот, клещи – предметами культа. Традиция ударять по наковальне молотом в страстной четверг сохранялась в Грузии до недавнего времени. У кузнецов имелись свои божества-покровители. Существовали предназначенные этому божеству дни, когда в кузнице исполнялись специальные ритуалы. Народные сказания, отражающие культ железа, связаны с именем мифического героя Амირани и святого Соломона, «родоначальника трехсот шестидесяти трех ремесел» (*Читая, 1997б, С. 23–28*). Изделия кузнеца, особенно выкованные втайне в страстной четверг кресты, топоры, подковы по народным представлениям оберегали от различных болезней и бед.

ЗЛАТОКУЗНЕЧЕСТВО³

Археологические данные свидетельствуют, что племена, населявшие территорию современной Грузии, познакомились с металлом (медью) еще в IV тыс. до н.э. В III тыс. до н.э. здесь уже умели изготавливать медные сплавы (бронзу), а также обрабатывать и другие металлы – свинец, серебро и золото (Гагошидзе, 1981). О серебряных рудниках в стране «халибов» упоминает в своей «Географии» Страбон (*Strabo*, XII).

В древнегрузинском языке и его диалектах, кроме термина *кала* (олово), не встречается название ни одного другого металла, которое было бы заимствовано из другого языка. *Окро/орко/вкрэ* (золото); *верцхли/варчхили/варчхил* (серебро); *спилендзи/линджи/спилендз* (медь); *ркина/кина/эркина* (железо); *тквиа/брпени/прпени-накина* (свинец) – исконно грузинские слова.

Языковеды утверждают, что названия металлов многими народами заимствованы из грузинского языка. Например, считается, что названия латуни, или желтой меди (груз. *тутбери*), нем. *мессинг*, англосакс. *местлинг*, старонорм. *мессинг*, польск. *мосиндз*) – происходят от названия картвельского племени моссиников, которые славились обработкой латуни; греческое название стали (груз. *полади*) *халибликос* произошло от названия грузинского племени халибов; название бронзы (груз. *бринджао*) у грузин заимствовали персы, от которых в форме *бронз* оно проникло к европейцам.

В IX–VII вв. до н.э. металлургическое производство в Малой Азии достигло невиданного размаха, что было обусловлено успехами в добыче руды в Малой Азии и в областях севернее ее. Здесь применялись различные способы обработки золота, серебра, бронзы, железа: проковка, отливка, чеканка, украшение драгоценными камнями, скань, чернь, зернь и др. Центром этой специфической культуры являлся Табал, с которым на востоке граничило Урарту, с севера – Колха. Продукция *табалов* на востоке достигала границ Ассирии и Мидии, а на юге – Палестины.

Одна из древнейших отраслей грузинского искусства – художественная металлопластика. Историю грузинской металлопластики и ювелирного искусства следует начинать с III тыс. до н.э. Художественная обработка металлов являлась исконным грузинским искусством. Различные племена, населявшие территорию Грузии, уже в эпоху бронзы создавали произведения искусства, поражающие своим художественным совершенством и мастерством. Памятники чеканки Грузии относятся к двум периодам: с эпохи ранней и средней бронзы (с середины III тыс. до н.э.) до распространения христианства в Грузии и средневековое чеканное искусство (с VIII в. до начала XIX в.) (*Мачабели*, 1983).

Подъем златокузнечества наблюдается в Грузии с начала II тыс. до н.э. Исключительно многообразны золотые и серебряные изделия из монументальных курганных захоронений, открытых в различных областях Восточной Грузии, в ареале триалетской культуры, датируемых III–II тыс. до н.э.. Из серебряных изделий по своим художественным достоинствам особый интерес представляют кубок и ведро из Триалетских курганов (*Лордкипанидзе О.*, 1989. С. 133). Выдающимся произведением златокузнечества являются также

³ © Г.С. Читая

золотой кубок, сплошь отделанный цветными камнями и аппликациями, и инкрустированное роскошное ожерелье – одно из замечательных изделий полихромного златокузнечества. К этому времени относятся также многочисленные образцы украшений – бусы, височные завитки, булавки, золотые обкладки деревянных предметов и др. Художественно-стилистическое единство этих предметов свидетельствует о наличии местной оригинальной школы златокузнечества на территории Восточной Грузии, достигшего расцвета с начала II тыс. до н.э. (*Лордкипанидзе О.*, 1989. С. 135).

Золотые полихромные украшения древнего периода – диадемы, серьги, ожерелья, браслеты, перстни – в значительном количестве найдены в богатых погребениях грузинской высшей аристократии, раскопанных в различных районах Грузии – Мцхета, Урбниси, Згудери, Бори, Клдеети, Саирхе, Цихидзири, Уреки, Сиони, Жинвали и др. (*Гагошидзе*, 1981. С. 47).

Исключительным разнообразием и многочисленностью отличаются золотые изделия, найденные в отдельных уголках древней Колхиды, датируемые V в. до н.э. – золотые и серебряные височные серьги, кольца, золотые браслеты, украшенные скульптурными изображениями, подвески, бусы; золотое ожерелье с подвесками из 33-х черепаших фигурок; золотые диадемы с изображениями льва и газели. Только в одном из погребений V в. до н.э. на городище Вани было найдено свыше 1700 золотых предметов (*Лордкипанидзе О.*, 1989. С. 253). Золотые изделия из Вани характеризуются строгим художественно-стилистическим и техническим единством. На их местное происхождение указывает оригинальность художественных форм, которые генетически связываются с памятниками материальной культуры доантичной эпохи и неизвестны за пределами Грузии. Ювелирное ремесло в Колхиде было основано на местном сырье – об этом свидетельствуют и сведения древних историков (Страбон, Аппиан), повествующие о золотоносных реках Колхиды и добывании золота с помощью овечьих шкур, что сохранялось до недавнего времени в Сванети.

Колхидские золотые изделия VIII–V вв. до н.э. обильно украшены зернью в виде пирамид и треугольников – это яркий, своеобразный стиль колхидского златокузнечества. Можно с уверенностью констатировать наличие в Колхиде V в. до н.э. высокохудожественной и оригинальной школы златокузнечества, применяющей важнейшие технические приемыковки, чекана, тиснения, литья, зерни, филиграни.

Древняя Грузия всегда была составной частью цивилизованного мира, и грузинское златокузнечество, как и другие отрасли изобразительного искусства, на каждом этапе своего развития носило печать соответствующей эпохи. X–XII вв. – «золотой век» грузинской феодальной монархии. Это был период расцвета и для грузинского чеканного искусства: особой популярностью пользовались братья Бека и Бешкен Опизари (конец XII – начало XIII в.). Бека и Бешкен из Опизы известны в Грузии как великие мастера искусства чеканки. С художественно-исторической точки зрения особенно знамениты оклад Анчийского образа и серебряный оклад Цкароставского евангелия с композицией «Деисуса» работы Бека Опизари и оклад Бертского евангелия работы Бешкена Опизари.

Анчийский Спас представляет собой створчатый образ (триптих). Заслуживает внимания орнаментальная отделка обрамления иконы, представляю-

шая один из лучших памятников грузинского златокузнечества. В области художественной пластики по металлу в XII в. в Грузии, наряду с Опизской и Тбетской школами, была известна Гелатская школа. Это направление торевтики, представленное памятником величайшей художественной ценности – выполненным здесь окладом Хахульского образа, имеет большое значение в истории грузинского искусства (*Амиранашвили*, 1956. С. 9, 15).

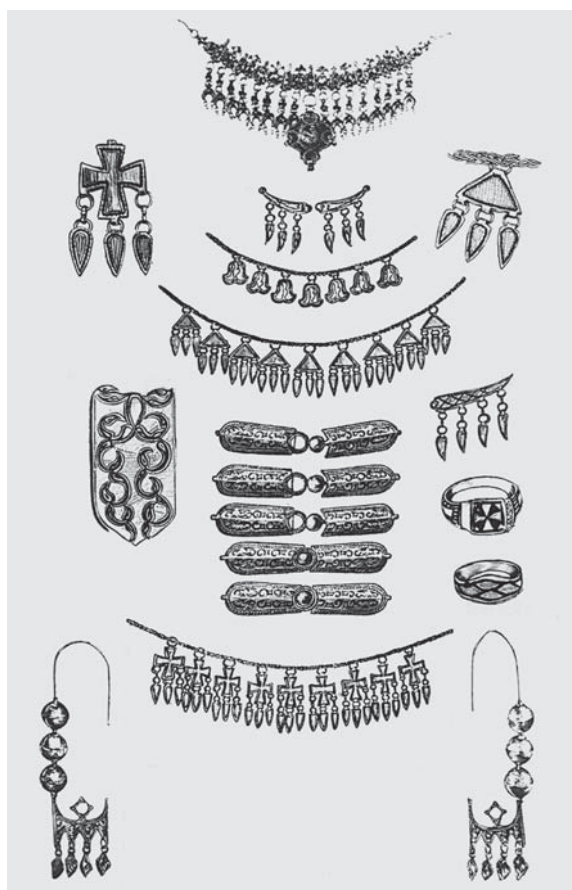
Рудным промыслом занимались широкие слои грузинского населения. Этим объясняется то обстоятельство, что в Рача, где находились многочисленные залежи руды и производилась ее добыча и обработка, местных жителей называли *ркинис кацеби* («железные мужчины»).

Златокузнечество (ювелирное дело) представляет собой одно из значительных ответвлений металлургического производства. Термин *окромчедели* (златокузнец, ювелир) – лицо, работающее с золотом, обозначает ремесленника, занимающегося изготовлением различных предметов (украшений) из всех видов драгоценных металлов.

Златокузнечество зародилось в далеком прошлом и, сохраняя древнейшие традиции, пополнилось новыми техническими элементами. Термин *окромчедели* присутствует в толковом словаре С.-С. Орбелиани. Лексикограф упоминает его как «окрос мокмеди (действующий/работающий с золотом)» и при толковании слова *бавруки* (бура): «Бавруки похож на соль и *окромчедели* (златокузнецы) используют его при плавке золота» (*Орбелиани*, 1991).

В грузинском быту большой популярностью пользовались металлические украшения, отличающиеся многообразием форм и видов: серьги, шейные гривны, браслеты, пуговицы, перстни, поясные бляшки, фестоны и проч. Это ремесло было известно в городах (Тбилиси, Кутаиси, Телави и др.) и в разных этнографических уголках Грузии (Хевсурети, Рача, Гурия, Лечхуми, Сванети). Технические приемы были разнообразны. Например, в арсенале хевсурского ювелира были следующие орудия и приспособления: кожаные надувной мех кузнечный и поддувала, горн, глиняные тигли для плавки металлов, ювелирные ножницы, молотки, формы для заливки расплавленного серебра и т.д., до 38 наименований орудий. В хевсурском златокузнечестве доминировал орнамент, полученный методом каннелирования (желобчатый), проковки (чеканный) и отливки (литой). В Лечхуми у златокузнеца горн был устроен по типу кузнечного, он использовал более 14 орудий – клещи, плоскогубцы, перку (разновидность сверла), кисточки, литейные формы и т.д. Златокузнечество широко было распространено в Земо Сванети, где им занимались и женщины. Женщины-кузнецы являются также персонажами сванских сказок. Ювелирное дело, как правило, являлось прерогативой определенных фамилий: Цинделиани (Чуберское общество), Виблиани (с. Кичхилда), Чхвимиани (с. Гешдери). Здесь засвидетельствована как техника холоднойковки, так и техника скани и чернения серебра. Сванские ювелиры делали пуговицы, цепочки, *чапрасти* (поясные привески, фестоны) и т.д.

В Тбилиси златокузнечество носило характер широкомасштабного востребованного ремесла. Произведенные тбилискими ювелирами изделия пользовались большим спросом на рынке. Ювелирная техника здесь была в высшей степени отточена и усовершенствована. Приспособления труда златокузнеца составляли: горн, мехи, коробка для хранения угля, разнообразные клещи, двухконечный молоток, плоский напильник, формы для отливки

Украшения. XIX в.

Серебро; плавка, ковка, чеканка,
чернение, гравировка
© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

рельефного орнамента на золотых, серебряных, бронзовых и медных изделиях и т.д. – всего 75 орудий. В Национальном музее Грузии хранится более 200 образцов бронзовых форм для изготовления ювелирных изделий. Тбилисские ювелиры делали множество видов мужских и женских украшений и предметов обихода, в частности: детали отделки одежды, оружия, седел и сбруи, курительных трубок; чаши, бадьи, ложки. Златокузнечество повсеместно в Грузии включало следующие приемы техники изготовления украшений: ковку (чеканку), выемчатую чернь, литье, скань, зернь.

В Тбилиси мастерские ювелиров располагались на одной улице – *Верцхлис Риги* (Серебряный Ряд). Кузни, в которых было занято 2–3 человека, назывались *сахелосно* (мастерская), а объединяющие более 5–6 рабочих – *кархана* (завод). Ремесленники делились на категории: *хелосани* (мастер), *каргали* (подмастерье) и *шегирди* (ученик). Глава ювелирного цеха именовался – *устабаши/мамасахлиси*, *кетилсиндисциэрни* (букв.: добropорядочные, благородные). Кроме того, в цехе были *акаки* (гравёр), *хазинадари* (казначей), *аламдари* (знаменосец), *шикрики* (посыльный). В Национальном музее Грузии хранится знамя цеха тбилисских ювелиров. Цех тбилисских златокузнецов был многонациональным и включал грузин, армян, дагестанцев и др. На рубеже XIX–XX вв. своим мастерством славились ювелиры Симон Арджеванидзе, Георгий Илуридзе, Петрэ Мамулаишвили, Нико Асатиани и др.

До наших дней сохранились блестящие образцы грузинского златокузнечества: изделия и украшения с древнейшими формами и орнаментами; старинные приемы ювелирной техники. Следует подчеркнуть, что технический принцип грузинского златокузнечества в течение веков почти не менялся (*Амиранашвили*, 1971. С. 149).

Особенности грузинской художественной металлопластики показывают, как своеобразно проявлялись яркие национальные черты во возвращенном на

Знамя цеха золотокузнецов

Тифлис, 1889 г.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

родной почве грузинском искусстве, ведущем свое развитие от древнейших эпох. В этом развитии огромное значение приобретает вечно живая традиция национального искусства, своеобразно проявляющаяся на разных исторических этапах своего становления (*Мачабели*, 1983. С. 25).

ОБРАБОТКА МЕДИ⁴

Первыми металлами, с которыми познакомился человек, были золото и медь, содержащиеся в недрах земли в виде самородков. Интересный материал о металлургии Грузии эпохи ранней бронзы содержат памятники Сачхерского района (Западная Грузия – Начеркезеви, Царцис гора, с. Корети), свидетельствующие о том, что развитие металлургии здесь достигло довольно высокого уровня и что в верхнем течении р. Квирила имелся мощный очаг металлургического производства (*Джанапидзе О.*, 1955. С. 96). Существование древнейшего металлургического центра в верховье р. Квирила подтверждают обнаруженные здесь бронзовые слитки. Одним из основных занятий населения Саирхе античной эпохи была металлургия (*Надирадзе Дж.*, 1990. С. 139).

На территории исторической Колхиды в эпоху поздней бронзы было несколько ведущих центров металлургического производства: Чорохский бассейн, Абхазия, Лечхуми, Сачхере и др. (*Иоселиани*, 1973. С. 83).

⁴ © Ц. Какабадзе

Ареал распространения колхидской бронзовой культуры довольно обширен, и, кроме территории собственно Колхиды, эта культура через Аджарию прокладывает путь в Месхет-Джавахети (Земо Картли) (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 60–61) – это одно направление, а в другом направлении, через Сачхере и Рача, проникает в Шида Картли, доходя до берегов р. Арагви (*Коридзе*, 1965. С. 116). На основании археологических данных высказано соображение о том, что «на территории Аджарии существовало два локальных района, два основных очага металлургического производства: один – в верхнем течении Чорохисцкали и местах, находящихся к северу и северо-востоку от Батуми, другой – на Кобулетской низменности, в бассейне рек Кинтриши и Чаквисцкали и прилегающих к нему местностях» (*Коридзе*, 1965. С. 124). На территории Аджарии, в окрестностях Батуми, в селах Салибаури, Зенити и Цихидзири было раскопано множество медных слитков округлой формы (*Хоштария*, 1962. С. 31). «Медные чеканы» обнаружены также в Сванети – в общине Кала (*Чартолани М.*, 1964).

Чорохский бассейн, равно как и южные провинции Квемо Картли, были мощнейшими очагами добычи металлургического сырья и металлургического производства, которые дали начало двум крупнейшим направлениям одной культуры – колхидской (западногрузинской) и иберийской (восточногрузинской). К ним примыкали другие, не менее значительные очаги металлургии (*саркине*), расположенные на территории Грузии: в бассейнах рек Ингури, Хоби, Цхенисцкали, Риони, Квирила, Супса, Натанеби (*Рехвиашвили Н.*, 1964. С. 19, 20).

Медь в Грузии была известна с эпохи энеолита, что подтверждается находками печей. Они имели преимущественно простую конструкцию, т.е. предназначались только для выплавки металла, хотя существовали и печи сложной конструкции, в которых производились и выплавка, и обжиг.

Печи, обнаруженные археологами в Квемо Картли (Поладаури, Богви и др.), работали на древесном угле при помощи мехов, на что указывают обломки глиняной трубы – *штвири*. «Грузинские печи» XII–XIII вв. и их сравнение с печами того же времени, обнаруженными в других странах, позволяют говорить о высоком уровне развития металлургии в Грузии. К этому времени медь выплавляли главным образом из руды.

Сохранению традиции выплавки меди (из медной руды и лома) на протяжении XVIII–XIX вв. способствовали наличие в Грузии месторождений меди, а также опыт и знания, накопленные грузинским народом в этой отрасли.

О залежах меди в Квемо Картли Вахушти Багратиони пишет: «...западнее Чапала есть ущелье Саркинети. В Саркинети добывают руду железную и медную, здесь же добывается и немного *лажварди*» («медная лазурь» – минерал синего цвета, карбонат меди) (*Багратиони Вахушти*, 1973. С. 311). Сведения о медных рудах содержатся и в докладной записке Бурнашева, составленной в Тифлисе в 1786 г., где говорится, что «руд золота и серебра достаточно, но особенно много медных руд в нагорье между Грузией и Ереваном, которые обрабатывают приглашенные из Турции греки».

Место, где плавил медь, и работал мастер-медник, представляло собой специальное сооружение, а в городах – часть жилого дома. В Западной Грузии эта мастерская имеет несколько названий: *сахелосно/дукани/самчедури/самчедло* (Имерети – Кутаиси, Чхари, Сачхере, Терджола); *очкадре* (Рача).

Мастерская лудильщика
Тифлис, конец XIX в.
© НМГ. ЭФ, Ермаковская коллекция № 15602
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Самчедло-сахелосно (кузня-мастерская) – деревянное строение, фасадом которого являются ставни. *Дукани* – сооружение больших размеров, где, кроме рабочего места, есть специальная комната с полками, на которых стоят изделия, предназначенные для продажи. В *дукани* имелись также отдельные подсобные помещения: для хранения угля, склад и проч. Факт продажи указанной продукции из *дукани* подтверждается документами XVII в. *Кархана*, или мастерская, является частью жилого дома, одна сторона которой выходит на рынок, где продаются изготовленные здесь изделия. В *дукани* мог ночевать ученик мастера (*шегирди*). По окончании рабочего дня в *дукани* собирались мастера и вместе обедали. Здесь же происходил обряд посвящения ученика в мастера и т.д.

В центре *самчедури*, той же самчедло или дукани, прямо на земле без каменного фундамента была устроена печь (горн) с мехами. В центральной части печи имелось «гнездо», печная яма для плавки меди, или горнило. Горнило представляет собой маленькую ямку, имеющую форму округлого, углублен-

ного и срезанного в устье сосуда, оштукатуренного огнеупорной землей или золой. В тыльной кирпичной стене печи проложена железная или глиняная труба, один конец которой соединен с мехами, а другой вставлен в горнило печи для раздувания огня. Медники-котельщики использовали два типа печей: плавильную и сварочную.

Для осуществления операции плавки необходимо было создать в печи, а именно в медеплавильной яме, определенный температурный режим, что достигалось за счет регулирования работы мехов, установленных позади печи и соединенных с ней посредством трубы.

Медный лист-пластина производился из медного слитка, получаемого в результате отливки жидкой меди в литейной форме и ее охлаждения. Выковка пластины из слитка довольно трудоемкий процесс, традиционно выполняемый вручную. Для изготовления разных частей медной посуды требовались пластины разной толщины, поэтому листы, предназначенные, к примеру, для изготовления боковых сторон или доньев изделий, ковались по отдельности.

Топливом для плавки меди служил древесный уголь, поэтому в каждой кузнице или *дукани* для его хранения выделялось специальное помещение. Предпочтение отдавали углю из каштановой, дубовой или буковой древесины. Для разогрева печи применялся уголь из любой другой древесины. Зафиксированы два способа заготовки угля (Имерети, Самегрело, Сванети): выжигание в яме и на поверхности земли. Выжиганием угля, как правило, в летнее время были заняты подмастерья.

Факты переплавки железного вторсырья засвидетельствованы в Рача. Здесь оно называется *анджари*. Анджари – это износившаяся, вышедшая из употребления железная утварь, которая уже не может выполнять свою функцию. Вторсырье имело двоякое применение: оно использовалось либо в качестве сырьевого материала для нового металлургического производства, либо для обновления кувшинов (т.е. запайки поврежденных участков посуды).

Дляковки и чеканки медных изделий с древнейших времен использовались *грдемли* (наковальня), *уро* (молот) и *марцухи* (тиски, клещи). Наковальня представляла собой закрепленный на массивном пне отлитый из железа станок с гладкой, шлифованной рабочей поверхностью. Согласно толкованию С.-С. Орбелиани, «*грдемли/гурдемли* – устойчивый, прочный стол дляковки *илекро* (сплава золота, серебра, меди, свинца, олова и проч.)» (Орбелиани, 1966). Аналогичное пояснение дает и Н. Чубинашвили: «*грдемли* – железный пень дляковки металлов» (Чубинашвили Н., 1961). В. Беридзе называет наковальню *дгвлеми-грдемли* (Беридзе, 1912); в мегрельском языке она называется *куламури*, а в сванском – *кумин* (Нижсарадзе И., 1910).

Неотъемлемыми инструментами мастера являлись также *уро* (молот) и *квери* (молоток). У медников в пользовании имелось около пяти разновидностей молота. Большой железный молот – *диди уро* (кувалда) – тяжелый инструмент, который держат двумя руками. Затем шли молоты меньших размеров – средний и маленький. Молоты различались и по функциональному признаку: большой молот дляуплощения металлического листа (Сачхере); молот-кувалда для трудоемких работ (Самегрело); *уро путианквер*, или

путиани уро (Чхари); *хошакер уро* (меньший, чем *путиани уро*) и *хосраквер уро чакучи* (Сванети) и т.д.

Квери – молоток двух видов: с высокой и низкой головкой. *Квери* малых размеров идентичен молотку-*чакучи*. Наряду с железными, в арсенале медников имелись и деревянные молоты. Последние использовались для выравнивания поверхности медной кастрюли, котла или кувшина, для сглаживания шва в стыковых (припаянных) местах.

Зажатый в *марцухи* (клещи) металл куется кузнецом на наковальне при помощи молота и кувалды. Клещи использовали трех-четырёх видов: большие и маленькие, с рукояткой и без рукоятки, для захвата и удержания медных слитков, для переворачивания и переноса проковки, для взятия литейной формы, клещи для сгиба кромки металлического листа, клещи для выполнения вспомогательных работ – для проделывания отверстий (*хосра марцухи*), клещи для мелких заготовок и т.д. Изобретение клещей в народе связывают с именем святого *Солома/Соломона*, верховного покровителя 363 ремесел и кузнечества (Самегрело).

Посуда из меди и латуни относится не к группе «дорогой» посуды из *илекро* (сплава драгоценных металлов), а к группе посуды *умеджлишо*, или *уверцхло* (без серебра), т.е. предназначенной не для пиршеств, а для «домашнего обихода» (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 48). Грузинская медная и латунная посуда ежедневного бытового назначения изготавливалась путемковки, чеканки и прошивки. Коваными являются обнаруженные в Урбниси две медные тарелки и две медные кастрюли, датированные V–VI вв. (*Чилашвили*, 1964. С. 102).

Медную посуду куется медник-котельщик. Эта отрасль кустарного производства, усовершенствованная до высокого профессионального уровня, в Грузии всегда пользовалась большой популярностью. Любовь к этому делу прививалась в роду, в семье, передавалась от отца к сыну, от сына к внуку, из поколения в поколение, от мастера к ученику, однофамильцам и т.д. – словом, к тем, кто проявлял интерес к этому ремеслу, усердие в труде, кто бережно хранил, почитал и продолжал связанные с этим ремеслом традиции предков.

Медная посуда изготавливается путем соединения друг с другом ее составных частей (верха, устья, туловища, дна, поддона, ручки, колена и т.д.). Посуда как бы «сшивается» из медных пластин, или листов. В разных регионах Западной Грузии (Имерети, Самегрело, Сванети) зафиксировано несколько приемов соединения (сшивания) медных листов: 1) вставка зубьев; 2) вставка пластинок друг в друга и их припайка; 3) попарное группирование и отбортовка пластин; 4) скрепление медных пластин гвоздями (штырями); 5) пайка-сварка.

Грузинским традиционным методом можно считать соединение частей изделий из меди посредством гвоздиков, шишек, заклепок. Таким способом изготовлен сванский ритуальный котел *лэлгени*, состоящий из 52 больших медных листов, скрепленных друг с другом медными гвоздями, а также хранящийся в Местийском краеведческом музее другой медный котел *лэлгени* сравнительно малых размеров («пятиэтажный»). Изготовление посуды методомковки имеет в Грузии многовековую традицию, что подтверждается и археологическими раскопками. В Рустави обнаружена кованая медная чашка, датированная XI–XIII вв. (*Кикнадзе*, 1974. С. 144).

Готовую кованую посуду мастер затем отделяет разными приемами. Повсеместно распространенными способами украшения являются: 1) прочеканивание (получение рельефного орнамента); 2) насечение-процарапывание; 3) вытравка – разъедание орнамента раствором соляной кислоты; 4) инкрустация драгоценными металлами; 5) ажурная резьба; 6) роспись органическими красителями.

Для медной посуды характерно украшение каннелированным (выемчатым), процарапанным, нарезным, чеканным орнаментами. В быту сохранился выемчатый орнамент. С художественной точки зрения грузинская медная посуда (за редким исключением) отличается внешней простотой, неброскостью, что само по себе требовало от мастера совершенства форм и тщательной обработки поверхности посуды. Сюжеты орнаментов разнообразны: геометрические, цветочные (розетки), изображения птиц. Нанесение орнамента на металлических изделиях называется *дачрелеба*, а сам орнамент – *чрели* (Бардавелидзе, 1939. С. 26).

Медная посуда для воды в Грузии известна под различными названиями: *сацкле*, *кутали*, *тулухи*, *чапи*, *кока*, *доки*, *сура*, *тунги*, *чаидани* и т.д. В типе кувшина *тунги* выделяются подтипы по форме, величине и назначению: большие и маленькие, с крышкой и без крышки, для принесения, содержания, кипячения воды и т.д. Например, *тунги* с клювообразным (зауженным) устьем используется для питья воды, с ковшеобразным (широким закругленным) устьем – для наполнения и принесения воды. Кроме водоносной медной посуды больших размеров в быту активно применялись средние и маленькие *тунги*. Все они имеют одно ушко. Кувшин, известный под названием *цурицума* или *тунги-цурицума*, представляет собой медный, луженый с обеих (внутренней и внешней) сторон сосуд для воды с поддоном, трубкообразным отводом и ручкой. *Цурицума* являлся традиционным для Грузии сосудом, что подтверждается и археологическими находками. Водоносной посудой является также *сатли* – круглый сосуд с выступающим дном, чуть вогнутой средней частью туловища и тремя желобчатыми выемками на круглом и широком устье; железная ручка закреплена на припаянных к краю устья ушках.

Для кипячения и заваривания чая использовали медный чайник (*чаидани*) и *тунги*, одно из названий которого – *гигими* (Джавахети).

Многочисленна и разнообразна медная посуда для вина: *тунги*, *хелада-тунги*, *джамы* (миска), *таси* (чаша, кубок), *пиала* (чаша, пиала), *гвинис сацхао*, *сагвине кочоби* и т.д. Известно, что среди столовой посуды в обиходе наиболее распространенными были *хелада* и *джамы*. *Орхели* была предназначена для вычерпывания винного осадка или воды из врытых в землю больших кувшинов (*чури/квеври*) после их промывки. *Орхели* отчеканена из одной цельной медной пластины. Это нелуженая посуда, имеющая форму глубокой миски-кастрюли с широким устьем, прямыми боками, несколько выпуклым широким днищем, в центре которого имеется отверстие. С виноделием связана посуда для черпания вина из *чури* – *оршимо*, имеющая яйцеобразную форму и «сшитая» из двух-трех медных листов. Медные *оршимо* делали котельщики.

Инвентарь для перегонки водки также изготавливается из меди. Это довольно дорогостоящее приспособление, состоящее из большого медного котла,

Медные кастрюли

Имерети, XIX в.

© НМГ. ЭФ 14-2-17

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

зарпуши (крышка), *геджа* (лохани), трубки и железной треноги. Котел ковал и прошивал котельщик-медник.

Грузинские мерные сосуды из меди, употребляемые виноторговцами (*си-раджи*), были лужеными снаружи и изнутри, с узким дном, резко приподнятым плечом, низким горлышком, закругленным устьем, одним ушком. Из-за слишком узкого основания этот сосуд можно ставить только вверх дном. Существовало три размера мерной посуды – маленькая, средняя и большая: маленькие емкости: *чарека* (четвертая часть литра), *нахеварчарекиани* (поллитровая); средние емкости: литровая – *чарекиани* (полторалитровая); большие: *тунгиани* (вместимостью до 3–7 л), *чапиани* (от 8 до 12 и даже 20 л), *нахеварчапиани* (половина *чапи*), *нахевартунгиани* (половина *тунги*). Название мерной посуды определяется ее емкостью. Посуда считалась мерной после того, как посредством жидкости точно устанавливалась ее вместимость.

К категории кухонной посуды из меди относятся: кастрюли, котлы, подносы, тарелки, бадьи, миски-чаши, банки, сковородки, цедилки, шумовки, половники, ложки, черпалки, тазы и т.д.

В Сванети в церкви Ламариа, в *ладбаши* – месте, куда имеют право заходить женщины и молиться, хранится большой медный чан *лгени*. Его высота 104 см, диаметр устья – 102 см, диаметр дна – 102–103 см. Указанная посуда является праздничной, ритуальной (*садгеобо*) и предназначена для варки мяса жертвенного животного.

Лгени имеется также в с. Кала в церкви Св. Квирике и в Местийском краеведческом музее. Такие котлы были собственностью церквей и состоятельных семей и считались ценной вещью, сокровищем. Они обычно использовались, когда по тому или иному случаю собиралась вся община. По преданию местных жителей, эти котлы были выкованы в XVIII в.

От сванского *лгени* кардинально отличается *жиниши кардал* (Самегрело), т.е. котел, где варили мясо животного, принесенного в жертву божеству Жини. С функциональной точки зрения интересен также котел *сацундари*.

В грузинском быту употреблялись тарелки разных размеров – большие, средние и маленькие: *сини*, *лангари*, *супра*, *лангарди*, *тепиши-сини*, *табаки*, *хонча* и др. Поверхность блюда, подноса (*сини*) бывает гладкой или орнаментированной. Узоры на блюдах выполнены техникой процарапывания или вырезывания. Сюжеты на посуде встречаются самые разнообразные: розетки, солярные знаки *борджали*, круги, геометрические орнаменты, спицы, рыбы, пятнистые олени, голуби, симметрично расположенные нарезные точки, полуокружности, елочные орнаменты, крученые плетенки, высеченные мячи, когтеобразные орнаменты, фантастические существа и т.д. Изредка на блюдах делались надписи. Для грузинского *сини* характерно низкое, мелко насеченное ушко – *карба*. Эта посуда в основном предназначена для сухих продуктов: фруктов, хачапури, вареной курицы, тыквы, пеламуши, медовых сот и т.д.

Медные сковороды разных размеров, с одной или двумя ручками, использовались на открытом огне. Дно сковороды не луженое. Сковорода-жаровня *пурнэ* (пекарня) использовалась для жарки поросенка или барашка в *пурнэ*.

В употреблении были также медные ложки, половники, шумовки разных форм и размеров: целиком луженые, глубокие, круглые, с загнутым концом, с длинной ручкой. Ручки этих кухонных приборов всегда были украшены декоративными растительными или геометрическими орнаментами.

Повседневно и по праздникам использовали различные медные тарелки: глубокие, плоские, с поддоном, без поддона, с раскрытыми краями, с собранными краями, *парплиани* и *упарпло*, т.е. с выступами наподобие «крыльев» по краям и без них; кроме того, *бадьи* миски-чаши, *баркаши* (глубокая тарелка для супа), *бадьи* для сыпучих продуктов, для жидкой пищи.

Для молочных продуктов используются кастрюли *сардзеве* (для молока), *саэрбове* (для топленого масла), для кипячения молока (*чалхана*). Медное сито (*тушпаланга*) употребляли для процеживания молока и отжимания сыра.

Медные изделия служили также церковной утварью: это *бардзими* (чаша, потир) – сосуд для вина на высоком поддоне, употребляемый в обряде причащения, *санатлави* (купель) и др.

Медными были и некоторые музыкальные инструменты: *буки*, тот же *диди саквири*, – металлический духовой инструмент для подачи сигнала, горн – в грузинских письменных источниках впервые упоминается в IX в. На *буки* играли по случаю торжественных мероприятий, на царских приемах и шествиях, придворных и культовых церемониалах, во время военных походов, чтобы предупредить народ о нападении неприятеля, о приближающейся опасности, начале войны, о сборе народа для решения насущных

вопросов и т.д. Функции горниста (*мебуке*) считались очень важными и почетными.

В Грузии с медной посудой связаны определенные обряды и обычаи. Ее жертвовали церкви, иконе, давали в приданое, она была непременным атрибутом различных церемоний (свадебных, похоронных) и т.д. Например, в Самегрело «больной для исцеления должен был обещать св. Георгию тельца на заклятие, свечу, деньги, а также то, что он сам явится к нему (Георгию) на именины, чтобы оказать ему свое почтение. В качестве “заклада” под данное обещание в углу дома ставили медный котел либо какую-либо другую посуду из меди. Этот заклад называется *сацндари*, и до исполнения обета он стоит без употребления» (*Сахокия*, 1956. С. 164).

ОБРАБОТКА КАМНЯ⁵

Территория Грузии богата месторождениями строительного и облицовочного камня высшего качества, что во многом способствовало как интенсивному строительству памятников архитектуры, так и широкому производству домашней утвари.

Обилие камнеобрабатывающих орудий, богатый терминологический арсенал, многовековой эмпирический опыт, а также многообразный материал, засвидетельствованный в этнографическом быту, свидетельствуют о масштабах грузинского камнерезного искусства.

В старину во главе строительной артели стояли *хуротмодзгвари* – архитектор и *зедамдгомели* – смотритель. *Калатози* – каменщик являлся помощником архитектора, а если здание было большое, то требовался еще и *калатозт-ухуцеси* – старейшина каменщиков. Разница между ними состояла в том, что архитектор составлял проект и руководил процессом строительства, а старейшина каменщиков заведовал технической стороной (*Джавахишвили И.*, 1946б. С. 144–145). К следующей группе И. Джавахишвили относит *сакмис мокмеди, мушаки*, т.е. рабочих, непосредственно строящих здание. Начальником над ними был *зедамхедвели* – надзиратель, а за строительством большего масштаба следил *зедамдгомелт-ухуцеси* – старейшина надзирателей. Непосредственно занятые обработкой камня мастера назывались *хурони кватани*. Они в свою очередь делились на *квис мхдели*, *квис гамомкверели* – тесальщиков, *квис гамомчрели* – камнерезов и *квис мкветели* – долбильщиков (*Джавахишвили И.*, 1946. С. 245).

В древней Грузии строительство зданий осуществлялось по заранее продуманному плану. Заблаговременно подыскивали также мастеров, доставали необходимый материал. Особое значение придавалось близости карьера или каменоломни.

Лучшим для обработки считался камень белого цвета, который подразделялся на синеватый (со светло-голубым оттенком) и сероватый. Белый камень в основном мягкий, легко поддается обработке. Терминами *лиши* и *либери* обозначали камень плохого качества, который внешне напоминал чистый, без загрязнений камень (*умизезо*). Именно тут выявлялось умение мастера заметить незначительные различия в цвете камня. Камень красного цвета

⁵ © Э. Надирадзе

намного прочнее белого, трудно поддается обработке и применяется, ввиду его огнестойкости, в особых случаях (для оборудования в камине *тапа* – места, где разводят огонь, и *цинатири* – лицевой части и «ножек»). Красный камень имел различные оттенки: пурпурный, светло-красный и т.д., что и подмечал опытный мастер. В общей сложности различали камни 10–15 цветов, каждый из них обладал особыми свойствами, и при изготовлении предмета камень каждой породы обрабатывался по-разному.

В камнерезном искусстве большое значение придается камнеобрабатывающим инструментам, разнообразие, способы и качество изготовления которых в большой степени определяют художественный и эстетический уровень обработки камня. Камень – один из труднообрабатываемых материалов, «требующих не только обыкновенного железного орудия труда, но и выкованного из высококачественной стали инструмента (*хелчурчели*)» (*Рехвиашвили Н.*, 1978).

Участники мцхетской археологической экспедиции восстановили интересную картину древнего камнерезного искусства: «Массивные крупные плиты и саркофаги вырезывались и обтесывались на месте – в карьерах и доставлялись на кладбище в готовом виде. Обработка этих довольно твердых пород требовала орудий соответствующей прочности и остроты (надо полагать, стальных). Набор хорошо дифференцированных инструментов использовался для тонкой обработки плит, составляющих гробницы эриставской усыпальницы. На поверхности этих плит легко распознаются следы от ударов как тупым тесовиком, так и остроконечным орудием» (*Анакидзе, Гобеджишвили и др.*, 1955. С. 21–22).

И. Джавахишвили писал: «Для заготовки и обтесывания камня в древности употреблялись инструменты, каждый из которых имел свое назначение и название» (*Джавахишвили И.*, 1946. С. 154). Орудия обработки и отделки камня делятся на 4 основные группы: для выемки камня; для обтески камня; обделочно-орнаментные и вспомогательные (*сашвели иараги*). Каждая из этих групп состояла из нескольких видов орудий, различных по своей форме и назначению (*Рехвиашвили Н.*, 1978. С. 61–67).

В группу орудий выламывания и очистки камня объединены: клинья деревянные и железные; *марцухи* – клещи; *бури* или *мартхати* – большой долбильный лом с широким острым концом; *хведа, диди уро* – большая каменотесная кувалда. Клинья бывают двух типов: круглые, остроконечные – для твердых пород, и плоские – с затупленным наконечником, для выемки мягкого камня. *Самцквдеулеби* – крепления придают правильную ориентацию массиву подлежащему ломке, укрепляют клинья и предохраняют камень от повреждения.

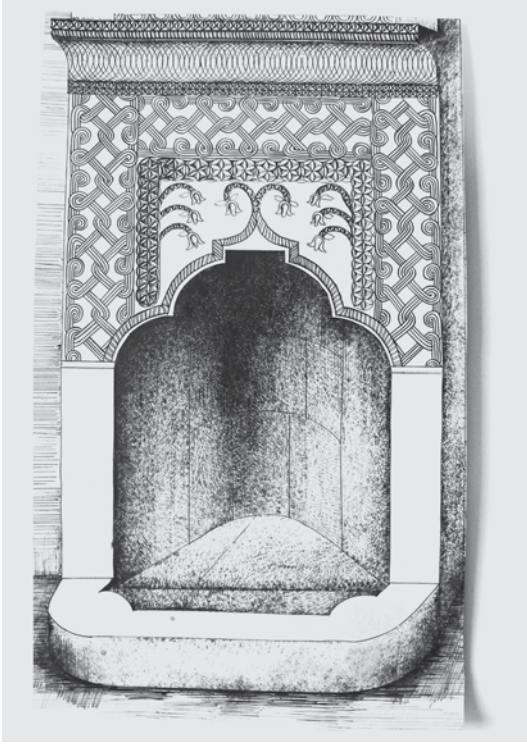
К каменотесным, отделочно-шлифовальным и орнаментировочным орудиям относятся: *церакви* – кирка с острым концом и обухом и *цалкати* – обоюдоострая кирка; *кбилебиани сакодели* – зазубренное и заостренное тесло, зубчатый молот; *пинджани* (Картли) – молоток «чашка»; *бердзнис чакучи* (Имерети) – молоток греческий; *кбилебдачрили хелквери* – бучерка; *пириани сакодели* – точильный брусок; *тараги* – наструг; *касури* – рашпиль; *клиби* – напильник; *калами* – резцы; *цибрути* – коловорот; *хелквери* – ручной молоток.

Кирка – одно из древнейших орудий, упомянутых в письменных источниках. В практике обработки камня она признана наиболее часто применяемым

Резьба по камню
Храм Кацхи, XI в.
Беридзе, 1967

Резьба по камню.
Деталь алтарной преграды
Церковь в с. Ховле, XI в.
Беридзе, 1967

Камин

Западная Грузия, XIX–XX вв.

Рис. Г. Размадзе, 1970-е годы

© НМГ. ЭФ 5.14-44-1

© საქართველოს მუცნიერებათა ეროვნული აკადემია

орудием. Во всех вариантах слова «церакви» содержится сущность ее основной функции – обработки камня острием, и эта особенность выделяет ее из остальных орудий.

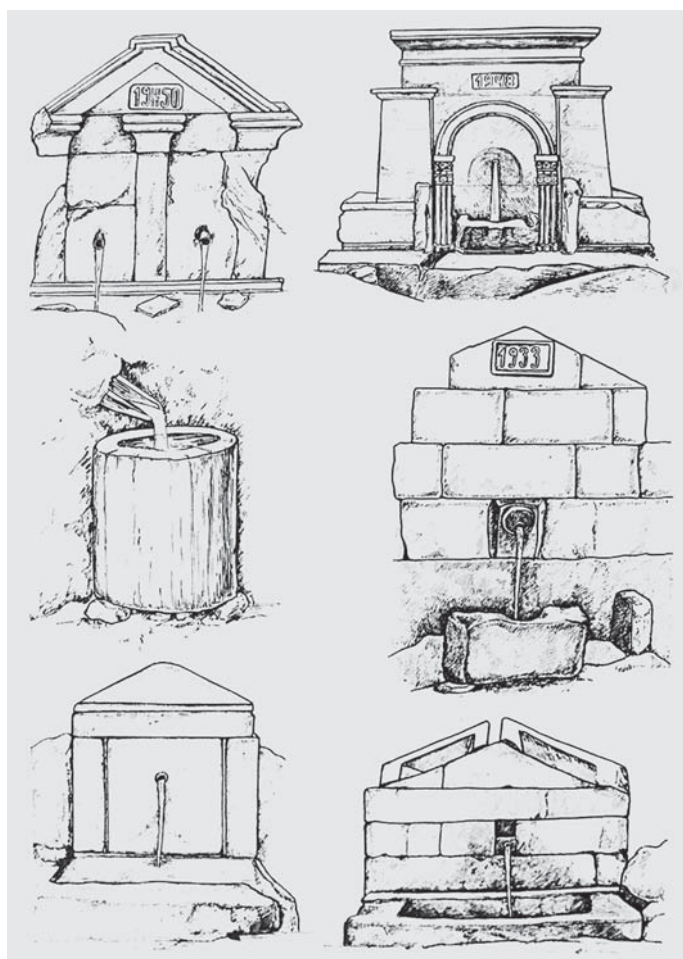
Разнообразны также виды зубчатого молота, который мог быть разных размеров. В большинстве случаев это орудие легкое, плоское и тонкое. Его основная функция – выравнивание поверхности камня. Количество зубцов разное, есть молоты с пятью, десятью и более зубцами. Зубчатый молот, или *дишла* употребляется для обтесывания поверхности камня. Режущие лезвия молота

загнуты. Для устранения бугров использовался зубчатый молоток. Орудие этого типа вместе с киркой следует считать одним из древнейших.

Для обтесывания поверхности и отделочно-шлифовальных работ употребляется *сатлели* (точилка), т.е. *тараги* с лезвием. Они также бывают разной формы. После кирки их можно считать самыми распространенными и совершенными орудиями. Внешне точилка, дробилка и *саварцхели* – гребень имеют одинаковую форму, но различаются друг от друга как качеством металла, так и функциональным назначением.

К третьей группе орудий обработки камня относятся правильно-измерительные орудия: *лелцами* (*шишма*) – тростник, т.е. линейка, правило (*самарти*), циркуль (*паргали*), наугольник (*гонии*), уровень (*таразо*), отвес (*швеули*), *кешао* – подручный разовый измеритель глубины резьбы в камне, шаблон (*андазеби/таргеби*), свинцовый карандаш (*тквиис панкари*). Некоторые из этих орудий (*шишма*, циркуль-наугольник) являются орудиями соблюдения точности при кладке камня. Что касается подвески и шнура отвеса, то они употребляются для возведения стен и являются вспомогательными инструментами каменщика.

Входящие в четвертую группу инструменты непосредственно не связаны с обработкой камня, но для полного представления картины камнерезного искусства их следует объединить в одну группу. Таковыми являются транспортировочные орудия и средства. Орудиями для поднятия и перекачивания камня являются: *вагакети* – железный плоский лом (иногда пользовались и деревянным), лебедка (*оцинари*), *азармаци* и *самакнели* – рычаги. Для

Виды родников

Лечхуми, XVII–XVIII вв.

Рис. О. Кониашвили, 1970-е годы

© НМГ. ЭФ 1.14-44-5

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

поднятия камня часто использовались *кочеби* – балки и *джаламбари* – лебедка (особенно при строительстве колодцев). К этой группе относятся *муша-квеби* – рабочие камни (опоры), *сакисри* – подшпипники, *балиши* – подушки, *сагорави* – волокуша на колесиках и др.

В Грузии применяются два способа ломки камня: деревянными и железными клиньями и взрывом с применением пороха. Первый из них является древним и находит параллель с соответствующим способом ломки камня народами мира, применение же второго связано с появлением взрывчатых веществ.

Судя по документам позднефеодальной эпохи, в Тбилиси и в других городах, наряду с разными ремесленническими, существовали и камнерезные корпорации (*Месхиа*, 1983. С. 593). Организация труда особенно упорядочена

в основных камнеобрабатывающих центрах. По данным древнегрузинских письменных источников, *квис мхдели* означал камнедобытчика, *квис мте-хели* – камнеломщика, далее следовали дробильщики и тесальщики камня – *квис момчрели*, *квис гамомкветели* и *квис гамомтлели*. Подобное распределение специализации труда каменотесов и наличие большого количества терминов связано с обширной строительной деятельностью. Широкие масштабы производства обусловили появление разных профессий: специализация мастеров по разным профилям была обязательна во время широкомасштабных работ.

В искусстве обработки камня, как в одной из отраслей ремесла, засвидетельствованы две формы обучения: мастер – подмастерье и передача мастерства от отца к сыну, из которых первая характерна для городских центров (Тбилиси, Кутаиси, Телави, Вани, Хони, Гори, Душети), а вторая – для сельских.

Богатые традиции камнерезного искусства в Грузии существовали издревле, о чем свидетельствуют как документально-письменные источники, так и множество архитектурных памятников грузинской материальной культуры.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

ЗАГОТОВКА, ОБРАБОТКА И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕРЕВА В ХОЗЯЙСТВЕ⁶

Грузия – страна, богатая лесами и древесным материалом. Здесь и по сей день сохранились уникальные породы деревьев: дзелква (*zelkova caprinifolia*), эльдарская сосна, самшит и пр. (*Гросгейм*, 1945. С. 15).

Археологические материалы свидетельствуют, что обработка дерева в Грузии с древности занимала значительное место, и позволяют проследить путь развития деревообрабатывающих орудий, деревянных изделий и установить породы деревьев, пригодных для хозяйственного применения (дуб, граб, сосна, пихта, береза).

Немало сведений о многообразии лесов, пород деревьев и их обработке в Грузии содержится в древних письменных источниках. Например, при описании Колхиды Страбон (I в. до н.э. – I в. н.э.) пишет, что здесь в большом изобилии имеется материал для судостроения. Примечателен также тот факт, что древняя беговая колесница (участвующая в скачках) в готовом виде вывозилась в Египет с Кавказа (или вывозился древесный материал для ее сборки на месте) (*Гегешидзе*, 1956б. С. 90). В средние века на Кавказе самшитом торговали генуэзцы. По сведениям А. Ламберти, из Мегрелии на турецких кораблях везли на продажу самшитовые деревья (1938. С. 191). Большое значение в жизни и быту грузинского народа имело деревянное зодчество.

В Грузии не было района, население которого не занималось бы кустарной или широкомасштабной деревообработкой. Высоким мастерством в этом ремесле отличались лазы, которых Вахушти называл «искусными мастерами по дереву», а также сваны, пшавы, хевсуры, рачинцы, имеретинцы.

⁶ © Г. Гаситашвили

Заслуживают внимания народные знания и опыт, связанные с заготовкой пород деревьев. Например, в зависимости от того, для чего предназначалось сырье, *мохеле* (ремесленник) непременно учитывал анатомию, породу, возраст, свойства древесины. Деревья для заготовки материала, как правило, рубили осенью, когда они были твердыми и сухими (т.е. под корой не было влаги – *лопи*). Внимание обращали и на фазу луны. С тем, чтобы в дальнейшем в деревянных изделиях не завелись черви-древоточцы, рубку леса для заготовки материала осуществляли при старой луне: считалось, что это была древесина лучшего качества.

Разновидности деревообрабатывающих орудий таковы: рубяще-режущие – топор, пила; отесывающие – колун, двуручный резец (дексель), тесло, нож; дырявяще-сверлящие – долото, резак, бурав; циклевальные.

Народные традиции и трудовые навыки деревянного зодчества хорошо видны при изучении таких отраслей, как *метивеоба* – изготовление плотов (*тиви* – плот), *мекевреоба* – изготовление молотильных досок (*кеври*), *мекавреоба* – изготовление гонта, драпки (*кавари*) и др.

Метивеоба – одна из древнейших отраслей производства речного транспорта. Ранние сведения об использовании в Грузии водных транспортных средств и о речном лесосплаве содержатся еще в сочинениях Геродота и Страбона. Термин *тиви* встречается в грузинском переводе Библии. Согласно толкованию С.-С. Орбелиани, *тиви* – «это бревна, связанные вместе для плавания по воде» (Орбелиани, 1993). Изготовлению плотов и связанной с ними деятельности в Грузии издавна способствовало наличие богатых лесных массивов и полноводных рек. Сплавкой плотов в основном занималось население, жившее в ущельях рек Куры, Большой Лиахвы, Цхенисцкали, Риони, Ингури, Поцхови. На крупнейших реках Грузии – Кура и Риони – плоты можно было сплавлять на большие расстояния. На р. Куре исходным пунктом сплавки плотов был Цниси, а конечным – Тбилиси.

Время и продолжительность лесосплава зависели от половодья, от его начала и окончания. Самый продолжительный период его был характерен для крупных рек. На маленьких реках Черноморского бассейна плоты сплавляли во время дождевых паводков.

После рубки заранее выбранного дерева, подходящего по размеру и форме для сплава, материал обрабатывался на месте: снимали со стволов кору (*гакерква*), торцевали (*даморва*), пилили бревна на части нужных размеров – *котреби* (Картли). Заготовленная таким образом древесина хорошо высыхала и уменьшалась в весе, что имело определенное значение при лесосплаве. На торце бревна тесаком высекали круглую проушину – *нацхвири/сацкнели*, в которую продевалась веревка для закрепления бревен в связке. Сначала эти бревна несли к *сахаре* – месту, куда могла подступиться тягловая сила (быки, волы). Большие деревья перетаскивали при помощи каталок и толстых дубин. В труднодоступных местах срубленные деревья спускали по естественным расселинам – *свани/нави* (Боржомское ущелье), *гари/шуро* (Имерети). Далее от *сахаре* бревна на волах тащили к *сативе* – заводу, месту, где течение реки спокойное, замедленное и где удобно было вязать и держать плот. Конечные пункты *сативе* являлись в то же время местами купли-продажи плотов. На р. Куре *сативе* имелись в Ахалцихе, Ацкури, Двири, Ликани, Боржоме, Квибиси, Рвели, Кортанети, Ахалдаба и Карели. Известны также *сативе* на

р. Тана в Атени и на р. Большая Лиахва – в Кехви и Дзарцеми. В одной связке прутьями закрепляли по восемь бревен. Большой плот состоял из 20 бревен.

Для сплава плота и его сопровождения обычно требовалось два плотовщика: *мецинаве* и *меболаве*. В половодье на подмогу брали еще двух человек (*хелис мкврели* – подручный). С точки зрения лексического состава интересен «язык *метиве*» – скупая, лаконичная, заранее разработанная терминология, используемая плотовщиками *мецинаве* и *меболаве* во время перегонки плота.

Управление плотом было сопряжено с особыми трудностями и требовало от плотогона-*мецинаве* знания течений, сноровки, осторожности, физической выносливости. Плотовщик проходил долгий путь овладения мастерством, прежде чем становился настоящим умельцем. В половодье боржомские плотовщики спускались до Тбилиси за один день. В мелководье для преодоления этого же расстояния требовалось 2–3 дня. Стоянки плотов – *сабруни* были устроены в нескольких районах города: одна находилась в Верийском квартале, другая – у Метехского моста. Нередко возле *сативе* открывали духаны, где, кроме еды, посетителям предлагали и ночлег.

Пока плот спускался до места назначения, его использовали как транспорт. На плоту перевозили дрова, древесный материал, фрукты, зерно. «Время от времени из Гори и Метехи в Тифлис по Куре плыли плоты, сложенные из бревен длиной в 4 сажени. Везли пшеницу, ячмень. После продажи зерновых продавали и сами бревна» (*Гильденштедт*, 1962. С. 80). Исторические документы свидетельствуют также об использовании плотов только в качестве транспортного средства. Примечательны факты прогулки на плотах свадебной свиты. Для *карачохели* (тбилисских мастеровых) пиры на плотах были обычным делом. *Метивеоба* отражено в творчестве многих грузинских писателей, народных стихах и песнях. В музыкальном фольклоре существует даже особый песенный жанр *метивури*.

Со второй половины XIX в. *метивеоба* приобретает промысловый характер. Предприниматели закупали у землевладельцев лесоматериалы и нанимали рабочих для их рубки, пилки, сплава. Для жителей малоземельных сел и деревень, расположенных вдоль рек, заготовка леса, лесосплав, *метивеоба* превратились в значительный источник дохода. Из исторических документов явствует, что для прибывавших в Тбилиси плотов был учрежден таможенный налог. Деньги, полученные от реализации плота, *цклис кацеби* (лица, занятые формированием и сплавом плота) делили поровну. Иногда плотовщик-*мецинаве* символически брал себе больше. Если кто-либо из плотовщиков работал с тягловой силой (волами), за эту работу предусматривалась отдельная плата (*сахаре*).

В Грузии были распространены молотильные доски – *кеври*, сделанные из одной доски (Имерети, Ксанское ущелье), из двух досок (Картл-Кахети, Сванети, Рача) и редко из трех досок (Квемо Картли, Гаре Кахети). Различали *кеври* двух видов: *картули* (грузинская) и *триалетури* (триалетская). У *картули кеври* (Картли, Имерети, Кахети, Рача, Сванети) округлый приподнятый нос, на котором во время молотьбы жнивье (*намджа/бджа*) не собиралось; вбитые в рабочую часть камни – *кохеби* – круглые, четырехугольные и ромбовидные. У *триалетури кеври* (Месхет-Джаваheti) нос плоский, прямой, чуть приподнятый, камни ровные и гладкие. Население предпочитало *картули кеври*, поскольку она лучше обмолачивала колосья. В то же время доска с

круглыми камнями хорошо измельчала солому/мякину (*бзе*), которая шла на корм скоту.

В Картли, Кахети, Рача, Месхет-Джавахеги, Сванети кеври в основном выстругивали из сосны, а в районах с преобладанием лиственных деревьев использовали каштан (Имерети), вяз, дикую грушу, черноклен (Ксанское ущелье), ясень (Алазанская долина). Но все же при изготовлении *кеври* предпочтение отдавалось сосне.

Для молотьбы большое значение имели техника вбивания камней в молотильную доску – *мокохва* и выбор подходящих камней. В процессе эксплуатации камни изнашивались, и им требовалось насечение – *мокодва*. Мастера-*мекохе* верхом на лошадях объезжали деревни и села, предлагая свои услуги по отладке *кеври*, – вставляли выпавшие камни в гнезда и т.д. К новой *кеври* с тыльной стороны обычно прикрепляли маленький деревянный крест, который, по народному поверью, оберегал кеври и ее хозяина от сглаза и обеспечивал обильный обмолот. Существовал также ритуал прикладывания к новой кеври хлеба-лаваша и соли как залог будущего достатка семьи (*Джалабадзе Г.*, 1960. С. 133).

Молотьба хлеба (*дабегва*) происходила на гумне, которое было устроено на кровле дома, во дворе или вблизи пашни. В Грузии были распространены два вида гумна: наружное/полевое/ножное; домашнее/крытое/закрытое/террасное гумно. На полевом гумне молотьба сжатого хлеба совершалась на *кеври*. Гумно устраивали на возвышенном, хорошо проветриваемом месте (Картли, Кахети, Сванети, Имерети, Рача). Крытое гумно было распространено в горной полосе (Ксанское ущелье), где снопы обмолачивали при помощи скота (*Читая*, 1939. С. 287). На току часто работали одновременно две, три, четыре *кеври*. Их число зависело от того, сколько подвод снопов было свезено на гумно. В *кеври* обычно запрягали бычка или лошадь, реже – буйвола.

Археологически *кеври* фиксируется на территории Грузии с ранних пор. Остатки этого орудия обнаружены в таких земледельческих центрах древней Иберии, как Мцхета (VIII–VI вв. до н.э.), Ховле (XI–IX вв. до н.э.), Уплисцихе (III–I вв. до н.э.), Цхинвали (VIII–V вв. до н.э.) (*Чубинишвили Т.*, 1951. С. 62; *Абрамишвили и др.*, 1960. С. 10; *Хахутайшвили*, 1965а. С. 45; *Джапаридзе О.*, 1960б. С. 21). По мнению исследователей, появление и распространение *кеври* на территории Восточной Грузии относится к периоду поздней бронзы – раннего железа. Племена, обитавшие на территории Закавказья, начали использовать в земледелии быков как тягловую силу с эпохи поздней бронзы. Примечательно, что во всех случаях обнаружения *кеври* в раскопах на ней был погребен покойник. Обычай захоронения усопшего вместе с молотильной доской, по-видимому, был характерен для всех народов Закавказья.

Гонт (тес, драпка) – кровельный материал для хозяйственных и жилых сооружений. Его преимущественно заготавливали в селах, к которым прилегали сосновые, каштановые или грабовые леса. Предпочтение отдавалось древесине хвойных пород деревьев как более долговечной. На равнине гонтовая кровля могла прослужить 12–15 лет (поскольку здесь она сильнее раскалялась под воздействием солнца, пропитывалась дождевой водой и прогнивала), а в горах – до 20–25 лет.

Гонт заготавливали осенью, когда древесина была сухой и «спелой». Выбранные деревья торцевали, раскалывали сначала пополам, загоняя в бревно

клинья, затем – еще на четыре части, а каждую из них – на обрубки *белеши* (Боржомское ущелье), *катори* (Имерети). Из одного обрубка получалось 8–12 штук дранок. Обрубки «листовали» (распиливали на тонкие пластины/дощечки) на гонтовом станке. Пластины гонта для просушки укладывали друг на друга поперечными ступеньками. 100 пластин составляли одну стопку, которая стоила 3 батмана (1 батман – 8 кг) кукурузы (Имерети). Для перекрытия дома требовалось 8–10 стопок гонта. В Имерети при этой работе односельчане или два-три представителя одной фамилии объединялись в «товарищество» для изготовления гонта. Труд между ними распределялся поровну. Одни рубили, торцевали, пилили деревья для изготовления гонта на четвертины, другие «листовали» гонт.

До развития капиталистических отношений (в период натурального хозяйства) на селе изготовление хозяйственных орудий, транспортных средств и кровельного материала оставалось в пределах семейного производства и удовлетворяло только потребности семьи. С вытеснением натурального хозяйства и внедрением капиталистических отношений крестьянин превращается в кустаря, который «с целью реализации на рынке перерабатывает то или иное сырье, со временем он совершенствует свое мастерство и достигает определенных успехов в культуре ремесла. В таких условиях в качестве придатка к земледелию на селе возникает вспомогательный промысел» (*Гугушвили П.*, 1950. С. 53).

Из исторических, археологических и этнографических данных явствует, что обработка дерева в Грузии занимала значительное место, что нашло отражение в трудовых навыках, промысловом опыте, многообразии деревянных орудий и богатой терминологии.

ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА⁷

Грузины издавна славились высокой культурой обработки дерева, в том числе производством разнообразной посуды. «Изучение истории посуды имеет большое значение для истории культуры и представляет интерес как с точки зрения техники и художественного исполнения, так и с точки зрения развития культуры в целом» (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 41). Деревянная посуда, выделяющаяся особым разнообразием форм и функций, высоким уровнем техники изготовления, занимает одно из значительных мест среди обилия видов грузинской посуды, что и отражено в богатой терминологии.

Изготовление деревянной посуды в Грузии – традиционная отрасль ремесла, корни которого уходят в глубь веков, о чем, наряду с письменными источниками, свидетельствуют и археологические материалы (*Джапаридзе О.*, 1960а. С. 14, 44; *Джапаридзе, Джавахишвили*, 1971. С. 2; *Хоштария*, 1944. С. 13).

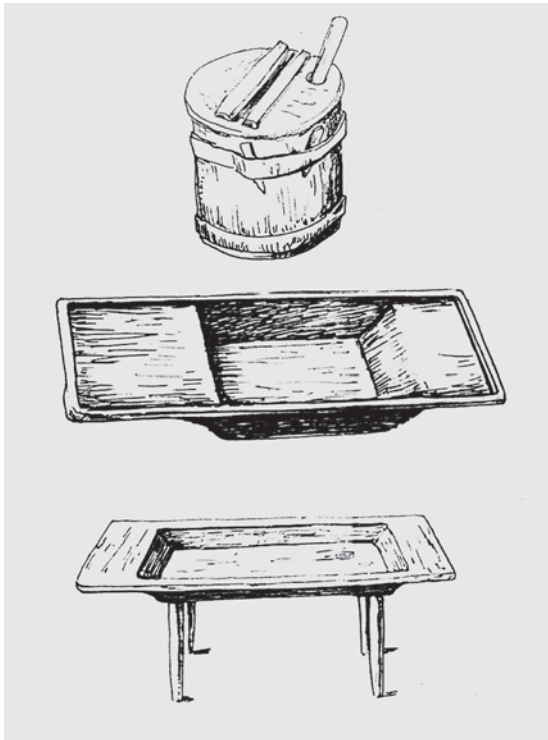
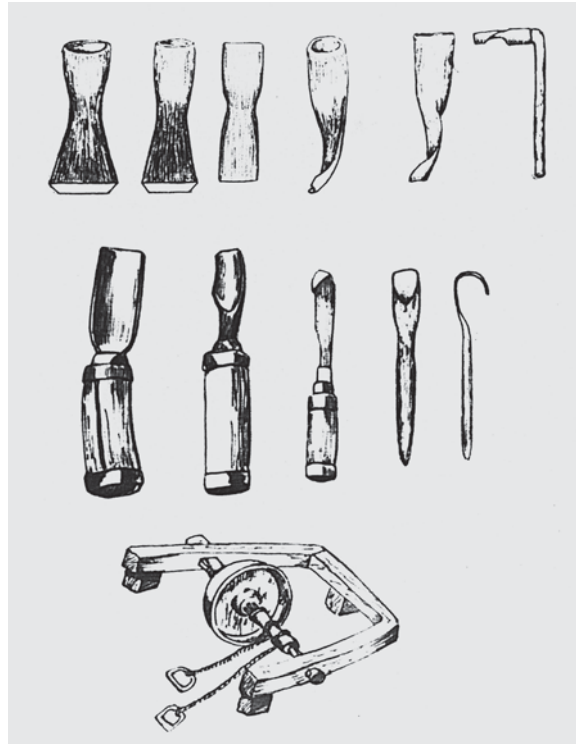
В грузинском быту зафиксировано существование простых форм деревянной посуды – *хокери*, *годори*, *ковзиджохи*, сложных форм – *варцли*, *коди*, *садгвбели* и промежуточных – *ковзисасмиси*, что позволяет проследить путь развития видов посуды местного производства.

⁷ © М. Хазарадзе

Инструменты для изготовления
деревянной посуды. XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Квашня для опары и корыто для
замешивания теста. XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Квашня. XX в.
 Восточная Грузия
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
 აკადემია

Деревянную посуду можно сгруппировать по функциональному признаку. Виды деревянной посуды для хранения зерна – *хокери*, *бокви*, *коди*, *чхути*; для замешивания теста – *варцли*, *гоби*, *сасапувре*, *тмошти*; для приготовления и хранения молочных продуктов – *садгвебели*, *вариа*, *чхутбрунели*, *бакани*, *сазеури*; для пищевых продуктов – *ковзи*, *джами*, *хонча*, *санаки*, *самариле*; сосуды для питья и хранения воды – *кока*, *кутали*, *сагомела*, *охар*, *ордзира*, *акиро*.

Посуду для хранения зерна делали из коры дерева и древесины. Посуда из коры признана древнейшей. Весной кора легко отслаивается от ствола дерева и не требует особой обработки. Легкость и прочность коры обусловили ее широкое распространение в быту. Посуду из коры использовали для хранения молочных продуктов, для сбора ягод и лесных фруктов, в качестве пчелиных ульев.

Для замешивания теста в Грузии существовала посуда двух типов: *варцли* – глубокое продолговатое корыто с ушками по обоим концам и *гоби* – большая круглая посуда.

Варцли было двух видов: – большая посудина с крышкой на ножках (Пшави, Мтиулет-Гудамакари, Кахети), совмещающая несколько функций – в основном в ней хранили выпеченный хлеб, а в особых случаях (свадьба, похороны) использовали для замешивания теста; – большая посуда без ножек, распространенная в Картл-Кахети и соответствующая масштабыности систем высокоразвитого равнинного полеводства Грузии. Меньше ее по размеру *хелварцли* была распространена в Пшав-Хевсурети и Мтиулету и использовалась для повседневных нужд. В Месхет-Джавахеги она называется *гоби*, а в Сванети – *джар*. У сванов распространены два вида *варцли*: для замешивания хлебного теста – *ларбиал джар* и для приготовления начинки, добавляемой в выпечку, – *ланчуднал джар*. Термин *варцли* встречается в древних письменных памятниках (Абуладзе, 1973; Мцхетская рукопись, 1986. С. 37).

Основная функция *варцли* связана с замешиванием пшеничной муки. Арел ее распространения – те регионы, в которых ведущей культурой полеводства являются хлебные злаки. В *варцли* последовательно выполнялся процесс замешивания опары теста и его раскатывания на куски (*гунда*). Поскольку она представляла собой необходимую для повседневных занятий кухонную утварь, с ней связаны сохранившиеся в современном быту синонимические обозначения домохозяйки: *меварцле* (Рача) и *мербиел* (Сванети) (Харадзе,

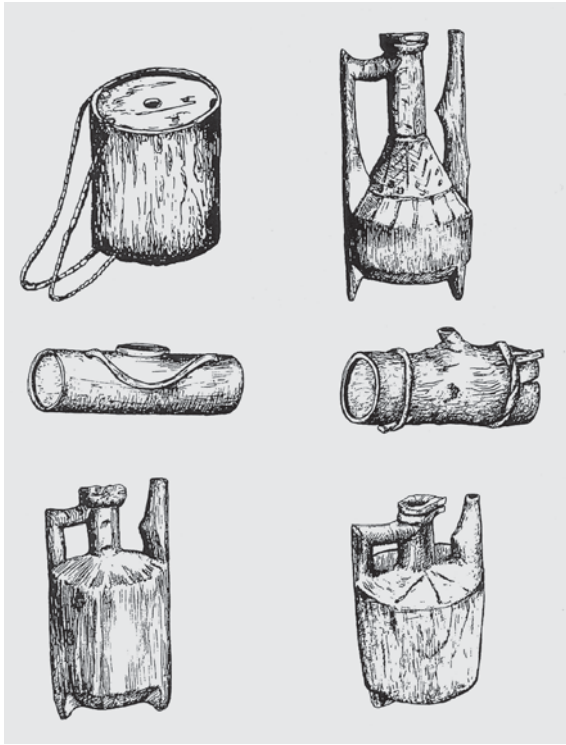
1966. С. 175; 1939. С. 56). Заслуживает внимания обычай раздела семьи, бытующий в Мтиулет-Гудамакари и Хеви, при котором *варцли* оставалась в распоряжении хозяйки дома. В случае раздела семьи беременной женщине отдавали столько пшеницы, сколько вмещалось в наполненную до краев *варцли*. При исполнении этого обряда коснуться *варцли* имела право только хозяйка дома. Такими же правами обладала тушинская женщина в отношении посуды *тмошти* (Бедукидзе, 1973. С. 128).

В Тушети для замешивания *кумели/хали/ква* (блюдо из мелко просеянной, поджаренной, ржаной или ячменной муки) использовали *тмошти* – посуду округлой формы на трех ножках с крышкой. *Хали* было одним из повседневных блюд, основной пищей пастухов. В старину в Тушети, как и в других горных районах Грузии, пшеничный хлеб пекли крайне редко, особенно зимой. Наиболее популярным продуктом было указанное блюдо, приготовленное на топленом масле (Джалаладзе Г., 1986. С. 224). *Хали* заменял тушинам хлеб, и по сравнению с пшеничной мукой его расходовалось меньше (Харадзе, 1960. С. 114). *Хали* был основным хлебным продуктом для скотоводов в горах (Джикиа, 1967. С. 224). *Тмошти* для Тушети – древнейший вид посуды. Деревянная трехногая посуда с крышкой, аналогичная *тмошти*, обнаружена в ходе археологических изысканий в захоронении эпохи бронзы (начало II тыс. до н.э.) на Беденской возвышенности (Тетрицкаройский район) (Гобеджшвили, 1967. С. 48).

Ячменную и ржаную муку замешивали в посуде типа бочки, выдолбленной из цельного ствола дерева – *сапуари/ласнавр* (Сванети)/*сасапувре* (Лечхуми). Подходило тесто там же. Посуда имела крышку с выемкой для плоской деревянной ложки – *чогани*. Ячменное тесто трудно замешивается руками, поэтому для этого использовали *чогани*. Подошедшее тесто скатывали в комки, которые с помощью *чогани* перекладывали на *варцли*. Пшеничную муку в Сванети месили в *варцли*, а для заквашивания переносили в *сапуари*. Ячменный хлеб в сванской семье использовался повседневно, а пшеничный, имевший ритуальное назначение, пекли только по праздникам (Чартолани М., 1961. С. 102). *Сапуари* как посуда для заквашивания теста – локальный элемент сванского быта, что было связано с культурой ячменя. Из-за указанных свойств ячменного теста его удобнее было замешивать в бочкообразной посуде. Поскольку на опару тесто оставляли в этой же посуде, она обязательно должна быть глубокой.

В Лечхуми посуду *сасапувре* использовали для заквашивания теста, замешанного в *гоби* из пшеничной муки. Для замешивания теста из пшеничной или кукурузной муки почти во всех уголках Грузии использовали круглую посуду – *гоби*.

Посуда для приготовления и хранения молочных продуктов отличалась особым разнообразием в Хевсурети. Как известно, разведение крупного рогатого скота в этом краю, как и в других районах нагорья Восточной Грузии, наряду с земледелием и овцеводством, представляло собой основную и традиционную отрасль хозяйства (Макалатия, 1984. С. 2). Крупное животноводство является особенностью хозяйства Пиракет (Буде) Хевсурети (Читая, 1997а. С. 223), известной производством высококачественных молочных продуктов (топленого масла). Хевсурское топленое масло славится своими

Сосуды для воды, пива, молока

Картли, начало XX в.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

замечательными свойствами так же, как и тушинский сыр и мегрельский сулгуни (*Читая*, 1947. С. 153).

Посуда для приготовления масла была двух типов: горизонтальная маслобойка – *вариа* и вертикальная – *чхут-брунели*. *Вариа* тесно связана с интенсивным молочным хозяйством и предназначалась для переработки большого количества сливок, поэтому использовалась в крупных хозяйствах (*Читая*, 1997а. С. 218). *Вариа* – это закрытая с двух сторон посуда цилиндрической формы с чуть

вогнутым туловищем и неравномерным дном, выдолбленная из цельного дерева. Вогнутость ее туловища способствует увеличению силы удара молока, а неравномерность дна – быстрому взбиванию. Как правило, *вариа* подвешивалась на веревке к потолку и приводилась в движение мерным раскачиванием из стороны в сторону. Маслобойка типа *вариа* распространена в Месхет-Джавахети, Кахети, Шида Картли, Саингило, Земо Картли, Мтис Рача, Аджарии.

Вертикальная маслобойка *чхут-брунели* состоит из двух частей: *чхути* – закрытая с одной стороны посуда цилиндрической формы из цельного дерева; *брунели* – палка-мутовка с закрепленными на конце крест-накрест деревянными пластинками, помещаемая в *чхути*. Молоко заливается в *чхути* и взбивается посредством вращательного движения *брунели* сверху вниз. В *чхути* вмещалось меньшее количество молока; до настоящего времени она встречается почти во всех селах Пшави и Тушети. Аналогичная взбивалка была распространена и в Рача, куда она, по всей видимости, проникла с Северного Кавказа. Ареал распространения *чхут-брунели* довольно широк; встречается на Северном Кавказе (Северная Осетия, Балкария, Чечня, Ингушетия, Адыгея, Дагестан). Подобная взбивалка была известна у скифов (*Геродот*, 1985. С. 293); распространена в Турции, Средней Азии и России (*Неменова*, 1969. С. 42; *Гонтарь*, 1978. С. 93; *Титов*, 1976. С. 68).

Распространенная в Грузии кухонная и столовая посуда отличается особым разнообразием (ложка, поднос, миска, ступка, солонка, сосуды для питья, для хранения воды), оригинальностью форм, простотой и в то же время художественными достоинствами. Этнографический материал выявляет

Деревянная кухонная утварь: ковши, ложки, шумовка и треноги для размешивания пищи
 Картли, начало XX в.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Деревянные сосуды для вина, пива и молока
 Картли, начало XX в.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

богатые народные традиции и опыт обработки и использования дерева, что выражается в хорошем знании мастерами строения и свойств материала.

Посуду для приготовления и хранения пищи делали из липы, вяза, березы, но предпочтение отдавалось липе, поскольку посуда из этого дерева не изменяла вкуса хранящегося в ней продукта. Из липы, бука и вяза делали *варцли, гоби, садгвებელი, კოდი, კასრი, ხონჩა, ტაბაკი*; из клена – ложки; из березы – сосуды для питья. Наилучшими по качеству считались сосуды для питья, изготовленные из нароста (*კანა*) на дереве (Пшави, Тушети, Гурия, Аджария). Наросты обычно имеются на березе и осокоре. Поскольку наросты отличаются особой прочностью, толщина стенок изготовленной из них посуды нередко не превышает толщины ореховой скорлупы (Мамбетов, 1962. С. 43). Одним из основных принципов изготовления некоторых видов деревянной посуды является одновременное использование сырой древесины и хорошо просушенного дерева.

В Грузии была высоко развита технология изготовления *плетеной посуды*, которая имела столь широкое применение, что без нее невозможно было представить быт грузина. Плетеная посуда довольно разнообразна и интересна как по форме, так и по технике изготовления и богатству терминологии.

гии. Многие плетеные изделия отличаются редким изяществом и могут быть признаны образцами искусства. Наиболее широко они представлены в тех регионах, в которых интенсивно были развиты виноградарство и плодоводство (Картл-Кахети, Рача-Лечхуми, Гурия, Самегрело, Имерети, Месхети); в горных регионах ассортимент плетеных изделий представлен беднее. Данное обстоятельство обусловлено недостатком сырья и местной спецификой отраслей хозяйства. Популярность плетеных изделий в быту объясняется их легкостью, вместительностью и простотой изготовления. Выбор материала для плетения зависел от распространенной в конкретном регионе растительности. Предпочтение отдавалось упругому, легко сгибаемому материалу: прутьям орешника, калины, кизила, березы, рябины и т.д. В некоторых равнинных регионах (Картли, Рача) для плетения специально выращивали особые породы дерева, например, *salix viminalis* – один из видов ивы.

Искусство плетения – древнейшее универсальное завоевание культуры человечества, тесно связанное с такими отраслями, как вязание и гончарное дело (Косвен, 1957. С. 15). В связи с этим следует отметить многообразие грузинского этнографического материала. Примечательно, что в грузинской этнографической действительности во время плетения используются термины, обозначающие процесс вязания. Например, *бечва* (*чабечва*), *саксели*, *мисаксели*, *годрис дзири* (*пскери*) – дно корзины – дощатое, и на нем связана (*моксовили*) корзина (Хевсурети). Почти во всех уголках Грузии термин *цена* (плетение) используется наряду с термином *ксова* (вязание). Использование одних и тех же терминов для обозначения процессов плетения и вязания, чередование терминов *цена* и *ксова* говорит в пользу высказанного в специальной научной литературе мнения о том, что в прошлом эти процессы были генетически взаимосвязаны (Croufoot, 1956. P. 414; Forbes, 1955. P. 172, 250). Идентичность *спирально-жгутового* способа изготовления и плетения керамических изделий – крышки колодца, *торне* (печи), *квеври* (винного кувшина), *годори* (корзины) – подтверждает известное положение о том, что керамические изделия произошли от плетеной посуды, обмазанной глиной.

В Грузии встречаются почти все виды плетеных изделий, выполненных из любых материалов и техниками, распространенными во всем мире. Это: спирально-жгутовое плетение, соединяющее, циновкообразное, косообразное, опорное (рамочное).

Изготовление деревянной посуды оставалось в рамках семейного производства. В некоторых уголках Грузии (Пшави) изготовление деревянной посуды носило характер домашнего промысла (изделия производились для продажи на рынке). Изготовлению деревянной посуды учились в семье путем непосредственного наблюдения, сын усваивал от отца навыки ремесла, создававшего дополнительный источник дохода в личном хозяйстве.

Распространенные в отдельных регионах Грузии виды деревянной посуды являются органической частью общегрузинских видов и характеризуются локальными особенностями, обусловленными своеобразием местных отраслей хозяйства и окружающей природной среды.

МЕБЕЛЬ⁸

В зависимости от функционального назначения мебель делится на несколько групп: мебель для лежания, для сидения, для трапезы и для хранения (размещения) разных предметов. Наибольшим разнообразием отличается мебель, предназначенная для лежания (для сна): стул-кровать/*лаквра* (Сванети), *тахта*, кровать (постель)/*логин* (Сванети), *аквани* (колыбель), *лачани* (кровать с плетеным низом), *джини* и *чапи* – плетеные кровати (горная часть Восточной Грузии). Для обозначения спальной мебели в грузинских письменных памятниках до X в. употреблялись термины *сарецели* и *цхедари*. В X–XVII вв. термин *сарецели* сменяется термином *тахти* (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 24). Примечательно, что, согласно сведениям римских историков, в числе подарков, преподнесенных в разные периоды (с I в. до н.э. до II в. н.э.) картлийскими царями римским императорам, упоминается и позолоченная кровать (*Меликишвили Г.А.*, 1955. С. 166). Если в странах Востока неизменным элементом внутреннего убранства покоев и достойным царским подарком считался ковер, то в Грузии ту же функцию исполняла мебель с позолотой. Образцы такой мебели признаны изделиями непревзойденного качества, сотворенными руками местных мастеров (*Ломтатидзе*, 1952. С. 145).

Из мебели для сидения следует выделить: длинную мужскую (*самамацо*) скамью *мерхи* (Тушети), женскую скамью *бандар* (Сванети), стул-кресло для главы семьи (*саупросо*) *сакуручили* (Сванети), *сакаричули* (Рача), *самарто сками*, *чика* и др. В письменных источниках XII–XIV вв. стул (*сками*) упоминается наряду с другими названиями мебели, предназначенной для сидения (*сели*, *дасадждомели*) (*Такайшвили*, 1920. С. 1).

Трапезная мебель: *хонча* – *табла*, *табаг/пички* (Сванети). Это обеденные столы. Функционально к этой мебели относится и *табаки*. Его употребление в качестве стола для еды фиксируется с XII–XIV вв. (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 66, 31).

Многообразна и мебель для хранения (размещения) разной утвари: *кидобани/кибдон* (Сванети), *скиври*, *зандуки*, *хелхути* (*тагруци*, *крочи*, *макалози*), а также встроенные в стену полки *бужжери*.

В горах Восточной Грузии наблюдается особое многообразие мебели для лежания. Таков, например, тушинский термин *мехи* (стул-кровать), представляющий собой компонент интерьера, который функционально и конструктивно был идентичен пшавскому *сками*. Для прочности деревянная доска – основная часть кровати – устанавливалась на трех выпирающих в стене камнях и подпиралась шестью маленькими прямоугольными ножками. Это была довольно примитивная конструкция, не требующая специальных навыков столярного дела.

Заслуживает внимания сванская кровать главы семьи четырехугольной формы с высоким изголовьем, опирающаяся на четыре ножки, – *кидабени*, являющаяся оригинальной локальной разновидностью мебели для лежания.

В нагорье Восточной Грузии были распространены и плетеные кровати, известные в Хеви и Хевсурети как *чапи*, а в Пшави – под названием *джини*. Их плели из прутьев орешника, что имело практическое основание: плете-

⁸ © Л. Бедукадзе

Тагруци – коробка для мелких вещей

Картли, XIX в.

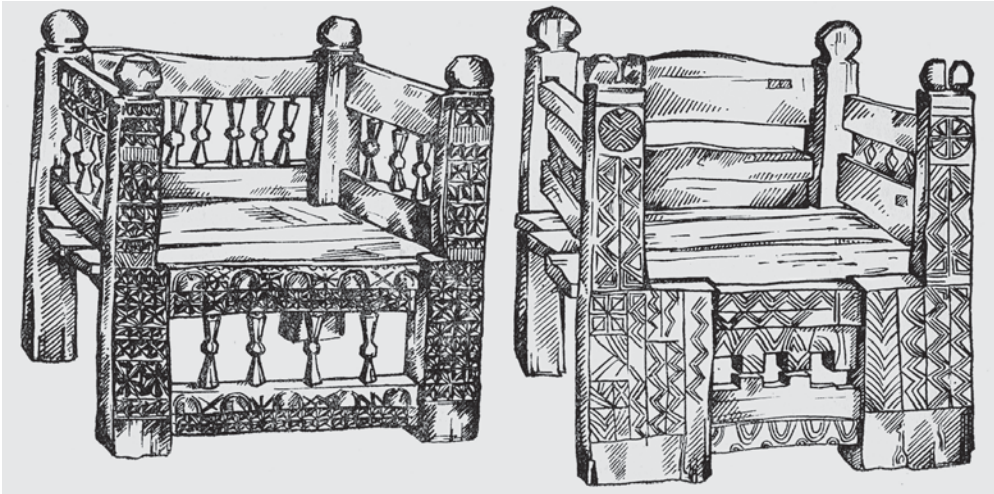
© НМГ. ЭФ 1-77-5

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Кресла для старших мужчин семьи

Сванети, 1930-е годы

Бардавелидзе, 1939

ные края кровати способствовали естественной вентиляции и обеспечивали сухость постели. Такие кровати преимущественно были удобны для пожилых людей. У пшавской мужской (*самамацо*) кровати *лачани* плетеным было только дно. В старину кровать застилали сначала сеном или соломой, а затем ковром. В качестве одеяла использовали шкуры животных; эта традиция в горах Восточной Грузии сохранялась до недавних времен.

Из мебели для сидения совершенством форм выделяется сванский стул-кресло *сакуруцхили*, являющийся неотъемлемым атрибутом повседневного быта и предназначенный для главы семьи. Иногда его уступали и почетному гостю. *Сакуруцхили* стоял возле очага, где во главе с *мамасахлиси* собирался семейный совет, на котором решались важнейшие вопросы семейного быта сванов. *Сакуруцхили* принимал участие в поминальной трапезе на годовщину по усопшему и в обряде поминовения *липанали* (Читая, 1925. С. 48).

В Грузии фиксируются разные формы традиционной трапезной мебели. *Табла-табаки* – один из видов круглого обеденного стола. Следует заметить,

Кресло для старших мужчин семьи
Картли, конец XIX в.
© НМГ. ЭФ 14-7
© საქართველოს მემკვიდრეობის
ეროვნული აკადემია

что в горных районах Грузии термином *табла* обозначают и еду, приготовленную для поминовения души покойного. Исходя из этого очевидно, что *табла* – небольшой столик преимущественно округлой формы, разработанный на основе древних представлений и верований, на который ставили поминальную еду на имя усопшего. Обозначение мебели (стола) и поминальной еды одним и тем же термином

табла, по-видимому, имело определенную смысловую нагрузку. Возможно, округлая форма стола *табла* была связана с религиозными представлениями о небесных светилах. Данное обстоятельство позволяет полагать, что округлость *табла* берет начало в древнейших верованиях.

Кидобани – один из древнейших и распространенных видов народной мебели. В старину он занимал видное место при исполнении праздничных ритуалов. Термин *кидобани* (ларь) – древнегрузинское соответствие терминов *скиври*, *зандуки*, *ларнаки*. Кроме грузинского перевода Книги Бытия, этот термин встречается и в письменных памятниках IX–X вв. (*Артилаква*, 1965. С. 120). В Хевсурети и Тушети термином *кидобани* обозначают мебель наподобие шкафа с несколькими отделениями. Он представлял собой и предмет приданого невесты. *Кидобани* использовался для хранения продуктов, одежды, оружия. Встречаются *кидобани* для зерна и хлеба (*Гоциридзе*, 2007. С. 97). В Грузии существовали и так называемые *святые кидобани*, имевшие культовое назначение. В Саингило прикоснуться к святому кидобани, стоявшему справа от *дедабодзи* (досл. «мать-столб», основной столб дома), никто не имел права, кроме отца и его сына-наследника. В нем хранили елей, вату и воск. Из ваты и воска на новый год делали свечи. Зажженные свечи глава семьи прикреплял к *святому кидобани*; все члены семьи собирались возле него и молились.

Для изготовления мебели использовалась древесина следующих пород деревьев: сосны, дуба, липы, ореха, бука, вяза и каштана. В Пшави и Хевсурети стулья и столы делали из букового дерева, а мебель для хранения домашней утвари – из липы. При изготовлении кроватей предпочтение отдавалось сосновой древесине, поскольку этот материал отталкивает разные микроорганизмы и полезен для здоровья. Мебельщики считали сосну *жирным* деревом, непригодным для орнаментирования. Для высечения орнамента наиболее подходило липовое дерево. Чистый белый цвет липовой древесины создавал прекрасный фон для орнамента, поэтому лицевую часть *кидобани* или стула отделявали липовой доской.

Резная деревянная скамья
 Лечхуми, конец XIX в.
 © НМГ. ЭФ 14-3
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Резной деревянный шкаф
 Сванети, конец XIX в.
 © НМГ. ЭФ 14-2
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Орнамент – компонент, присущий для орнаментированной (*чрели*) мебели и первоначально связанный с древними представлениями и верованиями. В нагорье Грузии термину *орнамент* соответствуют *чрели* (Хевсурети), *начрели* (Тушети), *лчреле* (Сванети), являющиеся разными формами слова *чрели*.

Сохранившаяся в горной части мебель в основном украшена геометрическим орнаментом, солярными символами, и большинство элементов орнамента – изображения солнца, луны, полумесяца, креста – связаны с языческими представлениями (*Бардавелидзе, Читая, 1939. С. 12*). Одной из сложнейших разновидностей геометрической орнаментации считалось насечение треугольников. Эта техника в Тушети именовалась *накарда*, в Пшави – *ноквис чрели*, в других районах горной Восточной Грузии – *бугаури/борджгала* (Хевсурети). Сохранившиеся в грузинских народных орнаментах знаки (крест, свастика, солнце), которые по своему генезису и содержанию относятся к дохристианскому периоду, широко распространены среди народов Древнего Востока и Эгейского мира (*Сургуладзе И., 1967. С. 28*).

Народная мебель тесно связана с нравами и обычаями, существующими в быту грузин: уважение к старшему в семье, место старших женщины и мужчины в интерьере, распределение обязанностей и функций между членами семьи и проч.

Мебель разного назначения, будь то в пшавском «сахл»-е, тушинском «шуа» или сванском «шина», располагалась в строго определенном порядке по правую и левую стороны от очага. Без очага не происходило ни одно значительное семейное событие. В жилище грузин-горцев место у очага было разделено на две части: мужскую *самамацо* и женскую *садиацо*. По народным представлениям, очаг представлял собой объединительный элемент семьи и ее композиционный центр. По правую сторону от очага стоял мужской стул *мерхи*, по левую – женский. Разделение на мужскую и женскую половины было обусловлено разделением труда в домашнем хозяйстве. Скамьи главы семьи, почетного гостя и домохозяйки стояли за очагом. Мужской стул, как правило, был неприкосновенным. Запрещалось даже сдвигать его с места, а в случае разделения семьи он оставался в старом доме. Не входил в долю и не подвергался разделу и стул-кресло главы семьи. Примечательно, что пространственное размежевание с учетом полового признака, т.е. традиция сегрегации, соблюдается в быту и в дальнейшем, после появления камина: место справа или слева от него продолжает восприниматься как мужское или женское пространство.

Мебель изготавливали преимущественно зимой, в свободное от сельскохозяйственных работ время, что было характерно для сельских ремесленников, поскольку это представляло собой дополнительную отрасль хозяйства. Крестьянин издавна сам должен был быть мастером на все руки (*Гугушвили П., 1962. С. 337*). Мебель, как правило, изготавливали почти во всех селах, но отдельные села были более известны своими мастерами. Например, особым умением славилась мебельщики тушинского с. Цокалта. Хороший мебельщик одновременно был хорошим знатоком дерева, но обычно в лес за древесиной ходил *помощник столяра*, который и выбирал нужную породу. Лесорубы, пилельщики и изготовители досок объединялись в категорию помощников.

Народное мебельное производство представляло собой один из значительных домашних промыслов, который вносил определенный вклад в развитие бытовой культуры населения.

ГОНЧАРСТВО⁹

Многоотраслевое хозяйство Грузии обуславливало потребность в широком ассортименте посуды для хранения продуктов животноводства, земледелия, виноградарства и т.д. На протяжении веков создавались и формировались виды грузинской глиняной посуды разного назначения. Грузинская народная керамика привлекает внимание как с социально-экономической точки зрения, так и с точки зрения ее самобытности; ей присущи изысканность и строгость форм, высокая техника и культура исполнения, чему способствовали богатство и специфические особенности местного сырья и многовековые традиции гончарного ремесла. Современное грузинское народное керамическое производство, можно сказать, отразило поступательное развитие этой отрасли, воплотив в себе характерные черты почти всех ее разновидностей и сохранив в сокровищнице национальной культуры устоявшиеся, выдержавшие испытание временем формы керамики.

В Грузии известно множество очагов керамического производства: в Восточной Грузии – Бодбисхеви, Анага, Вакири (Кизики), Телави, Руиспири, Икалто, Велисхихе (Шуа Кахети), Ниноцминда (Гаре Кахети), Тбилиси, Мцхета, Арагвиспири, Цхавати, Гори, Меджврисхеви, Ахалкалаки (Каспский район), Ванати, Дманиси (Картли); в Западной Грузии – Шроша, Сацабле, Макатубани, Гезрули, Джокоети, Бослеви, Дидципела, Чхараули, Риони, Варцихе (Имерети), Нагомари, Ацана, Акети (Гурия), Саирме (Лечхуми), Они, Шеубани, Лачта (Рача), Намиколово, Гурдзemi (Самегрело), Хуцубани (Аджария) и т.д.

В известных гончарством центрах Грузии представлено широкомасштабное керамическое производство. Несмотря на различие техники изготовления и своеобразие форм изделий, однозначно можно заявить, что почти все отрасли керамического производства, зафиксированные на территории Грузии, восходят к одному общему началу.

Изначально гончарное ремесло было женским занятием. Женщина без всяких специальных орудий и гончарных кругов вручную делала нужную в хозяйственном обиходе посуду. С внедрением ручного гончарного круга этим ремеслом стали заниматься мужчины, хотя в Грузии (как и в других регионах Кавказа) до недавнего времени можно было встретить женщин-гончаров. В современной Грузии гончарство считается мужским ремеслом, традиционным передающимся в семье из поколения в поколение, от отца к сыну.

На поиски подходящей для изготовления посуды глины обычно отправляются несколько человек. Опираясь на эмпирические знания и опыт, гончары распознают свойства глины. Наилучшей (наиболее чистой) считается глина, извлеченная из глубинных слоев почвы. Добытая в разных местах глина отличается своими свойствами, поэтому гончар непременно учитывает их при изготовлении того или иного изделия. Нередко керамическое производство требует изменения естественных свойств глины; особенно это касается искусственного изменения степени ее пластичности. Например, с целью отощания глины в процессе обработки в нее добавляют непластичный материал (шамот, песок) (*Бочоришвили*, 1949. С. 90), что повышает техническую

⁹ © М. Зандукели

Гончар из с. Руиспири
Кахети, Телавский район
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-126

Изготовление глиняного кувшина
Кахети, 1960-е годы
© ФЗЭНГ
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

прочность, спекаемость и огнеупорность глины, защищающие ее во время обжига от деформации. Некоторые сорта глины не нуждаются в отошении, поскольку вполне пригодны для конкретного вида работ.

Гончарную глину разминали ногами. Такой метод обработки имеет давнюю традицию, которая по сей день сохранилась в известных центрах производства керамики. В некоторых краях Грузии поиски и выбор глины, ее выкапывание, транспортировка и обработка считались функциями женщины. Замешивание глины в народе сравнивают с замешиванием женщиной теста. Более того, в некоторых местах Грузии замешивание гончарной глины мужчиной считалось постыдным для него делом. Женщины мяли, месили глину в основном пятками ног до тех пор, пока глина и песок не превращались в однородную массу. Сегодня глину кое-где месят самодельными машинами, что ощутимо облегчает труд гончара.

Для изготовления глиняной посуды в Грузии используют гончарный круг, именуемый в разных уголках страны по-разному: *моргви*, *борбали*, *цибрути*. В народном керамическом производстве сегодня применяют гончарный круг двух типов: первый, простой – ручной и более сложной конструкции – ножной круг. В западногрузинской этнографической действительности ножной гончарный круг не фиксируется. Всюду (Самегрело, Имерети, Гурия, Лечхуми), где имеем дело с применением в гончарстве мужского труда, использовался и поныне используется исключительно ручной гончарный круг (*Тодуа*, 1975. С. 59). Ручной круг *моргви* используется также в некоторых районах Восточной Грузии.

Процесс изготовления посуды сложен и многообразен. Издревле существовало два способа изготовления посуды: из одного глиняного комка-скатыша (*гунда*) или нескольких комьев-жгутов (*сурсали/сорсали*) – жгутовый, или ленточный способ, что было обусловлено разными свойствами глины. При изготовлении посуды из *сурсали* гончарный круг *моргви* вращали взад-вперед (по и против часовой стрелки).

Основные приемы изготовления всех типов посуды в большинстве случаев идентичны: начинают с лепки и закрепления дна (основания) посуды на гончарном круге; посредством комьев-*сурсали садзире мица* (дно) при вращении круга постепенно поднимают по бокам, выводя туловище изделия; параллельно его оттачивают и зачищают деревянными орудиями (стеками). Следующий этап – налепляют горло предмета, после чего устью придают желательную форму. Наконец, к посуде прикрепляют ушко одним концом к горлу, другим – к туловищу, и готовую посуду срезают с круга. При изготовлении посуды из одного комка глины последний подвергается следующим манипуляциям: комок несколько уплощают и налепляют в центре круга, в процессе вращения круга его углубляют посередине, затем ловкими движениями пальцев рук его поднимают и опускают, формируют и т.д.

По характеру изготовления и внешнего убранства в Грузии различают два основных типа глиняной посуды: *красная* (неглазурованная) и *глазурованная*. Декорированию глиняных изделий грузинский народ всегда придавал особое значение (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 63–64).

В керамических глинах Грузии содержатся примеси железа; в зависимости от его концентрации после обжига посуда приобретает красный цвет разной интенсивности, вследствие чего эту посуду в народе называют красной.

Керамические сосуды *гозаури* (Картли); *чати, хелада* (Кахети)
Середина XX в.
Бедукадзе, 1964а

Керамические сосуды *сура, гозаури, чинчила*
Имерети, XX в.
Бедукадзе, 1964а

В разных уголках страны глиняная посуда имеет разную окраску (из-за количества содержащегося в ней железа и других минералов): от светло-красного до насыщенного буро-красного цвета, розоватый, желтоватый и сероватый оттенки. Красная посуда бывает либо гладкая, либо орнаментированная; орнамент на этой посуде получают посредством росписи *ангобом* (красящей глиной) и насечения палочкой (дощечкой).

Использование ангоба в грузинской керамике имеет древнейшую традицию (*Куфтин*, 1941. С. 79; *Джапаридзе В.*, 1956. С. 11; *Гагошидзе*, 1970). Этот краситель имелся не во всех центрах керамического производства, поэтому мастерам порой приходилось везти его издалека. Для росписи краску готовит сам гончар: в глиняную миску засыпается небольшое количество порошкообразного ангоба и заливается водой до консистенции кашицы. Для получения черного или коричневого ангоба в него в разных пропорциях добавляют марганец. В разных краях Грузии ангобом наносят разноцветные и разнообразные орнаменты. Для украшения посуды гончары используют также ручную палочку для выведения рельефных полос на уже ангобированной поверхности. Полосы делают путем насечения на сырой глине. Этот прием декорирования известен с давних пор (*Гобеджишвили*, 1952. С. 39; *Кверфельдт*, 1947. С. 30, 32). На грузинской керамической посуде орнамент, выполненный обоими приемами, имеет геометрический характер. Сюжетные рисунки, изображения растений, птиц, людей практически не встречаются.

Древнейшую традицию имеет в Грузии также и искусство глазурования глиняной посуды. Местная глазурованная посуда, датированная еще VIII–VII вв. до н.э., обнаружена в результате археологических раскопок в Триалети и Мцхета. Массовый характер производство посуды этого типа приобрело в XI–XVI вв. Сохранившееся и засвидетельствованное в грузинском быту производство глазурованной посуды подтверждает преемственность древних традиций.

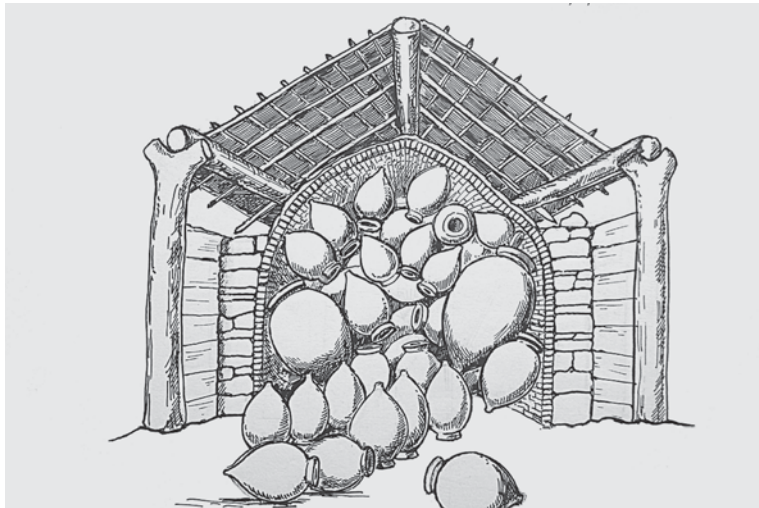
Посуда, предназначенная для покрытия глазурью, должна быть сделана из красной глины. Обожженную посуду покрывают раствором в воде оксидом меди, или окалиной, после чего поливают глазурью и заново обжигают. Глазурованная керамическая посуда отличается от красной посуды не только искусством покрытия глазурью и техникой обжига, но и разнообразием видов. Глазурованная посуда характеризуется богатой цветовой гаммой: черная, белая, коричневая, зеленая, желтая, бирюзовая, серая, розовая, красная, с медовым отливом. Для получения различных цветов глазури гончары используют соединения разных веществ: толченое стекло, оксид меди, марганец, свинцовый сурик, поташ, кварцевый песок, шпат. Приготовление смесей требовало от гончара точного соблюдения пропорций, что в свою очередь опиралось на выработанные веками навыки и опыт. Посуда для хранения молочных продуктов, пищи, варенья и солений непременно должна была быть глазурована с обеих сторон, а посуда для воды и вина – только снаружи.

После формовки посуды идет процесс просушки. Опытные гончары знают, что его не стоит ускорять, напротив, надо исключить нежелательное движение воздуха, сквозняки, резкие перепады температуры во избежание ломкости и деформации изделия и его неравномерного высыхания.

Печь для обжига посуды называется *кура*, *сацвави*. Печь для обжига красной глиняной посуды – двухэтажное строение четырехугольной или круглой

Красная керамика
Картли, XX в.
Бедукадзе, 1964б

Гончарная печь (разрез)
Имерети, конец XIX в.
Рис. О. Конишвили, 1970 г.
© НМГ. ЭФ 14-9
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

формы. В Восточной Грузии, в зоне с сухими почвами, печь выкладывают из булыжного камня на глиняном растворе; она почти полностью находится в земле, открыто только смотровое отверстие для закладки топлива (дров) – *твалееби*. На первом этаже печи разводят огонь, а второй этаж – *ца* – предназначен для загрузки посуды. В Западной Грузии, из-за высокой влажности почвы, печь строят над землей, редко – наполовину врытой в землю, из камня, саманного и обожженного кирпича. В печь посуда вставляется с переднего открытого ходка, который затем наглухо замуровывается кирпичной кладкой. Опытный мастер помещает посуду в печь таким образом, чтобы огонь хорошо и равномерно воздействовал на все предметы.

Печь для обжига глазурованной посуды значительно отличается по конструкции. Она имеет круглую форму, выстроена в земле и перекрыта двускатной черепичной крышей; по углам проложены дымоходные трубы – *дуткашеби*. В центре венца оставлено отверстие – *бани*. На первом этаже находится топка, на втором укладывают посуду. Эти два этажа отделены друг от друга горнилом с толстой трубой посередине для выхода огня. В стенах такой печи устроены стойки из 2–3 рядов клиньев наподобие ниши, на которые ставят обжигаемую посуду.

В зависимости от специфики хозяйства керамическая посуда подразделяется на группы по назначению, каждая из которых объединяет изделия определенных размеров и формы. Гончары делали необходимые в быту изделия всех типов: для воды, вина, молочных продуктов, зерновых культур, кухонную посуду и пр. Форма и размеры посуды соответствуют ее функциональной специфике. Продукция передовых грузинских центров производства глиняной посуды – имеретинские кевври (большие винные кувшины) и изделия цхаватского гончарства – выходит за пределы местного потребления и благодаря изяществу исполнения пользуется большой популярностью и спросом и в отдаленных от этих центров районах страны.

Меквевреоба (производство *кевври*) – одна из важнейших отраслей керамического производства. *Кевври* испокон веков применялись в Грузии для изготовления и хранения вина. Трудно найти в Грузии средневековое городище или селище, где не было бы *марани* или отдельных *кевври* (*Абрамишвили и др.*, 1975. С. 95). Из посуды для вина в Грузии зафиксированы *тагари* разной формы и вместимости (*Бочоришвили*, 1949. С. 112), которые в Имерети называют *исарна* (*Какабадзе Б.*, 1981).

Среди кевври выделяют сосуды сравнительно малой вместимости – *коцо*, которые по размеру меньше *кевври*, но больше *кока* (вмещают до 30–40 л) и предназначены для содержания вина и водки. Согласно толкованию С.-С. Орбелиани, «*кевври* – это черепичный (глиняный) *чури*, а *коцо* – малый *чури*» (*Орбелиани*, 1949. С. 372, 374). Спрос на кевври особенно высок был в винодельческих равнинных регионах, а *коцо* – в горных районах, поскольку в него, кроме вина, заливались популярные среди горцев водка, пиво и сусло. В Грузии всегда изготавливали и сегодня изготавливают *кевври* разных размеров. Наряду с *коцо* емкостью 10–12 л в быту встречаем посуду вместимостью до 300–400 л. Посуду больших размеров делали главным образом в Кахети и Имерети.

Кувшины-кевври, как вообще любая другая вместительная посуда, изготавливались в мастерских, защищенных от солнца и ветра. Процесс их изготов-

ления везде начинался на вращающемся ручном гончарном круге – *моргви*. Гончар одновременно работал над 20–40 кувшинами, поочередно переходя от одного к другому. На круге лепится только основание *квеври*, которое, обсушенное, переносят на низкий стул с круглым вырезом посередине. Квеври с возведенными до определенной высоты боками ставят на отведенное ему место, где завершается процесс его изготовления. Для обжига просушенного *квеври* во всех уголках Грузии применяется одноэтажная четырехугольная печь. *Мекквевреоба* наиболее распространена в Земо Имерети. Благодаря высококоразвитому виноградарству и виноделию мекквевреоба в Грузии не теряет актуальности.

Тоне (торне) – посуда цилиндрической формы для выпечки хлеба, с древнейших пор распространенная в Закавказье и Передней Азии. Она засвидетельствована на равнине Восточной Грузии и в некоторых зонах Западной Грузии (*Читая*, 1951. С. 379, 384). *Тоне* делали почти во всех краях Грузии, как женщины, так и мужчины, но в основном это было женским занятием. Обжиг *тоне* обычно осуществляется по частям: поделенная на 2–3 куса, она обжигается в печи вместе с другой посудой. Глинозем для изготовления *тоне* преимущественно добывается локально, в окрестностях села, в нижних слоях почвы. Глины на нее нужно больше, чем песка. Количество песка в пропорциональном соотношении рассчитывается исходя из свойств глины. Чтобы *тоне* не потрескалась, в *садзире тиха* – глину, предназначенную для выработки дна посуды, примешивали конский волос или солому. *Тоне* изготавливаются путем *дасурсалеба/дасорсалеба* и *шешмокна*, т.е. в процессе вращения круга удлиненные глиняные *сурсали* прилепляют вокруг дна для поднятия стен и выведения тулова. И в селе, и в городе принцип изготовления *тоне* один – диаметр дна должен равняться высоте стенок.

В прошлом *тоне* были полностью врыты в землю, позже их стали устанавливать над землей, что значительно облегчило пекарям процесс выпечки хлеба. В горах Грузии, наряду с *тоне*, функционировали и *пурне* (пекарня).

К категории строительной керамики относятся кирпич, черепица, изразцы, водосточные трубы и пр. Как явствует из археологических исследований, в Грузии существовала развитая традиция производства строительной керамики. Обожженный кирпич грузины начали применять в строительстве с VI в. до н.э. К концу I тыс. до н.э. наряду с кирпичом распространилась и черепица. С этой точки зрения заслуживает внимания археологический материал, обнаруженный в Мцхета, Урбниси, Каспи, Рустави и других местах (*Анакидзе*, 1959б. С. 10). Большой популярности кирпича и черепицы способствовали наличие богатой сырьевой базы для этой отрасли производства, дешевизна необходимых сооружений и приспособлений, простота способов изготовления этих изделий. С 1850-х годов производство кирпича и черепицы распространилось почти во всех краях Грузии. Это дело оказалось в руках частных предпринимателей, имевших достаточное количество земельных угодий и средств для того, чтобы строить предприятия и нанимать рабочих и мастеров (*Хоштария*, 1966. С. 109). Эти предприятия представляли собой мастерские, в каждой из которых работали 3–5 человек. Если запасы глины в близлежащей местности иссякали, владелец такого «завода» (*кархана*) переносил его на новое место. Как правило, предприятия по изготовлению кирпича и черепицы устраивались на окраинах городов, где возникали новые

поселения. Рост городов в значительной мере обусловил повышение спроса на строительную керамику, что повлекло расширение кирпичного и черепичного производства.

Первоначально в Грузии делали квадратный тонкий кирпич *картули агури* (грузинский кирпич). Его изготовление было достаточно трудоемким делом, требовавшим больших затрат времени и усилий. Форма современной грузинской черепицы, по всей вероятности, возникла в результате синтеза старинных плоских черепиц с загнутыми краями и узких желобчатых черепиц. Толстостенные черепицы больших размеров нужны были при прежнем типе строительства, но после того, как сводчатые перекрытия сменились крышами деревянной конструкции, возникла потребность в их замене легкой черепицей (Джаошвили, 1958. С. 107).

Кирпич и черепицу изготавливал обычно один и тот же мастер. Горшечная глина не подходит для изготовления кирпича и черепицы; для кирпича и черепицы тоже нужна разная глина. Горшечная глина должна быть жирной, черепичная – чуть более тощей, а кирпичная – еще более тощей. Специалист без труда может определить свойства глины на ощупь и на глаз. Глиняную массу сначала разминали ногами. Иногда мастер прибегал к помощи лошади: размокшую глину помещали в большую бочку с железными зубьями, которые при движении лошади вращались, размешивая глину. Замешанная глина механически выходила через дверцу в бочке, установленную на возвышенном месте, и ее переносили на специально подготовленную доску. Обработанное руками глиняное «тесто» закатывали в комья (шарики) определенной массы. Из каждого такого кома делалась одна черепица. Черепица формовалась в деревянной, реже в стальной форме.

Первый этаж печи предназначался для разведения огня. Черепица распределялась на обоих этажах печи. Печь непрерывно топили двое суток. Если огонь полыхал прозрачным, светлым пламенем, это означало, что черепица уже обожжена.

Замес кирпичной глины происходил тем же способом, что и черепичной, с той лишь разницей, что в первом случае требовалось меньше времени, и формование кирпича было сравнительно проще. Глиняная масса, предназначенная для изготовления четырех кирпичей, помещалась в двушнуную деревянную форму с четырьмя гнездами, устланную шламом, и выравнивалась плоской деревяшкой (или скалкой). В ясную погоду формы выносили из помещения, и, перевернув вверх дном, вынимали из них кирпичи, которые оставляли для просушки под открытым небом. Кирпичи укладывали штабелями. Когда кирпич подсыхал с одного бока, его ставили другим боком, чтобы он просох полностью. Печь для обжига кирпича была по объему больше черепичной; в нее помещалось больше кирпичей, и для обжига требовалось больше времени. Изготовление кирпича и черепицы начиналось в мае и продолжалось до ноября. Зимой и ранней весной рабочие были заняты в семье хозяйственными делами.

Искусство мастера определяли по достоинствам его продукции. Хорошему специалисту доверяли; поэтому он только принимал заказ, а за готовым изделием заказчик приходил сам с арбой. Иногда мастера сами изготавливали продукцию и заботились о ее сбыте. В поисках покупателя они ездили по селам, предлагая и расхваливая свой товар.

Водостоки и каналы в Грузии изготавливали также из керамических труб.

До кирпича в Грузии в строительстве применялся *ализи* – необожженный кирпич-сырец, или *адоба* – саманный кирпич, годный в основном для возведения внутренних стен домов. Сырец превосходил обожженный кирпич и по толщине, и по ширине. Сырцовая глина трудно поддавалась лепке; поэтому для замеса в нее добавляли резаную солому (мякину) и топтали ее ногами. Для облегчения замеса часто использовали лошадей. В старину были четырехгнездовые формы (для одновременной формовки четырех сырцовых кирпичей), а затем вошли в употребление двухгнездовые. Саманный кирпич формовался подобно *картули агури* (грузинскому кирпичу). Замешанную глину выносили на заранее расчищенное равное место, вручную набивали в формы-рамки, не имеющие дна, излишки глины срезали до уровня верхнего края рамки; затем формы убирали, и сырец оставался на земле; сушили его два дня, а потом складывали в стопки таким образом, чтобы обеспечить равномерную просушку изделия путем всестороннего проветривания.

ОБРАБОТКА ШЕРСТИ И КОВРОТКАЧЕСТВО¹⁰

Валяние – один из древнейших способов обработки шерсти, издавна известный в Грузии (*Пиралов*, 1913. С. 35). *Менабдеоба* (войлочное производство) в основном было распространено в краях с передовым овцеводством – в Мегрелии, Земо Рача, Имерети, Сванети, Джавахети, Хеви, Пшави, Картли, Кахети. В Мегрелии и Имерети *менабдеоба* преимущественно основывалось на сырье, ввозимом из других регионов Грузии (*Пиралов*, 1913. С. 35). На древность этой отрасли в Грузии указывают археологический материал, письменные источники и этнографические данные. Фрагменты валяных изделий найдены в Беденском кургане III–II вв. до н.э. В погребении под покойником была постелена бурка (*Гобеджишвили*, 1967. С. 21). Здесь же обнаружен подбитый войлоком щит (*Мелитаури*, 1974. С. 79). По сведению ал-Казвини, в средние века из Грузии наряду с тканями вывозили и войлок (*набади*) (Сведения..., 1975. С. 40). Особое значение *менабдеоба* определяется и тем, что это одна из традиционных, оригинальных и самобытных сфер грузинского декоративного прикладного искусства.

Для обозначения изделий, сваленных из шерсти, в грузинском языке используются три термина: *набади*, *кеча* и *тека*. В отдельных случаях они употребляются в качестве синонимов.

Набади – общее название изделий, полученных путем валяния шерсти. Его значение зависит от контекстуального использования, в частности: *сахурави набади* – войлок, предназначенный для постели (покрывала) пастуха; *мхрис набади*, *кавказис набади*, *лекури набади* – выходная накидка (бурка); *чавлиани набади*, *сабарге набади* – перекрытие, защищающее от непогоды пастуший скарб, шалаш, арбу; *пехтквеш сагеби набади* – настилаемый на пол войлок и т.д.

Тека – верхняя войлочная одежда пастуха, популярная во всей Восточной Грузии. По назначению и фактуре ей соответствует распространенная в ста-

¹⁰ © Н. Азикури

рину войлочная накидка – *гвабанаки /гвабани* (Мегрелия, Абхазия) и дождевой плащ – *гарты* (Земо Рача).

Лучший период для валяния шерсти – весна. Большое значение валяльщики придавали фазам луны, считая дни полнолуния наиболее благоприятными для этого дела. Технология валяния выглядит так: выстиранную и перебранную шерсть прочесывают на чесалке, вытрепывая до основания длинные и короткие ворсинки. Выческу (*нацеца*) треплют при помощи длинных кизилковых прутьев, равномерным слоем расстилают на циновку, обильно сбрызгивают горячим мыльным раствором, сворачивают в «трубку», которую связывают по центру и с обоих концов, затем катают ее ладонями и локтями, налегая при этом сверху всем туловищем; процесс валяния повторяют дважды и трижды. Если после троекратного валяния шерсть по-прежнему остается мягкой, ее заново простегивают, чтобы утолщить и уплотнить. На каждый «заход» войлок валяют по восемь раз, с восьми разных сторон. Продолжительность валяния составляет 2–3 часа. Продукт первичного сваливания называется *тхантхли*. Настоящий войлок получается в результате двукратного и трехкратного валяния. Двукратное валяние (плотная текстура) требуется для изготовления декоративных *набади* и *сапарши сахмари* (употребляемых в качестве покрывала), а трехкратное валяние (более грубая текстура) – для *сабарге* и *самцкемсо набади*, используемых пастухами.

Различают *набади* по внешнему виду: *сада* (простой, неорнаментированный) и *сахиани* (узорчатый, орнаментированный); по назначению: хозяйственные – *сабарге-саалачоке* (для перекрытия груза, повозки или временного жилища), *сахурав-сагамури* (для ночлега), *самцкемсо* (для пастушьей верхней одежды *тека*), для убранства коня, мула или осла, *салогине*, или *сагеб-сахури* (для постели – подстилка, покрывало).

Валяный материал имел разнообразное применение при пошиве головных уборов и одежды. Делали войлочные шапки (сванскую, кахетинскую, или тушинскую, «шляпы» – имеретинские и осетинские). Из войлока шили одежду для пастухов – *тека*, которая из-за легкости и непромокаемости фактуры считалась очень удобной при носке, а в некоторых уголках Восточной Грузии (Тушети, Пшави) *тека* использовали и как обычную мужскую одежду. Из оставшихся после пошива тека лоскутов шили пастушьи ноговицы-*начичеби* – наиболее комфортную в полевых условиях обувь. На большую ногу шили обувь *баджуджэби* из трижды сваленного набади; такой же материал использовался для перекрытия арбы (*Кавтарадзе*, 1985. С. 92).

Лоскуты войлока использовались для разных бытовых нужд. С их помощью белой и синей землей красили стены домов. Пастухи посыпали солью намоченные в воде лоскуты набади и крепко перевязывали ими овце сломанную ногу. Влажными лоскутами на ткацком станке закрепляли ненатянутые нити основы, чтобы они не соскользнули при ударе гребня (берда). Из черного и белого набади шили ритуальные маски-шапки для *берикаеби* – участников народного масленичного представления *берикаоба*, а другие участники – музыканты и певцы – облачались в *тека* или тулупы (*Рухадзе*, 1955. С. 181; 1966. С. 11, 16).

В горах Восточной Грузии (Тушети) покойника хоронили завернутым в большую белую бурку. Для таких случаев специально заготавливали валяный материал. Окрашенные в черный цвет отрезки войлока вплетали в траурную

Изготовление войлочных головных уборов в Сванети

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

цепь – *кокира*, которую от года до трех лет носили на плече скорбящие женщины и девушки (в зависимости от того, насколько близким им родственником был умерший). *Набади* наряду с коврами давали в приданое. Своеобразный ритуал представляло собой состязание юношей в прыжках через расстеленные на земле пастушьи бурки – это было испытанием силы и ловкости. Некоторые без труда перепрыгивали через три бурки.

Поскольку *набади* довольно водостойкий и труднопромокаемый материал, его активно использовали для перекрытия временного жилища, в качестве палатки, навеса, укрывающего от солнца и ветра. Кроме того, войлок обладает свойством отпугивать комаров, мошек и пресмыкающихся, поэтому для пастухов и путешественников в горах он и сегодня является необходимым при устройстве ночлега.

В Грузии валяли *чавлиани*, или высоковорсные, и *учавло* – безворсовые *набади*. Сегодня валяют только безворсовые *набади*, хотя технология валяния высоковорсных *набади* сохраняется. В старину *чавлиани набади* валяли в Мегрелии и Тушети; из него шили пастушьи бурки.

В недалеком прошлом только в одном краю Грузии – Тушети – валяли *набади* хозяйственного назначения и декоративно-художественные, или *сахвани* (узорчатые) *набади*. Войлок для шапок выделявали в Панкисском ущелье и Телавском районе. Тушети считается одним из наиболее интересных и самобытных регионов распространения *менабдеоба* (Цагарели, 1982. С. 8).

Существует несколько приемов нанесения *начрели* (орнамента) на *набади*: наваливание рисунка, вваливание рисунка, вставка рисунка, вышивка и аппликация. Наваливание рисунка происходит на пустом пространстве, на

который накладывается и валяется фоновая шерсть. При вваливании рисунка шерсть отличного от основы цвета укладывают в контуры узоров, предварительно прорезанных в слабо сваленном *набади*, сверху кладут еще один слой шерсти и валяют. Это специфичная для Грузии техника орнаментирования.

На уложенный толстым слоем мягко сваленный *набади* рисунок вставляют в предварительно обозначенные выемки и затем валяют. Кроме того, на уже готовых однотонных *набади* узоры (рисунки) наносят путем вышивания и аппликации. Эти два способа применяются на *набади* для конского убранства и на *набади* с рисунками небольших размеров (30 × 40, 20 × 30 см). Для выведения рисунка чесаную и трепаную шерсть, отличающуюся по цвету от фона, скатывают вручную, растягивают, придают ей желаемую форму и накладывают на *набади*. Орнаментируют настенные и напольные ковры, а также ковры-покрывала для тахты.

На узорчатых *набади* встречаются геометрические, зооморфные (птицы, овца, коза, бык, лошадь, собака), растительные (тополь, ветвистое дерево), астральные (звезды, солнце, луна) и редко – антропоморфные *начрелеби* (орнаменты). Наиболее разнообразно представлены геометрические орнаменты: *полосы, кресты, крученые витки (кружочки), кольцевой орнамент, круг с крестом внутри, джарана, шиби* (шейная цепь с драгоценными камнями), *моквентила, кванчула, мозгвезила* или *мобрунебули чирквана, киборча, джачивствала* и др.

У традиционных *набади* простой и лаконичный геометрический орнамент, изредка встречаются растительные мотивы. Используется естественный окрас шерсти, но есть и орнаменты, окрашенные в разные цвета растительными красителями. Старинные *набади* отличаются изысканной цветовой гаммой и орнаментом. В них обычно присутствуют только два-три цвета и их оттенки. Орнамент прост и хорошо смотрится. Композиция представлена взаимопересекающимися ломаными, четко выраженными прямоугольными или мягко закругленными линиями, кружочками и «восьмеркообразной» цепочной вязкой, *борджали* (языческим солярным символом) круглых и угловатых очертаний. На некоторых из этих изделий вышиты имена валяльщика или их владельца.

Набади, предназначенные для пастухов и убранства лошади, после валяния красят. Для расстилочных *набади* красят шерсть для узоров, а в качестве фона выбирают естественный цвет. Для орнамента иногда используют шерсть, окрашенную отваром листьев кавказского рододендрона (*дека*), скального лишайника или дикого щавеля.

Тушинские валяные орнаментированные *набади* отличаются утонченным вкусом, свободным, импровизированным творчеством, гармоничным сочетанием цветов. В этих изделиях отражены трудовые навыки народа, производственный опыт и высокая художественная культура, берущие начало из глубины веков.

Менабдеоба в Грузии служила источником определенного дохода для крестьянской семьи. Валянием, как правило, занимались женщины. В XIX в. среди ремесленников, ходивших по домам, были и мужчины-валяльщики (*Гогичаишвили*, 1976. С. 111), но это более позднее явление. Основой *менабдеоба* была и сегодня остается высококачественная шерсть овцы грузинской (тушинской) породы, отличающаяся большой «покладистостью» в валянии и окрашивании.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТКАЧЕСТВО¹¹

Свидетельством многовековой традиции народного ткачества и рукоделия в Грузии является большое разнообразие художественных тканей. В женском художественном творчестве представлен многообразный текстильный материал, отражено глубокое знание техники прядения, ткачества, окрашивания, набивания, вышивания, орнаментирования, в чем проявляются практические навыки и художественный вкус грузинской женщины.

Художественный текстиль известен с древнейших времен, что подтверждается сведениями письменных источников, фрагментами тканей, обнаруженных в результате археологических раскопок, и соответствующей богатой грузинской терминологией. В Национальном центре рукописей имеются образцы тканей на переплетах древних рукописных книг; в фондах музеев – фрагменты древних художественных тканей и вышивок. «Культура прядения и ткачества на территории Грузии насчитывает приблизительно 7 тыс. лет. Вместе с тем выясняется, что еще 4–5 тыс. лет тому назад использовались растительное (лен, конопля) текстильное сырье и шерсть» (Апакидзе, 1970. С. 757). В результате археологических раскопок обнаружены образцы льняной ткани эпохи ранней бронзы (Дидубе, Згудери, Квацхелеби), узорчатая льняная ткань (Мокви, Пичвнари, Кобулети), в черную полоску, кизилового цвета – XIX в. до н.э. (Бедени); шерсть, конопля, хлопок – XII в. до н.э. (Навтлуги); шелковая ткань с шахматным орнаментом – II в. до н.э. (Багинети); в склепах (Сванети, Хевсурети) обнаружены образцы тканей феодальной эпохи (Читая, 2000. С. 275).

Высокой культурой ткацкого производства Грузия славилась во всем античном мире (Читая, 2000. С. 103; Читая, 2001а. С. 490; Чачашивили, 1976. С. 66). В «Истории» Геродота содержится сведение о том, что «только колхи и египтяне обрабатывали лен одинаково» (Геродот, 1975. С. 156). Согласно Ксенофону, племена Юго-Восточного Причерноморья носили льняную одежду и из льняной ткани изготавливали бронированные нагрудники. По сведениям древнегреческих писателей, колхидский лен отличался высоким качеством, из него делали отменные рыболовные сети и паруса для судов (Рухадзе, 1976. С. 63).

В старину представители верховной власти и знатных феодальных кругов Грузии в значительной мере поощряли развитие рукоделия. Царица Тамар, будучи сама искусной рукодельницей, старалась привлечь к этому занятию девушек из бедных семей; Тамар часто дарила им свои изделия (Картлис цховреба, 1959. С. 79–81, 147). В монастырях монахини вышивали, ткали узорные ткани, предназначенные для шитья одежды и других целей (Хизанашвили, 1940. С. 99).

Грузия отличалась богатым ассортиментом тканей, произведенных из разного материала (лен, конопля, хлопок, шерсть, шелк), поэтому текстиль был для страны важнейшим предметом торговли и экспорта (Джавахишвили И., 1962. Т. III. С. 161). Наряду с льняными и шелковыми тканями, из Грузии вывозили льняные нити и льняное семя (Путешествие Шардена, 1975. С. 124).

¹¹ © Н. Азикури

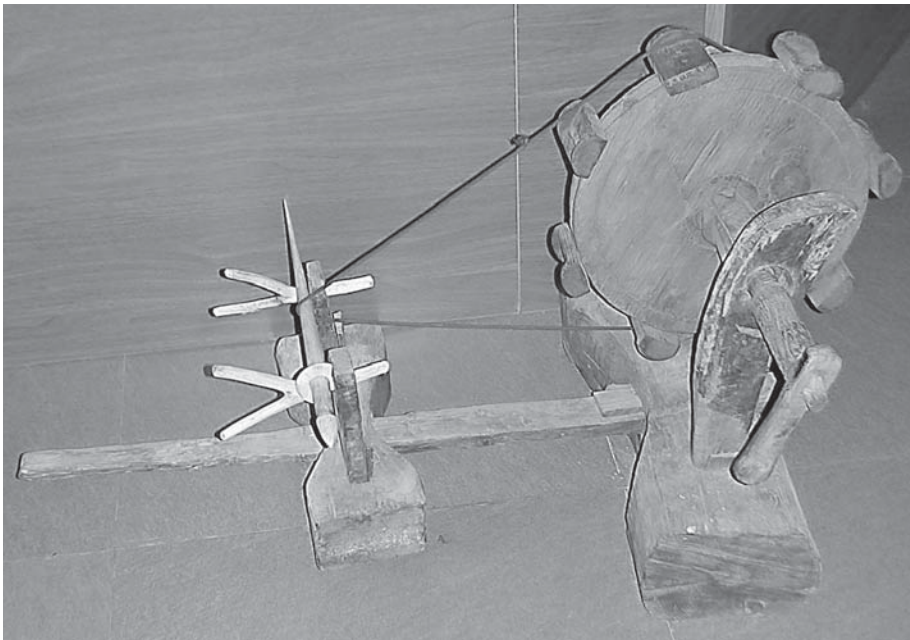

Хевсурка за прялкой

Хевсурети, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 05340-7996

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Прялка

Тушети, 1930-е годы

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В музейных фондах Грузии хранятся изделия из льна, в частности льняные полотенца и скатерти, украшенные двусторонней богатой вышивкой, красивыми растительными и геометрическими мотивами. Кустарная обработка льна в Грузии сохранялась до рубежа XIX–XX веков (*Чачашвили*, 1964).

Из толстой конопляной нити ткали суровое полотно для мужских брюк. Из такого же полотна шили фартуки для жнецов. Из тонкой конопляной нити ткали мягкое полотно для постельного белья, банных и столовых полотенец. В Западной Грузии был распространен погребальный саван, сшитый из ткани, изготовленной из волокон коры тутового дерева, льна и конопли (*Рухадзе*, 1976. С. 78).

В 1920–1930-е годы из ткани, выработанной из грубой хлопковой пряжи, шили исподнее и постельное белье. Окрашенная ткань из более тонкой хлопковой пряжи – бязь – использовалась для пошива платья и *чоха-ахалухи*. Из хлопковых нитей ткали пояса, тесьму, *хурджины* (переметные сумы), паласы. Было распространено также изготовление хлопково-шерстяных и хлопково-шелковых тканей.

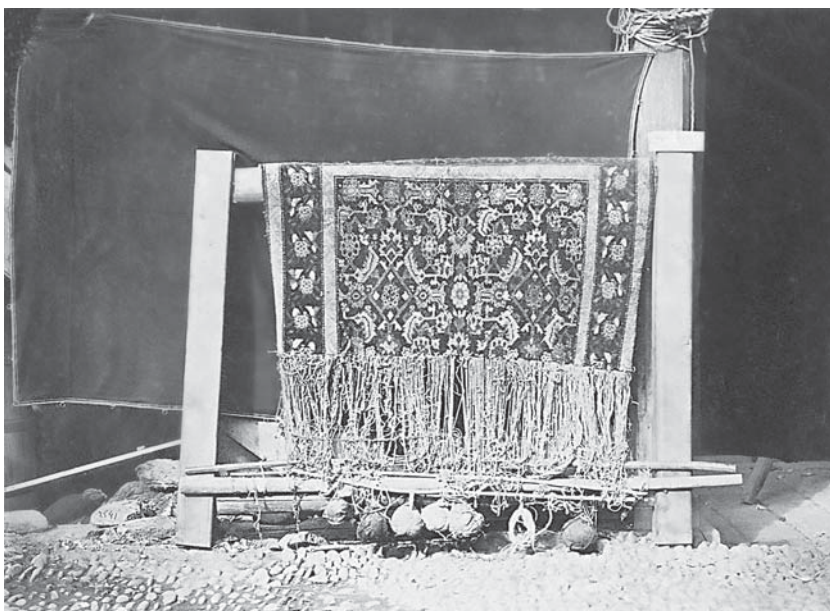
Из высококачественной шелковой нити ткали ткани для пошива платьев и головных уборов: *дараца* (Западная Грузия), *тавта*, *мови* и *мердини* (Восточная Грузия). Из необработанной шелковой нити изготавливали ткань для пошива верхней одежды – куладжи и чохи. С IX в. среди экспортного товара Грузии шелковые ткани занимают первое место; вывозили как шелк-сырец, так и готовую продукцию (*Джавахишвили И.*, 1962. Т. III. С. 169).

Особым многообразием отличались ткани из шерсти. Из шерстяных ниток производили ткани, использовавшиеся для пошива постельных принадлежностей, одежды, обуви, головных уборов, а также ткани художественного и хозяйственного назначения.

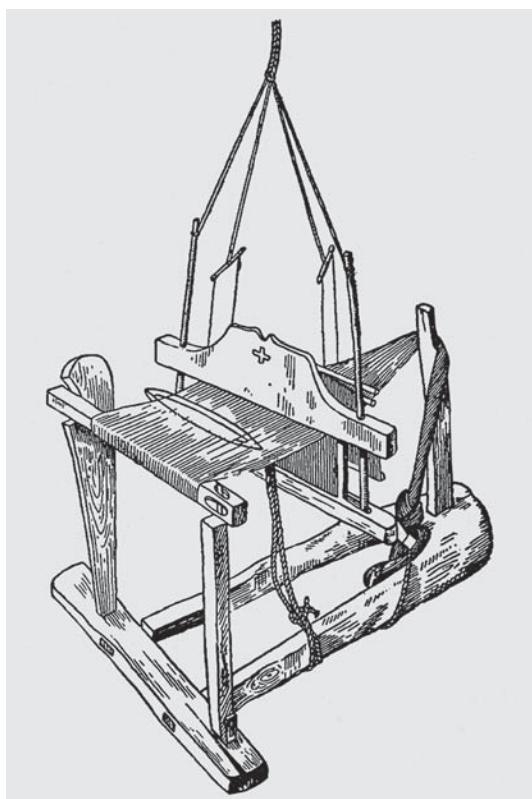
Издавна существовала мощная материальная база для развития *мехаличеоба* (ковроткачества). Наличие в грузинском языке большого количества терминов, связанных с ткачеством и обозначающих произведенный из шерсти художественный текстиль – неоспоримое свидетельство древности этой отрасли в Грузии (*Джавахишвили И.*, 1965. С. 9–14; *Джалабадзе Г.*, 1985. С. 39–40). Добытый на территории Грузии археологический материал, письменные источники и этнографические сведения подтверждают широкую популярность в стране шерстяного ремесла.

Развитию народного ткачества во многом способствовало изобилие шерсти-сырца. Производство тканей в Восточной Грузии основывалось на шерсти с «грузинской», или «тушинской» овцы, а в Западной Грузии – на шерсти колхской, имеретинской овцы.

Среди распространенных на Кавказе видов шерсти безупречным качеством славилась мягкая, нежная и переливающаяся шерсть овцы тушинской породы (*Садовский*, 1889. С. 33, 34). В одном ряду с хорасанской (персидской) и турецкой полугрубой и грубой шерстью, считающейся лучшим сырьем для изготовления ковров, называют и шерсть грузинской овцы (*Мегрелидзе*, 1982. С. 7). Существовали вертикальные и горизонтальные ткацкие станки. Древнейшим типом этого оборудования в Грузии считается вертикальный станок (*Чачашвили*, 1976. С. 65). В Грузии распространены три основных вида ткачества художественных тканей на вертикальном станке: *пардагули*, или *глуви* (паласный, гладкий, безворсовый), *халичури* (ковровый, ворсовый) и третий,

Ковроткацкий станок
Картли, начало XX в.
© РЭМ. № 214-1

Горизонтальный ткацкий
станок
Начало XX в.
Народы Кавказа, 1962. Т. 2

в котором синтезированы обе эти техники. Из этнографических материалов явствует, какой богатый опыт и знания накопил грузинский народ в деле обработки пряжи; об этом же свидетельствуют дошедшие до нас древние образцы текстиля.

В числе художественных тканей, изготовленных из шерстяной пряжи, в сфере грузинского народного прикладного искусства одно из значительных мест занимает безворсовый ковер – *пардаги* (палас). Его используют для украшения и утепления жилища, для создания в нем уюта. *Пардаги* были очень удобны во время путешествия; ими перекрывали повозки, чтобы защититься от жары, солнца, ветра и дождя. Припозднившиеся путники, устраиваясь на ночлег, сооружали из *пардаги* навес для временного пристанища. В Грузии палас был неотъемлемым атрибутом приданого невесты, его ткала ее мать или она сама. Состоятельные семьи покупали *пардаги* для приданого и бытовых потребностей на тбилисской, телавской, бодбисхевской и алавердской ярмарках. Наряду с *пардаги* там приобретали *мафраши* для хранения вещей и попоны для лошадей. *Пардаги* в основном ткали для домашних нужд, а иногда и на продажу. Их изготовление было распространено в регионах, богатых шерстяным сырьем: Тушети, Пшави, Мтиулет-Гудамакари, Хеви, Картли, Кахети, Самцхе-Джавахети, Эрцо-Тианети, Аджария, Самегрело. Архаичностью, оригинальностью и разнообразием *пардаги* славится Тушети, где традиция художественной обработки текстиля, в отличие от других уголков страны, оказалась наиболее жизнеспособной и сохранялась до недавних пор. Мерилом достатка традиционной семьи считались *данен-сагебели* – напольные и настенные паласы и ковры, ковровые покрывала, поэтому их ткали в большом количестве.

На традиционных художественных тканях представлены геометрические, растительные, зооморфные и антропоморфные орнаменты – голова овна, глаз и др. На кахетинских и кизикских пардаги широко распространен орнамент, выполненный в самом центре изделия из ряда *манеби* – стилизованной буквы *Ე* (м) грузинского алфавита, называемой «мани». На художественных тканях представлен и *борджгали* (древний символ солнца). Также активно используется растительный орнамент, мотив древа жизни – символ благосостояния, плодовитости и долголетия семьи. Встречаются *пардаги* с орнаментом, стилизованным под «рыбий хвост» – *тевзисболоиани* (у грузинского и других кавказских народов рыба – символ плодовитости). Очень популярен крестовый орнамент, который на одних изделиях является основным мотивом, а на других заполняет пустое пространство в виде мелких деталей. На тканых и вышитых изделиях крест имеет магически-апотропеическое значение, связанное с древнейшими верованиями грузин. Крест обычно изображали там, где, как считалось в народе, было обиталище злых духов (Читая, 2000. С. 169, 170). Каждый орнамент имел определенную символическую нагрузку. Основу *пардаги* ткали с интервалами в 2–2,5 мм, ее образовывали *ксели* – белые шерстяные нити высокого кручения. Кроме паласов, эта техника использовалась для тканья сумок, наволочек, *хурджинов*, попон для лошадей.

Джеджими – безворсовая ковровая ткань. Ее ткют комбинацией разноцветных нитей основы и одно- или двухцветных нитей утка, делая при этом акцент на цвете основы. Техника ткачества основы паласа-джеджими называется *джеджимури*. *Джеджими* ткали как на вертикальных, так и на горизон-

Безворсовый ковер *пласи*

Тушети, XIX в.

Фото Г. Гулелаури, 2006 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Безворсовый ковер

Картли, XIX в.

Фото Г. Гулелаури, 2006 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Хевсурка за ткацким станком
Начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 05337-7993

© საქართველოს მემკვიდრეობათა
ეროვნული აკადემია

тальных станках. В процессе ткачества симметричным чередованием цветов основы выводили разные узоры, например: *пилообразный/зубчатый* орнамент, *«очкообразный цветок»*, *«цветок в горшочке»*, *«цепь»* (Караулашвили, 1975. С. 151, 152). На горизонтальных станках ткали также *джеджими* в косую клетку. Для тканья использовалась шерстяная пряжа из нитей двойного и тройного кручения. Встречаются образцы, в которых использовались нити из козьего пуха и шерсти или хлопковые и шерстяные.

Джеджими служили покрывалами для тахты и кровати, ими украшали интерьер помещения; *джеджими*, выполненные в неброских тонах, использовали в качестве подстилки для сушки зерна на солнце. *Джеджими*, наряду с шелковыми наволочками для подушек и валиков, давали девушкам в приданое. В этой же технике, но более плотно, ткали кушаки и пояса разного назначения, тесемки для подвешивания водоносной посуды, детали конского убранства.

К категории безворсовых тканей относятся ткани для пошива одежды и башлыков (*кабалахи*), которые в горах ткали на вертикальных станках, а на равнине – на горизонтальных.

Ворсовые ткани состоят из нитей основы, нитей утка и узелков, завязанных вокруг нитей основы. Особенностью грузинских ковров является заметная ворсистость их лицевой стороны. Можно выделить несколько видов ворсовых тканей. Узоры зависят от количества рядов утка и плотности расположения узелков. И основа, и уток – шерстяные нити белого цвета, а весь фон ковра покрыт узелками. Разноцветные узелки представлены главным образом в виде геометрических орнаментов, некоторые же ковры украшены вытканными в центре изображениями (олень, лев, петух). Фон выполнен из черных или коричневых узелков. К числу ковровых изделий относятся разного рода расстилочные изделия, украшенные полосами из равномерно распределенных (в плане интервала между ними) ворсовых узелков. Техником *халичури* в Грузии ткали *хурджины*, *мафраши*, наволочки, конские попоны. Ковровые изделия являлись показателем богатства семьи и обязательным компонентом приданого невесты.

К числу образцов традиционного грузинского народного художественного ремесла относятся красивейшие вязаные изделия: шерстяные носки –

циндеби, читеби, рукавицы татеби, ноговицы пачичеби и др., выполненные в *петельчатой* технике. Их вязали пятью деревянными или металлическими спицами, а шарфы и шерстяные шали – двумя большими деревянными спицами или крючком. Петельчатая техника – такой способ вязания, при котором изделие вяжется сплошной, непрерывной нитью, и его легко распороть, потянув за конечную нитку. В Грузии эта техника известна с древнейших времен (*Исакадзе, 1967. С. 77*).

Узоры или орнаменты выводят на тканях разными способами: провязыванием (вплетанием) цветных нитей, окраской ткани, набивкой, вышивкой, аппликацией, бисером, пуговицами, посредством металлических нашивок. Все эти способы украшения тканей в Грузии существуют с давних пор и отличаются высоким уровнем исполнения.

Грузинский народ из поколения в поколение передает накопленные веками знания и опыт в деле окрашивания тканей. На Кавказе издревле существовала высокая культура окраски и росписи текстиля, о чем еще Геродот писал в своей «Истории»: «Множество различных людских племен обитают в горах Кавказа, и все эти люди питаются дикими растениями. Говорят, что у этих деревьев листья своеобразной формы. Эти листья толкут в порошок, смешивают со снадобьем и таким образом расписывают одежду, но эти рисунки не выгорают, а изнашиваются вместе с остальной шерстью, так, будто с самого же начала они были провязаны в ней» (*Геродот, 1975. С. 111*).

В Грузии различают две группы красителей: горные и равнинные. Горные красители: листья березы, березовый и сосновый мох, кора осины, кора ольхи, корни чистотела, зверобой, скальный лишайник, рододендрон, душица, корень барбариса, горная клубника, сажа и др. Равнинные красители: листья персика, шелуха репчатого лука, листья инжира, клубника, листья и сердцевина древесины тутовника, кора и листья кожевенного дерева, кора гранатового дерева и кожура плода граната, наружная зеленая оболочка грецкого ореха, кора орехового дерева, скорлупа ореха, кора дуба, кора и листья дикой яблони, незрелый виноград, выжимки красного винограда (*чача*). В качестве красителя использовалась также земля. Из Индии в Грузию купцы завозили растительный синий краситель индиго. Больше всех ценился бенгальский индиго (*Пиралов, 1913. С. 30*).

Красильные растения принято собирать весной, когда их листья, кора и ствол сочные. Желательно использовать их сразу же. Если растения собираются хранить, тогда их просушивают в тени, чтобы они меньше утрачивали красильную силу.

С древнейших времен существует традиция набивки тканей, т.е. нанесения узоров на ткани при помощи специальных деревянных набивочных форм (*Читая, 2000. С. 209*). Об этом свидетельствуют остатки тканей, обнаруженных археологами, отделанные набивной тканью переплеты грузинских рукописных книг XII–XIII вв. и прочие хранящиеся в музейных фондах коллекции.

Во многих городах Грузии (Тбилиси, Гори, Телави, Ахалцихе, Батуми) функционировали набивочные мастерские, в которых производилась набивка светлых однотонных льняных, хлопковых и шелковых тканей. До первой половины XX в. в народе сохранялся простейший метод набивки: на тех участках ткани, которые должны были остаться неокрашенными, привязывали

Деревянные штампы для набивки ткани
Браилашвили, 1964

Образец набивной ткани
Браилашвили, 1964

камешки (Чутая, 2000. С. 209), орешки (Молодини, 1980. С. 125) или зерна фасоли, выполнявшие фактически набивочную функцию, а остальную часть ткани опускали в краситель. Светлые однотонные ткани набивали «позитивным» и «негативным» способами. В первом случае набивочные узоры наносили на поверхность одноцветной ткани, на которой рисунки отпечатывались в отличных от фона цветах. При негативном же способе (батик) перед окрашиванием на поверхность ткани печатью наносили тонкий слой смешанного с жиром воска, покрывающий набивочные рисунки, после чего ткань целиком погружали в краситель. Краска пропитывала всю ткань за исключением намазанных воском мест. После удаления воска рисунки, на которые был нанесен воск, проступали белым цветом на крашеной ткани. Негативный способ набивки в Грузии использовался только при изготовлении синих скатертей.

Из узорчатых набивных льняных или хлопковых тканей изготавливали знаменитые «лурджи супра» (синие скатерти) – замечательные образцы художественного текстиля, сохранявшиеся в грузинском быту вплоть до начала XX в. и распространенные преимущественно в Восточной Грузии. Их производили в набивочных мастерских. Синие скатерти красили методом резервации рисунка в натуральном красителе индиго. Эффектность изделия достигается благодаря гармоничному сочетанию белого и синего цветов. Декоративными мотивами синей скатерти являются *манеби* – рисунки на ткани в виде стилизованной грузинской буквы «д» («м») разных размеров, а также сцены охоты, птицы, животные, рыбы, солнце, крест, люди в национальной одежде и предметы быта – ножи, вилки, ложки. Эти мотивы, кроме декоративного назначения, имели сакральное значение, поскольку выражали связь с древнейшим мировоззрением народа. Наряду с бытовой функцией *лурджи супра* носили ритуальный характер (Браилашвили, 1971. С. 6, 7). В позднефеодальную эпоху синие скатерти использовались всеми слоями грузинского

общества. Они являлись неотъемлемым атрибутом свадебных и прочих праздничных обрядов.

Набивные ткани использовались для пошива женской и детской одежды, одеял, наволочек для подушек и валиков, тюков, полотенец, скатертей, занавесок, головных уборов, в качестве подкладки для книжных переплетов. Печать узоров на ткани происходила и путем чередования цветов. В ковроткачестве орнамент выполняют нитками разного цвета в технике *чвири*, при которой контуры рисунков более четко очерчены, в чем и состоит преимущество этой техники. Чередованием цветов выводят узоры при вязании спицами. Например, при вязании носков, рукавиц и т.п. поочередно используют нитки разных цветов, в зависимости от того, какой узор хотят получить. Вязаное изделие ценится тем выше, чем больше в нем цветов – семь, девять или более.

О высоком мастерстве вышивания свидетельствуют образцы дошедших до нас и хранящихся в музеях Грузии церковных и светских вышивок, выполненных в технике *золотного шитья* и иных. К числу *церковных вышивок* относятся: плащаницы, покровы, поручи. К числу *светских вышивок* относятся: детали одежды и головных уборов, убранство для стен, подушки, валики. Техника грузинской художественной вышивки, при помощи которой на ткань наносят орнамент, многообразна и основывается на вековых традициях рукоделия. Грузинские золотошвейные изделия издавна вывозили в страны Передней Азии (*Чачашвили*, 1964). Для нанесения аппликации использовались лоскуты ситца, которые в форме желаемого рисунка нашивались на основной фон ткани. Этот способ декорирования широко применялся в традиционном хевсурском костюме. Были известны изделия из ситцевой ткани с ситцевой же аппликацией, украшавшие стену. Драгоценными камнями и нашивками украшают уже вышитые орнаменты на церковных атрибутах. Бисером, пуговицами и металлическими пластинками-нашивками украшают светскую одежду, головные уборы, детали платья. В Хевсурети традиция украшения костюмов вышитыми орнаментами и вязаных носков и рукавиц бусинками, пуговичками и монетами сохранялась до 1930-х годов. Эти элементы декора также имели апотропеическое назначение (*Читая*, 2000. С. 172).

ШЕЛКОВОДСТВО¹²

Шелководство – древняя отрасль хозяйства, занимавшая в быту значительное место. Данные грузинских письменных источников (Документы, 1940. Т. I; 1953. Т. II; Материалы для экономической истории. 1938. Т. I; 1953. Т. II; 1955. Т. III; *Багратиони Вахушти*, 1941) и описания иностранных путешественников и миссионеров свидетельствуют о значительной роли шелководства в хозяйстве грузин.

Развитие шелководства непосредственно связано с уровнем культуры тутоводства. Родиной тутового дерева считают тропическую и субтропическую зоны, откуда оно распространилось по всему миру (*Джапаридзе Г.*, 1932. С. 11). Археологические и этнографические данные и письменные источники указывают на то, что население Грузии издавна и широко использовало

¹² © Н. Абесадзе

тутовое дерево (плоды, кору, древесину) в хозяйственных целях. Распространены были белая и черная тута, а также неплодоносные породы шелковицы (Шавров, 1894. С. 5). Грузины хорошо знали ценные свойства этого растения, что подтверждается разнообразным использованием тутового дерева в хозяйственной практике: листья не только шли на корм шелкопряду, но и рогатому скоту, а также для приготовления желтой краски. Плоды туты считаются ценным продуктом как сырье для приготовления патоки, безалкогольных напитков, спирта, варенья, халвы, кроме того, известны их лечебные свойства. Высоко ценится сердцевина тутового дерева (как влагоустойчивый материал), используемая для изготовления колес, мебели, музыкальных инструментов; из тутового луба делают гигроскопическую вату; лыком подвязывают виноградную лозу, перевязывают снопы и др.; ветки являются сырьем для бумажного производства. Термин *тута* персидского происхождения и соответствует грузинскому *жоло* (Орбелиани, 1966). Один из видов тутового дерева считается эндемичным для Закавказья растением. На корм для шелкопряду отбирали листья лучших пород тутовых деревьев, отдавая предпочтение непривитым сортам (*картули*/старинный/местный) и бесплодным, так как они не требовали очистки.

Письменные источники позволяют установить возраст местной культуры шелководства, что подтверждается археологическими материалами. Остатки шелковой ткани были зафиксированы в погребениях II в. Впервые шелк упоминается в агиографическом произведении V в. «Мученичество святой царицы Шушаники», где речь идет о женском рукоделии (*Цуртавели*, 1938. С. 98). Предполагают, что культура шелководства была привнесена в Грузию из Индии. Поскольку этот факт связывают с именем Вахтанга Горгасала, появление в Грузии этой отрасли хозяйства обычно датируют V–VI вв. Согласно И. Джавахишвили, шелковая ткань *чичнаухти* (букв.: пестрота), кроме упомянутого «Мученичества Шушаники», упоминается в древнейшем грузинском переводе «Книги Бытия». Термин *абрешуми* (перс. шелк.) в письменных источниках впервые встречается в XI в. (*Джавахишвили И.*, 1962. С. 168–169).

По сведениям арабских авторов, из Дманиси, расположенного на важном торговом пути, вывозили «много шелка» (*Йакут ал-Хамави*, 1901). Шелководством был знаменит и г. Рустави, где эта отрасль хозяйства давала значительные средства для выплаты налогов. В XIII в. о производстве шелка в Грузии свидетельствует Марко Поло: «выделывают чудесные ткани из шелка и золотых нитей, которые в основном производят в Тбилиси» (Книга Марко Поло, 1955–1956).

Согласно письменным источникам, Грузия издавна имела торговые отношения с восточными странами. Торговый путь начинался в Индии, достигал Поти и пересекал Черное море. Оживленная торговля велась и с городами Ближнего Востока. В эпоху эллинизма, особенно в I–IV вв., важное значение приобрела дорога Фасид – Гиркани. Хорошо известна роль городов Эгриси (Фазис, Диоскурия, Питиунт, Кутаиси, Археополис, Петра) во внешней торговле (*Джанашия*, 1949в. С. 37).

О многовековом производственном опыте грузинского народа в области шелководства свидетельствуют проверенные практикой народные приемы определения сроков и условий отбора и «пробуждения» грены шелкопряды; установление этапов его развития и уход за ним, подбор нужных вместилищ для размещения шелкопряды в зависимости от разных стадий его развития

(*ласти, челти, цахи/цхацхи*), также выбор соответствующего материала для стеллажей (плетенки из прутьев или дранки строго определенных сортов деревьев); сортировка коконов по качеству и т.д.

Для получения шелковой пряжи отбирали высококачественные коконы. В вырытое в земле углубление устанавливали печь, ставили на нее наполненный водой таз или котел. В кипящую воду опускали определенное количество коконов, заранее отмеренное специальными мерками (*литра, ока, котхо* и др.). У печи постоянно находилась женщина, которая следила за процессом варки и периодически перемешивала содержимое котла. В нужное время с помощью палки она поддевала «начало» кокона и вытягивала из него нить, наматывая на приготовленное заранее приспособление (*манджаники*).

Этнографический материал свидетельствует о том, что в народе было накоплено достаточно знаний о способах лечения шелкопряда, вываривания коконов, технике разматывания нити, изготовлении и окрашивании ткани. Для окрашивания использовали растительные средства: шафран, гранат, листья орехового дерева, душицу, зеленую оболочку грецкого ореха, кожевненное дерево, кислицу, кору тутового дерева и др.

Формы организации труда, связанные с производством шелка, соответствуют разным этапам этого процесса: 1) доленое участие – архаическая форма производства шелка: объединение нескольких лиц в соответствии с количеством грены, размером используемой площади, количеством тутовых деревьев. Женщины, члены таких товариществ, урожай делили поровну; 2) поздняя форма долевого участия: распределение урожая происходит дифференцированно: большая часть урожая достается хозяину (хозяйке) помещения и грены. В данном случае имеет место эксплуатация труда, поскольку хозяин (хозяйка) не участвует в трудовом процессе; 3) *нацвалгверда/нади* – основано на принципе обязательной взаимопомощи (во время перебирания коконов); 4) оплата в пользу владельца прядильни: на одном из этапов обработки шелка (разматывании нити) использовали специальное устройство *манджаники*, которое имелось не во всех деревнях. Приглашенный из другой деревни «специалист» – владелец прялки приносил с собой и другие необходимые приспособления (таз, веник), за что получал следующую плату: одну миску коконов за обработку 1 литра (приблизительно 1 кг) коконов. В шелководстве использовали общеизвестные меры весов: вес грены считали в золотниках; вес коконов в Восточной Грузии – в литрах (*коди*), в Западной Грузии – *котхо, батмани, кила*; в Восточной Грузии единицей веса пряжи было *шуло/хацати, кверцхи, стили* и др.; в Западной Грузии – *шоли/ланди, кверцхи, ксани* и др. (*Шавров*, 1894. С. 53; *Жуковский А.*, 1904. С. 89).

Некоторые этапы процесса получения коконов связаны с обычаями, которые проистекают из религиозных верований и представлений грузинского народа и являются одной из органичных частей этой религиозной системы (*Абесадзе Н.*, 1957. С. 53–68). Подразумевается целый комплекс магических действий, связанных с гораздо более ранними эпохами, чем время появления в Грузии культуры шелководства. Среди этих обычаев были рациональные (метод борьбы с вредителями шелкопряда, муравьями) и иррациональные (табуирование названия вредного насекомого, специальный заговор для защиты шелкопряда от муравьев и др.). Следует отметить представление о «нечистоте» шелкопряда. В подтверждение можно привести обычай запрета

Размотка шелка
Кахети, начало XX в.
© РЭМ. № 923-4

разводить шелкопряда в течение одного года в доме умершего или же запрета облачать покойника в шелковые одежды. В Самегрело служителям святилища с целью «сохранения святости» запрещалось разводить шелкопряда. По народным представлениям гром и молния также были губительны для шелкопряда. Во избежание этого во время грозы в помещении, где находился шелкопряд, закрывали окна и двери, зажигали свечи, отгоняя беду, шумели, ударяя в таз. 7 мая, в день *кохинджроба* (праздник в честь божества грома и молнии) для защиты шелкопряда выполняли специальный ритуал (зажигали свечи, пекли ритуальные хлебцы).

Для защиты шелкопряда от «сглаза» прибегали к магическим действиям: заговорам, ворожбе (при помощи крапивы, золы, ножа, угля); в Великую среду из веток дикой вишни делали крест, затем помещая его на стеллажи среди шелкопряда, подвешивали ветки бузины.

Специальные действия выполняли при подготовке шелкопряда к процессу *шецахва* (размещение *цахи* – пучков веток определенного вида растений – граба, клена, каштана, тополя, вербы на стеллажах среди взрослых особей, готовых к окукливанию коконов). Собранные с *челти* коконы перебирали и сортировали. Определенные действия выполняли также при сучении нити. Чтобы обеспечить получение хорошего урожая шелка, в Вербное Воскресенье,

Великий четверг и Вознесение совершали ряд ритуалов. Покровителем шелкопряда был признан святой Иов.

Шелководство получило наибольшее развитие в Восточной Грузии (Кахети): в XVI–XVII вв. шелководство (и связанное с ним златоткачество) наряду с вином и породистыми лошадьми занимало важное место во внешней торговле (*Бердзенишвили Н.*, 1938. С. 27).

Царевич Георгий Батонишвили сообщал в XVII в. русским послам, что из Грузии шелк вывозили во многие страны (*Белокуров*, 1899. С. 482). В этот период царь Кахети ежегодно выплачивал Османской империи 30 вьюков шелка. Успеху шелководства в Кахети способствовала ее близость к Шелковому пути (Билани – Шемаха – Астрахань) и возможность вести оживленную торговлю. В Западной Грузии шелководство также было преуспевающей отраслью хозяйства. В Имерети и Самегрело в каждом доме разводили шелкопряда для собственных нужд. На кутаисском базаре торговали шелковыми тканями, для приобретения которых съезжались купцы из разных уголков Грузии – Тбилиси, Сададиано, Кахети и т.д. (*Полиевктов*, 1926. С. 111, 188).

А. Ламберти сообщает, что османы взамен привезенного ими товара вывозили из Самегрело мед, воск, местное полотно, нитки, ткани (*Ламберти*, 1938. С. 157). Вахушти Багратиони приводит данные также о производстве в Западной Грузии шелковых тканей (*Багратиони Вахушти*, 1941. С. 145). При царе Ираклии на р. Храми, вблизи крепости Колагири, была устроена плантация тутовых деревьев и производилось большое количество шелка (*Какабадзе С.*, 1914. С. 109). В Тбилиси были цеха красильщиков, ткачей и т.д., в частности, в 1809 г. зафиксированы 26 ткацких и 16 портняжных мастерских (*Месхиа, Гвритишвили*, 1952. С. 167).

Об оживленной торговле шелком в начале XIX в. в Тбилиси сообщает в своих путевых заметках Ю. Клапрот (первая половина XIX в.): «В середине рынка были разные мастерские: одну улицу занимали сапожники, вторую – шапочники, третью – кузнецы, четвертую – слесари, рядом ткачи ткали шелк. Здесь мастера работают на глазах у людей. Для иностранца это такое зрелище, что прогулка по рынку самое приятное развлечение». Тот же автор одним из источников доходов Кахетинского царства называет шелк (*Klaproth*, 1814. S. 51–52).

В первой половине XIX в. предметом торговли были коконы, которые сами производители выносили на местный рынок. Согласно письменным источникам, в условиях господства натурального хозяйства продукция шелководства в основном удовлетворяла семейные потребности, а избыток реализовался на базаре; им же крестьянин покрывал господскую повинность, церковные и государственные налоги. С 1830–1840-х годов в Грузии появляются иностранные фирмы, которые ввозили грону шелкопряда для ее реализации на рынке, закупая готовую продукцию – коконы. Отныне крестьянин продавал коконы, не занимаясь изготовлением нитей и тканей. Продукцию шелководства продавали на сельских и городских известных ярмарках: в Гурии – в Нагомари, Джумати, Саджавахо, Аскана, Ланчхути, Чохатаури, Озургети; в Самегрело – в Сенаки, Джвари, Лесичине, Абаша, Зугдиди, Хоби и др.; в Имерети – в Кутаиси, Хони, Самтредиа, Сачхере, Диди Джихаиши и др.; в Восточной Грузии – Тбилиси, Гори, Телави, Сигнахи, Шуамта.

В XIX в. Грузия вывозила за границу продукцию шелководства в больших количествах. С целью развития торговли в Закавказье был установлен льготный таможенный тариф, что открывало путь европейскому капиталу и привлекало предпринимателей. Так, по проекту французского негоданта Кастелли в 1827 г. в Тбилиси была построена фабрика, рабочими на этом производстве были казначейские крестьяне, крепостные и наемные рабочие. На этом производстве впервые были внедрены европейские способы производства шелка. В 1848 г. в Зугдиди французским предпринимателем было основано шелкомотальное производство, которое работало на местном сырье, а шелковые нити экспортировали за границу. Источники первой половины XIX в. свидетельствуют, что в этот период в Грузии производили продукцию высокого качества.

В Грузии первые шелковые производства были мануфактурного характера. С 1830-х годов передовые представители дворянства начали переделывать свое хозяйство на европейский лад. В 1887 г. в Тбилиси в популярном общественном парке Муштаид была основана Кавказская шелководческая станция, оснащенная лабораторией и библиотекой. Функционировали шелкомотальный, гренажный и коконные отделы. На станции проверяли ввозимые материалы. Здесь же была организована подготовка специальных кадров шелководов. Эта станция сыграла большую роль в деле восстановления в Грузии культуры шелководства. 17 декабря 1900 г. в здании Кавказской шелководческой станции было проведено первое собрание кавказских шелководов и промышленников – производителей шелка. На повестке дня стояли вопросы дальнейшего развития отрасли, в частности, реабилитация старых и устройство новых плантаций тутовых деревьев, улучшение ухода за шелкопрядом, поставка здорового сырья (грены), расширение рынков сбыта. Транспортировка товара происходила по маршруту Тбилиси–Баку–Дербент–Астрахань. Связь Грузии с Европой осуществлялась через Редут–Кале–Трапезунд–Константинополь, а с восточными странами – через Тбилиси–Джугла–Тавриз (*Киквидзе*, 1954. С. 297). Для промышленности Грузии значительным событием было строительство в Телави в 1902 г. мощной шелкомотальной фабрики, способной закупать весь объем заготавливаемого в Кахети шелкового кокона и перерабатывать его. В 1902 г. в Западной Грузии, в г. Самтредиа начала работать шелкомотальная фабрика; в г. Хони также функционировали шелкомотальная и крутильная фабрики (*Абесадзе Н.*, 1957. С. 175). Таким образом эта отрасль хозяйства после присоединения Грузии к России приобрела сырьевой характер: отныне шелководство ограничивалось производством коконов, вывозимых в Россию и за границу (хотя в небольших масштабах мотание и кручение нити происходило и на месте), т.е. изготовлением полуфабриката, а промышленное производство шелка практически отсутствовало.

После установления советской власти производство коконов и шелка в Грузии было объединено в единую отрасль. Были созданы собственные гренажное и шелкоткацкое производства, подготовлены многочисленные высококвалифицированные кадры агрономов – шелководов, туководов. В 1923 г. в Западной Грузии, в г. Самтредиа была восстановлена и заново оснащена нитемотальная фабрика, реконструирована фабрика в г. Хони. В 1926 г. в г. Озургети завершилось строительство нитемотальной и крутильной фабрики.

Особое внимание уделялось сырьевой базе шелководства – развитию туководства. В этот же период была заложена основа шелкоткацкой промышленности: производили широкий ассортимент шелковых тканей – креп-паризьен, креп-жоржет, креп-сатин, креп-дешин, креп-оно, туалъ и др., которые поставляли во все республики Советского Союза, где эти ткани пользовались огромной популярностью. Успехи этой отрасли промышленности в Грузии основывались на деятельности нитемотальных фабрик Кутаиси, Самтредиа, Озургети, Хони, Тбилиси и Кутаисского шелкоткацкого комбината. В результате серьезной селекционной работы на основе Тбилисского института шелководства были выведены высокоурожайные промышленные породы тутовых деревьев и уникальные сорта шелкопряда.

ОБРАБОТКА ХЛОПКА¹³

Хлопководство известно в Грузии с древности. Мы располагаем письменными источниками об использовании в Грузии хлопка; сведения об этом содержатся и в сочинении греческого историка Геродота (V в. до н.э.). Согласно И. Джавахишвили, «еще в доисторический период на территории нашей страны одевались в изделия, сшитые как из льняных, так и шерстяных и хлопковых тканей. Наряду с льняными и шерстяными тканями из Грузии вывозились и хлопковые ткани» (*Джавахишвили И.*, 1962. Т. III. С. 161).

В сочинении Вахушти Багратиони «Описание царства Грузинского» имеются данные о культуре хлопка в нашей стране, в частности в Кахети, Кухети, Эрети, Тушети, Чанети и других краях Грузии (*Багратиони Вахушти*, 1973. С. 40). Важные сведения об этой отрасли хозяйства находим в «Материалах по истории кустарного промысла и ремесла в Грузии», в полевых материалах (Кахети, Имерети, Рача) (Материалы по истории кустарного промысла..., 1982). Весьма ценны труды по искусствоведению с точки зрения изучения технологии набивки тканей, основным сырьем для которой является хлопковый материал.

Хлопок выращивали на равнинах Грузии, преимущественно в ее восточной части (Гардабанский и Марнеульский районы, низовья рек Иори и Алазани, Саингило, Картлийская равнина). Хлопчатник – однолетнее кустарниковое растение с прямым разветвленным стеблем высотой 1–1,4 м. Плод – трех-, пятираздельная коробочка, в каждом отделении содержится 20–40 волокнистых семян. Созревшая коробочка растрескивается. Собранный урожай представляет собой хлопок-сырец – волокно вместе с семенами.

Хлопчатник – довольно неприхотливое растение, плодоносящее на разных типах почв. Он легко адаптируется к климатическим условиям окружающей среды, в засуху требует поливки. Хлопок сеяли в апреле–мае (после 10 апреля) на предварительно подготовленной почве. Для посева хлопчатника наиболее благодатными считались земли *намцхварави адгили* (овечье лежбище). Известно, что после осеннего сбора урожая отары овец, направлявшиеся на зимние выгоны, пускали попасться на поля. Овечий навоз считался лучшим удобрением для хлопчатника. Урожай хлопка собирали в сентябре. Это трудоемкое дело, поскольку коробочки растения покрыты колючими шипами. Хлопок-сырец стелили на *челти* (плетенке) для просушки на воздухе с

¹³ © Н. Азикури

тем, чтобы коробочки хорошо раскрылись и волокно побелело. Затем хлопок перебирали руками, отделяя волокна от семян. Высушенные семена хлопка хранили так же, как и семена кукурузы, *дзадза* (коровий горох) и фасоли. Хлопок разводили почти во всех местах, где он хорошо приживался. Крестьянин старался производить хлопковую пряжу для собственных нужд в своем же хозяйстве. Как известно, в равнинных регионах Грузии использовали в основном суровое домотканое полотно для пошива исподнего белья и мягкую хлопчатобумажную ткань для пошива верхней одежды (*Какабадзе В.*, 1921. С. 41; *Материалы по истории кустарного промысла...*, 1983. С. 211). Хорошо просушенный хлопок перебирали вручную, для чего во всей Грузии применяли орудие довольно простой конструкции – *чихрихи* (отделитель). «Чихрихи – это два параллельных валика с рукоятками на противоположных концах; одну рукоятку надо вращать в одну сторону, другую – в другую, а между валиками подавать хлопок. По разные стороны будут сыпаться косточки (отходы) и хлопок» (*Материалы по истории кустарного промысла...*, 1982. С. 163).

По всей Грузии был распространен однотипный *чихрихи*. По данным *П. Гугушвили*, *чихрихи*, все еще применявшийся в Грузии в первом десятилетии XIX в. для отделения волокна от семян, по конструкции был абсолютно идентичен древнейшему орудью *джини*, известному в античной Индии (*Гугушвили П.*, 1962. С. 247). Пропущенный через *чихрихи* хлопок обрабатывали на *сапентела* (трепалке). Сапентела – тоже орудие простейшей конструкции, которое делали сами крестьяне и использовали для трепания и хлопка, и шерсти.

Сапенти/сапентела (трепалка) представляет собой чуть изогнутый деревянный лук с натянутой двойной или тройной тетивой (*лари*) или струной (*дзали*); снизу под луком проходит тонкая палка – стрела (*исари*), которая упирается в струну. В Шида Кахети это орудие называют *мивилд-исари* (лук со стрелой), в Земо Имерети – *сапенти*, в Квемо Рача – *мивилди*. Тетиву трепалки вили из свиной или овечьей кишки или сухожилия.

Однократно трепаное волокно в Кизики называется *мхари*. Мхари скашивают в комки размером с ладонь (*кула*). Затем от этих комков отделяют маленькие частички – *птила* – и прядут. В день одна женщина пряла $\frac{1}{2}$ – $1\frac{1}{2}$ фунта хлопка. В Кизики и Картли хлопок пряли на прялке *джара*, в Имерети – на веретене *титистари* (*Материалы по истории кустарного промысла...*, 1982. С. 191).

Прядение в основном являлось женским занятием, хотя в Кизики были и мужчины-прядильщики. Во время прядения был заведен порядок взаимопомощи: женщины поочередно ходили друг к другу по домам (обычно вечерами) и помогали прядь. Указанный обычай аналогичен распространенным в Грузии обычаям *мушани*, *мечечелаоби*, *хелнацвали*. По окончании прядения хлопковые нитки наматывали на веретено, и пряжа была уже готова к употреблению.

Хлопковые ткани ткали на горизонтальных ткацких станках с бердом (гребнем) – *дгим-саварцхлиани*, которые идентичны во всех краях Грузии. На ткацких станках ткали *хами* – толстое грубое полотно (из суровой хлопковой пряжи) и *лаини* – ткань из более тонких нитей. Из грубого полотна шили нижнее белье, наволочки, перины, пододеяльники, а тонкую ткань использовали для пошива выходной одежды, чоха и ахалухи. За день одна женщина могла

соткать 3–5 аршин хаами, а в Кизики умелой ткачихе удавалось соткать за день до 10–13 аршин.

Готовую грубую однотонную ткань красили, или изначально же ткань ткали из разноцветной пряжи. Кроме того, ткани украшали орнаментами (*дачрелеба*) или набивкой (*дачитва*). Была популярна окраска при помощи индиго, в результате чего, в зависимости от концентрации красящего вещества, получали разные оттенки синего цвета. Красили как дома, кустарным способом, так и в специальных красильных мастерских, особенно в больших городах (Тбилиси, Кутаиси, Телави). Окрашенная в синий цвет хлопковая ткань называется *лаини*. В Имерети хлопковые ткани красили в отваре лавровых листьев и коры, получая светло-коричневую расцветку. В Кахети в качестве красителя использовали гранатовую кожуру *титибби*. Получали черный цвет, который закрепляли при помощи квасцов. В Квемо Имерети знали технику пестрой (*чрели*) окраски ткани. Существовала также техника «стеганой окраски» *лиандагура*, состоявшая в том, что ткань местами *простегивали*, затем эти стежки крепко стягивали, завязывая нитки в пучок, и сжатую таким образом ткань красили. Разные интервалы между нитями давали эффект разных оттенков цвета.

Из хлопковых нитей ткали пояса (Земо Рача), разного рода тесемки и кушаки. Для тканья использовали *пирпита* (дощечки) и *дгимука* (бердышко) (Рача). Крученую хлопковую пряжу использовали при вышивке бисером или золотым шитьем для нанесения контура. Использовали как белую пряжу, так и окрашенную в отваре яблочной кожуры (Материалы по истории кустарного промысла..., 1982. С. 170). Из окрашенной в красно-желтый цвет пряжи в Земо Рача ткали бязевые хурджины. Из хлопковой пряжи ткали также паласы (*пардаги*). В Земо Имерети в период траура носили черную хлопковую чоха (*кабакарди* от *карди* – траур), на которую не принято было нашивать газыри (*сакилеоби*). Женщины носили траурный *лечаки* (головной убор) из хлопка.

Хлопковую нить четырехкратного кручения в Квемо Имерети использовали в качестве основы при ткации пардаги (Материалы по истории кустарного промысла..., 1982. С. 178). Применение хлопковой пряжи как основы – один из древнейших приемов и в ковроткачестве. Изготовленные из хлопкового волокна ткани использовались для пошива как наружных, так и внутренних чехлов для ватных подушек, тюфяков, одеял. На одно одеяло требовалось примерно 3–4 фунта ваты. Ватные изделия обычно простегивали, поверхность украшали узорами.

Тбилисские сапожники широко использовали при пошиве обуви вошьенные хлопковые нити ручного прядения. Вошьеной ниткой шили *цуга* (женские туфли) в Квемо Имерети и Квемо Рача (Материалы по истории кустарного промысла..., 1983. С. 219, 227). Отрезы хлопковой ткани использовали для вышивки. Кроме чисто хлопковых тканей изготавливали и смешанные – хлопчато-шерстяные (Квемо Самегрело) и хлопково-шелковые. Ткань, сотканная из хлопковой пряжи, называли *тило* (холст, полотно), а толстое тило – *мармакши*. В тех уголках Грузии, где сеяли хлопок, на новогодний ритуальный стол клали прядь хлопковых волокон (*птили*). Хлопковую нить использовали и при отливке свечей.

В 1920-е годы в Сигнахском уезде под хлопок была засеяна тысяча десятин (*Какабадзе*, 1921). Хлопок сеяли почти во всех краях Грузии, однако

он не имел характер масштабного производства. Выращивали лишь столько хлопка, сколько было необходимо для удовлетворения нужд каждой отдельной семьи.

Со второй половины XIX в. начался ощутимый подъем этой отрасли, обусловленный гражданской войной в Северной Америке (1861–1865 гг.), снабжавшей хлопковым сырьем всю Европу. Данное обстоятельство отразилось на хлопководстве в целом, в том числе и в Грузии: если до того пуд хлопка, например, в Кахети, стоил 3–3,5 коп., то в указанные годы цена на хлопок подскочила до 20–21 руб. (*Какабадзе*, 1921. С. 41).

С 1890-х годов начали использоваться хлопкоочистительные машины. Первая такая импортная машина была установлена в Кутаиси в 1891 г., вторая – в с. Вани в 1892 г. С 1902 г. в Кутаиси уже появились хлопкоочистительные заводы и прессы (*Какабадзе*, 1921. С. 27). Хлопок из Тбилиси вывозили в Стамбул. Через Стамбул Закавказье активно включилось в европейскую сеть торговли хлопком. Хлопчатник использовался для производства различной продукции: из семян получали пищевое растительное масло; это же масло шло на изготовление маргарина, мыла и т.д.; отходы производства масла (жмых) являлись хорошим кормом для скота.

С 1920-х годов в Грузии наблюдается упадок хлопкового производства. Крестьяне сеяли хлопок в своем хозяйстве исключительно для собственных потребностей – для изготовления белья и постельных принадлежностей. С 1940–1950-х годов в Грузии прекратили выращивать хлопок, поскольку его в большом количестве ввозили из других республик СССР.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

СЕМЕЙНЫЙ БЫТ¹

Этнографический материал, собранный исследователями и наблюдателями в XIX–XX вв., и письменные источники V–XIX вв. подтверждают сосуществование в Грузии больших и малых семей. Первые из них представляли собой видоизмененную семейную общину, а вторые – индивидуальную семью.

О численном преобладании малых семей свидетельствуют письменные источники, большинство которых относится к позднефеодальной эпохе. Подтверждением служат, в первую очередь демографические данные второй половины XVIII в. (*Яшвили М.*, 1974; *Джавахишвили И.*, 1967), а этнографический материал указывает на то, что больших семей было сравнительно мало. Обычно в состав малой семьи входили родители и их дети, а в течение определенного времени – один из родителей мужа. Такая семья охватывала два или три поколения. В трехпоколенной сложной семье главой семьи считался старший мужчина, прерогативой которого была организация труда. В двухпоколенной семье главой считался муж. Степень участия детей в хозяйственных делах зависела от их возраста. Распределение семейного имущества в случае раздела в трехпоколенной семье происходило между дедом, его сыновьями и внуками, а в двухпоколенной – когда сыновья обзаводились семьями – между родителями и сыновьями.

Более сложной социальной ячейкой являлась большая семья: ее система управления, организация труда, основанный на возрастном почитании семейный этикет, обряд раздела и принцип распределения имущества. Одной из особенностей большой семьи, в которой жили братья разных поколений со своими детьми, было проживание 3–4, а то 5 поколений под одной крышей, чем и объяснялась ее многочисленность. В горных районах Грузии неразделенные семьи существовали до начала XX в. (*Макалатия*, 1929. С. 38–39; 1930. С. 81–82; 1933. С. 104–106; 1934а. С. 87–89; 1934б. С. 98–99).

Согласно письменным источникам, большая и малая семьи сосуществовали и в Хеви, и в Гудамакари. В материалах переписи населения Арагвского ущелья 1774 г. в основном фиксируются малочисленные семьи, больших семей было немного (*Такайшвили*, 1907). Наряду с малыми семьями в этих

¹ © В.Дж. Итонишвили

районах даже в 1930-е годы (*Макалатия*, 1930. С. 81; *Панек*, 1939. С. 81) существовали многопоколенные семьи, включавшие 44–46 человек. В Хеви преобладала индивидуальная семья из 2–3 поколений – однако в каждом селе встречались и большие 3–5-поколенные семьи, по 25–50 человек.

Самые ранние свидетельства о нераздельном проживании сородичей в Арагвском ущелье встречается в «Своде законов» Георгия Блистательного (1314–1346). В § 7 «Свода» упоминается некий *хевисбери* (глава общины), в семье которого не подлежали разделу представители трех поколений – отец, дядя, брат, сын дяди и сын брата (*Долидзе*, 1957. С. 106). Согласно § 9, из семьи *хевисбери* могли отделиться его брат, *моахле* (близкий родственник) или *меквиси* (дальний родственник). Кроме этого «Свода законов», значительными источниками, содержащими сведения о составе семей, являются данные переписей 1774 и 1781 гг. (*Такайшвили*, 1907. С. 35). На примерах отдельных общин и деревень в составе общин показаны число дымов (семей) и «голов» (мужчин) в семье. Из некоторых дымов учтена лишь одна «голова», а из других – от двух до семи, т.е. налицо факты сосуществования больших и малых семей с преобладанием семей в составе одной или двух «голов». Подобное соотношение между большими и малыми семьями отражено и в данных камеральной переписи XIX в. (ЦИАГ. Ф. 254). О тенденции сокращения числа больших семей можно судить по данным XIX в. Выясняется, что в 1860-е годы большие семьи превосходили числом малые (*Итонишвили*, 1960. С. 63–64), а с 1860-х годов начинается их интенсивный распад (*Никифоров*, 1887. С. 24–25). Этнографический материал выявляет процесс убывания численности больших семей по мере роста числа индивидуальных семей.

Система управления и порядок организации труда в семье – важные компоненты семейного быта. В индивидуальной семье главой был муж, выполнявший также тяжелые работы, а его супруга занималась домашним хозяйством. В исключительных случаях, когда в семье все еще сосуществовали три поколения, в роли главы семьи выступал дед, а в роли хозяйки – бабушка. При наличии в семье совершеннолетних детей трудовые обязанности распределялись между ними по возрастному принципу.

В больших семьях существовали те же принципы, с той разницей, что в такой семье был четко определен как приоритет главы семьи, так и трудовые действия представителей разных поколений. Этнографические данные разных регионов Грузии показывают, что во главе большой семьи стоял старейший из мужчин, которому беспрекословно подчинялись все члены семьи. Все решения, касающиеся семейных дел, принимал глава семьи, заранее согласовав их с женатыми членами семьи. Можно сказать, что большой грузинской семье была присуща солидарная форма правления.

Престиж главы семьи определялся не только его умением управлять семьей, но и авторитетом среди односельчан, поскольку он от имени семьи принимал участие в общественной жизни села, общины и т.д., был ответственным лицом и непосредственным участником урегулирования конфликтов с соседями. В обществе он представлял лицо семьи, и естественно, что семья, особенно взрослые мужчины, предпочитали иметь в качестве главы семьи авторитетную персону.

Во всех регионах Грузии в компетенцию главы семьи входила организация труда с учетом возраста и трудоспособности мужского состава семьи.

Семья Курганидзе из Кварели, изготавливающие *квеври*
Кахети, 1914 г.

© Личный архив Г. Барисашвили

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

По усмотрению главы семьи мужчины трудились почти во всех отраслях хозяйства: садоводство, животноводство, пчеловодство, торговля, уход на заработки и т.п. Если в земледельческих регионах приоритетом пользовался пахарь (плугарь), то в овцеводстве – *саркар* (старший чабан) и т.д.

Распределение работы между незамужними и замужними женщинами разных поколений входило в обязанности старшей хозяйки – матери семейства, супруги главы семьи. Однако в некоторых случаях этот принцип нарушался, и ее обязанности выполняла женщина, следующая за ней по возрасту. Она заведовала кладовой и рационально распределяла съестные припасы, как для повседневного употребления, так и во время пиршеств и бед. Старшая хозяйка и пожилые невестки пекли хлеб, готовили разные блюда и т.д., т.е. выполняли дела *саупросо* (предназначенные для старших, от *упроси* – старший), а дела *саумиросо* (от *умиросо* – младший) – соблюдение чистоты в доме, во дворе, запас воды и т.д. выполняли младшие невестки, в первую очередь новобрачная. Учитывая возраст и опыт, невестки и незамужние женщины, помимо хозяйственных дел по дому, также принимали участие в полеводческих, садоводческих, пчеловодческих, животноводческих и т.д. работах; заготовкой молочных продуктов во всех регионах занимались только женщины, за исключением Тушети, где доение овец и сыроварение считалось мужским занятием.

Учитывая возраст и пол членов семьи, регулировались и отношения между ними, что было обязательным условием целостности семьи. Этой традиции

придавалось особое значение в больших семьях, где под одной крышей жили мужчины разных поколений и их жены. В таких семьях главным фактором этикета считался обычай избегания, которого в первую очередь придерживались невестки. Формой избегания было *умдзрахова* (букв.: «неразговаривание»), в обязательном порядке его соблюдали молодые невестки в отношении главы семейства, отца и дядей мужа, деверя. Длительность соблюдения этого обычая было разной: кое-где она была недолгой – до одного года, а кое-где – на протяжении всей жизни. В этом отношении семейный быт равнинных регионов был менее суров, чем у горцев, где этот запрет нарушался лишь при желании старших мужчин заговорить с невесткой. В этом случае старший мужчина делал подарок невестке, что и становилось поводом прекратить «неразговаривание».

Обычай избегания соблюдался и в отношении свекрови и старших невесток, но в ограниченных формах и до той поры, пока невестка не становилась матерью. Было не принято заговаривать с мужем в присутствии старших родичей или чужих лиц. Нарушением семейного этикета считалось и обращение по имени к супругу или супруге. Жена обращалась к мужу перифразами, что прослеживается в быту горцев и сегодня. Отношение мужчины к детям характеризовалось сдержанностью – брать ребенка на руки или ласкать его считалось неприемлемым для мужчины поведением.

С течением времени ограничения подобного характера потеряли силу. Нормы народного этикета соблюдались и во время распределения мест у очага, застолья и принятия гостей. Обычно у очага были выделены специальные места для мужчин и женщин. Глава семьи восседал в кресле со спинкой в обособленном месте справа от очага, на длинной скамейке рассаживались мужчины – старший ближе к главе семьи; напротив мужчин на низких табуретках и подушках устраивались женщины.

В горных регионах мужчины, женщины и дети не садились за один стол. Эту традицию они чтят и по сей день – отдельно накрывают праздничный и траурный столы для мужчин и женщин. Обслуживать застолье было обязанностью женщин. Соответствующие правовому положению нормы поведения соблюдались и во время поездки или передвижения пешком: женщина должна была идти вслед за мужчиной; в телеге или в санях садилась не рядом, а позади него. Гостей в семье встречал мужчина, а женщина им прислуживала.

Согласно этнографическим материалам, отражающим в основном картину XIX в., во всех регионах экономической основой семьи была совместная семейная собственность. В индивидуальной семье правом собственности на имущество пользовались родители и дети. В семьях многочисленных и многопоколенных основной единицей собственности считалась доля, которую получал каждый участник раздела – т.е. главы вновь образовавшихся семей. Таким образом, и многодетные, и бездетные участники раздела получали равные доли. Поровну делили приобретенное совместным трудом имущество: жилье, мебель, посуду, орудия труда, мельницу, вотчину, съестные припасы. В обоих случаях при разделе соблюдался принцип распределения имущества на равные части, с той лишь разницей, что в трехпоколенной семье для членов семьи старшего поколения предусматривались затраты на *саупросо* (а старшинство), или же *самархи* (погребальные), для неженатого

сына – на *саумцросо* (доля младшего) и на свадебные расходы (*сакорцило*), а для незамужних дочерей – на приданое *мзитев* (предметы личного употребления) и *сатавно* (несколько голов скота). Для главы большой семьи предусматривалась доля *саупросо* в виде участка земли, скотины, большой глиняный кувшина для вина или же других ценностей. Подобное решение принималось на основе договоренности между участниками раздела, учитывая заслуги главы семьи. Выделение такой доли было делом добровольным. Этот акт фактически не вызывал разногласий, он служил признанием приоритета главы семьи и считался вполне закономерным. В горных районах, где ведущее место занимало овцеводство, организатору этой отрасли *саркари* – главному чабану вместе с причитающейся ему долей выделяли определенное число овец. Свадебные затраты предусматривали и *урвади* (калым), в тех регионах страны, где соблюдали обычай выплаты денег семье невесты. Этот обычай функционировал в Хеви (*Итонишвили В.Д.*, 1960. С. 211–227), Сванети (*Харадзе*, 1939. С. 87–98) и Самегрело (*Ламберти*, 1938. С. 82–85; *Сахокия Т.*, 1956. С. 55, 83, 94–95) до конца XIX в., а ранее представлял норму брачных отношений по всей Грузии (*Багратиони И.*, 1948. С. 228–229).

Вместе со *свадебным* незамужним девицам выделяли долю на *приданое* и *сатавно* (скот, полученный женщиной при выходе замуж). В отличие от феодальных семей, которые давали в приданое солидное имущество (*Яшвили*, 1974), крестьянская семья ограничивалась двумя сменами постельных принадлежностей и сундуком невесты с предметами личного употребления. В *сатавно* входили деньги (в основном в равнинных регионах), отдавать которые под проценты женщина имела право и в семье мужа, и несколько голов овец или коров (в горной Грузии), приплодом которых женщина могла пользоваться сроком до 3 лет, а затем *сатавно* становилось частью общесемейной собственности. Приданое – личная собственность женщины – не подлежало разделу, как и часть имущества, приобретенного индивидуальным трудом (*Харадзе*, 1939. С. 54–56).

«Раздельные акты» показывают, как распределялись совместное имущество, *саупросо*, *саумцросо*, добытые индивидуальным трудом ценности и личная собственность при учете состава семьи, положения членов семьи и их труда на благо семьи, прав вдов и сирот (Памятники грузинского права, 1965. С. 9–14; 1977. С. 134). Выделение *саупросо* и *саумцросо* обычно происходило без каких-либо осложнений. Если же претендент оспаривал «неполучение» *саупросо*, то ситуация осложнялась (Памятники грузинского права, 1977. С. 172–173). Встречаются факты, когда участник раздела не брал *саупросо* или *саумцросо* (Памятники грузинского права, 1977. С. 479–480). При разделе семьи были четко определены права и обязанности как родителей, так и детей. Как правило, дети были обязаны содержать родителей, в противном же случае медиаторы через приговор определяли положение сторон (Памятники грузинского права, 1977. С. 478–479).

В условиях феодального общества права на получение наследства имел и усыновленный ребенок, что оформлялось особой грамотой (Памятники грузинского права, 1985. С. 916–917). Нарушение условий грамоты считалось несовместимым с ответственностью перед актом усыновления (Памятники грузинского права, 1970. С. 1068–1069). Права усыновленного приравнива-

лись к правам родного сына. Грузинское право фиксировало свое отношение и к незаконнорожденному. Внебрачный ребенок, т.е. «рожденный в грехе», не мог наследовать хоть какую-то долю, а землю выделяли лишь с условием поселения в качестве *кма* (крепостного) (Памятники грузинского права, 1977. С. 64).

При разделе семьи определенная часть имущества или утварь оставались в общем пользовании – участок земли, мельница, винный погреб, маслостоловая, хижина на пастбище, котлы пивоварочный и для гонки водки и др. Такое имущество, предназначенное для общего пользования, в научной литературе квалифицируется как патронимическая собственность, а совокупность выделенных семей, поселившихся одним поселком, объединение близких родственников, носящих имя бывшего главы большой семьи – как патронимия (*Харадзе, Робакидзе, 1964. С. 19*). Этнографические данные показали, что выделенные семьи в большинстве случаев поселялись вместе. Такого типа патронимические поселки возникали вблизи бывшего дома большой семьи, однако порой выделенные семьи расселялись в разных местах.

Во всех районах Грузии в наименовании подобных поселков фигурировало имя эпонима патронимии, но оно не всегда совпадало с личным именем главы большой семьи. Эпоним, чье имя носил поселок, в свое время мог быть главой малой семьи, а впоследствии, когда малая семья превращалась в новую родственную группу, естественно, она могла носить имя своего эпонима. Подобное родственное объединение не всегда проживало в одном поселке, в большинстве случаев потомки одного предка селились порознь, в зависимости от наличия свободных земель для поселений. Названия поселка и родственной группы совпадали в том случае, если родственники селились компактно по соседству. Подобного типа поселки возникали не только в связи с разделом больших, но и с разделом индивидуальных семей. Однофамильные поселки в ряде случаев представляли из себя сообщество индивидуальных семей, которые не всегда создавались на основе сегментации «семейной общины».

Процесс раздела больших семей был необратимым и вполне закономерным, но, в силу некоторых обстоятельств, выделенные семьи воссоединялись. К воссоединению (*шекрилоба*) прибегали и те семьи, которые не связывали узы родства по крови. Целью такого акта было создание прочного экономического положения. Оформлялся договор экономического характера, в котором были предусмотрены условия использования объединенными семьями общего имущества, а также его распределения в случае раздела.

Воссоединение имело место среди населения разных социальных категорий. Документы, датированные XVII–XVIII вв., в основном отражают условия воссоединения феодальных семей и реальные причины раздела, необходимость воссоединения, условия объединения имущества и порядок распоряжения им, назначение одного человека главой семьи, принципы распределения имущества при возможном разделе. Процессы воссоединения документально подтверждаются и среди крестьян. Причина та же – желание создать прочную экономическую базу, чтобы преодолеть возможные последствия нападения врага – выкупить взятых в плен домочадцев, что было осуществимо только при наличии обобщенных средств (*Джавахишвили И., 1982. С. 142–143*).

Путем *шекрилоба* выделенные семьи опять образовывали одно целое, но это не означало реставрации большой семьи (*Джавахишвили И., 1982.*

С. 144). *Шекрилоба* происходила на основе экономического договора, чтобы временно восстановить совместный образ жизни с целью улучшения материального состояния, представляла собой союз, возникший с определенной целью и использующей традиции нераздельного проживания.

Анализ этнографического материала, письменных источников и данных специальной литературы подтверждает, что среди населения Грузии эпохи феодализма и XIX в. сосуществовали многопоколенная и индивидуальная семьи. Первая представляла собой пережиток семейной общины, о чем говорят состав семьи, ее экономические основы, система управления, организация труда и формы собственности.

СИСТЕМА РОДСТВА²

В Грузии известны три типа родства: кровное, по свойству и искусственное. Термином *натесави* – родственник обозначаются все типы родства. В отдельных регионах он звучит несколько иначе: в Самегрело – *натесе*, в Сванети – *натсау/натиоба/нати* (*Топурия, Калдани*, 2000. С. 610), в Аджарии – *ганатеси* (*Мгеладзе Н.*, 1988. С. 47, 48) и др.

Агмавални (восходящие) и *штамомавални* (потомки) – родственники по прямой линии, *зверд-гамавални* – родственники коллатеральные, потомство братьев и сестер. Родственники по крови делятся на близких и дальних. Близкими считаются родственники в рамках трех–пяти поколений, а дальше, включая седьмое поколение – дальними. После седьмого колена родство считается слишком дальним. Для обозначения степени родства в грузинском языке употребляются термины: *махлобелни твисни* – близкая родня (в рамках трех поколений) и *шорребелни твисни* – дальняя родня (*Мамулия*, 1976. С. 121–122).

Кровное родство делится на два вида: с отцовской стороны – агнатическое, патрилинейное – *мамули, мамисеули* (*Орбелиани*, 1991. С. 432) (мегр. *мумашшанепи*, сван. – *мумаш нати*); с материнской стороны – когнатическое, матрилинейное – *дедули, дедулети* (Толковый словарь, 1986. С. 211) (мегр. *дидашианепи*, сван. *дидаш нати*).

Особое место в грузинской соционормативной культуре уделялось таким социальным единицам, как большая семья, патронимия и фамилия, которые представляли собой определенные родственные группы. Большая семья, семейная община представляла собой родственную ячейку, включавшую несколько семей родных и двоюродных братьев. В основу подобных родственных объединений были положены общая собственность, коллективный труд и коллективное пользование имуществом (*Харадзе*, 1939; *Итонишвили В.Д.*, 1969. С. 12). Большая семья была характерна для разных этнографических групп в Грузии. Патронимия возникла вследствие увеличения и дальнейшей сегментации большой семьи и включает ближайших родственников – агнатов. Ее функционирование определяли экзогамия и единство в социальной, хозяйственной, территориальной и идеологической сферах. Подобные родственные организации с различными дефинициями были распространены по всему Кавказу (*Робакидзе*, 1968. С. 93–104).

² © Н. Джавахадзе

Патронимия в отдельных историко-этнографических регионах обозначалась разными терминами: в Сванети – *самхуб/ламхуб*, в Хевсурети – *мама-ни*, в Мтиулету – *комоба* (*Харадзе, Робакидзе, 1965. С. 15, 16; Робакидзе, 1971. С. 67–80*), в Самегрело – *тури* (*Бахия, 1986. С. 9*), в Абхазии, Гурии, Имерети, Рача – *ногро/монагреби/монагари* (*Мгеладзе Н., 1988. С. 59–60*) и т.д. По сравнению с фамилией патронимия – сравнительно небольшая родственная единица. Фамилия (*гвари*) включает восходящие и нисходящие поколения, близких и дальних родственников со стороны отца по прямой и боковой линиям. Именно эти родственные объединения – большая семья, патронимия, род (фамилия) – легли в основу формирования систем родства в Грузии.

Экзогамия – основная черта, определяющая отношения между родственниками по крови. Брак с кровным родственником воспринимался как нарушение моральных норм и был неприемлем. По христианским канонам карались не только заключившие такой брак, но и священник, совершивший обряд. Согрешение с близким родственником считалось тяжким преступлением. Вступивших в брак с близким родственником проклинала церковь, осуждало все общество – община, село, семья; их карали со всей строгостью: бойкотировали, изгоняли из общества, побивали камнями (*Памятники грузинского права, 1965. С. 152, 154*).

В системе терминов кровного родства по прямой линии имеются следующие референтные категории: *мама* – отец (мегр. *муа*, сван. *му*), *деда* – мать (мегр. *дида*, сван. *ди/диа*), *швили* – дитя обоих полов (мегр. *скуа*, сван. *гезал*); дитя мужского пола – *важшшвили* – сын (мегр. *скуа*, *скири*, сван. *нагужургезал*, *чкитгезал*), а женского – *калишвили* – дочь (мегр. *осури*, сван. *динагезал*) (*Топурия, Калдани, 2000. С. 195, 179, 573, 619, 865*). В древнегрузинском вместо слова *швили* употребляли термин *цули* (*Мамулия, 1976. С. 130*). Термины *мама* и *деда* употреблялись не только для обозначения родственников по крови, но и в производных понятиях: *дединацвали* – мачеха, *маминацвали* – отчим, *мамобили* – приемный отец, *мамамдзуде* – воспитатель, *мамамтили* – отец мужа, *мамули* – отцовский, *дедабери* – старуха, *дедакаци* – женщина, *дедамтили* – мать мужа, *дедамдзуде* – воспитательница, «дедули» – материнское и др. (*Орбелиани, 1991. С. 214, 215, 431, 432*). В родстве по крови со стороны отца и матери второе восходящее поколение по прямой линии терминологически слитны, а пол – дифференцирован: *папа*, *бабуа* – дед (сван. *баба*) и *дидеда*, *бебиа* – бабушка (сван. *дада/бебе*) (*Орбелиани, 1991. С. 99, 615*). Первое нисходящее поколение по прямой линии обозначается термином *швилишвили* – внук, внучка (мегр. *мота*, *бадиши*, сван. *гезалгезал*, *нибашин*). Референтивные (обозначения) термины первого восходящего поколения по прямой линии следующие: *бидза* – дядя (мегр. *джимади*, сван. *буба*), *мамида* – сестра отца (мегр. *мамда*, сван. *гига*), *деида* – сестра матери (мегр. *деи*, сван. *гига*) (*Дондуа, 1937. С. 552, 553, 556; Чикобава, 1938. С. 27, 28; Топурия, Калдани, 2000. С. 157, 178*). Термин *бидза* в значении брата и отца и матери большей частью употребляется в Западной Грузии, в Восточной Грузии это только брат отца, а для брата матери есть специальный термин *дедидзма*. В этом же регионе широко распространен термин *дзиа* не только в отношении родственника по крови со стороны родителей, но и вообще старших по возрасту мужчин, подобно термину *бидза/бидзия* в Западной Грузии. В сванском

буба – брат отца и матери (груз. *бидза*), *гига* – мужья сестер матери и отца. *Гига* обозначает также сестер отца и матери, матери мужа, жену дяди (*Харадзе*, 1939. С. 81; *Топурия, Калдани*, 2000. С. 172).

Боковые линии отображают номенклатуру нулевого поколения: *дзма* – брат (мегр. *джима*), *да* – сестра (мегр. *да*), *бидзашвили* – сын дяди (мегр. *джимадишскуа*), *мамидашвили* – сын сестры отца (мегр. *мамдашскуа*), *дедидмишвили* – сын сестры матери (мегр. *диешскуа*). Существование в этом поколении отдельных терминов для двоюродных со стороны отца и со стороны матери характерны в основном для структуры родства нагорья Восточной Грузии; в нулевом поколении здесь для обозначения коллатеральных родственников употребляется специальный термин *шинши*, который в Мтиулет, Хеви, Пшави и Тушети охватывает лишь детей родных и коллатеральных сестер; в Хевсурети *мамит шиншеби* – это и дети родных и коллатеральных братьев, а *дедит шиншеби* – детей родных и коллатеральных сестер (*Харадзе*, 1940. С. 509, 512; *Макалатия*, 1984. С. 73; *Итонишвили В.Д.*, 1960. С. 25; *Утургаидзе*, 1960. С. 216; *Каишаури*, 1995. С. 133; *Джавахадзе*, 1971. С. 150–158; 1985; 1998. С. 56–58).

У рачинцев дети брата отца обозначаются термином *танибидзашвили* (*Джавахадзе*, 2003).

Грузинские термины *да-дзма* означают не только родственников по крови, но в сванском родстве по свойству, обозначают и сестру мужа *кмрис да (даи)* и *кмрис дзма* – брата мужа (*дзмаи*) (*Харадзе*, 1939. С. 81). В тушинской системе родства термином *даи* обозначен родственник по крови двух разных колен: *да* в нулевом поколении и *мамида* в первом восходящем поколении.

Основные термины для обозначения кровных родственников следующие: путем комбинации *папа/бабуа*, *дидеда/бебиа*, *мама*, *деда*, *швили*, *бидза*, *дзма*, *да* образуются все остальные термины кровного родства – *мамида*, *бидзашвили*, *дзмисшвили*, *патида* и др.

Родство по свойству выражается следующими дефинициями: *мокуаре*, *мзахали/мдзахали* – свояк (мегр. *мзахалепи*, сван. *езермаре*) (*Топурия, Калдани*, 2000. С. 204). *Мокуаре (мокваре)* это *мзахални* и *цолеурни*, то есть «доброжелатели» (*Орбелиани*, 1991. С. 511, 542). Среди «мокроба выделяются *цолеурни* – родственники жены (мегр. *осуришианени*; сван. *хехвиш натиар*) и *кмрисани/кмрисеулни* – родственники мужа (мегр. *комонджианени*; сван. *чашиш натиар*). Для обозначения родственников мужа в горной Восточной Грузии распространен термин *самтило*.

Супружеские отношения отображены в следующих понятиях: *кмари* – муж (мегр. *комонджи*, сван. *чаи*), *цולי* – жена (мегр. *осури*, *чили*, сван. *хеху/иеху*, также в значении «женщин»); *мамантили* – свекор (мегр. *муантили*, сван. *мимтил/муметил*, которые означают и тестя); *дедамтили* – свекровь (мегр. *диантили*, сван. *димтил/диметил*, обозначают и тещу); *симамри*, *сидедри*, *мазли*, *мули*, *цолисда*, *цолисдзма*, *рдзали*, *сидзе* (мегр. *синджа/синда*, сван. *чиже*), *квисли* – мужья сестер по отношению друг к другу (мегр. *синдалепи*, сван. *мокишӀл*) (*Чикобава*, 1938. С. 36, 37; *Харадзе*, 1939. С. 78; *Топурия, Калдани*, 2000. С. 195, 570, 860, 871).

В грузинском языке сиблинги (брат и сестра) супругов дефиницированы терминологически и по полу – *цолисда* (сестра жены), *цолисдзма* (брат жены), *мули* (золовка), *мазли* (деверь). Однако в мегрельском термин

Представители четырех поколений городской семьи
Тбилиси, 1920-е годы
© Личный архив Дж. Амираншвили
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ოხლასკირი означает сестер и братьев супругов, а в сванском сиблинги жены обозначаются одним термином *семун*, а сиблинги мужа – грузинскими терминами *даи*, *дзмаи*.

Для обозначения жены и мужа в грузинском языке применяются термины: *меугле*, *сахлоба*, *чеми дедакаци*, *чеми каци* (Чикобава, 1938. С. 30, 31; Толковый словарь..., 1986, 290). Термин *рдзали* (невестка) обозначает всех замужних женщин, несмотря на их возраст. Жены братьев дефиницированы специальными терминами: в Тушети *мондави*, в Пшави – *моциле*, в Лечхуми, Имерети и Рача – *шили*, в чанском – *нусага*, в Сванети – *мекерва*. Возникновение таких терминов родства увязывается с хозяйственно-родственным объединением семей женатых братьев, с традициями большой семьи (Харадзе, 1960. С. 113; 1961. С. 11, 12, 65).

В Грузии были распространены следующие виды искусственного родства: побратимство, посестримство, усыновление (адопция), кумовство (родство по крещению), молочное родство, аталычество и шаферство. Эти виды родства по своему статусу и особенностям взаимоотношений во всех сферах общественной жизни были приравнены к кровному родству. При оформлении статуса родственника использовались определенные знаки-символы – кровь, молоко, пиво, водка, серебро, крест. Породнение через молоко символически

выражало биологическую связь в таких формах родства, как молочное родство, аталычество и адопция.

У горцев Восточной Грузии бытовал институт побратимства, который был направлен на то, чтобы укрепить личную дружбу, свести на нет противостояние, даже приостановить кровную месть. Заключение побратимства отмечалось закланием жертвенной скотины, приобщением к крови (касание порезанными пальцами), обменом пулями (*Бардавелидзе*, 1971). Единственное, чего не было между побратимами, так это наследственных связей (*Гогинашвили*, 1988. С. 34).

Молочное родство устанавливалось в случаях усыновления и аталычества. Усыновляли в случае бесплодия жены или в случае смерти наследника. Усыновленный считался близким родственником и имел право на наследство. Брак между родственниками по прямой линии усыновленного и усыновляющего запрещался, а по боковой линии (брат, сестра и т.д.) был разрешен, так как усыновленный не состоял с ними в родстве (Памятники грузинского права, 1965. С. 159, 160).

В Самегрело это сопровождалось обрядом *скуаши миторгинапа*: обычно усыновляли ребенка из крайне бедной семьи, или же незаконнорожденного; подложив под одежду подушку, будущая мать со стонами ложилась в постель, а повитуха клала в ее постель ребенка. Как только ребенок начинал плакать, «мать» поздравляли с рождением ребенка, а она в течение нескольких дней не вставала с постели (*Сахокия*, 1916; *Макалатия*, 1941. С. 271).

У мегрелов известен обычай, согласно которому усыновляемый, произнеся молитву, касался груди женщины зубами, после чего он выступал в роли ее родного сына и приравнивался к кровному родственнику. Усыновляли как родственников, так и неродственников. В обоих случаях цель была одна: увеличение рода, пополнение круга родственников.

К породнению молоком относится широко распространенный обычай отдачи ребенка на воспитание в другую семью (аталычество), обозначавшийся терминами *мамандзудеоба*, *дедамдзудеоба*, *гадзидзавеба*, *дзудзумтеоба*/*дзидзишвилоба*. Обряд отдачи ребенка на воспитание со специальными терминами и обязательными нормами общения хорошо сохранился в Самегрело. *Дзидза* (воспитательница), *морду* (воспитатель) и *мордили* (воспитанник) чтили и почитали все условия искусственного породнения, будь то экзогамия или формы взаимных обязанностей. По истечении срока воспитания, семья воспитанника в знак уважения угощала обедом воспитателя и одаривала его конем, скотиной, одеждой или же какой-то дорогой вещью – серебряным поясом или ружьем.

Одной из форм искусственного родства является *эджиб-меджваре* – отношения главного шафера и семьи молодоженов, которая в дальнейшем могла перерасти в *нателмироноба* (кумовство) – родство по крещению, скрепленное священным миром (*мирони*). Брак между семьями, связанными кумовством, запрещался до 12-го колена.

В Аджарии узлы искусственного родства связывали семью приемника при обрезании и семью ребенка; при этом принцип экзогамии соблюдался по прямой линии до седьмого колена (*Бекая*, 1974. С. 220).

Специфическим видом искусственного породнения представляется связанный с траурным церемониалом обычай *самагиерос моргеба* (подобрать

кого-то взамен). В Западной Грузии – в Самегрело, Лечхуми, Самурзакано – до сегодняшнего дня бытует обычай брать кого-то взамен умершего близкого родственника – отца, матери, брата, сестры, сына или дочери и породниться с ним. Церемония проводилась на годовщину смерти – человек трижды касался губами груди будущей матери, давал соответствующую клятву, ему состригали отросшие в период траура волосы и бороду, подрезали траурную одежду. В лице нового родственника семья усопшего получала моральную и физическую опору (*Сахокия Т.*, 1940. С. 180–182; *Макалатия*, 1941. С. 76, 77; *Джавахадзе*, 1990).

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ³

Брачный ритуал у грузин состоит из трех основных частей: предсвадебный период, свадьба и послесвадебный период.

До заключения брака между парами было необходимо учесть обязательные для бракосочетания предпосылки. Экзогамия соблюдалась и соблюдается по сей день в пределах родства кровного, родства по свойству и родства искусственного. В пределах кровного родства экзогамия соблюдается до тех пор, пока память о нем сохраняется в потомстве. Среди родственников по свойству, т.е. между родственниками мужа и жены, браки запрещаются на протяжении семи поколений. В случае же родства искусственного, которое включает ритуальное (побратимство, усыновление и др.) и духовное (шаферство, кумовство и т.п.) родство, экзогамия соблюдается так же, как и при кровном родстве, но в основном по прямой линии.

Браки не допускались не только в пределах определенного круга родства, но и в иных социальных группах: моногенных (однофамильных) и полигенных (разнофамильных) селений горных регионов Восточной Грузии, а также внутри общины, между лицами, находящимися под покровительством одного святилища. Запрещались браки между представителями тех фамилий, которые имели общее происхождение, даже если они проживали в разных селениях, более того, даже в разных регионах. По разным причинам не могли вступить в брак и жители некоторых общин (селений), если между ними имелись распри по определенным вопросам. Запрещались браки и между враждующими семьями, даже после примирения. Кровомщение, как и родство по крови, твердо хранилось в памяти потомков, и пока фактор кровомщения не предавался забвению, бракосочетание между бывшими кровниками не допускалось.

При выборе невесты особое внимание уделялось как ее «породе», так и личным достоинствам и умению заниматься хозяйством. Изучая «породу» девушки, разузнавали о происхождении ее матери, ибо, по воззрениям народа, дочь, большей частью, получала в наследство качества по линии матери.

В Грузии, как и в других странах, связанные с этим циклом обычаи довольно многообразны. В разных районах Грузии был распространен обычай обручения детей еще до их рождения. Семьи, которые дружили между собой и хотели породниться, договаривались: в случае, если родятся дети раз-

³ © Л. Меликишвили, Т. Ивелашвили

ного пола, устроить обручение. Согласно *акванши данишвна* (обручению в колыбели) будущее детей решалось их родителями на основе сговора между собой. Часто прибегали к этому обряду в Хевсурети (*Макалатия*, 1935. С. 174), в Мтиулети (*Чкония И.*, 1956. С. 52). Засвидетельствован этот обычай в Самегрело (*Сахокия*, 1956. С. 82), Хеви (*Итоншвили*, 1960. С. 113), Картли (*Мачабели Н.*, 1978. С. 18), у ферейданских грузин (*Гоциридзе*, 1987. С. 39–40), в Абхазии (*Бекая*, 1974. С. 39). Обрученные в колыбели, достигнув брачного возраста, в обязательном порядке должны были вступить в брак. Было известно также обручение малолетних.

В Хевсурети засвидетельствован интересный обычай обручения прикосновением руки – *хелис дадевит данишвна*; следы такого обычая встречаются в Абхазии и Раче. Подобное обручение могло произойти везде, где собирались люди, для этого надо было прикоснуться к плечу или пожать ей руку. После этого ее называли *хелдакрули*, *хелдадевули* (от груз. *хели* – рука). Прикоснуться рукой к девушке мог отец, дядя, двоюродный брат или друг юноши, в отдельных случаях – даже сам юноша.

В некоторых регионах Грузии (Хевсурети, Самегрело) такая форма бракосочетания считалась почти обычным явлением (*Тевдоразде Г.*, 1930. С. 175). Похищение происходило с согласия девушки или же против ее воли. Невесту похищали в следующих случаях: 1. Обрученная испытывала неприязнь к жениху; 2. При обоюдной свободе брачных сторон; 3. Когда родня покойного мужа отсылала его вдову в отчий дом; 4. По обоюдному согласию жениха и невесты, в отдельных же случаях – и с согласия родителей. В некоторых районах Западной Грузии похищение при обоюдном согласии жениха и невесты стало своего рода обычаем, к нему в основном прибегали несостоятельные семьи (*Меликишвили Л.*, 1986. С. 10–18).

Одним из обязательных условий заключения брака были смотрины (*гасинджва*). В Западной Грузии, к примеру в Самегрело, смотрины (*гинодзирапа*) совершали ночью, тайно от людей, чтобы девушку, если она не понравится, не ставить в неловкое положение. В Восточной же Грузии (Хеви) смотрины производили на расстоянии и тоже тайком.

Наиболее распространенным обычаем в Грузии было обручение по сговору. При этом семья юноши обязательно выбирала посредников, которые должны были уладить досвадебные отношения. На роль свата старались заполучить солидного, красноречивого, умелого, близкого жениху человека. В некоторых регионах Грузии *шуамавлова* (посредничество), *моцикулоба* (посланничество) считались обязанностями близких родственников жениха и невесты. В других местностях наряду с близкими родственниками в качестве посредника приглашали постороннего человека – *мачанкали* – свата, у которого порой имелся и материальный интерес.

Платить посреднику в некоторых районах считалось неприемлемым и оскорбительным. В иных же регионах, несмотря на то что посланник был близким родственником жениха или невесты, семья жениха все же одаривала его чем-нибудь (но не деньгами). Бывало и такое, что сват получал плату, размер которой всецело зависел от объема приданого. Вознаграждение это было одновременно денежного и натурального характера (*Ивелашвили*, 1999. С. 60). Именно это и обусловило превращение сватовства в профессию.

Даже в том случае, если жених устраивал сторону невесты, при первом посещении не принято было давать согласие, и для посредников не ставили угощение. После этого отказа посредники не прекращали свои визиты. Они приходили второй и третий раз, однако родители невесты все время им отказывали, так как вели переговоры со своими родственниками и лишь после согласования с ними давали окончательный ответ посредникам. Если жених и невеста сами познакомились и договаривались о браке, то процедура тем не менее была такой же, только с тем отличием, что дело было предreshено заранее.

После того, как стороны договаривались, невесте посылали залог обручения. Семья устраивала застолье по этому случаю, масштабы которого были различны в разных регионах Грузии. Называлось это *нишноба* (от груз. *нишани* – знак). В Восточной Грузии обрученные нередко были незнакомы друг с другом и первая их встреча происходила во время свадьбы. Помолвка по своей сути – это ритуал, символизирующий окончательную договоренность двух вступающих в брак сторон, которой предшествовала *дациндва*. После благополучного исхода переговоров между двумя семьями сторона жениха передавала семье невесты залог обручения: кольцо, платок и т.д. В некоторых местах при последнем посещении посредник, сразу же после получения согласия, вручал родителям невесты кольцо, что в Хевсурети называлось *лишани* – знак, мета) или же *цин-цин* (предварительный) *лишани*; сам же акт назывался *лишнис дачера* (предпринять *лишани*), в Пшави – *сахлис санахави* (осмотр дома), на равнине в низменности Восточной Грузии – *белга* (залог), а в большинстве регионов Грузии – *патаранишани* (малое обручение).

Спустя некоторое время (от одного месяца до года) после передачи залога устраивалась помолвка, которую в равнинных районах справляли более пышно, чем в горных. В Абхазии после мусульманского оформления брака (*агдис гаквета*) во время помолвки, что фактически означало официальное оформление брака, молодым разрешалось вступать в половые отношения; случалось также, что ребенок рождался еще до свадьбы (Бекая, 1974. С. 47). В день помолвки сторона жениха приносила много разных подарков, в том числе скот; после исполнения разных церемоний накрывали на стол, и сделка считалась заключенной.

После помолвки женщина считалась фактически замужней, что выявляется при анализе социальных и норм обычного права. Она принадлежала семье мужа и уже не могла обручиться с другим. Эти семьи считались породнившимися и соблюдали характерные для родственников нормы взаимоотношений.

В зависимости от возраста жениха и невесты и материального состояния семей (особенно семьи жениха), период от помолвки до свадьбы составлял 9–10 месяцев, а иногда и длился годами. В течение этого времени в некоторых районах жених и невеста не имели права видеться друг с другом, в других же могли жить как муж и жена. Помолвленная девушка до свадьбы (и после) вела себя скромно, редко выходила из дома, занималась домашними делами; гостить в другой деревне (особенно в деревне жениха) ей было запрещено. Поэтому в Самцхе-Джавахети это время называли периодом «пленения невесты». Особенно скромно вела себя невеста перед родными жениха, когда те ее навещали.

Разумеется, бывали и случаи, когда жених расторгал помолвку, но они были крайне редки, поскольку согласно представлениям грузин, уйти от

законной супруги после венчания считалось менее предосудительным, чем бросить помолвленную невесту.

Так, после помолвки в Тушети невесту увозили в семью жениха, а в Аджарии – молодые вступали в брачные отношения.

При заключении брака большое значение придавалось вопросу имущественных прав. Приданое (*сатавно*) и выкуп (*урвади*) – важные формы имущественных взаимоотношений. Обычай выплаты *урвади* в Грузии известен только в Хеви, где он появился в результате осетинского влияния, хотя и не в своей классической форме. В Сванети этот обычай проявляется в форме *начулаши* (обязательная первая выплата со стороны жениха семье невесты – 1 бык) и *накданури* (конечная плата семье невесты – земля или 6 быков).

Выдавая дочь замуж, родители должны были выделить ей определенное имущество в виде приданого, состоявшего из двух частей: *мзитеви* (предметы личного употребления, украшения, а также движимое и недвижимое имущество) и *сатавно, тавни* (скот или деньги). Размер и состав приданого, которое составляло исключительную собственность женщины, определялись материальным состоянием семьи невесты. В горных районах это имущество было более скудным, чем в равнинных. В Западной Грузии (Сванети, Рача, Аджария) в приданое давали и земельные участки. Доходы от *тавни* тратились на благо семьи, а предметы личного употребления и украшения передавались по наследству детям.

Свадьба включала два этапа: свадьбу в доме отца невесты и свадьбу в доме отца жениха. Особый интерес представляет хевсурская свадьба, которая существенно отличается от свадебных ритуалов других регионов. Если практически везде свадьба в доме отца невесты предшествовала свадьбе в доме отца жениха, то у хевсур было наоборот: не справляя свадьбу в доме ее родителей, невесту вели в дом мужа, где свадьба длилась три дня, после чего невеста возвращалась в дом отца и оставалась там от одного года до трех лет. Половые отношения между женихом и невестой в этот период были запрещены. Женщина могла родить ребенка только через три года после свадьбы. Подобная структура свадьбы является исключением на Кавказе.

Выполняя определенные свадебные ритуалы, тщательно выбирали время года, месяц, день, а также фазу луны. Это имело свои объективные причины. Осенью семья была более или менее обеспечена продуктами и была в состоянии угостить приглашенных на свадьбу; к тому же, поздней осенью было сравнительно мало хозяйственных работ; мясо считалось самым качественным осенью, а приготовленные для застолья продукты можно было дольше хранить (*Ивелашвили, 1999. С. 135*).

Подготовку к свадьбе обе стороны начинали за неделю: готовили напитки, разные продукты и скотину; назначали обслуживающий застолье персонал – *мекодееби* (им были доверены напитки) и *зедамдегеби* (подающие блюда) и т.д. Семья жениха с помощью специальных лиц *монатижееби* созывала гостей на свадьбу – родственников, близких людей, односельчан и др. Принимать участие в подготовке к свадьбе считалось обязанностью замужних женщин из семьи жениха, приступали они к этим занятиям за два–три дня до свадьбы. Выбирали также *макриони* (свиту жениха).

В назначенный день жених в сопровождении *макриони*, шаферов, *хелисмомкиде* (шафер со стороны жениха) и *мдаде* (подружка со стороны не-

весты) приходил в дом невесты. В некоторых уголках они привозили с собой провиант и скот. Церемониал встречи был разнообразным. В основном свиту встречали с уважением и дружелюбно, но кое-где имитировали сопротивление. К примеру, в Тушети свита невесты встречала свиту жениха побоями и не пускала во двор; также они должны были платить символическую сумму, чтобы вышла скрывавшаяся невеста.

На застолье в доме невесты присутствовало сравнительно мало народу. Однако разные ритуалы выполнялись и здесь. Например: среди горцев Восточной Грузии было принято *выносить крест*. Во время застолья шафер требовал вынести крест (*хати*). Брат матери невесты выносил на подносе 75-сантиметровый деревянный крест, воткнутый в хлеб или *каду* (сдоба особой выпечки), а вокруг креста на подносе лежали курица, мясо и другие яства; на три конца креста были насажены яблоки, в которые были воткнуты украшенные ленточками три свечи. Посредине вешали полотенце. В Тушети в состав «креста» (*хати*) входили 15 подносов с фруктами, которые несли члены семьи брата матери невесты. Подношение креста происходило и на свадьбе в семье жениха; выносил его брат матери юноши, который сам готовил и убирал крест. На третий день свадьбы шафер обирал с креста угощение. Крест невесты оставался в ее доме, крест жениха – в его. Крест подвешивали к потолку, где тот оставался на три года, а то и на пять лет. В некоторых семьях имелось несколько крестов (от сына и дочери). Эти символы указывали на то, сколько свадеб было сыграно в той или иной семье.

В семье невесты проводили *гадасалоци* (одаривание), что включало *шесацевари* (определенную сумму денег) и подарки. Около стола для *шесацевари* находился *мкепару* (глашатай), который должен был обеспечить передачу подарков весело, с шутками, по степени родства. Порядок был строго регламентирован.

По окончании свадьбы (в тот же или на третий день) невесту с ее свитой вели в церковь. Венчание – один из наиболее значительных элементов брачного цикла, в основном происходившее в церкви той деревни, где жила невеста. По церковным правилам половая связь до венчания строго запрещалась, ибо нельзя было венчать беременную женщину. Если подобное случилось, то нарушители должны были платить штраф, о чем свидетельствуют юридические памятники. Несмотря на то что после объявления христианства государственной религией многие языческие обряды в Грузии были искоренены, благословение церкви долго не признавалось обязательной частью в свадебной обрядности (Джавахишвили И., 1982. С. 166).

После венчания жених и невеста вместе с сопровождающими лицами выходили из церкви под скрещенными саблями и возвращались в дом жениха (в некоторых местностях – в дом новобрачной). При приближении к деревне жениха самый удалой из *макриони* опережал остальных и являлся в дом, где справляли свадьбу, как *махаробели* (вестник радости), неся с собой какой-нибудь предмет (в Аджарии – подушечку с зеркальцем, в Самцхе-Джавахети – *каду*, у ферейданцев – красные флажки). Во избежание имитации нападения и побоев со стороны населения *махаробели* старался незаметно достичь дома, где справляли свадьбу. У дома он произносил определенную формулу, обращаясь к родственникам жениха: «Я – вестник, принес радость этому дому, ел я черешню, украсьте мне плечо». После чего его правую руку обвязывали платком. Вошедшему в дом *махаробели* подавали полную чашу с вином

Свадебный венец

Кахети, начало XX в.

Рис. О. Конишвили, 1970-е годы

© НМГ. ЭФ 1-149-1

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Свадьба в Тифлисе

Фото Д. Ермакова, начало XX в.

© НМГ. ЭФ 15469

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

3. Церетели. Свадьба

Эмаль

По мотивам зарисовок в этнографической экспедиции в Восточной Грузии 1962–1963 гг.

© РАХ. Архив З. Церетели

(кое-где, особенно в горах, с водкой). Он выпивал ее, благословлял всех и разбивал чашу о стену со словами: «Пусть так будет разбит ваш враг и недоброжелатель». Шею коня *махаробели* обматывали красным платком. Затем махаробели и глава семьи в сопровождении пожилых мужчин шли встречать свиту жениха.

У дома жених и невеста отделялись от свиты и переступали порог под скрещенными саблями. Через определенное время начинался пир. Жених с невестой занимали отведенные им за столом места, и присутствующие по очереди поздравляли их, передавали *тавадасагдеби*, т.е. подарки, и затем садились за

стол. Поздравляли строго по очереди: сначала родители, потом родственники по старшинству, а затем все остальные. Свиты это не касалось. Дарили то и сколько, кто как мог – отрез на платье или рубашку, деньги. Что касается даров – *дзгвени* (подношения продуктами в виде кур, вина, поросят, индюков и др.), то их приносили с собой приглашенные на свадьбу родственники и передавали главе семьи или же специальному лицу. *Дзгвени* были предназначены для свадебного застолья. Приносить *дзгвени* было обязательно, что нельзя сказать о *тавадасагдеби* (разные предметы, иногда даже улей с пчелами), которые в обязательном порядке преподносили жениху и невесте. В Самцхе-Джавахеи родственники и соседи отдавали *дзгвени* в самом конце свадьбы и здесь их называли *супра* (трапеза) и *саничари*. Одаривание молодоженов было распространено по всей Грузии, и почти в каждом районе имело разные названия. Согласно этнографическим материалам и письменным данным, оно имело форму как денежную, так и материальную.

Когда жених с невестой занимали предназначенные им места за свадебным столом, рассаживались и остальные гости: справа от жениха – *меджваре* (кум) и *хелисмомкиде*, слева от невесты – *мдаде* (посаженная мать), вокруг них *макреби*, члены свиты (в доме невесты – со стороны жениха, а в доме жениха – со стороны невесты), а затем – приглашенные. Старший в семье мужчина

Жених и невеста в свадебных венцах
Хевсурети, начало XX в.
© РЭМ. № 12-61-10

занимал место во главе стола, слева от него приехавшие из других селений, а справа – односельчане по старшинству.

Между гостями пели и танцевали. Опьянение за праздничным столом, даже при продолжительном застолье, было редким случаем, а в некоторых регионах – постыдным поступком. То, насколько весело проходило застолье во многом зависело от опыта и умения распорядителя пира – *тамады*, или *толумбаша*. Тосты произносились в строго определенной последовательности и сопровождалась подходящими песнями, тексты которых различались по регионам (Мачабели Н., 1978. С. 20; Бекая, 1974. С. 32).

На второй день после свадьбы в некоторых регионах Грузии начиналась охота на кур (*катмебзе надироба*). В Пшави свита невесты обходила все семьи со своей водкой, благословляла их и требовала курицу. Хозяева подавали им заранее отловленных кур, или же те подбивали кур палками. В Самегрело кур подбивали во дворе жениха и отдавали сварить в какой-нибудь дом, где потом устраивали угощение. В основном свадьба продолжалась три дня. Под конец свите на дорогу готовили водку и еду. Раньше

на свадьбах устраивались и спортивные состязания – стрельба в цель, джигитовка.

После завершения свадьбы происходило приобщение невесты к семье жениха. Во всех районах Грузии невесту три раза обводили вокруг очага с песней «*Джварис цина*» («Перед крестом»). В Пшави брат невесты (посаженный брат) при этом срывал надочажную цепь, которая потом становилась предметом выкупа. В Самегрело при входе в дом жениха невеста опрокидывала наполненный вином стакан, который стоял на пороге. Затем ей давали в руки миску с зернами кукурузы, поверх которых лежало яйцо. Невеста, обходя очаг, сеяла кукурузу, рассыпая зерна. В Сванети невеста, входя в дом, сыпала соль. В Хеви свекровь давала поесть невесте топленое масло с медом. В Хевсурети невеста переступала через порог правой ногой, а свекровь ей под ноги сыпала муку. В Картли и Кахети перед невестой у порога ставили горшок с тестом (в Картли и с медом) и невеста, покрутив его три раза, возвращала подававшей. Обход очага женихом и невестой – один из древнейших ритуалов брачного обряда, связанный с культом очага, который был объединяющим центром семьи, символом вечной жизни. Обведение невесты вокруг очага было выражением ее приобщения к семье мужа и подчинения ее духам предков.

К ряду магических действий относится обряд, согласно которому невесту вводили в винный погреб (*марани*), где она снимала крышку с кувшина для вина. Марани считался священным местом, где исполнялись семейные ритуалы во имя благополучия и изобилия в семье. Обряд, во время которого вводили невесту в винный погреб, видимо, также служил этой цели.

От свадьбы до рождения первенца породненные семьи выполняли определенные ритуалы. Почти во всех регионах Грузии жених и невеста через неделю после свадьбы должны были посетить семью невесты. Новобрачные приносили с собой водку и каду (сдобную выпечку) и распределяли среди односельчан невесты. Новобрачная не могла показаться в селе до тех пор, пока для нее не был совершен обряд «развязывания ног». С этой целью во всех регионах Грузии прибегали к особым ритуалам, более или менее различающимся и по содержанию, и по наименованиям. Через год после свадьбы новобрачная должна была возвратиться в отчий дом и побыть там некоторое время. Этот обряд в разных регионах назывался *нацвевад цасвла*, *саицилод цасвла*, *цинацвевад цасвла* (*цасвла* – идти, уходить).

Одним их элементов приобщения новобрачной к роду мужа был обряд приведения к воде, который по своей сути связан с культом плодородия. Целью его было приобщение молодой к хозяйственным делам семьи мужа. В некоторых случаях после исполнения такого обряда она становилась полноправным членом в доме мужа. Бытующий в Тушети обряд вывода к грядке также увязывается с приобщением к хозяйству. На третий день после свадьбы новобрачную в сопровождении двух–трех женщин выводили на поле. Она срезала две–три связки травы, а по возвращении домой ее хвалили: «Молодчина, косила что надо» (в обязанности женщин в Тушети входила косьба, и в приданое включали серп).

Обряды вывода невесты в поле, к воде или же приглашение новобрачной родственниками имели определенную религиозно–социальную нагрузку и служили одной цели: приобщению новобрачной к роду мужа и хозяйственным делам новой семьи.

Совершалось также приобщение невесты к святилищу мужа. В Хевсурети вывод новобрачной в *хати* (святилище) совершали во время храмового праздника. Называлось это *дакочва* (привязывание). Закалывали жертвенных животных – одного в семье, а другого – в хати. В дом приглашали *хуцеси* (служителя святилища), который закалывал жертвенное животное и мазал его кровью кисти обеих рук новобрачной. Затем под водительством *хуцеси* все направлялись к святилищу. Новобрачная останавливалась у порога житницы и, опустив голову, преклоняла колени. В это время из святилища выносили знамя, прикладывали к голове новобрачной, затем снимали с ее головы платок, который привязывали к знамени. Держа знамя над головой новобрачной, благословляли ее словами: «Будь счастлива в этом селе». Это называлось «привязыванием». В Пшави новобрачную вели в святилище со сдобой *када* (*када сацирави*, т.е. жертвенная *када*, или *гасамквано када*, т.е. сдоба привода) и со свечой. Новобрачную благословлял *хевисбери*, крестообразно разрезая *каду*. Новобрачная и другие женщины не должны были присутствовать при разрезании, но стояли так, чтобы слышать слова *хевисбери*. Затем *каду* передавали пожилой женщине, которая благословляла стоящую на коленях новобрачную. *Каду* раздавали женщинам. Достоин внимания обряд вывода новобрачной в святилище у тушин. Переселенцы в Алвани при посещении своего святилища брали с собой новобрачную. Среди жертвенных подношений были и красные пасхальные яйца – новый элемент этого обряда. В семье, где жила новобрачная, красили много яиц – только на имя невесты 30–40 штук. В святилище новобрачной и со стороны матери подавали яйца на подносе. В самый разгар застолья молодая раздавала по яйцу мужчинам из рода мужа. Вдовы и разведенные, выходя замуж вторично, не выполняли этот обряд, так как, по словам информантов, «они уже исполнили свой долг», выходя замуж в первый раз. Со вторым родом они хоть и были связаны практически, но не в религиозном смысле. Верили, что на том свете женщина считается женой первого мужа, т.е. собственностью его рода, к которому она приобщалась при первом замужестве.

Обряд приобщения к святилищу окончательно упрочивал связь женщины с родом, общиной мужа. Однако ее связь с отцовским домом не прекращалась – ежегодно (или раз в три года) она посещала отцовское святилище с жертвенным животным. Это означало, что она устанавливала связь между двумя общинами, поскольку принадлежала к обеим общинам.

Единство как общегрузинских, так и локально-местных особенностей традиционных брачных обрядов грузинского народа, самобытность брачных ритуалов и обычаев, уникальность, их нравственное содержание и формы, сохранившиеся до нашего времени, указывают на мощные генетические основы этого института.

РОДИЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ⁴

Семья у грузин не мыслилась без детей; бездетность воспринималась как наказание высших сил за грехи, за недостойное поведение. Об этом говорится в пословицах, в народных стихотворениях: «Никогда не высохнут в воде

⁴ © М. Бурдули, Л.Т. Соловьева

корни дерева, никогда не спасутся бездетный и скупой...». Отсутствие сына считалось не менее тяжким несчастьем, чем бездетность. Причину отсутствия детей видели в болезни женщины, влиянии нечистых сил или в гневе божества. Медицинская помощь была недоступна большинству населения, поэтому в этом случае обращались к повитухам, знахаркам, которые прибегали как к рациональным, так и магическим средствам (*Бурдули*, 1997; *Соловьева*, 1995. С. 9–17). Бездетные давали обеты святым, ходили на богомолье; с просьбами о даровании детей чаще обращались к Богородице или св. Георгию (*Джавахишвили*, 1960. С. 141). Об этом имеются сведения уже в древнегрузинском произведении V в. «Мученичество Шушаники» (*Цуртавели*, 1956. С. 24).

В начале XX в. в ряде регионов сохранялся обычай, согласно которому женщина должна была родить первенца в доме своих родителей. В Картли этот обычай назывался *цинацвеви*, *цинацвеоба*, *саицлиод цасвла*. Возвращалась она через 1–3 месяца после родов, и родители к этому времени должны были купить дочери колыбель для ребенка, дарили ей корову или другое животное (*Габашвили*, 1889).

Рождение ребенка сопровождалось многочисленными магическими действиями. Обстановка, в которой проходили роды, различалась в равнинных и горных районах. В равнинных районах почти в каждом селе имелись повитухи (*бебиа-кали*). По обычаю, на роды приходили замужние родственницы, соседки (*Гнилосаров*, 1846. С. 183). Это был своеобразный женский праздник, особенно в состоятельных семьях. Около роженицы находилась повитуха и 2–3 пожилые помощницы, остальные развлекались и угощались (*Басхаров*, 1881. С. 61).

Роды происходили в жилом помещении, на земляном полу, куда стелили сено, солому, тряпки. Даже в дворянских семьях в XVIII–XIX вв. женщины рожали на полу, и лишь после родов их перекладывали на постель (*Батонишвили*, 1914. С. 18). По народному убеждению, так роды проходили легче, поскольку Богородица тоже рожала на сене. Обычно женщина рожала стоя на коленях, поэтому, желая легких родов, говорили: «Пусть легко тебе будет преклонить колени». Если роды затягивались, применяли рациональные и магические меры. Трудные роды связывали с гневом святого, с вмешательством «нечистых сил» (*Али*, *ави ангелози* и др.), для защиты от которых употребляли обереги (огонь, металлические предметы, растения и др.). Присутствие мужа, по народным представлениям, облегчало трудные роды. Женщине полагалось молча выносить все боли, если же она громко стонала – над ней подшучивали: «Поделом тебе, зачем выходила замуж», в шутку грозили: «Смотри, если родишь нам девочку – на мусор тебя выкинем!». Рождение мальчика повитуха встречала восклицанием «Дом, радуйся!» (*Черо гаухаре!*) и спешила поздравить отца ребенка, или к нему посылали «вестника радости» (*махаробели*). Рождение сына встречали выстрелами из ружья, на крышу дома клали ярмо быка: говорили, что от этого «у врага сердце лопнет». Рождение девочки встречали без особой радости.

Повитуха обрезала пуповину, перевязывала ее; за что полагался особый подарок. Повитуха купала роженицу и укладывала ее в постель, а затем устраивали угощение для присутствовавших. В Картли стол накрывали на том месте, где женщина рожала, т.е. где она стояла на коленях, и угощение называлось *мухлис нурис чама* (от *мухли* – колено, *нурис чама* – угощение).

Роженице давали чай, иногда – стакан водки или вина, старались накормить ее жирной и питательной пищей – курицей, кашей со сливочным маслом, *хавици* (блюдо из пшеничной муки и лука, тушеного в топленом масле или свином жире). В Джавахети повитуха приносила роженице половину яичницы и половину хлеба (целое ей давать не разрешалось), в головах тоже клала хлеб, чтобы женщина, проголодавшись, сразу могла поесть. Говорили: «Если роженица будет голодна – и год будет голодным», «Если роженица проголодается – девять сел будут голодать». Женщины пели роженице песню «Мзе шина» («Солнце в доме»), иногда сопровождая ее танцем; архаичные варианты «Мзе шина» сохранили связь с культом божества охоты (*Вирсаладзе*, 1976. С. 187).

В горных районах (за исключением Хеви, Рача и Лечхуми) женщина рожала вне жилого помещения, а часто и вне села, в специально построенном помещении или в хлеву, в большинстве случаев без посторонней помощи. По народным представлениям, роженица считалась сакрально «нечистой»; присутствие ее оскверняло дом, что вызывало гнев *джвари* и ангела, охраняющего дом (*сахлис ангелози*, *бодзис ангелози*) и грозило бедами селу. В отдельных областях родильная обрядность различалась степенью сохранности ее традиционных форм, в наиболее архаичной форме она бытовала у хевсур. Здесь женщина рожала в специальной хижине (*кохи*, *сачехи*), построенной около *самрело/самревло* (помещение для женщин в период менструации). *Кохи* строили из камня без раствора, потолок делали из тонких бревен и соломы; иногда из трех соединенных верхушками столбов, промежутки между которыми закрывались соломой. Женщину в *кохи* провожала свекровь, другая родственница или соседка. С собой женщина несла все необходимое: старую одежду, посуду, пеленки, обереги (куски хлеба и сыра, уголь, оружие, ружейную гильзу с пулей и порохом). Считалось, что женщине богом предписано рожать на соломе. Кричать во время родов было недопустимо. Если из *кохи* доносились стоны или роженица не выполняла даваемых ей советов, другие женщины, особенно ее родственницы, упрекали ее: «Что же ты делаешь, зачем нас позоришь, зачем срамишь нас в народе?» О женщине, которая «недостойно» вела себя в *кохи*, впоследствии могли с осуждением сказать: «Когда она рожала ребенка, то бляла подобно козе, а когда лежала с мужем – смеялась и хохотала». Пословица гласила: «Мужчину испытывает меч, а женщину – кох-самрело» (*Балиаури*, 1939. Л. 23, 26, 81). Роженица сама отрезала ножницами пуповину, перевязывала ее шерстяной ниткой, пеленала ребенка. Перед этим она купала ребенка в холодной воде, чтобы он лучше переносил холод, или просто брызгала на него изо рта водой. Затем мать поднимала ребенка под платьем и вынимала через ворот платья. «Бесстыдством» (*унамусоба*) считалось, если женщина не делала этого. С этим обычаем было связано правило, по которому до рождения ребенка женщина не имела права расстегивать верхнюю часть платья (*садиацос параги*) – она застегивалась наглухо и служила символом женской чести.

Родильная обрядность других горных районов, по материалам XIX в., была аналогична хевсурской. В *Пишави* женщина рожала в сарае, в хлеву, или же муж строил *кохи* вдали от дома. В Тушети (1840-е годы) роды проходили в *кохи* или под открытым небом. Специальной повитухи не было, но кто-нибудь из женщин наблюдал за роженицей. Рожавших впервые предварительно

Самревло – женский дом

Хевсурети, Душетский район, с. Шатили, первая треть XX в.

© МАЭ РАН. № 3625-17

наставляли; каждая мать заранее обучала этому дочерей (*Цискаров*, 1849). В Мтиулети роды проходили в *босели* – хижине из камня, построенной недалеко от дома. Заранее женщина относила туда все необходимое (посуду, продукты, солому), привязывала к потолку веревку. К началу XX в. подобные босели сохранялись главным образом только в Гудамакарском ущелье (*Панек*, 1930. С. 251). К 1920-м годам в большинстве горных районов женщина рожала обычно в хлеву, особенно если поблизости не было святилища. Иногда допускалось, чтобы женщина рожала в жилом помещении, но мужчины на это время уходили и возвращались только после того, как священник освящал дом.

Некоторое время после рождения ребенка женщина находилась на «особом» положении, соблюдая ряд ограничений и запретов, поскольку женщина считалась «нечистой» в течение 40 дней после родов. В это время ей не разрешалось выходить из дома – было большим позором, если ее видели за порогом дома. Считалось «грехом», если до завершения этого срока роженица «видела небо». Существовало убеждение, что если нарушить этот запрет – поля побьет градом, если же роженица войдет в чужой дом – там появится множество мышей. В течение сорокадневия (*ормоци*) запрещалось готовить пищу, притрагиваться к продуктам (в противном случае семью ожидало «оскудение» – *убаракоба*), заходить в *марани*, считавшийся святым местом. Хлеб женщине подавали разломанным: она «была недостойна брать в руки целый хлеб». Печь хлеб не разрешалось в течение 2–3 месяцев. В Самцхе-Джавახети считали, что если роженица будет печь хлеб, у нее пропадет молоко.

Период *ормоци* считался очень опасным для жизни матери и ребенка, им могли повредить «злые силы», против которых использовали обереги (зеркало, уголь, кинжал, нож, вертел, чесалка для шерсти). Постель роженицы закрывали рыболовной сетью, приносили заговоры.

Определенное время женщина (*мелогине*, от *логини* – постель) должна была лежать; за ребенком ухаживала повитуха или одна из женщин семьи. Повитуха обычно оставалась с роженицей 3–7 дней: в Джавахети она ухаживала за матерью и ребенком весь этот период (*мелогинеоба*, *логиноба*), за что ей давали деньги или продукты, мыло. Во второй половине XIX в. срок пребывания в постели после рождения сына составлял три недели и три дня, после рождения дочери – три недели, так как «женщине, родившей ребенка мужского пола, оказывается предпочтение, и уход за ней бывает более тщательный». Роженицу навещали родственницы и соседки. Каждый посетитель должен был принести какой-нибудь подарок: нельзя было приходиться с пустыми руками и с пустым желудком – чтобы «родильница смогла хорошо выкормить своего ребенка» и ребенок «не вышел жадным». Приносимые подарки назывались *логинис дзгвени* (от *дзгвени* – дар). В основном это были продукты и напитки.

Мелогинеоба завершалась обрядом *логинис акрепа*. Повитуха купала роженицу и убирала постель, нередко постель должен был убрать мужчина. Под постель *мелогине* клали сено (так как «и Богородица лежала на сене»). В день *логинис акрепа* это сено сжигали, причем женщина трижды перепрыгивала через него, над огнем ей передавали ребенка в колыбели. По завершении *ормоци* женщина вновь выполняла действия, символизировавшие очищение: купалась, мыла ребенка, надевала чистую одежду. Приглашали также священника, чтобы он окропил святой водой дом, женщину и ребенка. После этого роженица обретала те же права и обязанности, что и остальные женщины.

В горных районах послеродовой период был более длительным. В Хевсурети в середине XIX в. роженица должна была месяц прожить в хижине, где она родила, а затем переходила в *самревло*, где оставалась еще две недели. В 1880-е годы она жила в *кохи* 3–6 дней, после чего 6–7 недель находилась в *самревло*. В с. Амга Архотской общины женщина рожала в шалаше из сосновых веток (*гавараис кохи*), через три дня переходила в хижину *сакохо*, специально построенную для рожениц этого села, жила там две недели, после чего могла переселиться в *самревло*. Пребывание в *кохи* было наиболее трудным временем, особенно зимой, так как там нельзя было разводить огонь: для этого не было места, к тому же могла загореться солома, покрывавшая хижину. Случалось, что крышу срывало ветром и женщина оказывалась под открытым небом. Тем не менее ранее трех дней ее не пускали в *самревло* – это было бы нарушением «хевсурского закона» *рджули*. В сильные холода приносили побольше соломы, чтобы роженица ею укрылась. Ребенка она пеленала в шерстяные тряпки и клала себе за пазуху, чтобы он не застудился. Для защиты от нечистых сил использовались обереги: ножницы, уголь, сабля «с волосом каджи» (*каджис тмиани хмали*), кинжал, которым убили человека.

В случае рождения мальчика около *кохи* ночью караулил муж, если он не был особенно молод, или его родственник. Так поступали, когда рождался желанный (*саманатуру*) сын, т.е. появившийся у бездетных супругов или родившийся после нескольких девочек. В Пиракет Хевсурети в каждом доме

имелось свое *самревло*. В Пирикит Хевсурети строили общие самревло, по 1–2 в селе. При переходе в *самревло* совершалась очистительная церемония: женщина мылась, меняла одежду, купала ребенка, разрушала кохи. В самревло роженицу благословляли, поздравляя с благополучным «уходом из кохи».

В самревло женщину навещали родственницы и подруги; ей приносили пирог с начинкой из муки и масла (*хавициани када*) или из сыра и мяса (*кадис квери*), лепешку *кубати* на «долю младенца». Навестить роженицу считалось обязанностью всех, кто поддерживал с ее семьей родственные и дружеские отношения. Сдобный пирог приносили только матери мальчика, родившей девочку – ячменный хлеб.

В течение двух недель роженица считалась «более нечистой», чем другие находившиеся в самревло женщины, и держалась в стороне от них. Затем устраивали обряд *сахлис санатлави* – освящение дома: служитель джвари на крыше дома приносил в жертву *ангелу дома* овцу, собирая кровь в две чаши. Кровью кропили те места в доме, где ходила роженица перед уходом в кохи, дорогу, по которой шли навещать роженицу в *самревло*, посуду. Оставшейся кровью роженица кропила внутри *самревло*, места вокруг него, где она ходила; затем стирала одежду, мыла вещи и посуду, купала ребенка и т.д. В доме роженицы совершался очистительный обряд *хелебзе асма*, после чего ее семья считалась «чистой».

После перехода в самревло роженица начинала заниматься рукоделием. Возвратившись домой, она до истечения 9 недель находилась в хлеву, а летом – в нижнем этаже дома, так как летом мужчины жили на верхнем этаже. Ей запрещалось печь хлеб, подходить к *джвари*, говорить с его служителями. Спустя девять недель после родов все члены семьи вновь купались, меняли одежду и совершали обряд *хелебзе асма*. Роженица мыла руки кровью жертвенного животного, на ее лбу, груди и плечах кровью чертили кресты, она считалась полностью «очистившейся» (*Макалатиа*, 1934. С. 145).

Для первого укладывания в колыбель (*аквани*) выбирали «счастливый» день (вторник, четверг, субботу), как правило, в период полнолуния: «ребенок, уложенный в аквани при полной луне, будет полным». В этот день приглашали в дом повитуху, несколько соседок. В *аквани* по углам клали четыре хлеба (иногда три или шесть), соль – чтобы ребенок вырос хлебосольным (*пурмарилиани*), богатым (*баракиани*); ставили миску с мукой и стакан вина. Укладывала ребенка в аквани повитуха или «счастливая» женщина (*дедма-миани*). После угощения хлеб, соль и муку забирала укладывавшая ребенка женщина, один хлеб отдавали матери – чтобы у той было много молока (*Бардавелидзе-Ломиа*, 1928. С. 268). В Мтиулети ребенка впервые укладывали в аквани во вторник или среду. Старшая женщина семьи ставила в угол дома пирог-када для *ангела дома*, со свечой в руке молилась ангелу дома и фамильному святилищу (*горис джвари*) о том, чтобы ребенок вырос и был здоров, разрезала када на части по числу членов семьи. Перед укладыванием люльку обносили вокруг огня, чтобы ребенка не преследовал *злой ветер* и *ужмури* (*Мачавариани*, 1957. С. 256).

При появлении первого зуба мать немного надрывала рубашку себе или ребенку – «чтобы зубы легко прорезались»; давали ребенку мед – чтобы все зубы «сладко росли», варили сладкую кашу и, посадив ребенка на стол, сыпали ему на голову (*Соловьева*, 1995. С. 50). В горных районах при появле-

нии первого зуба выпекали лепешку *квери* и благословляли ребенка: «Пусть на здоровье будет этот зуб» (Мтиулети), када или *кубати* (лепешку в форме полумесяца) и отдавали тому, кто первым заметил зуб (Хеви, Хевсурети). Из дома, где имелся «беззубый младенец», после захода солнца не давали огня (Степанов, 1894. С. 86; Тедорадзе, 1941. С. 159).

Выпавший молочный зуб в Картли и Кахети ребенок должен был бросить на крышу или спрятать (в ограде, в стене), приговаривая: «Мышка, вот твой чугунный зуб, дай мой золотой зуб». В Хевсурети ребенок, закрыв глаза, забрасывал зуб подальше, трижды повторяя: «Пока тебя не увижу, буду жив. Пока тебя не увижу, не постарею, не умру» (Балиаури, 1939. Л. 178).

В горных районах, кроме крестильного имени (*натлобис сахели*), у ребенка могло быть еще несколько имен. В Хевсурети его нарекали «именем святилища» (*джварис сахели*) в первые дни жизни, так как оно считалось надежной защитой от злых духов. Мальчикам давали имена Георгий или Гвтисо, девочкам – Мзекали, Самдзимари, Ашекали (Бардавелидзе, 1949. С. 151). Ребенка нарекали также «именем души» (*сулис сахели*), если ребенок часто плакал и гадалка определяла, что некий покойник «требует» назвать ребенка своим именем (Балиаури, Макалатия, 1940. С. 42).

Большое значение придавалось тому, кто первым обрезал ребенку волосы и ногти, так как считалось, что таланты и способности этого человека передадутся и ребенку. Нередко впервые ногти ребенку обрезал «образованный» человек, при помощи ножа и серебряной монеты; их клали ребенку за пазуху или под его постельку. Первые ногти и волосы хранили в доме или прятали. В Картли мать нередко давала обет впервые обрезать волосы ребенку у какого-нибудь святилища – например, около священного дерева.

В Хевсурети первая стрижка волос мальчика сопровождалась обрядом *тавмасанарсав сахмто* – «/жертвоприношение/ богу по случаю стрижки головы». Это делали, когда ему было от 3 до 5 лет, нередко в один из поминальных дней, обязательно в начале нечетного года. До этого волосы подравнивали, когда они дорастали до глаз – считалось, если ребенок увидит *намуцлавити* (утробные волосы), у него будет «дурной глаз». При стрижке на затылке оставляли нетронутой прядь – *кучула*. На *сахмто* приглашали родственников, друзей, односельчан, слугитель *джвари* открывал чан с пивом, прикреплял к нему свечи, клал рядом хлеб. Один из молодых людей брал зажженный *келаптари* (свечу, свитую из нескольких свечей), чашу с пивом и обносил по очереди всех присутствующих – сначала мужчин, потом женщин. Держа в руках чашу и келаптари, каждый должен был произнести здравицу в честь мальчика. На следующее утро на крыше дома закалывали жертвенных животных: барана (*сахмто* – «для Гмерти») и козла (*саквирао* – «для Квириа») (Габуури, 1925. С. 130; Долидзе, 1975. С. 36).

Когда ребенку исполнялся год, в горных районах устраивали гадание о его судьбе – *дачвенеба* (показ), *иарагши часма* (сажание среди орудий). Вокруг ребенка раскладывали: для мальчика – нож, кинжал, ружье, лук и стрелы, пандури, серп, топор, хлеб; для девочки – принадлежности для рукоделия – чесалку, прялку, ножницы, веретено, одежду, шерсть, хлеб. Считалось: до чего ребенок дотронется, то и определит его судьбу, принесет удачу. В Тушети рядом с мальчиком обязательно клали шерсть (Гогоберидзе, 1967. С. 228).

Женщины у колыбели
Фото Д.А. Никитина, вторая половина XIX в.
© МАЭ РАН. № 121-64

Ребенок в традиционной колыбели
Кахети, Кварельский район, с. Сабуз
Фото Л. Соловьевой, 1979 г.

Женщина с ребенком
Хевсурети, первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-25

Некоторые обряды исполнялись семьей новорожденного при широком участии родственников и односельчан. В Картли и Кахети *дзеоба* – родины в честь первенца должна была справить семья родителей роженицы, в доме мужа *дзеоба* устраивали по случаю рождения последующих детей. Считали: если не справить *дзеоба* – ребенок «не насытится». До начала XX в. на *дзеоба* нередко приглашали только женщин. В Хеви *дзеоба* устраивали только для мальчиков, особенно для первенцев (*Итонишвили*, 1960. С. 310). В Западной Грузии на 3–8-й день после родов устраивали *мицис гаджеризба* (насы-

щение земли), *пудзис гамолоцва* (заговаривание основы). В этом участвовали только женщины, присутствовавшие при родах. На месте родов в землю зарывали горшок с хлебом, мясом, вином и горстью земли, кусочки хачапури, которые поливали вином; иногда смешивали вместе хлеб, воск, ладан и клали кусочки этой смеси в углубления, сделанные в земле, заливая их куриным бульоном. Повитуха при этом говорила: «Земля, я насытила тебя хлебом, вином, пусть мать и ребенок будут здоровы» (*Джорбенадзе*, 1897. С. 246; *Хускивадзе*, 1894. С. 179). В этих обрядах прослеживается связь с культом матери-земли, которую полагалось вознаградить жертвой за благополучное рождение ребенка.

Важнейшим событием было таинство крещения, где главным действующим лицом был восприемник *натлиа*. В больших семьях иногда всех детей крестил один человек. Нередко крестным отцом становился шафер, свадебный дружка жениха. Неслучайно шафер и восприемник во многих районах Грузии назывались одинаково – *натлиа*, *мордиа* (Самегрело). Выбор восприемника производили осмотрительно, так как крещение выполняло задачу установления искусственного родства между семьями. В некоторых районах не только близким родственникам, но и однофамильцам не разрешалось быть восприемниками. В Сванети же родственник мог быть крестным: «Родство дополняет родство», – говорили в этом случае (*Давитиани*, 1940. Л. 104). В дальнейшем эти связи (*меджвареоба-натлиоба*) между фамилиями переходили из поколения в поколение, причем перемена ролей не допускалась, чтобы не произошло «смешения *нателмирони*». В Мтиулет, Гудамакари не полагалось брать восприемников и из числа побратимов. Отказаться от просьбы

окрестить ребенка считалось грехом. В Картли, Кахети, Самцхе иногда приглашали в восприемники дальних родственников с целью «обновить» родство. В районах с этнически смешанным населением обычаем допускалось, чтобы восприемником был нехристианин (*урджуло* – неверный).

У грузин было принято крестить детей не ранее завершения сорокадневия и не позднее года. По народным представлениям, некрещеному ребенку могли повредить нечистые силы, его не выносили вечером во двор, не брали в гости и на престольные праздники, не вносили в *марани*. Пока ребенка не окрестили, мать не считалась окончательно «очистившейся» после родов. Время устройства крещения зависело также и от материальных возможностей семьи, поскольку это требовало немалых средств.

Крещение обычно происходило в церкви, но нередко – и дома, как правило, в *марани* или около *торне* – в «чистом», «святом» месте. Угощение после крещения устраивали дома, если был дан обет – возле церкви. Считалось, что те дети, для которых справили *натлоба* по всем правилам, будут жить счастливо.

В большинстве районов Грузии особыми обрядами сопровождалось первое после крещения купание, поскольку считалось, что эта вода (*миронис цкали*) содержит *миро* и равноценна святой воде (*накуртхи цкали*). В Картли, Самцхе это купание устраивали на 3 или 7-й день, в Кахети – на 7–9-й день. Воду после купания выливали на «чистое» место, в торне, в марани или около дерева. Во многих районах (Картли, Кахети, Самцхе) для первого купания приглашали соседку, которая тоже становилась *натлиа*, так как соприкасалась с *миро*. У грузин Самцхе она приравнивалась к *натлиа* после того, как искупала в этой семье троих (семерых) детей. Таким образом, у ребенка был не только «окрестивший восприемник» – *натлиа момнатлави*, но и «искупавший восприемник» – *натлиа гамбанави*. Существовало представление, что *натлиа*, крестивший ребенка, не должен был купать его, иначе он «смывает *миро*». В Мтиулети, Гудамакари, Чартали отношение к первому купанию (*миронис мобана* – обмывание *миро*) было иным. Здесь это обычно делали на 3–4-й день мать или восприемник (что способствовало «укреплению родства»).

Между семьями восприемника и крестника устанавливались родственные связи, называвшиеся *нател-мироноба* (от *натвла* – крестить, *мирони* – *миро*). Чтобы родство не было утрачено, восприемник и родители крестника (а впоследствии – их дети) никогда не должны были поливать друг друга на руки, говорили: «*Миро* смывается». В Западной Грузии говорили: «Когда в дом входит *натлиа*, стены смеются». Восприемник играл заметную роль в жизни крестника. Наравне с ближайшими родственниками он помогал ему, участвовал в решении вопроса о его браке. Его право решать судьбу крестника объясняли тем, что «половина /крестника принадлежит/ крестному» (*нахеvari гверди натлииса; цали гверди натлииса*) (Соловьева, 1995. С. 59–70).

В горных районах Восточной Грузии в семье, где родился ребенок, выполнялась целая группа обрядов, связанных передачей ребенка под покровительство святилищу (*хати, джвари*) – *балгис лоцеба, цулис гаквана, хатши гарева* и др.

Одним из основных условий успешного развития ребенка считалось правильное кормление. Существовало представление, что в первые дни материн-

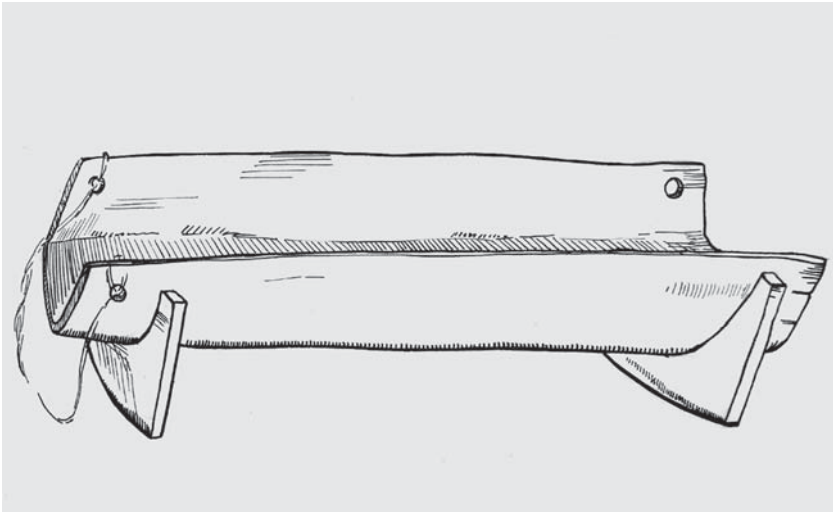
ское молоко вредно для ребенка, поэтому 2–3 дня ему давали какую-нибудь соску: завернутый в тряпку хлеб с сахаром, с бараньим жиром, курдючное сало, топленое масло, масло с медом, сахарный сироп и т.д. Если была возможность, просили соседку покормить ребенка. Особого режима не соблюдали, но старалась не приучать к слишком частому кормлению, чтобы ребенок не мешал матери работать (*Покровский*, 1884. С. 276; *Исакова*, 1889. С. 177; *Миндадзе*, 1997. С. 19; *Бурдули*, 1997. С. 122).

Ребенка кормили грудью не менее 1–1,5 лет; если у женщины было молоко, то до 2 лет или до следующей беременности. В горных районах кормили не менее 2–3 лет, особенно долго – мальчиков (до 3–4, иногда до 5–7 лет). Хевсурка говорила в этом случае: «Столько времени буду кормить грудью, чтобы, устав от игры с детьми, прибежал ко мне, пососал грудь, а потом опять убежал играть с луком и стрелами» (*Балиаури*, 1939. Л. 173). Один из авторов отмечал: «Странно видеть, что иногда взрослый ребенок с куском хлеба в руках бежит за матерью и просит покормить его грудью» (*Покровский*, 1884. С. 277). Прикармливать ребенка начинали с полугода. Давали молоко, молочную кашу из кукурузной, ячменной, пшеничной муки, хлебный мякиш с маслом, отвар фасоли. С 8–9 месяцев ребенка кормили уже всем тем, что ели и взрослые. С этого же времени ребенку давали понемногу вина (О первом физическом..., 1878).

Принимались все возможные меры к тому, чтобы у женщины было достаточно молока. Так, в период *мелогинеоба* женщине давали 2–3 раза в день красного вина, обычно при этом бросали в стакан горящий уголек (*гвинис дадагва*), давали жидкую пищу, лук, молоко, мацони, *сахврета* (кислое молоко), чай с молоком, отвар липового цвета и мяты, пшеницы и т.д. С женским молоком было связано множество поверий: по народным представлениям, оно могло «потеряться», «уйти», «остаться в чужом доме» (*Соловьева*, 1995. С. 77–80). Были святые места, храмы, родники, где молились женщины, у которых пропадало молоко. Так, возле Мцхета, около храма Джвари, была пещера с источником *Дзудзус-цкали* (Родник груди), куда приходили молиться не имевшие молока женщины. По преданию, Бог сотворил этот источник по просьбе св. Нино (*Напроев*, 1901. С. 17). В случае отсутствия у матери молока искали кормилицу или прибегали к искусственному вскармливанию (разбавленное коровье или козье молоко).

В Грузии было известно несколько видов колыбелей. Повсеместно использовалась одна из них – *аквани*. В первые дни и недели жизни употребляли особые колыбели: в равнинных районах – *хочичи*, в Хевсурети – *корне*. В *корне* ребенка клали во время пребывания в *самрвело*: это неглубокая овальная корзина, сплетенная из лещины, кизила, граба, которую делали это обычно сами женщины. В *корне* стелили солому и тряпки, перед укладыванием туда ребенка пеленали в *хичони* и туго перевязывали веревками (*дзабила*). *Хочичи* – небольшая доска, с круглой прорезью, укрепленная на двух поперечных закругленных подставках. Для всех разновидностей *аквани* и для *хочичи* было характерно тугое неподвижное пеленание.

В *хочичи* ребенок лежал несколько недель или месяц – пока мать не вставала с постели после *мелогинеоба*. С.-С. Орбелиани определяет *хочичи* как «малое *аквани*» (*Орбелиани*, 1966). В Западной Грузии такие колыбели известны под названиями *хочичи*, *хочечи*, *чичаби*, *чачаба*, *чоти* и др.; их делали

Колыбель *хочичи*

Аджария, 1930-е годы

© НМГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Колыбель

Тушети, XX в.

© Фото Л. Меликишвили, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Колыбель *аквани*

Тбилиси, XX в.

Фото Т. Цагарейшвили, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

также из коры липы или дуба, из выдолбленного обрубка дерева (Аджария). В начале XX в. *хочичи* уже выходило из употребления. Видимо, *хочичи* – один из древнейших видов колыбелей, известных в Грузии. О временном характере этой колыбели говорит то, что с укладыванием ребенка в *хочичи* не было связано никаких обрядов.

Грузинская колыбель (*аквани*, *картули аквани*) представляла собой деревянную кроватку, передние и задние ножки которой для удобства раскачивания были поставлены на закругленные дощечки (*сагогави*). Ножки *аквани* в изголовье и в ногах соединялись сверху дугами (*ркали*, *гиркали*), поверх которых была прикреплена перекладина (*камара*, *хиди*). Низ колыбели плели из прутьев или делали из досок. В колыбель клали тюфячок (*чалахеша*), набитый соломой или шерстью, покрывали его простынкой. Под плечи ребенку клали небольшую подушечку (*мхартбалиши*, *мхрис балиши*, *бечебис балиши*), чтобы голова ребенка была запрокинута назад и шея, таким образом, не осталась бы короткой, что, по народным представлениям, считалось недостатком. По этой же причине под голову обычно не клали подушку. Ребенка пеленали, клали на колени подушечку (*мухлис балиши*), прикрывали легким одеяльцем и перевязывали на груди и на ногах двумя свивальниками (*артаху*) из ситца или шелка. Для отвода мочи использовали специальную деревянную трубочку (*шибаки*). В Джавахети вместо этого на специальную подстилку насыпали сухую согретую землю и на нее клали запеленатого ребенка: земля впитывала нечистоты и время от времени ее меняли. В горных районах колыбель

нередко представляла собой продолговатый ящик из досок; во время хозяйственных работ вне дома женщина делала из ткани подвесную *савеле аквани* (полевая люлька).

В *аквани* ребенок находился довольно длительное время – в равнинных районах обычно около года, в горных – до 2–4 лет. Пребывание ребенка в *аквани*, применявшееся там тугое пеленание считалось полезным для ребенка, и, по народным представлениям, способствовало формированию красивой фигуры, исправлению физических недостатков (кривизны ног и т.д.). *Картули аквани*, имевшая *шибаки*, была особенно удобна, так как пеленки в ней меньше грязнились и ребенок, оставаясь сухим, спокойно спал. Не случайно грузины-горцы, переселившись на равнину, обычно заимствовали взамен применявшейся у них колыбели более совершенное *картули аквани*. *Аквани* значительно облегчало уход за ребенком. Однако пребывание ребенка в *аквани* имело и негативные стороны (Рохлин, 1929; Абдушелишвили, Патарая, 1978. С. 3–19; Капанадзе, 1994. С. 52), что старались нейтрализовать: мать кормила ребенка попеременно с правой и левой стороны колыбели; под голову ему клали специальную подушечку в виде круглого валика, чтобы затылок не стал плоским.

Нередко одалживали *аквани* родственникам, соседям – в тех случаях, когда мать не имела возможности купить колыбель для своей дочери или требовалось второе *аквани* (например, если рождались близнецы). Особенно охотно в таких случаях одалживали «счастливое» *аквани* – то, в котором дети не умирали. В Хевсурети *аквани* старались одалживать только в пределах своей фамилии, чтобы вместе с колыбелью в чужую фамилию не перешло «счастье». Не разрешалось продавать *аквани*; его нельзя было оставлять пустым – взяв ребенка, туда клали каменный пест; запрещалось раскачивать пустую колыбель – это радовало «злых духов», так как предвещало смерть ребенку. Нельзя было разрушать или сжигать люльку, солому или пеленки из нее. Даже «несчастливое» *аквани* (в котором умерли дети) не сжигали, а забрасывали на дерево. Говорили: «Кто сожжет *аквани* – сам погибнет».

Пока ребенок находился в колыбели, старались, чтобы он как можно больше спал. Для этого иногда в течение многих часов раскачивали колыбель, пели колыбельные (*нана, нанина*) (Зандукели, 1964; Майсурадзе, 1971; Мамаладзе, 1968):

Ряд магических действий был связан с представлением о сне как о чем-то, что могло «покинуть» ребенка или что можно было «унести» от него: уложив ребенка в колыбель после купания, брызгали на него водой, в которой его купали и говорили: «Твой сон пусть будет с тобой». Если же во время купания кто-нибудь заходил в дом, вошедшего не отпускали, пока ребенок не был уложен в колыбель и не заснул; не разрешалось переставлять люльку со спящим ребенком – считалось, что сон останется там, где стояла люлька. Переноса вечером колыбель к своей постели, женщина брала с того места, где та стояла, немного пыли и бросала в *аквани*, чтобы «сон и покой» перешли вместе с ребенком на новое место. В Кахети в люльку клали куколку насекомого *дзилис гуда* – «сонный мешок», в Мтиулети – вешали над *аквани* амулеты «кукушкину бусину» (*гугулис мдзиви*) или «слону кукушки» (*гугулис нерцкви*), заячьи уши. Давали также отвар из семян мака (*хаишаши, гажгажи*), препарат мака *триахпарухи*, продававшийся в тифлиских лавках. Ребенка повзрослее пугали: «Засыпай,

не то Бахола тебя утащит», «Придет волк и тебя в лес унесет». В Тушети детей пугали сказочным существом *Бугладжаки* (*Хубутия*, 1969. С. 75).

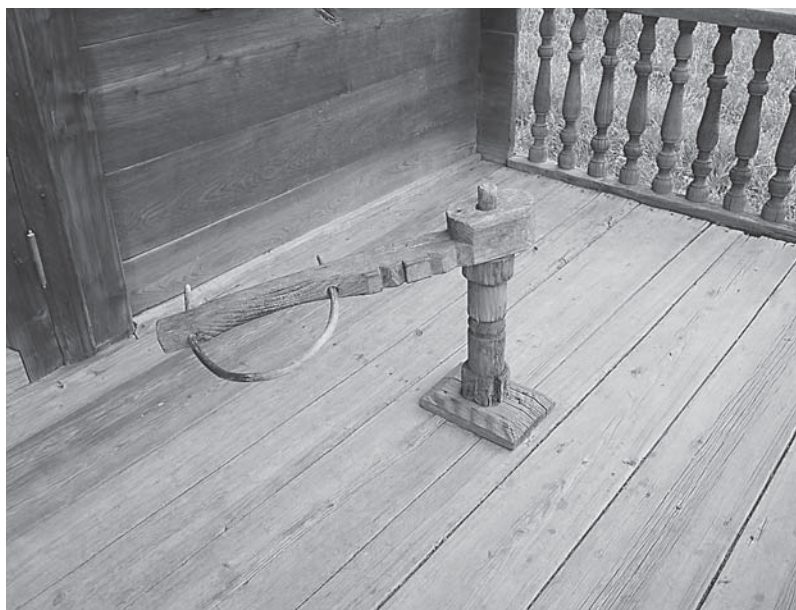
Первый раз ребенка купали в день рождения или вскоре после этого. В Картли и Кахети перед этим принято было натирать ребенка солью (иногда добавляя толченый корень марены), особенно в складках тела. Считалось, что это предохраняло кожу ребенка от опрелостей, к тому же он вырастал здоровым и более «привлекательным лицом». В воду при первом купании добавляли также хлебную закваску, красное вино, горсть соли и марены. В горах (Сванети, Хевсурети) после купания ребенка смазывали маслом (*Гватуга*, 1997. С. 58; *Чиградзе*, 1997. С. 86).

Если у новорожденного обнаруживался какой-нибудь физический недостаток, его старались исправить, пока кости у ребенка были «мягкие» и легко поддавались внешнему влиянию (*Соловьева*, 2012. С. 418). Во время купания производили «ровняние» членов, которое заключалось в «вытягивании конечностей, растирании спины и выпрямлении и вытягивании носа». Черты лица ребенка старались привести в соответствие с имевшимся идеалом красоты: лоб немного придавливали (выпуклый считался уродством), большим и указательным пальцами выравнивали нос ребенка, чтобы он не был широким и «удлинился»; верхнюю и нижнюю челюсти также придавливали, чтобы они не выдавались. Новорожденную девочку мать румянила и белила, чтобы та впоследствии обладала хорошим цветом лица (О первом физическом..., 1878; *Исакова*, 1889. С. 168).

С первых дней голову ребенка повязывали косынкой (*хилабанди*), закрепляя ее полоской ткани. Спустя некоторое время надевали стеганую на вате шапочку, спускавшуюся сзади на спину и плотно охватывавшую лоб, темя и затылок; она держалась на голове при помощи узкой полосы ткани (*шубисакрава*), которую несколько раз обводили вокруг головы и, туго стянув, завязывали. Дети носили ее примерно до года, поскольку, как считалось, это делало форму головы более красивой. В Горийском уезде с той же целью применялось бинтование головы, особенно лобной ее части, повязкой из хлопчатобумажной ткани длиной 1,5 м и шириной до 5 см (*Джавахов*, 1905. С. 16; *Покровский*, 1884. С. 12, 154).

Примерно с семи месяцев ребенка приучали сидеть: сажали на тахту, обкладывая вокруг подушками. Когда он мог самостоятельно сидеть, его приучали стоять: ставили к скамье; делали *хариха* (вбивали в землю 4 столбика, соединяя их перекладинами) или *тоне* (две доски соединяли четырьмя брусками, в верхней доске был вырезан круг, куда ставили ребенка). Использовали также приспособление на колесах (*чочина*, *чрочина*, *чиччала*): вертикальная прямоугольная деревянная рама имела внизу два колеса, от середины нижней горизонтальной планки отходила рейка, снабженная на конце колесом, соединенная с помощью еще одной рейки с серединой верхней горизонтальной планки. Ребенок держался за прямоугольную рамку и шел за *чочина*. Ее делали и в виде табуретки с круглым вырезом на сидении и с колесами на ножках. В Самегрело приспособление для обучения ребенка ходьбе называлось *ашаринали*, в Гурии – *очивари*.

Рациональные способы обучения ходьбе дополнялись магическими обрядами, если ребенок не начинал ходить в срок. По данным 1880-х годов, в течение трех субботних вечеров (*сам квирадзалзе*) ребенку спутывали ноги

Очивари – приспособление для обучения ребенка первым шагам на веранде жилого дома

Западная Грузия, начало XX в.

Этнографический музей под открытым небом, г. Тбилиси

Фото Л. Соловьевой, 2009 г.

красной шелковой ниткой и, поставив в дверях, говорили: «Не владеющий ногами (*куто*), начинай ходить, не то отрежем тебе ноги». Это повторяли трижды и топором разрубали нитку. Или же в течение трех субботних вечеров мать подавала ребенка человеку, стоявшему на крыше, и тот, вновь передавая его матери, говорил: «Ты, безногий, начинай ходить» (*Глехи И.Д.*, 1882; *Горели кали*, 1885. С. 7). В Телавском уезде ребенка трижды обводили вокруг торне с ложкой в руках. Здесь же был известен и следующий обряд: мать сажала ребенка в корзину, брала с собой 3 переплетенные свечи и обходила в течение трех субботних вечеров семь домов, просила *кути-пури* (хлеб, упавший со стенки торне и испекшийся на углях). При этом она говорила: «Подайте *кути* для *кути*» или «Подайте *кути* для *кути*, он на ноги встанет, это благодать». Немного хлеба давали съесть ребенку, свечи закапывали на перекрестке дорог. Иногда в этом случае несли ребенка на перекресток дорог, ставили там и заговаривали. В Кахети были известны и другие подобные приемы: ребенка ставили на плечи тех, кто присутствовал при его рождении; ударяли ножкой о дверь; приносили в дом, где был покойник, и ставили ему на грудь; чтобы узнать, скоро ли ребенок начнет ходить, лили в воду расплавленный воск и получившуюся фигурку ставили на перекрестке дорог: если она не падала, это было знаком, что ребенок скоро должен начать ходить (*Степанов*, 1894. С. 96; *Чурсин*, 1905. С. 12, 15, 51).

Если ребенок до двух–трех лет не начинал говорить, по народному убеждению, этому можно было помочь, совершив определенный обряд. По данным 1880-х годов, такого ребенка несли утром в воскресенье в церковь и,

поставив в дверях, клали ему на голову замок, а в рот – ключ. В Кахети в этом случае брали перо сойки (*джанара*) и проводили им по губам ребенка, – это делали в течение трех субботних вечеров. В Хевсурети ловили ласточку, и, проведя крылом во рту, отпускали ее. В Джавахети ребенку трижды вкладывали в рот клюв голубя. Эти действия должны были уничтожить все то, что мешало ребенку говорить, позволить ему «щебетать подобно птице».

Широко распространен (в Картли, Кахети, Джавахети, Хевсурети) был обычай *багазе дабма* – «привязывание к кормушке». Ребенка несли в хлев и с помощью ярма трижды привязывали к кормушке для скота (*бага*), при этом говорили: «Если ты человек – скажи что-нибудь, если не человек – останешься здесь», или «Если ты животное – завой, если человек – начни говорить». Как считалось, ребенок, испугавшись, что его обрекут быть животным, должен был начать говорить.

Существовало представление, что иногда уже при рождении можно было определить, что ребенку суждено особое будущее и требуется особое внимание к охране его здоровья. Такими детьми считались *перангиани* – родившийся «в рубашке», *нацилиани* и *битао*. Рождение «в рубашке» предвещало счастливую, удачливую жизнь; ее сушили и тайно сохраняли в «чистом» месте. Рубашка (*перанги*) имела и другие названия: *бадура* – сетка, *пирсапари* – покрывало, *хубеди* – счастливая шапка, *пирбаде* – вуаль; в Гурии и Аджарии – *карчхи*. Как и многие другие народы, грузины верили, что обладатель «рубашки» всегда будет оправдан в суде. После свадьбы, как считалось, следовало отдать «рубашку» на хранение в церковь. В Хевсурети мать тайно прятала «рубашку» под газырями чохи ребенка или, вложив ее в ружейный патрон, отдавала ему, чтобы тот всегда носил его с собой. По представлениям хевсур, «рубашка» защищала от врага и вражеского оружия. Хранить ее следовало до женитьбы, после чего не опасно было и потерять.

У грузин Хевсурети существовало также представление о том, что ребенок может родиться *битао*⁵ – когда все ребра были соединены в сплошной костяной щит. По народному убеждению, ребенок *битао* (сван. *буатл*) должен был вырасти сильным, здоровым, мог совершить множество подвигов и не боялся врагов, так как вражеский кинжал не мог пронзить его сердца – оно было защищено костяным щитом. Когда *битао* умирал, тело его в земле не подвергалось тлению. Однако такие дети обычно умирали малолетними, вырастить их было очень трудно (*Бардавелидзе*, 1957. С. 110).

От ребенка *нацилиани*, по убеждению хевсур, при рождении шел солнечный свет. Свет этот исходил от *нацили* (доля, часть), находившейся на спине, между лопатками, которая отличалась цветом и была размером с серебряную монету. Мать прилагала все усилия, чтобы никто, кроме нее, не увидел *нацили* – это грозило ребенку немедленной смертью. Поэтому с детства мать одевала такого ребенка в две рубашки, а позже предостерегала, чтобы никто не увидел его «доли». Даже жениться такому человеку было опасно, так как

⁵ В грузинских диалектах несколько значений этого слова: *битав* – целый, цельный (ингил.); *битао* – хороший, красивый (мохев.); *битао* – лучшая часть мяса животного (имер.); *битао* – человек, у которого ребра и грудина составляют единую кость (пшав.). А.А. Глonti указывает на образование этих терминов от тур. *bitevi* – однообразный, непрерывный (*Глonti*, 1984. С. 73).

жена могла увидеть *нацили*. По народным представлениям, *нацилиани* вырос-тал очень красивым, с чистой белоснежной кожей, спокойным, добрым чело-веком. От бога ему было предписано любить людей, и люди любили его. Как и *битао*, такого ребенка трудно было вырастить, ведь ему могли повредить не только каждый увидевший *нацили*, но и змеи. По представлениям хевсур, если змея подползала к человеку во время сна и отнимала *нацили*, тот поги-бал. Поэтому *нацилиани* старался не ложиться спать вне дома. Беременная хевсурка по этой же причине остерегалась спать во дворе: если ребенку было суждено родиться *нацилиани*, змея могла вползти ей в рот и похитить «долю». Для защиты от змей носили витое серебряное кольцо, изображавшее свер-нувшуюся змею с глазом из голубого камня. Змеи не оставляли в покое *наци-лиани* и после смерти: к могиле такого человека, как считалось, обязательно подползала змея и похищала *нацили*. По мнению В.В. Бардавелидзе, *наци-лиани* были наделены «долей» божества и являлись совладельцами «долей» солнечной богини Наны или лунного божества. Таковыми считались неко-торые из персонажей хевсурских народных преданий и мифов (Торгва, Пир-куши). По убеждению хевсур, только мальчики могли родиться *нацилиани* и *битао*. Хевсуры называли детей, родившихся *нацилиани*, *битао*, *перангиа-ни* – «иными», «другими» (*схванаури*) (*Балиаури*, 1939. Л. 227; *Макалатия*, 1940. С. 190; *Бардавелидзе*, 1957. С. 110).

Традиционные приемы и способы лечения детских болезней демонст-рируют характерное для народной медицины переплетение рациональных и иррациональных способов врачевания. Не находя рационального объяснения причинам заболевания, его возникновение связывали с влиянием сверхъес-тественного мира. В особенности это относилось к представлениям о причи-нах детских заболеваний. Так, болезнь ребенка, особенно младенца, нередко приписывали влиянию «дурного глаза» (*ави твали*) или «нечистой силы»: *ужмури* и *ави кари* (злого ветра), *ави сули* (злой души), *ави ангелози* (злого ангела), различных сверхъестественных существ – *пузэ* (*ави пузиа*), *мадж-ладжуна*, *эшмаки*.

Сглаз (*гатвалва*) считался очень опасным для жизни ребенка; сглазить его могли якобы не только посторонние, но даже родители. *Пузэ* и *маджладжу-на*, по убеждению грузин, обитали в человеческих жилищах и имели обыкно-вение вызывать кошмары, душить людей во сне, нередко им же приписывали смерть новорожденных. Иногда, чтобы сохранить жизнь ребенка, совсем по-кидали дом, где, как предполагали, они поселились. *Ужмури* («неурочный», «безвременная напасть»), или *ави кари*, по народному представлению, могли пристать к человеку в темных, сырых местах, около воды, главным образом после захода солнца. Вместе с человеком или с принесенной водой *ужмури* мог проникнуть в дом, и ребенок начинал плакать, капризничать. «Злой ве-тер испугал», – говорили в этом случае. На теле ребенка, пострадавшего от *ужмури*, по народному убеждению, оставались синие пятна – следы от удара «рук *ужмури*». Действием всех этих сверхъестественных существ объясняли большинство болезней маленьких детей, основными проявлениями которых были плохое самочувствие, беспричинный плач и т.д. (*Берзенов*, 1856. С. 491; *Какушадзе*, 1964. С. 21; *Пурцеладзе*, 1866).

Чтобы предохранить ребенка от действия этих сил, использовали раз-личные амулеты. В первую очередь их вешали на колыбель, что называлось

шеиарагеба (вооружение) или *дамахвилеба* (от *махвили* – острый, зоркий). Ассортимент их был разнообразен. В Картли от сглаза на колыбель вешали бусину *сатвалэ* (от сглаза) – чтобы не сглазил «пестроглазый» человек, ракушку (*гвринчила*) – она разрушала сглаз «белого» человека, *гишери* (черный агат) и жемчуг – против дурного глаза «черного» и «рыжего» человека; вешали также янтарь, коралл, различные бусы. Все это нанизывалось на нитку и называлось *чанчхура*; причем амулеты обретали силу лишь после того, как сатвалэ или всю связку заговаривала знахарка (*Глехи*, 1882; *Мачавариани*, 1957. С. 273). В колыбель клали также уголь, нож с черной ручкой, свиную щетину, спички, вешали крестик из каменного дерева (*акакис джвари*), свиное рыльце (*горис динги*), кусок дубовой коры, ракушки (*гвринчила*, *сатвал гинчила*, *сатвал гричи*), заговоренные бусы из янтаря или *гишери* (*твалис мдзивеби*). Кроме того, от сглаза перед дверью дома прибывали подкову и рыльце свиньи.

В Самцхе-Джавахеи чанчхура состояла из бусины от сглаза (*ороджи*), красной бусины с изображением полумесяца (*акики*), бабок свиньи; туда же нанизывали рыбы жабры. У грузин Тушети на *аквани* вешали зуб свиньи, «змеиную бусину» (*гвелис мдзиви*), от испуга – свиную щетину, ладан и монету, от сглаза – бусину из дерева *урдзани* (бархатное дерево, называемое также *турса*). В Хеви – бусину от сглаза (*сатолави мдзиви*), ракушку, крестик, желтую бусину *зараванди* – против цинги. У грузин-мтиулов в колыбель, кроме ножа, клали кусок дерева *урдзани*, считавшегося «ангельским», бусину от сглаза, ракушку – от тошноты, зуб, ухо и рыльце свиньи – от *ужмури*, косточку от рыбьего позвонка (*тевзис мдзиви*) – от головной боли, крест из дерева акаки, ветку алычи. В Хевсурети лучшим средством защиты считалось холодное оружие, ножницы, угли. На *аквани* вешали зуб свиньи, лапу орла, бусы из бархатного дерева. Действенным против нечистой силы считался складной нож (*джаква*), сделанный кузнецом в одиночестве и в полном молчании в Великий четверг. Амулеты с *аквани* не разрешалось снимать ни на минуту: считалось, что эшмаки сразу же «завладеет» ребенком, лежащим в «безоружном» *аквани* – или «похитит» его, или напугает (*Макалатия*, 1934; 1938).

Ребенка в колыбели старались не оставлять одного. Если же матери надо было отлучиться, то в Картли и Кахети к люльке приставляли палку, сосуд с водой, веник, что-нибудь железное – чтобы «злой ангел» не смог подойти к ребенку, напугать его. В Мтиулету в этом случае справа, в головах люльки, приставляли палку из грецкого ореха, алычи или *урдзани* и молились ангелу дома, поручая ему заботиться о ребенке. В Хевсурети, оставляя ребенка одного, клали около люльки связку растения *макратела*, веник, ветку *урдзани*. По убеждению грузин, существовали и добрые ангелы, присутствие которых веселило ребенка: они могли защитить ребенка, оставшегося в одиночестве.

Когда дети вырастали из колыбели, те же амулеты пришивали к их одежде. Изготавливали также и специальный амулет (*авгарози*, *ангарози*), защищавший от болезней и всевозможных несчастий: писали на бумаге молитву, зашивали ее в ткань, иногда вкладывая туда же монету. *Авгарози* вешали на грудь или пришивали к одежде, под мышку; носили его лет до семи, потом мать снимала его и прятала. В Месхети на одежду ребенка от сглаза пришива-

ли змеиную рубашку – слинявшую шкурку змеи. Особенно многочисленными были амулеты на детской одежде у хевсур: на шапочку пришивали бусины из *урдзани*, нередко выкладывая из них узор в виде креста, волос черного мула, мелкие пуговицы, бусы, монеты, серебряные украшения. Кроме того, на шапочку и на одежду пришивали «знаки джвари» (*джварис лишнеби*) – серебряные украшения или монеты, полученные в святилище взамен принесенных туда серебряных денег. *Знаки джвари* выменивались в наиболее «сильных» святилищах, считавшихся «врагами» нечистых сил (Цминда Гиорги, Иахсари, Мтавар Ангелози, Петрес джвари, Ликокис джвари) (Бакрадзе, 1851; Яшвили, 1904. С. 61).

Чтобы вылечить ребенка от сглаза, испуга, *ужмури* – обращались к знахарке. К ней несли самого ребенка или его одежду. Знахарка брала нож с черной ручкой, уголь, ставила перед собой воду (в Мтиулети эту воду мать должна была взять у пяти или девяти мельниц), трижды читала заговор, после чего умывала ребенка заговоренной водой и мазала его углем. Если ребенка заговаривали «от испуга», знахарка брала полотенце или пояс, отмеряла три локтя и делала отметку. Повторяла это трижды, и если в третий раз измерение переходило за отмеченную черту, ребенок якобы действительно был болен из-за «испуга». Такой же способ установки «диагноза» был известен и в Мтиулети, где для этого брали *лечаки*. В Кизики таким способом узнавали, пойдет ли заговор на пользу. Тексты заговоров от сглаза (*толис лоцва, твалис лоцва*), от испуга (*шишис лоцва*), от *ужмури* (*ужмурис лоцва*), от золотухи (*саткбурис лоцва, бедниерис лоцва*) были известны повсеместно и имели в отдельных районах свои варианты. Содержание их обычно характеризуется сочетанием языческих и христианских образов и представлений (*Макалатия*, 1938. С. 99; Бахутов, 1913. С. 36; Народное-поэтическое творчество..., 1958. С. 269; Гагулашвили, 1980).

Воспитание детей было постоянным, повседневным делом грузинской семьи. В пословицах и поговорках подчеркивается, что родители, воспитывая детей, тем самым создают и свое будущее: каким оно будет – во многом зависит от того, какими они вырастят своих детей, причем главная ответственность ложилась на семью, на воспитателей. Говорилось: «Ребенок – что *квеври*, что крикнешь, то и отзовется». Главная роль в воспитании детей младшего возраста отводилась матери (*Важса-Пшавела*, 1964а. С. 347).

Самое большое внимание уделялось трудовому воспитанию. В крестьянской семье дети с раннего возраста помогали взрослым, поскольку хозяйство требовало большого количества рабочих рук, особенно в летнее время. Раннее приобщение к труду имело и воспитательное значение: «Безделье...рождает в голове тысячи вздорных мыслей и грозит бедой. Когда человек занят делом, ангел-хранитель витает над его головой и отводит от него всякое зло», – поучали детей старшие (*Эристави-Хоштария*, 1953. С. 264). По убеждению грузин, хорошие родители должны были обучать своего ребенка «с пеленок». Так, в Сванети, как только ребенок начинал ходить и говорить, для него на очаге также начинали выпекать лепешки, и с этого же момента его начинали приучать к труду. С годами размер лепешки увеличивался, и росла его занятость в семейном хозяйстве (*Давитиани*, 1942).

Девочкам, постоянно находившимся с матерью или бабушкой, были хорошо знакомы с самого раннего возраста все женские работы. Мальчиков отец

Девушка с мальчиком в традиционных костюмах

Душетский район, с. Бло
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-82

уже с 5–6 лет нередко брал с собой в поле, на виноградник. Некоторую роль в трудовом обучении имели и детские игры. Трудовое воспитание девочек и мальчиков отличалось, что обуславливалось существовавшим разделением труда между полами. Мальчиков приучали к работе с 6–8 лет: с этого времени они в основном уже находились в обществе отца, деда, старших братьев. С 6–8 лет мальчики пасли телят, свиней, хромой скот, птицу (гусей, уток), или же их посылали в помощники к пастуху – брату или дяде. Вместе с взрослыми они вскапывали землю,

мотыжили (для этого делали специальные маленькие мотыги), перед пахотой и покосом убирали с земли камни, пропалывали посевы. Мальчики исполняли и некоторые работы по дому – приносили дрова, доставляли в поле завтрак и обед, вместе с девочками и женщинами ходили весной в лес за зеленью. Таким образом, лет с шести для них уже начиналась трудовая жизнь. Как отмечал один крестьянин из с. Кавтисхеви, «у наших детей нет времени, как исполнится им шесть лет, ни один дома не остается, кого с арбой посылают, кого – скот пасти, кто на другой работе» (*Бакрадзе*, 1851; *От Тифлиса до Кавтисхеви*, 1874; *Итонишвили*, 1970. С. 89–90). С 10–12 лет мальчики становились умелыми пастухами, во время пахоты были погонщиками (*мехре*), при бороновании стояли на боронах, во время молотбы – на молотильных досках, чтобы камни лучше резали солому, на покосе сгребали сено. Лет с 14 подростки участвовали в жатве, вязали снопы. Косить начинали лет с 15–16, так как это считалось тяжелым делом. В некоторых районах Восточной Грузии мальчиков учили также азербайджанскому языку. Так, на зимних пастбищах тушины-овцеводы общались с азербайджанцами, у которых они арендовали пастбища, а также с лезгинами. Языком общения в этом случае выступал азербайджанский. Поэтому тушины нередко определяли мальчиков на год в семьи своих кунаков-азербайджанцев для обучения (*Волкова*, 1978. С. 56).

В районах с преобладанием овцеводства сложилась продуманная система обучения этой отрасли хозяйства. Например, в Тушети с 8–9 лет отец брал мальчика с собой на пастбище, чтобы тот привыкал к пастушеской жизни. Мальчики сторожили жилища пастухов, толкли соль для сыра, носили

Мальчик, везущий дрова

Экспедиция Л.Б. Панек, первая треть XX в.

© МАЭ РАН. № 3625-26

воду, пасли хромых овец. Затем их посылали помогать опытным пастухам, и те учили их пасти овец, определять время пригона стада в кошары, намечать маршруты движения стада, время и место отдыха, водооя. С 15 лет мальчиков обучали доению овец, с 16–17 лет – стрижке. Лет в 20 юноша считался уже настоящим овчаром. Такое же большое внимание уделяли обучению мальчиков овцеводству в Пшави и Хеви (Харадзе, 1960. С. 117–119; Итонишвили, 1970. С. 89).

В больших семьях в трудовом обучении мальчиков соблюдали определенную специализацию: одних больше приучали к земельческим работам, других – к уходу за скотом. Этот вопрос решал глава семьи *уприси кац*; он же мог отдать мальчиков в ученики к ремесленникам, поэтому в больших семьях нередко были свои кузнецы, плотники, столяры (Абазадзе, 1889. С. 22). Участие мальчиков в семейных работах становилось существенным лет с 10–12, поэтому в больших семьях (Картли, Кизики, Рача) детей только с этого возраста обеспечивали одеждой за счет общих средств: малолетних детей должна была одевать мать за счет своего приданого (Харадзе, 1960. С. 62, 102, 175). Участие детей в общем труде учитывалось и при разделе большой семьи: они получали «известную долю из общего имущества» (Мачабели С.В., 1887. С. 207).

Девочки с 5–7 лет помогали матери по дому: следили за чистотой, подметали пол, мыли посуду, вместе со старшими ходили за водой, присматривали за младшими детьми, бегали с поручениями к соседям. Например, относительно хевсур отмечалось, что девочка, как только она немного подрастала, принимала участие «во всех домашних занятиях», в частности, в ее обязанности входило приносить воду из ручья, собирать коровий навоз и делать кизяк (Радде, 1881. С. 77). С 8–10 лет девочку учили различным рукоделиям: обрабатывать шерсть, прясть, ткать, вязать, кроить и шить. В равнинных селах девочки работали вместе со старшими женщинами на огородах, в виноградниках. Лет с 10 девочку учили готовить, печь хлеб, сбивать масло, доить коров. Нередко и девочки пасли телят, овец, птицу. Иногда такие малолетние пастухи собирались вместе и проводили время в играх или же занимались рукоделием. Лет с 12–13 девочка уже умела выполнять все основные женские работы по дому.

В Картли и Кахети девочек обучали рукоделию также «мастерицы» (*остати*) – грамотные женщины, хорошо знавшие рукоделия и «все другие женские дела», которые имелись в каждом селе. К наиболее известным мастерицам ученицы приходили и из соседних сел, у одной женщины могло быть до 10 и более учениц. В начале XX в. *остати* обучала девочек чтению, письму, кройке, шитью; срок обучения составлял год-полтора. Иногда ограничивались только изучением грамоты и счета. Например, по сообщению жительницы с. Кисисхеви (Кахети), она была у *остати* шесть месяцев и за это время научилась читать и писать по-грузински, считать до 100 по-русски и выучила грузинский хроникон (*Мартиросов, Имнайшвили, 1956. С. 8*). Сведения более раннего периода свидетельствуют, что программа обучения у *остати* была более обширной и мастерица должна была обучать «грамоте, шитью, выкраиванию белья, шитью лечаки, вязанию кисетов, тканью ковров различных видов, уходу за домом, содержанию дома в чистоте, манере обращения с окружающими (*ситква-насухи*) и правилам поведения (*адгом-дажд-дома*) и всему, что крестьянке нужно для своей семьи», причем обучение длилось пять лет (*Схертели, 1871*). Существовали установленные обычаем способы оплаты труда мастерицы. Ей могли заплатить продуктами, деньгами, но в большинстве случаев ученицы должны были помогать ей по дому, а на праздники (Рождество, Пасха) они приносили для нее *дзгвени* – различные продукты. По обычаю, за обучение девушки платил также ее жених. Обязанностью *остати* было шитье подвенечного платья для своей ученицы, она же нередко одевала ее в день свадьбы. Во время ритуала выкупа невесты жених должен был заплатить этой женщине *саостато* – деньги «за обучение», от 3 до 20 рублей. В Кизики жених взамен получал украшения для своего коня, изготовленные невестой – это было свидетельством того, насколько хорошо девушка овладела рукоделием (*Мачабели Н.К., 1978. С. 60, 88; Ментешавили, 1941. С. 82, 140, 205*). Обучение у *остати* высоко ценилось, о девушке с похвалой говорили: «Она воспитана у *остати* и все умеет». Именно существование подобных мастериц было причиной того, что в Картли трудно было найти девушку, «которая не знала бы грамоту и не была бы приучена ко всякому рукоделию». В конце XIX в. *остати* существовали уже не везде; во многих местах этот «прекрасный обычай» уже «вывелся» (*Шаликов, 1894. С. 254*). Большое внимание к обучению женщин грамоте имело в Грузии давние традиции. Так, в «Записке капитана Языкова о Грузии» 1770 г. отмечалось, что «грамоты многие князья не знают. Чтож до благородных женщин принадлежит, то оне почти все писать умеют» (*Цагарели, 1890. С. 187*). В 1880-е годы, хотя в школах училось мало крестьянских девочек, процент грамотных среди женщин был не ниже, а иногда и выше, чем среди мужчин: в Телавском уезде грамотных мужчин было 9,5%, женщин – 13,5%, в отдельных селах это различие было еще значительнее. Так, в с. Вардисубани грамотных женщин было в 4 раза больше, чем мужчин (21,7% и 5,7%). Для сравнения: в соседнем с. Караджалы, где жили турки-мусульмане, из 735 женщин не было ни одной грамотной (*Аргутинский, 1887. С. 133*). Детей обучали также жены помещиков, священники, создавая «домашние школы»; при этом девочки осваивали не только грамоту, но и различные рукоделья, а мальчики – различные спортивные состязания (*Мгалоблишвили, 1938. С. 33–34*).

Девочки с малых лет готовили себе приданое. Относительно Тионетского уезда отмечалось: «Как только девочка подрастет настолько, что в состоянии выполнить ту или иную работу, она вправе иметь личный капитал – “сатавно”. Я встречал девочек лет восьми, имеющих личный капитал» (*Мачабели М.В.*, 1887. С. 400). *Сатавно* имело несколько источников возникновения. Близкие родственники с раннего детства дарили что-нибудь девочке – теленка, овцу, пчелиный улей. В Пшави это одаривание называлось *дасатавноэба*. Научившись прясть и ткать, девочка могла продать изготовленное рукоделие, а полученные деньги входили в ее *сатавно*. С 13–14 лет девочки не только могли одеть сами себя, но уже «копили вырученные своим рукоделем и другими побочными заработками деньги для составления своего сатавно» (*Харадзе*, 1960. С. 102).

Важное место в воспитании подрастающего поколения занимали игры и игрушки (*Кахиани*, 2007. С. 40). Игрушки с самого раннего возраста знакомили ребенка с хозяйственной деятельностью, с различными трудовыми процессами, с теми видами работ, которые ему предстояло выполнять в дальнейшем: для мальчиков делали игрушечные арбу, соху, плуг, фигурки различных животных из глины; мальчики постарше сами строили игрушечные мельницы, домики, дворы, тоне, где можно было печь настоящий хлеб, сами лепили из глины животных (*Натадзе Н.Г., Натадзе Р.Г.*, 1948. С. 36–37).

Излюбленной игрушкой мальчиков был мяч: «почти у каждого ребенка с 5 лет отыщется в кармане мяч из клубка шерстяных ниток или валеный из шерсти» (*Гулисов*, 1886. С. 240). Повсеместно дети забавлялись деревянным волчком (*шuko, цибрути, бзриала*), раскручивая его с помощью веревки или ремня. Зимой играли в снежки. В горных районах мальчики с 5–6 лет спускались с гор на своеобразных лыжах (*лекмархила* в Хевсурети, *канкеби* в Пшави, *кагдеби* в Мтиулети); в Тушети ими пользовались и летом – для скольжения по склонам с сухой травой. Популярным среди мальчиков развлечением была борьба (*Гулисов*, 1886. С. 233; *Элашвили*, 1963. С. 53; *Гогоберидзе*, 1975. С. 231).

Любимыми игрушками девочек были куклы (*дедопала, гуга, кукна, дзондзи куки*), которые сначала делали для них взрослые, а потом они сами – из палочек, тряпок, пуговиц, мака, кукурузных початков. Куклы из растительных материалов были особенно распространены в горных районах. Для девочки делали игрушечную колыбель из деревянного ящичка, мать шила для нее маленький матрас, подушку, *артахи*, и девочка постепенно усваивала правила ухода за ребенком: укладывала куклу в колыбель, укачивала ее, когда та «плакала», кормила, для защиты от нечистой силы подвешивала к *аквани* бусы или ракушку, клала нож или шампур. Игры с куклами были основным развлечением девочек, однако они были довольно разнообразны, помогали овладевать сведениями о различных сферах хозяйства, народных обычаях, обрядах, правилах этикета. С помощью кукол разыгрывали всевозможные сцены – «храмовый праздник», «крестины кукол», «лечение куклы», «похороны», «прием гостей». Девочки строили для кукол домики, делали посуду из коробочек мака, ягод шиповника и т.д., изготавливали приданое для куклы-невесты. Внешний вид кукол отражал особенности традиционного костюма: одежда, обувь, головной убор у кукол различался в зависимости от района их изготовления, от «социального статуса» куклы (отличались прически у

«Замужняя» кукла

Тушети

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930-е годы
Гогоберидзе, 1964

Кукла «мужчина»

Тушети

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930-е годы
Гогоберидзе, 1964

«замужних» и «незамужних» кукол) (Гогоберидзе, 1968. С. 40). Таким образом, игра в куклы довольно точно отражала различные стороны семейного и общественного быта, хозяйства и материальной культуры каждого района.

Игры и развлечения мальчиков, более разнообразные, были направлены прежде всего на развитие силы, ловкости, смелости, сообразительности. Мальчики соревновались между собой в беге, в прыжках через всевозможные препятствия, в метании камней. Были распространены прыжки с шестом через различные препятствия, что имело и практическое значение (Элашвили, 1956. С. 19). Развитию ловкости, глазомера способствовали разнообразные игры в камушки (*декниноба*, *кенчаоба*, *салаоба*), в альчики (*кочаоба*), в палочки (*чилика-джохи*, *кекиаоба*, *сахреоба*, *джинкраоба*), в ножички (*данаоба*, *данисцверакобай*), в грецкие орехи (*каклаоба*). Очень популярны были подвижные игры, требовавшие силы, выносливости, ловкости: игры с поясами (*лахти*, *црелакти*), «волки и овцы» (*мгелобана*), «кошки-мышки» (*тагвобана*), «птицы на дереве» (*хезечитаоба*). Игры способствовали развитию наблюдательности, сообразительности, внимательности: «обход» (*джартмовла*), «есть ячмень» (*кери чамалооба*), «буза-буза» и др. (Гвенцадзе, Берияшвили, 1960. С. 251–265; Гогоберидзе, 1976. С. 103).

Были игры, приуроченные к определенным праздникам. На Пасху были известны игры с крашеными яйцами. На масленицу любимым развлечением

подростков и молодежи были качели (*Коптонашвили*, 1889). Некоторые из игр и развлечений, по убеждению грузин, могли иметь и определенное магическое влияние на природу. Так, в Ксанском ущелье взрослые неодобрительно относились к игре в камушки – «град будет»; устройство качелей на масле, напротив, считалось защитой от этого стихийного бедствия. Катание на санках на Новый год предохраняло от болезни спины; *цуцаоба* – обливание друг друга водой, чем дети охотно развлекались в жаркое время, якобы способствовало вызыванию дождя (*Гогоберидзе*, 1975. С. 226, 231).

Девочки тоже играли в некоторые из указанных игр (например, в камушки, в отдельные подвижные игры), однако обычно они играли без мальчиков. Девочки занимались играми менее продолжительное время, чем мальчики: уже лет с 7–8, когда их начинали учить рукоделью, большую часть времени они тратили на это занятие. Девочку старше 10 лет уже редко можно было встретить с куклой. Мальчики же уделяли играм и развлечениям большее внимание и в старшем возрасте; во многие из игр (при усложнении правил) играли и взрослые мужчины. Старшие всегда с большим интересом наблюдали за детскими играми, высказывали свое мнение относительно успехов и неудач играющих. Достижения и промахи молодежи «обсуждались и оценивались старшими не только в семейном кругу, но и на сходках всего селения» (*Степанов*, 1886. С. 209; *Элашвили*, 1963. С. 56).

Немалое место в воспитании мальчиков занимали игры «военного» направления; они учились обращению с оружием: луком и стрелами, самострелом, пращей. По словам современника, «часто можно в грузинской деревне видеть толпу детей с луками за спиной, верхом на палках, сломя голову несущихся к какой-либо поляне, где должна начаться стрельба в цель» (*Гулисов*, 1886. С. 234). Пращу (*шурдули*, *квиссролиа*) делали из шелковых или шерстяных ниток, из кожи и веревок, в Тушети – из дерева, в Хевсурети – плели из женских волос. С ее помощью дети сбивали орехи, плоды, охотились на птиц. В пограничных с Дагестаном районах, где существовала опасность набегов, по данным 1860-х годов, мальчиков с детства учили владеть холодным и огнестрельным оружием (Документы по истории ..., 1960. С. 23).

Особое значение военной подготовке мальчиков придавали горцы, что было необходимо в силу ряда причин: пограничное положение, институт кровной мести. Это определяло «военную направленность» всего воспитания мужского населения горных районов. Целая система «военного воспитания» вплоть до начала XX в. сохранялась у хевсур. «С младенческих лет» мальчики в Хевсурети носили кинжалы. С 5–6 лет любимым их занятием было фехтование (*парикаоба*, *хмалаоба*); при обучении использовали детское «тренировочное оружие» *сачвеви*: деревянный меч, щит, боевые кольца из проволоки (*нестари*), пращу, лук и стрелы. После тренировок на *сачвеви* постепенно переходили к применению настоящего оружия, и к 10–12 годам мальчики свободно им владели. Несмотря на это, лишь к 15 годам, проявив себя как хороший фехтовальщик, хевсур получал боевое оружие. Это событие отмечалось особой церемонией: отец, снимая с себя оружие, вручал его сыну, символически передавая в его руки обязанность защищать честь семьи. В Сванети мальчики до 12 лет также тренировались, используя деревянные сабли (*Нижарадзе*, 1962. С. 133). Обучение верховой езде начиналось с 8–10 лет, под наблюдением опытных наездников. С 12–13 лет мальчикам уже разре-

Мальчик стреляет из лука

Душетский район, с. Кобуло, первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-32

шали самостоятельно совершать длительные поездки (*Робакидзе*, 1952. С. 31; *Элашвили*, 1949. С. 67; 1960. С. 14).

С раннего возраста дети учились играть на музыкальных инструментах. Так, с 4–5 лет мальчики играли на глиняных дудочках, лет с 8 – на тростниковой дудке *ствири*, лет с 14 – на свирели из бузины – *саламури*, особенно популярной у пастухов. С малых лет, наблюдая за взрослыми, дети обучались также песням и танцам. На храмовых праздниках лет с 12–13 они уже участвовали в танцах наравне со взрослыми.

Большое внимание уделялось нравственному воспитанию подрастающего поколения. С общепринятыми нормами морали, правилами поведения ребенок знакомился прежде всего в семье. Главную роль в этом играло поведение старших, их пример. Подрастая, дети постепенно входили в ту систему взаимоотношений, которая существовала в семье, и она становилась для них непреложным законом (взаимоотношения старших и младших, правила поведения по отношению к родителям, родственникам, соседям, обычаи гостеприимства и т.д.). Строй семейной жизни (управление семьей, организация труда, порядок застолья), когда во всем проявлялся принцип подчинения младших старшим, способствовал формированию у детей с самого раннего возраста чувства уважения и почтительного отношения к старшим, в первую очередь к старшим мужчинам семьи. «Старики вообще пользуются большим уважением молодых и эти последние всюду прислуживают старшим, как слуги», – отмечал А. Казбеги (1950. С. 31). Вставать, когда входили старшие по возрасту, незамедлительно исполнять их поручения, скромно и сдержанно вести себя в их присутствии – считалось долгом молодежи. Особенно это проявлялось во время приема гостей, когда обязанностью молодых было обслуживать приехавших и выполнять все указания, которые давали на этот счет старшие. Обязательной нормой семейного воспитания было почтительное отношение к родителям. «За труды родителей ребенок никогда не сможет отплатить», «Если даже дитя для матери яичницу на ладони зажарит – и то за ее заботы не заплатит», – говорят грузинские пословицы (*Глонти*, 1957. С. 53).

Воспитание детей сопровождалось соблюдением некоторых обычаев избегания. Для равнинных районов можно отметить лишь один из них: матери запрещалось кормить младенца грудью в присутствии свекра и старших

Мальчики в традиционных костюмах
с игрушечным щитом
Душетский район, с. Бло
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-81

деверей; следов избегания между отцом и детьми здесь не сохранилось. В горных районах Восточной Грузии подобные обычаи существовали. Они, как правило, исполнялись в том случае, когда родители и дети находились не одни, а в присутствии родственников старшей возрастной группы и посторонних. Так, отец в присутствии указанных лиц не должен был брать ребенка на руки (до 1–2 лет, или же до крещения), качать колыбель. Относительно хевсур отмечалось: «Родители питают к детям большую любовь, особенно к сыновьям. Но в способе выражения этого чувства много особенностей. Детей ласкают только украдкой. Отец не берет на руки ребенка на первом или втором году его возраста» (*Радде*, 1881. С. 77; *Сергеева*, 1975. С. 143). По данным И. Цискарова, у тушин в присутствии посторонних «приличие» не допускало «каких-либо нежностей» между родителями и детьми, и особенно между отцом и сыном, даже если они были уже «в самых преклонных летах» (*Цискаров*, 1849). Интересные данные по этому вопросу зафиксированы в Хеви. Здесь мужчина также не смел качать колыбель своего ребенка или брать его на руки, но подобные действия в отношении племянника не считались для него предосудительными. Любопытный случай приводит В.Д. Итонишвили. В одном доме у обоих братьев были грудные дети. Один из них по ошибке стал раскачивать колыбель, где лежал его собственный ребенок, думая, что это племянник. Отец мужчины, увидев это, сделал ему замечание, после чего тот был настолько сконфужен, что на некоторое время ушел из дома, чтобы не показываться отцу на глаза (*Итонишвили*, 1970. С. 97). Отец не смел прикоснуться к своему ребенку, даже если тому грозила опасность. Повсеместно в горных районах рассказывали о случаях, когда ребенок падал с крыши, но отец, стоявший рядом, не посмел помочь ему, и спас лишь тем, что наступил на край его одежды. Бывало, что ребенок падал с крыши, разбивался, но отец, видевший это, не приходил ему на помощь (*Мачавариани*, 1957. С. 257). Некоторые ограничения существовали и в отношениях между матерью и детьми: она не могла приласкать их при посторонних, кормить грудью в присутствии старших родственников.

Воспитание детей у грузин характеризовалось гуманностью методов. Все поступки ребенка, заслуживающие похвалы, взрослые старались чем-то отметить. Например, если он правильно выполнил порученное задание, хорошо

вел себя – его при всех хвалили, угощали сладостями, обещали купить обновку и т.д. В случае непослушания, в зависимости от тяжести проступка, ребенка наказывали (главным образом это относилось к мальчикам). К физическим наказаниям относились неодобрительно. Так, Важа-Пшавела относительно хевсур сообщает, что отец никогда пальцем не трогал, не бил своего сына, поскольку с раннего детства старался привить ему чувство собственного достоинства (*Важа-Пшавела*, 1964б. С. 49).

Родители старались лучше присматривать за детьми, чтобы те не подрались с другими детьми, поскольку за все возможные последствия отвечали они сами. В горных районах это было зафиксировано и в обычном праве. В Хевсурети, если ребенок наносил другому ребенку увечье (неосторожно ударил его во время игры, бросил камнем) – родители должны были выплатить *сажимо* – «за лечение», так как они были виноваты в том, что не следили за ребенком, не научили его быть осторожнее во время игр.

Требования к воспитанию мальчиков и девочек различались. Девочек стремились воспитать скромными, послушными, умелыми и гостеприимными хозяйками; они росли «под строгим надзором» матерей. Уже с 3–4 лет девочке внушали, что ей полагается быть терпеливой, послушной, покорной. Мальчикам давали больше самостоятельности. Особое внимание мальчикам уделялось в горных районах. Как отмечал Н. Хизанашвили, у хевсур «сыну оказывается больше уважения, чем дочери»; по словам Г. Радде, «хевсуры не прилагают никакого старания к воспитанию женщин. Напротив того, мальчики воспитываются со тщанием». В Хевсурети мальчиков нередко даже кормили лучше, чем девочек, чтобы они росли более сильными и крепкими. По этому поводу хевсуры говорили: «Как бычку надо давать больше молока и больше ухаживать за ним, так и мальчик должен быть окружен большими заботами, видеть больше радости» (*Тедорадзе*, 1941. С. 158; *Балиаури*, 1939. Л. 232).

Мальчикам с детства старались привить самостоятельность, чувство собственного достоинства, стремились воспитать их сильными, ловкими, смелыми, чтобы они были готовы защищать свою честь и честь своей семьи. Старшие по возрасту общались с мальчиками как с равными, «в высшей степени предупредительно»: приветствуя, подавали руку, обращаясь к ним, вставали. Не возбранялось, если мальчик лет 8–10 вступал в разговор старших мужчин: его не прерывали, а со вниманием выслушивали. Стараясь во всем подражать взрослым, в Хевсурети лет с десяти мальчики уже обзаводились табакеркой и трубкой и начинали курить, наравне с другими мужчинами (*Важа-Пшавела*, 1964б. С. 49; *Зиссерман*, 1879. С. 213).

Отец старался, чтобы сын чаще находился в обществе взрослых мужчин, слушал их беседы, «воспринимал принципы мужества и законы чести». Мальчику предоставляли случай упражняться в «искусстве говорить», чтобы впоследствии он мог достойно поддержать беседу, «сказать приличное похвальное слово в память храбрых мужей, умерших родителей» (*Радде*, 1881. С. 78) Мальчику полагалось знать обычаи, предания, уметь читать и слагать стихи. Своего рода школой для подрастающего поколения горцев было в Хевсурети *сапехно* – место, где мужчины ежедневно собирались в свободное время, особенно на праздники. Старикам там отводилось почетное место. Каждый, придя на *сапехно*, мог заниматься своим делом: плести веревку, чинить сбрую, приводить в порядок оружие. При этом рассказывали о собы-

тиях, произошедших в соседних селах, обсуждали возникшие вопросы, пели героические песни. Старики рассказывали молодежи о прошедших временах, о том, что слышали от отцов и дедов. Слушая беседы старших, молодежь знакомилась с обычаями предков, усваивала общепринятые нормы поведения, запоминала старинные песни и стихи. Здесь же приобретались необходимые знания о разных ремеслах. Женщинам и девочкам входить в *сапехно* запрещалось обычаем. Параллели хевсурскому *сапехно* известны и в других горных районах Грузии (*эроба* в Хеви, *бехвне* и *саанджмо* в Тушети) (Гурко-Кряжсин, 1928. С. 17; Демидов, 1930. С. 76; Чачашвили, 1966. С. 19).

Большое внимание в процессе воспитания уделялось усвоению детьми религиозных норм и представлений, без знания которых трудно было стать полноправным членом общества. Дети вместе с взрослыми участвовали в религиозных ритуалах и праздниках, а в некоторых из них были основными исполнителями. Так, в Картли накануне Великого поста проводился ритуал «изгнания мышей» из домов. Дети шести-семи лет, взяв колючие ветки шиповника и *хавицис гулиани када* (*када* с начинкой из *хавици*), трижды обегали все дома и громко кричали: «Мышка, мышка, выходи, ангел, ангел, заходи!», а затем, не оглядываясь, бежали на окраину села. Там они втыкали в землю ветки шиповника и насаживали на них небольшие кусочки *кады* (это считалось «мышьиной долей»), а остальное съедали сами. Все это сопровождалось шумом и весельем, тем более что взрослые, наблюдавшие за всем происходящим, всячески старались заставить детей оглянуться, придумывая для этого разные уловки. В Сванети в июне устраивали праздник детей-пастухов. Малолетние пастухи и пастушки брали из дома по одной миске муки, сыр и собирались где-нибудь в поле, в тени деревьев. Там они пекли ритуальные лепешки *лемзир* и молились, обращаясь к богу с просьбами умножить поголовье скота. После трапезы дети развлекались, устраивая различные состязания и игры.

В некоторых регионах Грузии (Пшави, Хевсурети) был выработан особый механизм поэтапного включения мальчиков в социально-религиозный мир общины, что предусматривало выполнение ряда ритуалов, отражавших отдельные этапы социализации: *ганатвла* (освящение), *мибареба* (передача под покровительство божества), *хатши гаквана* (введение в общину), *дастурт кенебис цеси* (символизировал готовность исполнять некоторые поручения общины, проводился в возрасте 12–13 лет), *сахелоши чадгома* (подтверждал готовность участвовать в управлении общиной), *згурблис гадалахва* (символизировал готовность «перешагнуть» порог зрелости), *хел-мхрис натвла* (означал возможность полноправного участия в жизни общины). Постепенно на подростка возлагались хозяйственные, социально-экономические и управленческие функции. Выполнение этих ритуалов начиналось со дня рождения мальчика, процесс включения юноши в жизнь общины продолжался до его совершеннолетия, когда он становился полноправным членом социума и получал право участвовать во всех сферах жизни общества (Эриашвили, 2001б. С. 74–77; 2008. С. 164–166).

Традиции народной педагогики служили воспитанию духовно и физически здорового поколения. Главную роль в воспитании ребенка играла семья и ближайшее родственное окружение. Для интеллектуального развития ребенка большое значение имело изучение фольклорных традиций, народной поэзии, музыки, легенд, преданий и т.д.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ⁶

Обычаи и верования, связанные с погребением усопших, их поминовением и трауром, служили одной цели – проявлению заботы о душах покойников и достойным проходам в потусторонний мир. Эти обряды в основном отражают анимистическое мировоззрение, а также элементы ранних форм религии (астральные представления, магические действия). Влияние христианской религии отразилось в ритуалах погребения, представлениях о загробном мире и т.д.

Грузины верили в существование души, которая после смерти человека продолжает жить в потустороннем мире, и в то, что души умерших принимают активное участие в жизни своих живых родственников; душа представлялась в виде двойника живого человека. Эти верования особенно хорошо сохранились в горной части Грузии (Гушети, Пшави-Хевсурети, Мтиулети-Гудамакари, Хеви, Сванети), в Самегрело и Рача.

По представлениям горцев Восточной Грузии, умирающему из потустороннего мира являлись умершие родственники – *мгебреби*, чтобы забрать его с собой и предоставить ему место в *андаби* (в Хевсурети – объединение мертвых родственников в загробном мире). Для них ставили *мгебрт табла/мгебрис супра* (маленький столик с угощением) (*Балиаури, Макалатия, 1940. С. 11; Цоцанидзе, 1987. С. 102*). На смерть соседа указывало не только сжигание его постели – *салогине* (Хевсурети), но и громкий плач женщин и выражаемая вслух скорбь мужчин. Женщины исцарапывали себе щеки и грудь до крови, рвали на себе волосы (*Сахокия, 1940. С. 168*), спешившие на соболезнование родственницы и соседки по дороге распускали волосы и входили во двор с воплями (*Цуладзе, 1971. С. 135; Каджая Н.Ю., 1985. С. 182*).

Как только умирал человек, звали *омывальщиков*: для мужчин – мужчину, для женщин – женщину. Омывальщиками были соседи, пожилые люди. В их обязанность входило как омовение, так и обряжение покойника. Использованную воду выливали в таком месте, где не ступала нога человека (*Гиоргадзе, 1987*), ею поливали молодые деревья и цветы (*Сахокия, 1940. С. 168*), поскольку, как считалось, такая вода должна была способствовать их росту.

Согласно древнейшим верованиям, умерший в загробном мире нуждался в одежде. По всей Грузии предназначенное покойнику одеяние было предметом особой заботы ближайших родственников. В большинстве случаев такой одеждой запасался еще при жизни сам человек (в пожилом возрасте), надевая ее хотя бы один раз (*Безарашвили, 1974. С. 75*). Замужние женщины для такого случая часто хранили подвенечные платья (*Хоситашвили, 1983. С. 77*). В быту хевсур засвидетельствован обычай захоронения умершего в трех разноцветных рубахах, надеваемых в определенной последовательности: белая, красная, черная или синяя. Такое чередование цветов имело магическо-апотроейное значение.

Обозначающие одеяние покойника термины, которые и по сей день фиксируются в разных регионах Грузии, следующие: *самархи талавери* (погребальная одежда), *судари/судар* (саван), *сасудре тансацмели* (саванная одежда), *самквдро часацмели* (одежда покойника), *сашишло* и *сашишо* (наводящий страх).

⁶ © Д. Гиоргадзе

Сулис იქენი – конь души
Хевсурети
© Фото Т. Цагарейшвили, 2002 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Ритуальное покрывало для коня души
Тушети, Хевсурети, начало XX в.
Фото Г. Гулелаури, 2006 г.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Со дня кончины около усопшего бодрствовали соседи – молодые мужчины. У ложа покойника преклонного возраста считалось допустимым шутить, вспоминать забавные истории (*Балиаури, Макалатия, 1940. С. 9; Сахокия, 1940. С. 169*).

Представление о душе как двойнике живого человека проявляется в обычаях класть у изголовья покойника принадлежащие ему вещи, сосуды с зерном и водой, еду на дорогу – *сагзали*, ставить свечи – чтобы осветить ему дорогу, поскольку считалось, что душе в загробном мире необходимы и пища, и одежда, все то, что необходимо человеку на этом свете. Ярким подтверждением этого является обряд *посвящения коня* умершему, бытующий в горной Восточной Грузии (Тушети, Пшави, Хевсурети) и по сей день. Такой конь назывался *сулис цхени* (конь души). В день похорон к руке усопшего привязывали коня, *сулис хуцеси* (служитель культа мертвых) ударял по нему плетью и произносил соответствующие слова, символизирующие умерщвление коня с целью его служения хозяину-покойнику в потустороннем мире.

Хоронили покойника в определенные дни недели: во вторник, четверг, субботу и воскресенье. Остальные дни недели и народ считал постными днями, и по церковному календарю были учреждены ограничения; в эти дни никого не хоронят и сегодня. Похороны обязательно происходили до захода солнца, что отражается в представлении, согласно которому душа умершего следует в загробный мир за заходящим солнцем. В этом обряде сохранились

З. Церетели. Поминки

По мотивам зарисовок
в этнографической экспедиции
в Восточной Грузии.
1962–1963 гг.

© РАХ. Архив З. Церетели

Лемзири – ритуальные лепешки с сыром
Сванети, с. Местия

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

пережитки астральной ступени развития древнегрузинской религии. При выносе покойника непременно будили спящих детей, которые, по народным представлениям, отождествлялись с умершими. Выполняя этот обряд, стремились избежать возможных вредных последствий.

В Хевсурети засвидетельствован особый обряд захоронения женщин, скончавшихся во время родов. Роженицу считали «нечистой», и ее нельзя было хоронить на общем кладбище; поэтому сначала ее хоронили на прилегающей к месту родов территории – *босели*, а спустя год останки перезахоранивали неподалеку от общего кладбища. Фактически этот обряд является одним из подтверждений древнего ритуала вторичного захоронения, засвидетельствованного археологическими данными во многих районах Грузии.

Погибших во время несчастных случаев (упавшего со скалы, попавшего под лавину и т.д.), самоубийц хоронили на кладбище с соблюдением всех правил. По распространенному мнению, такую смерть вызывали «злые духи», что нашло отражение в обряде «высвобождения души», который хорошо сохранился в горной Восточной Грузии и Сванети. Решающую роль в обряде «высвобождения души» играли общинные божества: Копала, Каратис джвари (Хевсурети, Тушети) и Иахсарис джвари (Пшави), которые, по народным верованиям, успешно боролись против злых духов. Высвобождение душ осуществлялось с помощью сакрального предмета этих божеств – знамени, которое считалось не только символом божества, но и его воплощением (*Бардавелидзе*, 1953. С. 185; *Гиоргадзе*, 1987. С. 20–21). В Сванети было принято к месту, где произошел несчастный случай, приносить струнный музыкальный инструмент – *чанги* (лиру) и живого петуха. Если при возвращении струны чанги звучали слаженно, это означало, что душа была высвобождена и следовала за ними, а крик петуха подтверждал это. Обряд назывался *квини литхе*

Трапеза и конные состязания в честь годовщины покойника
Хевсурети
Макалатия, 1935

(Шилакадзе, 2007. С. 33). В некоторых уголках Грузии для «высвобождения души» закалывали козу и оставляли на месте гибели человека, тем самым принося злым духам жертву взамен человеческой души.

Согласно верованиям горцев Восточной Грузии, покойник считался «нечистым». Этим было обусловлено существование социальной группы служителей культа мертвых. В Тушети, Пшави и Хевсурети в обязанность этих лиц – *нареви/миреули* входило омовение и обряжение усопшего, бодрствование около него, погребение. *Нареви* оставались в семье покойного в течение шести дней и каждый день, до возвращения домой, совершали обряд очищения (Гиоргадзе, 1987. С. 22). В знак уважения они получали шерсть, стриженную с одной овцы, вязаные носки (Тушети). В Хевсурети семья умершего проявляла к ним уважение путем обязательного участия коня *нареви* в скачках, устраиваемых в память усопшего.

Ввиду того, что служителям святилищ запрещалось участие в погребальных обрядах, существовало специальное лицо – *сулис хуцеси*, в обязанность которого входили посвящение коня умершему, произнесение поминальной речи, заклинание жертвенных животных во время поминок и поминальных дней. Обязанности *сулис хуцеси* выполняли мужчины преклонных лет, хорошо знающие соответствующие священные служебные тексты, которые были представлены в трех видах: *сахелсадеби* (наречение имени), *тирискари* (вступление) и *куртхевани* (благословение). Эти тексты проникнуты христианскими молитвами, хотя в них сохранились следы и языческих религиозных верований.

Среди служителей культа мертвых в Хевсурети и Тушети особое место занимает *месулете/султана* – прорицательница душ умерших – женщина,

Оплакивание

Тушети, с. Омало, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 05231-7875
©საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

«имеющая связь с душами» покойников, посредница между живыми и мертвыми. Вера в активное участие души в жизни живых людей была настолько сильна, что считалось необходимым угадывать и исполнять все ее «желания» с тем, чтобы завоевать ее расположение. По народным представлениям, к содействию души покойного родственника прибегали только при помощи подобных прорицательниц.

Во всех регионах Грузии для поминания усопших устраивали ритуальные трапезы – *ригеби/харджеби*. В течение года справлялись следующие поминки:

тавзе риги/цремлобис дге (Хевсурети)/*келехи* (Картли, Кахети)/*мквдрис пури* (Самцхе-Джавахети)/*чирис дге* (Гурия, Рача, Имерети) – в день похорон; *швиди* – поминки на 7-й день после смерти; *супра* – на 9-й день; *пятнадцать* (Хеви) – на 15-й день; *ормоци/сантелсацвао* (Пшави)/*сантелдге* (Хевсурети) – поминки на 40-й день и *сакнари* (Хевсурети)/*цлис алуди* (Тушети)/*цлистави/цлис риги* (Картли, Кахети)/*цлис пури* (Самцхе-Джавахети) – в годовщину смерти. Из перечисленных поминок самыми многочисленными были трапезы в день похорон и в годовщину смерти. Если дни поминок совпадали с периодом поста, то готовили только постные блюда, однако по истечении срока поста в обязательном порядке закалывали овцу для души умершего.

Семья готовилась к таким датам заранее: припасали вино, водку, дрова. В день поминок пекли ритуальные лепешки *хмиади*, а также «хлеб умершего» – *лаваши* и *шоти*; варили кутью, закалывали скот. Меню поминальных трапез отражало своеобразный рацион питания по регионам страны. В организации поминальных трапез наблюдался определенный этический порядок: мужчины и женщины за стол садились порознь, обслуживали трапезу специально выделенные лица. Вел застолье близкий семье человек. Число произносимых тостов не превышало сакральной цифры – 7. Пили в меру, опьянение считалось постыдным. В отличие от Восточной Грузии, в Западной стол был накрыт в течение всего дня и даже до выноса покойника угощали соблазнительных (*Гиоргадзе*, 1987. С. 55; *Гоциридзе Г.*, 2007. С. 322). Оставшуюся по окончании трапезы еду раздавали соседям, престарелым и больным.

В годовщину смерти устраивались конные состязания – *доги/цхенни* (Хевсурети)/*садгини* (Тушети), в которых принимал участие и «конь души».

По народным представлениям, во время поминок душа умершего возвращалась домой и угощалась приготовленными яствами, а после поминок, уходя в загробный мир, забирала с собой двойников посвященных ей жертвенных объектов, которые становились ее собственностью. Ярким свидетельством этого верования является сохранившийся до последнего времени обряд *тав-дамархва* (Хевсурети, Пшави, Тушети, Сванети): одинокие пожилые люди, у которых не было наследников, еще при жизни выполняли все обряды, связанные с поминками.

Во всех регионах Грузии существовали специальные поминальные дни, когда не только семья недавно умершего, но и давно пережившие утрату близких накрывали *табла* (стол), закалывали скот и т.п. Такими днями считались *липанали* (Сванети), *цкалкуртхева*, *султакрепа* (Хевсурети, Пшави, Тушети), «сенокосный вторник» (Хевсурети), *халарджоба* (Хеви, Хевсурети, Пшави, Мтиулет, Имерети). Особо следует выделить *липанали* и *султакрепа*: в эти дни, по народным верованиям, все покойники посещают свои дома. Поэтому домочадцы специально готовились к этому дню: угощали, развлекали, молили души обеспечить изобилие урожая, размножение скота, благосостояние семьи.

Значительное место в культе мертвых занимает обряд оплакивания – одна из древнейших форм проявления траура. Термины, обозначающие разные виды плача, зафиксированные в древнегрузинских письменных источниках, сохранились до сегодняшнего дня: *моткма*, *хмит тирили*, *зари*, *квитини*, *гврини*. По всей Грузии были распространены следующие виды оплакивания: плач в голос и с рыданием (беззвучный), индивидуальный и хоровой. Беззвучный плач везде обозначался термином «квитини». В Хевсурети по сей день существует три вида громкого плача: *датвлит* – с причитанием, *дахилит* – с призывом и *хмит* – в голос. Правом оплакивать тем или иным видом громкого плача в Хевсурети обладали не все. Плач *датвлит* применялся только до погребения и так оплакивали умершего родители и пришедшие для соболезнования мужчины. К «плачу с призывом» прибегали только близкие родственники и соседки, а к «плачу» «в голос» все – мужчины и женщины, родственники и посторонние. Особый интерес представляет существование плакальщиц, известных под названием *хмит матирали* (Хевсурети, Пшави, Тушети), *матваларефи* (Самегрело), которые специально приглашались на похороны и поминки. Оплакивание усопшего плакальщицами – древнейший обычай, о чем свидетельствуют исторические источники (*Багратиони Вахушти*, 1973. С. 24). В роли *хмит матирали* обычно выступали женщины, свободно владеющие речью и не лишенные поэтического дара. Во время плача они сочиняли стихи, посвященные покойному. Тексты плача известны под названием *хмит натурали*. Достоен внимания тот факт, что во время сенокоса наряду с сенокосными песнями исполнялись и *хмит натурали*, что в Хевсурети называли *гврини*, а в Раче – *гугуни*, *коркали* (*Очиаури*, 1960. С. 28; *Гиоргадзе*, 2004. С. 51). Поминание усопших во время сенокоса, их восхваление и выражение скорби в связи с их утратой имели целью заручиться расположением душ усопших, чтобы они способствовали обилию сена и, в конечном счете, надоя.

По этнографическим данным, в некоторых регионах Грузии было распространено хоровое оплакивание умершего. Один из видов хорового плача –

Подготовка к поминальной трапезе

Сванети, с. Местия

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Разделывание жертвенного скота

Сванети, с. Местия

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

зари бытовал в Картли, Кахети, Имерети, Раче, Гурии, Самегрело. Особое впечатление производил *зари* сванов, исполнявшийся мужским хором. Своеобразной формой хорового плача является *далай*, исполнявшийся в годовщину смерти мужчины (Тушети). Исполняли *далай* пять всадников: один, сидя на «коне души», произносил текст плача, а остальные ему подпевали. *Далай* сопровождался громким плачем плакальщицы. Этот плач представлял собой текст в стихотворной форме, где менялись лишь фамилия и имя умершего. Оригинальная форма хорового оплакивания, известная под названием *дада*, или *адаи-дадаи*, встречается в быту мохевцев. Это беззвучный плач, исполняемый в день похорон: группа женщин, встав в ряд, медленно передвигаясь, входила в помещение усопшего, и когда идущая впереди произносила *ада*, остальные «подпевали» и били себя руками по голове и коленям (Гиоргадзе, 1987. С. 46).

Траур – это внешняя форма выражения скорби по умершему. Скорбь членов семьи, родственников или односельчан была более или менее глубокой в зависимости от степени родства, возраста или пола усопшего. Траур носили от одного года до трех, некоторые же – всю жизнь. В Грузии обрядовое проявление траура издревле выражалось в разных формах – мужчины и женщины носили траурную одежду, мужчины отпускали бороды и волосы, соблюдали разнообразные запреты. Траурная одежда отличалась от повседневной в основном цветом. Траурные цвета: черный, серый (Тушети), черно-коричневый, темно-красный (такого цвета косынку носили скорбящие женщины в

Поминальная трапеза

Сванети, с. Мestia

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Сулис ცკარო – родник души
 Хевсурети
 © Фото Т. Цагарейшвили, 2002 г.
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Склеп
 Тушети, с. Дартло, XVII в.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Сванети) и местами белый (*Джавахишвили И.*, 1962. С. 77; *Безрашвили Ц.*, 1974. С. 125–126). Траурная одежда обозначалась терминами *шави* (черный), *талхи* (темный), *дзадза* (траур), *пласи* (грубая одежда, Кизики), *уча* (черный, Самегрело), *джигари* (Тушети, Имерети). Мужчины в знак траура носили одежду наизнанку, ходили с непокрытой головой, без пояса (*Гиоргадзе*, 1987. С. 75; *Брегадзе Н.*, 1989. С. 95).

Траурный период начинался со дня кончины человека и сопровождался ограничениями: семья покойного в течение определенного времени не употребляла в пищу мясо; члены семьи лишались всяких развлечений; лицам, носящим траур, запрещалось входить в святилище, заходить в виноградник, ходить на охоту. Семье и односельчанам покойного также запрещалось в течение определенного времени производить какие-либо виды сельскохозяйственных работ (*Гиоргадзе*, 1987. С. 77–78).

Каждое село в большинстве регионов Грузии имело свое кладбище. Оно было расположено во дворе церкви или же поблизости от святилища (*хати/джвари*). Кладбища обычно делились на участки, где хоронили членов одной фамилии (*гвари*). Однако в некоторых регионах внутри родовых участков захоронения были дифференцированы и по родственным группам (*мамани*) (Хевсурети). В Хеви в основном существовали фамильные кладбища; часто семья имела собственное кладбище на окраине села у пашни или сенокосных мест.

В основу деления кладбищ по родовому принципу лежат древнейшие верования, согласно которым в загробном мире души усопших объединены в такие же родственные и социальные группы, какие существовали на этом свете. Поэтому, где бы ни умер человек, его старались похоронить на родовом кладбище. Если не удавалось найти покойника (утонувшего в реке, попавшего в лавину, упавшего со скалы, убитого на войне), отмеряли место на кладбище и хоронили одежду покойника или виноградную лозу (*Бардавелидзе*, 1953. С. 54, *Гиоргадзе*, 2005. С. 81).

В Грузии издревле известны два вида погребений: наземные и подземные. Подземное погребение называлось *самархи/самаре/саплави*. Могилу по обычаю копали соседи (5–7 человек) с утра в день похорон. По историческим данным, в Колхиде было распространено «воздушное погребение» (погребение на дереве). Сведения о таком обычае хранят как исторические источники и записи путешественников, так и обычаи, бытовавшие в некоторых уголках Грузии до XX в. (*Ниорадзе*, 1940. С. 57).

Наземные погребения (склепы) зафиксированы в разных районах Грузии (Картли, Кахети, Хевсурети, Тушети, Мтиулети, Хеви и Сванети). В горной Восточной Грузии встречаются подземные, полуподземные и наземные склепы (Ардоти, Муцо, Анатори – в Хевсурети; Царо, Дартло, Алисгори – в Тушети). Древность традиции погребения в склепах подтверждается археологическими материалами (*Ломтатидзе, Цицишвили*, 1951. С. 64, *Апакидзе*, 1963. С. 106–140).

Надгробные памятники были представлены преимущественно в виде каменных глыб, тесаных надгробных камней, зооморфных изваяний и небольших башен. Тесаные камни с эпитафией указывали на ремесло усопшего. Зооморфные изваяния встречались в основном в равнинных регионах Грузии (*Надирадзе Э.*, 2001. С. 125), в Тушети и Пшав-Хевсурети – маленькие «глу-

хие башни сухой кладки» и плиты, вделанные в головы и в ногах могилы. Подобные башни в Пшави именовались «могильными гробами» (*Гиоргадзе*, 1987. С. 82).

Согласно народному мировоззрению и христианской идеологии, потусторонняя жизнь вечна, а земная – преходяща. Эти две жизни находятся в постоянной взаимосвязи, которую люди осуществляют в этом мире. Эта общая для язычества и христианства позиция обусловила слияние тех дохристианских и христианских элементов, которые встречаются в погребальных и траурных обрядах грузин.

МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА⁷

Изучение археологических и этнографических материалов подтверждает особое, благоговейное отношение грузинского народа к могилам, что выражается в сооружении разных типов как подземных, так и наземных погребальных сооружений и памятников. Этнографический быт позволяет выявить множество объектов материальной культуры разного вида, назначения и характера, на основе сопоставления и анализа которых становится возможным максимально достоверное воссоздание и описание хронологии, типологии и символики тех или иных мемориальных ансамблей.

Из выявленных на территории Грузии надгробий на сегодняшний день древнейшим признана стела, найденная археологами в устье р. Беслети (V в. до н.э.). Украшенная рельефными изображениями человеческих фигур, стела обнаруживает близкое сходство с аналогичными образцами греко-римского мира. Этот уникальный памятник мемориальной культуры принадлежит представителю высокого социального круга Колхиды, что подтверждается художественно-стилистическим анализом надгробия (*Лордкипанидзе О.*, 1966. С. 104).

Среди древних мемориалов важнейшее место занимают намогильные камни, обнаруженные археологами в древней столице Иберии Мцхета, сохранившиеся благодаря тому, что позднее их использовали в качестве строительного материала для подземных погребений. Из этих памятников особого внимания заслуживают погребальные стелы молодой женщины по имени Серафита, представительницы высокого социального сословия, и мцхетского *мхатвартухуцеси* (старшего художника и зодчего) Аврелия Ахалиса. Выполненные на этих стелах эпитафии содержат значительнейшие сведения о социально-политической жизни и государственном чиновничьем аппарате Иберийского царства. Эти мемориальные образцы рельефно передают культурно-религиозные симбиозные процессы, имевшие место среди населения древней Мцхета (*Анакидзе и др.*, 1955).

Синхронными памятниками (V–VII вв.) являются стелы, украшенные «болнисским медальоном», классические образцы которых встречаются в Квемо Картли. Большая часть этих памятников использовалась как в качестве святилищ, так и в качестве надгробий. Детальное изучение этих мемориалов делает бесспорным тот факт, что в Картли V–VII вв. самым популярным типом надгробий являлись стелы с крестами – непосредственное продолжение аналогичных стел, обнаруженных в Мцхета, но с той разницей, что квемо-

⁷ © Э. Надирадзе

картлийские образцы явственно отражают тенденции усиления влияния христианства, процесс трансформации языческой традиции под влиянием новой религиозной идеологии (Мухелишвили Л., 1938б. С. 338; 1941. С. 15).

Стелообразные надгробия сохранились в грузинском этнографическом быту вплоть до недавнего времени. На протяжении длительного периода истории менялся их стиль, что было обусловлено как уровнем развития каменного зодчества, так и степенью активности христианского влияния. Такое положение вещей хорошо отражает могильная стела X в. из с. Кайшаури (Мтиулети). По сравнению со стелами такого типа, распространенными в Квемо Картли, кайшаурский памятник выглядит невзрачно, что, по всей видимости, обусловлено не столь интенсивным характером распространения христианства в тогдашней горной Грузии. Упомянутое надгробие может служить наглядной иллюстрацией протекавших в некоторых горных районах Грузии процессов, полных столкновений различных верований и представлений.

В отличие от горных районов, тенденцию развитого христианства отражает надгробие из с. Чареби (Шида Картли), датированное X в., стиль и содержание эпитафии на котором полностью соответствуют традициям Грузии среднефеодальной эпохи, диктуемым чином христианского погребения умерших. Среди памятников мемориальной культуры Грузии значительное место занимают намогильные камни, обнаруженные в результате археологических изысканий в старом Рустави, датируемые X–XI вв. (Ломтатидзе, 1955б. С. 191).

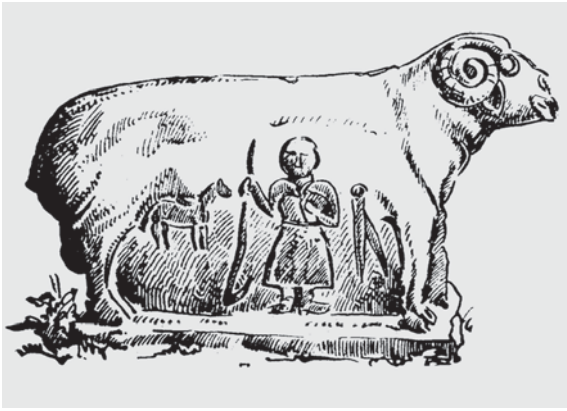

Надгробный камень

Картли, XII в.

© НМГ. ЭФ 1943-32

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

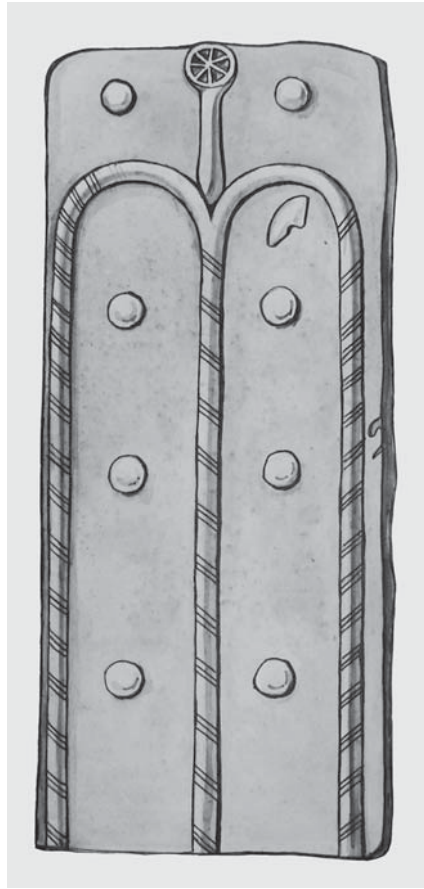
Надмогильный памятник

Картли

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930-е годы

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Надгробный камень в виде стелы

Квемо Картли, VI–VII вв.

© НМГ. ЭФ 1949-31

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Отношение широких слоев населения к церемонии погребения и оформлению надгробий наглядно зафиксировано в материалах сел Квемо Картли Адзикви и Бза, сохранившихся до наших дней почти в первоизданном виде. Это своеобразный музей-заповедник мемориалов, к изучению которых большой интерес проявляли как грузинские, так и зарубежные исследователи и путешественники. На сегодняшний день эти памятники датированы X–XII вв. (*Шмерлинг, 1969. С. 109*).

Весьма примечательные мемориалы, собранные в разных краях Грузии, хранятся в Государственном музее Грузии им. С. Джанашиа и Музее искусств им. Ш. Амиранашвили. Эти памятники разных типов, украшенные разными сюжетными мотивами, отчетливо передают религиозный дух населения и высокий уровень традиционного каменного зодчества средневековой Грузии (*Читая, 1927. С. 110*).

Значительнейшее место в мемориальной культуре занимают зооморфные надгробия – каменные изваяния баранов и лошадей. Памятникам этого типа, распространенным в Южной Грузии, присущи черты традиционного грузинского искусства и ремесла. В них отражены многие моменты христианского мировоззрения (например, такие бесспорно аргументированные атрибуты христианской символики, как крест, гроздь виноградной лозы, цитаты из псалмов, грузинские

Надгробный памятник
Картли, с. Самшвилде, XIX в.
© ФЗЭНГ
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

надписи), благодаря которым можно безошибочно отличить их от аналогичных образцов мемориальной культуры других стран. Анализ этих материалов позволяет нам предположить периодом их утверждения в Грузии рубеж XII–XIII вв. (Надирадзе Э., 1996).

Почетное место в хронологии мемориальных материалов занимает раскопанный в с. Вардзагара (Квемо Картли) каменный крест, датированный концом XIII в. и представляющий собой классический экземпляр широко распространенных в этом регионе подобных памятников. Использование крестов в качестве надгробий – сопутствующее явление грузинской мемориальной культуры, причем настолько повсеместное, что на подобных образцах разных периодов мы не будем останавливаться лишней раз (Бердзенишвили Д., 2005).

Из памятников позднего Средневековья особого внимания заслуживают высокие узкие каменные глыбы, на которых изображены разные бытовые сюжеты. В основном это сцены прижизненного бытия усопшего: охота, состояние боевой готовности, пир и, наконец, смерть, на которую указывает одиноко стоящий оседланный конь. Памятники этой категории, как правило, отражают общую тенденцию, существовавшую в мемориальной культуре Грузии в определенную эпоху.

В раннем Средневековье в Грузии широко распространились коллективные погребения. Появляются семейно-родовые усыпальницы. Такой обычаем захоронения преимущественно был характерен для представителей духовенства и высших аристократических кругов, что выразилось в увеличении числа коллективных погребений типа склепов, саркофагов, часовен. В более поздний период, когда вследствие политического лихолетья ослабевали экономические возможности населения и представители знати оказывались уже не в состоянии возводить отдельные погребальные сооружения, тогда они стали устраивать могилы внутри родовых (фамильных) церквей. Для «опознаваемости» могил – для высечения эпитафии или элементарной фиксации имени усопшего – требовались камни-надгробия. Данное обстоятельство в основном и обусловило приумножение числа мемориалов в церквях в XVII–XIX вв. Это довольно обширный материал, позволяющий судить о положении феодального класса в указанную эпоху.

Возведение мемориальных сооружений в Грузии особое значение приобрело в конце XVIII – начале XIX в. Этот период характеризуется изменениями общеполитической ситуации в стране, развитием капитализма, вливанием европейского и русского культурного потока в грузинскую культуру, что само

по себе было прогрессивным явлением, отразившимся, наряду с прочим, и на содержании и стиле надгробных памятников. Но нередко новаторские идеи оказывались благодатной почвой для механического подражания, наглядно проявившегося в дальнейшем развитии мемориальной культуры. Многообразие памятников мемориальной культуры позволяет нам выделить следующие их основные типы:

Стелы и стелообразные памятники

В этой категории памятников мы объединяем все виды плоских стел и стелы, которые со временем хотя и видоизменились, но не сильно отделились от предшествующих форм. Стелы и стелообразные памятники распространены почти во всей Грузии. Обзор археологического и исторического материала свидетельствует о том, что такой тип надгробных сооружений был характерен для дохристианской культуры. С внедрением и укоренением христианства памятники этого типа несколько изменили форму и характер с учетом повсеместного и разностороннего влияния религии.

Каменные плиты

В классификации надгробных памятников особое место занимают каменные плиты, в разных вариациях встречающиеся всюду, где существовали благоприятные условия для каменного зодчества. В высечении надгробных плит отразились все возможности и достижения грузинского каменного зодчества, религиозные взгляды народа, узловые моменты бытовых отношений, уровень эстетического вкуса той части общества, для которой эти надгробия предназначались. По внешней форме каменные плиты подразделяются на несколько подтипов: камни в форме гроба, плитовые камни (плиты), сундукообразные, колыбелеобразные, дугообразные намогильные камни и др. Широко распространены плиты с горельефами, на которых

Надгробный камень
Самцхе-Джавахеги, с. Вале, начало XX в.
© Фото Л. Меликишвили, 2010 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

высечена фигура умершего в полный рост, с характерными для конкретной эпохи элементами одежды. Наибольший интерес представляют надгробные глыбы, повторяющие модель базиликовой церкви, но в уменьшенном масштабе. Им присущи ложноарочные двери, акцентирование перекрытия наряду с самим зданием, своды, оконные проемы и т.д.

Каменные кресты

С утверждением христианства многочисленные интерпретации каменных крестов стали одними из значительных образцов надгробных памятников, не утративших своей функции до наших дней (Азизян, 1985. С. 48). На практику применения каменных крестов в качестве надгробий указывают найденные на могильниках постаменты-гнезда со вставленными в них крестами, подобные памятникам, распространенным в Причерноморье и в Армении, совершенные образцы которых появляются уже в V–VI вв. (Якобсон, 1950. С. 34). Традиция использования каменных крестов как надгробий из Грузии проникла на Северный Кавказ и заняла особое место в мемориальной культуре этого региона домусульманского периода. Наряду с большой символической нагрузкой использование каменных крестов в качестве надгробных памятников было обусловлено их доступностью для широких слоев населения.

Мартирии (божницы)

Под термином *мартирий/мартириум* подразумеваются все памятники типа обелиска, характерным признаком которых является вертикальное («стоячее») положение. Из многочисленных образцов *мартириев* можно выделить две подгруппы: 1) с плоским перекрытием и 2) типа звонницы. *Мартирий* с плоским перекрытием – это строгий памятник с глухими стенами, имеющий обычно форму обелиска; *мартирий* второго типа повторяет форму звонницы с присущими ей перекрытием, нишами и колоннадами. В высечении *мартирия* проявляется высочайший уровень мастерства грузинских ремесленников-каменщиков, поскольку они безупречно справляются с серьезными техническими трудностями: им удается «смягчить» очертания арок, довести до совершенства ротондообразный купол, четырехугольные колонны, круглые гнезда в постаменте для крестов и кресты разной формы, гармонично завершающие архитектурный облик сооружения. *Мартирии* – довольно оригинальные памятники мемориальной культуры.

Памятники типа здания и церкви

В эту группу объединены мемориальные сооружения, представляющие собой модели жилых домов и церквей. Примечательно, что традиция возведения подобных миниатюрных культовых сооружений в качестве надгробий подчиняется общему порядку, существовавшему в христианском мире – начиная с центральных округов Византии и кончая Закавказьем и Ближним Востоком. Подобный обычай фиксируется и в нынешней реальности, в практике устройства современных кладбищ, где можно увидеть надгробные здания-дома, возведенные из разных строительных материалов.

Хотя данная отрасль народного искусства не отличается высокой художественностью, тем не менее не фиксировать этот тип надгробных памятников нельзя, поскольку это – одно из значительных направлений мемориальной культуры. Нередко то или иное изваяние довольно точно передает внешний облик покойника, его одежду, боевое снаряжение, хозяйственные орудия – словом, всю атрибутику, связанную с посюсторонней жизнью усопшего и присущую конкретной эпохе.

При изучении надгробных памятников большое значение придается изображенным на них сюжетам и мотивам растительного, геометрического или бытового характера. Кроме того, учитывается внешняя форма каждого памятника, имеющая определенное символическое содержание. Прежде всего обращают на себя внимание мемориалы типа зданий, из множества вариаций которых следует отметить памятники, напоминающие по форме жилые помещения с колоннадами, арками, перекрытием и прочими деталями, характерными для жилых домов. Нередко фиксируются мемориалы, увенчанные ротондообразным или шатровым перекрытием, опирающимся на высокие колонны. Почти во всей Грузии распространены также высеченные из цельного камня *модели церквей* – как типа базилики, так и крестово-купольные. В книгах Ветхого и Нового Завета церковь осмысливается как микрокосмос мира Божьего. На храм возлагается миссия помочь душе человека и избавить его от страданий. Храм представляет собой архетип небесного мира, памятники такого типа были предназначены облегчить душам умерших переселение в царство Божие (*Шампо Жерар*, 1993. С. 67).

Крест как древнейший сакральный знак представлен на надгробиях в тысячах вариантов. Встречаются как кресты, высеченные из цельного камня, так и антропоморфные кресты. Изучение этих материалов убеждает нас в неразрывности их связи с тем общехристианским мировоззрением, которое заложено в символике креста. Надгробные кресты являются выражением идеи, узаконенной книгами Нового Завета и традиционными народными обычаями.

Один из наиболее распространенных символов на надгробных памятниках – изображение птицы. Как известно, вся жизнь христианина – это неустанная подготовка к загробной жизни, а чистота души – первейшее условие приобщения к этой жизни. В древнейших представлениях грузин душа есть суть, переселяющаяся в царствие небесное в образе птицы или с ее помощью. На надгробных камнях птицы представлены в разных позах: то устремленными ввысь, в небо, то летящими вниз, на землю, то сидящими на голове человека. Иногда между двумя птицами бывают изображены эмблема солнца, крест, купель и плод, символизирующие, по всей вероятности, таинства крещения и причащения. Сопоставление этнографического материала и христианской символики наглядно свидетельствует о том, что в высеченных на надгробиях изображениях птиц подразумеваются души усопших, переселяющиеся в царствие небесное (*Уваров*, 1908. С. 192).

В мемориальной культуре значительное место занимает солярная символика. Как известно, увязывание души умершего с солнцем – весьма распространенное в мировом масштабе явление. Солнце олицетворяет собой силу, посредством которой душа покойника переходит в потусторонний мир.

Надгробный камень
 Картли, XIX в.
 Рис. З. Церетели, 1960-е годы
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

В грузинской этнографической действительности это представление подтверждают надгробия, на которых высечены колеса (те же солнца), призванные, согласно народному поверью, помочь душе усопшего переселиться в загробный мир. В графических и рельефных изображениях солнца, в солярной символике можно увидеть воплощение догмата о Троице (три солнца в одной ипостаси), блистательный образ рая, приобщение усопшего к Богу, одним из эпитетов которого является Солнце; наконец, солнце предстает очистителем души покойника и защитником надгробия. Кроме солнца, на надгробных камнях часто представлены и другие небесные светила, расположенные вокруг изображенной на камне фигуры умершего и символизирующие его приобщение к царствию небесному.

Орнаментальный декор надгробных памятников преимущественно опирается на мотивы растительного мира, поскольку пребывание в лоне природы символизирует образ райских кущ. Обширный материал для иллюстрирования растительных мотивов предоставляет нам церковная литература. Многочисленные символические синонимы Пресвятой Богородицы и Иисуса Христа (роза, лилия, кедр, пальма, цветущая ветвь, цветок и т.д.) позволяли зодчим и заказчикам надгробий беспрепятственно воплощать библейские сюжеты на могильных памятниках.

Виноградная лоза и гроздь – также популярные символы, встречающиеся на надгробиях. В Ветхом Завете сам Господь предстает виноградарем, а народ Израиля – виноградником. Этот мотив углубил Иисус Христос в следующем положении: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой – виноградарь» (Иоанн, 15, 1). В евхаристии вино играло огромную роль, оно ассоциируется с кровью Христа. Обвитое виноградной лозой тело усопшего, изображенное на надгробиях, символизирует идею загробной жизни. Этот сюжет, вероятно, олицетворяет связь умершего с Богом и райским обиталищем.

В Западной Грузии на надгробных памятниках очень распространено барельефное изображение агнца. Хотя культ барана в Грузии существовал с древнейших пор, высечение этого животного на надгробиях следует рассматривать с точки зрения христианской символики. По замечанию А. Уварова,

поза некоторых подготовленных для заклания жертвенных агнцев указывает на то, что они символизируют собой Иисуса Христа, принявшего на себя все человеческие грехи и заплатившего за них распятием на Кресте, а агнцы, представленные в обычной позе, олицетворяют христианина – одного из представителей паствы, ведомой Пастырем (*Уваров, 1908. С. 185*).

На надгробиях часто фиксируются изображения рыб – и одиночные, и парные. В христианской символике один из греческих синонимов рыбы – Ихтис – расшифровывается как «Иисус Христос – сын Божий, избавитель». Поэтому изображенную на могильных памятниках одиночную рыбу следует воспринимать в указанном значении, а что касается парных рыб, то здесь следует подразумевать вообще благожелательного христианина, чаще – супружескую пару, что подтверждается и сведениями эпитафии.

На могильных памятниках в большом количестве представлены боевые и хозяйственные орудия. Их изображение, по-видимому, восходит к религиозным воззрениям дохристианской эпохи, когда вместе с покойником хоронили сопутствующий инвентарь – разного рода предметы, могущие пригодиться ему в загробной жизни. В формировании этого обычая большую роль играла также профессиональная деятельность усопшего. Согласно народным верованиям, лежащему на смертном одре человеку отход в иной мир облегчает укладывание ему на грудь какого-либо орудия его ремесла (*Макалатия, 1959. С. 15*).

Анализ высеченных на надгробиях боевых и хозяйственных орудий показывает, что их изображение было продиктовано как особенностями прижизненного быта усопшего, так и религиозными представлениями. В горной Грузии, Шида Картли, Джавахети и Имерети нередко встречаются намогильные камни, расписанными в красный и белый цвета. Археологическим материалом установлено, что сопровождение усопшего красными и белыми вещами было обусловлено определенными религиозными соображениями. В частности, одежда красного цвета, по народным представлениям, защищала покойника от несчастий и облегчала ему путь в потусторонний мир. В христианском искусстве красный цвет как напоминание о крови, пролитой святыми великомучениками за то, что не отреклись от своей веры, говорит о безграничной любви к Богу. Что касается белого цвета, он символизирует собой чистоту, свет и целомудрие. Белый цвет – это цвет обитателей загробного мира, утративших плоть. Данное обстоятельство объясняет символику красного и белого на надгробиях. Можно с уверенностью сказать, что эти цвета способствуют усопшему в путешествии в иной мир, в царство вечной жизни, света и благоденствия (*Пронн, 1963. С. 37*).

В оформлении мемориалов значительное место занимают надписи и эпитафии, содержащие сведения о социальных, политических, экономических и религиозных воззрениях той или иной эпохи. Это ценнейший материал, анализ которого проливает свет на многие важные вопросы истории и культуры народа.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОБЩИНА¹

Среди важнейших компонентов общественного быта грузин особое место занимает община. Анализ письменных источников и этнографического материала позволяет нам изучить территориальную, или соседскую общину, существование которой подтверждается в период феодализма и в XIX в.

Одним из особенно интересных с точки зрения общинных традиций регионов Грузии является Сванети. Объединение нескольких селений в Сванети называлось обществом, или *соплоба* – *абуасад*, а союз обществ – *хеоба*. В отличие от этих единиц, патронимическая организация не имела локального единства (*теми ламхуб*), но все члены, несмотря на разветвленную генеалогию, множественность поколений и расселение по разным селам, сохраняли близкие родственные отношения. Внутри патронимии браки запрещались. Выразителем единства *ламхуба* была молельня, праздники и общее кладбище, основой экономического единства – общинные сенокосы, пастбища и леса (*Нижарадзе*, 1962. С. 106, 115–17).

Союз общин представлял собой объединение, именуемое *эртobili Сванетис хеви* («единая община Сванети»), или *хеви бедниери* («община счастливая»). Ареал ее расселения имел свои границы, порой изменявшиеся. Фактически «эртobili Сванетис хеви», до установления в Балс Квемо Сванети господства знатного рода Дадешкелиани, объединяла Балс Земо и Балс Квемо Сванети (части Верхней Сванети, расположенные соответственно в верхней и нижней зонах хребта Бали). Местом созыва всесванского схода (собрания) в восточной части края (Балс Земо) была община Ушгули, в западной части (Балс Квемо) – Лалвери, а в центральной части – Ипари, поле «Свимони» (*Харадзе*, 1953. С. 165–167). Локальные *хеви* (общины), существовавшие внутри «эртobili Сванетис хеви», назывались в Балс Земо Сванети – *лакран*, в Балс Квемо Сванети – *сиквоб*, а в Квемо (Нижней) Сванети – *ласкар*.

О собрании «эртobili Сванетис хеви», которое обычно созывалось раз в три года, всем сванским общинам сообщалось посредством звуков *буки* (горна). На таких сходах обсуждались вопросы «единой Сванети», и в церкви Лагурка Кальской общины собравшиеся давали клятву об исполнении

¹ © В.Дж. Итонишвили

принятых решений. К числу рассматриваемых проблем преимущественно относились планы всей Сванети в отношении соседних местностей, при необходимости предусматривавшие и военные походы (*Харадзе*, 1953. С. 69, 170–172).

Верховной инстанцией общинного правления было общее собрание или сход *лузор/лухор*, в котором участвовали все мужчины старше 20 лет. Если на собрании в силу каких-либо причин от какой-либо семьи не мог присутствовать представитель мужского пола, тогда его заменяла женщина. Такими правами, наравне с мужчинами, в Сванети были наделены почтенные мудрые женщины, пользовавшиеся авторитетом среди общинников и сельчан.

Сход был правомочен изгнать из общины преступившего закон человека вместе с семьей, сжечь его дом, казнить изменника родины или вора, ограбившего церковь. Важнейшей задачей объединенного собрания общин являлось пресечение безнравственности и грабежей, усмирение кровных врагов – семей и фамилий – и налаживание отношений между ними, примирение кровников с взысканием *цори* (цены за «кровь»), организация разбойных набегов на Северный Кавказ, урегулирование межобщинных отношений, выкуп пленных сородичей на собранные всеми сельчанами средства, строгое соблюдение норм брака с учетом степени родства и т.д. (*Нишарадзе*, 1962. С. 85).

Ударную силу общины представлял собой вооруженный отряд – *свимра* («волчья стая»), состоявший из наиболее смелых и отчаянных ее членов, которые вмешивались в разбор дела в случае невыполнения решений общинного собрания. Эти отряды, имевшиеся в каждой общине, объединялись в *свимра* «эртобили Сванетис хеви», в функции которого входило искоренение правонарушений всех типов и контроль за выполнением решений общесванского собрания. Указанные отряды были наделены также правом насильственного сбора налога с соседей-данников. В случае нарушения внутриобщинных порядков (измена, прелюбодеяние, кража, драка, осквернение сенокоса или пашни, несоблюдение праздничных дней и т.д.) *свимра* принуждал правонарушителя заплатить штраф *хибар* в пользу общины и села (*Харадзе*, 1953. С. 189–198).

У каждой общины были свои *мебегре* – сборщики податей (от *бегара* – налог, подать, оброк), деятельностью которых руководили *квекнис ченилни* (избранные), представлявшие общины в общинном совете. *Мебегребоба* означало обложение налогом слабой общины со стороны сильной. В частности, известно было *гамаспиндзлеба* («принесение подношений») побежденными общинами сильной Мулахской общине. В отношении стороны, не выполнившей обязанности по уплате дани, применялись карательные меры, а в случае беспрекословного подчинения между обеими сторонами сохранялись «дружеские» отношения вплоть до того, что мулахцы даже готовы были оказать подчиненным общинам определенную помощь. В тех общинах, где господствовали феодальные отношения (например, в Лашхетской общине), обязательным считался оброк в пользу феодального дома Дадиани – *дадиана бегар* (*Харадзе*, 1953. С. 177–178).

В системе общинного управления первым лицом считался *махвиши* (старшина селения, общины) как председатель общинного или сельского собрания. *Махвиши* избирался по личностным качествам – учитывались его порядочность, честность, мужество, жизненный опыт, преданность обществу и

заслуги перед ним. Его избирало общество при участии всех совершеннолетних лиц мужского пола. Если *махвиши* удавалось заслужить доверие общины (селения), тогда он оставался на этой должности до глубокой старости. В судопроизводстве вместе с ним участвовали *морвары* – судьи-посредники (медиаторы), в одинаковой степени (по 2, 6 или, в крайнем случае, 12 человек) представлявшие тяжущие стороны (истца и ответчика) и защищавшие их интересы. Махвиши не получал никакого вознаграждения, но общинники или односельчане помогали ему, ввиду его занятости делами правосудия, в хозяйственной деятельности (*Нижарадзе*, 1962. С. 90–95).

В общинном управлении принимали участие *махвиши* отдельных общин (хеви). *Кора махвиши* – глава семьи, старший дома был полноправным представителем семьи на сходе всей Сванети или какой-либо ее общины.

Сванети имела собственное знамя с изображением льва – *лем* (по некоторым преданиям, там был изображен волк), который носил *меломе*, т.е. знаменосец. В Балс Земо Сванети имелась должность *мечурчле* – хранителя церковного имущества. Исполнители указанной обязанности пользовались большим уважением и занимали почетное место в совете единой Сванети (*Харадзе*, 1953. С. 172–174).

Среди регионов Грузии традиционностью бытовой культуры выделяется историческая область Пхови, которая примерно с XV в. разделилась на два края: Хевсурети и Пшави. Надо полагать, что до этого деления Пхови представляла собой похожую на Сванети единую территориальную общину с входившими в нее локальными *хеви*. Выделившиеся из Пхови Хевсурети и Пшави образовали две довольно крупные территориальные единицы, состоящие, в свою очередь, из сравнительно малых *хеви*.

Хевсурети делится на две части: на южных отрогах Главного Кавказского хребта находится Пиракети, или Буда Хевсурети, а на северных склонах хребта – Пирикити Хевсурети. Оба эти края включают несколько ущелий, которые сами по себе являются малыми территориальными общинами, входящими в единую Хевсурети.

Еще в 1880-х годах было высказано соображение о том, что Хевсурети представляла собой союз нескольких территориальных общин. У каждой из этих общин имелась общинная молельня, которую члены общины не забывали даже в случае переселения в другое место; в дни религиозных праздников они непременно отправлялись к прежнему святилищу со специальными подношениями, тем самым сохраняя свою неразрывную связь с ним. Даже переселившись в другие районы, хевсуры признавали свою исконную принадлежность святилищу предков. Что касается коренного населения, каждый из его представителей подчинялся установленным в общине законам и обычаям, в противном случае незаконопослушный член общины изгонялся из нее, что считалось тяжелейшим наказанием. Вследствие того, что организация общины во главе с правящим персоналом (старшиной *хуцеси* и подчиненными ему лицами) была связана с основным общинным святилищем, для хевсурской общины была характерна система теократического правления (*Эристов*, 1855. С. 19, 20, 23, 35).

Главным всехевсурским святилищем являлся *Гуданис джвари* (Гуданский крест), считавшийся покровителем самых многочисленных и сильных фамилий: Арабули, Чинчараули и Гогочури. *Хуцес-хевисбери* (старшины ущелий),

вышедшие из этих фамилий и владевшие знаменем Гуданис джвари, пытались распространить свою власть на всю территорию Хевсурети. С этой целью они собирали оброк с Шатильской и Архотской общин, а в случае сопротивления со стороны последних вышеупомянутые фамилии – как их называли, *Гуданис мегандзуреби*, или *Джварис кмеби* (хранители Гуданского креста, или подданные Креста) – устраивали походы против непокорных, насильно изымая предписанный им натуральный оброк (обычно в виде овец). Однако после поражения от объединенных сил других фамилий Гуданис джвари утратил свой приоритет. Совет хевсурской общины назывался *сапехно*, а его участники-мужчины – *пехони*.

Хевсурети как единая община в свою очередь делилась на относительно крупные и мелкие общинные «ячейки». Несмотря на «единство», между общинами шла постоянная борьба: одна община выступала походом против другой и принуждала ее к уплате подати. Экономическую основу общины составляли земли *джвари* (святилища), общинные владения, фамильные, патронимические (*самамо*) и семейные вотчины. Большинство вотчин представляли собой патронимическую собственность. Значительную часть имущества *джвар-хати* составляли культовые сооружения, имевшиеся в каждой общине, а центром теократического правления всей Хевсурети являлся *Гуданис джвари*. В этом деле явным приоритетом пользовался обслуживающий персонал Гуданис *джвари* во главе с *хуцеси/хевисбери* (Бардавелидзе, 1952а; 1952б).

Аналогичная картина выявляется и при изучении культовых памятников Пшави. Из всех учтенных сооружений общепшавскими памятниками признаны *Лашарис джвари*, *Саквирао*, *Тамарис хати* и *Дамастурис хати*. Вместе с тем каждая из 12 входивших в Пшави территориальных общин имела свои общинные святилища – *хати* с принадлежавшим им хозяйством и культовыми сооружениями, представлявшими собой местные общественно-культовые центры этих общин (Бардавелидзе, 1974. С. 11–12).

В Пшави община объединяла несколько селений, названия которых имеют либо родовую, либо географическую основу. Во главе каждой общины стоял *хевисбери*, а всепшавским общинным объединением управлял *тавхевисбери*. В их функции, наряду с управлением, входило принятие в общину нового члена при условии присягания им на верность святилищу и общине, изгнание из общины виновного в каком-либо преступлении – в измене общине и святилищу, клятвoprеступлении перед всем родом и т.д.

Горный район Тушети включал несколько локальных общин, расположенных в разных ущельях края. Местное население по сей день хранит предание о том, что составными частями Тушети являлись община Цовата, Гоцеари, Чагма и Пирикити Тушети. Система народного управления Тушети включала *бчоба* (совет, совещание) с участием наделенных полномочиями и доверием мужей-предводителей – *тавкацеби*. Во время *бчоба* рассмотрение общественных и частных вопросов происходило как в масштабе всей Тушети, так и по отдельным селам или общинам. Население Тушети и сейчас помнит, где находилось место проведения публичных (*саанджмо*) и общинных собраний – *Чигос геле*, зафиксированное также всеми исследователями. В подобных собраниях, когда предметом обсуждения являлись общетушинские проблемы, участвовали представители всех общин. Столь широкомас-

штабное *бчоба*, продиктованное интересами защиты Тушети от неприятеля и урегулирования отношений между общинами, созывалось сравнительно редко, а чаще проводились совещания по насущным вопросам каждой отдельной общины в специально отведенных для этого местах. Главным судьей был *тавхевисбери*, под председательством которого на *бчоба* собирались хевисбери от всех тушинских общин. Следует заметить, что народный обычай *саанджмо* и *бчоба* (публичных и общинных или сельских собраний) в Тушети сохранился и в XIX в.

Особое значение системе общинного управления и обычному праву придавалось в деле урегулирования отношений между горцами Грузии и Северного Кавказа. В данном случае имеются в виду как мирные добрососедские контакты, так и индивидуальное или общинное противостояние и вражда. Участие общины в мирных мероприятиях было обусловлено такими факторами, как перемещение населения из одной общины в другую, земельные отношения, развитие торговли и т.д. Еще большая ответственность возлагалась на «мужей закона» в деле примирения конфликтующих сторон. Различие вероисповедания избранных мужей не мешало их совместному участию в судопроизводстве, поскольку народное правосудие подчинялось одинаково известным и приемлемым для всех народов Кавказа нормам адата.

Единство территориальной общины, основанное на соседских отношениях, выражалось в существовании святилищ (*джвари*) разной степени влияния и, соответственно, в организации праздников. Предпосылкой всего этого являлась традиция пользования сельскими землями и владениями джвари, пожертвованными частными лицами на имя святилища. «Если кто умирал без наследника, тот завещал свои владения святилищу. Об этих угодьях заботился *нате* (служитель хати), который часть урожая отдавал в пользу джвари, а часть оставлял себе» (*Бочоридзе*, 1993. С. 326).

За счет бесхозных земель создавался сельский земельный фонд, одну часть которого – *сахале мица* (пахотные земли малой площади) – выделяли вдовам и сиротам, а другую – *сахато мица* (земля святилища), или *джварис кана* (пашня креста) сельчане обрабатывали поочередно, используя собранный урожай сообща на празднествах *джвар-хатоба* (*Харадзе*, 1959. С. 199).

Организация пользования землями общины и *джвари* возлагалась на обслуживающий персонал святилища под руководством *хелосани* (старшина). Заместителем *хелосани* считался служитель святилища *шулта*, избираемый поочередно от каждой фамилии сроком на один год. Последнему вменялось в обязанность варить пиво из урожая, собранного во владениях святилища, и заклание одной жертвенной скотины. В случае, если у святилища не было угодий, *шулта* обязывал народ принести в пивоварню свою долю солода (ячменя), дров и воды. В приготовлении пива служителю *шулта* помогал служитель рангом ниже – *мголави*, которому в качестве оплаты (вознаграждения) за работу выдавалась *хоти* (ячменная шелуха). Если *шулта* был организатором летних празднеств, то распорядителем новогоднего пиршества являлся *нате*. Для приготовления пива *нате* использовал урожай ячменя с пашни святилища, кроме того, непременным угощением на праздничном застолье было вяленое мясо закланной им на Гиоргоба собственной коровы. В предпраздничных хлопотах на кухне ему помогал специально избиравшийся на год

заместитель – *макалати*. Женщины из семьи *макалати* пекли хлеб, мужчины *месатувре* (от *сатуари* – закваска) варили пиво (*Макалатия*, 1933. С. 193–195; *Бочоридзе*, 1993. С. 317–323).

Для тушинской территориальной общины было характерно объединение двух близлежащих соседских сел, известное под названием *мекодеоба*, выражавшееся в несении единых трат и в горе, и в радости. Участие *мекоде* (лиц, отвечающих во время ритуальных трапез за напитки – пиво, водку, вино) как наездников в ритуале поминовения души усопшего – состязании в скачках на лошадях – было продиктовано обычаем *мекодеоба*. Термины *мекоде* и *мекодеоба* происходят от слова *коди* – названия посуды, предназначенной для настаивания пива. Отсюда же происходит термин *кодискари*, обозначающий место в святилище, специально отведенное для *коди* и для сбора народа по случаю праздника (*Макалатия*, 1933. С. 327, 433).

Союз двух или трех сел был обусловлен как интересами обороны от неприятеля, так и жизненными потребностями, что находило выражение во взаимопомощи, отношениях, переросших в родство, устройстве совместных празднеств и совместном исполнении традиционных ритуалов. На основе вышесказанного можно заключить, что «мекодеоба в традиционном обществе Тушети представляло собой форму соседского объединения и служило основным интересам населения Тушети, регулировало общественно-экономические и религиозные интересы общинников» (*Канделаки*, 1995. С. 39).

Как у единой Тушети, так и у входящих в нее ущелий имелась хорошо налаженная система обороны в виде крепостей и башен. Для отпора врагу собиралось войско из местных воинов под предводительством *белади* (вождя). До начала битвы вперед пускали разведчиков (*караули*, *мзверави*), а сообщения приносил *мацне* (вестник). Вторым после вождя лицом был знаменосец – *мебаирахе/мебаирахтре* (от *баирахи* – знамя). *Баирахи* по виду и назначению отличается от знамени, используемого во время скачек, устраиваемых при поминовении усопшего, и от хоругвей, принадлежащих святилищам и использующихся в ритуальных шествиях. В отличие от дружин, снаряженных в целях военной обороны, участники группы по добыче трофеев назывались *мекобари* (разбойники). *Мекобреоба* (набеги, разбойные нападения) обычно устраивались на соседние северокавказские общины как ответная месть, результатом чего являлся захват *барги* (предметов из меди и прочих ценных вещей), угон скота, пленение людей, в том числе похищение женщин (*Бочоридзе*, 1993. С. 56). *Мекобреоба* как один из компонентов общинных традиций, присущих, наряду с прочими признаками, территориальной общине, в Тушети носило такой же характер, как и среди других грузинских и северокавказских горцев.

Согласно письменным памятникам и этнографическим данным, регионом, разделенным на территориальные общины, предстает перед нами край Картлийской Арагви (Саарагво). В ущелье Шави (Черной) Арагви локализована община *Гудамакари*, а в ущелье Тетри (Белой) Арагви – *Хада*, *Цхавати*, *Хандо* и *Чартали*. В период царствования Георгия V Блистательного (1314–1346) Хада и Цхавати упоминаются как отдельные общины (*Долдидзе*, 1957), но в последующий период укоренилось общее название этих объединенных общин – *Мтиулети*, охватывавшее территорию от с. Кавтараанткари (расположенного в двух км к югу от Пасанаури) до Крестового перевала. Более

высокогорная полоса Мтиулету называется *Тавмтиулету*, а нижняя полоса – *Боломтиулету*. Фактически Тавмтиулету включала историческую Хада, а Боломтиулету – Цхавата. Исторически существовали именно общины Хада и Цхавата, вследствие объединения которых возникла Мтиулету (*Итонишвили*, 1986. С. 83–157; 1992. С. 5–68).

Каждая община имела главное святилище и место сбора общинных *бче* (совещателей). Для общины Хандо таким святилищем являлось *Мтаварангелозис хати* (святилище Архангела), находившееся в с. Цинамхари, а место, где собирались *бче*, называлось *сапицари* (от *пици* – клятва). Само название является свидетельством того, что в этом месте происходило принесение клятвы на верность общине и давался зарок о соблюдении ее распорядка. В пользу упомянутого святилища с представителей беглых фамилий и семей, нашедших пристанище в данной общине, взымался налог *кулухи* в виде жертвенного животного или напитков (*Харадзе, Робакидзе*, 1965. С. 48).

Своеобразие структуры общины проявлялось в формах собственности. Как и в других регионах Грузии, в общинах Саарагво общей собственностью были общинные пастбища и земли, размежеванные по селам. Эти общие пахотные угодья семьи обрабатывали либо поочередно, либо совместно при условии равномерного распределения полученного урожая. Семьи, пользовавшиеся общими пашнями, устраивали в сельском святилище общинное застолье, называемое *сабегро* (податное). Устройство пиршества на всю общину в счет уплаты *кулухи* (1 закланная скотина и 20 тунги напитка) было обязательно и для тех семей, которые использовали пашни и сенокосы, пожертвованные святилищу. Согласно этому обычаю, такие владения назывались *сакулухе мица* (земли, урожай с которых предназначался для уплаты *кулухи*), а пользователи такими землями – *мекулухе* (плательщики *кулухи*) (*Харадзе, Робакидзе*, 1965. С. 50). Содержание терминов *бегара* и *кулухи* и соответствующих им *мебегре* и *мекулухе*, а также обозначающие общинников *хатис кма* (подданные святилища) указывают на феодальный характер обязанностей и на те пути, посредством которых указанные институты распространились в нагорье Грузии (*Меликишвили Г.А.*, 1959. С. 411; *Харадзе, Робакидзе*, 1965. С. 51).

В общинах Саарагво значительнейшим атрибутом традиционного управления являлось народное правосудие, в компетенцию которого входило рассмотрение и оценка вины, содеянной членом общины, и принятие справедливого решения. Самой суровой мерой наказания считалось изгнание провинившегося из общины. Была принята также форма наказания, именуемая *самрисхVELO саманис чадгма* («возведение межевого камня гнева»), состоявшая в том, что нарушившего праздничный день (когда работать воспрещалось) изолировали от остальных прихожан, ему запрещалось посещение святилища. Основанием для прощения вины являлось покаяние провинившегося путем клятвопринижения и заклания жертвенного животного. Кроме наказаний, в общине было принято и противоположное действие – поощрение заслуг ее достойных членов. На имя человека, снискавшего уважение и авторитет среди народа, совершалось *самлоцVELO саманис чадгма* («возведение молитвенного межевого камня»). В отношении такой личности принималось решение, чтобы он был *супра ушурвели* (т.е. он обретал право прийти в любой дом без приглашения, быть желанным гостем всюду) и *кали утховари* (т.е. мог беспрепятственно

жениться на девушке любой фамилии). Правомочия таких личностей распространялись на весь его род (фамилию) (*Харадзе, Робакидзе*, 1965. С. 51).

Исходя из рассмотренных сведений, можно заключить, что в ущелье Картлийской Арагви существовало несколько территориальных общин с локализованной территорией и функционированием народных традиций. Сохранение этих традиций и системы народного управления происходило в условиях подчинения соседских общин государственной власти. Для этого процесса были характерны, с одной стороны, борьба за утверждение и функционирование государственного законодательства, а с другой стороны – принятие действенных мер по нормализации жизни и быта членов общины.

Территориальная община в Грузии представляла собой историческую реальность, наиболее отчетливо сохранившуюся главным образом в нагорье страны с традиционной и характерной для каждого ее края атрибутикой.

СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ИНСТИТУТЫ ГОРЦЕВ ВОСТОЧНОЙ ГРУЗИИ²

Данные о социальных группах *унджи/мквидри* (коренные жители, перво-поселенцы) и *мосули* (пришельцы) – один из важных источников, раскрывающий характер общественной дифференциации населения горных районов Восточной Грузии. В общинах Хевсурети *унджи* (букв.: коренной, исконный, подлинный) и *мквидри* (в Пшави) зовется та часть населения, которую представляют первые поселенцы на данной территории. *Мосули* же – лица, поселившиеся здесь позже *мквидри* и постепенно присоединившиеся к общине. Тем не менее и следующие категории *мосули* могли быть отнесены к коренным жителям: *мокванили* (приведенный) и *хелдебули* (рукоположенный святилищем), т.е. имевшие определенные заслуги перед общиной и его святилищем. По отношению к общинному святилищу, которое являлось культовым и организационным центром, коренное население общины называлось следующими терминами: *унджи кма/мквидри кма*, *намдвили* (настоящий) *кма*, *пирвел* (первый) *кма*, *дзиритади* (основной) *кма*, *пришельцы* же – *гаре* (посторонний) *кма*, *шемоцирули* (пожертвованный) *кма*, *шепицули* (клятвенный) *кма*, *шехохизнули* (пришедший под покровительство) *кма*, *мокванили* (приведенный) *кма*, *хелдебули* (взятый под покровительство святилища) *кма*. *Кма* здесь – это название общинника в отношении своего общинного святилища.

Коренные жители выделяли для пришельцев участки из принадлежащего святилищу земельного фонда, который назывался *самлевло*, и селили их на общинной земле. В большинстве случаев это была пригодная для возделывания целинная земля. Кроме земель, которые давались пришельцам в постоянное, наследственное пользование, часть земли они иногда покупали у коренных жителей.

Мосули совершал в общинном святилище обряд *хар-квабит шекра* (Хевсурети) «складство быком и котлом» и *харит гапицва* (Пшави) «клятва быком», после которого он становился *кма* святилища и членом общины. *Мосули* в основном приписывались к одной из коренных фамилий *мквидри*, а их

² © Ж. Эриашвили

потомство становилось патронимией данной фамилии. Бывали случаи, когда потомки *мосули* формировали отдельную фамилию и даже общину, которая в таких случаях подчинялась коренной общине.

Мосули платили *адгилис бегара* – натуральный налог на землю. Его плата происходила в главном святилище общины. На основании этого и других засвидетельствованных в этнографическом быту факторов можно делать вывод о верховных правах в Пшав-Хевсурети на общинные земли номинально – святилищ, реально же – стоящих за ними общественных групп коренного населения общины. То, что владельцем земли выступает не вся община, а коренная часть ее населения, особенно четко видно в том случае, когда ввиду переселения владельца земли – *мквидри* получивший его землю *мосули* платит натуральный налог на землю не в святилище, а непосредственно переселившимся коренным жителям. Большая часть из налога потреблялась служителями святилищ в виде *хелисцили* (доля за право), часть же в виде *цил-кердзи* (доля каждого) получала вся община. В *цил-кердзи* на определенную долю имели право и пришельцы, но только после совершения обряда *сацуле* (приобщение ребенка к общинному божеству).

Заслуживает внимания вопрос о разделении труда внутри общины на труд управленческий и производственный. От управления общиной была отстранена прежде всего «пришлая» часть населения, это было привилегией только коренного населения на том основании, что они являются владельцами общинной земли, т.е. основного средства производства. В то же время внутри коренного населения постепенно разделяется труд управленческий и производственный, происходит их разделение на *хелосани* и *эрисгани*, в основе которого иногда лежит имущественное неравенство, но главным образом *моденилоба* – наследование той или иной фамилией или патронимией «должности» хелосани в общинном святилище. Была отстранена от функций управления и женская часть населения общины.

В Хевсурети *хелосани* – это совершеннолетний и полноправный член общины. Хелосани становились юноши при достижении совершеннолетия, в возрасте 15–16 лет, после исполнения в общинном святилище обряда *сахелоши чадгома* или *згурблис далахва*, состоявшего в том, что в общинное святилище доставляли три головы скота (*саклави*) для жертвоприношения: трехлетнего бычка – *курати*, или быка, барана и ягненка; приготовленное из трех пудов овса пиво, 1 или 1,5 кг свечей, водку и столько хлебов или *када* (хлеб с начинкой), сколько мужчин (или дымов) было в селе. В случае, если семья юноши не имела экономической возможности совершить этот обряд, в жертву приносили овцу, но такой *хелосани* пользовался меньшими правами.

Этнографические материалы позволяют проследить постепенное сокращение, явное сужение круга *хелосани*, т.е. полноправных членов общины: а) внутри коренной общины каждый общинник имел право стать *хелосани* в своем общинном святилище (общины Кавтар-Очаури, Цискараули-Бада); б) внутри коренного населения каждая фамилия, патронимия, семья имеют в лице хелосани своего представителя в общинном святилище (община Самагандзуро). В такой общине за святилищем стоят не все общинники, а только их часть – хелосани, остальные же члены общины являются *эрисгани* этого святилища; в) внутри коренной фамилии или патронимии лишь некоторые имеют право стать *хелосани*, что обосновано тем, что святилище

не всех требует в свои *хелосани*. В таких общинах за святилищем иногда стоят отдельные патронимии коренных фамилий и даже внутри них лишь потомки старших братьев (например, патронимия Сосана фамилии Гогочури), или же отдельные семьи (общины Шатели, Гуро-Гиоргцминда).

В Хевсурети совершению обрядов *сахелоши чадгома* и *згурблис далахва* предшествовал длительный подготовительный период, который начинался с рождения общинника и длился до его 15–16-летия. В возрасте 1–3 лет над ребенком совершали обряды *ганатвла* (освящение) и *мибареба* (посвящение ребенка общественному божеству), которые выражались в том, что семья мальчика приводила для жертвоприношения в общинное святилище двух овец и одного ягненка, а также приносила свечи, водку, пиво, хлеб, *каду*. После совершения этих обрядов каждые 2–3 года ребенка до совершеннолетия водили в святилище и на его имя закалывали по овце. Хелосани могли стать только юноши, совершившие обряды *мибареба* и *ганатвла*. Причем они становились *хелосани* тех святилищ, в которых над ними были совершены указанные обряды.

Мибареба, ганатвла, сахелоши чадгома, згурблис далахва – обряды, совершаемые только коренными жителями общины и коренными *кма* общинного святилища. То, что *хелосани* становились только коренные жители, коренное население обосновывало тем, что духи-хранители пришлых находились не в местных святилищах, а там, откуда они переселились. То, что указанные обряды в общинных святилищах не совершались и в отношении женщин, объясняли тем, что у женщин не имеется духов-хранителей, или же тем, что их духи-хранители не находятся в общинных святилищах, а подчиняются только одному святилищу – Хахматис-джвари, где женщины и совершали обряды *мибареба* и *ганатвла*. В действительности же это было отстранением женского населения от управления общиной в результате общественного разделения труда.

Обряды *ганатвла, мибареба, сахелоши чадгома, згурблис далахва* можно охарактеризовать как этапы инициации или как трансформированный вид инициации: в отличие от последних, когда переход юноши в ряды полноправных членов общества происходил на основании испытания его физических и моральных сил, в данном случае имеет место определенный имущественный взнос, плата, что-то вроде «имущественного ценза». Совершать данные обряды запрещалось в общине чужим, пришельцам и женской половине населения. Внутри же коренного населения выполнение обрядов ограничивалось, во-первых, наследуемым правом, а во-вторых – экономическим фактором. Постепенное сужение круга *хелосани* было не чем иным, как сужением круга лиц, прошедших инициацию.

Первоначально целью совершения обряда *мибареба* должно было быть «усыновление» ребенка святилищем, поскольку члены родовой общины считались сынами (*цули*) своего общинного божества. В результате распада родового принципа расселения, когда в общину стали допускаться неродственные фамилии или посторонние лица, *мосули*, наряду с обрядом *мибареба* возникает обряд *сацуле*, который совершают пришельцы, чтобы стать «сыном» (*цули*, впоследствии *кма*) общинного святилища и членами общины. В отличие от пришлых коренные жители изначально являются владельцами общинных земель, а в отношении общинного святилища – его коренными,

собственными, истинными сынами, или *цули* (впоследствии же коренными, собственными, истинными *кма*). Тем самым идеологически обосновываются права коренных жителей на общинные земли. Именно сыны общинного святилища жили на этой земле. Пришельцы могли приобрести те же права на общинные земли, но добивались этого определенным выкупом, посредством совершения определенных обрядов. Акт «складства быком и котлом» происходил непосредственно по месту поселения в общине, *сацуле* совершалось над каждым годовалым мальчиком, налог на землю (*адгилис бегара*) выплачивался подымно, ежегодно.

Из рядов общинников-*хелосани* выделялись *джварионни* – круг представителей теократической власти: *кадаги* – прорицатель, *хуцеси* – жрец, *медроше* – знаменосец, *мегандзе* – казнохранитель и др. Хелосани ведал всеми «делами» святилища, будь то дело знаменосца, жреца, казначея и др. На обучение этому требовалось не меньше года, и когда юноша овладевал всеми необходимыми навыками, его могли назначить на какую-либо должность. Было несколько основных правил выдвижения *джварионни* из рядов *хелосани*: а) очередное, посредством жребия на временное служение (на 1, 2 или 3 года); б) по указанию прорицателя, на пожизненное служение; в) наследственное, когда фигурирует и прорицатель. Наиболее древним правилом следует признать поочередный выбор на временное служение, при котором все *хелосани* имели право при наступлении своей очереди взять на себя обязанности казначея, знаменосца и т.д. По истечении срока временные служители вновь возвращались в ряды *хелосани*, пока снова не подходила их очередь. Следующей ступенью было назначение по указанию прорицателя священнослужителем из рядов *хелосани* на пожизненное служение. Так занимались должности жреца, казначея, знаменосца и др. В одном случае служитель выбирался по указанию прорицателя из круга всех *хелосани*, в других же случаях – из числа *хелосани* той или иной фамилии, патронимии или семьи. В последнем случае налицо факт дифференциации прав внутри круга *хелосани*. Имелись *хелосани* таких фамилий, патронимий или семей, из которых прорицатель выбирал только жреца (*хуцеси*), только знаменосца или же хранителя казны и др. При этом возникает наследственное право на определенные должности, когда стать служителями могут только *хелосани* той или иной фамилии, той или иной патронимии, или же определенной семьи. В последнем случае «должность» от отца к сыну переходила двояко: а) священнослужителем становится старший из братьев; б) причиной избрания священнослужителем одного из братьев-*хелосани* становится какая-нибудь болезнь. Существовали патронимии, внутри которых «должности» переходили не от отца к сыну, а от дяди к племяннику, или к сыну племянника. Такие факты говорят уже о глубокой общественно-экономической дифференциации коренного населения.

Таким образом, если номинально в Пшав-Хевсурети верховным владельцем общинной земли и считалось общинное святилище (*джвари/хати*), то реально за ним стояли уже определенные семьи и вышедшие из них служители святилища – *джварионни*.

Хелосани в Хевсурети входили в состав *дарбази* – верховного органа управления общиной. Термин *дарбази* обозначал одну из построек общинного святилища, а также лиц, которые там заседали. В *дарбази* входили: *кадаги* – прорицатель, *хуцеси* – жрец, *медроше* – знаменосец, *мегандзе* – казначей,

мезаре – звонарь, *хелосани*, *дастури* – занимавшийся хозяйством святилища. *Дарбази* имел свой порядок заседания – во главе сидел *хуцеси*, затем *мегандзе*, далее *медроше* и *мезаре*, затем были места *хелосани*, а в конце – места *дастури*. Каждый служитель имел свое, строго установленное место. *Хелосани* в *дарбази* сидели по старшинству. Трапезы членов *дарбази* подчинялись своим правилам, в них участвовали и *хелосани*, также по старшинству, поочередно. Коллектив *хелосани* «заседал» в здании святилища, которое называлось *сахелосно* и имелось во всех святилищах.

Хелосани был связан со своим святилищем определенными обязательствами: он приходил в святилище на все празднества; при посещении святилища раз в год приносил в жертву барана, ягненка или теленка, приносил также большую кадую (*сепе-када*) и свечи. *Хелосани* «очищался», нанося на лоб и грудь кровь жертвенного животного, мясо оставалось в святилище, шкуру забирал хозяин. Он был постоянным служителем святилища; только в глубокой старости общинник выходил из рядов *хелосани*. Это было связано с исполнением определенного обряда – в святилище закалывали приведенное *хелосани* жертвенное животное, кровью которого окропляли постройки святилища – *дарбази*, *сахелосно*, а также знамена и казну (*гандзи*). Вышедший из рядов *хелосани* больше уже не посещал святилище и освобождался от занимаемой должности.

Общинники, не принадлежащие к числу *хелосани*, назывались *эрисгани* и были связаны с общинным святилищем отличными от *хелосани* правами и обязательствами; в *дарбази* они не допускались. *Хуцеси* в Хевсурети и *тавхевисбери* в Пшави не только стояли во главе общинного святилища, но и руководили общиной, одновременно будучи облачены духовной и светской властью. *Хевисбери* – это общее название служителей святилищ, к числу которых относится и *тавхевисбери*. *Хевисбери* выходили только из коренных фамилий; из каждой такой фамилии надлежало выйти хотя бы одному *хевисбери*.

Сопоставление этнографического материала с памятником права 1335 г. – «Дзеглис дадеба» показывает, что развитие институтов *хелосани* и *хевисбери* в других горных районах Грузии вело к постепенному сужению круга *хелосани* (и *хевисбери*) и служителей святилищ (до одного-двух). В этом случае права *хевисбери* и *хелосани* сосредоточивались в руках этого единоличного служителя, который именовался *хелосани* или *хевисбери*. Из «Дзеглис дадеба» явствует, что в начале XIV в. в Мтиулети *хевисбери* – одно лицо, которое выдвигается всегда из одной фамилии, прежде всего из людей дома предыдущего *хевисбери*, т.е. из числа его ближайших родственников.

Концентрация управленческих функций в руках все более уменьшающегося числа фамилий исконного населения, отстранение все большего числа фамилий и патронимий от управления определяло переход их представителей в ряды *эрисгани*. Если в Хевсурети и Пшави *хелосани* и *хевисбери* могли выходить из всех исконных фамилий, то в Мтиулети *хевисбери* – только из одной определенной фамилии. Очевидно, что общественно-экономическая дифференциация внутри коренного населения в Мтиулети уже в начале XIV в. была глубже, чем в Хевсурети и Пшави. Это отражено в цене крови, установленной царской властью. Из памятника явствует, что среди коренных жителей выдвинулась фамилия, из которой выходил *хевисбери*, и кровь пред-

ставителей этой фамилии оценивалась в 3000 серебряных монет (*тетри*), а кровь *хевисбери* и представителей его дома в 6000 *тетри*, что равнялось цене крови дворянина. Цена крови остальных представителей коренных фамилий – *эрисгани/геровани* равнялась 1200 *тетри*. Таким образом, в горном регионе Мтиулети в начале XIV в. общественно-привилегированное положение части коренного населения было закреплено юридически (Памятники грузинского права, 1963).

ИНСТИТУТ АМАНАТСТВА В ГРУЗИНСКОЙ ОБЩИНЕ³

Институт *аманатства* представлял собой одно из важных звеньев общественного быта грузин-горцев. Он был основан на нормах обычного права, которые позволяли горцу, в силу определенных причин оказавшемуся в своей общине вне закона, восстановить свой статус в чужой общине.

В основном причиной ухода в *аманаты* была кровная месть. Изгнание убийцы из родного дома предусматривалось и государственными законами (§ 6 Законов царя Георгия Блистательного, XIV в.). Лишь по истечении определенного срока и уплаты пострадавшему цены крови убийце разрешалось вернуться в родной дом (*Долидзе*, 1957. С. 106–108). В Хевсурети, например, даже в случае непреднамеренного убийства убийца (*мквлели*) спасался бегством от мести. Преследуемые родственниками убитого, убийца и его семья вынуждены были покинуть родное село и переселяться в отдаленное и надежное место, если убитый был односельчанином или жителем соседнего села. В случае совершения в пределах общины убийства этот вопрос рассматривался на совете старейшин, виновному в преступлении предоставляли месяц на то, чтобы подготовиться к уходу из родных мест, советовали избрать для жительства недосыгаемое для кровника село, известное готовностью надежно скрыть беглеца (*адгилдалеули* – потерявший место жительства), расположенное в недоступном месте. В таком случае пострадавшая сторона нередко поджигала дом убийцы (*Радде*, 1881).

Придя в селение, выбранное им в качестве подходящего убежища, *аманат* в большинстве случаев обращался к уважаемому старейшине, который нередко являлся также служителем местного святилища, с просьбой принять его под покровительство общины и святилища. Следует отметить, что при выборе места укрытия большое значение придавалось «силе» местного святилища, поскольку существовало представление, что святилище больше покровительствует пришельцу, чем исконному общиннику; по преданию, святилище даже могло лишить кровника зрения, когда тот пытался отомстить аманату. Старейшина собирал сельчан и в присутствии просителя оповещал собравшихся о желании пришедшего стать их аманатом и разрешить ему временно жить в их общине. *Аманат*, сняв шапку, просил собравшихся «разделить с ним несчастье» и «взять под свою защиту». Отказать аманату в его просьбе считалось зазорным, и сельчане предлагали принять его, но преду-

³ © М.Б. Канделаки

преждали, что если он нарушит правила и нормы поведения, они оставляют за собой право выслать пришельца из села.

Селение, в которое пришел *аманат*, оповещало преследователей: пока беглец находится на их земле, мщение возбраняется, и лишь за пределами села кровник может попытаться совершить мщение. Для охраны аманата общинники устанавливали ежедневное дежурство с целью обеспечения его надежной защитой. В роли охранников обычно выступала молодежь, в обязанности которой входило каждое утро обходить наиболее опасные, пригодные для засады места вокруг села. Если обнаруживали в окрестностях кровников аманата, молча шли в село и возвращались, взяв с собой жертвенное животное; только после этого обращались к кровникам с просьбой покинуть засаду. «Просьба с жертвой», как правило, вынуждала кровников уступить. Жертву обычно не закалывали, но ее наличие заставляло пришельцев прислушаться к просьбе общинников.

В течение первого года аманат пользовался некоторыми льготами: его не обязывали пасти общинный скот (эту работу поочередно выполняли все жители), общинники выделяли ему на год пахотную землю, одалживали семенной ячмень, быков, выделяли сенокосные участки и т.д. В свою очередь *аманат* и члены его семьи в свободное время также старались помочь односельчанам, что помогало освоиться им в новом окружении.

Священнослужитель назначал день (обычно ближайший праздник святилища), когда *аманат* должен был привести жертвенное животное (барана), а принеся жертву, обращался к общинникам с наказом не выдавать аманата кровникам; возможного предателя и его потомство он проклинал именем святилища. *Аманат*, взяв чашу с ритуальным пивом, благодарил всех. С этого времени он считался уже полноправным членом общины (*Канделаки*, 1987а. С. 30).

С течением времени *аманат* становился «братом» своих покровителей; к нему переселялась его семья. С этого момента семья аманата и общинники считались побратимами (*гапицулли*). Существовало несколько вариантов побратимства села и *аманата*. В Пшави для этого аманат должен был принести в жертву в святилище бычка (*курети*). Мясо жертвы обязательно должно было быть поделено между всеми присутствующими, сварено и там же съедено. Шкура, ноги и голова жертвы предназначались для персонала святилища. Кровью животного окропляли лицо, лоб, руки *аманата*. После этого он фактически был уже не *аманатом*, а равноправным общинником, но память об аманатстве сохранялась до седьмого колена. Побратимство, ритуально скрепленное в святилище, давало аманату надежную защиту: отныне в случае его убийства все общинники обязаны были мстить его кровникам. В противном случае община была обязана только укрывать его от преследователей.

Переселившийся в чужую общину и поступивший под ее покровительство *аманат* нередко заменял свою фамилию другой, прибегая к исполнению обычая «складства быком и котлом» (*хар-квабит шекра*) с одной из фамилий своей новой общины. «Складство» нередко имело межрегиональный характер: между представителями Хевсурети и Гудамакари, Пшави и Тушети, Хевсурети и Тушети, Осетии и Мтиулети, Хевсурети и Пшави и т.д. Покровительство сильной фамилии по отношению к слабой, малочисленной не имело принудительного характера. Доказательством этого служат горский этикет и

традиции гостеприимства, согласно которым считалось недопустимым отказать семье другой фамилии в принятии ее посредством «складства быком и котлом»; это исключало наличие какой-либо материальной выгоды для покровителя, однако значительно повышало его престиж в обществе. В Пшави и Тушети был известен обычай «складства быком» (*харит шекра, гапицва*), исполнение которого позволяло породниться с представителями той или иной фамилии вне зависимости от места жительства последних, тогда как аманат рождался лишь с жителями покровительствующего ему селения.

По рассказу одного из жителей тушинского с. Квемо Алвани, шесть поколений тому назад в Архотской общине Хевсурети произошло кровавое столкновение между фамилиями Чхераули и Микаидзе; по этой причине предок Чхераули по имени Фило пошел в аманаты в тушинское с. Цокалта. Еще при жизни Фило сюда прибыл некий Гио Микаидзе и побратался с фамилией Чхераули. Происходило это следующим образом. Микаидзе сварили пиво, заклали быка и баранов. Этому быка (*курети*) специально растили для заклания 3–4 года; шею его украшали красной шерстяной веревкой. При избрании жертвенного бычка играла роль масть животного: божество горцев не жаловало темных тонов как в отношении жертвенных бычков, так и баранов. По обычаю все готовила та семья, от которой исходила инициатива побратимства, а руководил церемонией глава семейства. В субботу бычка выводили после восхода солнца на двор, а на правый рог прикрепляли зажженную свечу. Хозяйка дома выносила на деревянном подносе три ритуальные лепешки *хмиади*, на каждой из которых было изображение креста, водку, сыр, печености. Хозяин брал одну свечу, прикреплял к бутылке с напитком и молился божеству с. Цокалта, Каратисджвари – св. Георгию: «В назначенный день приду я к дверям твоим и совершу жертвоприношение курета, и клянусь, что не отрекнусь от своего обещания!». Во время молитвы *курет* не должен был сдвинуться с места, пока не догорала свеча, после чего хозяин еще раз обвязывал его шею красной нитью, и это означало, что с данного момента он именуется *курет*, он свободен и остается в сельском стаде до момента заклания. Роль быка в народных верованиях этого региона была весьма значительна (*Очиаури*, 1939. Д. М 1/17).

Жертвоприношение обычно совершали перед святилищем, на праздник Атенгеноба (сотый день после Пасхи). Шкура принадлежала хозяину, мясо в сыром виде разделяли на равные доли и раздавали родне и близким. По обычаю предков, мясо полагалось сварить дома и там же съесть. Главному священнослужителю святилища полагалась почетная часть – правое плечо и лопатка; голова жертвы варилась в пивоварне святилища. Печень шла на шашлык, а рога оставались в святилище. Кровью окропляли святилище, а остальное выливали на землю. Ритуал заклания жертвы завершался выпиванием ритуального пива. После выполнения обряда «складства быком и котлом» фамилии Микаидзе и Чхераули считались породнившимися. Так поступали многие аманаты, пришедшие в Тушети.

Таким образом, аманатство расширяло круг искусственного родства в системе территориальной общины, а также пополняло коллектив общинников (*сакмо*) (*Канделаки*, 1987а. С. 34, 36). В народе покровительство аманатам воспринималось как форма взаимопомощи, как обязанность общины. В то же время аманаты увеличивали численность общины и ее силу; постоянная

забота о пополнении общины новыми членами – основная причина, побуждавшая горцев принимать под покровительство чужака и превращать его в своего человека, побратима, родственника.

Став равноправным членом общины, аманат уже мог выполнять определенные обязанности служителя святилища (заготовка дров, поддержание огня, доставка воды для приготовления ритуального пива и т.д.). Следует отметить, что аманатом мог быть и мусульманин (например, выходец из Дагестана); в таком случае обычно он принимал веру своих покровителей, хотя были и исключения из этого правила. Зафиксированы случаи, когда хевсур, ставший аманатом у кистин, принимал их веру, а вернувшись на родину, вновь обретал свое исконное вероисповедание. В случае возвращения в родное село он обязан был принести жертву (барана) в сельском святилище – «искупительный дар» (*саманануло дзгвени*).

Аманат не покидал родные места навсегда; обычно сразу после его ухода начинались переговоры посредников (*бче*) с кровниками. Они доставляли из дома убийцы в пострадавшую семью быка (для поминовения души убитого), барана, медный котел (в жертву святилищу) – это называлось «устраивание поминок» (*ригис кенеба*). Такие же дары посылались дальним родственникам убитого, а также братьям его матери. Приютившая аманата община также посылала к пострадавшей стороне посредников с жертвой, извещая о принятии его под свое покровительство. Напомнив пострадавшей стороне о ее праве убить аманата, просили не совершать этого на территории их общины, так как убийство «у очага покровителей» налагало на последних неизгладимый позор. В этом случае говорили: «Мы круглосуточно несем дежурство по охране аманата от преследователей, поэтому не переступайте в наше место, когда же аманат будет за его пределами, воля ваша, делайте с ним, что пожелаете» (*Очиаури А.*, 1949. М 1/86). Примирение достигалось обычно не ранее трех лет после ухода аманата из родных мест; самое активное участие в этом принимали служители святилищ обеих сторон. В назначенный день близкая родня враждующих сторон впервые встречалась и приветствовала друг друга. Священнослужитель совершал жертвоприношение, начиная ритуал примирения, объяснял значение совершаемого акта. В это время *аманат* стоял, преклонив колено, понурился; затем происходил обмен чашами с ритуальным пивом, и кровники произносили слова прощения за содеянное. Однако, по народным представлениям, след кровной мести (*хмели тави*) длился еще лет сто: потомки совершившего преступление обязаны были ежегодно приносить одну жертву и ритуальный напиток в пользу семьи пострадавшего. Кроме того, при встрече виновная сторона была обязана послать пострадавшим первую чашу, именуемую *пативи* (уважение), произнося: «Сказанное в стране живых пусть достигает страны мертвых». Представителям рода убийцы запрещалось петь или веселиться в присутствии пострадавшей стороны, не получив на то ее согласия.

Став членом общины-покровительницы, *аманат* нередко брал себе и новую фамилию, что было характерно для всех горцев Восточной Грузии. Обычно так поступали, поскольку в таком случае розыски аманата для враждующей стороны усложнялись. Став полноправным общинником, а тем более сменив фамилию, *аманат* уже не мог жениться на девушке из покрови-

вительствующего ему селения. Экзогамный запрет распространялся, в свою очередь, и на девушек из семьи аманатов.

Анализ этнографических данных свидетельствует о случаях отказа аманату в покровительстве. Обычно в общине очень внимательно рассматривали причины, побудившие человека идти в аманаты, и если убийство было совершено не по обычаю кровной мести, избегали принятия его в аманаты, поскольку пришедший и здесь мог совершить что-то неблагоприятное. При этом вспоминали случаи из жизни живших здесь ранее беженцев, которые недостойным поведением снискали себе дурную славу, применив оружие или нарушив внутренний порядок общины. Отказ от принятия в аманаты нередко был обусловлен также малоземельем общины. Следует отметить, что после ухода аманата его земля (*адгили* – букв.: место) отводилась его родственнику, если же такого не было, то покинутый участок переходил в фонд необрабатываемых земель общинного святилища. Если аманат или члены его семьи совершали что-то предосудительное, нарушали внутренний распорядок общины, его могли изгнать из села, что было мерой наказания и своего рода самозащитой общины. Многие запреты, связанные с принятием аманата в общину, были предусмотрены устными преданиями (*андрези*), унаследованными от предков (*Харадзе*, 1951).

Рассматривая символику социальных связей в контексте аманатства, следует остановиться на обычае закладки особого камня *самани* на территории общинных святилищ. В обряде установления *самани* определенное место отводилось и аманату. Самани представляет собой острый камень, иногда горный хрусталь, он мог быть разных размеров, но для прочности его надо было закопать в землю не менее чем на 30–50 см. В одном из сел Мтиулету были приняты в качестве аманатов братья Бучукури. Когда братья стали насильственным путем завладеть сельскими пахотными землями, несмотря на предупреждения старейшин, селение приняло решение об «отсечении» (*моквета*) братьев от общины, что означало их полную общественную изоляцию, т.е. исключение из хозяйственных объединений, лишение общественной помощи, недопущение к односельчанам ни в беде, ни в радости, забрасывание правонарушителей камнями и т.д. В результате этого решения общины в святилище братьям был заложен камень проклятия (*самрисхвело самани*). Лет десять братья жили в полной изоляции, а потом приняли решение просить пощады и примирения. Община согласилась на это. В назначенный день искавшие примирения братья пришли в святилище с жертвенным быком, ритуальным пивом и лепешками. По горской традиции, непринятие кровавой жертвы могло повлечь за собой бедствия для села, и братья были прощены. Самани был извлечен из земли, причем это полагалось сделать обязательно при участии всех общинников, всем коллективом. Каждый должен был подкопать землю под камнем, обвязать его веревкой, после чего *самани* опрокидывали.

Рассмотрение феномена *самани* в контексте института аманатства показывает, что целью его установления было сохранение блага и спокойствия всего коллектива данной общины, а личные интересы индивида, которые не соответствовали общим, не принимались во внимание и строго карались.

Длительность периода аманатства зависела от конкретных обстоятельств. Минимальным был срок от одного до трех лет; вместе с тем был возможен

и окончательный разрыв с родным селом и обоснование его на новом месте. Во многом это зависело от наличия в общине пригодных для обработки земель. Так, в Архотской общине (Хевсурети) аманатам давали землю, поэтому горцы охотно приходили сюда в случае необходимости (*Очиаури*, 1954. Д. М ¹/107). В Пшави аманатство было настолько частым явлением, что в селах была особая категория аманатских земель, фонд которых формировался из участков изгнанных или покинувших общину семей (*Джалабадзе Г.*, 1963. С. 36). Сама просьба аманата о принятии под покровительство не содержала просьбу о выделении земельного участка; оговаривался обычно вопрос о приходе его семьи. Выделение аманату земли происходило по инициативе общины. Если же аманат решал окончательно остаться на новом месте, то при очередном перераспределении земли сельчане выделяли ему положенный участок для вспашки. Выделение аманату земли было одним из факторов фактического завершения его аманатства, реальной основой его приобщения к статусу коренного жителя покровительствующей ему общины. После получения земли аманат уже мог стать служителем святилища (*дастури*), должность которого с определенного возраста исполняли поочередно все мужчины села. После истечения семи поколений потомки аманата могли стать и священнослужителями (*гамдзго, хуцеси, деканози*) (*Канделаки*, 1987а. С. 68). Таким образом, включение аманата в систему земельных отношений общины-покровительницы по всему горному региону Восточной Грузии в основных чертах проходило сходным образом. Решение общины о передаче аманату земли, условия пользования землей оговаривались устно и опирались на давнюю традицию. Подобно остальным общинникам, *аманат* регламентированно пользовался землей, подлежащей периодическим перераспределениям в целях сохранения экономического равенства общинников.

К институту аманатства имеет определенное отношение феномен *ана-рекоба*, однако, отличающийся от первого социальными характеристиками. *Анарекоба* – это оставление общинником на неопределенное время своего села. Причиной этого были следующие обстоятельства: неразрешенные внутрисельские споры между малочисленными (*укацури*) и многолюдными (*кацуриели*) семьями; неуплата компенсации за нанесенные ранения; уклонение убийцы от исполнения установленных по традиции правил в отношении семьи потерпевшего (*ригис кенеба*). В Хевсурети особенно часто фиксируется последняя из указанных причин, когда потерпевшая сторона через посредника призывала виновного завершить дело по обычаю, а в противном случае угрожала уходом в *апареки*. Это было реальной угрозой, поскольку каждый горец знал, что избравший путь *апарекства* твердо решил убить своего недруга.

В отличие от *аманата апарек* не просил у села временного покровительства или постоянного укрытия. Он пару дней оставался в чужом селении, иногда в нескольких поочередно, временами навещая в родное село с твердым намерением убить врага. Цель ухода в *апареки* ясна: кровомщение считалось обязательным и почиталось за великий стыд, если ушедший в *апареки* не расправлялся достойно с кровником, тогда на него сыпались нескончаемые упреки и насмешки. Именно по этой причине дело не всегда доходило до *апарекства*, и при помощи посредников стороны шли на обоюдные уступки и примирение.

Так, в с. Бисо (Хевсурети) в конце XIX в. у одного одинокого сельчанина, земля которого не дробилась много лет (в семье долгие годы было мало сыновей), имелся большой участок. Другой сельчанин, с многочисленной семьей и небольшим земельным участком, просил первого уступить им часть его земли, но тот не соглашался, и землю вспахали без согласия хозяина. Тогда первый через посредников напомнил захватчику хевсурскую поговорку: «Человек отдаст жизнь за жену свою, а также за землю свою», затем повторно обратился к нему с просьбой, сопровождаемой жертвенным бараном, и наконец оповещает: «Я покину родные места на ваше несчастье!». Но посягатели на чужую землю не прислушались к этим просьбам и угрозам, и даже его уход в *апареки* не заставил их отдать захваченную землю. *Апарек*, скрывавшийся в горах, убил двух братьев из враждебной ему семьи, а третьего ранил. Последний, поправившись, жестоко расправился с хозяином земли, убив его на празднике в святилище Хахмати. Горцы считали, что хозяин земли был прав, убив своих врагов, однако полагали, что и он в свою очередь получил по заслугам (*Канделаки*, 1987а. С. 107–108).

Возвращение *апарека* до исполнения им кровомщения считалось зазорным как для него лично, так и для его потомства; вечные порицания в их адрес были неизбежны.

Апарек, в отличие от аманата, не просил покровительства чужой общины, не входил под ее общее покровительство; предоставленный в основном самому себе, он лишь изредка прибегал к помощи своих близких, не стремился к сравнительно стабильному существованию, часто менял пристанище и срок его ухода из родного дома был временным. Фиксируются случаи коллективного ухода в *апареки* родных или двоюродных братьев. Вернувшись, не исполнив задуманного кровомщения, *апарек* лишался уважения общинников и в течение многих лет был обречен терпеть насмешки. В отличие от аманата, *апарек* не был связан какими-то узами со святилищем того селения, где он временно жил. Таким образом, аналоги между этими институтами проявлялись в основном в форме, но не в содержании. По сути дела, ушедший по обычаю кровной мести в аманаты горец является убийцей-кровником. *Апарек* же предстает обычно мстителем своему обидчику. Феномен аманатства объективно содействовал нарушению обычая кровомщения, тогда как *апарекство* являлось верным его стражем, свидетельствующим о том, что в системе территориальных общин горцев Восточной Грузии черты сравнительно ранних ступеней общественного развития сохранились не только в религиозных культах и прочих идеологических представлениях, но и в традиционном социальном быту вплоть до конца XIX – начала XX в.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО⁴

Обычное право – один из важнейших компонентов грузинской правовой культуры и первоисточник изучения ее истории. Оно не только демонстрирует особенности национальной культуры, но и в значительной мере определяет уровень и характер ее развития (*Читая, Робакидзе*, 1988. С. 16).

⁴ © Н. Джалабадзе

В Грузии народное право упорядочивало отношения социальных единиц (*хеви*, община, село) с отдельными членами общества, а также отношения между общинниками. В зависимости от совершенного преступления судебные дела разбирали в масштабе *хеви*, общины или села. Главным органом народного права было народное собрание и суд медиаторов – *шуамавалта момригебели сасамартло*. Народные собрания были разными по масштабу и назначению: сельские, общинные и хевские собрания/советы/съезды (*креба*, *сабчо*, *крилоба*), на которых рассматривали вопросы правового характера в масштабе этих социальных единиц.

В горной части Восточной Грузии существовали в основном сельские и общинные советы. В Западной Грузии, например в Сванети, каждое село также имело собственное самоуправление (*сопlob*), в состав которого входили по одному представителю от каждого дыма. Сельское собрание – *суити* собиралось в центре села, вблизи церкви, где обсуждали насущные проблемы и выбирали главу села – *махвиши*, который нес ответственность за проведение собрания и принятое решение. Существовал также союз нескольких сел – *хев* и съезд общин – *хевоб*, который действовал под руководством главы сельской общины – *махвиши*.

В отличие от Восточной Грузии, в Сванети созывался также съезд союза общин всей Сванети – *швания хевоб* – общесванетский хеви, где вопросы решались большинством голосов. В нем были объединены собрания отдельных ущелий, т.е. племенные собрания (*сатомо креба*), которые со своей стороны выбирали племенной совет (*сатомо сабчо*). *Швания хевоб* собирался регулярно (*Харадзе*, 1951. С. 396) и в своих действиях ни перед кем не отчитывался – решение съезда по делам общества было окончательным (*Габлиани Э.*, 1927. С. 64). На народных собраниях, помимо вопросов правового характера, рассматривали и устанавливали также нормы обычного права.

В функции медиаторского суда, существующего в Грузии параллельно с народным собранием, входило производство и разбирательство правовых дел согласно местным обычаям. Мировой суд посредников в основном ограничивался процессуальными вопросами. Судей-медиаторов выбирали с согласия как жалобщика, так и ответчика. Их называли *морвар/морвал* (сван.), *рджулис кацеби*, *мцодне кацеби* (хевс.), *бчеби* (хевс., туш., пшав.), *хелхои* (туш.), *берикацеби*, *цинапиреби*, *дарбазули кацеби* (месх.) и т.д. При выдвижении кандидатур учитывали умственные способности, нравственный облик и возраст личности, принимали во внимание знание установленных обычным правом норм. Если жалобщик и ответчик не приходили к согласию по поводу кандидатуры медиатора, в дело вмешивались посредники – *кацтшуакацеби* (хевс.), *моцкцули* (сван.). Они должны были быть нейтральными лицами, чтобы при выборе медиаторов могли проявить максимальную объективность. В зависимости от тяжести преступления число медиаторов могло быть разным. Так, в Сванети при разборе гражданских дел число *морвалов* могло колебаться от 3 до 5 человек, в случае сложных дел (ранение, отказ от жены и т.д.) – от 5 до 7, а в случае убийства – от 12 до 24 человек (*Габлиани Э.*, 1927. С. 96). Поскольку каждый медиатор должен был получить определенную плату, тяжущиеся стороны имели право уменьшить их число по обоюдному согласию.

В Сванети и Хевсурети не было какого-либо специального места для проведения заседаний медиаторов. Например, в Хевсурети чаще всего собирались на

Место заседания медиаторского суда

Тушети, с. Дартло, XVIII в.

© Фото Л. Меликишвили, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

равном удалении от домов пострадавшего и ответчика; иногда заседание проводили на месте преступления. В Тушети же имелось специально установленное для совещания медиаторов место – *саприндао* (Харадзе, 1947. С. 170).

Обычное право не предусматривало перекрестный допрос свидетелей. Жалобщика и ответчика допрашивали по отдельности, выслушивали сначала одну сторону, затем другую. Судьи-медиаторы выносили решение без свидетелей, а позднее сообщали о нем обеим сторонам сами или через посредников. В случае необходимости медиаторы требовали выполнения ряда действий доказательственного права (дать клятву, «взять на себя грех», «суд Божий» и др.). В Сванети после принятия *морвалами* определенного решения, если они считали целесообразным сохранить это решения в тайне от тяжущихся сторон, существовал следующий обычай: один из *морвалов* закапывал маленький камень *бача лилджени* в землю. Это действие было равносильно письменному решению и означало, что до официального объявления приговора оно должно оставаться тайной, в противном случае недовольная сторона имела право не выполнить решение суда (Нижарадзе Б., 1962. С. 98–99).

Следует отметить, что в быту грузин-горцев нередко были случаи приглашения в качестве медиаторов представителей чужого народа, например, на судебные разбирательства в Хевсурети и Тушети часто приглашали чеченцев и ингушей, а в Хеви и Мтиулети – кабардинцев. В процессе рассмотрения дел важное место занимает использование медиаторами в качестве примера *андрези* (Хеви)/*хараки* (Сванети), которое являлось одним из источников обычного права (Харадзе, 1939). *Андрези* – это устное предание о вынесенном

Хевсуры из с. Джута

Фото В.И. Марковина, 1947 г.

© Личный архив К. Пицхелаури

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

в прошлом решении по аналогичному делу, которым в качестве образца должны были руководствоваться последующие поколения. Согласно хевсурским законам, после обнародования решения судьей-медиатором специально назначались хранители *андрези*, которые были обязаны передать потомкам информацию о происшедшем. *Андрези* хранилось в народе как в прозаической, так и стихотворной, а иногда и песенной форме. Обычное право разрабатывали специально выбранные народом лица, а установленные правила сохранялись и распространялись в обществе грузин-горцев не в виде норм, сформулированных в виде статей

(что, например, имело место в Дагестане в 1880-е годы в области адатного права), а в виде *андрези*, к которому в каждом частном случае обращались медиаторы. Таким образом, старейшины – главы общины и судьи-медиаторы в своих решениях неуклонно следовали положениям *андрези/хараки*. Несмотря на то, что в процессе практического применения общинного права руководствовались *андрези*, с течением времени установленные правила по решению самой же общины могли меняться. Вносимые судьями-медиаторами новшества для следующих поколений становились новыми *андрези*. Позднее сванский *хараки* заменили *бирки* (надписи на дереве) либо записи на Евангелии, а хевсурский *андрези* до последнего времени не утратил значения в качестве основного источника знаний о нормах обычного права (*Харадзе*, 1951. С. 387–403).

Кровная месть (*сисхлис агеба*) является одним из жизнеспособных институтов грузинского обычного права, чьи признаки в некоторых уголках горной Грузии можно заметить и сегодня. Кровная месть подразумевает возмездие убийце либо его родственникам. Это была сформировавшаяся в течение веков традиционная норма поведения, за невыполнением которой следовали негативные санкции. Там, где действовал этот обычай, за актом убийства почти всегда следовало возмездие. Первое убийство (т.е. убийство не с целью возмездия) считалось противозаконным действием, но за ним следовали ответные действия, уже считавшиеся закономерными. Позднее институты возмездия и кровной мести заменила система композиций, взыскания

Лазы

Батуми, начало XX в.

© НМГ. ЭФ, Ермаковская коллекция, 8530

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

штрафа за кровь, что в уголовном праве является основной и самой распространенной формой наказания. Однако в горной Грузии еще не так давно мстить кровью за кровь считалось более достойным уважением, заслуживающим славу поступком, чем компенсация за кровь; мирный договор с убийцей не считался поступком, достойным настоящего мужчины.

Кровная месть могла иметь место как между представителями разных родов, сел, общин, племен, так и между представителями одного села, общины.

Причиной могли стать нравственно-этические, экономические, политические и другие факторы: измена, земельные споры, оскорбление женщины, нарушение данного слова, нанесение раны и т.д. Убийство могло произойти намеренно или случайно, но ни в Хевсурети, ни в Сванети для судебного разбирательства это не имело значения (*Нижарадзе Б.*, 1962. С. 115). В то же время в Пшави, Хеви и Мтиулети при вынесении приговора случайное убийство считалось смягчающим вину обстоятельством.

Объектом мщения становился представитель рода убийцы, прежде всего отец, брат, сын, затем двоюродные братья. В такой же последовательности обязанность мстить возлагалась на отца, брата, сына, затем на двоюродных братьев убитого. Мстить старикам, женщинам и детям считалось позором. Мщение не было личным делом только семьи пострадавшего: возмездие было делом всего родственного коллектива. В Хевсурети существовала традиция первого выстрела – брат убитого имел право выстрелить первым (если не было брата, должен был выстрелить отец или тот, кого выбирали и которому передавали ружье убитого). В Сванети во время похорон родственники убитого стояли у гроба с непокрытыми головами. После похорон старший родственник производил выстрел из ружья в знак того, что берет на себя обязанность мстителя (*Харадзе*, 1939).

По хевсурской традиции убийца со своей семьей и родственниками покидали деревню, взяв с собой только самое необходимое. За оставшимся без хозяина домом и принадлежавшими семье угодьями никто не имел права присматривать или пользоваться ими. Если же семья пострадавшего начинала пользоваться имуществом убийцы, происходило *сисхлис дакаргва* (букв.: потеря крови), т.е. потерпевшая сторона утрачивала право на месть, поскольку

кровомщение еще не свершилось, а пострадавшему в качестве компенсации доставалось все имущество виновного (*Очиаури А.*, 1949. Л. 37–38). Убийце, который имел право помириться с родом убитого только через год, в течение этого периода было запрещено бриться, стричься и возвращаться в село. Он обязан был всегда и везде вести себя скромно, поскольку вызывающее поведение впоследствии могло стать причиной многообразных штрафов.

Особо следует отметить засвидетельствованный в Хевсурети древнейший обычай *сабдзелши шедждама*, т.е. «сидеть в хлеву». Если пострадавшая сторона не желала проливать кровь, то «предлагала» виновному «сесть в хлев» на три или пять лет. В течение этого срока виновный должен был постоянно находиться в темноте, имея право выйти из хлева только один раз в сутки – в полночь; он не должен был стричься и бриться. В то же время его семья могла свободно ходить по деревне, только не должна была приближаться к противной стороне. Очевидно, это наказание было имитацией погребения, т.е. приравнялось к смерти и компенсировало кровомщение.

Приведя в исполнение клятву об отмщении, сван шел на могилу убитого, вонзал в землю палку и громко произносил – *гисисхлео*, т.е. твоя кровь отомщена. После этого вся община собиралась и праздновала свершившееся возмездие (*Габлиани Э.*, 1927. С. 135). Мститель-мохевец, войдя в село, выстрелом из ружья оповещал народ о свершившемся возмездии (*Макалатия*, 1934. С. 100).

В Грузии не было обычая кровной мести тому, кто убил члена собственной семьи или родственника; только в случае убийства жены определенная плата полагалась семье ее отца. Когда от руки свана случайно погибал родственник, виновный подвешивал в подмышку три небольших камня и во искупление греха носил их в течение трех лет (*Габлиани Э.*, 1927. С. 136).

Кровная месть должна была завершиться примирением, в противном случае она могла перейти на другие поколения и длиться бесконечно. Примирение считается одним из важных и сложных процессов. Здесь следует учитывать два момента – материальное и моральное удовлетворение пострадавшей стороны: род должен был получить компенсацию за утраченного члена и «плату уважением» (виновная сторона должна была постоянно демонстрировать покорность и осознание чувства вины). В общинах горной части Восточной Грузии дифференцирование платы за кровь происходило не по социальному статусу, как это было отражено в государственном праве, а по гендерному признаку. В обществе, где фактически все были социально равны, в разных общинах указанных регионов плата за кровь женщины и мужчины оценивалась разным количеством скота: за мужчину выплачивали в среднем 60 коров, за женщину – 30.

Следует отметить, что в разных уголках Грузии вид платы за кровь зависел от характера ведущего хозяйства: например, в Хевсурети, Тушети, Пшави, где ведущей отраслью хозяйства было (и есть) скотоводство, за кровь платили скотом. В Сванети, где было смешанное хозяйство, единицей платы за кровь (*цори*) в основном был земельный участок, а часть платы отдельным лицам, которые входили в родственное объединение, осуществляли скотиной (*Мерабишвили*, 1990. С. 109).

Кроме платы непосредственно за кровь процесс примирения кровников подразумевает целый ряд других обязательных выплат. В примирении, как и

при отмщении, фигурирует виновный и его родственники. Ритуал примирения кровников в разных уголках Грузии был несколько отличным. В Хевсурети его начинали посредники. Они договаривались с близкими родственниками покойного о получении согласия на примирение, для чего род виновного закалывал барана, а в случае получения согласия – еще одного. Это следовало успеть сделать до похорон убитого, в противном случае виновный должен был выплатить штраф в размере пяти коров. Предусматривалась также определенная плата роду матери. Когда родственники убитого соглашались на переговоры, назначался день примирения. Церемониал проводился в святилище (*джвари/хати*), где все обряды осуществлял *хуцеси* (главный священнослужитель). Здесь собирались представители родов, медиаторы, посредники, односельчане и др. После проведения определенных обрядов окончательно определяли вид и размер выплат, которые убийца должен был ежегодно вносить в семью пострадавшего (одна овца за мужчину, то же за женщину только в два года раз). Отношение рода виновного к роду пострадавшего должно было быть подчеркнуто уважительным (ПМА, 1987–1988).

В Сванети кровников мирили *морвары*. В назначенный день в семье убийцы устраивали застолье с богатым угощением, на котором присутствовали все родственники с обеих сторон, кроме убийцы, его брата и самых близких родственников, которые до поры не имели права появляться перед собравшимися. Прежде чем сесть за стол, один из представителей пострадавшей стороны входил в дом убийцы, снимал *нача* (надочажную цепь, имеющую сакральное значение), выносил ее во двор и водой заливал огонь в очаге, т.е. совершал акт возмездия, поскольку погасший очаг символизировал смерть семьи виновного (*Харадзе*, 1939. С. 38). Только после трех произнесенных тостов (за примирение семей, за архангела Микаэля и св. Георгия) самые близкие родственники убийцы могли сесть за стол, а виновный появиться перед всем обществом – он вставал на колени, перекрестив мизинцы в знак раскаяния и покорности. Затем стороны обменивались чашами и застолье продолжалось. Мирно завершившаяся трапеза означала, что примирение состоялось. Часто бывшие кровники стремились впоследствии породниться или побрататься.

В Сванети, если преследуемому убийце удавалось проникнуть в дом мстителя и в знак просьбы о милосердии дотронуться до семейного очага или очажной цепи, обычное право запрещало убивать его на месте; также нельзя было убивать виновного, встретив его в церкви или в пределах церковной ограды (*Нижарадзе*, 1962. С. 116).

В системе обычного права значительное место занимает факт нанесения ранений. Оценка ранений требовала от «законников» знания и учета ряда норм. В этом случае вина, как фактор, определяющий меру ответственности, не учитывалась. Не принимали во внимание и то, кто именно затеял драку и по какой причине. Плату за ранение устанавливали только по степени и месту ранения. Тяжесть ранения определяли по месту, длине и глубине раны. В Хевсурети зафиксировано 23 вида ранений и повреждений, за которые была установлена соответствующая плата. Если вследствие ранения человек становился инвалидом и какой-либо орган утрачивал свою функцию, виновному вменяли в обязанность возмещение пострадавшему в виде специальной платы, которая определялась количеством потерянного времени по болезни и невозможностью заниматься своим делом, а в случае легкого ранения удовле-

творялись сравнительно умеренной платой (*Чинчараули, 2009*). Потерпевший мог потребовать у виновного оружие или что-нибудь еще, в чем последний отказать не мог. Определенная плата полагалась также лекарю. Длину зажившей раны измеряли соломинкой, затем прочерчивали линию такой же длины на камне и сверху укладывали зерна: пшеничные – в длину, а ячменные – поперек: виновный платил пострадавшему столько коров, сколько зерен там умещалось, за исключением первого и последнего зерна. Судьи-медиаторы за оценку степени ранения также получали определенную плату. В Сванети, как и в Хевсурети, различали тяжелые и легкие формы ранения. Так, в ущелье Ингури плата за ранение, в результате которого был поврежден какой-либо орган, составляла половину цены за кровь. Плата за легкое ранение составляла от 6 до 90 рублей.

Согласно обычному праву, воровство считалось тоже весьма тяжелым преступлением. В Грузии для восполнения ущерба повсеместно следовали правилу двойной компенсации, хотя в ряде случаев встречается традиция выплаты компенсации в семикратном размере (Тушети, Пшави, Хевсурети). В отличие от других горных регионов Грузии, в Сванети связанные с воровством правовые нормы прослеживаются более отчетливо. Здесь различали и соответственно оценивали следующие виды воровства: когда открывали дверь; проникали в дом через окно или выломанную стену; когда взламывали дом и т.п., что считалось унижением и оскорблением семьи. В подобных случаях, кроме установленной в двойном размере компенсации, была узаконена дополнительная плата. Отягощающим вину проступком считалось также ограбление церкви (*Нижарадзе, 1962. С. 86*). В Сванети обычное право не разрешало убивать или ранить вора. В противном случае убийца или ранивший должен был выплатить пострадавшему определенную компенсацию. Вора наказывал сельский сход, обязывая выплатить штраф в пользу пострадавшего и в пользу общества.

За другие преступления (измена обществу, физическое и словесное оскорбление, проституция, рождение незаконнорожденного ребенка и т.д.) в разных уголках Грузии плата была различной. Почти во всех уголках Грузии изменивший обществу наказывался смертью. В Сванети мужчина, соблазвивший женщину и отказавшийся на ней жениться, выплачивал пострадавшей компенсацию, которая составляла половину платы за кровь.

В практике грузинского обычного права используют различные формы судебных доказательств – клятву, суд божий (ордалии), «взятие на себя греха» (*Долидзе, 1960. С. 31*). Широко был распространен институт присяжных (*мопцуроба*). Без них не происходило ни примирения сторон, ни выплаты за кровь, и вообще они считались обязательным условием вынесения справедливого решения (*Кекелия, 1988. С. 92*). В качестве *мопцурари* (присяжного) выбирали в основном родственников или представителей рода. Существовали присяжные *дасахелебели* (непоименованные, из числа родственников) и *дасახелебули* (поименованные, т.е. посторонние). Последних специально приглашали на судебный процесс. *Дасახелебули мопцурари* должен был быть нейтральным лицом, известным своей принципиальностью и честностью. Число присяжных устанавливали в зависимости от тяжести преступления. Клятву приносили в присутствии свидетелей, в основном в церкви, святыще или на могиле. Например, в Тушети дающий клятву должен был со зна-

менем святилища в руках три раза обойти жертвенник и произнести слова клятвы. При рассмотрении дела в связи с убийством обычай произнесения клятвы на могиле убитого бытовал почти во всех уголках Грузии.

В Пшави существовал обычай клясться своими детьми, что находит аналогию с предусмотренным грузинским законодательством *нашенит пици* (клясться всеми домочадцами) (*Читая, Робакидзе*, 1988. С. 19). Такие формы судебных доказательств, как суд божий – ордалии, в частности *шанти* (раскаленное железо) и *мдугаре* (кипяток), по-видимому, были когда-то широко распространены. Д. Бакрадзе зафиксировал в Гурии (с. Шемокмеди) существование суда божьего, т.е. ордалий, к чему обращались только в случае особо тяжких преступлений: в кипящую воду бросали кусок железа, который подозреваемый должен был достать голой рукой – обожженная рука служила основанием для вынесения обвинительного приговора (*Джалабадзе Н.*, 1988а).

Цодвис мокидеба (взятие на себя греха) как одна из форм доказательственного суда представляет собой упрощенную форму клятвы. В Хевсурети был известен обычай *мицат цодос мокидеба*, состоящий в следующем: тяжущийся брал горсть земли и перед судьями-медиаторами сыпал ее себе на шею со словами – «Пусть на мне будут все земные грехи, если я солгу» (*Хизанишвили*, 1982. С. 262).

Грузинское обычное право предусматривает следующие виды наказания: смертную казнь, изгнание, отлучение и др. К преступлениям определенного вида применяли различные формы наказания. Самой жестокой мерой была смертная казнь за совершение особо тяжкого преступления. Решение о наказании смертной казнью выносили на народных собраниях. Здесь же могли заменить смертную казнь на изгнание или отлучение. *Моквета* (отлучение, отсечение) – одна из распространенных форм наказания в горных регионах Грузии. С точки зрения видов наказания правовой быт Хевсурети отличается многообразием. Здесь применяли отлучение в форме убийства собаки, символического погребения (находиться в хлеву в течение ряда лет без права видеть дневной свет) и др. «Отлучение собакой» происходило в том случае, когда индивид совершал постыдный поступок против веры, например, женился на родственнице, вел себя безнравственно и др. Желающий отлучить виновного убивал его собаку выстрелом из ружья и произносил формулу об отлучении совершившего преступление от его рода. Это в основном происходило в случае убийства, когда родственники убийцы, чтобы избежать мести, сами отлучали виновного от своего рода (*Очиаури*, 1949а. Л. 37–48).

Форма унижающего наказания сохранилась в равнинной Восточной Грузии, где виновного (в основном за безнравственное поведение) в одной рубашке сажали задом наперед на осла и прилюдно возили из деревни в деревню.

Многообразие регионов Грузии обусловило определенные различия норм обычного права, но все они отражают как своеобразие общегрузинской, так и специфику локальной правовой культуры. Представленные аспекты грузинского обычного права – лишь часть той многогранной правовой культуры, которая в определенной мере легла в основу грузинских законодательных памятников. Однако официальный государственный закон не смог до конца вытеснить обычное право, которое продолжало жить рядом с ним.

МУЖСКОЙ СХОД⁵

До начала XX в. в горных регионах органом управления сельской общины, сохранившейся здесь до начала XX в., выступал народный (мужской) сход (селения, ущелья), который регулировал экономическую и социальную жизнь социума. Мужчины собирались на сход в особом месте (под открытым небом или в помещении) и обсуждали текущие хозяйственные, оборонительные, нравственные и другие злободневные вопросы.

У горцев (хевсуры, пшавы, тушины, мохевцы, рачинцы, мтиульцы, сваны и др.) эти места назывались по-разному. В трех общинах (*теми*) Тушети (Чагма, Гомецари, Пирикити) таким термином был *саанджм(н)о* (Цискаров, 1849. С. 44; Чиковани Г., 1983). По толкованию С.-С. Орбелиани и И. Абуладзе *саанджмно* – явный, публичный, гласный от анджмни/анджмани – собрание; информаторы уже не помнят этого термина и употребляют в этом случае слово *шекра* (Орбелиани, 1991; Абуладзе, 1973; Хубутиа, 1969; Чиковани Г., 1988. С. 113–122). Более масштабные, межобщинные и межсоседские сходы назывались *крилоба*. Бацбийцы – представители четвертого тушинского общества (Цова), говорившие на нахском и грузинском языках и давно переселившиеся в Кахети, употребляют местные грузинские термины – *шекра* (сход) и *адгил* (место). В Хевсурети и Пшави места сельского схода соответственно назывались *сапехно/сапехвно* и *сапихвно/сапихно*, от слова *пехони/пихони* – сход. В Хеви собрание сельских мужчин называется *эроба* (от *эри* – народ), место для собраний – *саэробо*, более широкомасштабные сходы – *крилоба*. Место сходов также именовалось термином *майдани/меидани*, который в разных формах использовался во всех регионах Грузии. Это слово арабского происхождения и означает ровное место, площадь, на котором проводились различные мероприятия.

В горной Раче место сбора мужчин и само собрание именовались *соплоба* (от слова *сопели* – селение). В Верхней Раче повседневные собрания мужчин на площади селения и само это место называются *санахшо*. Этот термин заимствован из осетинского языка, что является результатом тесных культурно-экономических и родственных отношений с соседями-осетинами (дигорцами и алагирцами). В Нижней Раче термин *санахшо* употребляется редко.

В Сванети дифференцированы термины, обозначающие место схода и сам сход. Площадь для сельских сборов называется *свит*, а собрание – *лиспал*. В повседневном управлении общественно-экономической жизнью селения участвовало объединение близких соседей, место сбора которого в Нижней Сванети именовалось *ланкави*, а в Верхней (Балсземо) – Сванети *лакрани* и *лахори*. Сванские *ланкав*, *лакрани* и *лахори* были местами, где мужчины обыкновенно собирались в свободное время, занимались ремесленным трудом и обсуждали насущные проблемы. Велико было значение *ланкави* в общине Ушгули, которая долго сохраняла общинное правление и свою независимость. В Ушгули в Нижней Сванети *ланкави* имелось в каждом квартале селения. Место общих народных собраний ущелий в разных общинах Сванети называли *лалхори*, *лузори*, *свити*, *сахеви*; здесь избирались

⁵ © Г. Чиковани

старейшины ущелий – *махвиши*, которые руководили собранием общин (*Нижарадзе Б.*, 1962. С. 90).

В тех уголках горной части Грузии, где население было включено в повседневность феодальных отношений, например в Ксанском ущелье, не существовало специальных мест для народных собраний (даже на уровне селений), и такие собрания не проводились. На территории феодальных владений государственные и общественные вопросы были в ведении административной власти. По словам информантов, в таких селениях соседи в свободное время собирались по кварталам, часто на крышах домов с плоским перекрытием (*бани*).

Селение состояло из одного, а чаще – из нескольких кварталов *убани*, и в каждом из них было свое место для собраний, одно из которых было главным, центральным и традиционно находилось на территории проживания основателя поселения. Место для собраний, как правило, было выделено и оборудовано еще первым поселенцем. Сюда в свободное время приходили мужчины – потомки основателей селения и по мере необходимости совместно решали семейно-родственные проблемы.

С ростом и разделом семей возникали новые кварталы и даже новые поселения, однако и тогда главным местом собрания кровных родственников оставалось то, где издавна собирались предки. Здесь решались вопросы, связанные с родством, включая лично-правовые вопросы. Эти поселения имели патронимический характер, но со временем, из-за появления новых фамилий, постепенно превращались в полигенные – соседские, которые на своих сходах лично-правовых вопросов не рассматривали.

Места собраний отличались друг от друга размерами, и это зависело от площади земельного участка и удобства его расположения. Они различались и по внешнему виду: деревянные сиденья в местах собрания старейшин моногенных селений были предметом особой заботы. В горах, ввиду недостатка лесоматериалов, мужчины рассаживались в таких местах на расположенных там каменных глыбах. Глыбы, предназначенные для старейшин, привозили на быках и часто обрабатывали вручную. Места схода полигенных поселений выглядели проще.

В горной Грузии имелись два типа мест для собраний: площадки под открытым небом и специальные строения. По типу обустройства места собраний под открытым небом бывали нескольких видов: 1) с одним рядом каменных сидений; 2) с двумя параллельными рядами каменных сидений; 3) с круговым, дугообразным, овальным расположением каменных сидений; 4) с каменными сиденьями, расположенными по террасам; 5) площадки с каменными сиденьями, выстроенными способом сухой кладки; 6) покрытые травой, без сидений (*бусно/бортва* в Хевсурети).

На сельских площадках для собраний фиксируются и обработанные (обтесанные) вручную, иного назначения массивные глыбы и камни, с выемками (углублениями) в центре, в которых толкли порох. В Хевсурети такие камни именовались *денги* и были собственностью всего селения. В изготовлении боеприпасов принимали участие все мужчины поселения, так как оборона территории своего проживания считалась делом чести и обязанностью каждого члена общества.

Почти на всех сельских площадках для собраний имелись «камни для испытания силы». В Хевсурети такие камни именовались «испытательными камнями» (*сацдели квеби*). Соревновались мужчины между собой в поднятии камня или в толкании его. Толкание камня с отмеченного места на дальность именовалось *джиритис срола*. Существовали также специальные «молодецкие» камни (*саважскацо ква*), в горной Раче такие камни назывались *сadjил-дао квеби*.

На сельских площадках мужчины часто занимались ремеслом. Они использовали стоящие на площади каменные приспособления для выделки кожи, которые в Хеви называли *сагенчели*. Приносили из дома шкуры и, беседа на разные темы, одновременно разминали кожу, используя приспособления для выделки кожи (*дареджаги*), принесенные из дома.

Особого внимания заслуживают площадки для собраний, которые располагались обособленно; они выделяются из всех существующих в горных районах Грузии величиной камней и тем, что камни для сидения старейшин обработаны вручную и имеют форму скамей и даже кресел. Они встречаются в селениях Сиони (Хеви, Казбегский район), Дартло (Пирикитское общество Тушети, Ахметский район), Цоцолта (Трусо, Казбегский район), где до 1990-х годов проживали осетины.

В Тушети (в Пирикитском обществе) в с. Дартло на площадке, называемой *саприндао*, расположены несколько каменных «стульев», которые С. Макалатия называл «каменными креслами». Тушины называют их *торметаант сками*, т.е. «стулья двенадцати [мужчин]», что указывает на то, что здесь было 12 каменных сидений; в настоящее время их осталось 5–6. Они были сооружены из двух частей – камня для сидения и приставленной к нему высокой плоской каменной спинки (*Макалатиа*, 1983).

Высокой техникой обработки отличаются каменные «стулья-кресла» с. Сиони (на правом берегу р. Терека); они расположены на месте, которое называется *джорткало/джварткало* (мохов. *джори/джвари – крест*). Рядом стоит Сионская церковь. В прошлом на этом месте собирався сельский сход *эроба*. В. Итонишвили полагает, что название *Джорткало* происходит не от слова крест, а от слова *джари* – т. е. народ, собрание людей, и здесь обсуждались важные общественные вопросы (*Итонишвили В.Д.*, 1971; *Чиковани Г.*, 1988).

Особого внимания заслуживает то, что площадки со «стульями-креслами» во всех указанных ущельях резко отличались от остальных. Создается впечатление, что они занимали особое место в общественной жизни, что эти ущелья были центрами всего общества, что не подтверждается ни этнографическими, ни литературными данными. Центром, почетным местом, где собирались представители всего Хеви для обсуждения общеущельских вопросов, была церковь Св. Троицы Гергетис Самеба (XIV в.), к стене которой в XV в. пристроили помещение, где и собирався сход.

Такое же назначение должна была иметь площадь с. Дартло (Тушети) с «каменными креслами». В 1940-е годы в Шатели (Хевсурети) сооружение для собраний мужчин (*сапехно*) находилось еще почти в первозданном виде (*Чачашвили*, 1948). Это было строение с плоской крышей, имевшее три стены. Ранее такие строения существовали и в селениях на южных и северных склонах Большого Кавказского хребта. На северных склонах такое строение

Каменные «стулья-кресла»

Хеви, с. Сиони, VIII–IX вв.

© Фото Г. Чиковани, 1984 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

было в с. Гуро, в с. Гиоргицминда на левой стороне ущелья р. Орцкалхевис Цкали. Строение из булыжника, которое «вмещало сто человек», имело очаг и каменные сиденья сухой кладки. Информанты сообщают о наличии подобных строений в селениях Амга, Ахиели, в общине Ардоти. Последнее также было строением из трех стен, с плоским перекрытием, которое было покрыто утрамбованной землей; открытую часть строения именовали «вратами говорильни» (места собраний) – *საძეხნოს კარი/დარიჟნის კარი*. Строение, предназначенное для проведения собраний в с. Амга, находилось у молельни Сабекурис хати. Это было крытое помещение (открытая галерея с перекрытием), куда мужчины собирались в плохую погоду. По преданию, в этом строении раньше обитал Хогаис Миндиа, что позволяет говорить о связи *საძეხნო* с культом предков. Косвенное напоминание об этом можно увидеть и в ритуале, сохранявшемся до последнего времени в с. Шатили. В среду праздничного новогоднего цикла, которую хевсуры именуют *უკენაშუადგე*, в каждой семье старшая женщина пекла для поминовения усопших круглые хлеба и пироги. В день Богоявления (*გამცხადება დღე*) юноши и мальчики 7–8 лет с раннего утра собирались на месте сельских собраний; для поминовения душ своих родственников они приносили с собой по три круглых хлеба или пирога, по бутылке водки, топленое масло и две связки дров; разжигали на земляном полу костер. После восхода солнца женщины собирались рядом с *საძეხნო*. Молодые люди накрывали стол. Одна из женщин подходила к «вратам говорильни» (передней стены у строения не было), к входу и поминала усопших жителей Шатили. Женщины возвращались домой, а молодежь начинала играть – прыгали через костер. В этот день молодежь не допускала на территорию говорильни старших. Данный ритуал проводился лишь

в с. Шатели, но поминание усопших пирогами, напитками и перепрыгиванием через костер происходило и в других селениях, но не на площадках для собрания сельчан.

Обряд поминовения умерших в сапехно, проводившийся в Шатели и связанный с культом предков, возможно, свидетельствует о том, что место сельских собраний в моногенных поселениях некогда могло размещаться в сельском склепе.

ФОРМЫ ВЗАИМОПОМОЩИ⁶

Трудовая взаимопомощь – одна из значительных сторон хозяйственного быта. В Грузии эта форма организации труда имела место во всех сферах хозяйства, что было вызвано недостатком инвентаря и рабочей силы в крестьянской семье, а также бытующей в народе традицией. Особенно широко применяли различные формы трудовой взаимопомощи при выполнении работ, связанных с основными отраслями хозяйства (земледелие, скотоводство), а также во время строительства.

С точки зрения взаимных обязательств между лицами, оказывающими помощь, и лицом, получающим ее, можно выделить: 1. Сложные формы трудовой взаимопомощи: объединение во время пахоты большим плугом – *модгами*; формы организации труда, связанные со скотоводством, – *монареоба*, *окатури*; 2. Простые формы трудовой взаимопомощи: безвозмездная трудовая помощь беднякам; трудовая помощь по приглашению хозяина работы; взаимопомощь, основанная на паритете.

СЛОЖНЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

Трудовое объединение во время пахоты большим плугом – *модгами*. Пахота являлась одной из наиболее трудоемких работ, связанных с полеводством. В Грузии бытовало большое разнообразие пахотных орудий, что было обусловлено сложной земледельческой системой (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 174). На равнинах Восточной Грузии землю пахали передковым пахотным орудием с отвалом – большим плугом (*диди гутани*). Он был хорошо приспособлен к почве, рельефу и специфическим условиям хозяйства (*Читая*, 1928. С. 213). В этом регионе Грузии особое значение придавалось *анеули* – летней пахоте, которая применялась преимущественно для обработки неорошаемых земель. Против засухи был выработан ряд средств, в частности глубокая вспашка, способствующая сохранению влаги в почве, что делало необходимым использование большого плуга (*Читая*, 1949. С. 373). При работе большим плугом обращались к супряге со строго установленными нормами распределения дней пахоты. Возмещение участия каждого члена объединения происходило в зависимости от его участия орудиями труда, тягловой силой и личным трудом.

Большой плуг со всеми принадлежностями был довольно дорогостоящим орудием. В зависимости от размеров плуга в него впрягали 6–8 пар скота.

⁶ © Т. Геладзе

Рабочую силу составляли плугарь (*гутнисдеда*) и 3–6 погонщиков (*мехре*). Следовательно, незначительное число крестьянских домов было в состоянии пахать землю самостоятельно. Это были, главным образом, большие, неразделенные семьи, которые в конце XIX – начале XX в. существовали уже не повсеместно (*Харадзе*, 1960. С. 43). Малые семьи, как правило, во время пахоты прибегали к трудовому объединению. Несколько домов соединяли инвентарь и рабочую силу и в течение определенного времени поочередно пахали свои участки. В каждом селе в зависимости от его величины организовывалось определенное число супряг (*Читая*, 1928. С. 213). Среди терминов, обозначающих коллективную пахоту большим плугом, наиболее распространенным был *модгами*. Подбор членов *модгами* производил владелец плуга, который, как правило, являлся плугарем.

К летней пахоте готовились за несколько недель до ее начала. Подготовительный период был весьма важен, так как для нормальной работы *модгами* большое значение имели правильный подбор участников, а также продуманное снаряжение плуга и размещение упряжного скота. Следовало учесть также качество и местоположение пахотных участков. Определялись степень участия каждого члена супряги, дни пахоты, причитающиеся каждому из них, очередность вспашки и т.д. Организатором всего этого был плугарь. Он же являлся и руководителем всей дальнейшей работы.

В процессе пахоты плугарь управлял плугом – «держал плуг». В условиях восьмипарной запряжки обычно требовалось четыре погонщика – два дневных и два ночных. Дневные погонщики погоняли скот во время пахоты, а обязанностью ночных погонщиков, помимо этого, была и пастьба скота ночью. Каждый из них управлял двумя парами рабочего скота, сидя на ярме задней пары животных. Трудной и ответственной была работа ночных погонщиков, которыми становились опытные крестьяне. Относительно легким был труд дневных погонщиков, поэтому их роль выполняли молодые. Во время работы супряги строго соблюдали режим труда, отдыха и питания как в отношении работников, так и скота.

Тяжелый труд пахарей облегчала песня. Во время пахоты исполняли песни, известные под названием *оровела*. Они являются прекрасными образцами музыкального фольклора (Грузинское народное поэтическое творчество, 1960. С. 189). Хозяин обрабатываемой земли был обязан кормить работников. Ели два раза в день – *садили* (обед) и *самхари* (полдник).

Плугарь нес ответственность за всю работу супряги. Он был обязан провести пахоту в обещанный срок, всем вспахать одинаково, чтобы каждый из участников был доволен. В случае каких-либо неурядиц между погонщиками плугарь должен был улаживать возникшие конфликты. Он имел право исключить непослушного члена супряги, но в этом случае его труд товарищество должно было возместить. Плугарь был ответственен и за то, чтобы скот не потравил посевы. Все это требовало от него определенных знаний и опыта.

В некоторых селах избирался *устабаш* – глава плугарей, по сравнению с другими более сведущий в земледельческих делах. Это совершалось ежегодно на устраиваемом перед началом пахоты жертвоприношении *сагмрто*. Это был один из плугарей. Устабаш вместе с другими плугарями должен был установить сроки проведения пахоты. В его обязанность входила организация *сагмрто* перед началом пахоты, наблюдение за работой супряг на про-

тяжении всего периода пахоты. В случае, если погонщики были недовольны плугарем, они могли пожаловаться *устабашу*. Кроме того, в случае повреждения сельских дорог во время проведения полевых работ (перевозка урожая и пр.) *устабаш* организовывал работы по их исправлению. Единственным вознаграждением за все это было уважение, которым *устабаш* пользовался в селении.

Число дней пахоты, отводимое каждому из участников, зависело от степени его участия в супряге инвентарем и личным трудом. В большинстве случаев твердо соблюдалась предварительно установленная очередность пахоты. Период, за который должны были вспахать земли всем членам супряги (*ало*), зависел от норм вознаграждения за участие рабочей силой и инвентарем и от количества работников и упряжного скота. Продолжительность *ало* в некоторых местах несколько увеличивалась вследствие того, что там по традиции было принято пахать земли сельского пастуха, полевого сторожа и кузнеца. На продолжительность *ало* влияло и то, что плужные товарищества часто обязывались работать на должностных лиц. В ряде селений было принято обрабатывать поля землевладельцу за пользование лесом, водой, пастбищами и другими угодьями (*Мачабели*, 1887. С. 200–201). Иногда пахали вдовам и сиротам из чувства сострадания. В некоторых селениях все супряги продавали по одному дню пахоты и на полученные деньги устраивали обрядовое пиршество – *сагмрто*.

Количество работников и упряжного скота, нормы распределения результатов труда (рабочих дней), а также обязанности по отношению к сельскому пастуху, кузнецу, полевому сторожу и проч., а следовательно, и продолжительность периода совместной работы в разных местностях и даже в разных деревнях одной местности не всегда совпадали, но в каждой конкретной деревне были твердо установлены.

Своеобразием характеризовалась супряга в некоторых частях Кахети. Это было обусловлено существованием там архаического способа пользования общинными землями, «захватного» землепользования. Заключалось это в следующем: жители села вместе со старостой решали, когда начать пахоту. В назначенный день все плуги села должны были выйти в поле одновременно. Каждый плугарь обводил бороздой участок, который успевал «захватить», и лишь после этого начиналась пахота. Если дымы пахали, объединившись в супрягу, то в «захвате» земли участвовал владелец плуга. По окончании пахоты производился раздел уже вспаханной земли между членами супряги. Площадь вспаханной земли делилась между участниками супряги пропорционально их участию в супряге личным трудом, а также предоставлением орудий и рабочего скота. На долю каждого приходилось столько *дгиури* (площадь земли, вспаханная за один день), сколько дней пахоты причиталось каждому из них за участие в супряге личным трудом, а также за инвентарь.

С пахотой были связаны определенные верования и обычаи. Среди них значительное место занимали церемонии, сопровождающие начало и окончание пахоты. Перед началом летней пахоты (*анеули*) устраивалось *сагмрто* – жертвоприношение с пиршеством, иногда приуроченное к Вознесению. Особенно организовано проходило *сагмрто* в тех селениях Кахети, где сохранялось общинное землевладение. За несколько дней до *анеули* устабаши и старосты вызывали всех плугарей и сообща решали, когда начать пахоту. Тут

же договаривались и об организации *сагмрто*. Все супряги, а также семьи, пахавшие самостоятельно, должны были «продать» один день пахоты. Деньги брали вперед. На собранные деньги покупали жертвенных животных, вино и за день до выхода плугов в поле устраивали обрядовое пиршество супряжников. Овчары в этот день жертвовали овец. Жители деревни собирались у церкви и, прослушав молебен, принимались за приготовление к угощению. На это пиршество помимо тех, кто непосредственно принимал участие в работе, приглашались сельские чиновники, духовенство, овчары, полевые сторожа, старики. Больным их долю отсылали домой. Тосты, провозглашавшиеся на этих пиршествах, носили характер благословения. Плугари благословляли погонщиков, желали им добросовестно трудиться и успешно закончить предстоящую работу. Это было самой поздней по времени разновидностью устройства пиршеств на коллективные средства (*Бардавелидзе*, 1949а. С. 109). В некоторых селениях Картли обычай празднования сельского *сагмрто* был утрачен и каждая супряга самостоятельно отмечала начало летней пахоты вкладчину (*псони*).

Появление супряг связано с распадом больших семей (*Робакидзе*, 1951. С. 418). Первоначально они, как и другие трудовые объединения, являлись объединениями малых семей, входящих в одну патронимию (*Косвен*, 1948. С. 19). О существовании в прошлом родственного принципа при коллективной пахоте говорят некоторые термины, обозначающие супрягу. Так, термин *комоба*, помимо супряги, обозначает также и патронимию (*Робакидзе*, *Гегечкори*, 1975. С. 130); *мондави*, помимо супряги, обозначает и жен братьев. Это подтверждается и термином *модгами*, который во вступлении к «Сборнику законов Вахтанга VI» употребляется в значении *модгма* (род) (*Долидзе*, 1963. С. 99), а в «Дидмоуравиани» Иосифа Тбилели – в значении «родственника» (*Джикия*, 1946. С. 395). Согласно этнографическим материалам с. Диди Гомарети (Картли), супряга именовалась *амгали*. Термин же *модгами* для обозначения супряги здесь употреблялся только в тех редких случаях, когда для совместной пахоты объединялись родственники, по местному выражению, «люди одного происхождения» (*Геладзе*, 1987. С. 92).

При пахоте в Западной Грузии и в горной части Восточной Грузии, где землю обрабатывали орудиями простой конструкции, крестьяне объединялись в супряги: 1) с ненормированной системой трудового участия и распределения дней пахоты; 2) с частичной регламентацией взаимоотношений между участниками; 3) основанные на принципе равного участия (инвентарем и личным трудом), когда члены объединения работали друг у друга равное число дней; 4) с намечающейся тенденцией неравного распределения дней пахоты на основании неравного участия в ней отдельными компонентами.

ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА В СКОТОВОДСТВЕ

С одной из основных отраслей хозяйства, скотоводством, главным образом с перегонным скотоводством, были связаны крупномасштабные формы организации труда *монареоба* (Восточная Грузия – Кахети, Картли, Тушети, Пшави, Эрцо-Тианети, Мтиулету, Хеви) и *окатури* (Западная Грузия – Самегрело) (*Шамладзе*, 1977. С. 145). Суть перегонного скотоводства заключалась

в постоянном перемещении территориально оторванных от основных поселений стад крупного рогатого скота, а также отар овец и обслуживающего персонала с летних пастбищ Центрального и Южного Кавказа к весенне-осенним и зимним пастбищам Восточной и Западной Грузии и обратно. Несмотря на мобильный характер, перегонное скотоводство велось в тесной хозяйственно-экономической и организационной связи с основными поселениями, где население занималось земледелием и другими отраслями хозяйства. В течение всего года в перегонах скота участвовали лишь отдельные члены семьи – мужчины, объединенные в *монареоба* – товарищество овчаров и *окатури* – товарищество хозяев крупного рогатого скота (*Шамиладзе*, 1974. С. 50; 1977. С. 87).

Состав *монареоба* и численность овец были некоторым образом ограничены. Оптимальное количество овец составляло 3000; к ним добавлялись примерно 50–60 лошадей, 20–30 собак, 15–20 ослов, 80–100 коз (*Шамиладзе*, 1977. С. 27). Такое объединение овчаров должны были сопровождать 15–20 пастухов.

Перегон отары численностью меньше тысячи овец был экономически не выгоден, а если в отаре было более трех тысяч овец, это затрудняло перегон. В *монареоба* исключался наемный труд. В конце XIX – начале XX в. *монареоба* было территориально-соседским объединением. Организация его начиналась с апреля, перед перегоном овец на летние пастбища. Среди *монареове* (членов *монареоба*) избирался глава объединения – *саркали*, опытный овцевод, хорошо знавший маршруты перегона и разбиравшийся в пастбищах. Примечательно также, что хороший *саркали* должен был знать язык, быт и нравы тех соседних народов, по территории которых проходил маршрут перегона овец. Обязанностями его были организация перегона, наем летних пастбищ и руководство всеми работами в период пребывания на летних пастбищах (дойка, заготовка сыра, пастьба, стрижка и т.д.). Продукцию делили между собой в зависимости от принадлежащего каждому из овчаров количества дойных овец. Сообразно с этим распределялись и все расходы (*Харадзе*, 1960. С. 123). С конца сентября овцеводы начинали двигаться к зимним пастбищам.

В Западной Грузии, в Самегрело, основная часть скотоводов объединялась в товарищества *окатури*, в которые входило 8–10 хозяев скота. Организация его начиналась непосредственно перед перегоном крупного рогатого скота на летние пастбища. Товарищество выбирало руководителя (*дуди кочи*), человека, обладавшего хозяйственным опытом (знание путей перегона, опыт в подборе и найме пастбищ, умение руководить хозяйством и т.д.). По прибытии на летние пастбища стадо делилось по отдельным видам скота (дойные коровы, нетели, телята, козы, овцы, лошади). Для каждого определялись отдельные участки пастбища и по ним распределялись пастухи. Выделялись также: лицо для изготовления сыра и пищи и ухода за общим сыром; его помощник для подноса дров, мытья посуды; подносчик пищи для пастухов и охотник, обязанностью которого помимо охоты была и защита скота от зверей. Основным источником доходов мегрельских скотоводов был сыр, который периодически перевозили на равнину для продажи. Сыр делили в соответствии с количеством дойных коров, принадлежащих каждому из участников товарищества (*Шамиладзе*, 1974. С. 75–76). Осенью *окатури* распадался. Каждый его участник со своим скотом перемещался на осенние, а затем на зимние пастбища. В *окатури* исключался наемный труд. В конце XIX – начале XX в. *окатури* было территориально-соседским объединением.

ПРОСТЫЕ ФОРМЫ ВЗАИМОПОМОЩИ

Для трудовой помощи бедным семьям – вдовам, сиротам, старикам, семьям, не имеющим рабочего скота, в большинстве случаев объединялись по собственной инициативе, шли работать со своими орудиями труда, часто со своим хлебом и помогали, не получая за это какого-либо вознаграждения. У семьи, которой оказывали помощь, было всего лишь моральное обязательство в случае надобности ответить тем же. Часто инициативу брал на себя священник. В случае, если семья не успевала справиться с какой-либо работой (сбор урожая, перевозка и пр.), священник созывал людей. Явившиеся на зов, узнав, кому и в чем должны помочь, отправлялись и оказывали соответствующую помощь. В Гурии (Западная Грузия) было принято коллективно обрабатывать поля семьям ссыльных политических заключенных, равно как и семьям солдат, участвующих в Первой мировой войне. Бывали случаи, когда хозяева об оказанной помощи узнавали через несколько дней (Цуладзе, 1971. С. 24).

Трудовая помощь особенно организованно проходила в местах, населенных государственными крестьянами, поскольку там действовали законы общинного землепользования – все однородные работы проводились одновременно. Поэтому, если семья по какой-либо причине не успевала выполнить работу, односельчане помогали ей. Трудовую помощь обычно оказывали в «запретные» дни, когда работать на себя было запрещено во избежание града или других бедствий. К началу XX в. данная форма организации труда не была обусловлена родственными отношениями. Однако термин *мешабатэ* (от груз. *шабати* – суббота), известный в Хевсурети и обозначающий как людей, оказывающих трудовую помощь, так и ближайших родственников (Хизанашвили, 1940. С. 82), говорит о ранее существовавшем родственном принципе при подобной помощи.

К трудовой помощи по приглашению хозяина прибегали во время особо трудоемких работ. Хозяин должен был щедро угостить приглашенных рабочих и нес только моральную ответственность в случае надобности ответить трудовой помощью. Данная форма трудовой помощи в отдельных частях Грузии обозначалась разными терминами, наиболее распространенными были *дадзахили* (Восточная Грузия) и *нади* (Западная Грузия).

Дадзахили широко применялось при уборке хлеба, поскольку каждый вид злаковых требовал своевременной уборки, иначе зерно могло перезреть и осыпаться. Труд между рабочими был разделен. Часть работников (*момкали* – жнец) жала серпами колосья, оставляя *хелеури* (охапки колосьев) на месте. Те, которые их подбирали, назывались *мехелеуре*. Последние относили собранные хелеури к *медзнеури*, обязанность которого заключалась в связывании сжатого хлеба в снопы. Вязали снопы при помощи перевясел – *уло*. Был выделен и *меулое* – человек, приготовлявший перевясла из предварительно размоченной соломы.

Коллективная работа проходила в праздничном настроении, сопровождалась весельем, порой превращаясь в своего рода ритуал. Песни помогали выработать ритм и такт в работе группы, облегчали процесс труда, являлись силой, организующей коллектив, способствовали повышению производительности труда (Асланишвили, 1954. С. 268). Жатва сопровождалась разными песнями, которые соответствовали отдельным моментам и специфичес-

кому ритму выполняемого трудового процесса. Жнецы распределялись по рядам. В середину ряда становился лучший жнец. Он запевал и этим подавал знак всем. Пение определяло ритм всей работы. Старший начинал громким «гооп», остальные повторяли. Потом старший пел один стих песни – «Ты, парень из Азамбури». Остальные повторяли его. Старший пел снова «гооп!», все повторяли. За этим следовало продолжение песни «Твой голос далеко звучит», потом снова «гооп!», повторявшееся четыре раза. При каждом «гооп» или соответствующем ему стихе песни жнец делал движение серпом и захватывал срезанную пшеницу левой рукой. Когда серпы затуплялись, делали передышку. Все доставали точильные бруски и в такт особой песни оттачивали серпы (Бюхер, 1923. С. 203).

Были также песни *медзнеури*, *мехелеуре* и лиц, ставящих скирды. Между жнецами устраивалось соревнование. Тут должен был проявиться лучший жнец – *тави момкали* (глава жнецов). Вот как описывается этот процесс: «Начинает обыкновенно тот, который утвердил за собой славу бравого, ловкого жнеца; с громким, пронзительным кликом “опума”, “опума”, с сверкающим серпом в руке, он вихрем устремляется на ниву, и не проходит минуты, как он уже очутился впереди всех, в самой гуще золотистых волн, и только слышен вдали его клич, в самом деле похожий на ржание дикого коня, когда он, живописно распустив хвост и гриву, мчится в необозримой степи... Другие с теми же кликами подвигаются вперед, ловко складывая направо и налево сжатые снопы и стараясь не слишком отстать от молодца – товарища. Любо видеть этих тружеников в самом разгаре их тяжелого занятия» (Берзенов, 1854).

По окончании работы из последних колосьев лучший жнец делал *мкис джвари* (жатвенный крест) и с ним, как знаком окончания жатвы, отправлялся домой к хозяину работы, подавая крест хозяйке со словами пожелания, чтоб и впредь был такой урожай. «Аминь!» – отвечала хозяйка и в награду давала петуха. Крест хозяйка вешала на стене или прикрепляла к столбу. Затем при молотье нового урожая его бросали в первый настил.

Точно соблюдался режим отдыха и питания. В течение рабочего дня несколько раз отдыхали. Дневной рацион работников сводился к четырехразовому питанию. Иногда после окончания жатвы каждой полосы (*све*) хозяин угощал рабочих вином. По окончании работы все отправлялись к хозяину поля домой, где их ждал щедрый ужин. Голова зарезанного для этого ужина животного принадлежала главе жнецов.

В Западной Грузии к *нади* часто обращались при мотыжении кукурузных посевов. Мотыжение, как и другие сельскохозяйственные трудовые процессы, сопровождалось песнями, соответствующими специфическому ритму этого процесса. Тематика песен была разнообразна, включая героические, социальные и любовные мотивы (Рухадзе, 1976. С. 183). Если у хозяев смежных земельных участков в один и тот же день было *нади*, то песни пелись поочередно. Иногда для совместной работы собиралось больше людей, чем требовалось. В таком случае после окончания работы у человека, пригласившего их, крестьяне переходили к соседу с песней: «Нам не хватило твоего поля, сосед увел нас к себе» (Цуладзе, 1971. С. 21).

В Гурии (Западная Грузия) зафиксировано *мокврис нади* (букв.: *нади* свояка), суть которого заключалась в следующем: хозяин просил своего родственника, проживающего в другой деревне, помочь ему мотыжить кукурузу, а тот

приходил вместе с односельчанами. Аналогичной формой помощи во время жатвы была бытующая в Восточной Грузии *мокврис муша* (рабочие свояки).

Коллективная трудовая помощь за угощение имела место и при выполнении менее трудоемких работ – лущение и молотьба кукурузы, собирание эндемических видов пшеницы (*маха, зандури, кентхела*), мотыжение посевов гоми, прополка. Это были относительно малочисленные объединения. Лущение кукурузы считалось женским делом. Женщины собирались по приглашению хозяйки дома обычно по вечерам. Пока они занимались лущением кукурузы, мужчины (члены семьи, для которой работали) вязали кукурузную солому в небольшие связки. На этих вечерах устраивали разные увеселения и игры, шутки. После окончания работы хозяйка дома щедро угощала приглашенных. При молотье кукурузы созывали молодежь – парней и девушек.

Эта форма коллективного труда часто имела место также при строительстве жилища. Работа состояла из двух этапов: подготовка строительного материала и непосредственно строительство (закладывание фундамента, возведение стен и перекрытий дома). Особый спрос на коллективную помощь был в период подготовки стройматериала. В Восточной Грузии, где строили каменные дома, строительным материалом были камень, лес, песок и известь. Использовали как каменные глыбы, добываемые в каменоломнях, так и крупную гальку. Каменные глыбы перевозили на арбах к месту строительства и там обрабатывали (Чиковани Т., 1987. С. 81). Гальку собирали на берегах рек летом или осенью, а затем перевозили. Население предпочитало использовать тот вид камня, добыть который было легче. Например, в ущелье Малой Лиахвы предпочитали гальку, а в Атенском ущелье – каменные глыбы, которыми была богата эта местность (Топурия, 1959. С. 68). Лес рубили в основном осенью и зимой, а летом перевозили, используя несколько пар волов или буйволов. Песок и известняк собирали летом по берегам рек.

Степень трудоемкости этих работ и, следовательно, степень необходимости коллективной помощи при их выполнении были обусловлены местными условиями. Например, в богатой каменными карьерами Цалке добыча и обработка камня зачастую производилась семьей самостоятельно. Что же касается лесоматериала, то ввиду отдаленности лесистых мест это было связано с определенными трудностями (Чиковани, 1960. С. 23), и коллективная помощь при рубке и перевозке леса была необходима. Подобная ситуация была и в Хеви (Итонишвили, 1967. С. 9). В тех селениях Сванети, где песок привозили издалека, с берегов р. Ингури, обращались к *квишис галдами*, т.е. коллективной помощи для перевозки песка, а в тех местах, где рубка и доставка леса были связаны с особыми трудностями, – *хис галдами*, т.е. коллективной помощи по рубке и доставке леса. Следует заметить, что трудовая помощь (*галдами*) в Сванети характеризовалась особой организованностью: в некоторых общинах существовало деление на *сагалдамо* (Чартолани, 1970. С. 15), т.е. группы семей, оказывающих помощь друг другу в случае надобности.

Взаимопомощь, основанная на паритете, – это трудовое объединение, основанное на принципе равного возмещения затраченного труда. Условившись взаимно помогать друг другу, несколько крестьян объединялись и сообща по очереди работали друг у друга равное количество дней. Таким образом все члены товарищества получали равную трудовую помощь. Данная форма взаимопомощи обозначалась разными терминами, наиболее распространенный –

нацвалгарда (букв.: помощь взамен). Обычно такие объединения создавались крестьянами, равными по экономическому положению, в основном бедняками. Семья, для которой работали, была обязана кормить рабочих. Пища была скромнее, чем при *дадзахили* и *нади*. Режим труда, отдыха и питания был твердо установлен и зависел от выполняемой работы. Очередность определяли по договоренности. Объединялись мужчины или женщины в зависимости от рода работы и местности. В горной части женщины активно участвовали в сельскохозяйственных работах, в то время как на равнине их роль в этой области была сильно ограничена. Иногда к подобным товариществам присоединялись крестьяне, не имевшие в ту пору у себя работы. Крестьянин, помогая соседу, тем самым обязывал его в свою очередь отплатить тем же. К такому способу обращались с целью обеспечения себя в будущем рабочими руками.

Когда работа производилась ручными орудиями труда (расчистка леса под пашню, мотыжение, прополка пшеничных посевов и т.д.), участники являлись на работу с собственным инвентарем. К *нацвалгарда* обращались и при выполнении работ, требующих рабочего скота (удобрение почвы, перевозка урожая, молотба и т.д.). В таких случаях причиной объединения являлась не только спешность полевых работ, но и отсутствие у крестьян упряжного скота в нужном количестве.

Эквивалентной взаимопомощью являлась и связанная с равнинным скотоводством форма организации труда – *бера*. Равнинное скотоводство подразумевало сезонное перемещение скота на внутрисельских и близлежащих пастбищах, пахотных участках, парах и других угодьях под наблюдением пастухов. *Бера* – это объединение владельцев дойного скота, которое предусматривало организацию ухода за скотом и ведение молочного хозяйства. С этой целью в селах Кахети 5–10 семей объединяли дойных коров в одно стадо и строили для него один загон. Хозяйством *бера* занимались мужчины. Пастба скота, уход за ним, дойка, изготовление молочных продуктов осуществлялись поочередно. По очереди получали участники *бера* и удой (*Цагарейшвили*, 1987. С. 93).

Появление *бера* связано с распадом больших семей в равнинных районах Восточной Грузии. Малая семья не могла обеспечить себя необходимым количеством скота для независимого ведения молочного хозяйства (*Шамиладзе*, 1979. С. 238).

Эквивалентной взаимопомощью была и *ригит менахиреоба* (пастба по очереди). Несколько домов, а иногда и все село объединяли свой скот в одно стадо и поочередно пасли его. Число дней пастбы определялось по количеству скота. Эта форма организации труда в основном была распространена в тех горных районах, где летние пастбища были расположены не так далеко от основного поселения и поэтому летом перегон скота не требовался (Шатели в Хевсурети, Ушгули в Сванети) (*Шамиладзе*, 1974. С. 71). Эта форма скотоводства изредка встречалась и на равнинах, где скот пасся на основных хозяйственных базах – на сельских пастбищах.

Традиционные формы трудовой взаимопомощи сохранились и после революции. Однако национализация земли и механизация сельского хозяйства сильно сократили масштабы их применения, особенно в равнинных районах. Традиция взаимопомощи продолжает существовать и в настоящее время, измененная в соответствии с современными условиями.

ГОСТЕПРИИМСТВО⁷

В культурном наследии грузинского народа особое место занимает гостеприимство – один из главных компонентов этнической ментальности и самосознания. Это уникальный социальный институт с сакральной нагрузкой, возникший на ранних этапах общественного развития. Согласно народным представлениям, «гость – посланник бога», и ему, как пришельцу из внешнего мира, оказывают должные почести. Гостеприимство – это не только взаимные отношения между конкретными лицами или отдельными группами, это важная часть общественной жизни, в которой принимают участие община, родственники и соседи.

Традициями грузинского гостеприимства восторгались иноземные путешественники и миссионеры из разных стран, политические и государственные деятели (А. Ламберти, Ж. Шарден, Г. Гакстгаузен, К. Кастелли, А. Дюма и др.). В своих записях они подчеркивают щедрость грузин, их рыцарский характер и отвагу. В разных регионах Грузии гостеприимство имеет ряд локальных характеристик, но в целом же это единый культурный феномен, главными моментами которого являются надлежащий прием гостя, угощение и предоставление ему крова.

Обычно гостя принимали в основном жилом помещении, где вся семья спала на одной тахте, и там же отводилось место для гостя (Картли, Кахети). В горных регионах (Рача, Сванети, Пшав-Хевсурети), чтобы гость чувствовал себя свободно, его устраивали ночевать в амбаре или на сеновале (*Рухадзе*, 1976. С. 79). В Сванети и Пшав-Хевсурети гостям отводили специальную комнату на втором этаже двухэтажного дома или в верхней части башни (сван. *гузанд*, *сацвел*). Состоятельные семьи имели отдельное гостевое строение – *ламизвар* (*Иоселиани Х.*, 2006. С. 41).

В народе считали, что гость – божий посланник, прибывший из чужого, незнакомого мира; в течение всего времени, пока гость находится в семье, он находится в безопасности. Обязанность хозяина – проявление заботы и уважения к гостю не только во время его пребывания в семье, но и за пределами дома и села. Гость, со своей стороны, обязан уважать порядок и обычаи семьи, в которой он гостит.

По традиции горцев, гость (путник, нищий), оказавшись в незнакомом селе и не имея там близких, считался гостем всего села. Он направлялся к месту собрания жителей села *санахшо* (Рача), *сапихвно* (Хевсурети), *свип* (Сванети) и шел в гости к тому, кто первым его приглашал. Чаще всего приглашение исходило от старейшины селения. В Имерети даже самый бедный деревенский житель просил гостя зайти к нему и поднять стакан вина за здоровье семьи. Случайному прохожему, который просил всего лишь стакан воды, у калитки предлагали еду, фрукты и выпивку.

В Западной Грузии гостей сначала угощали фруктами во дворе, затем в винном погребе открывали нетронутый *квеври* (винный сосуд), произносили два-три тоста за здоровье и после этого приглашали за специально накрытый стол. В Самегрело этот обычай называется благословением (*охвамери*). В винном погребе накрывали стол и в Картли, и в Кахети. С исключительной

⁷ © Г. Гоциридзе

любезностью принимали гостей в Абхазии, где даже незнакомцу предлагали «переночевать». Постыдным считалось, если кто-то отказывался принять у себя гостя или же не оказывал ему должного уважения. Такая семья становилась объектом порицания всей деревни (*Инал-Ипа*, 1984. С. 78).

Традиция гостеприимства в Сванети издревле носила исключительно своеобразный характер. У сванов гостем назывался лишь пришелец из дальних краев, посторонний человек, а односельчан, родственников или просто знакомых гостями не считали. Исходя из этого, гостеприимство (груз. *стуматрмоқвареоба*; букв.: «любовь к гостям») по-свански означает «любовь к чужеземцам». Аналогично осмыслен этот термин и в Хевсурети, где односельчанин не является гостем (*Иоселиани*, 2010. С. 394; *Шанидзе*, 1984. С. 203).

Среди горцев бытовал своеобразный ритуал встречи постороннего гостя, который сегодня редко встречается: как только гость ступал во двор, молодой член семьи был обязан принять у него лошадь, груз, после чего хозяин приглашал его в дом. Прежде чем переступить порог, гость был обязан снять и отдать хозяйке свое оружие. Несмотря на то, что для горца обезоружить себя считалось ущемлением мужского достоинства, данная норма поведения объясняется нравственным мотивом: гость доверял принявшей его семье, а семья соблюдала меры осторожности на тот случай, если чужеземец, выпив вина, невольно потянется к оружию (*Моцерелия*, 1987. С. 51; *Иоселиани Х.*, 2006. С. 335).

В традиционной системе гостеприимства были четко определены гендерные возрастные и правовые аспекты, что наглядно проявлялось в ритуалах приема гостей и их обслуживания, в роли женщины в означенных ритуалах. Несмотря на то, что в ментальности грузина культ женщины всегда существовал в идеализированной форме, в реальности ее роль в определенных случаях была ограничена. К примеру, ограничено было участие женщины в коллективных трапезах; она старалась обслужить гостя, избегая общения, более того, если в тот момент в семье отсутствовал мужчина, для угощения гостя она обращалась к соседу. В то же время угощала гостей и обслуживала застолье именно женщина, она готовила и подавала разные блюда, за исключением выпивки, что составляло обязанность мужчин (*Ивелашвили*, 1995; *Гоциридзе*, 2007).

Достоин внимания и такой обычай: пока в семье готовились к угощению гостей, глава семьи приглашал соседей – красноречивых, способных развеселить гостей пением и танцами. Этот обычай в Тушети называли *ахия* и к нему прибегали, когда гостями были и мужчина, и женщина (*Макалатия*, 1983б. С. 81). В знак уважения к гостю созывали соседей и в Раче, особенно при визите замужней дочери и зятя. Такое застолье в Сванети обслуживали только женщины, они же подавали на стол спиртные напитки (*Иоселиани*, 2010. С. 335). Мыть ноги гостю считалось выражением особого уважения к нему; этот обычай бытовал в Абхазии, Самегрело, Сванети и Раче вплоть до 1930-х годов.

Одним из главных моментов в отношении гостя и хозяина было одаривание гостя в знак дружбы и благорасположения. В качестве подарка часто выбирали предмет, имевший назначение оберега. Нередко дарили кожаный пояс с кинжалом, порох, украшения, кошелек ручной вязки, вязаные носки, бурку, папаху и т.д. Одаривание было добровольным желанием хозяев, особенно

если гость был посторонним и гостил в семье первый раз. Бывали случаи, когда хозяин без колебания дарил гостю приглянувшуюся ему вещь (*Итонишвили В.Д.*, 1969. С. 7).

Самыми дорогими подарками считались конь и оружие. О распространении издревле этого обычая в Грузии свидетельствуют и литературные источники, в том числе поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Традиции гостеприимства нашли яркое отражение в поэме Важа-Пшавела «Гость и хозяин». Одаривали гостя в основном при прощании, что сопровождалось особой церемонией. В этом отношении отличалась Абхазия, где превалировал вербальный этикет – учтивый диалог между гостем и хозяином (*асасарта*). Хозяин, беседуя с гостем, провожал его до околицы, извинялся, что не смог уважить его как полагается, уверял, что будет рад повторному визиту, благословлял и желал ему счастливого пути (*Инал-Ина*, 1984).

Подобным образом провожали гостя и в Имерети, Раче, Сванети, Самегрело. В Имерети обязательно поднимали тост у калитки за все святое, желали гостю счастливого пути. В Сванети это называлось *сакеино* (*Иоселиани Х.*, 2006. С. 41). Ферейданцы (проживающие в Иране грузины) сохранили обычай произносить словесную формулу при прощании с гостем – «Господь с тобой».

Строго соблюдали обычай гостеприимства кавказские чабаны, встречаясь на общих летних пастбищах. В этом случае радушные хозяева закалывали гостю барана до года (*тохли*), готовили чабанское блюдо *чабан каурму*, варили хинкали, жарили шашлык, угощали хлебом и домашней водкой (*жипитаури*) и т.д.

Особо следует отметить этикет гостеприимства в высших социальных слоях, при царском дворе. При царском дворе Грузии XI–XII вв. уже существовал установленный порядок приема и угощения гостей и соответствующее звание – *местумре* – столтник, смотритель за царским столом, который упоминается у историка царицы Тамар, в сочинениях «Жамтагмцерели», а позднее в памятнике грузинского права XIV в. «Распорядок царского двора» и в сборнике распоряжений по государственному управлению «Дастурламали».

Крупные феодалы, князья, дворяне и помещики в феодальной Грузии облагались налогами, среди которых был и *самаспиндзло* (для угощения гостя), упомянутый и в «Дастурламали» (*Джавахишвили И.*, 1982. С. 79). Таким образом, затраты на гостеприимство при царском дворе были предусмотрены государственным законодательством; тяжесть такого налога ложилась на плечи крестьян, которые были обязаны обслуживать как гостей знатных дворян, так и своих хозяев.

Принимали и угощали гостей и в монастырях и церквях, за счет монастырских и церковных доходов. Эта обязанность была отражена в уставах (типиконах) храмов, подтверждением чего служит известный церковный памятник «Акты Иверона», в котором приводятся важные сведения, связанные с гостеприимством (Акты Иверона, 2008). Церковь как храм божий принимала гостей милосердно, угощала, давала им приют, но не на территории храма, а в отдельных кельях и богадельнях. При некоторых монастырях были сооружены и «ксеноны» (помещения для больных). Подобные богадельни в основном существовали за счет пожертвований.

ТРАДИЦИОННОЕ ЗАСТОЛЬЕ⁸

О достоинствах грузинского застолья, его обрядовом характере убедительно свидетельствуют данные как собственно грузинских источников, нарративных произведений и фольклорных памятников, так и сведения зарубежных авторов, путешественников и миссионеров.

Изучение проблемы в культурно-историческом плане показало, что в видах традиционного застолья, обычаях сидения за столом, в грациях по возрасту и полу, в зрелищных ритуалах, действиях тамады (руководителя пира) и тостах, в терминологии прослеживаются сакральные элементы древнейших коллективных трапез и обрядового застолья, признаки семиотического восприятия мира и символики, полностью находящиеся в рамках установленного этикета.

Из семейных трапез выделим: повседневные, праздничные – по случаю годового календарного цикла и ритуальные (рождественская, новогодняя, пасхальная). К общественным трапезам относятся более масштабные застолья: свадебные, общинно-храмовые, праздники по случаю сбора винограда и др.; к функциональным, т.е. по назначению: застолья по случаю помолвки, новоселья, свадьбы или поминок; к ситуативным, т.е. в особых обстоятельствах: угощение на скорую руку, гостевые и др.

По народным представлениям поделить хлеб (*нурис гатеха*) с гостем означало соприкоснуться с Всевышним и войти под его покровительство. Гость становился близким для семьи человеком, родственником, членом того социума, в который он попал. Так исполнялся своеобразный обряд инкорпорации, что совершенно очевидно на примере угощения на скорую руку.

Обычай пить за здоровье *шemosцребули* (подоспевшего) распространен по всей Грузии: если приходил запоздалый гость, то временно нарушалась последовательность тостов и все должны были пить за его здоровье. Гость был обязан принять предложенную чашу, выпить за здоровье семьи, присутствующих и только после этого он мог приобщиться к общему застолью и уже как его полноправный член пировать вместе с хозяином.

Семиотическое распределение внутреннего пространства застолья по сегментам распространяется и на масштабные общественные трапезы, ярким свидетельством чего являются свадьба, поминки, роины и т.д. Широкомасштабное свадебное застолье традиционно справляли во дворе (*сакармидамо*). В Западной Грузии такое застолье называлось *сена* – специально обустроенное для этой цели место с перекрытием, параллельно расставленными столами и свободными проходами между ними для обслуживающего персонала – *пехзе матриалеблеби*, для виночерпиев – *мериките*. На небольшом возвышении накрывали торжественно убранный (с подушками, коврами, цветами) стол для новобрачных. В Самцхе-Джавахе этот стол назывался *аджилаки*. Посередине стола восседали новобрачные, а слева и справа – *эджиби* – шафер и *хелисмомкиде* (друга).

За стол в первую очередь приглашали почетных гостей, затем родственников, близких людей, приятелей. Члены семьи и близкие соседи обслуживали

⁸ © Г. Гоциридзе

Трапеза в *дарбази*

Фото Л. Сафраяна, 1964 г.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

застолье. Гостей рассаживали за столом по старшинству: ближе к новобрачным садились старшие по возрасту, затем – гости среднего возраста и молодежь. Незамужним и неженатым не полагалось садиться за стол старших без особого разрешения. Для детей и женщин столы были накрыты отдельно. Тамада сидел во главе стола старших на почетном месте. В старину в Грузии во время застолья соблюдались правила разделения полов. Мужчин и женщин за одним столом не сажали не только во время общественного застолья, но и дома, в семейном кругу.

В XVII в. незначительные изменения претерпел и порядок рассаживания за столом: мужчины и женщины уже садились не порознь, а за одним столом напротив друг друга, и то лишь близкие родственники, что, несомненно, объясняется чисто этическими мотивами. Заметим, что подобные этикетные нормы соблюдаются и сегодня, преимущественно во время траурных трапез.

Среди повседневных, ритуальных, свадебных или же траурных трапез импровизированная трапеза на скорую руку *сахелдахело* выделяется исключительными особенностями. Этот вид застолья в этнографическом быту Грузии встречается и под названием *татариахни*; этот термин по сей день означает еду, приготовленную на скорую руку, или наспех накрытый стол. Такой стол всегда имел импровизированный характер. В основном это была трапеза по случаю прихода нежданного гостя, отличавшаяся от других типов трапез (повседневных, ритуальных или специальных) именно тем, что

к такому застолью заранее не готовились; в ней принимало участие сравнительно малое число сотрапезников. Для импровизированного застолья использовали *табла* – маленький треногий стол, который обычно висел на стене, и снимали его по мере надобности. Ставили *табла* таким образом, что глава семьи оказывался по правую сторону от очага, а гость – рядом (слева от него). Если гость был ровесником или старше главы семьи, то последний уступал ему свое место. Гостя в первую очередь угощали хлебом и вином, и пока пили за здоровье семьи и ее членов, *татариахни* (блюдо на скорую руку) был готов. Если гость задерживался, то хозяйка подавала на стол и другие блюда, а если хозяева упрашивали гостя остаться, но безрезультатно, то гость благословлял семью, а хозяева собиравшемуся в дальний путь гостю давали *сагзали* (еду на дорогу).

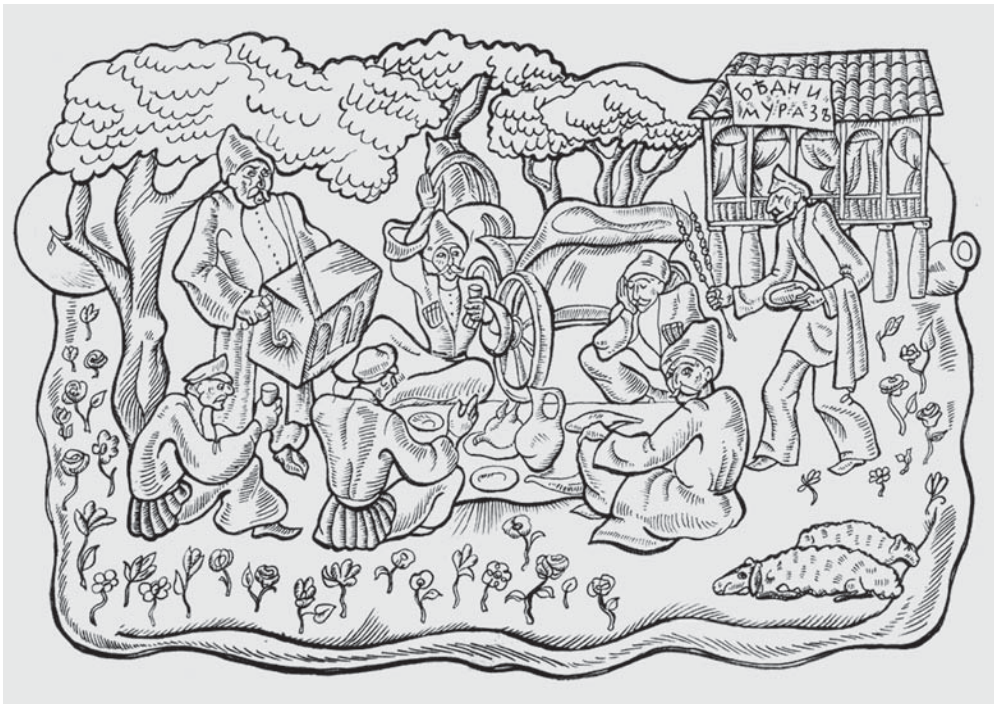
В горных регионах Грузии гостя обычно вводили на мужскую половину дома и сажали на место главы семьи, у очага. Это означало, что ему полагались те же почести, что и главе семьи, и обращались с ним как с человеком, посланным богом. Видимо, отсюда проистекает выражение «гость послан богом». Особую значимость приобретают такие нормы поведения в импровизированной ситуации – в народных традициях и обычаях прослеживаются многогранность гостеприимства, уважение и благорасположение к человеку. Следующим важным элементом импровизированного застолья является само блюдо *татариахни*, – приготовленное путем быстрой термической обработки жидкое блюдо несложной технологии, без особых ингредиентов и весьма удобное в случае визита нежданного гостя.

Представить себе грузинское застолье без руководителя трапезы (*тамада, толумбаи*) и задравных тостов немыслимо. Это особый феномен, четкого аналога этому уникальному институту нет. *Тамада* – самый главный из сидящих за столом, в обязанности которого входит не только провозглашение тостов, но и последовательное соблюдение распорядка застолья. Он должен представить в должном свете семью, род, родственников, общину; он должен помянуть усопших, уважить сидящих за столом с учетом их достоинств, соблюдая социальные, возрастные и гендерные статусы. *Тамада* должен быть достойным, авторитетным человеком, физически сильным, способным выпить достаточно много вина, красноречивым, знающим семью и тот социальный круг, в котором находится. Поэтому главу традиционного застолья не выбирают, а назначают из круга родственников и близких людей. Обычно же на семейном застолье, когда собираются родственники, тамадой бывает сам глава семьи.

Указанные термины негрузинского происхождения (*тамада, толумбаи*) – являются поздним заимствованием – из иранских или адыгских языков, однако это не значит, что у грузин не существовал этот институт, наоборот, он распространен во всех регионах Грузии издревле. Например: до начала свадебного застолья хевсуры ставили *непионт табла* (стол для новобрачных), который благословлял *хуцеси* (служитель святилища), а затем все благословляли новобрачных и их родителей – произносили тост за их здоровье (*Очиаური*, 1980. С. 81). В Хеви обязанность тамады выполнял *хеви-сбери* (старейшина ущелья) или служитель святилища, а семейной трапезой руководил сам глава семьи (*Итонишвили В.Д.*, 1970. С. 97). В Тушети в качестве руководителя (*цинамдзгвари*) праздничного или храмово-обрядового

застолья выступали *хелосани*, т.е. служители храма. Аналогичная ситуация и в Мтиулет-Гудамакари.

В Картли и Кахети семейной трапезой всегда руководил глава семьи, а на свадьбах и праздничных трапезах в качестве руководителя приглашали *деканоза* (протоиерея). В Самцхе-Джавахе тамадой бывал священник, если он вообще присутствовал на трапезе. Такие порядки бытовали и в Западной Грузии, с той разницей, что там употребляли термин *толумбаши*. Термин *тамада* распространен и в Сванети, но в значении руководителя косарей. В Сванети семейную трапезу возглавлял глава семьи – *кора махвиши*, а праздничные пиры – *табга тхвим*, который был участником праздника *ликуроши*, старейшим среди мужчин, тем же *мемзири*, руководящим застольем (*Бардавелидзе*, 1939. С. 216). В Самегрело был принят термин *дуд махвенджи* (сидящий во главе) (*Антелава*, 2005. С. 7). Исходя из вышесказанного, ясно, что эти термины более древние и были в употреблении до того, как иноязычные термины заняли их место. Свидетельством тому служат древнегрузинские рукописи и переводы текста Библии, в частности, в «Книге премудрости Сирахова» говорится: «Если поставили тебя старшим на пиру (*цинамдзвари*), не возносись, будь между другими как один из них». Этот термин встречается и в других источниках, а в грузинском тексте Евангелия в этом значении употребляется термин *пурис упали* (хозяин пира).

3. Церетели. Кутёж

По мотивам зарисовок в этнографической экспедиции в Восточной Грузии 1962–1963 гг.
© РАХ. Архив З. Церетели

Кутѣж

Начало XX в.

© Личный архив К. Пицхелаури

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Таким образом, именно социальная и в то же время сакральная функция определяла особый статус хозяина дома. Грузинское застолье – обрядовое по своему происхождению, а *пуроба* (пир, трапеза, от груз. *пури* – хлеб) – это сакральное действо, «хлеб наш насущный», в котором объединены религиозные элементы языческого и раннехристианского периодов.

Тост – необходимый атрибут грузинского застолья, имеющий определенную семантическую нагрузку, сам этот термин содержит символическое осмысление принятия вина как священного напитка. Именно особым порядком произнесения и последовательным развитием тостов традиция грузинского застолья отличается от застольных традиций северокавказских народов и многих других стран мира. Более того, тост следует считать тем оригинальным и самобытным феноменом грузинского ораторского искусства и красноречия, который своими корнями уходит в глубины общественного развития и содержание которого охватывает широкий спектр сакрально-обрядовых действий данного социума. Тост является специфической, развитой и утонченной формой благословения – одного из жанров магической словесности – молитвы. По мнению исследователей, именно тосты превращают всякое грузинское застолье (даже в составе двух персон) в религиозный ритуал, который берет начало в глубокой древности.

Закономерен вопрос, что представляет из себя тост? Это давний культурно-исторический феномен или сравнительно новое явление? Ни

Н. Пироманишвили (1860–1918). Пир князей на лугу. 1910–1912 гг.

Клеенка, масло

Беридзе, Езерская, 1975

в письменных источниках до конца XVII в., ни в старых литературных памятниках термин «тост» (*садгегрдзело*; букв.: «продлевающий дни») не встречается. Толкование значения этого термина впервые дается в Грузино-русском словаре Д. Чубинишвили. В более позднем толковом словаре грузинского языка термин *садгегрдзело* представлен в его сегодняшнем значении. Можно предположить, что этот термин в старину не употребляли, но это не значит, что не существовал сам феномен – институт тостов.

Этнографические материалы подтверждают, что ни одно застолье в Грузии (траурное, праздничное и т.д.) не обходилось без произнесения тостов, даже два человека, сев за стол, произносили тосты, упоминали Бога, предков, героев, пили за родину, благословляли народ. Число тостов зависело от типа застолья (повседневное-семейное, праздничное, храмовое и т.д.). Первый тост поднимали во славу Бога: перед тем, как выпить, брали в руки чашу и произносили: «Слава Господу, дай, Боже, преуспевания» (*Джавахишвили И.*, 1979). Данный обычай сохранился в горной Грузии в виде народных молитвенных текстов: «Первым помянем Бога, он величественен». Восхваление божества (*пиримзе*) начинается так: «Боже, должны тебя упомянуть и молиться тебе,

ибо сотворил ты этот мир». Затем поднимали тост за здоровье героев и предков, святилищ, храмов и т.д.

Определенный интерес представляет содержание последнего тоста застолья: *Ковладцминда* («за всех святых»). Последним гостом пира кн. Александр Джамбакур-Орбелиани считал именно *Ковладцминда*: «Взял я в руки тебя, полную вином чашу, и произнес *саковладцминдао*, да будет он последним». Возникновение этого тоста он увязывает с именем исторической личности Нино Цминдели и в своем сочинении описывает интересный эпизод из жизни царя Ираклия II: «Царь с семьей гостил у Нино Цминдели. На роскошном пиру было сказано много прекрасного и возвышенного. Нино Цминдели, выпив чашу вина, произнесла: “Ибо моя родина есть доставшаяся в удел Богородице и мы христиане посему и ее удельные, да будет благодать ее и милость ее над нами”. После этого и завелось выпивать тост за *ковладцминда*» (*Джамбакур-Орбелиани*, 1968). Из привлеченного нами отрывка становится ясным, что *садгегрძელო* возведен до уровня мольбы, восхваления, через которые произносящий тост просит у Господа покровительства и милости. Наряду с термином *садгегрძელო* в источниках встречается термин *царсаткмели*, т.е. «наперед сказанное слово», что вполне соответствует сущности тоста. По традиции каждый тост (*царсаткмели*, *садгегрძელო*) сопровождался песнопениями, что вполне соответствуют характеру и назначению обрядовых трапез в прошлом.

Во время праздников в горных регионах Восточной Грузии, на которых собирались все мужчины села – *джари* (собрание), можно выделить несколько моментов застолья: благословление *джари*, благословление усопших, игра на *пандури* (струнный музыкальный инструмент) и выпивание священного напитка – пива. Таких обычаев было несколько и большинство их связаны с игрой на «пандури» и пением (*Бардавелидзе*, 1953).

На свадьбах и праздниках в Сванети и Самегрело первый тост поднимали за *троицу*, что в Сванети называлось *сах-сагел*, или *лахвамиал*, а в Самегрело – *саохваме*. Сванская *троица* объединяет тосты за *Хошгербет* (Господь наш великий), за *Мхем таргзел* (архангела Михаила) и за Джграг (св. Георгий). Эти тосты пили стоя, с водкой или вином, и произносили их как молитву (*Иоселиани Х.*, 1999).

В числе архаичных сохранившихся тостов следует упомянуть сванский *саруаи сакиани*, объединяющий в себе два тоста – *саруаи* и *сакиани*. *Саруаи* (сван. «простительный»), т.е. произносящий просит у Бога прощения и благословения, а *сакиани* – это обряд выпивания чаш попарно. «Двум тостующим дают каждому по две чаши; они произносят тост: “Прощение Кахан, хвала Господу, мир тому, кто пьет”; затем перекрещивают руки и пьют сперва из одной, потом из другой чаши, обнимают и целуют друг друга». В некоторых местах вместе с *сакани* выпивали и *сакеено*. Гостям подавали чашу у порога, чтобы они еще раз благословили семью (*Иоселиани Х.*, 1999). Подобные обычаи бытуют в Раче и Имерети и в наши дни: уходя, гость должен у калитки выпить на прощание *самивидобо* (в добрый путь), в Картли же этот тост называют *саталахо* (от *талахи* – земля, т.е. за благополучную дорогу домой).

Упомянутый нами выше *сарюиши/саруаи* удостоверен и в Раче-Лечхуми. Во время трапезы ставили огромный винный сосуд *катхасариошо*, рядом с которым лежали деревянный с длинной рукояткой сосуд для питья *квишна*

(*кватуши*) или *азарпеша* (серебряная чаша), или три *кванчха* (маленькие деревянные сосуды). Кравчий наполняли вином *сарюиши* (почетный сосуд). Тамада собирал группу тех, кто пил вино из *кванчхи*, а иногда, для развлечения, пили и из рога (*канци*) и *кула*. Начиналось состязание в винопитии. Победитель этого ритуала получал *сарюиши* в награду. Этот обычай упоминает и немецкий путешественник Гильденштедт. Существует несколько отличный от этого обычая лечхумский вариант (*Пруидзе*, 1975).

В. Бардавелидзе различает *сакани* и *сакиани* и считает, что тост *сакани* произносили в завершение праздничных трапез, а *сакиани* – во время ритуальных трапез, предназначенных для усопших. Этот тост царь-поэт Теймураз II упоминает в поэме «Беседа дня и ночи», и с его слов ясно, что этот же тост, подобно другим тостам-молениям, выпивали стоя, обращаясь к Всевышнему. Тост *сакани/сакеино* увязывают со словом *кеени*, т.е. *каени* – хан. Он похож на *вахтангури* – когда двое пьют вино, переплетая руки. Это своеобразный аналог европейского обычая «пить на брудершафт». Не случайно он связан с именем царя Вахтанга VI, ибо он был первым, в честь которого при императорском дворе (XVIII в.) в России устроили масштабную «ассамблею», а в это время при царском дворе господствовал немецкий этикет. *Саке-ни*, *сакани*, *сакеино* – этими словами, образованными от одного корня, именуется варианты одного и того же тоста. Они имеют общую мифологическую основу, которая дошла до нас в разных интерпретациях. Здесь переплелись воплощенные в гротескных персонажах образы божеств, *каи кма* (добротного молодца) и владыки (хана), культ покойника, и в каждом из этих ритуалов отражена сакральность красноречия.

В заключение можно сказать, что происхождение и предназначение грузинского застолья, сопровождающие его тосты и ритуалы свидетельствуют о его обрядово-культурном характере, это явление объединяет элементы не только языческие, но и христианские, которые в быту сохранились в синкретичном виде.

ТОРГОВЛЯ И ТОРГОВЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ⁹

Торговлей и товарообменом в Грузии занимались с древнейших времен, о чем наряду с письменными источниками свидетельствуют археологические находки, в частности наличие в погребениях иностранных и местных монет, что указывает на интенсивные торгово-экономические и политические отношения Грузии с другими странами (*Дундуа*, 1979; *Капанадзе*, 1969). Например, по свидетельству Аполлония Родосского (III в. до н.э.), халибы обрабатывают богатую железом землю и добытую руду обменивают на продовольствие (*Каухчишвили Т.*, 1964. С. 41). Тимосфен Родосский пишет, что в Диоскурию для торговли съезжались представители племен, говорящих более чем на 300 различных языках (*Каухчишвили Т.*, 1964. С. 76), Страбон же называет 70 языков. По сведению Прокопия Кесарийского, из Лазети (страны лазов) греки вывозили кожу, рабов, а взамен ввозили соль, пшеницу и другие

⁹ © М. Кантария, Дж. Рухадзе

продукты. Константин Порфиrogenет сообщал, что в Артануджи товары поступали из Трапезунта и Сирии. Благодаря активному товарообмену, в казну Иберии в виде пошлины поступали значительные суммы (*Каухчишвили Т.*, 1964. С. 77–78). Характеризуя плодородие земель Колхиды, Страбон отмечает, что колхи обрабатывают лен и вывозят его за пределы страны, указывает, что в Иберии существуют рынки (ярмарки) (*Каухчишвили С.*, 1957. С. 123).

Экономическую мощь Грузии, наряду с другими факторами, обусловило ее расположение на стыке Европы и Азии. Период с конца первой половины V в. до н.э. и до середины V в. н.э. считается периодом подъема торгово-экономических отношений античного мира с Колхидой (*Лордкипанидзе О.*, 1967. С. 70). С возникновением греческих факторий (VII–VI вв. до н.э.) начинается новый этап в грузинской морской торговле, который длится более тысячелетия (*Берадзе*, 1989. С. 32). Во второй половине II тыс. до н.э. Западная Грузия имела торговые отношения с Крымом; тогда же были установлены морские контакты с греками, проживавшими в акватории Эгейского моря (*Берадзе*, 1981. С. 17–18).

Грузию пересекало много стратегических торговых дорог и караванных путей: Великий шелковый путь, соединявший Дальний Восток с Грецией и Римом, большое значение имели также речные пути. Анализ нумизматических данных подтверждает, что Эгриси и Иберия V–VII вв. были включены во внешнеторговые отношения с Востоком и Западом. В средние века через Грузию вывозили иранский и восточнокавказский шелк. Произведенный в Грузии шелк также высоко ценился на международном рынке. Колхи считались искусными ткачами. Их льняной холст выделялся высоким качеством и в больших количествах вывозился в разные страны, конкурируя с льняными изделиями Египта (*Каухчишвили С.*, 1957. С. 148). Сведения об экспортном значении льна и конопли имеются в записках А. Контарини, Ж. Шардена и др. Из Самегрело вывозили большое количество льняного семени; в XVII в. из Грузии в Османскую империю экспортировали рис и кожу (*Ламберти*, 1938).

В VI в. во внешней торговле растет роль приморских городов Эгриси (*Джанашия*, 1949а. С. 44–47), активно участвовавших в мировой торговле (*Гугушвили П.*, 1949. С. 186).

В 30-е годы XVIII в. нападения турок и персов на Грузию временно прекратились, что вызвало оживление ее внешнеэкономических отношений. В это время Восточная Грузия уже была включена в международную торговлю с Ираном. Грузинские купцы вывозили шелк-сырец, вино, не уступавшее «ширазскому», фрукты, кахетинский грецкий орех, овощи, марену, мех. В списках приданого, зафиксированных в Восточной Грузии, перечисляется широкий ассортимент иранских изделий. Кроме дорогих тканей, предназначенных для представителей знати, упоминаются и простые ткани. В подобных документах из Западной Грузии преобладают европейские и турецкие товары.

По одному из значительных торговых путей через Имерети в Закавказье через Кулеви завозили европейские «колониальные» и русские товары. Тем же путем по Черному морю в Европу вывозили закавказские продукты (*Гугушвили П.*, 1949. С. 392). Жители ряда мегрельских деревень, наряду с шелковой нитью и шелковой узорной тканью *дараца*, продавали воск, который

в Кулеви и Анаклии покупали турецкие купцы. Вывозили и ценные породы дерева: дуб, самшит, тис (негной), дзелква, орех, а также мед, сыр-сулугуни, воск и др. Значительным торговым центром был Ахалцихе; здешние купцы-католики свободно ездили не только в Гюмри и Шемаху, но и в Россию и далекие европейские страны.

В Грузии торговлей и товарообменом занимались и народы Северного Кавказа. Проживавшие в Раче (сел. Они) армяне и грузинские евреи торговали железными изделиями из Цедиси и хлопковыми тканями (*Гильденштедт*, 1962. С. 107). Из Рачи в разные уголки Грузии и на Северный Кавказ (Дигори) вывозили орудия труда ручного изготовления. Сюда на закупки приезжали балкарцы, двалы и осетины из Дигори.

В X–XI вв. в Грузии купеческое сословие уже было той силой, которая могла повлиять на внутреннюю и внешнюю политику страны. По мнению Н. Бердзенишвили, политика Давида Строителя была политикой торгового капитала, и восшествию его на престол способствовало именно это сословие (*Бердзенишвили Н.*, 1974. С. 195). И в дальнейшем купечество было заинтересовано в централизации страны, являясь силой, противостоящей центробежным устремлениям феодалов (*Самсонадзе*, 1980. С. 15). И. Джавахишвили считает, что намного раньше XVIII в. не существовало такой вещи, которую нельзя было бы достать на городских или сельских рынках страны (*Джавахишвили И.*, 1930. С. 115).

Внутренняя торговля подразумевает городскую и сельскую торговлю. Можно выделить сезонные, ежегодные ярмарки (*ярмуки*, с XIX в.) и *базроба* (ярмарки, торги), устраиваемые в церковных дворах на престольный праздник. В деревнях в основном продавались излишки сельскохозяйственных продуктов и изделия домашнего производства. Происходил и товарообмен, хотя категории постоянных продавцов не существовало. В городах в лице бакалейщиков и прасолов (скупщиков скота и сельскохозяйственных продуктов) выделяется прослойка купцов. Были также мелкие лоточники-евреи, бродившие по дворам и скупавшие «по яичному весу» перо и свиную щетину, которые затем перепродавали за границу. Из Самегрело вывозили сванские мужские головные уборы (*шонури*).

После присоединения к России особенно оживляется торговля в городах. В караван-сараях, магазинах, лавках, городских рынках Тбилиси торговля шла полным ходом. Здесь собирались купцы и покупатели почти со всего Закавказья. В Кутаиси продавался как иностранный, так и русский товар. По сведениям главноуправляющего Розена, на торги в Сачхере и Они устремлялись жители Лечхуми и осетины из отдаленных горных аулов Осетии (АКАК, 1881. Т. VIII. С. 183, 184).

В Грузии образовались торговые центры, имевшие значение как в масштабе Кавказа, так и далеко за его пределами. Поти, Очамчире, Батуми, Кулеви, Анаклия, Орпири, Шекветили, Окриба, Они и др. активно участвовали в мировой торговле того времени. Из Грузии в большом количестве вывозились различные товары, среди которых первое место постепенно стала занимать кукуруза, экспорт которой увеличился в 1872 г. с открытием железной дороги Поти – Тбилиси (*Гугушвили П.*, 1954. С. 60). Из Кутаисской губернии кукурузу вывозили главным образом во Францию, Англию, Турцию, Испанию и Германию (Гутнисдеда. Тифлис, 1863. № 4. С. 68–69).

Фруктовая лавка на базаре

Тифлис, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 15548

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Продавцы битой птицы

Тифлис, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 16035

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Торговец-разносчик *кинто*
продает рыбу
Тифлис, начало XX в.
© НМГ. Ермаковская коллекция, 7156
© საქართველოს მუცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Для рыночных потребностей большое значение имело производство вина. В Тбилиси ежегодно продавалось 3800 ароб вина. С точки зрения торговли особое значение приобрел Тбилиси, превратившийся в торгово-экономический центр Закавказья. Многие зарубежные путешественники (Пейсонель, Гамба, Гильденштедт, Дюма) описывали тбилисский рынок. В городе было несколько ежедневных рынков. На Татарской площади (*Татрис моэдани*) продава-

лись продовольственные товары; на площади Сардал-абади – хлеб и овощи; на Авлабари – продукты питания; на Ереванской площади по утрам продавали сено и дрова; по воскресеньям устраивался Русский, или Солдатский базар, куда население близлежащих сел привозило продукты домашнего производства. На Рике (часть старого Тбилиси на берегу Куры) велась ежедневная торговля: продавали лошадей, фураж и рыбу. Позже открылись Дезертирский и Верийский рынки, которые регулярно снабжались овощами, зеленью и другими продуктами из окрестных деревень, что приносило крестьянам приличный доход.

В дореформенный период в грузинских городах, кроме рынков, торговали в *дукани* (лавках), *сахелосно* (мастерских), *самикитно* (винных погребах) и *карвасла* (караван-сараях). Происходила специализация купцов: торговцев зерном, мукой и дровами называли *алати*; *сираджи* продавали вино и водку; *бакали* (бакалейщики) торговали продуктами питания; ткани продавали *базази*; продажей мяса занимались мясники – *касаби* (*Кашиа, Санадзе, 1989*).

Грузия активно была включена в экспортную торговлю Закавказья. Грузинские купцы из портов Поти, Сухуми, Редут-кале, Шекветили, Очамчире и Гудаута вывозили древесину, шелк-сырец, краски, фрукты. Интенсивные торговые связи имелись между восточной и западной частями страны. Были развиты рыночные отношения между различными географическими зонами и регионами. Сваны вели широкую посредническую торговлю с народами Северного Кавказа. Закупленные в Лечхуми льняные, хлопчатобумажные и холщовые ткани они везли в Карачай, Урус, Чегем, где обменивали на *набади* (бурки) и *чоха* (черкески). Возвращаясь в Лечхуми, они продавали приобретенный товар и на вырученные деньги покупали железо, соль и одежду

(Селезнев, 1847. С. 140). В рачинские села Хванчкара и Никорцминда *чалвадари* (извозчики) завозили зерновые из Чихори. Горные рачинцы снабжались кукурузой из Терского округа. Мегрелы и абхазы торговали кукурузой на пристанях Джикети.

Два раза в год в отдаленных от городов пунктах устраивались сезонные ярмарки: в мае – весенняя, а в сентябре–октябре – осенняя. Это была двухнедельная или месячная торговля. В Сванети месячную ярмарку называли *калакоба* (груз. *калаки* – город). *Калакоба* функционировала по всей Грузии. Обменным эквивалентом на торгах служил домашний скот: стоимость одной головы крупного рогатого скота приравнивалась к определенному количеству голов мелкого рогатого скота.

На рынки из сел в основном поступали зерновые культуры, деревянные и глиняные изделия и скот. Взамен крестьяне покупали нужные им предметы. Финансовый оборот этих ярмарок составлял довольно большую для того времени сумму. В одном сообщении отмечено: «В Озургетском уезде

Продавцы лаваша

Тифлис, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 15601

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

обороты ярмарок Петропавловской, Нагомарской и Джуматской превышают 100 тыс. руб. Здесь торгуют преимущественно мануфактурами и азиатскими товарами; шелку продают до 300 пудов, сбывают шерсть и шетину, а на Нагомарской ярмарке и женский волос по цене от 2 до 10 руб. за фунт» (АКАК, 1866. Т. I. С. 481). В Лечхуми весенняя ярмарка длилась семь дней, осенняя – с 13 октября до конца месяца. На ярмарке собирались как местные купцы и ремесленники, так и приехавшие из близлежащих и отдаленных регионов Грузии и Северного Кавказа. Ремесленники группировались по специальностям: кузнецы, чеканщики по меди, золотых и серебряных дел мастера, известные шорники-мегрелы, кутаисские сапожники и портные и т.д.

Ярмуки (ярмарки) в Кутаисском регионе устраивались в восьми населенных пунктах. В 1841–1845 гг. в Гурии также насчитывалось восемь «ярмук» и четыре рынка. В Хони (Имерети) ярмарка 25 октября специализировалась по реализации табака в Закавказье. В Самегрело самой значительной была ярмарка в Сенаки, куда на торги съезжалась почти вся Западная Грузия, в том числе сваны и абхазы. В с. Мури ярмарка устраивалась 13 октября; сюда приходили и осетины. В Гурии – в Джумати и Нагомари ежегодно 15 июля устраивалась значительная двухнедельная ярмарка (*Сахокия*, 1950б. С. 65–67). На еженедельную (пятничную) ярмарку в Хони, называемую в народе «женским базаром», стекались преимущественно крестьяне из соседних сел (*Рухадзе*, 1987).

Сетью ярмарок были покрыты Картли и Кахети. В 1850-е годы ярмарки в Восточной Грузии устраивались в Гори, Боржоми, Али, Сигнахи, Бодбе, Сурами. Как правило, они длились неделю. Были и однодневные ярмарки. Каждой ярмарке выделялся определенный день: для Бодбисхеви это был четверг, для Квемо Мачхаани – пятница, в Анага и Зариаули ярмарки устраивались по воскресеньям, в Келмечури – по субботам.

В экономике страны птицеводство являлось неотъемлемой частью крестьянского хозяйства. С 1870–1880-х годов, после открытия железнодорожного сообщения между Тбилиси и Поти, основным поставщиком домашней птицы стала Кутаисская губерния. С 1880–1890-х годов птицеводство быстро развилось в Сенаки, Абаша, Кулаши и особенно в Самтредиа. Эти пункты обеспечивали яйцами, живой и битой птицей как все торгово-промышленные и административные центры, так и курорты Закавказья. Яйца вывозились из Батумского и Потийского портов в другие черноморские порты Российской империи. С 1890-х годов яйца доставлялись в Лондон, Париж, Марсель и Гамбург. Экспортировалась также живая и битая птица (*Гугушвили П.*, 1949. С. 243–245).

Одной из форм организованной торговли были ярмарки при церквях во время религиозных праздников: в день св. Петра и Павла, св. Георгия, Пресвятой Богородицы, Вознесения Господня и в первую неделю Пасхи. В Кахети ярмарки устраивались почти на каждый праздник, но самой масштабной была ярмарка во время Алавердоба, длившаяся целый месяц. На ярмарке Алавердоба кроме купли-продажи происходил и товарообмен.

Экономическая сторона жизни городов входила в компетенцию моурави (градоначальника). Наместник царя и наместник моурави упорядочивали рынок, проверяли мерилы. Продаваемые продукты проходили таможенный досмотр. На них устанавливалась такса, и торг осуществлялся с помощью

Продажа керамических изделий

Имерети, с. Шроша

© Фото Т. Цагарейшвили, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Продажа изделий домашних промыслов на Военно-Грузинской дороге близ с. Гудаури

© Фото Л. Меликишвили, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Изделия традиционных промыслов на рынке в г. Мцхета
Фото Л.Т. Соловьевой, 2009 г.

посредников. «Наместник моурави всегда обязан проверять все имеющиеся меры: *литра* (мера веса), *адли* (аршин), *тунга* (мера объема жидкости), а за которым заметит неточность и отклонения, должен взимать штраф». Во всех уголках Грузии издревле существовали внутренние пошлины, были и таможи. Давид Багратиони в своем «Обзрении» отдельным пунктом внес «Таможни и таможенные сборы – бажи», в котором отмечено: «Таможни учреждены были по городам. Их обязанностью было осматривать привозимые из заграницы товары, равно проверять отечественные произведения при отправлении в иностранные государства. В таможнях пошлина взималась против установленного тарифа, каковой и выдавался ежегодно от высшего правительства. Сверх того, в городах учреждены были заставы, на которых собиралась известная по положению пошлина с ввозимого в город продовольствия, вина, хлеба, рогатого скота и проч., также с табачных и красильных заведений»; кроме того, отмечено и то, что «таможенные и пошлинные сборы разделены на несколько статей и отдавались на откуп частным лицам» (Багратиони, 1973. С. 360–361).

Размер пошлины зависел от типа транспортировки. Товары, перевозимые на арбах, на конях или на верблюдах, облагались разными платежами. По грузинскому таможенному тарифу были установлены следующие единицы налогообложения: *сапалне* – вьюк (приблизительно 27 пудов или 30 ведер);

урем (арба) – 3 сапалне; *литра* (единица веса) – фунт; *топи* – рулон ткани, отрез; *шуло* – моток шелка; скотина – по поголовью; *цквили* – пара сапог или башмаков; пятнадцатая или двадцатая часть товара. Одной из основных форм внутренней пошлины на вино-водочные изделия была *чашники* (проба или дегустация). Качество вина проверяли и оценивали *сираджи* (виноторговцы). Продавцы водки и спирта назывались *микитани*.

В связи с торговлей особое значение приобретали транспортные средства. Основными тягловыми животными были лошади, ослы, быки, волы. Использовались большие равнинные арбы, а зимой в горах – сани; кроме того, грузы перемещали вручную, на плечах, на спине. Имелись специальные приспособления для переноски тех или иных товаров: вьючные седла, *хурджины* (переметные сумы). Через реку товары перевозили на лодках.

Были образованы объединения перевозчиков-*аробщиков* и погонщиков вьючных животных. За наем и перевозку грузов они получали плату. *Меурмеоба*, или *мекаравнеоба* (перевозка грузов) стало особым ремеслом, приносящим семье определенный доход. По мере развития рыночных отношений это ремесло пользовалось все большим спросом. Некоторые семьи целиком переключились на *меурмеоба* и умножали поголовье вьючной скотины. *Аробщиков* нанимали и для других хозяйственных работ, за что те получали натуральную плату. Например, за перевозку глины с *аробщиками* расплачивались керамическими изделиями, которые потом они сами везли на продажу.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

НАРОДНЫЕ ВЕРОВАНИЯ¹

Грузинские народные верования включают в себя напластования различных исторических эпох. В них сосуществуют, сливаются воедино или сменяют друг друга культы антропоморфных, зооморфных, астральных божеств как дохристианских, так и более поздних периодов. Эти божества предстают в качестве покровителей групп людей, регулируют религиозный и социальный быт семьи, села, общины и т.д. Они вовлечены в определенную систему культа и являются носителями определенных функций и обязанностей. В древности грузины поклонялись небу, солнцу, луне, звездам, земле, животным, деревьям, птицам и др. (Древнегрузинские агиографические..., 1964. С. 117, 120, 125). Убедительным подтверждением этому является обнаруженная в Вани грекоязычная надпись, где в качестве объектов религиозного культа местного населения названы солнце, луна, звезды и земля (*Каухчишвили Т.*, 1968). В исторических источниках упомянуты древнейшие грузинские божества дохристианского периода: *Армази, Задени, Гаци, Гаими, Аинина, Данина, Бочи и Бадагони*. Однако в дошедших до нас мифах и религиозных представлениях их следы не прослеживаются, поскольку они были уничтожены в результате свержения идолов и утверждения христианства. Сохранилось лишь название *Бочи* и частично его культ. Он считается божеством-покровителем зверей и дарующим плодородие (*Джавахишвили И.*, 1979. С. 83; *Рухадзе*, 1976). Топонимия также сохранила название Армази. До нас дошли пережитки почитания природных объектов: воды, скал, деревьев, камней, земли, небесных светил и др. Согласно этнографическим данным, эти объекты возведены или непосредственно в ранг божеств, или у них есть свои покровители-божества. Таковы земля, которая имеет собственное божество в виде *Адгилис Деда* (Мать места, дома, семьи) и ее аналогов (*Джавахишвили И.*, 1979. С. 128; *Джалабадзе Н.*, 1988б), а небесные светила – солнце и луна – сами превратились в божества. Бытует мнение, что луна была древнейшим верховным божеством грузин (*Джавахишвили И.*, 1960. С. 88). Более поздние исследования выявили не один факт поклонения луне, а также существование женского божества солнца *Барбар/Бабар* (*Бардавелидзе*, 1941; 1957. С. 15).

¹ © Т. Очаури, Н. Джалабадзе

Языческие верования, представления и культы создавали цельную систему. Исследуя пантеон языческих божеств, грузинские ученые выделили в нем «седемницу верховных божеств», каждое из которых связывали с одним из дней семидневной недели лунного календаря и которые олицетворяли семь светил. Они были четко дифференцированы и наделены специфическими свойствами и функциями. Луна была великим богом, верховным божеством неба (*Джавахишвили И.*, 1979. С. 120–137). Впоследствии этот языческий пантеон был признан самым поздним: он соответствовал периоду развитого классового общества (*Бардавелидзе*, 1957). Анализ религиозной системы жителей горных регионов Грузии позволил выявить более раннюю форму пантеона, где выделяется триада верховных божеств: *Мориге смерти* (бог-порядоучредитель), *Мзекали* (солнце-дева) и *Квириа* (животворящий), которые были предводителями общинно-племенных божеств. Далее следовали младшие божества – крупные и мелкие *гвтисивилеби* (дети бога), которые народ представлял в виде звезд. Главное божество пантеона – общегрузинский верховный бог неба (*Мориге смерти/Дамбадебели/Пусна буасди* – Создатель, Творец) упорядочивал земные дела при посредстве *гвтисивилеби* и других второстепенных персонажей. В пантеоне сванских божеств верховную триаду представляли только мужские божества: *Хоша Гермерти*, *Мтаварангелози* (Архангел) и *Джсграги* (св. Георгий). *Пусна буасди* считается комплексным божеством, объединяющим культ солнца и быка. В сванском пантеоне божеств значительное место занимала «равная Богородице» *Ламариа* – божество земли. Женское божество солнца и бог, как всеильные оплодотворяющие начала, представляли собой божества плодородия и размножения растений и людей (*Бардавелидзе*, 1952. С. 305).

Этот пантеон был составной частью религиозной системы, которая отражала бытовые взаимоотношения раннеклассовых ступеней развития общества. Пантеон представлял собой иерархическую лестницу, на которой, после находившейся во главе триады, располагались по старшинству *гвтисивилеби*. Они делились на региональные, общинные, сельские, родовые божества. Могущество, преимущество каждого из них зависели от численности членов общины (рода и т.д.) и ее экономических возможностей (*Бардавелидзе*, 1957. С. 10).

Согласно верованиям грузинских горцев, *гвтисивилеби* владели определенными территориями, т.е. *сакмо*, с проживающим там населением, которому они покровительствовали и судьбой которого они распоряжались. Сакмо – это общество, которое основывается на непрерывной религиозной традиции, которую олицетворяет *джвари/хати* – божество и святилище его имени – общий объект поклонения членов этого общества. Таким образом, *джвари/хати* – это название покровителя села, рода, общины и т.д., а также святилища – земного места обитания этого божества.

Члены *сакмо* – единоверцы, члены одного сообщества, у них общий *андрези* (исторически сложившаяся система норм поведения членов общины в устной передаче священнослужителей *меене/кадаги* (вещателей божьей воли, прорицателей), осознание общего прошлого (*Кикнадзе З.*, 1996. С. VIII). Следы древних народных верований наиболее живо и полно представлены в горной части Восточной Грузии в виде почитания *джвари/хати*. До настоящего времени сохранились предания об основании этих святилищ, а также целый

комплекс связанных с ними обрядовых действий. От *джвар-хати* ожидали покровительства, защиты от всяких бед и невзгод, молились им о здоровье, обильном урожае, плодovitости скота, о победе над врагом и т.п. Взамен *сакмо* в целом и каждый его член – *кма* были обязаны верно служить божеству, отправляя повинности, принося дары и отдавая почести.

Археологический и этнографический материал подтверждает существование в древнейшей религии грузин культов божеств женского и мужского начала. Соответственно, в состав дохристианского пантеона входили как женские, так и мужские божества. Обнаруженные археологами женские статуэтки хронологически опережают мужские. Появление этих фигурок ученые связывают с ведущей ролью женщины в хозяйстве, а также с ее функцией продолжательницы рода (Археология Грузии, 1959. С. 5–6). Этот процесс берет начало в период палеолита и получает дальнейшее развитие в период неолита и энеолита. Стилистически и типологически антропоморфные скульптуры с акцентированными атрибутами женской плодovitости (торс, бюст) фактически единогласно признаются изображениями женского божества плодородия.

На Кавказе эпохи энеолита четко прослеживается культ Великой матери – божества-покровительницы плодородия и жизни, изображения которой представлены скульптурами малого размера (*Киквидзе*, 1976. С. 159). Зафиксированные на территории Грузии подобные фигурки (Шулаверис гора, Храмис Диди гора, Ирмис гора) в основном найдены в очагах (в золе) или возле очагов, что указывает на близость женского божества с землей, т.е. хтоническим миром, а также с культурами плодородия. Значение очага, как символа благополучия и умножения семьи, широко известно (*Рухадзе*, 1976. С. 168–172).

На следующем этапе развития общества, в частности в эпоху бронзы, появляются новые виды хозяйственной деятельности – развивается земледелие, скотоводство и ремесло, где ведущую роль играет мужской труд. По мнению археологов, на доминирующую роль мужчин как в семейном, так и хозяйственном быту указывают малого размера глиняные фигурки, которые указывают на «обожествление» мужской силы. Расположенные над очагами этого периода подковообразные глиняные подставки (*зедадгареби*) можно считать попыткой изображения человека, конкретно – мужчины; специалисты предполагают, что эти глиняные подставки, подобные антропоморфным скульптуркам, олицетворяют акт оплодотворения очага идолом семьи (Очерки истории Грузии, 1970. С. 44, 45, 51). В эпоху поздней бронзы в Грузии встречаются скульптурки всадника с копьем (Мелигеле II, Мелаанский молельный пантеон), которые, по мнению ряда ученых, могут быть изображениями богов войны, либо божеств-воинов. Подобного типа божества встречаются у племен, для которых война и набеги были таким же источником дохода, как земледелие и скотоводство. В этих племенах у божества плодородия появляется дополнительная функция: оно становится все более воинственным, а функция воина постепенно становится ведущей (*Киквидзе*, 1976. С. 159).

Грузинский народ воспринимал женские божества в качестве покровительниц плодородия, размножения и чисто женских занятий. Основной функцией этих божеств было обеспечение плодovitости человека, скота и плодородия земли, получения высоких надоев, обильного урожая со вспаханной волон пашни. Антропоморфным мужским божествам приписывались

как функции размножения и покровительства людям, скоту и урожаю, так и функция покровителя воинства, т.е. если в одном случае они осмысливаются в качестве одного из участников акта оплодотворения земли небесным отцом, в другом – в качестве покровителя охотников, войны и разбоя, поскольку эта деятельность является прерогативой мужчин (Джалаладзе Н., 2009).

Специфика народных религиозных представлений – их синкретичность. Существующие в разных уголках Грузии объекты религиозного поклонения и связанные с ними культы являют собой своеобразный синтез дохристианских культов и элементов христианской религии, причем где-то преобладают архаические пласты, а где-то – христианские элементы. Наряду с древними местными божествами (*Адгилис Деда, Сахлтангелози/Пудзис Ангелози, Пиркуши, Иахсари, Копала, Жини Антари, Галениши Орта, Авсати, Дали* и др.) поклонялись святым христианского происхождения – св. Георгию, Пресвятой Богородице, св. Троице, Архангелу, Иоанну Крестителю и др. При этом христианским святым приписывали качества, которые были присущи слившимся с ними древним языческим божествам. Хотя общей функцией всех божеств было покровительство членам собственного *сакмо*, среди них можно выделить божества, имеющие специфические функции и возможности: покровители плодородия и размножения – *Хахматис джвари Гиорги Нагвармивениери* (всеобщепризнанный), *Адгилис Деда, Богородица*; управляющие погодой – *Миндврис джвари* (божество полей), *Сачалис св. Георгий, Жини Антари, Микамгарио, Тар-чабуки*; покровители охоты – *Очопинтре, Авсати, Дали*; борющиеся со злыми духами – *Иахсари, Копала*; мастера кузнечного дела – *Пиркуши*; покровители пораженных детскими инфекционными болезнями и рожениц – *Барбале, Иоанн Креститель* и т.д. Гвтисшвилеби христианского происхождения восприняли характерные черты древних местных языческих божеств, культ которых приобрел синкретическую форму.

В Грузии повсеместно распространен культ св. Георгия. В горной части Восточной Грузии особой популярностью пользуются *Хахматис, Лашарис, Ломисис, Гуданис* и другие хат-джвари св. Георгия. Культ св. Георгия привнесен в Грузию из греко-византийского культурного круга. По мнению специалистов, здесь он слился с культами дохристианских божеств. Грузинская историческая наука признает, что св. Георгий занял место языческого божества луны (Джавахишвили И., 1979. С. 85), хотя существует мнение, которое ставит под сомнение связь св. Георгия с божеством луны (Сургуладзе И., 2002. С. 369–373). В масштабе всей Грузии св. Георгий прежде всего выступает в качестве покровителя человека и семьи; к этому добавляются функции, обусловленные бытовыми особенностями того или иного региона. Например, в Пшав-Хевсурети св. Георгий прежде всего божество-воин: он борется с дэвами-идами и освобождает от них территорию *сакмо*; у него есть конь, с помощью которого он помогает своему попавшему в беду *кма*. Покровителем воинства является св. Георгий Хахматского, Гуданского, Пшавского хати. По преданию, раньше на навершия знамен Гуданис джвари были насажены копия в знак готовности к битве. Хахматис джвари возглавлял военный поход *сакмо* на Каджавети либо на другого врага. В то же время св. Георгия воспринимают в качестве божества плодородия, размножения; он обеспечивает здоровье человека и скотины, изобилие продуктов скотоводства. Кое-где он является покровителем овчаров; в Сванети он исполняет и функцию покрови-

вителя охоты. В Хевсурети забота о лошадях входит в компетенцию Хахматского св. Георгия. Правда, Хахматис джвари св. Георгия главным образом является *звтисшвили* – покровителем воинства, ему приписывают и функцию покровителя плодородия земли, обращаются к нему также с просьбой о даровании благоприятной для посевов погоды (Хевсурети, Пшави). В Хевсурети Хахматис джвари представлен вместе с божеством *Самдзимари келгилиани*, которое специалисты считают женским божеством плодородия (*Очиаури Т.*, 2001. С. 182). Оно может превращаться в «телесную» женщину и вступать в любовную связь с обычными смертными. В сохранившихся преданиях либо во фрагментах *накадагари* (священнослужебные тексты, которые вещает прорицатель святилища – *кадаги/меене* от имени бога) это божество вместе с *Георгием Нагвармшвениери* выступает в качестве дарующего *швилиереба* (деторождение), управляющего плодovitостью скота и лошадей, обеспечивающего повышение продуктивности дойных коров. *Келгилиани* – «Имеющая ожерелье на шее» – эпитет божества *Самдзимари*, что в мировой мифологии считается неперменным атрибутом древнейших божеств плодородия. Поэтому Хахматский св. Георгий одновременно предстает как божество воинства и плодородия, что хорошо прослеживается в комплексе этого святилища: строения на его территории украшены большим количеством рогов тура и оленя, на могиле *мцевари* (гончего пса, который считался помощником св. Георгия) был воздвигнут каменный фаллос; кроме того, в *саквабе* (помещение для приготовления и хранения священного пива) на поверхности заложеного в стену плоского камня «вырезаны» всадники и крест (*Бардавелидзе*, 1982. С. 15).

В западногрузинских, в частности колхских, народных религиозных представлениях воинственное божество *Жини Антар/Жиниши Орта/Жиниши* совмещает функцию управления плодородием. Оно является покровителем крупного рогатого скота, заботится о здоровье людей и в то же время управляет громом, молнией и погодой. В более ранних пластах это божество связывали с персонификацией природы, позднее оно приобрело антропоморфный характер, а после распространения христианства его связали с культом св. Георгия (*Абакелия*, 1991. С. 97).

В горной части Восточной Грузии покровителем воинства является святилище *Мтаварангелози* (Архангела). Например, в Хевсурети святилищу этого божества бог даровал способность летать, а также право воевать с врагами, подобными кистинам. Архангела сопровождал *мкадре*, которому он являлся в образе голубя. Блеск обоих ослеплял людей. В Хевсурети Архангел села Ахиели имел помощников – гончих собак, которые защищали членов общины от всяких напастей и несчастий. Однако, хотя в представлении народа Архангел и был божеством-воином, в его функциях отчетливо видны признаки покровителя плодородия: в святилище св. *Микиели* делали ритуальные дарственные подношения, когда у коровы болело вымя или пропадало молоко, когда дети или скотина покрывались прыщами (*Джсалабадзе Н.*, 1988б).

В Грузии среди имеющих мужское начало божеств также популярны *Босла/Босели*, *Копала*, *Иахсари*, *Баадури*, *Тевдоре*, *Микамгарио*, *Тар-чабуки* и др. *Босели* (*Босло/Босла/Бембгу/Бомбга*) – божество плодородия, главнейшая функция которого – способствовать размножению скота и покровительствовать ему. Его называют также «Господин скота», «Ангел скота». Праздники

Святылище Цкаростави

Пшави, XVIII в.

Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Бослоба были распространены по всей Западной Грузии. При их проведении акцентировалась символика оплодотворения и размножения, что должно было обеспечить плодовитость скотины. Так, в ночь *Бослоба* (суббота мясопустной недели) чрезмерные супружеские связи воспринимались как исполнение религиозного обряда. Видимо, они являлись пережитком почитания божества-покровителя размножения скота. В с. Иели (община Ипари) Верхней Сванети в вечер *Бембгу* мужчины «нападали» на своих жен и стремились совершить как можно больше супружеских актов, что считалось залогом успешного размножения скота (*Бардавелидзе*, 1953. С. 93).

В Мегрелии был распространен культ божества *Галениши Орта*, которое считалось хозяином диких животных, а также защищало домашнюю скотину от диких зверей, а людей – от болезней. Оно считалось покровителем новорожденных и детей вообще, усопших душ и правителем *сулети* (мира душ, т.е. потустороннего мира) (*Макалатия*, 1985; *Абакелия*, 1991).

В Западной Грузии покровителем погоды, скотоводства и земледелия считалось божество *Микамгарио* (измененная форма имени Микаели и Габриели). Оно ассоциировалось с луной и олицетворяло мужское начало (*Сахокия Т.*, 19506; *Макалатия*, 1985; *Сургуладзе И.*, 1976; *Абакелия*, 1991). Способность управления погодой приписывали в Западной Грузии божеству *Тар-чабуки*, популярному также в Южной Грузии, где его представляли в образе молодого

Общехевсурское святилище Копала
Хевсурети, с. Дикло, XVIII в.
Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა ერთგული
აკადემია

Святилище *хати* св. Теодора
Мтиулети, ущелье Хандо,
первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-59

красивого юноши. *Тар-чабуки* наделяли вегетативными функциями. Его культ был связан с идеей плодородия, размножения, с образами умирающих и возрождающихся божеств (Хаханов, 1872; Макалатия, 1985; Брегадзе Н., 1964б. С. 72–83; Абакелия, 1991. С. 71–80).

Тедоре – аграрное божество, которому изначально поклонялись как покровителю земледелия, а позднее – как покровителю лошадей. Дохристианский культ, слившись с христианским *св. Тевдоре*, впитал его функции. Это божество называли *диди батони* (великий господин), наделяли эпитетами *шави* (черный), *шавгвремани* (смуглый), поскольку он ассоциировался с землей. На празднике в его честь, в субботу первой недели Великого Поста, пекут ритуальный хлеб (с изображениями сельскохозяйственных орудий и лошадей), устраивали ритуальный сев.

По всей Грузии фиксируются различные святилища, посвященные женским божествам. В равнинной Грузии это святилища Богородицы Марии (кроме редких исключений, напр., святилище *св. Барбале*). В горных регионах встречаются *Адгилис Деда*, *Тамар-дедупали* (*Тамар-царица*), *Дали* и т.д. Женская природа этих божеств легко прослеживается как в их функциях, так и в сохранившихся народных представлениях. Они выступают в качестве божеств плодородия. К Барбале в основном обращались с просьбами о размножении крупного рогатого скота, обеспечении обильного урожая, о даровании человеку и домашней птице плодовитости. В Имерети, Гурии, Раче, Лечхуми и Картли день Барбалоба (2 января) посвящали размножению домашней птицы; в этот же день выбирали (Картли, Сванети, Самегрело, Гурия) новогоднего *меквле* (первый поздравитель, обладатель «счастливой ноги»). По мнению В.В. Бардавелидзе, у грузин «основным назначением этого обычая является дарование плодородия и размножения вообще. Однако в разных уголках Грузии цели *Барбалоба-меквлеоба* (как обычая) отличаются, поэтому связанные с ним действия различны по характеру и содержанию, например, в день Барбалоба сванское *меквлеоба* связывается с размножением крупного рогатого скота и человека; лечхумский ритуал Барбалоба отражает аграрный культ. В остальных уголках Грузии Барбалоба главным образом служит размножению домашней птицы». В функции божества Барбале входило также лечение людей от головной и глазной боли, от кори и других заболеваний. Само название Барбале и его общегрузинские варианты *Барбол/Барбар/Бабале/Барбаре* находят лингвистическую параллель с грузинским *борбали* – колесо (круг), что, согласно древней традиции, считается символом плодородия (Бардавелидзе, 1941. С. 34–35).

В Пшави аналогом *Барбале* как божества-врачевателя является *Тамар аким дедупали* (Тамар-царица врачевательница). Чтобы отвести от себя или от скотины болезни, пшавы, обращаясь к Тамар-дедупали с мольбой, называют ее *акими* (врач). Как врачевательнице молещик приносит ей *цамлис сахсари* (возмещение затрат на изготовление лекарства), что опять-таки подтверждает ее первоначальную функцию целительницы. Некоторые ученые считали ее языческим божеством, которое позднее слилось с культом Тамармепе (царицей Тамар), другие ее происхождение связывают непосредственно с царицей Тамар.

Согласно народным представлениям, кроме *Самдзимари*, украшения имели другие женские божества горной части Восточной Грузии: *Адгилис деда*,

Святилище

Хеви, с. Гергети, XVIII в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 05162-7744

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

св. Мария Богородица и Турсиехи. По утвердившейся традиции в качестве дарственной жертвы этим божествам приносили различные женские украшения. Основной их функцией было обеспечение здоровья, плодovitости и размножения скота. О размножении скота и увеличении надоя молока тушины молили Турсиехи, главное божество и святилище Тушети, которое иначе называли *Калемис джвари* (женское святилище), *Калемис салоцави* (женская молельня), *Дзрохебис хати* (коровье хати) (*Макалатия*, 1985. С. 73). Адгилис Деда и Пресвятая Богородица покровительствовали семье, человеку и скоту. Им помогала змея, которая наказывала непокорных и оказывала покровительство покорным *кма*. В народных представлениях эти женские божества ассоциировались с землей и змеей. Например, в Пшави Адгилис деда представляли в виде женщины с большой грудью, которая возлежит под землей, поддерживая ее грудью. Увидеть во сне змею означало, что *Адгилис Деда* разгневана. Часто в представлениях горцев Восточной Грузии образы

Адгилис Деда и Богородицы сливались воедино, а кое-где их даже упоминают как одно божество – *Адгилис Деда-Гвтисмиобели*.

Близкие или аналогичные функции приписывают сванской *Ламарии* (св. Мариам), в компетенцию которой входило покровительство семье, человеку и скоту, причем последняя функция была ведущей. Именины *Ламарии* в основном совпадали с циклом новогодних и ранневесенних празднеств. В ритуалах в честь *Ламарии* использовали муку из лучших зерен, которые хозяйка хранила в специальном ларе. Так, в ночь *шушхвами* (праздник новогоднего цикла) во имя благополучия членов семьи выпекали дискообразные хлебцы с бортиками и круглым отверстием посередине, затем их подвешивали над очагом и хранили до конца года. Женским божествам, кроме выпеченных на их имя хлебцев, приносили в жертву петуха (преимущественно *Барбале*), первого теленка нетели, первородного барашка, топленое масло высшего качества, из которого пекли каду (сдоба со сладкой начинкой), т.е. продукты, которые непосредственно были связаны с идеей плодородия и возрождения природы с учетом локальной специфики хозяйственной деятельности.

С вышеуказанными божествами проявляет сходство распространенное в Восточной Грузии *Сахлтангелози* (Ангел дома, семьи)/*Пудзис ангелози* (Ангел основания дома), аналогией которого в Западной Грузии (Самегрело) является *Нерчис ангелози*. Культ этого божества преимущественно ограничен семейными рамками. Оно считается покровителем живущих под одной крышей людей. Это божество земли, которое управляет плодородием земли, деторождением людей и благополучием скота. С утверждением христианства этот культ слился с культом Пресвятой Богородицы (*Джалабадзе Н.*, 1988б; *Абакелия*, 1991. С. 72–83).

В горных регионах Грузии, в частности в Сванети, популярным божеством была златовласая *Дали* (ее культ был распространен и среди других народов Кавказа), которая жила в неприступных горах и покровительствовала «чистым» животным (тур, серна, олень, лань). Согласно преданиям, *Дали* вступала в любовную связь с охотниками, покровительствовала им и помогала в охоте до тех пор, пока они не изменяли ей. В этом случае *Дали* обрекала своего любовника на смерть. Это неземное существо, имевшее одновременно доброе и злое начало, было способно размножаться и рожать, как обыкновенная смертная, могла принимать образ человека, птицы или животного. По мнению Е. Вирсаладзе, в известном сванском мифе о *Дали* и *Беткиле* эти двое являются божественной парой, связанной с весенним праздником обновления природы (*Вирсаладзе Е.*, 1964. С. 93), т.е. *Дали* представлена в виде дольщика божества плодородия, хотя ее возможности ограничены лишь размножением животных.

Верования, связанные с пастухами, хозяевами и божествами диких зверей (*Авсати*, *Дали*, *Ткаши-мапа* и др.) сохранились в Западной Грузии и особенно в Сванети. В этот круг попадает *Очопинтре* – божество охоты горцев Восточной Грузии. Наряду с антропоморфными божествами диких зверей встречается зооморфный образ предводителя зверей – тур, серна или олень. Каждый из них от остальных особей отличается каким-либо характерным признаком (напр., звездой на лбу и т.п.). Согласно народным представлениям, диких зверей от охотников и опасностей защищают «пастухи зверей» – крошечные антропоморфные существа: девушки и юноши.

Котел для пива в святилище Ламариа

Сванети, с. Ушгули, конец XVII в.

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Из рассмотренного материала ясно вырисовывается своеобразная картина синкретизации христианских и дохристианских верований. Восприняв христианский культ, грузины привнесли в него определенные элементы народных верований и представлений. С религиозным культом тесно связан целый комплекс обычаев и обрядов. Отчетливо видны следы этих магическо-религиозных действий, истоки которых следует искать в древнейшем периоде общественного развития, в разнообразных народных религиозных обычаях и ритуалах. Отчетливо видны эти следы и в дошедших до нас представлениях о христианских божествах. Во время христианских праздников прихожане слушают проповеди, отстаивают молебны и молятся различным святым, однако, согласно древним традициям, выполняют и определенные ритуалы (заклание жертвенных животных, «вспархивание» жертвенного петуха, ритуальные хороводы, спортивные состязания и др.).

В зависимости от того, с каким божеством и святилищем была связана религиозная практика, культовые действия осуществляли мужчины либо жен-

Приготовление пива в медном котле
Хевсурети, с. Кобуло, первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-28

щина. Вообще служителями как в центральных, так и локальных святилищах были мужчины. Женщины, за редким исключением, отстранялись от культовой деятельности, хотя выполняли определенные религиозные обряды в святилищах, посвященных женским божествам. Вместе с тем в семейно-культурной деятельности женщины имели огромное преимущество. Организация семейных ритуалов почти во всей Грузии была доверена женщине.

В культовых действиях (которые обеспечивали достаток семьи, приумножение скота, обильные надои), связанных в Сванети с Ламарией и покровителем семьи Мезири, в Картли – с *Сахлтангелози/Мариашноба*, в Пшави – *Оджачис Ангелози* (Ангел семьи), в Хевсурети – *Адгилис Деда*, в Кахети – *Дедамдебиаре/Пудзис Деда/Мезири* (Ангел основания дома) и т.д., ведущей была женщина. В связи со сванскими семейными культурами М. Чартолани отмечает: «Служители этого культа только женщины, любое участие мужчины категорически запрещено. В доме не должны были оставаться какие-либо связанные с мужской деятельностью атрибуты. Хлеб с мясной начинкой

Мужчина у медного кованого котла для варки пива к религиозным праздникам
Душетский район, с. Акушо
Экспедиция Е.М. Шиллинга. 1938 г.
© МАЭ РАН. № И 1789-141

был запрещен, поскольку добывать мясо было обязанностью мужчины» (*Чартолани М.*, 1961. С. 200–201). В Картли ритуал семейного праздника *Сахлтангелозоба* или *Мариашноба* выполняла старшая женщина в семье. В ее функции входило: зарезать курицу, приготовить и поднести дары для умиловления *Тарос Ангелози* (Ангел очажной полки), зажечь свечи, вознести молитву о даровании достатка и благополучия семьи, а на следующий день съесть все приготовленные на имя ангела жертвенные блюда (*Топурия Н.*, 1984. С. 332).

В семейных культовых действиях преимущество женщины перед мужчиной четко проявляется в ритуалах, связанных с очагом. Ритуалы у очага зафиксированы по всей Грузии, и в большинстве случаев их выполняет женщина. Они обращены к женскому божеству – покровительнице семьи (*Адгилис Деда, Ламариа, Сахлтангелози* и др.) с просьбой о милости, о благоденствии людей и скота. Например, в Сванети во время культовых действий в честь покровителя дома *Мезири* приносили в жертву специально испеченный ячменный хлеб, который несколько раз обносили вокруг ножек очага, и молились Ламарии. Иногда ритуальный хлеб закапывали в землю у ножек очага (*Чартолани М.*, 1961. С. 179). Согласно Б. Нижарадзе, обращенную к *Мезири* молитву женщина произносила павши ниц (*Тависупали свани*, 1884. С. 13). Подобные ритуалы свидетельствуют о связи женской природы с очагом и землей, т.е. с хтоническим миром.

В горной части Восточной Грузии народные верования в большей мере сохранили древнейшую систему культового служения, что непосредственно связано с институтом *джвар-хати*. Святилища джвари/хати являются религиозным центром горцев; это комплекс культовых и хозяйственных зданий, место собраний духовной и светской власти. «Верховную власть общины составляли *хуцеси-хевисбери* и *меене-кадаги* – жрецы общинного *джвари*. *Хуцеси-хевисбери* руководил духовной и светской жизнью общины. Как главный жрец он выполнял все правила храмового ритуала и жертвоприношения. Он распоряжался имуществом общинного *джвари*, в частности землей и скотом святилища. В его функции входило наблюдение за сохранностью сокровищницы и имущества святилища, руководство работами в период жатвы,

Кадаги – прорицательница

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1939–1940 гг.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

молотьбы и других видов аграрной и скотоводческой деятельности» (*Бардавелидзе*, 1952а. С. 627).

Хуцеси-хевисбери крупных общин вмешивались в вопросы обычного права, а *хевисбери-меене-кадаги* всего Хевсурети от имени священного Гуданис джвари (центральное святилище и главное божество Хевсурети) выступал в роли главного законодателя. По его инициативе в Гуданис джвари собирались лучшие знатоки обычного права – *бче-хевисбери*, которые выносили решения, основываясь на мнении прорицателя *кадаги* (*меене*), и в случае необходимости вносили изменения в нормы обычного права (*Бардавелидзе*, 1952б. С. 627).

Тавмориге кадаги (главный управитель) наряду с *хуцес-хевисбери* был посредником между общинным святилищем и членами общины. От имени *джвари* он заботился о приумножении общинного имущества. В его функции входило также наблюдение за неукоснительным выполнением религиозных обрядов и правил, восстановление преданных забвению праздников; забота о погоде и повышении урожайности; о предсказании исхода предстоящей битвы (*Очиаури Т.*, 1954. С. 64). Служителями в святилище были также *медроше* (знаменосец), *мегандзури* (хранитель сокровищницы), *месанувре* (пивовар), *шулта* (обслуживающий персонал, прислужник), у каждого из которых были свои обязанности. Хозяйственными делами занимались также *дастури* (помощники *хуцеси-хевисбери*, избираемые на определенный срок), которые в порядке очереди или по жребию могли выполнять функции *кадаги*.

В комплекс культовых сооружений входили здания, предназначенные для священных ритуалов, помещения для временного или постоянного пребывания служителей *джвари/хати* и членов сакмо (*дарбази, сахелосно, саберо* и.д.), хозяйственные строения: *сакоде, салуде* (пивоварня), *бегели* (амбар) и т.д. Собственностью *хати/джвари* было движимое и недвижимое имущество, скот – быки и бараны, покосные луга, лес, священные приусадебные владения, серебряные изделия, металлическая и деревянная посуда, котлы для варки священного пива, чаны для хранения пива, культовые знамена и т.д.

В сокровищнице *джвари* особое место занимало знамя. Оно было не только символом божества, но и его олицетворением. К древку знамени крепились пожертвованные общинниками четырехугольные разноцветные платки. «Это знамя, которое считается символическим изображением дерева, генетически связано с наследственным культовым деревом божества. Со своей стороны культовое дерево берет начало от тотемного дерева» (*Бардавелидзе, 1957. С. 65*). Тотемное происхождение приписывают также сванскому знамени *Леми*, которое имеет зооморфную форму и олицетворяет волка. Согласно сванской легенде, это знамя вручила сванам *Ламариа* – покровительница материнства, плодородия земли и урожая хлебных злаков. Знамя считалось величайшей святыней, к которой, кроме тщательно отобранных из числа *джвариони* (служителей культа) знаменосца и хевисбери, никто не имел права прикасаться. Знамя хранилось в *дарбази* или *бегели*. В дни праздников (или в особых случаях) во время выполнения соответствующего ритуала его со всей торжественностью выносили из хранилища и помещали в специальную башню *дрошатсабрдзаниси*. В святилищах хранились знамена, имеющие разные функции: *салашкро* (походное), *самгзавро* (дорожное), *самкочао* (выполняющее функцию спасения человеческой души от злых духов) и др.

Заслуживает внимания *джварт эна* – используемый прорицателями, который донес до нас институт *кадагоба*. *Джварт эна* (язык божеств) представляет собой собрание специальных терминов и выражений, которые характеризуются образностью и высоким стилем и употребляются *меене*, когда он вещает от имени божества и произносит священные тексты. Существование языка божеств имеет древнейшую традицию. Например, «согласно древней индоевропейской традиции, еще одним признаком противопоставления людей и богов является язык богов, отличный от языка людей. Характеристики таких различий в хеттской, греческой, кельтской и германской традициях дают возможность считать это явлением древнейшей индоевропейской эпохи... “Бог” отличается от “человека” не только тем, что он на небе и “бессмертен”, но и тем, что он обладает особенным языком, который отличается от языка человека» (*Гамкрелидзе, Иванов. 1984. Т. II. С. 476*). Этой древнейшей традиции полностью отвечает *джварт эна* грузинских горцев.

ГРУЗИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ²

По сведениям древнегрузинских письменных источников, в Грузии христианство связывается с его истоками: грузинские евреи привезли в Грузию одну из главнейших реликвий христианского мира – хитон Христа, который захоронен во Мцхета, у подножия Животворящего Столпа. Источники свидетельствуют о проповеднической деятельности в Грузии апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита, который, согласно тем же источникам, скончался и похоронен в Абхазии, в Новом Афоне. Древнегрузинские источники повествуют также о проповедях апостолов Варфоломея и Мататы (Матафии); по традиции, местом захоронения Мататы считается село Гонио, находящееся недалеко от Батуми. По преданию, Андрей Первозванный основал первую в Грузии епископскую кафедру в с. Ацкури; он привез с собой нерукотворный образ Божьей Матери с младенцем, запечатленный на деревянной доске, и именно здесь хранятся Покров Богоматери, мантия пророка Ильи, подножие св. Распятия, гвозди и другие реликвии. Согласно церковной традиции, Грузия считается уделом Пресв. Богородицы, выпавшим ей по жребию в Сионской горнице, грузинская православная церковь называется Апостольской, а изображение ризы господней занимает центральное место в символике царского герба династии Багратиони. Эти святые помогали Грузии и грузинской церкви уцелеть в тяжелейших исторических испытаниях.

Знакомство грузинского народа с учением Христа первоначально происходило благодаря наличию в Грузии сильной еврейской общины, которая никогда не порывала связей со своей исторической родиной. По сведениям грузинских источников, учение о христианстве проникло и в царский дворец. Согласно Леонтию Мровели, девятнадцатый царь Картли Рев знал о христианском Евангелии, и хотя сам он остался язычником, жертвоприношения приказал совершать по правилам новой веры. Именно поэтому история назвала его Ревом Праведным.

В первом Всемирном Церковном Соборе в Никее (325 г.) принимали участие Трапезундский епископ Дамнус и Пителинский (Бичвинтский) епископ Стратофилос. Невозможно определенно утверждать, что они не были представителями греческих поселенцев, однако совершенно очевидно, что к тому времени христианство уже распространилось в Западной Грузии. Христианство было объявлено в Картли государственной религией не позже 337 г., возможно, в 326 г. Согласно грузинской исторической традиции, Картли (Восточная Грузия) обратилась в христианство в результате проповеднической деятельности равноапостольной св. Нино Каппадокийской. Первым христианским грузинским царем стал Мириан, а царицей – его супруга Нана. Примерно в тот же период становится христианской и Западная Грузия, которая была уже подготовлена к этому влиянием греческих поселенцев.

Топонимия христианского периода во Мцхета и ее окрестностях полностью повторяет наименования святых мест, связанных с земной жизнью и мученичеством Христа (Бетлеми, Голгофа, Гора Вознесения, Бетания, Гефсимания), что документально свидетельствует о пути проникновения христианского учения в Грузию. Строительство церковных зданий в Картли источники

² © З. Алексидзе

Самтаврская церковь. IV в.

Мцхета, начало XX в.

Надпись: «№ 2227. Военно-Грузинская дорога. Мцхет,
Самтаврская церковь, где спасалась св. Нина»

© РЭМ. № 5308-31

связывают с самыми первыми днями объявления христианства государственной религией Грузии. На месте наспех построенных деревянных церквей и наряду с ними в скором времени с помощью приглашенных из Греции мастеров началось строительство церквей каменной кладки. При содействии царя и при участии всего населения Картли были возведены церкви Самтавро, Цунди, Манглиси, Цилкани и др. Уже с этого времени определились два типа грузинской церковной архитектуры: базиличный и купольный.

Во второй половине V в. в Грузии началась мощная национально-освободительная борьба против Ирана, направленная на объединение страны, которая закончилась победой грузинского войска под командованием Вахтанга Горгасала. Политическая победа увенчалась важными внутренними реформами. Грузинская Апостольская церковь была объявлена автокефальной. Было образовано 12 епископатов, которые примерно в 468 г. возглавил приглашенный из Греции католикос Петр. Церковь обрела законченную иерархическую структуру. Результатом объединения страны, экономического возрождения и основания епископатов стало создание шедевров церковной кафедральной архитектуры (Болниси, Урбниси). Зародилась оригинальная грузинская церковная письменность.

Уже с V в. грузинские церковные деятели выходят на международную арену. Епископ Петр Ивер (411–491 гг.) и его сподвижник Иоанн Лаз построили

в Иерусалиме грузинский монастырь и создали теологическую школу. Часть ученых считает Петра Ивера создателем ареопагитической литературы. В догматике Петр Ивер искал формулу, общую для монофизитов и диофизитов, которую позднее (VII в.) использовали монотелиты.

В те же времена увеличивается число грузин, желающих совершить паломничество в Святую землю. В документах VI–VII вв. содержатся сведения о переписке иерархов грузинской церкви с римским папой и иерусалимским патриархом по вопросам веры, а также сообщается о желании католикоса грузинской церкви побывать на Святой земле и лично встретиться с патриархом Иерусалима. По сведениям византийского историка Прокопия Кесарийского, император Юстиниан (525–565 гг.) обновил находящийся в Иерусалиме Иверский монастырь.

Именно в эту эпоху был создан первый известный нам памятник грузинской агиографии, шедевр грузинского художественного мышления, произведение священника Якова Цуртавели «Мученичество Шушаник». На грузинский язык были переведены библейские книги и другая литература, необходимая для литургической практики. Грузинские переводчики стремились охватить весь существовавший тогда христианский мир: греческую, еврейскую, сирийскую, коптскую и армянскую литературу.

Вся страна политически и идеологически была занята сопротивлением агрессии Ирана. Поэтому V–VI вв. богаты именами христианских мучеников и написанными о них такими оригинальными произведениями, как «мученичества» св. Шушаник, св. Евстафия Мцхетского и св. Абиба Некресского.

В догматическую полемику картлийская церковь впервые включилась во время Двинского Собора (506 г.), в котором принимали участие 24 епископа из Картли под руководством Гавриила Мцхетского. Собор поддержал политику примирения монофизитов и диофизитов на основе «Генотикона» (482 г.) императора Зенона. VI в. для Картли – это период перехода от примиренческой позиции к явному диофизитству. Именно диофизитство имел в виду Прокопий Кесарийский, когда в середине VI в. писал: «Среди народов, находящихся под влиянием иранской империи, грузины лучше всех соблюдают христианские правила».

В первой половине VI в. уже имеется прямое свидетельство о существовании на грузинском языке литургических и библейских книг. По завещанию Саввы Освященного (532 г.), в Лавре св. Саввы было разрешено проведение литургии и чтение «Нового Завета» на грузинском языке. В VI в. в Грузию прибывают 13 сирийских отцов под руководством отца Иоанна Зедазенского; закладывается основа монастырской жизни, Картли и Кахети покрываются сетью монастырей (Зедазени, Давид-Гареджа, Некреси, Цилкани, Шиомгвиме и др.). В результате деятельности сирийских отцов происходит усиление халкедонитства (диофизитства), и Картли, во главе с католикосом Картли Кирионом, в начале VII в. открыто объявляет о своем выборе в пользу православия, что вызвало на Кавказе большой церковный раскол (604–609 гг.).

На рубеже VI–VII вв., когда в Картли вследствие сильного иранского давления почти бездействовала царская власть, страна под руководством церкви вновь сумела объединиться, в пограничных провинциях со смешанным населением были узаконены церковные службы на грузинском языке, что означало укрепление православия. Существуют сведения, согласно которым в на-

чале VII в. Западную и Восточную Грузию церковь представляла как единую епархию. Национальное возрождение непосредственно проявляется в культуре, и вблизи Мцхеты, на месте воздвигнутого св. Нино креста, был построен шедевр грузинской архитектуры – Крестовый храм Джвари, – «страж Всея Картли». Это здание с центральным куполом, интерьер которого отображает равносторонний крест. Точные копии собора Джвари почти одновременно воздвигаются как в Восточной (в Картли – Атенский Сион, в Кахети – Старый Шуамта), так и в Западной Грузии (в Эгриси – Мартвили) как свидетельство церковного единства.

Развитие феодальных отношений и арабское господство в VII–IX вв. вновь разделили страну на несколько политических единиц, хотя память о единстве продолжала жить в грузинском политическом и религиозном сознании. Церковь взяла на себя функцию идеолога национально-освободительной борьбы. Именно в этот период была создана целая серия национальной мартирологии («Мученичество св. Абиба Некресского», «Мученичество св. Або Тбилели», «Мучения св. Константа Кахи», «Мученичество св. Гоброна»).

Когда западный христианский мир охватило иконоборчество, Грузия оставалась единственной страной, которую оно не затронуло. По сведениям источников, готский православный епископ Иоанн приезжал в Грузию для рукоположения в епископы, ибо в византийском мире уже не было законных исполнителей этого акта (VIII в.). В Грузии быстро развивается иконописное искусство, чему особенно способствовала традиция поклонения иконам, привезенным апостолами и присланным Константином Великим, монументальная живопись (старый слой росписи Атенского Сиона), искусство мозаики (Бичвинта, Цроми), барельефа (Мцхетский Джвари, Атенский Сион), стелы (Хандиси) и перегородчатой эмали (триптих Мартвили, ранние детали триптиха Хахули). В этот период продолжается развитие церковной архитектуры. В разных уголках Грузии были построены такие значительные памятники, как Самшвилдский Сион (777 г.), церкви Всех Святых в Гурджаани и Вачнадзиани (VIII в.), кафедральные соборы в Бичвинте и Мокви, церкви в Хандзта, Опизе и др.

Со второй половины IX в. в грузинских провинциях начинается восстановление царской власти под эгидой дома Багратиони. Семейная легенда связывает происхождение Багратиони с библейским царем Давидом и тем самым подчеркивает связь Грузии со Святой Землей, с колыбелью христианства.

X в. характеризуется борьбой грузинских царств и княжеств за объединение страны. В лоне церкви создается формула, которая должна объединить страну: «Грузией считается обширная страна, в которой церковная служба совершается и все молитвы произносятся на грузинском языке» (Георгий Мерчуле). В кавказском мирознании понятия «грузины» и «православные христиане» совпадают.

Грузинская литургия в то время пока еще опирается на иерусалимскую традицию. Об этом свидетельствуют ранние редакции «Литургии» Якова, «Ханметный лекционарий» (один из древнейших среди дошедших до нас), «Иерусалимский лекционарий», «Требник», многочисленные списки древнейшего «Иадгари», гомелитический сборник «Многоглав», которые сохранили памятники раннехристианской практики. Завершилось объединение в

Ишханский выносной крест. 973 г.
*Серебро; литье, чеканка, золочение,
чернение*
Кафедральный собор
Северо-восток Турции, с. Ишхан
Amiranashvili, 1971

Крест-распятие. X в.
Золото, эмаль
Гурия, Шемокмедский монастырь
Amiranashvili, 1962

единый сборник дошедшего до нас первого грузинского исторического сочинения «Обращение Картли», в котором отражена история Грузии с самого начала грузинской государственности до VII в. с акцентом на историю объявления христианства государственной религией.

До объединения Грузии в Западной Грузии был создан католикосат с собором в Бичвинте. Он подчинился иерархически патриарху Всея Грузии, тем самым был завершён процесс вывода из-под юрисдикции Византии епархий древней Лазики. Как только завершилось объединение Грузии (на стыке X–XI вв.), грузинская церковь ввела в оборот наименование страны «Сакартвело» и впервые использовала его в актах Руис-Урбнисского церковного собора (1105 г.).

Церковь и монастыри в Грузии выполняли роль воспитательно-образовательных центров. Получили известность монастырская школа в Хандзта (IX в.) и те предметы, которые там изучались: священное писание, песнопения, иностранные языки, учения отцов церкви, светская философия. До нас дошел «Шатбердский сборник» (60–70-е годы X в.), в который включены сочинения, охватывающие все существовавшие в то время отрасли знания.

Становление грузинских скрипториев в стране (Тао-Кларджети, Кахет-Кухети) и в зарубежных грузинских монастырях (Палестина, Сирия, Малая Азия) заложило основу высокого искусства оформления рукописных книг, характеризовавшихся отточенной каллиграфией. До X в. в Грузии в качестве материала для письма использовали пергамент (за пределами страны грузинские рукописи изредка писались на папирусе). С тех времен до нас дошли украшенные прекрасными миниатюрами Четвероглавы Адиши (897 г.) и Джручи I (940 г.).

До X в. грузинская православная церковь использовала типик палестинской или иерусалимской (Гроба Господня) редакции. До нас дошел текст подобного типика в редакции VII в. С IX в. уже подтверждено использование в грузинских монастырях местных, так называемых ктиторских типиков (св. Иларiona Грузина, св. Григория Хандзтийского), использование которых устанавливали основатели монастырей.

Гимнографические тексты с греческого языка на грузинский язык впервые были переведены в палестинских монастырских центрах в V–VII вв. С течением времени эти гимны были собраны в уникальном сборнике, который в научной литературе известен под названием «Древнейший Иадгари». Этот сборник сохранил архаичные литургические памятники, которые на языке оригинала до нас не дошли. В X в. (978–988 гг.) Микаэль Модрекили создал уникальный сборник, в который наряду с переводными текстами (св. Андрея Критского, св. Козьмы Иерусалимского, св. Иоанна Дамаскина и др.) вошли оригинальные грузинские песнопения (Микаэль Модрекили, Иоанн Мтбевари, Иоанн Минчхи, Георгий Мерчуле и др.). Сборник иллюминирован, к нему прилагаются литургические замечания, к тому же он является шедевром искусства каллиграфии. Вероятно, этот сборник являлся учебником литургических песнопений.

Создание догматико-полемических памятников началось в Грузии после религиозного раскола на Кавказе (начало VII в.) для провозглашения и утверждения выбранного грузинской церковью православного курса. Правда, в это время уже переводятся полемические сочинения, направленные против существовавших тогда еретических течений (арианство, несторианство,

Явление ангела Иосифу во сне
Храм Атени, X в. Фреска
Амиранашвили, 1957. Т. I

монотелитство и др.), однако ведущей все же была полемика с монофизитской церковью (в основном с армянской).

Наряду с трактатами, переведенными с греческого, создаются оригинальные сочинения. Следует отметить историко-полемический трактат Арсения Сапарского «О разделении Картли и Армении». В нем осмысливается процесс, предшествовавший церковному расколу, и его итоги, выявляются исторические основы и объективные закономерности, которые обуславливают субъективную сторону конфликта.

В XI–XIII вв. Грузия достигла зенита своего политического и экономического могущества. Глава грузинской церкви (Николоз Третий, 1250–1282) именовался Католикосом-Патриархом и воспринимался как шестой патриарх в Православном мире. Для этого периода характерна миссионерская деятельность грузинской церкви в горных районах Кавказа и в Восточном Закавказье. Христианское население этих местностей принадлежало к пастве грузинского Католикоса-Патриарха, и поэтому он (Мелхиседек I, 1010–1030 гг.) именовался также Патриархом Востока.

Представители грузинской философской мысли (Иоанн Петрици, Арсен Икалтоели) активно были включены в мировой процесс развития христианской цивилизации. Синайский, Афонский, Черногорский, Петрицонский и

Иерусалимский монастыри выполняли связующую роль между Грузией и всем христианским миром. Заслуживают Иоанна, Евфимия и Георгия Агиоритов, Ефрема Мцире (Черная Гора), Иоанна-Зосима (Лавра Саввы Освященного и Синайская Гора) и других является то, что они сумели сохранить для Грузии блестящие переводы почти всех достижений христианской мысли, и во многих случаях только они сохранили сочинения великих отцов церкви. Переводы и богослужебные деяния афонских отцов обусловили переход грузинской церковной практики от иерусалимского к так называемому константинопольскому чину литургии.

К концу XI в. серьезной угрозой для развития стран Закавказья стали нашествия турок-сельджуков. Грузия взяла на себя миссию сохранения кавказского единства и западного вектора его социально-политического развития. Возглавил эти процессы Давид Строитель (1089—1125). Сохранение единого духовного настроения на Кавказе, с его многонациональностью и религиозными различиями, требовало от царя особого политического чутья и религиозной терпимости. Монофизиты и мусульманские торговцы, ученые и поэты чувствовали себя в Грузии, как в родной стране. Давид Строитель проявлял особое внимание к монастырям, находившимся за пределами Грузии, оказывал им финансовую помощь, строил церкви. Он был непосредственно связан с крестоносцами, и его войско принимало участие в боях за освобождение Гроба Господня. По сведениям источников, Давид Строитель блестяще знал духовную и светскую литературу. Сам он является автором шедевра грузинской гимнографии – «Покаянных песнопений». Грузинская церковь причислила Давида Строителя к лику святых и установила днем его поминания 26 января.

Во время правления внучки Давида Агмашенебели царицы Тамар (1184–1213) в результате церковных, военных и экономических реформ в Грузии, чьи границы вышли за пределы границ Кавказа, установилась внутренняя гармония. Грузия эпохи единства была свидетелем небывалого культурного расцвета, наивысшим проявлением которого стало создание поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (XII в.).

О церковных соборах раннего периода сохранилось немного сведений. Они в основном проводились с участием соседних стран для согласования вопросов догматики или обсуждения полемических вопросов. С точки зрения осуществления церковного права наиболее значительным был Руис-Урбнисский собор (1105 г.). Созыв и успешное проведение собора стали возможны благодаря успехам канонического мышления, достигнутому в Грузии того периода. В X в. на грузинском языке уже существовал оригинальный сборник «Малый Номоканон», который составил Евфимий Святогорец из избранных канонов разного времени, написанных на греческом языке, для приведения их в соответствие с практикой грузинской церкви. На рубеже XI–XII вв. Арсений Икалтойский перевел с греческого на грузинский «Великий Номоканон», который до сих пор остается основным каноническим управлением грузинской церкви.

Догматическая и полемическая литература достигла в Грузии особой высоты в XI–XII вв. Евфимий и Георгий Святогорцы, Теофил Иеромонах, Николоз Гулаберидзе и другие перевели с греческого языка на грузинский догматические трактаты св. Василия Великого, св. Григория Нисского, св. Максима Исповедника, св. Иоанна Дамаскина, св. Афанасия Александрийского, пат-

Сретение. XII в.
Эмаль
Amiranashvili, 1971

риарха Фотия и др. Особое значение имел составленный Арсением Вачесдзе сборник «Догматикон» (XII в.), который охватывает накопленный всем христианским миром того времени опыт в области догматики и полемики.

Одновременно с усилением церкви перед грузинскими церковными деятелями встала задача утверждения их авторитета на международной арене и защиты канонических основ автокефалии грузинской церкви. До нас дошла полная запись устной полемики Георгия Святогорца по поводу автокефалии грузинской церкви с Антиохийским патриархом на Черной Горе (1057 г.), которую сохранило агиографическое произведение Георгия Мцире. Кроме того, апостольское происхождение грузинской церкви и законность права самостоятельного изготовления елея, привозимого ранее из Иерусалима, доказывалось в труде Ефрема Мцире «Сведения о причинах обращения Картли» на основе обзора греческих источников.

Активные сподвижники церкви создавали новые монастырские очаги как в Грузии, так и за ее пределами и устанавливали для них типики. Таковы типик Петрицонского монастыря (1084 г.), основанного в Болгарии Великим Доместиком Григорием Бакурианидзе, составленный на грузинском и греческом языках; «Завещание Давида Строителя Шио-Мгвимскому монастырю» (1123 г.); «Типик Ваханского монастыря» (1204–1234) и др.

Власти Грузии и церковь отправляли в Византию для получения образования группы грузинских подростков. В их числе были Арсений Икалтойский и Иоанн Петрици, получившие образование в академии Манганы. Все эти факторы создали определенные предпосылки для основания в Грузии духовных академий в Гелати (1106–1110) и Икалто. Особую известность приобрела Гелатская академия, которую в грузинских источниках называли «вторым Иерусалимом и другим Афоном». Изучавшиеся там предметы, уровень обучения и педагоги (Арсений Икалтойский, Иоанн Петрици) полностью соответствовали самым высоким требованиям христианского мира того времени. В академии преподавали богословие, риторику, грамматику, арифметику, геометрию, астрономию, право, музыку и поэзию.

В единой Грузии особых высот достигло философско-теологическое мышление. Следует отметить перевод и комментарии Иоанна Петрици к сочинениям греческих неоплатоников «Первоосновы теологии» Немесия Эмесского (IV–V вв.) и «О природе человека» Прокла Диадоха (V в.). Труд Иоанна Петрици сразу же завоевал на Кавказе такой авторитет, что немедленно был переведен на армянский язык. Благодаря этим переводам и своим оригинальным сочинениям Иоанн Петрици создал целую школу и оказал большое влияние на следующие поколения.

Итогом политического и религиозного единства стало создание шедевров грузинской кафедральной архитектуры: храм Баграта в Кутаиси (1003 г.), Светицховели во Мцхета (1010–1029 гг.), Алаверди в Кахети (XI в.), Самтависи в Картли (1030 г.), Гелати в Имерети (начат в 1106 г.). На зрителей производили огромное впечатление легкие, воздушные, устремленные ввысь, к небу, задуманные как единый монумент соборы, чьи фасады были украшены доведенным до совершенства орнаментом (Самтависи, Никорцминда, Цугругашени), а интерьер – прекрасными фресками (Атенский Сион, Кинцвиси, Убиси, Тимотесубани) и сравнительно реже – замечательной мозаикой (Гелатская Божья Матерь). Все это в целом составляло ансамбль, в котором проявлялось глубокое знание Священного Писания, христианской иконографии и символики. В настенной живописи господствовал монументальный, праздничный стиль. Помимо общей христианской иконографии, в ней нашли отражение образы национальных святых (св. Нино, Давида Гареджийского, св. Шио Мгвимели) и целой плеяды грузинских ктиторов (цари, патриархи, феодалы, епископы). Сформировались также локальные школы, среди которых выделялись школы в Верхней Сванети и в монастырском комплексе Давид-Гареджа.

К XI в. был разработан национальный стиль и иконографический канон. Миниатюра, орнамент, каллиграфия (*асомтаврული* и *нухური*) и искусство чеканной обложки (Бека и Бешкен Опизари) ставят грузинские рукописные книги в ряд шедевров изобразительного искусства (Четвероглавы Алаверди, Гелати, Цкаростави). На новую высоту поднялось искусство украшения чеканкой икон, крестов и посуды литургического назначения (икона Богородицы Лаклаксидзе, золотой потир из Бедии, Мартвильский крест на дароносице, тондо св. Мамая, нательный крест царицы Тамар), перегородчатая эмаль (Воскрешение Лазаря, Сретение Господне, детали триптиха Хахули, Сошествие Святого Духа). Центры художественной обработки металла создаются в Земо Сванети, в Раче, Гурии, Цагери.

Монастырь Тимотесубани. XIII в.
Боржомский район
Фото С.М. Прокудина-Горского, 1912 г.
© 2014, сайт «Наследие С.М. Прокудина-Горского»

Грузии не представилась возможность беспрепятственно развивать достигнутый ею политический, культурный, экономический и духовный прогресс. С 20-х годов XIII в. началось столетнее господство монголов, за которым последовала целая серия нашествий иранских и турецко-османских завоевателей. Пришли в упадок традиционные сельскохозяйственные отрасли, было разрушено огромное количество памятников светской и духовной культуры. Однако временами Грузии все же удавалось добиться восстановления и возрождения страны. Георгий Блистательный (1314–1346) смог освободить Грузию от монголов, добиться подъема экономики и восстановления пошатнувшегося политико-церковного единства. Во время его царствования грузины смогли вернуть утраченные ими позиции в Иерусалиме. Превращенный в мечеть монастырь Господень в Иерусалиме вновь перешел во владение грузин, в нем было восстановлено христианское богослужение. Грузины отобрали у египетских мамлюков ключи от ворот Гроба Господня и восстановили свои права в Иерусалиме. В стране началось восстановление многих разрушенных церквей и монастырей, были построены и расписаны прекрасными фресками новые, среди которых выделяется художественное оформление Убиси.

Преодолеть последствия нашествий Тимур-Ленга удалось Александру I (1412–1442). Он восстановил почти все разрушенные церкви, особо выделяет обновление главного храма страны – Светицховели в Мцхета. Александр Великий возвратил церквям и монастырям утраченные ими земли и, что самое главное, вернул в лоно единой церкви отколовшуюся епархию Самцхе в Южной Грузии.

Во второй половине XV в. в результате нашествий чужеземных завоевателей единая Грузия распалась на несколько царств и княжеств, что повлекло за собой и распад единой церкви. От Мцхетского патриархата вся Грузия отделился Абхазский Католикосат, глава которого стал именоваться Абхазским Католикосом-Патриархом, хотя Абхазский Католикосат никогда не выходил из грузинского национально-культурного единства. В середине XVI в. резиденция Абхазского католикоса была перенесена из Бичвинты в Гелати. Вскоре грузинский патриархат потерял паству Самцхе-Саатабаго, ибо эта часть страны перешла в руки Турции. Ослабли позиции грузинской церкви в Иерусалиме, на Синае и в Афоне. Бесконечный ряд мучеников за родину и христианскую веру пополнился новыми именами (цари Димитрий Самоотверженный и Луарсаб Второй, царица Кетеван, Бидзина Чолокашвили, Шалва и Элизбар Эристави). Христианская церковь причислила их к лику святых. В Грузии были разрушены церкви, уничтожены или вывезены рукописи, иконы, драгоценные предметы, использовавшиеся при богослужениях. Ценой страданий и пролитой крови независимая государственность и христианская вера все-таки сохранились, оставалась востребованной идея нового объединения страны.

Наиболее тяжелым для Грузии было радикальное изменение политической карты Ближнего Востока. В 1453 г. пал Константинополь, Грузия оказалась в мусульманском окружении. Грузия несколько раз пыталась осуществить дипломатический прорыв в Западную Европу, но безрезультатно. Провалился план грузин и римского папы по организации общего похода против турок, безуспешным оказалось посольство грузинского писателя и лексикографа С.-С. Орбелиани в европейские страны, как и неоднократные письменные обращения грузинских правителей к странам Европы и к Ватикану. Грузия взяла политическую ориентацию на единоверную Россию.

Тяжелое политическое, социальное и экономическое положение в стране отразилось и на развитии церковного изобразительного искусства. Несмотря на то, что строились новые церкви, иногда с удачным выбором местоположения и общего силуэта (Архангельский собор в Греми, 1565 г.), восстанавливались росписи или заново расписывались некоторые церкви (фрески в Гелати), были живы искусство чеканки по золоту (Мамне Золоточеканщик), искусство украшения книги миниатюрами (Миня с часословом из Анчисхати), – все было отмечено чертами упадка, измельчания, потерей праздничного настроения.

В конце XVI в. (1593 г.) Константинопольский патриарх Иеремия II дал свое благословение на провозглашение Патриархом главы русской церкви, митрополита Московского и Всея Руси Иова, который в диптихе православной церкви занял пятое место, а грузинский Католикос-Патриарх переместился на шестое.

В XVIII в. в Грузии политическая ситуация улучшилась, и за этим немедленно последовало оживление церковной жизни. В 1709 г. царь Вахтанг VI с помощью Анфима Иверийского основывает грузинскую типографию. Наряду

Монахи из монастыря Гелати близ Кутаиси
Фото Д.И. Ермакова, вторая половина XIX в.
© МАЭ РАН. № 121-74

с рукописными книгами стали выпускаться необходимые для церковной практики печатные издания. Первой печатной книгой было «Евангелие», один экземпляр которого, в золотом переплете, Анфим подарил владельцу Валахии Константину Браковианусу. Вахтанг VI создал комиссию из ученых людей, которая приступила к изучению древнегрузинских исторических источников, их редактированию, включению в них эпизодов из истории церкви и сведений о духовных деятелях.

Особый этап в церковной жизни Грузии связан с деятельностью Католикоса Антона I (1720–1788). При его непосредственном участии в церквях и монастырях возобновилась интенсивная литературная деятельность, открылись начальные школы (несколько в Тбилиси и в Некреси), семинарии в Тбилиси (1755) и Телави (1758), был подготовлен проект открытия высших учебных заведений в Тбилиси, Гори и Телави. Антон Великий переводил книги с иностранных языков и создавал учебники по разным отраслям науки. Сочинения Антона Великого «Ораторство» и «Мерное слово» имели огромное значение для развития грузинского теологического, философского и полемического мышления. Он создал также оригинальные сборники: агиографический – «Мартирика» и гимнографический – «Праздничная минея», вместе с

представителями своей школы сумел за короткое время поднять грузинскую церковную жизнь, теологическое и гуманитарное мышление на международный уровень.

В 1810 г. Католикос-Патриарх Антон II был выслан в Россию, а в 1811 г. упразднена автокефалия грузинской Апостольской церкви, и как Грузинский экзархат она была присоединена к русской церкви. В 1814 г. та же участь постигла католикосат Западной Грузии, а общего экзарха церквей Восточной и Западной Грузии стали именовать экзархом Грузии и Имерети. С 1817 г. экзархами назначались только присланные из России лица, было узаконено проведение богослужений и обучение в духовных училищах на русском языке. В Россию вывозились церковные предметы, представляющие историческую ценность. Подобная ситуация и богослужение на непонятном для населения языке постепенно отвратили многих от церкви.

1860-е годы как в целом в Грузии, так и в церкви были отмечены заметной активизацией национальных сил. Появилась духовная пресса на грузинском языке («Грузинский духовный вестник», «Пастырь»), нотные записи церковных песнопений, сохранных в устных вариантах, для чего была создана специальная нотная типография, был основан церковный музей (1888 г.). Возникло мощное движение за восстановление автокефалии грузинской православной церкви.

25 марта 1917 г. (по ст. ст.) первым верховным пастырем восстановленной независимой церкви стал Кирион Второй (Садзаглишвили), обладавший высокой компетентностью в церковных науках. Первые годы советской власти были тяжелым периодом для грузинской церкви. Ее иерархи пополнили еще одну страницу истории мученичества своими именами (Католикос-Патриарх Кирион II и Амвросий Хелая, священник С. Мchedлидзе, митрополит Назарий). Были разрушены многие памятники церковного искусства и архитектуры, уничтожены рукописные книги и исторические документы. В 1923 г. советская власть вернула Грузии большую часть увезенных экзархами церковных предметов и рукописей, а в 1945 г. – уникальные ценности, вывезенные в 1921 г.

Декретом 1925 г. церковь была отделена от государства, и было объявлено о «свободе совести», но в реальности сам декрет и конституционные свободы подразумевали полную власть государства над церковью и свободу только антирелигиозной пропаганды. Для контроля над религией был создан «Комитет по делам религии». Многие церкви были разрушены и разграблены, другие превращены в склады, амбары, ясли для скота. Несмотря на это, у грузинской церкви и в этот тяжелейший период были достойные иерархи, например, выдающийся исследователь истории церкви Католикос-Патриарх Калистрат Цинцадзе. В 1943 г. русская церковь признала автокефалию грузинской церкви.

Значительное оживление в церковной жизни Грузии началось, когда в 1977 г. во главе грузинской церкви встал Илия II (Шиолашвили-Гудушаури). Началось восстановление церкви, привлечение паствы, процесс сближения с интеллигенцией. Возросло международное значение грузинской православной церкви. В 1990 г. автокефалию грузинской церкви подтвердил Константинопольский патриарх.

В независимой Грузии для православной церкви началась новая жизнь. Грузинская Конституция признала особую роль грузинской православной

церкви в истории Грузии. Были восстановлены упраздненные епископские епархии, началось строительство новых церквей, получили новое развитие вековые традиции иконописи, фресковой живописи, каллиграфии, оформления рукописных книг. На современный грузинский язык была переведена и издана Библия (книги Ветхого и Нового Заветов), выпускаются научные и информационные журналы («Богословский Сборник», «Церковные святыни», «Джвари вазиса», «Патриархия Грузии»), были основаны духовные академии в Тбилиси и Гелати, с которыми активно сотрудничают и ведущие светские ученые. Важное значение имело основание при грузинском патриаршестве Гелатской Академии наук, указ об открытии которой впервые в истории совместно подписали Президент Грузии и Католикос-Патриарх Всея Грузии. Было подписано Конституционное соглашение между правительством Грузии и Грузинской православной апостольской автокефальной церковью, которое определило правовое пространство и формы собственности грузинской церкви.

ХРИСТИАНСКИЕ КОНФЕССИИ В ГРУЗИИ³

ГРУЗИНЫ-ГРИГОРИАНЕ

В XVII–XVIII вв. Иран и Турция проявляли большую терпимость к Армянской Апостольской церкви и к Римско-католической церкви, нежели к православию. Исходя из политических и экономических целей, шах Ирана покровительствовал армянской церкви. Вследствие этого грузины, связанные с Ираном в силу тех или иных обстоятельств, могли сохранить христианскую веру только таким путем. Имевших с Ираном торговые отношения грузинских купцов устраивало принятие армянской веры из экономических соображений, поскольку это облегчало им торговую деятельность на международной арене. Армянскую веру, или григорианство, принимали не только представители грузинского купеческого сословия, вовлеченные в международную торговлю, но и определенная часть грузинских торговцев и ремесленников в самой Грузии. В 30-е годы XVII в. на созванном в Тбилиси собрании Николоз Чолокашвили отмечал: «Ежедневно мы являемся свидетелями того, как многие грузины принимают армянскую веру, а еще большее их число принимает веру Мухаммеда...» В профессиональных объединениях городов Закавказья момент вероисповедания играл значительную роль. Например, в *амкарах* нарушение религиозных норм было равносильно осквернению чистоты самого ремесла. Подобная ситуация, по всей видимости, имела место и в купеческой гильдии. Очевидно, что в профессиональных объединениях городов, ввиду преобладания в торговой среде армян, Армянская Апостольская церковь имела большее влияние, поэтому «доступ» в эти объединения и получение определенных привилегий упрощались благодаря переходу в армянскую веру.

В XIX в. экономически окрепший Эчмиадзинский патриархат Армянской церкви развернул масштабное церковное строительство всюду, где только имелась армянская диаспора, в том числе и в Грузии (Квемо и Шида

³ © Л. Мгебришвили, Л. Чанчалеишвили

Картли). Происходило интенсивное крещение грузин по армянскому чину, их конфессиональное фиксирование как армян-григориан. В XX в., с введением паспортного режима, большинство грузин, конфессионально принадлежавших к Армянской церкви, в официальных документах были записаны как армяне. С 1990-х годов началось исправление этой ошибки, и «арменизированное» грузинское население стало активно возвращать свои исконные фамилии (*Хазарадзе и др.*, 2009. С. 23–25).

КАТОЛИЦИЗМ

С 1240 г. Римско-католическая церковь начинает посылать в Грузию миссионеров. Первыми миссионерами были члены ордена св. Франциска, позднее к ним добавились монахи ордена св. Доминика. В 1328 г. католический епископат из Смирны был перенесен в Тбилиси, где он просуществовал до 1507 г. Приход римских миссионеров правители Грузии поощряли исходя из определенных политических соображений, поскольку были уверены в том, что благодаря молитвам и благословению Папы Римского страна могла заручиться военной поддержкой христианского Запада в борьбе с иноверным (мусульманским) врагом – ведь грузинская христианская церковь считалась политическим партнером римской католической церкви.

В XII – начале XIII в. Грузия была крупным централизованным государством и в Риме хорошо понимали, что обращение населения Грузии в католичество способствовало бы дальнейшей экспансии католицизма в восточные страны. Папа Римский пытался убедить царицу Грузии Русудан в том, что учение Христа ортодоксально соблюдалось только в лоне католической церкви, и тот, кто желал постичь истинное христианское учение, должен был признать догматику и культ католицизма (*Менабдишвили*, 2005. С. 48). Царица Русудан приняла монахов доминиканского ордена и поселила их в Тбилиси, где в 1240 г. они основали свой монастырь. Монастырь существовал и в последующие века; в его стенах вместе служили и заботились о внедрении в Грузию католичества европейские монахи – доминиканцы и францисканцы. Римские миссионеры прилагали все усилия для распространения в Грузии католицизма. Все посланники монашеских орденов были образованными людьми. Наряду с богословием они прекрасно знали философию, поэзию, историю, древние и новые языки. При церквях они открывали католические школы. Миссионеры изучали также грузинский язык, снискав этим уважение местного населения (*Булеишвили*, 1986. С. 56).

Поскольку турки принуждали грузин принимать ислам, им нередко приходилось принимать католичество, чтобы остаться христианами.

В XIII–XIV вв. в Грузии католиками не было построено ни одной католической церкви, католическими стали некоторые бывшие православные церкви в Сацхе: церковь св. Саварда (г. Ахалцихе), церковь Богородицы (с. Вале), церковь св. отца Иосифа (с. Арали), церковь Сердца Христова, возведенная в конце IX в. (с. Хизабавра). Живущие в Грузии католики делятся на три группы: 1) латинские; 2) армянские и 3) сирийско-халдейские (*Папуашвили*, 2002. С. 151). Большинство грузин-католиков проживают в Южной Грузии.

СТАРООБРЯДЦЫ

После низвержения в России монархии рассыпанные по разным уголкам мира староверы начали возвращаться на родину. В 1918 г. в Грузию из Турции переселились русские старообрядцы и обосновались в с. Лайтури Озургетского района (*Чанчалешивили*, 2002. С. 163). В 1990-е годы многие из них уехали в Россию.

В настоящее время старообрядцы разделены на две части: одни совершают службу в молельне с. Григоleti и подчиняются Русской древлеправославной церкви. Другая часть вместе с грузинскими приверженцами древлеправославия молится в церкви Покрова Богородицы в с. Малтаква Потийского района. У этой части старообрядцев есть общий епископ грузинской национальности, обладающий правом рукоположения; после разногласий 1988 г. они порвали с Русской древлеправославной церковью и не имеют с ней никаких связей.

Грузинское древлеправославие распространилось с 1970-х годов под влиянием русских приверженцев древлеправославия, живущих в селах Григоleti и Малтаква Потийского района. Первым из грузин древлеправославие принял филолог и поэт Муртаз Чахава, который в 1975 г. со всей семьей крестился по старому обряду – троекратным полным погружением в воду. Его крестным был русский староправославный священник, отец Филарет. М. Чахава (при крещении нареченный Иоанэ-Иона) начал активно пропагандировать старую веру и создавать приход. Первое массовое крещение по древлеправославному обряду в Грузии совершил пермский священнослужитель, отец Никанор.

В 1989 г. вышла в свет книга М. Чахава «Народ, Бог и Закон»; под его руководством сформировался «Священный союз древлеправославных верующих Грузии», имевший собственное издание – газету «Гвтиури гза» («Божий путь»; вышло три номера газеты). Деятельность союза вызвала противодействие со стороны официальной православной церкви (*Иоанэ-Иона [М. Чахава]*, 1994; *Челидзе Э.*, 1990).

В 1990 г. был основан журнал «Дзвелмартлмадидебели» («Древлеправославный»). Старообрядцы своей целью ставили возрождение «грузинской церкви святых Нино и Давида, в которой богослужение будут проводить истинные священнослужители». В 1991 г. в г. Пермь епископ, владыка Леонтий рукоположил епископом Иоанэ-Иону (Чахава) и пожаловал ему «жезл Господень», и Россия, по словам староправославных верующих, «передала Грузии священную лампаду» (*Дзвелмартлмадидебели*. 1998. № 3).

В 1994 г. Иоанэ-Иона издал книгу «Что нам надо делать»; в окрестностях Тбилисского моря, в районе Варкетили, началось строительство древлеправославной церкви, в котором принимали участие грузинские и русские (потийские) староверы. Храм Ильи Пророка был освящен 5 августа 1995 г. В церемонии освящения участвовали епископ Потийской русской староправославной церкви отец Филарет с большим числом прихожан и епископ Иоанэ-Иона со своим приходом.

В 1998 г. в с. Малтаква Потийского района была построена церковь Покрова Богородицы, в которой молятся и совершают ритуалы как грузинские (в основном из Поти и Мартвили), так и русские староверы. Епископом Потийским и Колхидским был рукоположен Павел Хорава, автор нескольких

книг по вопросам древлеправославия (*Хорава*, 1999а; 1999б). Богослужение совершается на старославянском языке. Параллельно ведется перевод церковной литературы на грузинский язык (*Чанчалайшвили*, 2003. С. 236).

БАПТИСТЫ

В Грузии баптисты появились в 1862 г. В Тифлис прибыл германский колонист баптист Мартин Кальвейт, который 20 августа 1867 г. в р. Куре крестил некоего Никиту Воронина. В 1869 г. Воронин крестил тифлисских *молокан*, и вскоре по его же инициативе в Тифлисе была создана группа баптистов. В 1912 г. к обществу русских баптистов присоединился Алексей Хуцишвили. В усилении группы грузинских баптистов значительную роль сыграл Илья Канделаки, переведивший с русского языка на грузинский текст Библии и песнопений. Первое баптистское собрание на грузинском языке состоялось в Тифлисском молитвенном доме 12 марта 1919 г. Члены русской группы баптистов исполняли религиозные песни в грузинском переводе Ильи Канделаки. К 1928 г. число баптистов в Грузии составляло уже 500 человек. Многочисленные баптистские общины были в Тифлисе и Батуми, небольшая община имела в с. Малхазовка (Сагареджойский район). Функционировали группы в г. Телави и с. Карданахи (Кахети) (*Сонгулашвили А.*, 2007. С. 233).

Параллельно создавались армянские группы баптистов. В 1944 г. к тбилисской баптистской общине присоединился союз христиан-евангелистов, в результате чего образовалась Евангельская Баптистская церковь Грузии (ЕБЦГ). Между евангелистами и баптистами существенной разницы нет. 17 января 1946 г. объединились грузинские, русские и армянские группы. В 1964 г. к ним присоединилась и осетинская община.

В марте 1991 г. был создан Союз церквей христиан-баптистов Грузии, в который вошли около 30 действующих в стране баптистских церквей. 25 сентября 1991 г. в г. Варна указанный Союз был принят полноправным членом Европейской Баптистской Федерации (ЕБФ), а 11 июля 1992 г. в г. Монтег-Бей членом Баптистского всемирного альянса. Союз церквей христиан-баптистов Грузии с 1991 г. издавал журнал «Бетлеми» («Вифлеем»), а с 1992 г. – газету «Уплис хма» («Глас Божий»). Ныне выходит евангелическо-баптистский информационный бюллетень «Тависупали» («Свободный»). Президентом Союза и епископом церкви евангельских христиан-баптистов (ЕХБ) Грузии является Малхаз Сонгулашвили.

На нынешнем этапе баптистская церковь Грузии разделена надвое: одна часть верующих объединена вокруг епископа тбилисской Дидубийской церкви Малхаза Сонгулашвили, а другая часть – вокруг пастора Гурджаанской церкви Левана Ахалмосулишвили. К последним примкнули часть бывших прихожан церквей «Эммануил» и Дидубийской, а также приход Авчальской баптистской церкви вместе со старейшиной Сократом Дудашвили (*Чанчалайшвили*, 2005). Причиной раскола баптистской церкви стало учреждение М. Сонгулашвили в Дидубийской церкви порядков, которые оказались неприемлемыми для части прихожан: он одел служителей в католические рясы, расписал стены церкви и повесил иконы, по окончании молитвы зажигают свечи (что воспрещается баптистским догматом), сам епископ стал носить крест, в страстную неделю он совершает ритуал «омовения ног» и учредил

«понедельник посыпания головы пеплом» (по Ветхому Завету). Введение новых порядков сам М. Сонгулашвили объясняет тем, что в советское время все вышеуказанные ритуалы были исключены из церковного распорядка, чтобы спасти баптистскую веру и церковь, и теперь справедливость требует восстановления преданных забвению порядков (*Чанчалайшвили, 2005. С. 223–224*).

С православной церковью у баптистов дружественные отношения: они признают приоритетное положение в Грузии Православной церкви, а последняя признает Евангельскую Баптистскую церковь Грузии одной из христианских деноминаций.

На сегодняшний день число членов Евангельской Баптистской церкви во всех регионах Грузии достигает 5 тыс., а включая симпатизирующих церкви людей – 17 тыс. (*Папуашвили Н., 2002. С. 164*).

ПЯТИДЕСЯТНИКИ

Представлены в Грузии такими организациями, как Независимые Пятидесятнические церкви (30 общин, 5 тыс. верующих), Пятидесятническая церковь Грузии (2 общины, 1,5 тыс. верующих), Новоапостольская церковь (5 общин, ок. 1 тыс. человек) (ПЭ. Т. XIII. С. 353). В Грузии пятидесятники появились с 1940-х годов; на грузинском языке ритуал впервые был совершен в Гори в 1945 г. (*Папуашвили Н., 1996*). Общины пятидесятников, кроме Тбилиси и Кутаиси, существуют и в других регионах Грузии (*Папуашвили Н., 2002. С. 167*).

СВИДЕТЕЛИ ИЕГОВЫ

С 1940-х годов в Тбилиси функционировали малочисленные, но хорошо организованные группы свидетелей Иеговы, руководителем которых был лидер *Закавказского братства* М.А. Хачатурян (*Папуашвили Н., 1996*). Иеговисты называют себя духовными братьями и сестрами, разделяют радость и горе друг друга. Обычно они собираются три раза в неделю, учат отдельные главы Библии наизусть. Раз в месяц в каком-либо городе или поселке проводится конгресс, на котором рассматриваются насущные вопросы общины. Обычно на конгрессе присутствует не меньше 900 человек (*Ивелашвили, Мгебришвили, 2007. С. 18*). «Союз свидетелей Иеговы» Грузии объединяет около 15 тысяч членов, а вместе с сочувствующими и разделяющими их учение людьми – 40 тысяч (*Папуашвили Н., 2002. С. 176*).

ИСЛАМ В ГРУЗИИ⁴

В Грузии мусульмане (сунниты) в основном представлены грузинами-аджарцами (примерно 150 000 человек), проживающими не только в Аджарии, но и в других регионах Грузии (Адигенский, Чохатаурский, Озургетский и др. муниципалитеты) вследствие планомерной, индивидуальной или вынужденной миграции (экомиграция) (*Путкардзе Т., 2006*). Значительная

⁴ © Р. Барамидзе

Интерьер мечети с. Квемо Агара
1860-е годы
Кедский район
© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Мечеть с. Квирикхе. 1860-е годы
Хелвачаурский район
© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

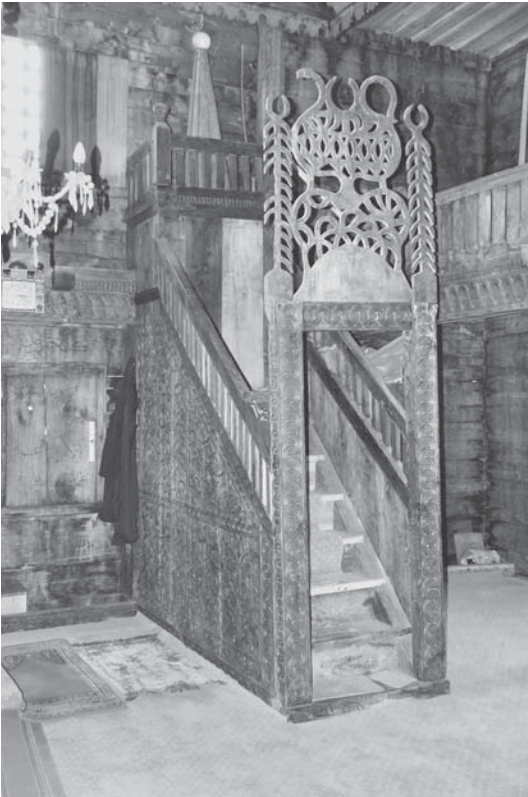
часть грузин-мусульман (их численность по разным оценкам составляет около 2,5 млн человек) в результате миграции (мухаджирство) также проживают в Турецкой республике, в частности в городах Анкара, Стамбул, Синоп, Самсун, Уние, Орду, Трабзон и др., в регионах Артвин (местное население), Орду, Самсун, Амасия, Синоп, Кастамону, Дузче, Адапазар, Коджаел, Ялова, Бурса, Балисекир и др. (Мухаджиры..., 2013, 2014). Мусульманами является также часть месхетинцев, вернувшихся в Грузию после депортации 1944 г.

Формирование общины грузин-мусульман связано с периодом османского владычества, в Аджарии начавшегося в XVI в. До XIX в. здесь применялась адаптированная система местного управления и налогов, что определяло лояльное отношение властей к распространению ислама. С XVI в. вся Аджария выплачивала религиозный налог за содержание христианских священников; даже в конце XVIII в. значительная часть населения придерживалась православия. Однако периодические восстания грузинского населения и возможная поддержка им внешних врагов Османской империи привели к насильственной форме распространения ислама (*Иашвили В.*, 1948. С. 21, 103–111; *Мгеладзе В.*, 1962. С. 81–84; *Чичинадзе*, 1913. С. 27; *Сахокия*, 1950б. С. 108; *Барамидзе*, 2010а. С. 445–453).

Ислам в первую очередь распространялся среди высших сословий, так как в Османской империи немусульмане не могли владеть землей и имели ограниченные права. Позднее мужская часть аджарского населения, привлекаемая к военной службе, постепенно приобщалась к бытовым и религиозным практикам ислама, осваивала турецкий язык. Одним из основных факторов перехода в ислам стала налоговая система, включавшая налоги для немусульман (*испенджи*, *мурахасие*, *джизие*) (*Шашикадзе*, 2002. С. 215–224). Добровольный характер перехода в ислам сохранился вплоть до Танзимата (реформы 1839–1870 гг.), к этому периоду большинство жителей региона были мусульманами. Постепенно строились мечети и медресе (самые старые из существующих датируются началом XIX в., хотя наиболее активно они возводились с середины 1900-х годов), выделялись для них вакфы (имущество, безвозмездно переданное духовным центрам, стало экономической основой мечетей и медресе), создавались шариатские суды, применявшие местный адат и шариат, – все это способствовало укоренению норм ислама (*Грузины-мусульмане...*, 2010. С. 9–26).

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Батумская область (вместе с Аджарией) входит в состав Российской империи и возвращается в грузинское этнокультурное пространство. Значительная часть населения Батумской области после этого эмигрировала в Османскую империю. Мухаджирство, вызванное опасением насилий против мусульман, с разной интенсивностью продолжалось до конца XIX в. (*Мегрелидзе Ш.*, 1964; *Барамидзе И.*, 1999. С. 41–77).

Период пребывания в Российской империи привел к укреплению ислама среди местного населения и формализации религиозных практик. Власти создавали контролируемую систему управления и финансово-материальной деятельности, религиозного образования мусульманской общины. При этом государство стремилось налаживать с ней доброжелательные взаимоотношения, способствуя формированию у мусульман положительного отношения к государству и императору. В 1872 г. было основано духовное управление для

Интерьер мечети с. Квирике
1860-е годы

Хелвачаурский район

© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Муллы мечети Азизия, г. Батум

Фото С.М. Прокудина-Горского,
1912 г.

© 2014, сайт «Наследие С.М. Проку-
дина-Горского»

закавказских мусульман, шиитов и суннитов, регулировавшее религиозные практики и делопроизводство; Устав о строительстве магометанских мечетей определил активное строительство мечетей в регионе. В Тбилиси располагался центр закавказского мусульманского управления, при котором действовало духовное училище (*Барамидзе Р.*, 2008. С. 32–46).

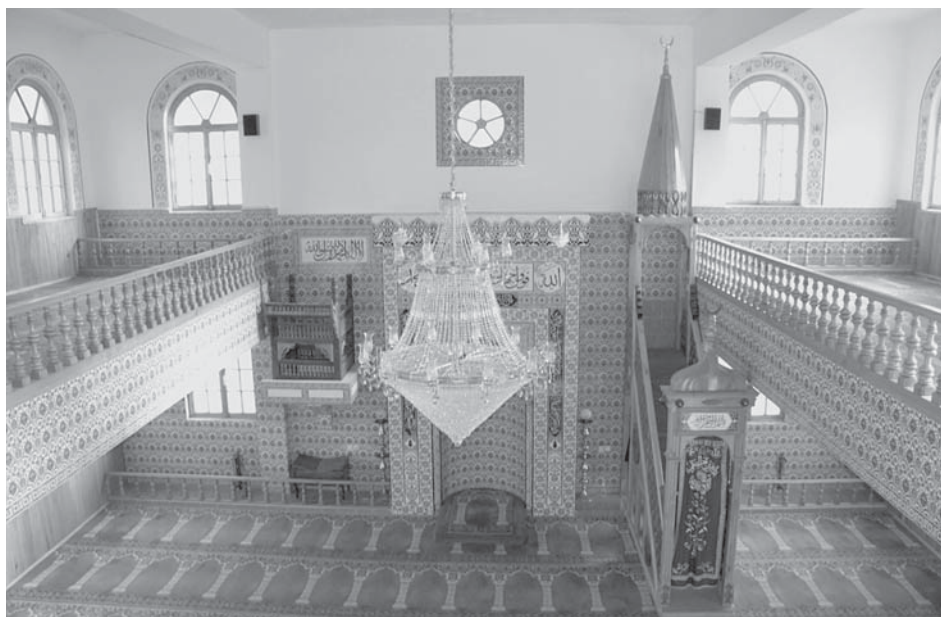
В 1921 г., после установления советской власти, начинается новый этап в истории ислама в Грузии. После Карсского договора к Турции отходит значительная часть Батумской области, населенная грузинами-мусульманами. Антирелигиозная работа советской власти среди мусульман велась через муфтият, муссекцию, женотделы и т.д. На местах использовались административные методы и насилие. Это приводило к недовольству и восстаниям (например, в случае кампании по снятию чадры). Власти с конца 1920-х и до начала 1930-х годов преследовали верующих, закрывали мечети, училища, упразднили систему религиозного образования, муфтият, шариатский суд (*Андриашвили*, 1984; 1973. С. 87). Вторая волна репрессий коснулась мусульман в 1940-е годы. В 1946 г. было разрешено открыть Батумскую мечеть для богослужения, но число верующих и их участие в праздничных молитвах жестко контролировались. Община, руководимая мусульманским судьей – *кади*, подчинялась Закавказскому Духовному управлению (ДУМЗ) во главе с Шейх-Уль-Исламом (*Барамидзе Р.*, 2013. С. 125–130).

Несмотря на политику властей, в советский период определенная часть верующих сохраняла традиции и соблюдала некоторые ритуалы – мусульманский похоронный обряд совершался скрытно, часто ночью; обряд бракосочетания – пожилыми членами семьи без участия новобрачных. Власти прибегали к мерам предосторожности, контролируя участие в коллективных работах во время поста и поголовье скота во время уразы-байрама. Подобная ситуация определила устную форму передачи религиозных знаний в узком кругу «доверенных», или членов семьи. С конца 1980-х годов восстанавливаются мечети, медресе, богослужения и т.д. Процесс восстановления и реставрации мечетей в основном закончился в 1990-е годы, после этого началось строительство новых зданий (*Барамидзе*, 2014. С. 12–25).

В независимой Грузии изменились место и роль религии в повседневной жизни: в Аджарии активизируется процесс христианизации, происходит восстановление мусульманской общины через сохранившееся духовенство или людей, получивших «устное образование», а затем – через молодое духовенство, получившее образование за границей (в основном в Турции).

Грузины-мусульмане до 2010 г. подчинялись Аджарскому духовному управлению мусульман – муфтияту (*самуфто*), который формально подчинялся Кавказскому Духовному Управлению мусульман (бывший ДУМЗ). С 2011 г. в Грузии действует зарегистрированное Духовное управление мусульман Всея Грузии, юрисдикция которого распространяется на всех мусульман страны. По данным 2010 г., в распоряжении грузин-мусульман в Западной Грузии находилось 197 зданий духовного характера (мечети, медресе, постоянные и временные молельные дома и т.д.) (*Барамидзе Р.*, 2014. С. 32).

Религиозные практики аджарских мусульман имеют ряд особенностей, общих с религиозными традициями мусульман-месхетинцев и потомков грузин-мухаджиров. Особое внимание уделяется «практикам жизненного цик-

Интерьер мечети. 2002 г.
Хулойский район, с. Дидачара
© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Обучение детей в медресе-пансионате при мечети пос. Чакви
Кобулетский район
© Фото Р. Барамидзе, 2008 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ла»: выбор имени, обрезание, заключение брака, религиозные праздники, похороны, поминки и т.д.

Брачные обычаи грузин-мусульман претерпели интересную трансформацию. Хотя под влиянием ислама ряд традиционных элементов (общекавказские, грузинские) вместе с терминологическим аппаратом были забыты, но нерелигиозные брачные обряды и традиции сохранились. В период османского правления в сферу брака (*никахи, агди, агдис шачра*) и развода (*агдис мошла, талаги, гашвеба, бошкагалди, бошкагиди*) вошли ряд мусульманских элементов (бракосочетание, плата за невесту, *махр*), что привело к консервации некоторых схожих доисламских традиций (брак между кузенами, многоженство в случае бездетности и т.д.). В период Российской империи брачные взаимоотношения и обычаи были формализованы, что выразилось в появлении документов и обширном использовании правовых норм. В советский период государство ограничило сферу применения религиозных обрядов. Мусульманские брачные традиции потеряли официальную составляющую, хотя и сохранились в быту. Так, в части высокогорных сел дети, рожденные без *никаха*, считались незаконнорожденными (*буши*), поэтому старейшины семей обязательно проводили ритуал бракосочетания, чаще без участия новобрачных. В постсоветский период началось формирование «ортодоксального» мусульманского ритуала. Религиозное бракосочетание, как и выбор партнеров, поведение молодоженов или новой семьи стали частным делом. При этом полное соблюдение всех религиозных норм характерно лишь для ограниченного круга молодых мусульман (*Мгеладзе Н.*, 1988; *Грузины-мусульмане...*, 2010. С. 87–117).

У грузин-мусульман вступление в брак разрешалось после 12–13 лет для девушки и 14–17 лет для юноши. Мужчина мог вступить в брак при условии, что он будет сам содержать семью, и должен был располагать суммой *махра*. Многоженство было принято лишь среди высших сословий. Вторую жену брали в случае болезни первой, если жена не могла родить сына или была бездетной. Первая жена часто сама выбирала вторую жену, или с ней согласовывали предполагаемую кандидатуру. Официальный развод не был распространен, так как был связан с материальными обязательствами со стороны мужа и мог вызвать конфликт между семьями или даже кровную вражду. Ограничивался брак среди кровных родственников (по прямой линии три поколения, по косвенной – два). Имел место брак между кузенами, хотя по традиции все же не приветствовался брак в пределах семи поколений. Запрещалась брачная связь с детьми со стороны брата матери (*тайаишвили*) и детьми со стороны сестры матери (*халаишвили*), семьей приемника при обрезании (*кирва*) и «молочным родственником» (*дзудзумте*). Изредка встречалась форма сороратного и левиратного браков. В выборе партнеров активное участие принимали родственники: отец, мать, сестра, невестка, дяди (особенно брат матери – *тайа*, в случае брака племянницы) (*Мгеладзе Вл.*, 1996. С. 209; *Бекая*, 1974. С. 57, 80–85; *Грузины-мусульмане...*, 2010. С. 87–117).

Сегодня партнеров чаще выбирают самостоятельно. При этом принято брать в семью немусульманок, тогда как при согласовании кандидата жениха семья грузин-мусульман учитывает его вероисповедание. До советского периода в имущественных отношениях встречалось несколько форм «договорного брака» с элементами оплаты женихом ряда повинностей (*махри*,

Молитва в *сакалебо* – женской половине мечети г. Батуми

© Фото Р. Барамидзе, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ришвети, *бохча-нишани*, оплата трудом и др.), из которых только *махр* или плата, определенная нормами ислама – возмещение жене в случае развода – определялась во время бракосочетания. Наслоение разных традиций привело к потере четких определений и обязанностей в вопросе имущественных отношений, поэтому институт махра претерпел изменения – *махр* (под которым иногда подразумевают все материальные обязанности обеих сторон) обычно по согласию жены возвращается, что воспринимается как основа прочности будущей семьи. *Махр* носит формальный характер, как некая обязательная религиозная норма. Сама церемония совершалась в доме невесты или в мечети, при участии духовного лица, молодых, их свидетелей (*векили*) и старейшин обеих фамилий. В начале церемонии было принято втыкать нож в пол, дверь или в стул; вынимали его по завершении церемонии (в некоторых случаях сторона жениха выкупала это право). Читали молитву, у обеих сторон спрашивали – желали ли они вступить в брак, после чего устанавливалась сумма махра (Грузины-мусульмане..., 2010. С. 107–109).

В советское время выбор имен новорожденных был ограничен – выбор мусульманских имен (Мухамед, Али, Осман и т.д.) был невозможен, что в ряде мест привело к бытованию двух имен – повседневного, внутрисемейного (мусульманского) и официального (зафиксированного в документах). В постсоветский период традиция двух имен все еще встречается, но выбор имен уже не ограничивается.

Необходимо затронуть вопрос о фамилиях. В период вхождения в Османскую империю в Аджарии распространилась османская форма патронимических названий – род выбирал (или ему присваивали) фамилию на основе

имени основателя рода, профессии, характера, военного прошлого, религиозных заслуг, идентичности и т.д., с добавлением *оглы* (сын). Иногда грузинские фамилии переводили на турецкий язык, поэтому сын получал другую фамилию, а не брал отцовскую. В советский период шел процесс обретения новых фамилий или возвращения старых. Сходный процесс прошел в Турецкой республике после 1923 г., когда за семьями стали закреплять турецкие фамилии, а в редких случаях новые фамилии учитывали доосманские или османские патронимии. В результате этого семьи, несмотря на наличие общих предков, после разделения или присвоения фамилии получали отличающуюся от родственников фамилию. Стандартизация фамилий в СССР и Турции не учитывала этот факт, поэтому нередко родственники получали разные фамилии. Этот фактор по сей день учитывается при женитьбе: уточняются все патронимии, особенно османского периода, дабы избежать браков с дальними родственниками.

Особое внимание мусульмане-грузины уделяют ритуалу обрезания *суннет-дугуни*, который считается символом принадлежности к исламу, а также определяет форму искусственного родства (*кирвианоба*). Функции *кирва* во многом сходны с функциями крестного отца в христианской традиции. Кирва во время обрезания держал ребенка и отвлекал его внимание, а затем одаривал мальчика сладостями и другими подарками (одежда, ценные вещи или деньги). Обычно после ритуала устраивали застолье, или гостей угощали шербетом и сладостями. В советское время, во избежание лишнего внимания, ритуал проводили в соседних районах. Раньше ритуал выполняли странствующие специалисты (*суннетчи*, *дамсунатебели*), пользовавшиеся народными средствами (например, присыпкой из листьев инжира), со временем их заменили врачи. В дальнейшем *кирва* принимал активное участие в жизни мальчика, так как для него «он стоит перед отцом». В последнее время под влиянием нового духовенства *кирва* принимает лишь символическое участие в процессе обрезания (Ногайдели, 1971. С. 36–37; Андриашвили, 1983. С. 115–116; Читая, 2001б. С. 360–361; Грузины-мусульмане..., 2010. С. 226–231; Барамидзе Р., 2009–2010. С. 123–128).

Похоронный ритуал сохраняет традиционный характер, хотя и имеет в отдельных поселениях некоторые особенности в зависимости от отношения к традициям. К смерти человек готовился еще при жизни, для чего заблаговременно приобретал саван, или *кепен-тахум* (все необходимое для похорон – материя для савана, мыло, духи и т.д.). Такая подготовка сегодня характерна лишь для традиционных семей; все это приобретается членами семьи лишь в случае неизлечимой, тяжелой болезни или уже после смерти человека. Сегодня приобретение вещей и материалов для похоронных целей возможно в специальных магазинах, курируемых мусульманским управлением. В высокогорных селах с помощью местного самоуправления, в основном для зимнего сезона, заранее заготавливают необходимые для похорон материалы (в основном деревянные балки). В отдельных случаях предварительная подготовка проходит в рамках поселка или родственной группы. В селах кладбища для каждой семьи или рода делаются отдельно; в городах и пригородах действуют общие кладбища. В селениях у большинства захоронений в головах и ногах ставят деревянные фигурные дощечки и делают ограду. В части высокогорных селений на кладбищах наводят порядок лишь

Заупокойная молитва *джаназа* у Батумской мечети
© Фото Р. Барамидзе, 2010 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

во время праздников и осенью, так как все растения, выросшие на могилах (в том числе деревья), считаются «собственностью» покойника. Из-за этого иногда трудно определить место захоронения. Чаще всего на надгробных деревянных дощечках или камнях пишут имя, дату рождения и смерти покойника. На общих кладбищах обустройство могил зависит от социального статуса семьи и индивидуальных эстетических предпочтений. На надгробных памятниках встречаются изображения покойника, надписи, в том числе изречения из Корана (Мгеладзе Н., 2002. С. 249–250; Грузины-мусульмане..., 2010. С. 119–123, 144–147).

Основные религиозные требования к подготовке похорон (обмывание покойника, одевание в саван, чтение молитв) определены религиозными нормами. В традиционных селениях покойника хоронят в день смерти или на следующий, в случае, если родственникам требуется время. Чаще всего к покойнику приглашают местного имама, специалиста по обмыванию *мус-селеджи*, или человека с «сильным сердцем». В традиционных селах это в основном соседи, которые считают выполнение этого богоугодным делом. В городах приглашают специального знающего человека, ему помогают один или два человека, члены семьи. Он обмывает тело и заворачивает в саван (из двух или трех частей для мужчин, четырех или пяти для женщин). В городах иногда покойника одевают в костюм, а потом заворачивают в саван. Покойницу подготавливала знающая женщина, обычно жена ходжи (или «женщина-ходжа»). После этого покойника клали на носилки-*табути*. В городах иногда используют обычный гроб. Оплакивать покойника не приня-

то. В комнате с завернутым в саван покойником читают Коран. Люди приходят и остаются в комнате, пока не дочитывают текущие *аяты* Корана. В городах принято приносить цветы, венки, панихида продолжается несколько дней. В традиционных селах гости выражали соболезнование членам семьи и оставались до похорон. Перед выносом покойника имам произносил проповедь и позволял высказаться всем желающим. Затем мужчины, сменяя друг друга, несли покойника на кладбище или во двор мечети, где совершалась поминальная молитва *джаназа*. Для покойника выделялось специальное место – камень покойника (*мусселе таши*), на который ставили *табути*. В процессе молитвы было принято отпускать покойнику грехи и прощать все долги и обиды (*халали гизаме*). После этого имам обращал внимание собравшихся на *халалмишоба* – родственникам покойника (сыновьям) напоминали о долгах покойника (деньги, имущество, скот и т.д.), и они по возможности возмещались. С покойником иногда клали записку *каабис дуа*, дабы он знал все о вере и о себе. Могила устраивалась так, чтобы правая сторона покойника была обращена к Мекке. Глубина могилы для мужчин была до пояса, для женщин – до груди. С правой стороны по всей длине выкапывали нишу, покойника клали, чуть задвинув в нее, под покойника (в *табути*) подкладывали землю, чтобы он немного был повернут в сторону Мекки. После этого убрали все лишнее (не природное и не относящееся к покойнику) и в могиле, под углом, от верхнего правого края к нижнему левому во всю длину плотно укладывали толстые деревянные доски *лехти*, которые закрывали покойника. После этого прощались с покойником и в могилу бросали землю. Имам читал *телкин* (напоминание о вере). В этот период соседи брали на себя основную часть домашней работы – подготовка похорон, приготовление пищи для членов семьи и гостей и т.д. После похорон приехавших издалека соседи приглашали пообедать, в городах же после похорон принято траурное застолье *келехи* (без алкогольных напитков). В Аджарии и у потомков мухаджиров в Турции известен ритуал *деврис дабрунеба*, цель которого – выкупить и отпустить те грехи покойника, о которых он забыл или которые не осознавал (причинение зла семье, родителям, детям, скоту и т.д.). В последнее время новое духовенство считает этот ритуал неканоническим. Принято поминать покойника в течение недели, на 52-й день после кончины и на годовщину, когда читают Коран и гостям раздают сладости и шербет. В течение первых 52 дней, а иногда и в течение года семья соблюдает траур. Особо отметим *мевлюдис китхва* (ритуал, связанный с празднованием дня рождения Мухаммеда), который в основном проводится в месяц мавлюд (*мевлюдис мтваре*), но также во все значительные для семьи дни, в первую очередь за упокой души умершего (*Мгеладзе Н.*, 2002. С. 238–250; Грузины-мусульмане..., 2010. С. 119–150).

Календарь религиозных праздников включает Рамазан (*фитре байрам*) и Курбан-байрам и ряд других дней (пятница, или *джума*, *баратли гаме* – ночь предопределения, *мирадж* – ночное путешествие пророка Мухаммеда в Иерусалим и его вознесение на небеса и т.д.). Особое значение придается Курбан-байраму, когда все мусульмане, если у них нет долгов и есть определенное имущество, стараются принести жертву. Мясо жертвенного животного делят на 3 части: семье, соседям и тем, кто не смог сам принести жертву. Было принято совместное жертвоприношение *зиари курбани*, при этом все части животного делили на столько частей, сколько человек участвовали в

Чтение мавлюда в семье
 © Фото Р. Барамидзе, 2010 г.
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Ночная молитва *тарави* в месяц
 Рамадан
 Хулойский район, с. Окруашвилеби
 © Фото Р. Барамидзе, 2009 г.
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Подготовка к жертвоприношению на празднике Курбан-байрам

Шуахевский район, с. Хичаури

© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

этом, а после по жребию делили пакеты с мясом (Грузины-мусульмане..., 2010. С. 152–170).

Большинство мечетей *джаме* построено до начала XX в. Мечети, построенные в османский период, также называют *баратли джаме* – «мечеть, заверенная указом султана», так как для ее постройки требовалось согласование ряда норм. Мечети (в особенности для пятничной молитвы) строили в центре ущелий, общин или поселений. Позднее к ним прибавились и сельские мечети (Грузины-мусульмане..., 2010. С. 13–16). В советское время большую часть мечетей приспособили под склады, клубы, магазины, школы или административные здания. Это привело к их видоизменению, но в основном эти здания сохранились. Большинство новых мечетей построено с учетом старых строительных традиций, или же на основе архитектурных проектов, применяемых в Турции (*Барамидзе Р.*, 2013. С. 405). Большая часть старых мечетей – уникальные памятники деревянного зодчества, резьбы, росписи и орнаментами. Особенно следует отметить лазских мастеров, использовавших при резьбе растительные орнаменты («древо жизни», сакральные растения и цветы). Встречаются цветочные, геометрические, символические (меч Али, ковчег Нуха/Ноя, весы правосудия и т.д.) мотивы и стилизованные изречения из Корана (*Барамидзе*, 2010б).

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

ТРАДИЦИОННЫЙ ПРАЗДНИЧНЫЙ КАЛЕНДАРЬ¹

В Грузии календарное исчисление времени имеет древнейшие корни. Принято считать, что первоначально в основу древнего грузинского дохристианского календаря была положена вавилонско-семитская лунная система, а позднее, как и в других странах Передней Азии, солнечный подвижный год, который после установления римского политико-культурного влияния сменился неподвижным. Счет года начинался с 6 августа. Месяц состоял из 30 дней, а в конце года добавлялись пять эпагоменальных дней. Августовский год просуществовал до VII в. Весеннее и осеннее равноденствие, начало месяцев были связаны с зодиакальным кругом. Римским названиям месяцев, которые впоследствии стали общехристианскими, предшествовали древнегрузинские термины, обозначающие Новый год (*ахалццисай*), уборку винограда (*стуели*), декабрь (*тирисдени*) и др. Следует отметить, что после распространения христианства многие месяцы стали называть по имени того святого, чей день праздновали в данном месяце. Напр., *квирикобистве* (в честь великомученика Кирика – июль; *мариамобистве* (в честь Пресвятой Богородицы) – август; *гиоргобистве* (в честь св. Георгия) – ноябрь и т.д.

Христианство привнесло в Грузию византийский, т.е. сентябрьский год, где римские и грузинские месяцы полностью совпадают. До X в. индиктивный год был единственным гражданским календарем. В IX в. наряду с индиктивным существовал мартовский год, связанный с распространением хорониконного летоисчисления. В X в. появился январьский год, который окончательно утвердился в XIV в. В христианской Грузии одновременно с гражданским существовал церковный год: до середины X в. зортологический, восточного типа, а затем – сентябрьский. Вместе с августовским и мартовским годами до середины X в. сентябрьский год был гражданским, и лишь позднее превратился в церковный год византийского типа (*Ингороква*, 1929–1930. С. 30; *Кекелидзе*, 1940. С. 83–95).

В основе дошедшего до нас народного календаря лежит церковный зортологический календарь, хотя в нем отчетливо прослеживаются дохристианские обычаи, верования и представления и, подобно народным календарям других народов, он носит синкретичный характер. Основанные на церковном

¹ © Н. Абакелия, К. Алавердашвили, Н. Гамбашидзе

календаре грузинские народные праздники (за редким исключением) за точку отсчета берут рождественский праздник. Очевиден древнейший принцип деления года на два сезона – на зимнюю шестимесячную и летнюю, также шестимесячную половины. В грузинском народном календаре выделяются слои, связанные с земледелием и животноводством, основанные на эортологическом календаре праздники в честь дохристианских божеств и святилищ, семейные и синкретичные праздники (Гамбашидзе Н., 1999, 2004).

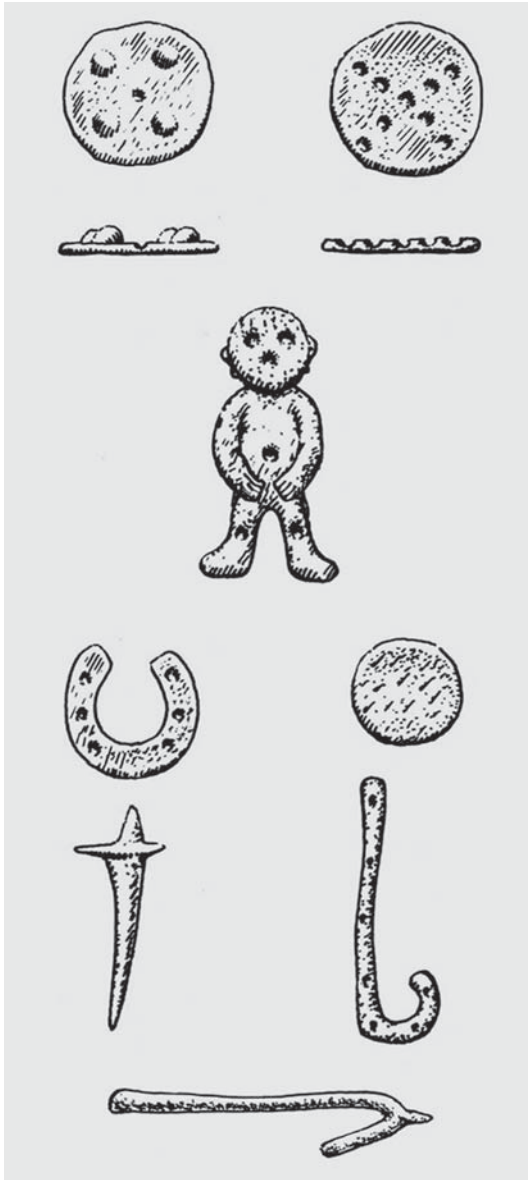
Согласно народным представлениям, зима начинается с рождественского поста 15(28) ноября, сразу после осеннего *Гиоргоба* (день св. Георгия) 10(23) ноября. В середине поста 4(17) декабря празднуют рубежный между осенью и зимой праздник *Барбалоба*. В западногрузинской традиции *Барбалоба* (праздник в честь св. Барбале – св. Варвары) считается началом годичных празднеств. Согласно широко распространенным представлениям, на тот день недели, на который придется Барбалоба, приходится и Новый год (и также все другие «счастливые» дни). Поэтому особенно важным было то, как встречали этот день. Этот день считался днем судьбы *бедаба*, т.е. днем, который определял везение и удачу на весь год. В связи с этим повсеместно было распространено *меквлеоба* – обычай первого пришедшего в дом поздравителя (*меквле*) – человека, обладающего «счастливой ногой», который приносит в дом достаток и благополучие. Соответственно, в этот день остерегаются ранних гостей – в семью первым должен придти *меквле*. Различали домашнего и постороннего *меквле*. Домашним обязательно должна была быть женщина, а посторонним – все равно, мужчина, женщина либо ребенок, главное, чтобы у *меквле* была «счастливая нога». Если данный *меквле* оправдывал ожидания, его приглашали и на Новый год.

Барбалоба по всей Грузии – нерабочий день (*укме дге*). Особенно важным он считался для женщин, которым запрещалось в этот день заниматься шитьем и вязанием. В разных регионах Западной Грузии в этот день особо заботились о здоровье людей, скота, в частности о плодovitости коров и увеличении надоя, о размножении птицы и обильном урожае. Пекли обрядовые хлебцы с начинкой из орехов, тыквы или фасоли – *сартвиани табла*, поскольку, согласно укоренившимся представлениям, «пустой хлебец» в первый день Барбалоба приносит в семью нужду («пустой год»).

В грузинской традиции св. Барбале (а в Хеви – Иоанн Креститель) защищала детей от инфекционных болезней и покровительствовала им. В день Барбалоба родитель (либо опекун ребенка) внутри ограды церкви св. Варвары отпускал жертвенного петуха. Св. Варвара считалась также предводительницей облаков, следовательно, в ее функции входило и управление погодой (Бардавелидзе, 1939, 1941; Абакелия и др., 1991; Миндадзе Н., 1981).

В Западной Грузии вслед за Барбалоба следует *Сабаоба* (день св. Саввы) 5(18) и *Николозоба* (день св. Николая) 6(19) декабря. Последний особенно празднуют в Раче, Лечхуми, а в Восточной Грузии – в Тушети, где Николозоба и день зачатия пресвятой Богородицы – 6(19) и 9(22) декабря соответственно – связывают с зимним солнцеворотом (Цоцанидзе, 1987).

9(22) декабря в верхней и нижней Сванети отмечали праздник *Ианаш*, особо празднуемый женщинами. Согласно народным верованиям, он был установлен с целью получения гарантированного обильного урожая проса (Бардавелидзе, 1951). Этот праздник также засвидетельствован в Лечхуми

Ритуальные хлебцы
 Картли, начало XX в.
 © ФЗЭНГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

в рождественском цикле празднеств и известен под названием *Шобис бебиа* (Бабушка Рождества), которая считается покровительницей девушек, брака, женщин, особенно рожениц (*Абакелия*, 1991).

В календарном цикле вечер перед рождеством (сочельник) и Рождество имели очень большое значение, как начало нового года и, соответственно, сопровождались самыми разнообразными действиями магического характера, направленными в основном на повышение плодородия, успешную борьбу со злыми силами, на то, чтобы заручиться здоровьем в будущем, и вообще – на обеспечение достатка и благоденствия. По традиции в сочельник следовало соблюдать пост до появления первой звезды.

В предрождественский вечер 24(06.01) декабря выполнялись особые обряды. В этот день по всей Грузии из пшеницы варили кутью *чантили/коркоти*, готовили поминальную пищу в честь усопших, пекли ритуальные хлебцы. Некоторые из них хранили до весеннего сева, затем

крошили и смешивали с подготовленным к посеву зерном. На Рождество закалывали специально откормленную свинью.

Одним из самых важных и ярких элементов рождественской обрядности является поздравление с Рождеством группой молодежи – называемой *меалилоеби*. *Меалилоеби* – исполнители народных песен (колядок) *алило*, получивших название от многократно повторяемого припева рождественской поздравительной песни, которая исполнялась во славу Иисуса Христа. *Меалилоеби* обходили каждую семью с поздравлениями, принося в дом веселье и радость. Обычно их песни просты и коротки; известно множество их вариантов. Исполнителей *алило* по возможности одаривают деньгами, яйцами,

вином, хлебом, зернами гоми (*Setaria italica*), специально для них испеченными пирожками и др. В день Рождества вставали рано. На завтрак ели специально приготовленные блюда из рождественской свиньи и петуха. В горных районах Восточной Грузии основные ритуалы исполнялись в святилищах священнослужителями, которые заранее готовились к празднику, варили пиво и в ночь на Рождество шли в святилище возносить молитвы.

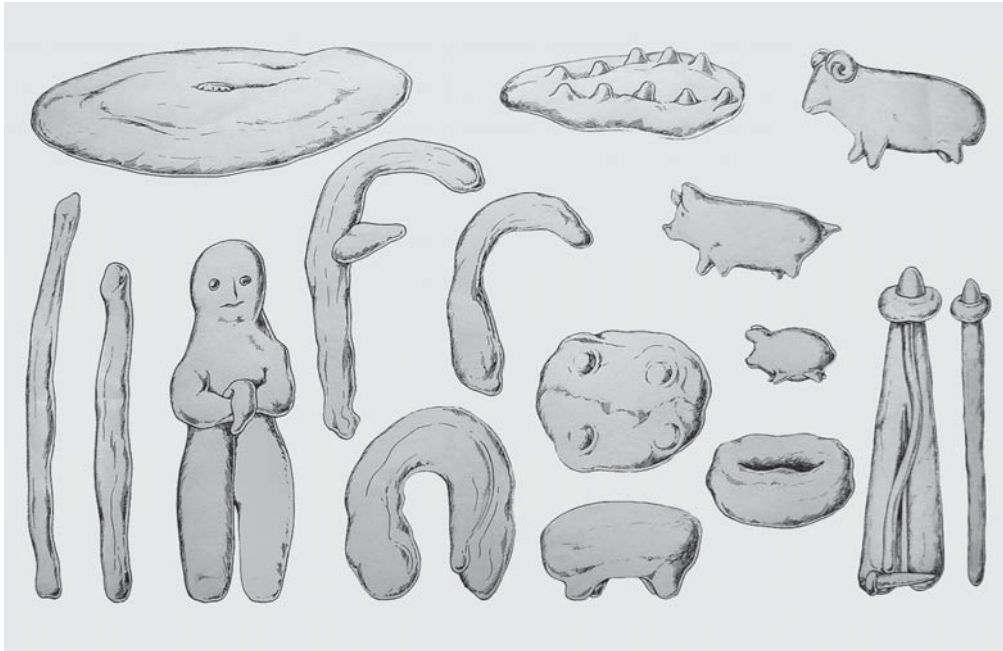
Второй день Рождества – 26(08.01) декабря – Собор Пресвятой Богородицы.

Новый год наступает в ночь 31 декабря (13 января по церковному календарю).

В Грузии повсеместно было принято в раннее новогоднее утро отправляться в лес и привозить домой полные сани дров вместе с вечнозелеными растениями, а затем этими же дровами разводить новогодний огонь и гадать на нем. В Западной Грузии, в частности в Гурии, самым распространенным названием праздника было *каланда/канда*, которое, как принято считать, было заимствовано у римлян или византийских греков и имеет то же значение, что русская коляда и римские календы. В этот вечер в Западной Грузии из ствола лещины вытесывали ритуальное деревце *чичилаки*, которое в научной литературе отождествлялось с Древом Жизни (*Бардавелидзе, 1957*). *Чичилаки* украшали разными символами плодородия – яблоками, гранатами, сладостями и ритуальными хлебами. В некоторых регионах (Рача и Лечхуми) вместо деревца делали *гвергви* (венок), который украшали подобно *чичилаки*. В этом регионе Грузии *гвергви* был непременным элементом новогодних обрядов, как и одаривание сладостями близких и гостей (*Макалатия, 1927; Бардавелидзе, 1957*).

Вечером, до наступления Нового года (кое-где на рассвете), в Западной Грузии (в Раче, Лечхуми, Самегрело, Сванети) обязательно закалывали свинью *сакаланда/саахалцло* (специально откормленную к Новому году) и читали молитву, называемую *горис салоцави* (от груз. *гори* – свинья, *лоца* – молитва) с ритуальным хлебом, выпеченным на сале закланной свиньи (*Абакелия и др., 1991*). Пекли ритуальные хлебцы с зооморфными «знаками» *бедис квереби* (хлебец счастья), *басила* (*Бардавелидзе, 1957*). Для центрального персонажа новогодних ритуалов *меквле* пекли украшенные узорами хлебцы. Меквле должен был внести в дом специальный лоток (*самеквлео табла*), на котором были разнообразные угощения – яйца, вареная курица, голова свиньи, чурчхелы, гозинаки, изюм, яблоки, вино, водка, сладкие сдобы, ритуальные хлебцы, мед, вода. В Картли подобный лоток называли *абрамиани*.

Новый год 1(14) января имеет особое значение. Главным ритуалом этого дня была *меквлеоба*. Самым важным было найти человека – обладателя «счастливой ноги» (*Бардавелидзе, 1939, 1957; Брегадзе Н.А., 1982*). В некоторых районах Грузии были известны *цклис меквле* (т.е. поздравитель воды). Домашним меквле обычно выступал старший (старшая) член семьи, который поздравлял всех родных с Новым годом и обходил *марани*, амбар, птичник, свинарник, виноградник и т.п.). Вошедший в дом с полным подносом в руках *меквле* три раза обходил вокруг очага и разжигал огонь. Каждому члену семьи он клал в рот сладость с пожеланием «сладкой старости». У каждой семьи был также посторонний *меквле*, которого выбирали заранее и от

Фигурные хлебцы для преподношения св. Аврааму

Картли, 1950-е годы

© НМГ. ЭФ 3-14

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

которого, согласно народным представлениям, зависели благополучие и удача в течение всего года.

2(15) января назывался *бедоба*, «день судьбы», поскольку народ верил: как проведет этот день, таким будет весь год. В этот день девушки гадали, желая узнать уготовленную им судьбу (нареченного жениха).

Следующему празднику, Крещению, предшествовал Крещенский пост 5(18) января. День считался праздничным. В этот день выполняли ритуал, призванный обеспечить в наступающем году изобилие. В церкви освящали завернутые в кусок ткани всякого рода семена, после чего их размалывали и замешивали тесто на освященной и очищенной золой воде. Готовые хлебцы хранили до начала сева, затем их крошили и смешивали с подготовленным к севу зерном, произнося при этом «заговорные слова»: «Боже, защити нас от мышей, жучков и града». Следует отметить, что этот день в Грузии считался днем поминовения усопших, поэтому практически в каждом доме готовили поминальную пищу, освящали ее в церкви, а затем раздавали нуждающимся.

6(19) января праздник Крещения – *Натлисгеба/Цкалкуртхева* – праздновали там, где были церкви. Народ совершал молебен, затем священник направлялся к реке, освящал воду и кропил людей освященной водой. Вернувшиеся домой семьи готовили *коркоти* (кутью из толченых зерен пшеницы), зажигали свечи, воскуривали ладан и поминали усопших (*Гиоргадзе, 1987*).

14(27) января праздновали *Нинооба*, день равноапостольной просветительницы св. Нино. К этому дню готовились за неделю, посещали монастырь

в Бодбе (Кахети), место упокоения просветительницы Грузии, присутствовали на праздничной службе, причащались.

2(15) февраля праздник *Миркма* – Сретение Господне, который отмечает вся Грузия. С ним связано множество народных обычаев и обрядов. В этот день зажигали факелы, с помощью которых изгоняли ведьм и «прижигали хвост» январю.

В переходный период от зимы к весне празднуют день *Меисари*. *Меисари* (лучник) – один из широко распространенных эпитетов св. Георгия. В этот день молятся о даровании здоровья, особенно хорошего зрения (*Макалатия С.*, 1927; *Абакелия*, 1991).

В период от дня *Меисари* до *Бослоба*, который называется неделей *Бослоба*, совершали ритуальные действия, способствующие сохранению и размножению скота. В некоторых уголках Грузии в этот день женщины молились о сохранности скота и постились, закалывали заранее отобранного поросенка, пекли разные обрядовые хлебцы, соленый хлеб. Взяв в руки лоток с ритуальными хлебцами, зажженной свечой, стаканом вина, а в некоторых местностях также лопатку поросенка, шли в хлев, обносили лоток вокруг головы скотины и молились о размножении скота, его здоровье и защите от диких зверей (*Бардавелидзе*, 1957; *Сохадзе*, 1964; *Рухадзе*, 1976; *Брегадзе Н.*, 1982).

В мясопустную субботу (*хорциелис шабати*) – день поминовения усопших – в каждой семье готовилась поминальная пища: резали курицу, варили *шаихи* (ветчина); обязательным элементом было крутое яйцо; пекли *сулис пури* («хлеб души» – хлеб для усопших) с отпечатком трех пальцев в центре, семь хлебов с начинкой из фасоли. На столе должен был быть сыр, бутылка вина, зажженная свеча. Ритуал отправляла хозяйка дома: вином окропляла стол, дотрагивалась руками до блюд и, вращая поминальный столик, приговаривала: «Боже, дай достаток». Затем все поочередно повторяли ее движения. Завершая обряд, хозяйка опять вращала стол, после чего все рассаживались. В этот день, по обычаю, часть поминальной пищи оставляли в церкви, а часть относили на могилы родителей и близких родственников.

Следующий день – мясопустное воскресенье, заговенье. Хозяйка пекла сдобренный орехами, сыром и солью небольшой хлеб с изображением креста *сахлитавис салоци* (предназначенный главе семьи для молитвы). Мужчина относил *салоцави* с вином и свечой на крышу дома и, вращая *салоцави* перед собой справа налево, молился. В этот день женщины «ловили» мужчин, «пойманный» обязан был платить «дань», обычно откупаясь подарком. Принято было водить хороводы, без участия в которых никто не возвращался домой (*Алавердашвили*, 2007). Существовал также обычай отгонять зажженными стрелами ведьм (*Абакелия и др.*, 1991). Так завершался мясопуст и начиналась масленица.

Понедельник масленицы считался большим праздником. Кое-где пекли начиненные сыром лепешки, накрывали праздничный стол, делали жертвоприношения, которые должны были обеспечить защиту от града и повышение урожайности виноградника и удои коров; пекли небольшие соленые хлебцы, на которых девушки гадали, желая узнать своего суженого. В четверг по всей Грузии отмечали праздник *Шиооба* (день св. Шио Мгвимели), одного из святых сирийских отцов и одного из основателей грузинского монашества. В пятницу в Картли мужчины отмечали *квиртис укме* (праздник появления

почек), выполняя определенные обряды, чтобы у виноградной лозы не опали почки. В субботу в Раче для сохранения виноградника выполняли известные под названием *килмароба* ритуальные действия (глава семьи под черенком лозы закапывал железо). Суббота масленицы была днем поминовения усопших. Воскресенье масленичной недели предшествовало Великому посту. В этот день еда была особенно сытной: содержала много сыра и яиц. Пекли обрядовый хлеб с сырной (или творожной) начинкой, обильно сдобренной топленым маслом. Специально для птиц варили кашу из пшеницы или кукурузы, клали ее на черепок или щепку и оставляли на заборе.

В масленичных обрядах особое место занимает празднество *Берикаоба – Кееноба* (исполнялось в воскресенье масленицы или в первый день Великого поста, отличающееся остроумием, веселыми, порой даже необузданными розыгрышами, допускающими непристойности в песнях и действиях. *Берики* (участники действия) пользовались особой любовью, им многое прощалось. По своему характеру и природе берикаоба не связана с церковными правилами и обрядами (Джанелидзе Д., 1948; Рухадзе, 1999; Брегадзе Н., 1982). В этом празднестве очевиден его эротический характер, пародирование политических и народных явлений, театральность.

Главными действующими лицами праздника являются *тав-бери* (главный *берика*) – жених, невеста (*Кекела*), роль которой исполнял одетый в подвенечное платье юноша; *берики* в масках: кабан, овца, бык, татарин, лезгин, араб, священник, крестный, музыканты, а также *мебаргулеби* (носильщики), которые следовали за шествием и везли на ослах, лошадях, повозках собранные подношения и реквизит. Возглавляли процессию *тав-бери* (жених) с невестой. За ними следовала свита – вооруженные деревянными саблями и щитами музыканты и другие сопровождающие. Начинался обход семей с песнями и речитативными формулами, что завершалось получением подношений. Шествие могло обойти не одну или две деревни, а иногда все ущелье.

Во время шествия на сельской площади или перед каким-нибудь домом жених и невеста инсценировали свадьбу, которую сопровождали танцы, игры и песни. Затем «араб» или «татарин» убивал *берику*, и невеста начинала его оплакивать. Умершего *берику* тщетно пытались оживить водой, забавными манипуляциями. В это время татарин или араб пользовался моментом и похищал невесту. Тут *берика* оживал и с деревянной саблей в руках бросался за похитителем. После возвращения невесты *берика* вновь публично инсценировал половой акт, в то время как все участвующие в общем веселье распевали скабрзные куплеты. Но это было не простое веселье – действие преследовало довольно прагматические цели. Вошедших во двор участников представления приветствовал хозяин дома. По его просьбе *берики* пели и плясали. Главный *берика* деревянной саблей, которая в этом случае служила фаллическим символом, время от времени касался земли, имитируя акт оплодотворения, с целью увеличения ее плодородия. Для хозяина это был знак, что настало время подношения даров (яйца, сыр, топленое масло, мука, иногда деньги). Довольные дарами *берики* в ответ желали хозяину обильного урожая и благополучия, если же оставались недовольными, то врываются в дом и «грабили» семью. Однако им никто не препятствовал, поскольку *берика* был персонифицированным плодородием, а значит – залогом изобилия и достатка. Со своей стороны хозяева старались вырвать у главного *берики* как можно

Берикаоба – народное
театрализованное
представление
Газета «Квали». 1893. № 5

З. Церетели. *Берикаоба*
© РАХ. Архив З. Церетели

больше волос или клочок шерсти из шкур изображавших животных участников действия. Добытые волосы и клоки шерсти рассыпали в стойле и курятнике с целью размножения скота и птицы.

Таким образом, земледельцы верили, что связь *беки* и его свиты с силами плодородия и различные магические действия (хороводы, установка качелей и раскачивание, ритуальная «вспашка» воды, сквернословие и т.п.) обеспечивали плодородие земли и дружный всход посевов, способствовали успешному проведению весенних хозяйственных работ, получению богатого урожая и, соответственно, благоденствию семьи. Так завершалась масленица и начинался Великий пост.

Великий пост, продолжавшийся 49 дней, соблюдали особенно строго. Верили, что любое его нарушение приводит к утрате достатка. Перед Великим постом тщательно мыли посуду, чтобы на ней не оставалось и следа жира. В специально сшитый мешочек насыпали золу, прикрепляли к нему семь перьев и подвешивали в доме. Каждое воскресенье одно перо убирали. Мешочек называли *мархва* (пост) либо *бобола*. Известно несколько названий первого понедельника Великого поста: Черный понедельник, Великий понедельник, Счастливый понедельник и т.п. В этот день члены семьи с завязанными глазами рассыпали золу; пекли небольшие соленые хлебцы, на которых молодежь гадала.

В некоторых уголках Грузии в первые субботу и воскресенье молились ангелу-покровителю дома о здоровье детей. Первая неделя Великого поста, известная как *Тевдоробис квира* (неделя Феодора), связывается с именем св. великомученика Феодора Тирона. В Западной Грузии этот святой считается покровителем лошадей. В субботу *Тевдороба* пекли специальные ритуальные хлебцы и молились о здоровье и благоденствии коней, скота и виноградника (*Макалатия С.*, 1941. С. 373; *Брегадзе*, 1976. С. 81–91).

В Грузии засвидетельствованы календарные дни, называвшиеся *Мгелт укми* (день волков) и т.п., которые в основном отмечали в начале Великого поста. В это время выполняли определенные магические действия и произносили специальные молитвы, зажигали светильники, пекли ритуальные хлебцы, считавшиеся «долей волка» (*Джанашия Н.*, 1960. С. 126), что должно было защитить людей и скот от волков (*Бардавелидзе*, 1957. С. 44–53).

Вторая суббота Великого поста – день *Султакрепа*, день поминания усопших.

В праздник *Хареба* (Благовещение) 25(07.04) марта всеобщий праздник, запрещалось работать. Можно было есть рыбу. Этот день связывают с весенним равноденствием. В семьях, где поминали усопших, готовили колио (кутья из пшеницы, сдобренная орехами, изюмом и медом) и рыбу; пищу освящали в церкви, символически прививали фруктовые деревья, у ребенка срезали прядь волос, у быка – клочок шерсти, у фруктового дерева – ветку, приговаривая: «растите и возрадуйтесь». В некоторых местах в начале пахоты железным плугом проводили борозду в виде креста.

Лазарес шабати (Лазарева суббота) отмечали перед *Бзоба* – Вербным воскресеньем, *Бзоба* – Вход Господень в Иерусалим – был всеобщим праздником. В этот день готовили *цандили* (кутью), а также полагалось есть рыбу. В Картли и Кахети обычно ели балык. Согласно народным представлениям, дух усопшего не мог утолить жажду, если его родственник отказывался есть

рыбу. Считалось, что любые выполненные в *Бзоба* дела приносят в семью достаток. В этот день преимущественно сеяли кукурузу, фасоль, огурцы и верили, что урожай будет таким же обильным, как бурное цветение вербы. В горах вербу заменяло то растение, которое в это время цвело (напр., в Хеви – ива).

На Страстной неделе (*Внебис квира*) в среду (кое-где в понедельник, четверг или субботу) отмечали *Чиакоконоба*, зажигали костры для отпугивания злых духов. В Грузии этот обычай был очень популярным, особенно его любила молодежь: подростки, девушки и юноши, даже мужчины, иногда и женщины устраивали веселые соревнования, прыгая через костер. В некоторых уголках Грузии *Чиакоконоба* с той же целью устраивали также в дни других празднеств, например, в Самегрело 19(02.08) июля в праздник св. Элиа (св. Ильи), 15(28) августа в день Успения Пресвятой Богородицы и др. В Страстную пятницу запрещалось обрабатывать землю. В этот день по всей Грузии красили яйца.

Пасха (*Агдгома*) в Грузии – всеобщий и особо почитаемый праздник. После полуночи или на рассвете народ семьями шел в церковь, совершая праздничный молебен и принимая святое причастие; священник освящал принесенную прихожанами пищу, часть которой раздавали нуждающимся. Согласно обычаю, в некоторых областях Грузии непременно закалывали барашка. Дома следовало закалывать свинью. Развлекались, играя пасхальными яйцами. Существовал обычай одаривать крестных яйцами и свечами.

После Пасхи в Светлую седмицу отмечали понедельник – *Горготоба/Голготоба*, празднество, связанное с известными явлениями на Голгофе. В следующий за Пасхой понедельник в Восточной Грузии отмечали *Гвтисмиоблоба* (день Пресвятой Богородицы), во вторник – *Самебоба* (Троицын день), в воскресенье – *Квирацховлоба* – праздник в честь Господа животворящего (Фомино Воскресенье). В Кахети следующий после Пасхи понедельник – день *Дамбадебели* (Создателя). Это был день поминовения усопших: предварительно приготовленную поминальную пищу относили на могилы близких; в тот же день в деревне устраивали скачки.

Между Пасхой и Вознесением в четверг отмечали также большое и малое *Самгвтооба* (день нареченной богу жертвы), *Элиоба* (день св. Элии), *Квиртоба* (праздник появления почек), *Кохинароба/Кохинджроба* (7.05 – день против молнии, дождя и града) отмечался выполнением обрядов с целью обеспечения благоприятной погоды. Обряд можно было исполнить и в другое время, когда возникала необходимость обеспечить нужную погоду.

В Картли и Кахети в некоторых церквях и святых местах 7(20) мая отмечали *Джварпатиосноба/Дзелицховлоба* – праздник в честь «животворящего столпа», т.е. креста, который связывают со Знаменем Креста на небе в Иерусалиме в 312 г.; с этим днем связано множество ритуалов и поверий.

Праздник *Амаглеба* (Вознесение Господне) отмечали повсеместно, посещали церковь или святилище. Это был также день поминовения усопших. Через неделю после Вознесения в Тбилиси и Кахети отмечали *Давитоба* – день Давида Гареджели, одного из святых сирийских отцов – основателей грузинского монашества. На десятый день после Вознесения, в субботу, отмечали *Султаоба/Халарджоба* – один из семи обязательных поминальных дней.

Молитва с ритуальными лепешками *лемзири* в Ильин день

Квемо Каргли, г. Дманиси

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Разделывание жертвенного барана в Ильин день

Квемо Каргли, г. Дманиси

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В воскресенье вечером, после захода солнца, отмечали *Султмопена* – день сошествия св. духа: собирали цветы, орехи, лох и т.п., кроме цветов акации; все складывали во дворе возле дома или в тонэ. Рано утром, взяв с собой все собранное вечером, а также свечи и кувшин с водой, шли на кладбище. Принесенное раскладывали на могиле и окропляли водой. Дома готовили кутью, а затем раздавали соседям. Комнаты украшали цветами, следовало также украсить двор и перекресток дорог. Субботний день перед *Султмопеноба* называют также *Вардис шабати*, т.е. суббота роз.

Петровский пост завершается 29(12.07) июня праздником *Петре-Павлоба* (Первоверховных апостолов Петра и Павла). В этот день на имя усопших готовили разнообразные яства, шли в церковь; в некоторых местностях после церкви шли на покос. В Пшави следующий за Петре-Павлоба понедельник отмечали всеобщий пшавский праздник *Лашароба*. Лашари (тот же св. Георгий) считался непобедимым защитником членов общины от врагов. Раньше *Лашароба* отмечался очень широко. В святилище Лашари стекалось огромное количество людей из различных уголков Грузии, особенно Кахети. Напротив Лашари, на горе, находится святилище царицы Тамары. На следующий день после Лашароба здесь праздновали *Гелеоба*.

16(29) июля *Атенгеноба* – праздник в честь поминовения священномученика епископа Афиногена. В горной части Восточной Грузии, особенно в Тушети, *Атенгеноба* праздновали широко в течение двух-трех недель (*Очиаури А.*, 1988. С. 170–188; 1991. С. 214, 243; *Цоцанидзе*, 1990. С. 135–136). Служители святилища приходили сюда за две недели до праздника. Они молились, очищались, варили священное пиво для праздника, соблюдались все установленные правила и ритуалы.

В Грузии *Перисцвалеба* (Преображение) 6(19) августа празднуют повсеместно. С этого дня разрешалось есть фрукты нового урожая. В этот день поминают усопших. В день Преображения, совпадающий с постом Пресвятой Богородицы, разрешалось также есть рыбу. 15(28) августа – праздник Успения Пресвятой Богородицы (*Мариамоба*). Это один из двенадцати главных церковных праздников, который празднуют особенно торжественно. Это день завершения поста. В церквях проводят торжественные службы. В каждой семье накрывают богатый (по возможности) стол и поминают близких. Многолюдно бывает в святилищах. Этот день особенно праздновали в Гергетской *Самеба* (Троица) в Хеви. В Гудамакари широко отмечали праздник *Пиримзе пудзис ангелози* (букв. солнцеликий ангел покровителя дома, семьи). В Западной Грузии в день празднования *Мариамоба* неизменными элементами праздничного стола были обрядовые хлебцы (нечетное число), фрукты, початки молодой кукурузы, тыква, виноград, вода, вино. Пекли хлеб, начиненный орехами, фасолью или сыром. В Лечхуми этот день отмечали обильным застольем, приглашали гостей. На две семьи закалывали *самарио хари* (бык, специально предназначенный для данного праздника). Застолье, согласно обычаю, продолжалось 2–3 дня. В Самегрело устраивали *чаакоко-ноба* – зажигали ритуальные костры и таким образом провожали лето.

Иваноба 29(11.09) августа, день Усекновения главы Иоанна Предтечи, особенно праздновали в Хеви. В этот день в Картли устраивали длившееся две недели большое празднество, известное как день Герского св. Георгия.

Отправление на богомолье
Картли, конец XIX в.
© МАЭ РАН. № 2805-17

Семья на богомолье
Картли, начало XX в.
© РЭМ. № 1381-30

Деревенский праздник
Тифлисская губерния
Фото Ф. Ордэна, 1890-е годы
© МАЭ РАН. № 1403-25

Народ приписывал этому святилищу особое могущество – способность врачевать немых, эпилептиков, душевнобольных и астматиков.

8(21) сентября – в день Рождества Пресвятой Богородицы просили Богородицу о даровании здоровья.

13(26) сентября праздновали Обновление храма Воскресения Христова в Иерусалиме (*Энкения*), а также день *св. Кетеваны*.

Джвартатаглеба 14(27) сентября – праздник Воздвижения Креста. В Кахети в этот день соблюдали пост. На следующий день праздновали *Алавердоба* (праздник посвящен Алавердскому епископу Иосифу, из числа 13 святых сирийских отцов, который в VI в. основал мужской монастырь Алаверди).

10(23) ноября праздновали день св. Георгия (*Гиоргоба*), самого почитаемого святого в Грузии, который вместе с Пресвятой Богородицей считается небесным покровителем Грузии. В отличие от других христианских стран, в Грузии *Гиоргоба* отмечали три раза в год: 10(23) ноября (колесование, по другой версии день победы св. Георгия над Змеем), 23(06.05) апреля (день кончины) и 3 ноября (день освящения церкви св. Георгия в Лидде). Принято считать, что ноябрьское *Гиоргоба* в качестве главного праздника отмечают только в Грузии; ноябрь назывался месяцем св. Георгия – Гиоргобистве (*Абакелия*, 1988. С. 86–93). В Грузии существует множество локальных религиозно-культурных центров св. Георгия, с которыми связаны различного рода эпитеты (географические, либо выражающие функцию, описательные). С каждым из них связаны определенные предания, ритуалы, церемонии.

Дошедшая до нас сванская легенда о *Латальском* и *Ленджерском* святилищах св. Георгия свидетельствует о том, что в Западной Грузии между святилищами существовали тесные связи, а именно, *Илорский* св. Георгия (церковь которого находится в историческом Самурзакано) ко дню праздников этих святилищ посылал в дар жертвенных быков. Со своей стороны из этих святилищ в Илори посылали свечи и ладан. По местным представлениям, все три святилища св. Георгия – Илорское, Латальское и Ленджерское – были братьями, среди которых старшим был Илорский св. Георгия.

Святилища св. Георгия были знамениты своими чудесами и могуществом. Одним из таких чудес считается бытующее в народе верование, что во время праздников его имени жертвенные животные (бык или олень) приходили в церковь добровольно. После жертвоприношения тушу делили на части и раздавали молящимся. Жертвенный бык был объектом гадания: каким будет грядущий год – принесет ли войну или мир, будет ли плодородным, обильным или нет. Розданные части жертвенного животного использовали в качестве лекарства при разных заболеваниях. Прихожане посещали святилища св. Георгия в случае возникших проблем (напр., молились о здравии больного, об избавлении от удара молнии; просили о справедливости в судебных разбирательствах и т.п.). В святилища несли различные подношения (шелковые ткани, деньги, свечи, стрелы, ритуальный хлеб, украшения и т.д.). Подносили святилищу также жертвенных животных: быков, овец и др. Св. Георгия просили о победе над врагами, о душевных силах, возвращении зрения, о здоровье людей и скота, благоприятной погоде, счастливой охоте, плодородии земли и т.д. На земледельческий аспект культа св. Георгия указывает само его имя – земледelec (греч.). Также следует отметить, что народная традиция связывает с именем св. Георгия не только некоторые дохристианские культы, связанные с животноводством и земледелием, но и богатую мифологическую топику. Посвященное св. Георгию как весеннее, так и осеннее празднество отмечали очень торжественно. Если весной с Гиоргоба начинались хозяйственные работы, то осеннее Гиоргоба завершало их; полученный урожай помещали в соответствующие хранилища и начинали заботиться о будущем. Ноябрьское Гиоргоба завершало годовой цикл празднеств.

Приведенные выше календарные праздники имели собственный контекст, значение, ситуацию, фон и связь с тем или иным явлением. Они выполнялись в разных социальных группах – в семье, родственной группе, селе, общине, в определенном регионе. Календарные праздники отмечаются в определенные периоды года, очевидна их связь с сезонной хозяйственной деятельностью (сев, косьба, жатва, перегон скота и др.). Предложенный материал делает очевидным, что календарь является яркой иллюстрацией взаимовлияния жизненной модели далеких предков грузин и христианской веры.

АСТРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА В ОРНАМЕНТЕ²

Орнамент наряду с другими формами народного искусства – музыкой, хореографией и фольклором, является источником изучения эмпирических космогонических представлений и религиозных воззрений. Информация, заложенная в разнообразных сочетаниях знаков и мотивов народного орнамента, отличается сложностью наслоений разных исторических эпох, но соответствующий анализ помогает раскрыть историческое значение отдельных символов, мотивов и сюжетных сцен. Для интерпретации сложной декоративной ткани необходимо привнесение извне определенных величин из области ритуала, мифа и космогонических представлений, ибо декор – замкнутая система взаимоотношений множества неизвестных. Наиболее доступны для интерпретации астральные знаки, зафиксированные в такой среде, где они имеют оптимальную семантическую загруженность, например, на декоративной поверхности центральных опорных столбов грузинского жилища *дарбази*, где с относительной четкостью прослеживаются взаимоотношения между символами, собранными в единую декоративную систему.

Название опорного столба *дедабодзи* (мать-столб), его непосредственная связь с очагом и специфическим куполообразным типом перекрытия – *гвиргвини* (венец), создающими единый комплекс в интерьере жилища, строгий социальный смысл размещения по полу и возрасту вокруг очага членов семьи, а также совершаемые обрядовые действия социального и религиозно-мифологического характера, сакрализирующие внутреннее пространство жилища, создают благоприятные условия для системного изучения изображенных на *дедабодзи* символических знаков, распространенных на территории Кавказа и в частности в Грузии с древнейших времен.

Существенную помощь в интерпретации отдельных символов оказывает известная теория о «доле», «долевых божествах» и их избранниках (*Март*, 1930; *Бардавелидзе*, 1957), являющаяся связующим звеном между данными этнографического быта и археологии. Благодаря этой теории в распоряжение этнографа поступает большое число зооморфных и антропоморфных фигур из археологических находок, отмеченных «долей», графическим знаком, символизирующим отдельные небесные объекты и олицетворяемые ими божества. При изучении отдельного знака-символа, соответствующего ему астрального божества и отмеченных этим знаком людей и животных, ипостасей божества, выявляются объекты (люди, животные, растения, астральные знаки) с идентичным символическим значением, составляющие единый семантический ряд.

Символы, наделенные космогоническим и религиозным значением (крест, солярные знаки и т.д.), в быту изображаются на жилых помещениях, утвари, одежде как обереги, что и определило долговечность их сохранности, несмотря на исчезновение и перерождение древних представлений с последующей десакрализацией этих символов. В пользу глубокой традиционности символов-оберегов (а может быть и искусственного отмечаемого конкретными

² © И. Сургуладзе

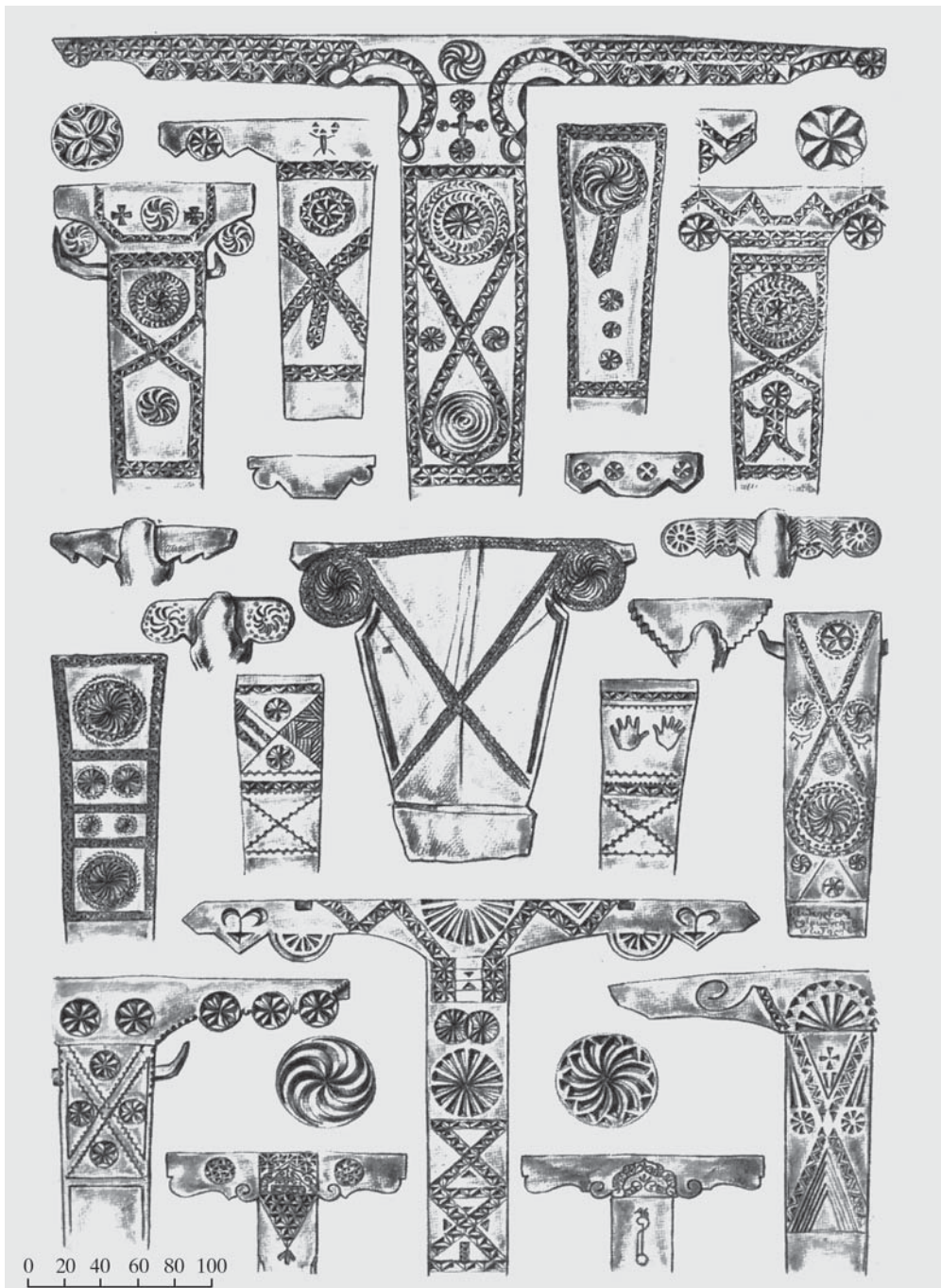
объектов «долей» какого-либо божества) говорит сообщение Геродота, согласно которому на Кавказе из числа тамошних деревьев некоторые имеют странные листья; их растирают, мешают с водой и этой смесью делают узоры на одеждах. Изображения эти не смываются и стираются вместе с шерстью самой одежды, как будто с самого начала они вотканы в материю (Геродот, 1972).

В современном грузинском языке глагол *цера* означает процесс письма, ранее он обозначал проведение линии на твердом материале, что наглядно прослеживается в хозяйственных терминах: например, *кавцера* – соха; *церакви* – кирка. В аналогичном значении, а также как термин «рисовать» он засвидетельствован и в текстах Библии. Из синонимических форм *цера*, таких как *чхибва*, *чхабва* и *чхрека* (писать плохо, не четко) производятся *мчхибави*, *мчхабави*, *мчхрекели* «чародействовать», «чародей». Слово *цера* как существительное означает судьбу, предрешенную участь, предначертанный рок, а *мцерали* – пишуший, во множественном – *мцерлеби* – божества, предрекающие судьбу. Таким образом, термины, производные от слов «писать», «проводить линии» и «создавать изображение», относятся к понятию судьбы, рока и чародейства и, по всей вероятности, связаны с выведением изображений в магической практике.

Одним из основных элементов декора *дедабодзи* является крест или символы, расположенные или объединенные в композициях крестообразно. Вращающиеся крестообразные композиции, а также крест с астральными символами на концах возникли путем слияния представлений о координационном кресте, указывающем на четыре стороны земной поверхности, и о четырех, диаметрально расположенных точках на солнечном круговом пути вокруг земли. Как символ, означающий четырехсторонность, с крестом сопоставим и квадрат, но с тем различием, что если крест является свободным, неограниченным координирующим знаком (как распутье из сказок), то квадрат (или круг) представляет собой символ локального, ограниченного, замкнутого пространства (дом, вспаханное поле, усадьба, страна). В грузинских поговорках часто упоминается о четырех сторонах мира или неба. Эти воззрения отражаются в декоре, обрядах, конфигурации сакральных предметов и т.д. Распространенность креста в течение веков поддерживала и предопределяла христианская религия, превратившая этот древний знак в свою основную эмблему.

Наряду с крестом в орнаменте *дедабодзи* значительное место занимает группа фигур, символизирующих круговое движение. В отличие от креста, они воспроизводят вращение вокруг центра посредством сгиба концов креста в одном направлении, а расположенные на ее концах стилизованные изображения людей, животных, астральных символов и т.д. или размещение самих фигур по принципу гаммаобразного креста с акцентом на их круговое вращение передает извечный круговорот природных сил в образе божеств, их смерть и воскресение, совпадающее с ротационным движением небесных светил, в особенности солнца. В динамике указанных фигур отражается переход статичного креста в круговое движение, положившее основу возникновения и формирования отдельных вращающихся знаков и целых композиций.

Представление о космическом вращении как об основном законе мироздания, основанном на народном, эмпирическом геоцентризме, проявляется в

Типы и декор опорных столбов *dedabodzi*

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1946 г.

© ФЗЭНГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

обрядовых действиях, танцах, песнопениях, конфигурации сакральных предметов и т.д. В этом отношении внимание привлекают отдельные сакральные предметы, изготавливаемые на празднествах нового года, в частности *калти* для *чичилаки* (новогоднее дерево, символ древа жизни) и *гвергви*. *Калти* – обруч из ветвей дикого орешника с вплетенными в него зелеными листьями и красными плодами сассапарилы. Его надевали на верхушку *чичилаки*, украшенную крестообразными палочками, закрепленными горизонтально на самом ее конце. Затем на древко *чичилаки* надевали круглый пирог с отверстием в центре – *бокели*, а на концы крестообразных палочек *чичилаки* – два сферических пирога, начиненные сыром – *квинчила* (петушок) и два яблока, или граната.

Гвергви – это обруч из зеленых ветвей терновника, внутрь которого вставляли две толстые палки, с которых снимали и отгибали в сторону стружки таким образом, что получался крест, вставленный в круг с лучеобразно расширяющимися «рукавами», пригнанными к обручу изнутри. На выступающие из обруча заостренные концы креста надевали красные яблоки. Посередине уже готового *гвергви* помещали пирог с изображением креста, на него клали сладости, серебряные монеты и т.д. Как *чичилаки* с *калти*, так и *гвергви* считались необходимыми предметами у западных грузин при поздравлении с наступлением Нового года. *Калти* и *гвергви* выявляют несомненное сходство с вышеупомянутыми крестообразными вращающимися композициями, распространенными в Грузии и за ее пределами. Соединение в конструкции *калти* и *гвергви* креста со сферическими символами, с обручем, разукрашенным зелеными листьями, указывает на круговое движение прикрепленных к кресту символов, а привнесение их в новогодние ритуалы и обряды придает определенное астрально-космогоническое значение символике и ритуальным действиям, характерным для этого праздника. Художественные крестообразные композиционные построения, аналогичные *калти* и *гвергви*, составляют ядро декора *дедабодзи*.

С этим космогоническим взглядом связывается еще одна распространенная в грузинском орнаменте фигура, представляющая собой комбинацию из четырех дугообразных боковых линий, вогнутых внутрь, близкая к квадрату или ромбу. Формирование этой фигуры связано с возникновением вращающихся композиций и последующей увязкой с крестом и превращением ее в своеобразный вариант последнего. Она редко появляется в декоре *дедабодзи*, но ее несомненная связь с крестообразными композициями вносит определенную ясность в их символику. Этот знак сам по себе или вписанный в круг широко распространен в виде оберега в жилищах горных районов Грузии; аналогичную форму придавали ритуальным хлебцам в разных ее уголках: он, как самостоятельный символ в значении креста, прикреплялся к центру щитов хевсур и назывался *гумбатис хати* (крест, или божество купола), его форму точно воспроизводит выносной штандарт мтиулов «Ломисис хати», основные черты его структуры прослеживаются в грузинских выносных крестах IX–XIII вв.

Наиболее многочисленны из вращающихся фигур в декоре *дедабодзи* многолопастные кресты *борджгала*, изображенные на жилищах, утвари, предметах быта, каменных очагах, лазских каминах и т.д., преимущественно на предметах, близко расположенных к очагу и огню, засвидетельствованные в археологических материалах с глубокой древности. Известен диск, по всей

видимости нагрудная подвеска, датированная XIII в. до н.э., из Боржомского ущелья с изображением *борджгали*; она изображена на бронзовых и серебряных фрагментах разных вещей с Северного Кавказа, на посуде из гробницы патахшей и т.д. За пределами Кавказа этот знак широко был распространен у североевропейских народов и в античном мире. Его, как знак, передающий сияние и жар, в середине века русские корабельные мастера изображали на концах перьев жар-птицы; на Ближнем Востоке им отмечали львов, солнечных богов и героев. Фантастические звери на закавказских бронзовых поясах также отмечены знаком сияющего солнца. На кавказских памятниках эпохи бронзы весьма многочисленны изображения круга со спицами, по всей вероятности, «солнечного колеса». Представление о солнце – небесном глазе – колесе широко распространено среди грузин, называющих колесо глазом (груз. *твали* – глаз; колесо). Согласно народным поверьям, солнце перемещается по небосводу, вращаясь наподобие колеса вокруг своей оси, оно, как и глаз, не мыслится неподвижным. Неподвижность глаза или солнца означает смерть. Очевидная связь многолопастной *борджгали* с сиянием, с солнечными животными, с колесом позволяет считать эту фигуру знаком вращающегося наподобие колеса солнца. Именно таким содержанием наполнена она на *дедабодзи*.

Помимо относительно крупных по величине знаков, в декоре *дедабодзи* используются и малые розетты – композиции со знаком звезды, с прямыми или листообразными лучами. В разных уголках Грузии его называли звездой, что весьма условно определяет значение знака, но сам факт отнесения знака к небесным светилам заслуживает внимания. В народном орнаменте грузин, напр., на каминах, где изображены сюжетные и мифологические сцены с древом жизни, наряду с животными и птицами среди астральных знаков всегда выводили и «звезду». То же явление наблюдается и в декоре *дедабодзи*, где указанный знак почти всегда изображается на периферии декорированной плоскости, тогда как в центре преобладают натуральные изображения солнца, многолопастные *борджгали*, антропоморфные изображения, крестообразные комбинации. Исходя из фактического материала, нет основания сомневаться в верности определенного народом значения этого знака, и если считать его звездой, то она может быть только символом богини *Дали* – *Дила* (груз. *дила* – утро), олицетворением утренней звезды, покровительницы диких животных, преимущественно туров и оленей, ипостасей богини.

Довольно часто большая часть поверхности *дедабодзи* заполняется знаком, напоминающим цифру восемь, со вставленными в концы разными астральными символами. В отличие от гаммаобразных вращающихся композиций, в которых на передний план выдвигается космический круговорот, выраженный посредством бесконечного движения какого-либо одного космического тела, зафиксированного в четырех основных ориентировочных точках, в данной фигуре представлены два разных объекта в диаметральных позициях, расположенных на круговой траектории, перекрученной в виде цифры «8». Археологических параллелей для этой фигуры не находим, но в фольклоре их более чем достаточно. В народной поэзии и космогонических мифах упоминается пара небесных светил, солнце и луна, как брат и сестра, мать и сын, муж и жена, где солнце – это женская половина. Как мифы, так и декоративная фигура относительно позднего происхождения. Они форми-

ровались после распада древних представлений, десакрализации символов и появления тенденции механической социализации природных явлений, без глубинных семантических планов, характерных для древнего искусства.

В декоре *дедабодзи* изображались антропоморфные, фаллические фигуры-адоранты, тела которых заполнены насечками-зигзагами, а вместо головы и лица выведен астральный знак. Вся фигура состоит из геометрических комбинаций. Подобные фаллические фигуры божества готовили для вызывания дождя; так же выглядели народные игрушечные куклы; аналогичные фигуры, в виде ритуальных хлебцев, выпекали во время новогодних празднеств. Фаллические изображения широко известны в Грузии еще с эпохи ранней бронзы; особенно много фаллических фигур охотников на бронзовых поясах, подвесках, штандартах и т.д. Судя по знакам, изображенным на фигурах или около них, они являлись мужскими ипостасями солнца. Фаллические символы и имитация сексуальных действий широко распространены во многих грузинских ритуалах и празднествах, значительное количество которых выполнялось около очага. Фаллические символы размещались вокруг центральной стойки ритуального очага еще со времен энеолита (Квацхелеби). Совокупность данных этнографии и археологии указывает, что в виде астрализованных фаллических фигур на *дедабодзи* изображали мужское олицетворение солярных плодоносящих сил, известных на территории Грузии с эпохи раннего земледелия.

Этнографический материал и семантика символов указывают, что *дедабодзи* – это культовый объект, отражающий космогоническую религиозную концепцию о мироустройстве, с древом жизни в центре, которое является связующим элементом трех вертикально расположенных частей космоса. Очаг с центральной стойкой и перекрытие *гвиргвини* в народных жилищах были центром интерьера, деля его на две (женскую и мужскую) половины с различными социальной, хозяйственной и ритуальной характеристиками. В хевсурском жилище полезная площадь, в условиях горного ландшафта, дифференцировалась по вертикали, образуя многоэтажные строения с определенными хозяйственными функциями для каждого этажа, в которых, кроме разделения общего первого этажа на две части, мужчинам отводился и второй этаж.

По данным мифа и устной речи реконструируется деление мироздания на разграниченные друг от друга отдельные пространственные единицы (*скнели*, или *ца* – небо, также в значении «горизонт», «уровень»; *кана* – нива, земля, в космогоническом значении «горизонт» и т.д.) в виде верхнего, среднего и нижнего миров. По горизонтали были размещены мир людей (*скнели*) и задний мир (*уканаскнели* – букв. последний), опасный, темный, обиталище злых сил и хтонический, аналогичный нижнему миру. Вся система окружена внешним миром, *гарескнели*, который характеризуется как непроглядная тьма, предел мироздания.

Символика декора *дедабодзи* связана с верхним миром и отражает представления, согласно которым древо жизни, – обиталище божеств и светил, центр мироздания. *Дедабодзи*, социальный и сакральный центр семьи, ассоциируется с культовым деревом, растущим у святилищ (у врат божества), а в мифе – с древом жизни и изобилия.

Можно заключить, что данные языка указывают на связь между терминами, обозначающими процессы писания (проведения линии на твер-

дом материале), чародейство, волю рока. Корни этой связи следует искать в древнейших магических представлениях. Из символов, изображенных на «*дедабодзи*»: 1) крест – это координационный символ, указывающий на четыре стороны света. Популярность креста с древнейших времен усиливается с распространением христианства; 2) фигуры, обозначающие вращение, указывают на космическое движение небесных светил вокруг земли (эмпирический геоцентризм), а многолопастная свастика – символ солнца; 3) маленькая розетка – символ утренней звезды (планеты Венеры); 4) диаметрально расположенные астральные знаки в восьмиобразном обводе – солнце и луна – продукт поздней десакрализации древних представлений; 5) антропоморфные адоранты с фаллическими и астральными знаками – мужские ипостаси солнца, покровители плодородия.

Дедабодзи – центральный столб грузинских жилищ *дарбази* – это инвариантный символ древа жизни и изобилия, придающий космогоническое значение всему интерьеру традиционного народного жилища.

ФОЛЬКЛОР³

Записи фольклорных текстов в Грузии сохранились с XVII–XVIII вв. С XVIII в. началось составление художественных антологий сохранившихся грузинских рукописей, которое приняло особенно интенсивный характер в XIX в. В эти антологии были включены и образцы фольклора. Началом истории грузинской фольклористики принято считать время создания «Калмасоба» («Поучение в шутках») Иоанна Батонишвили, в котором перечисляется несколько видов народных песен.

Грузинский фольклор отличается богатством форм; с жанровой точки зрения в нем развиты и поэзия и проза. Основные направления поэзии – эпос, лирика и баллада; проза представлена разнообразными видами: сказки, легенды, пересказы, сказания, пословицы, загадки.

Грузинский фольклор очень богат с содержательно-тематической точки зрения. В нем представлена философская, любовная, бытовая, патриотическая, религиозная, траурная, историческая, повседневная тематика, что указывает на исследовательскую, стремящуюся к познанию природу грузинского народа. Доказательством этого является существование таких народных памятников, как миф об Амирани, «Баллада о тигре и отроке», «Напал кипчак», «Юноша из Тавпаравани», «Плач грузинской женщины», «Мгновенный мир так уходит», «Солнце внутри и солнце снаружи», «Цутисопели» («Бренный мир»), «Иавнана», «Мумли Мухасао» и др. Каждое из этих произведений обладает также особой эстетической функцией, ибо создано в духе народного поэтического искусства, поэтических принципов.

Грузинский фольклор, как и народное словесное творчество других народов, возникает на основе древнейших представлений и верований, ритуалов и мифов, в которых сохранены факты, явления или оценки, выражающие отношение общества и индивидуума к природе и ее составным частям. Грузинская народная словесность имеет важное значение с точки зрения мировоззрен-

³ © Н. Сулава

ческих критериев и уровня художественного мышления, ибо она выражает назначение, сущность, характер, свойства, стремления, мечты нации.

Уже в далеком прошлом у грузинских племен существовал богатый фольклор с четко выраженными лирическими, эпическими и драматическими формами. Нарративный фольклор включал в себя древнейшие мифы и сказания, лирические стихотворения и устные эпические сочинения, песни и песнопения, которые изображали ритуалы, а также действия и явления хозяйственного характера. Самым древним произведением народного творчества является сказание об Амирани, которое сохранилось в нескольких вариантах. Миф об Амирани передавался из поколения в поколение. Амирани – это герой и предводитель грузинского народа, который наделен положительными качествами. В нем воплощены духовное богатство, непоколебимая воля и надежда грузинской нации. Амирани защищает родину и свой народ от внутренних и внешних врагов, избавляет его от жестокости природных стихий. Он добывает для людей неопределимое сокровище – огонь, выявляя тем самым много общего с персонажем древнегреческой мифологии – Прометеем.

Содержание «Амираниани» отличается глубиной философской направленности, выражает особенности национального характера. Социальный феномен мифа представлен мифологическими и религиозными пластами. Миф устанавливает связь и с охотничьим эпосом, он выражает охотничьи мотивы, что, в свою очередь, указывает на связь с астральным пантеоном раннего периода. Миф об Амирани был распространен на всей территории Грузии; сохранились созданные в разных местах и в разное время стихотворения, баллады, сказания, мифы, песни, среди которых главное место занимает повествование о том, как Амирани приковали к вершине Кавкасиони (*Чикова-ни М.*, 1947, 1971).

Для языческого периода грузинской мифологии было характерно многобожие. Согласно этим мифам, каждая сфера хозяйства и духовной жизни человека имела своего бога. Это был тот период развития человеческого познания, когда люди были убеждены в неограниченных возможностях сверхъестественных сил, верили, что каждое явление зависит от бога. Часто упоминались дети богов – Лашари, Копала, Иахсари, Баадури, Пиркуши, Ломиси; в Сванети был распространен цикл баллад и сказаний о Дали (*Кикнадзе З.*, 2006).

В грузинском фольклоре присутствовала библейская тематика. Особый интерес представляют народные сочинения, посвященные Аврааму, Давиду, Соломону Мудрому, на каждого из которых возлагается особая функция: например, Соломон – это советник, источник мудрости. В фольклоре нашли отражение мотивы всемирного потопа, исхода евреев из Египта под предводительством Моисея, библейские персонажи Яков, Иона, Иов, Даниэль. Привлекают внимание легенды о Сурамской крепости (Сурамис цихе), крепости Минда, Хонской церкви и др.

В фольклорной прозе особой популярностью пользуются волшебные, новеллистические, бытовые сказки и сказки о животных. В них выражаются стремления, мечты и цели народа. Такие сказки, как «Нацаркекия», «Конкия», «Пашгунди», «Земля возьмет свое» и др., содержат примечательные материалы для изучения жизни, элементов быта, стиля мышления, познавательных способностей грузинского народа.

В грузинском фольклоре отражен культ солнца, луны и других светил, что выразилось в замечательном грузинском стихотворении: «Солнце – моя мать, луна – мой отец, а мелкие звезды – мои сестры и братья». Это стихотворение является ярким выражением поэтизации астрального культа. Из языческих песнопений, отражающих культ солнца, особенно выделяется сванское песнопение «Лилео». Грузинский фольклор характеризуется также богатством охотничьего эпоса (*Вирсаладзе Е.*, 1964).

В народной словесности заслуживают внимания магические песни и стихи, заговоры, заклинания, посвященные ангелам, призванным охранять здоровье человека. С этой точки зрения вызывают интерес «Колыбельная», относящаяся к циклу «Иавнана», а также магические песни и сочинения, в которых содержатся проклятия. Следует также отметить жанр заклинаний, отличающийся архаизмом и характеризующийся синкретизмом религиозных представлений.

Украшением грузинской народной поэзии является стихотворение «Мумли Мухасао», которое осмысливается аллегорически: с одной стороны, оно выражает древнейшие пласты поклонения деревьям, с другой – воспринимается как аллегорический образ Грузии. На «Мумли Мухасао» опираются пространственные в грузинском фольклоре народные стихотворения и сказки, связанные с тематикой деревьев. Дубовое дерево в Грузии пользуется особой популярностью, оно всегда связано с водой, плодородием, силой. Его культ до сих пор сохранился под названием *хатис хееби* или *хатис ткееби* (деревья иконы, леса иконы). Человек, поклоняющийся дубу и находящийся под его покровительством, надежно защищен и неприкосновенен. Позднее культ дуба оказался связанным с христианскими праздничными ритуалами, о чем свидетельствует наименование к Кур-Мухской иконы св. Георгия. Стихотворение «Мумли Мухасао» отражает традицию поклонения деревьям и выявляет родство с аналогичными культовыми правилами. Это гимн плодородия, одна из составных частей магических правил хозяйственного характера (*Котетишвили*, 1961. С. 402–408).

Из фольклорных произведений с признаками религиозного синкретизма выделяются обрядовые песни и стихотворения, разделяющиеся на несколько категорий, в том числе повседневного характера, которые в свою очередь разделяются на календарные и семейные песни. Стихотворения первой категории тесно связаны с сезонными переменами хозяйственного года и соприкасаются с каждым отдельным моментом жизни. Семейные песни связаны с главными событиями человеческой жизни от момента рождения до самой смерти: песни по случаю рождения сына, колыбельные, праздничные, свадебные, мужественные, траурные (Грузинская народная поэзия, 1960. С. 9).

В Грузии большой популярностью пользовалась созданная в 1840-х годы поэма «Стихотворение Арсена», основанная на народных мотивах, которая сохранилась в нескольких вариантах. Она написана шестнадцатисложным *шаури*, старинным стихотворным размером. В нем отражены приключения народного героя Арсена Одзелашвили, который жил в 1820–1830-е годы и завоевал известность как борец с социальным угнетением, крепостничеством и самодержавием, поборник интересов крестьян и установления справедливости. Поэма выявляет довольно сложную мировоззренческую позицию героя и проникнута идеей добра, составляющего внутреннюю сущность персона-

жа. Несмотря на то что главный персонаж – Арсен является разбойником, он показан как идеал героя. О популярности стихотворения об Арсене свидетельствует отражение этой темы в произведениях грузинских писателей, в частности Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Александра Казбеги, Михаила Джавахишвили, Галактиона Табидзе и др.

Грузинский фольклор широко отражает повседневные трудовые и хозяйственные процессы. В этом плане выделяются стихотворения и песни, которые исполнялись во время пахоты. Примечательные жанры народной словесности – ода, хвала, восхваление. Хвалебные стихи и песни с древнейших времен имели магическое назначение, ибо, согласно народным верованиям, они могли оказать влияние на сверхъестественные силы, расположить их к людям, и благодаря их содействию человек мог получить божью милость и благоволение.

В грузинском фольклоре сохранились стихотворения и песни, отражающие исторические события, образы исторических персонажей, жизнь народных героев (*Сихарулидзе*, 1949; *Грузинская народная поэзия*, 1960. С. 3; 1973). Из исторических персонажей особой популярностью пользовались царица Тамар и царь Ираклий II, Давид Строитель, которым посвящены многочисленные народные стихотворения. Их часто сравнивали с детьми бога, которые совершали величайшие геройства и являлись для всех примером. Царицу Тамар в Пшав-Хевсурети называли «солнцеликой», и это выявляет связь ее образа с астральным мифом. Царица Тамар представлена в идеализированном виде, и каждое народное стихотворение, в котором упоминается ее имя, носит хвалебный характер.

Следует отметить важность цикла стихотворений, посвященных героям восстания в Кахети в 1660 г., в котором ярко отражен образ Зезвы Гаприндаули с сияющим нимбом вокруг головы. Очень популярна была тема Хогаис Минди, который являет собой образ героя, находящегося на пути к обожествлению. Его жизнь, как и его смерть, имеют неповторимый оттенок.

Особо следует отметить отклики на поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в народной поэзии. Была создана народная поэма «Тариелиани», где персонажи произведения Руставели стали объектами восхваления.

В грузинском фольклоре огромное место занимает праздничная лирика, истоком и основой которой являются весенние и летние празднества и связанные с ними ритуалы. Песни и стихотворения подобного типа обычно исполняются в виде диалога, что и сегодня сохраняется в форме *капиеби*: «Ме да кал шевикваренит» («Я и женщина полюбили друг друга»), «Отсюда и до тебя», «Вода несла щепки», «Хвала любимой», другие стихотворения отражают возвышенные взаимоотношения юноши и девушки. Встречаются и такие стихи, в которых изображена трагическая любовь юноши и девушки.

В фольклоре сохранился ряд стихотворений, посвященных свадебному церемониалу, из которых выделяются «Макрули» и «Джварули». Привлекают внимание образы фазана и охотника, под которыми подразумеваются девушка и юноша.

НАРОДНАЯ МУЗЫКА⁴

В богатом культурном наследии грузинского народа традиционная музыка с ее полифонической природой является уникальным явлением. Акад. Б. Асафьев писал, что «народное многоголосие заставляет человека склонить голову перед музыкальным гением грузинского народа» (*Торадзе*, 1984). Музыкальный язык как одна из значительных сторон духовной культуры народа – носитель не только эстетической, но и этнической функции (*Земцовский*, 1988. С. 15–23); подобно человеческой речи, он является одним из характерных признаков этноса. Народная музыка может служить важным историческим источником при исследовании этнокультурных и этногенетических проблем. На самой ранней ступени развития музыкального мышления акустические и физиологические (артикуляционные) особенности речи, интонационная сторона языка сыграли существенную роль в становлении музыкально-интонационной смысловой единицы – общекартвельского музыкального напева-основы, или языка-основы.

Интонационной основой некогда общекартвельского музыкального языка-основы является напев в диапазоне кварты с «минорным» оттенком и нисходящим движением звуков от кварты лада до опорного звука – тоники, относительно которой остальные звуки находятся в определенной функциональной зависимости. В вариантах напев-основа представлен более или менее различным ритмо-интонационным звучанием и расширен до квинты (сексты, септимы, октавы; позднее происходит дифференциация опирающихся на эмоциональное начало верхних звуков, их музыкально-смысловая нагрузка, и наконец, четкое выделение в качестве музыкальных звуков). Напев-основа, в котором объединены все ранее существующие музыкально-слуховые достижения, универсален. При этом он вмещается в имеющее определенную структуру интонационное поле и отличается только для него характерным фонологическим и морфологическим построением.

Первичные формы грузинского музыкально-эстетического мышления, некогда общий музыкальный напев-основа или язык-основа картвельских племен сформировался в ритуалах, отображающих верования дохристианской эпохи, в частности в связанных с астральным культом и культом предков хороводных песнях и плачах. На это указывает богатый музыкально-этнографический материал горцев Восточной Грузии, который с точки зрения изучения истории грузинской музыкальной культуры имеет значение первоисточника. Для реконструкции этапов развития музыкального мышления грузин значительна роль колыбельных песен, которые позволяют выявить не только своеобразные пути вариационного развития этого жанра, но и установить генетическую связь колыбельных с теми образцами траурных, хороводных и историко-героических песен, которые отображают пути развития грузинской народной музыки.

Характер музыкального языка-основы отчетливо проявляется в обрядово-хороводной песне «Иавнана». Музыкально-этнографический материал равнинной и горной Восточной Грузии свидетельствует, что «Иавнана» отражает один из древнейших этапов развития музыкального мышления. В ин-

⁴ © Н. Майсурадзе

тонационное поле «Иавнана» входят многие обрядовые, трудовые и бытовые песни.

В сванских обрядово-хороводных песнях средний голос ранних трехголосных образцов охватывает напев-основу («Барбал-долаш», «Элиа лырде», «Амирани», «Перхули» и др.); с ними связаны и некоторые рачинские песни («Амирани», «Перхули», «Одила да оделиа» и др.). Последующее развитие сванских песен характеризуется постепенным расширением двух верхних голосов и басовых ступеней (I, VII, VI, V). В музыкальной культуре равнинной Грузии процесс расширения басовых ступеней и, соответственно, чередования ладов достигает наивысшего уровня. Как в восточногрузинских, так и западногрузинских песнях отчетливо прослеживается непрерывный, закономерный процесс развития гармонических элементов. Выдвижение одного гармонического элемента становится залогом формирования новых форм. Показательно, что в аджарских и гурийских четырехголосных песнях возникновение четвертого голоса связано с постепенным расширением басовых ступеней в трехголосных песнях. Исследователями изучены все ступени развития многоголосия – от скрытого двуголосия до высокоразвитых форм. Основные формы грузинского многоголосия – бурдонная и комплексная. Полифоническое мышление является структурным элементом психики грузинского народа, и неслучайно, что в напеве-основе заканчивающий музыкальную мысль звук изначально же приобретает исключительное значение, является опорой напева и дает начало бурдонной форме многоголосия. Одним из древнейших этапов развития грузинского многоголосия также является возникновение послебурдонной, комплексной формы многоголосия в недрах музыкального языка-основы, в частности, трехголосия (комплексно-параллельное движение звуков или синхронное движение голосов), носителями которого были сванские племена. Становление комплексной формы многоголосия (трехголосия) хронологически связано с периодом существования музыкального языка-основы, что со своей стороны указывает на древность грузинского многоголосия. Комплексное многоголосие сыграло существенную роль в дифференциации общекартвельского музыкального языка-основы. Сванети – тот очаг, откуда оно распространилось в Западной Грузии, образовав западный круг грузинской музыкальной культуры. С этим связано формирование западногрузинского и восточногрузинского, а также промежуточных музыкальных диалектов, что соответствовало дифференциации общекартвельского этноса на локально-региональные группы. Музыкальный диалект в той или иной локальной среде является одним из элементов в комплексе местных особенностей. Народная интерпретация музыкального диалекта (*кило*) как выразителя локально-региональной специфики, помимо форм многоголосия, мелодико-интонационных и гармонических особенностей, подразумевает локально-региональный характер исполнения, в частности, те интонационные особенности, которые формируются под влиянием интонационного своеобразия местного речевого диалекта. Музыкально-этнографический материал свидетельствует о большом вкладе каждой локально-региональной группы в развитие общегрузинского музыкального языка. Грузинскими музыкальными диалектами являются хевсурский, пшавский, тушинский, мтиульский, гудамкарский, мохевский, картлийский, кахетинский, месхетинский, сванский, рачинский, имеретинский, мегрельский, гурийский, аджарский, а также

имерхевский (Турция), ингилойский (Азербайджан) и ферейданский (Иран). Многочисленность музыкальных диалектов со своей стороны обусловила многообразие грузинской народной музыки.

Уровень мелодико-интонационного и гармонического развития народных песен у горного и равнинного населения не был одинаков. По уровню развития музыкального мышления горная полоса отставала от равнинных районов, хотя процесс внутреннего развития музыки в горах протекал постоянно. Вокальная и инструментальная музыка горцев органически связана с высококоразвитой музыкальной культурой равнинной Грузии. В ней рельефно проявляются не только социально-религиозный аспект песни, но и древнейшие этапы развития музыкального мышления картвельских племен.

Равнинные регионы Восточной и Западной Грузии – это мир высокоразвитой полифонии, где формы многоголосия достигают наивысшего уровня. Трех- и четырехголосные (Аджария, Гурия) образцы выделяются сложными полифоническими комплексами. Богатой полифонической природой характеризуются восточногрузинские картлийские и кахетинские «Чакруло», «Цин цкаро», «Чонгуро», «Супрули», «Замтари», «Грдзели мравалжамие-ри», «Грдзели кахури» и т.д.; западногрузинские – «Али-паша», «Хелхвали», «Хасанбегура», «Надури», «Инди-минди», «Макрули» и др. Свообразными индивидуальными выразительными средствами, широким диапазоном и взаимослиянием голосов, исключительно развитым и многообразным басом, множеством вариантов модуляций, разновидностью кадансов (среди них – двойных кадансов), кодой создается та изумительная и неповторимая симфония, которая называется грузинской музыкой и которая признана шедевром мировой культуры.

Характерными для грузинских народных песен являются фригийский, эолийский, дорийский, миксолидийский и ионийский лады. Гипофригийский и лидийский лады не смогли достичь уровня самостоятельного лада, хотя в грузинской народной музыке их эпизодическое существование в виде неосновных ладов – неоспоримый факт.

В становлении общекартвельского музыкального языка-основы важную роль сыграла бытовая традиция, в частности плачи и хороводы, берущие свое начало с дохристианской эпохи. В формировании видов плачей большую роль сыграли музыкальные тексты «плача в голос» (*хмит*). Согласно народным представлениям, достигшая потусторонний мир душа, желая объявить живущим под солнцем (*самзео*) о своей воле, выбирает в качестве вещателя *хмит мотирали* (плакальщика в голос). Мелодико-ритмическая сторона словесного текста способствует формированию характерной для плача мелодической канвы, которая утверждается в виде одного из значительных элементов комплекса обрядовых действий, связанных с культом покойника.

Плачи в голос, именуемые *гврини*, исполнялись мужчинами во время косьбы. *Гврини* преследовали цель заслужить благорасположение душ усопших и достичь благополучия и достатка. С другой стороны, *гврини* – аналог распространенного на Ближнем Востоке и в Европе при жатве и сенокосе ритуального плача, связанного с умирающими и воскресающими божествами (*Очиаури Т.*, 1951. С. 427–428; *Сургуладзе И.*, 1978. С. 78–79, 83). Музыкальный текст *гврини* заложил основу формирования собственно сенокосных песен *мтиблური*.

Плачи сыграли также существенную роль в формировании историко-героических песен, на что в некоторых случаях указывает их мелодико-интонационная связь. Симптоматична генетическая связь траурной поэзии с героической. Также следует отметить значение историко-героических песен в формировании застольных песен. Изначально застолье имело религиозную основу и обрядовый характер. Песня была одним из обязательных компонентов застолья. Прежде всего это *садидебелтаи* (славословие) обожаемого героя, чье имя изустно передается из поколения в поколение. В горной части Восточной Грузии на храмовых праздниках существовал строго соблюдаемый ритуал приема священного пива. Примечательно, что большинство наименований соответствующих действий связаны с пением в сопровождении *пандури* (струнный щипковый инструмент). Среди этих правил следует отметить *пехзе мгера* (пение стоя), *тасзе шемгереба* (подпевание) и *титообит мгера* (пение поодиночке), в которых прославляли погибшего «ради общего дела» героя или героические деяния предков. Таким образом, историко-героические песни издревле были органической частью застольных обрядов (Майсурадзе, 1989. С. 3–47; 1990. С. 3–140; 2010. С. 205–224).

До последнего времени в горной части Восточной Грузии хороводы являлись обязательным компонентом храмовых празднеств и других религиозных обрядов. На праздниках устраивали хороводные шествия вокруг святилища, культовых сооружений, знамени. Исходя из внешнего вида знамени и его названия *алвис-тани* – тополиный стан – установлено, что в знамени олицетворено культовое дерево. Обязательное исполнение хоровода *перхули* вокруг знамени (или при его перемещении) генетически связано с обрядовым хороводом вокруг священного дерева у врат святилища.

Ритуальная композиция на чаше из Триалетского могильника середины II тыс. до н.э. передает эпизод обряда *садидебелтаи* (славословие), выполнение которого сохранилось в быту горцев-грузин. В порядке расположения местных божеств *гвтисшвилни* у врат *Гмерти* (главное божество) создатель чаши передал также круговой строй *перхули*. Круговые движения (обход сел, хороводы, попеременное исполнение песен и т. д.) содержат более широкую концепцию, отображающую не только астральные представления, но и цикличность исчисления времени. Целый ряд сванских хороводных песен – «Барбал-долаши», «Рихои», «Элиа лырде», «Амирани», «Квириа» и др. оказались в орбите верований и представлений, берущих начало в языческой эпохе (Бардавелидзе, 1957. С. 58–65; 101–103; 248–249; Сургуладзе И., 2003. С. 110–111; Майсурадзе, 1989. С. 32–34). Особого внимания заслуживает хороводная песня «Иавнана», которая являлась одним из компонентов ритуала, связанного с культом божества, исцеляющего от инфекционных заболеваний. «Иавнана» исполнялась во время обхода вокруг больного. Круговое движение ассоциировалось с богиней солнца, богиней плодородия (Великая Мать Нана). Формирование культа Наны как божества плодородия предполагается в конце неолита (Бардавелидзе, 1957).

Мелодии древнейших обрядовых хороводных песен («Лазаре», «Дедакацебис перхули», «Мзе шина да мзе гарета» и др.) входят в интонационное поле «Иавнана». В правилах исполнения этих песен усматриваются следы языческой эпохи. Хороводные танцы и песни были также одним из компонентов свадебного ритуала («Джварис цинаса», «Кучхи бедниери» и др.).

Хороводы связаны с плодородием, урожайностью, размножением. Тексты хороводных песен содержат обращения к божествам-покровителям урожая и размножения людей и скота. Исходя из функции хоровода, естественна та тесная связь, которая издревле существовала между хороводными и трудовыми песнями. Коллективный труд всегда сопровождала песня как важный компонент трудового процесса. Особого внимания заслуживают жатвенные песни, мелодии которых структурно просты и рассматриваются на уровне общекартвельского музыкального языка-основы. Вместе с музыкально-интонационной стороной важны метр и ритм как организующие процесс труда. Трудовые песни Западной Грузии «Одоиа», «Хелхвави», «Очешхвеи», «Очешхведа хвабриели» и др. посвящены божеству – покровителю размножения и урожая. В текстах этих песен особое место отводится молениям о повышении плодородия.

Музыкально-этнографический материал указывает на существенную роль бытовой традиции в становлении и развитии народной музыки, формировании музыкальных жанров (трудового, обрядового, бытового). Песня – важный элемент комплекса обрядовых действий, она отражает отдельные стороны быта. Инфильтрация напева-основы в разные сферы быта вызвала его семантическую трансформацию: изменения претерпевают форма и содержание, характер исполнения музыкального текста и, наконец, формируются качественно новые песенные образцы, которые занимают определенное место в общегрузинской музыкальной структуре.

Существование языка-основы картвельских языков предполагают в IV–III тыс. до н.э. Синкретизм музыкального языка и речевого языка на ранней ступени развития музыкального мышления, древность напева-основы и его место в народном быту дают нам право поместить период существования общекартвельского музыкального языка-основы и начало его дифференциации приблизительно в выше представленные хронологические рамки. Следует отметить, что сванский и мегрельский отделяются от общекартвельского музыкального языка-основы на уровне музыкальных диалектов. Результаты анализа музыкально-этнографического материала дают возможность представить некогда общий для картвельских племен музыкальный язык-основу, процесс его развития и дифференциации, в частности, образование музыкальных диалектов, что со своей стороны отражает существование единого картвельского этноса и его дифференциацию, образование отдельных локально-региональных групп.

Грузинское многоголосие и его формы прослеживаются на обширной территории Кавказа. Результаты всестороннего анализа грузинского, абхазского, адыгского, осетинского, чечено-ингушского и, частично, дагестанского музыкальных языков, в частности: родственность музыкально-интонационных и гармонических элементов (среди них кадансов) на древнейших этапах развития музыкального мышления, типологическое сходство в последующем процессе развития, общекавказский музыкально-интонационный характер, многоголосие и его формы свидетельствуют о существовании на территории Кавказа общей музыкальной культуры, т.е. иберо-кавказской музыкальной культуры, в создании которой принимало участие древнейшее местное население. Ретроспективный анализ музыкального материала указывает на особое значение картвельских племен в формировании и дальнейшем развитии

этой культуры, в основном протекавших в рамках кавказского музыкально-интонационного и гармонического мышления. Показательно, что последовательную, непрерывную картину развития форм многоголосия дает только грузинский музыкальный язык, с которым тесно связаны многообразные и богатые с мелодико-интонационной и гармонической точки зрения вышеупомянутые музыкальные языки (*Майсурадзе*, 1989; 2011. С. 273–317).

Культурно-исторические контакты предков грузинского народа с древнейшим населением Передней Азии отражены в самых ранних слоях музыкальных образцов, музыкальных терминах и инструментах. С этой точки зрения заслуживает внимания близость обнаруженных на территории Грузии (Казбеги, Уплисцихе) музыкальных инструментов типа арфы (VII–VI вв. до н.э.) и шумерской арфы (III тыс. до н.э.). Древний грузинский струнный инструмент *эбани* повторяет архаическое название шумерской арфы *pan/ban* (лук), известной с древнейших времен в Египте под названием *ban/ben*. Примечательно родство между терминами *ban* и грузинским *бани* (бас). Грузинский струнный инструмент *пандури* по форме и названию аналогичен шумерскому *pan-tur* (маленький лук). Также интересны грузинские и индоевропейские лексические совпадения в музыкальной сфере – *галоба* (песня), *хма* (голос), *роква* (пляска).

Грузинская народная музыка многоголосная, и естественно, что древние грузинские песнопения также были многоголосными. Показательно, что грузинский философ Иоанн Петрици (XI–XII вв.) с целью доказать троиственность и единство святой Троицы использовал грузинское многоголосие (*мзахр* – сказитель, *жир* – второй голос, *бам* – бас). Особо следует отметить «Иадгари» (978–988) Микаэла Модрекили, где собраны достижения литургической литературы и грузинской гимнографии IX–X вв. В сборнике наряду с переведенными на грузинский язык образцами византийской гимнографии представлены оригинальные грузинские церковные песнопения. Совершенные формы грузинских песнопений, закономерная логическая последовательность музыкальных знаков и кадансовые формы в конце отдельных частей песнопений указывают на длительный путь развития грузинской музыкальной системы. В XVIII в. грузинская музыкальная письменность выражалась буквенными знаками. Общественный деятель и энциклопедист Иоанн Багратиони на основе теоретического знания европейской музыки составил музыкальную азбуку, которая представлена в учебнике вокальной и инструментальной нотации. Грузинская гимнография, которая сыграла существенную роль в формировании профессиональной музыки, является сокровищницей национальной культуры и выражением ее самобытности.

В XVII–XVIII вв. в грузинском городском музыкальном быту распространились восточные песни ашугского типа. До утверждения ашугской музыки в Грузии существовали местные поэты (*мгосани*), создатели мелодий и певцы, аккомпанирующие себе на инструментах, многовековое творчество которых слилось с ашугской культурой. Мелодии негрузинского происхождения исполнялись ими в три голоса, подобно грузинскому многоголосию. В XIX в. в Грузии развитие городской песни пошло по новому направлению. В музыкальный быт Тбилиси через Россию вошла европейская музыка. В музыкально-театральной и концертной жизни города появились произведения русских композиторов, русские романсы и мелодии итальянской оперы.

С середины XIX в. в Грузии влияние европейской музыки усилилось. В ашугские песни проникли элементы европейской музыкальной культуры. Сами ашуги использовали некоторые характерные для европейской музыки приемы выразительности. Так происходило слияние элементов воспринявшей грузинские традиции ашугской и европейской музыки, что отразилось на городских лирических песнях. В то же время в низших слоях общества существовали народные певцы (*мествире*), которые были носителями грузинской народной музыки. В XX в. городские песни обогатились новыми приемами выразительности и сформировались в виде одного из наиболее популярных жанров грузинской эстрадной музыки. Грузинская городская музыка убедительно свидетельствует, насколько богатую и многогранную музыкальную культуру создал городской музыкальный быт. Длительный путь развития и становления грузинской народной музыки и ее многоголосия, который охватывает тысячелетия, своеобразно отображает значительные этапы этнической истории грузинского народа. Грузинское народное многоголосие признано ЮНЕСКО как созданный человеком шедевр мировой полифонии.

НАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ МУЗЫКА⁵

Народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка являются частью национального музыкального наследия. В последние годы эти инструменты – *саламури* (свирель), *пандури*, *чонгури* (струнные инструменты) были значительно усовершенствованы и благодаря виртуозным исполнителям получили признание и на международной арене.

Грузинский народный музыкальный инструментарий вызывает интерес и потому, что в нем рядом с развитыми инструментами сохранились и сравнительно простые и архаические формы, сравнительно-историческое изучение которых дает возможность проследить не только развитие инструментов, но и тенденции развития музыкального мышления, музыкальной культуры вообще.

Обнаруженный на территории Грузии, во Мцхета, древнейший музыкальный инструмент – костяной *саламури* (длина 20 см) с тремя отверстиями датируется XV–XIV вв. до н.э. (*Чхиквадзе Г.*, 1965. С. 5). *Саламури* из кости обнаружены в Уплисцихе и Аджарии, в междуречье Чолок-Очхамури (*Хахутайшвили*, 1964. С. 56; 1986. С. 142). К этому же времени относятся найденные археологами керамические *саламури* (хранятся в Сигнахском историческом музее). Особый интерес вызывает известная бронзовая статуэтка из Казбегского клада (VI в. до н.э.), представленная в единой композиции: на ушке колокольчика голова барана с подвижным колечком и стоящей на роге фигуркой мужчины, который держит в руках музыкальный инструмент типа арфы (*Алавидзе, Рехвиашвили*, 1964. С. 38). Следует отметить близость инструмента «казбегского музыканта» с распространенными и сегодня в Сванети *чанги*, что свидетельствует о непрерывности традиции существования этого элемента музыкальной культуры и общности культур горных областей Восточной и Западной Грузии (*Шилакадзе*, 2007. С. 239–240). Очевидна также

⁵ © М. Шилакадзе

близость «казбегского музыканта» с «уплисцхским музыкантом» – небольшой глиняной скульптурой мужчины в маске и лирообразным инструментом в руках (VII–VI вв. до н.э.) (*Хахутайшвили*, 1964. С. 74). Упомянутые инструменты аналогичны шумерским (арфы и лиры из Ури, 2700 г. до н.э.) (*Закс*, 1937. С. 98; *Galpin*, 1937. Taf. VII).

Обнаруженные на территории Грузии музыкальные инструменты, датированные I тыс. до н.э., являются прототипами тех инструментов, существование которых в Грузии на протяжении средних веков подтверждается письменными источниками и которые до настоящего времени сохранились в этнографической действительности. Согласно грузинским письменным источникам V–XVIII вв., в средневековой Грузии были известны десятки наименований музыкальных инструментов (*Джавахишвили И.*, 1938. С. 129–219; *Чхиквадзе*, 1955. С. 54). В источниках упомянуты: духовые (*авли*, *буки*, *нестви*, *саствинели*, *иобели*, *на*, *нестви ркисаи*, *саквири*, *ствири*, *канара*),

Музыканты-гурийцы

Начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 8553

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Музыканты с национальными инструментами

Тифлис, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 4095

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

струнные (*атдзали, барбити, эбани, китара, органо, ордзали, отхдзали, сагалобели, самдзали, сапсалмуне, кнари, уди, пандури, чанги, чадана, чонгури, хутдзали*), ударные и шумовые (*бобгани, дабдаби, дапи, думбули, лини, спермури, коси, цинцила, эжвани, зари*) инструменты. При царском дворе существовал инструментальный оркестр (*сакравта мцкобри*), в состав которого входили различные инструменты (*Джавахишвили И.*, 1938. С. 216–219).

Современный народный музыкальный инструментарий состоит из духовых (язычковые и безъязычковые *саламури*, многоствольные *саламури, гудаствири/ствири/чибони/чимони, буки*), струнных (*чанги, пандури, чианури/чунури*) и ударных (*доли, даира, диплитито*) инструментов. Каждый из них распространен в одном или нескольких регионах Грузии. Безъязычковые *саламури/ствири* и язычковые *саламури* изготавливают из тростника (длина 38–40 см) с 6–7 отверстиями-глазками; звукостроение – диатоническое. Традиционный репертуар *саламури* – пастушьи и танцевальные мелодии, которые исполняются во время пастыбы и при загоне стада. В репертуар язычкового *саламури* входят танцевальные мелодии, поэтому на нем играют на свадьбах, во время спортивных состязаний (борьба и др.) и в инструментальных ансамблях. Многоствольный *саламури – ларчеми* (Самегрело)/*соинари* (Гурия)

Свирель *саламури*

Имерети, 1950-е годы

© НМГ. ЭФ 2006-9

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

состоит из шести стеблей тростника разной длины, которые располагаются следующим образом: в центре длинные стебли, справа и слева от центра остальные по убывающей. Ряд звуков оригинален, фактически уникален и представлен последовательностью однотонных и полутонных интервалов (*Стешенко-Куфтина*, 1936. С. 273–275; *Шилакадзе*, 1970. С. 66). Своеобразием манеры игры на этих инструментах является одновременное вдвух соседних стеблей, что обеспечивает получение двуголосного созвучия и, соответственно, исполнение двуголосной мелодии. На этом инструменте исполняют пастушьи и танцевальные мелодии. *Ларчеми/соинари* выполняли также сигнальную функцию для охотников, находившихся друг от друга на большом расстоянии.

Сегодня традиция игры на волынке *гудаствири/ствири/чибони/чимони* сохранилась в Раче, Аджарии и, частично, в Месхети. Инструмент состоит из *гуда* – воздушного резервуара, изготовленного из овечьей шкуры с двумя отверстиями: в одно вставлена маленькая деревянная трубочка (*хреко*), играющая роль клапана, с помощью которого надувают *гуда*. Во второе вставлены помещенные в деревянное гнездо две тростниковые свирели одинаковой длины, которые переходят непосредственно в рог оленя или быка. Для *гудаствири* характерно двуголосие, в частности, бурдонное – тянущееся звучание, на фоне которого слышится мелодия. В сопровождении *гудаствири* исполняли исторические, эпические, сатирические, комические и лирические мелодии, которые часто сочиняли экспромтом. *Мествире* (странствующий певец-сказитель) был непременным участником праздников, свадеб, народных игр, особенно *бекиаоба* (увеселительное представление на масленице). На *чибони* (соло или в сопровождении барабана) в основном исполняли танцевальную музыку.

Буки (сван. *санкер*) – медная сигнальная труба длиной 1,5–2 м, издает звук одной высоты. По силе

Соинари – многоствольная свирель

Сванети. 1950-е годы

© НМГ. ЭФ 2006-10

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Странствующий музыкант *сазандари*

Аджария, г. Батуми

Фото А. Шааняна, 1926 г.

© МАЭ РАН. № И 2064-31s

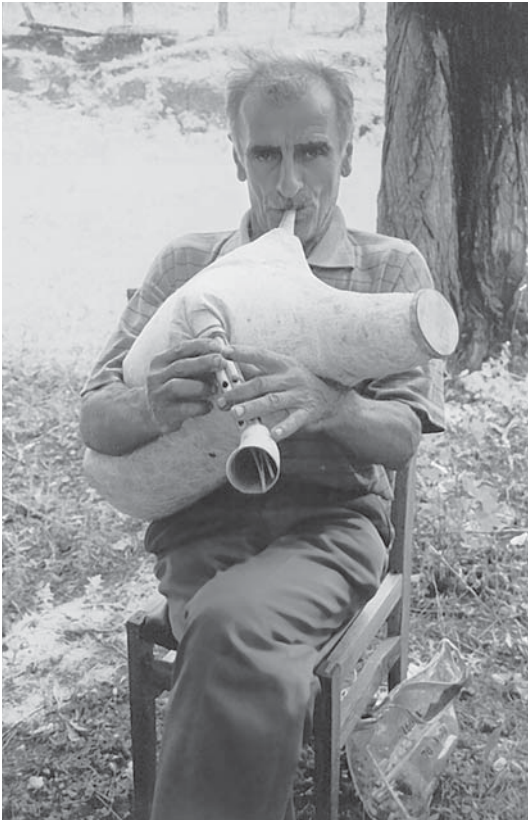
вдувания, ритмической формуле и времени подачи сигнала (утро, вечер, ночь) население информировали об ожидаемой или существующей опасности (нападение врага, угон скота и т.п.). В Сванети в музее Местиа хранится медная труба XIV в. В Самегрело деревянную трубу с сигнальной функцией называют *оке*.

В Грузии широко распространены и особенно популярны струнные инструменты. Как правило, они сопровождают пение. Чисто инструментальная – это танцевальная музыка. *Пандури* – трехструнный щипковый инструмент. Отличается многообразием внешней формы: известны овальные (похожие на лодку или грушу), лопатообразные, веслообразные и др. Пандури вытесывают из цельного дерева. Общая длина

70–80 см. Изготавливают их из деревьев разных пород – осины, липы, туть, ели. Иногда задняя сторона корпуса украшается растительным орнаментом. На «шее» обязательно вставляется одна или две *парда/сакцеви* (перегородка для отделения имеющих разную высоту двух соседних звуков). Раньше струны делали из овечьих кишок, сегодня используют фабричные. Традиционно в сопровождении *пандури* исполняют (соло) эпические, любовные и шуточные песни. К древнейшим ритуалам относится специальная мелодия *беглискрули*, которую во время празднества *беглис кари* исполняли в хевсурском святилище Гуданис джвари. Эта обрядовая мелодия по своей функции и мелодико-гармонической структуре является древнейшим образцом инструментальной музыки. В народе *пандури* считают символом веселья. Это подтверждают связанные с культом покойника правила, например, когда семья была в трауре, *пандури* прятали или поворачивали «лицом» к стене, когда же период траура заканчивался, следовало играть на *пандури* и распевать песни.

Чонгури – четырехструнный щипковый инструмент, распространенный в равнинных регионах Западной Грузии. Отличается от *пандури* длиной, величиной резонансного корпуса и количеством струн. Четвертая струна *зили* извлекает самые высокие и в то же время неизменной высоты звуки. Наличие этой струны обусловило большое количество звукостроений, богатство гармонического языка песен, исполняемых в сопровождении чонгури. С этой точки зрения чонгури в грузинском инструментариуме уникален. В сопро-

Игра на волынке *гудаствირი*

© Фото Т. Цагарейшвили, 2003 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

вождении чонгури исполняются одно-, двух- и трехголосные песни, в том числе обрядовые. Следует отметить песню «Мзе шина да мзе гарета» («Солнце в доме и вне дома»), которую полагалось петь в связи с рождением ребенка, песнопение «Сабодишо»/«Батонебо», которую исполняют для больных краснухой, оспой, корью и т.п. Мелодичность, оптимизм, художественный уровень этих мелодий делают их шедеврами грузинского музыкального творчества.

Пандური и *чонгури* представляют собой две разные формы струнных щипковых инструментов, которые соответствуют различным этапам развития музыкальной культуры. Совершенством правил изготовления, конструкции, мно-

гообразием музыкально-исполнительских приемов, богатством гармонических возможностей чонгури соответствует гораздо более высокому уровню развития музыкального мышления, чем пандური (Шилакадзе, 1970. С. 50).

Чанги – струнный щипковый музыкальный инструмент, сохранившийся лишь в Сванети. Он относится к типу «местной» арфы. Корпус длинный, четырехугольной формы (40–60 см на 10–12 см). Вертикальная часть («шея») орнаментирована. Струны разной длины и толщины изготавливаются из конского волоса. Типичным является шестиструнный *чанги*. Известны также семи-, девяти- и одиннадцатиструнные *чанги*, образцы которых хранятся в музеях Грузии и России. В Сванети чанги часто используют в обрядах, связанных с культом усопших (*сулис гамохსნის ქესი, ლიპანალი*). Согласно письменным источникам, в средневековой Грузии *чанги* был широко распространенным инструментом. Его традиция прослеживается в далеком прошлом, о чем свидетельствуют упомянутые выше «казбегский» и «уплиسخский» музыканты.

Чианური/чунური – смычковый трехструнный музыкальный инструмент – сохранился в горных областях Грузии (Сванети, Рача, Тушети). Струны изготовлены из конского волоса. Инструмент многокорпусный, с открытой нижней стороной. Сверху на корпус натянута мембрана (кожа, рубец), его длина 60–70 см. Звук производится смычком простейшей конструкции. Музыкальный строй, как и у *пандური* – секундно-терциевый.

Правила изготовления грузинских струнных инструментов отражают эмпирические знания народными мастерами всего комплекса факторов, например, выбор для инструмента наилучшего материала (ель, сосна), знание законов акустики об отношении высоты звука к длине и толщине струн и т.д. Для получения продукции хорошего качества необходимо точное соблюдение таких правил, как предварительная обработка материала – хранение, высушивание и т.д.

Ударные инструменты *доли* и *дайра* используют в основном в ансамблях при исполнении танцевальной музыки. *Даира* и сегодня очень популярна в Раче.

Традиционный грузинский инструментальный ансамбль состоит из одного струнного или духового инструмента и одного ударного (*чонгури-доли*, *чибони-доли*), или из двух струнных (*чанги-чунури*). Объединение одного и того же инструмента в ансамбль из двух и более единиц для грузинской традиционной инструментальной культуры не характерно. Репертуар инструментального ансамбля ограничивается танцевальной музыкой (*картули*, *хоруми*, *гандаган* и др.). Обычно исполнителями на духовых и ударных (кроме *даиры*) инструментах являются мужчины.

Для грузинской инструментальной музыки характерны эолийский и миксолидийский лады. Модуляционная техника не развита, характерны полукадансы, что обусловлено многократным повторением музыкальных построений. Кадансовые формулы и характерная для грузинской песни аккордика наиболее полно представлены в репертуаре чонгури. Метр танцевальных мелодий – двух-, трех- и пятичастный, ритмические формулы – многообразны. В пасторальных мелодиях *саламури* используются свободный метр, мелизмы (трель, мордент). Форма инструментальных мелодий (предложение или фраза) повторяется многократно. В мелодиях чонгури встречаются и более развитые музыкальные формы.

Термины, связанные с музыкальными инструментами, подтверждают культурно-исторические связи. Например, различные фонетические видоизменения термина *пандури* для обозначения струнного инструмента встречаются во многих языках. Принято считать, что среди европейских народов он распространился благодаря греческому, а в греческий попал из Малой Азии.

Грузинки с *дайрой*
Картли, начало XX в.
© РЭМ. № 213-140

Предком инструмента типа *пандури* считают струнный шумерский инструмент *rap-tur*, что на языке шумеров значит «маленький лук» (*Galpin*, 1937. P. 35). Эта этимология является одним из аргументов для утверждения, что древнейший струнный инструмент арфа произошла от лука, отсюда же получили развитие и другие виды струнных инструментов, в частности типа *пандури*. Это мнение разделяют К. Закс, Р. Грубер, И. Пономаренко, А. Бухнер (*Шилакадзе*, 1970. С. 52).

И. Джавахишвили усматривает родственную связь между названием египетской арфы *ban/bep* и грузинскими музыкальными терминами *бани* (низкий мужской голос, бас) и *эбани*. В древних грузинских источниках *эбани* – это струнный инструмент типа лиры. Конструкция его неизвестна, однако принадлежность к группе арфообразных не вызывает сомнения: он предназначен для «подпевания», т.е. сопровождения (*Джавахишвили И.*, 1938. С. 135–138; *Чхиквадзе*, 1955. С. 164; *Шилакадзе*, 2007. С. 201–204). *Пандури* в грузинских источниках упоминается с IX в. (*Джавахишвили*, 1938. С. 150–151). По своему назначению и конструкции грузинский *пандури* аналогичен инструменту древнейших народов Передней Азии. Вместе с другими элементами *пандури* входит в сокровищницу культуры древнейшего населения Кавказа и Передней Азии. Слову *пандур* соответствует грузинское *ордзали* (двухструнный). Сегодня *дзали* означает струну из овечьей кишки, но прежде так называли музыкальный струнный инструмент (*Кекелидзе*, 1912. С. 341), а еще ранее – музыкальный инструмент вообще (*Шилакадзе*, 2007. С. 195–199). Изменения значений этого термина соответствуют разным этапам развития музыкальных инструментов.

Грузинским музыкальным струнным инструментам аналогичен смычковый, щипковый инструмент (*апхярца*, *шичепшин*, *атух пондур*, *дечиг пондур* и др.), известный среди абхазов и северокавказских народов – адыгов, вайнахов, дагестанцев и осетин, что подтверждает глубину грузино-северокавказских этнокультурных взаимоотношений (*Шилакадзе*, 2007. С. 268–269).

Процесс заимствования и освоения музыкальных инструментов и, соответственно, терминов (в основном арабских и персидских) протекал в разное время и с разной интенсивностью. С XVIII в. в Грузии, особенно в высших социальных слоях (при царском дворе) имело место интенсивное распространение восточных инструментов. С этого времени засвидетельствована и должность *сазандарбаши* (глава музыкантов-исполнителей, импровизаторов). Несмотря на засилье в элитных кругах ближневосточной культуры, исконно грузинская народная музыкальная традиция продолжала существовать. В низших социальных слоях большой популярностью пользовались *мествиреби* – народные сказители.

Об уровне музыкального образования в Грузии XVIII в. свидетельствует «Краткий учебник музыки» Иоанна Батонишвили, в котором были опубликованы нотные знаки для вокальной и инструментальной музыки, теоретические основы европейской музыкальной системы (*Шилакадзе*, 2003. С. 181).

Выработанные в течение веков традиции исполнения песен разного жанра и использования музыкальных инструментов постепенно претерпевали значительные изменения, что было обусловлено появлением в Грузии с начала XIX в. иностранных инструментов. Этот процесс был особенно очевидным в городском быту, прежде всего в Тбилиси. Источником появления городского

музыкального фольклора была, с одной стороны, восточная музыка, а с другой – европейская (итальянская оперная музыка и русский романс); в грузинском городе эта музыка приобрела оригинальный характер (*Аракишвили*, 1925. С. 28; *Швелидзе*, 1970. С. 3–7).

В быту Тбилиси конца XIX – начала XX в. были распространены как восточные, так и европейские (пришедшие через Россию) музыкальные инструменты: *тари*, *сази*, *чианури/каманча*, *зурна*, *дудуки*, *доли*, *даира/дани*, *диплипто/нагара*, *гитара*, *гармони/бузика*, *аргани*. С XIX в. появляется фортепьяно. В городе параллельно продолжали существовать грузинские инструменты: *пандури*, *саламури*, *гудаствири* (под названием *сазандари*). Из перечисленных инструментов и сегодня популярны *дудуки*, а среди негрузинского населения – восточные инструментальные ансамбли: ансамбль духовых – *даста* (два *дудуки* и *доли* или две *зурны* и *доли*) и струнный ансамбль – *сазандари* (*тари*, *каманча*, *сантури*, *даира*). Начиная с 1970-х годов в составе ансамбля происходят изменения. Появляются кларнет и аккордеон, а с 1980-х годов – электроинструменты.

В начале XIX в. в грузинском населении Тбилиси исполнительские традиции были такими же, как в сельских районах, о чем свидетельствуют данные письменных источников и этнографический материал. В конце XIX – начале XX в. в Тбилиси существовали *амкреби* (цеха) музыкантов (*мезурнета*, *сазандарта*), которые характеризовались такой же организацией, как и другие цеха ремесленников, со своим институтом ученик – мастер, атрибутикой (флаг и др.), обычаями и обрядами (правила посвящения ученика, *сагвто*, церемония посвящения в мастера, «благословление» ученика). Восточные музыкальные инструменты вместе с исполнительской традицией постепенно распространялись из Тбилиси в близлежащие регионы (Кахети, Саингило, Квемо и Шида Картли, Месхети).

В городе у каждого инструмента был свой слушатель, каждый инструмент пользовался популярностью в определенных кругах населения. Европейский поток городского фольклора в сфере инструментальной музыки в основном представлен *гитарой*, которая со второй половины XIX в. стала популярной,

особенно в Западной Грузии, как инструмент для сопровождения русского городского романса. На праздниках либо веселых застольях гитара была особенно востребована. В Кутаиси популярность гитары возросла благодаря репертуару сестер Ишхнели. Позднее этот инструмент стал распространяться и в других уголках Грузии. Следует особо отметить песню «Сулико», созданную Варенькой Церетели на стихотворение Акакия Церетели, которая получила признание не только в Грузии, но и далеко за ее пределами.

Причиной столь широкого распространения иностранных инструментов был высокий уровень их музыкально-исполнительских возможностей. Грузинская культура «переработала» на грузинский лад восточные музыкальные инструменты и их репертуар (*Асланишвили Ш.*, 1954. С. 251). Сформировалась тбилисская исполнительская школа, исполнительский стиль, восточные мелодии огрузинились, т.е. обрели многоголосие. Попавшие в Грузию иностранные инструменты и музыка претерпели грузинское влияние.

В Грузии игра на музыкальных инструментах не стала профессией; музыканты обычно были полупрофессионалами (*Чиковани*, 1952. С. 63–64). Но заслуживает внимания тот факт, что среди фамилий профессионального типа встречаются и такие, как Мебуке (тот, кто играет на *буки*), Мествиришвили (сын того, кто играет на *ствири*, и др.), что указывает на место и значительную роль исполнительского искусства в обществе (*Шилакадзе*, 2001. С. 35–36). Виртуозная игра современных исполнителей на народных инструментах поражает слушателей своим совершенством, чему способствовал созданный в 1960-е годы оркестр народных инструментов под руководством Кирилла Вашакидзе.

Сегодня в деревне, живом сельском быту народные многовековые исполнительские традиции играют гораздо меньшую роль. Традиционность более или менее сохранилась в Сванети, Самегрело, Аджарии. Можно сказать, что эта многовековая культура продолжает жить в виде фольклорных и этнографических ансамблей. Абсолютное большинство этих ансамблей стремятся познакомить широкую общественность с уникальным феноменом – грузинской традиционной музыкальной культурой.

ХОРЕОГРАФИЯ⁶

Грузинское хореографическое наследие – это своеобразная музыкально-танцевальная «летопись» народа, его культурное достояние. Грузинская хореография прошла долгий путь развития и сохранила до настоящего времени национальные танцевальные традиции.

Находки археологов позволяют представить древнейшие этапы ее существования, воссоздать отдельные танцевальные движения, формы примитивных плясок. На предметах, датированных II–I тыс. до н.э. – триалетская серебряная чаша, пифосы и бронзовые пояса – мы видим изображения танцев того времени. Танцевальные движения, изображенные на этих находках, отражают древнейшие виды грузинских хороводов: охотничьего, культово-ритуального

⁶ © Л. Чхеидзе

и воинственного. По набагребским бронзовым поясам можно воссоздать образ ритуального охотничьего хора *перхули*. *Перхули* предстает также на глиняном кувшине *квеври*, обнаруженном в Самадло I и датированном концом IV – началом II в. до н.э. Изображение астрального, культово-ритуального хора мы видим на триалетской серебряной чаше, найденной Б. Куфтиным в 1938 г. (Куфтин, 1950; Гагошидзе, 1981).

В языческой Грузии обожествляли огонь, небесные светила – Солнце, Луну, и поклонялись им, т.е. тому, что давало жизнь, тепло и свет. Порожденные представлениями о круговороте природных явлений грузинские астральные хоры водились по кругу, имитируя движения планет вокруг Солнца. Символическое значение вкладывалось в каждый жест и движение. В сванском обрядовом графическом искусстве, отражающем древнейшие религиозные верования, можно встретить композицию танцевальной пары с астральными божествами – фигуры юноши и девушки, исполняющих танец *шупари* (Бардавелидзе, 1957).

В многообразных грузинских народных танцах отражены самобытность и характерные особенности регионов Грузии. Как разнообразна природа страны, как различны музыкальные интонации, так же многолики локальные особенности танца. Форма и содержание танцев воспроизводят исторические и бытовые события, которые наложили свой отпечаток на танцевальные движения. В образности танцевального наследия отражаются национальный архетип, духовная культура, мышление, характер и психология далеких предков. В основном танцы исполнялись под аккомпанемент народных инструментов, а также песенного трехголосного и хорового сопровождения, исполнители выступали в традиционных костюмах.

Перхули, т.е. хор, можно считать первообразом самобытных грузинских танцев. Хоры имели различное смысловое значение; были хоры культово-религиозные, свадебные, трудовые, воинственные, погребальные, с эпическим содержанием и др. Пляски-хоры развивали физические и духовные способности. Они обогащались музыкой, пением, ритмом и текстом. Во всем – в танцевальном языке, костюмах, музыкальном сопровождении – содержится национальная музыкально-этнографическая информация. Первоосновой всех танцевальных движений, предшествующей современным танцам, следует считать *охотничьи* пляски. Эта форма грузинского танцевального искусства зародилась еще на раннем этапе истории, в период становления грузинских племен.

В содержании и характере танцев отражалась имитация трудовых действий. По танцам, возникшим на основе имитации трудовых процессов, по их содержанию и характеру можно проследить все формы хозяйственной жизни. Например, в танце *лазури* воспроизводится процесс ловли рыбы. В древних танцах все было подчинено ритмическому сопровождению, которому уделялось особое внимание. Первоначально ритм создавался постукиванием камнем или палкой, затем основным инструментом стал барабан *доли*, а впоследствии добавлялись и другие музыкальные инструменты по мере их возникновения. Ритмическое начало способствовало и трудовому процессу. Это организовывало людей во время пахоты или жатвы, где была необходима синхронность движений.

В грузинских воинственных танцах раскрывались героические страницы истории Грузии, изображалась борьба воинов с завоевателями. В них создается обобщенный танцевальный образ воина – «живого щита», заслоняющего родной край от неприятеля. Общей чертой воинственных сценических грузинских танцев следует считать экспрессивность движений, головокружительные прыжки, технически сложные манипуляции с кинжалами, пляски на пальцах (*церже*), на полупальцах. *Ханджали* (кинжал), *хмали* (сабля) и меч, являясь жизненно необходимыми атрибутами, по сей день дополняют грузинскую национальную одежду чоху, как и пояса, шашки, газыри и *дамбача* (пистолет), оставаясь предметами гордости и символом чести и мужества. Поэтому кинжал и сабля обыгрываются во всех воинственных танцах и в танцах-соревнованиях *ханджлури*, *мхедрули*, *парикаоба*, *кечнаоба*, *казбегури* и др.

В танцах сванов, тушин, хевсуров, пшавов и мохевцев дольше всех сохранялись архаические черты. *Парикаоба* – это состязание между воинами с саблями и щитом (*пари*), от которого и происходит название танца, *кечнаоба* – единоборство в фехтовании. Танцы воссоздают подлинный облик горских народов, черты их характера, отражают традиционные горские обычаи и взаимоотношения. Способом разрешения спора у грузин высокогорных районов нередко являлось единоборство, когда вступали в бой не на жизнь, а на смерть. Однако если в момент схватки появлялась девушка и бросала между ожесточенно борющимися мужчинами свой головной платок – *мандили*, то поединок мгновенно прекращался и оружие вкладывалось в ножны.

Новым воплощением танцев-поединков *парикаоба* и *кечнаоба* следует считать сценический массовый танец *хевсурули*, сотканный из поз и движений различных видов боевых и спортивных состязаний. Обычай бросать *мандили* между сражающимися включен в заключительный эпизод, которым танец внезапно завершается. В этом танце показаны: фехтование двух юношей с саблей и щитом, двух юношей с двумя саблями у каждого, эпизод, когда один исполнитель фехтует одновременно с двумя противниками и т.д. В некоторых горных районах с языческих времен сохранились древние двух- и трехъярусные хороводы. Среди них вызывает интерес древний круговой хоровод *корбегела*, обычно исполнявшийся во время религиозных праздников.

Мхедрули – одна из разновидностей горского танца *мтиулури* – древнейший воинственный групповой танец; это соревнование воинов в умении владеть оружием, демонстрация ловкости и силы, умения нападать и отражать удары, состязание в красоте и пластичности каждого телодвижения. Танец построен на имитационных движениях. В нем поражает и захватывает неудержимый темп исполнения – импровизируя, танцор изображает движения коня и одновременно создает образ всадника, ловко и умело отбивающегося от врагов.

Ханджлури – технически сложный темпераментный сольный танец, требующий от исполнителя особой физической выдержки, меткости и ловкости, так как танцор манипулирует кинжалами, которые держит в обеих руках и даже в зубах. В завершении танца исполнитель вонзает кинжалы в пол. Танец составляют следующие основные элементы: грациозные прыжки *ирмула*, вращения в воздухе и движения на пальцах. Опасные, порой каскадные трюки превращают танец в трудноисполнимое действие, что создает большую

степень риска для исполнителя и необходимость виртуозно владеть танцевальной техникой.

Среди боевых танцев особо выделяется *хоруми* – древнейший грузинский хоровод, в котором всеми действиями руководит вожак, именуемый *цинамдзголи*, *хорумбаши* (в Аджарии), *тавмосаме* (у грузин Турции). У чанов и имерхевцев имеются схожие по содержанию и форме танцы-хороводы – *хорони*, *дели-хоруми*, *лазепеш-хорони*. Свидетельством культурной преемственности являются разновидности *хоруми*, с незапамятных времен сохраненные в каждой семье горной Аджарии. Хоруми состоит из следующих основных частей: поиск воинами-разведчиками удобного места для привала отряда перед сражением; разведка на вражеской стороне; сражение; разгром врага, победа; массовый *гадахвеули*, возвращение воинов домой с победой и праздничное ликование.

В танце имеются театрализованные эпизоды, повествующие о событиях посредством имитационных пантомимно-пластических движений (как воины-разведчики осматривают окрестность, где должен состояться бой; как они советуются, как готовятся к бою и т.д.). Заслуживает внимания факт, что в той части танца, где воспроизводится представление грандиозного сражения, на сцене нет конкретного образа «врага». Исполнители подчиняют свои движения музыкальному сопровождению на волынке *чибони*, барабана *доли* (*давли*) и др. Аккомпанемент с пятидольным размером построен на четкой, характерной метроритмической основе, с резко выраженными ритмическими акцентами. Характерные движения, национальный аджарский костюм придают орнаментальность танцу и столь симметричны, что смотрятся как вязь национальных узоров. Национальный танцевальный фольклор притягивает гармоничной пропорциональностью и изяществом форм и линий, подчиненных принципам симметрии.

В пропорциональных формах древних культово-астральных хороводов и в красочности современных танцев раскрывается характерный рисунок симметричных танцевальных композиций. Это проявляется в двух- и трехъярусных построениях грузинских *перхули*, в движениях фигур в массовых *давлури*, *лазури*, *мхедрули*, *хевсурули*, *мтиулури* и т.д.

Метаури – лицо, руководящее действиями танцоров, присутствует не только в *хоруми*, но и во многих национальных хороводах разных регионов Грузии. По его знаку менялось направление, приемы движений – бег, присядка, ход и т.д. Благодаря ему соблюдался единый ритм, согласовывались движения во время танца. Имеется *перхули*, называемый *цинамдзголи*, т.е. предводитель, в котором в сопровождении песни, исполняемой самими участниками, вожак платком дает знак исполнителям (и мужчинам и женщинам) делать определенные движения и перестраивать направление хоровода.

Среди культово-ритуальных плясок известны: *датвобиа* (культ медведя), *лампроба* (культ луны), *лиле* (культ солнца), *телепиа-мелиа*, *сакмисаи*, *адрекилаи*, *перхули-осхануе*, *уртхаоба*, многоэтажный хоровод *корбегела*, в честь *Квирия* – ритуальная пляска *квирикоба*, в честь священного дерева *уртхели* (тис, *toxus*) – *уртхаоба*. Были пляски и хороводы, посвященные религиозным праздникам и храмам: *гергетоба*, *мхетоба*, *алавердоба*, *светицховлоба* и т.д., хороводы, связанные с культом особо почитаемого в Грузии св. Георгия – *гиоргоба*, *геристаоба* (в Картли) и др. (*Хазарадзе, Цагарейшвили*, 1999). Ис-

полнялись ритуальные танцы с целью защититься от засухи, выпросить у природы живительную влагу, или же, во время чрезмерных осадков, умерить их выделение.

Названия танцев порой заключали в себе посвящение царям, реальным или мифологическим героям, а также были связаны с историческими событиями: *Тамар дедонал*, *Амираниани*, *Вепхисткаосани* («*Витязь в тигровой шкуре*»), *Абесалом* и *Этери* и др. Ярким примером отражения исторических событий в народном творчестве является хоровод *шавлего*, посвященный народному герою Шавлегу; по сей день он исполняется в Кахети и Картли. Иногда танцы отражали и названия определенной местности, региона или народа: *мтиулури*, *кахури*, *казбегури*, *абхазури*, *ачарули*, *хевсурули*, *мохевури*, *лазури*, названия городов: *тбилисури*, *кобулетури*, *батумури*. В названиях отражалось и то, где эти танцы исполнялись: *калакури*, *сахибо*, древние парные танцы *садарбазо*, *санадимо* (аналоги *картули*) и др. Иногда в названиях плясок включалась информация о том, кем являлись его исполнители: *мхедрули*, *мукемсури*, *беробана*, *кееноба*, *берикаоба*, *джейрани*, *кинтоури*, *карачохули*. Некоторые танцы именовались в зависимости от того, какие предметы в них использовались: *ханджлури*, *парикаоба*, *багдадури*, танец с дайрой и т.д. Некоторые наименования происходили от названий песен, сопровождавших пляску: *рамаида*, *жужуна*, *чарира*, *джангилди*, *чагуна*, *иринола* и пр.

Хороводные песни-танцы являются неотъемлемой частью древнегрузинской вокально-танцевальной культуры: *роква*, *сатамашо*, *нанав-да*, обращения к солнцу *лиле*, *мзе шина*, *надури*. Имелись также названия, поясняющие характер исполнения танца или же особенности движений (*дидеба*, *фундруки*, *хунтруци*, *мхарули*, *гогмани*, *коча*, *букнура*, *шеджибри*, *гадахвеули*, *мургвал*, *гандаган* и т.д.), отражающие характер действий (*цартмевиа*, *шецилеба*). Термины *цеква*, *роква*, *схану*, *сама*, *тамаша* и др. определяют танцевальное действие и являются синонимами слова танец.

Танец – важная часть всех ритуалов и церемоний. Пляски-хороводы стали зерном, давшим ростки театральному искусству. Хороводы, связанные с астральным культом, стали исполняться на народных празднествах. Праздничные гуляния, где народное танцевальное творчество не разделялось на зрителей и исполнителей, украшали задорные, полные юмора народные частушки *шаири*. Одним из древних грузинских зрелищ дохристианского происхождения с танцами и песнями является *сахибо*. В дворцовом *сахибо* в XI–XII вв. юноша и девушка танцевали *калваджиани* (совместный танец, от *кали* – девушка, *важи* – юноша) и пели (*Джанелидзе*, 1958). Красочное зрелище представляет собой танец *самайа*, вошедший в золотой фонд грузинской хореографии. Единственное изображение этого придворного танца имеется на фреске XVII в., на южной стене кафедрального собора Светицховели.

Венцом грузинской народной хореографии является парный (*калваджиани*) танец *картули*, который исполняется в традиционных национальных костюмах. За короткое время, отведенное этому танцу, раскрывается предельно выразительный танцевальный сюжет – романтический мини-спектакль с изысканной танцевальной речью. Танец – отражение национальной духовно-нравственной основы: в мужском танцевальном образе раскрывается подчеркнутая галантность, рыцарское благородство, а грациозная и изящная пластика женской танцевальной партии пронизана целомудрием. Форма у танца

Танцующие грузинки

Картли, с. Мухрани, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 4975

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

двухчастная: первая *давлури* представляет собой прелюдию к основному танцевальному тексту *картули*. В нем представлена циклическая последовательность нескольких эпизодов: *давლა* – выход юноши и приглашение девушки к танцу, их совместный дуэт, соло юноши, соло девушки, а завершающей частью является дуэт юноши и девушки.

В разных уголках Грузии сохраняется многообразие танцев *калваджиани* с любовно-романтическим сюжетом, схожих с *картули*, исполняемых с различным музыкальным сопровождением. В этих региональных разновидностях наблюдаются интересные общие черты и характерные различия. В Кахети в пляске *цеко* повторены танцевальные движения *картули*, а название этого танца считается одним из древнейших наименований самого танца *картули*. Для Западной Грузии характерен танец *цартмевиа*, иначе его именуют также *шецилеба*. В Мегрелии имеются два дуэтных танца *чагуна* и *арира*. В Абхазии романтический дуэт именуется *цеква* и *гандаган*, который исполняется в шуточно-юмористическом духе в сопровождении старинной песни «Тарна-нино». На базе танцевальных движений *картули* построены рачинские шуточные танцы *огро чогро* и *жужуна*. Горная Сванети дает различные варианты танцев: массовый *шинаворгили*, *рамаида*, *джангилди* (его исполняют под песню «Ворираша») и хоровод *иринола*. Назван хоровод по сопровождающей его песне, в которой повествуется о трагической судьбе девушки Иринолы.

Молодые танцуют лезгинку

Тифлис, начало XX в.

© НМГ. Ермаковская коллекция, 7531

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В богатой палитре грузинского танцевального фольклора имеются массовые женские танцы: *гогмани*, *мтиулури*, *хевсурули*, *пшавури* и др.

Новые зрелищные формы народных массовых танцев несколько оттеснили сольное исполнение, например *ханджлури*, *парикаоба* и *кечнаоба*. Включаясь в массовые сценические танцы, они приобрели новую форму – *хевсурули*, *казбегури* и т.д. Им придается театрально-драматургический характер. Творческой хореографической находкой явился танец *гандаган*.

Важной вехой в развитии танцевального искусства можно считать его профессионализацию и проникновение в драматические и оперно-балетные спектакли. Известно первое исполнение грузинского танца в 1851 г. профессиональной актрисой Узнадзе в грузинском драматическом театре в спектакле «Раздел» (пьеса Георгия Эристави). В числе прекрасных исполнительниц на рубеже XIX–XX вв. можно также назвать Эленэ Черкезишвили (известную в Париже под псевдонимом Эли Черовой и называемую почитателями «грузинской Дункан»), Эло Андроникашвили, Кетеван Андроникашвили-Зурабишвили и др. Народный танец включался в драматические спектакли

Танец *илоури* в исполнении Н. Рамишвили
и И. Сухишвили. 1937 г.

© Архив Грузинского национального балета

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

грузинскими режиссерами. Сандро Ахметели использовал танцевальную пластику для подчеркивания драматизма в спектаклях «Тетнульд», «Ламара», «Анзор». Лучшие образцы народного танца украсили национальные оперы З. Палиашвили, Д. Аракишвили и др.

Со второй половины XIX в. на зарубежных сценах блистали грузинские исполнители народных танцев, которые своим виртуозным мастерством пропагандировали грузинское фольклорное искусство. В городах Европы и России проводились «вечера-концерты», на которых зрители знакомились с грузинским народным вокально-хореографическим искусством. С середины XX в. грузинские танцевальные коллективы стали выезжать на гастроли за рубеж. Эстафету популяризации грузинского танцевального искусства продолжили лучшие солисты-виртуозы Грузии из ансамблей «Сухишвилеби» (ансамбль им. Илико Сухишвили и Нино Рамишвили), «Эрисиони», «Рустави», «Горда», «Метехи», «Роква» и т.д. По сей день чаще всего в репертуар грузинских танцевальных коллективов входят танцы: картули, мтиулури, мхедрули, хевсурули, гандаган, лазури, калакури, осетинские танцы симд, нарнари и др.

Очень важна роль народного танца в драматических и оперно-балетных спектаклях. Начиная с первого национального балета «Сердце гор» (1936), Вахтанг Чабукиани стал обогащать классический танец элементами движений из грузинских народных танцев *самайа, картули, хоруми, перхули*, включая их в балетные спектакли «Горда», «Синатле», «Лауренсия» и др. Однако классический танец в этих спектаклях не повторял народный, а был лишь обогащен его движениями. В балете по-новому зазвучала и в новом облике предстала национальная танцевальная основа. Так при слиянии обоих стилей – национальной пластики и классического балета – был создан новый балетный стиль народного танца.

Составной частью грузинского танцевального наследия стали жанровые городские танцы, присущие только Тбилиси. Это импровизированные мужские танцы *кинтоури, карачохули, шалахо и багдадури*, отражающие красочный колорит старого Тбилиси. Они возникли на основе грузинских танцев с переплетением танцевальных движений, характерных для разнообразных культур многих народов, проживающих в этом городе. *Карачохели* и *кинто* – это средний, ремесленный слой населения города, способный танцевальным языком создавать психологический автопортрет. В танце *карачохули* каждый исполнитель двигался с гордым взором и с чувством достоинства. Сама основа танца – скользкие движения ног. Спокойные и степенные танцевальные движения, отображающие характер *карачохели*, были соразмерны его жизненному укладу. Известен также танец *карачохели мухамбази*. Танец *кинтоури* – полная ему противоположность. Он такой же жизнерадостный и живой, как и сам кинто. В нем целый каскад различных движений, изобилующих прыжками и приседаниями гротесковой формы. В танце выразительна пластика рук, передающая быструю смену мимических образов: из-за изящно двигающихся перед лицом кистей рук выглядывает то лукавый взгляд, то озорство и юмор. Этот фрагмент танца напоминает смену древнегрузинских театральных масок (*сахиоба*). В танце как действующий элемент использовался пестрый платок *багдади*. Танец достигал апогея, когда танцор бросал на пол свой *багдади*, а затем, закинув руки назад и наклонившись, поднимал его с пола зубами. Музыкальным сопровождением служили народные инструменты *доли, дудуки, зурна, аргани*.

Изображения грузинских хороводов и плясок встречаются в миниатюрной и фресковой живописи. О них повествуют многочисленные зарубежные источники, исторические и литературно-поэтические памятники Грузии. О танцах упоминается в устной народной поэзии, в песенном фольклоре их образцы встречаются и в кинофильмах.

За последние десятилетия грузинский танец претерпел значительные изменения. Это стало возможно благодаря этнографическим экспедициям, начавшимся с 1930-х годов в самые дальние и неприступные горные места. Специалистами, хореографами и композиторами были обнаружены и записаны редкие народные песни и танцы, стали восстанавливаться многие уникальные образцы народного наследия. Хореографы обращаются к этим неиссякаемым ресурсам богатой палитры традиционного грузинского танцевального фольклора, к их выразительным приемам и жанровым особенно-

стям. Постановщики создают театрализованные зрелища в абстрагированной форме с определенным национальным стилем и с современным хореографическим мышлением.

ТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ СПОРТА⁷

Сведениями о древнейших спортивных традициях грузин нас снабжают археологические материалы, письменные источники и этнографические данные. Так, в «Аргонавтике» Аполлония Родосского сказано: «На состязаньях, когда по смерти царя на поминках спорят между собой борцы пешком и на конях, Здесь повстречали герои Эета полчища колхов» (*Аполлоний Родосский*, 1970). В источнике говорится о двух распространенных в Колхиде спортивных состязаниях – беге и верховой езде. На успехи грузин в воинских занятиях указывает свидетельство Диона Кассия о царе Иверии Парсмане II (Добродетельном) – 30–50-е годы н.э.): «Когда Парсман вместе с женой прибыл в Рим, Антоний Пий расширил ему владения, разрешил совершить жертвоприношение в Капитолии, велел поставить его конную статую на Ениалоне и наблюдал за его военными упражнениями вместе с сыном и другими знатными иберами» (*Ломоури*, 1966. С. 83). Сведения о средневековых спортивных упражнениях имеются в грузинских письменных источниках, согласно которым в царствование Тамары (XII в.) были популярны игры в мяч (Картлис цховреба, 1959. С. 61, 66–67; *Шавтели*, 1988. С. 322). По данным Картлис цховреба, лучшим из состязавшихся был супруг царицы Тамары Давид Сослан – он превосходил всех, будь то «лучник, наездник, пловец, иль (иной) состязающийся» (Картлис цховреба, 1959. С. 48). Из произведений поэта XII в. Мосе Хонели известно, что в Грузии были распространены разные игры и спортивные состязания: стрельба из лука, лахтаоба (командная игра с поясами-лахти), состязания в метании копья, конный спорт, охота, шахматы (*Хонели*, 1987. С. 321, 329, 338, 404, 485).

Физическое воспитание начиналось с ранних лет, чему способствовали детские игры. Грузинский писатель Акакий Церетели писал: «Столько разных игр не имеется почти ни у одного народа, и все игры эти безусловно таковы, что упражняют ум и тренируют тело». В качестве примера он приводит *буртаоба* – игру в мяч: «При игре в мяч глазам, ногам, рукам, голове, телу и всему (остальному) поровну прививается ловкость» (*Церетели*, 1980. С. 711–712). К числу подобных игр относятся *квис ацева* (поднимание камня), *лахтаоба*, *риктафела* (состязание в прицельном метании палки) и др.

Народные игры и развлечения развивали физические данные ребенка, выработывали ловкость, чувство равновесия и т.д. Например, в Гурии развитию ловкости служили различные упражнения: бег на определенное расстояние, до установленной границы, прыжки на одной ноге, бег в мешках и др. Вместе с возрастом ребенка увеличивалась и дистанция. Чтобы развить чувство равновесия, ходили по ветке дерева или толстой веревке. Глазомер тренировали, метая камни в цель (*квис дакудеба*). Лазание по деревьям или шесту (*чоки*) также способствовало физическому воспитанию. Испытанию силы служи-

⁷ © Н. Миндадзе

ли состязания в перетягивании рук, поднятие тяжелого камня, борьба *чидаоба* и др. (*Гогоберидзе*, 1980. С. 133).

Физическая тренировка детей не ограничивалась только подвижными играми. Она включала спортивные упражнения (например, верховую езду) и обучение владению разным оружием: луком, саблей и кинжалом, позднее – ружьем. Физические упражнения ставили целью военную подготовку юношей, особое значение придавалось им в горных районах, где мужчинам чаще приходилось отражать нападения врагов.

Физическое воспитание мальчиков в Грузии начиналось с 4–5 лет, а то и раньше. 12–13-летний юноша уже должен был хорошо владеть почти всеми видами оружия. «Хевсур сызмальства изучал военное искусство и упражнялся специальным сплетенным из прутьев щитом и деревянным палашом (*Бардавелидзе*, 1952а. С. 623).

В Мегрелии «стрельбе из лука детей учат с четырехлетнего возраста, и они так хорошо овладевают им, что попадают даже в летящую птичку», – писал французский путешественник XVII в. Ж. Шарден (*Шарден*, 1975. С. 119). Эти сведения подтверждают и известные памятники грузинской литературы XII в. «Витязь в тигровой шкуре» (XII в.) и «Амирандареджаниани».

Физическое воспитание ребенка было обязанностью мужчины, в основном отца. Например, система воспитания горцев была разделена на несколько этапов: до 4–5 лет ребенка воспитывала мать, затем за это дело брался отец, который с учетом возраста прививал ему трудовые навыки, тренировал физически; потом переходил на более сложные упражнения в разных природных условиях, вместе с подвижными играми учил «мудрости» поведения (*Элашвили*, 1989. С. 41).

Военным делом на высоком профессиональном уровне обязательно должна была владеть феодальная аристократия, поэтому для отпрысков знати были необходимы надлежащая подготовка к военному делу, тренировка, спортивные упражнения. В этом кругу физическим и военным воспитанием юноши занимался мужчина-воспитатель – *мамандзудзе*. Согласно автору «Жизни царя Вахтанга Горгасала» Джуаншеру (VIII в.) Вахтанг на воспитание отец отдал военачальнику (спаспету) Саурмагу; Вахтанг имел двух воспитателей: Саурмаг учил его военному искусству, тренировал физически, упражнял в разных видах спорта, а второй – епископ Микаел (Михаил) пекся о его духовном образовании (*Картлис цховреба*, 1955. С. 143; *Джавахишвили И.*, 1982. С. 150). Такая традиция укоренилась и в средневековой Грузии. У Давида Строителя были и духовный, и физический воспитатели (*Бердзенишвили Н.*, 1974. С. 59).

Представитель грузинской царской семьи, как и каждый грузинский воин, должен был владеть разными видами спорта. Подтверждением этого может служить главный герой «Витязя в тигровой шкуре» Тариел, который к 15 годам уже был хорош в верховой езде, охоте и разных состязаниях:

Отличался в состязаньях, достохвальное творя.
Потухали зверьи зори от стрелы моей удара,
Выходил я на арену, не гася охоты жара,
Задавал пиры я полный день-деньской хмельного пара...

(*Руставели*, 1988. С. 325–326)

Согласно «Нравам Грузии» царя Арчила (XVII–XVIII вв.), кроме игры в мяч и стрельбы из лука в Грузии были распространены разнообразные конные игры, а также *лахти*, фехтование, метание копья и др. (Арчил, 1996. С. 69). В поэмах XII в. «Витязь в тигровой шкуре» и «Амирандареджаниани» сообщается, что воспитатель должен был научить своего ученика всем мужским делам (*кацобриви сакме*) – «войне и ношению доспехов», «метанию лука», «стрельбе из лука», которые считались юношеским делом – *сачабуко сакме*.

Таким образом, по этнографическим, литературным и историческим данным физическая тренировка ребенка начиналась с 5–6 лет и продолжалась до 16–17 лет.

В XIX в. традиционным детским спортивным играм в домашних и духовных училищах обращалось достаточное внимание. В школах юноши «после чтения азбуки и писания выходили играть: первейшими их развлечениями были борьба (*чидаоба*), игра в мяч и *лахти*» (Мгалоблишвили, 1938. С. 34); игры устраивались и между классами и училищами (*Меунарциа*, 1954. С. 419). Грузинские педагоги старались внедрять в школах разные традиционные игры. «Грузинский ребенок, будь он мальчиком или девочкой, не приходил в школу с пустыми руками с точки зрения физического воспитания. Из дома в школу (будь она официальной государственной или домашней) он приносил с собой уже богатый опыт народного физического воспитания, знание бесчисленных народных игр, коим он научился благодаря играм со своими сверстниками и свободному времяпрепровождению. Дети, пришедшие в школу из разных сел и краев, несмотря на запрет (в то время в Грузии внедрялась новая система физического воспитания), знакомят и приобщают друг друга к своим играм. Благодаря этому указанные игры находили более широкую аудиторию» (Шеразадашвили, 1965. С. 23).

Физическому развитию подростков уделяло внимание также духовенство. Так, епископ Габриел Кикодзе, когда его назначили инспектором духовной семинарии, распорядился, чтобы «каждый день, после обеда и ужина во дворе семинарии проводились разнообразные спортивные игры, после чего оказалось, что уменьшилось число заболеваний и повысилась успеваемость» (Гогебашвили, 1940). В школах особенно популярны были игры в мяч (*Сахокия Т.*, 1955. С. 136).

Спортивные игры издавна устраивали во время религиозных праздников, в дни поминок, по воскресеньям или при разных сельских сборах. Состязания проводились как по индивидуальным, так и по коллективным видам спорта. Среди индивидуальных видов наиболее распространены были борьба (*чидаоба*), поднимание камня, а позднее – бокс (Мгалоблишвили, 1938. С. 2–3). Например, в одном из сел Месхети проводились соревнования по борьбе, бегу, метанию камня или поднятию/опусканию каменных глыб, тасканию деревянного чурбана, прыжкам, стрельбе из лука, джигитовке, боксу, а также по командным играм: игре в мяч (*буртобана*), прыжкам в высоту (*мхардаверда*) и др. Победителей награждали венком из сосновых веток (*Винме месхи*, 1882. № 217).

Каждый из регионов Грузии отличался своеобразным стилем борьбы. По сведениям Плано Карпини, на состоявшемся в XIII в. празднике монголы не простили победу над своими богатырями двум грузинским борцам и жестоко

наказали их (*Карпини*, 1942. С. 17). На одном из барельефов Алавердского собора изображен момент борьбы.

Состязание по борьбе проводилось повсюду по городам и селам, во время религиозных праздников или обычных собраний сельской молодежи. Народная традиция борьбы сыграла большую роль в формировании известных грузинских спортсменов. На народных традициях были воспитаны легендарные грузинские борцы Александр (Сандро) Канделаки, Коста Майсурадзе и др., которые в начале XX в. неоднократно добивались успеха на международной арене. Велика заслуга народных традиций борьбы в успехах грузинских борцов – олимпийских чемпионов и чемпионов мира – Гиви Картозия, Вахтанга Балавадзе, Левана Тедиашвили, Гурама Сагарадзе и др. Следует отметить, что в состязаниях по борьбе участвовали и грузинские женщины. Во второй половине XVIII в. в Квемо Картли борьбой занималась Анабаджи (Ана Баджиашвили) из Мухати, которая прославилась как неоднократная победительница знаменитых борцов; известно, что царь Ираклий II подарил ей серебряную саблю, а тбилисский ашуг Этим Гюрджи посвятил ей стихи.

По всей Грузии пользовалось популярностью поднимание тяжестей, в частности «наградного камня» – *саджилдао ква*. К искусству поднимания камня мальчиков приобщали с малых лет, с возрастом рос и вес камня. Состязания по подниманию наградного камня в основном проводились во время религиозных праздников и по воскресеньям; по преданиям, в них иногда участвовали и женщины. Народная традиция поднимания тяжестей также способствовала воспитанию чемпионов и призеров олимпийских игр Дмитрия Шанидзе, Георгия Асанидзе, Кахи Кахиашвили и др.

В Грузии бокс получил распространение позднее, однако стал подлинно народным видом спорта. Особенно популярным он был в городах, и соревнования проводились во время разных религиозных праздников, чаще всего в Фомино воскресенье и в дни *Берикаоба – Кееноба*. Состязались борцы из разных кварталов (*убани*) Тбилиси – Авлабара, Чугурети и др. Особой популярностью пользовался *хридоли* (поединок одной рукой). Под этим названием в 1993 г. объединилась группа лиц, изучающих грузинское боевое искусство, которая на сегодняшний день стала Академией грузинского боевого искусства, которая приобщает детей и подростков к разным видам традиционных поединков, включающих ударную и бросковую технику, а также владение традиционным клинковым оружием.

Грузинские мужчины и женщины мастерски владели разными видами верховой езды (*цхеносноба*). «Среди тех грузинских спортивных игр, основным назначением которых было обеспечение военно-физического воспитания, верховая езда занимала совершенно исключительное место» (*Читая*, 2001. С. 233). В Грузии были распространены скачки на длинные дистанции (*доги*, *марула*), *исинди* – состязания между группами всадников с использованием метательного копья (*исинди*), *джирити* (джигитовка), *тарчия* (соревнование четырех всадников за головной убор женщины (*мандили*), *чоганбурти* (разновидность конного поло), *кабахи* (стрельба на скаку из лука в цель, расположенную на высоком столбе), *ашпашаги* (стрельба на скаку из лука в мишень) и др.

О конных играх XVII в. имеются сведения Арканджело Ламберти (*Ламберти*, 1991. С. 89–90). Весьма любопытны зарисовки на эту тему Кристо-

форо Кастелли: «Стрельба из лука», «Кабахи», «Конное поло с ракеткой», «Кабахи в Кутаиси» и др. (*Кастелли*, 1976).

Мастерство джигитовки способствовало особой популярности гурийских наездников в Америке. В конце XIX в. гурийские наездники показали свое искусство верховой езды сперва в Англии (1892 г.), заслужив большое одобрение королевы Виктории, а с 1893 г. они на протяжении нескольких лет выступали в шоу Уильяма Коди (Буффало Билла) «Дикий Запад» и пользовались большой популярностью. Вместе с мужчинами в этом шоу участвовали две женщины-наездницы.

Разновидности верховой езды *доги*, *марула*, *кабахи*, *джирити* и другие были распространены как среди аристократических кругов, так и крестьянства. Особенно популярен был *доги* (скачки). «В дошедшем до нас виде они были слиты со связанными с покойником обрядами, но и в своем позднем виде они, несомненно, видятся древнейшим ритуалом» (*Робакидзе*, 1955а. С. 24). В Тушети в доги могли участвовать все мужчины-односельчане покойного и жители других сел. Скаковых лошадей готовили заранее. Место и маршрут скачки в селе были определены. На специально отмеченном месте воздвигалось знамя – *баираги*. Всадники собирались в группу на рубеже ристалища (*сарбеви*). Перед ними стоял старик, державший в руке палку. По его знаку всадники пускали лошадей вскачь. Пришедшему первым доставался флаг, второму – чаще всего тушинские *читеби* (вязаная обувь), третьему – вязаные носки и т.д. Затем устраивали *кабахоба*. Вместо *кабахи* чаще всего мишенью ставили хлеб или какой-либо другой предмет и стреляли в цель. Победителью доставалась мишень (*Макалатия*, 1983б. С. 185–187).

В Хевсурети доги в большинстве случаев проводились в связи с одним из праздников, посвященных памяти покойных. В этот день соревновались в стрельбе из ружья. «Родня всех усопших печет *самоне* (от *тони* – ружье, мишень) – тонкий и плоский хлеб. Его покрывают куском простой ткани и относят на определенное место, ставят поодаль друг от друга в снегу. В одном месте собираются односельчане, с собой у них ружья. По жребию начинается стрельба, кто попадет в *самоне*, хлеб и достается тому. Если на *самоне* стоит еще и награда, то и ее ему отдадут» (*Очиаури*, 1988. С. 130). Спортивные состязания проводились и во время свадеб. В Самегрело по традиции стреляли в цель на второй день свадьбы (*Макалатия С.*, 1941. С. 268).

Берикаоба – многодневный проводимый весной народный праздник, посвященный возрождению природы и аграрному культовому служению, никогда не обходился без разного рода спортивных состязаний и игр (*Рухадзе*, 1999. С. 19–78). Во время религиозных праздников или дней поминовения покойного (в Хевсурети) проводились спортивные соревнования детей. В горных регионах Грузии «в религиозный календарь годового цикла входили праздники, во время которых 8–12 летние дети (мальчики), юноши и достигшие средних лет мужчины под руководством главного слуги святилища проводили бег на дистанции с флагами и без них, метание камня на дальность, прыжки с высоты и т.д. Соревнования устраивались и по стрельбе из лука» (*Очиаури*, 1988. С. 130).

Скачки, *кабахи* и другие конные соревнования в Грузии издревле были очень популярны, особенно среди грузинской знати. Соревнования по верховой езде

аспарезоба проводились на религиозные и календарные праздники, во время свадеб, в ознаменование победы над врагом и т.д.

В Грузии XI–XII вв. проводились спортивные соревнования разного вида. Эти состязания очень похожи на западноевропейские турниры. Там проявляли себя лучшие юноши. Для состязаний готовились заранее, подготавливали боевую площадку, *сарбиели* (поприще, ристалище), договаривались о подборе оружия. Состязание всегда носило праздничный характер, на нем часто присутствовали представители царской семьи.

Интересно описание праздника *Пасхи* Вахушти Багратиони: в этот день проводили состязания – соревновались в разных традиционных спортивных играх: стрельбе из лука, попадании в кабахи (кубок), игре в мяч и др. (*Багратиони Вахушти*, 1973. С. 29–30).

Особенно популярной была игра в один из видов *цхенбурти* (от груз. *цхе* – лошадь, *бурти* – мяч), *чоганбурти* (*чогани* – ракетка). Эта была «игра двух противоборствующих групп, основная цель которой – забить мяч в *мака* (знаки, поставленные в концах игрового поля), а второй вид – состязание нескольких лиц в овладении и розыгрыше мяча. Этот вид спорта следует считать традиционным спортивным развлечением феодальной аристократии, однако его сравнение с другими народными играми дает основание считать, что этот вид спорта берет начало из народных игр и представлял собой не только развлечение, но и служил целям физического воспитания (*Робакидзе*, 1955а. С. 27).

Из числа командных игр была популярна *чакуноба* – игра, похожая на хоккей на траве с участием двух команд. Мяч для *чакуноба* делали из шерсти животного, клюшку из изогнутых в конце веток мелкого ореха, граната или туты длиной 1–1,5 м.

В Западной Грузии излюбленным развлечением было *лело*, напоминавшее регби. В нее играли на довольно обширном пространстве до 2–3 км. В *лело* играют квартал (*убани*) против квартала, село против села, холостые против женатых и т.д. Задача каждой из команд — донести мяч до лицевой линии противника и забить *лело*.

Довольно часто народные игры и развлечения были связаны с религиозными представлениями и входили в сферу культовых действий (*Робакидзе*, 1955а. С. 6). С этой точки зрения представляет интерес *курули* – борьба с быком, в основном распространенная в Западной Грузии. Видимо, первоначально *курули* имел сакральное значение и представлял собой составную часть религиозного ритуала, который в основном сохранился в Сванети, в частности им начинался цикл праздников великих богов *Уплаишиери*. *Курули* часто устраивали на Фомино воскресенье. В Самегрело *курули* проводили по воскресным дням: на сельской площади привязывали необъезженного быка, его дразнили два человека, а затем быка отвязывали и начинали с ним бороться: быка следовало одолеть, повалить и связать.

Навыки плавания были известны в основном населению приморских регионов и побережий многоводных рек. Исторические источники подтверждают, что искусство плавания с древности было распространено в Грузии (*Картлис цховреба*, 1959. С. 48). Было распространено несколько народных способов плавания: свободный, колхидский, абхазский, иберский и др.

Популярной среди грузинской знати была игра в шахматы. В грузинских письменных источниках шахматы упоминаются с XI в., в частности в переведенном Георгием Атонели произведении Василия Великого «Беседы на шестоднев» и в «Амирандареджаниани» Мосе Хонели. А. Ламберти рассказывает, что в Мегрелии женщины проявляли больший интерес к шахматам, чем мужчины (*Ламберти*, 1991. С. 89). Об этом свидетельствует и факт включения шахмат в состав приданого. Первым грузинским шахматистом, вышедшим на международную арену, был Андрей Дадиани – сын владетельного князя Мегрелии Давида Дадиани и Екатерины Чавчавадзе. Успехи грузинских шахматисток, чемпионки мира и призеры мировых первенств Ноны Гаприндашвили, Майи Чибурданидзе, Наны Александрия и других внесли весомый вклад в историю грузинского спорта.

Как отмечал А.И. Робакидзе, «Исторически сложившиеся народные, спортивные состязания и упражнения принимают своеобразную форму в соответствии с той культурной и этнической средами, в которых они развиваются. В результате в быту каждого народа постепенно накапливается значительный запас способов физического воспитания, который несет на себе своеобразный оттенок быта этого народа и входит в основной фонд его культуры. Часть вышеуказанного запаса настолько специфична, что становится возможным причислить ее к культурным особенностям того или иного народа» (*Робакидзе*, 1955а. С. 7).

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА⁸

Грузинская традиционная медицинская культура, сформированная на протяжении веков, является синтезом медицинского мышления и лечебной практики народа. Она объединяет самобытную эмпирическую медицинскую практику и освоенные народом знания древнегрузинской официальной медицины, с течением времени превратившиеся в народные медицинские знания. Археологические, этнографические, фольклорные данные, а также грузинские, античные и зарубежные письменные источники содержат важный материал о древнегрузинской медицине. В захоронениях бронзового века и последующих периодов были найдены трепанированные черепа. Рентгенопалеоантропологическое изучение костного материала из раскопок показало, что травмы лечили в Грузии в основном успешно (*Пирпилашвили*, 1956. С. 3–22). Народные целители Хевсурети делали трепанацию черепа до второй половины XX в. До недавнего времени для приготовления лекарств использовались керамические двухъярусные сосуды с изображением змеи (*Бурдули*, 2010. С. 69), аналогичные найденным в слоях VIII–VI вв. до н.э. (*Пирпилашвили*, 1989. С. 36).

Интересную информацию о древних медицинских традициях содержат грузинские и греческие мифы. В сказании об Амирани есть сведения о лечении растительными средствами, о том, как отыскать лечебные растения, выслеживая животных, о кесаревом сечении, практике искусственной инкубации недоношенного ребенка. Дочь царя Колхиды, Медея, героиня мифа об

⁸ © Н. Миндадзе

аргонавтах, владела тайной приготовления лекарств. С ее именем связывают этимологию слова *медицина*. Она выращивала лечебные растения в специально разведенном для этой цели саду (Орфическая аргонавтика, 1977. С. 107–108). Некоторые растения из сада Медеи, например, лавр (*Laurus*) и кизил (*Cornus mas*), широко применяются и сегодня в народной медицине. Согласно античным авторам, колхи и иберы для лечения употребляли безвременник (*Colchicum*), коренья ириса (*Iris*), дикий щавель (*Rumex aratizella*), борец (*Aconitum*), траву Прометея и т.д. (Латышев, 1896. С. 501–507; Аполлоновый Родосский, 1970. С. 222–223; Орфическая аргонавтика, 1977. С. 107–108; Шенгелия, 1970. С. 5). В «Естественной истории» Плиния Старшего есть сведения о том, что в Иберии сок укропа смешивали с медом для приготовления мази (Ган, 1884а. С. 112).

Известные в античной Грузии способы сбора, заготовки и употребления растительных средств вызывали интерес и в соседних государствах (Саакашвили, Гелашвили, 1956. С. 35). Сохранение этой традиции и в последующие эпохи подтверждается сведениями путешественников, миссионеров и ученых (Гильденштедт, Ламберти, Шарден, Гамба, Кох, Спенсер), которые уведомляют, что в Грузии для лечения употребляют мед (Ламберти, 1991. С. 94), лавр (Гильденштедт, 1962. С. 159) и др.

В средневековой Грузии успешно развивалась официальная медицина. Появилась рукописная литература: «Несравненный карабадин» (XI в.), «Книга медицинская» (XIII в.), «Лечебная книга» Зазы Панаскертели (XV в.), «Ядигар Дауди» Давида Багратиони (XVI в.); открывались медицинские школы и учреждения. В медицинскую литературу Средневековья, объединившую знания цивилизованного мира того времени, вошли и элементы грузинской народной медицины. Традиционная грузинская медицинская культура объединяет две медицинские системы: натурмедицину и религиозно-магическую медицину. Первая подразумевает народные воззрения грузин о сущности, этиологии, природе и характере заболеваний и рациональную лечебную практику, вторая же – мистические представления о заболеваниях и их лечение религиозно-магическими средствами.

Грузинская народная медицина признает три состояния человека: состояние здоровья – физического и душевного, болезнь – отклонение от нормы и промежуточное – расстройство здоровья, когда человек «не болен, но и не здоров». Классификация заболеваний происходила по следующим признакам: по форме (острая, легкая), по органам (печень, желудок и т.д.), по свойствам: заразные (контагиозные), эпидемические, *сахади* (вырабатывающие иммунитет) и др. В Грузии также различали типы заболеваний: приобретенные, врожденные и наследственные (физические недостатки: хромота, слепота, эпилепсия и др.).

В традиционной медицине болезни рассматривались главным образом в соответствии с их симптомами, на что и указывают их наименования: краснуха, желтуха, лихорадка и др. Слово «боль» употреблялось в названиях тех болезней, главным симптомом которых считали болезненные ощущения в различных частях или органах тела: головная боль, боли в желудке, боли в печени. Некоторые термины отражают представления о причинах заболеваний. Например, народное название злокачественной опухоли – *ку* (черепаша) и *кибо* (рак), поскольку считалось, что причиной

этой болезни была попавшая в организм человека живая тварь – черепаха или рак.

Различали формы распространения заболеваний: капельная, воздушно-капельная, воздушная. Одновременно причинами ряда внутренних, инфекционных, нервно-психических заболеваний считались неправильный режим питания, нездоровая пища, внешние и внутренние инфекции, геоклиматические условия, физические травмы или психоэмоциональные напряжения, влияние лунных фаз. Одной из причин обострения нервно-психических заболеваний считали новолуние. Были накоплены определенные знания о влиянии геоклиматических условий на распространение заболеваний. Так, считалось, что малярия была вызвана дурным воздухом в болотистых местностях, а зоб – особыми свойствами воды. Сопоставление данных народной и современной медицины выявляет рациональность народного медицинского мышления, что обуславливало эффективность профилактики заболеваний и практики народного лечения. Охране здоровья населения Грузии служили также народная гигиена и санитария. Так, используемые в банях природные теплые и минеральные воды имели лечебное назначение. Были распространены разнообразные моющие средства: мыльный корень (*Saponaria officinalis*), солянка мясистая (*Salsola crassa*) и др., а из средств для мытья головы – *нацарцмендили* – вода, смешанная с золой, настой терна (*Hippophae rhamnoides*), отвар сливы-ткемалу (*Prunus divaricata*). Голову мыли также специальной глиной, которая распространена в основном в Западной Грузии. Один из видов такой глины (*аскани*) с 1980-х годов был внедрен в парфюмерное производство под названием «Аскана». Полезным для здоровья считалось носить одежду из льняных, шерстяных и хлопчатобумажных дмотканых материй. Так, в медицинской рукописи XI в. говорится о том, что прохладные льняные, полотняные и грубые шерстяные ткани уменьшают выделение пота и наделены лечебными свойствами (*Кананели*, 1940. С. 422).

Уклад жизни грузинского народа включал и профилактику болезней. Распространенные в том или ином регионе болезни определяли некоторые особенности быта населения. Так, поскольку почва и влажный климат Западной Грузии способствовали возникновению малярии, для жилья выбирали гористую местность, а дома строили из хорошо просушенной древесины, обильно употребляли в пищу перец и чеснок.

Народная система охраны здоровья была направлена в первую очередь на воспитание здорового потомства. По традиции особое внимание уделяли положению беременной женщины: ей ограничивали физические нагрузки, устанавливали особый пищевой режим. Кормление новорожденного материнским молоком считалось очень важным для здоровья ребенка, свободный режим кормления предопределял здоровую нервную систему ребенка. С целью профилактики гипертонических заболеваний весной прибегали к кровопусканию. Прививку оспы по методу инокуляции до XIX в. проводили преимущественно весной. К практике прививки оспы народные лекари Грузии прибегали с давних времен (*Иоселиани*, 1977. С. 143). Во время эпидемий применяли разные способы изоляции заболевших: в доме больного, в удаленных от селений специальных постройках и т.д.; бывали случаи переселения целых деревень. Все эти меры способствовали уменьшению смертности.

Медицинские инструменты

Хевсурети, XVIII–XIX вв.

© НМГ. ЭФ 14-1-с.и.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Солидную часть лечебных средств и методов грузинской народной медицины признает и современная медицина. К таковым относятся: массаж и иммобилизация при вывихе, иммобилизация перелома, первичная обработка раны водкой или кипяченой водой, остановка кровотечения солью, листьями или порошком из высушенных листьев некоторых растений: тысячелистника (*Achillea millefolium*), табака (*Nicotiana*), клевера (*Trifolium*). При сильном кровотечении применяли свернутую кровь, которая содействовала заживлению раны. Для заживления раны применяли растительные, животные и комбинированные средства. Особой популярностью пользовалась мазь, приготовленная из порошка тысячелистника, масла, меда и костного мозга коровьей голени. Тампоны с лекарством закладывали в глубокие раны при помощи льняной или конопляной веревочки.

В Хевсурети местные лекари умели производить трепанацию черепа. Для операции использовали самодельные деревянные и железные инструменты:

Продавец пивок

Худ. Д. Какабадзе, 1921 г.

Беридзе, Езерская, 1975

маленький нож, выполнявший роль ланцета, железный скобель, инструмент наподобие шпателя, пинцет. Поврежденный участок обрабатывали водкой, приостанавливали кровотечение, затем полностью удаляли поврежденную ткань и продолжали лечение, применяя мази, тампоны и т.д. В XIX в. практика трепанации была известна и в Сванети. По некоторым сведениям, сванские лекари прибегали и к методу аллопластики, т.е. вместо поврежденной кости вставляли металлическую, большей частью медную пластинку.

Народные лекари различали ожоги I, II и III степени, огневые ожоги и ожоги горячей водой. Для лечения в основном применяли жировые и комбинированные вещества. В состав самой популярной мази от ожогов входили какой-нибудь жир и воск. Гнойные заболевания кожи лечили подорожником (*Plantago major*), свербигой (*Bunias orientalis*), чемерицей (*Veratrum Lobellianum*), поджаренным луком или печеным яблоком; жирами: овечьим курдюком, свиным салом или же приготовленными на воске, разных жирах и растениях мазями.

Достоин внимания народный метод лечения подкожной опухоли *ку*: раскаленный плоский железный предмет, в основном лопату, держали над опухолью, не касаясь поверхности кожи, и таким образом подвергали опухоль сильному тепловому воздействию. При почечнокаменной болезни хирургические манипуляции проводили лекари – мастера отвода камней из мочеполовых путей. Сведения о таких манипуляциях встречаются в медицинских рукописях XI и последующих веков.

В народной медицине применяли широко известный в классической медицине метод – *Contraria contrariis curantur* (противоположное излечивается противоположным): вызванную простудой головную боль лечили теплом, а вызванную перегревом – холодными примочками. От головной боли также принимали отвар или настойку растений, имеющих антиоксидантное и успокаивающее действие: мяты (*Mentha*), валерианы (*Valeriana Officinalis*) и др.

Сильные головные боли, покраснение лица или учащенное сердцебиение считались симптомами повышенного артериального давления, при этом рекомендовалось кровопускание. Занимались этим цирюльники, как и удалением зубов.

Для лечения разных заболеваний широко применялись известные в современной медицине методы: ванны (грязевые, водные, сухие – из разогретых растений) при суставных заболеваниях; массаж – в случаях разного вида травм, маститов; бронхит лечили втиранием козьего жира, меда, уксуса,

водки; полоскания теплыми отварами назначались при зубной боли, ангине, при раздражении полости рта; насморк и боль в горле лечили ингаляцией – вдыханием горячего отвара белены (*Hyjscyamus niger*), дурмана (*Datura stramonium*); при болезнях уха закапывали подогретую водку и разные жировые вещества: топленое, подсолнечное и персиковое масло, прикладывали к уху соляную грелку и т.д.

В Лечхуми зафиксирован оригинальный метод лечения гнойного воспаления глаз: лекарь выворачивал веко, тонкой пластинкой из кремня делал надрез, выпускал кровь, смешанную с гноем, после чего боль утихала; затем лечение продолжалось ванночками и примочками из настойки розовых лепестков (*Cocelia*, 1985. С. 175–176). При различных раздражениях в глаз закапывали также и материнское молоко.

Для лечения заболеваний кишечника и печени самыми эффективными считались следующие растения: подорожник (*Plantago major*), тысячелистник (*Achillea millefolium*), девясил (*Inula helenium*), душица (*Origanum vulgare*), пустырник (*Leonurus quinquelobatus*), корни ежевики (*Rubus*), алтей (*Altaea*), дикий шавель (*Rumex*), барбарис (*Berberis*); для лечения почек – отвары шиповника (*Rosa canina*), кукурузных (*Rea mays*) волосков, сельдерея (*Apium graveolens*) и др.

Многие традиционные лечебные средства, пройдя испытание временем, используются в современной медицине. К таковым относятся мази «Колхури», «Фитомаль», «Турманидзе» и др. Некоторые идеи и приемы грузинской народной медицины носят отпечаток официальной медицины, в частности, в ней отражена концепция Гиппократова о ветрах (груз. *кари*). *Кари* имеем в некоторых названиях заболеваний напр., *кареби* (ветры – ревматизм), *цители кари* (красный ветер – рожа) и др. Популяризации медицинских знаний и повышению народной медицинской культуры способствовали представители духовного сословия и аристократии, составлявшие или переписывавшие лечебные книги. Автором одного из таких памятников XVI в. «Ядигар Дауди» является Давид XI, Дауд-хан (*Багратиони Д.*, 1985).

В грузинской народной медицине особое место занимает религиозно-магическая лечебная практика, к которой обращались в тех случаях, когда не были установлены причины болезни или лечение оказывалось неэффективным. Нередко причиной заболеваний считали дурной глаз (*ави твали*) – неведомую силу, взгляд человека, дух покойного, или же добрые силы – Всевышнего, ангелов, божеств, святых, которые могли не только покровительствовать человеку, но и наказать его, что большей частью выражалось в виде нервных расстройств. Народ верил, что добрые силы также посылали человеку заболевания, чтобы тот после исцеления начал служить им.

Болезни воспринимались как нарушение установленного в обществе порядка, причиной чего были злые духи, местопребыванием которых считались подземный мир, надземный мир и поднебесье, а в горизонтальном плане – территория за пределами социально упорядоченного мира; временем их активности считался период от захода до восхода солнца. У переболевших инфекционными заболеваниями вырабатывался иммунитет, поэтому считалось, что дети обязательно должны были переболеть ими, что рассматривалось как исполнение долга перед Богом.

Больной ребенок, к рубашке которого пришит амулет

Хеви, первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-61

Женщина с тремя ритуальными железными обручами *угели* на шее

Мтиулет, первая треть XX в.
Экспедиция Л.Б. Панек
© МАЭ РАН. № 3625-57

Ирреальная этиология заболеваний определяла дифференцированное использование религиозно-магических средств их предупреждения и лечения. Во избежание болезни носили разного рода амулеты; после утверждения христианства на смену языческим амулетам пришел крест, а магические символы и ритуалы были запрещены церковью. Тем не менее они полностью не исчезли, некоторые же из них приобрели христианское осмысление.

В Грузии часто прибегали к лечению заговорами. Поскольку болезнь воспринималась как живое, одушевленное существо, действия заклинателя были направлены против вызывавшего болезнь злого духа. Заговаривая некоторые заболевания, например, рожу или сибирскую язву, применяли одновременно и природные лечебные средства, которые упоминались в самом заговоре. Лечение заговариванием имело в основном психотерапевтическое воздействие и было особенно эффективным при сочетании с натуропатическим лечением. Ритуал «изгнания злого духа» в отношении больных, страдающих психическими заболеваниями, в равнинных районах Грузии большей частью исполнялся в церкви, а в горных районах Восточной Грузии (Хевсурети, Пшави) – в местных святилищах.

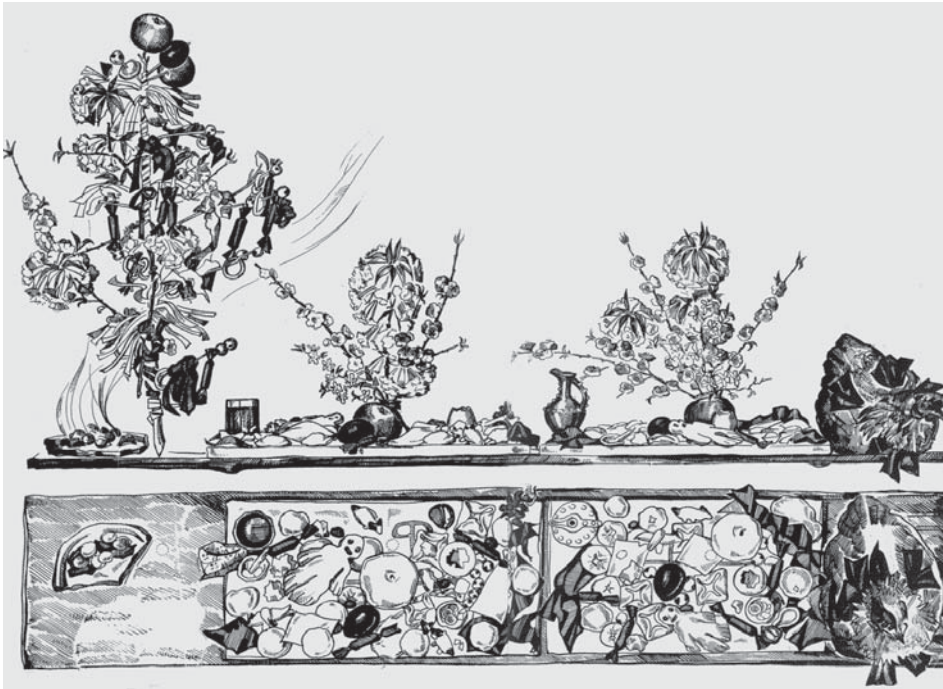
Болезнь, посланная в наказание, за прегрешения перед добрыми силами, рассматривалась как нарушение взаимосвязи между человеком и святилищем; соответственно, лечение было направлено на восстановление этих

отношений – посредством пожертвований и других действий. Религиозно-магическая лечебная практика особенно оправдывала себя при лечении душевнобольных. Причиной возникновения психических заболеваний считались, главным образом, прегрешения перед Богом и воздействие злых духов, и «лечение» было направлено на искоренение этих причин. В одних случаях целью ритуалов было изгнание злых духов, а в других – стремление угодить божеству. Методы психотерапии – гипноз, внушение и соответственно религиозно-магическое лечение в целом – имели позитивное влияние на состояние больного.

Древнейший культ детских инфекционных заболеваний, который в Грузии был связан с астральными верованиями, под влиянием христианства претерпел определенные изменения. Сложилась синкретичная система верований и обрядов. Согласно этнографическим данным XIX–XX вв., инфекционные заболевания, именуемые в Грузии господами, ангелами (*батонеби, англозеби*), посланы Богом, и человек раз в жизни должен переболеть ими, это его обязанность перед Богом. Вызывающие болезнь ангелы вселяются в избранного Богом человека. Покровительницей таких больных считалась св. Варвара (Барбаре), а в Восточной Грузии, в частности в Хеви – Иоанн Креститель. Народ верил, что умершего от такой болезни ангелы уносили в рай, поэтому в данном случае запрещалось демонстрировать свое горе. Св. Варваре и ангелам посвящались определенные обряды: комнату больного красиво убрали цветами, постель – цветными (красным) материями, специально для ангелов накрывали стол, ставили *базма* – свечи из мякоти грецкого ореха, каждый вечер пели особую колыбельную; запрещалось шуметь, плакать, готовить еду в комнате больного, шить, вязать; удовлетворялись все желания больного, поскольку его считали олицетворением ангела. Сохранились и архаичные ритуалы: так, мать обходила кровать больного, оголенной грудью касалась земли в знак почитания матери-земли. В Грузии во время эпидемий чумы и оспы по обету строили церкви и часовни в честь св. Варвары. Одна из церквей св. Варвары в Тбилиси была построена в конце XVIII в. именно по такой причине (Кавказ. 1884. № 273). Перечисленные обряды, связанные с инфекционными заболеваниями и исполняемые в честь ангелов, создавали спокойную атмосферу вокруг больного и положительно влияли на его состояние.

Традиционная медицина, исходя из наблюдений над этиологией, природой и характером заболеваний, над взаимосвязью окружающей среды с заболеваниями, ставила правильные акценты, а «теоретические» народные знания направляли лечебную практику на правильный путь. Эффективность лечения была обусловлена тесной связью народных лекарей с природой, знаниями лечебных свойств растительных, животных и минеральных веществ, использованием соответствующих психотерапевтических методов (гипноз, внушение) и т.д. Практика комплексного лечения испытанными на протяжении веков природными и религиозно-магическими методами подразумевала реабилитацию физических и психических расстройств больного.

Народная медицина представляла собой самобытную медицинскую культуру, которая была в состоянии воспринять и превратить в народную традицию элементы высокоразвитой медицины. Рациональность большинства лечебных средств и методов способствовала целенаправленному и эффектив-

Стол для *цители батонеби*

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1950-е годы

© ФЗЭНГ. Рис. 246–247

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ному использованию как природных средств, так и религиозно-магических обрядов и ритуалов. Традиционная медицина в разных районах Грузии имеет определенные особенности, обусловленные природно-климатическими условиями, разными формами традиционного быта, специфичностью систем обрядов и верований и т.п. Являясь органической частью общегрузинской медицинской культуры, традиционная медицина совместно с официальными лечебными учреждениями отчасти и сегодня служит охране здоровья населения. Ее популярности способствуют разные факторы, а жизнеспособность объясняется прежде всего рациональностью и эффективностью многих ее лечебных практик.

ТРАДИЦИИ НАРОДНОЙ ГИГИЕНЫ⁹

Народная гигиена – это комплекс санитарных правил, действующих во всех сферах семейного быта, в том числе нормы личной гигиены.

Письменные источники античной эпохи донесли до нас сведения о прекрасных садах Медеи и ее лечебно-косметической лаборатории (*Шенгелия*, 1980. С. 25; 1983. С. 13). Высокий уровень культуры гигиены грузинского народа подтверждают обнаруженные археологами бани античного периода

⁹ © К. Сихарулидзе

(Дзалиса, Армазисхеви, Мзорети, Урбниси и др.), которые строились по указаниям царей. Бани имели и гигиеническо-профилактическое, и лечебное назначение; здесь врачевали минеральными водами и грязевыми ваннами (*Джавахишвили*, 1946. С. 15). Примечательно, что в поэме «Витязь в тигровой шкуре» (XII в.) упомянута «баня с розовой водой». В последующие эпохи осваивались новые целебные источники – Цхалтубо, Ахтала, серные бани в Тбилиси, а также всемирно известные минеральные воды: Боржоми, Саирме, Набеглави, Уцера, Ликани и др.

Археологами в большом количестве обнаружен банный инвентарь (I–IV вв.), образцы косметических инструментов и посуды (II в.), в частности, *санелсацхебле* (сосуд для хранения ароматических масел и косметики), *перумарили* (питательная и тональная крем-паста), различные приспособления по уходу за кожей лица и тела, флаконы, бутылочки, перламутровая раковина, *илари* (набор из трех нанизанных на цепочку предметов – пинцет, ухочистка и зубочистка), *чопи* (палочка для нанесения грима), *мердинис сацери* (ситечко из тонкого шелка) и др. (*Читая*, 1980а. С. 42; *Сонгулашвили И.*, 1933. С. 150; *Апакидзе и др.*, 1955. С. 75–66; *Бохочадзе*, 1981. С. 22).

«Распорядок царского двора» (XIV в.) содержит упоминание посуды для мытья (ковши, таз), а также инвентаря для уборки помещения (в частности веника) (*Такайшвили*, 1920. С. 10–13). Заслуживает внимания термин *цацхви* (груз. веник), обозначающий придворную должность – буквально глава челяди, занимавшейся уборкой царских покоев и дворцовой территории. В каждой семье было несколько веников: для подметания дома (*бостнис*), двора (*пичхис*), марани и коровника, хлева (*марнис*, *бослис*). Примечательно, что в «Распорядке царского двора» (XIV в.), среди даров упоминается «веник *гареджийский*, а также кожаный веник для чистки ковров» (*Такайшвили*, 1920. С. 102).

Заслуживает внимания существовавшее в Грузии правило карантина. Так, в г. Уплисцихе (IV в. до н.э.) гостя сперва помещали на определенный срок в специальное помещение для прохождения карантина, и только после этого впускали в город. Кроме того, желающие войти в город были обязаны оставлять лошадей и обоз за пределами города, дабы не занести какое-либо заболевание (*Саникидзе*, 1987. С. 10). Еще в V в. грузины в Палестине построили гостиницу, где были выделены помещения для мытья ног и для трапезной (*Март*, 1896. С. 14–15).

В Самегрело существовало правило *кучхи обонис* (обмывание ног): прежде чем войти в город, каждый был обязан вымыть ноги в реке, чтобы войти в город чистым. По указанию царя Давида Строителя была построена лечебница, отличавшаяся тщательным соблюдением гигиенических правил. За их выполнением следил сам царь (*Джавахишвили И.*, 1946. С. 65). Также историк Давида упоминает *чурчели сабанели* (посуда для купания) (*Месхиа*, 1981. С. 65).

В быту существовал строго установленный режим гигиены тела: ежедневный, еженедельный, праздничный. В старину у большинства сельских жителей во дворе воды не было. Для соблюдения процедур личной гигиены и других семейных нужд использовали колодезную, родниковую, дождевую и речную воду.

В фольклоре сохранилось народное поверье об особой пользе для ухода за волосами дождевой воды, собранной в день 7 мая. Считалось, что

такая вода способствует густоте, красоте и росту волос. В этот день в Грузии устраивались празднества в честь св. Елиа (божества грома, молнии и дождя) (*Сахокия*, 1987. С. 10).

В большинстве уголков Грузии основным средством обеспечения семьи водой были источники *цкаро*. Часто их называли по фамилии обустроившего источник: напр., *Орбелианис цкаро*, *Чолокашвилис цкаро* и др. Некоторые из них функционируют и сегодня. Известны факты, когда в селах имелись также лечебные источники; например, Муни в Кахети, Нуниси в Имерети, Царицы Тамары (Целительницы) в Пшави, родники, «придающие красоту» и др. Заслуживает внимания *латме* – каменный бассейн, устраиваемый около источника, поделенный на три части: для питья, для стирки и для водопоя скотины. Во многих селениях для повседневных нужд (купанье, стирка) использовали речную воду. Рано утром, до выгона скота на водопой, брали воду для питья, очищая ее углем. По народным представлениям, уголь не только очищал воду, но и изгонял из нее злых духов. Народ внимательно следил за соблюдением чистоты возле источников и рек: запрещалось бросать в воду мусор и нечистоты.

В области семейной гигиены главное место занимала стирка. Как стиральное средство использовали специальную глину, которую употребляли также для мытья волос – *тавсабани мица* (моющая земля) и *нацарцмендили* (настоенная на золе вода). Со стиркой был связан ряд запретов: нельзя было стирать и развешивать белье в праздничные и постные дни, ночью и т.д.

В бедных семьях для мытья тела пользовались *гоби* – большим деревянным корытом; в зажиточных семьях имелась различная посуда (для купания взрослых, для купания детей, для стирки). Одним из ранних источников, где упомянута емкость для купания, является письменный памятник XIII в. «Цигни саакимой» (Книга медицинская): «Гоби, емкость наподобие бадьи»; «В бане можно сесть в *гоби* по пояс» (Книга медицинская, 1936). В зажиточных семьях в качестве емкости для купания использовали и медный таз.

При соблюдении гигиенических процедур обращали внимание на дни недели. Как считалось, каждый день недели оказывал определенное влияние на здоровье и судьбу человека. Все члены семьи без исключения мыли тело и голову раз в неделю, в основном в субботу (чтобы встретить воскресенье «очищенными»). Согласно народным представлениям избегали купаться и подстригать ногти в понедельник, так как это предвещало какое-нибудь несчастье.

Особое внимание уделялось гигиене ног; после тяжелого физического труда теплая вода помогала снять с натруженных ног усталость. Молодые женщины удаляли волосы на ногах пламенем свечи или тлеющей лучиной. Для смягчения трещин и огрубевшей кожи использовали мази, приготовленные на основе жира свиньи, овцы, коровы, козы, а также *зетсантела* (мазь из пчелиного воска и оливкового масла); в качестве средства против обморожения использовали траву *цераква* (овсяница) (*Давитиани*, 1942. С. 10; *Сихарулидзе*, 1990. С. 20). Широко использовали пемзу для отскабливания натоптышей на стопе (*Шатберашвили*, 1975. С. 382). Пемза упоминается даже в списках приданого (*Гришашвили*, 1986. С. 55; *Иашвили*, 1974. С. 37–126, 223).

Усы, бороду и лицо мужчины мыли трижды в день – утром, после обеда и вечером перед сном. Усы закручивали влажной рукой, придавая им опре-

деленную форму. Бороду расчесывали гребешком. В канун праздника уважающий себя мужчина накладывал на концы усов специальную повязку – *улвашкри* (длинный кусок ткани). Мода на густые, длинные, заложенные за уши усы бытовала среди представителей высших слоев общества: их называли *улвашбатони* (господин-усы) (*Церетели*, 1989. С. 410). Сбрить усы, которые являлись символом совести, достоинства и чести мужчины, считалось большим позором. Известен обычай класть покойнику в гроб сбритые усы. Мужчина старше 50 лет свою значимость подчеркивал удлиненной бородой; форма прически и бороды указывала на ремесло, социальный статус мужчины. Рабочий человек волосы и бороду стриг коротко, пастух носил длинные волосы и бороду, пахарь – короткие волосы и бороду; богач, который внимательно следил за своей внешностью, носил длинную бороду.

Бедные слои населения, крестьяне, стриглись дома при помощи *дукарди* (большие ножницы). В быту прочно укоренился институт *мосиаруле далаки* (бродячий цирюльник). Крестьяне платили ему за работу 1–2 литры (около 1 кг) пшеницы или кукурузы в год. Согласно историческим источникам, далаки обучались профессии в городе у старшего цирюльника (*Багратиони И.*, 1975. С. 18).

В числе гигиенических правил уход за волосами занимал одно из важнейших мест. Этот процесс имел не только гигиенический, но и эстетический, а часто и религиозно-магический характер. Уход за волосами подразумевал как различные виды причесок, так и правила покрывания головы (*Беселия*, 1976. С. 30). Замужние женщины были обязаны ходить с покрытой головой. Гигиена волос охватывала процессы мытья, окрашивания и лечения. Голову мыли раз в неделю, в основном по вторникам и четвергам, поскольку эти дни считались счастливыми.

Из «простых» средств для мытья волос были известны *нацарцмендили*, *марицкали* (соленая вода), *чачис капи* (пена, образовавшаяся при перегоне водки из виноградных выжимок), *махохи* – «кисель» из отрубей, заквашенных на дрожжах и выщедки кислого теста, *ткемали* (отвар кислой сливы), молочные продукты (мацони, сметана, сыворотка).

Использовали и более сложные средства для мытья волос: мыло (*сапони*, *кумна*) и *тавсабани мица*. В Грузии мылом пользовались с давних времен. Это общее название тех гигиенических средств, которые готовили из разного сырья: трав, глины; жира птиц и животных. Мыло было двух видов: для лица (туалетное) и для стирки (хозяйственное). Существовало несколько способов приготовления туалетного мыла: на основе жира домашних птиц готовили яичное, свекольное, мятное и тыквенное мыло. Мыло для стирки в основном делали на основе жира крупного рогатого скота. При изготовлении мыла использовали травы, обладающие способностью пениться: дряква, мыльный корень, курослеп, солянка мясистая, грыжник и др. (*Сихарулидзе*, 1990. С. 30; *Макашвили*, 1961). Варили мыло и в тбилисских банях; оно было важной частью приданого (*Гришашвили*, 1986. С. 56; *Мачабели*, 1976. С. 40).

К сложным средствам мытья волос относится *тавсабани мица*, известная в литературе как *гумбрин* (от с. Гумбра в Западной Грузии, одно из мест добывания этой глины). Глина с подобными качествами встречается по всей Грузии; она бывает белой, красной и синей. В основном ее готовили в домаш-

них условиях, а торговцы разносили по деревням и городам. Способ приготовления был следующим: небольшое количество глины растворяли в воде до получения кашеобразной массы, которую в виде среднего размера катышков или брикетов сушили на солнце. Перед мытьем брикет растворяли в воде (иногда в вине) и вспенивали. *Гумбрин* придавал волосам блеск, уничтожал перхоть и способствовал укреплению волос.

При уходе за волосами важным моментом считалось окрашивание. В основном волосы красили в золотистый и красный цвета, реже – в коричневый и черный; в последнем случае использовали сок плодов черной бузины и отвар листьев мушмулы и персика. Для окрашивания волос в золотистый цвет брали отвар цветов и стеблей ромашки, в коричневый – сок или отвар крапивы, а также *цэнго/ленджо* (зеленая оболочка грецкого ореха и ее сок). Волосы также красили хной (*Lawsonia inermis*) и садовой хной (*Balsamina hortensis*).

Пурис гакетеба (букв. делание лица) в народе понимают как комплекс процедур: умывание, очищение кожи, нанесение крема (питательного, отбеливающего, лечебного) и удаление растительности. Издревле распространенное в Грузии понятие *менелсацхеблоба* (искусство приготовления благовонных смесей) по своему содержанию соответствует термину «косметика». Готовили ароматические смеси (*нелсацхебели*) обычно из таких веществ, как: елей, росный ладан, медовка/нарди и др. (*Месхиа*, 1981. С. 158). *Нелсацхебели* использовали преимущественно представители высших кругов, либо весьма состоятельные горожане. Большинство женщин для ухода за кожей лица в основном использовало косметические мази собственного приготовления. Фактически во всех уголках Грузии умели готовить разнообразные мази: питательные, лечебные, очищающие на основе растительных либо животных жиров. Почти все женщины пользовались очищающими мазями, поскольку они выполняли и функцию мыла, а питательный крем использовали в зависимости от состояния кожи (жирной или сухой).

Делали также очищающие косметические мази: *сачирке* (против гнойной сыпи) и *сачучке* (для удаления загрязнений). *Сачирке* готовили из смеси сухой измельченной яичной скорлупы и воды или растительного (предпочтительно оливкового) масла. Для очищения лица и избавления от веснушек использовали сок черенков виноградной лозы, сок незрелого винограда, пену с отвара белой фасоли и др. Среди питательных средств широкой популярностью пользовались очищающие смеси, приготовленные на основе миндаля, пшеничных отрубей, пшеничной муки; сравнительно реже использовали плоды облепихи и барбариса. Со временем широкое распространение получило также наложение на лицо овощных «масок»: измельченной капусты, петрушки, моркови. Древним и широко распространенным эффективным косметическим средством были белила и румяна (*пер-умарили/спети*), которыми пользовались все слои населения. Об этом средстве говорится в поэме «Витязь в тигровой шкуре». *Пер-умарили* готовили в домашних условиях или же покупали у торговцев; это средство часто упоминается в перечне приданого (*Иашвили*, 1974. С. 40; *Гришашвили*, 1986. С. 20). Согласно народной характеристике, *пери* подобен помаде и мог быть использован также для подкрашивания губ. Хранили *пери* в сухом виде в марлевом мешочке. Перед употреблением марлю увлажняли, складывали в виде тампона и наносили на

верхнюю часть лица. *Пери* хорошо растворяется в воде, окрашивая ее в ярко красный цвет. *Умарили* готовили двумя способами: с кальцием и ртутью в виде раствора или порошка белого или розового цвета. Умарили употребляли как вместе с *пери*, так и без него (Материалы по истории кустарного промысла..., 1979. С. 15).

В народном быту использование зеркала фиксируется редко, поскольку большая часть населения его не имела. Роль зеркала обычно выполняла стоячая вода. Согласно дошедшим до нас сведениям, зеркало было обязательным предметом приданого девушки дворянского происхождения. Чрезвычайно редки случаи, когда зеркало давали в приданое дочери зажиточного крестьянина (*Иашвили*, 1974. С. 10; *Гоциридзе*, 1985).

Волосистой покров на теле женщины считался косметическим дефектом, поэтому обычно волосы и пушок удаляли с лица, что в Картли и Кахети называли *пирис гакетеба*, в Раче – *дабагва*, в Гурии – *гамокна* (*Сихарулидзе*, 1990. С. 10). В быту зафиксировано несколько способов избавления от растительности. В некоторых районах Картли существовали даже специальные женщины – *пирис мкетебели* (букв. делающие лицо), которые занимались удалением волос; свое ремесло передавали по наследству детям. За труд они получали вознаграждение в виде фруктов или еды.

В Западной Грузии была традиция окрашивания бровей и ресниц при помощи *гунда-лахостаки* (антимон, «камень» для окрашивания бровей и ресниц) (*Цуладзе*, 1976. С. 150; *Ломтатидзе*, 1942. С. 40). Согласно С.-С. Орбелиани, это «красильный камень для окрашивания бровей». Бытовало мнение, что подкрашивание глаз естественными средствами улучшает зрение. Х. Кастелли отмечает, что у грузинок «длинные и нарисованные» брови (*Кастелли*, 1977. С. 75).

Большое внимание уделяли уходу за зубами. В народе хорошо ухоженные зубы считались залогом здоровья. Зубы чистили тонко измельченной солью, углем, золой, зернами *гоми* (*чумиза*), измельченными косточками кизила и др. (*Ломтатидзе*, 1942. С. 10). Все эти средства отбеливали зубы, укрепляли кровоточащие десны. После еды было принято полоскать рот водой или вином. В грузинских медицинских книгах можно найти упоминание множества средств такого же назначения. Что касается зубной щетки, она входит в обиход со второй половины XIX в. В более ранние эпохи зубы чистили чистой тряпочкой или деревянной зубочисткой. С этой же целью использовали заостренное гусиное перо (*Ломтатидзе*, 1942. С. 15). В высших кругах пользовались зубочисткой, которая входила в набор *илари* (*Сонгулашвили И.*, 1933. С. 150–156; *Беселия*, 1974. С. 60–64; *Читая*, 1997. С. 240).

Большое внимание уделяли чистоте жилого помещения и двора, особенно перед субботой, так как согласно народным представлениям, ангел-хранитель дома по субботам обходил своих «подопечных». В понравившемся дворе он задерживался – отдыхал, принося с собой достаток и счастье, а хозяев неухоженного двора проклинал. Особенно тщательно убирались накануне всех календарных и религиозных праздников: в доме чистили каждый уголок, всю утварь, устраивали большую стирку, перемывали всю посуду. Обычно пол в жилом доме подметали два раза в день – утром и вечером, а двор один раз – утром.

Приемы восточного массажа
Тбилисские серные бани, начало XX в.
© РЭМ. № 13-241/13

Большая часть населения в качестве постельного белья использовала пеструю ткань, преимущественно ситец. Согласно сведениям путешественников, в XVIII в. в Кахети и Картли пользовались тюфяками и подушками (*Гильденштедт*, 1962. С. 252). В старину неимущее население использовало набитые сеном тюфяки и шкуры; накрывались сшитыми из пестрых лоскутов одеялами. В Восточной Грузии зажиточные крестьяне и дворяне для одеял и тюфяков использовали овечью шерсть, в Западной Грузии – вату. Раз в год, в жаркий летний день было принято проветривать постель. Шерсть стирали один раз в 4–5 лет. Систематически подметали чердак, чистили хозяйственные строения.

Нормы гигиены обязательно соблюдались во время замешивания теста: женщина закрывала платком волосы и рот, чтобы в тесто не попала слюна либо волос; руки мыли теплой водой по локоть, специально очищали инвентарь и помещение пекарни.

В домашнем быту особое внимание уделялось туалету, который в народе назывался *пехсадгили* (отхожее место)/*чечма*/*черчма*. Он представлял собой несколько приподнятое над выгребной ямой деревянное строение с крышей и дверью. Туалет устраивали вблизи дома во дворе, в укромном уголке. С.-С. Орбелиани это строение называет *авхана*, *авхана-санеште* и считает его частью жилого строения (*Орбелиани*, 1966). Термин *авхана* встречается в медицинской книге XIII в. (*Книга медицинская*, 1936. С. 40). В Картли наряду

с *пехсадгили* зафиксирован термин *зарулу* – помещение из плетня, получившее название по аналогии с плетеной постройкой для хранения початков кукурузы (*дзари/зари*). В районах с богатыми водными ресурсами туалеты устраивали так, чтобы они нависали над проточной водой, или же их строили в русле реки, вблизи берега, на деревянных сваях (*бокони*). Во время раскопок поселений, монастырей и т.д. в разных регионах Грузии археологи обнаруживают *пехсадгили* (*Гаприндашвили, 1959. С. 25; Мивениерадзе, 1955. С. 15; Бохочадзе, 1981. С. 10; Мелитаури, 1970. С. 76; Джоджуа, 2004*).

Для городского быта особенно характерны бани (в том числе серные). В банях, помимо гигиенических и лечебных процедур, проводили и косметическую обработку лица: выщипывали и красили брови, красили ногти и волосы, наносили на лицо *пер-умарили* (*Беридзе Т., 1980. С. 20*). Многие банщики (*меабаноз*) были прекрасными массажистами и костоправами (*Орбелиани, 1966*).

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ЛИТЕРАТУРА¹

Началом грузинской литературы признан IV в. В древнегрузинской литературе сформировалось и развилось несколько жанров, из которых с художественной точки зрения выделяются агиография и гимнография. В IV–V вв. на грузинский язык уже были переведены библейские книги.

Образность их языка, наряду с богословским назначением, создает основу их художественности. С точки зрения художественной ценности в грузинской литературе следует отметить агиографические сочинения Якова Хуцеси, Иоанэ Сабанисдзе, Степанэ Мтбевари, Басила Зарзмели, Басила Асикрита, Георгия Мерчуле, св. Георгия Мтацминдели (Святогорца), Георгия Мцире и др. Грузинская агиография отличается от византийской, которая не отражает национального феномена и имеет беллетристический характер. В формировании самобытной грузинской агиографической литературы главную роль сыграли традиции национальной литературы; она богата выразительными и изобразительными средствами с превалированием национальных мотивов. Грузинская агиография и гимнография по праву признаны литературой, богатой замечательными образцами произведений, отражающих связанные с христианской религией явления, что свидетельствует о высоком культурном уровне и интеллектуальном потенциале грузинского народа.

Зарождение грузинской художественной литературы связано с именем Якова Хуцеси (Цуртавели) – священником-духовником Шушаник и его агиографическим сочинением «Мученичество Шушаник» (476–482). Сочинение о Шушаник Якова Хуцеси композиционно состоит из двух частей: первая отражает сложный и динамичный процесс превращения царицы Шушаник в мученицу, когда она предстает в лике святой, наделенной духовной силой и возвысившейся благодаря своему самопожертвованию во имя веры Христовой; вторая часть повествует о совершенстве и трудах великомученицы. В сочинении противопоставлены два образа – св. Шушаник и ее супруга, вероотступника Варскена. Основой противостояния является «безрассудное» поведение Варскена, предавшего семью, веру и свой народ, и три ипостаси страданий царицы: личная, вероисповедальная и национальная.

¹ © Н. Сулава

К середине VI в. относится агиографическое сочинение анонимного автора «Мученичество св. Евстафия Мцхетели», повествующее об истории обращения в христианство молодого персиянина и о его преданности вере. Личность и характер Евстафия определяются его пытливым разумом и духовностью.

Главным событием в культурной жизни Грузии VI в. был приход ассирийских отцов, заложивших основу монастырской жизни. Они развернули широкую миссионерскую деятельность по распространению в стране христианства, возводя в разных краях церкви и монастыри и проповедуя учение Христа. Об их деятельности повествуют «Жития» св. Иоанэ Зедазнели, св. Шио Мгвимели, св. Давида Гареджели, «Мученичество св. Абибо Некресели», написанные в X–XI вв. Св. Шио Мгвимели был писателем; до нас дошли два сочиненных им песнопения – в честь Пресвятой Троицы и Пресвятой Богородицы, отражающие триадологические и мариологические догматы христианского богословия.

В грузинской агиографии сохранилось сочинение, главными персонажами которого являются дети – «Мученичество девяти св. отроков колайских», признанное оригинальным грузинским произведением. Произведение Иоанэ Сабанидзе (786–790) «Мученичество св. Або Тбилели» представляет собой проповедь национального вероучения в Грузии описываемой эпохи; в ней определены общая суть святости, общественное значение заслуг христианских святых. В IX–XI вв. было создано несколько агиографических произведений в поджанре мученичеств, в частности: «Мученичество св. Константина Кахи», «Мученичество Микэл-Гоброна» Степанэ Мтбевари, «Мученичество Давида и Константина», «Мученичество царя Арчила». Во всех этих сочинениях на передний план выдвинут национальный мотив.

Начиная с IX в. появляются и «Жития», например, «Житие св. Серапиона Зарзмели» Басила Зарзмели, повествующее о социально-политической, культурной обстановке, монастырской колонизации Самцхе, возникновении Зарзмского монастыря, житии его основателя Серапиона Зарзмели, деятельности в его стенах монахов и иноков.

Особо следует отметить заслуги св. Григола Хандзтели как предводителя и духовного пастыря грузинского народа, описанные Георгием Мерчуле. В основе всей деятельности св. Григола лежит «духовное бодрствование», забота о «новой ипостаси» грузинской церкви и грузинского народа. Им построен в Хандзта (историческая область Кларджети) монастырь в честь св. Георгия. С учетом двух направлений восточнохристианской церкви – богослужебных традиций иерусалимско-сабацминдской и константинопольской – св. Григол разработал устав специально для грузинской церкви. Писатель X в. Георгий Мерчуле в своем агиографическом сочинении «Житие св. Григола Хандзтели» (951 г.) ставит целью сохранить в памяти потомков деяния и вклад преподобного Григола и его учеников на поприще укоренения христианского вероучения в Грузии.

«Житие св. Илариона Картвели (Грузина)», известное в нескольких редакциях, повествует о деятельности в IX в. блаженного Илариона в Грузии и Византии. Это первое произведение, в котором нашла отражение идея избранности Грузии Пресвятой Богородицей. В X в. с горой Синай и Сабацминдской лаврой связана деятельность Иоанэ Зосимэ, Басила Сабацминде-

ли, Филипэ, Георгия. В «Годичный Иадгари» (Тропологий), составленный в Шатбердском монастыре Микаэлом Модрекили, вошли песнопения гимнографов X в.: Иоанэ Минчхи, Иоанэ Конкозисдзе, Иоанэ Мтбевари, Степанэ Сасаноисдзе-Чкондидели, Эзры, Курданая. Редакции «Обращения Картли» и «Жития св. Нино», первый вариант которых относится к IV в., одновременно представляют собой литературно-исторические произведения, повествующие о распространении в Грузии христианства и его провозглашении государственной религией.

В функционировавших на территории Грузии и за ее пределами в X–XI вв. грузинских монастырях широко развернулась переводческая деятельность. В указанный период Иоанэ Мтацминдели и Иоанэ-Торникэ основали на горе Афон грузинский монастырь и богословско-литературную школу, о чем поведал св. Георгий Мтацминдели в агиографическом сочинении «Житие и гражданство св. Иованэ и св. Евфимия», заострив внимание на личностных достоинствах преподобного Евфимия, переведшего с грузинского на греческий сочинения «Балавари» и «Абукура». Образ св. Евфимия и его трудов раскрывается в двух направлениях: практическая деятельность как настоятеля монастыря и писательско-переводческая деятельность.

Видным представителем афонской школы является св. Георгий Мтацминдели – писатель, переводчик, церковный деятель, с именем которого связано возрождение грузинского монастыря на Афоне, урегулирование литургического распорядка, отстаивание автокефалии грузинской церкви перед патриархом Антиохии и реформы грузинской церкви. Он составил объемный сборник песнопений «Твени» (Минеи), «Параклитон» и другие гимнографическо-литургические сборники. Гиоргий Мтацминдели в «Житии св. Георгия Мтацминдели» Георгия Мцире предстает продолжателем традиций св. Евфимия Мтацминдели, носителем общехристианских идей, идеи национально-культурной самобытности.

В XI в. на Афоне и в Константинополе творили гимнографы Басили Багратович Мтацминдели, Эзра и Зосимэ Мтацминдели, писатель и переводчик Теофилэ Хуцесмоназони. Давид Тбели, св. Евфимий Мтацминдели, св. Георгий Мтацминдели, св. Ефрем Мцире, св. Арсен Икалтоэли, Иоанэ Петрици перевели с греческого на грузинский и сопроводили комментариями сочинения выдающихся представителей каппадокийской и других византийских богословских школ IV в. – св. Василия Великого (Каппадокийского), св. Григория Носели, св. Григория Богослова (Назианзина), св. Иоанна Златоуста.

Известным церковным деятелем XI–XII вв., богословом, писателем, переводчиком, наставником Гелатской (Имерети) и Икалтойской (Кахети) академий, духовником царя Давида IV Строителя (Агмашенебели) являлся Арсен Икалтоэли – автор метафрасной редакции «Жития св. Нино», ямбических (*ямбико*) и хвалебных стихов и эпитафии Давида Агмашенебели; он перевел на грузинский язык сборник песнопений «Догматикон», «Великий Номоканон» св. Андрея Критского, записал завещание Давида Строителя Шиомгвимскому монастырю, составил распорядок Руис-Урбнисского церковного собора 1104 г.

«Галобани синанулисани» («Покаянные песнопения»), созданные грузинским царем Давидом Агмашенебели (1124 г.), отражают грешную природу человека и его жгучее желание очиститься от греха. Достойный преемник Да-

вида Агмашенебели – царь Деметр I – автор песни «Шен хар венахи» («Ты лоза виноградная») и четырех сатирических ямбов. Писательскую традицию грузинских царей продолжила великая царица Тамар, обогатившая грузинскую литературу двумя стихотворными произведениями.

Современниками Тамар были известные грузинские писатели: Николоз Гулаберидзе, Иоанэ Анчели, Чахрухадзе, Иоанэ Шавтели, гениальный Шота Руставели, Иоанэ Петрици. В Гелатскую богословско-литературную школу – Гелатскую академию Иоанэ Петрици привнес те идеи и дух, которые витали в тогдашних передовых кругах Византии и, в частности, в обновленной Константином Мономахом Манганской академии. Петрици стал зачинателем нового этапа в развитии грузинского теологического и философского мышления. Из его произведений до нас дошел поэтический перевод «Клемакса» Иоанна Синайского. Он внес большой вклад в формирование грузинской богословско-философской терминологии. Петрици выдвинул теорию языка научных понятий, или теорию высокого стиля, которую сам применял на практике.

В Грузии XII в. формируется светская литература, продолжается переводческая деятельность, в том числе светских произведений. Переведенная с персидского поэма «Висрамиани» является образцом переводческого искусства. Началом оригинальной светской литературы считается рыцарско-героический приключенческий роман «Амиран-Дареджаниани», созданный в последней четверти XII в., в котором сосуществуют дохристианские и христианские образы, представлены фольклорные и литературные мотивы, сказочные и реальные темы.

В образцах придворной хвалебной поэзии XII в. – «Тамариани» Чахрухадзе и «Абдул-Месиани» Иоанэ Шавтели – остроумным языком представлен образ Тамар, окрашенный риторическими орнаментами и метафорическим мышлением, восхваляются личностные достоинства и внешность царицы.

Поэма Шота Руставели «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре») – зеркало души и философии грузинского народа. В поэме отразилось историческое прошлое Грузии периода, предшествовавшего правлению царицы Тамар (1178–1213), современное поэту социально-политическое, экономическое, идеологическое и культурное положение страны. В поэме явственно проступает авторское видение того, каким должно быть будущее Грузии. В наше время «Вепхисткаосани» по-прежнему остается высшим мерилom национального самосознания. Феномен этот объясняется тем, что персонажи поэмы, по словам писателя и общественного деятеля Ильи Чавчавадзе (1837–1907), «созданы вослед общечеловеческой природе», а поэма в целом являет собой проекцию духовной жизни грузинского народа.

По своему жанру «Вепхисткаосани» – любовно-рыцарская и философская поэма, многоплановое эпическое произведение, в котором творчески переосмыслены достижения восточной и западноевропейских мифопоэтических, фольклорных и литературных традиций, античной философии и богословской литературы. Все это нашло свое отражение в развитии сюжета, композиции, в эстетических принципах создания художественных образов, в актуальности мотивов и мировоззренческих основах поэмы. Нравственно-этические нормы, лежащие в основе мотивации действий персонажей поэмы, в целом соотносимы с таким характерным для средневековой Европы социальным явлением, как институт рыцарства, хотя феномен грузинского

Фреска с изображением Шота Руставели
Крестовый монастырь в Иерусалиме, XII в.
© МЦХИПГ
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

рыцарства во многом отличался от западноевропейского. Поэма Руставели – одна из жемчужин сокровищницы мировой культуры. Поэма создана в Грузии, где сходились пути Востока и Запада, где встречались и сосуществовали различные культуры и традиции.

В периоды многочисленных тяжелых войн с иноземными захватчиками, стремившимися не только завоевать Грузию, но и ниспровергнуть саму ее основу, – православную веру, наряду с церковными песнопениями, национальной музыкой, танцами, песнями и другими формами грузинской духовной культуры, поэма Руставели и нравственные идеалы ее героев помогали сберечь национальный дух, интеллектуальные возможности нации. В старину в приданое невесте знатного рода давали, как величайшую драгоценность, рукопись поэмы, чтобы будущая мать воспитывала своих детей в героическом духе, на высоких идеалах Руставели, с малых лет внушая им желание творить Добро и нести в мир Любовь.

В 30-х годах XIII в. католикос Грузии Арсен Булмаисимидзе написал песнопения, посвященные нерукотворному образу Всевышнего, святому Шио Мгвимели и святой Нино. Его наследие для потомков сохранила рукопись Тбели Абусеридзе, который сам был автором гимнографических и агиографических сочинений.

С XVII в. начинается обновление литературных традиций и появляются такие писатели, как царь Теймураз I, царь Арчил, Сулхан-Саба Орбелиани, царь Вахтанг VI, Давид Гурамишвили, Теймураз II, Антон-католикос. Автором одного песнопения является царица Кахети Кетеван Цамебули (Мученица).

Особо следует выделить творчество С.-С. Орбелиани, создавшего эпическое сочинение «Мудрость вымысла» – произведение басенного жанра, в котором иносказательно, в форме притч завуалирована горькая правда, которую надо было высказать царскому двору и всему грузинскому обществу. Его перу принадлежат также «Сцавлани» («Поучения»), «Ситквис кона» (словарь, букв. «Букет слов»); он придал литературную форму сборнику рассказов «Калила и Димна», написал дневники путешествия в Европу.

С.-С. Орбелиани (1658–1725)
Неизвестный художник, XIX в.
© МЦХИПГ
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

После Шота Руставели реформатором грузинской поэзии признан знаменитый поэт Давид Гурамишвили. Его трагическая жизнь явилась залогом сохранения национального духа и утверждения нового в грузинской литературе. «Давитиани» Гурамишвили мировоззренчески является отголоском мотивов Псалтиря, а с художественной точки зрения – успешным продолжением традиций Шота Руставели. С именем Гурамишвили связано проникновение европеизма в грузинскую литературу.

Из деятелей XVII–XVIII вв. следует назвать Гарсевана Чолокашвили, Иосеба Саакадзе, Мамуку Бараташвили, Бессариона Габашвили (Бесики), Саят-Нова, Георгия Авалишвили, Мариам-Макрина, Григола Додоркели, Бесариона Бараташвили-Орбелишвили, Антона Цагарели-Чкондидели, Тимотэ Габашвили и др.

В начале XIX в. в странах Западной Европы зародился романтизм, получивший в Грузии своеобразное развитие. Величайшими представителями грузинского романтизма являются Александр Чавчавадзе, Григол Орбелиани, Александр Орбелиани, Вахтанг Орбелиани, Николоз Бараташвили.

Поэтом с трагической судьбой был Николоз Бараташвили (1818–1845), создавший такие шедевры мировой литературы, как «Раздумья у берега Куры», «Сумерки на Мтацминда», «Кабахи», «Одинокая душа», «Злобный дух», «Мерани» и др. По словам И. Чавчавадзе, именно Николоз Бараташвили укоренил в Грузии европеизм, у истоков которого стоял Давид Гурамишвили.

В литературе и общественной жизни Грузии особое место занимает Илья Чавчавадзе, названный «Отцом Отечества». Его перу принадлежат произведения «Горам Кварели», «Матери-Грузии», «Мое перо», «Почему ты приуныла, милая страна», «Призрак», «Дмитрий Самопожертвователь», «Отшельник», «Человек ли он?!», «Отарова вдова» и др., в которых остро ощущается пульс эпохи и поставлены общечеловеческие проблемы. Не осталось ни одной сферы общественного быта, в отношении которой И. Чавчавадзе не выразил бы своей позиции. Он развернул активную деятельность и в области литературной критики, способствуя тем самым развитию культуры критического мышления в Грузии. Еще юношей И. Чавчавадзе наметил целью всей своей жизни служение на благо родины: бороться за национальные идеалы, за свободу нации, что было им сформулировано как «Отечество, Язык, Вера».

Плечом к плечу с И. Чавчавадзе стоял его соратник и единомышленник Акакий Церетели (1840–1915), называвший себя «простым рабочим отчиз-

ны». Автор таких шедевров, как «Рассвет» и «Воспитатель», был окрещен народом «Соловьем Грузии». Простота и мелодичность его лирики неповторимы.

С самобытностью горных ущелий знакомит читателя Александр Казбеги (1848–1893), передавший в своих произведениях «Хевисбери Гоча», «Элгуджа», «Наставник», «Отцеубийца», «Элеонора», «Пастушеские воспоминания» традиции своего народа. Неповторимая природа гор и ее обитатели вдохновили на творчество выходца из с. Чаргали Важа-Пшавела (1861–1915), внесшего в грузинскую литературу эпохальную новизну и живую струю благодаря своим произведениям «Алуда Кетелаури», «Гость и хозяин», «Бахтриони», «Отверженный», «Хороший крепостной», «Змеед».

На рубеже XIX–XX вв. творил Давид Клдиашвили (1862–1931), повести и драмы которого покорили сцены многих зарубежных стран. Последователем писательской и общественной деятельности И. Чавчавадзе является Михаил Джавахишвили (1880–1937), поставивший в своих рассказах и романах несколько кардинальных проблем: противостояние старого и нового, отношения личности и общества, место человека в обществе.

В первой половине XX в. продолжателями богатых литературных традиций прошлого, доносившими до читателя боль родного народа как свою собственную, были Григол Робакидзе, Шалва Дадиани, Васил Барнов, Лео Киачели, Константинэ Гамсахурдиа, Иосеб Гришашвили, Поликарпэ Какабадзе, Георгий Леонидзе, Тициан Табидзе, Паоло Яшвили, Колау Надирадзе, Валериан Гаприндашвили, Ладо Асатиани, Александр Саджая, Мирза Геловани, Симон Чиковани и др. Совершенно иной оттенок придал грузинской литературе XX в. великий Галактион Табидзе, привнесший в нее неповторимое поэтическое звучание.

В 1960–1980-х годах на писательское поприще вступило поколение, продолжившее курс «неукротимых литераторов»: Анна Каландадзе, Чабуа Амiredжиби, Гурам Рчеулишвили, Нодар Думбадзе, Тамаз и Отар Чиладзе, Мурман Лебанидзе, Резо Инанишвили, Шота Нишнианидзе, Иза Орджоникидзе, Джансуг Чарквиани, Гурам Дочанашвили, Вахтанг Джавахадзе, Эмзар Квитаишвили, Бесик Харанаули, Лиа Стуруа, Джемал Карчхадзе, Вахушти Котетишвили, Нугзар Шатаидзе, Котэ Джандиери, Наира Гелашвили и др. В литературе этого периода сохранены исторический колорит и богатейшие традиции многовековой грузинской литературы. В частности, роман Чабуа Амiredжиби «Дата Туташхиа» считается шедевром современной литературы; художественное отражение новейшей истории предлагает своим романом «Авелум» Отар Чиладзе и др.

С 1990-х годов постсоветская грузинская литература развивается в двух направлениях: с одной стороны, создаются образцы традиционного художественного мышления, а с другой – постмодернистские произведения. На литературную арену выходят представители молодого поколения грузинских писателей.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО²

Начало новой грузинской станковой живописи было заложено во второй половине XVIII в. в жанре портрета. «Тифлисский портрет» XIX в. был довольно самобытным, его главный отличительный признак состоит в своеобразном изображении людей на портретах – человек представлен в несколько застывшей позе, замкнутым в себе, лицо его выражает определенную эмоцию, преимущественно печаль. Такая манера изображения напоминает традиционную грузинскую иконопись. В отличие от парадного портретизма европейского стиля, в Грузии создаются менее профессиональные, но совершенные с художественной точки зрения произведения. В Грузии сохранилась также значительная коллекция миниатюрных портретов, созданных, по всей вероятности, с конца XVIII в. по аналогии с образцами станковой живописи путем повторения присущих ей свойств. В конце 1870-х годов грузинская станковая живопись, самобытная «Тифлисская портретная школа» прекратила существование. Неизвестные художники этой школы оставили последующим поколениям безупречно исполненные портреты грузинских аристократов, ответственных за судьбы своей родины.

Последняя четверть XIX в. – это период, когда фактически прерывается связь со средневековым грузинским искусством и, наряду с романтической поэзией и искусством, намечается переход к реализму. В этот период несколько грузинских художников отправились на учебу в Европу. В то же время большое число европейских художников творили в Тифлисе. Велико было и влияние русского искусства. В дальнейшем европейский опыт стал одной из предпосылок формирования в Тбилиси модернистского направления искусства.

Зарождению и оживлению художественной жизни столицы Грузии в значительной степени способствовали многие благотворительные и научные общества. Первая школа – «Кавказское общество поощрения изящных искусств», – в которой можно было получить профессиональное художественное образование, была основана в 1879 г. В школе в основном преподавали иностранные педагоги. Методика художественного образования опиралась на систему, перенятую из России и Европы.

В последней четверти XIX в., с выходом в свет первых грузинских газет и журналов – «Дрозба», «Иверия», «Джеджили», «Накадули» и др. – начинает развиваться журнальная графика. Делом национальной значимости грузинские художники-графики считали издание оформленных должным образом грузинских книг. Еще в 1868 г. Якоб Гогешвили издал книгу «Бунебис кари» («Врата природы»), а в 1876 г. – азбуку «Дэда эна» («Родная речь»), которая не раз переиздавалась на протяжении 40 лет. Наилучшим признано издание 1912 г. Автором большинства иллюстраций азбуки был Оскар Шмерлинг; в иллюстрировании книги также принимали участие А. Абуладзе, А. Мревлишвили, И. Роттер. В 1888 г. вышла в свет поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» в «издании Картвелишвили». Новая грузинская графика создавалась художниками-самоучками. Первым грузинским графиком был гравер-самоучка, художник-ксилограф Григол Татишвили, открывший

² © М. Цицишвили

Семья Н.Э. Багратиона-Мухранского
Холст, масло
Неизвестный художник, 1862 г.
Амиранашвили, 1960

в 1886 г. в Тбилиси собственную мастерскую, работавшую на заказ. Почти все значительные издания рубежа XIX–XX вв. прошли через его руки. Художник составил альбом образцов инициалов, монограмм и отдельных декоративных букв, при изображении которых активно использовал орнаменты грузинских архитектурных памятников и декор рукописей. Г. Татишвили был первым графиком, поставившим целью придать книге «грузинский» облик. Он является также автором первой афиши и постольку считается «основоположником этой отрасли искусства» (*Карбелашвили, 2010*).

Следует отметить заслуги зарубежных художников, оставивших свой след в формировании грузинского искусства и живописи. Большинство их преподавало в частных и государственных школах. Соответственно, значительно было не только их мастерство как художников, но и та информация, которую от них получали и осваивали грузинские ученики.

Первого профессионального грузинского художника Григола Майсурадзе, окончившего Петербургскую академию художеств, часть грузинской общественности узнала еще в 1850 г., хотя его работы публично не выставлялись. Впервые выставка грузинского художника Гиго Габашвили состоялась в Тбилиси в 1891 г., а до того выставлялись только иностранные художники. Известно, что в 1868 г. И. Айвазовский представил в Тбилиси свои двенадцать полотен, из которых шесть отражали природу Грузии. В 1871 г. на Голловинском проспекте (ныне пр. Руставели) в квартире частного лица были

выставлены творения В. Верещагина, в 1883 г. была организована выставка работ Г. Башинджагяна.

С начала 1880-х годов в Тбилиси разворачивают деятельность представители нового поколения грузинских художников: Александр Беридзе, Давид Гурамишвили, Романоз Гвелесиани, Гуго Габашвили, Александр Мревлишвили, несколько позднее – Мосэ Тоидзе. Художники, получившие образование в России и Европе и вернувшиеся на родину, ставили перед собой радикально иные цели и задачи. На формирование их мировоззрения и художественных пристрастий определенное влияние оказали идеи шестидесятников и русская реалистическая школа, в частности творчество передвижников. Это выражалось в расширении тематического диапазона, зарождении и развитии культивируемых в европейском искусстве других (кроме портретного) жанров – бытового жанра, пейзажа, натюрморта, многофигурных композиций (*Беридзе, Езерская, 1975. С. 1*). Как и для передвижников, для грузинских художников рубежа XIX–XX вв. приоритетным становится содержание произведения и менее значимой – проблема национальной формы.

В конце XIX в. творил гениальный грузинский художник-самоучка Нико Пиросманашвили (Пиросмани, 1862–1918), создавший целую эпоху в истории грузинской живописи и культуры вообще. Это был уникальный самородок, наделенный от Бога талантом художника, который с детской непосредственностью воспринимал окружающий мир, людей, природу и переносил их на свои холсты. На живописных полотнах Пиросмани запечатлены неповторимый колорит, персонажи и типажи Грузии и особенно Тбилиси. Безупречно завершенные композиции художника-примитивиста вызывают восхищение любителей и ценителей искусства. Пиросмани оказал огромное влияние на грузинскую живопись и культуру прошлого века (Ладо Гудиашвили, Кока Игнатов, Гиви Кандарели, Джемал Хуцишвили и др.). Нико Пиросмани – единственный грузинский художник, чья персональная выставка была организована в России еще при его жизни: наряду с русскими авангардистами его картины были представлены на легендарной выставке в Москве под названием «Мишень» в 1913 г. В советский период работы Пиросмани выставлялись во Франции, в Лувре, в лучших музеях и галереях Австрии, Югославии, Чехословакии, Венгрии и других стран.

В формирование новой грузинской графики как художник-иллюстратор значительный вклад внес Антон Гогиашвили, который ставил целью зафиксировать, создать своего рода «художественную хронику» жизни, быта, нравов и обычаев жителей разных уголков Грузии.

В 1910–1920-х годах молодое поколение грузинских художников способствовало превращению Тбилиси в своеобразный культурный центр, соответствующий уровню европейского авангардистского искусства. Здесь бок о бок сосуществовали противоположные, нередко совершенно противоречащие друг другу направления – Восток и Запад – со своим населением, культурой, бытом, языком и обычаями.

По окончании Первой мировой войны и с низвержением царизма в Тбилиси нашли пристанище многие деятели культуры – поэты, художники, актеры, музыканты, поскольку, кроме лучших экономических условий и политической ситуации, Грузия их привлекала с точки зрения простора для реализации интеллектуального потенциала. По словам Осипа Мандельштама, Грузия

Л. Гудиашвили (1896–1980)
Рыба *цоцхали* (Кутеж за городом). 1920 г.
Холст, масло
Амираиашвили, 1971

представлялась «чем-то вроде новой Швейцарии, нейтральным и от рождения “невинным” клочком земли» (*Мандельштам*, 1971. С. 198).

Наряду с тружениками пера здесь творили молодые грузинские мастера кисти, получившие образование в России и Германии. У каждого из них был свой независимый, индивидуальный творческий путь, но всех их объединяло одно важнейшее качество – интерес к постижению древнейшей культуры своей страны. Они стремились воспроизвести и восстановить стенные росписи памятников грузинского Средневековья. Одной из главных целей создания «Общества грузинских художников» являлось именно собирание и спасение национальных ценностей. Суть и будущее современного искусства, подобно единственному теоретику среди грузинских художников Давиду Какабадзе, волновали и других художников, писателей, поэтов, музыкантов, театральных деятелей. Они считали, что грузинское искусство должно быть «современным и национальным» и что им предстояло протянуть «невидимые нити между Грузией и Европой» (*Аракишвили*, 1919).

Вопросы авангардистского искусства рассматривались на собраниях литературных кружков, в салонах, артистических кафе, среди которых наибольшей популярностью пользовались «Фантастикури духани», «Кимериони», «Аргонавтебис нави», «Паршевангис куди», «Имеди». На стенах кафе и салонов чередовались картины и росписи местных и приезжих художников: С. Судейкина, Л. Гудиашвили, К. Зданевича, Д. Какабадзе, З. Валишевского, С. Сорина, И. Зданевича, И. Николадзе, А. Петраковского, М. Тоидзе, Ю. Дегена, И. Тоидзе и др. Видными представителями грузинской модернистской живописи были Д. Какабадзе, Л. Гудиашвили, Ш. Кикодзе, И. и К. Зданевичи, П. Оцхели, И. Гамрекели, В. Сидамон-Эристави, Э. Ахвледiani, К. Магалашвили и др.

Следующий этап развития грузинского изобразительного искусства связан с общественно-политическими изменениями, планом пропаганды «монументального искусства». В 1920–1930-е годы усилиями Дмитрия Шеварднадзе и его единомышленников были претворены в жизнь многие важные для грузинской культуры инициативы: были основаны Национальная картинная галерея, Академия художеств, Музей искусств «Метехи» и т.д. С 1930-х годов советская тематика активно укореняется в грузинском искусстве. В 1929 г. была создана Ассоциация революционных художников Грузии «РЕВМАС», в которую вошли Иван Вепхвадзе, Григол Месхи, Александр Цимакуридзе, а из негрузинских художников – Борис Фогель, Василий Кротков, Григорий Шарбабчян и др. В конце 1929 г. из Общества грузинских художников выделилась Ассоциация художников революции «САРМА», объединявшая в основном студентов и выпускников Академии художеств: И. Тоидзе (председатель «САРМА»), К. Санадзе, У. Джапаридзе, Т. Абакелия, В. Джапаридзе, Д. Кутателадзе, В. Кутателадзе, А. Гиголашвили, К. Гдзелишвили, Д. Тавадзе и др. Искусство приобрело утилитарное значение, превратившись в мощное идеологическое орудие воздействия на общественное сознание.

В грузинском искусстве указанного периода особое место занимает творчество Тamar Абакелия. В ее скульптурах, графических произведениях, тематических рисунках встречаем монументальный типаж волевого человека-борца, наделенного физической силой, что отвечало изобразительным принципам социалистического реализма. Теме революции в 1930-е годы посвящают свои работы Корнелий Санадзе и Уча Джапаридзе. Почти все художники создавали портреты И.В. Сталина.

В грузинской советской живописи 1940-х годов ведущей стала тема Великой Отечественной войны. Советская власть, стремившаяся пробудить в народных массах патриотические настроения, прибегала к различным формам агитации. Большое значение придавалось политической графике, политическим плакатам, сатирической графике газет и журналов. В этом плане следует выделить работы Ираклия Тоидзе, Иосеба Габашвили, Шалвы Бериташвили, Давида Нацвлишвили, Андро Канделаки и др. Особой популярностью пользовался знаменитый плакат Ираклия Тоидзе «Родина-Мать зовет!» В годы войны особое внимание уделялось произведениям на историческую тему. Мосэ Тоидзе, Аполлон Кутателадзе, Севериан Маисашвили посвятили свои живописные полотна героическим страницам истории Грузии, в частности Аспиндзской битве, нашествию Ага-Магомед-хана и т.д.

Для грузинского искусства 1950–1960-х годов характерны неоднородность, индивидуальность художественного стиля и манеры исполнения. Грузинские художники часто обращаются к таким традиционным жанрам, как пейзаж, портрет, натюрморт. Со стороны государства по-прежнему актуальны требования по созданию картин с батальными сценами на историко-революционные сюжеты. В этом жанре творят представители разных поколений грузинских художников: Аполлон Кутателадзе, Иван Вепхвадзе, Гурам Геловани, Константин Махарадзе и др.

В указанный период часть грузинских художников увлекается народной тематикой, традициями, национальным фольклором. Реваз Тархан-Моурави с 1950-х годов создает серии работ «Грузинские народные песни», «Грузинские народные танцы», «Грузинские народные игрища», в которых с присущей ему остротой он акцентирует национальные признаки и качества народа. С этой точки зрения заслуживает внимания роспись дегустационного зала Кварельского винного завода (1974 г.), в которой посредством изображения сцен вакханалий в честь бога Диониса Р. Тархан-Моурави как бы высмеивает фальшь официального искусства (*Цицишвили М.*, 2002. С. 7–8). Некоторые работы последнего периода творчества художника проявляют сходство с трансавангардистской и неоэкспрессионистской живописью.

В стиле реализма создаются многочисленные портреты современников, общественных деятелей. В этом жанре значительные и весьма ценные работы выполнены художниками разных поколений и направлений искусства: Валентином Шерпиловым, Василием Шухаевым, Георгием Джаши, Рено Туркия, Гоги Тотибадзе, Александром Бандзеладзе, Зурабом Нижарадзе, Дмитрием Эристави, Леваном Цуцкиридзе и др. Наряду с городскими пейзажами не менее популярными были серии, посвященные теме природы Грузии. Так, Тенгиз Мирзашвили сформировал своеобразный эффектный художественный стиль, который отличается эстетизмом, легко понятен, привлекателен и приемлем для восприятия. С конца 1950-х годов пейзаж, наряду с портретом и натюрмортом, стал излюбленным жанром для поколения художников, увлеченных техническими приемами живописи импрессионизма, пуантелизма, постимпрессионизма. Укоренить новые изобразительные средства в грузинской живописи старались Александр Бандзеладзе, Джибсон Хундадзе, Хита Кутателадзе, Эдмонд Каландадзе, Зураб Нижарадзе и др. Поиски гораздо более смелых средств и приемов изображения характерны для произведений этих художников в последующие, 1970–1980-е годы. В живописных полотнах (пейзажах и натюрмортах) Хиты Кутателадзе 1960–1970-х годов, отличающихся изысканным художественным вкусом, чувствуется влияние постимпрессионизма и кубизма. Он создает отвлеченные, почти абстрагированные пейзажи природы Грузии. Его в высшей степени экспрессивная живопись вместе с тем сохраняет фигуративность. Джибсон Хундадзе использует современный метод манипулирования живописными приемами. Изображенные им бескрайние горные ландшафты, увиденные издали, созвучны произведениям абстрактного экспрессионизма 1970–1980-х годов. Художественная манера абстрактного экспрессионизма присуща Александру Бандзеладзе, творчество которого оказало большое влияние на художников последующего поколения. Особняком стоит творчество незаурядного художника Авто Варази. Наряду с характерными портретами он развивает художественный метод

интегрирования на плоскости картины разных материалов, что роднит его работы с образцами неореализма и Парижской школы 1950–1960-х годов.

К концу 1980-х годов, в период распада Советского Союза и открытия «железного занавеса», грузинским художникам предоставляется возможность культурного обмена и непосредственного приобщения к западному искусству. С их появлением на международных выставках возник термин «грузинский авангард». В последней четверти XX в. задача грузинских деятелей искусства состояла в том, чтобы освоить современный западный художественный язык и визуальное искусство, включиться в протекающие культурные процессы и в то же время представить миру собственную проблематику и индивидуальность и занять достойное место в пространстве современного мирового искусства.

В начале 1980-х годов на поприще искусства вступают молодые художники: И. Парджиани, Л. Чогошвили, Г. Бугадзе, К. Матабели, Г. Гугушвили и др., движимые уже совершенно иными целями и задачами. Они обращаются к ранее запрещенным темам – специфическим вопросам истории, религии и т.д., организуют многочисленные выставки. В 1990-х годах формируется группа «Мецхре сартули» («Девятый этаж») в составе К. Качарава, М. Цецхладзе, Н. Цецхладзе, Г. Маглакелидзе, О. Тимченко, К. Рамишвили и др. Уже в условиях открытых границ каждый из них стремился создать свое индивидуальное «письмо» с учетом освоения и осмысления достижений западного искусства своего времени.

Ученик Огюста Родена Якоб Николадзе (1876–1951) является основоположником грузинской реалистической скульптуры. Творчество Я. Николадзе, а также Н. Канделаки, Г. Сесиашвили, Н. Церетели, Т. Абакелия в основном определялось портретным ваянием. В последние десятилетия XX в. больших успехов в грузинской скульптуре достигли Мераб Бердзенишвили, Элгуджа Амашукели, Джуна Микатадзе и др. Талант М. Бердзенишвили в первый раз проявился в изваянной им скульптуре Давида Гурамишвили. Именно в этом творении впервые в истории грузинской скульптуры автор нарушает классические законы реалистического, натуралистического ваяния и смело использует стилизованный подход к теме и материалу. В дальнейшем М. Бердзенишвили создает такие значительные произведения, как скульптуры Георгия Саакадзе (сначала в Каспи, затем в Тбилиси), Закария Палиашвили, «Муза», «Еще вырастут...», мемориалы в Кутаиси и Дидгори.

ТЕАТР³

Грузинская театральная культура принадлежит к числу самых ярких и древних, она формировалась веками. Ее истоки можно видеть в многообразных народных празднествах, театрализованных карнавальных представлениях (Берикаоба, Кееноба), танцах и игрищах, связанных с различными сторонами народной жизни и быта, несущих отпечатки древних культов, мистерий и верований. Широко распространенными формами театрализованных действий были обрядовые песни и игры, связанные с трудовыми процессами, песенные и драматические диалоги (*Джанелидзе, 1948*).

³ © Т. Бокучава

Грузинские археологи находят немало артефактов греко-римского периода, имеющих отношение к театру, в частности маски, здания амфитеатров. По свидетельству Прокопия Кесарийского (VI в.), в городах Колхиды, в частности в богатом городе Апсаре вблизи современного города Батуми, имелись театральные здания. В восточногрузинском городе Уплисхихе, построенном в начале I тыс. до н.э. и разрушенном монгольским нашествием в XIII в., существовал театр, остатки которого можно видеть и сегодня. Эти находки говорят о том, что здесь была развитая театральная культура. Об этом же свидетельствует наличие богатой и разнообразной театральной терминологии.

В период Средневековья (XI–XII вв.) возникла форма придворного театра «Сахиоба», о чем свидетельствует историк царицы Тамары. «Сахиоба» включала соревнование поэтов, музыкально-зрелищные и любовные сцены, его участники – *мушаити* и *мгосани* – не только музицировали, но и разыгрывали различные сцены, создавали диалогизированные тексты. Выступали актеры «Сахиоба» при дворе, а также в специально выстроенных зданиях – «Игровых домах». «Сахиоба» сохранялась до конца XVIII в.

Первые свидетельства о существовании театра европейского типа относятся к 1790 г. Это был театр при дворе царя Ираклия II, труппу которого возглавлял князь Мачабели. Представления давались в Тбилиси и Телави. Известно, что в репертуаре театра были «Ифигения» Жана Расина в переводе Д. Чолокашвили, а также пьесы А. Сумарокова.

В 1845 г. в Тбилиси открылся первый оперный театр, здание которого впоследствии сгорело; театр был вновь отстроен в 1884 г. В 1845 г. здесь открылся русский драматический театр – ныне театр им. А. Грибоедова. Национальный профессиональный театр был открыт 14 января 1850 г. в здании 1-й тбилисской гимназии: состоялось представление комедии драматурга Г. Эристави «Раздел». Это считается датой восстановления грузинского профессионального театра. Театр Эристави, как принято его называть, просуществовав несколько сезонов, закрылся в 1856 г. «за неимением средств». Георгий Эристави считается основоположником грузинской реалистической драматургии и театра.

Возродить грузинский театр удастся только в 1879 г. усилиями специально созданного Драматического комитета, в состав которого входили известные грузинские писатели и общественные деятели Д. Кипиани, И. Чавчавадзе, А. Церетели, И. Мачабели, Р. Эристави, К. Кипиани, А. Пурцеладзе, А. Казбеги, В. Абашидзе и др. Под руководством комитета был сформирован «Постоянный» грузинский театр, впоследствии театр им. Шота Руставели. В этом театре создается коллектив выдающихся актеров – Васо Абашидзе, Коте Кипиани, Мако Сапарова и др. Несмотря на трудности политического и финансового характера, театральная жизнь Грузии постепенно возрождается, в Тбилиси создается так называемая городская комедия, несущая на себе отпечаток уникальной культуры этого открытого города, ставшего театральной столицей всего Закавказья. Здесь начинают функционировать армянский и азербайджанский театры, создаются произведения армянской и азербайджанской драматургии. Для театра пишут Мирза Фатали Ахундов, Габриель Сундукян («Пепо», «Хатабала» и др.), Авксентий Цагарели – автор классической комедии «Ханума». Большой успех имеет пьеса Зураба Антонова «Затмение

К. Марджанишвили (1872–1933) – режиссер театра и кино, основатель грузинского драматического театра

© Музей ГДТ им. К. Марджанишвили

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

солнца в Грузии», которая по сей день ставится театрами Грузии. Продолжает развиваться жанр исторической драмы. Особую роль в развитии театра и грузинской актерской школы играет Шекспир (пьесы «Король Лир», «Гамлет», «Венецианский купец» и др.); в театре ставятся мелодрамы, водевили и легкие комедии, устраиваются актерские бенефисы.

Развивается театральная жизнь и в других городах Грузии – например, в Кутаиси. В г. Телави, где театр функционировал еще в 1790-х годах, в 1880 г. формируется постоянная труппа. Театральная жизнь г. Сухуми

начинается в 1889 г., а в 1895 г. А. Джакели возглавляет труппу грузинского театра. Театр г. Цхинвали давал представления с 1875 г., театральная жизнь развивается в промышленном г. Чиатура, известном своим театром и прекрасными актерами. Театры появились в городах Батуми, Ахалцихе, Гори, Зугдиди, в портовом г. Поты, представления давались и в других городах. Театр становится средоточием национальной и культурной жизни.

Конец XIX – XX в. является начальным этапом развития грузинской драматургии. В 1894 г. Важа-Пшавела пишет драму из жизни горцев нравственно-философского содержания «Отверженный» («Мокветили»). Особое влияние на развитие театра начала века оказало творчество Давида Клдиашвили – классика грузинской литературы и театра. К началу XX в. в драматургию приходят Ш. Дадиани, И. Гедеванишвили; на театральное поприще выходят первые грузинские профессиональные режиссеры – Валериан Шаликашвили, Акакий Пагава, Александр Цуцунава, Михаил Корели (так называемые грузинские МХАТовцы), Константин Андроникашвили.

В 1904–1906 гг. в Тбилиси приезжает «Товарищество новой драмы» во главе с В. Мейерхольдом, на сцене театра русской драмы ставятся его первые символистские эксперименты («Снег» Пшибышевского, «Ганнеле» Гауптмана, «Смерть Тентажиля» Метерлинка и др.).

С формированием ансамблевой режиссуры растет интерес к психологической драме и модернистской драматургии. Ставятся пьесы Ибсена, Метерлинка, Зудермана, Гауптмана, Д'Анунцио и др. В 1908 г. режиссер В. Шаликашвили ставит переделку пьесы Чехова «Вишневый сад» под названием «Салхино», перенеся ее действие в Грузию. В 1911 г. В. Шаликашвили ставит натуралистскую пьесу Ш. Дадиани «Дворец очищения», с эстетикой, доведенной до степени «театра ужасов».

К 1918 г., когда Грузия на три года становится независимой, грузинский театр является уже вполне опытным, современным художественно-культурным организмом, готовым к качественному скачку. В 1920 г. театральным сезоном в «Постоянном театре» открывается премьерой пьесы «Вчерашние» Ш. Дадияни; начало 1921 г. ознаменовано присвоением театру имени Шота Руставели. В 1922 г. в Грузию возвращается режиссер К. Марджанишвили, который поставил много успешных спектаклей в Москве и других городах. В Московском Художественном Театре в 1910–1913 гг. он поставил пьесы «У жизни в лапах» К. Гамсуна, «Пер Гюнт» Г. Ибсена, принял участие в постановке «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, в 1913 г. основал в Москве «Свободный театр». Правительство советской Грузии предложило ему возглавить театр им. Руставели. 25 ноября 1922 г. с огромным успехом прошла премьера пьесы Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна», художником спектакля был В. Сидамон-Эристави, композитором – Т. Вахвашишвили. Образ гордой Лауренсии создала молодая актриса Тамара Чавчавадзе, роль балагура и шутника Менго исполнил Акакий Васадзе. В спектакле играл легендарный Ушанги Чхеидзе. Организационная реформа Марджанишвили имела своей целью создание синтетического театра, основанного на народных началах, он одним из первых возвел этнографический колорит на уровень художественного языка, дал его эстетическое обобщение.

Совершенно другим был образ спектакля Марджанишвили «Человек-Маска» по пьесе немецкого экспрессиониста Э. Толлера. Художником спектакля был К. Зданевич. В своем знаменитом «Гамлете» с Ушанги Чхеидзе в роли датского принца Марджанишвили ввел жанровую сцену, где могильщики говорили на простонародном наречье. Марджанишвили проявил интерес к грузинскому фольклору, он создал феерическую пантомиму «Мзетамзе», с музыкой Т. Вахвашишвили и сценографией Л. Гудиашвили. Это был первый невербальный спектакль театра Руставели. Сотрудничество Марджанишвили с грузинским модернистом, писателем и драматургом Григолом Робакидзе привело к созданию пьесы «Ламара». Режиссер Роберт Стуруа назвал «Ламару» грузинской

В. Годзиашвили (1905–1976) в роли Аршака

ГДТ им. К. Марджанишвили, спектакль «Старые водевили» (1969); режиссер В. Годзиашвили (1905–1976)
© Музей ГДТ им. К. Марджанишвили
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

С. Такайшвили (1906–1984) в роли бабушки
ГДТ им. К. Марджанишвили, спектакль
«Я, бабушка, Илико и Илларион» (1960);
режиссер Г. Лорткипанидзе (1927–2013)
© Музей ГДТ им. К. Марджанишвили
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

«Чайкой», так как это произведение несло в себе продуктивное зерно для формообразования национальной театральной эстетики и передавало мироощущение народа.

Вокруг Марджанишвили объединились активные творческие силы театра. Группа этих молодых режиссеров и актеров в 1924 г. создала творческую корпорацию «Дуруджи», которой руководил режиссер Александр (Сандро) Ахметели. Вскоре Марджанишвили ушел из театра Руставели. Новым художественным руководителем стал Сандро Ахметели – одна из самых ярких фигур в

истории грузинского театра. Основой эстетики его пластического антинатуралистического театра стала концепция об этнокультурной обусловленности психофизической жизни человека. Масштабными пластическими формами Ахметели создавал грандиозные картины жизни народа, мира и истории. В его спектаклях-полотнах действовали героические персонажи и героический одухотворенный народ. Его творчество вписывается в тенденцию антинатуралистического театра первой половины XX в., к которой принадлежали Адольф Аппиа, Гордон Крег, Всеволод Мейерхольд и др. Основным элементом метода Ахметели был ритм, ритмическая организация сценического образа спектакля. В 1930 г. он вновь поставил «Ламару» Робакидзе, с художником-конструктивистом И. Гамрекели, в сотрудничестве с которым были созданы величественные образы спектаклей Ахметели – огромный военный корабль, своим приподнятым килем вторгшийся на авансцену («Разлом» Б. Лавренева), образ Кавказских гор, выросший на сцене театра и «взломавший» традиционные плоскости. Ведущими актерами Ахметели были Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Тамара Цулукидзе и др. Ахметели вместе с шестью актерами театра Руставели пал жертвой очередной волны государственного политического террора, он был расстрелян 29 июня 1937 г.

К. Марджанишвили в 1928 г. основал Кутаисо-Батумский театр в г. Кутаиси, который в 1930 г. перешел в Тбилиси (ныне театр Марджанишвили). В новом театре его деятельность продолжилась до его смерти в 1933 г. За это время режиссер-новатор успел создать несколько блестящих спектаклей, вошедших в историю грузинского театра – «Гопля, мы живы» Э. Толлера, «Уриэль Акоста» К. Гуцкова, «Отелло» Шекспира, «Кваркваре Тутабери» П. Какабадзе. Марджанишвили привлек к сотрудничеству с театром худож-

М. Джапаридзе (1923–1994) в роли Джульетты

ГДТ им. К. Марджанишвили, спектакль «Ромео и Джульетта» (1949); режиссер В. Таблиашвили (1914–2002)

© Музей ГДТ им. К. Марджанишвили

© საქართველოს მემკვიდრეობათა ეროვნული აკადემია

ника Петре Оцхели, ставшего за свою недолговечную карьеру сценографом мирового класса (в 1939 г. его работы на выставке художников-сценографов в Англии были отмечены золотой медалью). Оцхели сумел вывести грузинскую сценографию на высочайший европейский уровень, его творчество содержит начала супрематизма, кубизма, конструктивизма, экспрессионизма. Спектакль «Уриэль Акоста» в постановке Марджанишвили, в оформлении Оцхели и в исполнении Верико Анджапаридзе и Ушанги Чхеидзе был безупречно красив и эмоционален. В эру «советского классицизма» спектакли провозглашают идею верховенства государственной идеологии, но в грузинских театрах даже в самые тяжелые годы создаются спектакли, вошедшие в историю грузинского театра, среди них «Отелло» Ш. Агсабадзе (1937) в театре Руставели, с великолепным, мощным и трагическим Отелло (Акакий Хорава) и Яго (Акакий Васадзе), «Великий Государь» В. Соловьева в постановке Акакия Васадзе и со сценографией Соломона Вирсаладзе (1945) и др.

В театре Марджанишвили, имеющем репутацию актерского театра, работают режиссеры Додо Антадзе, Васо Кушташвили, Вахтанг Таблиашвили и др. Театр известен своими яркими актерскими индивидуальностями – Верико Анджапаридзе, Сесилия Такайшвили, Васо Годзиашвили, Георгий Шавгулидзе, Шалва Гамбашидзе, Александр Кванталиани, Александр Жоржوليани, Серго Закариадзе и др. В 1950-х годах в театр приходит известный режиссер театра и кино Георгий (Гига) Лорткипанидзе, основатель руставского театра (1967). В творчестве Лорткипанидзе особую роль сыграли постановки инсценировок романов писателя послевоенного поколения Нодара Думбадзе – «Я, бабушка, Илико и Илларион» (1960), «Я вижу солнце» (1962), «Обвинительное заключение» (1976).

В начале 1950-х годов в театр Руставели приходят актеры Эроси Манджгаладзе, Георгий Гегечкори, Медея Чахава и режиссеры Акакий Двалишвили, Михаил Туманишвили. В 1951 г. Михаил Туманишвили, прошедший солдатом годы Великой Отечественной войны, ставит инсценировку произведения Ю. Фучика «Репортаж с петлей на шее» под названием «Люди, будьте бдительны». С режиссерской деятельностью Туманишвили в театре Руставели

Сцена из спектакля «Гамлет»

Тбилиси, театр им. Шота Руставели

© Фото Т. Кахаишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

связывают неформальную творческую группу «Швидкаца» в составе Георгия Гегечкори, Эроси Манджгаладзе, Рамаза Чхиквадзе, Гурама Сагарадзе, Медеи Чахава, Бадри Кобахидзе и самого Михаила Туманишвили. Название «Швидкаца» (семиголосье) указывает на «полифонический» метод этой группы, сделавшей своей целью единство многообразия, театральную гармонию по принципу грузинской полифонической песни. В 1968 г. Туманишвили ставит интеллектуальную драму Аннуя «Антигона» с Серго Закариадзе и Зиной Кверенчиладзе в главных ролях. После ухода из театра Руставели Михаил Туманишвили в 1975 г. создал театр-студию киноактера, ныне театр Туманишвили, где в начале 1990-х годов ставит спектакли, вновь принесшие международное признание грузинскому театру – «Дон Жуан» Мольера с Зурабом Кипшидзе и Нинель Чанкветадзе, «Наш маленький городок» Т. Уайлдера, «Сон в летнюю ночь» Шекспира и др.

В 1960-е годы в грузинском театре происходит много интересных событий. Поколение молодых режиссеров с новым видением эпохи – Роберт Стурра, Темура Чхеидзе, Шалва Гацерелия, Гизо Жордания, Георгий Кавтарадзе, Нана Хатискаци, Медея Кучухидзе и др. – создает острый культурный, эстетический и политический дискурс, вовлекая в него грузинское общество. Молодые энтузиасты едут в разные города Грузии, работая в театрах Зугдиди, Телави и др. К примеру, режиссер Темура Чхеидзе начинал свою карьеру в Зугдиди, куда поехал вместе с группой актеров и театральным художником Михаилом Чавчавадзе, впоследствии ставшим сценографом многих его лучших спектаклей. Через несколько лет Чхеидзе уже в театре Руставели, где осуществляет такие постановки, как «Вчерашние» Ш. Дадиани, «Женское

бремя» М. Джавахишвили, «Дом Бернарды Альба» Г. Лорки. В постановке «Мачехи Саманишвили» (1969 г.) Темур Чхеидзе и Роберт Стуруа освобождают действие от этнографического колорита, придавая произведению направленность интеллектуальной драмы. Городская комедия А. Цагарели «Ханума» дается Стуруа в манере буффонады и комического аттракциона; импровизация, театральность, зрелищность веселого карнавала в «Кваркваре» П. Какабадзе (1974) претворяются в трагический гротеск. Написанный в манере народной драмы «Кваркваре Тутабери» в интерпретации Стуруа предстал как мировой фарс. «Кавказский меловый круг» Брехта, с блестящим Рамазом Чхиквадзе в роли сельского судьи Аздака, приносит театру мировую славу: в Англии театр называют «коллективом звезд», Рамаза Чхиквадзе, сыгравшего в 1979 г. Ричарда в трагедии Шекспира «Ричард III» – «кавказским Оливье», начинают писать о феномене грузинского театра. Театру Стуруа дают много определений – политический, фарсовый, площадной, провидческий. Принято считать, что в «Короле Лире» (1987) режиссер предвидел грядущие исторические события, крушение той модели мира, которую он осмеял и изобличил в своих спектаклях. В начале XXI в. в стилистике режиссера выделяются две линии – откровенно китчевая, эклектичная и «поэтическая». Ко второму жанру можно отнести спектакль «Стикс», поставленный на музыку Гии Канчели, и «Сезон охоты» Тамаза Чиладзе, драматурга-шестидесятника. Театральная деятельность Роберта Стуруа не ограничивается рамками театра Руставели, признанный одним из лучших режиссеров современности наряду с Питером Бруком, Джорджо Стреллером и др., Стуруа ставит спектакли по всему миру – в странах Западной и Восточной Европы, в России, Турции, Аргентине. Нельзя не отметить его ближайших единомышленников и соратников – известных художников Георгия Алекси-Месхишвили, Мириана Швелидзе, выдающегося композитора Гию Канчели, музыка которого стала неотъемлемой частью театральной модели Стуруа. Театр Стуруа не существовал бы без его театрального коллектива, прекрасных актеров – Рамаза Чхиквадзе, Автандила Махарадзе, Жанри Лолашвили, Джемала Гаганидзе и др.

Режиссерская карьера Темура Чхеидзе также развивается в контексте международного театрального процесса (режиссер ставит оперные спектакли в миланском Ла Скала, в Метрополитен опера и т.д.). В 1980-е годы Чхеидзе работает в театре Марджанишвили – до 1990 г. он его художественный руководитель. Режиссерская манера Чхеидзе аналитична, сдержанна, глубоко эмоциональна. С начала 2000-х годов Чхеидзе работает в Петербургском Большом драматическом театре, в 2007–2013 гг. он его художественный руководитель. Чхеидзе никогда не прерывал связи с грузинским театром, продолжая ставить классику и современную драматургию.

Особое место в грузинском театре занимает Реваз Габриадзе, создатель театра марионеток, автор спектаклей «Альфред и Виолетта», «Осень моей весны», «Сталинградская битва», «Рамона» и др. Сценарист, художник, режиссер Габриадзе, сочетая жанры, нарративы, создает театральный мир, передающий большое через малое, сочетая лирическое переживание, иронию и эпический трагизм.

В 1980–1990-е годы на театральные подмостки приходит поколение режиссеров, которые определяют театральную жизнь страны на сегодняшний день. Идет процесс создания альтернативных пространств, новых небольших

театров, к примеру, это так называемый «Подвальный театр», который стал экспериментальным пространством для многих молодых режиссеров разного толка, здесь ставились как пьесы современных иностранных и грузинских драматургов, так и классика. «Свободный театр» был основан Автандилом Варсимашвили – художественным руководителем Русского театра им. Грибоедова. Сегодня в грузинском театре идет довольно интересный и интенсивный процесс, режиссеры Леван Цуладзе (художественный руководитель театра Марджанишвили), Давид Доиашвили (художественный руководитель Театра музыкальной комедии), Георгий Тавадзе, Георгий Маргвелашвили, молодые драматурги и режиссеры создают театр XXI в. Театр ориентируется на грузинскую драматургию. Грузинский театр обретает уникальность в своих культурных корнях, в своем искусстве и литературе, в современности и истории. Осваивая и анализируя прошлое и настоящее в свете современности, грузинские режиссеры и драматурги демонстрируют совершенно новый, часто критический взгляд на укоренившиеся ценности. Сегодня одним из наиболее интересных театральных пространств является театр «Самепо убани» («Царский квартал») в Тбилиси, приверженный эксперименту, поискам в сфере современных театральных форм и драматургических новшеств. Грузинскому культурному дискурсу присущ идейный, концептуальный конфликт между поколениями как форма диалога и диспозиции.

Грузинский театр прошел долгий и интересный путь поисков. Он сложился в условиях диалога культур, вобрал в себя лучшие мировые традиции, разделяя историческую судьбу своего народа. Динамичный и современный, он сохраняет связь с народной культурой, верность общечеловеческим идеалам и дух свободного творчества.

ИСКУССТВО КИНО⁴

Грузинское кино, одно из самых старых в мире, с самого начала и до сегодняшнего дня представляет собой признанный в мире феномен со своими темами, со своим неповторимым лицом. Среди самых строгих опросов в списках шедевров мы находим немало грузинских фильмов или фильмов, сделанных грузинами. Они получали высшие награды на наиболее престижных международных кинофестивалях, от Канна до Торонто, многие фильмы пользовались популярностью и успехом в прокате.

Кинематограф пришел в Грузию практически сразу после первого сеанса в парижском «Гран кафе». Уже в начале 1896 г. в Грузии состоялись первые сеансы. Вскоре здесь стали снимать операторы «Патэ», «Гомона», итальянских фирм. Появление нового искусства совпало с художественным настроем Тбилиси, одного из значительных культурных центров Российской империи. Наряду с прокатом иностранных фильмов здесь стали снимать кинохронику. Оператор Александр Дигмелов с 1910 г. начал работать для фирмы «Патэ»; в 1912 г. оператор и кинорежиссер Василий Амашукели снял один из первых полнометражных документальных фильмов в истории кино «Путешествие Акаки Церетели в Рача-Лечхуми». В 1916 г. театральный режиссер Александр

⁴ © Л. Дуларидзе

Ццунава снял первый полнометражный игровой фильм «Кристинэ» по одноименному произведению Э. Ниношвили, положив начало экранизациям в грузинском кино. За ним последовали «Сурамская крепость» (1923, Ивана Перестиани по Д. Чонкадзе), «У позорного столба» (1924, Амо Бек-Назарова по А. Казбеги), «Кто виноват?» (1925, А. Ццунава по Н. Накашидзе), «Три жизни» (1925, И. Перестиани по Г.Е. Церетели). Этот список постоянно пополнялся и ведет к произведениям современных писателей.

К началу 1920-х годов Грузия была кинематографически оснащенной и привлекательной для съемок страной. Сюда устремились многие активные люди, осваивавшие новую область деятельности. Поэтому первые десятилетия грузинского кино вперемежку с грузинскими пестрят русскими и иными фамилиями. Сотрудничество возникало на основе литературных произведений, где действие происходило в Грузии или на Кавказе («Княжна Мэри», «Бэла»).

В Грузии кино рано стало индустрией. В 1923 г. было основано акционерное общество «Госкинпром Грузии» (позднее – киностудия «Грузия-фильм») со своими производственными мощностями, инфраструктурой, кинотеатрами и прокатной сетью. Павильон тбилисской студии был одним из лучших в Европе, а студия – третьей по величине после «Мосфильма» и украинской ВУФКУ. Здесь развивались все кинематографические профессии, появились талантливые кинематографисты и свои звезды: Нато Вачнадзе, Михаил Геловани, Котэ Микаберидзе. Кино быстро стало способом самовыражения национального характера. Более того, здесь родилось и кино соседней Армении – первый армянский фильм «Намус» («Честь») был снят в Тбилиси в 1926 г. актером и режиссером Амо Бек-Назаровым, чьим именем позже была названа Ереванская киностудия. Знаменательно, что многочисленные выходцы из Тбилиси или Кутаиси украсили артистический пейзаж многих стран; американского кинорежиссера Рубена Мамуляна и французского актера и режиссера Жоржа Питоева, Владимира Маяковского и создателя американского балета Джорджа Баланчина (Баланчивадзе) объединяет то, что они родились в Грузии и их раннее культурное формирование состоялось здесь.

В Грузии получило бурное развитие немое кино. Прокат был полон грузинских лент. Этот период оставил нам несколько шедевров мирового класса, среди которых «Элисо» Николая Шенгелая, документальный фильм «Соль – Сванетии!» Михаила Калатозова. Впоследствии, сняв на «Мосфильме» фильм «Летят журавли», Калатозов принес советской кинематографии единственную, так и оставшуюся уникальной, «Золотую пальмовую ветвь» Каннского кинофестиваля (1958). Кроме того, это единственный советский фильм, который имел успех в прокате в США и во Франции.

С 1924 г. в кино стал работать выдающийся реформатор театра Котэ Марджанишвили. Он привел на съемочную площадку театральных актеров, обогатив уже сложившуюся школу игры. Марджанишвили снял в 1927 г. комедию «Мачеха Саманишвили» (по Д. Клдиашвили), а также «Закон и долг» («Амок» по Стефану Цвейгу), в 1929 – «Трубку коммунара» (по И. Эренбургу).

Среди авангардистских фильмов особое место занимает режиссерский дебют Котэ Микаберидзе «Моя бабушка» (1929). Этот шедевр сатиры, с условными декорациями, необычными ракурсами и новаторскими приемами

был запрещен как «антисоветская картина» с «троцкистским отношением к загниванию советской системы», надолго лег «на полку» и лишь в 1970-е годы дождался настоящего признания.

С социальных фильмов «Саба» (1929), «Хабарда!» (1931), «Последний маскарад» (1934) начал Михаил Чиаурели. Наиболее известны его более поздние фильмы – «Арсен» (1934), историческая эпопея «Георгий Саакадзе», где с блеском сыграли Спартак Багашвили, Нато Вачнадзе, Акакий Хорава, Акакий Васадзе, Верико Анджапаридзе. После постановочных «сталинских» фильмов («Падение Берлина»), снятых в Москве, Чиаурели вновь вернулся в Грузию и поставил «Отарову вдову» (1958) по рассказу И. Чавчавадзе с участием Верико Анджапаридзе и Георгия Шенгелая.

В грузинском кино широко были представлены регионы и исторические провинции. В Гурии снял Долидзе «Дарико» (1937) с участием Тама Цицишвили, в Имерети – Рондели кинокомедию «Потерянный рай» (1938, по Д. Квдиашвили). Картли, Кахети, Сванети, Хевсурети, горные и причерноморские районы были местом действия многих фильмов. В послевоенный период к старшему поколению постепенно стали присоединяться новые имена. Кинокомедия «Стрекоза» (1954, реж. С. Долидзе) с участием Лейлы Абашидзе появилась лишь на год раньше короткометражного фильма «Лурджа Магданы» (по Е. Габашвили) молодых выпускников ВГИКа Тенгиза Абуладзе и Реваза Чхеидзе, получившего «Гран-при» («Grand prix») в конкурсе короткометражных фильмов Каннского кинофестиваля. Чхеидзе снял затем «Наш двор», «Майя из Цхнети» (1959), «Сажены» и свой самый известный фильм «Отец солдата» с блестящим Серго Закариадзе в роли отца. Тенгиз Абуладзе снял «Чужие дети» (1958), «Я, бабушка, Илико и Илларион» (1962), «Ожерелье для моей любимой» (1971) и, наконец, – свою знаменитую трилогию: «Мольба» (по произведениям Важа Пшавела) (1967), «Древо желания» (1976) (награжден единственной в советском кино итальянской премией «Давид ди Донателло») и «Покаяние» (1984). Сначала запрещенный, этот последний фильм режиссера получил огромный резонанс и оказал эмоциональное и моральное влияние на советское общество; он отмечен тремя премиями на Каннском кинофестивале 1987 г.

В Грузии много талантливых режиссеров нескольких поколений. Но на долю каждого приходится немного фильмов. Даже самые известные из них сняли не более десятка лент. В фильмографии Эльдара Шенгелая – «Белый караван» (совместно с Тамазом Мелиава), «Необыкновенная выставка» (1968), «Чудаки» (1974), «Мачеха Саманишвили» (1977), «Голубые горы, или Неправдоподобная история» (1984). Среди фильмов его брата Георгия Шенгелая такой шедевр, как «Пиросмани» (1969), и столь разные фильмы, как историко-философская драма «Путешествие молодого композитора» (1985) и искрометный мюзикл «Мелодии Верийского квартала» (1973), который недавно послужил основой для создания театрального спектакля.

Свои темы и интонации внесли в национальное кино женщины-режиссеры – Лана Гогоберидзе – «Под одним небом» (1961), «Несколько интервью по личным вопросам» (1978), «День длиннее ночи» (1984), «Вальс на Печоре» (1992), Нана Мchedлидзе – «Первая ласточка» (1975), «Имеретинские эскизы» (1980), Нана Джорджадзе – «Робинзонада, или Мой английский дедушка», ставший первым лауреатом премии «Золотая камера» в Канне (1987),

Кадр из кинофильма «Лурджа Магданы». 1955 г.
Режиссеры Т. Абуладзе, Р. Чхеидзе; сценарий К. Гогодзе; операторы А. Дигмелов,
Л. Сухов; композитор А. Кереселидзе; художники К. Хуцишвили, И. Сумбаташвили
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Кадр из кинофильма «Мольба». 1967 г.
Режиссер Т. Абуладзе; сценарий Р. Квеселава, Т. Абуладзе; оператор А. Антипенко;
художник Р. Мирзашвили; композитор Н. Габуния
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

«Тысяча и один рецепт влюбленного повара» (1996), «Метеоидиот» (2008), где свою последнюю роль сыграл выдающийся актер Рамаз Чхиквадзе. Позже к числу женщин-режиссеров присоединились Нана Джанелидзе, соавтор сценария «Покаяние»: «Семья» (1985), «Колыбельная» (1994), Нино Ахвледзиани – «Бесаме» (1989).

Грузинскому кинематографу свойственно жанровое разнообразие, где особое место занимают историческая драма и все разновидности комедии. Драматическая история страны дала немало удачных исторических фильмов, в том числе – «Георгий Саакадзе», «Мамелюк» (1959) Д. Рондели, «Баши-Ачуки» (1958) Лео Эсакиа, «Майя из Цхнети» Р. Чхеидзе, «Димитрий II» (1982) Б. Хотивари.

Совершенно по-новому этот жанр проявился в творчестве Александра Рехвиашвили: «Грузинская хроника XIX века» (1979, 4 премии фестиваля в Мангейме, в том числе «Гран-при» и награды ФИПРЕССИ и экуменического жюри) и «Путь домой» (1981) актуализировали постоянные темы грузинской истории в выразительной, глубокой и вместе с тем сдержанной манере. Его фильмы о современности «Ступень» (1986), «Приближение» (1990) и документальный «Последние» (2006) сохраняют все знаки его особого стиля.

К особому жанру следует отнести и снятый режиссером Сосо Чхаидзе «Пастухи Тушетии» (1976), игровой фильм, который воспринимается как документальный, где профессиональные актеры (Ираклий Хизанишвили) смешаны с настоящими пастухами

Великий грузинский режиссер армянского происхождения Сергей Параджанов сказал совершенно новое слово в кино. Он вернулся в родной Тбилиси из Киева, чтобы здесь снять свои шедевры «Саят-Нова» (1968), «Легенда о Сурамской крепости» (1984) и «Ашик-Кериб» (1988), которые утверждали центральную связующую роль Грузии в общей кавказской культуре.

Вынужденная стратегия развития недорогой продукции привела к возникновению короткометражной школы. Почти все кинорежиссеры Грузии начинали с короткометражных фильмов – документальных или игровых. Среди самых известных – фильмы режиссера Михаила Кобахидзе – чемпион по международным премиям «Свадьба» (1964), «Зонтик» (1967), «Музыканты» (1969), снятый во Франции «В пути» («En chemin», 2003), а также «Алавердоба» (1962) Георгия Шенгелая, «Серенада» Картлоса Хотивари, «Нуца» Александра Рехвиашвили, «Футбол без мяча» (1969) Гелы Канделаки и Лери Сихарулидзе, «Кувшин» (1970) Ираклия Квирикадзе, «Яма» (1980) Гено Чирадзе, «Мать земли» (1981) Годердзи Чохели, «Черная ласточка» (1984) Тамары Дуларидзе, «Семья» Наны Джанелидзе, «Ирис Иберика» Гогиты Чкониа и десятки других. И сегодня, медленно выходя из кризиса 1990-х годов, грузинское кино пополняется новыми именами, стоящими в титрах короткометражных фильмов.

Грузинские кинематографисты снимают и за пределами Грузии. Они – от Михаила Калатозова и его внука Михаила Калатозишвили до Георгия Данелия («Не горюй!», «Мимино»), Марлена Хуциева и многих других плодотворно работали и продолжают работать в России. Значительный вклад внесли и актеры – от легендарных кинозвезд Нато Вачнадзе, Кахи Кавсадзе, после «Белого солнца пустыни» (1969) ставшего любимцем публики, Арчила Гомиашвили, прославившегося блестящим исполнением роли Остапа Бендера

в «Двенадцати стульях» (1971), Зураба Кипшидзе и, конечно, Вахтанга Кикабидзе, с популярностью которого мало кто может сравниться.

Грузинские режиссеры успешно работают и в Европе. Режиссер Дито Цинцадзе снимает в Германии, там же работали Ираклий Квирикадзе и Нана Джорджадзе. Во Франции живет и работает Теймураз Баблуани, получивший за свой фильм «Солнце неспящих» (1992) «Серебряного медведя» в Берлине, и его сын Гела Баблуани («Тринадцать», 2005).

Наибольший успех на Западе выпал Отару Иоселиани. Начиная с полнометражного дебюта («Листопад», 1966), который первым получил премию Жоржа Садуля, его фильмы «Жил певчий дрозд» (1970) и «Пастораль» (1975) привлекли внимание европейских критиков. Во Франции Иоселиани снял большую часть своих картин – «Фавориты луны» (1984), «И стал свет» (1989), «Охота на бабочек» (1992), «Разбойники. Глава VII» (1996), «Прощай, суша!» (1999), «Утром в понедельник» (2002) и «Шантрапа» (2010). Признанный мастер кинематографа удостоен «Золотого Леопарда» кинофестиваля в Локарно «За вклад в киноискусство» (2013), его фильмы получали фестивальные призы и несколько раз престижную премию ФИПРЕССИ.

Грузинское кино развивалось как индустрия – со всеми ее признаками: прекрасно оснащенными студиями, с развитой инфраструктурой, со всеми жанрами, большим количеством профессионалов всех специальностей. На всех этапах грузинское кино славилось своими актерами. В фильмах всех жанров – от драм до комедий – блистали несколько поколений великолепных актеров: звезда немого кино Нато Вачнадзе, Верико Анджапаридзе, Серго Закариадзе, Сандро Жоржолиани, Иполитэ Хвичиа, Лия Элиава, Отар Коберидзе, Тенгиз Арчвадзе, Софико Чиаурели, Додо Абашидзе, Ираклий Хизанишвили, Ия Нинидзе, Мераб Нинидзе, Автандил Махарадзе, Гурам Пирцхалава, Зураб Кипшидзе, Леван Абашидзе. Славу грузинского кино разделяют талантливые операторы, и среди них – Леван Пааташвили, Ломер Ахвледиани, Георгий Беридзе, здесь работали также Александр Антипенко, Юрий Клименко.

Кино в Грузии всегда воспринималось как важное национальное дело. Период после распада СССР, оказавшийся особенно трудным, потому что кинематограф потерял сразу все – от киностудий до проката – лишь подтверждает это. Однако грузинское кино не собирается сдаваться. В 1988 г. в связи с трехмесячной ретроспективой грузинского кино в парижском Центре Помпиду французский кинокритик Жан Радвани написал: «Есть ли культуры более других предрасположенные к седьмому искусству? Грузинское кино заставляет так думать. Как в столь маленькой стране могла быть представлена столь разнообразная палитра создателей, стилей и тем? Богатство культурных традиций, их открытость Западу стали для этого определяющими» (Le Cinéma géorgien, 1988).

ГРУЗИНСКИЕ ДИАСПОРЫ

ГРУЗИНЫ ТУРЦИИ¹

Грузины в Турции представляют довольно крупную этническую единицу, расселенную преимущественно на территории исторической грузинской провинции Тао-Кларджети, которая на сегодняшний день входит в политические границы турецкого государства. В XVI в. обширная и густонаселенная область Южной Грузии – Месхети – была аннексирована турецкими завоевателями. В результате русско-турецких войн XIX в. часть из девяти захваченных Османской империей месхетских провинций – Самцхе и Джавахети вошли в состав Российской империи и воссоединились с Грузией.

В Турции проживают также потомки *мухаджиров* (араб. переселенцы) – грузин, перебравшихся в Турцию после включения этих территорий в состав России. Массовый характер мухаджирство приняло в 1877–1878 гг., когда, согласно трактата Берлинского конгресса и Сан-Стефанского мирного договора, грузинским мусульманам было предоставлено право выбора – оставаться подданными России или перейти в единоверную Турцию, обещавшую им благоприятные экономические условия. Эти миграции продолжались до 1921 г.

Грузины играли значительную роль в экономической и политической жизни Турции. В Бурсе, Стамбуле, Анкаре, Измире функционировали грузинские землячества, благодаря усилиям которых издавался журнал «Чвенебуреби» (груз. наши, нашего роду-племени). Во многих селах Шавшети, Кларджети, Тао (Зиоси, Закиети, Базгирети, Хевцрули, Убе, Даба, Хевеки и др.) язык внутрисемейного общения – грузинский. На грузинском языке говорят также в семьях компактно проживающих мухаджиров. На территории исторической Грузии до настоящего времени сохранились грузинские топонимы.

Среди грузин Турции можно выделить следующие категории: а) грузиноязычные с грузинским самосознанием; б) турецкоязычные с грузинским самосознанием; в) с раздвоенным самосознанием («я турок, но в то же время *гурджи* (грузин)»); г) ассимилированные грузины. Примечательно, что грузинский язык и традиционная бытовая культура в большей мере сохранились в тех семьях, где браки в основном мононациональные.

¹ © Т. Путкарадзе, Р. Узунадзе

Грузины-мусульмане на развалинах Анчи между Артвином и Артануджи
Фото Д.И. Ермакова, вторая половина XIX в.
© МАЭ РАН. № 121-71

После принятия ислама многие стороны жизни грузин в Турции претерпели коренные изменения, но этнически большинство все-таки остались грузинами. Их традиционно-бытовая культура в основном грузинская. Грузинские традиции и язык преимущественно сохранили грузины, живущие в историко-этнографических регионах Шавшети и Кларджети.

Грузины живут не только на своей этнической территории, оказавшейся в пределах границ Турции, но и в других регионах. Это в основном потомки грузин-мухаджиров, предки которых получили право свободного выбора пахотно-посевных угодий и выбирали территории, напоминающие им родные места, где и селились компактно. Так они оказались во внутренних районах страны.

Численность грузин в Турции достигает примерно 1,5–2 млн человек. Нынешнее турецкое руководство осуществляет целенаправленную политику ассимиляции грузин. В отдельных регионах исторической Тао-Кларджети грузины, особенно молодежь, уже плохо знают родной язык, в отличие от старшего поколения.

Почти каждый третий грузин (грузинка) вступает в брак с турчанкой (турком). Чаще грузинские женщины выходят замуж за турок, нежели грузинские мужчины женятся на турчанках (*Лордкипанидзе В.*, 1998. С. 132).

В грузинских селах современной Турции до настоящего времени сохранился традиционный тип поселений. Основной единицей поселения было и

Грузин-мусульманин из Ардагана
Фото Д.И. Ермакова, вторая половина XIX в.
© МАЭ РАН. № 121-73s

остается село, все хозяйства в котором подчинены общей администрации и объединены вокруг мечети. Села расположены вдоль ущелий и состоят из отдельных групп домов. Старые сельские кварталы отличаются узкими проходами и улочками, высокой плотностью населения. Пахотно-посевные земли в основном расположены вдали от жилых строений. Часть сел имеет террасообразную планировку; встречаются также поселения на холмах, с уличной планировкой или с домами, стоящими беспорядочно. Основной единицей поселения является объединение разрозненных групп сел.

По своим морфологическим и природным особенностям грузинские поселения Турции обнаруживают сходство с поселениями горной Аджарии и характеризуются высокой плотностью населения, средним и большим (выше среднего) числом дворов (что подразумевает деление на кварталы) и террасным расположением.

Привлекательной природой и ландшафтом выделяется Шавшети, в частности ущелье Имерхеви, где по сей день сохранились многочисленные уникальные памятники грузинского зодчества. Конструктивно-художественным совершенством выделяются жилища в ущелье р. Базгиретисцкали.

В грузинских селениях сохранился традиционный принцип устройства усадьбы: прилегающую к дому территорию с огородом и хозяйственным комплексом называют *кар-мидамо*, термином *эзо* обозначают приусадебный участок, окружающий жилой дом.

Сохранившаяся здесь древнегрузинская терминология, связанная со строительством и строительными материалами, в Грузии отчасти позабыта. Первый этаж дома – *квеша сахли* – предназначен для содержания скота и называется *ахори* (хлев). Он состоит из двух отсеков: для овец и крупного рогатого скота. На террасе *ахори* устроен пчельник, коридор жилого дома имерхевцы называют *карапани*, а двор – *кари*. Часто вход в жилой дом, называемый *тантрапа*, предусмотрен с балкона. Комнаты на втором этаже предназначены для гостей, детей и новобрачных. С точки зрения техники строительства внимание привлекают жилища лазского типа, распространенные в районах Борчхи и Мургули, построенные мастерами-лазами. Внутренние стены возведены из дерева, а наружные – из камня или кирпича. Стены некоторых домов украшены растительным орнаментом (обычно «древо жизни»).

Жители с. Базгирети
Тао-Кларджети (Турция)
© Фото Т. Путкардзе, 2007 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Сохранностью элементов культуры выделяется Шавшети. Так, здешний очаг представляет собой локальную разновидность грузинского очага. С точки зрения конструкции и практического назначения вызывает интерес зафиксированный в с. Чаквелта Имерхевского ущелья уникальный горизонтальный открытый двухчастный (*ортвала*) очаг с дымоходной трубой, расположенный во дворе жилого дома. Очаг подобной конструкции широко распространен в регионах, где симбиозно развиты земледелие и скотоводство, и не предназначен для каждодневного использования. Он востребован в основном осенью, когда наступает пора приготовления *бетмези* (уваренный сок сладкой груши), а также разных молочных продуктов.

Из народных гужевых транспортных средств в Имерхеви наибольшее значение имеют *угрули* и *хари араба*. *Угрули* – синоним грузинского *мархили* (сани), и по конструкции эти транспортные средства почти идентичны. В Шавшети на *угрули* и поныне перевозят сено, солому, дрова, навоз, строительный материал и др. Конструкция, технология устройства и терминология *угрули/мархили*, такие же, как и в горной Аджарии. Основные части этого транспорта: *сацурави* (полозья), *копо* (подлокотник), *сакари* (кузов, куда помещался груз), *хели* (рукоятка), *кота* (шкворень ярма), *угели* (ярмо). Более совершенным видом транспорта является *хари араба* – *уреми* – двухколесная арба, распространенная во всех уголках Грузии. По конструкции между *хари араба* и *уреми* различия нет. Несмотря на развитие автомобильного транс-

Летние пастбища – яйла Устамиси

Тао-Кларджети (Турция)

© Фото Т. Путкарадзе, 2007 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Грузинки на Устамисских яйлах

Тао-Кларджети (Турция)

© Фото Т. Путкарадзе, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Пасека

Турция, район Борчки, с. Брили

© Фото Т. Путкардзе, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

порта, эти виды народного гужевого транспорта в Имерхеви по-прежнему востребованы.

С точки зрения развития сельского хозяйства выделяется область Тао-Кларджети, славившаяся высокоурожайными сортами зерновых культур, фруктов, овощей, а также продуктами животноводства, о чем свидетельствуют исторические источники, памятники материальной культуры, фольклорные предания. О развитии в Тао-Кларджети полеводства свидетельствуют сохранившиеся по сей день топонимы (Сакери, Хеви, Чуависсагоробелай, Накодикало, Долианта и др.), содержащие указания на названия различных злаков; в топонимии почти каждого села сохранился термин *кало* (ток, гумно), *сабзели* (мякинница, строение для хранения мякины *бзе*); из сортов хлебных злаков упоминаются *кери* (ячмень), *чвави* (рожь), *симинди* (кукуруза), *каракилчига* (сорт пшеницы). Кроме пшеницы и других хлебных злаков, здесь разводят кукурузу, вместе с которой высаживают фасоль; на приусадебных участках выращивают картофель, огурцы, помидоры, свеклу, репу, редис, лук, киндзу (кориандр), макидо (вид петрушки), цецмати (кресс-салат), шпинат, лаханаи и топлахана (виды листовой капусты), мицивашлаи (земляное яблоко, топинамбур).

Весенние полевые работы в Имерхеви начинаются со второй половины апреля. Сроки пахотно-посевных работ варьируют в зависимости от месторасположения сел. Особо важное значение здесь придается солнечному освещению участков (*Кахидзе*, 1974б. С. 39). Скотоводство опирается на систему

сезонного выгона скота сначала на близлежащие к селу пастбища – *кишла*, а затем на высокогорные пастбища – *яйлаг*.

Грузинские села являются одними из значительных очагов садоводства, о чем свидетельствуют многообразие видов и сортов фруктов (в том числе аборигенных), богатая терминология; здесь распространены многочисленные сорта яблок (тетри, цителвашла, цалкота, кнатуна, беркавашли, кварцхаи, тхашунаи) и груш (намкенаи, панта, мсхалокро, чанури, тавквеша, цоцола, хечечури, мариоба, пквилаи, борбалаи и др.).

Пчеловодство – одна из передовых отраслей хозяйства грузин Турции. В этом отношении следует выделить район Борчхи, а именно ущелье Хеба. По словам информантов, в ущелье Хеба у каждой грузинской семьи имеется в среднем 20–30, а порой и около 100 пчелосемей. Здесь развиты все три формы пчеловодства: домашнее, полудомашнее и лесное. К местным климатическим условиям и природно-географической среде хорошо адаптирована кавказская пчела. Размещение пчелосемьи в устроенном на дереве улье-колоде называют *кавлани гасулеба* (букв. «одушевление улья»), что соответствует *скис гацоцхлеба* (букв. «оживление улья») в других районах Грузии.

В говоре местных жителей для обозначения улья сохранились термины *кавлани/ковани*, тот же *тепехана*, *пичис сахли* (букв. «сотовый дом»). Диаметр *кавлани* равен 47–50 см, а его медоносность достигает до 35 кг. В отличие от *кавлани*, улей (*ска*) делают из каштановой древесины, поскольку она «легко раскалывается пополам».

В народе по сей день верят в силу «сглаза», поэтому защите пчел от «дурного глаза» придается особое значение. С этой целью вблизи ульев вешают колючку, козий или бычий рог и т.п. Количество пчелиных семей, молодняка и меда держат в секрете; раздача меда допускается только в определенные дни; запретными для этого днями считаются вторник, среда (по народному поверью, «дело не будет спориться») и пятница (день Бога).

Для живущих в окружении чужой этнической среды грузин одним из главных факторов сохранения национальной самобытности является бракосочетание. При создании семьи грузины предпочитают выбирать «вторую половину» из числа своих соплеменников, в таком случае «(они) не разучатся говорить по-грузински, семья останется *гурджи* (грузинской). И по матери, и по отцу я *гурджи*, поэтому знаю *гурджидже* (грузинский)» (*Путкарадзе*, 1993. С. 178). Юношу, собирающегося вступить в брак, называют *деликани*, а бракосочетание – *дасахлеба* (букв. поселение, создание очага). Женитьба и замужество происходят с учетом старшинства братьев и сестер. Разделение семьи также опирается на этот принцип. Женатый брат отделяется (*гаригдеба*) только после женитьбы другого брата, что обусловлено необходимостью организации труда, связанной с хозяйственной деятельностью. В современный период брачный возраст юношей и девушек – 18 лет.

Согласно традиции, жених не участвует в свадебной церемонии, устраиваемой в семье тестя; обычно он ждет невесту в собственном доме. Хотя в последнее время приход зятя в семью своей суженой не считается зазорным поступком. *Макари* (друзки) жениха весь день проводят в его семье; прибывшим издалека ночлег предоставляют соседи или родственники невесты. На следующий день сваты готовятся к уводу невесты из отчего дома. Перед этим обязательным считается ритуальный плач матери, отца, невесты и

Семья на празднике *Мариоба*

Тао-Кларджети (Турция)

© Фото Т. Путкарадзе, 2007 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Праздник *Мариоба* в с. Базгирети

Тао-Кларджети (Турция)

© Фото Т. Путкарадзе, 2007 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

других родственников. Затем невеста, ее брат с женой и свидетели садятся в автомобиль невесты и отправляются к жениху, который к моменту прибытия *макриони* (сопровождающих невесту лиц) поднимается на крышу дома (*адис каварзе*) и сверху осыпает невесту сладостями и мелкими монетами.

Первой навстречу будущей невестке выходит свекровь с куском сахара, который она кладет девушке в рот; она ведет ее в дом, к очагу – *мутваги* (или *оджаги*), где невеста сначала должна прикоснуться рукой к закопченной очажной цепи, затем погрузить пальцы в муку или тесто и провести ими по стене и над очагом (*оджагитавши*). Вечером второго дня свадьбы совершается церемония одаривания жениха и невесты деньгами.

Семья и брак – это те мощные инструменты социальных отношений, благодаря которым до сегодняшнего дня в быту грузин в Турции сохранились национальные традиции, сходные с общегрузинскими, особенно аджарскими, и этническая идентичность.

Народные праздники. Из отмечаемых в Турции грузинами народных праздников одним из главных и значительных является *Мариоба*. Наряду с развлекательно-зрелищной функцией, это празднество связано с древнейшими народными верованиями и представлениями. Праздник *Мариоба* отмечается в начале августа и приходится на средний период *мтоба* (*шумтоба*), когда часть сельского населения вместе со скотом находится на летних пастбищах (*Кахидзе*, 1985). Ареал распространения этого праздника охватывает села ущелья Лигани (Мургули, Девскели, Класкури) и носит массовый характер (*Малакмадзе*, 2002). В Шавшет-Имерхеви он известен также под названием *Мариамобаши* и в прежние времена продолжался целую неделю.

В репертуаре праздника *Мариоба/Шумтоба* значительное место занимали как устное народное творчество и музыкальный фольклор, так и массовые театрализованные представления. Одним из таких ярких зрелищ является *Беробноба* – разновидность древнейшего грузинского народного праздника Берикаоба. В нем участвуют ряженые – персонажи в масках разных животных. В этом представлении отчетливо проступают элементы языческих ритуалов.

С новым годом связан праздник *Хидирилези/Хидирлиаси*, отмечаемый 14 января (в некоторых местах 6 мая). Собравшаяся в назначенное время в центре села молодежь разводит костер. На листочках бумаги молодые люди записывают свои сокровенные мечты и желания и трижды перепрыгивают через костер, держа в руках эти листки. По народным представлениям, если удастся перепрыгнуть горизонтально установленную над огнем перекладину (*диреги*), не сбив ее, желание непременно сбудется. Указанный праздник аналогичен распространенному в грузинском быту празднику *Чиакоконоба*.

Наряду с другими элементами быта народные праздники сыграли значительную роль в сохранении национальной идентичности грузин Турции.

В грузинских селах ущелья Имерхеви очень популярны игры спортивно-состязательного характера, в частности *лепки* и *била джохи*. *Лепки* – игра, неизвестная в соседних турецких селениях, суть которой состоит в проявлении точности глазомера при попадании в определенную цель. Соревновательный характер носит также *била джохи* (игра с палками – *Орбелиани*, 1966), известная в двух вариантах; в несколько видоизмененной форме она широко распространена и в горной Аджарии.

ИНГИЛОЙЦЫ²

Саингило – ныне одна из административных единиц Азербайджанской Республики, историческая область Эрети. В IV–V вв. Эрети входит в состав грузинского государства, представляя собой одну из его феодальных единиц – эриставство. На протяжении всего Средневековья Эрети, вместе с Картли и Кахети, испытывала на себе тяжкие последствия вторжений персов, арабов, монголов, тюрок-сельджуков, аварцев. С XVII в., с изменением социально-политической обстановки, в Саингило меняется и ее этнический состав. В результате усиленной экспансии Ирана Саингило не раз подвергалась разорительным набегам кизилбашей, чем пользовались соседи – дагестанские народы, начавшие интенсивно переселяться в этот край. Возникли две политико-административные единицы: Джаро-Белоканская область, включавшая современные Закатальский и Белоканский районы, и Илисуийский султанат (совр. Кахский район). С тех пор в исторических источниках вместо Эрети встречаем Джаро-Белокани (груз. Чари-Белакани) и Ках-Элисени. Термин Саингило (*Ингило*) появляется со второй половины XVII в. и имеет социальное, а не этническое значение: тюркоязычное население называло здешних грузин *иангал/ингил*, что означает «новообращенный», поскольку часть грузин была омусульманена; часть сохранила христианскую веру. Такая обстановка относительно неизменной оставалась и в последующий период. В Георгиевском трактате (1783 г.) Саингило упоминается в пределах Картлийско-Кахетинского царства. С начала XIX в. (после обнародования Александром I в 1801 г. Манифеста об упразднении этого царства) в обеих частях Саингило численность тюркоязычного населения возросла, что повлекло за собой серьезные изменения в жизни и быте ингилойцев. Политические же явления поэтапно развивались таким образом: с 1803 г. Саингило находится в подданстве России; в 1830–1845 гг., согласно административному делению России, этот край был включен в Джаро-Белоканский округ, а с 1860 г. – в Закатальский военный округ, относившийся к Тифлисской губернии; с 1921 г. Саингило находится в пределах Азербайджанской ССР; в настоящее время это одна из административных единиц Азербайджанской Республики.

В настоящее время определенная часть местного населения (в основном в Кахском районе) сохраняет грузинский язык (ингилойский диалект), национальную самобытность, ментальность, идентичность, элементы хозяйственной и социальной жизни. Что касается грузинского общества, то и на протяжении всего XIX в., и в дальнейшем оно не теряло контактов со своими соотечественниками. Старания общественных деятелей главным образом ограничивались образовательной сферой: ездили в села Саингило, где в школах и в грузинских семьях обучали детей грузинской грамоте, привозили им грузинские учебники, книги, прессу, работали в сфере культуры, записывали этнографический материал и т.д. В этом плане неизмеримы заслуги Д. и М. Джанашвили, З. Эдили (Эдилашвили), И. Гогешвили, А. Омарашвили и др. Эта тенденция продолжалась и в XX в.

Саингило отличается своим природно-географическим расположением, своеобразием рельефа, умеренным климатом, полноводными реками, богатой

² © Г. Гоциридзе

Грузинки-ингилойки из с. Ках в нарядных национальных костюмах
Закатальский округ, Бакинская губ., 1883 г.
© МАЭ РАН. № 135-18

флорой и фауной. Территория Саингило делится на две части: горную и равнинную. Горная часть представляет извилистую гряду Кавказского хребта с вершинами Гударехи, Диндиди, Губази, Дингила и др. Равнинная зона характеризуется плодородными долинами, покосами и пастбищами, раскинувшимися по левобережью р. Алазани, что создает благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства (овцеводства). Кроме полеводства, ингилойцы занимаются садоводством, табаководством, пчеловодством и, особенно, виноградарством и виноделием. Несмотря на соседство с мусульманами и запрет исламом вина, они сохра-

нили традицию изготовления вина, которое хранят в кевври (врытых в землю глиняных кувшинах); они едят свинину, устраивают застолье по грузинскому обычаю, выбирают тамаду и произносят тосты.

Наряду с земледелием в хозяйственной жизни ингилойцев большое место занимало скотоводство, а также сбор дикорастущих трав, ягод, фруктов, охота. В пищу они активно потребляли *мхали* (блюда из разных измельченных овощей, заправленные грецкими орехами, зеленью и т.д.). Леса здесь богаты такими съедобными и полезными растениями, как *гандзили* (черемша) и *джонджоли* (клекачка), грибы, разные ягоды (брусника, черника и т.д.), благодаря чему ингилойцы выживали в периоды вражеских нашествий и в неурожайные годы. Ингилойцы и сегодня культивируют дикие растения путем селекции и прививания. Ингилойцы выращивали пшеницу сортов *доли*, *тавтухи*, *дика*, а также овес и ячмень. Хлеб пекли в устроенных в земле *тоне*; из традиционных форм хлеба пекли *шоти*, *лаваши*, *мргвали пури* (круглый хлеб), на Новый год и в другие праздники – ритуальные лепешки-хлебцы разной формы (*квереби*). В повседневном рационе ингилойцев в настоящее время большое место занимает рис. Традиционными национальными блюдами считаются *каурма*, *буглама*, *чахохбили* и др.

Из традиционных форм поселения до 1950-х годов в Саингило сохранялись три типа: 1) рассеянное поселение, или отстоящие друг от друга на определенное расстояние одноэтажные дома, утопающие в зелени садов и ви-

ноградников, внешне напоминающие западногрузинские; 2) расположенные в один ряд вдоль улицы дома с задними дворами (новые и старые кварталы). Один квартал нередко населяют однофамильцы, происходящие от одного предка; 3) горные поселения, состоящие из выстроенных почти вплоты друг к другу домов, – вертикальный тип ступенчатой планировки, обусловленный, как правило, малоземельем, когда плоские земляные кровли жилищ используются в качестве террас. У каждого ингилойского села имеется место общественного средоточия сельчан – *гимга*, представляющее собой одновременно объект культового назначения и *салакбо* («говорильню», т.е. место бесед) сельских мужчин и старейшин.

Кроме основных домов, почти у всех ингилойцев имеются в собственности *бинები* – примитивные постройки на покосах и пастбищах, предназначенные для временного жилья в летний и осенний период. Наряду с *бинები* каждое село имеет свою мельницу и *динги* (молотильню для риса). В хозяйственном быту ингилойцы используют также каменные ручные мельницы, ступки и терки.

До второй половины XIX в. среди ингилойцев, так же как и среди населения Картли и Кахети, сохранялась большая неразделенная семья, в которой под одной крышей вместе проживало три-четыре поколения. В такой семье соответствующим образом происходило распределение труда, строго соблюдался принцип старшинства, статус главы семьи; особым, привилегированным правовым положением пользовалась почтенная хозяйка дома, руководившая в семье всеми женскими делами. В те времена раздел семьи считался постыдным делом, но если это все же происходило, тогда и раздел имущества осуществлялся по принципу старшинства. Неприкосновенными были только

Музыканты на празднике *Курмухоба* у храма св. Георгия
Азербайджан, Кахский район, 23 ноября 2011 г.

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

мзитеви (вещи из приданого) и *сатавно* (дополнение к приданому в виде денежного капитала) – личная собственность женщины.

Ингилойцы сохранили немало грузинских традиционных свадебных обычаев, чем они очень гордятся. Этнографические материалы свидетельствуют о том, что среди ингилойцев не укоренились такие элементы брака, как уплата за невесту калыма (*урвад*). Напротив, все основные затраты на свадебное застолье берет на себя сторона жениха. Четко определены функции шаферов брачующихся, *махаробели* (благовестника), *эджиби* (главы *макриони* – сопровождающих жениха лиц). В каждом ритуале чувствуется отголосок древних магических действий, верований и представлений раннехристианской эпохи, наполненных символикой плодородия, достатка и изобилия (*Эдили*, 1997. С. 120, 123).

Одним из проявлений грузинской идентичности и самосознания ингилойцев является сохранение важных элементов духовной культуры – национальных религиозных праздников, в частности, Курмухоба, или Гиоргоба, который они ежегодно отмечают 23 ноября в Курмухской церкви св. Георгия: закалывают жертвенное животное, пекут ритуальные лепешки, зажигают свечи и совершают всенощное бдение. Св. Георгий считается в народе главным покровителем долголетия, здоровья, плодovitости (особенно рождения сыновей) и заступником невинных.

ГРУЗИНЫ ИРАНА³

Одна из наиболее многочисленных грузинских диаспор приживает в Иране, где грузинские поселения возникают с XVII в. Со времен правления Сасанидов Иран непрерывно стремился к покорению Грузии. В его стратегические планы входили захват территории, упразднение грузинской государственности, уничтожение христианства, национального самосознания и идентичности грузинского народа.

С раннего Средневековья грузины вольно или невольно оказывались в Иране, а некоторые из них достигали особых успехов на военно-политическом поприще и в общественно-культурной жизни этой страны. Это можно сказать о представителях феодального дома Ундиладзе. Были грузины, занимавшие высокие государственные посты *таруга* (правителя города), *диванбега* (окружного судьи) и т.д. Среди деятелей культуры следует выделить известных художников-миниатюристов Джабадари и Сияушбега Картвели, создавших собственную школу; их шедевры внесены в сокровищницу мирового искусства. В Иране успешно творили грузинские писатели, поэты, историки и др. (*Путуридзе*, 1947. С. 107; *Куциа*, 1963. С. 7).

В начале XVII в. «грозный хан» шах Аббас несколько раз вторгнулся в Грузию, и особенно тяжелым был 1616 г. Когда же грузины дали отпор чужеземному завоевателю (Марабдинская битва 1625 г., Бахтрионское восстание 1659 г.), разъяренный шах снарядил против непокорных грузин карательную экспедицию, еще раз ураганом пронесся по грузинской земле; тысячи жителей Кахети были угнаны в Иран. По сведению Искандера Мунши, числен-

³ © Г. Гоциридзе

Город Марткопи
Иран, провинция Ферейдан
© Фото Б. Кудавя, 2006 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ность пленных достигала 300 тысяч человек. В Иране их расселили в нескольких провинциях: Ферейдане, Хорасане, Мазандаране, Фарсе, Ширазе.

Хотя в XVII в. с грузинами в Иране встречались европейские путешественники, дипломаты и миссионеры (Пьетро делла Валле, Томас Герберт, Джон Фриер, Израел Ори), но в отдаленном Ферейдане никому из них побывать не довелось.

Судьба грузинских изгнанников в Иране сложилась по-разному. С точки зрения сохранения национальной самобытности, традиций и обычаев наибольшую стойкость проявили ферейданские грузины. Несмотря на принятие ислама, им по сей день почти в неизменном виде удалось сохранить родной язык (они говорят на ферейданском диалекте), хозяйственные традиции, семейные нравы, элементы системы родственных отношений, фольклорные предания.

С XIX в. появляются сведения о провинции Ферейдан и живущих там грузинах (Генри Лэйард, Жан Морган и др.). Первые подробные сведения о ферейданских грузинах мы находим у известного французского географа Э. Реклю, описавшего их села и ареал их расселения. Он делит Ферейдан на четыре части, из которых та часть, в которой живут грузины, называется «гурджи нахаие», т.е. «грузинский участок (поселение)» (Реклю, 1892. С. 336). Грузинское общество о своих ферейданских собратьях почти ничего не знало вплоть до второй половины XIX в. Интерес к ним возникает и

Грузины-ферейданцы

Иран, провинция Ферейдан, с. Чугурети

© Фото Б. Кудава, 2006 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

усиливается после создания Общества помощи грузинским мусульманам, в деятельность которого значительный вклад внесли И. Чавчавадзе, А. Церетели, И. Гогебашвили, З. Чичинадзе и др. В прессе публикуются дотоле неизвестные материалы о ферейданцах. Первым грузином, ступившим на ферейданскую землю, был видный общественный деятель Ладო Агниашвили. В 1894 г. он предпринял путешествие в Иран, где посетил ферейданских грузин и детально описал их жизнь и быт. Позднее он издал книгу «Персия и тамошние грузины» (Агниашвили, 1896. С. 136). Собранный в книге этнографический материал уникален: здесь описаны формы поселения ферейданцев (расселение кварталами, участками), жилища (с перекрытием «грузинского типа» – *гурдже пуи*), фамилии, формы семейных и хозяйственных отношений, фольклорные предания, диалектно-языковые образцы, нравы и обычаи. Впоследствии в Ферейдане побывали и другие грузины, в том числе сотрудник Грузинского банка Амбако Челидзе, который на протяжении 6 лет работал в Иране и в 1927 г. вместе с супругой Сарой Челидзе посетил эту провинцию. А. Челидзе прошел примерно тот же путь, что и его предшественник Л. Агниашвили, оставив нам редчайшие фото и описательный материал в виде книги «Ферейданские грузины» (1935 г.). Ныне семейный архив Челидзе хранится в Литературном музее им. Георгия Леонидзе, который в 2012 г. переиздал книгу Челидзе, дополненную новым фотоматериалом из архива автора.

В 1971 г. в Ферейдан отправилась первая научная экспедиция при участии видного востоковеда, проф. М. Тодуа и других специалистов. Кинооператор Гурам Патарая снял фильм «Далеко до Гурджистана», в котором отражены эпизоды из жизни и быта ферейданских грузин. Из трудов, написанных грузинскими исследователями о ферейданцах, особо следует отметить труды З. Шарашенидзе, Г. Чипашвили, З. Чичинадзе.

На сегодняшний день ирано-грузинские дипломатические, политические и культурно-экономические связи в значительной мере расширились. Министрство Грузии по делам диаспор разработало новый подход в решении проблем диаспор, содействуя организации поездок грузинских ученых, деятелей культуры и искусства в Ферейдан (и вообще в Иран). В 2003 г. здесь побывала правительственная делегация во главе с президентом, а также Католикос-Патриарх всея Грузии Илья II, благословивший ферейданских грузин. Ферейдан сегодня уже не является отсталой периферией Ирана – это довольно развитый в культурном отношении урбанизированный край. В регионе функционируют грузинская школа, народные художественные творческие коллективы (хореографический ансамбль). Молодежь Ферейдана получает образование как в Тегеране, так и в вузах Грузии и многих европейских стран. В одном из уголков старого Тбилиси открыт Иранский дом культуры.

Несмотря на суровые климатические условия Ферейдана (это горный край), грузины успешно развили симбиозную форму земледельческо-скотоводческого хозяйства. Из зерновых культур здесь сохранились древнегрузинские сорта пшеницы *кана* и *цмнда*; им знакомы также сорта *долис пури*, *тавтухи*, *кери* и *дика*. Из земледельческих орудий по сей день используются *гутани* (плуг), *цели* (коса), *намгали* (серп); из хозяйственных сооружений известны *бегели* (амбар), *хула* (дощатое строение для хранения фруктов и зерновых). В скотоводстве применяют старый грузинский обычай объединения в товарищество *ханулоба* (взаимопомощь для собирания молока). Ферейданские грузины с особой бережливостью и любовью относятся к хлебу как основному продукту; хлеб пекут во врытых в землю *тонэ*. На комок теста, подготовленного к выпечке, они ребром ладони наносят изображение креста – символ христианской веры. Названия местного хлеба: *горгвали* (округлый), *шоти*, *какала* (ореховый) и др.

Наряду с полеводством ферейданцы занимаются садоводством и виноградарством. Сад, где разбит виноградник, называют *напас баги* (дедов сад). Вино у них не принято, зато они готовят игристый виноградный сок – *халяль*.

Поселения ферейданцев расположены скученно, кварталами: дома выстроены террасно, ступенчато, впритык друг к другу с небольшими проходами. Такой принцип поселения помогал жителям защищаться при нападении кочевников. В древней грузинской традиции выполнен и интерьер жилища – с очагом (*кериа*) и центральным несущим столбом (*дедабодзи*).

Национальная идентичность ферейданцев отчетливо проявляется в их системе родства, семейных и брачных отношениях. Они стараются избегать, а часто и вообще запрещают близкородственные браки как по отцовской, так и по материнской линии. Соблюдается внутрифамильная экзогамия. Согласно традиции, ферейданскую грузинку не выдавали замуж за персамусульманина, хотя ввести в дом невестку другой национальности допускалось. Ферейданцы сохранили в обиходе грузинские термины, обозначающие

Сестры Паниашвили

Иран, провинция Ферейдан, г. Марткопи

© Фото Б. Кудавя, 2006 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

родство и свойство: *деда* (мать), *мама* (отец), *дзма* (брат), *папа* (дед), *бабо* (бабушка), *дзала* (сноха), *бидзашвили*, *деидашвили* (двоюродные братья и сестры) и др. Несмотря на обращение в мусульманскую веру и распространение норм шариата, в институте брака и свадебном обряде ферейданцев сохранилось многое из грузинских обычаев. Например, обычай выбора невестки путем предварительного расспроса о ней, церемония обручения – *дациндва*, ритуал преподнесения *белга* (первого знака обручения), подбор состава *макриони* (лиц, сопровождающих невесту и жениха) по принципу родства, устройство театрализованных представлений ряженых *Берикаоба-Кееноба* во время шествия *макриони*, магические действия *махаробели*, или *мацнэ* (гонца), строго определенные функции шаферов, *эджиби* (главы макриони жениха и исполнителя его воли), *мдадэ* (почтенной женщины в свите невесты) и других персонажей свадебной церемонии. Иранское влияние больше всего отразилось на одежде, на ее отдельных элементах, головном уборе, платье невесты, хотя сегодня большинство ферейданских женщин предпочитает европейский стиль одежды.

ГРУЗИНЫ РОССИИ⁴

Связи грузин с Россией прослеживаются с раннего Средневековья: на Русь приезжали строители храмов, живописцы, купцы. Грузинские мастера участвовали в росписи Киево-Печерского монастыря, храма Спаса-Нередицы в Новгороде, в строительстве Дмитриевского собора во Владимире (XII в.).

⁴ © Л.Т. Соловьева

Киевский великий князь Изяслав Мстиславич в 1154 г. женился на дочери грузинского царя Деметре I. В 1185 г. мужем царицы Тамары стал князь Юрий, сын владимиристо-суздальского князя Андрея Боголюбского. Связи между Русью и Грузией были прерваны в период ордынского ига и восстанавливаются с конца XV в.: в 1491 г. кахетинский царь Александр направил в Москву посольство. В православной Москве Грузия видела потенциального союзника и покровителя, и Москву также интересовал Кавказ: с 1591 по 1606 г. из Москвы было отправлено в Грузию пять посольств. Наиболее активными посольские связи были в конце XVI – начале XVIII в. Особенно интенсивными они стали при царе Алексее Михайловиче. В 1648 г. в Москву из Афонского Успенского Иверского монастыря был перенесен список чудотворной иконы Божией Матери Портаитисса (Вратарница) (*Тарсаидзе*, 1972). Первое время икона находилась в Успенском соборе Кремля и называлась «Пречистая путеводительница и помощница в напастьх чудотворная икона Богородичная Иверская». В 1669 г., повелением царя Алексея Михайловича, икону поместили в специально для этого построенную часовню; в 1869 г. было торжественно отпраздновано 200-летие этого события (Подлинные акты..., 1879).

Зарождение московской грузинской колонии связано с именем царя Теймураза I. 27 декабря 1653 г. в Москву прибыл его внук Ираклий (в Москве его звали Николай) Давидович с матерью Еленой Леонтьевной; царский поезд торжественно приветствовали при въезде в город. По всей Москве говорили о том, что грузинский царевич «во всем уряден и красив», а царица Елена Леонтьевна – женщина «умнейшая и благороднейшая» (*Татишвили*, 1959. С. 18). Царевич Николай посещал монастыри, встречался с высшим московским духовенством, выучил русский язык, хотя переписку вел на грузинском. Отправляясь в 1654 г. в поход против польского и литовского короля Яна Казимира, Алексей Михайлович взял Николая с собой. Перед войсками несли икону Иверской Божией Матери. После удачного военного похода Иверская икона стала пользоваться еще большим почитанием в народе.

Район, прилежавший к Никольскому монастырю, стал местом первого поселения грузин, прибывших с царевичем Ираклием. В церкви Никольского монастыря служили грузинские священники. Монастырь стал культурным и религиозным центром грузинской колонии, первым пантеоном грузинских деятелей в Москве. В Москве с царевичем находились грузинский епископ Епифаний, свита грузинских князей и дворян. Многие из них породнились с русскими князьями и дворянами и остались в России. Грузины занимали видное положение при царском дворе. Большой интерес вызывали грузины у иностранцев, находившихся в Москве. Так, Рейтенфельс писал о них: «Грузины обладают черными как смоль волосами, громадными кроткими глазами, орлиным носом, белою как снег кожей и вообще очень красивы. Женщины их от природы очень привлекательны, носят к тому же еще пышные, по персидской моде, платья» (Цит. по: *Татишвили*, 1959. С. 18).

В 1658 г. в Москву прибыл Теймураз I, искавший помощи для борьбы с турками и персами. В 1660–1666 гг. царевич Николай находился в Грузии, но после неудачных попыток вернуть дедовский трон вновь вернулся в Москву со свитой более 100 человек (князья, дворяне, духовные лица); в 1674 г. он окончательно уехал в Грузию. Царевич был в числе самых близких к государю

рю лиц: когда Алексей Михайлович в 1671 г. вступал во второй брак, тот был тысяцким на его свадьбе.

После отъезда Ираклия в Москве оставались несколько грузинских семей, которые породнились с русскими боярскими родами (например, семья Хохона Давиташвили, у которого было девять сыновей, и др.) (*Татишвили*, 1959. С. 153). Как отмечают исследователи, «грузины, живя вне родины и приобщаясь к новой культуре, постепенно подготовили почву для дальнейшего сближения двух народов – грузинского и русского» (*Тарсаидзе*, 1964. С. 3). Дальнейшее формирование грузинской колонии было связано с имеретинским царем Арчилом II: потерпев поражение от Турции, в 1682 г. он с семьей и подданными перебрался в Астрахань. В 1684 г. в Москву прибыли его сыновья – 10-летний Александр и 8-летний Мамука (Матвей) с большой свитой. Царевич Александр вместе с будущим царем Петром I участвовал в «Великом посольстве», где обучался «бомбардирству». Он стал первым грузинским генералом, получил звание генерал-фельдцейхмейстера и возглавил Пушкарский приказ. В 1700 г. под Нарвой царевич Александр попал в плен к шведам и умер в 1711 г., возвращаясь в Россию после многолетнего плена. По указу Петра I Александру Арчиловичу было пожаловано с. Всесвятское (7 км от Москвы), которое впоследствии перешло к его сестре царевне Дарье (Дареджан) Арчиловне и на долгие годы стало центром грузинской колонии. При церкви с. Всесвятское образовался пантеон грузинских деятелей.

Петр I заботился о семействе царя Арчила, помогал ему организовать в Москве печатание грузинских книг; в 1705 г. здесь был напечатан Псалтырь. Арчил поддерживал тесные сношения с Грузией, занимался литературной деятельностью (написал записку о Грузии, составил карту страны), переводил на грузинский язык рассказы из греческого «Хронографа». К этому времени в Москве проживали представители около 20 родовитых грузинских фамилий: князя Амбрасадзе (Амбразанцевы), Херхеулидзе (Херхеулидзевы), Соллагашвили (Салоговы), Дадиани (Дадиановы), Квариани, Джапаридзе, Сакварелидзе, Бежанишвили, Алалишвили. Вместе с ними в Россию прибыли и семьи зависимых крестьян, крепостных, низшего духовенства – всего около 100–150 семей (*Татишвили*, 1959).

В Москве было немало грузинских священников. Монастыри и церкви, в которых они находили приют, становились не только религиозными, но и культурными и экономическими центрами грузинской общины. При Арчиле религиозным центром грузин в Москве стал Донской монастырь. В 1705 г. настоятелем монастыря стал грузинский архимандрит Лаврентий, занимавшийся его благоустройством. В Донском монастыре сформировалась самая крупная усыпальница грузинских военных и политических деятелей XVIII в. Переселяясь в Россию, грузины везли с собой и христианские святыни. Так, в главном храме Страстного женского монастыря в позолоченной серебряной гробнице с грузинской надписью находилась «честная глава Святой великомученицы Анастасии Узорешительницы». Мощи эти после взятия турками Константинополя из разрушенной церкви св. Анастасии попали к царям Грузии и стали их домашней святыней. В Москве они находились в домовых церквях князей Грузинских возле Малого театра (в доме Хлудова), а в 1841 г. были переданы в монастырь.

Еще одна волна грузинской эмиграции была связана с переселением в Россию царя Вахтанга VI – ученого, поэта, переводчика, основателя книгопечатания в Грузии. В 1724 г. Вахтанг VI с согласия Петра I эмигрировал в Москву со своим семейством, сыновьями Бакаром и Георгием и свитой – всего 1186 человек, в их числе были видные ученые, военные и гражданские лица, писатели, деятели культуры, книгоиздатели, представители знатных фамилий из Восточной Грузии. В эти годы в Москву приехали историк и географ Вахушти Багратиони (в Москве он завершил свой труд по истории и географии Грузии), писатель С.-С. Орбелиани, поэты Мамука Бараташвили и Давид Гурамишвили. Последний именно при дворе Вахтанга VI обрел славу поэта (*Пайчадзе*, 1982. С. 57). В 1725–1745 гг. эмиграция грузин в Россию была особенно активной. Они селились также на Северном Кавказе, на Украине, в Астрахани, Казани (*Тарсаидзе*, 1964. С. 3).

Вахтанг VI поселился в центре Москвы, в Белом городе; грузинам была отведена церковь, где служили придворные грузинские священники (в 1730-е годы в распоряжении грузин было 8 церквей). В 1724 г. он поселился в с. Всесвятском, в 1729 г. ему было отдано с. Воскресенское на р. Пресне. По обоим берегам Пресни появились Грузинские слободы, в середине XVIII в. – Большая Грузинская улица. Дворец Вахтанга VI на Пресне был деревянный, с большим садом и прудом. (О садах князей Грузинских у Пресненских прудов упоминает Л.Н. Толстой в «Войне и мире».) В 1788–1800 гг. царевич Георгий построил здесь каменную церковь св. Георгия. Эта местность между Красной Пресней и Большой Грузинской улицей стала называться Грузинами.

В XVIII в. грузины пользовались некоторыми привилегиями по сравнению с прочими жителями: их дома были освобождены от постоя (квартирной повинности), по указу от 1 сентября 1740 г. их не могли привлекать на службу без разрешения членов их царского дома (*Сытин*, 1958. С. 614). Было разрешено принимать грузин в Кадетские корпуса при условии, что они останутся в России. В 1738 г. была сформирована Грузинская гусарская рота, преобразованная в 1741 г. в полк: он стоял сначала на Украине, потом в Свияжске Казанской губ., в 1769 г. – в Кизляре и т.д. (*Тарсаидзе*, 1964). На Украине гусарам были выделены земли в потомственное владение, где в мирное время они вели жизнь небогатых помещиков. Полк участвовал в начавшейся в 1757 г. Семилетней войне (где была отмечена его «храбрость и неустрашимость»), в войне против турок и т.д. (*Андроникашвили*, 1992. С. 62–63).

Со временем в Грузинской слободе (особенно после 1812 г.) стали селиться и русские. В 1779 г. в слободе было 73 двора грузинских и 24 – русских и армян, в 1793 г. – из 100 дворов 50 было грузинских. Существование особой слободы создавало некоторую обособленность грузинской диаспоры: об этом говорит и длительное сохранение в их среде родного языка (даже среди внуков приехавших в Москву грузин). Так, в 1788 г. прихожане церкви св. великомученика Георгия, что в Грузинах, просили назначить к ним грузинского священника, так как многие из них не знали русского языка. Богослужение в церкви с. Всесвятского до 1801 г. также шло на грузинском языке (*Токмаков*, 1898. С. 31). Сохранялся родной язык и в грузинской царской семье. Воспитателями царевичей, живших в Москве, были грузины. Знал родной язык даже правнук Вахтанга VI – Георгий, сын Александра Бакаровича, который до 12 лет жил при бабушке Анне Георгиевне Грузинской (она была последней

представительницей старшей линии Багратиони в России). Главной резиденцией грузинской царской семьи оставалось с. Всесвятское. По праздникам там устраивали фейерверки, балы, торжественные приемы. Царь Вахтанг принимал участие в придворной жизни русских царей. В 1744 г. здесь побывала императрица Елизавета, в январе 1775 г. – Екатерина II. В середине XVIII в. в с. Всесвятское царевичи Бакар и Георгий восстановили печатание грузинских церковных книг. Типография работала до 1774 г., позднее была перенесена на Пресню. В 1770-е годы изданием грузинских богослужебных книг в Москве занимался архиерей Афанасий Амилахвари, служивший в Архангельском кремлевском соборе. После смерти в 1737 г. царя Вахтанга главой грузинской эмиграции был царевич Бакар (скончался в Москве в 1750 г.), затем – царевич Александр Бакарович.

Грузины жили также в Новинской части Москвы – за Земляным городом, при устье р. Пресни. В 1737 г. от пожара сильно пострадал находившийся здесь Новинский монастырь, и Анна, вдова царевича Симона (брата царя Вахтанга), восстановила в нем четыре церкви. Монастырь стал называться Грузинским Новинским девичьим. При Елизавете Петровне игуменом монастыря был грузин Григорий. Монастырь находился под управлением грузинского митрополита Романа. Здесь жил архиепископ Руствельский Иоанн. Игуменьей монастыря была Нина – дочь царя Имерети Баграта (она прибыла в Москву вместе с царем Вахтангом). При Московском Знаменском монастыре также жили грузины (с 1740 г. – архиепископ Иосиф, в 1752 г. – архимандрит Николай Джапаридзе); был прибежищем некоторых грузинских иерархов и Чудов монастырь (*Тарсаудзе*, 1964. С. 16).

Грузины, жившие в России в XVIII в., нередко поступали на военную службу. Уже в 1723 г. было дано разрешение принимать грузин на службу в русскую армию и были составлены первые грузинские воинские команды. Так, Георгий Дадиани (сын владетеля Мегрелии Левана IV), воспитывавшийся в доме царя Арчила, служил капитан-поручиком. Борис Туркистаншвили выполнял роль доверенного лица при Петре I во время Персидского похода. Среди грузин были также землемеры, межевщики, военные инженеры, артиллеристы, архитекторы, фабриканты (например, Цицишвили имели фабрику по производству сукна), мелкие канцелярские служащие, служители церкви и т.д. По данным начала XIX в., московские грузины занимались различными видами деятельности. Например, один из членов семьи Кванчихидзе был титулярным советником и состоял смотрителем кирпичных заводов, которые находились в ведении М.Д. Цицишвили, другой служил в Экспедиции конных заводов, третий – надзирателем в Константиновском межевом институте (*Тарсаудзе*, 1983. С. 5). Представители грузинского высшего духовенства активно участвовали в церковной жизни России.

Грузинские семьи, в том числе из царской династии Багратиони, нередко роднились с представителями княжеских и графских семей Долгоруких, Толстых, Меншиковых, Голицыных и др. Фамилии грузин в новых условиях нередко оформлялись на русский лад: Церетели стали Церетелевыми, Дадиани – Дадиановыми, Бараташвили – Баратовыми или Баратаевыми, Амберсадзе – Амбразанцевыми, Шаликашвили – Шаликовыми или Чаликовыми, Теймурашвили – Тимирязевыми, Размадзе – Размадзевыми, Зандукели – Сандуновыми, Эгнаташвили – Игнатьевыми, Панчулидзе – Панчулидзевыми

и т.д. У московских грузин встречались фамилии: Южикидзе, Брегваздины, Грузинцевы, Картвелины, Сичкаревы, Кацауровы, Лошкаревы, Барношвейлевы, Чефаридзе, Индейцевы и др.

Одним из видных деятелей грузинской колонии был Д.Г. Багратиони, живший в Грузинах: он занимался литературной деятельностью, в 1819 г. издал на грузинском языке книгу «Мученичество Св. Кетеван царицы, в стихах изложенное». Он был женат на сестре главнокомандующего в Грузии, московского уроженца П.Д. Цицишвили. Дочь его была замужем за Г.И. Авалишвили. Багратиони и Авалишвили содержали устроенную их родственником М.Д. Цицишвили богадельню для престарелых женщин в Грузинах. Г.И. Авалишвили поддерживал связи с родственниками в Грузии и не раз сам ездил туда. В 1847 г. его племянница Нина Грибоедова (урожд. Чавчавадзе) жила у него в Москве (*Тарсаидзе*, 1964. С. 22).

Представители знатной фамилии Цицишвили (потомки Цици Панаскертели) занимали важные посты при дворе, роднились с царствующими Багратионами. Одним из передовых людей XVIII в. был П.Д. Цицианов (1754–1806) – известный военный и государственный деятель. Он родился в Москве, в семье, где большинство мужчин было людьми военными, имевшими прекрасное образование. С 1785 г. П.Д. Цицианов командовал полком, участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 гг. и подавлении Польского восстания 1794 г., особенно выдвинулся при фельдмаршале А.В. Суворове, с 1803 г. – генерал от инфантерии. В 1802 г. был назначен главнокомандующим в Грузии и в 1806 г. погиб у стен Баку. Под руководством его брата Михаила в 1810 г. в Москве была построена Оружейная палата.

Дед П.Д. Цицианова Павел (Папуна) в Шведскую войну погиб в Финляндии в сражении под Вильманстрандом (1740). Сына Дмитрия Папуна, несмотря на скудные средства, отправил учиться в Шляхетский кадетский корпус. Дмитрий Цицианов в 1767 г. был избран московскими дворянами поверенным депутата для работы в Екатерининской законодательной комиссии. В 1770 г. он работал в Первом департаменте юстиц-коллегии в Москве надворным советником, в 1774 г. – коллежским советником. Д. Цицианов перевел с немецкого языка на грузинский «Арифметику», написал несколько книг: «О межевом искусстве для наставления молодых землемеров», «Завещание статского советника князя Дмитрия Павловича Цицианова детям своим» (1786). Грузинский католикос Антоний I в своем сочинении «Мерное слово» написал о нем:

Ученый же ты русский и грузинский,
Человек христоробивый, высокого ума.

Грузинский язык в семье Цициановых сохранялся в течение нескольких поколений, его знали наравне с русским – видимо, потому что роднились они, в отличие от других семейств, в основном с грузинами (*Тарсаидзе*, 1983).

Князя Бараташвили прибыли в Россию с Вахтангом VI, в последующие годы их род разделился на две ветви: Баратовых (жили в основном на Украине, в Полтавской и Черниговской губерниях) и Баратаевых. Михаил (Мелхиседек) Петрович Баратаев был генералом, участником войны 1812–1814 гг., одним из основателей Русского императорского археологического общества,

издал труд «Нумизматические факты Грузинского царства» (СПб., 1844), хорошо знал грузинский язык. Баратаевы жили также в Симбирской губ., в имении Баратаевка (*Тарсаидзе*, 1983).

В Грузии находился дом известного поэта карамзинского направления П.И. Шаликова (1768–1852), издававшего с 1823 г. «Дамский журнал». Грузинское происхождение имела и семья Сандуновых (Зандукели), с которой связано основание знаменитых Сандуновских бань. Сила Николаевич Сандунов был актером, его брат Николай Николаевич – юристом, профессором Московского университета. Известным в 1820-е годы московским библиофилом и коллекционером-антикваром был А.И. Сулакадзе, отставной офицер Гвардейского Семеновского полка. В его собрании было около 2 тысяч рукописей.

По данным 1805 г., в Москве оставалось немного грузин (155 человек – 76 мужчин и 79 женщин), они практически сливались с местным населением (*Тарсаидзе*, 1964. С. 15).

В Отечественной войне 1812 г. участвовало 72 грузина высших и средних воинских чинов, в том числе более десяти генералов: Петр Багратион, его брат Роман (Реваз), Семен Гангелов, Иван Гурьелов (Гуриели), Павел Лашкарев (Лашкаришвили-Бибилури), Антон Шаликов, три генерала Жеваховы (Джавахишвили) – Иван, Филипп и Спиридон, братья Иван и Семен Панчулидзе, братья Лев и Владимир Яшвил (Яшвили) (*Тарсаидзе*, 1972). По подсчетам исследователей, до 1920-х годов более 300 грузин, состоявших на службе в российской армии, имели генеральское звание (*Гогитидзе*, 2006).

Значительные поселения грузин образовались в Астрахани, на пути следования грузинских царей в Москву. Там жили грузинские цари Арчил II, Вахтанг VI, Теймураз II. В астраханской церкви Рождества Богородицы служили грузинские священники.

На Северном Кавказе компактные поселения грузин появились в 1720-е годы: здесь обосновалась часть грузин, сопровождавших Вахтанга VI, а также многочисленные пленники-грузины, освобожденные в результате Персидского похода Петра I 1722–1723 гг. В приграничные русские крепости (Святой Крест и др.) бежали пленные грузины, а также мигранты из Грузии, которым здесь отводили земли. Грузины обосновывались в Кизляре, Моздоке, Дербенте, в селениях и станицах Притеречья. В 1785 г. в Кизляре жили 1,6 тысяч грузин, в Моздоке – около 1 тысячи, в целом в Притеречье – около 3 тысяч. В станицах Терской области Сасоплы (от груз. *сопели* – селение) и Шелковская (груз. *Сарапани*) с XVIII в. жили грузины, зачисленные в казачье сословие. В 1904 г. в ст. Сасоплы насчитывалось 60 дворов грузин. Ст. Шелковская возникла около Шелкового завода, основанного в 70 верстах от Кизляра; в 1792 г. здесь наряду с армянами и русскими жили 135 грузин. Местные грузины говорили на грузинском, армянском, русском, ногайском языках, сохранили песенный фольклор, записанный в 1904 г. грузинским композитором Д.И. Аракишвили. Грузины жили также в станицах Червленной, Старогладковской, в с. Брагуны (*Волкова*, 1994. С. 143).

Значительная волна грузинской эмиграции в Россию была связана с присоединением Грузии к России в 1801 г.: переселенцы этих лет обосновывались и в Москве, и в Петербурге. Многие представители царской фамилии и

часть феодальной знати выехали в Россию, где они получили имения и пенсии. В 1859 г. по постановлению Сената были установлены фамилии и титулы потомкам царской Багратионовской династии: потомки царевича Бакара Вахтанговича стали именоваться князьями Грузинскими, а с 1865 г., по постановлению Государственного Совета, потомки последних царей Восточной Грузии – Ираклия II и Георгия XII – стали называться светлейшими князьями Грузинскими. Соответственно были оформлены фамилии Имеретинский и Мингрельский с присоединением наследственного титула «светлейшие князья» (Дворянские роды..., 1996).

Центр грузинской диаспоры в России в XIX в. переместился в Санкт-Петербург, где обосновались наследники грузинских царей (*Горгидзе*, 1976). В XIX в. грузинская колония в Москве (и в еще большей степени – в Санкт-Петербурге) росла за счет того, что сюда приезжала грузинская молодежь, чтобы получить образование (в том числе и военное) в российских столицах. По окончании обучения не все возвращались обратно, особенно из числа тех, кто хотел посвятить себя научной деятельности, поскольку в Грузии того времени не было вузов и научных учреждений. Таким образом постепенно формировались значительные грузинские колонии, в основном из числа интеллигенции. Многие грузины вели преподавательскую работу (*Каландадзе*, 1984; *Сулаберидзе*, 1980; *Саитидзе*, 2003).

В течение XX в. число грузин, проживающих в Российской Федерации, постепенно увеличивалось, хотя в целом было невелико. По данным переписей, в 1926 г. – более 21 тыс. человек, в 1939 г. – около 44 тыс., в 1959 г. – более 57 тыс., в 1970 г. – около 69 тыс., в 1989 г. – более 130 тыс., в 2002 г. – 197 934, в 2010 г. – 157 803 человека. Значительная доля грузин, живущих в России, имеет высшее и среднее специальное образование; многие являются предпринимателями, известными деятелями культуры, искусства, работают в сферах образования, науки, медицины и т.д.

Большинство грузин в России всегда были городскими жителями; они живут в основном в Москве, Санкт-Петербурге, Ярославле, Сочи, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Ставрополе, Владикавказе, Нальчике и др. В конце XX в. в связи с конфликтами на территории Грузии и тяжелым экономическим положением в Россию мигрировало значительное число грузин. Некоторые впоследствии вернулись в Грузию или уехали в другие страны, но многие обосновались в различных российских регионах, получили российское гражданство и связывают свое будущее с Россией.

В настоящее время практически во всех городах России, где сложились более или менее крупные общины грузин, созданы национально-культурные общества, землячества, объединяющие как потомков давних выходцев из Грузии, так и недавних мигрантов (*Кемоклидзе*, 2001). Они занимаются организацией различных культурных мероприятий, устройством праздников, курсов грузинского языка, помощью представителям диаспоры и т.п. Как в Москве (где имеются две школы с этнокультурным (грузинским) компонентом образования), так и в других городах создаются школы с преподаванием на грузинском языке (или с изучением грузинского языка), национальные танцевальные и песенные ансамбли, театры. В частности, в Москве большую работу проводят такие общественные организации, как Союз грузин в России и Национально-культурная автономия грузин г. Москвы. Например, в октябре

Встреча комитета ветеранов Союза грузин в России с московским комитетом ветеранов Великой Отечественной войны
Москва, 2013 г.
Архив СГР

Настоятель храма св. великомученика Георгия Победоносца в Грузинах отец Федор Кречетов и Митрополит Ахалцихский и Тао-Кларджетский Теодор (Федор) с молодежью Союза грузин в России
Москва, 2013 г.
Архив СГР

2013 г. они совместно с Департаментом межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями Москвы провели в парке Музейон праздник «Тбилисоба в Москве». Здесь выступали танцевальные и музыкальные самодеятельные ансамбли, профессиональные грузинские артисты, прошли соревнования по национальной борьбе *чидаоба*, на ярмарке мастеров можно было научиться готовить *чурчхелы* и другие грузинские сладости, увидеть традиции приготовления виноградного вина в винодавильне *сацнахели*, а также попробовать приготовленный 8-килограммовый *хинкали*.

Союз грузин в России – общероссийская общественная организация, которая имеет отделения более чем в 40 регионах России. Ее деятельность направлена не только на то, чтобы грузины, живущие в России, прежде всего молодежь, приобщались к национальным традициям, сохраняли родной язык, но и на то, чтобы знакомить с различными сферами грузинской культуры всех заинтересованных россиян. Например, при московском отделении имеются курсы грузинского языка, курсы по изучению игры на национальных инструментах – *пандури*, *чонгури*, *саламури*, хореографический ансамбль «Джорджия», театр-студия «Московский грузинский театр», проводится цикл встреч «Путешествие по уголкам Грузии», презентации книг и т.д. Существует также молодежное движение СГР, представители которого участвуют в проведении дней культуры в вузах, показах грузинских фильмов, чемпионатов по нардам и шахматам, в субботниках в храме св. Георгия Победоносца в Грузинах и т.д. Деятельность таких организаций, как Союз грузин в России и Национально-культурная автономия грузин, с одной стороны, позволяют представителям грузинской диаспоры успешнее адаптироваться в иноэтничной среде, а с другой стороны, дают возможность российскому обществу в определенной степени познакомиться с богатой и разнообразной культурой грузинского народа. Как свидетельствует многовековой опыт российско-грузинских отношений, именно сфера культуры дает возможность двум странам развивать плодотворное сотрудничество и взаимодействие.

ГРУЗИНСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ⁵

После трех лет независимости (1918–1921 гг.) в марте 1922 г. Грузия вошла в состав Закавказской Федерации, а в декабре того же года – в Советский Союз. Вследствие этих событий в феврале-марте родину покинуло большое число грузин. Не смогли вернуться назад дипломаты, представители посольств и консульств, советники по экономическим вопросам, сотрудники предприятий нефтяной и марганцевой промышленности, деятели разных отраслей искусства, многие ученые и студенты, уехавшие в этот период за границу на стажировку или учебу.

Первый поток беженцев прибыл в Стамбул, где еще со времен Средневековья существовали грузинская диаспора и грузинский квартал. С 1870-х годов здесь центром грузинской культуры был монастырь грузинских католиков – мужская лавра Непорочного зачатия Богородицы, построенный ста-

⁵ © Р. Даушвили

раниями Петрэ Харисчирашвили. Бежавшим от советской власти грузинам предоставили приют представительство Грузии в Турции и грузинский католический монастырь: мужчин расселили в кельях лавры, их семьи – в здании консульства. Беженцам помогали Красный Крест и Комиссия по делам беженцев Лиги Наций, которые при содействии европейских государств и Международного бюро труда с конца 1921 г. занимались контрактным трудоустройством грузин в Европе (*Квинтадзе*, 1985. С. 284–285).

В 1922–1923 гг. за границу было депортировано 62 представителя грузинской интеллигенции. Часть интеллигенции бежала из страны после расстрела в 1923 г. «Комитета независимости». В августе 1924 г., после разгрома антисоветского восстания и начавшихся массовых репрессий, большой поток грузинских беженцев ринулся в Турцию и Иран. В 1924–1927 гг. Грузию покинули и другие участники восстания. В 1927–1930 гг., до того, как СССР окончательно закрыл границы, третий мощный поток грузин-беженцев перешел в Турцию. Эти три потока составили Первую волну грузинской эмиграции.

Грузин во многих странах радушно встретили представительства и консульства, основанные в годы независимости Грузии, которые взяли на себя заботу о приеме беженцев (*Чхенкели*, 1923). Грузинскому посольству в Париже был придан статус «легации правительства», в котором оно просуществовало до 1933 г. – до признания Францией Советского Союза, когда оно было реорганизовано в «Грузинский офис». Посольства и консульства Грузии в других странах были трансформированы в его филиалы, занимавшиеся налаживанием проблем грузинских эмигрантов. В окрестностях Парижа, в Левиле, члены грузинского правительства в 1922 г. купили поместье и шато, а в 1938 г. – земельный участок под кладбище, на котором хоронили соотечественников. Это поместье и кладбище по сей день принадлежат Грузии.

Ареал расселения Первой волны грузинской эмиграции до Второй мировой войны охватывал три континента. К ранее существовавшим маленьким колониям добавились новые эмигранты. Всюду, где компактно проживали грузины, создавались грузинские землячества, ассоциации: в Азии – в Стамбуле (Турция), Тегеране (Иран), Харбине (Северный Китай, Маньчжурия); в Европе – в Париже, Сошо-Оденкуре, Валентине, Монбельяр-Абондане, Монпелье (Франция), Лондоне (Англия), Берлине, Мюнхене, Гейдельберге, Кельне (Германия), Риме (Италия), Варшаве (Польша), Праге (Чехословакия), Брюсселе (Бельгия), Афинах (Греция), Женеве (Швейцария); в Америке – Нью-Йорке, Сизтле, Денвере, Сан-Франциско; в Канаде – Ванкувере, Квебеке, Торонто (*Даушвили Р.*, 2007).

В местах компактного проживания грузин они создавали политические организации: «Интерпартийное заграничное бюро», «Стамбульская политическая комиссия», «Комитет независимости Грузии» и др.

Самым многочисленным было Парижское грузинское землячество. В 1920–1930-х годах в Париже функционировали благотворительные и профессиональные организации грузинских эмигрантов, в частности общество помощи безработным, студенческие и научные организации, кружки по изучению Кавказа, драматические и филармонические кружки, спортивное общество «Шевардени», «Фонд издания грузинских археологических и культурных материалов», грузинские типографии и т.д. Особую роль в жизни грузинской эмигра-

Священномученик архимандрит Григорий Перадзе (1899, с. Бакурцихе Сигнахского уезда Тифлисской губернии – 1942, Освенцим)

© Личный архив Р. Даушвили
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

ции сыграла православная церковь св. Нино, построенная в Париже в 1928 г., предводителем которой до Второй мировой войны был архимандрит Григорий Перадзе – высокообразованный ученый-теолог, владевший более чем 20 языками, доктор философских наук, профессор ведущих европейских университетов, автор трудов по ориенталистике, религии, истории, причисленный к лику святых (по одной из версий, он принял мученическую смерть в концлагере Освенцим, добровольно войдя в газовую камеру вместо неизвестного многодетного еврея).

Для эмиграции Первой волны большое значение имели многочисленные партийная пресса, периодические издания, выпускаемые научными, литературными, культурными и иными организациями, деятельность грузинских издательств и типографий. Отдельные периодические издания и книги печатались в Стамбуле и Париже уже в 1921 г., затем в Валентине, Женеве, Берлине, Мюнхене и т.д. Издателями были разные партии, общества, организации, грузинские эмигрантские газеты и журналы, «Фонд издания грузинских археологических и культурных материалов». Особо следует отметить деятельность грузинских типографий при католическом монастыре в Стамбуле, «Грузинско-Кавказской типографии» в Париже, Берлине и Мюнхене (Шарадзе, 2001–2007).

Во Франции многие грузины работали на автомобильных заводах «Пежо», «Рено», «Симка-Крайслер», в железорудных шахтах Орни; часть занималась мелким бизнесом (в основном изготовлением *мацони*), работали водителями такси; женщины вносили свою лепту в содержание семьи благодаря рукоделию – шили, вязали, вышивали. В Германии было сосредоточено интеллектуальное ядро грузинской эмиграции – профессора институтов, университетов, руководители научных кафедр.

В США и Канаду массовая эмиграция началась в начале XX в. Часть приглашенных в 1905 г. для участия в цирковом шоу «Буффало Билл» гурийских наездников осталась в г. Денвере (штат Колорадо). В тот же период многие из вывезенных американскими промышленниками на строительство железной дороги рачинских рабочих не смогли вернуться на родину и поселились в г. Сиэтл и его окрестностях, откуда затем перебрались на жительство в канадский г. Ванкувер (Даушвили, 2002).

Наиболее состоятельными в экономическом отношении были харбинские грузины, оказавшиеся в Маньчжурии в конце XIX в. на развернутом Российской империей грандиозном строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, в частности на участке Чита–Владивосток Китайско-Восточной ветви. В 1921–1927 гг. к их числу добавились и политические беженцы. Основанное в 1908 г. Харбинское грузинское землячество было самым богатым и хорошо организованным из всех зарубежных грузинских диаспор. Для популяризации и пропаганды грузинской культуры большое значение имело открытие кафедр грузинского языка в Брюссельском, Берлинском, Варшавском университетах и Неапольском институте востоковедения (*Даушвили*, 2007).

Рассеянная по странам Европы грузинская эмиграция оказалась вовлечена в сражения Второй мировой войны. Особой активностью отличались грузины – участники французского и польского Сопротивления, поскольку до войны много грузинских солдат и офицеров служило в армиях этих стран (*Wozniak*, 1991. С. 38).

В сентябре 1939 г., когда Франция включилась в войну, в порядке всеобщей мобилизации были призваны все годные к боевой службе гражданские лица, в том числе и грузинские эмигранты. Поначалу грузинские солдаты служили в разных военных подразделениях. В марте 1940 г. по приказу главного военного командования была сформирована часть, состоявшая из грузин – «Unite Georgiene», в которую вступили также грузины, служившие в Иностранном легионе.

Грузинское правительство в изгнании поддержало борьбу Франции против германских оккупантов согласно декларации первого президента независимой Грузинской Демократической Республики Н. Жордания от 1940 г. Когда немцы начали депортацию мусульман из Парижа, грузины документально доказали немцам, что грузинские мусульмане являются этническими грузинами, просто исповедуют ислам. Посчитавшись с интересами своей союзницы Турции, Германия приняла эти аргументы и освободила грузинских мусульман из лагерей. Когда началась депортация евреев, тогда грузинские евреи назвались последователями учения Моисея, но антропологически грузинами, и на основе сфальсифицированных документов спасали от смерти как грузинских, так и европейских евреев. Этот маневр грузины успешно использовали и в Польше, избавив таким образом от гибели более 1000 грузинских и других евреев. На фоне антисемитизма и всеобщей истерии это было настолько уникальным явлением, что руководитель грузинского Военного комитета М. Кедия и Н. Жордания получили благодарственные письма от главного раввина Парижа Вайса и президента еврейского общества Мосера (*Габлиани Г.*, 1971. С. 270–272). Глава грузинских евреев Иосиф Елигулашвили так оценивал эту помощь: «Много грузин помогло нам в этом деле. Мы этого никогда не забудем. Но больше всех нам помог грузин, называемый историей Грузией». Не будучи гражданами Польши, грузины по собственной инициативе включились в борьбу с фашизмом, желая таким образом выразить благодарность стране, ставшей для них второй родиной (*Джавахишвили Н.*, 1998).

Грузины сражались в партизанских отрядах почти всех европейских стран: Франции, Италии, Греции, Югославии, Румынии, Албании, Венгрии,

Американский авиаконструктор Александр Картвелишвили (1896, Тбилиси – 1974, Нью-Йорк)

© Личный архив Р. Даушвили
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Чехословакии, Польши, Голландии. После вступления в войну США в декабре 1941 г. проживавшие там грузины включились в боевые операции (*Даушвили*, 2013). В ходе Второй мировой войны американская и канадская авиапромышленность использовала самолеты, сконструированные грузинскими авиаинженерами Михаилом Григорашвили (*Михеев*, 2002) и Александром Картвелишвили (*Who is Who*, 1943). Одномоторный истребитель Thunderbolt P-47 Картвелишвили состоял на вооружении ВВС не только США, но и Англии, Франции, Бразилии, а позднее по ленд-лизу – и Советского Союза. Стекло-

завод промышленника Григола Кобахидзе (Джордж Коби) в г. Патакет штата Род-Айленд по государственному заказу изготавливал 45 видов продукции, необходимой для химической промышленности, специальное стекло для кабин самолетов, ампулы для инъекций. Продукция «The Coby Glass Products Company» поставлялась в Канаду и страны антигитлеровской коалиции.

Большинство попавших в плен грузин по окончании Второй мировой войны остались в Европе, многие грузины перебрались из Европы в Америку и Австралию. Возникли новые грузинские землячества в Аргентине, Бразилии, Чили, Перу, Венесуэле. Больше всего грузинских эмигрантов нашло пристанище в Южной Америке, в частности в Аргентине.

К 1960-м годам грузины обеих волн эмиграции превратились в мощную интеллектуальную силу, снискав благодаря своим личностным качествам и профессионализму авторитет как в научных кругах, так и в привилегированных слоях общества. Грузинам удалось стать достойными гражданами тех стран, в которых им довелось жить, и прославить свой народ. Назовем имена некоторых из них.

Национальный герой Франции, кавалер высшей награды Франции – Ордена Почетного легиона, полковник Иностранного легиона Дмитрий Амилахвари (*Gardy*, 1985); дважды кавалер Ордена Почетного легиона, генерал Иностранного легиона Иванэ Вачнадзе (*Gordon*, 2002); обладатели высших военных орденов Франции, офицеры Иностранного легиона Давид Шаликашвили, Николоз (Кукури) Тохадзе, Георгий Одишелидзе, Алексей Чхенкели, Александр Джинчарадзе и др. Их имена присвоены залам и выпускам

Дмитрий Амилахвари, Национальный герой Франции,
возглавляет парад Французского легиона

Париж, 14 июля 1939 г.

© Личный архив Р. Даушвили

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

военных школ Сен-Сир и Сен-Максен, они упоминаются в книгах и фильмах, посвященных легиону.

Незаурядной личностью и благотворителем был Эквтимэ Такайшвили, ныне канонизированный Грузинской православной церковью, автор значительных трудов и исследований по истории и археологии Грузии и Кавказа, издатель и переводчик древнегрузинских сочинений, заместитель председателя Учредительного собрания Грузинской Демократической Республики, один из основателей Тбилисского государственного университета, хранитель вывезенной во Францию грузинским правительством казны и всей национальной сокровищницы. Несмотря на попытки европейских музеев приобрести ценнейшие экспонаты грузинской культуры, благодаря стараниям этого великого патриота и чл.-кор. АН СССР Ш. Амиранашвили и договору СССР и Франции о сотрудничестве от 19 декабря 1944 г. и непосредственному участию И. Сталина и президента Франции генерала Де Голля, 11 апреля 1945 г. сокровищница вернулась на родину (*Амиранашвили*, 1968. С. 11–12). Говоря о наших выдающихся соотечественниках за рубежом, непременно следует назвать имена вышеупомянутого основателя церкви св. Нино в Париже Григола Перадзе, признанного Грузинской (ГПЦ) и Польской (ПАПЦ) церквами священномучеником; искусствоведа Георгия Шарашидзе; ученого-филолога, философа и юриста Калистратэ Салиа, издателя и редактора историко-литературного журнала «Беди Картлиса» («Судьба Грузии»), – «Revue

de Kartvéologie», в котором статьи печатались на грузинском, французском, английском, немецком, итальянском языках. В 1980 г. во Франции вышел в свет фундаментальный труд К. Салиа «История грузинского народа», которому была присуждена премия Французской Академии. На сегодняшний день во французской науке самым именитым ученым признана постоянный (пожизненный) секретарь-политолог (в числе «40 бессмертных» членов) Французской Академии Элен Каррер д'Анкосс (Эленэ Зурабишвили). В фондах знаменитых музеев и частных коллекциях Франции хранятся полотна грузинских художников Феликса Варламишвили (Варла) и Веры Пагава, скульптуры Русудан Мдивани, скульптурные и ювелирные работы Гуджи Амашукели. «Гранд-Опера» рукоплескал грузинскому тенору Михаилу Нанобашвили (известному под псевдонимом Мишель д'Ариал); на балетных сценах блистали Тамар Туманишвили, прима труппы Дягилева, прозванная «Черным Жемчугом» русского балета; «Маленький Бриллиант» французского балета Этер Пагава; балерина труппы Анны Павловой Тамар Гамсахурдиа де Коби, сделавшая блестящую карьеру в модельном бизнесе; любимая модель Коко Шанель Мери Шервашидзе; звезда французского театра и кино Мариам Алиханашвили (Мария Мерико) (44); прославили Грузию пианистки, ныне здравствующие Тео Кедия и Этер Сохадзе-Джакели, окончившие Парижскую консерваторию, а также режиссеры Отар Иоселиани и Темур Баблуани и др.

Много симпатизирующих Грузии людей появилось в Англии благодаря основателю «Общества друзей Грузии в Лондоне» Варламу Черкезишвили, деятельности секретаря журнала «Georgica» Андриа Гугушвили (*Шарадзе*, 1991–1993. Т. 1–8), советника Черчилля Мераба Квиташвили – Николас Кей. Историк и писатель Тамара Драгадзе – признанный специалист в области этнологии. Успешная творческая карьера у певицы Кети Мелуа, балерины Эленэ Глурджидзе и танцовщика Давида Махатели.

В Германии до Второй мировой войны грузины были заняты в основном на научно-просветительном поприще. Кроме серьезных исследований и достижений в отдельных областях науки, многие из них преуспели и на высоких государственных должностях (Александр Никурадзе (Сандерс), Иванэ (Йохан) Никурадзе, Михако Церетели, Георгий Накашидзе, Михаил Ахметели и др.).

С Австрией связана творческая деятельность современного грузинского баса Пааты Бурчуладзе, баритона Ладос Атанели, сопрано Тамар Джавахишвили (Тамар Ивери), Нателы Чкониа (Николь), пианисток Элисо Болквадзе и Хатии Буниатишвили.

На итальянской оперной сцене своим мастерством блистают грузинские певцы: Нино Сургуладзе, Анита Рачвелишвили, Иано Алибегашвили (Тамар Иано), Нино Мачаидзе, Кетеван Кемоклидзе, Нана Кавтарашвили (Мириани).

Представителями немногочисленного грузинского землячества в Бельгии являются проф. Маркоз Тугуши, дизайнер Гайоз Берекашвили, музыкант Эленэ Церетели; в Швейцарии – генерал и политический деятель Лео Кереселидзе.

В Польше прославились: генерал бригады Александр Закариадзе, полковник Валериан Тевзадзе (Валерий Кржижановский), вице-полковник польской

армии Михаил Квалиашвили, генерал Александр Чхеидзе, майор Дмитрий Шаликашвили и др.

В обширной Османской империи можно было встретить пашей, визирей, военачальников, бегларбегов, санджакбегов, министров, депутатов Большого народного собрания грузинского происхождения (*Кассаб*, 2011). В стенах стамбульского монастыря грузинских католиков были воспитаны, а затем вели активную деятельность многие известные грузины: Иванэ Гварамадзе (Винме Месхи), Михаил Тамарашвили, Андриа Цинамдзгвришвили, Рафиэл Иваницкий-Ингило, Шалва Вардидзе, Михаил Тархнишвили и др. (*Путкарадзе Ш.*, 2013).

Из проживавших в Маньчжурии грузин одной из видных личностей был Ивлианэ Хаиндрава, на протяжении 30 лет возглавлявший грузинское землячество в Харбине и опекавший на чужбине своих соотечественников.

В 1910–1930-е годы личным врачом императора Эфиопии Менелика II был грузин – Петрэ Мерабишвили – «доктор Мераби», основатель аптеки и больницы в Аддис-Абеба, автор нескольких трудов об Эфиопии (*Жвания*, 2010).

Из среды грузинских эмигрантов США следует выделить стеклопромышленника Григола Кобахидзе (Джорджа Коби); Георгия Мачабели – основателя парфюмерной фирмы «Prince Matchabelli» (*Шарадзе*, 1991–1993); в этой же сфере больших успехов добился Арчил Гуриэли (Чкониа) с супругой Еленой Рубинштейн. Отметим также Николоза Джишкариани – автора лекарственного препарата «Гемодин» (*Gishkariani*, 1941) для лечения нервных заболеваний и анемии, финансиста банка Моргана Василия Думбадзе; первого директора грузинской редакции радиостанции «Голос Америки» и основателя музыкальной школы в Нью-Йорке пианиста Эреклэ Орбелиани (*Даушвили Р.*, 2013); руководителя фонда Льва Толстого, юриста Теймураза Багратион-Мухранского, Отара Залдастанишвили – руководителя строительной компании в Бостоне, по проектам которого построено множество зданий в Америке и Европе, в том числе именуемый Восьмым чудом Света «Пальма Джумейра» – архипелаг на побережье Дубаи, состоящий из 200 искусственных островов.

Известный политик и защитник природы, основатель организации «Американские друзья Грузии» и «Фонда помощи Грузии» Константин Сидамонидзе-Эристави на протяжении 20 лет занимал должность вице-мэра Нью-Йорка в сфере автомобильного сообщения. Его заслугой является снабжение Нью-Йорка экологически чистой питьевой водой.

В 1930-е годы большой интерес американского светского общества вызывали три сына генерала Захария Мдивани – Серги, Давид и Алекс – весьма популярные в Голливуде. В 1940-е годы в Америке и во всем мире прославился скульптор Георгий (Джордж) Папашвили, автор бестселлера «Все может случиться». В Голливуде по этой книге был снят фильм, завоевавший «Золотой глобус». В голливудских фильмах снимали борца, основателя шахматного клуба «The Flea House» Кола Квариани. Живой интерес американского общества вызвало творчество грузинских писателей – Павлэ и Давида Чавчавадзе, дипломата Ники Чхотуа (Чкониа), Александра Папуашвили (Сандро Небло).

Праздник в честь дня объявления независимости Грузии (26 мая 1918 г.)
США, Дом отдыха кавказцев «Алаверди» около Нью-Йорка, 26 мая 1960 г.
© Личный архив Р. Даушвили
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

В сфере искусства плодотворной оказалась деятельность сына известного грузинского композитора Мелитона Баланчивадзе, хореографа Георгия Баланчивадзе (Джордж Баланчин), основоположника «Нью-Йорк Сити балета» и современного американского балета. В американскую науку значительный вклад внесли профессора: Кирилэ Туманишвили, Павлэ Кварацхелия, Александр Григолия, Георгий Накашидзе и др., врачи: Гиви Габлиани, Гиви Кобахидзе, Гедеван Асатиани, историк Вахтанг Джобадзе, юрист из Принстонского университета Давид Джапаридзе, скульптор Ладო Гуджабидзе, художник Элисабед Сидамон-Эристави; дирижер Вахтанг Жордания. В военной сфере прославился именуемый «грузинским отцом» американских авиабомбардировщиков, вице-президент крупнейшей авиакомпании США «Republic», специалист по аэродинамике Александр Картвелишвили. Высшего военного чина достигли сыновья офицера польской армии Дмитрия Шаликашвили, братья – генералы Отар и Джон-Малхаз Шаликашвили. Известно имя профессора Нью-Йоркского университета, лауреата премии Гумбольта, физика Георгия Двали, ныне ведущего уникальные эксперименты на Большом андронном коллайдере в Швейцарии.

Одним из успешных предпринимателей по добыче золота и алмазов в Канаде стал Дмитрий Метревели (Майк Мито), основавший здесь город Метревели, а на Аляске – золоторудное предприятие. Славу снискал также пионер канадской авиационной промышленности, конструктор «геликоптера» и «биплана» Михаил Григорашвили. Во время войны во Вьетнаме, где

не было длинных взлетных полос, наибольшей популярностью пользовался его самолет С-123, который мог летать на очень низкой высоте с открытым люком, спускаться с борта или, наоборот, поднимать на борт груз без посадки и стремительно набирать высоту. До сих пор привлекает всеобщее внимание прекрасный сад «Abkhazi Garden» в Канаде на о-ве Ванкувер, создатель которого Николоз Абхази – сын национального героя Грузии генерала Констанине Абхази (*Gordon, 2002*).

В 1950–1960-е годы в Латинской Америке привлекают внимание личности нескольких грузинских эмигрантов: в Аргентине – профессор Буэнос-Айресского университета Арчил Хачидзе, писатель и журналист Акакий Папава и его супруга, писательница, председатель грузинского землячества Тамар Папава, химик Лео Чеишвили; в Чили – предприниматель Автандил Мерабашвили; в столице Эквадора Кито живет бывший премьер-министр, ныне международный президент Всемирного фонда дикой природы Иоланда Какабадзе-Наварро.

ГЛОССАРИЙ¹

- Абджари* – Abjari – (აბჯარი) – доспехи
- Абечхари* – Abechkhari – (აბეჩხარი) – виноградники высшего качества, предназначенные для царского стола
- Авсати* – Avsati – (ავსათი) – покровитель охоты в Западной Грузии
- Авхана* – Avkhana – (ავხანა) – уборная
- Агари* – Aghari – (აგარი) – поминки
- Агвара* – Agvara – (აგვარა) – см. *кало* (Колхида)
- Агварта* – Agvarta – (აგვართა) – вспомогательная база оседлого хозяйства
- Агдгома* – Aghdgoma – (აღდგომა) – религиозный праздник Пасха
- Агмрти тевзи* – Aghmarti tevzi – (აღმართი თევზი) – рыбы, плывущие против течения
- Адгилис бегара* – Adgilis begara – (ადგილის ბეგარა) – натуральный налог
- Адгилис Деда* – Adgilis Deda – (ადგილის დედა) – Мать места; древнее грузинское божество плодородия
- Аджилаки* – Ajilak’i – (აჯილაკი) – возвышение, устраиваемое для новобрачных в доме жениха на время свадьбы (Самцхе-Джавახети)
- Аджилга* – Ajilgha – (აჯილღა) – жеребец
- Адоба* – Adoba – (ადობა) – см. *ализи*
- Азарпеша* – Azarpesha – (აზარფეშა) – серебряная чаша для вина
- Азнаури* – Aznauri – (აზნაური) – мелкий дворянин
- Аилаги* – Ailaghi – (აილაგი) – высокогорные пастбища
- Аинина* – Ainina – (აინინა) – древнейшее грузинское божество
- Аквани* – Ak’vani – (აკვანი) – колыбель (деревянная люлька)
- Акиро* – Aq’iro – (აკირო) – горлянка, посудная тыква
- Алавердоба* – Alaverdoba – (ალავერდობა) – см. *гергетаоба*
- Ализи* – Alizi – (ალიზი) – необожженный кирпич-сырец
- Ало* – Alo – (ალო) – площадь земли, вспаханная супрягой за один день
- Амаглеба* – Amaghleba – (ამაღლება) – Вознесение Господне, христианский религиозный праздник
- Аманатоба* – Amanatoba – (ამანათობა) – обычай породнения у горцев Грузии
- Амгали* – Amgali – (ამგალი) – супряга
- Амилахори* – Amilakhori – (ამილახორი) – шталмейстер
- Амирспасалари* – Amirsp’asalari – (ამირსპასალარი) – фельдмаршал
- Амкари* – Amkari – (ამკარი) – профессиональное объединение ремесленников
- Анджари* – Anjari – (ანჯარი) – вышедшая из употребления железная утварь, предназначенная для переплавки
- Андрези* (хевс.) – Andrezi – (ანდრეზი) – исторически сложившиеся правила и нормы поведения членов общины
- Анеули* – Aneuli – (ანეული) – летняя вспашка, применяемая преимущественно при обработке неорошаемых земель
- Анеулис гутани* – aneulis gutani – (ანეულის გუთანსი) – передковое пахотное орудие с отвалом

¹ © Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили. Публикуется в авторской редакции.

Аргмаки – Argamak’i – (არგამაკი) – верховая лошадь восточной породы
Арира – Arira – (არირა) – см. чагуна
Армази – Armazi – (არმაზი) – древнейшее грузинское божество
Арташани – Art’ashani – (არტაშანი) – см. *инакви*
Асли – Asli – (ასლი) – полба
Аспарезоба – Asp’arezoba – (ასპარეზობა) – соревнования по разным видам верховой езды
Атенгена – Atengena – (ათენგენა) – день Афиногена Севастийского
Ахалухи – Akhalukhi – (ახალუხი) – верхняя мужская и женская одежда
Ахори – Akhori – (ახორი) – хлев, конюшня
Ахта – Akht’a – (ახტა) – жеребец
Ачача – Achacha – (ახაჩა) – пахотное яремное орудие, плуг с отвалом
Ачача уреми – Achacha uremi – (ახაჩა-ურემი) – разновидность арбы

Бостнис калбебера – Bost’nis kalbebera – (ბოსტნის კალბებერა) – оберег, устанавливаемый на засеянном участке

Баадური – Baaduri – (ბაადური) – воинственное божество у горцев Восточной Грузии
Баба – Baba – (ბაბა) – см. *напа*
Бабило – Babilo – (ბაბილო) – виноградная лоза, пущенная на деревья см. *маглари*
Бабуа – Babua – (ბაბუა) – см. *напа*
Багдади – Baghdadi – (ბაღდადი) – четырехугольная узорчатая шелковая косынка
Багдадури – Baghdaduri – (ბაღდადური) – городской танец с бубнами
Баги – Baghi – (ბაღი) – фруктовый сад, место времяпровождения
Бадаги – Badagi – (ბადაგი) – вываренный виноградный сок
Бадагони – Badagoni – (ბადაგონი) – древнейшее грузинское божество
Бадиши – Badishi – (ბადიში) – внук, внучка
Базеби – Bazebi – (ბაზები) – ловчие птицы
Базиртухуцеси – Baziertukhutsesi – (ბაზირტოუხუცესი) – распорядитель ловчими птицами
Базо – Vazo – (ვაზო) – террасы без стенок для огородов и садов
Баираги – Bairaqi’i – (ბაირაღი) – знамя
Бакали – Baq’ali – (ბაყალი) – лавочник
Бакани – Bakan – (ბაკანი) – см. *дариджи*
Баки – Vak’i – (ვაკი) – загон для овец
Бакило – Vak’ilo – (ვაკილო) – лесные саженцы
Бакла – Vak’la – (ვაკლა) – бобы
Бакмези || *Бекмези* – Bakmezi || Bekmezi – (ბაქმეზი || ბეკმეზი) – соус (патока) из туты (Самцхе)
Бандули – Banduli – (ბანდული) – обувь из сыромятной кожи с плетеной подошвой для передвижения в горах
Бани – Vani – (ვანი) – 1) бас (низкий мужской голос); 2) плоское перекрытие жилого дома
Барбале – Barbale – (ბარბაღე) – покровительница заболевших детскими инфекционными болезнями и рожениц
Барбар//Бабар – Barbar//Babar – (ბარბარ// ბაბარ) – божество солнца
Барда – Barda – (ბარდა) – горох
Бардзими – Bardzimi – (ბარძიძე) – чаша, потир
Бари – Var – (ვარი) – низменность, равнина
Барули – Varuli – (ბარული) – равнинное скотоводство
Басри – Basri – (ბასრი) – сталь, булат
Бацх – Batskh – (ბაცხ) – большие поминки (Сванети)
Бача лилджени – Vacha liljeni – (ბაჩა ლიღჯენი) – камень, который судья-медиатор (*морвал*) закапывал в землю до официального объявления приговора
Башлуги – Bashlughu – (ბაშლუღი) – выкуп за невесту (Аджария)
Баште – Basht’e – (ბაშტე) – первый этаж дома-крепости
Бджа – Vja – (ბჯა) – скирда

Бджис уреми – Bjis uremi – (ბჯის ურემი) – арба для перевозки сена
Бе, беи, белга – Be, Bei, Belga- (ბე, ბეი, ბელგა) – предсвадебный денежный задаток, передаваемый родителями жениха семье невесты
Бебиа – Bebia – (ბებია) – бабушка, мать отца или матери
Бегели – Beggeli – (ბეგელი) – 1) амбар; 2) часть жилища зального типа
Бегтари – Begtari – (ბეგთარი) – доспех из металлических пластин
Бедис квери – Bedis k'veri – (ბედის კვერი) – ритуальный хлеб, букв. «хлеб счастья»
Беки – Beki – (ბეკი) – терраса с деревянными стенками
Бера – Vera – (ბერა) – форма организации труда в скотоводстве
Берика – Berik'a – (ბერიკა) – персонаж театрализованного представления
Берикаоба – Berik'aoba – (ბერიკაობა) – весенний театрализованный праздник, символизирующий возрождение природы
Беткили – Betkili – (ბეტკილი) – охотник, по сванскому мифу – возлюбленный богини охоты
 Дали
Бечва – Bech'va – (ბეჭვა) – уплотнение прутьев при плетении корзины
Бзе – Vze – (ბზე) – мякина
Бидза || *Дзиа* – Bidza || Dzia – (ბიძა || ძია) – дядя
Бидзашвили – Bidzashvili – (ბიძაშვილი) – дети дяди
Биладжохи – Bilajokhi – (ბილაჯოხი) – см. *лепки*
Бобгани – Bobghani – (ბობგანი) – разновидность барабана
Богире – Bogiri – (ბოგირე) – бревно, перекинутое через ручей
Боглама – Boghlama – (ბოღღამა) – тушеное мясо с луком и картофелем
Боглоца – Boghlots'o – (ბოღღოცო) – хлеб, замоченный в вине (ритуальное угощение во время поминок)
Бодзали – Bodzali – (ბიძალი) – обоюдоострая стрела
Бозбаши – Vozbashi – (ბოზბაში) – бульон с кусками мяса (говядина, баранина)
Бокви – Voq'vi – (ბოყვი) – посуда цилиндрической формы из коры для хранения зерновых
Бокели – Bok'eli – (ბოკელი) – круглый пирог с отверстием в центре
Болотриа – Bolotria – (ბოღოთრია) – см. *ачача уреми*
Бонди – Bondi – (ბონდი) – подвесной мост из лозы дикого винограда
Борани – Borani – (ბორანი) – паром из соединенных плоскодонных лодок с насланной платформой
Борбали – Vorbali – (ბორბალი) – гончарный круг
Борджгала – Borjghala – (ბორჯღალა) – многолопастный крест – символ солнца; изображался на мебели, предметах быта, в жилищах
Босели – Boseli – (ბოსელი) – хлев
Босло//*Босла*//*Бембгу*//*Бомбга* – Boslo//Bosla//Bemgu//Bombga – (ბოსლო//ბოსლა//ბემბგუ//ბომბლა) – божество плодородия, покровитель скота
Бослоба – Bosloba – (ბოსლობა) – 1) содержание скота в горах в летнее время; 2) Праздник божества Босло
Бостнис цоцхи – Bost'nis tsotskhi – (ბოსტნის ცოცხი) – веник, используемый на огороде
Бохохе – Bokhokhi – (ბოხოხი) – папаха из овчины
Бочи – Vochi – (ბოჩი) – древнейшее грузинское божество плодородия, покровитель зверей
Брунели – Bruneli – (ბრუნელი) – взбивалка для масла
Буба || *Бидза* – Buba || Bidza – (ბუბა || ბიძა) – дядя
Бугаури – Bughauri – (ბუღაური) – см. *борджгала*
Буджери – Vujeri – (ბუჯერი) – встроенные в стену полки
Бузика – Vuzika – (ბუზიკა) – гармошка
Буки-саквири – Buk'i-saq'viri – (ბუკი-საკვირი) – горн
Булати – Bulat'i – (ბულატი) – 1) сталь; 2) сабля из булата
Бури – Buri – (ბური) – большой лом
Бухари – Bukhari – (ბუხარი) – пристенный камин

Бучула – Buchula – (ბუჭუღლა) – маленькая мельница
Бче – Bch'e – (ბჭე) – судья-медиатор (Хевсурети, Тушети, Пшави)

Вагакети – Vagak'eti – (ვაგაკეთი) – железный плоский лом
Вака – Vaq'a – (ვაყა) – см. *ахта*
Варзи – Varzi – (ვარზი) – боевая коса
Вариа – (Varia) – (ვარი) – горизонтальная деревянная маслобойка
Варцли – Vartsli – (ვარცლი) – продолговатое, глубокое деревянное корыто с выступающими крыльями
Вахтангури – Vakht'anguri – (ვახტანგური) – вид тоста, «брудершафт»

Габахи – G'abaxi – (გაბახი) – ритуальные состязания в стрельбе после похорон у горцев Восточной Грузии

Гаджиа – Gajia – (გაჯია) – см. *сацерили*
Гадзидзавеба – Gadzidzaveba – (გადიდავება) – обычай передачи младенца на воспитание в другую семью

Гадри – Gadri – (გადრი) – конноспортивная игра с мячом
Гаими – Gaimi – (გაიმი) – древнейшее грузинское божество
Гакерква – Gakerkva – (გაკერკვა) – снятие коры с деревьев
Галениши Орта – Galenishi Orta – (გალენიში ორთა) – божество – хозяин лесных животных; защищало домашнюю скотину от диких зверей, а людей – от болезней (Западная Грузия)
Галдами – Galdami – (გალდამი) – коллективная взаимопомощь (при строительстве, пахотных работах и т.д.)

Галоба – Galoba – (გალობა) – религиозное песнопение
Галопрва – Galop'rv'a – (გალოპრვა) – снятие коры с деревьев
Ганатвла – Ganatvla – (განათვლა) – обряд освящения
Гандаган – Gandagan – (განდაგან) – романтический шуточный танец
Ганджина – Ganjina – (განჯინა) – см. *цало*

Гарти – Gart'i – (გარტი) – войлочный плащ для защиты от дождя
Гасинджва – Gasindjva – (გასინჯვა) – смотрины
Гаткорва – Gat'qorva – (გათქორვა) – способ орошения путем инфильтрации
Гaxedна – Gakhedna – (გახედნა) – выездка верховых лошадей
Гаци – Gaci – (გაცი) – древнейшее грузинское божество
Гачра-гачера – Gach'ra-gats'era – (გაჭრა-გაწერა) – первичная обработка земли
Гвабанаки – Gvabank'i – (გვაბანაკი) – войлочная пастушья накидка с короткими рукавами и капюшоном (Западная Грузия)

Гвал – (gval) – (გვალ) – стойло в сванском доме
Гвергви – Gvergvi – (გვერგვი) – обруч из зеленых ветвей терновника
Гвиргвини – Gvirgvini – (გვირგვინი) – 1) свадебный венец; 2) ступенчато-венцеобразное перекрытие в дарбазы

Гврини – Gvrini – (გვრინი) – песни-плачи в голос, исполнялись наряду с сенокосными песнями (Хевсурети)

Гвричила – Ghvrich'ila – (ღვრიჭილა) – орудие для метания камня
Гвтисмишобели – Ghvtismshobeli – (ღვთისმშობელი) – Богородица
Гвтисивилеби – Ghvtishshvilebi – (ღვთის შვილები) – дети бога, младшие божества, которые, по народным представлениям, являлись звездами

Геджа – Geja – (გეჯა) – лохань
Гези – Gezi – (გეზი) – стрела без перьев
Гелазы – Gelazi – (გელაზი) – каменный маслобойный жернов
Геони – Geoni – (გეონი) – см. *гмури*
Гергетоба – Gergetoba – (გერგეთობა) – хоровод, исполнявшийся на религиозном празднике
Гердцкала – Gherts'k'ala – (ღერწკალა) – равнинная арба

Гергили – Gherghili – (ღერღილი) – кукурузная и просяная мука крупного помола
Герма – Germa – (გერმა) – см. *гингли*
Гига – Giga – (გიგა) – сестра матери, отца
Гигими – Gigimi – (გიგომი) – см. *тунги*
Гингли – Ghinghli – (ღინღლი) – гусиный пух
Гиоргоба – Giorgoba – (გიორგობა) – религиозный христианский праздник – Юрьев день
Гмерти – Ghmerti – (ღმერთი) – главное божество
Гмури – Gmuri – (გმური) – метательно-колющее оружие
Гоби – Gobi – (გობი) – деревянная бадья, корыто
Гогора – Gogora – (გოგორა) – массивное колесо арбы
Гограча – Gogracha – (გოგრატა) – низкая арба
Гогричи – Gogrich'i – (გოგრიჭი) – см. *звричила*
Гогуты – Goguti – (გოგუთი) – см. *лахты*
Годори – Godori – (გოდორი) – цилиндрическая плетеная корзина без ручек
Годоркури – Godorq'uri – (გოდორყური) – овальная корзина для головного сооружения оросительного канала, исполнявшая роль запруды
Гозинаки – Gozinaq'I – (გოზინაკი) – новогодние сладости из поджаренных орехов и меда
Гомы – Gomu – (ღომი) – 1) вид проса; 2) густая каша из просяной или кукурузной муки *гергили*
Гомури – Gomuri – (გომური) – 1) хлеб; 2) *цнули*
Гонджаоба – Gonjaoba – (გონჯაობა) – обряд вызывания дождя
Горда – Gorda – (გორდა) – грузинская сабля
Горолы – Goroli – (გოროლი) – колющее оружие
Горотото – Gorototo – (ღორტოტო) – труба для созыва схода
Готаоба – Gotaoba – (გოთაობა) – см. *чакуноба*
Гошиа – Goshia – (გოშია) – разновидность мелких домашних собак
Грдемлы – Grdemli – (გრდემლი) – железная наковальня
Грджа – Grja – (გრჯა) – остроконечная стрела
Гугуни, коркали – Ghughuni, Korkali – (ღუღუნი, ქორქალი) – обычай исполнения плачей в голос во время сенокоса (Рача)
Гуда – Guda – (გუდა) – 1) бурдюк из овечьей шкуры для хранения сыра (Тушети); 2) сорт сыра, хранящегося в бурдюках
Гуда-сабервели – Guda-saberveli – (გუდა-საბერველი) – кузнечные меха
Гудаствири – Gudas t'viri – (გუდასტვირი) – волынка
Гунда-лахостаки – Gunda-lakhost'ak'i – (გუნდა-ლახოსტაკი) – камень для окрашивания бровей и ресниц
Гутани – Gutani – (გუთანბი) – плуг
Гутнисдеда – Gutnisdeda – (გუთნისდედა) – плугарь (букв. «мать плуга»)

Даблари – Dablari – (დაბლარი) – низкоствольная виноградная лоза
Даблашина – Dablashina – (დაბლაშინა) – жилое помещение для женщин (Хевсурети)
Давлури – Davluri – (დავლური) – см. *перхули*
Дадзахили – Dadzakhili – (დაძახილი) – вид взаимопомощи
Дайра – दौरа – (დაირა) – бубен
Дакетили гза – Dak'et'ili gza – (დაკეტილი გზა) – дорога, серпантин
Дакуртхеба – Dak'urtkheba – (დაკურთხება) – посвящение коня в жертву покойнику
Далай – Dalaj – (დაღაჲ) – своеобразный вид хорового плача, исполнявшийся в годовщину смерти мужчины (Тушети)
Дали – Dali – (დალი) – богиня охоты, покровительница диких животных
Дамбадебели – Dambadebeli – (დამბადებელი) – Создатель, Творец, Бог
Дамицули хиди – Damits'uli khidi – (დამიწული ხიდი) – насыпной земляной мост
Данина – Danina – (დანინა) – древнейшее грузинское божество
Дарбазы – Darbazi – (დარბაზი) – жилище со ступенчато-венцеобразным перекрытием

Дариджи – Dariji – (დაროჯი) – терраса с каменными стенками сухой кладки
Дастури – Dast’uri – (დასტური) – помощник хуцеси//хевисбери
Датацебити мицатсаргеблоба – Dat’atsebiti mits’atsargebloba –
 (დატაცებითი მიწათსარგებლობა) – захватное землепользование
Датвлит тирили – Datvlit t’irili – (დათვლით ტირილი) – вид громкого плача с причитанием
 (Хевсурети)
Дачаобеба – Dach’aobeba – (დაჭაობება) – заболачивание почвы
Дачедили нави – Dach’edili navi – (დაჭკედილი ნავი) – дощатая лодка
Дачечква – Dachechkva – (დახეჩქვა) – раздавливание (способ посадки)
Дачирва – Dachirva – (დახირვა) – приготовление сухофруктов
Дачитва – Dachitva – (დახითვა) – набивка ткани
Дачрелеба – Dach’releba – (დაჭრელება) – украшение ткани орнаментами
Даихамва – Dashkhamva – (დაშხამვა) – ритуал «отравления ружья»
Дврита – Dvrit’a – (დვრიტა) – сычуг
Дгим-саварцхели – Dgim-savartskheli – (დგიმ-სავარცხელი) – горизонтальный ткацкий станок
 с гребнем
Деда ру – Deda ru – (დედა რუ) – главный оросительный канал
Деда, Дида, Ди/Диа – Deda, Dida, Di/Dia – (დედა, დიდა, დი/დია) – мать
Дедабодзи – Dedabodzi – (დედაბოძი) – центральный опорный столб в традиционном жилище
Дедамздудзе – Dedamdzudze – (დედამძუძე) – кормилица
Дедамтили – Dedamtili – (დედამთილი) – свекровь
Дедас нури – Dedas p’uri – (დედას პური) – вид серпообразного хлеба, выпеченного в тоне
Дедули, Дедулету – Deduli, Deduleti – (დედული, დედულეთი) – родственники с материнской
 стороны
Деида – Deida – (დეიდა) – сестра матери
Деканози – Dek’anozi – (დეკანოზი) священнослужитель у горцев Восточной Грузии
Динги – Dingi – (დინგი) – приспособление для толчения риса
Джаламбари – Jalambari – (ჯალამბარი) – лебедка
Джар – Jar – (ჯარ) – см. *варцли*
Джара – Jara – (ჯარა) – прялка для изготовления хлопчатобумажных ниток
Джаргвали – Jargvali – (ჯარგვალი) – срубное жилище (Самегрело, Аджария)
Джарджи – Jarji – (ჯარჯი) – связанные пучки хвороста
Джвари – (Jvari) – (ჯვარი) – 1) общинное божество; 2) святилище; 3) крест (горные регионы
 Восточной Грузии)
Джварионни – Jvarionni – (ჯვარიონნი) – служители святилищ
Джварши гакван // Мисамбарео – Jvarshi gaq’vana // Misambareo –
 (ჯვარში გაყვანა // მისამბარეო) – вывод в святилище, обряд «усыновления» ребенка
 божеством
Джврис нури – Jvris puri – (ჯვრის პური) – ритуальный хлеб в свадебной церемонии (букв.
 «хлеб креста»)
Джганеби – Jganebi – (ჯგანები) – кожаная обувь с плетеной подошвой
Джграги – Jgragi – (ჯგრაგი) – 1) св. Георгий; 2) член верховной триады в пантеоне (Сванети)
Джебири – Jebiri – (ჯებირი) – см. *годоркури*
Джеджими – Jejimi – (ჯეჯიმი) – безворсовый ковер из разноцветных нитей
Джелга – Jelga – (ჯელგა) – облавная охота
Джилавдари – Jilavdari – (ჯილავდარი) – стремянной
Джилга гогора – Jilga-gogora – (ჯილღა-გოგორა) – вид передкового пахотного орудия (Месхети)
Джини – Jini – (ჯინი) – 1) орудие для отделения волокна от семян; 2) плетеная корзина; 3) пле-
 теная кровать
Джинибни – Jinibni – (ჯინიბნი) – коневоды
Джирити – Jiriti – (ჯირითი) – конный спорт, джигитовка
Джоги – Jogi – (ჯოგი) – табун

Джолборди – Jolbordi – (ჯოლბორდი) – изготовитель стрел
Джуба – Juba – (ჯუბა) – платье свободного покроя
Дзадза – Dzdza – (ძაძა) – бобовая культура вигна, коровий горох
Дзали – Dzali – (ძალე) – 1) струна; 2) деталь трепалки
Дзахилит тирили – Dzakhlit t'irili – (ძახილით ტირილი) – плач «с зовом» – вид громкого плача (Хевсурети)
Дзвелколхури асли – Dzvelkolkhuri asli – (ძველკოლხური ასლი) – см. *маха*
Дзгвени – Dzghveni – (ძღვენი) – подношение в свадебном ритуале (вина, кур, поросенка, индюка и др.)
Дзира сахли – Dzira sakhli – (ძირა სახლი) – жилая часть дома (Мтиулету)
Дзирхвенеули – Dzirkhveneuli – (ძირხვენეული) – корнеплоды
Дзрохебис хати – Dzrokhebis Khati – (ძროხების ხატი) – Коровье святилище
Дзудзумтеоба || *дзидзивилоба* – Dzumteoba || Dzidzishviloba – (ძუძუმტეობა || დიდიშვილობა) – молочное родство
Диасахлиси – Diasaxlisi – (დიასახლისი) – старшая женщина в большой семье; хозяйка дома
Дидашианефи – Didashianepi – (დიდაშიანეფი) – родственники с материнской стороны
Диди картули гутани – Didi qartuli gutani – (დიდი ქართული გუთანნი) – большой грузинский плуг
Диди оджахи – Didi ojaxi – (დიდი ოჯახი) – большая семья
Дика – Dik'a – (დიკა) – голозерная пшеница, эндемичный сорт пшеницы в горной и предгорной зоне Грузии
Диплипито – Diplipit'o – (დიპლიპიტო) – барабан
Доги – Doghi – (დოღი) – скачки
Доги||цхенни – Doghi||Tskhenni – (დოღი||ცხენნი) – конные состязания – скачки в годовщину смерти (Хевсурети, Пшави)
Доли – Doli – (დოლი) – 1) сорт озимой пшеницы; 2) ягнение, окот
Доши – Doshi – (დოში) – засоленная и прокопченная рыба (осетр, сом)
Дрошатсабрдзаниси – Droshatsabrdzanisi – (დროშათსაბრძანისი) – строение, где хранилось знамя святилища
Дукарди – Dukardi – (დექარდი) – большие ножницы
Дуроиани сахли – Duroiani sakhli – (დუროიანი სახლი) – дом-крепость с бойницами (Горная Рача)

Жини Антари//Жиниши Орта//Жиниши – Zhini Antari//zhinishi Orta//zhinishi – (ქობი ანთარი//ქობიშო ორთა//ქობიშო) – божество воинственной природы, покровитель крупного рогатого скота, который заботится о здоровье людей и управляет погодой (Западная Грузия)
Жиниши карда – Zhinish karda – (ქინიშ ქარდა) – «котел духа» (Самегрело)

Задени – Zadeni – (ზადენი) – древнейшее грузинское божество
Зандури – Zanduri – (ზანდური) – см. *маха*
Зари – Zari – (ზარი) – песни-плачи, исполняемые на похоронах
Зарули – Zaruli – (ზარული) – плетеная из прутьев будка
Звараки – Zvarak'i – (ზვარაკი) – жертвенный конь
Зедамдеге – Zedamdege – (ზედამდეგე) – обслуживающий застолье персонал
Зедаше – Zedashе – (ზედაშე) – 1) ритуальное вино, изготовленное в честь определенного святого; 2) ритуальный сосуд – *квеври*
Земкредо – Zemq'reli – (ზემყრელი) – хоровод, в котором танцующие образуют два-три яруса
Зетсантела – Zetsantela – (ზეთსანთელა) – мазь из пчелиного воска и оливкового масла
Зупани – Zup'ani – (ზუპანი) – см. *гмури*
Зурна – Zurna – (ზურნა) – духовой музыкальный инструмент

Иахсари – Iakhsari – (იახსარი) – божество, борющееся со злыми духами
Илари – Ilari – (ილარი) – нанизанный на цепочку косметический набор – пинцет, ухочистка и зубочистка
Илекро – Iek'ro – (ილეკრო) – сплав золота, серебра и меди
Ипкли – Ipkli – (იპკლი) – сорт мягкой пшеницы
Исарна – Isarna – (ისარნა) – см. *тагари*
Исинди – Isindi – (ისინდი) – 1) короткое метательное копье; 2) соревнование между группами всадников с использованием *исинди*

Каба, картули каба – K'aba, qartuli kaba – (კაბა, ქართული კაბა) – (букв. «грузинское платье») – традиционное женское платье
Кабакарди – K'abak'ardi – (კაბაკარდი) – мужская чоха из хлопчатобумажной ткани
Кабалахи – Q'abalaxi – (ყაბალახი) – мужской матерчатый головной убор, башлык
Кабахоба – Q'abakhoba – (ყაბახობა) – конноспортивная командная игра, сопровождающаяся стрельбой из лука
Кабдо – K'abdo – (კაბდო) – 1) борона; 2) единица измерения земельной площади
Кавеби – K'vebi – (კავები) – буквы
Кавкавис набади – K'avk'avis nabadi – (კავკავის ნაბადი) – см. *мхрис набади*
Кавлани|Ковани – Q'avlani|Q'ovani – (ყავლანი|კოვანი) – сотовый дом
Кавцера – K'avts'era – (კავწერა) – соха, пахотное ярменное орудие
Када – kada – (ქადა) – сдобный пирог
Када сацирави – Kada sats'iravi – (ქადა საწირავი) – жертвенная сдоба
Кадаги – Kadagi – (ქადაგი) – прорицатель; «посредник» между святыщем и общинниками
Кадони – K'adoni – (კადონი) – см. *санкали*
Какучи – K'ak'uchi – (კაკუჩი) – архаическое земледельческое орудие
Калакури чоха – Kalakuri chokha – (ქალაქური ჩოხა) – мужская городская одежда
Каламани – Kalamani – (ქალამანი) – обувь из сыромятной кожи
Каламан-цинда – Kalaman-ts'inda – (ქალამან-წინდა) – лапти-гамаша
Калембис джавари – Kalebis jvari – (ქალების ჯვარი) – женское святилище
Калембис салоцави – Kalebis salocavi – (ქალების სალოცავი) – женская молельня
Калмухис цопцопа – Q'almukhis ts'op'ts'op'a – (ყალმუხის წოპწოპა) – высокая папаха из калмыцкой овчины, особенно популярная среди *карачохели* и грузинских евреев
Кало – K'alo – (კალო) – 1) гумно; 2) место содержания рабочего скота
Калоиани сахли – K'aloiani sakhli – (კალოიანი სახლი) – дом с гумном (Хевсурети)
Калти – K'alp'i – (კალპი) – обруч из ветвей дикого орешника с вплетенными в него зелеными листьями и красными плодами сассапарилы
Камара – K'amara – (კამარა) – 1) военное судно; 2) галера; 3) лодка с веслами
Камаровани – K'amarovani – (კამაროვანი) – сводчатое перекрытие
Камири – Q'amiri – (ყამირი) – целинные земли
Кана – Q'ana – (ყანა) – нива
Кантара – K'ap'tara – (კაპთარა) – верхняя одежда на вате
Карави – K'aravi – (კარავი) – форма хозяйства в скотоводстве
Карапани – K'arapani – (კარაპანი) – коридор
Карапаниани сахли – K'arapaniani sakhli – (კარაპანიანი სახლი) – разновидность *дарбази* с коридорами
Каракса – Karakhsa – (ქარახსა) – духовой музыкальный инструмент
Карачохели – Q'arachogheli – (ყარახოგელი) – мастер-ремесленник, член *амкари*
Кар-мидамо – K'ar-midamo – (კარ-მიდამო) – хозяйственный приусадебный комплекс
Картули бари – Kartuli bari – (ქართული ბარი) – грузинская лопата
Картули каба – Kartuli k'aba – (ქართული კაბა) – см. *каба*
Картули чвинтиани пехсацмели – Kartuli chvint'iani pexsatsmeli – (ქართული ჭვინტიანი ფეხსაცმელი) – сапожки с загнутым носом

Касури – Kasuri – (ქახურც) – рашпиль
Катару – Q'atari – (ყათარც) – см. *тахти*
Катиби – Katibi – (ქათობი) – женская верхняя одежда на подкладке с разрезными рукавами
Каццуакацеби – K'actshuak'acebi – (კაცთშუაკაცები) – посредники (Хевсурети)
Кбилебиани сакодели – K'bilebiani sak'odeli – (კბილებიანი საკოდელე) – зубчатый молот, бучерко
Кванчха – K'vanchkha – (კვანჩხა) – верхняя одежда типа накидки без рукавов и воротника (Самегрело, Абхазия)
Кватуши – K'vat'ushi – (კვატუში) – сосуд для вина (Сванети)
Квацарахи – K'vats'arakhi – (კვაწარახი) – подлива из мелких слив
Квеври – K'vevri – (ქვევრი) – глиняный кувшин для брожения и длительного хранения вина
Квери – K'veri – (კვერი) – молот
Квеша сахли – Kvesha sakhli – (ქვეშა სახლე) – первый этаж жилища
Квимати – K'vimat'i – (კვიმატი) – неблагоприятные для работы дни
Квини литхе – K'vini lit'khe – (ქვინო ლიტხე) – обряд освобождения душ умерших от злых духов (Сванети)
Квириа – K'viria – (კვირია) – член триады верховных божеств, один из предводителей общинных божеств (горные регионы Восточной Грузии)
Квис гамомкветели – Kvis gamomk'veteli – (ქვის გამომკვეთელი) – каменотес
Квис гамомчрели – Kvis gamomch'reli – (ქვის გამომჭრელი) – камнерез
Квиткири – Kvitkiri – (ქვიტიკირი) – 1) каменная кладка на извести; 2) трехэтажный дом-крепость
Квишис галдами – K'vishis galdami – (ქვიშის გალდამი) – коллективная помощь для перевозки песка
Квриви – K'vrivi – (ქვრივი) – главная «башня» святилища
Кеври – K'vevri – (კვერი) – молотильная доска
Кееноба – Q'eenoba – (ქვენობა) – ежегодное массовое весеннее представление, символизирующее возрождение природы
Кеибури – Keiburi – (ქეიბური) – стрела с широким острием
Келехи – Kelexi – (ქელეხი) – поминки
Кера – K'era – (კერა) – открытый очаг, устроенный в земляном полу
Кердика – Kerdik' a – (ქერდიკა) – смешанные посевы ячменя и пшеницы сорта дика
Кери – Keri – (ქერი) – ячмень
Керпули – K'erpu'uli – (კერპული) – языческий
Керсвилы – Kersvili – (ქერსვილი) – смешанные посевы ячменя и ржи
Кецбури – Ketsburi – (ქეცბური) – стрела с широким острием
Кечи – K'eci – (კეცი) – глиняная или каменная форма для выпечки *мчади*, хлеба, *хачапури*
Кеча – Kecha – (ქეჩა) – 1) изделие из овечьей шерсти; 2) короткая войлочная одежда пастуха (Тушети)
Кеш – K'esh – (კეშ) – верхняя одежда типа накидки, без рукавов и воротника (Сванети)
Кешао – Keshao – (ქეშაო) – измеритель глубины резьбы
Кидабени – K'idabeni – (კიდაბენი) – кровать главы семьи (Сванети)
Кидобани – (K'idobani) – (კიდობანი) – 1) большой деревянный ящик (иногда с резьбой) для хранения продуктов, посуды или одежды; 2) ларь
Кикино – K'ik'ino – (კიკინო) – височные локоны
Кинто – K'int'o – (კინტო) – 1) мелкий торговец; 2) разносчик фруктов и овощей
Кинтоури – K'intouri – (კინტოური) – городской танец
Кипручи – K'ip'ruch'i – (კიპრუჭი) – затвердевший мед
Кма – q'ma – (ქმა) – общинник, член *сакмо*
Кмари, Комонджи, Чаш – Kmari, Komonji, Ch'ash – (ქმარი, კომონჯი, ჭაშ) – муж
Кмрисани || *Кмрисеулли* – Kmrisani || Kmriseulni – (ქმრისანი || ქმრისეულნი) – родственники мужа
Кнари – Knari – (ქნარი) – струнный музыкальный инструмент типа лиры

Ковзи-джохи – K'ovzi-jokhi – (კოვზი-ჯოხი) – ложка-палочка для приготовления пищи
Ковзи-сасмиси – K'ovzi-sasmisi – (კოვზი-სასმისი) – ложка для жидких продуктов
Кодали – K'odali – (კოდალი) – см. *сарча*
Коди – K'odi – (კოდი) – мера сыпучих тел, от 2 пудов 10 фунтов до 4 пудов 20 фунтов
Коди – K'odi – (კოდი) – деревянный чан для хранения зерновых
Кодиспури – K'odispuri – (კოდისპური) – хлебная подать
Код-мекоеоба – K'od-mek'odeoba – (კოდ-მეკოდეობა) – обычай породнения
Кока – K'ok'a – (კოკა) – деревянный или глиняный кувшин для воды
Кокло – Koklo – (ქოქლო) – повседневная чоха с высокой талией и короткими рукавами
Кокоза – K'ok'oza – (კოკოზა) – корзина из соломы или прутьев, обмазанная изнутри глиной
Коло – K'olo – (კოლო) – горько-кислый – вкусовая оценка люпина
Колоти – K'olot'i – (კოლოტი) – сосуд из козьей шкуры
Колхури хомалди – K'olkhuri khomaldi – (კოლხური ხომალდი) – парусный корабль
Комли – K'omli – (კომლი) – семья, хозяйство (Хеви)
Комоба – K'omoba – (კომობა) – 1) супруга; 2) патронимия
Кондахиани мивилди – K'ondakhiani mshvildi – (კონდახიანი მშვილდი) – лук с прикладом, арбалет
Копала – K'op'ala – (კოპალა) – древнее божество, борющееся против злых духов (горные регионы Восточной Грузии)
Копи – K'opi – (კოპი) – валик, деталь женского головного убора
Копо – K'opo – (კოპო) – подлокотник
Копури каламани – K'op'uri kalamani – (კოპური ქალამანი) – обувь из сыромятной кожи с приспособленными краями и шнурками для закрепления на икрах
Кор – Kor – (ქორ) – комплекс жилых и хозяйственных помещений (Сванети)
Кора махвиши – Kora makhvshi – (ქორა მახვში) – старейшина семейной общины (Сванети)
Корбегела – Korbeghela – (ქორბეგელა) – древний многоярусный хоровод
Коркоти – K'ork'ot'i – (კორკოტი) – ритуальная каша, кутья
Короли – K'oroli – (კოროლი) – стебли пшеницы сорта *маха*
Коругеби – Q'orughebi – (ქორუგები) – зимние пастбища
Котори – K'ot'ori – (კოტორი) – четвертая часть бревна
Кохеби – K'okhebi – (კოხები) – ромбовидные камни, вбитые в рабочую часть *кеври*
Кохинджроба – K'okhinjroba – (კოხინჯრობა) – праздник в честь божества грома и молнии
Коцо – Kotso – (ქოცო) – *кеври* небольших размеров (Восточная Грузия)
Кочи – Q'ochi – (ყოჩი) – баран-производитель
Коши – Koshi – (ქოში) – 1) женская обувь па каблуке с загнутым носком; 2) обувь без задника на деревянной подошве
Кошкура – K'oshk'ura – (კოშკურა) – дом башенного типа
Ксели – Kseli – (ქსელი) – белые шерстяные нити, основа
Ксели – Kseli – (ქსელი) – см. *ачача урели*
Кубдари – K'ubdari – (კუბდარი) – пирог с мясной начинкой (Сванети)
Куби – K'ubi – (კუბი) – см. *чвави*
Кула – K'ula – (კულა) – 1) узкогорлый сосуд для вина; 2) комок шерсти размером с ладонь
Куладжа – Kulaja – (ქულაჯა) – мужская праздничная верхняя одежда из темного бархата на атласной подкладке
Кулухи – K'uluxi – (კულუხი) – подать с виноградников
Кумта – K'ump'a – (კუმპა) – сорт мыла
Купати – K'upati – (კუპატი) – род колбасы
Кура – Kura – (ქურა) – печь для обжига глиняных сосудов
Курули – K'uruli – (კურული) – состязание, инсценировка борьбы человека с быком

Лабави – Labavi – (ლაბავი) – см. *босели*
Лаваш – Lavashi – (ლავაში) – испеченный в *тоне* хлеб в виде тонкой овальной лепешки
Лавгани – Lagvani – (ლაგვანი) – см. *чури*
Лазароба – Lazaroba – (ლაზარობა) – см. *гонджаоба*

Лазепеш-хорони – Lazep'esh-khoroni – (ლაზეპეშ-ხორონი) – см. *хорони*
Лаини – Laini – (ლაინი) – ткань из мягких тонких нитей
Лаквра – Lak'vra – (ლაკვრა) – стул-кровать
Ламариа – Lamaria – (ლამარია) – богиня земли, «равная Богородице»
Ланчуднал джар – Lanchudnal jar – (ლანჩუდნალ ჯარ) – корыто для приготовления начинки для пирогов (Сванети)
Ларбиал джар (сван.) – Larbial jar – (ლარბიალ ჯარ) – см. *варцли*
Лари – Lari – (ლარი) – 1) тетива лука; 2) деталь трепалки; 3) разновидность террас для полеводства; 4) шкатулка; 5) ларь
Ларса – Larsa – (ლარსა) – божество – покровитель рыбаков
Ларчემи – Larch'emi – (ლარჩემი) – шестиствольная флейта, древнегрузинский музыкальный инструмент
Ласпаври – Laspavri – (ლასფავრი) – кадка для замешивания теста из ячменной и ржаной муки
Ластiani хиди – Last'iani khidi – (ლასტიანი ხიდი) – плетеный мост
Лаквари – Lakhvari – (ლახვარი) – см. *гороли*
Лакhti – Lakhti – (ლახტი) – 1) пояс; 2) командная игра с поясами; 3) булава
Лачани – Lach'ani – (ლახანი) – кровать с плетеным низом
Лачкими – Lachkimi – (ლახქიმი) – вид сухопутного транспорта
Лашарис джвари – Lasharis jvari – (ლაშარის ჯვარი) – святилище (Хевсурети)
Лашкари – Lashkari – (ლაშქარი) – войско
Лашкини – Lashk'ini – (ლაშქინი) – см. *нало*
Лгени – Lgeni – (ლგენი) – ритуальный котел (Сванети)
Лело – Lelo – (ლელო) – старинная игра в мяч
Летики – Lep'ik'i – (ლეპიკი) – спортивные игрища
Лесула – Lesula – (ლესულა) – см. *сацерили*
Лечаки – Lechaki – (ლეჩაკი) – женский головной убор
Лечак-мердини – Lechak-merdini – (ლეჩაკ-მერდინი) – женский головной убор на ободке из тюля или атласа
Лиле – Lile – (ლილე) – ритуальная пляска
Липанали – Lipanali – (ლიფანალი) – поминальный день, когда покойники «посещали» свои дома (Сванети)
Лобиани – Lobiani – (ლობიანი) – лепешка с начинкой из фасоли
Ломисис джвари – Lomisis jvari – (ლომისის ჯვარი) – святилище
Лори – Lori – (ლორი) – род ветчины
Лргим – Lrgim – (ლრგინი) – традиционная длинная скамья со спинкой (Сванети)

Магалбани – Maghalbani – (მაღალბანი) – см. *цингарда*
Маглари – Maq'lari – (მაღლარი) – высокоствольная виноградная лоза
Мазраки – Mazrak'i – (მაზრაკი) – метательно-колющее оружие
Макари – Maq'ari – (მაყარი) – участники свадебного поезда со стороны жениха
Макриони – Maq'rioni – (მაყრიონი) – свита жениха
Макрули – Maq'ruli – (მაყრული) – свадебная песня, исполнявшаяся дружками
Мамакаци месепе – Mamakatsi mesepe – (მამაკაცი მესეფე) – покровитель диких животных
Мамамдзудзе – Mamamdzudze – (მამამძუძე) – воспитатель, аталык
Мамани – Mamani – (მამანი) – патронимия, родственное объединение
Мамит шиншеби – Mamit shinshebi – (მამით შინშები) – дети родных и коллатеральных братьев со стороны отца
Мамули, Мамисеули – Mamuli, Mamiseuli – (მამული, მამისეული) – родственники с отцовской стороны
Мандили – Mandili – (მანდილი) – женский головной платок больших размеров
Манеби – Manebi – (მანები) – рисунки на ткани в виде стилизованной грузинской буквы “ქ” (М)

Марани – Marani – (მარანი) – винохранилище: деревянное или каменное строение с зарытыми в землю *квеври* различной емкости

Маргилы – Margili – (პარგილი) – орудие для обработки огорода

Марджи – Marji – (მარჯი) – метка при заготовке лесоматериала

Мариашноба – Mariashnoba – (მარიაშნობა) – см. *Сахлтангелозоба*

Мармакши – Marmakshi – (მარმაქში) – толстое полотно

Марнис || *Бослис цоцхи* – Marnis || boslis tsotskhi – (მარნის || ბოსლის ცოცხი) – веник для марани, хлева

Мархили – Marxili – (მარხოლი) – сани

Марцахи – Martsakhi – (მარცახი) – насаженный на деревянную рукоятку трехрогий наконечник

Марцухи – Marts'ukhi – (მარწუხი) – тиски, клещи

Маха – Makha – (მახა) – палеореликтовый эндем пленчатой пшеницы

Махалники – Makhalnik'i – (მახალნიკი) – см. *шнакви*

Махвиши – Makhvshi – (მახვიში) – 1) старейшина в сванской семье; 2) глава общины, села

Махохи – Makhokhi – (მახოხი) – кисель из отрубей, заквашенных на дрожжах, для мытья волос

Мацони – Matsoni – (მაწონი) – кислое молоко

Мачанклоба – Machank'loba – (მაჭანკლობა) – сватовство

Мачари – Machari – (მაჭარი) – молодое вино

Мачуб – Machub – (მაჩუბ) – нижний этаж доме (Сванети)

Маша – Masha – (მაშა) – бобовая культура

Машаки – Mashaki – (მაშაკი) – см. *шнакви*

Мгебреби – Mgebrebi – (მგებრები) – умершие родственники

Мгебрт табла || *мгебрт супра* – Mgebrt t'abla || Mgebrt supra – (მგებრთ ტაბლა) || *მგებრთ სუფრა* – стол с угощением для *мгебреби*

Мгосани – Mgosani – (მგოსანი) – певец, поэт и создатель мелодий, аккомпанирующий себе на музыкальном инструменте

Мдаде – Mdade – (მდადე) – посаженная мать; подружка со стороны невесты

Меабаное – Meabanoe – (მეაბანოე) – банщик

Меагвире – Meaghvire – (მეაღვირე) – см. *джилавдари*

Мебегре – Mebegre – (მებეგრე) – общинник, выплачивающий оброк *бегара*

Мебуке – Mebuk'e – (მებუკე) – горнист

Меварцле – Mevartsle – (მევარცლე) – старшая хозяйка в семье, в функции которой входила выпечка хлеба

Мегандзе – Megandze – (მეგანძე) – хранитель казны святилища

Меджинибе – Mejinibe – (მეჯინიბე) – конюх

Меджинибетуцхуцеси – Mejinibetukhutsesi – (მეჯინიბეთუცხუცესი) – начальник над конюхами

Медзнеури – Medzneuri – (მეძნეური) – вязальщик снопов

Медроше – Medroshe – (მედროშე) – знаменосец

Меене – Meene – (მეენე) – вещатель божьей воли, прорицатель (Восточная Грузия)

Мезири – Meziri – (მეზირი) – покровитель дома (Сванети)

Меквле – Mek'vle – (მეკვლე) – первый поздравитель с новым годом, обладатель «счастливой ноги»

Мекодееби – Mek'odeebi – (მეკოდებები) – члены территориального и родственного объединения (горные регионы Восточной Грузии)

Менексила – Menek'sila – (მენეკსილა) – одномачтовое пассажирское, торговое судно

Мене, непе – Mene, nepa – (მენე, ნეპე) – 1) царь; 2) жених

Мереме – Mereme – (მერემე) – табунщик

Мереметухуцеси – Meremetukhutsesi – (მერემეთუცხუცესი) – старший табунщик

Меруе – Merue – (მერუე) – лицо, распределяющее воду для орошения

Мествире – Mest'vire – (მესტვირე) – народный сказитель, поэт-импровизатор, играющий на свирели

Месту – Mest'i – (მესტი) – обувь из тонкой кожи

Местумре – Mest’umre – (მესტუმრე) – смотритель за царским столом во время пиршества
Метулукче – Metulukhche – (მეთულუხჩე) – городской водовоз
Меулаке – Meulaq’e – (მეულაყე) – коневод
Меунагире – Meunagire – (მეუნაგირე) – седельщик, шорник
Мехаличеоба – Mekhalicheoba – (მეხალხეობა) – ковроткачество
Мехи – Mekhi – (მეხი) – см. *лакера*
Мехре – Mekhre – (მეხრე) – погонщик волов во время пахоты
Меччалаоба – Mechechelaoba – (მეჩეხელაობა) – форма взаимопомощи
Мечурчле – Mechurchle – (მეჭურჭლე) – казначей
Мэне – Meene – (მენე) – прорицатель
Мзекали – Mzekali – (მზექალი) – Солнце-дева, член триады верховных божеств (горные регионы Восточной Грузии)
Мзечабуки – Mzech’abuk’i – (მზეჭაბუკი) – сказочный красавец-юноша
Мибареба – Mibareba – (მიბარება) – обряд посвящения ребенка общинному божеству
Мибареба, ганатвла, сахелоши чадгома, згурблис далахва – Mibareba, Ganatvla, Sakheloshi chadgoma, Zghurbliis dalakhva – (მიბარება, განათვლა, სახელობო ჩადგომა, ზღურბლის დაღახვა) – обряды, совершаемые только коренными жителями в общинном святилище
Мизитхи – Mizitkhi – (მიზითხი) – хоровод в честь культового дерева *уртхмели* (Сванети)
Микамгарио – Mikamgario – (მიკამგარიო) – измененная форма парного имени Микаели и Габриели
Мисамбарео саклави – Misambareo sak’lavi – (მისამბარეო საკლავი) – жертвенное животное
Мицат цодос мокидеба – Mits’at codos mok’ideba – (მიწათ ცოდოს მოკიდება) – ритуал «взятия на себя греха земель» в медиаторском суде
Мицис гасукеба – Mits’is gasukeba – (მიწის გასუქება) – удобрение земли
Мицурис сахли – Mits’uris saxli – (მიწურის სახლი) – жилище с плоской земляной крышей
Мкепари – Mk’epari – (მეყეპარი) – 1) глашатай на свадьбе; 2) злая собака
Мкис джвари – Mk’is jvari – (მკის ჯვარი) – жатвенный крест
Модгами – Modgami – (მოდგამი) – 1) пахотная супруга; 2) трудовое объединение на пахоте
Моджалабе – Mojalabe – (მოჯალაბე) – категория зависимых крестьян
Мозаре – Mozare – (მოზარი) – плакальщики, исполнители на похоронах песней-плачей *зари*
Моквета – Mok’veta – (მოკვეთა) – отлучение
Мокшал – Mokshal – (მოქშალ) – мужа сестер по отношению друг к другу (Сванети)
Монареоба – Monareoba – (მონარეობა) – см. *окатури*
Монашенеоба – Monasheneoba – (მონაშენეობა) – разведение сада и виноградника на заброшенных участках
Мондави – Mondavi – (მონდავი) – 1) супруга; 2) жены братьев
Монехвцкла – Monekhvts’q’la – (მონეხვწყლა) – удобрение земли раствором в воде навозом
Мопатиже – Mopat’izhe – (მოპატიჟე) – приглашающий гостей на свадьбу
Мотицроба – Moticroba – (მოფიცრობა) – институт присяжных
Морвар //морвал – Morvar//morval – (მორვარ//მორვალ) – судья-медиатор (Сванети)
Моргви – Morgvi – (მორგვი) – гончарный круг
Мориге гмерти – Morige ghmerti – (მორიგე ღმერთი) – верховное божество в горной Грузии
Мосиаруле далаки – Mosiarule dalaki – (მოსიარულე დალაქი) – бродячий цирюльник
Мосули – Mosuli – (მოსული) – пришедший под покровительство святилища
Мотали – Motali – (მოთალი) – вид сыра из снятого молока (Джавахети)
Моткма, хмит тирили, зари, квитини, гврини – Motkma, Khmit t’irili, Zari, Kvitini, Gvrini – (მოთქმა, ხმით ტირილიზარი, ქვითინი, გვრინი) – виды оплакивания усопшего
Моцикули – Mocikuli – (მოციქული) – посредник
Мта || та – Mta || ta – (მთა||თა) – альпийские пастбища
Мтабарули – Mtabaruli – (მთაბარული) – перегонное скотоводство

Мтаварангелози – Mtavarangelozi – (მთავარანგელოზი) – архангел, мужское божество; член верховной триады в пантеоне (Сванети)
Мтиблური – Mtibluri – (მთიბლური) – сенокосная песня
Мтили – Mt'ili – (მტილი) – 1) огород, 2) фруктовый сад
Мтисцинети – Mtists'ineti – (მთისწიხეთი) – предгорная полоса, предгорье
Мужири – Muzhiri – (მუჯირი) – см. *аргани*
Мумаши нати – Mumash nati – (მუშაშ ნათი) – родство с отцовской стороны (сван.)
Мурквამ – Murq'vam – (მურეყვან) – многоэтажная оборонительная башня (сван.)
Мутака – Mutaka – (მუთაქა) – длинная подушка цилиндрической формы
Мутваги – Mut'vagi – (მუტვაგი) – очаг (Сванети)
Мхали – Mkhali – (მხალი) – огородные и дикорастущие травы и растения
Мхловани – Mkhlovani – (მხლოვანი) – лепешки с начинкой из *мхали*
Мхрис набади – Mkhris nabadi – (მხრის ნაბადი) – праздничная бурка
Мцвади – Mts'vadi – (მწვადი) – шашлык
Мцеварни – Mts'evarni – (მწვევარნი) – гончие собаки
Мцерлеби – Mts'erlebi – (მწერლები) – божества, предрешающие судьбу
Мцодне кацеби – Mtsodne k'atsebi – (მცოდნე კაცები) – судьи-медиаторы (Хевсурети)
Мцхетоба – Mtskhetoba – (მცხეთობა) – см. *гергетоба*
Мчади – Mchadi – (მჭადი) – пресный хлеб из кукурузной или просяной муки
Мчхибави, мчхабави, мчхрекели – Mchkhivavi, Mchkhavavi, Mchkhrek'eli – (მჩხიბავი, მჩხაბავი, მჩხრეკელი) – чародей, чародейство
Мшивлд-исари – Mshvild-isari – (მშვილდ-ისარი) – лук и стрелы
Миралис пара – Mshralis para – (მშრალის ფარა) – отара недоющих овец

Набади – Nabadi – (ნაბადი) – высоковорсовая длинная бурка
Набдис куди – Nabdis kudi – (ნაბდის ქუდი) – мужской войлочный головной убор
Нави – Navi – (ნავი) – 1) лодка; 2) рыболовное весельное судно; 3) деревянная винодавильня
Навтики – Navt'ik'i – (ნავტიკი) – плот на бурдюках
Нади – Nadi – (ნადი) – коллективная взаимопомощь
Надиртангелози – Nadirt angelozi – (ნადირთანგელოზი) – Ангел зверей – покровитель диких животных
Надиртпатрони – Nadirtp'at'roni – (ნადირთპატრონი) – повелитель, владыка зверей
Накадагари – Nakadagari – (ნაკადაგარი) – священнослужебные тексты, которые вещает от имени бога прорицатель *кадаги/меене* святилища
Накарда – Nakarda – (ნაქარდა) – геометрический орнамент
Налбанди – Nalbandi – (ნალბანდი) – коваль
Налиа – Nalia – (ნალია) – кукурузник
Нало – Nalo – (ნალი) – вид бесколесного гужевого транспорта, волокуша
Намцхварави – Namtskhvaravi – (ნამცხვარავი) – овечье лежбище
Нанав-да – Nanav-da – (ნანავ-და) – см. *роква*
Нареви || *Миреули* – Narevi || Mireuli – (ნარევი || მირეული) – служители культа мертвых, в обязанности которых входило омовение, обряжение и погребение усопшего (горные регионы Восточной Грузии)
Нарнари – Narnari – (ნარნარი) – см. *симд*
Натлиа – Natlia – (ნათლია) – восприемник в таинстве крещения, крестный отец, крестная мать
Натсау || *Натиоба* || *Нати* – Natsau || Natioba || Nati – (ნათსაუ || (ნათიობა) || ნათი) – родственники по крещению
Нашени – Nasheni – (ნაშენი) – приплод
Нацарцмендили – Natsarts'mendili – (ნაცარწმენდილი) – вода с золой, средство для мытья головы и стирки
Нацвалгарда – Natsvalgarda – (ნაცვაღვარდა) – взаимопомощь, основанная на принципе равного возмещения затраченного труда

Нацვევად ცასვლა – Nats'vevad ts'asvla – (ნაწვევად წასვლა) – временное возвращение ново-
брачной через год после свадьбы в отчий дом
Нацერული – Natseruli – (ნაცერული) – обычай одаривания вынимавшему первый улов из ло-
вушки
Нацнави – Nats'navi – (ნაწნავი) – косичка
Нача – Nach'a – (ნაჭა) – надочажная цепь (Сванети)
Начაპნი – Nach'ap'ni – (ნაჭაპნი) – косы
Начрелеби – Nach'relebi – (ნაჭრელეები) – орнаменты
Начулаши – Nach'ulashi – (ნაჭულაში) – обязательная выплата (бык) семьей жениха семье
невесты (Сванети)
Нашенит пици – Nashenit pici – (ნაშენით ფიცვი) – совместная клятва домочадцев
Нелсацхебели – Nelsatskhebeli – (ნელსაცხებელი) – ароматическая смесь из благовоний
Непионт супра – Nepiont supra – (ნეპიონთ სუფრა) – столик для новобрачных
Нербва – Nerbva – (ნერბვა) – случка овец
Нерчис ангелози – Nerchis angelози – (ნერჩის ანგელოზი) – Ангел семьи
Нибашин – Nibashin – (ნიბაშინი) – внук, внучка
Нишанзе тири – Nishanze t'irili – (ნიშანზე ტირილი) – обряд оплакивания одежды покойного
Нишани – Nishani – (ნიშანი) – залог, который давался женихом невесте в знак обручения
Ниши – Nishi – (ნიში) – плоскодонная лодка
Нишноба – Nishnoba – (ნიშნობა) – обручение; помолвка
Ногро||Монагреби||Монагари – Nogro||Monagrebi||Monagari – (ნოგრო||მონაგრები||მონაგარი) –
патронимия, родственное объединение

Ода сахли – Oda sakhli – (ოდა-სახლი) – деревянный дощатый дом (Западная Грузия)
Оджахис ангелози – Ojaxis angelози – (ოჯახის ანგელოზი) – Ангел – покровитель семьи
Одури сахли – Oduri sakhli – (ოდური სახლი) – разновидность *дарбази*
Окатури – Ok'aturi – (ოკატური) – объединение хозяев крупного рогатого скота
Олагване – Olagvane – (ოლაგვანე) – место, где зарыты винные кувшины (Самегрело)
Олечкандери – Olechk'anderi – (ოლეჩკანდერი) – парусник, военный корабль
Олихнари – Olikhnari – (ოლისნარი) – лоза на деревянных подпорках или невысоких деревьях
Органоба – Organoba – (ორგანობა) – см. *кало*
Ордзира – Ordzira – (ორძირა) – деревянная посуда для воды с двойным дном
Ормоци ||Сантелсацвао – Ormotsi||Santelsats'vao – (ორმოცი||სანთელსაწვაო) – поминки на
сороковой день после смерти
Орнациледы геджеби – Ornats'iledi gejebi – (ორნაწილედი გეჯები) – двухкорпусный улей
Оровела – Orovela – (ოროველა) – песни, исполнявшиеся во время пахоты
Ороко – Orok'o – (ოროკო) – вид террасы
Ороли – Oroli – (ოროლი) – см. *гороли*
Орхела – Orkhela – (ორხელა) – 1) грядильное пахотное орудие; 2) см. *сарци*
Орчкомели – Orchkhomeli – (ორჩხომელი) – рыболовное парусное судно
Оршимо – Orshimo – (ორშიმი) – сосуд для вычерпывания вина из *квеври*
Отхмхриани сахвнели – Otkhmkhriani sakhvneli – (ოთხმხრიანი სახვეელი) – четырехкорпус-
ный плуг
Очопинтре – Ochopint're – (ოჩოპინტრე) – лесное божество охоты, покровитель зверей (гор-
ные регионы Восточной Грузии)
Очхе – Ochkhe – (ოჩხე) – ловушка для рыб, сооруженная из камней на берегу реки

Палакавани – Palakavani – (ფალაქავანი) – метательное оружие наподобие катапульты
Палатиани сахли – Palat'iani sakhli – (პალატიანი სახლი) – жилище в Западной Грузии
Пандури – Panduri – (პანდური) – трехструнный щипковый музыкальный инструмент
Панта – P'ant'a – (პანტა) – лесная груша

- Папанаки* – Papanak’i – (ვაფანაკი) – 1) мужской западногрузинский головной убор; 2) стеганая шапка; 3) хевсурская выходная чоха
- Папакхи* – Papakhi – (ვაფახი) – мужской головной убор из меха
- Парага* – Paraga – (ფარაგა) – нагрудник
- Пардаги* – Pardagi – (ფარდაგი) – безворсовый ковер
- Парехи* – Parekhi – (ფარეხი) – зимняя овчарня
- Парсаходи* – Parsakhodi – (ფარსახოდი) – деревянная мешалка
- Пацери* – Patseri – (ფაცერი) – плетеная ловушка для ловли рыбы
- Пацха* – Patsxa – (ფაცხა) – жилище из плетня (Самегрело)
- Пачичеби* – P’ach’ich’ebi – (პაჭიჭები) – ноговицы
- Пашати* – Pashat’i – (ფაშატი) – кобыла
- Пери* – Peri – (ფერი) – косметический порошок для подкрашивания губ
- Пер-умарили|სნეთი* – Per-umarili|sp’et’i – (ფერ-უმარილი|სპეტი) – питательная тональная крем-паста, белила
- Перхули* – Perkhuli – (ფერხული) – хоровод
- Перхули-осханье* – Perkhuli-oskhar’ue – (ფერხული-ოსხაჟე) – см. *леле*
- Пехис ахсна* – Pekhis akhsna – (ფეხის ახსნა) обряд, связанный с первым появлением жениха в семье невесты
- Пехсадили* – Pekhsadgili – (ფეხსადგილი) – уборная, отхожее место
- Пириани сакодели* – P’iriani sak’odeli – (პირიანი საკოდელი) – точильный брусок, оселок
- Пирискарри* – P’iriskari – (პირისქარი) – букв. «вступление» – вид священнослужебных текстов, произносимых служителями культа мертвых (Хевсурети)
- Пиркуши* – Pirkushi – (პირქუში) – божество, мастер кузнечного дела
- Пишури* – Pitsruli – (პიცრული) – дощатый дом, обычно одноэтажный
- Пички* – Pichki – (ფიქი) – круглый обеденный столик
- Пичхис цоцхи* – Pichkhis tsotskhi – (ფიხის ცოცხი) – веник для двора
- Пичхули* – Pichkhuli – (ფიხული) – рыба мелкого и среднего размера
- Плосты* – Plost’i – (ფლოსტი) – женская мягкая домашняя обувь из сафьяна
- Полотики* – Polot’ik’i – (პოლოტიკი) – нагрудник
- Прангули* – Pranguli – (ფრანგული) – букв. «французский», общее название европейских сабель
- Птила* – Ptila – (პიოლა) – комок шерсти для прядения
- Пудзис Ангелози* – Pudzis Angelози – (ფუძის ანგელოზი) – Ангел основы дома
- Пудзис Деда* – Pudzis deda – (ფუძის დედა) – Мать основы дома
- Пурне* – Purne – (ფურნე) – печь для выпечки хлеба
- Пцкара* – Ptskara – (ფუკარა) – силос с петлей
- Ранги* – Rangi – (რანგი) – напиток из меда в Сванети
- Рджули* – Rjuli – (რჯული) – совет старейшин (Хевсурети)
- Рджулис кацеби* (хевс.) – Rjulis k’atsebi – (რჯულის კაცები) – судьи-медиаторы (Хевсурети)
- Рема* – Rema – (რემა) – табун
- Риги* – Rigi – (რიგი) – поминальное застолье (Восточная Грузия)
- Риде* – Ride – (რიდე) – мост из одного бревна
- Риктапа* – Rik’t’apa – (რიკტაფა) – см. *გრიჩილა*
- Роква* – Rok’va – (როკვა) – хороводные песни-танцы
- Румби* – Rumbi – (რუმბი) – пропитанный дегтем бурдюк из бычьей или буйволиной шкуры для перевозки вина и воды
- Русхмули* – Ruskhmuli – (რუსხმული) – земляная насыпь канала
- Сабалахо* – Sabalakhо – (საბალახო) – плата за пользование пастбищем
- Сабелави* – Sabelavi – (საბელავი) – живая изгородь из специальных пород деревьев, из которых делают подпорки для лозы

Саберо – Sabero – (საბერო) – помещение в святилище, предназначенное для *хевисбери*
Сабечури – Sabechuri – (საბეჩური) – женская верхняя одежда наподобие душегрейки
Савазе – Savaze – (სავაზე) – см. *сасхлави*
Сагзали – Sagzali – (საგზალი) – пища, предназначенная «на дорогу» умершему
Сагмрто – Saghmrtო – (საღმრთო) – обрядовое пиршество, букв. «для бога»
Сагуле – Sagule – (საგულე) – 1) длинное распашное платье на подкладке (Хеви); 2) женский и мужской *ахалухи* (Горная Рача); 3) короткий женский нагрудник с рукавами, мужская жилетка (Пшави)
Садарбазо – Sadarbazo – (სადარბაზო) – старинный парный танец
Садастуро – Sadast'uro – (სადასტური) – жилая постройка на территории святилища для жителей культа
Садгини – (sagini) – (სადგინი) – конные скачки, устраивавшиеся во время похорон и в годовщину смерти (Тушети)
Саджалабо – Sajalabo – (საჯალაბო) – кухня в традиционном доме (Аджария)
Саджаре – Sajare – (საჯარი) – помещение для собрания общинников во время религиозных праздников
Саджохо – Sajokho – (საჯოხო) – дополнительная доля наследства, которую давали членам большой семьи, исполнявшим обязанности пастуха
Садзмо-сацило – Sadzmo-sats'ilo – (საძმო-საწილო) – доля братьев в общинно-семейной собственности
Садиацо – Sadiatso – (სადიაცო) – 1) женская половина в традиционном горском доме; 2) длинное женское платье, обшито на подоле каймой (Хевсурети)
Садидебелтаи – Sadidebeltai – (სადიდებელთაი) – славословие
Садроше – Sadroshe – (სადროშე) – помещение, где находились знамена святилища
Сазаре – Szare – (საზარი) – звонница, колокольня
Сакиос шави дзагли – Saikios shavi dzaghli – (საიქიოს შავი ძაგლი) – черная собака из по-тустороннего мира
Сакаджави – Sakajavi – (საქაჯავი) – пресс для выжимания сока из виноградной мезги
Сакацо – Sak'atso – (საკაცო) – мужская половина в горском доме
Саквабе – Sakvabe – (საქვაბე) – помещение в святилище для приготовления и хранения ритуального пива
Сакве – Sakve – (საქვე) – см. *дариджи*
Саквекно гза – Sakveq'no gza – (საქვეყნო გზა) – государственная дорога
Сакидари – Sak'idari – (საკიდარი) – выючные животные
Сакинуле гза – Saq'inule gza – (საყინულე გზა) – колея для спуска льдины
Саклави – Sak'lavi – (საკლავი) – жертвенное животное
Сакмо – Saq'mo – (საყმო) – определенная территория с проживающим там населением, которому покровительствовали *гвтисивилеби*
Сакнари – Saknari – (საქნარი) – поминки в годовщину смерти (Хевсурети)
Сакоде – Sakode – (საკოდე) – 1) пивоварня; 2) помещение для хранения священного пива
Сакулухе – Sak'ulukhe – (საკულუხე) – помещение для хранения приношений
Сакуртхевели – Sak'urtkheveli – (საკურთხეველი) – алтарь
Сакурихил – Sak'urtskhil) – (საკურცხილ) – кресло для главы семьи (Сванети)
Саламури – Salamuri – (სალამური) – свирель
Салачкиме гза – Salachkime gza – (სალაჩქიმე გზა) – аробная дорога
Салашкро – Salashkro – (სალაშქრო) – походное знамя
Салуде – Salude – (სალუდე) – пивоварня
Самамацо – Samamatso – (სამამაცო) – длинная мужская скамья
Самархво – Samarkhvo – (სამარხვო) – букв. «предназначенное для поста» – общее название бобовых
Самархи – Samarkhi – (სამარხი) – доля, выделявшаяся родителям при разделе семьи, предназна-
 значавшаяся на покрытие расходов по погребению

Самархи талавари – Samarkhi t'alavari – (სამარხი ტალავარი) – погребальная одежда
Самархиле гза – Samarkhile gza – (სამარხილე გზა) – санная дорога
Самдзимар келгилиани – Samdzimar q'elghiliani – (სამძიმარ კელგილიანი) – женское божество плодородия (Хевсурети)
Самквдили – Samk'vdili – (სამკვდილი) – одежда жнеца
Самквдро часацмели – Samk'vdro chasatsmeli – (სამკვდრო ჩასაცმელი) – погребальная одежда
Самкердули – Samk'erduli – (სამკერდული) – нагрудник
Самклаве – Samk'lave – (სამკლავე) – элемент одежды жнеца, нарукавник для правой руки
Самкоти – Samq'opi – (სამყოფი) – жилое помещение в горском доме (Восточная Грузия)
Самкочао – Samk'och'ao – (სამკოჭაო) – знамя, предназначенное для спасения человеческой души от злых духов
Самотхе – Samotkhe – (სამოთხე) – 1) сад; 2) рай
Самохио – Samokhio – (სამოხიო) – форма объединения односельчан (Западная Грузия)
Самсхверло – Samskhverp'lo – (სამსხვერპლო) – жертвенник
Самтхле – Samtkhle – (სამთხლე) – приспособление с длинной рукояткой для прессования винограда в давяльне
Самхари – Samkhari – (სამხარი) – ужин, полдник
Самхуб||Ламхуб – Samkhub||Lamkhub – (სამხუბ||ლამხუბ) – патронимия, родственное объединение
Самчедло – Samch'edlo – (სამჭედლო) – кузница
Санакедло – Sanak'edlo – (სანაკედლო) – тип шлюза в оросительной системе
Сандали – Sandali – (სანდალი) – ладья, большая морская лодка, торговое судно
Санелсацхебле – Sanelsatskheble – (სანელსაცხებლე) – сосуд для хранения ароматических масел и косметики
Саничари – см. *ძგვენი*
Санкали – Sank'ali – (სანკალი) – терраса с деревянными стенками
Сантелдге – Santeldghe – (სანთელდღე) – поминки на сороковой день после смерти (Хевсурети)
Сантури, цинцили – Sant'uri, tsintsili – (სანტური, ცინცილი) – музыкальный инструмент наподобие цимбал
Саопле – Saople – (საოფლე) – налобный ободок от пота, элемент одежды жнеца
Сапихвно – Sapikhvno – (საფიხვნო) – место для сбора односельчан (Хевсурети)
Сапухре – Sapukhre – (საფუხრე) – кольчужная перчатка
Сардонули – Sardonuli – (სარდონული) – ткань из колхского льна, которая в древности успешно конкурировала с египетскими тканями
Саркали – Sarkali – (სარქალი) – глава объединения овчаров
Саруаши – Saruashi – (სარუაში) – ритуальный тост (Сванети)
Сасери – Saseri – (სასერი) – кольцевой кастет для нанесения режущих ран
Сасупевели – Sasupeveli – (სასუფეველი) – алтарь для бескровных жертвоприношений
Сасхлави – Sashlavi – (სასხლავი) – изогнутый железный нож с деревянным черенком для подрезки лозы
Сатавно – Satavno – (სათავნო) – личный капитал женщины, составлявший часть ее приданого
Сахиоба – Sakhioba – (სახიობა) – средневековый грузинский театр
Сахсагели – Sakhshageli – (სახსხაგელი) – ритуальный тост (Сванети)
Сацвтеби – Satsvetebi – (საცვეთები) – чувяки, украшенные сбоку пуговками
Сацвие – Sats'vive – (საწვივე) – кольчужные доспехи для защиты голени
Сацерули – Sats'eruli – (საცერული) – железное кольцо с острыми зубцами, надеваемое на большой палец правой руки
Сациви – Satsivi – (საცივი) – блюдо из индюшатины в ореховом соусе
Сацнахели – Sats'nakheli – (საწნახელი) – давяльня для винограда
Свити – Svipi – (სვიფი) – 1) сельское собрание; 2) священное место для сбора односельчан (Сванети)

Сене – Sene – (სენე) – помещение для хранения и переработки молока и молочных продуктов (Хевсурети)

Серис куди || *Самхрис куди* – Seris k’udi||Samkhris k’udi – (სერის კუდი||სამხრის კუდი) – прием пищи после ужина

Симд – Simd – (სიმდი) – осетинский танец

Синори – Sinori – (სინორი) – лепешки с маслом, засыпанные сахаром (Аджария)

Сираджи – Siraji – (სირაჯი) – виноторговец

Соинари – Soinari – (სოინარი) – шестиствольная флейта – древнегрузинский музыкальный инструмент

Сомини – Somini – (სომინი) – традиционный вид хлеба (Месхети, Аджария)

Сулгуни – Sulguni – (სულგუნი) – вид традиционного сыра (Самегрело, Сванети)

Сулис агати – Sulis aghari – (სულის აგაპი) – обряд поминовения души

Сулис хуцеси – Sulis khutsesi – (სულის ხუცესი) – 1) «священник души»; 2) служитель культа мертвых (Хевсурети)

Султакрепа – Sultak’epa – (სულთაკრეფა) – букв. «сбор душ», поминальный день, когда покойники «посещают» свои дома (Тушети)

Табла – T’abla – (ტაბლა) – 1) маленький столик; 2) поминальная пища, приносимая на могилу на 7-й и 40-й дни после похорон

Тавис риги – Tavis rigi – (თავის რიგი) – поминальное угощение

Таруци – T’agrutsi – (ტარგუცი) – деревянная резная шкатулка

Талавари – T’alavari – (ტალავარი) – комплекс женской и мужской одежды, каждый элемент которой украшен вышивкой (Хевсурети)

Талавери – T’alaveri – (ტალავერი) – культура виноградной лозы на горизонтальных перекладинах

Тамада – Tamada – (თამადა) – распорядитель застолья

Тана – Tana – (თაფა) – место в камине, где разводят огонь

Таравали – T’aravali – (ტარავალი) – женская одежда (Хеви)

Тарги – Targi – (თარგი) – шаблон

Тари – Tari – (თარი) – струнный музыкальный инструмент

Таро – Taro – (თარო) – см. *дариджи*

Тар-Чабуки – T’ar-Ch’abuk’i – (ტარ-ჭაბუკი) – божество в образе молодого мужчины, которое ассоциировалось с луной (Западная и Южная Грузия)

Тарчия – Tarchia – (თარჩია) – конноспортивное соревнование

Тат-бачичеби – Tat-bach’ich’ebi – (თათ-ბაჭიჭები) – вязаные ноговицы

Тати, мн. ч. *татеби* – Tati, Tatebi – (თატი) – вязаная обувь на кожаной или меховой подошве

Тевзипхури – Tevzipkhuri – (თევზიფხური) – кладка дома «елочкой»

Тевзисболоиани – Tevziboloiani – (თევზისბოლოიანი) – стилизованный орнамент «рыбий хвост»

Тека – Teka – (თეკა) – войлок из овечьей шерсти

Телепия-мелиа – T’elepia-melia – (ტელეფია-მელია) – см. *лиле*

Теми – Temi – (თემი) – сельская община

Тео – Teo – (თეო) – часть овчарни

Тетреули – Tetreuli – (თეთრეული) – «белая» пища – молочные продукты

Тиви – T’ivi – (ტივი) – плот из бревен

Тики – T’iki – (ტიკი) – бурдюк из козьей шкуры для вина

Тикчора – T’ikch’ora – (ტიკჭორა) – сосуд из козьей или телячьей шкуры для перевозки вина

Ткав каба – T’k’av k’aba – (ტყავ კაბა) – букв. «кожаное платье»; верхняя женская одежда из овчины

Ткаучи – T’q’ar’uch’i – (ტყაპუჭი) – дубленка

Ткаши-мапа – T’q’ashi Mapa – (ტყაში მავა) – божество, хозяин диких зверей (Западная Грузия)

Ткемали – T’q’emali – (ტყემალი) – 1) сорт сливы; 2) сливовый соус с пряностями

Тклапи – T'q'lap'i – (ტყლაპი) – пастила, сухая тонкая лепёшка из вываренной фруктовой мякоти

Тмошти – T'mosht'i – (ტმოსტი) – деревянная посуда для замешивания теста

Токали – Tok'ali – (თოკალე) – оксид меди

Толи – T'oli – (ტოლი) – домотканая ткань

Толумбаши – T'olumbashi – (ტოლუმბაში) – руководитель застолья (Западная Грузия)

Тоне || *Торне* – Tone || Torne – (თონე || თორნე) – вертикальная глиняная хлебная печь, врытая в землю

Тонис нури – Tonis p'uri – (თონის პური) – пшеничный хлеб, выпеченный в *тоне/торне*

Тори – Tori – (თორი) – броня из железных пластин

Тупкири – T'up'k'iri – (ტუპკირი) – плоская ивовая плетенка на дне давильни

Тури – Turi – (თური) – патронимия, родственное объединение

Турсиехи – Tursiekhi – (თურსიეხი) – главное божество и святилище в Тушети, которое тушины молили о размножении скота и увеличении надоя

Турши – Turshi – (თურში) – средство передвижения, см. *нало*

Тушпаланги – Tushpalangi – (თუშპალანგი) – сито

Тхиери – Tkhieri – (თხიერი) – сосуд больших размеров из шкур для перевозки вина на дальние расстояния

Тхиламури – Tkhilamuri – (თხილაძური) – плетеные снегоступы

Убело – Ubelo – (უბელო) – неоседланный конь

Улами – Ulami – (ულამი) – форма взаимопомощи, см. *დადახლი*

Улашбатони – Ulvashbat'oni – (ულვაშბატონი) – «господин усы» – мужчина с пышными усами

Улашкри – Ulvashk'ri – (ულვაშკრი) – длинный кусок ткани для повязывания усов

Умдзрахова – Umdzraxoba – (უმძრახობა) – 1) обычай избегания, соблюдаемый невесткой; 2) обычай соблюдения молчания перед посевом

Унджи||*мквидри* – Unji||Mkvidri – (უნჯი||მკვიდრი) – коренные жители, первопоселенцы

Урвади – Urvadi – (ურვადი) – выкуп за невесту (Хеви)

Фелука – Peluk'a – (ფელუკა) – морская лодка без железных креплений

Хабарда – Khabarda – (ხაბარდა) – верхнее женское платье европейского типа

Хавици – Khavits'i – (ხავიწი) – мука, обжаренная в топленом масле

Халарджоба – Khararjoba – (ხალარჯობა) – обряд совместного поминания усопших

Хали – Khali – (ხალი) – мука из поджаренного ячменя

Ханулоба – Khanuloba – (ხანულობა) – объединение для приготовления молочных продуктов

Хараки (сван) – Kharak'i – (ჰარაკი) – см. *ანდრეზი*

Харджи – Kharji – (ხარჯი) – поминальное застолье у горцев (Восточная Грузия)

Хати – Khat'i – (ხატი) – 1) святилище; 2) общинное божество; 3) икона

Хатоба – Khat'oba – (ხატობა) – храмовый праздник

Хачатури – Khach'ap'uri – (ხაჭაპური) – пирог с сыром

Хашлама – Khashlama – (ხაშლაძა) – ритуальная пища, куски отварного мяса, подаваемые на стол в горячем виде (Восточная Грузия)

Хвири – Khviri – (ხვირი) – большая корзина, наполненная соломой

Хевисбери – Khevisberi – (ხევისბერი) – руководитель общины, священнослужитель (горные регионы Восточной Грузии)

Хелнави – Khelnavi – (ხელნავი) – железные доспехи, наручи

Хибар – Khibar – (ჰიბარ) – штраф, взыскиваемый с общинников за нарушение общинных порядков (Сванети)

Хибили – Khibili – (ხიბილი) – терраса с каменными стенками (Самегрело)

Хизани – Khizani – (ხოზანი) – крестьянин, некоренной житель, живший на землях владельца на условиях аренды
Хинкали – Khinkali – (ხინკალი) – национальное блюдо горцев Восточной Грузии – вареные галушки с начинкой из мелкорубленного мяса и семян тмина (разновидности – «хевсурские», «пшавские», «гудамакарские» и «городские»)
Хирими – Khirimi – (ხირიმი) – кремневое ружье
Хирхати – Khirkhat'i – (ხირხატი) – вид почвы – подзол и рухляк
Хмиади – Khmiadi – (ხმიადი) – ритуальный пресный хлеб, лепешка
Хмит мотирали – Khmit mot'irali – (ხმით მოტირალი) – плакальщица, исполнявшая плачи «в голос»
Хокери – Khok'eri – (ხოკერი) – посуда из коры для хранения зерна
Хонча – Khoncha – (ხონჩა) – маленький столик, поднос
Хорони – Khoroni – (ხორონი) – хоровод у чанов
Хоруми – Khorumi – (ხორუმი) – древнейший грузинский хоровод
Хридоли – Khridoli- (xridoli) – состязание на руках
Хурджини – Khurjini – (ხურჯინი) – вязаная перекладная сума
Хуротмодзвари – Khurotmodzghvari – (ხუროთმოდგვარი) – архитектор
Хуцеси/хевисбери – Khuts'esi//Khevisberi – (ხუცესი/ხევისბერი) – главный служитель святилища (горные регионы Восточной Грузии)

Цалкоти – Ts'alk'ot'i – (წალკოტი) – сад
Цандили – Ts'andili – (წანდილი) – см. *коркоти*
Цанцала – Ts'ants'ala – (წანწალა) – пешеходный мост
Цбери – Ts'beri – (წბერი) – древнейший термин для обозначения виноградного пресса
Цеко – Tsek'o – (ცეკო) – древнее название танца «картули»
Цинцили – Tsintsili – (წინწილი) – музыкальный инструмент типа цимбал
Цоли, Осури, Чили, Хеху||Иеху – Tsoli, Osuri, Chili, Khekhu||Iekhu – (ცოლი, ოსური, ჩილი, ხეხუ||იეხუ) – жена
Цори – Ts'ori – (წორი) – единица платы за кровь (Сванети)
Цриатеби – Ts'riap'ebi – (წრიაპები) – обувь для ходьбы по скалам на металлической подошве
Цуга – Ts'ugha – (წუღა) – сафьяновые полусапожки
Цуриума – Ts'urts'uma – (წურწუმბა) – кувшин для воды
Цхенни – (ცხენნი) – скачки

Чагуна – Chaguna – (ჩაგუნა) – парный танец
Чакуноба – Chak'unoba – (ჩაკუნობა) – конноспортивная игра
Чанги – Changi – (ჩანგი) – струнный музыкальный инструмент типа арфы
Чани – Chapi – (ჩაფი) – мерная посуда вместимостью 8–12, 20 литров
Чапрасти – Chaprast'i – (ჩაფრასტი) – нагрудник из серебряных ჩაგუნადნых бляшек в традиционном женском костюме
Чапхути – Chapkhut'i – (ჩაფხუტი) – шлем
Чардахиани сахли – (chardakhiani sakhli) – (ჩარდახიანი სახლი) – дом-крепость (Тушети)
Чача – Ch'ach'a – (ჭაჭა) – 1) виноградная мезга; 2) водка из виноградной мезги
Чачкани – Chachkani – (ჩაჩქანი) – шлем
Чвилти – Chvilt'i – (ჩვილტი) – см. *марцахи*
Черхо – Ch'erkho – (ჭერხო) – 1) верхний этаж дома, летнее жилое помещение для семьи в *чардахиани сахли* (Тушети); 2) помещение для мужчин в жилом доме (Хевсурети)
Чианури – Ch'ianuri – (ჭიანური) – двухструнный смычковый инструмент
Чинчила – Ch'inch'ila – (ჭინჭილა) – «голосовой сосуд» для вина
Чирахдани – Chiraghiani – (ჩირადანი) – деревянное сооружение в виде креста, украшенное сладостями, фруктами, зажженными свечами, подносилось новобрачным во время свадьбы
Чирниги – Chirnigi – (ჩირნიგი) – малогабаритное парусное судно
Чити, мн. ч. *читеби* – Chiti, chitebi – (ჩითები) – шерстяная вязаная обувь на войлочной подошве

Чихрихи – Chikhrikhi – (ჭიხრიხი) – трепало
Чихта – Chikht'a – (ჩიხტა) – налобный ободок, обшитый тканью, часть женского головного убора
Чичилаки – Chichilak'i – (ჩიჩილაკი) – новогоднее дерево, символ древа жизни
Чичнаухти – Ch'ich'naukht'i – (ჭიჭნაუხტი) – пестрая шелковая ткань
Чоган-бурти – Chogan-burti – (ჩოგან-ბურთი) – грузинская национальная конноспортивная игра
Чонгури – Chonguri – (წონგური) – четырехструнный щипковый музыкальный инструмент
Чопи – Chopi – (ჩოფი) – палочка для нанесения грима
Чоха-ахалухи – Chokha-akhalukhi – (ჩოხა-ახალუხი) – традиционная мужская одежда
Чуглуги – Chuglugi – (ჩუგლუგი) – палица, боевой топор, молоток
Чунири – Chuniri – (ჭუნირი) – трехструнный смычковый музыкальный инструмент
Чури – Ch'uri – (ჭური) – *квеври*, глиняный кувшин для брожения и хранения виноградного вина (Западная Грузия)
Чурчхела – Churchkhela – (ჩურჩხელა) – сладость, приготавливаемая из горячего виноградного сока, муки и орехов
Чхут-брунели – Chkhut'-bruneli – (ჩხუტ-ბრუნელი) – см. *вариа*
Чхути – Chkhut'i – (ჩხუტი) – деревянная вертикальная маслобойка

Шаири – (Shairi) – (შაირი) – шестнадцатисложный стихотворный размер; стихи, исполняемые под музыку
Шанкви – Shank'vi – (შანკვი) – см. *шнакви*
Шашихи – Shashkhi – (შაშიხი) – копченое мясо, ветчина
Шегирди – Shegirdi – (შეგირდი) – воспитанник мастера, подручный ремесленника
Шечаманди – Shech'amandi – (შეჭამანდი) – полужидкое блюдо из растений (*мхали*) или из бобовых
Шибби – Shibi – (შიბი) – крученые косичкообразные узоры, вышиваемые на домотканой ткани *толи*
Шикрикни – Shik'rik'ni – (შიკრიკნი) – гонцы
Шнакви – Shnak'vi – (შნაკვი) – орудие для собирания реликтовых видов пшеницы
Шоти – Shoti – (შოთი) – пресный хлеб удлиненной формы
Шулта – Shulta – (შულტა) – обслуживающий персонал, прислужник

Эбани – Ebani – (ებანი) – грузинский струнный музыкальный инструмент
Эджибби – Ejibi – (ეჯიბი) – распорядитель на свадьбе
Эларджи – Elarji – (ელარჯი) – блюдо из сыра и кукурузной муки
Эрдо – Erdo – (ერდო) – 1) светодымовое отверстие в традиционном жилище; 2) проем в межэтажных перекрытиях
Эти – Et'i – (ეთი) – см. *базо*
Этли – Et'li – (ეტლი) – экипаж-коляска

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Центральный архив Аджарии (ЦАА). Ф. 12.

Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ). Ф. 254, 416.

Балиаури М. Рождение и воспитание ребенка в Хевсурети и связанные с этим пережитки суеверий. 1939 г. (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/12.

Давитиани А. Сванские этнографические материалы. Рождение и воспитание ребенка. 1942 г. (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/48.

Джавахишвили И. Питание грузинских работников и задачи его рационализации. Тбилиси, 1939 // Национальный центр рукописей (НЦР). Ф. 3.

Зедгинидзе Г. Джавахети. Рождение и воспитание ребенка. 1946 г. (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/67.

Зедгинидзе Г. Обычай и обряды джавахов. 1946 г. (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/66.

Ломтатидзе Г. Народная гигиена, санитария, профилактика. 1942 г. (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/15.

Очиаури А.А. История Архотских святынь. 1949 (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹¹/4

Очиаури А. Религия в Буде-Хевсурети. 1939 (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/17.

Очиаури А. Аманат и апарек. 1949а (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/86.

Очиаури А. Обычай кровомстительства у хевсур. 1954 (на груз. яз.) // Архив Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили. Д. М¹/107.

Чхенкели А. Мемуар о дипломатической работе правительства Грузинской Демократической республики в 1921–1922 годах. Париж, 1923 (на груз. яз.) // Архив Музея грузинской эмиграции ТГУ им. И. Джавахишвили.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абакелия Н.* Христианские святые в западногрузинских верованиях (Св. Георгий) // *Мацне*. 1985. № 3 (на груз. яз.).
- Абакелия Н.* Образ св. Георгия в западногрузинских верованиях // *СЭ*. 1988. № 5.
- Абакелия Н.* Миф и ритуал в Западной Грузии. Тбилиси, 1991.
- Абакелия Н.* Символ и ритуал в грузинской культуре. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- Абакелия Н.* Некоторые раннехристианские элементы в грузинской традиции // *Аналеби*. Тбилиси, 1999. № 8 (на груз. яз.).
- Абакелия Н.* К символике лошади в колхидской мифологическо-ритуальной системе // *Кавказско-восточный сборник*. Тбилиси, 2004. Вып. 11 (на груз. яз.).
- Абакелия Н., Алавердашвили К., Гамбашидзе Н.* Календарь грузинских народных праздников. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Абдушелишвили М.Г.* Об антропологическом составе современного населения Грузии // *Тр. Ин-та эксперимент. морфологии АН ГССР*. Тбилиси, 1958. Т. VII.
- Абдушелишвили М.Г.* Об эпохальной изменчивости антропологических признаков // *КСИЭ*. 1960. Т. XXXIII.
- Абдушелишвили М.* Древнее и современное население Грузии. Тбилиси, 1964а.
- Абдушелишвили М.Г.* Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси, 1964б.
- Абдушелишвили М.Г.* Таксономическое значение скулового диаметра для антропологической классификации современного населения Кавказа // *Тр. Московского об-ва испытателей природы*, 1964в. Т. XIV.
- Абдушелишвили М.Г.* Антропологические материалы к древней истории Грузии // *Материалы к антропологии Кавказа*. Тбилиси, 1971. Вып. II (на груз. яз.).
- Абдушелишвили М.Г.* Антропологический генезис аборигенного населения Кавказа // *Тр. Московского об-ва испытателей природы*. 1972. Т. XLIII.
- Абдушелишвили М.Г.* Антропология Кавказа в феодальный период // *Материалы к антропологии Кавказа*. Тбилиси, 1980. Вып. VII.
- Абдушелишвили М.Г.* Антропология древних и современных народов Кавказа // *Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев Б.А.* Народы Кавказа: Антропология, лингвистика, хозяйство. М., 1994.
- Абдушелишвили М., Патария Ш.* Отдаленные последствия вредных традиций в воспитании детей раннего возраста. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Абесадзе И., Багратишвили К.* Дмитрий Шеварднадзе. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Абесадзе Н.* Шелководство в Грузии (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Абесадзе Н.* Ремесленное производство и ремесленнический быт в городах Грузии (вторая половина XIX – начало XX в.). Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Абрамишвили Р.* Археологические исследования на новостройках большого Тбилиси // *Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР*. Тбилиси, 1978.

- Абрамишвили Р.М., Мухелишвили Д.Л., Цкитишвили Г.Г.* Итоги полевых археологических исследований на территории Грузинской ССР. Тбилиси, 1960.
- Абрамишвили Р., Николашвили Н., Окропиридзе Н., Рамшвили А.* Тбилисская археологическая экспедиция // Полевые археологические изыскания. 1974. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Абуладзе И.* Образцы грузинского письма: Палеографический альбом. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Абуладзе И.* Словарь древнегрузинского языка: (Материалы). Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Агниашвили Л.* Персия и тамошние грузины. Тифлис, 1896 (на груз. яз.).
- Аджинджал И.А.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
- Азербайджанцы. Баку, 2001.
- Азизян А.* Армянские хачкары. Ереван, 1985.
- Азисури Н.* «Куначество» на Кавказе // Грузинское наследие. Кутаиси, 1988. Вып. II (на груз. яз.).
- Акты Иверона с середины XI в. до 1204 г.: Дипломатическое издание, в соавторстве Жака Лефора, Николаоса Икономиди, Даниса Папа Хсисанту, Василики Кравариса и Елены Метревели. Тбилиси, 2008 (на груз. яз.).
- Алавердашвили К.* Сакральная геометрия. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Алавидзе Д., Рехвиашвили Н.* Чанги // Сабчота хеловнеба. 1964. № 6 (на груз. яз.).
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексидзе З.Н.* Становление национальных церквей на Кавказе // Кавказ и глобализация. Лулео, Швеция, 2008. Т. 2, вып. 3.
- Алхазидзе И.* Джавахети // Иверия. Тифлис, 1893. № 233 (на груз. яз.).
- Амиранашвили Ш.* История грузинского искусства. Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).
- Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М., 1950.
- Амиранашвили Ш.Я.* Бека Опизари. Тбилиси. 1956.
- Амиранашвили Ш.Я.* Государственный Музей искусств Грузинской ССР: Альбом. М., 1960.
- Амиранашвили Ш.* История грузинского искусства. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Амиранашвили Ш.* История грузинского искусства. М.; Л., 1963.
- Амиранашвили Ш.Я.* Нико Пиросманишвили: Альбом. М., 1967.
- Амиранашвили Ш.* Разновременно вывезенные из Грузии и возвращенные музейные ценности. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
- Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. 3-е изд. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Аммиан Марцеллин.* Георгика. Тбилиси, 1937. Т. I (на груз. яз.).
- Ампелография Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Андгуладзе Д.И.* Пчеловодство Грузии. Тбилиси, 1971.
- Андриашвили Р.* Приспособленческие тенденции мусульманского духовенства в Грузии // Процесс преодоления религиозных пережитков в Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Андриашвили Р.* Пережитки ислама в Грузии, 1983 (на груз. яз.).
- Андриашвили Р.* Догматика ислама и социальное учение. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Андроникашвили М.* Очерки об ирано-грузинских отношениях. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Андроникашвили Б.Б.* Надежд питомцы золотых. М., 1992.
- Андроников И.З.* Скотоводство в Закавказском крае // СМИБГКЗК. 1887. Т. II.
- Антадзе Н.* Разведение индеек. Тбилиси, 1951 (на груз. яз.).
- Антадзе Н.* Птицеводство. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
- Антадзе Н.* Племенное хозяйство в птицеводстве. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Антелава З.* Охота и рыболовство в грузинской устной словесности // Вопросы быта и культуры населения Аджарии. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Антелава Н.* Традиционные свадебные обряды в Самегрело. Тбилиси, 2005 (на груз. яз.).
- Анучин В.А.* Географический фактор в развитии общества. М., 1982.
- Апакидзе А.* Древнейшая культура Грузии в свете новых археологических открытий. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).

- Апакидзе А.* Города и городская жизнь в Грузии. Тбилиси, 1959а (на груз. яз.).
- Апакидзе А.* К вопросу производства строительной керамики в Картлийском царстве античной эпохи // Тр. Ин-та истории им. И. Джавахишвили. Тбилиси, 1959б. Т. 4, кн. 2 (на груз. яз.).
- Апакидзе А.* Мцхета – древняя столица царства Картли. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Апакидзе А.* Культура Грузии античной эпохи // Очерки по истории Грузии. Тбилиси, 1970. Т. 1 (на груз. яз.).
- Апакидзе А., Гобеджишвили Г., Каландадзе А., Ломтатидзе Г.* Мцхета: Итоги археологических исследований. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.). Кн. I: Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг.
- Апакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А.* Мцхета: Итоги археологического исследований. Тбилиси, 1958. Кн. I: Археологические памятники Армазис-Хеви по раскопкам 1937–1946 гг.
- Аполлоний Родосский.* Аргонавтика / пер., исслед. и коммент. А. Урушадзе. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Аполлоний Родосский.* Аргонавтика. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Апхазава А.* Соя. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Аракишвили Д.* Народная музыка // Театри да мусика. 1919. № 1 (на груз. яз.).
- Аракишвили Д.* Грузинская музыка: (краткий исторический обзор). Кутанси, 1925 (на груз. яз.).
- Аргутинский А.* Экономический быт государственных крестьян Сигнахского уезда Тифлисской губернии // МИЭБГКЗК. 1886. Т. 4.
- Аргутинский А.М.* Экономический быт государственных крестьян Телавского уезда // МИЭБГКЗК. 1887. Т. 5.
- Арджеванидзе Ив.* Из Тбилиси к Алазанской долине. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- Артилаква В.* Из истории материальной культуры XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Арутюнов С.А.* Культурологические исследования и глобальная экология // Вестн. АН СССР. 1980. № 12.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Археология Грузии. Тбилиси, 1959. Т. 1 (на груз. яз.).
- Археология Грузии. Эпоха энеолита – ранней бронзы. Тбилиси, 1992. Т. II (на груз. яз.).
- Арчил.* Нравы Грузии // Грузинская классическая литература. Грузинские писатели XII–XVIII веков. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Асатиани Л.* Лексика грузинского языка, связанная с культурой лозы. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Асатиани Н., Лордкипанидзе Г., Месхиа Ш.* История Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Асланишвили В.О.* Древнейшее население бассейна р. Арагви (по данным краниологии) // Аналеби. Тбилиси, 2000. № 2 (на груз. яз.).
- Асланишвили Ш.* Очерки о грузинской народной песне. Тбилиси, 1954. Ч. I, II (на груз. яз.).
- Астахишвили К.* Опыт передвигающихся в горах народов и его использование в практике современного альпинизма: (историко-этнографическое исследование по материалам Сванети): Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Аствацатурян Э.Г.* Указатель клейм и имен кавказских мастеров оружейного и серебряного дела. М., 1982.
- Аствацатурян Э.Г.* Оружие народов Кавказа. Москва; Нальчик, 1995.
- Ахметели А.* Статьи и письма. Тбилиси, 1964.
- Багратиони Вахушти.* География. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Багратиони Вахушти.* Описание царства Грузинского: (География Грузии) / под ред. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Багратиони Вахушти.* Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1944 (на груз. яз.).
- Багратиони Вахушти.* Описание царства Грузинского. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Багратиони Вахушти.* Описание царства Грузинского // Картлис цховреба. Тбилиси, 1973. Т. IV (на груз. яз.).

- Багратиони Д.* Иадигар Дауди. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).
- Багратиони Д.* История Грузии. Тбилиси, 1971.
- Багратиони Д.* Иадигар Дауди / подгот. к изд., предисл., исслед., словарь и коммент. Л. Коте-тишвили. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Багратиони И.* Калмасоба. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
- Багратиони И.* Калмасоба. Тбилиси, 1948. Т. II (на груз. яз.).
- Багратиони И.* Естествоведческий толковый словарь. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Багратиони И.* Законодательство. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Багратиони И.* Калмасоба (Хождение по сбору) // Грузинская проза. Тбилиси, 1984. Т. 6 (на груз. яз.).
- Бадридзе Ш.* Внутренняя и внешняя политика Грузии в 10–20-е годы XIII века // Очерки исто-рии Грузии. Тбилиси, 1979. Т. III (на груз. яз.).
- Байерн Ф.* Исследование древних гробниц близ д. Мцхета // Кавказ. 1872. № 16 (28), 17 (29).
- Бакрадзе Д.* Грузия и грузины // Кавказ. 1851. № 30.
- Бакрадзе Д.* Археологическое путешествие по Гурии и Абхазии. Батуми, 1978 (на груз. яз.).
- Бакрадзе Д.* Археологическое путешествие по Гурии и Абхазии. Батуми, 1987 (на груз. яз.).
- Бакрадзе Р.* За пределами Грузии. Батуми, 2003 (на груз. яз.).
- Балиаури М.* Сцорпроба в Хевсурети. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Балиаури М., Макалатия Н.* Культ мертвых в Архотском обществе // МЭГ. 1940 Т. III (на груз. яз.).
- Балиаури М., Макалатия Н.* Материалы к истории хозяйственного быта горцев Восточной Грузии. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Барамидзе И.* Из истории земельных отношении в Юго-Западной Грузии. Батуми, 1999 (на груз. яз.).
- Барамидзе Р.* Ислам и мусульмане в Абхазии: (историко-этнологические и социокультурные аспекты): Квалификационная работа для получения степени академического доктора исто-рии. Батуми, 2008 (на груз. яз.).
- Барамидзе Р.* Ритуал обрезания в Абхазии // Проблемы этнологии Юго-Западной Грузии. Батуми, 2009–2010. Вып. III (на груз. яз.).
- Барамидзе Р.* Особенности распространения ислама в Абхазии: (период Османского прав-ления) // Гуманитарные науки в информационном обществе. Батуми, 2010а. Вып. II (на груз. яз.).
- Барамидзе Р.* Мусульманские религиозные памятники. Батуми, 2010б (на груз. яз.).
- Барамидзе Р.* Мусульманское духовное управление в Батуми (1921–2004 гг.) // Батуми – про-шлое и современность. Батуми, 2013. Вып. IV (на груз. яз.).
- Барамидзе Р.* Мусульманская община Грузии и государственная политика (1991–2012 гг.). Батуми, 2014 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе-Ломиа В.В.* Ритуал, связанный с рождением ребенка, в горной Картли // ВМГ. 1928. Вып. 4 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Календарь сванских народных праздников. Тбилиси, 1939. Вып. I: Новогод-ний цикл (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Из истории древнейших верований грузин: (Божество Барбал/Бабар). Тбили-си, 1941 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Из истории религиозного мировоззрения грузинского народа // Мимомхилве-ли. Тбилиси, 1949а. Вып. I (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.В.* Земельные владения древнегрузинских святилищ // СЭ. 1949б. № 1.
- Бардавелидзе В.* Из истории древнейших верований грузин. IV: «Ян децеш» // МЭГ. 1951. Т. V (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Главное божество древнегрузинского пантеона Гмерти // Вопросы этногра-фии Кавказа. Тбилиси, 1952.

- Бардавелидзе В.* Система управления хевсурской общины // Моамбе АН ГССР. Тбилиси, 1952. Т. XIII, № 10 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Хевсурская община. Структура и институт «джварискмоба» // Моамбе АН ГССР. Тбилиси, 1952б. Т. 13, № 8 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Образцы грузинского (сванского) обрядово-графического искусства. Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957.
- Бардавелидзе В.* Из истории древнейших религиозных верований грузин: Знамя «Лем», собака – волк // МЭГ. 1963. Т. XII–XIII (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Агуна-Ангур // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1968. № 16 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Из истории взаимоотношений населения горных и низменных регионов Грузии: (институт поборатимства) // Мацне. Тбилиси, 1971. № 3 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии. Тбилиси, 1974. Т. I: Пшави (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии. Тбилиси, 1982. Т. II: Хевсурети (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Традиционные общественно-культурные памятники горной Восточной Грузии. Тбилиси, 1982. Т. III: Тушети (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В.* Из истории древнейшей религии грузин: Божество Барбар-Бабар. Тбилиси, 2006 (на груз. яз.).
- Бардавелидзе В., Читая Г.* Грузинский народный орнамент. Тбилиси, 1939. Вып. I: Хевсурский орнамент (введение на груз., рус. и франц. яз.).
- Барнов А.* Музыканты старого Тбилиси. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Барулина Е.* Бобовые культуры в мировых очагах. М., 1940.
- Басхаров Г.И.* Письма из Тифлиса. СПб., 1881.
- Батонишвили В.* Историческое описание. Тбилиси, 1914 (на груз. яз.).
- Батуми и его окрестности. Батуми, 1906.
- Бахия С.* Абхазская «абипара» – патронимия: (Грузино-абхазские этнографические параллели). Тбилиси, 1986.
- Бахутов А.* Путеводитель по г. Тифлису. Тифлис, 1913.
- Бгажноков Б.* Адыги. Тбилиси, 2010.
- Бедукадзе С.* Обработка камня в Мтиулети // МЭГ. 1951. Т. 5 (на груз. яз.).
- Бедукадзе С.* К истории развития мельничных чанов для муки: Ручные мельницы (по материалам Государственного музея Грузии) // ВМГ. 1956. Т. 19 (на груз. яз.).
- Бедукадзе С.* Водяные мельницы ущелья реки Арагви. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Бедукадзе С.* Керамика: Глазурованная посуда. Тбилиси, 1964а.
- Бедукадзе С.* Керамика: Красная глиняная посуда. Тбилиси, 1964б.
- Бедукадзе С.* Народные способы обработка камня в Хеви. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Бедукадзе С.* Орудия и способы обработка камня // МЭГ. 1970. Т. 22 (на груз. яз.).
- Бедукидзе Л.* Народная мебель в горных регионах Восточной Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Безарашвили К.* Теория и практика риторики и перевода по грузинским переводам сочинений Григория Богослова. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- Безарашвили К.* Перспектива исследования грузинских эллинофильских школ: от Черной Горы до Гелати // Археологические разыскания. Тбилиси, 2009. [Вып.] II (на груз. яз.).
- Безарашвили Ц.* Материалы по изучению одежды пшавской женщины // Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Безарашвили Ц.* Одежда сванской женщины // Материалы к этнографическому изучению Сванети. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Безарашвили Ц.* Женская одежда в горной Восточной Грузии. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).

- Безарашвили Ц.* Женская одежда в Самегрело // Самегрело. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Бекая М.* Из истории семейных отношений аджарцев: (брачные условия в Верхней Аджарии) // Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси, 1974а (на груз. яз.).
- Бекая М.* Старые и новые брачные традиции в Аджарии. Батуми, 1974б (на груз. яз.).
- Белокуров С.* Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из московского главного архива Министерства иностранных дел Белокуровым. М., 1889. Вып. 1: (1578–1613).
- Бендианишвили А.* История Грузии (1801–1921). Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Бендианишвили А.* Этапы развития грузинского национального государства. Тбилиси, 2006 (на груз. яз.).
- Берадзе Т.* Мореходство в древней Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Берадзе Т.* Из истории морской торговли Грузии: XIII–XV вв. // Мацне. 1983. № 2 (на груз. яз.).
- Берадзе Т.* Мореплавание и морская торговля в средневековой Грузии. Тбилиси, 1989.
- Берадзе Т., Санадзе М.* История Грузии. Тбилиси, 2003. Т. I (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Д.* Вардзагара. Тбилиси, 2005 (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII–XVI вв). Тбилиси, 1938.
- Бердзенишвили Н.* Одна страница из историко-географического дневника // Историко-географический сборник Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1964. Т. I (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Дороги в Грузии эпохи Руставели. Тбилиси, 1966а (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1965. Т. II (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1966. Т. III (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1967. Т. IV (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1971. Т. V (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. VI (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1974. Т. VII (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1975. Т. VIII (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии. Тбилиси, 1979. Т. IX (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.* Вопросы истории Грузии: Материалы для исторической географии Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Бердзенишвили Н.З., Церетели Л.* Верхний палеолит // Археология Грузии. Тбилиси, 1991. Т. 1 (на груз. яз.).
- Берзенов Н.* Очерки деревенских нравов Грузии // Кавказ. 1854. № 71.
- Берзенов Н.* О грузинской медицине // Кавказский календарь на 1857 г. Тифлис, 1856.
- Бериашвили Л.* Земледелие в Месхети. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Полевые культуры в Месхети по «Большой книге Гурджистанского вилайета» // Юбилейный сборник, посвященный 100-летию акад. Ив. Джавахишвили. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Бобовые культуры Грузии // МЭГ. 1978. Т. XIX (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Террасное земледелие в Грузии // Историко-этнографический атлас Грузии: Материалы. Полеводство. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Традиции освоения и защиты почвы в Грузии. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Новые данные о террасном земледелии в Грузии // Мацне. Тбилиси, 1991. № 3 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Древнейшие культурные растения Грузии – Вигна – *Vigna Sinensis* // Анналы. Тбилиси, 2001а. № 1 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Древнейшие культурные растения Грузии – Ханчкола – *Lupinus Alba* // МЭГ. 2001б. Т. XXIV (на груз. яз.).

- Бериашвили Л.* Постные блюда (самархо) в традиционной культуре грузин // *Анналы*. Тбилиси, 2003. № 1 (на груз. яз.).
- Бериашвили Л.* Древнейшие культурные растения Грузии – Бобы – *Vicia Faba* // *Анналы*. Тбилиси, 2005. № 1 (на груз. яз.).
- Беридзе В.* Словарь. СПб., 1912.
- Беридзе В., Езерская Н.* Искусство советской Грузии: 1921–1970. М., 1975.
- Беридзе В.В.* Церковная архитектура Грузии XVI–XVIII вв. Тбилиси, 1994 (на груз. яз.).
- Беридзе Г.М.* Технология и экохимическая характеристика вин Грузии. Тбилиси, 1956.
- Беридзе Т.* Картины древнего Тбилиси. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Беселия Л.* Косметические инструменты и приспособления // *Дзеглис мегобари*. Тбилиси, 1974. № 34 (на груз. яз.).
- Беселия Л.* Народный идеал женской красоты в Грузии // *Дзеглис мегобари*. Тбилиси, 1976. № 42 (на груз. яз.).
- Бибииков С.* Музыкально-хореографический ансамбль каменного века // *Наука и жизнь*. 1969. № 3.
- Битадзе Л.О.* Изменчивость признаков кожного рельефа среди грузин // *Аналеби*. Тбилиси, 2001. № 1 (на груз. яз.).
- Битадзе Л.О.* Антропологические данные к этногенезу грузин // *Этногенез грузинского народа*. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Битадзе Л.О., Читанова Д.Р., Лалиашвили Ш.Г., Квавадзе Э.В., Зубиашвили Т.Б.* Вопросы этнической принадлежности населения Картли и изменчивость антропологического типа с III тыс. до н.э. по XX век включительно. Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).
- Богданова Л.* Народного понятия за женской хубост и някой народни козметики средства // *Известия на этнографическия институт и музей*. София, 1969 (на болгар. яз.).
- Бокучава Т.* «Ламара» Гр. Робакидзе на сцене театра Руставели // *Арили*. Тбилиси, 1996. № 45 (на груз. яз.).
- Бокучава Т.* Грузинский театр – пути и тенденции // *Хеловнеба*. Тбилиси, 1998. № 11–12 (на груз. яз.).
- Бокучава Т.* Фольклорные мотивы в творчестве Роберта Стуруа // *Театральная жизнь*. Тбилиси, 2000а. № 1 (на груз. яз.).
- Бокучава Т.* В поисках потерянного времени // *Хеловнеба*. Тбилиси, 2000б. № 1–2 (на груз. яз.).
- Бокучава Т.* Миф и ритуал инициации в драме Григола Робакидзе «Ламара» // *Театроведческие и киноведческие поиски*. Тбилиси, 2004. № 1 (20) (на груз. яз.).
- Бокучава Т.* К предпониманию спектакля «Стикс» // *Театроведческие и киноведческие поиски*. Тбилиси, 2005. № 4 (23) (на груз. яз.).
- Болквадзе А.* Батумский морской торговый порт. Батуми, 1996 (на груз. яз.).
- Большая книга Гурджистанского вилайета / к изд. подгот. С. Джикия. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Бороздин К.* Крепостное право в Мегрелии. Тбилиси, 1927 (на груз. яз.).
- Бохочадзе А.* Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Бохочадзе А.* Археологические раскопки в Агаяни и Дзалиса. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Бочоридзе Г.* Тушети. Тбилиси, 1993 (на груз. яз.).
- Бочоршвили Л.* Кахетинская одежда (женская одежда) // *Анналы*. Тбилиси, 1947. Т. I (на груз. яз.).
- Бочоршвили Л.* Грузинская (кахетинская) керамика. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Бочоршвили Л.* Хевсурский «джвари» // *МЭГ*. 1951. Т. 5 (на груз. яз.).
- Бочоршвили Л.* Виноградарство в Кахети // *МЭГ*. 1956а. Т. 8 (на груз. яз.).
- Бочоршвили Л.* Керамика Земо Имерети // *МЭГ*. 1956б. Т. 8 (на груз. яз.).
- Браилашвили Н.* Лурджи супра // *Дзеглис мегобари*. 1971. № 24 (на груз. яз.).
- Браилашвили Н.* Грузия, какой я ее помню: Этнографические зарисовки. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).

- Брегадзе Л.* Тост и его компенсаторный характер // Арили. 1997. № 5 (52) (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Земледельческие орудия Рача-Лечхуми // Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси, 1964а (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Связанные с полеводством обрядовые правила в Раче и Лечхуми // Мацне. Тбилиси, 1964б. № 2 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Фруктовые растения Мегрелии. Тбилиси, 1964в (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.А.* Рациональные основы некоторых обычаев грузинских земледельцев // СЭ. 1967. № 2.
- Брегадзе Н.* Некоторые вопросы народной агротехники // МЭГ. 1968. Т. 14 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Горное земледелие в Западной Грузии: (полеводство по этнографическим материалам Рача-Лечхуми). Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* О народной метеорологии // Мацне АН ГССР. Тбилиси, 1969а. № 4 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Древние грузинские сорта пшеницы в Ферейдане // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1974а. № 34 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* К вопросу взаимосвязи древнегрузинского языческого и народного аграрного календаря // Изыскания по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.А.* Из истории народной зоотехники // Моамбе АН ГССР. 1977. Т. 88. № 2.
- Брегадзе Н.* Ячмень // МЭГ. 1978. Т. XIX (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* К истории овцеводства // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1979. Т. VII (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Король // Моамбе АН ГССР. 1980. Т. 100, № 3 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Очерки по агроэтнографии Грузии. Тбилиси, 1982.
- Брегадзе Н.* К изучению некоторых традиционных обрядов // Мацне. АН ГССР. 1989. № 4 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Лексика пшеницы и культурно-исторические вопросы // Грузинское наследие. Кутаиси, 1996. Вып. I (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Вахушти Багратиони и этнографическая наука // Вахушти Багратиони – историк и этнограф. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Еще раз о Тевдороба // МЭГ. 2001. Т. 24 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Относительно обнаружения первобытных жатвенных орудий // Очхари. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Грузия – независимый очаг земледелия. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Соображение, подтвержденное новыми археологическими данными // Анналы. 2005. № 2 (на груз. яз.).
- Брегадзе Н.* Тамада // Анналы. Тбилиси, 2008. № 2 (на груз. яз.).
- Брегвадзе А.* Развитие рыбной промышленности в Советской Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Бромлей Ю.В.* Современные проблемы этнической экологии // СЭ. М., 1983. № 1.
- Буйновский Н.* Основы скотоводства. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Букураули И.* От Тибаани до Цовати // Моамбе. Тифлис, 1897. № 8–9 (на груз. яз.).
- Булешивили М.* Политическая деятельность общества Антона Багратиони // История религии и атеизма в Грузии. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Бунак В.В.* *Stania Armenica*. Исследование по антропологии Передней Азии // Тр. Антропологического научного исследовательского ин-та при МГУ. 1927а. Вып. II (прилож. к РАЖ, т. XVI. Вып. 1–2).
- Бунак В.В.* Антропологический состав населения Кавказа // ВМГ. 1946. Т. XIII А (на груз. яз.).
- Бунак В.В.* Древнейшие краниологические типы Передней Азии // КСИЭ. 1947. Вып. 2.
- Бунак В.В.* Этнические общности и расовые деления // Расогенетические процессы в этнической истории. М., 1974.
- Бурдули М.* Некоторые народные традиции акушерства и лечения гинекологических заболеваний в Западной Грузии (по этнографическим материалам Сванети, Рача-Лечхуми, Имерети) // Традиционная грузинская медицинская культура. Тбилиси, 1997. Ч. 1 (на груз. яз.).

- Бурдули М.* Грузинская традиционная медицинская культура. Ахалцихе, 2010 (на груз. яз.).
- Бурдули М., Чиградзе Н.* Народные традиции лечения некоторых детских болезней в Юго-Западной Грузии // Труды Ахалцихского филиала Тбилисского гос. ун-та им. И. Джавахишвили. Сер. Гуманитарных наук. Тбилиси; Ахалцихе, 2006. Т. 1.
- Бурнашев С.Д.* Картина Грузии или описание политического состояния царств Карталинского и Кахетинского, сделанное Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г. Тифлис, 1896.
- Бурчак-Абрамович Н.И., Бендукидзе О.Г.* О происхождении домашних кур в Грузии // Моамбе АН ГССР. Тбилиси, 1971. Т. 61, № 2.
- Бюхер К.* Работа и ритм. М., 1923.
- Вавилов Н.И.* Проблема происхождения мирового земледелия. М.; Л., 1922.
- Вавилов Н.И.* Центры происхождения культурных растений // Тр. по прикладной ботанике, генетике и селекции. М., 1926. Т. XVI, вып. 2.
- Вавилов Н.И.* Селекция как наука. М.; Л., 1935. Т. 1.
- Вавилов Н.И.* Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. 1936. № 2.
- Вавилов Н.И.* Центры происхождения культурных растений. М.; Л., 1960.
- Вавилов Н.И.* Происхождение и география культурных растений. Л., 1987.
- Важа-Пшавела.* О женщинах // Важа-Пшавела. Полн. собр. соч. Тбилиси, 1964а. Т. 9 (на груз. яз.).
- Важа-Пшавела.* Хевсуры // Важа-Пшавела. Полн. собр. соч. Тбилиси, 1964б. Т. 9 (на груз. яз.).
- Вадбольский М.* Геральдическая символика Грузии. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Варавин П.С.* Летние и зимние пастбища Закавказского края // МИЭБГКЗК. 1888. Т. V.
- Варрон М.* Сельское хозяйство / пер. М.Е. Сергеенко. М.; Л., 1963.
- Вахтанг VI.* Дастурламали. Тифлис, 1886 (на груз. яз.).
- Вахтанг VI.* Книга о смешении масел и делании химии. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Вашакидзе Н., Лордкипанидзе Г.* Колхидский кувшин (квеври) // Памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1975. Т. V (на груз. яз.).
- Вепхисткаосани – рукописное наследие. Тбилиси, 2013 (на груз. яз.).
- Вермишев Х.* Экономический быт государственных крестьян Ахалцихского и Ахалкалакского уездов // МИЭБГКЗК. 1866. Т. 3.
- Вермишев Х.А.* О скотоводстве на Кавказе // СМЭБГКЗК. 1887. Т. I.
- Вешапели Г.* Турецкая Грузия: (Лазистан, Трапезунд и Чорохский край). М., 1914.
- Винге Месхи.* Полезный обряд // Дроеба. Тифлис, 1882. № 217 (на груз. яз.).
- Вирсаладзе Е.* Грузинский охотничий эпос: (цикл погибшего охотника). Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Вирсаладзе Е.Б.* Грузинский охотничий миф и поэзия. М., 1976.
- Вирсаладзе Т.Б.* Основные этапы развития грузинской средневековой монументальной живописи. Тбилиси, 1977.
- Волкова Н.Г.* Этнические процессы в Грузинской ССР // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978.
- Волкова Н.Г.* Грузины // Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
- Волкова Н.Г., Анчабадзе Ю.Д.* Старый Тбилиси. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Волкова Н.Г., Джавахишвили Г.Н.* Бытовая культура Грузии XIX–XX веков: традиции и инновации. М., 1982.
- Вольская А.* Фрагменты фресковой живописи грузинской церкви Хозота-Мариама в Северной Осетии // Моамбе АН ГССР. Тбилиси, 1954. Т. 15, № 6 (на груз. яз.).
- Габашивили В.* Грузинский феодальный строй в XVI–XVII вв. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- Габашивили В.* Феодальный дом Ундиладзе в Иране XVI–XVIII вв. // Вопросы истории Ближнего Востока. Тбилиси, 1972. Кн. II (на груз. яз.).
- Габашивили Г.* Урбанистическая терминология в «Витязе в тигровой шкуре» // Восточные материалы по истории Грузии. Тбилиси, 2010 (на груз. яз.).

- Габашвили Е.* Собственность женщины в крестьянской семье Земо Картли // Иверия. 1889. № 97 (на груз. яз.).
- Габидзашвили Э.* Переводные памятники древней грузинской литературы I–VI вв. Тбилиси, 2006–2012 (на груз. яз.).
- Габидзашвили Э., Мамацашвили М., Гамбашидзе А.* Энциклопедический словарь Грузинской православной церкви. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Габисония Т.* Формы грузинского традиционного многоголосия. Тбилиси, 2009 (на груз. яз.).
- Габлиани Г.* Воспоминания. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Габлиани Э.* Древняя и новая Сванети. Тифлис, 1926 (на груз. яз.).
- Габлиани Э.* Вольная Сванети. Тифлис, 1927 (на груз. яз.).
- Габлиани Э.* Тур в горах Сванети. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
- Габуния Л.* Способы изготовления вина в Имерети // Вопросы этнографии Грузии. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Габуния Л.* Давильня (сацнахели) // Историко-этнографический атлас Грузии: Материалы. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Габуния Л.* Особенности распространения некоторых сортов виноградной лозы в Имерети // МЭГ. 1987. Т. 13 (на груз. яз.).
- Габуния Л.* Виноградарство и виноделие в Имерети (по этнографическим материалам): Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Габуния Л.* Народные способы изготовления прессов для вина (по этнографическим материалам Имерети) // МЭГ. 2003а. Т. 26 (на груз. яз.).
- Габуния Л.* Народные способы давки винограда и некоторые особенности традиционной технологии виноделия в Грузии // Аналеби. Тбилиси, 2003б. № 1 (на груз. яз.).
- Габуния Л.Г.* Некоторые особенности народной агротехники виноградарства в Грузии // Междунар. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2004.
- Габуния Л.* Виноделие в Мегрелии // МЭГ. 2005. Т. XXVI (на груз. яз.).
- Габуния Л.К., Векуа А.К.* Антропогенные лошади Грузии. Тбилиси, 1989.
- Габуния М.* Петроглифы Нижней Картли. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Габуури Б.* Хевсурские материалы // Ежегодник. Тбилиси, 1925. Вып. 1–2 (на груз. яз.).
- Гагошидзе Ю.* Расписная посуда из Самадло // Дзеглис мегобари. 1970. № 23 (на груз. яз.).
- Гагошидзе Ю.М.* Самадло. Тбилиси, 1981.
- Гагулашвили И.Ш.* Грузинская магическая поэзия. Тбилиси, 1980.
- Гакстгаузен А.Ф.* Закавказский край. СПб., 1857.
- Гамба Ж.-Ф.* Путешествие по Закавказью. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Г.* Тхоба-Ерды – памятник грузинской культуры в Ингушетии // Литературная Грузия. Тбилиси, 1971. 4 июня (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Г.* К вопросу о культурно-исторических связях средневековой Грузии с народами Северного Кавказа // Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1987. Т. V (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Д.* Крестьянская врачебная книга (карабадини). Тифлис, 1883 (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Н.* Место св. Басили в цикле новогодних празднеств по грузинским фольклорным материалам. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Н.* Следы эртологического года в народных праздниках хевсуров // Религия. Тбилиси, 1999. № 5–6 (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Н.* Цикл новогодних празднеств в Восточной Грузии: (Эрцо-Тианети). Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- Гамбашидзе Н.* Гость послан богом // МЭГ. 2005. Т. 25 (на груз. яз.).
- Гамкрелидзе Г., Пирцхалава М., Китиани Г.* Вопросы военной истории древней Грузии. Тбилиси, 2005 (на груз. яз.).

- Гамкредидзе Т.В.* Алфавитное письмо и древнегрузинская письменность: Типология и происхождение алфавитных систем письма. Тбилиси, 1989.
- Гамкредидзе Т., Иванов Вяч.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984. Т. II.
- Гамрекели В.* Двалы и Двалетия в I–XV вв. н.э. Тбилиси, 1961.
- Гамсахурдия К.* Десница великого мастера. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Ган К.Ф.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. 1884а. Вып. IV.
- Ган К.Ф.* Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. 1884б. Вып. V.
- Гаприндашвили М.* Скальные дома в селище Пиа. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Гаприндашвили М.* Грузинская культура в XIX веке // Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1970. Т. V (на груз. яз.).
- Гаприндашвили М.* Грузинская культура в период буржуазно-демократической революции // Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1972. Т. VI (на груз. яз.).
- Гараканидзе М.К.* Грузинское деревянное зодчество. Тбилиси, 1959.
- Гардапхадзе-Кикодзе П.* Грузинские народные празднества: (Рача-Лечхуми). Тбилиси, 1995 (на груз. яз.).
- Гачечиладзе Р.* Грузинское население в современной Турции // Мимомхилвели. Тбилиси, 1972. Т. 6–9 (на груз. яз.).
- Гварамадзе К.* Гурия // Могзаури. 1901. № 6–7 (на груз. яз.).
- Гвасалия Дж.Г.* Историческая география Восточной Грузии: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Тбилиси, 1986.
- Гвасалия Дж.Г.* К сравнительному изучению ущелий Картли (Ксанский феномен) // Мацне. Тбилиси, 1988.
- Гватуа Н.* Из истории серных бань старого Тбилиси // Тр. Гос. историко-этнографического музея Тбилиси. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Гватуа Н.* Народные традиции родов и ухода за новорожденными в Квемо Картли // Традиционная грузинская медицинская культура. Тбилиси, 1997. Ч. 1 (на груз. яз.).
- Гвахария В.* Развитие грузинских музыкальных систем. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
- Гвахария Л.* Государственные налоги и оброки в Восточной Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Гвенцадзе А.Е., Бериашвили Т.А.* Материалы для словаря кахетинского диалекта. I. Лексика народных игр и развлечений // Тр. Телавского пед. ин-та. Телави, 1960. Т. 4 (на груз. яз.).
- Гвретишвили Д.* К вопросу об этнической принадлежности «двалов» и о переселении осетин в Картли // Мимомхилвели. Тбилиси, 1949. № 1 (на груз. яз.).
- Гвретишвили Д.* Очерки из истории Грузии. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Гегечкори Г.* Дома-крепости в Грузии // Историко-этнографический атлас Грузии. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Гегешидзе М.* Грузинский народный транспорт. Тбилиси, 1956а. [Т.] I: Сухопутные гужевые средства (на груз. яз.).
- Гегешидзе М.* Деревянная посуда и орудия виноделия из Западной Грузии // ВМГ. 1956б. Т. XIX-В (на груз. яз.).
- Гегешидзе М.* Система орошения в Верхней Сванети // МЭГ. 1960. Т. 9 (на груз. яз.).
- Гегешидзе М.* Орошаемое земледелие в Грузии. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Гегешидзе М.* К истории вьючного транспорта Грузии // МЭГ. 1968. Т. XIV.
- Гегешидзе М.* Культурно-исторические и социальные проблемы экологии в Грузии. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Геевский В.* Очерк садоводства в Ахалцихском уезде // Сб. КОСХ. 1879. Вып. II.
- Геевский Н.В.* О состоянии скотоводства в верховьях рек Терека и Белой Арагви // МУКЛЗПИСК. Тифлис, 1887. Вып. I.

- Геладзе Т.* Формы коллективного труда в земледелии Восточной Грузии. Тбилиси, 1987.
- Геловани А.* «Аргонавтика» – великий колхидо-эллинский эпос // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Геловани А.* Мифологический словарь. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- География Грузии. Тифлис, 1928 (на груз. яз.).
- Георгика / изд. С. Каухчишвили. Тбилиси, 1965. Т. 2 (на груз. яз.).
- Геродот.* История. Л., 1972.
- Геродот.* История. Тбилиси, 1975. Т. I / пер. с греч., предисл. и справочник Т. Каухчишвили (на груз. яз.).
- Гигинишвили И., Топурия В., Кавтарадзе И.* Грузинская диалектология. Тбилиси, 1961. [Т.] I: Лечхумский словарь (на груз. яз.).
- Гильденштедт И.-А.* Путешествие в Грузии / пер. и исслед. Г. Гелашвили. Тбилиси, 1962. Т. I (на груз. яз.).
- Гильденштедт И.-А.* Путешествие в Грузии / пер. и исслед. Г. Гелашвили. Тбилиси, 1964. Т. II (на груз. яз.).
- Гиоргадзе Г.Г.* Древнейшие ближневосточные этносы и происхождение грузин. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Гиоргадзе Д.* Обряд «посвящения коня» у горцев Восточной Грузии // МЭГ. 1972. Т. 16–17.
- Гиоргадзе Д.* Погребальные и траурные обряды в Грузии. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Гиоргадзе Д.* Обряд ритуального «самозахоронения» в Грузии // КЭС. 2003. Т. 8 (на груз. яз.).
- Гиоргадзе Д.* День поминания покойников – «сенокосный вторник» // МЭГ. 2004. Т. 26 (на груз. яз.).
- Гиоргадзе Д.* К вопросу об одном обычае, связанном с культом покойника: (обряд вторичного захоронения) // МЭГ. 2005. Т. 25 (на груз. яз.).
- Глехи И.Д.* Суеверия нашего народа // Дрозба. 1882. № 265 (на груз. яз.).
- Глонти А.* Избранные грузинские пословицы и поговорки. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Глонти А.* Словарь грузинских народных говоров. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Глушаков М.* Памятники народного творчества Кутаисской губернии // СМОМПК. Тифлис, 1903. Вып. 32.
- Гнилосаров.* Об обрядах, употребляемых грузинами при рождении, женитьбе и похоронах // СГК. 1846. Ч. 1.
- Гобеджшвили Г.* Археологические раскопки в Советской Грузии. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- Гобеджшвили Г.* Беденский могильник // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1967. № 12 (на груз. яз.).
- Гобебашвили Я.* Педагогические сочинения. Тбилиси, 1940. Т. II (на груз. яз.).
- Гобебашвили Я.* Этнографические заметки // Сагандзури. Тбилиси, 1993 (на груз. яз.).
- Гогинашвили А.* Касури салесави // Материалы по истории материальной культуры и экономики Грузии. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Гогинашвили А.* Кузнечество в Шида Каргли // Шида Каргли: Этнографическое исследование. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Гогинашвили И.* Искусственное родство в Мтиулету и Гудамакари // Этнографические исследования. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Гогинашвили И.* Система родства в горной части Восточной Грузии (Мтиулету и Гудамакари). Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Гогитидзе М.* Грузинский генералитет (1699–1921): Биографический справочник. Киев, 2001.
- Гогичаишвили Ф.* Ремесло в Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Гогоберидзе Н.С.* Куклы. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Гогоберидзе Н.С.* Тушинские детские игры, развлечения и игрушки // Материалы по этнографии и истории Тушети. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Гогоберидзе Н.С.* Каталог грузинских народных кукол. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).

- Гогоберидзе Н.С.* Народные обычаи воспитания в Сванети (игры и игрушки) // К этнографическому изучению Сванети. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Гогоберидзе Н.* Способы народного воспитания в горах Восточной Грузии (Игры и игрушки). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1974.
- Гогоберидзе Н.С.* Народные детские игры и игрушки в Ксанском ущелье // По этнографическому изучению Ксанского ущелья. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Гогоберидзе Н.С.* Народные детские игры в горных районах Грузии // КЭС. М., 1976. Вып. 6.
- Гогоберидзе Н.С.* Народные игры и развлечения в Гурии // Гурия. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Гоникашвили М.* Имерети на рубеже XVIII–XIX веков. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Гонтарь Т.А.* Посуда и домашняя утварь карпатских украинцев в конце XIX – первой четверти XX в. // СЭ. 1978. № 4.
- Горгидзе А.Д.* Филогенетика грузинских эндемичных пшениц. Тбилиси, 1977.
- Горгидзе М.* Грузины в Петербурге. Тбилиси, 1976.
- Горели кали.* Разные суеверия и предания // Мцкемси. 1885. № 23 (на груз. яз.).
- Гоциридзе Г.Ш.* Брачный институт ферейданских грузин: Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1981.
- Гоциридзе Г.* Свадебное зеркало // Сабчота хеловнеба. Тбилиси, 1985. № 5 (на груз. яз.).
- Гоциридзе Г.* Брак у ферейданских грузин. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Гоциридзе Г.* Бани в старом Тбилиси // МЭГ. 2004. Т. 21 (на груз. яз.).
- Гоциридзе Г.* Народная культура питания и застольные традиции в Грузии. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Гоциридзе Г.* Об одном документе о проживающих на Северном Кавказе грузинах // Кавказский сборник. Тбилиси, 2010. Вып. 12 (на груз. яз.).
- Гоциридзе Г.* Некоторые аспекты трансформации традиционной системы социальных отношений в коммуникационной культуре народов Кавказа // Кавказские изыскания. Тбилиси, 2011.
- Гоциридзе Н.* Племенная работа в скотоводстве Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Гришашвили И.* Богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Гришашвили И.* Литературная богема старого Тбилиси. Тбилиси, 1986.
- Гришашвили И.* Городской словарь. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- Гросгейм А.* Флора Кавказа. Баку, 1945. Т. III.
- Грузинская народная поэзия. Тбилиси, 1960. Т. 1 (на груз. яз.).
- Грузинская народная поэзия. Тбилиси, 1972. Т. 1 (на груз. яз.).
- Грузинская народная поэзия. Тбилиси, 1973. Т. 3 (на груз. яз.).
- Грузинская Советская Энциклопедия (ГСЭ). Тбилиси, 1984. Т. 7 (на груз. яз.).
- Грузинская Советская Энциклопедия (ГСЭ). Тбилиси, 1986. Т. 10 (на груз. яз.).
- Грузинская Советская Энциклопедия (ГСЭ). Тбилиси, 1981. Том «Грузинская ССР» (на груз. яз.).
- Грузинское народное поэтическое творчество. Тбилиси, 1960. [Т.] I (на груз. яз.).
- Грузины // Народы Кавказа. М., 1962. Т. 2.
- Грузины-мусульмане в контексте современности. Батуми, 2010 (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Домашнее производство в Грузии и Закавказье // Гугушвили П. Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Тбилиси, 1962. Т. V (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Птицеводство в Грузии и в Закавказье (1801–1920) // Тр. ТГУ. Тбилиси, 1948. Т. 34а–в (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья. Тбилиси, 1949. Т. I (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Сельское хозяйство и аграрные отношения. Тбилиси, 1950. Т. II (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Зерновое хозяйство в Грузии и Закавказье (1801–1920). Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).

- Гугушвили П.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья. Тбилиси, 1956. Т. II (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX веках. Тбилиси, 1962. Т. V (на груз. яз.).
- Гугушвили П.* Экономическое развитие Грузии и Закавказья в XIX–XX вв. Тбилиси, 1979. Т. VI (на груз. яз.).
- Гудава Т.* Две надписи (грузинская и аварская/хунзахская) из Дагестана // *Материалы для истории Грузии и Кавказа*. Тбилиси, 1954. Вып. 30 (на груз. яз.).
- Гулисов З.* Об игрушках, играх и разных детских забавах, встречающихся в Грузии // *СМОМПК*. 1886. Вып. 5.
- Гумилев Л.Н.* Этнос и ландшафт // *Изв. ВГО*. 1968. № 3.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и этносфера // *Природа*. 1970. № 1.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1984.
- Гурко-Кряжсин В.А.* Хевсурь. М., 1928.
- Гучуа В.* Экономическое положение Грузии в XVI–XVII веках // *Очерки истории Грузии*. Тбилиси, 1973. Т. IV (на груз. яз.).
- Давитадзе М.* Из истории грузинского народного транспорта. Батуми, 1983 (на груз. яз.).
- Давитадзе Э.* Строитель села. Батуми, 2003 (на груз. яз.).
- Данелиа К., Сарджвеладзе З.* Грузинская палеогеография. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- Дастурламали:* Памятники грузинского права. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Даушвили А.* Межнациональные отношения в Грузии 1921–1985 гг.: Дис. ... д-ра. ист. наук. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Даушвили Р.* Грузинские промышленники и изобретатели в Америке. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Даушвили Р.* Грузинская эмиграция 1921–1939. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Даушвили Р.* Грузинская эмиграция в Америке. Тбилиси, 2013 (на груз. яз.).
- Дворянские роды Российской империи.* М., 1996. Т. 3: Князья.
- Дебец Г.Ф.* Антропологические исследования в Дагестане // *Тр. Ин-та этнографии*. Нов. сер. 1956. Т. 33.
- Декапрелевич Л.Л.* Материалы по изучению зерновых бобовых Грузии // *Записки Научно-прикладных отделов Тифлис. ботанического сада*. Тифлис, 1926. Вып. 5.
- Декапрелевич Л.Л.* Хозяйственное значение главнейших полевых культур эпохи Шота Руставели // *Материальная культура эпохи Шота Руставели*. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Декапрелевич Л.Л.* Озимая пшеница в Грузии // *Озимая пшеница*. М., 1958.
- Демидов Г.* В ущельях первобытной Грузии. М.; Л., 1930.
- Джавахадзе Н.* Из истории системы родства – к вопросу шинши в Мтиулети // *КЭС*. Тбилиси, 1971. [Т.] III (на груз. яз.).
- Джавахадзе Н.* Хевсурский шинши и его место в современной типологии систем родства // *Сб. Русудан Харадзе*. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Джавахадзе Н.* Этноспецифика искусственного родства в Хевсурети // *Грузино-кавказские этнографические штудии*. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Джавахадзе Н.* Роль родства в изолированных этнических группах // *Конфликтные ситуации в полиэтничном обществе / автор проекта Л. Меликишвили*. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Джавахадзе Н.* Локальные аспекты дефиниции родственников нулевого поколения (на примере рачинских терминов родства) // *КЭС*. Тбилиси, 2003. Т. 7 (на груз. яз.).
- Джавахишвили А.И.* Строительное дело и архитектура поселений Южного Кавказа в V–III тысячелетиях до н.э. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Джавахишвили А.Н.* Антропологический состав современного населения Кавказа // *Сакართველოს სამკურნალო მოამბე*. Тбилиси, 1923. № 3–5.
- Джавахишвили Ал., Глonti Л.* Урбниси. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
- Джавахишвили Г., Давиташвили Г.* Жилищные сооружения в Кахети // *Мацне*. 1975. № 2 (на груз. яз.).

- Джавахишвили И.* Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1907. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского народа. Тбилиси, 1908. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского народа. Тбилиси, 1913. Т. II (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского народа. Тбилиси, 1924. Т. IV (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Учение о ценах и мерах, или нумизматика-метрология. Тифлис, 1925а (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Цель, источники и методы истории раньше и сейчас. Тифлис, 1925б (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История Грузии. Тбилиси, 1928. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского народа. Тифлис, 1928. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского права. Тбилиси, 1928. Т. II, кн. 1 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского права. Тбилиси, 1929. Т. II, кн. 2 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.А.* Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1930. Кн. 1 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1934. Кн. 2 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Экономическая история Грузии. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Первоначальная природа и родство грузинского и кавказских языков. Тифлис, 1937. Кн. 2 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Основные вопросы истории грузинской музыки. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1946. Т. I: Строительное искусство в древней Грузии (на груз. яз.).
- Джавахишвили Ив.А.* История Грузии, XI–XV вв.: (Краткий обзор). Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского народа. Тбилиси, 1952. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* История грузинского народа. Тбилиси, 1960. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1962. Т. III: Одежда, ткани и рукоделие; Т. IV: Боевое вооружение и военное дело (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Материалы по экономической истории Грузии. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Материалы к истории материальной культуры грузинского народа. Тбилиси, 1965. Т. II: Мебель, посуда (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Памятники экономической истории Грузии. Тбилиси, 1967. Кн. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Древнегрузинская историческая литература. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1979. Т. I (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1983. Т. II (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1982. Т. III (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1982. Т. IV (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1982. Т. VI (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1986. Т. V (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1984. Т. VII (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1984. Т. VIII (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1996. Т. IX (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1998. Т. XI (на груз. яз.).
- Джавахишвили И.* Сочинения. Тбилиси, 1998. Т. XII (на груз. яз.).
- Джавахишвили Н.* Грузины под флагом Польши. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Джавахов А.Н.* Антропология Грузии: Карталинцы // РАЖ. 1905. № 3–4.
- Джавахов А.Н.* Антропология Грузии: Грузины Кахетии // РАЖ. 1907. № 3–4.
- Джавахов А.Н.* Антропология Грузии. I: Грузины Карталинии и Кахетии // Тр. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1908. Т. CXVI.

- Джавахов А.Н.* К антропологии Грузии: Грузины Мингрелии // РАЖ. 1913. № 1–2.
- Джавахов А.Н.* Антропология Грузии. М., 1914. [Т. II]: Грузины Имеретии, Гурии и Рачи (Тр. Имп. об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии; Т. СХХVIII).
- Джавахов И.А.* История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII века. СПб., 1908.
- Джалабадзе Г.* Из истории земледельческих орудий Восточной Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Земледелие в Пшав-Хевсурети. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Земледелие в Тушети // Материалы к этнографическому изучению Тушети. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Тушинская киртула // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1971б. № 24 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Путеводитель по этнографическим фондам Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Некоторые отрасли ремесла и рыболовство в Гурии // Материалы к этнографическому изучению Гурии. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Грузинские паласы и ковры // Фреска. Тбилиси, 1985. № 15 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Культура полеводства в Восточной Грузии: Историко-этнографическое исследование. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Г.* Культура полеводства в Западной Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Джалабадзе Н.* Вопросы грузинского обычного права в трудах историка Димитрия Бакрадзе. Тбилиси, 1988а (на груз. яз.).
- Джалабадзе Н.* Из истории религиозного синкретизма в Грузии: Дис. ... канд. ист. наук. 1988б (на груз. яз.).
- Джалабадзе Н.* Гендерные аспекты грузинской народной религии // КЭС. Тбилиси, 2009. Вып. XI (на груз. яз.).
- Джамбакур-Орбелиани А.* Толумбашоба // Цискари. Тбилиси, 1968. № 2 (на груз. яз.).
- Джанашвили А.* Мир животных // ГСЭ. Грузия. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Джанашвили М.* Саингило. Тбилиси, 1910 (на груз. яз.).
- Джанашвили М.* Саингило // Древняя Грузия. Тифлис, 1911–1913 (на груз. яз.).
- Джанашия Н.* Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960.
- Джанашия С.* Феодалная революция в Грузии. Тифлис, 1935 (на груз. яз.).
- Джанашия С.* Внешняя торговля, торговые пути Эгриси // Труды. Тбилиси, 1949а. Т. I. (на груз. яз.).
- Джанашия С.* Грузия на пути ранней феодализации // Труды. Тбилиси, 1949б. Т. I (на груз. яз.).
- Джанашия С.* Феодалная революция в Грузии // Труды. Тбилиси, 1949в. Т. I (на груз. яз.).
- Джанелидзе Д.* Народные истоки грузинского театра. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
- Джанелидзе Д.* Сахиоба. Тбилиси, 1958. Т. I (на груз. яз.).
- Джанелидзе Ч.П.* К реконструкции природных условий в эпоху существования раннеземледельческой культуры Восточной Грузии // Тез. докл. на всесоюзн. научн. конф. посвящ. 100-летию V археологического съезда. Тбилиси, 1981.
- Джаошвили В.* Керамическое производство в Грузии. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- Джаошвили В.* Батуми: (экономико-географический очерк). Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Джаошвили В.* Население Грузии. Тбилиси, 1968.
- Джапаридзе В.* Грузинская керамика XI–XIII веков. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Джапаридзе Гр.* Изучение и испытание тутовых деревьев. Тифлис, 1932 (на груз. яз.).
- Джапаридзе О.* Ранняя ступень производства металла в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Джапаридзе О.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1960а (на груз. яз.).
- Джапаридзе О.* К истории картвельских племен на ранней ступени производства металла. Тбилиси, 1960б (на груз. яз.).

- Джапаридзе О.М.* Археологические раскопки в Триалети 1957–1958 гг. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Джапаридзе О.* К вопросу этнической истории грузинских племен по данным археологии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Джапаридзе О.* Археология Грузии. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Джапаридзе О.* У истоков этногенеза грузинского народа. Тбилиси, 2006 (на груз. яз.).
- Джапаридзе Ш.* Путешествие Н. Марра в Шавшети и Кларджети. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Джапаридзе О., Джавахишвили А.* Культура древнейшего земледельческого населения в Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Джикия Н.* Культура питания грузинских горцев. Тбилиси, 1988.
- Джикия С.С.* Грузинский термин коллективного труда в тюркских языках // Иберийско-кавказское языковедение. Тбилиси, 1946. Т. I (на груз. яз.).
- Джонс С.* Политическая история Грузии после объявления независимости. Тбилиси, 2013 (на груз. яз.).
- Джорбенадзе С.* Село Нигоити // СМОМПК. 1897. Вып. 22.
- Джорджадзе А.* Еще раз прошлое и его завещание // Соч. Тифлис, 1911. Т. I (на груз. яз.).
- Джорджикия Г.Г., Базадзе В.И., Татишвили Е.А.* Опыт использования хевсурских быков в качестве улучшателей жирномолочности // Сб. тр. Грузинского гос. зоотехническо-ветеринарного учебно-исслед. ин-та. Тбилиси, 1962. Т. 32.
- Дзидзигури Л.* Древнейшая земледельческая культура Закавказья. Тбилиси, 2000 (на груз. яз.).
- Дзидзигури Ш.* Хрестоматия грузинских диалектов: Словарь. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Дирр А.* Божество охоты и охотничий язык у кавказцев // СМОМПК. 1915. Вып. 44.
- Документы по истории Грузии. Тбилиси, 1960. Т. I, ч. 2 (Серия 2).
- Документы по социальной истории Грузии / под ред. Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1940. Т. 1; Тбилиси, 1953. Т. 2 (на груз. яз.).
- Докучаев В.В.* Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны Кавказа // Докучаев В.В. К учению о зонах в природе. СПб., 1899.
- Долгушин А.Л.* Через Сванетию к Эльбрусу // СМОМПК. 1900. Вып. 28.
- Долидзе И.* Свод законов Георгия Блистательного. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Долидзе И.С.* Судебник Георгия Блистательного. Тбилиси, 1957б.
- Долидзе И.* Обычное право Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Долидзе И.С.* Памятники грузинского права. Тбилиси, 1963. Т. I (на груз. яз.).
- Дон Джузеппе Джудиче из Милана. Письма о Грузии. XVII век / пер. с ит., предисл. и примеч. Б. Гиоргадзе. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Дондуа К.* К вопросу об особой форме множественного числа в сванских терминах родства // Материалы истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1937. Вып. 7.
- Дорофеев В.Ф.* Тр. spelta в Закавказье // Сельскохозяйственная биология. 1966. Т. I, №1.
- Дорофеев В.Ф.* Пшеницы Закавказья // ТПБГС. 1972. Т. 47, вып. I.
- Древнегрузинские агиографические литературные памятники. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Древнегрузинский язык и литература / под ред. А. Шанидзе. Тбилиси, 1937 (на груз. яз.).
- Думбадзе М.* Из истории Восточной Кахети (Саингило). Тбилиси, 1953 (на груз. яз.).
- Дундуа Г.* Монетные сокровища Грузии: (монеты римской эпохи из с. Эки и Сепиети). Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Дьяконов И.М.* О природе носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. М., 1982. № 3.
- Дюма А.* Кавказ: Воспоминания / пер. с франц. Т. Кикодзе. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Жвания Н.* Эфиопия и грузины. Тбилиси, 2010 (на груз. яз.).
- Жельвис В.И.* Человек и собака: (Восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // СЭ. М., 1984. № 3.
- Житие царя Георгия XIII // Иверия. 1880 № 2 (на груз. яз.).

- Жоржолгани П.* Охотничья собака. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Жуковский А.* Сведения о шелководстве в Кахетии 1897 г. // Тр. Кавказской шелководческой станции. Тифлис, 1904. Т. II.
- Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. М., 1950.
- Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. Л., 1971.
- Закс К.* Музыкальная культура древнего Вавилона и Ассирии // Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937.
- Зандукели Ф.* Грузинские колыбельные песни и стихи // Мацне. 1964. № 2 (на груз. яз.).
- Захаров С.А.* Вертикальная зональность на Кавказе // Почвоведение. 1936. № 6.
- Заянчковский И.Ф.* На службе у человека. Уфа, 1977.
- Земцовский И.* Музыка и этногенез: (исследовательские предпосылки, задачи, пути) // СЭ. М., 1988. № 2.
- Зиссерман А.Л.* 25 лет на Кавказе. СПб., 1879. Т. I.
- Иашвили В.* Аджария в период Османского владычества. Батуми, 1948 (на груз. яз.).
- Иашвили М.* Из социально-экономической истории Грузии: (книги приданого). Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Иване Джавахишвили.* Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
- Иваненко В.Н.* Гражданское управление Закавказьем: От присоединения Грузии до наместничества Великого Князя Михаила Николаевича. Тифлис, 1901.
- Ивелишвили Т.* Этикет грузинского застолья. Тбилиси, 1995 (на груз. яз.).
- Ивелишвили Т.* Брачные обряды в Грузии. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Ивелишвили Т., Мзебришвили Л.* Цель и задачи деятельности секты свидетелей Иеговы в Грузии. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Иверия.* 1878. № 18 (на груз. яз.).
- Имнашвили И.* Словарь-симфония грузинского Евангелия. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
- Инашвили А.* К вопросу города-крепости Петра как пристани // Очерки истории Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1971. Вып. 3 (на груз. яз.).
- Инал-Ипа Ш.Д.* Очерки об абхазском этикете. Нальчик, 1984.
- Ингороква П.* Древнегрузинский языческий календарь // ВМГ. 1929–1930. Т. 6–7 (на груз. яз.).
- Ингороква П.* Собр. соч. Тбилиси, 1963. Т. I (на груз. яз.).
- Иоанэ-Иона (Муртаз Чахава).* Что нам надо делать. Тбилиси, 1994 (на груз. яз.).
- Иойриш Н.И.* Пчелы – крылатые фармацевты. М., 1966.
- Иоселиани А.* Из истории лечения оспы прививанием в древней Грузии // Иоселиани А. Очерки из истории Колхиды. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Иоселиани Н.* Краниологические исследования грузинских “Brachyceros”-ов // МВГ. Тифлис, 1927. Т. III (на груз. яз.).
- Иоселиани П.И.* Описание города Душета. Тифлис, 1860.
- Иоселиани П.* Жизнь Георгия XIII. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
- Иоселиани Х.* Обряд угощения на свадебном пиру в Сванети: (Институт тамадоба и тосты). Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Иоселиани Х.* Традиция гостеприимства в Сванети. Тбилиси, 2006 (на груз. яз.).
- Иоселиани Х.* Традиция гостеприимства // Этнография/этнология Грузии. Тбилиси, 2010 (на груз. яз.).
- Иремашвили Ш.А.* Впервые в археологии // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1975. № 39 (на груз. яз.).
- Исакадзе К.* Ткацкое дело в древней Грузии // Мацне. Тбилиси, 1967. № 4 (на груз. яз.).
- Исакова.* Об уходе за новорожденным у различных народов Кавказа // НБВЗПИ. 1889. Т. 4. Историческая заметка о Навлугской Варваринской церкви // Кавказ. Тифлис, 1864. № 273.
- Исторические памятники Сванети / изд. П. Ингороква.* Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Итоншвили В.Д.* Арагвское ущелье: (Вопросы локализации и этнонимии горных краев Грузии). Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).

- Итонишвили В.В.* Из истории нагорья Восточной Грузии. Тбилиси, 1992 (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Из истории семейных отношений грузин-горцев Грузии. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Жилые постройки в Хеви в прошлом и настоящем. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Семейный быт в Мтиулет-Гудамакари // КЭС. Тбилиси, 1968. Т. III (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Семейный быт горцев Центрального Кавказа: Семейный быт нахов и осетин. Тбилиси, 1969.
- Итонишвили В.Д.* Семейный быт мохевцев. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Топонимия Хеви. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Пережитки семейной общины у грузин-горцев Ксанского ущелья // КЭС. Тбилиси, 1972. Т. IV.
- Итонишвили В.Д.* Семейный быт народов Кавказа. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
- Итонишвили В.Д.* Документы о некоторых особенностях быта грузинского народа // Историко-этнографические исследования. Тбилиси, 2005. Вып. VII (на груз. яз.).
- Йакут ал-Хамави.* Географический словарь стран / пер. Н.А. Караулова // СМОМПК. 1901. Вып. 29.
- Кавтарадзе И.* Мохевский диалект грузинского языка. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Кавтара Г.* Страница из истории древней Грузии // Цискари. Тбилиси, 1977. № 5 (на груз. яз.).
- Каджия Н.Ю.* Культ покойника в Лечхуми // Лечхуми. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Каджия О.* Грузинско-мегрельский словарь. Тбилиси, 2002. Т. 3 (на груз. яз.).
- Казбеги А.* Мохевцы и их жизнь // Казбеги А. Полн. собр. соч. Тбилиси, 1950. Т. 5 (на груз. яз.).
- Какабадзе В.* Вопросы развития кустарного промысла в Грузии. Тифлис, 1921 (на груз. яз.).
- Какабадзе С.* Исторические документы. Тбилиси, 1913 (на груз. яз.).
- Какабадзе С.* Исторические документы. Тбилиси, 1914. Т. I (на груз. яз.).
- Какабадзе С.* Исторический сборник. Тбилиси, 1921. Кн. IV (на груз. яз.).
- Какабадзе Ц.* Шрошская керамика (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Какушадзе Н.* Тайна ужмури // Сакартвелос кали. 1964. № 9 (на груз. яз.).
- Каландадзе Ц.П.* Участие грузин в культурной и общественной жизни России в первой половине XIX века. Тбилиси, 1984.
- Каландаришвили М.* Модернизм в грузинском театре. Тбилиси, 2010 (на груз. яз.).
- Калантар А.А.* Состояние скотоводства на Кавказе // МУКЛЗПИСК. Тифлис, 1890. Т. II.
- Калдани А.* Башенный жилищный комплекс в нагорье Грузии // Историко-этнографический атлас Грузии. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Калдани А.* Христианские памятники грузинского происхождения в горной Ингушетии // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1988. № 1 (79) (на груз. яз.).
- Календарные обряды и обычаи в странах зарубежной Европы. М., 1983.
- Кальвейт Э.* Очерк сельского хозяйства Верхней Сванетии // ИКОИРГО. 1911. Т. XXVI, ч. 9.
- Кананели.* Несравненный карабадин / подгот. к изд. Л. Котетишвили. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).
- Кананели.* Несравненный карабадин. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Кананов М.В.* Народное акушерство на Кавказе // НБВЗПИ. 1890. Т. 5.
- Канделаки М.* К вопросу института хевисбери в нагорье Восточной Грузии // МЭГ. 1975. Т. 18 (на груз. яз.).
- Канделаки М.* Из общественного быта горцев Грузии: Институт аманатства. Тбилиси, 1987а.
- Канделаки М.* Лашарис джвари в быту пшавов // МЭГ. 1987б. Т. 23 (на груз. яз.).
- Канделаки М.* Традиция «мекодеоба» в Тушети. Тбилиси, 1995 (на груз. яз.).
- Канделаки М.* Социальная символика в традиционном быту горцев Грузии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).

- Канделаки М.* Из истории традиционного быта грузинских горцев. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).
- Кандуралов П.Г.* Очерк виноградарства и виноделия в Карталинии // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Тифлис, 1897. Вып. 8.
- Кантариа В., Рамишвили М.* Виноградарство. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Капанадзе Д.* Грузинская нумизматика. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Капанадзе Н.Л.* Грузинские народные обычаи воспитания детей. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Капанадзе Н.Л.* Народные традиции воспитания ребенка. Тбилиси, 1994 (на груз. яз.).
- Катианидзе М.* Огнестрельное оружие в хранилищах Государственного музея Грузии // Этнологические изыскания. Тбилиси, 2000. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Катианидзе М.* К истории развития огнестрельного оружия // Этнологические изыскания. Тбилиси, 2007. Вып. 3 (на груз. яз.).
- Катианидзе М.* К типологии грузинских сабель // ВНМГ. 2010. Т. I (46-В) (на груз. яз.).
- Каранадзе М., Шатиришвили Л., Чхиквадзе Н., Абуладзе Т.* Грузинская рукопись. Тбилиси, 2012 (на груз. яз.).
- Караулашвили Ц.* Народные способы изготовления тканей в Восточной Грузии: («джеджимури ксова») // ВГМГ. 1975. Т. 18 (на груз. яз.).
- Караулашвили Ц.* Народные приемы ткачества в Кахети. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Карбелашвили М.* Грузинская графика (1900–1920 гг.) // Ars Georgica (электронный журнал). Серия В. 2010. www.georgianart.com .
- Карпини П.* История монголов, которых называем татарами / пер. Г. Кикодзе, изд. и исслед. Г. Гелашвили. Т. I. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.).
- Картлис цховреба Тбилиси, 1955. Т. I (на груз. яз.).
- Картлис цховреба. Тбилиси, 1959. Т. II (на груз. яз.).
- Картлис цховреба. Тбилиси, 1973. Т. IV (на груз. яз.).
- Картлис цховреба / под ред. акад. Р. Метревели. Тбилиси, 2013 (на груз. яз.).
- Картлис цховреба: список царицы Анны. Тбилиси, 1942 (на груз. яз.).
- Картозия Г.* Лазские тексты. Тбилиси, 1993. Т. II (на груз. яз.).
- Карцивадзе К.* К вопросу освоения склоновых земель. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Кассаб М.* Грузины в Османской империи. Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).
- Кастелли К.* Сведения и альбом о Грузии / текст расшифровал и комментариями снабдил Б. Гиоргадзе. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Кастелли Х.* Альбом зарисовок и реляций / пер. и коммент. Б. Гиоргадзе. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Каухчишвили С.* География Страбона. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Каухчишвили Т.* Аполлоний Родосский. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Каухчишвили Т.* К некоторым сведениям Аристотеля // Грузинское источниковедение. Тбилиси, 1968. Т. 2 (на груз. яз.).
- Каухчишвили Т.* Древнегреческие источники истории Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Кахиани Дж.* Мир ребенка. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Кахиани К.* Усадьба крестьянина в Имерети. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Кахидзе А.* Города приморья Грузии античной эпохи. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Кахидзе А.* Большие греческие колонии и приморье Юго-Западной Грузии // Очерки истории Юго-Западной Грузии: (Аджария). Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Кахидзе А., Хахуташвили Д.* Материалы по древней истории Батуми: (доантичный и античный периоды) // Очерки истории Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1989. Вып. 18 (на груз. яз.).
- Кахидзе Н.* Из истории изготовления огнестрельного оружия в Аджарии // Культура и быт Юго-Западной Грузии. 1974а. Вып. 2 (на груз. яз.).
- Кахидзе Н.* Мачахельское ущелье. Батуми, 1974б (на груз. яз.).
- Кахидзе Н.* Из истории Шуамтоба // Сабчота Ачара. 1985. 13 ноября (на груз. яз.).

- Кацадзе А.* Материалы по истории овцеводства Грузии // МЭГ. 1955. Вып. 7 (на груз. яз.).
- Кацитадзе Д.* Изучение истории Ирана в Советской Грузии // Тр. ТГУ. 1976. Т. 180 (на груз. яз.).
- Кацитадзе Д.* История Ирана. Тбилиси, 2009 (на груз. яз.).
- Кашиа Р., Санадзе М.* Торговля и купеческое сословие в Тбилиси XVIII в. // Мацне. Тбилиси, 1989. № 2 (на груз. яз.).
- Кашибадзе В.Ф.* Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии. Ростов-н/Д, 2006.
- Квавадзе Э.В., Гамбашидзе И.О., Миндиашвили Г.М., Гогочури Г.К.* Следы существования древнего пчеловодства (III тыс. до н.э.) на территории Грузии по палинологическим данным // Тр. Ин-та зоологии. Тбилиси, 2004. Т. 22.
- Квезерели-Копадзе Н.* Основные виды старых мостов Грузии // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1969. Вып. XIX (на груз. яз.).
- Кверфельдт Э.К.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1947.
- Квинитадзе Г.И.* Воспоминания: 1917–1921. Париж, 1985.
- Квирквелиа Г.* Зарубежные историки о металлургии древнейших грузинских племен. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Кеинашвили И.* Восстань, рыцарская Грузия! Боевые системы, традиции и история. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Кекелиа В., Жгенти Н., Читунашвили Д., Джоджуа Т., Кудава Б.* Тао-Кларджети: (рукописное наследие). Тбилиси; Батуми, 2012 (на груз. яз.).
- Кекелидзе К.* Иерусалимский канонарь VII века (Грузинская версия). Тифлис, 1912.
- Кекелидзе К.* Вопросы классификации и географического распределения народов в древнегрузинской литературе // Тр. ТГУ. 1938. Т. 7 (на груз. яз.).
- Кекелидзе К.* Древнегрузинский календарь. Труды ТГУ. 1940. Т. 18 (на груз. яз.).
- Кекелидзе К.* История древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1980. Т. 1 (на груз. яз.).
- Кекелиа М.* Обычное право Грузии. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Келлер К.* К зоогеографии Кавказа и истории его домашних животных // ИКОИРГО. Тбилиси, 1914. Т. 22.
- Кемоклидзе Г.В.* Грузинский акцент Ярославля. Ярославль, 2001.
- Кецохвели Н.* Зоны культурных растений в Грузии. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Кецохвели Н.* Зоны культурных растений в Грузии. Тбилиси, 1957 (на груз. языке).
- Кецохвели Н., Маруашвили А.* Природа и хозяйство. Тбилиси, 1931.
- Киквидзе И.* Земледелие и земледельческий культ в древней Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Кикнадзе В.* История грузинского Драматического театра. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).
- Кикнадзе Г.* Каталог металлической посуды. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Кикнадзе З.* Мифология Междуречья. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Кикнадзе З.* Джвари и сакмо. Кутаиси, 1996 (на груз. яз.).
- Кикнадзе З.* Грузинский фольклор. Тбилиси, 2006 (на груз. яз.).
- Кикнадзе З.* Сцорпроба // Иверия: Тр. грузино-европейского института. Тбилиси; Париж, 1992 (на груз. яз.).
- Кикодзе Г.* Ираклий II. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Кикодзе Г.* Материалы по истории Кавказа. Тбилиси, 1942. Вып. II (на груз. яз.).
- Кинк Х. А.* Восточное Средиземноморье в древнейшую эпоху. Л., 1970.
- Климов Г.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964.
- Книга медицинская // Медицина в древней Грузии XIII в. Тифлис, 1936 (на груз. яз.).
- Книга Марко Поло / пер. со старофранц. текста, вступ. ст. И.П. Магидовича. М., 1955–1956.
- Кнорозов Ю.В.* Письменность индейцев майя. М.; Л., 1963.
- Кобычев В.П., Робакидзе А.И.* Основы типологии и картографирования жилища народов Кавказа // СЭ. 1967. № 2.
- Ковалевский И.* Сванети // Вестник Европы. 1886. Т. VIII.

- Козлов В.И.* Основные проблемы этнической экологии // СЭ. М., 1983. № 1.
- Коптонашвили В.* Письмо из Джавахети // Иверия. 1889. № 79 (на груз.яз.).
- Коридзе Д.* Археологические памятники Тбилиси. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Коридзе Д.* К истории колхидской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Коробкова Г.Ф.* Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987.
- Корпус грузинских надписей. Тбилиси, 1980. Т. I: Восточная и Южная Грузия (V–X вв.) / сост. и подг. к изд. Н. Шошиашвили (на груз. яз.).
- Корпус грузинских лапидарных надписей. Тбилиси, 1980. Т. II: Надписи Западной Грузии (IX–XIII вв.) / сост. и подг. к изд. В. Силогава (на груз. яз.).
- Косвен М.О.* Семейная община // СЭ. 1948. № 3.
- Косвен М.О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
- Котетишвили В.* Народная поэзия. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Кудава Б., Гегиа Т., Каландиа Г., Асатиани К., Сургуладзе М., Каджая Л., Джанашиа Н., Джикуридзе А.* Гелатские рукописи. Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).
- Кузнецов В.А.* Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.
- Кузьмин В.* Христианские храмы на Северном Кавказе // Интернет-журнал «Наше наследие». М., 2011. № 97 <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/9714.php>
- Кульжинский И.Е.* Люпин. М., 1934.
- Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983.
- Курьлев В.П.* Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства: (новейшее время). М., 1967.
- Куталейшвили З.* Лазские морские лодки // Мецниереба да текника. Тбилиси, 1970. № 4 (на груз. яз.).
- Куталейшвили З.* Рыболовство в Западной Грузии // Тр. ТГУ. 1982. Т. 227 (на груз. яз.).
- Куталейшвили З.* Судоходство в Грузии. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Куталейшвили З.* Мореходные средства. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Куфтин Б.* Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941.
- Куфтин Б.* К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе по данным археологии // ВГМГ. Тбилиси, 1944. Т. XII–В.
- Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1950.
- Куциа К.* Кавказский элемент на политической арене Сефевидского Ирана // Вопросы истории Ближнего Востока. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Куциа К.* Грузинские таруги Исфохана (1618–1722) // Вопросы истории Ближнего Востока. Тбилиси, 1972. Кн. II (на груз. яз.).
- Кушнарера К.Х., Чубинишвили Т.Н.* Древние культуры Южного Кавказа (V–III тыс. до н.э.). Л., 1970.
- Лайст Арт.* Сердце Грузии. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Ламберти А.* Описание Колхиды // СМОМПК. 1913. Вып. 43, отд. II.
- Ламберти А.* Описание Мегрелии. Тбилиси, 1931 (на груз. яз.).
- Ламберти А.* Описание Мегрелии. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Ламберти А.* Описание Мегрелии. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Ламберти А.* Описание Мегрелии. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: Греческие писатели. СПб., 1893. Т. I, вып. 1.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе: Греческие писатели. СПб., 1896. Т. I, вып. 2.
- Левидзе Л.* Об одном обряде в грузинском нагорье, связанном с культом диких животных // Клио: (Исторический альманах). Тбилиси, 2001. Вып. 11 (на груз. яз.).

- Левидзе Л.* Охотничьи угодья в структуре традиционного поселения грузинского нагорья // КЭС. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).
- Левидзе Л.* Традиции массовой охоты в Грузии // МЭГ. 2005. Т. 21 (на груз. яз.).
- Лекиашвили А.* Виноделие в Кахети // МЭГ. 1960. Т. 11 (на груз. яз.).
- Лекиашвили А.* Марани // Историко-этнографический атлас Грузии: (материалы). Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Лекиашвили А.* Грузинские народные прессы для вина // МЭГ. 1963. Т. 22–23 (на груз. яз.).
- Лекиашвили А.* Ты лоза виноградная... Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
- Лелашивили М.* Культурно-исторические традиции огородничества в Грузии // Очхари. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Летописец. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Лисицына Г.Н., Прицененко Л.В.* Палеоэтноботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Ломоури И.* Зерновые культуры. Тбилиси, 1946. Ч. I (на груз. яз.).
- Ломоури И.* Зерновые культуры. Тбилиси, 1950. Ч. II (на груз. яз.).
- Ломоури Н.* Сведения Диона Кассия о Грузии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Ломтатидзе Г.* Следы предков. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- Ломтатидзе Г.* Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави // Материалы по археологии Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1955а. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Ломтатидзе Г.* Результаты археологических раскопок в Рустави. Тбилиси, 1955б (на груз. яз.).
- Ломтатидзе Г., Цицишвили И.* Два новооткрытых склепа в Мцхете // Сообщения АН ГССР. Тбилиси, 1951. Т. XI, № 10 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе В.* Историческая Месхети: Проблемы демографического развития. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе М.* Политическое объединение феодальной Грузии (IX–X вв.). Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе О.* Античный мир и древняя Колхида. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе О.* О торгово-транзитных путях от Индии до Черного моря в античную эпоху // Вестник АН Грузии. Тбилиси, 1967. Т. XIX, № 3 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе О.* Археология и современность. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Лордкипанидзе О.* Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.
- Лордкипанидзе Г.* Модель боевой колесницы из Гохеби // Душетская науч. конф., посвящ. проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тбилиси, 1984.
- Лукас А.* Материалы ремесленного производства древнего Египта. М., 1957.
- Мазовер А.А.* Происхождение, экстерьер и породы служебных собак // Служебная собака. М., 1952.
- Майсурадзе Н.М.* Музыкальная культура Восточной Грузии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Майсурадзе Н.* Грузинская народная музыка и ее историко-этнографические аспекты. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Майсурадзе Н.* Древнейшие этапы развития грузинской народной музыки. Тбилиси, 1990.
- Майсурадзе Н.* Грузинская народная музыка и национальное сознание // Аналеби. Тбилиси, 2010. № 6 (на груз. яз.).
- Майсурадзе Н.* Об иберо-кавказских музыкальных языках // Аналеби. Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).
- Майсурия Я.Е. и др.* Люпин. М., 1974.
- Макалатия М.* Скотоводство в Месхети // Месхет-Джавахеги. Тбилиси. 1972 (на груз. яз.).
- Макалатия М.* Скотоводство в горной части Восточной Грузии. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Культ божества Митра в Грузии // Сакартвелос музеумис моамбе Тбилиси, 1927. Т. 3 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Горная Рача. Тбилиси, 1929 (на груз. яз.).

- Макалатия С.* Мтиулет. Тбилиси, 1930 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Тушети. Тбилиси, 1933 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Пшави. Тбилиси, 1934а (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Хеви. Тбилиси, 1934б (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Хевсурети. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Месхет-Джавахети. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Хевсурети. Тбилиси, 1940.
- Макалатия С.* История и этнография Мегрелии. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Атенское ущелье. Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Тедзамское ущелье. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Мтиулет. Тбилиси, 1983а (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Тушети. Тбилиси, 1983б (на груз. яз.).
- Макалатия С.* Хевсурети. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Макашвили А.* Ботанический словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Макашвили А.* Ботанический словарь. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Малакмадзе Н.* Народные праздники в ущелье Лигани // Тр. студентов и молодых ученых. Батуми, 2002. Вып. IV (на груз. яз.).
- Малия Е.И., Акаба А.Х.* Одежда и жилище абхазов. Тбилиси, 1982.
- Мамаладзе Т.* Трудовые песни Кахети. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Мамаладзе Т.С.* Грузинские колыбельные песни // МЭГ. 1968. Вып. 14 (на груз. яз.).
- Мамиствалишвили Э.* Сведения итальянских путешественников XV века о Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Мамулия Г.* Агнатические группы в древней Картли и их генезис // Юбилейный сборник, посвящ. столетию со дня рождения И. Джавахишвили. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Мандельштам О.* Меньшевики в Грузии // Собр. соч. в трех томах. Нью-Йорк, 1971. Т. 2.
- Маргишвили С.* Боевое искусство Средневековья и военно-политическая история Грузии IX–XV веков. Тбилиси, 2008. Ч. I (на груз. яз.).
- Марк Порций Катон.* Земледелие / пер. и коммент. М.Е. Сергеевко при участии С.И. Протасовой. М.; Л., 1950.
- Марр Н.Я.* Житие Петра Ивера, царевича-подвижника, епископа Майумского V в. // ППС. СПб., 1896. Т. 16, вып. 47.
- Марр Н.Я.* Исторический очерк Грузинской церкви с древнейших времен // Прибавления к Церковным Ведомостям. 1907. № 2.
- Марр Н.* Грамматика чанского (лазского) языка. СПб., 1910.
- Марр Н.* Дневник из поездки в Шавшетию и Кларджетию. СПб., 1911.
- Марр Н.Я.* Язык и письмо. Л., 1930.
- Марр Н.Я.* Сочинения. Л., 1933. Т. 1.
- Мартыросов А.Г., Имнайшвили Г.М.* Кахетинский диалект грузинского языка. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского Края. Тифлис, 1887. Т. 2.
- Материалы для экономической истории Грузии / под ред. Н. Бердзенишвили. Тбилиси, 1938. Т. 1; Тбилиси, 1953. Т. 2; Тбилиси, 1955. Т. 3 (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарных промыслов и ремесла в Грузии. Тбилиси, 1946. Т. I (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарных промыслов и ремесла в Грузии: Строительство и мебель. Тбилиси, 1976. Т. I (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарного промысла и ремесла в Грузии. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).

- Материалы по истории кустарного промысла и ремесла в Грузии. Тбилиси, 1982. Т. II, ч. II (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарного промысла и ремесла в Грузии. Тбилиси, 1983. Т. III, ч. I (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарного промысла и ремесла в Грузии. Тбилиси, 1986. Т. III, ч. II (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарного промысла и ремесла Грузии, Тбилиси, 1986. Т. IV, ч. I (на груз. яз.).
- Материалы по истории кустарного промысла и ремесла в Грузии. Тбилиси, 1987. Т. IV, ч. II (на груз. яз.).
- Матианэ Картлисаи (Летопись Картли) // Картлис цховреба / под ред. Э. Такайшвили. Тифлис, 1906 (на груз. яз.).
- Мачабели К.Г.* Серебро древней Грузии. Тбилиси, 1983.
- Мачабели С.В.* Экономический быт государственных крестьян Горийского уезда Тифлисской губернии // МИЭБГКЗК. 1887. Т. 6.
- Мачабели М.В.* Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда // МИЭБГКЗК. 1887. Т. 5, ч. 1.
- Мачабели Н.* К истории семейного быта грузинского народа. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Мачабели Н.* Институт брака в Картли. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Мачавариани Е.Д.* Воспитание ребенка в Мтиулету // ВМГ. 1957. Вып. XIXA–XXIV (на груз. яз.).
- Мачахела // Дроеба. Тифлис, 1878. № 238 (на груз. яз.).
- Мгалоблишвили С.* Воспоминания. Тифлис, 1938 (на груз. яз.).
- Мгеладзе В.* Из истории народного управления в Аджарии // Литературная Аджария. 1962. № 3 (на груз. яз.).
- Мгеладзе В.* Из истории народного управления в Аджарии // Литературная Аджария. 1962. № 3 (на груз. яз.).
- Мгеладзе Вл.* Брак и свадебные обычаи в Аджарии // Культурологические и историко-этнологические исследования в Аджарии. Батуми, 1996 (на груз. яз.).
- Мгеладзе Н.* Система кровного родства в Аджарии. Батуми, 1988.
- Мгеладзе Н.* Аталычество в Западной Грузии // Культура и быт в Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1989. Вып. 16 (на груз. яз.).
- Мгеладзе Н.* Культ предков и похоронный ритуал в Аджарии // Труды БГУ. Батуми, 2002. Т. 4 (на груз. яз.).
- Мегрелидзе К.* Ковры и ковровые изделия. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Мегрелидзе Д.* Материалы из истории грузинского быта: Плот и плотовое хозяйство в Грузии // МЭГ. 2001. Т. 24 (на груз. яз.).
- Мегрелидзе Ш.* Из истории Аджарии: (мухаджирство 1878–1882 гг.). Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Медицинская книга / подгот. к изд. Л. Котетишвили. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
- Меликишвили Г.А.* К вопросу о происхождении классового общества и государства в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Меликишвили Г.А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.
- Меликишвили Г.А.* Колхида в VI–IV вв. до н.э. // Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1970а. Т. 1 (на груз. яз.).
- Меликишвили Г.А.* Грузины и вопрос об их происхождении // Очерки по истории Грузии. Тбилиси, 1970б. Т. 1 (на груз. яз.).
- Меликишвили Г.А.* Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Меликишвили Г.А.* Моссиники // ГСЭ. Тбилиси, 1984. Т. 7 (на груз. яз.).

- Меликишвили Д.* К вопросу единства и индивидуальности языкового стиля Гелатской литературной школы // Вестник Гелатской академии наук. Тбилиси, 1996. № 2 (на груз. яз.).
- Меликишвили Л.* Анализ структуры традиционных брачных обрядов и инновация. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Мелитаури К.* Вопросы строительно-архитектурного изучения Вардзии. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Мелитаури К.* Конструкция Беденского деревянного склепа // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1974. № 35 (на груз. яз.).
- Менабде Вл.* Ячмени Грузии // Тр. Тбилисского ботанического ин-та. Тбилиси, 1938. Т. VI (на груз. яз.).
- Менабде В.* Пшеницы Грузии. Тбилиси, 1948.
- Менабде Л.* Очаги древней грузинской литературы. Тбилиси, 1962. Т. 1 (на груз. яз.).
- Менабде Л.* Очаги древней грузинской литературы. Тбилиси, 1980. Т. 2 (на груз. яз.).
- Менабдишвили В.* Католицизм в Грузии. Кутаиси, 2005 (на груз. яз.).
- Ментешашвили Ст.* Калооба в Кизики // ВГМГ. Тбилиси, 1936. Т. IX-V (на груз. яз.).
- Ментешашвили С.В.* Словарь кизикского диалекта. Тбилиси, 1943 (на груз. яз.).
- Мерабидишвили Дж.* Заслуги Русудан Харадзе в изучении грузинского народного права // Обычное право Грузии. Тбилиси, 1990. Вып. 2 (на груз. яз.).
- Мерчуле Г.* Житие Григола Хандзтели // Грузинская литература. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Месхиа Ш.* История Тбилиси. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- Месхиа Ш.* Исторические изыскания. Тбилиси, 1981. Т. I (на груз. яз.).
- Месхиа Ш.* Ремесленничество в древней Грузии (V–XII вв.) // Саисторио дзиебани. Тбилиси, 1982. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Месхиа Ш.* Избранные сочинения. Тбилиси, 1983. Т. II (на груз. яз.).
- Месхиа Ш., Гврйтишвили Д.* История Тбилиси. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- Метревели Е.* Очерки истории афонских культурно-просветительских очагов. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Метревели Е.* Синодик грузинского монастыря на Афоне. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Метревели Е.* Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 2007. Т. 1 (на груз. яз.).
- Метревели Е.* Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 2012. Т. 2 (на груз. яз.).
- Меунаргия И.* Мегрелия во времена Д. Дадиани. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).
- Меунаргия И.* Грузинские писатели. Тбилиси, 1954. Т. II (на груз. яз.).
- Мешиши О.* Занский лексический слой в южных диалектах грузинского языка // Кутаисские беседы. Кутаиси, 1999 (на груз. яз.).
- Микеладзе Т.* «Анабасис» Ксенофонта. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Микеладзе Т.* Разыскания по истории древнейшего населения Колхиды и Юго-Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Миндадзе Н.* Грузинская народная медицина (по этнографическим материалам горцев Восточной Грузии). Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Миндадзе Н.* Обычаи, связанные с рождением ребенка, в Хевсурети // Традиционная грузинская медицинская культура. Тбилиси, 1997. Ч. 1 (на груз. яз.).
- Миндадзе Н.* Психофизиологические особенности и традиционный строй жизни возрастных циклов жизни человека // Чубини. 2003. № 2 (на груз. яз.).
- Михеев В.* Михаил Григорашвили (Грегор). М., 2002.
- Модебадзе К.* Виноделие. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
- Молодини Л.* Из истории материальной культуры грузинского народа: (народные маслобойки). Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Молодини Л.* Народные способы окрашивания в Гурии // Гурия. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Моцерелия М.* Традиции гостеприимства в нагорной части Восточной Грузии. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).

- Мумладзе Д.* Современные изменения климата в горных районах Грузии // Защита природной среды Грузии. Тбилиси, 1992 (на груз. яз.).
- Мумладзе И.* Грузинская пчела. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Мурье Ж.* Мегрелия – древняя Колхида. Одесса, 1883.
- Мухелишвили Д.* Город-крепость Уджарма. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д.* Вопросы политической географии Кахети VI–XII вв. // Сборник по исторической географии Грузии. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д.* Основные вопросы исторической географии Грузии. Тбилиси, 1977. Т. I; Тбилиси, 1980. Т. II (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д.* Археологический материал поселения Ховле Гора. Тбилиси, 1978а (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д.* К вопросу о связях Центрального Закавказья с Передним Востоком в раннеантичную эпоху // Вопросы археологии Грузии. Тбилиси, 1978б. Вып. 1.
- Мухелишвили Д.* К истории самоназвания грузин // Иностранная и грузинская терминология, обозначающая понятия «Грузия» и «грузины». Тбилиси, 1993 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д.Л.* О происхождении грузин. Тбилиси, 2010 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д.* Объединения восточногрузинских племен до образования Картлийского царства // Мацне. Тбилиси, 2012. № 2 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Д., Самсонадзе М., Даушвили А.* История Грузии (с древнейших времен до 2008 года). Тбилиси, 2012 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Л.* Кавказская параллель древнеегипетской колесницы // ВГМГ. Тбилиси, 1932. Т. 8 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Л.* Болниси // Тр. Института грузинского языка, истории и материальной культуры. Тбилиси, 1938а. Т. 3 (на груз. яз.).
- Мухелишвили Л.* Дманиси // Материальная культура эпохи Шота Руставели. Тбилиси, 1938б (на груз. яз.).
- Мухелишвили Л.* Археологические экскурсии. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Мухаджиры и их потомки. Батуми, 2013. Вып. 7 (на груз. яз.).
- Мухаджиры и их потомки. Батуми, 2014. Вып. 8 (на груз. яз.).
- Мцхетская рукопись: Книга Экклезиаста, книга премудрости Соломона, книга «Песни песней» Соломона, книга пророков – Исаяи, Иеремии, Варуха, Иезекииля, книга «Плач Иеремии», «Послание Иеремии» / текст подг. к изд. Е. Дочанашвили. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Мцхетская рукопись: Книги пророка Даниила и «малых» пророков, книги Нового завета / текст подг. к изд. и снабдила исследованием Е. Дочанашвили. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Мшвелидзе А.* Грузинские народные городские песни. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Мшвениерадзе Д.* Пещерные сооружения в Грузии. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Надирадзе Дж.* Археологические памятники ущелья реки Квирила. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Надирадзе Дж.* Саирхе – древнейший город Грузии. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Надирадзе Э.* Грузинская мемориальная культура. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).
- Надирадзе Э.* Зооморфные памятники Грузии. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Накашидзе Е.К.* Очерк виноградарства и виноделия в Гурии и Мингрелии // Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Тифлис, 1896. Вып. IV.
- Нанобашивили И.* Народные способы обработки кожи в Грузии. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Народно-поэтическое творчество грузин-горцев Мтиулети и Гудамакари. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- Народы Кавказа. М., 1962.
- Наскидашвили П.* Генетическая структура эндемичных видов пшеницы Грузии // Моамбе АН ГССР. 1978. Т. 90, № 1 (на груз. яз.).

- Натадзе Г.Г.* Игры детей и подростков в Грузии // Тр. Ин-та пед. наук ГССР. 1948. Т. 5 (на груз. яз.).
- Натишвили А.Н., Абдушелишвили М.Г.* Об антропологическом составе современного населения Грузии // Тез. докл. XI науч. сессии отд. биол. и мед. наук. Тбилиси, 1953.
- Натишвили А.Н., Абдушелишвили М.Г.* Основные итоги антропологических экспедиций 1950, 1951 и 1952 гг. Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР // Выездная науч. сессия Ин-та экспериментальной морфологии в гор. Батуми 1954 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1954.
- Натишвили А.Н., Абдушелишвили М.Г.* Материалы к антропологии грузинского народа // Тр. Института эксперимент. морфологии АН ГССР. Тбилиси, 1955. Т. V.
- Натмеладзе М., Даушвили А.* Новейшая история Грузии. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- Натроев А.* О крупном рогатом скоте в Тифлисской губернии // ТКОСХ. 1891. № 7–8.
- Натроев А.* Мцхет и его собор Свети-Цховели. Тифлис, 1901.
- Небиерадзе Л.* Ранние ступени развития раннеземледельческих культур Западного Закавказья. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Неменова Р.Л.* Сложение таджикского населения Варзоба // СЭ. 1969. № 5.
- Немсадзе Г.* Шелкопряд. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
- Нижсарадзе Б.* Историко-этнографические статьи. Тбилиси, 1962а (на груз. яз.).
- Нижсарадзе Б.* Некоторые детские игры в Сванети // Историко-этнографические статьи. Тбилиси, 1962б (на груз. яз.).
- Нижсарадзе Б.* Тур и горная индейка // Этнографические записки о Сванети. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Нижсарадзе И.* Русско-сванский словарь. Тифлис, 1910.
- Никифоров Н.К.* Экономический быт государственных крестьян Душетского уезда Тифлисской губернии // МИЭБГКЗК. 1887. Т. V, ч. II.
- Ниорадзе Г.* Наземное погребение // Энимкис моамбе. Тбилиси, 1940. Т. V–VI (на груз. яз.).
- Ногайдели Дж.* Очерки и записки. Батуми, 1971. Т. 1 (на груз. яз.).
- Нозадзе В.* Проблемы астрономии и астрологии в «Витязе в тигровой шкуре». Сантьяго, 1957 (на груз. яз.).
- Нозадзе Р.Е.* Результаты использования местных пород кур в Грузинской ССР для получения мясных цыплят: Дис. ... канд. сельскохозяйств. наук. Тбилиси, 1972.
- Нравы доблестные* // Грузинское боевое искусство. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- О первом физическом воспитании детей в Тифлисе и Карталинии* // Кавказ. 1878. № 288.
- О сельском хозяйстве* / Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. М., 1957.
- Ониани Дж.* Из истории древнейших верований грузин: Сванский мурквамоба – квираоба: Дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Орбелиани С.-С.* Путешествие в Европу. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).
- Орбелиани С.-С.* Грузинский словарь. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Орбелиани С.-С.* Словарь грузинского языка. Тбилиси, 1965–1966. Т. I–II (на груз. яз.).
- Орбелиани С.-С.* Грузинский словарь. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Орбелиани С.-С.* Словарь грузинского языка. Тбилиси, 1991. Т. 1; Тбилиси, 1993. Т. 2 (на груз. яз.).
- Орфическая аргонавтика* / пер. с древнегреч. и исслед. Н. Мелашвили. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
- Основные результаты Первой национальной всеобщей переписи населения Грузии.* Тбилиси, 2003. Т. 1 (на груз. яз.).
- От Тифлиса до Кавтисхеви* // Дроба. 1874. № 435 (на груз. яз.).
- Отхмезури Т.* Жанр комментариев в грузинской переводческой традиции Средневековья: (комментарии сочинений Ефрема Мцире и Григория Богослова). Тбилиси, 2011 (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии.* Тбилиси, 1970. Т. I (на груз. яз.).

- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. II (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1979. Т. III (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1973. Т. IV (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1970б. Т. V (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1972. Т. VI (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1976. Т. VII (на груз. яз.).
- Очерки истории Грузии. Тбилиси, 1980. Т. VIII (на груз. яз.).
- Очерки истории колониальной политики России в Грузии. Тбилиси, 2007. Кн. 1 (на груз. яз.).
- Очерки истории Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 2012. Т. 4 (на груз. яз.).
- Очиаური А.* Культ усопшего в общинах Рошки и Укандахи // МЭГ. Т. 3. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).
- Очиаური А.* Гостеприимство в Хевсурети. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Очиаური А.А.* Календарь грузинских народных праздников. Хевсурети (архотская община). Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Очиаური А.* Грузинские народные праздники в горной части Восточной Грузии (Пшави). Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* К вопросу взаимоотношения «мтибури» и «хмит натирали» // МЭГ. Тбилиси, 1951а. Т. 11 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Хевсурская сенокосная песня «гврини» // Мимомхилвели. Тбилиси, 1951. Т. 2 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Новый костюм хевсурской женщины // МЭГ. 1953. Т. 6 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Из истории древнейших верований грузин: Кадагоба в Хевсурети. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Жилые строения нового типа в районе Они // МЭГ. 1957. Т. 9 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Удобрение почвы // Историко-этнографический атлас Грузии: Материалы: Полеводство. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Покровители зверей // ГСЭ. Тбилиси, 1984. Т. 7 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Культ мертвых в Картли в старину и сегодня. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Очиаური Т.* Хахматский джвари // Грузинское наследие. Кутаиси, 2001 (на груз. яз.).
- Павлиашвили Д.* Садоводство в Восточной Грузии (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
- Павлова А.М.* Вигна // Культурная флора СССР. М.; Л., 1957.
- Пайчадзе Г.Г.* К истории грузинской колонии в Москве в XVII–XVIII веках. Тбилиси, 1982.
- Памятники грузинского права / под ред. И. Долидзе. Тбилиси, 1963. Т. I; Тбилиси, 1965 Т. II; Тбилиси, 1970. Т. III; Тбилиси, 1972. Т. IV; Тбилиси, 1974. Т. V; Тбилиси, 1977. Т. VI; Тбилиси, 1985. Т. VIII (на груз. яз.).
- Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Панаскертели З.* Карабадини. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Панаскертели-Цицишвили З.* Врачебная книга карабадин. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Панек Л.Б.* Жилище мтиулов // СМАЭ. 1930. Вып. IX.
- Панек Л.Б.* Следы родового строя у мтиулов // СЭ. 1939. № 2.
- Пантюхов И.И.* Антропологические наблюдения на Кавказе // ЗКОИРГО. 1893. Кн. XV.
- Панцхава Л.Н.* Бронзовый топор с антропоморфным изображением // Советское искусство. Тбилиси, 1971. № 7 (на груз. яз.).
- Панцхава Л.Н.* Колхидский топор с изображением оленя // ВГМГ. 1972. Т. 29В (на груз. яз.).
- Папуашвили Н.* История религии // Карибче. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Папуашвили Н.* Мировые религии в Грузии. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Папуашвили Т.* Джар-Белоканы. Тбилиси, 1972 (на груз. яз.).
- Пачкориа М.* Из прошлого Поты. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

- Пенев А.* Производство на сапун в нашите земли // Биология и химия. 1980. № 4 (на болг. яз.).
- Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. Л., 1949.
- Пиотровский Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье // СА. М., 1955. Т. XXIII.
- Пиралов А.С.* Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913.
- Пирпилашвили П.* Палеоантропологические материалы в древней Грузии: К изучению заболеваний – повреждений и манипуляций. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Пирпилашвили П.* Очерки истории древнегрузинской медицины. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Пирицхалава Н.* Мзахр, жир и бам // Проблемы грузинского современного церковного песнопения. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Пицхелаури К.* Основные проблемы племен Восточной Грузии. Тбилиси, 1973 (на груз. яз.).
- Пицхелаури К.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.
- Подлинные акты, относящиеся к Иверской иконе Божией матери, принесенной в Россию в 1648 году. М., 1879.
- Познание, ведущее к вечной жизни. Тбилиси, 2000 (на груз. яз.).
- Покровский Е.А.* Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М., 1884.
- Полиевктов М.* Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию: 1650–1652. Тифлис, 1926.
- Полиевктов М.* Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию: 1640–1643. Тифлис, 1928.
- Полиевктов М.* Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений: 1615–1640. Тбилиси, 1937.
- Попова Е.* Чечевица. М.; Л., 1952.
- Постатейное описание пребывания в ранге посольства при дворах кахетинского царя Теймураза I и имеретинского царя Александра III, стольника Н. Толочанова и дьяка Иевлева // Полиевктов М.П. Грамоты. Тифлис, 1926 (на груз. яз.).
- Пропп В.* Русские аграрные праздники. М., 1963.
- Пространный реестр Гурджистанского вилайета / пер., исслед. и коммент. С. Джикиа. Тбилиси, 1941. Кн. II (на груз. яз.).
- Пространный реестр Гурджистанского вилайета / изд. С. Джикиа. Тбилиси, 1943 (на груз. яз.).
- Пруидзе Л.* К истории традиционных видов виноградника в Грузии // Мацне. Тбилиси, 1972. № 3 (на груз. яз.).
- Пруидзе Л.* Виноградарство и виноделие в Грузии (по этнографическим материалам). Тбилиси, 1974. Вып. I: Рача (на груз. яз.).
- Пруидзе Л.* Переселившиеся из Ферейдана грузины // Мацне. 1975. № 2 (на груз. яз.).
- Пруидзе Л.* «Сациви (охладительный) марани» в Атени // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1976. Вып. 42 (на груз. яз.).
- Пруидзе Л.* Вино, застолье и традиции // Сабчота хеловнеба. Тбилиси, 1977. № 2 (на груз. яз.).
- Пурцеладзе А.* Предрассудки грузин // Кавказ. 1866. № 43.
- Путешествие Амбросия Контарини, светлейшего посла Венецианской республики, к знаменитому персидскому Узун-Гасану, совершенное в 1475 г. // БИПР. М., 1936. Т. 1.
- Путешествие Ж. Шардена по Грузии. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).
- Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока / пер. с франц., исслед. и коммент. М. Мгалоблишвили. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Путкарадзе Ш.* Грузинский язык наших сородичей. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Путкарадзе Ш.* Грузинский язык наших сородичей. Батуми, 1993 (на груз. яз.).
- Путкарадзе Т.* Историко-этнологические проблемы миграции населения Аджарии. Батуми, 2006 (на груз. яз.).

- Путкарадзе Ш.* Грузинская обитель в Стамбуле. Тбилиси, 2013 (на груз. яз.).
- Путуридзе В.* Грузинские деятели на культурном поприще Ирана // *Анналы*. Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).
- Раdde Г.* Хевсурия и хевсуры // *ЗКОИРГО*. 1881. Кн. 11, вып. 2.
- Рамишвили М.* Развитие виноградарства в Месхети // *Тр. Ин-та сельского хозяйства Грузинской ССР*. Тбилиси, 1949. Т. XIV (на груз. яз.).
- Реклю Э.* Всеобщая география. СПб., 1892. Т. VI.
- Рехвиашвили Н.* Железные орудия для обработки камня // *ВГМГ*. 1953а. Т. 17 (на груз. яз.).
- Рехвиашвили Н.* Кузнечное ремесло в Раче. Тбилиси, 1953б (на груз. яз.).
- Рехвиашвили Н.* Грузинские хозяйственные орудия // *ВГМГ*. 1954. Т. 18 (на груз. яз.).
- Рехвиашвили Н.* Грузинская народная металлургия. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Рехвиашвили Н.* Посуда для вина – «сацде», «сасмури» // *Дзеглис мегобари*. Тбилиси, 1968. № 16 (на груз. яз.).
- Рехвиашвили Н.* Кузнечное дело в Имерети. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Рехвиашвили С.* Из истории торговых отношений грузинских и северокавказских горцев: (Этнографический очерк). Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Робакидзе А.* Формы организации труда в народном хозяйстве древней Грузии. Тбилиси, 1941а (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Перезитки коллективной охоты в Рача. Тбилиси, 1941б (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Изготовление пороха в Пиракет Хевсурети // *Анналы*. Тбилиси, 1947. [Вып.] I (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Супруги как одна из форм эксплуатации в дореволюционной Грузии // *Мимомхилвели*. Тбилиси, 1951. Т. II (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* «Цхенбурги» (опыт восстановления грузинской конно-спортивной игры) // *Вопросы этнографии Кавказа*. Тбилиси, 1952.
- Робакидзе А.И.* Стенограмма публичной лекции о грузинском народном спорте, прочитанной в Тбилиси. Тбилиси, 1955а (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Пчеловодство в Сванети // *МЭГ*. 1955б. Т. 7 (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* К вопросу о форме поселения в Земо Ачара // *Тр. Батумского научно-исследовательского института*. Батуми, 1960а. Т. 1 (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* К истории пчеловодства. Тбилиси, 1960б (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Форма поселения в Балкарии // *КЭС*. Тбилиси, 1964. Т. 1 (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Особенности патронимической организации у народов Горного Кавказа // *СЭ*. 1968. № 5.
- Робакидзе А.И.* Некоторые аспекты мтиульского «комоба» // *Этнографические очерки Мтиулети*. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Робакидзе А.И.* Сванети, 1984.
- Робакидзе А.И.* Принципы классификации грузинских народных традиционных жилищных сооружений // *Историко-этнографический атлас Грузии*. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Робакидзе А., Гегечкори Г.* Формы жилища и структура поселения горной Осетии // *КЭС*. Тбилиси, 1975. Т. 5.
- Робиташвили Г.* Военно-Грузинская дорога. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Росебашвили К.* Грузинские народные песни. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Рохлин М.К.* Влияние грузинской колыбели на физическое развитие грудных детей. Тифлис, 1929.
- Русишвили Н.Ш.* Культурные растения на ранних поселениях Грузии по палеоэтноботаническим исследованиям: Автореф. ... дис. канд. биол. наук. Кишинев, 1990.
- Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре / пер. с груз. Ш. Нуцубидзе. Тбилиси, 1988.
- Руставели Ш.* Витязь в тигровой шкуре. Тбилиси, 1992 (на груз. яз.).

- Рут А.И., Рут Э.Р., Рут Х.Х., Дейелл М.Дж., Рут Дж.А.* Энциклопедия пчеловодства. М., 1964.
- Рухадзе Дж.* Грузинские ритуальные маски, связанные с сельским хозяйством // МЭГ. 1955. Т. 7 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Главный персонаж древнегрузинского аграрного праздника «Бери-Бера» // МЭГ. 1957. Т. 9 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Грузинский народный праздник. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Некоторые аграрные обряды и обычаи в Западной Грузии XIX века // МЭГ. 1968. Т. 14 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Народная агрокультура в Западной Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Мерные приспособления для зерновых // МЭГ. 1978. Т. 19 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Хозяйственные постройки // Историко-этнографический атлас Грузии. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* О некоторых вопросах полеводческих и аграрных культов в Эрцо-Тианети // МЭГ. 1981. Т. 21 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Одна модель земледельческой системы // МЭГ. 1985. Т. 22 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Внутренний и внешний рынок в Западной Грузии // Этнографические параллели. Сухуми, 1987.
- Рухадзе Дж.* Хани – имеретинская Хевсурети. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж.* Народный праздник возрождения сил природы в Грузии. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Рухадзе Дж., Лекиашвили А., Чкония И.* Село Акура. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Рцхиладзе Р.* Вавилонский логос Геродота, о навигации и ирригации на Евфрате // Материалы по вопросам истории Грузии, Кавказа и ближнего Востока. Тбилиси, 1968 (на груз. яз.).
- Рчеулишвили М.* Материалы по изучению грузинской овцы // Материальная культура эпохи Шота Руставели. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Рчеулишвили М.Д.* К истории овцеводства в Грузии. Тбилиси, 1953.
- Саакашвили М., Гелашвили А.* История медицины Грузии. Тбилиси, 1956. Т. III (на груз. яз.).
- Сабанисдзе И.* Мученичество Або Тбилели // Грузинская литература. Тбилиси, 1987. Т. I (на груз. яз.).
- Сабинин Г.* История Грузинской Церкви до конца VI века. СПб., 1877.
- Сагинадзе Р.* Из истории грузинской периодики и прессы. Тбилиси, 2011.
- Садовский К.* Поцховский участок Ардаганского округа Карсской области // СМОМПК. Тифлис, 1889. Вып. V.
- Саитидзе Г.Г.* Грузины в Московском государственном университете. Тбилиси, 2003.
- Салуквадзе С.* Лекарствоведение в древней Грузии и пути его дальнейшего развития с древних времен до XX века. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Самсонадзе М.* Социально-экономическое развитие Грузии в первой трети XIX в. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Санкидзе Т.* Уплисцихе. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Сахокия Т.* По Мингрелии: Брачные обряды // Петроградские ведомости. 1916. № 176.
- Сахокия Т.* Культ мертвых в Мегрелии // МЭГ. 1940. Т. 3 (на груз. яз.).
- Сахокия Т.* Грузинские крылатые слова и выражения. Тбилиси, 1950а (на груз. яз.).
- Сахокия Т.* Путешествия по Гурии, Аджарии, Самурзакано, Абхазии. Тбилиси, 1950б (на груз. яз.).
- Сахокия Т.* Воспоминания. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Сахокия Т.* Этнографические записки. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Сахокия Т.* Грузинские крылатые слова и выражения. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Сборник законов Вахтанга VI // Памятники грузинского права / под ред. И. Долоидзе. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).

- Сванидзе М.* Грузины в Турции. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Сведения Закария аль-Казвини о Грузии и Кавказе / введ., пер. и замеч. О. Цкитишвили. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Свечин К., Бобылев И., Гонка Б.* Коневодство. М., 1984.
- Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
- Свод этнографических понятий и терминов: Материальная культура. М., 1989.
- Селезнев М.* Руководство к познанию Кавказа. СПб., 1847.
- Сергеева Г.А.* Об обычае избегания у народов Грузии // ПИИЭ 1974. М., 1975.
- Силогава В.* Грузинская эпиграфика Мегрелии и Абхазии. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- Синская Е.Н.* Историческая география культурной флоры. Л., 1959.
- Сихарулидзе К.* Грузинская народная героико-историческая словесность. Тбилиси, 1949 (на груз. яз.).
- Сихарулидзе К.* Грузинское народное поэтическое творчество. Тбилиси, 1960. Т. 1; Тбилиси, 1973. Т. 3 (на груз. яз.).
- Словарь грузинских диалектов / сост.: Т. Берозашвили, М. Месхишвили, Л. Нозадзе. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Современные этнические процессы в СССР. М., 1977.
- Соловьева Л.Т.* Грузия: этнография детства. М., 1995.
- Соловьева Л.Т.* Представления грузин о раннем детстве и народные традиции ухода за младенцем // «Вся история наполнена детством»: наследие Ф. Арьеса и новые подходы к истории детства. М., 2012. Ч. 1.
- Сонгулашвили А.* Из истории религиозных сект в Грузии // Вопросы новой и новейшей истории. Тбилиси, 2007. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Сонгулашвили Дж.* Огородничество в окрестностях Тбилиси. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Сонгулашвили Дж.* Материалы по истории и быту грузинского народа. Тбилиси, 1964.
- Сонгулашвили Дж.* К истории виноградарства и виноделия в Грузии. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Сонгулашвили И.* Илари // ВГМГ. Тбилиси, 1933. Т. 8 (на груз. яз.).
- Соселия Л.* Традиции народного лечения в Лечхуми // Материалы к этнографическому изучению Лечхуми. Тбилиси, 1985 (на груз. яз.).
- Сохадзе А.* Из истории древнейших верований грузин и борьба с их пережитками. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Сохадзе А.К.* Типы грузинской верхней одежды чоха, ареал их распространения и термины // ВГМГ. Тбилиси, 1974. Т. 30.
- Статистический ежегодник Грузии, 2002. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).
- Степанов И.* Некоторые туземные игры в г. Ахалцих // СМОМПК. 1886. Вып. 5.
- Степанов И.* Приметы и поверья грузин Телавского уезда // СМОМПК. 1894. Вып. 19.
- Степанов И.* Народные приметы, разные способы гадания и некоторые поверья мингрельцев // СМОМПК. 1903. Вып. 32.
- Штещенко-Куфтина В.* Древнейшие инструментальные основы грузинской народной музыки. Тбилиси, 1936. [Т.] I: Флейта Пана.
- Страбон.* География. Тбилиси, 1957 (на груз. яз.).
- Сулаберидзе Ю.С.* Роль А.С. Хаханашвили в развитии грузино-русских культурных взаимоотношений конца XIX – начала XX века. Тбилиси, 1980.
- Сумбадзе Л.* Грузинский дарбази. Тбилиси, 1960.
- Сумбадзе Л.* Архитектура грузинского народного жилища дарбази. Тбилиси, 1984.
- Сургуладзе А., Сиоридзе М.* Порто-Франко в Батуми. Батуми, 1996 (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Из истории древнейших религиозно-космогонических представлений грузин (по орнаментному материалу) // Объединенная научная сессия кафедр истории факультета истории Тбилисского гос. ун-та и Грузинского пед. ин-та. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).

- Сургуладзе И.* Новогодний чичилаки // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1974. № 36 (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Антропоморфные изображения в грузинском народном орнаменте // Дзеглис мегобари. 1976. № 42 (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Из истории аграрных верований и представлений грузин: умирающие и воскресающие божества // МЭГ. 1978. Т. 19 (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Св. Георгий в грузинских религиозных верованиях // Мат-лы IV Междунар. симпозиума по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.
- Сургуладзе И.К.* Астральная символика в грузинском народном орнаменте. Тбилиси, 1986а (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Символика грузинского народного орнамента. Тбилиси, 1986б (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Пространственные аспекты религиозных и мифологических представлений грузин // МЭГ. 1987. Т. 23 (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Св. Георгий в грузинских религиозных верованиях // Очхари. Тбилиси, 2002 (на груз. яз.).
- Сургуладзе И.* Миф, культ, ритуал в Грузии. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).
- Схертели Д.* Несколько слов о характере мегрелов и об их стремлении к учебе // Дроеба. 1871. № 10 (на груз. яз.).
- Сытин П.В.* Из истории московских улиц. М., 1958.
- Тависупали свани.* Дроеба. Тифлис, 1884. № 224 (на груз. яз.).
- Такайшвили Э.* Материалы для статистического описания Грузии XVIII в. Тбилиси, 1907 (на груз. яз.).
- Такайшвили Э.* Распорядок царского двора. Тифлис, 1920 (на груз. яз.).
- Такайшвили Э.* Мусульманская Грузия // Грузинская эмигрантская литература: Возвращение. Тбилиси, 1991. Т. 1 (на груз. яз.).
- Тамашев А.В.* Крупный рогатый скот. Ереван, 1947. *Тарсаидзе Н.Г.* Исторические этюды. Тбилиси, 1972.
- Тарсаидзе Н.Г.* Материалы по истории поселения грузин в России в первой половине XVIII века. Тбилиси, 1964.
- Тарсаидзе Н.Г.* Исторические этюды. Тбилиси, 1972.
- Тарсаидзе Н.Г.* Сведения о грузинах в России во второй половине XVIII века. Тбилиси, 1983.
- Татишвили В.Л.* Грузины в Москве. Тбилиси, 1959.
- Твалтвадзе Д.* Колофоны Ефрема Мцире. Тбилиси, 2009 (на груз. яз.).
- Театр Руставели. Тбилиси, 2005.
- Тевдорадзе В.* Культура гороховых в Грузии. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшав-Хевсурети. Тбилиси, 1930. Ч. 1–2 (на груз. яз.).
- Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшави и Хевсурети. 2-е изд. Тбилиси, 1939.
- Тедорадзе Г.* Пять лет в Пшави и Хевсурети. Тбилиси, 1941.
- Теймураз II.* Беседа дня и ночи // Полн. собр. соч. Тбилиси, 1939. Т. 1 (на груз. яз.).
- Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
- Тепцов В.* Из быта и верований мингрелов // СМОМПК. 1894. Вып. 18.
- Тер-Ованесов Г.* Развитие рыбной промышленности в Азербайджане в XIX и в начале XX века. Баку, 1959.
- Титов В.С.* Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии. Минск, 1976.
- Тодуа Р.* Вопросы народной техники керамического производства: Хозяйственный станок в Западной Грузии // МЭГ. 1975. Т. 18 (на груз. яз.).
- Тодуа Р.* Вопросы народной технологии керамического производства // МЭГ. 1981. Т. 21 (на груз. яз.).
- Токмаков И.Ф.* Историко-статистическое и археологическое описание села Всехсвятского, Московской губернии и уезда. М., 1898.
- Толковый словарь грузинского языка. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).

- Толковый словарь грузинского языка. Тбилиси, 1953. Т. 3 (на груз. яз.).
- Толковый словарь грузинского языка. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Топурия В., Калдани М.* Словарь сванского языка. Тбилиси, 2000 (на груз. яз.).
- Топурия Н.* Из истории хозяйственного быта грузин. Тбилиси, 1936 (на груз. яз.).
- Топурия Н.С.* Новые жилые постройки в Горийском районе // МЭГ. 1959. Т. 10 (на груз. яз.).
- Топурия Н.* Тушинский сыр // МЭГ. 1972. Т. 16–17 (на груз. яз.).
- Топурия Н.* Из истории хозяйственного быта грузинского народа. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Торадзе Г.* Борис Асафьев и грузинская музыкальная культура // Сабчота хеловнеба. Тбилиси, 1984. № 9 (на груз. яз.).
- Тоточава К.* Развитие мореходства и судостроения в Советской Аджарии (1921–1958 гг.). Батуми, 1975 (на груз. яз.).
- Трубников Б.Г.* Защитное вооружение. СПб., 2004.
- Уваров А.* Христианская символика. М., 1908.
- Уварова П.С.* Путевые заметки: Абхазия, Аджария, Шавшетия, Поцховский участок. М., 1891.
- Узунадзе Р.* Из истории морского судоходства в Батумской области (60–70-е гг. XIX века) // Быт и культура Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Узунадзе Р.* Из прошлого Батуми. Батуми, 1997 (на груз. яз.).
- Узунадзе Р.* Судоходство в Батумской области (военно-политические, экономические и социальные аспекты). Батуми, 2001 (на груз. яз.).
- Узунадзе Р.* Традиции судоходства в Батумской области // Мацне: (исторический вестник). Батуми, 2008. № 8 (на груз. яз.).
- Узунадзе Р., Сурманидзе Р., Зосидзе Н.* Батуми (история и современность). Батуми, 2013 (на груз. яз.).
- Уложение царского двора // Памятники грузинского права. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Урушадзе А.* Древняя Колхида в сказаниях об аргонавтах. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Урушадзе А.* Аполлоний Родосский и его сочинение // Аполлоний Родосский. Аргонавтика. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Урушадзе Н.* Изобразительная символика палеолита Грузии. Тбилиси, 1989.
- Утургаидзе Т.* Тушинский диалект. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Фенрих Г., Сарджвеладзе З.* Этимологический словарь картвельских языков Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Флавий И.* Иудейские древности / подгот. к изд. Н. Меликишвили. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Хазарадзе М.* Хозяйственные помещения // Историко-этнографический атлас: Материалы. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Хазарадзе Н., Цагарейшвили Т.* Культ святого дерева в Грузии. Тбилиси, 1999 (на груз. яз.).
- Хазарадзе Н., Тодадзе Х., Кутателадзе М., Джорджикиа Н.* История Грузии. Тбилиси, 2009 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л.* Пережитки большой семьи в Сванети. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.* К вопросу о системе родства у хевсур // Энимкис моамбе. Тбилиси, 1940. Вып. 5–6 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л.* Хевсурский рджули // Аналеби: Тр. Ин-та им. И.А. Джавахишвили. Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.* Хевсурские «dziri» и «gvagi» // Мимомхилвели. Тбилиси, 1949. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л.* Хевсурский андрези // Мимомхилвели. Тбилиси, 1951. Вып. 2 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л.* Система народного управления в Сванети // МЭГ. 1953. Т. 6 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л.* К вопросу о территориально-общинных объединениях у грузин-горцев // КСИЭ. 1958. Вып. 29.

- Харадзе Р.Л.* Пережитки семейной общины в Тушети // МЭГ. 1959. Т. 10 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.* Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960. Ч. I.
- Харадзе Р.* Грузинская семейная община. Тбилиси, 1961. Ч. II.
- Харадзе Р.Л.* Грузинская семейная община. Тбилиси, 1960–1961, ч. 1–2.
- Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И.* Сванское село в старину. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Харадзе Р., Робакидзе А.И.* Мтиульское село в прошлом. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Харадзе Р.Л., Робакидзе А.И.* Село Мтиулети. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Хаханов А.* Очерки по истории грузинской словесности. СПб., 1872.
- Хахутайшвили Д.* Уплисцихе. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Хахутайшвили Д.* Город, высеченный в камне. Тбилиси, 1965а (на груз. яз.).
- Хахутайшвили Д.* Древнейший город. Тбилиси, 1965б (на груз. яз.).
- Хахутайшвили Д.* Дворечье Чолоки и Очхамури в эпоху раннего железа // Мацне. Тбилиси, 1986. № 1 (на груз. яз.).
- Хахутайшвили Д.* Раннеклассовые города и городская жизнь Юго-Западной Грузии (VI в. до н.э. – V в. н.э.) // Очерки истории Юго-Западной Грузии (Аджария). Тбилиси, 2007. Т. 1 (на груз. яз.).
- Хашиба М.* Народная музыка абхазов: жанры, стилистика, кросс-культурные параллели. Сухум, 2007.
- Хеташвили М.* Путешествие в Тушети // Иверия. 1889. № 175 (на груз. яз.).
- Хидашели А.* Грузинская пчела // ГСЭ. 1986. Т. 10 (на груз. яз.).
- Хизанашивили Н.* Статьи по этнографии. Тбилиси, 1940 (на груз. яз.).
- Хизанашивили Н.* Избранные юридические статьи. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Хинтибидзе Л.* Медоносные растения // ГСЭ. 1979. Т. 4 (на груз. яз.).
- Хить Г.Л.* Расогенетические связи населения Кавказа по данным дерматоглифики // Тез. докл. на Всесоюз. сессии, посвящ. итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1976–1977 гг. Ереван, 1978.
- Хить Г.Л.* Дерматоглифика населения Кавказа // ПИИЭ в 1978 г. М., 1980.
- Хить Г.Л.* Дерматоглифика народов СССР. М., 1983.
- Хить Г.Л., Асланишвили В.О.* Новые материалы по дерматоглифике населения Западного Кавказа. // ПИИЭ 1982 г. М., 1986.
- Хить Г.Л., Долинова Н.А.* Расовая дифференциация человечества (дерматоглифические данные). М., 1990.
- Хомизурашвили Н., Эристави Н.* Фрукты Грузии. Тбилиси, 1939 (на груз. яз.).
- Хонели М.* Амирандареджаниани // Грузинская классическая литература. Тбилиси, 1987. Т. 2.
- Хорава П., епископ.* Пока завтра... верующие? Тбилиси, 1999а (на груз. яз.).
- Хорава П., епископ.* Творец русской физиономии грузинской церкви (католикос Антон I). Тбилиси, 1999б (на груз. яз.).
- Хоситашвили С.* Свадебные и погребальные обычаи в Самцхе-Джавахети. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Хоштария Н.* Дихагудзуба, древнее поселение на Колхидской низменности // Моамбе АН ГССР. Тбилиси, 1944. Т. V, № 2 (на груз. яз.).
- Хоштария Н.* Археологические раскопки в Вани: Итоги полевых археологических раскопок 1952 года // Материалы к истории Грузии и Кавказа. 1959. Т. 2 (на груз. яз.).
- Хоштария Н.* Цихисдзири. Тбилиси, 1962 (на груз. яз.).
- Хоштария Э.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Грузии XIX века. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Хубутиа П.* Тушинский диалект. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Хускивадзе Ф.* Местечко Квирилы // СМОМПК. 1894. Вып. 19.
- Хухунашвили М.* К изучению мифических корней родителей Амирани // Грузинский фольклор. Тбилиси, 2006. № 3 (19) (на груз. яз.).

- Цагарейшвили Т.* К вопросу толкования термина «эзо» // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1974. № 34 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Ферейданское «хармулоба» // МЭГ. 1979. Т. 20 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Ферейданцы в Грузии. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Памятники живой природы Утховари // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1983. № 64 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* К истории животноводства в Грузии (согласно этнографическим данным Квемо Картли). Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Этноэкологические аспекты лесного хозяйства. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Культура народного лесопользования в Арагвском ущелье // Тр. ТГУ. Тбилиси, 1991 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Угольничество в окрестностях Тбилиси // Биофермер. Тбилиси, 1995 (на груз. яз.).
- Цагарейшвили Т.* Традиционная культура и экосистемы. Тбилиси, 2000 (на груз. яз.).
- Цагарели А.* Переписка грузинских царей и владетельных князей с государями российскими в XVIII столетии. СПб., 1890.
- Цагарели Н.* Грузинский тека. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Цалкин В.* Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
- Церетели А.* Сочинения. Тбилиси, 1980. Т. 7 (на груз. яз.).
- Церетели А.* Сочинения. Тбилиси, 1989. Т. 11 (на груз. яз.).
- Церетели Г.* Семитские языки и их значение для изучения истории грузинской культуры // Научная сессия ТГУ: Сб. докладов. Тбилиси, 1947. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Церетели З.* Этнографический альбом. Тбилиси, 2002.
- Цигни саакимой* (Врачебная книга). Тбилиси, 1933 (на груз. яз.).
- Циквадзе Ш.* О развитии виноградарства и виноделия в Месхети. Тбилиси, 1958 (на груз. яз.).
- Цинцадзе З.* Административно-территориальное деление Картли и Кахети в XIX в. // Исторический сборник. Тбилиси, 1973а. Т. 5 (на груз. яз.).
- Цинцадзе З.* Восточногрузинские феодально-территориальные единицы эпохи позднего Средневековья // Мацне. Тбилиси, 1973б. № 2 (на груз. яз.).
- Цинцадзе З.* Административно-территориальное деление Имерети в эпоху позднего Средневековья и в 10-е годы XIX в // Мацне. Тбилиси, 1988. № 3 (на груз. яз.).
- Цискаров И.* Записки о Тушетии // Кавказ. 1849. № 11.
- Цицишвили А.* Домашняя овца и крупный рогатый скот по некоторым найденным в Грузии материалам: Дис... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955 (на груз. яз.).
- Цицишвили А.* Костные останки древнейшей овцы и крупного рогатого скота из Квацхелеби. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Цицишвили И.* (Винме Соплели). Грузинская национальная: (по поводу грузинской дружины) // Клде. 1914. № 1 (на груз. яз.).
- Цицишвили И.* Материалы по истории грузинской одежды. Тбилиси, 1954 (на груз. яз.).
- Цицишвили М.* Творчество Реваза Тархан-Моурави: Каталог. Тбилиси, 2002.
- Цкитишвили Г.* Кавтисхевская Цихис гора // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1977. № 46 (на груз. яз.).
- Цоцанидзе Г.* От Гиоргоба до Гиоргоба. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Цоцанидзе Г.* От Гиоргоба до Гиоргоба. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Цуладзе А.* Этнографическая Гурия. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Цуладзе А.* Этнографическая Гурия. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).
- Цулая Г.В.* Этнокультурный аспект исторического процесса в раннефеодальной Грузии (V–X вв.) // КЭС. М., 1989. Вып. 9.
- Цуртавели Я.* Мученичество Шушаники / груз. и арм. тексты издал, исслед., варианты, словарь и указ. приложил И. Абуладзе. Тифлис, 1938 (на груз. яз.).

- Цуртавели Я.* Мученичество Шушаники // Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Тбилиси, 1956.
- Цуртавели Я.* Мученичество святой Шушаник / под ред. И. Абуладзе. Тбилиси, 1978 (на груз. яз.).
- Чавчавадзе И.* Недостатки общественной жизни и их экономические причины // Соч. Тбилиси, 1956. Т. 6 (на груз. яз.).
- Чавчавадзе И.* Полн. собр. соч. Тбилиси, 1957. Т. IX (на груз. яз.).
- Чавчавадзе И.* Производство вина грузинским способом // Соч. Тбилиси, 1958. Т. 8 (на груз. яз.).
- Чакетадзе В.* Из истории Кутаиси. Тбилиси, 1960 (на груз. яз.).
- Чангашвили Г.* Саингило. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Чантуриа В.* Батумское мореходное училище. Батуми, 1980.
- Чантуриа В.* Грузины в морях и океанах. Батуми, 1997 (на груз. яз.).
- Чантуришвили С.* Быт и культура в Грузии V–X веков. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Чанчaleyшвили Л.* Немного о староверах // Тр. Горийского гос. университета. Тбилиси, 2002. Т. 2 (на груз. яз.).
- Чанчaleyшвили Л.* Староправославные грузины // КЭС. Тбилиси, 2003 (на груз. яз.).
- Чанчaleyшвили Л.* Баптистские организации в Тбилиси (по этнографическим материалам) // КЭС. 2005 (на груз. яз.).
- Чарелишвили Л.* Из истории грузинского оружия: Сабля // Светлый след: Сборник памяти Михаила Гегешидзе. Тбилиси, 1998 (на груз. яз.).
- Чартолани М.* Из истории материальной культуры Грузин. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Чартолани М.* Археологические разведывательные работы в Сванети. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Чартолани М.* Жилищные постройки нового типа в Сванети // К этнографическому изучению Сванети. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Чартолани Ш.* Древняя Сванети. Тбилиси, 1996 (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.* Сапехвно в Хевсурети. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.* Из истории изготовления тканей в Грузии. I: Лен // ВГМГ. 1956. Т. 19-В (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.* Костюм картлийского крестьянина XIX века (по материалам музея) // ВГМГ. Тбилиси, 1957. Т. 19-А, 21-Б (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.* Орнамент на льняной ткани. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.* Сборное место (сапехвно) в Хевсуретии // Дзеглис Мегобари. Тбилиси, 1966. № 3 (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.А.* Хевсурское сапехно // Дзеглис мегобари. 1966. Вып. 7 (на груз. яз.).
- Чачашвили Г.* Грузинские народные ткацкие станки // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1976. № 41 (на груз. яз.).
- Чачинадзе З.* Письмо из Мачахела // Иверия. 1883. № 158 (на груз. яз.).
- Челеби Э.* Книга путешествия. Тбилиси, 1974. Т. 1 (на груз. яз.).
- Челидзе А.* Ферейданские грузины. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).
- Челидзе Э.* Церковь – невеста Господня. Тбилиси, 1990 (на груз. яз.).
- Чиградзе Н.* Народные традиции акушерства и лечения гинекологических заболеваний в Самцхе-Джавахети // Традиционная грузинская медицинская культура. Тбилиси, 1997. Ч. 1 (на груз. яз.).
- Чиджавадзе Н.* Народные средства защиты почвы в Аджарии // Быт и культура населения Аджарии. Тбилиси, 1966 (на груз. яз.).
- Чиджавадзе Н.* Из истории земледельческого быта в Аджарии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Чиджавадзе Н.* Террасное земледелие в Грузии. Тбилиси, 1976 (на груз. яз.).

- Чикобава А.* Чанско-мегрельско-грузинский сравнительный словарь. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Чиковани В.* Борьба против вредных традиций по материалам грузинской периодики второй половины XIX века. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Чиковани Г.* «Санахшо» и «соплова» // Исторический сборник. Тбилиси, 1976. Т. 4 (на груз. яз.).
- Чиковани Г.* Осетинский ныхас // КЭС. Тбилиси, 1979. Т. 5.
- Чиковани Г.* К объяснению термина, обозначающего сельскую площадь // Мацне. Тбилиси, 1983. № 1 (на груз. яз.).
- Чиковани Г.* Из истории общественного быта вайнахов // КЭС. Тбилиси, 1986. Т. 4.
- Чиковани Г.* Один из видов площадей народного схода Горного Кавказа // КЭС. Тбилиси, 1988. Т. 7.
- Чиковани М.* Грузинский фольклор. Тбилиси, 1946 (на груз. яз.).
- Чиковани М.* Прикованный Амиран. Тбилиси, 1947 (на груз. яз.).
- Чиковани М.* История грузинской народной словесности. Тбилиси, 1952 (на груз. яз.).
- Чиковани М.* История грузинской народной словесности. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Чиковани М.* Грузинский эпос. Тбилиси, 1959. Т. 1 (на груз. яз.).
- Чиковани М.* Вопросы греческой и грузинской мифологии. Тбилиси, 1971 (на груз. яз.).
- Чиковани Т.* Грузинское народное жилище. Тбилиси, 1960.
- Чиковани Т.* Из истории народных жилищных строений Закавказья. Тбилиси, 1967 (на груз. яз.).
- Чиковани Т.* Земо Картли. Тбилиси, 1987 (на груз. яз.).
- Чилашвили Л.* Урбниси. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Чилашвили Л.* Города в древней Грузии. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Чилашвили Л.* Древнейшие грузинские надписи из Некреси и вопросы истории грузинской письменности. Тбилиси, 2004 (на груз. яз.).
- Чимакадзе Н.* Древняя Грузия // Исторический и этнографический сборник Грузии. Тифлис, 1913. Т. 11, отд. IV (на груз. яз.).
- Чинчараули А.* Хевсурский лексикон. Тбилиси, 2009 (на груз. яз.).
- Чипашвили Г.* Ферейданские грузины. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).
- Чиргадзе Н.* Традиционная медицинская культура Самцхе-Джавахети. Тбилиси, 2010 (на груз. яз.).
- Чистов К.* Этническая общность, этническое сознание и некоторые проблемы духовной культуры // СЭ. 1972. № 3.
- Читая Г.С.* Сванский «сакурцхил» // ВГМГ. Тифлис, 1925. Т. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Крестьянский дом в Кваблиани (дарбази) // Мимомхилвели. Тифлис, 1926. Вып. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Этнографическое путешествие в Агбулагский район // ВГМГ. Тифлис, 1928. Т. 4 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Рачинский плуг // Энимкис моамбе. Тбилиси, 1937. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Краткий отчет этнографической экспедиции в Ксанское ущелье // Вестн. ИЯИМК. Тбилиси, 1939. Т. 9 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Ксанский горный плуг // Энимкис моамбе. Тбилиси, 1940а. Т. 5–6 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Предисловие // МЭГ. 1940б. Т. 3 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий // Сообщения АН Груз. ССР. Тбилиси, 1941. Т. 2, № 3.
- Читая Г.С.* Краткий отчет о Лечхумской экспедиции // ВГМГ. 1944. Т. 12-В (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* «Сене» (кладовая) хесурского дома // Аналеби. Тбилиси, 1947. Т. I (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Картлийская этнографическая экспедиция 1948 года // Мимомхилвели. Тбилиси, 1949. Вып. 1 (на груз. яз.).

- Читая Г.С.* Грузинский торне // Мимомхилвели. Тбилиси, 1951. Вып. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Земледельческая система и пахотные орудия Грузии // Вопросы этнографии Кавказа. Тбилиси, 1952.
- Читая Г.С.* Тип поселения в Мтиулети // МЭГ. 1953а. Т. 6 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Культура могги в Западной Грузии // ТИИ. 1959. Т. IV, вып. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Горное земледелие на Кавказе // МЭГ. 1960а. Т. 11.
- Читая Г.С.* Пахотные орудия и система земледелия в Грузии // XXI международный конгресс востоковедов: Доклады делегатов СССР. М., 1960б.
- Читая Г.С.* Сельское хозяйство в дореволюционной Грузии // Народы Кавказа. М., 1962. Т. 2.
- Читая Г.С.* Из истории культуры виноградной лозы Грузии (старые легенды) // Хозяйственный быт и материальная культура грузинского народа. Тбилиси, 1964 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Грузинский этнографический атлас // Вестник Академии наук Грузии. Тбилиси, 1966. № 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Древние легенды о происхождении культуры лозы // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1968. № 16 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* К истории ювелирного дела в Грузии. Тбилиси, 1980а (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Шанкви // Историко-этнографический атлас Грузии. Тбилиси, 1980б (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Труды. Тбилиси, 1997. Т. 1; Тбилиси, 2000. Т. 2. Тбилиси, 2001. Т. 3 (на груз. яз.).
- Читая Г.* Земледельческая система и пахотные орудия Грузии // Читая Г.С. Труды. Тбилиси 1997. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Земледельческая система и пахотные орудия Грузии // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 1997а. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.* К истории златокузнечества в Грузии // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 1997б. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Ксанский горный плуг // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 1997в. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Шумерская молотильная доска // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 1997г. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Хевсурская «вариа» // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 1997д. Т. 1 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Аджарский замок датва-боква // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2000а. Т. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Тбилисский быт в феодальную эпоху // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2000б. Т. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Хевсурский (боевой) сацирули // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2000в. Т. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Хевсурский лук // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2000г. Т. 2 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Колхская овца // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2001а. Т. 3 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* О некоторых основных признаках древней колхидской культуры // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2001б. Т. 3 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Народный спорт // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2001г. Т. 4 (на груз. яз.).
- Читая Г.С.* Рец. на: Бохочадзе А. Виноградарство и виноделие в древней Грузии по археологическим материалам. Тбилиси, 1963 // Читая Г.С. Труды. Тбилиси, 2001д. Т. 5 (на груз. яз.).
- Читая Г.* Рец. на: *Prof. Mures J.H.* A modern Hernos vayel from Tiflis // Man. Tebryary, London, 1937, N 30 // Вестн. ИЯИМК. Тифлис, 1937 (на груз. яз.).
- Читая Г.С., Робакидзе А.И., Кекелиа М.* Об одной научной дисциплине картвелологии // Обычное право Грузии. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Читая Г., Хазарадзе М.* Орудия для веяния зерна // Историко-этнографический атлас: Материалы: Полеводство. Тбилиси, 1985 (на груз. языке).
- Чичинадзе З.* Оружейное ремесло и его упадок в Самцхе-Саатабаго и Мачахела // Самцхе-Саатабаго и грузинские католики. Тифлис, 1906 (на груз. яз.).

- Чичинадзе З.* Грузины в Персии. Тифлис, 1907 (на груз. яз.).
- Чичинадзе З.* Грузины-мусульмане и их селения в Грузии. Тифлис, 1913 (на груз. яз.).
- Чичинадзе З.* Материалы по истории рабочего и мастерового люда Грузии. Тифлис, 1926. Т. 1 (на груз. яз.).
- Чичинадзе М.* Строительство кораблей и лодок в Самцхе, Аджарии, Либанис-хеви и Лазистане и упадок навигации в горах // Материалы по истории краеведения Грузии. Тбилиси, 1926. Т. 1 (на груз. яз.).
- Чкония И.* Институт брака в Мтиулети. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
- Чкония Л.* Сорты лозы в Гаре-Кахети // Историко-этнографические штудии. Тбилиси, 1988. Вып. 3 (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Ружье с грузинскими надписями // ВГМГ. 1953. Т. 17-Б (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Грузинское боевое оружие: щит // ВГМГ. 1954. Т. 18-Б (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Грузинское оружие: кольчуга // ВГМГ. 1956а. Т. 19-В (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Тбилисские мастера буласта // Наука и техника. 1956б. № 5 (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Грузинское оружие: шлем // ВГМГ. 1957. Т. 19-А – 20-В (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Праща // Наука и техника. 1958. № 1 (на груз. яз.).
- Чолокашвили К.* Оружие: Альбом. Тбилиси, 1964.
- Чолокашвили К.* К оружию времен Давида Строителя // Джвари вазиса. 1989. № 2 (на груз. яз.).
- Чолокашвили С.* Материалы к вопросу грузинских сортов лозы в XII–XIII вв. // Материальная культура эпохи Шота Руставели. Тбилиси, 1938 (на груз. яз.).
- Чохонелидзе Е.* О ладовых основах грузинской народной песни: лад, мелодия, ритм грузинской народной песни // Сб. науч. трудов / Тбилисская государственная консерватория им. Вано Сараджишвили. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Чубинашвили Г.Н.* Чеканное искусство Грузии. Тбилиси, 1959.
- Чубинашвили Г.Н.* Из истории средневекового искусства Грузии // Избр. труды. М., 1990.
- Чубинашвили Д.* Грузино-русский словарь. Тбилиси, 1984 (на груз. яз.).
- Чубинашвили Н.* Грузинский словарь. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
- Чубинашвили Н.* Грузинская средневековая художественная резьба по дереву (X–XI вв.) Тбилиси, 1952.
- Чубинишвили Т.* Погребение покойника на кеври в Самтавро // Сообщения АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1951. Т. 2, № 4 (на груз. яз.).
- Чубинишвили Т.* Амиранис гора. Тбилиси, 1963 (на груз. яз.).
- Чубинишвили Т.* Древнейшая культура двуречья Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Чубинишвили Т.* Древнейшая культура двуречья Куры и Аракса. Тбилиси, 1965 (на груз. языке).
- Чубинишвили Т.* Новые материалы по истории раннеземледельческой культуры Квемо Картли // Дзеглис мегобари. Тбилиси, 1973а. № 33 (на груз. яз.).
- Чубинишвили Т.* Памятники раннеземледельческой культуры в Квемо Картли // Мацне. 1973б. № 4 (на груз. яз.).
- Чубинишвили Т.Н.* Ведущие черты производящей экономики в раннеземледельческой культуре Южного Кавказа // Древний Восток и мировая культура. М., 1981.
- Чумбуридзе З.* По следам грузинских рукописей. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Чурсин Г.Ф.* Народные обычаи и верования Кахетии // ЗКОИРГО. 1905. Кн. 25, вып. 2.
- Чхартишвили Л.* Современный грузинский театр в условиях рыночной экономики. Тбилиси, 2013 (на груз. яз.).
- Чхатарашвили К.* Охота-поход // ГСЭ. 1983. Т. II (на груз. яз.).
- Чхатарашвили К.* Социальная суть военной организации феодальной Грузии: Дис... д-ра ист. наук. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Чхеидзе Л.* Генезис грузинской хореографии: Дис. ... д-ра искусствоведения. Тбилиси, 2008.

- Чхеидзе Н., Кобалава Д.* Местные породы лошадей Грузии. Тбилиси, 1950 (на груз. яз.).
- Чхиквадзе Г.* Музыкальный инструмент эбан и его суть // МЭГ. 1955. Т. 7 (на груз. яз.).
- Чхиквадзе Г.* Грузинская народная музыка. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Шаверов Н.* Описание кавказского шелководства // Кавказское сельское хозяйство. 1894. № 6.
- Шаверов Н.Н.* Из путевых впечатлений от Батума до Лимана // ИКОИРГО. 1907. Т. XIX, № 1.
- Шавтели Иоанн.* Абдулмессия // Грузинская классическая литература. Тбилиси, 1988. Т. III (на груз. яз.).
- Шаликов К.Р.* Описание Ксанского участка // ЗКОИРГО. 1894. Кн.16.
- Шамиладзе В.М.* Альпийское скотоводство в Грузии. Тбилиси, 1969 (на груз. яз.).
- Шамиладзе В.М.* Скотоводство в Самегрело // Культура и быт Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1974. Вып. 2 (на груз. яз.).
- Шамиладзе В.М.* Малое перегонное скотоводство в Грузии // Культура и быт Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1977. Вып. 5 (на груз. яз.).
- Шамиладзе В.М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси, 1979.
- Шамиладзе В.М.* Скотоводство в Грузии // Историко-этнографический атлас: Материалы. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Шампо Ж.* Мир символов // Религия. 1993. № 6–7 (на груз. яз.).
- Шанидзе А.* Соч. в 12 т. 1984. Т. 1 (на груз. яз.).
- Шанкрэн Е., Лонг Ж.* Виноградарство Франции. М., 1961.
- Шарадзе Г.* Под чужим небом. Тбилиси, 1991–1993. Т. 1–3 (на груз. яз.).
- Шарадзе Г.* История грузинской эмигрантской журналистики. Тбилиси, 2001–2007. Т. 1–8 (на груз. яз.).
- Шарашенидзе З.* Ферейданские «гурджи». Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Шарден Ж.* Путешествие Жана Шардена в Персию и другие страны Востока (сведения о Грузии). Тифлис, 1811 (на груз. яз.).
- Шарден Ж.* Путешествие в Грузию. Тбилиси, 1935 (на груз. яз.).
- Шарден Ж.* Путешествие в Персию и другие страны Востока / пер. М. Мгалоблишвили. Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
- Шарден Ж.* Путешествие по Грузии. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Шатберашвили Г.* Сочинения. Тбилиси, 1975. Т. 4 (на груз. яз.).
- Шатбердский сборник // Памятники древнегрузинской литературы. Тбилиси, 1979 (на груз. яз.).
- Шашикадзе З.* Османские налоги в Аджарии // Труды БГУ. Батуми, 2002. Т. 4 (на груз. яз.).
- Швангирадзе Н.* Первый театр европейского типа в Грузии // Театр и жизнь. Тбилиси, 1988. № 5.
- Швелидзе А.* Грузинские народные городские песни. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Шенгелия М.* История грузинской медицины. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Шенгелия М.* Из истории древней колхско-иберийской медицины. Тбилиси, 1980 (на груз. яз.).
- Шенгелия М.* Из истории грузинской медицины. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Шеразадашвили З.* Вопросы из истории физического воспитания. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).
- Шилакадзе И.* Древняя Гурия. Тбилиси, 1941 (на груз. яз.).
- Шилакадзе М.* Грузинские народные музыкальные инструменты и инструментальная музыка. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.).
- Шилакадзе М.* Грузинские народные музыкальные традиции и современность. Тбилиси, 1988 (на груз. яз.).
- Шилакадзе М.* Исполнительское искусство в средневековой Грузии (месакрава) // Аналеби. Тбилиси, 2001. № 1 (на груз. яз.).

- Шилакадзе М.* Краткий учебник музыки Иоанна Багратиони // МЭГ. 2003. Т. 24 (на груз. яз.).
- Шилакадзе М.* Традиционные музыкальные инструменты и грузино-северокавказские этнокультурные взаимосвязи. Тбилиси, 2007 (на груз. яз.).
- Шмерлинг Р.* Архитектурные памятники древних селений Адзикви и Бза // Мацне. 1969. № 2.
- Шнирельман В.А.* Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Шостакович М.* По Раче и Сванетии // ИКОИРГО. 1903. Т. 16.
- Шошитаишвили Н.* К истории развития огнестрельного оружия в Грузии // Историко-политические изыскания. Тбилиси, 1993. Вып. 2 (на груз. яз.).
- Штернберг Л.Я.* Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936.
- Шуквани Ш.* Культура земледелия в Сванети // Сванети. Тбилиси, 1977 (на груз. яз.).
- Эдили З.* Саингило. Тбилиси, 1997 (на груз. яз.).
- Элашвили В.И.* Фехтование в системе военно-физического воспитания грузин // КСИЭ. 1949. Вып. 8.
- Элашвили В.И.* Грузинский народный спорт. Тбилиси, 1956.
- Элашвили В.* Стрельба из лука. Тбилиси, 1959 (на груз. яз.).
- Элашвили В.И.* Сатитени. Тбилиси, 1960.
- Элашвили В.И.* Грузинские горные лыжи // КСИЭ. 1963. Вып. 38.
- Элашвили В.И.* Традиции грузинской народной физической культуры и современность. Тбилиси, 1973.
- Элашвили В.* Грузинская народная педагогика физического воспитания. Тбилиси, 1989 (на груз. яз.).
- Элиава Г.* Топонимический календарь Чхороцкуйского района. Тбилиси, 1983 (на груз. яз.).
- Эммерих Ф.Ф.* Ячмени горных районов различного географического происхождения, их биология, особенности и значение для селекции: Дис. ... канд. биол. наук. Л., 1961.
- Энциклопедия виноградарства. Кишинев, 1986. Т. 2: Кахетинская форма.
- Энциклопедия Грузии. Тбилиси, 1997. Т. 1 (на груз. яз.).
- Эпиграфические памятники Гареджи. Тбилиси, 1999. Т. I, ч. 1: (XI–XVIII вв.) (на груз. яз.).
- Эриашвили Ж.* К вопросу о социальном значении потомственно-родственных терминов в свете восточногрузинских этнографических данных // Исторический сборник. Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Эриашвили Ж. К.* Древнейшие социально-религиозные институты в горных районах Грузии. Тбилиси, 1982 (на груз. яз.).
- Эриашвили Ж.* К социальной структуре населения в Пшав-Хевсурети (джвариони/хатиони) // Мацне. Тбилиси, 1986. № 1 (на груз. яз.).
- Эриашвили Ж.* К вопросу этносоциальной структуры древнего населения нагорья Восточной Грузии. Тбилиси, 2001 (на груз. яз.).
- Эриашвили Ж.* Механизм включения индивида (подростка) в общественную жизнь в процессе социализации в традиционном обществе горных регионов Грузии (по этнографическим материалам) // Логос. Тбилиси, 2008. № 5 (на груз. яз.).
- Эриксон Э.В.* К антропологии грузин // РАЖ. 1905. № 3–4.
- Эристави Р.* Фольклорно-этнографические статьи. Тбилиси, 1986 (на груз. яз.).
- Эристави-Хоштария А.Г.* Рассказы. Тбилиси, 1953.
- Эристов Р.* Имерети в сельскохозяйственном отношении. Тифлис, 1876.
- Эристов Р.Д.* О Тушино-пшаво-хевсурском округе // ЗКОИРГО. Тифлис, 1855. Кн. III.
- Эсадзе С.* Историческая записка об управлении Кавказом. Тифлис 1907. Т. 1–2.
- Якобсон А.* Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // Материалы и исследования по археологии СССР. 1950. № 17.

- Якубцинер М.М.* Сортовые и видовые богатства пшениц мира и их использование // Вопросы географии культурных растений и Н.И. Вавилов. М., 1966.
- Яшвили А.* Народная медицина в Закавказском крае. Тифлис, 1904.
- Яшвили М.* Материалы к социально-экономической истории Грузии: (Книги приданого). Тбилиси, 1974 (на груз. яз.).
- Aleksidse Z.* Kaukasien und der christliche Orient zwischen 451 und 780 // *Georgica*. Jena; Tbilissi, 1981. Vol. 4.
- Aleksidse Z.* The Patriarchate of Georgia: History, Spiritual Tradition, Art // *The Splendour of Orthodoxy, 2000 Years, History, Monuments, Art // Patriarchates and Autocephalous Churches*. Athens, 2000. Vol. II.
- Amiranashvili Ch.* Sztuka gruzinska. Warszawa, 1973.
- Amiranashvili Ch.* L'Art des Ciseleurs Georgies. Prague, 1971.
- Amiranashvili Ch.* Les émaux de Géorgie. P., 1962.
- Brosset M.F.* Rapports sur un Voyage archeologique dans la Georgie et dans l'Armenie, execute en 1847–1848: 3 vol. SPb., 1849–1851.
- Chitaia G.* Ackerbaugeräte und Arten der Bodenbestellung in Georginen. Moskau, 1960 (XXV Internationaler Orientalisten-Kongress: Vorträge der Delegation der USSR).
- Croufoot G.M.* Textiles, basketry and mats, a history of technology. Oxford, 1956.
- Corbo V.* Gli scavi di Khirbet Siyar el Ghanam (Campo dei Pastori) e i monasteri dei dintorni // *Publicazioni dello Studium Biblicum Franciscanum*. Jerusalem, 1955. 11.
- Dubois de Montpereux.* Voyage autour du Caucase. P., 1839.
- Forbes R.* Studies in ancient Technology. Leiden, 1955. Vol. 3.
- Galpin F.* The Music of the Sumerians and their Immediate Successors the Babylonians and Assyrians. Cambridge, 1937.
- Gamkrelidze Th.V.* Alphabetic Writing and the Old Georgian Script // *A Typology and Provenience of Alphabetic Writing Systems*. New York, 1994.
- Gardy A.* Royal Etranger, legionnaires cavaliers au combat 1921–1984. Presses de la Cite, 1985.
- Gishkariani N.A.* Hemodin, new Organo-Preparation. Attelboro, 1941.
- Gluck W.* The seven season of archaeological Exploration in Negen // *BASOR*. 1958. № 152.
- Gordon K.* A Curious Life – The Biography of Princess Peggy Abkhazi. Sononis Press, Canada, 2002.
- Hubschmid J.* Schlauche und Fasser. Bern, 1955.
- Klaproth Y.* Beschreibung der Russischen Provinzen zwischen dem Kaspischen und Schwarzen Meerem. Berlin, 1814.
- Le Cinéma géorgien // sous la direction de Jean Radvanyi*. P., 1988.
- Machabeli K.* Early Medieval Stelae in Georgia in the Contexte of East Christian Art // *Ancient Christianity in the Caucasus*. Richmond, 1998. (Iberica Caucasia. 1).
- Martin-Hisard B.* Christianism et Église dans le monde géorgienne // *Histoire du christianism*. 1993. № 3–4.
- Mourier J.* La Mingrelie. Odessa, 1883.
- Muskhelischvili D.* Zur ethnischen Herkunft der Bevölkerung des Landes Daiaeni/ Diaoxi // *Georgia*. Aachen, 2004. № 27.
- Nasidze I., Ling E.Y.S., Quinque D., Dupanloup I., Cordaux R., Rychkov S., Naumova O., Zhukova O., Sarraf-Zadegan N., Naderi G.A., Sardas S., Farhud D.D., Sarkisian T., Asadov C., Kerimov A., Stoneking M.* Mitochondrial DNA Y-Chromosome Variation in the Caucasus // *Annals of Human Genetics*. 2004: 68.
- Nasidze I., T. Sarkisian, Asadov C., Kerimov A., Stoneking M.* Testing hypotheses of language replacement in the Caucasus: Evidence from the Y-chromosome // *Am. J. Hum. Genet*. 2003: 112.

- Otkhmezuri T.* Greek Literature and Georgian Translation Tradition in the 17th–18th Centuris // Philhellenische Studien. Frankfurt am Main, 2007. Bd 13: Ausdrucksformen des europaischen und internationalen Philhellenismus von 17.19. Jahrhundert, Herausgegeben von 4 Evangelos Konstantinou, Peter Lang.
- Sanskrit-Wörterbuch / Otto von Bötlinck (fünften teil). St. Petersburg, 1884.
- Tamarati M.* L'église géorgienne des origins jusqu'a nos jours. Rome, 1910.
- Who is who in american aviation. N.Y., 1943 .
- Wozniak A.* Stowarysszenia i organizacje gruzinscie w Polsce w latach 1918–1939 // Pro-“Georgia”. Warszawa, 1991.
- Zemtsovsky I.* Polyphony as a way of creating and thinking: The musical identity of homopolyphonic // The First International Simposium on Traditional Polyphony. Tbilisi, 2002.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АЗКНА	– Агентство защиты культурного наследия Аджарии
АКАК	– Акты Кавказской археографической комиссии, Тифлис
АН	– Академия наук
БГУ	– Батумский государственный университет
БИПР	– Библиотека иностранных писателей о России
ВГМГ	– Вестник Государственного музея Грузии, Тбилиси
ВГО	– Всесоюзное географическое общество
ВДИ	– Вестник древней истории
ВМГ	– Вестник Музея Грузии, Тбилиси
ВНМГ	– Вестник Национального музея Грузии, Тбилиси
ВУФКУ	– Всеукраинское фотокиноуправление (1922–1930)
ГДТ	– Государственный драматический театр
ГКЧП	– Государственный комитет по чрезвычайному положению
ГПЦ	– Грузинская православная церковь
ГСЭ	– Грузинская Советская Энциклопедия
ДУМЗ	– Духовное управление мусульман Закавказья
ЗКОИРГО	– Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества, Тифлис
ИКОИРГО	– Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества, Тифлис
ИЭА	– Институт этнологии и антропологии
ИЯИМК	– Институт языка, истории и материальной культуры
КОСХ	– Кавказское общество сельского хозяйства
КСИЭ	– Краткие сообщения Института этнографии, Москва
КЭС	– Кавказский этнографический сборник
МАЭ РАН	– Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
МИЭБГКЗК	– Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, Тифлис
МУКЛЗПИСК	– Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе, Тифлис
МЦХИПЦГ	– Международный центр христианских исследований при Православной церкви Грузии
МЭГ	– Материалы по этнографии Грузии, Тбилиси

НАН	– Национальная академия наук
НБВЗПИ	– Научные беседы врачей Закавказского повивального института, Тифлис
НИИ	– Научно-исследовательский институт
НМГ	– Национальный музей Грузии, Тбилиси
НЦР	– Национальный центр рукописей
ОБСЕ	– Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООН	– Организация Объединенных Наций
ПАПЦ	– Польская автокефальная православная церковь
ПИИЭ	– Полевые исследования Института этнографии
ПМА	– Полевые материалы автора
ППС	– Православный Палестинский сборник, СПб.
ПЭ	– Православная энциклопедия, Москва
РАЖ	– Русский антропологический журнал
РАН	– Российская академия наук
РАХ	– Российская академия художеств
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГНФ	– Российский гуманитарный научный фонд
РЭМ	– Российский этнографический музей
СА	– Советская археология
СГК	– Сборник газеты «Кавказ», Тифлис
СГР	– Союз грузин в России
СМАЭ	– Сборник Музея антропологии и этнографии
СМИЭБГКЗК	– Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края, Тифлис
СМОМПК	– Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис
СЭ	– Советская этнография, Москва
ТГУ	– Тбилисский государственный университет
ТИИ	– Труды Института истории, Тбилиси
ТИЭ	– Труды Института этнографии, Москва
ТКОСХ	– Труды Кавказского общества сельского хозяйства, Тифлис
ТПБГС	– Труды по прикладной биологии, генетике и селекции
ФЗЭНГ	– Фонд защиты этнографического наследия Грузии
ФИПРЕССИ (FIPRESCI)	– Международная федерация кинопрессы, объединяющая кино-критиков и киноведов; фр. Fédération internationale de la presse cinématographique
ЦАА	– Центральный архив Аджарии
ЦИАГ	– Центральный исторический архив Грузии
ЦИК	– Центральный исполнительный комитет
ЭФ	– Этнографический фонд

англ. – английский
англосакс. – англосаксонский
груз. – грузинский
ингил. – ингилойский
имер. – имеретинский
лат. – латинский
мегр. – мегрельский
месх. – месхетинский
мохев. – мохевский
нем. – немецкий
перс. – персидский

польск. – польский
пшав. – пшавский
сван. – сванский
семит. – семитский
старонорм. – старонорманский
туш. – тушинский
тур. – турецкий
урарт. – урартийский
франц. – французский
хат. – хаттский
хевс. – хевсурский
хур. – хурритский

СПИСОК АВТОРОВ

- АБАКЕЛИЯ Нино – доктор исторических наук; профессор Государственного университета Ильи
- АБЕСАДЗЕ Нанули – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- АЗИКУРИ Нанули – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- АЛАВЕРДАШВИЛИ Кетеван – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- АЛЕКСИДЗЕ Заза – доктор исторических наук; академик НАН Грузии; главный научный консультант НЦР; профессор ТГУ им. И. Джавахишвили
- БАГРАТИОН-ДАВИТАШВИЛИ Георгий – доктор истории (PhD); архитектор; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- БАРАМИДЗЕ Руслан – академический доктор истории (PhD in History); старший научный сотрудник отделения этнологических и социологических исследований Института им. Н. Бердзенишвили БГУ Шота Руставели
- † БЕДУКАДЗЕ Ламара – доктор истории (PhD); старший научный сотрудник НМГ
- БЕЗАРАШВИЛИ Циала – доктор истории (PhD); консультант НМГ
- БЕРИАШВИЛИ Лиана – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- БИТАДЗЕ Лиана – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, зав. лабораторией антропологических исследований Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили
- БОКУЧАВА Тамара – доктор искусствоведческих наук, профессор ТГУ театра и кино им. Шота Руставели
- † БРЕГАДЗЕ Нели – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- БУРДУЛИ Медея – доктор истории (PhD); профессор Государственного университета Самцхе-Джавахети
- † ГАБУНИЯ Леван – кандидат исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- ГАМБАШИДЗЕ Нино – доктор истории (PhD); старший научный сотрудник отдела этнологии Грузии Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили
- ГАМКРЕЛИДЗЕ Тамаз – доктор филологических наук; академик НАН Грузии; почетный президент НАН Грузии; профессор; руководитель Института теоретической и прикладной лингвистики ТГУ им. И. Джавахишвили

- ГАСИТАШВИЛИ Гурам – доктор истории (PhD); куратор фонда деревянных изделий НМГ
- † ГЕГЕШИДЗЕ Михаил – доктор исторических наук; главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили
- ГЕЛАДЗЕ Тамара – доктор истории (PhD); консультант НМГ
- ГИОРГАДЗЕ Дали – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- ГОГИАШВИЛИ Анзор – младший научный сотрудник, ассистент-куратор фонда металлических изделий НМГ
- ГОГОЛАДЗЕ Тамаз – академический доктор истории (PhD in History), научный сотрудник Департамента источниковедения и дипломатии НЦР
- ГОЦИРИДЗЕ Георгий – доктор исторических наук; профессор ТГУ им. И. Джавахишвили; главный научный сотрудник Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили
- ДАУШВИЛИ Александр – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- ДАУШВИЛИ Русудан – доктор истории (PhD); профессор ТГУ им. И. Джавахишвили; профессор Грузинского университета им. Андрея Первозванного
- ДЖАВАХАДЗЕ Нанули – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- ДЖАЛАБАДЗЕ Натиа – доктор истории (PhD); старший научный сотрудник отдела этнологии Кавказа Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили
- ДУЛАРИДЗЕ Латавра – киновед; профессор Духовной семинарии во имя св. Авива Некресского в Греми
- ЗАНДУКЕЛИ Маквала – доктор истории (PhD); консультант НМГ
- ИВЕЛАШВИЛИ Тина – доктор исторических наук; профессор Государственного университета Самцхе-Джавахети
- ИТОНИШВИЛИ Валериан – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- КАКАБАДЗЕ Цисана – доктор истории (PhD); консультант НМГ
- КАНДЕЛАКИ Марина – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- КАНТАРИЯ Медея – доктор исторических наук, научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- КАПИАНИДЗЕ Мамука – академический доктор истории (PhD in History); куратор фонда оружия НМГ
- † КУРДИАНИ Михаил – доктор филологических наук; профессор ТГУ им. И. Джавахишвили
- ЛЕВИДЗЕ Лери – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- МАЙСУРАДЗЕ Нино – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- † МАКАЛАТИЯ Мзия – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НМГ

- МГЕБРИШВИЛИ Лали – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- МЕЛИКИШВИЛИ Лия – доктор исторических наук; член-корреспондент НАН Грузии, председатель Ученого совета Международного научно-исследовательского института народов Кавказа
- МИНДАДЗЕ Нино – доктор исторических наук; главный научный сотрудник Института истории и этнологии ТГУ им. И. Джавахишвили
- МИРИАНАШВИЛИ Лейла – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- МИРОТАДЗЕ Натиа – научный сотрудник Департамента текстологии и кодикологии НЦР
- МУСХЕЛИШВИЛИ Давид – доктор исторических наук; академик НАН Грузии; председатель Комиссии по истории, археологии и этнологии НАН Грузии; председатель правления Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- НАДИРАДЗЕ Эльдар – доктор исторических наук; главный куратор Департамента этнографии и истории НМГ
- НАТМЕЛАДЗЕ Маквала – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- † ОЧИАУРИ Тинатин – доктор исторических наук; главный научный сотрудник Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили
- ПУТКАРАДЗЕ Тамаз – доктор исторических наук; профессор БГУ Шота Руставели, заведующий отделом Архивного управления Аджарии
- † РУХАДЗЕ Джульетта – доктор исторических наук; научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- СИХАРУЛИДЗЕ Кетеван – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- СОЛОВЬЕВА Любовь – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН
- СТЕПАНОВ Валерий – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН
- СУЛАВА Нестан – доктор филологии (PhD); профессор Государственного университета Самцхе-Джавахети
- СУЛХАНИШВИЛИ Михаил – специалист по системам геоинформации, научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- † СУРГУЛАДЗЕ Ираклий – доктор исторических наук; главный научный сотрудник; зав. отделом духовной культуры и религии Института истории и этнологии им. И. Джавахишвили, член Ученого совета Международного научно-исследовательского института народов Кавказа
- УЗУНАДЗЕ Реваз – академический доктор истории (PhD in History); профессор, директор Батумского медико-педагогического колледжа
- ХАЗАРАДЗЕ Мадонна – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- ЦАГАРЕЙШВИЛИ Тамила – доктор исторических наук, куратор Научно-познавательного центра Музея под открытым небом им. Г. Читая НМГ; член Комиссии по истории, археологии и этнологии НАН Грузии

- ЦИЦИШВИЛИ Мая – доктор истории (PhD); профессор ТГУ им. И. Джавахишвили; старший научный сотрудник Национального центра исследований истории грузинского искусства и защиты памятников им. Г. Чубинашвили
- ЧАНЧАЛЕЙШВИЛИ Лали – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- ЧИКОВАНИ Гульдам – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии
- † ЧИТАЯ Георгий Спиридонович – доктор исторических наук; академик НАН Грузии; зав. отделом этнографии Грузии Института истории и этнографии им. И. Джавахишвили
- † ЧОЛОКАШВИЛИ Константин – доктор истории (PhD); консультант НМГ
- ЧХЕИДЗЕ Лариса – академический доктор искусствоведения (PhD in Art History)
- † ШАМИЛАДЗЕ Вахтанг – доктор исторических наук; член-корреспондент НАН Грузии, профессор ТГУ им. И. Джавахишвили
- † ШИЛАКАДЗЕ Манана – доктор исторических наук; профессор Государственной консерватории им. В. Сараджишвили
- † ЭРИАШВИЛИ Жужуна – доктор истории (PhD); научный сотрудник Центра изучения и пропаганды истории, этнологии и религии

Панорама Тбилиси
Фото Л. Соловьевой, 2009 г.

Мтиულети, с. Млета
© Фото Л. Меликишвили, 2010 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Джвари – храм св. Креста
Картли, 586–604 гг.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Хевсурети, с. Шатели
Фото Р. Нацвлишвили, 2005 г.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Крепость Хертвиси

Ахалцихский район, X–XII вв.

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Гелатский монастырь

Имерети, XII–XIII вв.

© Личный архив М. Дидебулидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Болнисский Сион

Квемо Каргли, V в.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Монастырь Шуамта

Кахети, VII в.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Храм Ошки

Тао-Кларджети, Турция, X в.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Селение Мулахи

Сванети, XI–XII вв.

© Личный архив М. Дидебулидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Батумский порт

Фото Д. Ермакова. 1897 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Город Поты. Грузовой порт

© Фото Р. Узунадзе, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Мост

Аджария, Шуахевский район, с. Хабелашвили, XX в.

© АЗКНА. Фото Н. Мепаришвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Мост Чолабури

Имерети, Зестафонский район, с. Чалатке, XI–XII вв.

© Фото Г. Барисашвили, 2010 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Стога сена

Сванети, с. Местия

© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Кошара

Ахалцихский район, с. Вале

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Н. Пироманишвили (1860–1918). Гумно. 1914–1915 гг.

Картон, масло

© НМГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Перевозка дров

Кахети, Телавский район

Фото Л. Соловьевой, 2010 г.

В мандариновом саду
Хелвачаурский район, с. Тхилнари
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Урожай тыкв
Ахалцихский район, с. Вале
© Фото Л. Меликишвили, 2010 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Террасы под виноградники у храма Цунда
Самцхе-Джавахеги, с. Цунда
© Фото Г. Барисашвили, 2003 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Террасы в Месхети
© Фото Г. Барисашвили, 2009 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Баклава – традиционная праздничная выпечка
Хелвачаурский район, с. Тхилнари
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Плетеный ритуальный сыр
Сванети
© Фото Л. Меликишвили, 2010 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Новые *квеври* в гончарной печи
Имерети
© Фото Г. Барисашвили, 2013 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Глазуванная керамика
 Картли, г. Гори, 1980-е годы
 © НМГ. ЭФ 14-10
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Кувшины
 Кахети, Картли
 Рис. Н.П. Браиладзе (1899–1991), 1950 г.
 Бедукадзе, 1964г

Солонка
Дерево, резьба
 Картли. Конец XIX в.
 © НМГ. ЭФ С. 49-1
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Самогонный аппарат
Медь
 Имерети. 1930-е годы
 © НМГ. ЭФ В 16-8-23
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Воин в доспехах, с мечом и копьем
Псалмуни/Псалтырь «Давитни», XV в.
Чолокашвили, 1964

Металлический щит
Хевсурети, конец XIX в.
© НМГ. ЭФ9-24-2
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Поручи хелнави
Железо; ковка, золочение, чернение
Тбилиси, XIX в.
© НМГ. ЭФ 64-26-17
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Воин с пращей
Псалмуни/Псалтырь «Давитни», XV в.
Чолокашвили, 1964

Сабля *горда*

Булатная сталь, дерево, кожа; ковка, золочение

Тбилиси, XVIII в.

© НМГ, ЭФ 62-24-1

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Пистолет

Булатная сталь, дерево, кожа; ковка, золочение

Тбилиси, XVIII в.

© НМГ, ЭФ 62-24-2

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Кинжал

Мастер Филу Дзадзамидзе

Железо, серебро; ковка, золочение, чернение

Тбилиси, XIX в.

© НМГ, ЭФ 6- 69-1

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

М. Тильке (1869–1942). Грузинка. 1913 г.
Бумага, акварель
© НМГ
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Женщины из с. Геби
Верхняя Рача
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1949–1959
© ФЗЭНГ, рис. 42
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Дети в традиционных
грузинских костюмах
Праздник Тбилисoba
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Мужской костюм
Хевсурети, XIX в.
© НМГ. ЭФ 1949-26 т.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Женский костюм
Хевсурети, XIX в.
© НМГ. ЭФ 1949-21
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Фольклорный ансамбль в национальных костюмах
Праздник Тбилисоба
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

Навершие штандарта вождя: стилизованный лев
Золото; литье в опоке после выплавки восковой фигурки
 Хахети, с. Цнори, курган № 2. Вторая половина III тыс. до н.э.
 Раскопки К.Н. Пицхелаури, Ш.Ш. Дедабришвили
 © НМГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Височные подвески
Золото; ковка, чеканка, пайка
 Тифлисская губ., Душетский у.,
 Ахалгорийский участок, с. Садзегури.
 IV в. до н.э.
 © НМГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Ожерелье с ажурной пекторалью и подвесками
Золото; ковка, чеканка, пайка
 Хахети, с. Ананаури. Вторая половина III тыс. до н.э.
 © НМГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Височные подвески
Золото; ковка, чеканка, пайка
 Западная Грузия, Ванский муниципалитет,
 г. Вани. Первая половина IV в. до н.э.
 © НМГ
 © საქართველოს მეცნიერებათა
 ეროვნული აკადემია

Пояс

Серебро, кожа; плавка, ковка, чеканка, золочение, чернение
 Самцхе-Джавахеტი, г. Ахалцихе, XIX в.

© НМГ. ЭФ 49-7-1

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Пояс карачохели

Серебро, кожа; плавка, ковка, чеканка, золочение, чернение
 Тбилиси, XIX в.

© НМГ. ЭФ 49-7-2

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Синяя скатерть

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1963 г.
Браилашвили, 1964

Безворсовый ковер *пласи*

Шерсть

Тушети, 1990-е годы

Фото Г. Гулелаури, 2006 г.

© Личный архив Г. Цоцанидзе

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Киса – женские кошельки

Ткань, кожа, шерсть, шелк, бисер; вышивка
Картли, Кахетии, Имерети, г. Тбилиси, XIX в.
© НМГ. ЭФ 2.14-01к
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

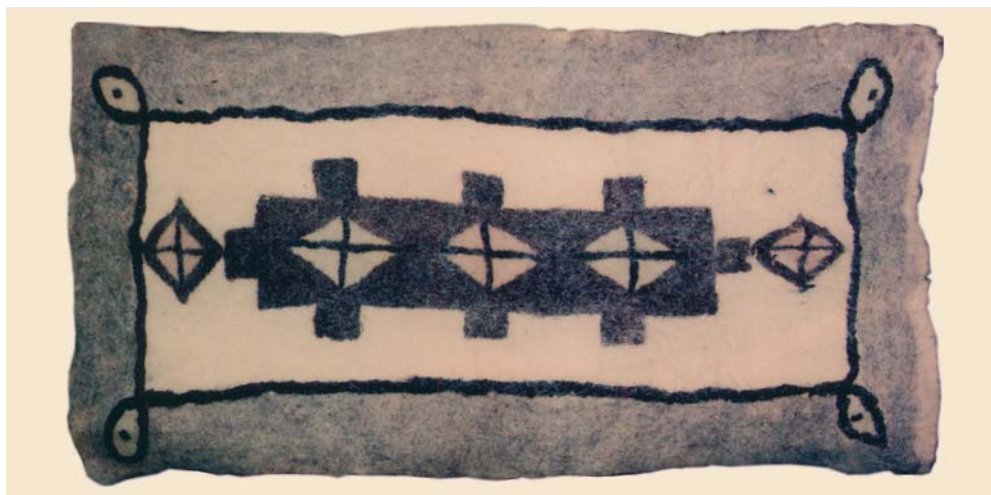
Традиционная вязаная обувь

Автор Н. Азикури
Фото Г. Гулелаури, 2006 г.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Войлочный ковер

Автор Н. Азикури
Фото Г. Гулелаури, 2006 г.
© Личный архив Г. Цоцанидзе
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Кукла. Хевсурети
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930 г.
Гогоберидзе, 1964

Кукла. Картли
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930 г.
Гогоберидзе, 1964

Колыбель *лахена*
Сванети, с. Ушгули
© Фото Л. Меликишвили, 2011 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Кукла. Хеви
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930 г.
Гогоберидзе, 1964

Кукла. Сванети
Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1930 г.
Гогоберидзе, 1964

Колыбель *аквани*
Аджария, середина XX в.
Фото Л. Соловьевой, 2005 г.

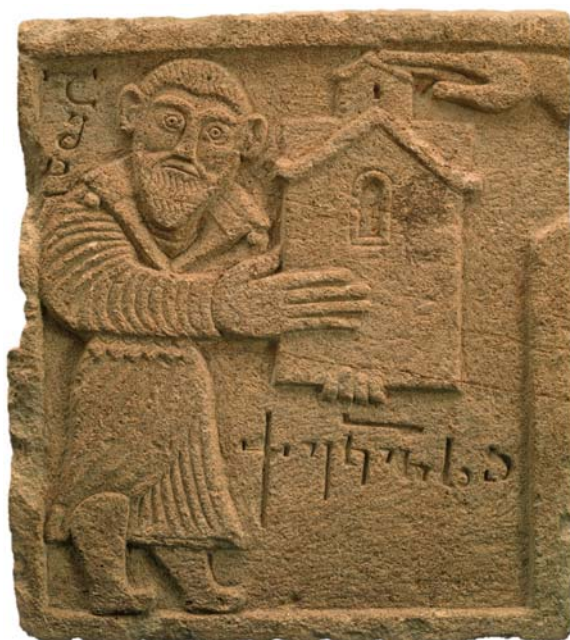

Шно-Мгвимский монастырь

Картли, VI в.

© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Ашот Куропалат

Барельеф на стене Опизского монастыря
св. Иоанна Крестителя. IX в.

Амиранавили, 1950

Дорога на Голгофу
 Гелатское Четвероевангелие, XII в.
 © НЦР. Q-908
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
 აკადემია

Архангел Михаил уносит Амбакура
 Псалтырь/Псаломь, XIII–XV вв.
 © НЦР. H-1665
 © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
 აკადემია

Икона просветительницы Грузии св. Нино.
XVII–XVIII вв.

Дерево, левкас, темпера

Шио-Мгвимский монастырь, Каргли

© НМГ, Музей искусств Грузии им. Ш.Я. Амиранашвили

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

Крест св. Нино из виноградной лозы. IV в.

Оклад XVIII в. *Серебро*

Тбилиси, Сионский кафедральный собор

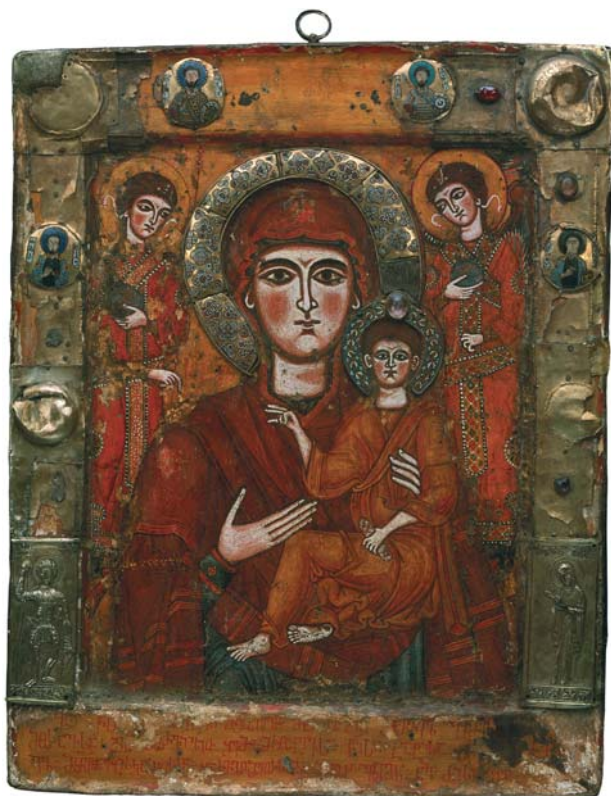
© МЦХИПЦГ

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული
აკადემია

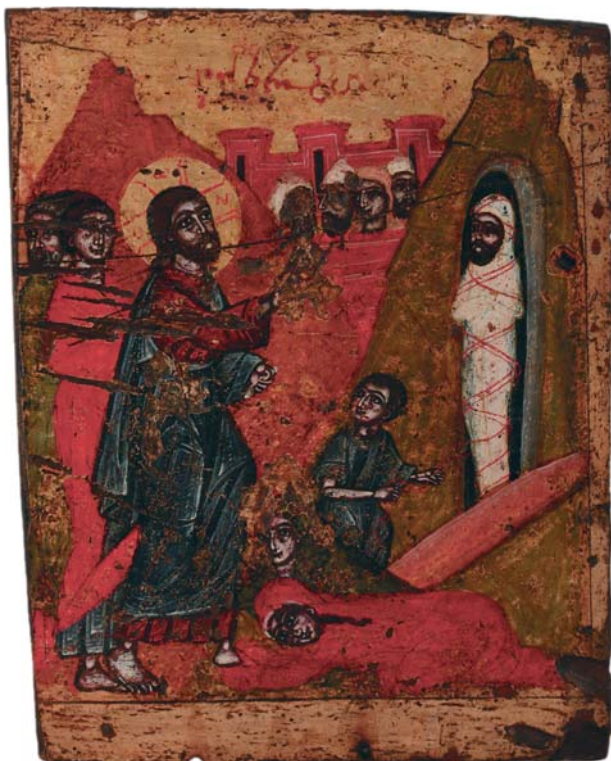
Икона «Цилканская Богоматерь». IX–XIII вв.

Золото, серебро, дерево, левкас, темпера; золочение, чеканка, перегородчатая эмаль
Amiranashvili, 1971

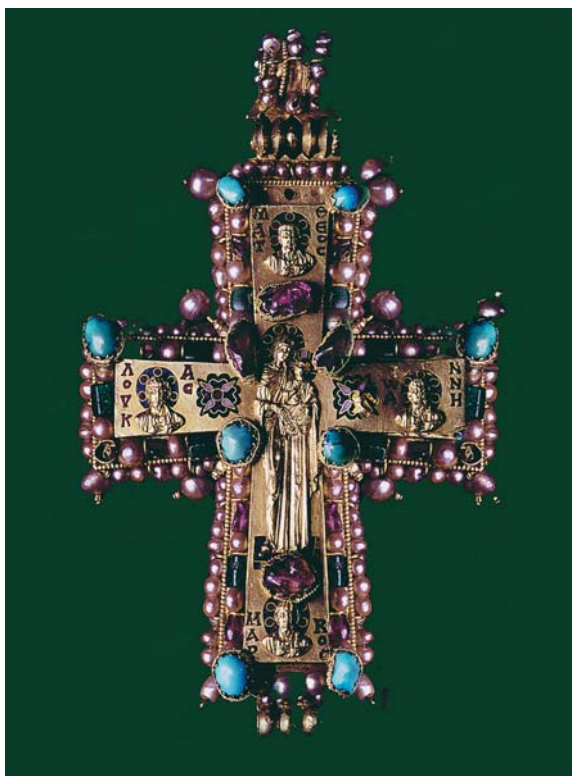
Икона «Воскрешение Лазаря» XVII в.

Дерево, левкас, темпера
Картли, храм Урбниси
© НМГ, Музей искусств Грузии
им. Ш.Я. Амиранашвили
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Хахульский триптих. XII в.

Золото, сплав золота и серебра,
драгоценные и полудрагоценные
камни, жемчуг; ковка, чеканка,
позолота, перегородчатая
разноцветная эмаль
Amiranashvili, 1971

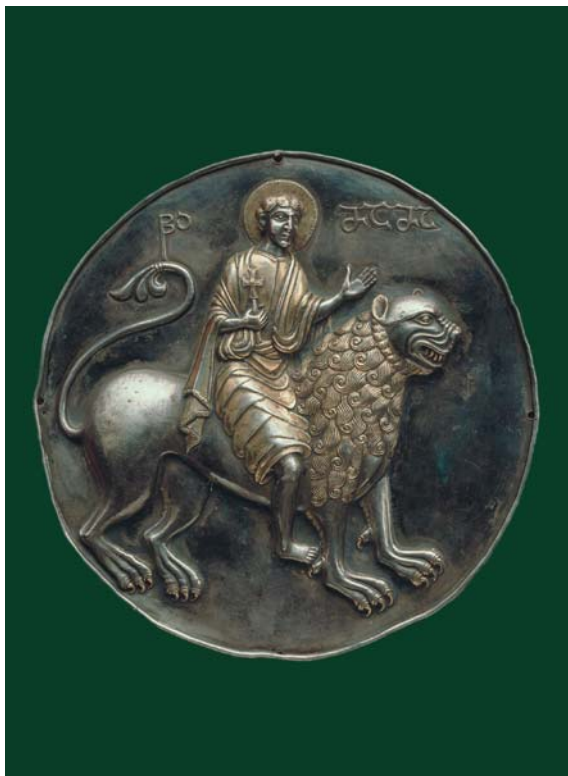

Пектораль – крест из Мартвили. IX в.
Золото; чеканка
Amiranashvili, 1971

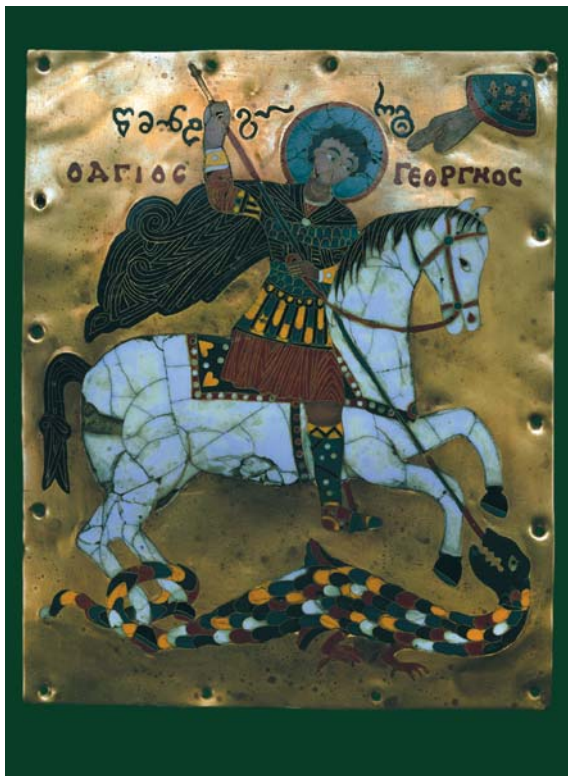

Мартвильская панегия. X в.
Золото, перегородчатая эмаль
Amiranashvili, 1971

Тондо с изображением св. Мамаи.
VI в.
Серебро; золочение, чеканка
Гелатский монастырь
Amiranashvili, 1971

Святой Георгий. XV в.
Золото; перегородчатая эмаль
Amiranashvili, 1971

Сельское кладбище

Картли

© Фото Л. Меликишвили, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Надгробный камень

Квемо Картли, Цалка

© Фото Л. Меликишвили, 2008 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Надгробный камень

Квемо Картли, Цалка

© Фото Л. Меликишвили, 2008 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Ежевичный куст (*макловани*), где проповедовала св. Нино, и часовня св. Нино в монастыре Самтавро

Картли, г. Мцхета

© Фото Л. Меликишвили, 2013 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Встреча с Католикосом-Патриархом Всея Грузии

Слева направо: митрополит Ахалцихский и Тао-Кларджетский Теодоре (Федор), Католикос-Патриарх Всея Грузии Илия II, президент Союза грузин России М.М. Хубутия

Москва, 2013 г.

© Архив СГР

Новая мечеть

Аджария, с. Дидачара, 2002 г.

© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Религиозное оформление брака *никах* в мечети

г. Батуми

© Фото Р. Барамидзе, 2009 г.

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

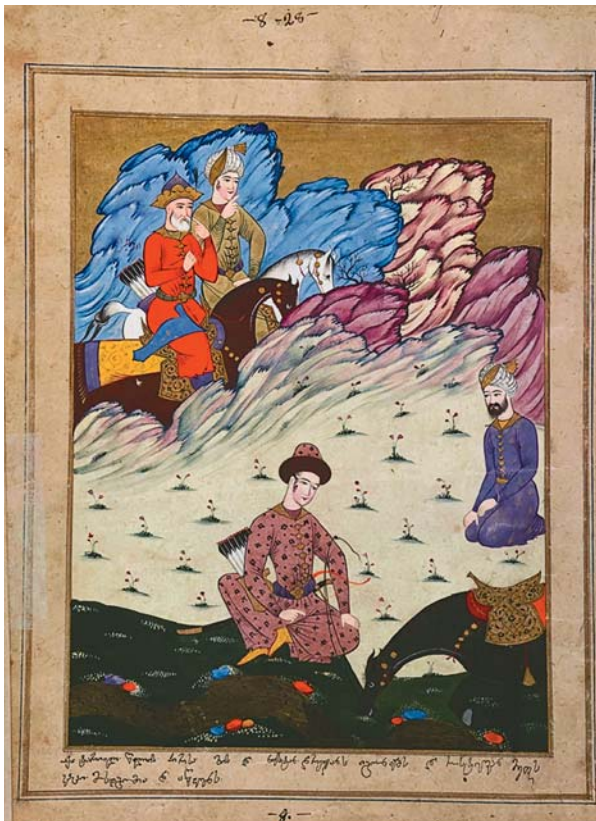
Урок в медресе при мечети с. Горджоми
Аджария
© Фото Р. Барамидзе, 2008 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Заупокойная молитва *джаназа*
Аджария, с. Мекеидзееби
© Фото Р. Барамидзе, 2008 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Царь Давид IV Агмашенебели
(Строитель) (1073–1125)
Фреска, XII в.
г. Кутаиси, Гелатский монастырь
© МЦХИПЦГ
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Шота Руставели. Витязь в
тигровой шкуре. XVIII в.
© НЦР. S-5006
© საქართველოს მეცნიერებათა
ეროვნული აკადემია

Мастер-класс в мастерской Зураба
Церетели
Москва, 2012 г.
© Архив СГР

Нико Пиросманишвили (1860–1918).
Девочка с воздушным шаром.
1910–1912 гг.
Холст, масло
Амиранашвили, 1967

Тари – щипковый музыкальный инструмент

Корпус из тутовника, гриф вишневый, мембрана из пузыря или кожи рыбы, струны из сушеных тонких кишок
Тбилиси, XIX в.

© НМГ. ЭФ 2006-7

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

*Саз*и – щипковый музыкальный инструмент

Корпус из тутовника, гриф вишневый, мембрана из ореха
Тбилиси, XIX в.

© НМГ. ЭФ 2006-8

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

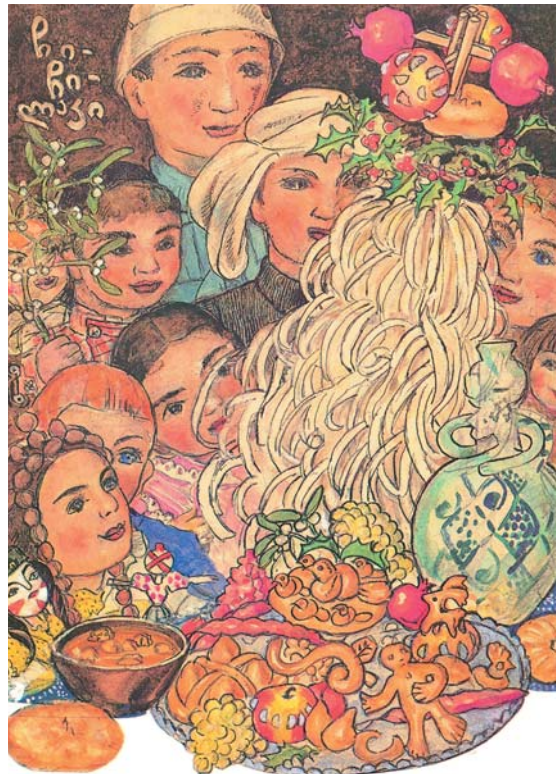
Диплитно – конусообразные односторонние барабаны

Дерево или керамика, кожа ягненка или козы

Тбилиси, 1930-е годы

© НМГ. ЭФ 2006-3

© © საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

ჭიჭილაკი

Западная Грузия

Рис. Н.П. Браилашвили (1899–1991), 1950 г.

© ФЗЭНГ, рис. 242

© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Сцена из спектакля «Сезон охоты»
Театр им. Шота Руставели. Режиссер Р. Стура
© Фото Т. Кахаишвили, 2011 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

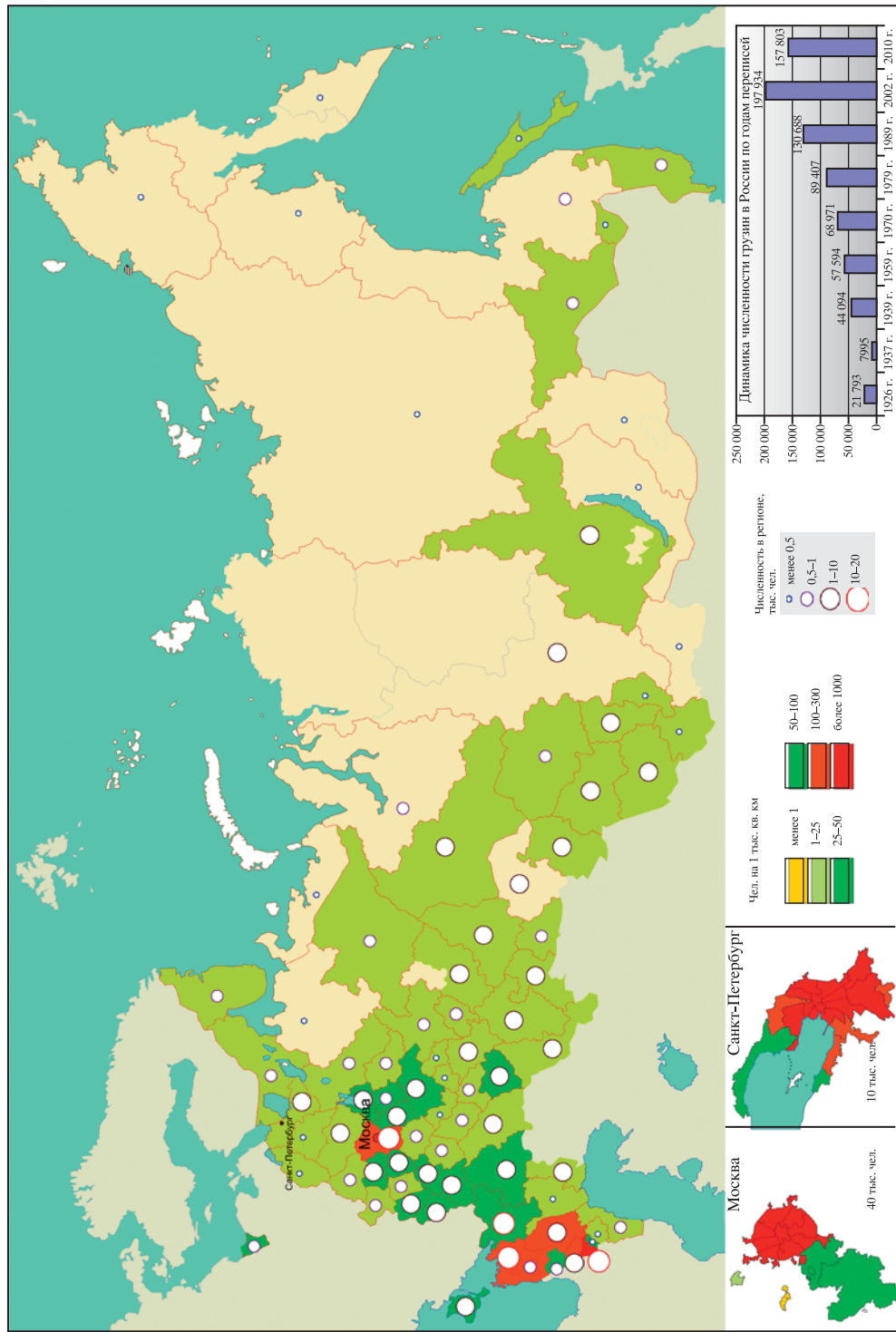
Режиссер театра им. Шота Руставели Роберт Стура
© Фото Т. Кахаишвили, 2013 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Танец «Хоруми». Грузинский национальный балет
© Архив Грузинского национального балета
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Сцена из спектакля «Человек ли он?»
Театр им. Шота Руставели. Режиссер Р. Стура
© Фото Т. Кахаишвили, 2011 г.
© საქართველოს მეცნიერებათა ეროვნული აკადემია

Расселение грузин по регионам Российской Федерации
ИЭА РАН, 2014. Автор В.В. Степанов

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (Л. Бериашвили, Л. Меликишвили, Л. Соловьева, В. Тишков)	5
--	---

Глава 1

ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Ранние этапы этнической истории (Д. Мухелишвили)	12
Средневековая Грузия V–XVIII веков (Д. Мухелишвили)	26
Грузия в XIX – начале XX века (Д. Мухелишвили)	41
Грузия в XX веке (Д. Мухелишвили)	44
Грузия на рубеже XX–XXI веков (А. Даушвили)	47
Географический фактор и социально-политическая структура Грузии (Д. Мухелишвили)	51
Историческая демография (М. Натмеладзе, А. Даушвили)	59
Историко-антропологические сведения (Л.О. Битадзе)	63

Глава 2

ПИСЬМЕННАЯ КУЛЬТУРА

Происхождение письменности (Т. Гамкrelидзе)	75
Язык и письменность (М. Курдиани)	82
Рукописная культура (Н. Миротадзе)	86
Эпиграфика (Т. Гоголадзе)	95
Богословско-литературные и просветительские центры (Н. Сулава)	98

Глава 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Поселения (Г. Чиковани, Г. Багратион-Давиташвили)	109
Жилище (Г. Багратион-Давиташвили)	117
Традиционные общественно-культурные центры в горных регионах (Г. Багратион-Давиташвили)	133
Одежда (Ц. Безарашвили)	138
Оружие (К. Чолокашвили, М. Капианидзе)	153
Система питания (Г. Гоциридзе)	163
Дороги и мосты (М. Кантария)	178
Транспорт (М. Кантария)	186
Мореходство (Т. Путкарадзе, Р. Узунадзе)	195

Глава 4

ХОЗЯЙСТВО

Практика традиционного лесопользования (Т. Цагарейшвили)	201
Пчеловодство (Н. Брегадзе)	206
Охота (Л. Левидзе)	210
Рыболовство (Л. Мирианашвили)	217

Земледельческая культура	225
Особенности природно-хозяйственной среды и традиция зонального расположения земледельческих культур (<i>Л. Бериашвили</i>)	225
Земледелие и земледельческий быт (<i>Н. Брегадзе, Дж. Рухадзе</i>)	229
Земледельческие орудия (<i>Н. Брегадзе</i>)	253
Народная агротехника (<i>Н. Брегадзе</i>)	262
Террасное земледелие (<i>Л. Бериашвили</i>)	268
Орошение (<i>М. Гегишидзе</i>)	275
Виноградарство и виноделие (<i>Л. Габуния</i>)	281
Садоводство (<i>Л. Бериашвили</i>)	305
Огородничество (<i>Л. Бериашвили</i>)	310
Скотоводство	320
Равнинное и горное скотоводство (<i>М. Макалатия, В. Шамиладзе</i>)	320
Пастбища и хозяйственные базы (<i>М. Макалатия, В. Шамиладзе</i>)	328
Скотоводческая обрядность (<i>М. Макалатия, В. Шамиладзе</i>)	329
Овцеводство (<i>Н. Брегадзе</i>)	330
Кавказская овчарка и ее роль в овцеводстве (<i>Н. Азикури</i>)	332
Коневодство (<i>М. Хазарадзе</i>)	336
Птицеводство (<i>Н. Брегадзе</i>)	343

Глава 5

ПРОМЫСЛЫ И РЕМЕСЛА

Организация ремесленного производства (<i>Г. Гоциридзе</i>)	348
Обработка металла, ювелирное искусство	354
Кузнечное ремесло (<i>А. Гогиашвили</i>)	354
Златокузнечество (<i>Г.С. Читая</i>)	359
Обработка меди (<i>Ц. Какабадзе</i>)	363
Обработка камня (<i>Э. Надирадзе</i>)	371
Обработка дерева	376
Заготовка, обработка и использование дерева в хозяйстве (<i>Г. Гаситашвили</i>)	376
Деревянная посуда (<i>М. Хазарадзе</i>)	380
Мебель (<i>Л. Бедукадзе</i>)	387
Гончарство (<i>М. Зандукели</i>)	392
Обработка шерсти и ковроткачество (<i>Н. Азикури</i>)	401
Художественное ткачество (<i>Н. Азикури</i>)	405
Шелководство (<i>Н. Абесадзе</i>)	414
Обработка хлопка (<i>Н. Азикури</i>)	420

Глава 6

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

Семейный быт (<i>В.Дж. Итонишвили</i>)	424
Система родства (<i>Н. Джавахадзе</i>)	430
Свадебная обрядность (<i>Л. Меликишвили, Т. Ивелашвили</i>)	435
Родильная обрядность и воспитание детей (<i>М. Бурдули, Л.Т. Соловьева</i>)	444
Похоронно-поминальная обрядность (<i>Д. Гиоргадзе</i>)	474
Мемориальная культура (<i>Э. Надирадзе</i>)	485

Глава 7

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Территориальная община (<i>В.Дж. Итонишвили</i>)	494
Социально-религиозные институты горцев Восточной Грузии (<i>Ж. Эриашвили</i>)	501
Институт аманатства в грузинской общине (<i>М. Канделаки</i>)	506

Обычное право (<i>Н. Джалабадзе</i>)	512
Мужской сход (<i>Г. Чиковани</i>)	521
Формы взаимопомощи (<i>Т. Геладзе</i>)	525
Гостеприимство (<i>Г. Гоциридзе</i>)	534
Традиционное застолье (<i>Г. Гоциридзе</i>)	537
Торговля и торговые взаимоотношения (<i>М. Кантария, Дж. Рухадзе</i>)	544

Глава 8

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Народные верования (<i>Т. Очаури, Н. Джалабадзе</i>)	554
Грузинская православная церковь (<i>З. Алексидзе</i>)	569
Христианские конфессии в Грузии (<i>Л. Мгебришвили, Л. Чанчaleyшвили</i>)	583
Ислам в Грузии (<i>Р. Барамидзе</i>)	587

Глава 9

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Традиционный праздничный календарь (<i>Н. Абакелия, К. Алавердашвили, Н. Гамбашидзе</i>)	600
Астральная символика в орнаменте (<i>И. Сургуладзе</i>)	615
Фольклор (<i>Н. Сулава</i>)	621
Народная музыка (<i>Н. Майсурадзе</i>)	625
Народные инструменты и инструментальная музыка (<i>М. Шилакадзе</i>)	631
Хореография (<i>Л. Чхеидзе</i>)	640
Традиционные виды спорта (<i>Н. Миндадзе</i>)	649
Народная медицина (<i>Н. Миндадзе</i>)	655
Традиции народной гигиены (<i>К. Сихарулидзе</i>)	663

Глава 10

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Литература (<i>Н. Сулава</i>)	671
Изобразительное искусство (<i>М. Цицишвили</i>)	678
Театр (<i>Т. Бокучава</i>)	684
Искусство кино (<i>Л. Дуларидзе</i>)	692

Глава 11

ГРУЗИНСКИЕ ДИАСПОРЫ

Грузины Турции (<i>Т. Путкарадзе, Р. Узунадзе</i>)	698
Ингилойцы (<i>Г. Гоциридзе</i>)	707
Грузины Ирана (<i>Г. Гоциридзе</i>)	710
Грузины России (<i>Л.Т. Соловьева</i>)	714
Грузинская эмиграция (<i>Р. Даушвили</i>)	723

ГЛОССАРИЙ (<i>Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили</i>)	733
---	-----

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ	755
---------------------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ (<i>Л.Ш. Меликишвили</i>)	756
---	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	801
----------------------------------	-----

СПИСОК АВТОРОВ	804
-----------------------------	-----

В 1992 г. основана серия «Народы и культуры», подготовка томов к печати начата в 1989 г. и продолжается по настоящее время. Ответственный редактор серии В.А. Тишков [1989–1997 гг. совм. с Ю.Б. Симченко; 1998–2012 гг. совм. с С.В. Чешко]. Ответственный секретарь серии Л.И. Миссонова.

Русские / отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 1997. – 828 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-010320-9 (в пер.). *Издание 2-е переработанное* / отв. ред. И.В. Власова, В.А. Тишков. – М. : Наука, 2014. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-039084-3 (в пер.).

Белорусы / отв. ред. В.К. Бондарчик, Р.А. Григорьева, М.Ф. Пилипенко ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы Национальной академии наук Беларуси. – М. : Наука, 1998. – 503 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-009492-7 (в пер.).

Украинцы / отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Пономарев ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины ; Международное научное братство украинских антропологов, этнографов и демографов. – М. : Наука, 2000. – 535 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-008669-X (в пер.).

Народы Поволжья и Приуралья : Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты / отв. ред. Н.Ф. Мокшин, Т.П. Федянович, Л.С. Христолюбова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН ; Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева при правительстве Республики Марий Эл ; Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева ; Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН. – М. : Наука, 2000. – 579 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-010191-5 (в пер.).

Татары / отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт истории Академии наук Татарстана. – М. : Наука, 2001. – 583 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-008724-6 (в пер.).

Народы Дагестана / отв. ред. С.А. Арутюнов, А.И. Османов, Г.А. Сергеева ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт истории, археологии и антропологии Дагестанского научного центра РАН. – М. : Наука, 2002. – 588 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-008808-0 (в пер.).

Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра. – М. : Наука, 2003. – 671 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-008715-7 (в пер.).

Тюркские народы Крыма : Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. С.Я. Козлов, Л.В. Чижова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт востоковедения им. А.Е. Крымского Крымского отделения Национальной академии наук Украины. – М. : Наука, 2003. – 459 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-008853-6 (в пер.).

Буряты / отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН. – М. : Наука, 2004. – 633 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-009856-6 (в пер.).

Народы Западной Сибири : Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты / отв. ред. И.Н. Гемусев, В.И. Молодин, З.П. Соколова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН. – М. : Наука, 2005. – 805 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-010297-0 (в пер.).

Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Томилов ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Омский государственный университет, Омский филиал Сибирского отделения РАН. – М. : Наука, 2006. – 678 с. – (Народы и культуры). – ISBN 5-02-033999-7 (в пер.).

Абхазы / отв. ред. Д.Ю. Анчабадзе, Ю.Г. Аргун ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа. – М. : Наука, 2007. *Издание 2-е исправленное.* – М. : Наука, 2012. – 547 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-0355-38-5 (в пер.).

Тюркские народы Восточной Сибири : Тувинцы. Тофалары. Долганы / отв. ред. Д.А. Функ, Н.А. Алексеев ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. – М. : Наука, 2008. – 422 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-035988-8 (в пер.).

Народы Северо-Востока Сибири : Чукчи. Кереки. Коряки (включая алыторцев). Ительмены. Юкагиры. Чуванцы. Алеуты. Эскимосы. Нивхи / отв. ред. Е.П. Батянова, В.А. Тураев ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН. – М. : Наука, 2010. – 773 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-036993-1 (в пер.).

Молдаване / отв. ред. М.Н. Губогло, В.В. Дергачев ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт культурного наследия Академии наук Молдовы. – М. : Наука, 2010. – 542 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-037574-1 (в пер.).

Калмыки / отв. ред. Э.П. Бакаева, Н.Л. Жуковская ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН. – М. : Наука, 2010. – 568 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-037573-4 (в пер.).

Гагаузы / отв. ред. М.Н. Губогло, Е.Н. Квилинкова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт культурного наследия Академии наук Молдовы. – М. : Наука, 2011. – 615 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-035986-4 (в пер.).

Узбеки / отв. ред. З.Х. Арифханова, С.Н. Абашин, Д.А. Алимова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт истории Академии наук Республики Узбекистан. – М. : Наука, 2011. – 688 с. (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-036991-7 (в пер.).

Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. – М. : Наука, 2012. – 648 с. (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-037563-5 (в пер.).

Якуты (Саха) / отв. ред. Н.А. Алексеев, Е.Н. Романова, З.П. Соколова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. – М. : Наука, 2012. (переиздан в 2013 г. с испр.) – 599 с. (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038014-1 (в пер.).

Осетины / отв. ред. З.Б. Цаллагова, Л.А. Чибиров ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и правительства Республики Северная Осетия-Алания. – М. : Наука, 2012. – 605 с. (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038026-4 (в пер.).

Чеченцы / отв. ред. Л.Т. Соловьева, В.А. Тишков, З.И. Хасбулатова ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН (г. Грозный). – М. : Наука, 2012. – 622 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038030-1 (в пер.).

Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ингушский государственный университет. – М. : Наука, 2013. – 509 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038042-4 (в пер.).

Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев ; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева. – М. : Наука, 2014. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038043-1 (в пер.).

Грузины / отв. ред. Л.К. Бериашвили, Л.Ш. Меликишвили, Л.Т. Соловьева ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Национальная академия наук Грузии ; Комиссия по истории, археологии и этнологии НАН Грузии. – М. : Наука, 2014. – 813 с. – (Народы и культуры). – ISBN 978-5-02-038059-2 (в пер.).

Научное издание

ГРУЗИНЫ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Редактор *И.В. Ключкина*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Р.В. Молоканова, Т.А. Печко,*
Е.Л. Сысоева, Т.И. Шеповалова

Иллюстрации воспроизведены в соответствии
с представленными архивными оригиналами

Подписано к печати 26.12.2014
Формат 70 × 100¹/₁₆. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 69,6. Усл.кр.-отг. 80,9. Уч.-изд.л. 70,0
Тираж 1160 экз. (РНФ – 300 экз.) Тип. зак.

Издательство «Наука»
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-038059-2

9 785020 380592